

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Bound

JUN 22 1900

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

14 May, 1900.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXIV. — ТОМЪ CCCLXXVI. — 1/12 МАРТА 1900.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 6-я линия,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1900

Slav 30.2

891 $\frac{78}{2}$

PSlav 176.25

Sever fund.

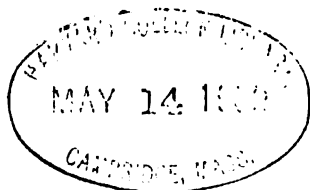
2896

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1900.

Стр.

I.—ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МИРА. — Культурно-историческій очеркъ. — Ф. Ф. Мартенс.	5
II.—ИЗЪ ЖИЗНИ БАЙРОНА. 1788—1812 гг. — Александра Веселовскаго.	29
III.—ЧЕРЮЮНЫЙ ХУТОРЪ. — Романъ. — I-XIII. — В. I. Дмитриевой.	75
IV.—КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ, въ ея прошломъ и настоящемъ. — С. П. Р-тъ.	154
V.—ПОБѢДИТЕЛЬ. — Древне-греческое преданіе. — Ян. Водуанъ-де-Куртенъ.	192
VI.—ПО ШВЕЦИИ. — Путевые очерки и замѣтки: I. Черезъ Финляндію. — II. Первая впечатлѣнія Стокгольма. — III. Монументы шведской славы. — IV. Дюргор- денъ и его соборъ. — V. Древности Скандинавіи. — Евгения Маркова.	209
VII.—ДАНИЛА. — "Philister über dich." — Rom. v. O. Ompteda. — X-XIX. — Окончаніе. — Съ нѣм. А. В-г.	264
VIII.—КОТЫГРЕВСКИЙ, въ исторической обстановкѣ. — Александры Ефименко.	320
IX.—ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ В. ГЮГО. — I. Обрубки жизни. — П. Пѣшкова. — II. Нурмаманъ. — Съ франц. Н. Федорова.	340
X.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Прѣдѣльность земскаго обложе- нія и предѣльность земскихъ расходовъ. — Обременительны ли земскіе сборы, и слѣдуетъ ли быстро растутъ земскіе сѣмты? — Право протеста противъ сѣмты и право ея утвержденія. — Освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ. — Рѣчи губернаторовъ при открытіи губернскихъ земскихъ го- брацій. — Полемика между Б. Н. Чичеринимъ и В. П. Герье.	348
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Особенности британскаго "либерализма". — Роль колоній во вѣдѣній политикѣ Англии. — Военныя событія въ южной Африкѣ. — Възвѣщеніе успѣха англійцевъ. — Русско-персидскій заемъ и его значеніе. — Отмѣны исключительныхъ законовъ въ Эльзасѣ.	360
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. О. Мил- лера, и р. П. Липуца. — Общественное право русскихъ вояковъ, Е. Якуш- кина. — А. П. — Русскія пародіи прижизненныя о погонѣ, К. Агрянскаго. — Со- чиненія С. В. Емелева по русской исторіи. — Т. — Оборона Севастополя, подков. Забичевскаго. — А. П. — Новые книги и брошюры.	373
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. P. Fischer, Italien und die Italiener am Schlusse d. XIX. Jahrh. — A. З-ковъ. — "The man with the hoe", by Markham. — "David Harum", by Ed. Westcott. — "The growth of Cities in the XIX century", by A. Weber. — II. Tueresoro.	392
XIV.—ПО ПОВОДУ ОДНОЙ "ЦВѢТУЩЕЙ СТАРОСТИ". — "Пѣсни Старости". Стихотворенія А. М. Жемчужникова. Сб. 1900. — К. К. Арсеньева.	405
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Международный конгрессъ въ Лондонѣ по вопросу о торговлѣ женщинами и "Россійское общество защиты жен- щины". — Нижегородская городская дума и извозчики. — Заключенный докладъ. — Юбилей А. М. Жемчужникова.	414
XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Совѣта Почетнаго Императрицы Маріи Алексан- дровны о слѣдахъ.	423
XVII.—ВИДЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ. — Ученіе о Логосѣ въ его исторіи, кн. Н. Трубецкого. — Книга взрослыхъ. Составл. при участіи Х. Д. Азучевской, второй годъ. — Новые рассказы А. В. Верещагина. — Изслѣдованіе по исторіи развитія римской императорской власти, Э. Гримма. — Исторія матеріа- лизма, Ф. А. Ланге, т. II.	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. — I-IV; I-XVI стр.	

ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ МИРА

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ¹⁾.

На мою долю выпала высокая и завидная честь сдѣлать предъ вами сообщеніе о гаагской конференціи мира, созванной по великодушному почину Государя Императора. Чѣмъ выше и завиднѣе эта честь, тѣмъ больше я чувствую трудность возложенной на меня задачи, но я позволяю себѣ разсчитывать на ваше снисхожденіе. Поставивъ мое сообщеніе подъ покровительство симпатичнѣйшаго общества, посвященнаго уходу за больными и бѣдными дѣтьми, т.-е. уходу за тѣми малыми существами, о которыхъ Спаситель сказалъ: „яко ихъ есть царствіе небесное“,—я имѣю даже нѣкоторое право разсчитывать на ваше снисхожденіе и благосклонное вниманіе.

Обращаясь къ изложенію судьбы и значенія гаагской конференціи мира, я, прежде всего, считаю нужнымъ предупредить васъ, что я не буду утруждать ваше вниманіе подробнымъ критическимъ анализомъ всѣхъ трудовъ и рѣшеній, принятыхъ на этой конференціи. Моя задача будетъ гораздо проще: я постараюсь изложить предъ вами очеркъ этого международнаго собранія съ точки зрѣнія историко-культурной. Я буду счастливъ,

По приглашенію „Общества попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ“, находясь подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Елизаветы Фаврскіеви, авторъ сдѣлалъ сообщеніе о гаагской конференціи мира въ истекшаго года, которое, вслѣдствіе заявленнаго ему желанія, и постарался оживить въ настоящемъ видѣ.

если мнѣ удастся въ теченіе недолгаго времени, находящагося въ моемъ распоряженіи, выяснить то значеніе, которое гаагская конференція мира должна имѣть, какъ культурный фактъ, въ исторіи цивилизованныхъ народовъ конца XIX-го вѣка.

I.

Циркуляромъ 12-го августа 1898 года русское правительство обратилось къ представителямъ всѣхъ европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ государствъ, аккредитованныхъ въ Петербургѣ, съ предложеніемъ заняться обсужденіемъ вопроса, которымъ давнымъ-давно занимаются лучшие умы цивилизованнаго міра. Вопросъ заключается въ томъ: можно ли отыскать средства для предупрежденія вооруженныхъ столкновеній между народами и для облегченія того бремени, которое на нихъ лежитъ, благодаря постоянному возростанію военныхъ бюджетовъ? Вопросъ этотъ, какъ я сказалъ, уже давнымъ-давно занимаетъ умы и филантроповъ, и философовъ, и государственныхъ дѣятелей, но никогда еще этотъ вопросъ не былъ поставленъ съ высоты престола могущественнаго Монарха. Въ этомъ заключается новость постановки этого вопроса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, залогъ для правильнаго его разрѣшенія въ будущемъ.

Наше правительство, въ августовскомъ своемъ циркулярѣ, выразило ту мысль, что „сохраненіе мира постоянно было цѣлью международной политики. Во имя мира великія державы сплотились въ великіе союзы; для лучшаго огражденія мира увеличили они до небывалыхъ доселѣ размѣровъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни передъ какими жертвами. Но, по мѣрѣ развитія этихъ средствъ охраненія и защиты національной чести, бремя финансовое, останавливающее развитіе промышленныхъ силъ народовъ, все болѣе и болѣе увеличивается“. Поэтому, по миѣнію нашего правительства, долгъ цивилизованныхъ государствъ не увеличивать только свои военныя силы до крайнихъ предѣловъ, но и отыскивать средства, которыя могли бы предупредить необходимость примѣненія этихъ силъ въ случаяхъ международныхъ столкновеній, и улаживать, съ этой цѣлью, мирнымъ путемъ, международные конфликты, которые могутъ возникнуть.

Такимъ образомъ были намѣчены двѣ главныя цѣли: съ одной стороны, „путемъ взаимнаго и миролюбиваго обсужденія международныхъ споровъ и условій ограниченія вооруженій преду-

предить войну, а съ другой—посредствомъ обмѣна мыслей выяснить тѣ условія, при которыхъ возникшая война могла бы быть поставлена въ самыя узкія рамки съ точки зрѣнія гуманности и общей пользы народовъ.

Циркуляръ нашего правительства вызвалъ самыя разнообразныя мнѣнія, что совершенно понятно въ виду трудности поставленныхъ имъ задачъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы даже этотъ циркуляръ не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій, еслибы онъ даже не вызвалъ собранія международной конференціи, все-таки онъ поставилъ бы ребромъ жизненные вопросы правительствамъ и заставилъ бы ихъ призадуматься надъ ихъ разрѣшеніемъ.

Въ декабрѣ 1898 года, Россія подробно развила свою мысль въ новомъ дипломатическомъ актѣ, въ которомъ были изложены восемь пунктовъ, долженствовавшихъ подвергнуться обсужденію на предстоящей международной конференціи.

Наконецъ, въ началѣ 1899 года выяснилось, что мѣстомъ собранія этой конференціи будетъ столица Голландіи Гаага, и всѣ правительства, которыя получили приглашенія, охотно и безъ отговорокъ приняли ихъ и обѣщали прислать своихъ представителей.

Избраніе Гааги мѣстомъ собранія международной конференціи многихъ озадачило. До объявленія этого избранія были предложены различные города: Брюссель, Бернъ, Копенгагенъ и другіе, какъ вѣроятные центры для обсужденія поставленныхъ вопросовъ. Но, по моему личному мнѣнію, избраніе Гааги представляется во всѣхъ отношеніяхъ удачнымъ. Удачность этого выбора оправдывается, съ одной стороны, самой исторіей Голландіи, а съ другой—тѣми отношеніями, которыя издавна существуютъ между Россіей и Голландіей, отъ имени которыхъ были разосланы приглашенія на международную конференцію.

Если есть въ Европѣ государство, исторія котораго представляется наиболѣе блестящей иллюстраціей девиза „l'union fait la force“, то такимъ государствомъ представляется именно Голландія. Съ того времени, когда Голландія объявила войну противъ короля Филиппа II, когда голландскій народъ сталъ приносить громадныя жертвы для освобожденія изъ-подъ испанскаго ига, Голландія представляетъ именно государство, которое признаетъ необходимость соединенными силами разрѣшать поставленные ему жизнью задачи. Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ области международныхъ отношеній, то здѣсь соединеніе разрозненныхъ силъ всегда служило рычагомъ для разрѣшенія са-

мыхъ трудныхъ міровыхъ международныхъ задачъ. Всегда мы видимъ, что только общими соединенными силами государства могутъ совершать такіе подвиги, какъ сооруженіе Суэзскаго канала, какъ учрежденіе почтово-телеграфнаго мірового союза, какъ эксплуатація желѣзнодорожныхъ путей всего континента, какъ сплоченіе государствъ въ одно громадное общество взаимнаго страхованія противъ проявленій преступной воли и враговъ государственнаго порядка. Всѣ эти великія блага, которыми мы пользуемся, являются результатами примѣненія того принципа, что соединеніе силъ есть залогъ всякаго прогрессивнаго развитія. Голландскій народъ въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ для всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ, и потому собраніе въ его средѣ международной конференціи мира выразило ту истину, что къ миру должно стремиться соединенными общими силами.

Впрочемъ, есть еще другая причина, которая оправдываетъ избраніе Гааги. Въ области науки международного права Голландія опять-таки занимаетъ совершенно особое выдающееся мѣсто. Справедливо считаютъ „отцомъ науки международного права“ знаменитаго голландскаго писателя Гуго Гроція, который въ 1625 году издалъ свое знаменитое сочиненіе „О правѣ войны и мира“. Въ самый разгаръ тридцатилѣтней войны появился этотъ монументальный трудъ голландскаго ученаго, который обратился къ совѣсти и къ уму всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей и полководцевъ съ вопросомъ: неужели во время международной войны нѣтъ никакихъ законовъ, никакихъ предписаній морали и нравственности, которые ограничиваютъ проявленіе дикой силы и охраняютъ права и интересы безоружныхъ обывателей и несчастныхъ жертвъ войны? Гуго Гроцій старался выяснить, что существуютъ не только во время мира, но и во время войны, божескіе и человѣческіе законы, предъ авторитетомъ которыхъ должны преклоняться самые великіе полководцы и самые великіе государственные дѣятели. И любопытно, что этотъ трудъ простого ученаго возымѣлъ огромное дѣйствіе на практическую государственную и международную жизнь. Для изученія этого труда основывались каѳедры въ германскихъ и другихъ университетахъ, и Гуго Гроцій сдѣлался пророкомъ совершенно новыхъ истинъ въ области культурной жизни народовъ. Великій герой тридцатилѣтней войны, шведскій король Густавъ-Адольфъ, постоянно имѣлъ въ своей походной палаткѣ два сочиненія: Библію и сочиненіе Гуго Гроція. Въ обоихъ этихъ источникахъ мудрости и человѣколюбія онъ почерпалъ

тѣ гуманныя распоряженія, которыми онъ ограничивалъ дѣйствія своихъ войскъ въ занятыхъ ими германскихъ земляхъ. Такимъ образомъ, великій голландскій ученый впервые указалъ на тотъ путь, по которому должны идти народы для охраненія своихъ интересовъ, какъ во время мира, такъ и во время войны.

Наконецъ, есть еще одно обстоятельство, которое дѣлаетъ въ особенности для насъ, русскихъ, выборъ Гааги мѣстомъ собранія конференціи особенно симпатичнымъ. Каждому извѣстны тѣ близкія, дружескія отношенія, которыя всегда существовали между Россіей и Голландіей. Мы помнимъ, какое мѣсто занимаетъ Голландія, голландская наука, голландская техника и кораблестроеніе въ жизни нашего великаго Преобразователя, который самъ учился у голландскихъ мастеровъ для постройки своего флота.

Вотъ тѣ соображенія, которыя вполне оправдываютъ избраніе именно Гааги мѣстомъ для международной конференціи мира, созванной по почину русскаго Государи.

Голландское правительство съ благодарностью приняло ту честь, которая была ему предложена, и, по взаимному соглашенію между нашимъ и голландскимъ правительствомъ, 6-го (18-го) мая, должны были открыться въ Гаагѣ засѣданія конференціи мира.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ и изложенію трудовъ этой конференціи, я считаю совершенно необходимымъ указать, въ немногихъ словахъ, на ту совершенно исключительную обстановку, при которой происходили совѣщанія гаагской мирной конференціи. Если въ жизни великаго государственнаго дѣятеля и писателя обстановка, среди которой онъ живетъ, налагаетъ извѣстную печать на его индивидуальность и ходъ его развитія, то мнѣ думается, что и обстановка международной конференціи или конгресса имѣетъ немаловажное значеніе для успѣшнаго разрѣшенія поставленныхъ имъ задачъ. Съ этой точки зрѣнія описаніе виѣшной обстановки гаагской конференціи имѣетъ несомнѣнно общекультурный и историческій интересъ.

Голландское правительство предоставило въ распоряженіе конференціи маленький замокъ, который голландцы считают своимъ „лучшимъ историческимъ памятникомъ“. Называется этотъ замокъ: „Huis ten Bosch“. Выстроенъ былъ этотъ маленький дворецъ въ серединѣ XVII вѣка принцессою Амаліей, въ память ея покойнаго мужа Фридриха-Генриха. Лучшихъ архитекторовъ и лучшихъ художниковъ тогдашняго времени принцесса пригласила быть ея сотрудниками, и такимъ образомъ былъ созданъ общими трудами, по идеѣ принцессы Амалии, дво-

рець, который заслуживаетъ, съ точки зрѣнія исторической и художественной, глубокаго вниманія. Этотъ дворець находится въ самомъ концѣ прелестнаго парка—Бошъ (Bosch), который тянется на сѣверо-западъ города Гааги. Дворецъ представляетъ собою небольшое зданіе съ нѣсколькими службами, прелестнѣйшимъ цвѣтникомъ, садомъ-паркомъ, и совершенно уединенъ отъ города. Когда я, въ первый разъ, перешелъ мостикъ, ведущій къ дворцу, находящемуся на островкѣ, и сталъ осматривать всю внутреннюю его обстановку, то невольно явились у меня мысли и впечатлѣнія, которыми позвольте мнѣ съ вами подѣлиться. Весь дворець меблированъ по самымъ разнообразнымъ стилямъ: тутъ имѣются комнаты во вкусѣ „Empire“, Louis XV, и, несмотря на подобное разнообразіе стилей внутренняго устройства, все-таки, удивительное единство чувствуется и выражается во всей этой обстановкѣ и во всемъ зданіи. Какъ это объяснить? Мнѣ кажется, что та единая идея любви, которая соорудила этотъ историческій памятникъ, наложила печать единства и гармоніи на всю его внутреннюю обстановку. Далѣе, съ террасы этого дворца открывается прелестный видъ черезъ цвѣтникъ: черезъ просѣку виденъ восхитительный голландскій ландшафтъ, напоминающій многія картины Рейсдала. И странно,—по мѣрѣ того, какъ занятія мирной конференціи приближались къ счастливому концу, по мѣрѣ того, какъ члены конференціи проникались сознаниемъ долга оправдывать возложенныя народами на нихъ надежды,—мнѣ казалось, что просѣка у дворца раздвигалась, и ландшафтъ становился еще очаровательнѣе.

Этого мало: мнѣ также думалось, что если разнообразіе стилей въ убранствѣ этого дворца слилось въ гармоническое цѣлое подъ дѣйствіемъ единой идеи любви, то не могутъ ли также разнородныя инструкціи, противоположныя стремленія и національныя задачи, съ которыми явились представители 26-ти государствъ на международную конференцію въ „Huis ten Bosch“, быть также слиты въ одно гармоническое единство подъ дѣйствіемъ одной общей животворящей идеи мира и согласія? И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ представители этихъ государствъ знакомились другъ съ другомъ, по мѣрѣ того, какъ они убѣдились въ единствѣ одной и той же идеи, которая должна одушевлять ихъ всѣхъ, по мѣрѣ того таяли чувства ихъ первоначальной подозрительности, какъ таетъ снѣгъ подъ теплыми лучами весенняго солнца, и по мѣрѣ того единое стремленіе къ окончательной цѣли ихъ общей дѣятельности обнаруживалось съ неудержимою силою.

Словомъ сказать, въ этомъ дворцѣ, созданномъ во имя любви, находили себѣ пріютъ и убѣжище идеи мира и согласія, возвышенныя съ высоты престола могущественнѣйшаго Монарха въ мірѣ.

Перехожу теперь къ описанію залы засѣданій мирной конференціи.

Для общихъ засѣданій всѣхъ членовъ конференціи была приготовлена одна центральная зала, заслуживающая, съ точки зрѣнія искусства, исключительнаго вниманія: стѣны этой осьмиугольной залы разрисованы Иордансомъ, ученикомъ Рубенса, въ строго голландскомъ вкусѣ середины XVII вѣка. Надъ входными дверями этой залы имѣется чудная картина, посвященная прославленію идеи мира: воинъ, сидящій на конѣ, кладетъ въ ножны свой мечъ и торжественно закрываетъ двери храма Януса. Въ этой залѣ происходили, какъ я сказалъ уже, общія засѣданія всѣхъ членовъ конференціи, число которыхъ доходило до 110.

Если взглянуть на это собраніе представителей 26-ти государствъ Европы, Америки и Азии, то, съ точки зрѣнія дипломатической исторіи, подобное собраніе должно было вызвать крайнее изумленіе. Ни самый распорядокъ размѣщенія представителей государствъ, ни порядокъ обсужденія вопросовъ, установленный въ теченіе вѣковъ для дипломатическихъ собраній, не соблюдались на мирной конференціи въ Гаагѣ. Во всѣхъ международныхъ конференціяхъ и конгрессахъ, бывшихъ до настоящаго времени, дипломаты, члены конгресса, сидѣли за овальными или круглыми столами; они нехотя, сквозь зубы, говорили свои рѣчи, причемъ каждый изъ нихъ, вынужденный сказать слово, старался говорить въ томъ смыслѣ, чтобы во всякое время можно было отказаться отъ своихъ словъ и дать имъ новое толкованіе. Далѣе, всѣ представители государствъ размѣщались въ порядкѣ французскаго алфавита, и по правой сторонѣ отъ предсѣдателя всегда сидѣлъ представитель державы, имѣющей исключительное счастье называться буквою А. Рѣшенія, которыя принимались, были обыкновенно результатомъ продолжительныхъ закулисныхъ переговоровъ, которые только объявлялись въ общихъ собраніяхъ конгресса или конференціи.

Ничего подобнаго не было на гаагской конференціи мира. Въ серединѣ залы „Huis ten Bosch“ сидѣли представители государствъ не за общимъ круглымъ столомъ, но за маленькими отдѣльными столиками и на маленькихъ скамьяхъ. Порядокъ французскаго алфавита оказался мало примѣнимымъ для размѣщенія членовъ конференціи. Члены конференціи не только гово-

рили рѣчи, иногда весьма краснорѣчивыя, но они вызывали этими своими рѣчами даже рукоплесканія и чуть ли не оваціи! Смію думать, что еслибы князь Кауницъ, Меттернихъ, Тальеранъ и даже самъ Бисмаркъ, вошли среди этихъ рѣчей и покрывавшихъ ихъ рукоплесканій въ залу гаагской конференціи, они навѣрное были бы поражены ужасомъ и немедленно просили бы Харона отвезти ихъ обратно въ міръ вѣчныхъ тѣней...

Размѣщеніе представителей 26-ти государствъ въ этой залѣ вызываетъ еще другое замѣчаніе. Если эту международную конференцію принято называть въ настоящее время „парламентомъ мира“, то я долженъ сказать, что этотъ парламентъ мира существенно отличался отъ всякихъ парламентовъ цивилизованнаго міра. Въ „парламентѣ мира“ въ Гаагѣ представители государствъ были размѣщены не на основаніи тѣхъ политическихъ убѣжденій, которыя опредѣляютъ ихъ мѣста дома, въ своихъ собственныхъ палатахъ, но были размѣщены на основаніи того порядка, который былъ вызванъ условіями мѣста ихъ собранія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что во всѣхъ парламентахъ на право отъ предсѣдателя сидятъ представители консервативнаго начала; нѣтъ сидитъ оппозиція и ея представители. На гаагской конференціи мира мы видимъ, что на право отъ предсѣдателя, въ самомъ верху, находятся представители французской делегаціи, во главѣ которой былъ Леонъ Буржуа, одинъ изъ самыхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей современной Франціи. Буржуа, по всѣмъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, есть представитель французскаго радикализма, и онъ считается его вождемъ. Но на гаагской конференціи онъ былъ, по занимаемому имъ мѣсту, представителемъ самаго исключительнаго и крайняго консерватизма! Съ другой стороны, нѣтъ отъ предсѣдателя находились представители Великобританіи, во главѣ съ сэромъ Джуліеномъ Паунсфутомъ. Едва ли я ошибусь, предполагая, что сэръ Дж. Паунсфутъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, скорѣе является представителемъ англійскаго консерватизма, а не англійскаго радикализма и оппозиціи. Но на гаагской конференціи онъ составлялъ самую крайнюю лѣвую! Этого мало: предъ нимъ, на крайней лѣвой, сидѣлъ представитель Китая, т.-е., того государства, которое по всѣмъ своимъ традиціямъ и своему *gaison d'être* есть воплощеніе консерватизма и застоя.

Подобная перетасовка представителей государствъ на Гаагскомъ парламентѣ мира навела меня невольнымъ образомъ на слѣдующую мысль: государственный дѣятель дома, въ своихъ

внутреннихъ дѣлахъ, можетъ быть радикаломъ или консерваторомъ; въ области же международныхъ отношеній онъ является исключительно представителемъ интересовъ одного своего государства и того высшаго блага, къ которому его народъ стремится.

Позвольте мнѣ кончить эту характеристику внѣшней обстановки мирной конференціи въ Гаагѣ открытымъ выраженіемъ того общаго впечатлѣнія, съ которымъ я ушелъ изъ дворца 6-го (18-го) мая, послѣ торжественнаго открытія засѣданій конференціи: мнѣ казалось, что въ чудной залѣ засѣданій стоитъ не всѣмъ видимый алтарь, посвященный—„Невѣдомому Богу“. Конецъ и результаты трудовъ „парламента мира“ должны были доказать—кто этотъ „Невѣдомый Богъ“, которому посвященъ этотъ алтарь.

II.

Обращаюсь теперь къ изложенію организаціи мирной конференціи и главныхъ трудовъ ея.

Предсѣдателемъ конференціи былъ избранъ, по общему желанію, первый представитель Россіи, нашъ маститый посолъ въ Лондонѣ—Г. Г. Стааль. По его предложенію, конференція раздѣлилась на три коммиссіи, и членамъ конференціи было предоставлено право принимать участіе въ той или другой изъ этихъ коммиссій по желанію. Первая коммиссія имѣла своимъ предметомъ изученіе тѣхъ техническихъ военно-морскихъ вопросовъ, которые были предложены въ декабрьскомъ циркулярѣ нашего правительства на обсужденіе гаагской конференціи. Предсѣдателемъ первой коммиссіи былъ избранъ бельгійскій первый уполномоченный Бернадтъ, человекъ особенно выдающихся государственныхъ способностей. Вторая коммиссія имѣла своимъ предметомъ пересмотръ брюссельской деклараціи 1874 года относительно обычаевъ и законовъ сухопутной войны. Эта коммиссія была раздѣлена на двѣ субкоммиссіи: первая занималась изученіемъ брюссельской деклараціи, а вторая—разсмотрѣніемъ вопроса о распространеніи Краснаго-Креста на морскія военныя дѣйствія. Предсѣдателемъ второй коммиссіи былъ избранъ я, а предсѣдателемъ субкоммиссіи относительно морского Краснаго-Креста—извѣстный голландскій юристъ Ассеръ. Наконецъ, третья коммиссія имѣла своимъ предметомъ изученіе вопроса о посредничествѣ и международномъ арбитражѣ, какъ способѣ наиболѣе цѣлесообразномъ для миролюбиваго разрѣшенія международныхъ

конфликтовъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ избранъ первый французскій уполномоченный Леонъ Буржуа. Весь трудъ этой комиссіи былъ совершенъ особымъ комитетомъ изъ нѣсколькихъ членовъ подъ предсѣдательствомъ того же Буржуа и его замѣстителя—бельгійскаго сенатора Декена. Въ этихъ комиссіяхъ сосредоточивались главнымъ образомъ труды всей конференціи, потому что рѣшенія, принятыя этими комиссіями, обыкновенно одобрялись общими собраніями всей конференціи.

Нельзя не замѣтить, что, несмотря на старанія и добросовѣстные труды этихъ комиссій, все-таки публика и газеты относились очень нетерпѣливо къ гаагской конференціи и требовали скорѣйшаго разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ, совершенно забывая всю ихъ сложность и даже опасность того.

Мнѣ кажется, что если по отношенію къ вѣнскому конгрессу 1815 года совершенно справедливъ былъ упрекъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только танцевалъ, но не двигался впередъ („Le congrès dansait, mais ne marchait pas“), то подобный упрекъ былъ бы совершенно несправедливъ относительно гаагской конференціи. Въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ гаагская конференція составила шесть актовъ, составляющихъ болѣе 130 статей, и эти акты касались самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ.

Переходя теперь къ изложенію постановленій гаагской конференціи, выработанныхъ этими тремя комиссіями, я не буду утруждать вашего вниманія критическимъ анализомъ всѣхъ ея постановленій. Я ограничусь указаніемъ только на тѣ рѣшенія, которыя имѣютъ, такъ сказать, общечеловѣческое значеніе и могутъ интересовать всякаго.

Обращаясь прежде всего къ первой комиссіи, которая занималась вопросами военно-морского дѣла, я замѣчу, что эта комиссія не разрѣшила вопроса о разоруженіи въ томъ смыслѣ, какъ желали многіе филантропы всего міра. Послѣ подробнаго обсужденія всѣхъ доводовъ за и противъ сокращенія военныхъ расходовъ, конференція пришла къ тому убѣжденію, что этотъ вопросъ настолько серьезенъ и такъ мало разработанъ, что благоразуміе требуетъ отложить его разрѣшеніе до другого раза. Это постановленіе, принятое по предложенію французскаго делегата Леона Буржуа, возлагаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, нравственный долгъ на правительства заняться этимъ вопросомъ въ будущемъ, съ точки зрѣнія своихъ законовъ и практическихъ интересовъ. Но затѣмъ первая комиссія согласилась подписать три деклараціи: одна запрещаетъ бросать съ воз-

душныхъ шаровъ снаряды и взрывчатые вещества; другая — запрещаетъ употреблять снаряды, имѣющіе единственною цѣлью распространеніе ядовитыхъ, разрушительно дѣйствующихъ на здоровье газовъ. Наконецъ, третья—запрещаетъ употреблять пули, которыя легко расширяются или расплющиваются въ человѣческомъ тѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти деклараціи, имѣющія исключительно военно-техническій характеръ, далеко не удовлетворяютъ всѣ законныя желанія, которыя были выражены,—но нельзя не вспомнить, что даже эти вопросы, разрѣшенные гаагской конференціей, до сихъ поръ были спорными, и правительства не въ состояніи были придти относительно ихъ къ какому-нибудь соглашенію.

Обращаюсь теперь къ изложенію трудовъ второй комиссіи. Вторая комиссія имѣла, прежде всего, задачею пересмотръ брюссельской деклараціи 1874 года, относительно законовъ и обычаевъ войны. Для того, чтобы понять задачи этой комиссіи, необходимо сказать нѣсколько словъ относительно происхожденія этой брюссельской деклараціи 1874 года. Честь почина составленія этого международнаго акта принадлежитъ всецѣло Россіи. Когда въ 1870—71 годахъ происходила ожесточенная война между Франціей и Германіей, обѣ воюющія державы никакъ не могли согласиться относительно многихъ военныхъ обычаевъ, которые касаются военнопленныхъ, добровольцевъ, мирнаго населенія непріятельской страны, частныхъ имуществъ, лѣсовъ; государственныхъ земель и т. д., которыя захватываются непріателемъ. Вслѣдствіе постоянныхъ споровъ, которые неизбѣжнымъ образомъ возникали между двумя воюющими народами, стоящими на высшей ступени культуры и цивилизаціи, были принимаемы во время этой войны жестокія мѣры и репрессаліи, которыя всегда отзывались на судьбѣ и жизни лицъ ни въ чемъ не повинныхъ. Въ виду такого печальнаго опыта, вызваннаго, прежде всего, полною неопредѣленностью дѣйствительно обязательныхъ законовъ войны, совершенно естественно возникла, послѣ 1871 года, мысль: нельзя ли въ мирное время, когда страсти и зѣвскіе инстинкты народовъ улеглись, согласиться относительно тѣхъ правилъ законовъ войны, которые *должны* быть соблюдаемы войсками воюющихъ цивилизованныхъ народовъ? Эта мысль въ 1873 году занимала Царя-Освободителя, о которомъ можно сказать словами великаго римскаго философа, что „ничто человѣческое не было чуждо его сердцу“.

Стоило только представить императору Александру II всѣ ужасы, бывшіе во время этой войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать

на средства уменьшенія совершившихся бѣдствій, для того, чтобы онъ немедленно проникся этой мыслью и взялъ на себя починъ удовлетворительнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса. По его приказанію былъ составленъ проектъ международной конвенціи, въ которой были опредѣлены всѣ главнѣйшіе законы и правила сухопутной войны. Этотъ проектъ былъ затѣмъ внимательно изучаемъ комиссіей, состоявшей подъ просвѣщеннымъ предсѣдательствомъ тогдашняго военнаго министра, Д. А. Милютина, и въ апрѣлѣ 1874 года наше правительство обратилось съ циркуляромъ ко всѣмъ главнѣйшимъ европейскимъ державамъ, которымъ былъ сообщенъ проектъ международной конвенціи относительно законовъ и обычаевъ сухопутной войны. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Россія предложила назначить делегатовъ на конференцію въ Брюссель, для обсужденія этого проекта. Засѣданія брюссельской конференціи происходили подъ предсѣдательствомъ перваго русскаго уполномоченнаго — барона Жюмини. Вторымъ делегатомъ былъ нашъ извѣстный ученый стратегъ Г. А. Лееръ, а третьимъ былъ я.

Переносясь мысленно за 25 лѣтъ назадъ и сравнивая засѣданія брюссельской конференціи съ засѣданіями и результатами трудовъ гаагской конференціи мира, я невольно поражаюсь огромною разницею, существовавшею во всемъ между этими двумя международными собраніями. Въ Брюссель были представители 13-ти европейскихъ державъ; въ Гаагѣ — представители 26-ти европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ государствъ. Брюссельская конференція, какъ извѣстно, окончилась полной неудачей. Русскій проектъ международной конвенціи былъ рассмотрѣнъ подробно и основательно, но никто изъ представителей европейскихъ державъ не согласился подписать составленную декларацию, въ виду полнаго разлада, который обнаружился во время преній между представителями участвовавшихъ въ конференціи государствъ.

Открывая 25-го мая засѣданія второй комиссіи и видя предъ собою герцога Тетуанскаго, извѣстнаго маститаго испанскаго государственнаго мужа, бывшаго со мною также въ Брюсселѣ въ 1874 году, я не могъ не вспомнить неудачный исходъ брюссельской конференціи, и серьезно боялся за результатъ совѣщаній гаагскаго собранія. Плачевный исходъ брюссельской международной конференціи объясняется многими причинами. Главная причина, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ явной враждебности, съ которой относилась къ этому дѣлу Великобританія. Англійское правительство сначала совершенно отказалось

прислать своего уполномоченнаго, затѣмъ изъявило согласіе подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вопросы о морской войнѣ были абсолютно исключены изъ программы конференціи. Представителемъ Англіи на конференцію явился почтенный англійскій генераль Горсфордъ, который имѣлъ отъ своего правительства одну единственную инструкцію, заключающуюся въ томъ, чтобы во время всѣхъ преній, по возможности, не произносить ни единого слова. Представитель Англіи самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнилъ это порученіе: во время шести недѣль, когда происходили совѣщанія конференціи, онъ не принималъ никакого активнаго участія въ преніяхъ, и только когда члены конференціи, по окончаніи преній, переходили изъ залы совѣщанія въ другія залы, гдѣ былъ открытый буфетъ, языкъ его какъ бы развязывался, и онъ начиналъ говорить. Тогда только оказалось, что лично очень симпатичный англійскій генераль (нынѣ умершій) рѣдко хорошо говорилъ по-французски.

Такия враждебныя отношенія со стороны Англіи имѣли самое пагубное дѣйствіе на другія государства, представленныя на конференціи. Англійскому вліянію особенно поддались представители мелкихъ государствъ, которыя составляли энергичную и ожесточенную оппозицію при разсмотрѣніи русскаго проекта. Словомъ сказать, великодушная мысль императора Александра II не только не была понята на брусельской конференціи, но была преднамѣренно искажена со стороны представителей нѣкоторыхъ державъ.

Наконецъ, надо еще прибавить, что весьма искусно былъ распространенъ слухъ, что русскій проектъ, собственно говоря, былъ составленъ въ Берлинѣ княземъ Бисмаркомъ; а такъ какъ князь Бисмаркъ въ это время игралъ роль всеевропейскаго пугала, то стоило только распространить эту сказку, чтобы вызвать опасенія и подозрѣнія, которыя не имѣли ни малѣйшаго основанія.

Совершенно иная была обстановка, при которой тотъ же самый проектъ въ измѣненномъ видѣ обсуждался на гаагской конференціи мира. Тутъ мы видимъ представителей 26-ти государствъ, которыя всѣ охотно и добросовѣстно участвуютъ въ изученіи тѣхъ 60 статей, которыя были составлены брусельской конференціей. Мы видимъ, что представители Великобританіи не только сидятъ, но и произносятъ рѣчи и принимаютъ участіе въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ. Наконецъ, нельзя не сказать, что по мѣрѣ развитія преній, по мѣрѣ того, какъ представители различныхъ государствъ знакомятся другъ съ дру-

гомъ, все болѣе и болѣе выступало общее желаніе придти къ благополучному концу и установить полное соглашеніе относительно всѣхъ поставленныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, состоялся проектъ новой международной конвенціи, которая должна имѣть, послѣ ратификаціи, обязательную силу для всѣхъ государствъ, ее подписавшихъ, и всѣ эти государства обязались давать своимъ войскамъ инструкціи, согласныя съ этимъ международнымъ актомъ. Эта конвенція (60 статей) касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ права войны. Весьма разнообразные и противорѣчивыя были высказаны мнѣнія относительно тѣхъ или другихъ специальныхъ вопросовъ; неоднократно патриотизмъ затемнялъ глаза и заставлялъ требовать невозможнаго отъ представителей воюющихъ государствъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, но, въ концѣ концовъ, установилось полное единогласіе, которое подтвердилось подписаніемъ этой конвенціи почти всѣми государствами, за исключеніемъ только трехъ: Китая, Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Послѣдніе удовлетворяются своими собственными полевыми инструкціями, составленными въ 1863 году. Гагская конвенція относительно обычаевъ и законовъ войны касается и положенія военнопленныхъ, положенія мирныхъ обывателей занятой непріятелемъ страны, вопроса о добровольцахъ, поголовномъ возстаніи, бомбардированіи городовъ, неприкосновенности непріятельской частной собственности и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой конвенціи имѣются пробѣлы, не все предвидѣно. Между прочимъ, не предвидѣнъ случай, что военнопленные могутъ играть въ „foot ball“ и „cricket“, какъ это дѣлается англійскими военнопленными въ Преторіи. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ главнѣйшіе вопросы войны, въ настоящее время, не только разрѣшаются теоретическими трактатами и поясненіями писателей международного права, но обязательнымъ международнымъ актомъ. Такимъ образомъ, былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ челоуѣколюбія и закона, поставленный Россією въ 1874 году и оставшійся безъ движенія до 1899 года.

Другой предметъ изученія этой второй комиссіи касался распространенія постановленій женевской конвенціи 1864 года на морскую войну. Смѣю думать, что и въ этомъ вопросѣ гагская конференція сослужила службу дѣлу челоуѣколюбія въ полной мѣрѣ. Каждый понимаетъ то огромное благотворное значеніе, которое Красный-Крестъ и его Общества имѣютъ во время международныхъ войнъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла представляется совершенно непонятнымъ, почему раненые и больные

въ сухопутныхъ войнахъ должны пользоваться всѣми благами Краснаго-Креста, а раненые и больные во время морскихъ войнъ—никакимъ покровительствомъ со стороны Краснаго-Креста не пользуются. Понятно, что съ самаго возникновенія Краснаго-Креста вопросъ былъ поставленъ о распространеніи его дѣйствій во время морскихъ войнъ, но всѣ эти попытки оставались безуспѣшными въ виду явнаго недоразумѣнія, существовавшего въ этомъ вопросѣ между главными морскими державами. Уже въ 1868 году, на парижской конференціи, относительно Краснаго-Креста были составлены такъ-называемыя „дополнительныя статьи“, которыя должны были распространить дѣйствія Краснаго-Креста и на морскія войны. Но несмотря на всѣ старанія различныхъ правительствъ, на всѣ постановленія различныхъ конференцій Обществъ Краснаго-Креста, требовавшихъ приведенія въ дѣйствіе этихъ дополнительныхъ статей, всѣ эти старанія оставались тщетными до гаагской конференціи мира. Гаагской конференціи удалось въ теченіе недолгаго времени добиться полнаго согласія между представителями морскихъ и сухопутныхъ государствъ, и дополнительные статьи женеvской конвенціи были приняты единогласно всѣми государствами, представленными на конференціи. Въ силу этой конвенціи, распространяющей Красный-Крестъ на морскія войны и подписанной на гаагской конференціи, всѣ государства обязались признавать во время морскихъ военныхъ дѣйствій неприкосновенность раненыхъ и больныхъ, охранять и признавать неприкосновенными суда госпитальныя, окрашенные въ бѣлый цвѣтъ съ горизонтальной зеленой каймой. Этого мало: не только военныя госпитальныя суда, но также и суда обществъ Краснаго-Креста или частныхъ лицъ, если они предназначены для ухода за ранеными и больными воинами, должны пользоваться также неприкосновенностью и покровительствомъ. Такимъ образомъ, была разрѣшена задача, о которой происходили дипломатическіе переговоры въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ и совершенно безуспѣшнымъ образомъ.

Остается сказать о третьей комиссіи, труды которой должны были обратитъ на себя исключительное вниманіе. Третья комиссія приступила къ разрѣшенію поставленныхъ ей задачъ на основаніи проекта, представленнаго отъ имени русскаго правительства. Въ 50-ти статьяхъ, представленныхъ нашимъ правительствомъ на обсужденіе конференціи, были изложены основныя положенія относительно тѣхъ средствъ, которыми должны воспользоваться государства для предупрежденія возникновенія между

ними войнѣ. Эти средства считаются миролюбивыми и должны разрѣшать, путемъ добрыхъ услугъ, посредничества и третейскихъ судовъ, всѣ возникшіе международные споры, которые по природѣ своей поддаются примѣненію этихъ способовъ улаживанія.

Русскія предложенія заслуживаютъ вниманія главнымъ образомъ по двумъ статьямъ, которыя были поставлены впервые точнымъ и всестороннимъ образомъ. Во-первыхъ, на основаніи русскаго проекта предлагалось учрежденіе особыхъ слѣдственныхъ комиссій для предупрежденія развитія возникшаго международного столкновенія. Во-вторыхъ, русскій проектъ представлялъ собою цѣлый кодексъ международного арбитражнаго судопроизводства.

Кромѣ этихъ предложеній отъ имени русскаго правительства, представители Италіи, Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ дѣлали свои предложенія по тѣмъ или другимъ специальнымъ вопросамъ, касающимся международного арбитража. Я здѣсь не буду входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ преній, которыя происходили по тому или другому вопросу специально, на которые я указывалъ. Замѣчу только, что нѣкоторымъ тормазомъ въ разрѣшеніи вопросовъ международного третейскаго разбирательства послужили взгляды на нихъ германскаго правительства. Германское правительство откровенно высказалось противъ всякаго обязательнаго международного третейскаго суда, и также не особенно сочувственно отнеслось къ идеѣ постоянного международного третейскаго трибунала. Вслѣдствіе различныхъ уступокъ, которыя были сдѣланы представителями государствъ Германіи и другъ другу, удалось конференціи составить большую международную конвенцію изъ 61-й статьи для миролюбиваго разрѣшенія международныхъ споровъ. Эта конвенція опредѣляетъ примѣненіе добрыхъ услугъ и посредничества для разрѣшенія возникшихъ международныхъ конфликтовъ. На основаніи статьи 3-й, даже во время войны нейтральное государство имѣетъ право предъявить свое посредничество воюющимъ державамъ для заключенія мира, и подобное предложеніе не можетъ считаться „недружелюбнымъ дѣйствіемъ“.

Слѣдственная международная комиссія признается другимъ практическимъ средствомъ для предупрежденія международной войны. Мысль, вызвавшая образованіе этой слѣдственной международной комиссіи, слѣдующая: въ случаѣ возникновенія какого-нибудь спора между данными государствами, желательно выяснить фактическія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ этотъ споръ возникъ. Для этой цѣли можетъ оказаться нужнымъ отправиться

на мѣсто происшествія, назначить экспертовъ для изученія всѣхъ обстоятельствъ возникшаго спора и представить объективное изложеніе всего дѣла. И вотъ, гаагская конференція, по почину Россіи, предлагаетъ правительствамъ—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ спора относительно фактической обстановки даннаго дѣла—учреждать подобнаго рода слѣдственные комиссіи, въ которыхъ должны участвовать по два представителя обѣихъ спорящихъ державъ, и пятый представитель долженъ быть избираемъ этими четырьмя, или же ихъ правительствами. Подобная комиссія, изучивъ на мѣстѣ всѣ обстоятельства, собравъ всѣ данныя касательно возникшаго спора, представляетъ свой докладъ обоимъ спорящимъ правительствамъ, которые затѣмъ могутъ, путемъ непосредственныхъ сношеній, придти къ соглашенію или обратиться къ третейскому суду, если такое соглашеніе немислимо.

Наиболѣе замѣчательнымъ трудомъ гаагской конференціи является уставъ международного третейскаго разбирательства, который былъ составленъ на основаніи предложеній нашего правительства. Основныя положенія этого устава международного третейскаго разбирательства заключаются въ слѣдующемъ: въ случаѣ возникновенія какого-нибудь спора между государствами, они могутъ разрѣшить его путемъ третейскаго разбирательства. Третейскій судъ или судья можетъ быть избираемъ по добровольному соглашенію спорящихъ сторонъ, но если эти стороны желаютъ воспользоваться международнымъ постояннымъ судомъ, который учрежденъ гаагской конференціею, то это предоставлено ихъ доброй волѣ. Дѣйствительно, гаагская конференція не только рекомендуетъ вообще третейскій судъ, какъ лучший практическій способъ разрѣшенія споровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ цѣлую систему третейскаго разбирательства.

По мысли Россіи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Англіи, долженъ быть учрежденъ въ Гаагѣ постоянный международный третейскій трибуналъ, который составляется слѣдующимъ образомъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи гаагской конвенціи, всѣ правительства, подписавшія ее, обязаны представить не болѣе четырехъ лицъ, пользующихся „признанной въ вопросахъ международного права компетентностью и величайшимъ уваженіемъ съ нравственной стороны“ (ст. 23), какъ членовъ международного третейскаго суда. Изъ этого списка державы, спорящія въ данномъ дѣлѣ, могутъ избрать судей, по ихъ желанію. Составленный такимъ образомъ избранными изъ списка лицами третейскій трибуналъ собирается въ Гаагѣ и разбираетъ

представленный его рѣшенію споръ на основаніи особаго устава. судопроизводства, принятаго гаагской конференціею.

Нельзя не замѣтить, что въ мысли объ учрежденіи постоянного международнаго третейскаго трибунала сходились представители трехъ величайшихъ государствъ всего міра: Россіи, Англіи и Соединенныхъ-Штатовъ, и именно англійскій проектъ, по общему согласію, положенъ былъ въ основу всѣхъ обсужденій по этому специальному вопросу. Это была дань уваженія въ первому представителю Англіи, сэру Дж. Паунсфуту, который въ теченіе всей своей долгой жизни неуклонно стремился къ осуществленію этого средства для миролюбиваго разрѣшенія международныхъ споровъ.

Кромѣ международнаго третейскаго суда, который долженъ засѣдать въ Гаагѣ, тамъ должны быть организованы еще два международныхъ учрежденія, находящіяся въ тѣсной связи съ постояннымъ международнымъ третейскимъ судомъ. Это, во-первыхъ, „Постоянное Бюро“ (Bureau Permanent) и, во-вторыхъ, „Постоянный Административный Совѣтъ“ (Conseil Administratif Permanent). „Постоянное Бюро“ находится подъ предсѣдательствомъ генеральнаго секретаря и имѣетъ своимъ назначеніемъ служить канцеляріей для суда, собирать свѣдѣнія относительно созыва международного трибунала, хранить ихъ архивъ и завѣдывать всѣми административными дѣлами. „Постоянный Административный Совѣтъ“ является высшей инстанціей въ отношеніи этого Бюро и составляется изъ представителей государствъ, которые акредитованы въ Гаагѣ и подписали этотъ актъ.

Я не буду останавливаться на самомъ уставѣ судопроизводства, который выработанъ гаагской конференціей для международного третейскаго суда,—замѣчу только, что это былъ тотъ же самый уставъ, который примѣнялся въ парижемъ международномъ трибуналѣ, состоявшемъ подъ моимъ предсѣдательствомъ и рѣшившемъ многовѣковой вопросъ о границахъ Венецуэлы, въ Южной Америкѣ, между Англіей и Соединенными-Штатами. Тѣ же самыя начала, которыя гаагская конференція одобрила въ іюлѣ мѣсяцѣ, относительно порядка производства дѣлъ въ международныхъ третейскихъ судахъ, были мною предложены парижскому третейскому трибуналу въ январѣ 1899 года, имъ одобрены, и примѣнялись съ начала іюня прошлаго года, т.-е. въ то самое время, когда гаагская конференція ихъ разсматривала и, въ концѣ концовъ, также одобрила.

III.

Таковы главные результаты дѣятельности гаагской конференціи мира. Нѣтъ сомнѣнія, что относительно постановленій этой конференціи существуютъ и должны существовать самыя разнообразныя мнѣнія. По мнѣнію однихъ, конференція сдѣлала замѣчательную попытку выяснить и разрѣшить различныя вопросы, назрѣвшіе въ жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ; другіе, напротивъ того, полагаютъ, что эта конференція не привела ни къ какому положительному результату и никакого благотворнаго вліянія на ходъ международныхъ отношеній имѣть не можетъ. Послѣдній пессимистическій взглядъ въ значительной степени подтверждается несчастной войной, возникшей между Англіей и двумя южно-африканскими республиками.

Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку и обсужденіе причинъ или поводовъ къ этой войнѣ, хода ея развитія и т. п.

Но я позволяю себѣ думать, что именно эта война можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доводовъ въ пользу цѣлесообразности тѣхъ способовъ мирнаго разрѣшенія международныхъ споровъ, которые были рекомендованы гаагской конференціей. Едва-ли слишкомъ смѣло мое мнѣніе, что всякое, даже самое невыгодное, для Англіи, рѣшеніе третейскаго трибунала въ трансваальскомъ вопросѣ было бы выгоднѣе для этой страны, нежели всѣ громадныя, неисчислимыя жертвы, которыхъ эта война уже потребовала отъ англійскаго народа. Мнѣ думается, что нынѣшняя трансваальская война значительно увеличитъ число убѣжденныхъ приверженцевъ международнаго арбитража именно въ Англіи.

Для правильной оцѣнки трудовъ гаагской конференціи не бесполезно сравнить это международное собраніе съ различными другими международными собраніями и конференціями, бывшими за послѣднія сто лѣтъ.

Если мы вспомнимъ, что осталось отъ трудовъ великаго вѣнскаго конгресса 1815 года, отъ конгрессовъ въ Ахенѣ, въ Троппау, Лайбахѣ и даже отъ парижскаго конгресса 1856 года, — то нельзя не сознаться, что отъ всѣхъ ихъ осталось очень мало. Всѣ эти конгрессы почти исключительно занимались чисто случайными политическими вопросами. Насколько случайны были эти вопросы, настолько же случайны были постановленія, принятыя этими конгрессами. Остаются до сихъ поръ отъ этихъ между-

народныхъ собраній въ силѣ только тѣ постановленія, которыя имѣютъ какой-нибудь общечеловѣческой и культурный интересъ.

Такъ, напримѣръ, отъ вѣнскаго конгресса остались до сихъ поръ въ силѣ постановленія, которыя касаются судоходства по рѣкамъ; отъ ахенскаго осталось въ силѣ постановленіе относительно дипломатическихъ агентовъ. Но всѣ остальные постановленія этихъ конгрессовъ, которыя составляютъ огромное большинство, имѣютъ въ настоящее время исключительно историческій интересъ. Отсюда слѣдуетъ, что только тѣ постановленія международныхъ конгрессовъ или конференцій, которыя имѣютъ общечеловѣческое и культурное значеніе, оказываются жизнеспособными и могутъ разсчитывать на дальнѣйшее развитіе и примѣненіе. Вотъ почему я позволяю себѣ думать, что постановленія гаагской мирной конференціи, которыя *есть* имѣютъ исключительно культурный характеръ и значеніе, будутъ жить всегда и никогда не будутъ забыты благодарной памятью народовъ. Въ этомъ заключается общечеловѣческое культурное значеніе гаагской мирной конференціи.

Этого мало: я глубоко убѣжденъ, что эта конференція, въ особенности для Россіи, имѣетъ совершенно исключительный интересъ и значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, гаагская конференція есть только одно и притомъ послѣднее звено въ цѣпи международныхъ попытокъ, предпринятыхъ нынѣ Россіею для установленія въ международныхъ отношеніяхъ болѣе правильнаго и разумнаго порядка. Если мы вспомнимъ въ этомъ отношеніи традиціи нашего правительства, то нельзя не гордиться тѣми блестящими результатами, которыхъ Россія добилась въ области мірового порядка. Екатеринѣ II-ой человечество обязано провозглашеніемъ основныхъ началъ морского международного права. Надъ вооруженнымъ нейтралитетомъ „Сѣверной Минервы“ подсмѣивались дипломаты и государственные люди конца прошлаго вѣка, но въ 1856 году представители того самаго народа (Англіи), которые объявляли морскіе законы, сформулированные Россіею въ 1780 году, „выдумками“ и „вредными нововведеніями“, провозгласили эти же Екатерининскія начала и настаивали на признаніи ихъ обязательной силы въ парижской деклараціи 1856 года. Въ 1800 г., императоръ Павелъ I подтвердилъ и разработалъ начала вооруженнаго нейтралитета и добился ихъ признанія со стороны другихъ державъ. Въ 1816 году, императоръ Александръ I, послѣ вѣнскаго конгресса, предложилъ европейскимъ народамъ вопросъ о разоруженіи, т.-е. тотъ самый вопросъ, который былъ въ 1898 году предложенъ нынѣ

царствующимъ Императоромъ. Затѣмъ, императоръ Александръ II, принявъ на себя починъ въ двухъ вопросахъ, которые навсегда останутся вѣковѣчными памятниками великодушнаго сердца Царя-Освободителя. Во-первыхъ, въ 1868 году онъ вызвалъ собраніе въ Петербургѣ военной международной конференціи для запрещенія разрывныхъ пуль вѣсомъ меньше 400 граммъ. Во-вторыхъ, въ 1874 году, онъ собралъ брюссельскую конференцію, о которой я только-что имѣлъ честь говорить.

Наконецъ, нынѣ царствующему Государю Императору принадлежитъ всецѣло завидная честь собранія гаагской конференціи мира.

Мнѣ неизвѣстна исторія другого какого-нибудь цивилизованнаго народа, которая представляла бы столько попытокъ для миролюбиваго разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ международного порядка и права.

IV.

Заклучу мою рѣчь нѣкоторыми личными воспоминаніями, относящимися къ прошедшему лѣту.

Въ то самое время, когда происходили засѣданія гаагской конференціи мира, я принужденъ былъ также предсѣдательствовать въ Парижѣ въ англо-американскомъ третейскомъ судѣ, въ которомъ участвовали верховные судьи Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Мнѣ приходилось по ночамъ, въ продолженіе полутора мѣсяца, совершать утомительныя поѣздки между Гаагою и Парижемъ, потому что въ Гаагѣ приходилось предсѣдательствовать во второй комиссіи и участвовать въ трудахъ третьей комиссіи, а въ Парижѣ—предсѣдательствовать въ международномъ третейскомъ трибуналѣ, засѣданія котораго происходили во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Удивительно ясно помнится мнѣ слѣдующій случай. Было это въ срединѣ іюля мѣсяца въ Парижѣ. Послѣ утомительнаго засѣданія въ третейскомъ трибуналѣ, я вышелъ изъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ на Quai d'Orsay и отправился на ту сторону Сены, въ Rue Royale. Прослушавъ въ теченіе пяти часовъ рѣчи на англійскомъ языкѣ, я былъ чрезвычайно утомленъ и, гуляя по парижскимъ улицамъ, не зная, куда скрыться отъ тропической жары, которая въ это время тамъ господствовала. Дошелъ я до церкви Madeleine, всѣмъ извѣстной, и вижу я у этой церкви много каретъ. Я вошелъ въ церковь, чтобы найти тамъ нѣсколько прохлады. Въ

церкви въ это время совершалось бракосочетаніе молодой „въ-рующей“ французской четы. И въ тотъ моментъ, когда я вошелъ въ церковь, пастеръ давалъ благословеніе новобрачнымъ. Положивъ свои руки на головы новобрачныхъ, онъ сказалъ имъ, въ заключение, слѣдующія напутственныя слова: „Soyez, mes jeunes amis, dans votre vie future, dans les grandes choses — *unité*; dans les petites choses — *liberté*; dans toutes les choses — *charité*!“¹⁾.

Эти слова глубоко запали въ мою душу, и я не могъ ихъ забыть въ теченіе всего дня — и во время моего ночного путешествія изъ Парижа въ Гаагу. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивалъ я себя: развѣ только въ отношеніяхъ семейныхъ единеніе является условіемъ счастья, развитія и великихъ дѣлъ? Неужели только въ мелкихъ и семейныхъ дѣлахъ обоюдная свобода, основанная на уваженіи чужой личности и ея нравственныхъ правъ, является условіемъ мирнаго сожитія и личнаго счастья? Развѣ только въ частной жизни чувство милосердія должно господствовать всегда и повсюду — въ великихъ и малыхъ дѣлахъ? И чѣмъ болѣе я задумывался надъ этими словами, тѣмъ болѣе я убѣждался въ глубокой истинѣ этого жизненнаго наставленія въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на примѣненіе въ области международныхъ отношеній того принципа единенія, который долженъ соединять людей для совершенія великихъ дѣлъ. Посредствомъ соединенія разрозненныхъ силъ возникли и процвѣтаютъ цѣлыя государства, какъ Голландія, Швейцарія, Бельгія и другія. Путемъ соединенія — *viribus unitis* — государства могли создавать тѣ великія международныя дѣла, удобства и весь прогрессъ современной международной культурной жизни, которымъ, по справедливости, гордятся народы конца XIX вѣка. Уваженіе же чужой свободы и личности, въ предѣлахъ права и нравственности, есть необходимый залогъ мирнаго сожитія не только супруговъ, но также и цѣлыхъ народовъ. Въ сравненіи съ міровыми великими дѣлами, которыя требуютъ соединенія силъ всѣхъ государствъ, — малыми дѣлами являются тѣ, которыя исключительно касаются одного народа, его внутренней жизни и его личныхъ національных стремленій.

Уваженіе свободы каждаго народа въ этой области внутренней жизни и его національных стремленій есть, безъ всякаго сомнѣнія, залогъ мирной работы и сожитія народовъ. Наконецъ,

¹⁾ „Будьте, мои молодые друзья, въ будущей вашей жизни въ большихъ дѣлахъ — *едины*, въ малыхъ дѣлахъ — *свободны*, а во всѣхъ дѣлахъ — *милосердны*“.

кто сомнѣвается въ томъ, что милосердіе, въ этой области международныхъ отношеній, совершаетъ свои величайшіе подвиги и дѣлаетъ наиболѣе драгоцѣнные завоеванія? Стоитъ только вспомнить Красный - Крестъ, который въ области международныхъ отношеній сдѣлался символомъ человѣколюбія и милосердія, подобно тому, какъ въ средніе вѣка крестоносцы, подъ Краснымъ-Крестомъ и со словами: „*Dieu le veult*!“—ринутись въ Палестину для завоеванія Святого Гроба и совершали величайшіе подвиги во имя своей вѣры, подобно тому въ современныхъ войнахъ рыцари Краснаго-Креста, мужского и женскаго пола, совершаютъ величайшіе подвиги во имя той христіанской любви и человѣческаго милосердія, которая всѣхъ ихъ соединяетъ.

Взгляните на поле битвы въ настоящее время, когда Красный-Крестъ, послѣ прекращенія сраженія, окончательно завоевываетъ это поле и беретъ подъ свое покровительство всѣхъ раненыхъ и больныхъ. Современные побѣдители, и съ точки зрѣнія стратегической, и съ гуманной, рѣдко остаются на поляхъ смерти и разрушенія, которое усѣяно ими трупами и ранеными. Для стратегическихъ цѣлей они продолжаютъ преслѣдованіе разбитаго врага; съ точки зрѣнія человѣколюбія, они не желаютъ оставлять на полѣ сраженія свои войска среди развалинъ и труповъ. Если возможно, побѣдитель продолжаетъ преслѣдованіе и покидаетъ поле сраженія. И кто же занимаетъ эти поля смерти и печали? Кто занимаетъ мѣста, брошенные побѣдителемъ? Вспомните Красный-Крестъ и самоотверженную дѣятельность его служителей, и вамъ понятно будетъ, какимъ образомъ тутъ, на этомъ полѣ сраженія, на которомъ господствовала смерть и проявлялись самые звѣрскіе инстинкты,—чувства человѣколюбія и милосердія совершаютъ наиболѣе блестящіе подвиги. Вотъ взгляните на этого раненаго, лежащаго на полѣ сраженія; онъ еще не потерялъ сознанія, онъ вспоминаетъ о своей родинѣ, о дорогихъ ему лицахъ, и съ проклятіями на языкѣ противъ враговъ и виновниковъ его страданій собираетъ онъ повинуть жизнь. Но вотъ подходитъ къ нему сестра милосердія, которая выслушиваетъ его жалобы, съ сердечнымъ участіемъ принимаетъ его послѣднія желанія и словами утѣшенія и христіанской любви примиряетъ его съ неизбѣжною смертью. Вотъ другой раненый, который собрался съ своими послѣдними силами, чтобы размозжить голову лежащему подлѣ него раненому врагу. Но это поднятую съ револьверомъ руку останавливаетъ сестра милосердія и словами любви и милосердія примиряетъ его съ вра-

гомъ, павшимъ, какъ онъ, на полѣ чести и въ исполненіи своего патріотическаго долга.

Подобныхъ сценъ представляется множество на театрахъ современной войны, и вездѣ мы видимъ, что дѣйствительными побѣдителями на поляхъ сраженій остается не главнокомандующій побѣдоносною арміей, но сестра милосердія, доктора и всѣ самоотверженные служители Краснаго-Креста: они вступаютъ въ мѣста, покинутыя побѣдоносными войсками, и они одерживаютъ величайшія побѣды, во имя чувства человѣколюбія и милосердія, надъ дикими страстями и звѣрскими инстинктами, въ несчастію столь свободно развивающимися во время войны. Вотъ почему я вправѣ былъ сказать, что именно здѣсь, въ этой области международныхъ отношеній и во время войны, чувство милосердія находитъ во всѣхъ дѣлахъ самое лучшее и наиболѣе рельефное выраженіе. И вотъ почему глубоко правъ былъ тотъ священнослужитель парижской церкви, сказавъ, что во *всѣхъ* дѣлахъ, малыхъ и великихъ, мы должны придерживаться вѣчно-неизмѣнныхъ требованій человѣколюбія и милосердія...

Съ этими мыслями я вернулся изъ Парижа въ Гаагу и отправился въ засѣданіе конференціи мира. Это было одно изъ послѣднихъ засѣданій, въ которомъ была сдѣлана послѣдняя атака противъ постановленій арбитражной конвенціи относительно проектированныхъ отъ имени Россіи международныхъ слѣдственныхъ комиссій. Эта атака не удалась, и общее согласіе между представителями всѣхъ 26-ти государствъ восторжествовало съ неотразимою силою: весь проектъ о миролюбивомъ разрѣшеніи международныхъ споровъ былъ принятъ единогласно и съ общаго одобренія.

Въ эту торжественную минуту мнѣ казалось, что алтарь, стоящій въ этой залѣ, посвященный „Невѣдомому Богу“, и замѣченный мною въ первомъ засѣданіи мирной конференціи, обратился въ алтарь „Бога Мира и Согласія“. Мнѣ казалось, что съ этого алтаря слышенъ былъ голосъ, который говоритъ: „Народы, оставайтесь въ единеніи во всѣхъ великихъ дѣлахъ; сохраняйте свободу въ вашихъ собственныхъ малыхъ дѣлахъ; будьте проникнуты человѣколюбіемъ и милосердіемъ во всѣхъ человѣческихъ и международныхъ дѣлахъ“!

Таковъ завѣтъ гаагской конференціи мира.

ИЗЪ ЖИЗНИ БАЙРОНА

1788 — 1812 ¹⁾.

„О, какъ хотѣлъ бы я снова стать безпечнымъ ребенкомъ, жить въ глуши шотландскихъ горъ, то блуждая въ лѣсной, дикой чащѣ, то носясь по темной синевѣ волнъ! Съ спѣсью британцевъ никогда не помирится тотъ, кто родился свободнымъ!“ — восклицалъ Байронъ въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній своихъ: „Часы досуга“ („I would I were a careless child“). Первые сознательныя впечатлѣнія дѣтства, семьи и школы неразрывно связались у него съ красотой и привольемъ Шотландіи, съ пѣснями, преданіями и духомъ вольности ея горцевъ, съ „могучими ея скалами“ и „немолчно шумящимъ океаномъ“. Хотѣлось вѣрить, что только страна свободы и могла быть родиной „of a free-born soul“. Но житейская проза обставила рожденіе поэта, вмѣсто величавой декорациі горъ и моря, сутолокой огромнаго города. Теперь уже давно снесенъ домъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ одной изъ главныхъ торговыхъ артерій Лондона, въ Oxford Street'ѣ, на рубежѣ ея водоворота и затишья, „Cavendish Square“, въ скромной обстановкѣ квартиры, нанятой

¹⁾ Глава изъ біографіи Байрона. — Приступить къ жизнеописанію того, кто нѣкогда былъ властителемъ думъ не только русскихъ людей, но и всего человѣчества, побудили автора: значительное развитіе литературы о Байронѣ на Западѣ; полное отсутствіе специальныхъ работъ о немъ въ Россіи; возможность пользоваться въ Британскомъ музеѣ неизданнымъ біографическимъ матеріаломъ, и, наконецъ, выходящее въ настоящее время, подъ редакціей Кольриджа и Протеро, полное, окончательное изданіе сочиненій и писемъ поэта, обогащенное множествомъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей съ согласія внука Байрона, лорда Ловлеса.

прѣздомъ, на время, увидѣлъ свѣтъ, 22 января 1788 г., Байронъ. Но этотъ прологъ скрылся отъ него навсегда за густою пеленой,—когда же проснулось сознание, солнце ярко свѣтило, горы алѣли и рокотало море.

Романтическая любовь мальчика къ предкамъ, вѣра въ блестящее прошлое своего древняго рода, красивый вымыселъ объ участіи Байроновъ въ крестовыхъ походахъ, пришли потомъ вмѣстѣ съ внезапно выпавшимъ ему на долю титуломъ, родовымъ замкомъ, приманками герба и рыцарскихъ традицій. Но, несмотря на то, что, по его выраженію, мать была горда, какъ Люциферъ,—на его дѣтствѣ лежалъ отпечатокъ демократическій, не чистокровно-народный, плебейскій, а тотъ, что неизбѣжно является стѣдствіемъ захудалости знатной семьи, принужденной „опроститься“. Ребенокъ родился словно на перепутьѣ, во время тревожныхъ скитаній разорившейся и несчастной матери, скрылся потомъ съ нею на восемь лѣтъ въ живописномъ, захолустномъ и дешевомъ для житія Эбердинѣ, любилъ свою деревенскую няню, игралъ съ деревенскими дѣтьми, лѣтомъ часто живалъ въ горахъ, слышалъ народныя пѣсни, началъ учиться въ первобытнѣйшей школѣ, не зналъ ни роскоши, ни блеска, но не замѣчалъ ни лишеній, ни мелочной борьбы за существованіе, и потому ранніе годы свои провелъ беззаботно. Когда, въ первое путешествіе, при видѣ дикихъ красотъ албанскаго хребта ему вспомнились шотландскія горы, и мысль понеслась къ дѣтству, онъ увидѣлъ себя не холенымъ барченкомъ, сознающимъ, что онъ потомокъ рыцарей, а расцвѣтшимъ на волѣ деревенскимъ мальчикомъ, съ здоровыми, бодрыми инстинктами, обѣщавшими дѣятельную, нормальную жизнь,—и ему стало грустно...

Блаженное ребяческое невѣдѣніе жизни, способное безопасно играть возлѣ горя, не дало ему слишкомъ рано осмыслить того, что его окружало, понять печаль и оскорбленное чувство матери, причину неровностей и вспышекъ ея нрава, тайну стѣсненности ихъ положенія, заброшенности ихъ среди богатой родни, а ранняя смерть отца (черезъ три года послѣ рожденія ребенка, въ 1791 г.), чей образъ совсѣмъ не сохранился въ его памяти, не дала ему понять характеръ центрального лица въ разыгравшейся незадолго передъ тѣмъ семейной драмѣ.

Это была скорѣе тяжелая траги-комедія влюбчивой, эксцентричной и зажиточной провинціалки и неотразимаго, но промотавшагося красавца, игрока, удивительнаго танцора и Донъ-Жуана, печальный фарсъ любви и грубаго разочарованія, самопожертвованія и безцеремоннаго хищничества, съ циническимъ

хохотомъ, семейными сценами, наконецъ разрывомъ, — и съ безграничнымъ обожаніемъ мучителя, обидчика и разорителя, которому бѣдная женщина готова была снова все отдать, когда онъ въ трудную минуту вспоминалъ о ней и удостоивалъ ее пощещеніемъ. Все это — черты болѣзненныя, ненормальныя. Когда мальчику пришлось, наконецъ, понять ихъ раньше другихъ житейскихъ противорѣчій, — впечатлѣніе было удручающее. Рано овдовѣвшая (всего 26-ти лѣтъ), съ годами все сильнѣе подпадавшая и горю, и раздраженію, мать, въ минуты аффекта вымещавшая на сынѣ грѣхи его отца, съ тѣмъ, чтобы потомъ кинутся ему на шею и душить поцѣлуями, — пугала его, казалась безсознательной, невѣняемой; и Дизраэли очень близко къ истинѣ описалъ подъ вымышленными именами отношенія Байрона къ матери въ своемъ романѣ „Venetia“. Психическіе задатки съ обѣихъ сторонъ носили слѣды отравы.

Для изслѣдователя вліянія наслѣдственности родословная Байрона даетъ много данныхъ, способныхъ объяснить сложный душевный его организмъ и своеобразныя свойства его характера, который принято называть „загадочнымъ“. Это — очень заманчивый пріемъ, и онъ въ большомъ ходу у новѣйшихъ біографовъ и „эссенстовъ“; если поддаться ему, — можно придти къ томительной, по обилію преступности и психической болѣзненности, нисходящей лѣстницѣ, на послѣднемъ переходѣ которой ожидаешь встрѣтить не гениальнаго поэта и „благороднаго адвоката человечества“, а маниака, „маттоида“, или „uomo delinquente“, съ печатью Каина на челѣ. Искусно введенное Байрономъ въ XIII-ую глѣсу „Донъ-Жуана“ описаніе Ньюстэдскаго аббатства, съ памятниками старины, изображеніями предковъ и т. д., даетъ иногда поводъ къ досужему вымыслу о томъ, какъ, блуждая по длиннымъ галереямъ дѣдовскаго замка, поэтъ въ портретахъ и изваяніяхъ старыхъ рыцарей и новѣйшихъ безпутныхъ баръ видѣлъ наглядную лѣтопись ихъ бурнаго или кроваваго прошлаго и чувствовалъ роковое предопредѣленіе, нависшее и надъ его судьбой (такъ Тургеневскіе „Три портрета“ напоминали герою повѣсти ужасы самоуправства и крѣпостничества). Но, не насилюя истины въ угоду теоріи, и не обращая чуть не у каждаго изъ Байроновъ малѣйшихъ ихъ отклоненій отъ нормы въ тяжкіе грѣхи или болѣзни, — нельзя не признать, что накопленный нѣсколькими поколѣніями запасъ страстности, неукротимаго эгоизма, боевого задора, пылкой и эксцентричной фантазіи, привыкшей осуществляться въ чтѣ бы то ни стало, несущейся къ цѣли, хотя бы на пути была чужая жизнь, чужое благо, — былъ великъ. Если

дѣдъ Байрона, адмиралъ, сознательно растратилъ кипучую энергію на кругосвѣтныя плаванія, морскія войны, опасности, и тѣмъ смиралъ излишества темперамента, — безумная горячность его брата привела, въ разгарѣ ничтожнаго спора, къ дуэли, походившей на убійство, и вызывала оскорбленія жены и домашнихъ. У отца поэта родовая пылкость осложнилась мотовствомъ, азартомъ игрока, храбростью воина (во время службы въ Америкѣ) и отвагой авантюриста, способностью увести отъ мужа первую свою жену, продать себя второй, бравировать отцовскую суровость и происки кредиторовъ, въ полтора года промотать состояніе жены, грубо обращаться съ нею, бросить ее, а когда все сорвалось, — пустить себя пулю въ лобъ (преданіе, которому вѣрилъ Байронъ; отецъ его умеръ одиноко, въ Валансьеннѣ). Въ жилахъ Гордоновъ, предковъ матери, текла такая же горячая кровь. Если отца поэта прозвали „сумасшедшимъ Байрономъ“, отецъ мистриссъ Байронъ кончилъ жизнь самоубійствомъ и передалъ дочери невыносимый нравъ, доводившій ея сына еще въ отрочествѣ до рѣзкихъ ссоръ съ нею, до желанія разрыва, и былъ слитъ изъ безумныхъ капризовъ, экстаза, гнѣва и меланхоліи.

Психическое наслѣдіе несомнѣнно было, и наслѣдіе печальное (поэта назвали недавно „сыномъ своей матери“ ¹⁾). Оно проявилось всего рѣзче въ тяжелую пору семейнаго разлада поэта и его разрыва съ отечествомъ. Но его личность постепенно раздвоилась, и въ борьбѣ тѣхъ *двухъ* людей, которую самъ онъ (подобно Лермонтову) признавалъ въ себѣ, встрѣчаясь въ этомъ съ наблюденіями такого зоркаго и любящаго свидѣтеля, какъ его сестра ²⁾, — властныя требованія бьющей черезъ край индивидуальности подчинились со временемъ высшимъ цѣлямъ общаго блага. Еще Соути, ненавидя его, назвалъ его „сатанинскимъ поэтомъ; въ наше время, любуясь имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сожалѣя о немъ, Кастеляръ ³⁾ вѣрилъ, что „съ рожденія онъ былъ обреченъ на жертву адскимъ божествамъ“; подъ стать къ демоническому освѣщенію его образа, какъ человѣка и поэта, принято твердить, что вся жизнь его и вся поэзія полны культа себялюбія, своенравнаго титанизма, вражды къ людямъ. Чѣмъ больше узнаемъ мы „настоящаго Байрона“ (его появленіе могъ

¹⁾ R. E. Prothero. Childhood and school days of Byron. „Nineteenth Century“, 1898, I, 63.

²⁾ „Sometimes it strikes me he must have two minds! Such a mixture of blindness and perception“. Письмо Авг. Ли къ Годжсону, 1816. Memoir of the rev. Francis Hodgson. 1878, II, 42.

³⁾ Life of Lord Byron and other essays, transl. by mrs A. Arnold, 1875.

уже привѣтствовать въ восьмидесятыхъ годахъ Джефрсонъ ¹⁾, чьи работы оставлены теперь въ тѣни новыми біографическими матеріалами),—тѣмъ болѣе убѣждаемся, что его жизнь была постоянно борьбой съ этими склонностями, пробивалась къ гуманности, альтруизму—и закончилась освобожденіемъ...

Съ удѣлѣвшаго портрета его матери смотритъ на насъ де-белая, грузная, заурядная фигура молодящейся женщины въ бархатѣ и кружевахъ, съ приторной улыбкой, завитками и колечками на лбу и вискахъ, необъятнымъ декольтѣ, обнаженными массивными руками—предметомъ ея гордости. Величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Іакова І шотландскаго, въ то же время вульгарная, безконечно болтливая, мелко обидчивая, неровная, она не годилась въ воспитательницы. Не то чтобы она была безъ всякихъ интеллигентныхъ интересовъ: Протеро удалось собрать свѣдѣнія, показывающія ея большою любительницей чтенія, сторонницей демократизма въ политикѣ, новыхъ направленій въ поэзіи, заботливо собиравшей всѣ критическіе разборы произведеній ея сына; но и эти культурныя склонности, и несомнѣнная любовь къ сыну, парализовались психопатическими пароксизмами. Въ ранніе годы его дѣтства любовь ея еще брала верхъ, выражаясь въ баловствѣ; потомъ строптивость одолѣла, и трудно было догадаться, до чего эта женщина, превращавшаяся порою въ фурію, въ глубинѣ души любила сына, заботилась о немъ, обрѣзала себя, чтобы обставить его всѣмъ необходимымъ. Недавно напечатано ²⁾, пока единственное, письмо отца поэта къ своей сестрѣ; заговоривъ о женѣ, Джонъ Байронъ признаетъ, что она „очень мила — издали“, и что „никто, будь это хоть одинъ изъ апостоловъ, не въ силахъ былъ бы прожить съ нею и двухъ мѣсяцевъ“.

Возлѣ матери, совершенно неспособной вліять на сына, стояла преданная няня, баловница, рассказчица сказокъ. Не мать, а она научила его читать, молиться, запоминать псалмы; безупречною, впрочемъ, и она не была; со временемъ, вѣроятно для обузданія слишкомъ горячаго нрава своего питомца, она стала прибѣгать къ рѣзкимъ и грубымъ приемамъ, и, по настоянію одного изъ друзей дома, была удалена. Изъ-за двухъ этихъ женщинъ рано показывается, въ качествѣ совѣтника-законовѣда, выручающаго изъ дразгъ и житейскихъ превратностей, симпатичная, хотя и сухо дѣловитая фигура лондонскаго адво-

¹⁾ John Cordy Jeaffreson, The real L. Byron. New views of the poet's life. 1883.

²⁾ Byron's works; Letters, I, 1898, Предисловіе.

ката Гансона, то издали хлопотавшаго о матеріальномъ обеспеченіи Байроновъ, то появлявшася среди нихъ, всегда съ дѣльнымъ совѣтомъ и добрымъ намѣреніемъ. Вотъ и всѣ гени-хранители ребенка, отъ которыхъ зависѣло направление его жизни и воспитанія. Но мать и няня, ревностныя кальвинистки, способны были прививать ему суровую сектантскую доктрину, нетерпимую ко всему мірскому,—впослѣдствіи онъ не разъ сожалѣлъ, что въ такомъ именно свѣтѣ предстала передъ нимъ религія. Вполнѣ подчиниться этому вліянію не позволило глубокое, словно прирожденное чувство независимости и страстное влеченіе извѣдать жизнь. Все-же въ впечатлѣніяхъ этой поры коренится поражавшее многихъ знаніе священныхъ книгъ, внезапно сказывавшееся въ произведеніяхъ зрѣлаго періода, и въ особенности то, долго не расходившееся съ господствующими традиціями, возрѣніе на жизнь, ея основы и грядущее возмездіе,—которое лишь въ полной сомнѣній и тоски „Prayer of Nature“¹⁾, написанной, когда автору было почти 19 лѣтъ, уступило мѣсто скептицизму и свободной мысли.

Одинъ только Гансонъ, соединяя въ своемъ лицѣ и роль семейнаго адвоката, и заботливость педагога, могъ взять на себя руководство воспитаніемъ. Послѣ допотопной начальной школы въ Эбердинѣ, куда Байрона, всего лишь по пятому году, помѣстила мать, и дальнѣйшаго блужданія мальчика по учителямъ и школамъ, Гансонъ выбралъ, уже въ Англіи, серьезно обставленное училище, потомъ помѣстилъ его въ Гарроу, бралъ его къ себѣ на вакаціи, наконецъ настоялъ на завершеніи образованія въ Кэмбриджѣ.

Томасу Муру удалось добыть (благо еще недалеко была тогда пора Байроновскаго ученія) въ первой же школѣ, у мистера Боуэрсъ, записъ о занятіяхъ мальчика, пробывшаго тамъ всего годъ; въ бумагахъ поэта нашелся—подъ заголовкомъ: „My Dictionary“—разсказъ о его раннихъ школьныхъ впечатлѣніяхъ; наконецъ, удалось собрать воспоминанія его товарищей²⁾. Школа Боуэрсъ была однимъ изъ тѣхъ учреждений для дѣтоуродованія, которыя потомъ такъ рѣзко обличалъ Диккенсъ. Кучка мальчиковъ и дѣвочекъ окружала воспитателя—невѣжду и драчуна, требовавшаго безсмысленнаго зубренія. Потомъ ребенокъ очутился въ рукахъ ласковаго педагога-пастора, который много съ нимъ чи-

¹⁾ Относительно развитія міросозерцанія Байрона—см. прекрасную работу гельсингфорскаго ученаго, проф. Доннера: „Lord Byrons Weltanschauung“. Helsingfors, 1897.

²⁾ The letters and journals of L. Byron with notices of his life, p. 6—7.

таль, возбудилъ въ немъ страсть къ историческому чтенію и грѣзы о былыхъ временахъ. Ничѣмъ инымъ, кромѣ каприза матери, нельзя объяснить новой переменѣ, которая передала привязавшагося къ наставнику мальчика въ руки степеннаго и серьезнаго латиниста; это беспорядочное перебрасываніе ребенка завершилось отдачей въ „Grammar School“, заведеніе стариннаго типа, въ родѣ стратфордской школы, гдѣ нѣкогда учился Шекспиръ. Четыре класса прошелъ въ немъ Байронъ, не вспомнивъ потомъ добрымъ словомъ ни объ одномъ изъ учителей; очевидно, это были заурядные и равнодушные къ дѣтямъ ремесленники.

Но взгляды пристальнѣе въ несчастную жертву безтолковой педагогіи, которая смѣнила нескладницу „семьи“ на сумбуръ „школы“. Байронъ былъ поразительно красивый мальчикъ, съ тонкими чертами лица и пламенными глазами, нѣсколько полный (позднѣйшая стройность была результатомъ сложной системы воздержанія и физическаго закала), но „живой, подвижный, страстный, чуткій, въ высшей степени предприимчивый, безстрашный“, желавшій болѣе отличаться въ играхъ и спортѣ, чѣмъ въ ученѣ. На всю жизнь сохранившаяся склонность къ атлетическимъ упражненіямъ сказалась уже въ дѣтствѣ, несмотря на упорный недугъ, въ которомъ современная намъ медицина признала „дѣтскій параличъ“. Во время усидчивыхъ занятій боли въ ногахъ бывали невыносимы, но онъ заглушалъ ихъ силою воли. „Не обращайтесь на меня вниманія; вы никогда болѣе не замѣтите, больно ли мнѣ“, — отвѣтилъ онъ однажды на соболѣзнованіе репетитора, и сдержалъ свое слово. Острыя страданія со временемъ прошли, хотя на леченіе у всевозможныхъ медиковъ и шарлатановъ ушло также не мало и времени, и силъ, но на всю жизнь осталась легкая хромота. Одна нога была немного короче другой; это сначала отражалось на походкѣ; потомъ, скрытый специально придуманной обувью, недостатокъ этотъ почти ступевался. Но никогда не могъ забыть о немъ Байронъ, убѣжденный, что при первомъ же взглядѣ всѣ замѣчаютъ его „уродство“. По письмамъ и поэмамъ разбросаны грустные намеки на жестокою шутку судьбы; въ основѣ одного изъ зрѣлыхъ произведеній: „The deformed transformed“, лежитъ то же неисходное сожалѣніе; разсвѣять или ослабить его не могли даже успѣхи поэта среди женщинъ и лучезарная популярность, затмившая все и всѣхъ въ недолгій періодъ его славы послѣ „Чайльд-Гарольда“. Такъ Лермонтова могло удручать сознаніе, что свѣтлая прядь рѣзко выдѣляется надъ лбомъ изъ темнорусаго оклада лица, что линіи этого лица некрасивы и рѣзки. Обобщенная,

охватившая горькую долю всѣхъ подобныхъ ему неудачниковъ, эта скорбь влилась замѣтною струей въ меланхолію лирики Байрона, вызванную болѣе глубокими и общими причинами.

На родовомъ гербѣ семьи красовался краткій и гордо звучащій девизъ— „Crede Byron“ („Положись на Байрона“),—и, говорятъ, еще въ самые ранніе школьные годы, до той минуты, когда титулъ и представительство перешли къ нему, мальчикъ сознательно стремился осуществлять завѣтъ предковъ. Чувство собственнаго достоинства, вѣрность своему слову, были замѣтны въ немъ наряду съ замкнутостью внутренняго міра, куда онъ не допускалъ ничьего вмѣшательства. Первое изъ его дѣтскихъ писемъ (8 ноября 1798 г.) съ виду еще полно ребячества: онъ пишетъ отъ имени матери о томъ, что картофель для сосѣдки приготовленъ, предлагаетъ для катанья пони, который сталъ слишкомъ малъ, чтобы носить его на себѣ, посылаетъ въ подарокъ кому-то вороненка, и въ заключеніе проситъ извиненія за свои ошибки, „такъ какъ это—первое письмо, которое онъ когда-либо написал“; но, по его же словамъ, онъ къ тому времени много прочелъ, особенно историческихъ сочиненій, много думалъ, начиналъ осмысливать жизнь. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ уже споритъ съ матерью о направленіи школьныхъ занятій и отстаиваетъ честь мальчика, а два письма спустя, уже изъ Гарроу, протестуя противъ обращенія съ нимъ „тьютора“, онъ гнѣвно восклицаетъ: „пусть лучше онъ отниметъ у меня жизнь, но не оскорбляетъ моей личности!“—и грозитъ уйти изъ школы.

Быстро и рѣзко развивавшаяся индивидуальность не смягчалась ничьей лаской, ничьимъ участіемъ. Дошъ его отца отъ перваго брака, Августа, жила вдали, у бабушки, съ которой мать Джорджа была въ ссорѣ. Мальчику отвлеченно представлялось, что гдѣ-то у него есть сестра, съ которой онъ могъ бы близко сойтись. Они увидались не раньше 1802 года; онъ сразу привязался къ ней, часто писалъ ей, дѣлая ее повѣренною своихъ думъ, желаній и печалей. Въ ея лицѣ вошло въ его жизнь, быть можетъ, самое свѣтлое, искренно преданное ему существо, множество разъ прославленное его поэзіей, вспомнившееся ему въ предсмертную минуту,—и оклеветанное въ наше время дикою сплетней, созданіемъ психопатическаго бреда, къ счастью теперь изобличенною и разбитою ¹⁾. Но раньше братской дружбы онъ узналъ, казалось, любовь, только не на радость себѣ.

¹⁾ Въ 1869 г., Бичеръ-Стоу выступила, опираясь на авторитетъ вдовы Байрона, съ обвиненіемъ его въ связи съ сестрою. Тогда же образовалась цѣлая литература возраженій и протестовъ, пристыдившая клеветницу, которая признала себя побѣж-

Незнавшій умѣренности ни въ одномъ чувствѣ, — „I was always violent“, признается онъ, объясняя, почему и школьныя привязанности превращались у него въ „страсти“, — онъ весь охваченъ былъ нѣжнымъ лиризмомъ на порогѣ отрочества, „когда дѣтямъ еще не снятся чарующіе сны“; онъ, всего восьми лѣтъ, полюбилъ Мэри Дэффъ; въ безсонныя ночи онъ мечталъ объ ея „очахъ газели“, черныхъ косахъ, ласковой улыбкѣ и мелодическомъ голосѣ. Переѣздъ въ Англію разлучилъ его съ нею; но еще сильнѣе привязывается онъ черезъ три года къ своей кузинѣ, Маргаритѣ Паркеръ. Новый экстазъ передъ „черными глазами, длинными рѣсницами, греческимъ профилемъ, томной прозрачностью красоты, словно сотканной изъ лучей радуги“, блаженное сознаніе взаимности, снова безсонныя ночи, жгучее, нетерпѣливое ожиданіе встрѣчи съ нею — и *первыя стихи*. „Я давно забылъ ихъ, — писалъ онъ, много лѣтъ спустя, — но мнѣ трудно было бы забыть ее“... Тѣмъ печальнѣе развязка дѣтскаго счастья, первое горе. Въ отсутствіе своего друга, Маргарита умерла отъ чахотки; вскорѣ смерть стала совершать рядъ нападеній на его товарищескій кругъ, не прекращая своихъ опустошеній и во время студенчества, и позже, въ средѣ друзей, которыхъ онъ надѣялся встрѣтить, вернувшись изъ путешествія на Востокъ. Въ этихъ печальныхъ впечатлѣніяхъ, разбитыхъ надеждахъ — корень глубокой меланхоліи, которую Байронъ узналъ еще въ дѣтскіе годы. По словамъ товарищей, онъ въ Гарроу любилъ уединяться на кладбищѣ, всегда у одного и того же памятника, и проводилъ тамъ въ раздумьѣ цѣлыя часы, иногда послѣ оживленныхъ игръ и атлетическихъ упражненій; скорбь его зародилась не въ годы пресыщенія, „вихря страстей“, разочарованія.

Таковы были переходы, колебанія настроенія въ его внутреннемъ мірѣ. Внѣшняя исторія его жизни не отмѣчена была въ ту пору ни однимъ выдающимся событіемъ, кромѣ перемѣны въ его общественномъ положеніи, одарившей его титуломъ и дѣдовскимъ помѣстьемъ. Но перемѣна, растрогавшая его въ первую минуту *до слезъ*, способная развить инстинкты суетности и славолубіе, дремавшіе въ демократически (по неволѣ) выдержанномъ мальчикѣ, — перемѣна эта гораздо болѣе могла плѣнять театральною, романтической декоративностью, чѣмъ надеждой на возрожденіе захудалой семьи. Помѣстье было разорено и запущено, долги

денною и не оправдывалась. Лѣтомъ 1899 г., въ III томѣ новаго изданія Байроновской переписки впервые напечатаны были письма жены поэта къ его сестрѣ, окончательно опровергающія нелѣпую басню. Въ другомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія къ нимъ примкнетъ еще нѣсколько рукописныхъ матеріаловъ.

превышали наличныя средства; необходимость поддерживать свѣтскія связи, заботиться о представительствѣ рода, готовиться къ роли пэра Англіи, — налагала почти невыполнимыя обязательства. Много горькихъ минутъ и тягостныхъ положеній приходилось выносить изъ-за вѣчнаго разлада требованій свѣта и скудости семейной казны. По совѣту Гансона, мистриссъ Байронъ выхлопотала себѣ небольшую пенсію у короля; мальчикъ очутился подъ верховной опекой „Chancery Court“. Какъ только его отдали въ Гарроу, мать выѣхала изъ Ньюстэда, и нѣсколько лѣтъ подрядъ въ рыцарскомъ помѣстьѣ жили чужіе наемщики... А между тѣмъ красивая сторона древности манила къ себѣ и тѣшила взоръ. Старое аббатство, превращенное въ замокъ ¹⁾, подаренное еще Генрихомъ VIII предку поэта и украшенное башнями, арками и галереями, съ тонувшей въ сумракѣ залой прежняго храма, увѣнчанной статуей Мадонны; вокругъ — темная опушка лѣсовъ, прозрачное озеро, рѣка, убѣгающая вдаль, извиваясь по долинкамъ, — все это сочетаніе монастырской мистики, рыцарской величавости и смѣющейся природы не могло не дѣйствовать на воображеніе. Двѣ элегіи, воспѣвающія Ньюстэдъ въ первомъ сборникѣ Байроновскихъ стихотвореній, строфа въ „Ч.-Гарольдѣ“, чудный пейзажъ Ньюстэда въ „Донъ-Жуанѣ“ (XIII, строфы 55—67) и много мелкихъ воспоминаній, намековъ и отсылокъ въ стихахъ и письмахъ — сохранили сильное впечатлѣніе, произведенное когда-то на мальчика фантастической переменной декорации. Въ зрѣлые годы для него казалась мучительною мысль продать Ньюстэдъ... Но давнымъ-давно родовое гнѣздо это въ чужихъ рукахъ; мимо него пробѣгаютъ теперь десятки поѣздовъ; станція — у самаго замка. А въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, въ деревенской церквушкѣ, спитъ вѣчнымъ сномъ прежній владѣлецъ-романтикъ.

Послѣ переменъ въ судьбѣ и переѣзда въ Англію, Байронъ долженъ былъ почувствовать, что отнынѣ о его воспитаніи станутъ серьезно заботиться. Школа доктора Гленни въ Дольвичѣ, близъ Лондона, была чѣмъ-то вродѣ переходной ступени, и черезъ годъ съ небольшимъ (январь 1801) онъ очутился среди шумной толпы лицестовъ моднаго Гарроу, гдѣ подборъ учениковъ и учителей, размѣры программы и обязательнаго спорта, обстановка и тонъ заведенія, какъ говорила молва, отличались

¹⁾ Его не разъ описывали и въ старыя годы (Вашингтонъ Ирвингъ — въ прекрасномъ очеркѣ, перепечатанномъ въ „Crayon Miscellany“, Philadelphia, 1874), и въ новѣйшее время (Newstead Abbey, its present owner, etc., 1857).

утонченностью и образцовою выдержкой. Дѣйствительность оказалась ниже этихъ радужныхъ представлений. Не было и здѣсь недостатка въ рутинѣ и безжизненности; фактическія свѣдѣнія приобрѣтались, и, конечно,—не пестрѣли бы такъ „Часы Досуга“ переводами изъ греческихъ лириковъ, не былъ бы въ состояніи Байронъ выдержать цѣлую дидактическую поэму: „Hints from Pegasus“, въ тонѣ „Ars poetica“, еслибы школа не привила ему необходимыхъ знаній. Но онъ, впоследствии, искренно грустилъ о томъ, что учениковъ утомляютъ механическимъ изученіемъ раньше, чѣмъ они въ состояніи понимать всѣ красоты поэта; что будущія сознательныя наслажденія парализуются; что ему такъ испортили, напр., впечатлѣніе Шекспира, заставивъ въ ребяческіе годы учить наизусть—„Быть или не быть“¹⁾... Въ стихотвореніи: „Дѣтскія воспоминанія“ („Childish recollections“), гораздо болѣе сочувственныхъ и благодарныхъ отзывовъ о товарищахъ, чѣмъ о воспитателяхъ. Одному изъ педагоговъ, д-ру Ботлеру, ставшему впоследствии „Head-master’омъ“, посвящена ироническая характеристика, и фигура педанта „Pompousus“—совсѣмъ невзрачная. Остальные, какъ кучка ремесленниковъ, не удостоились рбрисовки порознь. На этомъ неприглядномъ фонѣ вырѣзывается только одно лицо,—любимецъ молодежи д-ръ Джозефъ Друри, занимавшій мѣсто главнаго воспитателя въ первые два года ученичества Байрона. Много лѣтъ спустя, среди опьяняющей славы, и позже, въ изгнаніи, Байронъ, и въ письмахъ, и печатно, вспоминалъ о своемъ педагогѣ, называлъ его (въ примѣчаніяхъ къ „Гарольду“) „лучшимъ и достойнѣйшимъ изъ своихъ друзей“, сожалѣя о томъ, что слишкомъ поздно сталъ прилагать въ жизни его проницательные совѣты, и при встрѣчѣ съ нимъ смущенно увѣрялъ, что „онъ—единственный человѣкъ, который не долженъ былъ бы читать ни одной Байроновской строки“,—а черезъ нѣсколько минутъ все же спросилъ: „что вы думаете о *Корсарѣ*?“... Это—любопытный комментарий въ ходячему представленію о холдности и себялюбіи поэта.

Друри замѣтилъ выдающіяся способности и ярко обозначавшуюся оригинальность ученика. Онъ журилъ его, старался исправить и образумить; избытокъ того, что онъ называлъ въ Бай-

¹⁾ См. автобиографическое примѣчаніе къ IV-ой пѣснѣ „Ч. Гарольда“, строфа 75.—Преждевременность знакомства съ Шекспиромъ не помѣшала Байрону сдѣлаться однимъ изъ рѣдкихъ въ его время энтузіастовъ великаго драматурга. Обыкновенно держится противоположный взглядъ, но комментарий къ поэмамъ и письмамъ поэта показываютъ десятки, чуть не сотни мѣтко и искусно сдѣланныхъ цитатъ изъ всевозможныхъ Шекспировскихъ драмъ.

ронъ „animal spirits“, тревожилъ его. Не могъ онъ также не подмѣтить пароксизмовъ болѣзненной возбужденности; „не подходите ко мнѣ,—во мнѣ чортъ!“ („don't come near me! I have a devil!“)—кричалъ юноша тѣмъ, кто изъ участія или любопытства приближался къ нему въ эти минуты ¹⁾. Самъ Байронъ называлъ въ послѣдствіи такіе отголоски наслѣдственной немощи припадками „безмолвнаго бѣшенства“ („silent rage“); они не разъ пугали и тревожили его жену; опираясь на нихъ, ея сторонники хотѣли узаконить разрывъ супруговъ ссылкой на душевную болѣзнь мужа... Одно время Друри даже предлагалъ матери Байрона ускорить переходъ его въ университетъ, такъ какъ тамъ онъ поселится въ колледжѣ, отдѣльно, подъ наблюденіемъ „тьютора“, и не будетъ около него толпы, которая передавала ему свое возбужденіе, и сама заражалась отъ него. Но старый педагогъ невольно любовался, изумлялся и заслушивался Байрона въ минуты блестящаго проявленія его таланта. Въ Гарроу были заведены ораторскія и декламационныя упражненія; ученики произносили классическіе отрывки изъ античныхъ или англійскихъ писателей, или же свои разсужденія и разборы этихъ отрывковъ. Сохранились записи о трехъ состязаніяхъ съ участіемъ Байрона; въ первый разъ онъ выступилъ съ рѣчью о Виргиліѣ; во второй—избралъ тему изъ трагедіи Юнга: „The Revenge“ (рѣчь Занга надъ могилой Алонзо); третью рѣчь вдохновили монологи Шекспировскаго Лира въ пустынѣ и обращенія его къ бурѣ. Всѣ ораторы придерживались своего текста, одобреннаго директоромъ. „Превосходно начавъ одну изъ своихъ рѣчей и соединяя изящество позы съ жестами и дикціей, Байронъ, къ изумленію Друри, „внезапно отклонился отъ написаннаго имъ разсужденія, и съ такою смѣлостью, съ такимъ порывомъ, что можно было опасаться, сведетъ ли онъ рѣчь къ заключенію. Но онъ не сдѣлалъ ни одной ошибки и свободно пришелъ къ концу, ничего не замѣтивъ самъ и въ горячности употребляя обороты и образы ярче и поразительнѣе тѣхъ, что сложились подъ его перомъ“.

Равнаяся на волю талантливость скрашивала школьные недочеты. „Нельзя сказать, чтобы я медленно подвигался тогда впередъ, все-же я былъ лѣнливымъ ученикомъ“ — такова его позднѣйшая самооцѣнка. На товарищѣ дѣйствовала и даровитость его, и поразительное искусство въ физическихъ упражненіяхъ.

¹⁾ Новыя показанія, собранныя Prothero въ указанной выше статьѣ, „Contempor. Rev.“, 1898.

Знаменитая переправа его вплавь черезъ Геллеспонтъ была подготовлена школьными триумфами въ этомъ родѣ; въ игрѣ въ крикетъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ. Но онъ шелъ впереди и въ различныхъ ученическихъ манифестаціяхъ, дѣйствіяхъ скопомъ, безъ которыхъ не живетъ ни одна школа. Въ „Childish recollections“ онъ вспоминаетъ какъ толпа товарищей любила выставять его своимъ вождемъ. То, чего не пришлось ему достигнуть въ низшей школѣ, теперь широко осуществлялось. У него были не только единомышленники, стачечники, но и друзья,—и съ этой поры у „мизантропа“ проявляется сохранившійся до самой его смерти культъ дружбы. Первое его выраженіе—въ тѣхъ же неискусныхъ по формѣ, но душевныхъ „дѣтскихъ воспоминаніяхъ“. Они пестрѣютъ силуэтами товарищей, скрытыхъ подъ псевдонимами (Alonzo, Davus, Lycus, Euryalus, Cleon); оттѣнки характеровъ, привычки, странности—взяты съ натуры; о каждомъ есть теплое слово, благодарная память: можно подумать, что школьный кругъ былъ рѣдкимъ подборомъ великодушныхъ, преданныхъ друзей. Преувеличеніе и идеализація несомнѣнны; тѣмъ понятнѣе горе, охватившее вскорѣ Байрона, когда смерть опустошила ряды бывшихъ его школьных и университетскихъ товарищей. Судьба не дала ему разочароваться въ друзьяхъ молодости и оставила его подъ впечатлѣніемъ незамѣнимой утраты.

Но любовь снова освѣтила его жизнь. Съ каждымъ увлеченіемъ онъ, какъ будто не замѣчая того, повторялъ пламенное заявленіе, что *никогда* такъ сильно не любилъ; что во всю его дальнѣйшую жизнь не испытаетъ онъ такой глубокой, трепетной страсти, какъ та, что загорѣлась въ немъ къ его кузинѣ, Мэри Чэвортъ. Чтобы остаться близко отъ нея, имѣть возможность чаще ее видѣть, онъ въ началѣ своего гарроускаго періода отказался наотрѣзъ отправиться въ колледжъ и гостилъ невдалекѣ отъ помѣстья родныхъ Мэри. Мать встревожилась, предполагала какой-нибудь недугъ, пока не убѣдилась (письмо къ Гансону, октябрь 1803 г.), что виною всего любовь, „отчаянная любовь, худшая изъ всѣхъ болѣзней“. Байронъ безумствовалъ, поклонялся; ему казалось, что сама судьба должна соединить ихъ, примиривъ въ ихъ любви старые, кровавые счета двухъ семей,—въ семьѣ дѣвушки не могли забыть, что всего за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ „сумасшедшій лордъ Байронъ“ убилъ ея дѣда. И этотъ залогъ примиренія на почвѣ старой вражды, и сродство душъ, и беззавѣтная преданность любимой дѣвушкѣ, и все, что въ аффектѣ любовной горячки кажется безспорнымъ пра-

вомъ на взаимность, — все это обѣщало счастье. Слова признанія не вырвались изъ его устъ, хотя Мэри догадывалась о его чувствѣ. Но прозаическій провинціальный сквайръ Джонъ Мэстерсъ одержалъ верхъ надъ этой сильной любовью и преданностью; и въ то время, какъ Байронъ вступалъ въ кэмбриджскій университетъ (августъ, 1805 г.), Мэри вышла замужъ. Бракъ ея былъ несчастенъ; она много страдала, пережила поэта на восемь лѣтъ, скоро пожалѣла объ ошибкѣ, по временамъ какъ будто искала сближенія, писала ему ласковыя (къ сожалѣнію, не сохранившіяся) письма съ воспоминаніями о „прежней дружбѣ“ ¹⁾.

Горе Байрона было неутѣшно. Съ виду онъ примирился съ своею участью, смогъ окончить образованіе, выйти на литературное поприще, достигнуть славы, но рана не заживала, и временами тоска мучительно вѣдалась въ него. Тогда единственнымъ прибѣжищемъ являлась для него поэзія („всѣ конвульсія разрѣшались у меня обыкновенно римами“, — говорилъ онъ). „Часы досуга“ полны выраженій его сердечной тоски; пять стихотвореній имѣютъ прямое отношеніе къ Мэри Чэвортъ; одно изъ нихъ: „Итакъ, ты счастлива“ („Well, thou art happy“), внушено только-что пережитою сценой свиданія съ любимой женщиной, которую онъ увидалъ счастливой матерью. Нѣсколько лѣтъ спустя, набрасывая на дальнемъ югѣ, въ Албаніи, первыя строфы „Гарольда“, описывающія раннюю жизнь героя, онъ надѣляетъ его своимъ сердечнымъ горемъ; Гарольдъ —

Had sighed to many though, he loved but one,
And that loved one, alas! could ne'er be his.

(Онъ вздыхалъ обо многихъ, но любилъ только одну, и любимая женщина, увы, никогда не могла ему принадлежать). Самая мысль о продолжительномъ путешествіи была болѣе всего внушена желаніемъ размыкать среди другой природы и другихъ людей свое горе. Но прошло опять нѣсколько лѣтъ, и въ іюлѣ 1816 г., въ Швейцаріи, онъ, „со слезами на глазахъ“, пишетъ задумчивое стихотвореніе: „Сновидѣніе“ („The Dream“), одно изъ замѣчательнѣйшихъ автобіографическихъ признаній. Въ грѣзахъ переносится онъ въ давнопрошедшее, видитъ среди мирной обстановки родины себя и Мэри, ее въ блескѣ красоты и безопасности, себя — въ блаженномъ экстазѣ; потомъ тѣни сгущаются, передъ нимъ — сцена послѣдняго разставанья съ нею, еще свободною. Вотъ она — жена другого человѣка; вотъ и онъ подъ вѣнцомъ съ другою, но пол-

¹⁾ Byron's Works, Letters, 1898, I, 200.

ный и въ эту минуту воспоминаіями о навѣки утраченномъ счастьѣ. Сонъ замыкають собой два скорбныя видѣнія: она — несчастная, съ разбитою жизнью, онъ — отвергнутый всѣми изгнанникъ, оба осужденные кончить: онъ — безуміемъ, она — неутѣшнымъ горемъ ¹⁾.

Томленія несчастной любви совпали съ нестерпимыми семейными отношеніями. Напечатанный теперь обильный сводъ писемъ Байрона къ сестрѣ даетъ возможность прослѣдить развитіе размолвки между сыномъ и матерью. Въ письмѣ, отъ 2-го ноября 1804 г., онъ впервые сообщаетъ Августѣ, „какъ тайну“, о только-что происшедшемъ столкновеніи. Она обошлась съ нимъ оскорбительно, и онъ „не только не чувствуетъ сыновняго почтенія, но съ трудомъ сдерживаетъ антипатію“. Три быстро слѣдующихъ за этимъ письма полны такого же возбужденія; тяжелыя сцены продолжаются. „Она не оставляетъ въ покоѣ даже праха моего отца, поносить его, перечисляетъ грѣхи всѣхъ его предковъ, начиная съ завоеванія Англіи норманнами, говоритъ, что я буду настоящимъ Вуггопе (худшій эпитетъ, который она можетъ придумать). И такую женщину я долженъ называть матерью!..“ Въ письмахъ онъ начинаетъ обозначать ее прозвищемъ „вдовы“ (the dowager). „Я начинаю убѣждаться въ томъ, что она — сумасшедшая. Какое счастье, что она — моя мать, а не жена, и что я могу разстаться съ нею, когда захочу“, — восклицаетъ онъ, и уже обсуждаетъ планъ разрыва. Осенью 1805 г., онъ пишетъ Гансону: „м-ссъ Байронъ и я совсѣмъ разошлись; оскорбляемый ею, я ищу убѣжища у чужихъ людей“.

Вступленіе его въ университетъ содѣйствовало разрыву, или, по крайней мѣрѣ, продолжительному разобщенію. Въмѣсто Оксфорда, куда онъ стремился и гдѣ не нашлось свободнаго мѣста, онъ очутился въ Кембриджѣ и избралъ „Trinity College“. Но было бы бесполезно говорить о культурномъ вліяніи на него университета. Первые же впечатлѣнія были неблагопріятны. Онъ устроился удобно, отдѣльно, рядомъ съ очень покладистымъ „тьюторомъ“, имѣетъ прислугу, держитъ лошадь, опекуны назначили ему 500 фунтовъ въ годъ, — но что за странное заведеніе! „Всего менѣе думаютъ здѣсь о наукѣ; кажется, никто и не загляды-

¹⁾ Стих. „The Dream“ издано въ новѣйшее время съ комментаріями во 2-мъ выпускѣ образцоваго и, къ сожалѣнію, недоконченнаго изданія, предпринятаго знаменитымъ Байрономъ, бреславльскимъ проф. Кельбингомъ (The Prisoner of Chillon and other poems. Weimar, 1896). Приводя плохія англійскія подражанія и пародіи Байроновскаго стихотворенія, издатель указываетъ еще на переработку темы въ формѣ повѣсти: „Der Traum. Aus dem Leben des Dichterlords, v. K. Bleibtreu. 1880.“

ваетъ въ какого бы то ни было автора, классическаго или современнаго, если только можетъ обойтись безъ этого. Бѣдны: музы въ загонѣ. Нѣсколько дней спустя, онъ восклицаетъ: „Это мѣсто—настоящая резиденція дьявола. Оно называется университетомъ, но всякое другое названіе подошло бы къ нему несравненно лучше, потому что здѣсь забота о наукѣ—на послѣднемъ мѣстѣ. „Master“ только и дѣлаетъ, что ѣсть, пить и спать; „fellows“—пьютъ, ссорятся и отпускаютъ плоскія остроты; о занятіяхъ „undergraduates“ вы легко догадаетесь и безъ моего описанія. Я принялся за письмо съ головой, отяжелѣвшей отъ безпутства, которое я ненавижу“. Ни одного симпатичнаго имени не называетъ онъ изъ профессорскаго персонала; ни одна гуманная личность, вродѣ Друри, не примиряетъ его съ тѣневыми сторонами университета, къ которому не сохранилось у него добраго чувства. Въ числѣ товарищей были рѣдкія исключенія. Именно въ Кэмбриджѣ встрѣтилъ онъ преданнѣйшаго изъ своихъ друзей, своего спутника по Востоку, повѣреннаго самыхъ сокровенныхъ его тайнъ, стойкаго защитника во время борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ, оберегателя его посмертной репутаціи, Джона Кэма Гобгоуза. Но довольно долго они не сходились; Гобгоузъ избѣгалъ его,—а подавляющая масса товарищей своимъ вѣтреннымъ, кутящимъ и вѣчно празднымъ образомъ жизни захватывала и увлекала Байрона. Скучное житіе въ постыломъ городѣ, раздумье, сердечное горе, семейный разладъ, все внушало желаніе забыться, разсѣяться,—и онъ чувствовалъ, что „волна несетъ его“.

Къ развлеченіямъ и пирамъ въ Кэмбриджѣ присоединились частыя отлучки въ Лондонъ, гдѣ онъ попадалъ въ еще болѣе веселую, прожигавшую жизнь компанію. Бывали недѣли сплошныхъ пировъ и приключеній. „А prorsus, — писалъ онъ, лѣтомъ 1807 г., своей давнишней пріятельницѣ, провинціальной барышнѣ, умной и терпимой, миссъ Пиготтъ, давая отчетъ въ своемъ поведеніи:—я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что былъ навеселѣ каждый день, и теперь еще несовсѣмъ трезвъ“... „Отпѣтый народъ—всѣ эти кэмбриджцы“ („sad dogs all the Cantabs“),—восклицаетъ онъ, и тутъ же, не безъ грустной ироніи, прибавляетъ: „кстати, мы надѣемся исправиться съ слѣдующаго января“. Но въ январѣ 1808 г. онъ уже былъ на свободѣ.

Угаръ веселья и удалства не пересилилъ, однако, недовольства и грусти, не далъ забвенія. Строгій судъ надъ собою, произносимый среди разгара страстей, обнаруживалъ усиливающееся раздвоеніе личности. „Приключенія моей личной жизни, начиная

съ шестнадцати лѣтъ до девятнадцатилѣтняго возраста, и та распущенность, въ которую меня втянули въ Лондонѣ,—говорилъ онъ, напр., въ письмѣ Джону Пиготту (январь 1807),—придали моимъ мыслямъ сладострастный оттѣнокъ“;—но писавшій такъ судья своихъ поступковъ едва достигъ того рубежа—19-ти лѣтъ—съ высоты котораго уже обзирѣвалъ свою жизнь. Многие очевидцы сходятся въ показаніяхъ о томъ, что герой столькихъ приключеній казался въ нормальномъ своемъ состояніи робкимъ, застѣнчивымъ (инымъ удавалось именно въ его сдержанности открывать слѣды гордости); сосредоточенный, задумчивый, понурый, онъ потомъ переходилъ въ противоположныя крайности. Желая показать, какъ мало цѣны придаетъ онъ людскимъ привязанностямъ, онъ рано сталъ окружать себя любимыми животными; эта страсть, все усиливаясь, дошла въ послѣдствіи до широкихъ размѣровъ,—напр., въ Италіи, гдѣ во время переѣздовъ его сопровождалъ цѣлый странствующій звѣринецъ. На переходѣ отъ студенчества къ самостоятельной жизни, его любимцемъ является сначала ручной медвѣдь, пріобрѣтеніе котораго было оповѣщено близкимъ людямъ, какъ прибытіе *новаго друга*; такую же бравладу встрѣчаемъ въ письмѣ къ миссъ Пиготтъ, въ которомъ воспоминаніе о нравившейся ему одно время дѣвушкѣ, чьи черты лица напомнила какая-то встрѣченная имъ незнакомка, вдругъ обрывается вопросомъ: „кстати о женщинахъ, какъ здоровье моего террьера Фанни?“. Потомъ появился главный любимецъ, безконечно, по-собачьи преданный ему, ньюфаундлендъ Ботсвэйвъ, оплаканный имъ въ послѣдствіи въ искренней эпитафіи, тяжело дѣйствующей своимъ безрадостнымъ, мизантропическимъ настроеніемъ ¹⁾).

Желаніе забыться привело въ крайнемъ своемъ выраженіи къ тѣмъ пресловутымъ маскараднымъ сценамъ въ Ньюстэдскомъ аббатствѣ, которыя были непомерно преувеличены сосѣдскою сплетней и помогли позднѣйшимъ огульнымъ обличеніямъ Байроновской безнравственности. Самъ поэтъ далъ къ тому поводъ, усиливъ краски въ описаніи жизни Гарольда въ замкѣ предковъ, также бывшемъ прежде монастыремъ, увѣряя, что „въ прежнемъ логовищѣ суетврій раздавались пѣсни и хохотъ паоосскихъ

¹⁾ Эта привязанность Байрона къ любимой собакѣ дала мотивъ къ тому скромно задуманному памятнику, который, являясь уступкой славѣ поэта, наконецъ воздвигнутъ въ Лондонѣ, правда, не всенародно, на площади, а въ Гайдъ-паркѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ „Hyde-Park Corner“. Байронъ изображенъ очень молодымъ, въ минуту творчества, готовымъ записать свою импровизацію; рядомъ съ нимъ—большой пёсъ, поднявшій къ нему голову и вѣжно смотрящій на него.

дѣвъ“, что „тамъ происходили товарищескія вакханаліи“ (fellow Bacchanals). Одинъ изъ біографовъ вѣрно замѣтилъ, что черствая проза житейская должна была сильно сбавить эти краски, хотя бы по хроническому безденежью главнаго инициатора веселья, неспособнаго слишкомъ тратиться на „дѣвъ“ и настоящія „вакханаліи“. Но даже въ достовѣрномъ и почти современномъ нью-стэдскимъ сценамъ пересказъ одного изъ участниковъ, Чарльза-Скиннера Мэтьюса, эксцентричность Байроновской затѣи слишкомъ очевидна. Монастырское прошлое внушило мысль придать забавамъ иноческую выпѣшность. Самъ хозяинъ заготовилъ себѣ нарядъ аббата; для друзей, приѣзжавшихъ гостить, были сдѣланы костюмы монаховъ, парики съ тонзурой, церковная утварь. Послѣ обѣда ходила круговая чаша, полная бургонскимъ,—но то былъ оправленный металлическими украшеніями черепъ. Братія пѣли пѣсни, но то были не гимны, а вакхическіе куплеты. Двѣ, три „паеосскія дѣвы“, вѣроятно, вставляли и свои пѣсенки (Мэтьюсъ молчитъ о женскомъ персоналѣ). Главнымъ зачинщикомъ всего былъ *аббатъ* (за которымъ на нѣсколько лѣтъ закрѣпилось это дружеское прозвище).

Такъ проходили вечера и ночи. Дни же были полны игръ и физическихъ упражненій. Новичокъ, попадая въ братство, переходилъ отъ изумленія къ изумленію, когда его встрѣчалъ на порогѣ одной комнаты медвѣдь, въ другой—волкъ, когда онъ слышалъ раскатъ пистолетныхъ выстрѣловъ монаховъ, упражнявшихся въ стрѣльбѣ, попадалъ то въ фехтовальную атаку, то въ кавалькаду, то въ шумную партію крикета... Но это оживленіе, эта пестрота, удалъ, жажда наслажденія—не давали ни душевной свѣжести, ни забвенія.

Байронъ рѣзко порвалъ съ Кэмбриджемъ; потомъ, годъ спустя, по необходимости, чтобъ получить степень (для этого требовалось „to reside“, на нѣсколько времени снова зачислить себя въ университетъ), онъ вернулся туда и наконецъ добылъ ученый патентъ. Впереди, уже невдалекѣ, были совершеннолѣтіе, политическая зрѣлость, вступленіе въ верхнюю палату, начало самостоятельной дѣятельности, но не было ни подготовки къ политикѣ, ни опредѣленныхъ, выработанныхъ соціальныхъ взглядовъ; ихъ замѣняло довольно смутное недовольство застоємъ и господствующими охранительными теоріями; само оно мирилось съ барски-словеснымъ сознаніемъ юноши,—конечно, подъ условіемъ, чтобы дворянство выполняло культурную миссію. Чувствовались также отголоски вліянія Руссо, чьи произведенія рано очутились въ рукахъ Байрона и должны были со временемъ многое опредѣ-

лить въ его воззрѣнiяхъ ¹⁾),—но Руссо дѣйствовалъ не демократическою проповѣдью, а протестомъ противъ растлѣвающей цивилизаціи и призывомъ уйти въ природу, на волю.

Ничто не привлекало Байрона, не захватывало. Безотчетная меланхолія раннихъ лѣтъ переходила въ преждевременное утомленіе жизнью. Выражаясь на языкѣ Гарольда—„he was sore sick at heart“. Въ юной, но уже удрученной памяти мелькали милыя когда-то лица, минуты счастья, высокіе порывы, измѣна, притворство, предательство. Жаль было растраченной—Пушкинъ-лиценствъ въ нѣсколько приподнятомъ стилѣ сказалъ бы: „въ безумствѣ гибельной свободы“—и погибшей юности. Вспоминались женщины, которыми онъ пытался замѣнить Мэри, мимолетныя, опьяняющія увлеченія,—вспоминалось многое, чего намъ такъ и не удастся разгадать. Въ юношескомъ его сборникѣ мы находимъ стихотвореніе: „Къ моему сыну“, полное нѣжности и грусти, ласковаго любованія золотистыми кудрями мальчика-сиротки, чье личико напоминаетъ ему „Елену“, и обѣщаній всегда быть его защитникомъ, любящимъ отцомъ. Эти стихи помѣчены 1807 годомъ...

Признаній въ дѣлахъ и помышленіяхъ, сочувствій и антипатій, смутныхъ надеждъ и желаній, свѣта и тѣней этого тревожнаго пролога къ еще болѣе тревожной жизни—нужно искать въ стихотворныхъ первинкахъ Байрона. Начиная съ перваго наброска, воспѣваго Мэри Дэффъ, его стихи стали зеркаломъ его души. Четыре редакціи его перваго сборника,—въ общемъ 107 стихотвореній,—даютъ возможность заглянуть въ его душу, многое объясняютъ, бросаютъ намеки на будущее. Вначалѣ желаніе высказаться борется съ нерѣшительностью и застѣнчивостью, можетъ быть и съ опасеніемъ раздражить пуристовъ прямыми указаніями фактовъ и лицъ, или слишкомъ свободнымъ изображеніемъ страсти. Борьба эта привела къ выпуску первыхъ двухъ сборниковъ безъ имени автора. Но опасенія оправдались. Небольшая книжка, всего 38 пьесъ, озаглавленная: „Fugitive pieces“, и представляющая собой первую редакцію (конецъ 1806 г.) была изъята изъ продажи и сожжена ²⁾), по настоящему совѣту друга семьи Байроновъ, пастора Бичера, нашедшаго, что подобная чувственная поэзія своими нескромностями унижаетъ автора. Онъ, конечно, имѣлъ въ виду не только довольно безобидную

¹⁾ Вліяніе Руссо на Байрона разсмотрѣно въ книгѣ Otto Schmidt'a: „Rousseau und Byron“. Oppeln, 1890.

²⁾ Уцѣлѣло два экземпляра—неполный въ Ньюстэдѣ, и другой—у издателя Шелли, Бэкстонъ-Формава.

эротическую вещицу: „Къ Лесбіи“, съ воспоминаніями о любви Байрона къ сестрѣ сосѣда, капитана Ликрофта, едва не вызвавшего поэта на дуэль, но и посланіе: „То Магу“, — очевидно, къ куртизанкѣ, съ которой пережито было много опьяняющихъ часовъ, но съ которой и разрывъ былъ легокъ; измѣнивъ ему, она взяла другого, и онъ скоро увлекся иною женщиной. Когда авторъ вспоминаетъ о томъ, что —

No more with mutual love we burn,
No more the genial couch we bless ¹⁾,

—его сожалѣніе сливается съ острымъ и прїяннымъ ощущеніемъ оживающихъ снова наслажденій былого.

Послушавшись совѣта уважаемаго имъ, хотя несходнаго по убѣжденіямъ, критика-пуританина, Байронъ, однако, черезъ два мѣсяца повторилъ изданіе; устранивъ два стихотворенія и прибавивъ 12 новыхъ, онъ озаглавилъ книгу: „Poems on various occasions“ (январь 1807). Но, полгода спустя, рѣшившись поднять забрало и выпустить сборникъ отъ своего имени, онъ подвергнулъ пересмотру обѣ редакціи, отбросивъ изъ первой почти половину ея состава, сокративъ вторую, но внесъ зато много новаго. Весь сводъ получилъ общеизвѣстное съ той поры названіе „Часовъ Досуга“ („Hours of idleness“). Съ этого свода, увеличившагося во второмъ изданіи, уже въ 1808 г., еще пятью пьесами, обыкновенно ведутъ исторію творчества Байрона, забывая почти двухлѣтнюю подготовительную работу.

Когда перечитываешь сборникъ въ полномъ его составѣ, стараясь уловить характеристическія черты этой юношеской поэзіи, — разнородныя, порою странно противорѣчивыя впечатлѣнія смѣняются другъ друга. Несмотря на обычную у подростковъ страсть казаться старше, поэтъ настойчиво, на заглавномъ же листѣ, спѣшитъ объяснить читателямъ, что онъ — несовершеннолѣтній. Послѣ заголовка: „Poems on various occasions“, еще безыменныхъ поэмъ, читаемъ: „Единственная оговорка, которую необходимо прибавить въ оправданіе ошибокъ, встрѣчаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ, заключается въ томъ, что автору еще нѣтъ девятнадцати лѣтъ“. На первомъ листѣ „Часовъ Досуга“, вмѣсто этихъ извиненій, поставлено при имени автора словечко: „несовершеннолѣтній“ (by George Gordon, Lord Byron, a minor). И точно, во многихъ

¹⁾ Это стихотвореніе остается до сихъ поръ подъ запретомъ. Редакторъ послѣдняго, „окончательнаго“ изданія сочиненій Байрона не нашелъ возможности его напечатать. Но оно все-же было помѣщено въ „Englische Studien“ (1899, 3 Heft) М. Фэрстеромъ: „Zu Byron's Jugendgedichten“.

мѣстахъ чувствуется или отпечатокъ школы, или отголосокъ недавно покинутой школьной среды: это—стихи къ товарищамъ, остроумная пародія экзаменовъ, классные переводы изъ римскихъ авторовъ, цѣлое стихотвореніе на тему: „о перемѣнѣ директора въ большомъ публичномъ училищѣ“ (отставка д-ра Друри), прощаніе съ Ньюстэдомъ передъ отправленіемъ въ Гарроу, элегическая картинка, вызванная посѣщеніемъ гарроускаго кладбища, наконецъ обширныя „Дѣтскія воспоминанія“. Воспѣвающія приволье Шотландіи и ея горы, стихотворенія уносятъ изъ пансіонской жизни въ природу, но они внушены воспоминаніями о раннемъ дѣтствѣ.

Но въ эти незатѣйливыя отроческія изліянія вкрадывается, перерождая самого поэта, иная, быстро развивающаяся, стихія. То, по мѣткому выраженію старика Саади, былъ *могучій султанъ—любовь*. Первые впечатлѣнія, правда, наивны. Сгруппировавъ пьесы на любовныя темы, получишь прежде всего что-то вродѣ донъ-жуановскаго списка, настоящіе святыцы женскихъ именъ: „Къ Лесбіи“, „Къ Каролинѣ“, „Къ Элизѣ“. Потомъ идутъ: Анна, Мэри, Гарриетъ, Маріонъ, Джесси; есть нѣсколько стихотвореній: „To a lady“; одно даже озаглавлено: „Къ Женщинѣ“ („To Woman“); можно бы подумать, что юный поэтъ еще не вышелъ изъ безличнаго культа „des Ewig Weiblichen“. Между тѣмъ, рано слышатся слова ласки, страсти, нѣги; онъ проходитъ всю гамму, воспѣваетъ „первый поцѣлуй“, потомъ любитъ подареннымъ ему золотистымъ локономъ и показываетъ его друзьямъ; потомъ, какъ мотылекъ, несется съ одного цвѣтка на другой, увѣряетъ, что уже „любилъ многихъ“, и шалитъ стихами во вкусѣ Анакреона или Тибулла. Но проблески его настоящаго душевнаго состоянія—не въ этой игрѣ въ любовь и эпикурейство, облеченной, притомъ, въ устарѣвшую уже тогда, но для него еще авторитетную форму лирики Пѣпа, а—въ элегіяхъ, внушенныхъ несчастною любовью. На третьемъ же мѣстѣ въ началѣ сборника помѣщено стихотвореніе: „На смерть молодой дѣвушки, кузины автора, очень дорогой ему“; это—думы на могилѣ ея Маргариты, куда пришелъ онъ „осыпать цвѣтами тотъ прахъ, который онъ такъ любитъ“. Еще дальше—нѣсколько задушевныхъ изліяній въ память о Мэри Чэвортъ. „Другой обладаетъ ею, но для меня ея имя всегда будетъ благословенно. Вздыхая, я уступаю то, что считалъ нѣкогда моимъ, и, въ слезахъ, прощаю ея измѣну“,—говоритъ онъ въ стихотвореніи: „The Tear“. Ему кажется, что еслибъ до него дошла горестная вѣсть о ея смерти, онъ умеръ бы у ея гроба. „Я ищу теперь другихъ отрадъ,—признается онъ

въ стихотвореніи: „То a lady“.—Вѣдь думая все о тебѣ, я могу дойти до сумасшествія. Даже у моихъ враговъ шевельнется состраданіе при видѣ того, что я испытываю, потерявъ тебя навсегда“. Въ послѣднихъ страницахъ сборника мысль поэта снова обращается къ Мэри. „Итакъ, ты счастлива“,—начинается одно стихотвореніе, и ему вторятъ „Стансы къ одной лэди передъ отъѣздомъ изъ Англіи“, стоящіе на рубежѣ Гарольдовскаго періода и перваго путешествія. „Онъ долженъ покинуть этотъ край, потому что можетъ любить только одну“; онъ переплыветъ бѣлогривые валы, будетъ искать на чужбинѣ пріюта, но не найдетъ покоя, пока не изгладятся изъ памяти черты предательскаго, но прелестнаго лица“ (a false fair face).

Отъ сѣтованій и протестовъ противъ гоненій судьбы поэтъ въ состояніи переходить къ обобщеніямъ и выводамъ; его міросозерцаніе начинаетъ обозначаться, и оно—безрадостное, скептическое, презрительное. Въ стихотвореніи къ Бичеру, убѣждавшему его чаще показываться въ обществѣ, Байронъ оправдываетъ свою любовь къ уединенію нежеланіемъ „спускаться до уровня свѣта, который онъ презираетъ“; говоритъ о ничтожествѣ толпы, завидуетъ славѣ Фоксовъ или Чатамовъ: онъ считалъ бы достойнымъ жить только для подвиговъ, подобныхъ ихъ благородной дѣятельности. „Немного мнѣ лѣтъ, но я уже чувствую, что въ свѣтѣ нѣтъ для меня удѣла“,—воскликаетъ онъ въ другомъ стихотвореніи; онъ желалъ бы имѣть крылья, чтобы улѣтѣть далеко отъ земли, вглубь неба, и тамъ найти успокоеніе. Въ напечатанномъ теперь впервые стихотвореніи: „Pignus amoris“, онъ до того выказываетъ равнодушіе къ настоящему, что считаетъ драгоцѣннѣйшимъ даромъ своимъ—„видѣнія прошлаго“.

Краски все сгущаются. То онъ берется за перо подъ давленіемъ неотвязной мысли, что скоро умретъ; то спрашиваетъ какую-то участливую къ нему женщину, прольетъ ли она слезу, когда его схоронятъ (стих.: „And wilt thou weep, when I am low?“); то пишетъ грустно ироническую надпись на черепъ, служившій чашей, и смѣшиваетъ картины пира съ упоминаніемъ о могильныхъ червяхъ, которые привасались къ черепу раньше губъ пирующихъ людей; то оплакиваетъ въ Ботсвэйнѣ *единственнаго* друга. Всего сильнѣе и сосредоточеннѣе выразилась меланхолія поэта въ „Молитвѣ Природы“ („Prayer of Nature“), помѣченной еще 1806 годомъ, но, по искренности настроенія и зрѣлости формы—поразительной въ этомъ сборникѣ юношескихъ опытовъ. Взволнованный пережитымъ и передуманнымъ, онъ взываетъ: „О, Отецъ свѣта, великій Богъ въ небесахъ, услышь мой

воплѣ *отчаянія*“; зоветъ взглянуть, „какъ мрачна его душа“ ¹⁾; молить указать ему путь къ правдѣ, удержать отъ гибели и грѣха. Въ патетическомъ обращеніи къ божественному началу нѣтъ уже и слѣда традиціонныхъ религіозныхъ воззрѣній, продолжавшихся въ жизни и поэзіи Байрона до той поры. Отрываясь отъ нихъ, отрицая главныя ихъ основы, онъ переходитъ къ деизму, возсылаетъ свое моленіе къ Высшему Разуму, разлитому въ природѣ; отъ человѣческой нетерпимости, отъ людскихъ законовъ, догматовъ, предразсудковъ, вызываетъ къ вѣчнымъ законамъ, проявляющимся въ жизни природы; чтеніе Руссо (и, какъ думаетъ Доннеръ ²⁾, Локка) укрѣпило его въ тѣхъ взглядахъ, которые внушены были опытомъ, раздумьемъ и сильнымъ художественнымъ влеченіемъ къ природѣ. Въ этомъ стихотвореніи—корень многого, впослѣдствіи вошедшаго въ поэтическій, нравственный и философскій символъ вѣры Байрона.

Взятый въ цѣломъ, во всемъ своемъ разнохарактерномъ составѣ, отъ ученическихъ работъ до поэзіи отчаянія, сборникъ производитъ, быть можетъ, и смутное впечатлѣніе, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ это нашла вскорѣ враждебная критика. Въ стихотворныхъ опытахъ новичка гораздо менѣе общихъ мѣстъ и рутинныхъ приемовъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Пушкинскихъ „часкахъ досуга“, т.-е. въ лицейскихъ стихотвореніяхъ (такъ, Байронъ сразу былъ свободенъ отъ тягостей обязательной мѣлологіи). Зависимость отъ образцовъ замѣтна,—хотя въ числѣ ихъ мы видимъ и чопорнаго Попа, и окруженнаго романтическимъ туманомъ Оссіана, и страстнаго Тибулла. Но уже на нашихъ глазахъ происходитъ высвобожденіе отъ гнета авторитетовъ; горе, любовь, тоска—выражаются искренно, внѣ правилъ старой поэтики; въ сарказмѣ, вызванномъ пока темными сторонами школы или свѣтской жизни, мелькаютъ искры будущей Байроновской сатиры; приступы міровой скорби уже сказались. Еще неясно, но несомнѣнно обрисовывается уже *самостоятельная* личность поэта.

Чѣмъ могъ такой сборникъ вызвать критическіе громы—трудно понять. Среди обычнаго балласта стихотворныхъ первенцевъ дебютантовъ-приемоплетовъ онъ долженъ былъ выдѣляться проблесками дарованія и оригинальности. Нѣсколько второстепенныхъ изданій: „The Critical Review“, „Monthly literary recreations“ и „Anti-Jacobin“, признали эти достоинства. Но книга вызвала про-

¹⁾ Мотивъ, предвѣщающій извѣстное стихотвореніе въ „Еврейскихъ Мелодіяхъ“, переложенное потомъ Лермонтовымъ.

²⁾ Lord Byron's Weltanschauung, S. 50.

тивъ себя настоящій походъ, стратегически обдуманнѣйшій, — и не какой-нибудь борзописецъ-наѣздникъ, гарцуя на журнальной аренѣ, вонзилъ въ нее съ наскока свою пику. Редакція вліятельнѣйшаго „Эдинбургскаго Обозрѣнія“ нашла нужнымъ заказать одному изъ лучшихъ сотрудниковъ, скрытыхъ по обычаю подъ анонимомъ, уничтожающую статью; мало того, она написана была при участіи нѣсколькихъ лицъ; желчность и остроуміе стали еще напряженнѣе; каждый отзывъ взвѣшивался, оттачивался. Къ выпуску статьи долго готовились, въ кухнѣ вѣдьмы варили и вываривали зелье; медлили настолько, что слухи дошли до поэта, и въ письмахъ близкимъ людямъ онъ уже сообщалъ, что готовится нападеніе. Статью хотѣли напечатать въ январской книгѣ 1808 г.; выпускъ ея опоздалъ до февраля, — наконецъ она явилась, бранчивая, нетерпимая, позорная.

При жизни Байрона авторъ статьи настойчиво опровергалъ молву, приписывавшую разборъ именно ему, и только въ сороковыхъ годахъ рѣшился признаться. Со стороны изящнаго оратора и либеральнаго министра, лорда Брума, покаяніе въ грѣхѣ молодости было самоотверженіемъ. Позднѣйшій его образъ мыслей шелъ въ разрѣзъ съ грубостью этой критической напраслины. Очевидно, онъ находился тогда подъ сильнымъ вліяніемъ своего владыки, избалованнаго непогрѣшимостью, внушаемымъ имъ трепетомъ, безнаказанностью своихъ критическихъ капризовъ и разностей.

Въ дни реставраціи, при Іаковѣ II, всеобщій ужасъ возбуждала расправа съ врагами монархіи обѣзжавшаго наиболѣе мятежныя провинціи судьи Джеффриса, который позади себя оставлялъ страшный слѣдъ — висѣлицы, пытки, костры. Не одному только Байрону — воспользовавшемуся сходствомъ именъ для гнѣвныхъ строфъ противъ критики въ слѣдующемъ же своемъ произведеніи — вѣшателю и мучителю Джеффрису напоминалъ новѣйшаго литературнаго палача Джеффри, основателя „Edinburgh Review“. Уже превращеніе Джеффри послѣ „Гарольда“ и восточныхъ поэмъ, обнаружившихъ талантъ Байрона, изъ обличителя въ искренняго и умѣлаго защитника показываетъ, что онъ далеко не лишенъ былъ ни тонкаго пониманія художественныхъ красотъ, ни сочувствія прогрессу литературы. Рядъ другихъ примѣровъ, радушный приѣмъ новичка — Карлейля въ сотрудники журнала и много другихъ, — свидѣлствуютъ о томъ же. Но когда юношеская поэзія Байрона имѣла несчастіе привлечь его вниманіе, Джеффри предавался еще самоуправству диктатора-громовержца, встрѣчая непрекословное повиновеніе въ редак-

ціовномъ штабѣ, изъ рядовъ котораго онъ могъ высылать въ дѣло вмѣсто себя такихъ клеветовъ, какъ Брумъ.

Въ статьѣ нѣтъ ни одного дѣльнаго замѣчанія или совѣта, которымъ поэтъ могъ бы воспользоваться, и нѣтъ именно потому, что критикъ не признаетъ его поэтомъ, даже хотѣлъ бы вѣрить, что „настоящіе стихотворенія — послѣднія, которыми онъ докучаетъ читателю“, и совѣтуетъ примѣнить въ другой области свои способности. „Подобныя упражненія писались и пишутся всѣми въ школахъ и университетахъ, но, конечно, не печатаются; изъ десяти человѣкъ девять несомнѣнно грѣшатъ ими, а десятый пишетъ стихи лучше лорда Байрона“. Затѣмъ идутъ насмѣшки надъ малолѣтствомъ стихотворца, надъ частыми, будто бы, и хвастливыми указаніями на древность его рода. Эти промахи, встрѣчаемые болѣе всего въ раннихъ пьесахъ и уступившіе мѣсто презрительнымъ отзывамъ о суетности свѣта и сознательнымъ рѣчамъ рано развившагося человѣка, выдвинуты на первый планъ, словно они—типическое отличіе книги. О задушевности, искренности чувства—ни слова; сравненіе съ стихами старшихъ поэтовъ, Грѣя, Роджерса, на тѣ же темы даетъ зато поводъ обличить дерзость новичка, осмѣливагося тягаться съ истинными поэтами. Выписаны лишь неудачныя строфы, причемъ критикъ утверждаетъ, что „во всемъ сборникѣ благороднаго отрока *нѣтъ ничего* лучше этихъ плохихъ стансовъ“. Статью заканчиваетъ ироническое выраженіе признательности автору, — подумать только, онъ снизошелъ съ высотъ своего благородства къ читателямъ—плебеямъ! За это слѣдуетъ благодарить „и не смотрѣть въ зубы дареному коню“ („*not to look the gift horse in the mouth*“).

„Лорда Байрона нельзя раздражать, сэръ; это—юноша съ потрясающими страстями“ (*tremendous passions*),—говорилъ о своемъ воспитанникѣ кэмбриджскій тьюторъ. Джеффри, въ лицѣ котораго изречла приговоръ вся старая, самодовольная литературная братія, скоро пришлось испытать на себѣ справедливость этого совѣта. Жертвъ критическихъ наѣздовъ „Эдинбургскаго Обозрѣнія“ было много (первые годы состояли почти сплошь изъ разгромовъ; цѣлыми гекатомбами сокрушены были Томасъ Муръ, Чарльзъ Ламъ, „лакисты“ и мн. др.), но никто такъ отважно не отвѣчалъ, какъ осмѣянный поэтъ-недоросль, никто не сумѣлъ отвлечь сочувствіе массы отъ царя критики на свою сторону.

Но пора установить точную исторію этого отвѣта, съ котораго обыкновенно ведется лѣтопись самостоятельнаго, *байронич-*

ческаго творчества. Въ первоначальной редакціи то не было отвѣтъ. Шотландскій журналъ еще не изрекъ своего приговора. Байронъ, ободренный относительнымъ успѣхомъ „Часовъ Досуга“, взялся за перо, чтобы, въ качествѣ новаго пришельца „на Парнассъ“, оглядѣться на немъ, произвести смотръ его наличнымъ силамъ, возстать противъ затхлости и формализма, выдѣлить въ лицѣ немногихъ писателей залогъ возрожденія, и на развалинахъ педантизма воздвигнуть свѣтлое зданіе эстетики будущаго! Работа должна была состоять изъ полемической, критической части и изъ кодекса поэтики. Заглавіе написано было— „Британскіе Барды“. Сатира закончена была въ октябрѣ 1807 года и состояла изъ 360 стиховъ ¹⁾. Во время набора и корректуръ авторъ увеличилъ ея объемъ до 520 стиховъ. Между тѣмъ явилась статья Брума. По словамъ Байрона, она произвела на него сначала ошеломляющее впечатлѣніе; но вслѣдъ затѣмъ оно перешло въ гнѣвъ и страстное желаніе мести. Готовыя рамки генеральнаго смотра литературы съ ея вождями и критиками пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Сатира была снова пересмотрѣна, увеличилась вдвое (въ окончательномъ видѣ — 1.070 стиховъ) и, появившаяся уже въ 1809 г., украсилась заглавіемъ, указывавшимъ на выдержанное нападеніе: „Англійскіе барды и шотландскіе журналисты“.

Въ англійской поэзіи прошлаго вѣка, перенявшей этотъ обычай у Буало и его школы, была въ ходу сатира на литературные нравы, смѣявшаяся надъ плохими писателями, изображая муки кропанія стиховъ. Остроумнѣйшимъ образцомъ такой пародіи была потѣшно-высокопарная „Дунсіада“ Попа („The Dunciad“, — отъ жаргоннаго словечка: „duncі“, олухъ), собравшая галерею бездарныхъ писаекъ въ ихъ зависти и заговорѣ противъ вдохновенныхъ поэтовъ. Байрону достаточно было бы поданнаго Попомъ примѣра, чтобы произвести облаву на современные ему педантизмъ и бездарность. Англійское стихотворство, къ тому же, и послѣ Попа было богато варіаціями на ту же тему: „Ролліадами“, „Мэвіадами“, „Симплиціадами“. Но и до столкновенія съ Джеффри подобныя нападенія—обетшавшія и, въ свою очередь, рутинныя—не могли удовлетворить Байрона; у него сложились новыя оцѣнки, новые выводы; уже въ „Британскихъ бардахъ“ онъ сказалъ *свое* слово. Сильный импульсъ потрясъ его, заставилъ глубже вдуматься въ положеніе дѣлъ, опредѣленно поставить свои требованія и отстоять свою независимость.

¹⁾ Рукопись принадлежитъ въ настоящее время м-ру Мэрреку.

Можно ли было ожидать, что онъ выскажется съ чувствомъ мѣры и безпристрастіемъ? Онъ едва владѣетъ собой, въ схваткѣ способенъ не различить своихъ отъ чужихъ, слить въ насмѣшкѣ и писаекъ, и далеко не бездарныхъ поэтовъ; онъ вѣритъ слуху, будто нападеніе построено лордомъ Голландомъ, нанявшимъ продажнаго борзописца, чтобы оскорбить въ лицѣ Байрона отпрыскъ враждебной, торійской знати, и включаетъ въ обличеніе и вельможу - предателя. Порою ему самому какъ будто странно зрѣлище произведеннаго имъ опустошенія. „Вѣдь было время, когда ни одинъ рѣзкій звукъ не исходилъ изъ устъ, теперь словно пропитанныхъ желчью. Но я измѣнился со времени моей молодости, я научился мыслить и сурово высказывать истину“. Эпитетъ суровости, серьезности—не подходитъ къ тону его сатиры. За небольшими исключеніями, онъ или язвительнъ, или яростенъ.

Однимъ изъ такихъ исключеній, точно оазисъ, среди гнѣва и расправы, выдающихся по плавному и стройному складу рѣчи, служить воспоминаніе объ истинныхъ поэтахъ далекаго прошлаго; рядъ ихъ начинается съ Шекспира ¹⁾, переходитъ къ Мильтону, Драйдену, Шеридану, Отвэю, Бёрнсу, и заканчивается всего двумя, тремя современниками, Роджерсомъ, Гиффордъ, — теперь давно забытыми. То были носители вдохновенія, правды, красоты. Теперь же царствуютъ малоуміе, посредственность, идіотство; авторъ хотѣлъ бы прославить героевъ дня („Моя тема—хвала глупцамъ; моя пѣснь—сатира; писаки—та дичь, за которой я охочусь“), и передъ читателемъ проходятъ длинной процессіей жертвы сатирика. Въ ихъ числѣ немало ничтожествъ, когда-то не безъ успѣха сыгравшихъ свою роль, разные Коттли, Стотты, Грехамы, Гэйли; но за ними показываются въ потѣшномъ видѣ и съ забавными претензіями „маленькій Катуллъ Little“ (псевдонимъ, подъ которымъ впервые выступилъ Том. Муръ), приторный и скучный балладникъ Вальтеръ Скоттъ съ его „Пѣснью послѣдняго менестреля“ и Марміономъ, озерные поэты: вулгарный, простоватый Вордсвортъ, „доказывающій на дѣлѣ, что проза есть стихи, и стихи—проза“, претенціозный Соути съ своими мавританскими поэмами, „пѣвецъ ослиной породы“ Кольриджъ; плетется кучка драматурговъ; показываются критики. Это—самая желанная минута для обличителя.

¹⁾ До сихъ поръ встрѣчаются утвержденія, будто Байронъ почти игнорировалъ Шекспира (см., напр., статью Venables, „Byron and his biographers“, Fortn. Review, 1883, IV),—но этому противорѣчатъ сотни ссылокъ на Шекспировскія произведенія въ поэзіи и письмахъ Байрона.

Критика теперь необыкновенно легка, говорить онъ. Хотите вы ею заняться и зарабатывать немалыя деньги ¹⁾, — идите къ Джефри, будьте послушны и покладивы, лгите, клеветайте, кощунствуйте, подавите въ себѣ человѣчность, и вы будете критикомъ, васъ будутъ ненавидѣть и въ то же время ласкать. Во главѣ разбойничающей клики, „стаи сѣверныхъ волковъ, завывающей въ сумеркахъ, алча добычи“, стоитъ „великій Джефри“; Байронъ то сравниваетъ его съ кровожаднымъ судьей XVII вѣка, то вторитъ молвъ, будто „сатана уступилъ ему часть своей власти, предоставивъ ему расправу надъ словесностью“, то требуетъ кары тирану за всѣ преступленія, „заслужившія ему петлю“. Во власти подобнаго человѣка, окруженнаго толпой „негодяевъ или идіотовъ“, находится литература, когда-то краса Англіи. „Такими стали мы теперь“ („So are we now“!), — негодуя, восклицаетъ сатирикъ, и, въ параллель, набрасываетъ нѣсколькими штрихами характеристику общественной среды, въ особенности двусмысленныхъ притоновъ, гдѣ добродѣтельное общество предается тонкому разврату. Мысль ясна, — по обществу и литература; безстыдный журналъ и модные „Argyle rooms“ стоятъ другъ друга. Но не пощажены и наука, политика, университетъ и парламентъ; недавній студентъ съ знаніемъ дѣла смѣется надъ пустотой и ограниченностью официальной науки; поклонникъ славы Питта и сторонникъ новѣйшаго либеральнаго оратора Каннинга съ презрѣніемъ говоритъ о реакціонномъ большинствѣ палаты, издѣвающимся надъ благородствомъ подобныхъ людей. Картина современности все расширяется. Начатый для личной защиты и сведенія литературныхъ счетовъ, памфлетъ обличаетъ весь строй. Автору кажется, что „имъ руководило желаніе отстоять честь страны отъ идіотовъ, наводнившихъ ее“.

Въ раздраженіи полемики онъ не замѣтилъ, что слишкомъ много мѣста отвелъ обличенію и недостаточно развилъ положительную сторону, — то эстетическое ученіе, которымъ онъ желалъ бы замѣнить педантизмъ противниковъ. Когда онъ созналъ необходимость пополнить пробѣлъ, — сдѣлать это въ видѣ дополненій къ новымъ изданіямъ сатиры было уже неудобно. Явился планъ послѣсловія къ „Англійскимъ бардамъ“, въ видѣ отдѣльной поэмы. Но оно написано было много позже, уже въ Греціи; найдя въ аѳинскомъ католическомъ монастырѣ Гораціевскую поэтику,

¹⁾ „Эдинбургское Обозрѣніе“, подобно „Библіотекѣ для Чтенія“ Смирдина, производило большое впечатлѣніе высокимъ литературнымъ говоромъ.

Байронъ придавъ своему разсужденію форму переложенія Горация (отсюда заглавіе: „Hints from Horace“) на современные нравы, высказалъ рядъ общепользныхъ и несложныхъ требованій и правилъ (естественность и искренность тона, неподдѣльный драматизмъ, психологическая правда, *изученіе природы*, „умѣнье нравиться и быть полезнымъ людямъ“). При жизни Байрона поэма не была напечатана,—къ счастью, потому что живымъ примѣромъ „Гарольда“, написаннаго одновременно, онъ прочнѣе узаконилъ новую поэзію, чѣмъ поучительной поэмой, въ которой къ нему совсѣмъ не шелъ нарядъ „временъ новѣйшихъ Буало“.

Впослѣдствіи, вспоминая споръ съ Джефри и перечитывая „Бардовъ“, въ особенности нападки на людей, ставшихъ дорогими и близкими ему, или вообще по праву заявившихъ почетное положеніе въ литературѣ, Байронъ чувствовалъ раскаяніе и досаду. Есть экземпляръ „Бардовъ“ съ замѣтками его на поляхъ, относящимися къ 1816 г., гдѣ часто читаемъ: „несправедливо“, „незаслуженно“, или даже: „это совершенное безуміе“, „характеръ оскорбленія не оправдываетъ такихъ нападокъ“. Перемѣна взглядовъ скоро отразилась на судьбѣ сатиры. Первые три изданія (1809—1810) не только не сокращали, а увеличивали текстъ; въ четвертомъ есть смягченія, выброски; пятое было уничтожено по волѣ автора.

Но потребность въ частыхъ перепечаткахъ произведенія, имѣвшаго, казалось, лишь временное значеніе, уже говоритъ о силѣ сдѣланнаго имъ впечатлѣнія. Горячность, мужество, искренность убѣжденій, мастерскій контрастъ величія и пошлости, призывъ къ возрожденію дѣйствовали, несмотря на излишества и рѣзкости. Послѣднія едва не повели къ личнымъ столкновеніямъ; и Томаса Мура, и Вальтеръ-Скотта (съ которыми Байронъ встрѣтился только въ 1815 г.) едва удержали отъ дуэли. Но и они, и Джефри, и вся публика, сошлись въ изумленіи передъ народившимся сильнымъ талантомъ. „Часы Досуга“ остались гдѣ-то позади; въ первые ряды словесности смѣло прошелъ теперь зрѣлый и оригинальный поэтъ. Чудо произвела безтактная, вздорная статья. Если впослѣдствіи на глазахъ Байрона подобный же критическій разгромъ мучительно подѣйствовалъ на Китса и ускорилъ его смерть¹⁾, то выходитъ „Эдинбургскаго Обозрѣнія“ современники обязаны были тѣмъ, что она вызвала на свободу таившіяся въ Байронѣ силы.

¹⁾ Онъ вспомнилъ о немъ въ „Л.-Жуанѣ“, XI, 60: „John Keats, who was kill'd off by a critique“, etc.

Но, несмотря на успѣхъ, льстившій его самолюбію, пережитое столетіе оставило на Байронѣ тяжелый слѣдъ. Оно совпало съ другими непріятными впечатлѣніями при вступленіи въ дѣйствительную жизнь. Когда онъ захотѣлъ воспользоваться своими политическими правами и занять мѣсто въ верхней палатѣ, его возмутили холодность и равнодушіе пэровъ, сколько-нибудь знавшихъ его и уклонившихся отъ роли воспріемниковъ его, какъ этого требовалъ парламентскій обычай. Его *никто* не ввелъ; одинокій, съ брезгливымъ выраженіемъ лица, онъ вошелъ въ залу (13-го марта 1809), опустился на нѣсколько мгновеній на одно изъ мѣстъ *твоей* стороны и вышелъ, — чтобы вернуться, и то не надолго, лишь по пріѣздѣ изъ путешествія. Въ это раннее время, когда поэзія еще не захватила всѣхъ лучшихъ его силъ, онъ колебался между политикой и литературой („Когда вернусь, я, быть можетъ, сдѣлаюсь политическимъ дѣятелемъ“ — „I may possibly become a politician“, — писалъ онъ матери незадолго до отъѣзда), но тогда уже рѣшилъ сохранить независимость, не поддаваться тиранинн партій, не идти на компромиссъ съ министерствомъ. Такія колебанія повторялись и въ дальнѣйшую его жизнь. Въ Италіи онъ спрашивалъ иногда себя, не была ли ошибкой его поэтическая дѣятельность, а призваніемъ — политика. Наканунѣ греческой экспедиціи онъ думалъ о возвращеніи въ Англію, для активнаго участія въ политической борьбѣ.

Матеріальныя невзгоды также стали сильнѣе прежняго удручать его. Студенчество закончено было съ тремя тысячами фунтовъ долга. Съ той поры займы и обязательства продолжали расти. Выйти изъ затруднительнаго положенія можно было, на его взглядъ, лишь однимъ изъ трехъ способовъ: продажей имѣній, женитьбой на золотой куклѣ (golden Dolly), наконецъ — пулей въ лобъ. Отъ третьяго способа его удерживало самосохраненіе или, какъ онъ презрительно выражался, его лѣнь; второй представлялся ему только въ очень мрачныя минуты, когда съ горя онъ напускалъ на себя цинизмъ и съ дѣланымъ хладнокровіемъ приписывалъ себѣ способность продать свою свободу. Первый путь былъ проще, — но съ Ньюстэдомъ онъ не хотѣлъ разстаться, а продажа рочдэльскихъ каменноугольныхъ копей тянулась до безконечности, дразнила и волновала. Когда Байрона заставляли за картами и видѣли, съ какою горячностью, часто проигрывая, онъ отдавался состязанію, тщетно споря съ фортуной, врядъ-ли многіе понимали, что страсть къ игрѣ (какъ онъ признался потомъ въ „Detached thoughts“) привлекала его сильными ощущеніями и возможностью *забыться*.

Семейныя, сердечныя, литературныя, политическія невзгоды, наконецъ злословіе—если не общественнаго мнѣнія, то общественной сплетни, чудовищно преувеличивавшей рассказы о его ньюстэдскихъ пирахъ, лондонскихъ и кэмбриджскихъ шалостяхъ,—вотъ та сложная основа, изъ которой развилось лихорадочное желаніе уйти куда бы то ни было и надолго изъ „этой проклятой страны“ („from this cursed country“).

Когда встрѣчаешь это выраженіе въ письмѣ 1809 года—чудится, не ошибка ли это. Такъ могъ бы выразиться лишь чело-вѣкъ среди открытой борьбы съ своимъ народомъ; это стало умѣстно въ устахъ Байрона, когда вторично и навсегда онъ покинулъ Англію, чтобы вернуться только мертвымъ. Наканунѣ же перваго путешествія у него были очень несложные счеты со *страною* и съ *обществомъ*. Они не виноваты въ томъ, что Мэри разбила его душу; въ томъ, что среди журнальныхъ отзывовъ нашелся одинъ грубый и несправедливый; что пары Англіи полны спѣси, а ноттингэмскія кумушки не въ мѣру болтливы; что мать поэта—наслѣдственный маниакъ. Но если обобщеніе поспѣшно и произвольно, то личныхъ поводовъ къ удаленію все-же было достаточно, и принятое на себя сильно затосковавшимъ поэтомъ изгнаничество можно понять—и сочувствовать ему; вѣдь еслибъ, сдѣлавъ надъ собою насиліе, онъ остался, надѣясь приучить себя къ повседневности,—его дарованіе не двинулось бы такъ быстро впередъ, какъ это случилось, благодаря обвѣянному просторомъ моря, горъ, дальняго юга и знойнаго востока паломничеству Чайльдъ-Гарольда.

Еще съ 1807 г. встрѣчаются въ письмахъ Байрона намеки на предстоящее путешествіе; въ 1809 году они становятся безсмѣнной темой. И сразу бросается въ глаза отличительная особенность: ни на минуту не поманила его къ себѣ культурная Европа, большіе центры ея, вродѣ Парижа, классическая Италія, веселые водные города (по забавной англійской кличкѣ—„the Spas“) съ ихъ азартной игрой и международной сутолокой,—обычные притоны англичанъ-туристовъ того времени. Идетъ рѣчь о посѣщеніи дальнихъ, азіатскихъ странъ, то о поѣздѣ въ Константинополь, то о путешествіи въ Персію, даже въ Индію. Байронъ увѣряетъ мать, что ему хочется изучить индійскую политику Англіи, и запасается въ правительственныхъ кругахъ рекомендаціями. Но это—мимолетный замыселъ, вродѣ промелькнувшей послѣ путешествія затѣи поселиться гдѣ-нибудь въ Архипелагѣ и заняться оріентализмомъ. Гораздо важнѣе—стремленіе вдаль отъ культуры, въ природу, въ простымъ людямъ и опростившимся народамъ, въ страны,

гдѣ нѣкогда цвѣла свобода и гдѣ должно произойти ея возрожденіе. Въ этомъ видно вліяніе любимца Байрона, Руссо,—того Руссо, съ которымъ мать не разъ сравнивала его и по характеру, и по темпераменту, и по взгляду на жизнь и людей. Онъ спорилъ съ матерью (слѣдъ такого спора остался въ одномъ письмѣ ¹⁾), отстаивалъ свою самостоятельность, но никогда не избавился отъ вліянія женевского философа.

Къ веснѣ 1809 г. былъ выработанъ планъ путешествія, или, по крайней мѣрѣ, двухъ его третей (до посѣщенія Малой Азіи и Константинополя). Переѣздъ въ Персію подразумѣвался, и для усвоенія интернаціональнаго на Востоцѣ арабскаго языка заявлены были сношенія съ оксфордскимъ арабистомъ, проф. Памеромъ. Объ Индіи нѣтъ рѣчи; зато подробно разработана первая часть маршрута, посѣщеніе южныхъ европейскихъ окраинъ, Албаніи, Ионическихъ острововъ, Греціи, которые по своей запущенности или примитивности подходили къ бѣгству отъ культуры. Пріохотить къ изученію ихъ, даже поставить его чуть не на первый планъ, быть можетъ, удалось занимательному поэтическому разсказу о греческомъ югѣ, принадлежавшему знатоку его, бывшему генеральному консулу Англіи при „Республикѣ Семи Острововъ“, Уоллеру Родуэллу Райту ²⁾, о которомъ нашъ поэтъ сочувственно отзывался въ своихъ „Англійскихъ бардахъ“. Райтъ не былъ профессиональнымъ поэтомъ, но природа и великія традиціи края, съ которымъ онъ сроднился, пробудили въ немъ вдохновеніе. Онъ былъ скромнаго мнѣнія о своемъ талантѣ. „Умолкни, моя муза,—воскликаетъ онъ.—Не тебѣ дано слагать на землѣ пѣсни, подобныя небеснымъ гимнамъ. Ты не сестра, а только прислужница девяти музъ“. Любуясь красотами моря и горъ, онъ даетъ прочувствованныя описанія природы. Старина оживаетъ въ его мечтахъ объ историческихъ событіяхъ и великихъ людяхъ, нѣкогда преславившихъ запустѣвшую теперь страну; онъ способенъ на галлюцинаціи—и вызываетъ тѣнь Гомера. Контрастъ свободы и новѣйшаго рабства возбуждаетъ его негодованіе на тирановъ:—

The iron despot tracks his path with blood
And proudly tramples on the great and good...

¹⁾ Отъ 7-го октября 1808: „я не имѣю притязаній походить на этого знаменитаго безумца; знаю только, что проживу на свой ладъ и въ возможно большемъ одиночествѣ“. Муръ нашелъ въ „Detached Thoughts“ подробную параллель фактовъ жизни Байрона и Руссо.

²⁾ *Horae Ionicae*, a poem descriptive of the Ionian islands and part of the adjacent coast of Greece.

—гнѣвно восклицаетъ онъ. Это—предвѣстіе лирическихъ изліяній Гарольда, внушенныхъ эллинскимъ міромъ. И странно, самъ Райтъ, какъ будто предчувствуя появленіе великаго преемника, отводитъ себѣ роль его предтечи. „Чтобы достойно воспѣвать бессмертныя темы (immortal themes), нужно дарованіе могучаго художника; умолкая, я поклоняюсь и благоговѣю; объятый трепетомъ, выпускаю изъ рукъ лиру“.

Приближался день отъѣзда. Добыты были средства, образовавшіяся главнымъ образомъ изъ займа въ „Providential Institution“; составленъ штатъ небольшой свиты: въ нее вошли трое англійскихъ слугъ, въ томъ числѣ юный и малоопытный Рэштонъ, оригиналъ пажъ въ „Гарольдѣ“, Флетчеръ, съ этой поры до смерти поэта вѣрный его наперсникъ, и нѣмецъ Фризе, только что вернувшійся съ Востока. Изъ друзей, которыхъ Байронъ въ разныя времена звалъ съ собою, отправился лишь Гобгоузъ, и своимъ бодрымъ участіемъ въ трудностяхъ странствія, наблюдательностью, богатствомъ историческихъ свѣдѣній, даромъ рисовальщика,—принесъ большую пользу другу. Онъ забавлялъ его внушительными запасами письменныхъ и рисовальныхъ принадлежностей,—но, не отставъ отъ товарища и въ литературныхъ результатахъ путешествія, вывезъ матеріалы для книги, обратившей на себя вниманіе ¹⁾.

Настроеніе Байрона при отъѣздѣ біографы часто отождествляютъ съ тоской Гарольда и его щемящимъ чувствомъ одиночества. На дѣлѣ, мысли и чувства этого рода, если и проносились, то не надолго, смѣняясь впечатлѣніями новизны, заманчивой дали, отраднымъ сознаніемъ того, что замыселъ наконецъ выполняется. Въ прощальныхъ письмахъ матери и друзьямъ мелькаютъ Гарольдовскія выраженія. „Я покидаю Англію безъ сожалѣнія и безъ желанія увидать что-нибудь въ ней, — кромѣ васъ и вашей настоящей резиденціи“ (Ньюстэда),—пишетъ онъ м-ссъ Байронъ; или: „я беру съ собой Роберта (Рэштона),—я люблю его, потому что онъ, кажется, подобно мнѣ, совсѣмъ безъ друзей“ (a friendless animal). „Я напоминаю собою Адама, перваго человѣка, осужденнаго на изгнаніе“,—пишетъ онъ Годгсону:—„но у меня нѣтъ Евы, и яблоко, которое я отвѣдалъ, было до-нѣльзя кисло. Такъ кончается моя первая глава“... Когда настала часъ отъѣзда, мѣловые берега Англіи стали тонуть и

¹⁾ A journey through Albania, L., 1813, большой томъ съ прекрасными рисунками (картины природы, типы), описаніями народныхъ плясокъ и т. д.; изложенію придана форма писемъ (всѣхъ 51). Авторъ постоянно говоритъ о своемъ *другѣ* и спутникѣ, но подъ-конецъ прямо называетъ Байрона.

исчезать въ туманѣ, и корабль выходилъ въ открытое море,—въ памяти поднялось, конечно, все пережитое, покидаемое, дорогое, невозвратное; воспоминанія вереницей неслись за бѣглецомъ. Но... тотъ, кто называлъ себя „a friendless animal“, передъ отъѣздомъ заказалъ лучшему миниатюристу портреты всѣхъ товарищей, загадывая впередъ, съ какимъ чувствомъ будетъ онъ впослѣдствіи пересматривать лица этой юной братіи и подводить итоги жизни. Но... тотъ, кто считалъ себя новымъ Адамомъ, уходящимъ въ изгнаніе (изъ рая?), набросалъ шутливую пѣсенку за два дня до отъѣзда и вложилъ ее въ письмо Годгсону. Пѣсенка бойкая, во вкусѣ водевильнаго куплета:

Huzza! Hodgson, we are going.
Our embargo's off at last;
Favorable breezes blowing
Bend the canvass o'er the mast...

—такъ начинается эта стихотворная шалость, а заканчивается она призывомъ къ веселію и смѣху (хотя, можетъ быть, и сквозь слезы):

But, since life at most a jest is,
As philosophers allow,
Still to laugh by far the best is,
Then laugh on—as I do now.
Laugh at all things,
Great and small things, etc.

Что брало верхъ въ этомъ „преніи жизни и смерти“, уныніа и жизнерадостности, надежды и преждевременнаго пессимизма? Выдержанное, въ связи съ задуманнымъ характеромъ Гарольда, извѣстное прощаніе его съ отечествомъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу грусти и разочарованія; но Байронъ, двѣ недѣли спустя, писалъ уже изъ Лиссабона, что „до настоящей минуты путешествіе доставляетъ ему безконечное удовольствіе“.

Молодость брала свое; поэзіа океана захватывала. Когда, послѣ переѣзда, длившагося четыре съ половиною дня, путешественники вышли на португальскій берегъ, ими завладѣли, послѣ сѣрыхъ тоновъ Англіи, послѣ отечественной флегмы, впечатлѣнія жаркаго юга, чудной природы, страстной расы. Оригинально придуманная путевая линія наперерѣзъ отъ Лиссабона къ Гибралтару, показала имъ въ теченіе мѣсяца рядъ бытовыхъ, мирныхъ и воинственныхъ картинъ полуострова,—Португаліи, въ особенности Испаніи; смѣняя одна другую, онѣ то очаровывали страстью и нѣгой, культомъ красоты, веселья, пѣсни,—то говорили о порабощеніи народа, о его страданіяхъ, о хищничествѣ державъ, и

прежде всего наполеоновской Франціи. Испанія для Байрона была страной серенадъ, гитаръ, любовнаго шопота, жгучихъ глазокъ, „корридъ“, торреадоровъ; страной, гдѣ дѣвушка, залюбовавшись красивымъ юношей, говоритъ ему (какъ сказала Байрону, поцѣловавъ его на прощанье и обрѣзавъ себѣ на память локонъ его волосъ, его домохозяйка): „Adios, tu hermoso! me gusta mucho!“ (Прощай, красавецъ, ты мнѣ очень нравишься); той классической страной свободной любви, которая дала ему краски и для первой главы „Гарольда“, и въ особенности для первой пѣсни „Донъ-Жуана“. Но та же Испанія дала ему первый урокъ практической политики, поставивъ его лицомъ къ лицу съ бѣдствіями и угнетеніемъ народовъ, со сладостями стараго режима и тиранніей бонапартовской солдатчины. Испанію терзали внутреннія язвы, невѣжество, суевѣріе, клерикализмъ, королевскій произволъ; ее изнуряла война; путь Байрона пролегалъ невдалекѣ отъ полей сраженія, „еще дымившихся“, усѣянныхъ ядрами, политыхъ кровью (битвы при Талаверѣ, Альбуэрѣ и др.) ¹⁾. Безуміе войнъ впервые возмутило его; борьба еще не вымершей въ народѣ любви къ свободѣ съ властолюбіемъ Наполеона навела его на мысли, слабо намѣченные въ „Часахъ Досуга“.

Онъ могъ бы, конечно, прервать свое занимательное странствіе и вмѣшаться въ борьбу. Такъ поступилъ прямой его предшественникъ въ заступничествѣ за народныя вольности, Вальтеръ Сведжъ Ландоръ, поэтъ, философъ и политикъ, непонятый современниками и донесшій свою искреннюю тиранофобію до глубокой старости (умеръ въ 1864 г.) ²⁾. Онъ явился въ Испанію, организовалъ отрядъ волонтеровъ, передалъ юнтѣ 10,000 реаловъ, примкнулъ къ испанскимъ войскамъ,—и не сыгралъ своей роли до конца только вслѣдствіе столкновеній, вызванныхъ его безконечнымъ самолюбіемъ. Въ одномъ письмѣ передъ отлѣздомъ изъ Испаніи Байронъ обронилъ драгоцѣнный намекъ на то, что, не зная о Ландорѣ, онъ самъ чуть не поступилъ въ его духъ ³⁾. Зато въ горячихъ строфахъ „Гарольда“ онъ прославить мужество сарагосскихъ женщинъ, которыя замѣнили на городскихъ валахъ перебитыхъ французами мужчинъ, будетъ громить Наполеона,

¹⁾ Впечатлѣнія эти мѣтко характеризованы у Dallois, „Etudes morales et polit. & propos de L. Byron“, 1890, 37.

²⁾ О немъ см. John Forster, „W. S. Landor, a biography“, 1869; Sidney Colvin, „Landor“, 1881. Юмористическая и односторонняя характеристика у Диккенса, „Bleak-Hous“.

³⁾ Byron's Works. Letters, 1898. 241.

звать народъ, когда-то свободный, къ полному возрожденію. Но его еще ждутъ новые уроки позорной политической исторіи.

На кораблѣ, отплывшемъ изъ Гибралтара въ Мальту, увидалъ Байрона, необыкновенно заинтересовался имъ, потомъ сошелся съ нимъ соотечественникъ, Джонъ Гольтъ, со временемъ авторъ Байроновской біографіи ¹⁾, важной по воспоминаніямъ именно объ этой порѣ. Гольтъ путешествовалъ для здоровья, держался на палубѣ поодаль; когда явился новый пассажиръ,—его внѣшность, изящно-простой нарядъ, выраженіе лица, поражавшее красотою и умомъ, странные переходы въ его настроеніи и разговорахъ, то оживленныхъ, то грустныхъ, тѣни, пробѣгавшія по лбу, — заставляя брови сдвигаться и морщиться, точно отъ тяжелой думы или непріятныхъ воспоминаній, — все казалось необычнымъ. На третій день Байронъ какъ будто успокоился, сталъ общительнѣе, веселѣе: но, едва взошла луна, онъ ушелъ на вышку, и цѣлыми часами сидѣлъ тамъ, „влюбленными глазами“ глядя на луну и игру ея свѣта въ волнахъ,—и въ своей неподвижности казался привидѣніемъ. Наблюдателю представлялось потомъ, что онъ былъ свидѣтелемъ зарождавшагося вдохновенія. То проносились, словно прелюдія къ „Гарольду“, первыя импровизаціи его стансовъ.

Отплытіе корабля въ Мальту ускорилося, посѣщеніе африканскаго берега не состоялось; послѣ небольшой остановки въ Кальяри и нѣсколькихъ дней морского пути, Байронъ перенесся на Мальту. Мечтательное любованье Средиземнымъ моремъ, открывшее поэту—послѣ величія океана—новый оттѣнокъ обаянія моря, какъ будто подготовило его, уже возбужденнаго, ожидающаго, къ романтическому эпизоду. Тому, кто „увлекался многими, но любилъ только одну“, судьба показала мимолетно, на перепутьѣ, одно изъ украшеній его поэтической галереи. Онъ увѣрялъ потомъ и себя, и друзей, устно и печатно, что поклоненіе было платоническое; біографы вторятъ ему. Но въ потокѣ стихотворныхъ импровизацій, вызванныхъ встрѣчей съ „Флоренсой“, при всей молитвенности позъ и благоговѣйности настроенія, слишкомъ много земной любви, сдерживаемой лишь сознаніемъ, что любимая женщина несвободна, что она должна вернуться къ мужу, и что неосторожность погубить ея доброе имя. „Среди вихря sciòssо и въ послѣдній разъ припалъ къ твоимъ губамъ“,—одна уже подобная строчка (въ „Стансахъ, написанныхъ во время бури“) говоритъ о настоящемъ оттѣнкѣ чувства.

¹⁾ John Galt, „The Life of Lord Byron“, 1830.

Когда же другія увлеченія смѣнили мальтійскій эпизодъ, и Байронъ признался, что „очарованіе прошло, волшебство разлетѣлось“, онъ этимъ подтвердилъ, что чары дѣйствительно *были*, что онъ былъ въ плѣну у своей „Калипсо“.

Полное художественнаго удивленія изображеніе ея, принадлежащее *женщинѣ* (герцогинѣ Д'Абрантэсъ)¹⁾, объясняетъ, что именно могло въ ней нравиться Байрону. Это была—„сама грація, воздушное созданіе, съ нѣжнымъ, словно прозрачнымъ лицомъ, чудной русой косой, волнистыми тѣлодвиженіями“ и т. д. Необычайная судьба этого, совсѣмъ еще молодого существа, испытывавшаго много опасностей, гонимаго Наполеономъ, захваченнаго французами, чудесно спасеннаго, на морѣ снова очутившагося на краю гибели, укрывшагося на Мальтѣ послѣ кораблекрушенія, — и все такого же изящнаго, воздушнаго, — плѣнила поэта столько же, какъ и красота. Онъ былъ неразлученъ съ „Флоренсой“. Врядъ-ли много осталось у него въ памяти рыцарскихъ преданій или даже контуровъ скалистаго гнѣзда, родины и витязей-иноковъ, и пиратовъ,—ни въ письмахъ, ни въ поэмѣ вѣтъ и слѣда ихъ. Въ преддверіи Востока, словно грѣза, явилось передъ нимъ олицетвореніе того родного, британскаго типа красоты, который когда-то вызвалъ у него столько блаженства и столько горя,—вѣдь у незнакомки было прованскаго имя — мистриссъ Спенсеръ Смитъ, и мужъ ея былъ посланникомъ въ Вюртембергъ. Но фантазія поэта облекла ее въ одѣянія Калипсо, создала для нея нѣжный псевдонимъ—„sweet Florence“ — и не хотѣла разстаться съ ея образомъ. Прощаніе съ нею вызвало „Стансы къ Флоренсѣ“; лирическое настроеніе во время перѣзда по Амвравійскому заливу выразилось въ новыхъ стансахъ къ ней; послѣ бури въ Зитцѣ, въ Албаніи, мысль понеслась къ ней съ тревогой и запросомъ, гдѣ она въ эту минуту, достигла ли твердой земли, и въ стихахъ отразились любовь, заботливость и благодарность. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Малой Азіи, среди работъ надъ второй пѣснью „Гарольда“, въ нѣсколькихъ строфахъ снова, но въ послѣдній разъ, обрисовывается образъ „sweet Florence“.

„Для береговъ отчизны дальней“ она покинула Мальту; Байронъ, только ради нея зажившійся на островѣ, отплылъ на военномъ англійскомъ бригѣ, черезъ восемь дней высадился въ Превезѣ, и передъ нимъ открылся греко-восточный міръ, такъ сильно манившій его къ себѣ. Вступивъ въ него, онъ впервые выка-

¹⁾ Mémoires historiques sur Napoléon, la révolution etc., 1833, vol. XV, 4—5.

заль поразительныя способности выносливаго путешественника. Верховая прогулка по Пиренейскому полуострову, съ аккомпаниментомъ кастаньетъ, серенадъ, и дальняго грохота пушекъ, была диететическимъ вступленіемъ, морской путь — мечтой; теперь настала пора трудныхъ походовъ, безъ дорогъ, по горнымъ тропамъ, въ глуши, съ опасностью нападеній и грабежа, съ необходимостью вооруженнаго прикрытія. Переѣзды длились недѣлю, дней девять; съ краткими остановками приходилось проѣзжать по 150 миль; ночлегомъ служили монастырь въ горахъ, горская сакля; загонъ для овецъ—или дворецъ паши. Въ долинахъ стояла теплая осень; въ ноябрьскій жаркій день Байронъ съ наслажденіемъ бросился въ волны Артскаго озера; на поднебесныхъ высотахъ его охватывала альпійская бодрящая свѣжесть. Когда онъ видѣлъ себя безконечно далеко отъ какой бы то ни было культуры, въ „невѣдомой странѣ“, верхомъ, среди усатыхъ, увѣшанныхъ оружіемъ богатырей-дѣтей природы, албанцевъ или суліотовъ, казалось, онъ на яву переживаетъ фантастическій сонъ. Вокругъ все было величественно, тихо, первобытно. Надъ головой проносилась или рѣяла въ воздухѣ стая орловъ, и ему чудилось, что это—благодатный символъ. Почти безсознательно онъ пустилъ однажды пулю въ слѣдъ царственнымъ птицамъ, тяжело ранилъ одну изъ нихъ; она такъ грустно смотрѣла своими необъятными глазами, что Байронъ, измученный сожалѣніемъ, тщетно старался спасти ее,—и съ тѣхъ поръ не могъ уже застрѣлить ни одной птицы.

Эпиръ и Албанія были первыми греко-турецкими краями, которые узналъ онъ. Такъ же легко, какъ въ послѣдствіи, въ Венеціи, онъ усвоилъ основы армянскаго языка, онъ овладѣлъ элементами новогреческаго и еще болѣе труднаго—албанскаго. Формы быта, пѣсни, пляски, костюмы, отмѣчались, наблюдались, зарисовывались, то поэтомъ, то Гобгоузомъ; въ память врѣзывался военный танецъ албанскихъ горцевъ или мотивъ разбойничьей пѣсни изъ окрестностей Парги. Чѣмъ глубже уходили въ страну путешественники, тѣмъ ярче становилась этнографія и величественнѣе природа. Изъ Превезы черезъ Арту и Санъ-Деметрѣ они прибыли въ столицу Албаніи, Янину, и, послѣ стоянки, вернулись бы къ морскому берегу, но до слуха Али-паши янинскаго, занятаго войной противъ смежнаго властителя Исмайла-паши, дошло, что въ его владѣнія прибылъ представитель англійской знати, и онъ оставилъ приказъ пригласить пріѣзжаго въ его главную квартиру. Поѣздка возобновилась по еще болѣе глухимъ и дико-красивымъ мѣстамъ сѣверо-западной Албаніи, че-

резъ Зитцу, Дельвинаки и Либохово до Тепелени, гдѣ очутились лицомъ къ лицу поэтъ, въ расцвѣтѣ молодости и красоты, на здоровомъ просторѣ горъ и среди жизни по природѣ, казалось, изгладившій всѣ слѣды недуговъ и терзаній,—и турецкое подобіе Ивана Грознаго, жестокой, самоуправный и, въ то же время, проникательный, себѣ на умѣ старикъ-паша, ласково привѣтствовавшій юношу-красавца, осыпая его нѣжными заботами, видя въ немъ чуть не отрока, неосторожно отпущеннаго матерью въ даль. Впослѣдствіи Байронъ приводилъ его въ примѣръ того, какъ бываетъ обманчива внѣшность: „однажды меня обокралъ человѣкъ обходительнѣйшей любезности; однимъ же изъ наиболѣе ласковыхъ людей, какихъ я встрѣчалъ, былъ несомнѣнно Али-паша“. Ласка приземистаго, полнаго, съ густой сѣдой бородой, типическаго турка, который „просилъ считать его отцомъ, по двадцати разъ въ день присылалъ лакомствъ, любовался крохотными ушами, вьющимися кудрями, маленькими бѣлыми руками,—признаками хорошей породы“,—не мѣшала поэту видѣть въ немъ грознаго изверга, котораго боялись даже въ Константинополѣ, зная, что онъ только номинально подвластенъ Портѣ,—вождя янычаровъ-опричниковъ, искусно соединявшаго съ безумнымъ деспотизмомъ чутье къ западной культурѣ и кокетство съ дипломатіей, особенно англійской,—злodeй, отъ котораго правительство смогло избавиться, только приславъ зарѣзать его, какъ онъ рѣзалъ и вѣшалъ сотнями своихъ враговъ. Черты Али навсегда сохранились въ памяти Байрона; въ 1813 г. паша напомнилъ ему о себѣ латинскимъ письмомъ, посланнымъ съ Голландомъ, — съ обращеніемъ: „Excellentissime pes non Carissime“, и просьбой содѣйствовать заказу какой-то пушки ¹⁾; когда бы ни приходилось обрисовывать старческій отгѣнокъ восточнаго типа, онѣ сослужили ему большую службу; кромѣ II-й пѣсни „Гарольда“, гдѣ онъ является самолично, мы съ нимъ встрѣчаемся и въ „Донъ-Жуанѣ“, и особенно въ „Абидосской невѣстѣ“, гдѣ Джаффиръ—копія съ Али.

За все время восточной поѣздки Байронъ настойчиво повторялъ въ своихъ письмахъ, что, въ противоположность Гобгоузу, который вѣчно скрипитъ перомъ, онъ не ведетъ дневника. Это, однако, было лишь отчасти правдой. При массѣ впечатлѣній, подъемѣ силъ, невозможно было предположить отсутствіе желанія закрѣпить навсегда въ видѣ набросковъ съ натуры видѣнное

¹⁾ Объ этомъ курьезномъ латинскомъ письмѣ турка, подписанномъ: „Ali Vizir“, Байронъ сообщилъ Томасу Муру въ нѣсколькихъ словахъ, въ письмѣ 8 сентября 1813.

и пережитое. На листкахъ, безъ связи и плана, стали возникать бѣглые очерки въ стихахъ. Первый листокъ исписанъ былъ 31 октября 1810 въ Янинѣ, по возвращеніи отъ Али; начался онъ воспоминаніемъ объ отъѣздѣ изъ Англіи и морскими картинами по пути въ Португалію. Стихотворный рассказъ двигался впередъ, догоняя фактическое путешествіе. Сцены въ Испаніи, на Мальтѣ и Ионическомъ морѣ писались на албанскихъ и морейскихъ стоянкахъ; въ Аѣинахъ поэзія и дѣйствительность, стихи и маршрутъ, сравнивались и пошли параллельно. *Поэтический* дневникъ незамѣтно создавался. Къ концу путешествія авторъ, не придававшій ему особаго значенія, насчитывалъ до 4.000 стиховъ „во вкусъ Спенсера“. Это—первичная редакція „Чайльдъ-Гарольда“. Албанская глава странствія смѣнилась другою, еще могущественнѣе подѣйствовавшюю. Путь лежалъ въ Аѣины. Изъ Мисолонги, гдѣ, пятнадцать лѣтъ спустя, Байронъ нашелъ смерть, онъ направился въ Морею. Перерѣзавъ Патрасскій заливъ, онъ изъ Патраса круто повернулъ на востокъ, снова очутился на морѣ, переправился на другой берегъ Коринѣскаго залива—и вступилъ на классическую почву, гдѣ каждый шагъ вызывалъ воспоминанія объ эллинской старинѣ. Вотъ Дельфы, Кастальскій источникъ, Оивы, вотъ, наконецъ, Аѣины; любознательность разгорается: изъ Аѣинъ онъ устремляется къ Саламину, посѣщаетъ Элевзисъ, задумчиво бродитъ по Мараѣонскимъ полямъ, входитъ въ храмъ Паллады въ Суніумѣ. Но чѣмъ болѣе оживали преданія свободы, патріотизма, великаго творчества, тѣмъ мучительнѣе угнетало зрѣлище рабства и одичалости. На родинѣ Перикла властвовалъ невѣжественный паша или „воевода“ (Байронъ пишетъ: „Waywode“); беззаконіе, грубость и алчность царили. Горячій лирический протестъ противъ порабощенія, — первый фактъ заступничества Байрона за грековъ,—вырвался у поэта, еще сильнѣе потрясеннаго, чѣмъ въ Испаніи. Часто, въ минуту душевнаго затишья, произволъ и жестокость рѣзко напоминали о себѣ. Такъ, во второй пріѣздъ въ Аѣины, возвращаясь изъ Пирея съ купанья, Байронъ увидаль солдатъ, тащившихъ мѣшокъ съ зашитой въ немъ женщиной, чтобы бросить ее въ море; угрозами и деньгами онъ сумѣлъ отбить несчастную, скрыть ее въ монастырѣ, потомъ отправить на родину,—и со временемъ ввелъ этотъ эпизодъ въ „Гяура“.

Кругомъ была благодатная природа, „красивѣйшіе въ мірѣ пейзажи, небо вѣчно безоблачное, нѣжно-голубое“. Отъ тяжелыхъ впечатлѣній Байронъ переходилъ къ истинно эллинскому наслажденію. Въ дивной рамкѣ казалась еще привлекательнѣе

женская красота. Когда поэтъ, въ письмѣ къ Генри Друри, говоритъ, что „умираетъ отъ любви къ *тремъ* дѣвушкамъ-гречанкамъ, въ чьемъ домѣ онъ живетъ, и оговаривается, что ни одной изъ нихъ нѣтъ и пятнадцати лѣтъ, опасность любовнаго недуга не можетъ показаться слишкомъ серьезною. Но въ числѣ трехъ грацій, Терезы, Маріаны и „Катиньки“ (Katinka) Макри, находилась воспѣтая Байрономъ „Аѳинская дѣва“ (Maid of Athens), Тереза ¹⁾,—а тѣ, кто еще не такъ давно (она умерла 80-ти лѣтъ, въ 1875 г.) видѣлъ ее и въ память о поэтѣ позаботился о ней, совсѣмъ обнищавшей ²⁾, узнавали въ величавой, „внушавшей уваженіе“, старой женщинѣ слѣды поразительной красоты.

Рѣшивъ вернуться въ Аѳины, Байронъ оторвался отъ впечатлѣній Эллады, чтобы продолжать путь. Первая группа набросковъ, или, пожалуй, первая пѣснь поэмы, пока безформенной и безымянной, была закончена 30 декабря 1809 г., а въ началѣ марта 1810 онъ былъ уже на англійскомъ фрегатѣ, направлявшемся въ Малую Азію. Два мѣсяца ушло на посѣщеніе ея западной окраины, отъ Аяслуга (прежняго Эфеса) до мыса Веналио, откуда путешественники направились въ Константинополь. Центромъ экскурсій была Смирна; отсюда Байронъ ѣздилъ на югъ, къ великолѣпному мраморному храму Артемиды эфесской; изъ Смирны же проникъ на сѣверъ, къ легендарнымъ останкамъ Трои; вѣроятно, были и менѣе выдающіеся поѣздки и блужданія. Если съ картой въ рукѣ не всегда легко прослѣдить его странствіе, то за эту пору почему-то чувствуется особенная скудость хронологіи и деталей. Но иногда, даже въ значительно позднѣйшихъ произведеніяхъ, вдругъ послышится отголосокъ этой доли юношескаго путешествія. Такъ, въ IX-ой пѣснѣ „Донъ-Жуана“ (строфы 26—27), въ горячей выходѣ противъ ненавистниковъ прогресса, нетерпѣливо и жадно подстерегающихъ случай повредить ему, поэтъ вспоминаетъ, какъ ночью вокругъ чуднаго эфесскаго храма стаи голодныхъ шакаловъ завывали, требуя добычи; быть можетъ, тогда же подумалось ему, что „хищники пустыни не такъ опасны, какъ науки человѣческаго рода, раскидывающіе всюду паутину, чтобы ловить и мучить своихъ жертвъ“. Эфесъ и Троя снова переносили мысль

¹⁾ Новѣйшій издатель соч. Байрона, Кольриджъ, считаетъ, что кромѣ известнаго стихотворенія „Maid of Athens, ere we part“, къ Терезѣ Макри относится и вставленная въ I-ую пѣснь „Гарольда“ лирическая импровизація: „To Inez“.

²⁾ „New York Times“, 22 октября 1875, статья американскаго консула въ Аѳинахъ, Martelaus'a, познакомившагося съ „аѳинской дѣвой“.

въ прошлое, картины современной Азіи говорили воображенію, стихи лились свободно,—и въ Смирнѣ закончена была вторая пѣснь будущаго „Гарольда“.

Впереди, казалось, было еще много странствій и впечатлѣній. Не вполнѣ рѣшенъ былъ вопросъ, поѣдетъ ли Байронъ изъ Константинополя въ Персію; относительно Египта, наоборотъ, рѣшеніе было принято, и необходимый фирманъ полученъ. Между тѣмъ конецъ путешествія былъ уже близокъ. Послѣ бравурнаго вступленія, во вкусъ студенческихъ традицій поэта и легенды о Леандрѣ и Геро,—когда ему удалось переплыть Геллеспонтъ на протяженіи *четыре*хъ англійскихъ миль при сильномъ теченіи и въ почти ледяной водѣ,—насталъ періодъ константинопольскаго жита. Всѣ краски, которыя со временемъ оказались въ распоряженіи автора „Донъ-Жуана“ при изображеніи жизни и нравовъ турецкой столицы (отчасти и Измаила, куда онъ перенесъ нѣсколько чертъ Стамбула), были сняты теперь съ натуры. Изъ французской гостинницы въ Перѣ друзья предпринимали походы и поѣздки во всѣ направленія, проникали черезъ Босфоръ въ Черное море,—начиная съ св. Софіи, осматривали, съ фирманомъ въ рукахъ древнія мечети, любовались видомъ Золотого-Рога во всей его сказочной фантастикѣ,—въ то же время видѣли крайнюю нищету и невѣжество, изнанку надменнаго величія. Наконецъ, благодаря прощальной аудіенціи англійскаго посла, Байронъ, облекшись въ парадный костюмъ, былъ принятъ султаномъ,—и Махмудъ II-й очутился лицомъ къ лицу съ своимъ позднѣйшимъ врагомъ, предтечей греческаго освобожденія. Но центръ турецкаго міра произвелъ все-же слишкомъ удручающее впечатлѣніе, и житіе въ немъ излечило отъ дальнѣйшихъ оріентальныхъ плановъ. Байронъ еще говорилъ въ письмахъ объ экскурсіи въ Египетъ,—но „вѣдь я словно ртуть“ („I am quicksilver“),—прибавлялъ онъ, приготавливая къ перемѣнѣ плана,—и очутился въ Аѳинахъ, въ францисканскомъ монастырѣ. Гобгоузъ былъ уже на пути въ Англію, съ богатымъ матеріаломъ наблюденій и рисунковъ, готовымъ къ печати, съ письмами и подарками отъ поэта; а другъ его, казалось, предался блаженному „*fag niente*“, уединялся въ своей велии или одиноко странствовалъ по Пелопоннезу, наполняя досуги стихотворными работами (въ теченіе марта 1811 написаны были и „Hints from Parnassus“, и раздраженно-обличительное „Проклятіе Минервы“, бичевавшее расхищеніе англичанами художественныхъ античныхъ памятниковъ). Перерывъ въ его перепискѣ съ февраля по

июнь дѣлаетъ тѣмъ поразительнѣе перемѣну декораціи. Письмо къ матери, отъ 25-го июня, написано на фрегатѣ „Volage“, въ пути изъ Мальты въ Портсмутъ.

Байронъ неохотно объяснялъ причину ускореннаго возврата; вѣроятно, ее нужно искать въ гнетѣ матеріальныхъ условій: Гансонъ въ отсутствіи поэта не сообщилъ ему ни строчкой о положеніи дѣлъ. Мать, вдали отъ него полная забота о его благѣ, дѣлала чудеса бережливости, чтобы дать ему возможность пользоваться жизнью,—но едва справлялась съ задачей. Вопросъ о продажѣ имѣній былъ насущнымъ. „Если я могу сохранить Ньюстэдъ, я вернусь; если нѣтъ, останусь здѣсь“,—писалъ поэтъ матери, а Годгсону признавался:— „домашнія дѣла мои разстроились, страсть къ путешествіямъ утолена странствіями, многія надежды мои въ этомъ свѣтѣ угасли, а шансы на томъ свѣтѣ не блестящі. Первое, что я увижу, высадившись, будетъ—адвокатъ, потомъ кредиторъ, потомъ рудокопы, фермеры, управляющіе, всѣ пріятныя атрибуты испорченной и потрясенной собственности. Я боленъ и раздраженъ; когда сколько-нибудь устрою распатанные дѣла, уйду или въ испанскую войну, или назадъ на Востокъ, гдѣ надо мной будетъ, по крайней мѣрѣ, безоблачное небо, и я буду свободенъ отъ дразгъ“.

Приступъ лихорадки, вынесенный въ Патрасѣ и по невѣжеству врачей едва не кончившійся трагически, оставилъ слѣдъ на его здоровьѣ. Безконечный морской путь (одно письмо написано, напр., на 35-й день пути) утомилъ чрезвычайно; проза, ожидавшая на родинѣ, волновала и бѣсила. Хмурый и нездоровый туристъ, который плылъ теперь по тому же морю къ берегамъ Англіи, мало походилъ на энтузіаста, мечтавшаго, за два года передъ тѣмъ, ночи напролетъ при лунѣ; не похожъ онъ былъ и на бодрогостранника, взбиравшагося на горы, переплывавшаго проливы, трепетавшаго отъ любви, отъ вдохновенія, отъ жажды великихъ подвиговъ. Можно было подумать, что привидѣлся красивый поэтический сонъ, смѣнившійся, при пробужденіи, людскою злобой, измѣной, неудачами. Но въ тайникахъ памяти сохранилось все, что пережито и передумано было во время путешествія. Поэзія Байрона за слѣдующія пять лѣтъ, періодъ наибольшей его популярности, исключительно питалась этими отголосками.

Чѣмъ ближе подходилъ фрегатъ къ Англіи, тѣмъ мрачнѣе становилось на душѣ; гамлетовское раздумье томило его. Кстати, вмѣсто черепа Юрика, онъ везъ съ собой, какъ лучший подарокъ самому себѣ, четыре афинскихъ черепа, вырытыхъ изъ сар-

вофаговъ; онъ привыкъ ставить ихъ на столъ и долго смотрѣть на нихъ. Но то, что ждало его на родинѣ, превзошло ожиданія. Его встрѣтила вѣсть о томъ, что задѣтый имъ въ „Англійскихъ Бардахъ“ наемный писака Гюзонъ Кларкъ отмстилъ ему, помѣстивъ въ одномъ періодическомъ изданіи („The Scourge“, мартъ, 1811) пасквиль, гдѣ утверждалъ, что поэтъ — „незаконный потомокъ убійцы“, низкій развратникъ, а „мать его дни и ночи проводитъ въ безуміи пьянства“, — и въ гнѣвъ онъ рѣшилъ добиться наказанія оскорбителя, заступаясь главнымъ образомъ за доброе имя матери. Долгое отсутствіе съ родины смягчило отношенія его съ виновницей многихъ его страданій; письма изъ-за границы написаны были почти исключительно къ матери, въ тонѣ остроумной и дружеской бесѣды. Вернувшись, онъ хотѣлъ, устроивъ дѣла въ Лондонѣ, поѣхать къ ней, — и она ждала его, употребляя послѣднія усилія, чтобы задержать надвигавшійся денежный кризисъ, но одинъ изъ кредиторовъ внезапно предъявилъ взысканіе; со дня на день грозила опись; м-ссъ Байронъ почувдилось, что и она, и сынъ — на краю гибели, разорены ¹⁾, и отъ потрясенія она внезапно умерла. Глубокое горе охватило Байрона, горе, силы котораго онъ даже не ожидалъ; въ Ньюстэдѣ цѣлую ночь просидѣлъ онъ у постели умершей, тоскуя и рыдая, захотѣлъ-было переломить себя, объявивъ, что не будетъ на похоронахъ, и занялся — фехтованіемъ, но ясно показалъ яростью нападеній на противника и смѣнявшими ихъ паузами самозабвенія, какъ тяжело у него на душѣ. Едва перенесъ онъ смерть матери, какъ въ нѣсколько дней лишился такихъ друзей молодости, какъ Скиннеръ Мэтьюсъ и Уингфильдъ; двое близкихъ знакомыхъ, Игльстонъ и младшій Гавсонъ — также погибли. Судьба ожесточилась. Она готовила новый ударъ.

Нѣсколько строфъ „Гарольда“ (II, 9, 95, 96) и пять безысходно грустныхъ стихотвореній, посвященныхъ памяти „Тирзы“, всегда останутся поразительнымъ выраженіемъ лирической силы Байрона. „Euthanasia“, „One struggle more and I am free“, „And thou art dead, as young as fair“ — вызываютъ навѣки скрывшійся образъ свѣтлаго, прекраснаго существа, добраго генія; его поэтъ любилъ искренно, но любовь не была чувственною, поцѣлуй не жгли крови; появленіе его въ жизни его друга было чуднымъ сновидѣніемъ; „на что мнѣ жизнь, когда тебя нѣтъ въ живыхъ!“ — восклицаетъ Байронъ въ „Гарольдѣ“... Множество догадокъ и

¹⁾ Новые свѣдѣнія, собранныя Prothero. C. R., 1898, IV.

комментаріевъ ¹⁾ окружаетъ этотъ загадочный эпизодъ, много именъ было подыскано для оригинала поэтического псевдонима. Поэтъ, въ письмахъ къ Долласу, опредѣленно высказывается, говоря, что стихи относятся къ смерти лица, неизвѣстнаго корреспонденту даже по имени, и не имѣютъ никакого отношенія къ утратѣ друзей-мужчинъ (male friends), что оплаканная имъ смерть случилась вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Англію, и не при немъ. Ему, очевидно, удалось окружить непроницаемою тайною одно изъ своихъ юношескихъ увлеченій,—и вмѣстѣ съ новѣйшимъ издателемъ сочиненій поэта слѣдуетъ посоветовать „оставить тайну въ томъ видѣ, какой захотѣлъ придать ей Байронъ“.

Одиночество стало его тяжко угнетать; „дорогой Скропъ,—молить онъ одного изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ товарищей,—если вы можете пожертвовать мнѣ временемъ, пріѣзжайте, мнѣ нуженъ другъ. Спѣшите, спѣшите, я въ отчаяніи, я теперь почти одинъ на всемъ свѣтѣ“. Онъ составляетъ завѣщаніе, дѣлаетъ распоряженія о своихъ похоронахъ, которыя должны быть крайне просты, въ Ньюстэдѣ, въ склепѣ среди сада, рядомъ съ могилой его друга Ботсвэйна (трогательная заботливость о немъ сказала въ оговоркѣ: „я желаю, чтобы мою вѣрную собаку не потревожили при этомъ“).

Но никогда слава и могущество не были такъ близки отъ Байрона, какъ въ эти тяжелые дни. Въ первую же встрѣчу съ Долласомъ, въ отвѣтъ на вопросъ, что онъ привезъ съ собой новаго, Байронъ показалъ ему „Переложеніе изъ Горація“, и только на другой день, замѣтивъ недоумѣніе собесѣдника въ виду скуднаго литературнаго результата долгаго и занимательнаго путешествія, онъ позволилъ порыться въ сундукѣ и взять стихотворные путевые наброски. Долласъ унесъ ихъ, пришелъ въ восторгъ, пристыдилъ друга равнодушіемъ къ сокровищу, отыскалъ издателя; когда же тотъ смутился вольномысліемъ поэта,—свелъ съ нимъ Мэррея, отнынѣ неизмѣннаго Байроновскаго publisher'a. Заглушены тревоги и горести; закипѣла забота пересмотра и улучшеній; написаны новыя строфы (посвященіе „Янтѣ“, прелестному ребенку, дочери лорда Оксфорда, тридцать-четыре строфы

¹⁾ Говорили, напр., о томъ, будто бы Байрона съ 1806 г. до отъѣзда на Востокъ вездѣ сопровождалъ пажъ, похожій на него лицомъ, и подъ этимъ костюмомъ скрывалась влюбленная въ него „Тирза“. Джефрсонъ довольно неудачно ищетъ ключа къ загадкѣ въ отголоскахъ любви Байрона къ Маргаритѣ Паркеръ, и только смущенъ тѣмъ, что Маргарита умерла за много лѣтъ передъ тѣмъ.

въ концѣ II-ой пѣсни); объединены бѣглыя черты центральнаго лица, Пилигрима; придуманы—ему имя, а поэмѣ—заглавіе; двѣ пѣсни, приготовленныя къ печати „въ видѣ опыта“ („these two cantos are merely experimental“), вышли въ свѣтъ 10-го марта 1812 г.,—и внезапно произошло то литературное событіе, о которомъ потомъ Байронъ вспоминалъ, говоря, что „въ одно прекрасное утро онъ проснулся и—увидаль себя знаменитымъ“.

Алексѣй Веселовскій.

ЧЕРВОНЫЙ ХУТОРЪ

РОМАНЪ.

I.

Степь, вѣтеръ, солнце...

Отъ одного края горизонта до другого все степное пространство залито ослѣпительно-жгучимъ блескомъ солнца, голубыми волнами воздуха, зеленой травой и цвѣтами. Цѣлое море цвѣтовъ!.. То краснымъ ковромъ стелется „куриная слѣпота“, въ сладкой дремотѣ разбросавъ свои клейкія, рдѣющія кисти; то сверкаютъ и шатаются, какъ пьяныя, золотыя метѣлки душистой медуницы; жарко пламенѣютъ широко открытыя чашечки степныхъ тюльпановъ; свѣтло-голубыя звѣзды Петрова-батого то всплываютъ, то гаснутъ, склоняясь къ землѣ. И все это волнуется, шумитъ, трепещетъ, благоухаетъ; горячій вѣтеръ гонитъ по травѣ разноцвѣтныя волны, гдѣ-то высоко покоятъ жаворонки, а воздуху,—воздуху столько, что, кажется, грудь разорвется... Широкая полѣса блеститъ и вьется въ травѣ, точно исполинская змѣя,—это большая дорога, „шляхъ“ по-казацки. Высокіе курганы стерегутъ ее, завернувшись въ сизыя покрывала... Неуклюжая хуторская бричка, звеня желѣзными винтами и гайками, катится по дорогѣ; старый дѣдъ въ бѣлой холщевой рубахѣ, согнувши свою старую спину, сидитъ на облучкѣ и неторопливо потираетъ возжами.

— Стой, дѣдко, не могу я больше... Останови лошадей! Безмятежный дѣдко молча осаживаетъ пару сытыхъ низень-

кихъ лошадокъ,—онѣ фыркають, прядаютъ ушами и тянутся къ травѣ. Прыжокъ—и скорѣе въ эту свѣжую, душистую, высокую траву... Ноги путаются въ ней, голова кружится отъ медоваго запаха цвѣтовъ; огромные зеленые кузнечики выскакиваютъ изъ-подъ рукъ и, сверкая, словно живые изумруды, падаютъ внизъ. Какая ширь и роскошь, сколько цвѣтовъ!.. Вотъ розовая душица,—такъ и льнетъ къ рукамъ; мохнатыя бѣлыя головки кашки въ вѣнцѣ изъ капель росы прячутся въ тѣни золотистаго бобовника; голубые колокольчики толпятся кругомъ и заглядываютъ въ лицо...

„Колокольчики мои, цвѣтныя степныя“...

—шепчетъ молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, съ растрепавшимися короткими волосами, съ возбужденнымъ, раскраснѣвшимъ лицомъ—и бѣгаетъ по травѣ, и рветъ цвѣты. Шляпка съ нея давно свалилась и болтается на резинкѣ за спиной, солнце жжетъ голову, руки полны цвѣтовъ и держать уже невозможно, а она все бѣгаетъ и рветъ. Старикъ терпѣливо ждетъ и, пожерывая губами, смотритъ, какъ лошади машутъ хвостомъ, отгоняя оводовъ. Лицо его совершенно спокойно и равнодушно; онъ не восхищается степью,—онъ къ ней давно привыкъ.

Наконецъ, дѣвушка возвращается, запыхавшись, съ огромнымъ снопомъ къ рукамъ и усаживается въ бричку.

— Смотри, дѣдушка, сколько нарвала!

Старикъ безучастно посмотрѣлъ на цвѣты.

— А на что тебѣ эту дрянь-то?—сказалъ онъ равнодушно.

Дѣвушка засмѣялась.

— Какъ на что? Смотрѣть на нихъ, любоваться, нюхать... Я никогда не видала столько цвѣтовъ. Вѣдь у насъ въ городѣ этого нѣтъ. У насъ тамъ только камни, да крыши, да трубы... А цвѣтовъ нѣтъ такихъ. Ахъ, какіе милые, какая прелесть!..

Она съ нѣжностью погрузила свое пылающее лицо въ душистый влажный снопъ. Старикъ заинтересовался и, повернувшись на облучекъ, глядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Такъ нѣту, говоришь? Ишь ты! Стало быть, тебѣ въ диковинку трава-то эта?

— То-то и есть, дѣдушка, а ты говоришь,—зачѣмъ?

— Такъ... Стало быть, въ городѣ-то хуже нашего?

— Еще бы,—конечно, хуже! Тамъ тѣсно, пыльно, душно. А ты развѣ никогда не бывалъ въ городѣ?

Дѣдко почмокалъ губами и послѣ нѣкотораго раздумья произнесъ:

— Нѣтъ, бывалъ... Мы въ извозъ прежде хаживали,—за солю, за рыбой... Только давно это было... забылъ я.

— Забылъ? Развѣ тебѣ много лѣтъ, дѣдушка?

— Мнѣ-то? А кто-е-знаетъ; должно, много. Годовъ семьдесятъ будетъ, а то, можетъ, и больше. Давно уже живу.— позабылъ.

— Неужели семьдесятъ лѣтъ?—удивилась дѣвушка.—А навидь ты совсѣмъ бодрый такой.

— Ну ужъ, гдѣ тамъ...—съ неудовольствіемъ пробормоталъ старикъ, и, незамѣтно сплкнувъ въ сторону „отъ сглазу“, отвернулся.

Лошади мѣрно бѣгутъ, постукивая копытами по убитому шляху, винты и гайки звенятъ, шумитъ вѣтеръ и дремлютъ курганы. Помолчавъ, старикъ снова обернулся къ дѣвушкѣ.

— А ты, стало быть, изъ города ѣдешь?

— Изъ города. Изъ Петербурга. Въ первый разъ въ деревню ѣду, никогда не бывала.

— Не бывала? Ишь ты! Значить, къ нашимъ-то господамъ вродѣ какъ гостить ѣдешь?

— Гостить. Я съ твоей барыней училась вмѣстѣ.

— Такъ! Что-жъ, погости, у насъ хорошо.

Онъ опять помолчалъ, обдумывая, что бы еще спросить. Эта барышня, такая молоденькая и красивая, съ подстриженными волосами, какъ мальчикъ, съ бойкой рѣчью, ѣдущая совершенно одна изъ какаго-то невѣдомаго Петербурга и никогда не выдававшая травы, занимаетъ его старческій умъ и возбуждаетъ въ немъ непривычную работу мысли.

— Стало быть, родителей у тебя нѣту?

— Нѣту, дѣдушка. Одна я.

— То-то и я гляжу... Сиротка, значить. Трудно сиротамъ-то жить! Ой, какъ трудно!—Старикъ вздохнулъ.—А давно ли померли?

— Отецъ давно, когда я еще маленькая была; а мать—только два года.

— Такъ и живешь одна? — пригорюнившись, продолжалъ дѣдъ.

Дѣвушка бодро тряхнула головой.

— Ничего, живу, дѣдушка.

— А какъ звать-то тебя?

— Наталья Гавриловна. А ты, дѣдушка, тоже одинокій?

Дѣдъ пріосанился.

— Зачѣмъ одинокій? У меня пять сыновъ, да дочь, да „уну-

ковъ " сколько! И „унуки“—то ужъ большіе есть, женить пора. И всѣ, слава Богу, при дѣлѣ, хорошо живутъ,—слава тебѣ, Господи! Тьфу, въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать!..

Онъ опять сплюнулъ и перекрестился.

— Отчего же ты, дѣдушка, съ ними не живешь? Вѣдь тебѣ бы ужъ на покой пора, а ты вотъ у чужихъ людей.

— А что мнѣ? Не плохо и мнѣ. Силы есть, слава Богу, работать могу,—отчего же не поработать? У нихъ, у сыновей-то, свое, а у меня—свое. Тамъ бы, глядишь, я въ тягость былъ, а здѣсь на своей волѣ, свой хлѣбъ ѣмъ, никто не попрекнетъ. Чего же мнѣ? Мнѣ не плохо...

Онъ долго еще бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, неторопливо перебирая возжами. Наталья Гавриловна снова заглядѣлась на степь и задумалась. На встрѣчу стали попадаться обозы. Огромные сивые волы, низко склонивъ рогатые головы и поскрипывая ярмомъ, тяжело переступаютъ съ ноги на ногу; чумаки, въ запачканныхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ втутами за поясомъ, съ трубочками въ зубахъ, медленно шагаютъ рядомъ. Порвнявшись, разѣхались—и возы съ волами тонутъ въ травѣ,—дѣвушка провожаетъ ихъ любопытнымъ взглядомъ. Вотъ они, настоящіе чумаки... а раньше она только читала о нихъ и видѣла на картинкахъ. Какъ хорошо и какъ все это не похоже на петербургскія шумныя улицы съ ихъ тѣсною, суетливою и вонью!..

Солнце поднимается все выше и начинаетъ припекать сильнѣе. Синій дымокъ на курганахъ становится гуще, и ясно видно, какъ онъ дрожитъ и переливается въ воздухѣ. Лошади бредутъ медленнѣе, опустивъ головы и лѣниво махая хвостами; дѣдко, разморенный зноемъ, распускаетъ возжи и клуетъ носомъ. Голова его то низко склоняется на грудь... вотъ-вотъ, онъ упадетъ внизъ... то вдругъ онъ вздрагиваетъ, выпрямляется и строго глядитъ вокругъ... Но зной снова душитъ его, и снова онъ весь опускается, и голова его безпомощно болтается въ разные стороны...

— Дѣдушка, дѣдушка!—смѣясь, кричитъ ему Наталья Гавриловна.—Ты дремлешь... проснись!

Старикъ поднимаетъ голову.

— Сплю?—сердито ворчитъ онъ.—Что ты клеплешь, дѣвушка, гдѣ же я сплю!..—И, подобравъ возжи, онъ строго прикрикиваетъ на лошадей:—Ну, ну, чего стали, трогай,—недалеко осталось...

И въ самомъ дѣлѣ, среди нестерпимаго зноя, вдругъ откуда-то

повѣяло свѣжестью и запахомъ воды. Что-то сверкнуло вдали — и снова спряталось; потомъ опять сверкнуло... Лошади насторожились, приподняли уши, потянули ноздрами и побѣжали бодрѣе.

— Дѣдушка, что это?

— Гдѣ?

— А вонъ блестить-то. Сейчасъ нѣтъ... а вотъ опять, опять...

— Это? А это рѣчка-Мачъ. Теперь и до нашего хутора недалеко осталось.

Наталья Гавриловна въ ветерпѣннѣ завозилась на бричкѣ.

— Недалеко?

— Близѣхонько...—Дѣдъ приподнялся на облучкѣ и поглядѣлъ вдаль. — Да вонъ, гляди-жо... Вонъ, чернѣется-то... это тебѣ будетъ хуторъ-Прилукинъ,—вонъ и пшеница ихняя пошла. А вонъ видишь,—кубыть звѣздочка свѣтитса,—это церква. Тамъ, значить, станица-Лаворевая. А вонъ, правѣй-то, правѣй гляди,—во-онъ, гдѣ Мачъ-то заворачиваетъ, видишь? Это вотъ и есть нашъ Червоный хуторъ... Ну, ну, родименькія, потрогивай, потрогивай веселѣе, Христось съ вами,—сейчасъ дома будемъ...

II.

Среди безбрежнаго океана луговъ и полей хуторъ-Червоный представлялъ изъ себя настоящій оазисъ и весь утопалъ въ зелени. Со стороны шляха казалось, что это раскинулся огромный садъ. Тутъ серебрились круглыя шапки вѣтвистыхъ ветель; нѣжно зеленѣли прозрачныя, точно кружевныя, кроны молодыхъ березокъ; темнѣли липы и ольха; пирамидальныя тополи стройно возносили къ небу свои величественныя вершины, отливавшія на солнцѣ металлическимъ блескомъ. Рѣка Мачъ змѣилась вокругъ хутора, пряча свои быстрыя воды въ высокой травѣ „кугѣ“. Но когда со шляха вы сворачивали на извилистую проселочную дорогу, облака зелени разступались передъ вами, и среди нихъ показывались длинныя бѣлыя кошары (помѣщенія для овецъ), крытыя „кугой“, и высоко торчали трубы хуторскихъ строеній. Всѣ они, начиная отъ барскаго дома и кончая курницей, были ярко выбѣлены мѣломъ и крыты „кугой“ подъ щетку; все это было чистенькое, аккуратное и блестѣло на солнцѣ, какъ новое, свидѣтельствуя о заботливости своего хозяина.

Около полудня на рѣзномъ крылечкѣ хозяйской хаты стояла молодая женщина въ пестромъ малороссійскомъ костюмѣ и, придерживая ладонь надъ бровями, напряженно вглядывалась въ

дать. За ея спиной стояла другая женщина, постарше, одѣтая въ синюю юбку и бѣлую кофту, и тоже смотрѣла на дорогу.

— Ну, что, не видать еще, Олимпиада?—спросила молодая женщина, устало опуская руку.

— Да вѣтъ, что-то не видать,—сказала Олимпиада.

Молодая женщина нетерпѣливо ступнула ногой.

— И что такое съ ними случилось? Давно пора пріѣхать. Я говорила, чтобы Макся не посылалъ этого стараго хрѣна—Тараса. Вѣчно не слушаютъ! Вотъ и тащится теперь, какъ черепаха, да еще со-слѣпу, пожалуй, попадетъ куда-нибудь въ оврагъ!

— И-и! что вы, Оксана Павловна, беспокоитесь, право!—пѣвуче возразила Олимпиада.—Ужъ надѣжнѣе Тараса-то никого нѣту, это надо правду сказать. А вѣдь отъ чугунки-то не ближній свѣтъ, вы сами знаете,—никакъ шестьдесятъ верстъ...

— Ну, молчи, пожалуйста, не умничай!—перебила ее Оксана Павловна, сердито комкая въ рукахъ конецъ своего узорчатого фартука.

Олимпиада улынулась и хотѣла что-то возразить, но въ ту же минуту лицо ея приняло озабоченное выраженіе, и она воскликнула:—Батюшки, да вонъ они никакъ и ѣдутъ! Такъ и есть,—они!..

— Гдѣ, гдѣ?—спросила молодая женщина, настораживаясь.

Изъ-за плетня показалась знакомая уже намъ бричка съ старымъ дѣдомъ на облучкѣ, а изъ-за его спины торчали пестрый снопъ цвѣтовъ и выглядывало что-то маленькое, бѣлое...

— Они, они! — закричала Оксана Павловна и стремглавъ бросилась съ крыльца на встрѣчу бричкѣ.—Она, она... Наташка!..

Передъ Натальей Гавриловной мелькнуло что-то яркое, блестящее, зазвенѣли монеты, развѣялись алая и голубая ленты, и двѣ горячія, маленькія руки обвили въокругъ ея шеи.

— Наташка!

— Ксая!...

Подруги цѣловались, обнимались, пересыпая свои объятія восклицаніями, беспорядочными вопросами и опять поцѣлуями. Олимпиада, стоя на крыльцѣ, съ любопытствомъ наблюдала эту сцену, а Тарасъ слѣзъ съ облучка и, не зная, что ему дѣлать, поправлялъ сбрую у лошадей, которыя съ недоумѣніемъ и досадою мотали головами, словно удивляясь, отчего ихъ не ведутъ въ конюшню.

Наконецъ, первые порывы улеглись, и подруги съ раскрас-

нѣвшими лицами, съ влажными глазами, взялись за руки и, улыбаясь, глядѣли другъ на друга.

— Ну, какъ же ты долго не ѣхала, Наташка!.. Ужъ я тебя ждала-ждала...

— Ксанька, да вѣдь нельзя же было! Экзамены...

— Молчи, молчи... Противная, гадкая... милая. Дай, я тебя еще поцѣлую... Ну, будетъ! Посмотри на меня, — какая ты стала... Ай, какъ похудѣла! Ну, ничего, погоди, мы тебя откормимъ. Ты вѣдь еще не обѣдала?

— Да гдѣ же я буду обѣдать? А ты-то, ты-то, Ксаня... какъ ты похорошѣла, право, — тебя и не узнаешь.

— Ну, это глупости! А вотъ надо скорѣе тебя покормить. Олимпиада! Что же ты, глупая баба, стоишь, разинувъ ротъ? Собирай скорѣе на столъ!

— Такъ вы бы давно сказали! — улыбаясь, проговорила Олимпиада.

— Не разговаривай, иди. Пойдемъ, Наташа. Ты, я думаю, смертельно хочешь ѣсть.

— Постой, постой! — сказала Наталья Гавриловна. — Вѣдь надо же мнѣ сначала умыться?

— Ахъ, и то правда! Олимпиада! Постой, — куда ты поскакала, сломя голову? Поди сейчасъ, приготовь въ моей комнатѣ умыться. Да воды вели изъ родника принести! Да поди, узнай, гдѣ Максимъ Григорьевичъ... или нѣтъ, постой, сначала ступай ты къ старой барынѣ и спроси, будетъ ли сегодня у насъ къ обѣду мороженое, потомъ сбѣгай въ садъ и вели набрать малины, потомъ уже послать къ Максиму Григорьевичу и сказать, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, шелъ сюда...

— Постойте, Оксана Павловна, ужъ что-нибудь одно, а то я этакъ и не запомню. И обѣдать, и умываться, и за бариномъ, и къ барынѣ, и малины нарвать, и не знаю — чтѣ... Этакъ и выйдетъ, какъ въ пословицѣ: „Никита туда, Никита сюда, и вышелъ Никита нѣтъ-никуда“...

— Въ самомъ дѣлѣ, Ксаня, ты совсѣмъ сбита всѣхъ съ толку, — сказала Наталья Гавриловна, смѣясь. — Давай лучше по порядку... лучше всего прежде умыться.

— Ахъ, да, конечно! Олимпиада, умыться!.. Боже мой, Господи, но вѣдь я же такъ рада, такъ рада, что и не помню, чтѣ дѣлаю! Наташа, милая ты моя бѣлочка!

Хозяйка опять бросилась обнимать подругу... Тарасу уже наскучило стоять безъ дѣла, и онъ подошелъ къ крыльцу.

— Барыня, надо бы лошадей-то уже распрягать, — заявилъ онъ.

— Что такое? Распрягать? Такъ и распрягай, дурень!

— То-то, вотъ, и я говорю, надо бы распрягать...

— Ну и распрягай, распрягай, пожалуйста, и убирайся!.. Боже, до чего они всѣ глупы! Точно не знаетъ, что пріѣхали домой, — значить, надо распрягать; нѣтъ, непременно лѣзетъ съ вопросами...

— А почему я знаю... — заворчалъ Тарасъ, отходя къ телѣжкѣ. Подруги взглянули другъ на друга и расхохотались.

— Ты чего смѣешься? — спросила Ксаня.

— А ты?

— Я такъ, — отъ радости...

— А мнѣ смѣшно видѣть тебя въ роли хозяйки. Давно ли, кажется, ты на доскѣ выводила: уголь *A* равенъ углу *B*, и наша „голубая“ ¹⁾ каждый день записывала твои проказы въ кондуитную книгу, а теперь — смотрите, какая! Кричить, командуетъ!..

— Ахъ, они мнѣ ужасно всѣ надоели! И хозяйкой быть такъ скучно... Я съ удовольствіемъ вспоминаю гимназію, и „голубую“, и даже кондуитную книгу. Какъ давно это было... Три года мы съ тобою не видѣлись!

— Да, три года. А кажется — все это только вчера было. Помнишь Незабудкина, какъ онъ, вмѣсто „Марія Антуанетта“, говорилъ: „Антуніетта“, и мы его поправляли?

— А помнишь, какъ мнѣ Папандопуло поставилъ единицу за то, что я, вмѣсто машины Уатта, нарисовала на доскѣ его портретъ?

И подруги, хохоча и перебивая другъ друга, пустились въ воспоминанія. Онѣ были на видъ однихъ лѣтъ, — обѣ высокія, стройныя, хорошенькія; но на этомъ сходство и кончалось. Наталья Гавриловна была блѣдна лицомъ, съ правильными, немного жесткими чертами и высокимъ бѣлымъ лбомъ, надъ которымъ красиво вздымались пышныя, волнистыя пряди подстриженныхъ темнорусыхъ волосъ. Тоненькія темныя брови, черезчуръ близко сдвинутыя надъ переносемъ, придавали ея лицу строгое, почти суровое выраженіе; но эта суровость смягчалась взглядомъ ясныхъ карихъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась тихая ласка и доброжелательство. Улыбка у нея тоже была ласковая, спокойная, движенія — самоувѣренныя, но плавныя, мягкія. Все это указывало, что Наталья Гавриловна — натура самостоятельная, уравно-

¹⁾ „Голубыми“ въ гимназіяхъ называютъ классныхъ дамъ.

жѣшенная, немножко холодная, но мягкая и привыкшая владѣть собою. Ксая представляла полную противоположность съ своей подругой. Она производила впечатлѣніе тревожное, безпокойное; все въ ней было—блескъ, движеніе, яркія краски, огонь; на нее нельзя было смотрѣть безъ восхищенія и, въ то же время, безъ какой-то смутной боязни, что вотъ-вотъ она сдѣлаетъ что-нибудь неожиданное и странное. Она была немного выше Наташи, но сложена гораздо лучше. У нея была высокая грудь, лебединая шея и широкія плечи; маленькая головка съ низкимъ лбомъ и роскошною черною косою сидѣла на этихъ царственныхъ плечахъ. Смуглое личико ея съ яркимъ южнымъ румянцемъ, съ коралловымъ ротикомъ и черными, какъ смоль, широкими бровями, подъ которыми сіяли большіе сѣрые глаза, было необычайно подвижно и выразительно. Оно ни минуты не оставалось спокойно и безпрестанно мѣняло выраженія, съ поразительной быстротой переходя отъ смѣха къ гнѣву, отъ вѣжливой ласковости къ неудовольствію, отъ кокетливаго лукавства къ грустной задумчивости. Невозможно было услѣдить за всѣми этими переходами настроеній, и, можетъ быть, въ этомъ заключалась причина странной напряженности и безпокойства, которыя чувствовались въ присутствіи Оксаны Павловны. Вся она постоянно стремилась куда-то впередъ, рвалась, неслась, и ея яркія ленты развѣвались, монисты звякали, косы бились по плечамъ—и все это несло и рвалось вслѣдъ за нею, усиливая впечатлѣніе тревоги и безпокойнаго ожиданія...

III.

Бесѣда подругъ была прервана Олимпіадой, которая, съ чистымъ полотенцемъ въ рукахъ, появилась на крыльцѣ.

— Идите, барышня, готово умываться,—сказала она.

Ксая выхватила у нея полотенце.

— Ну, ты иди, куда я тебѣ велѣла; я сама подамъ умыться! Наташа, пойдемъ!

Она схватила подругу за руку и потащила ее въ домъ. Въ комнатахъ было прохладно и сумрачно, потому что во всѣ окна гѣзли вѣтви деревьевъ и заслоняли свѣтъ. Домъ былъ невеликъ и состоялъ изъ пяти комнатъ, раздѣленныхъ узенькимъ корридорчикомъ. Комнаты были низенькія и убраны съ деревенской простотой—ни обоей, ни гардинъ, ни ковровъ, и единственной роскошью здѣсь былъ, кажется, рояль, стоявшій среди полутемнаго зальца. Зато вездѣ была чистота безукоризненная, воздуху

прѣпасть, оконъ множество, и всѣ отворены настежь, полы и стѣны блестятъ, какъ новыя, и всюду разлитъ ерѣпкій запахъ розъ, наполнявшій весь домъ.

— Какая прелесть! — воскликнула Наташа, которой хотѣлось остановиться и оглядѣться хорошенько. Но Ксая тащила ее все дальше и, пробѣжавъ черезъ корридоръ, отворила дверь въ небольшую комнатку, гдѣ также было много оконъ, пахло розами и царилъ зеленый, трепещущій сумракъ.

— Ну, вотъ это твоя комната! — объявила Ксая торжественно.

Наташа оглядѣлась. Въ комнатѣ стояла кровать, у окна помѣщался небольшой столикъ съ двумя креслами, въ углу — табуретка съ тазикомъ и кувшиномъ для умыванья.

— Какая прелесть! — повторила Наташа въ восхищеніи, вдыхая душистый воздухъ. — Окно въ садъ? Я въ восторгѣ... И отчего это такъ розами пахнетъ?

— Онѣ цвѣтутъ теперь. Такъ тебѣ нравится эта ванурка? Я, было, хотѣла помѣстить тебя въ нашей спальнѣ и сама думала поселиться съ тобой; но мой супругъ ни за что не хочетъ со мной разставаться. О, онъ у меня настоящій Отелло!

Она размѣялась, проливая воду изъ кувшина на полъ и не попадая на руки Наташѣ.

— Скажи, какъ это все у васъ случилось? Вѣдь я совсѣмъ ничего объ этомъ не знаю, ты мнѣ не писала, — говорила Наташа въ промежуткахъ между всплесками воды.

— Чтѣ случилось? Какъ я вышла замужъ? О, очень просто! Даже очень-очень просто.

— Неужели просто? И никакого романа не было? Представь, а я воображала, что непременно долженъ быть романъ. Помнишь, мы съ тобой читали Жоржъ-Зандъ, и ты хотѣла выйти замужъ непременно какъ Эвелина? Помнишь, Ксая?

— О, глупости! — съ короткимъ смѣхомъ воскликнула Ксая. — Ничего подобнаго... Онъ — посватался, я — вышла замужъ, вотъ и весь романъ.

— Неужели и только? Нѣтъ, Ксанька, ты неправду говоришь! Расскажи мнѣ все по порядку, — слышишь, *все!*

Она взяла изъ рукъ Ксая полотенце и, вытирая мокрую шею, испытующимъ взглядомъ смотрѣла на подругу. Ксая смѣялась.

— Ахъ, глупая Наташка! Такъ тебѣ непременно хочется романа? Ну, хорошо, слушай, я тебѣ расскажу все сначала. Вотъ видишь, какъ все было. Мама, — т.-е. онъ, мой мужъ, —

привозилъ пшеницу въ городъ. Все дѣло началось съ пшеницы, — хорошъ романъ, ха-ха!? А папа покупалъ у него, — вѣдь ты знаешь, или нѣтъ, что папа былъ главнымъ управляющимъ винокуреннаго завода князя Куржумсеаго? Ну, вотъ, мы познакомились... я Максѣ очень понравилась; ну, и, скажу тебѣ по правдѣ, онъ мнѣ тоже понравился, но я все-таки никогда, никогда не думала, что выйду за него замужъ!..

— Почему же?

— Ахъ, мало ли почему!.. Постой, гребень вотъ гдѣ... Ну, во-первыхъ, онъ старше меня, — ему теперь тридцать-два года, а мнѣ — двадцать-одинъ. Ну, и все, и нечего больше рассказывать...

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжай, Ксая, слышишь?

— Ахъ, какая несносная!.. Ну, такъ вотъ, онъ къ намъ долго ѣздилъ, сначала съ пшеницей, потомъ такъ, и все глядѣлъ на меня и вздыхалъ. Ахъ, это такъ смѣшно было, — смотреть, бывало, смотреть, и вздохнетъ, да такъ жалобно, — вотъ такъ...

Ксая представила, какъ онъ вздыхалъ, и расхохоталась. Но сейчасъ же личико ея омрачилось, и она продолжала серьезно:

— Потомъ случилось у насъ это несчастье... Помнишь, я тебѣ писала? Внезапно умираетъ папа... Понимаешь, какой это былъ ужасъ! Я совершенно растерялась... одна, ничего не понимаю... братъ Степа въ Петербургѣ, я ему телеграфирую, — онъ ничего не отвѣчаетъ, а тутъ какія-то описи, судебныя пристава, отчеты... Богъ знаетъ что было! И вдругъ является Макся. Сейчасъ же все уладилъ, устроилъ, заводъ сдалъ, бумаги разобралъ, — я просто глядѣла на него какъ на Бога. И, понимаешь, мы съ нимъ постоянно одни, вмѣстѣ, толкуемъ, грустимъ, вспоминаемъ... Схоронили отца. Вотъ, одинъ разъ, Макся пріѣзжаетъ ко мнѣ, — вижу я, самъ не свой! Сидимъ мы съ нимъ и молчимъ, и чувствую я, что сердце во мнѣ такъ и замираетъ, — ну, точно вотъ-вотъ случится что-нибудь страшное... И вдругъ онъ предо мной на колѣни. — „Оксана Павловна!“ — онъ меня всегда Оксаной зоветъ, такой смѣшной хохоль, вотъ ты увидишь! — „Оксана Павловна“, — говоритъ, а у самого слезы такъ и сыплются...

Ксая сама прослезилась при этомъ воспоминаніи, но сейчасъ же и рассмѣялась, смахнула слезинки концомъ своей расшитой запаски и заговорила:

— Ну, и дальше ужъ извѣстно что: объясненіе въ любви и прочее, и прочее... И взглянула я на него тогда, и, знаешь, Наташка, такъ мнѣ тутъ стало хорошо, спокойно, — гляжу, ну,

точно онъ дубъ какой передо мной стоитъ, — прямой, могучій, вѣршій... ну... я и согласилась!

— И любишь ты его?

— О, Господи, да какже не любить? Онъ у меня такой хорошій, добрый, ну, словно отецъ родной... Я за нимъ ничего не боюсь, ничего мнѣ не страшно. А ужъ любить онъ меня, — Боже, да я не знаю, можно ли еще такъ любить! Если я умру — и онъ умретъ, право!..

Ксая вдругъ примолкла и призадумалась, точно облачко налетѣло на ея яркія щеки.

— Я его не стою, Наташа, — прошептала она. — Право, не стою... Зато мать его, у-у! — воскликнула она другимъ тономъ. — Вотъ та терпѣть меня не можетъ! Она, знаешь, хотѣла, чтобы Мався женился на хохлушкѣ, а тутъ я подвернулась. Потомъ ее злитъ, что дѣтей у меня не родится. Ну, развѣ же я въ этомъ виновата? А она все ворчитъ: „Отъ, кажу, якъ бы не женился на москowitz, були бѣ діти“... Смѣшная старуха!

— Она съ вами живетъ? — спросила Наташа.

— Да, и вообрази, по сосѣдству съ тобой. Ея комната здѣсь же, въ этомъ корридорѣ, и по вечерамъ ты будешь имѣть удовольствіе слушать, какъ она молится вслухъ.

— Ну, а братъ гдѣ же теперь?

— Степа? Онъ тоже здѣсь... — Ксая быстро оглянулась и, понизивъ голосъ, продолжала: — Ахъ, тутъ тоже цѣлая исторія... Помнишь, я сказала тебѣ, что не получала отъ него писемъ, — оказывается, онъ въ это время сидѣлъ... не знаю, тамъ, гдѣ... Почти два года его держали, потомъ выслали сюда. Почему, за чтѣ, — мы ничего не знаемъ, онъ не говорить... И вотъ тутъ опять Мався... Ахъ, еслибы ты знала, какой это великодушный и благородный человѣкъ!.. Вѣдь онъ не раздѣляетъ убѣжденій брата, а между тѣмъ какъ онъ его принялъ, какъ отнесся къ нему!.. Но Степанъ — это какой-то удивительный. Смотритъ на насъ волкомъ, и, я чувствую, *презираетъ*... За содержаніе свое платитъ; ужъ не знаю, откуда у него деньги, — папа, умирая, не оставилъ намъ ни копѣйки, и всегда говорилъ, что самое лучшее наслѣдство — образованіе, — но каждый мѣсяцъ Степанъ является и, кладетъ передъ Максей деньги съ этою ядовитой улыбочкой... Эта улыбочка меня бѣситъ ужасно, и вообще, я нахожу, что Степанъ ведетъ себя возмутительно. Иногда такъ и хочется ему крикнуть: „убирайся ты вонъ!“... но... жалко какъ-то... и Мався говорить: „несчастный“!

— Конечно, — задумчиво сказала Наташа.

— Однако, что же это все я рассказываю? — воскликнула Ксая. — Говорю, говорю, а ты молчишь! Рассказывай теперь о себѣ.

— Да мнѣ нечего, — улыбаясь, проговорила Наташа.

— Нѣтъ, нѣтъ, рассказывай! Не можетъ быть, чтобы нечего! Ну, говори, какъ жила, что дѣлала? Влюблена въ кого-нибудь?

На блѣдныхъ щекахъ Наташи заалѣлся слабый румянецъ.

— Нѣтъ, не влюблена.

— Неужели нѣтъ? — всплеснувъ руками, продолжала Ксая. — Бѣдненькая... Но вѣдь это ужасно скучно!

— Мнѣ некогда скучать. Работы много. До трехъ часовъ въ школѣ, а вечеромъ частные уроки, — когда тутъ думать о любви?

— И никого, никого не любила?

— Никого, — улыбнувшись, сказала Наташа. — Такъ и живу старой дѣвой.

— Ты — старая дѣва? Какія глупости! — цѣлуя ее, сказала Ксая. — Но какъ я рада, что ты пріѣхала ко мнѣ, — ты представить себѣ не можешь... Теперь мнѣ есть съ кѣмъ душу отвести. Ахъ, вѣдь мнѣ еще нужно много-много тебѣ рассказать... И цѣлое лѣто ты со мной, — Господи, какое счастье! Какъ я ждала этого...

Она схватила Наташу за плечи и начала кружиться съ нею по комнатѣ.

IV.

Въ большомъ саду, примыкавшемъ къ дому, передъ окнами былъ разбитъ полукруглый цвѣтникъ, въ которомъ преобладали розы самыхъ разнообразныхъ колеровъ. Тутъ были и блѣдныя, едва подернутыя нѣжнымъ румянцемъ, и смуглыя, ярко-пламенные, словно раскаленные угли, сверкавшіе среди густой зелени, и бѣлыя, чистыя, какъ хлопья снѣга, упавшіе съ неба и еще не успѣвшіе растаять, и свѣтло-золотистыя, похожія на полевыхъ бабочекъ, порхавшихъ надъ ними. Однѣ еще едва распускались, другія уже опадали, и окраины дорожекъ были устланы ихъ умирающими разноцвѣтными лепестками. Воздухъ былъ напоенъ сладкимъ запахомъ. Недалеко отъ цвѣтника, подъ купой развѣсистыхъ липъ, находилась небольшая площадка, на которой въ жаркіе дни хозяева Червонаго хутора обѣдали и пили чай, и теперь посреди нея стоялъ большой круглый столъ, на-

крытый на пять приборовъ. Около стола хлопотала уже известная намъ расторопная Олимпіада, раскладывая вилки и ножи и разставляя судыи и графинны; ей помогать въ этомъ длинный, неповоротливый паренъ лѣтъ шестнадцати, съ длиннымъ лицомъ, подслѣповатыми глазами и необыкновенно большими торчащими ушами, которыя придавали ему видъ прислушивающагося зайца. Одѣтъ онъ былъ въ холщевый пиджакъ, очевидно съ чужого плеча, и огромные высокіе сапоги, которые имѣли странное свойство увлекать своего хозяина, вмѣстѣ съ его ногами, совсѣмъ не туда, куда слѣдовало. Когда ему нужно было идти вправо, сапоги влекли его впередъ, и шествіе этого молодого человѣка всегда сопровождалось грохотомъ падающихъ стульевъ, звономъ разбиваемой посуды, летящими лампами, сдвинутыми съ мѣста столами. Это обстоятельство было предметомъ ихъ вѣчныхъ войнъ съ Олимпіадой, которая вообще отличалась высокомернымъ отношеніемъ къ остальной прислугѣ и ставила себя гораздо выше ея, во-первыхъ потому, что жила раньше въ городахъ и служила даже въ Новочеркасскѣ, а во-вторыхъ потому, что пришла въ домъ вмѣстѣ съ молодой барыней и сразу заняла положеніе домоправительницы и старшей барыниной камеристки. Ловкая, чистоплотная, сообразительная, съ ласковой, пѣвучей рѣчью, съ хитрыми, живыми глазками и свѣжимъ, чистымъ лицомъ, Олимпіада хорошо сознавала всѣ свои преимущества и умѣла пользоваться ими. Всей дворней она командовала, съ хозяевами была почтительно-фамиллярна и барское добро берегла ревниво, какъ свое собственное. Поэтому Гараська—такъ звали длинноухаго молодого человѣка—съ своими разрушительными наклонностями былъ ея личнымъ врагомъ, и одинъ видъ его неуклюжей фигуры приводилъ Олимпіаду въ раздраженное состояніе.

— Ну куда, куда суешь, нескладѣха!—звонко кричала она, вырывая у него изъ рукъ стаканы.—Убери лапы, чучель гороховый! Господи, вотъ чадушко-то навязалось!

— У-у, щепотница!..—яростнымъ шопотомъ возражалъ Гараська,—онъ почему-то всегда говорилъ шопотомъ.

Олимпіада окинула его презрительнымъ взглядомъ.

— „Щепотница“,—туда же!..—передразнила она Гараську (онъ, какъ большинство уроженцевъ Донской области, былъ „по старой вѣрѣ“, и поэтому считалъ себя настоящимъ христіаниномъ). — Ишь ты, кулугурская образина! Лучше бы подъ ноги себѣ смотрѣлъ хорошенько... Ай, ай, батюшки мои!—закричала она вдругъ, ловя выскочившую изъ рукъ Гараськи рюмку.

Но рюмка уже упала на землю и разбилась въ дребезги.

— Уйди ты отъ грѣха отсюда!—сказала Олимпіада, толкая Гараську отъ стола. — Ступай лучше, скажи баринѣ, что обѣдать готово.

Гараська устремился вправо, потомъ влѣво, но пока онъ напалъ, наконецъ, на надлежащую дорогу, на балконѣ показалась Ксаня подъ-руку съ Наташей. Увидѣвъ цвѣтущіе кусты розъ, Наташа въ восторгѣ всплеснула руками.

— Боже, сколько розъ! — прошептала она, останавливаясь и не зная, на что ей смотрѣть.

— Ты любишь? — равнодушно сказала Ксаня. — Это все Максины затѣи,—онъ, какъ всѣ хохлы, безъ цвѣтовъ жить не можетъ.

— Какая прелесть, какая прелесть! — продолжала Наташа, сбѣгая въ цвѣтникъ и съ восхищеніемъ наклоняясь надъ цвѣтами. Ксаня послѣдовала за ней и, сорвавъ пунцовую розу, небрежно воткнула ее себѣ въ косу.

— Ну что же, готово, наконецъ, обѣдать? — нетерпѣливо обратилась она къ Олимпіадѣ.

— Давно готово, Оксана Павловна, я уже посылала за вами Гараську, да вѣдь онъ развѣ скоро соберется? Опять вотъ рюмку разбилъ, посмотрите. На прошлой недѣлѣ привезли дюжину, а теперь опять только четыре осталось...

— Я, барыня...—зловѣщимъ шопотомъ началъ Гараська.

Ксаня нетерпѣливо отмахнулась.

— Замолчите, пожалуйста,—и слушать не хочу!—воскликнула она, топнувъ ногой. — Ну что это такое, когда вы перестанете ссориться? Давно обѣдать пора, всѣ съ голоду умираютъ, а они тутъ съ своими ссорами. Что, вы меня уморить хотите? Вѣчныя дразги, вѣчныя непріятности! Противные этакіе!.. И ты, Олимпіада,—какъ тебѣ не стыдно?

Олимпіада хладнокровно слушала, переставляя на столѣ посуду,—она уже привыкла къ вспышкамъ своей госпожи,—но Гараська видимо былъ огорченъ. Его длинное лицо еще болѣе удлиннилось, углы губъ оттянулись внизъ, точно онъ собирался заревѣть, и вѣки съ бѣлыми рѣсницами жалобно моргали.

— Ну, что же ты стоишь?—накинулась на него Ксаня. — Чего тебѣ еще надо? Гдѣ баринъ? Отчего ты за нимъ не идешь? Ступай, скорѣе зови его; скажи, что у насъ гостя, что обѣдать пора... Ахъ, гадкіе, точно нарочно злать меня цѣлый день и отравляютъ самыя лучшія минуты...

— Эге!—послышался съ балкона мужской голосъ съ силь-

нымъ малороссійскимъ акцентомъ.—Моя жінка уже распекаетъ кого-то?

Ксаня обернулась и побѣжала на встрѣчу высокому мужчине, сходявшему съ балкона.

— Ахъ, Макся, ты здѣсь? Гдѣ это ты пропадаешь?

— А гдѣ же мнѣ пропадать, рыбака, какъ не въ полѣ? И чего ты рипаешься, сердце мое?

— Ахъ, Боже мой, Макся, всѣ просто отъ рукъ отбились, такой безпорядокъ въ домѣ! Обѣдать пора, а ничего не готово, Наташа совсѣмъ съ голоду умираетъ... Ахъ, да, Макся, вѣдь она пріѣхала! Наташка, гдѣ ты? Иди сюда... Макся, вотъ она! Наташка, вотъ тебѣ и мой хохоль... Да чего вы такъ? Вы поцѣлуйтесь!

Раскраснѣвшаяся Наташа протянула руку хозяину, но онъ, повинувшись стремительнымъ приказаніямъ жены, нагнулся и поцѣловалъ гостью въ губы. Наташа окончательно переконфузилась, а Ксаня хлопала въ ладоши и смѣялась; смѣялась и Олимпиада, изъ вѣжливости закрывая ротъ фартукомъ; и даже Гараська изобразилъ на своемъ длинномъ лицѣ нѣчто вродѣ веселой улыбки.

Максимъ Григорьевичъ Червонный былъ высокій, широкоплечій, совсѣмъ богатырскаго склада человекъ, съ типичнымъ смуглымъ лицомъ, обвѣяннымъ жгучимъ степнымъ вѣтромъ, съ длинными, висячими, черными усами, широкими бровями и большими, яркими, черными глазами. Такими, обыкновенно, рисуютъ на картинахъ старинныхъ запорожцевъ; коротко остриженные волосы еще болѣе увеличивали это сходство — недоставало только классическаго оселедца, торчащаго изъ-за уха. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе человека суроваго, непривѣтливаго, но черезчуръ рѣзкія и даже грубоватыя черты его лица смягчались мечтательнымъ выраженіемъ глазъ и простодушною улыбкой, открывавшей блестящіе зубы, казавшіеся еще бѣлѣе отъ смуглаго цвѣта лица и черныхъ усовъ. Рядомъ съ нимъ Ксаня съ своей тоненькой фигуркой казалась совсѣмъ ребенкомъ: онъ, дѣйствительно, какъ она выразилась, былъ похожъ на могучій, раскидистый дубъ съ темною листвою и твердыми, узловатыми вѣтвями. Глядя на него, невольно думалось, что съ этимъ человекомъ нечего бояться—не пропадешь, и довериться ему можно. Движенія у него были широкія, свободныя; видно было, что большую часть времени онъ привыкъ проводить на воздухѣ, въ полѣ, а манера его говорить, подавать руку, высоко взмахивая ее кверху, указывала на то, что Мак-

симъ Григорьевичъ имѣлъ общеніе больше съ простыми людьми. Одѣтъ онъ былъ тоже крайне просто,—въ вышитую рубаху, полотняную пару и высокіе сапоги, съ которыхъ даже не успѣлъ смахнуть степную пыль.

— Ну, чего вы регочетесь? — сказалъ онъ послѣ поцѣлуя, съ улыбкой поглядывая на всѣхъ. — Сама же велѣла поцѣловаться, и еще смѣется. А что, часомъ, я васъ не поколѣлъ? — обратился онъ къ смущенной Наташѣ. — Борода у меня какъ щетка; давно не брился.

Эти слова вызвали новый взрывъ хохота. Максимъ Григорьевичъ махнулъ рукой.

— Вотъ дурни! — проговорилъ онъ и снова обратился къ Наташѣ. — А ну—дайте-жъ, я на васъ хоть посмотрю, какая вы...

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы лучше видѣть, и оглядѣлъ Наташу.

— Э, да какая же вы худысенькая да малесенькая! — воскликнулъ онъ, покачивая головою. — Совсѣмъ ледаща дивчина! Оксанко! надо жъ намъ ее откормить, а?

— Откормимъ! — отозвалась Ксаня.

— Ну такъ и давате же сейчасъ примемся за это дѣло. Я-таки тоже проголодался, какъ поповская собака. Въ полѣ нынче какъ въ пеклѣ, — такъ и душить. Завтра косовицу начнемъ.

— Что это такое—косовица? — спросила Наташа.

— Эге,—усмѣхнулся Максимъ Григорьевичъ. — Въ Питерѣ вы объ этой штуkenціи не слыхали? Траву будемъ косить, а васъ—милости просимъ къ намъ на помочъ!

— Да, да! — подхватила Ксаня. — Наташа, мы съ тобой непременно пойдемъ сѣно грести! Это, знаешь, чудо, какъ весело. Нарядимся, грабли возьмемъ, пѣсни будемъ пѣть... А гдѣ же мамаша? — обратилась она къ Олимпіадѣ, которая поставила на столъ дымящуюся миску борщу.

— Онѣ уже покушали у себя въ комнатѣ. Сказали, что къ чаю выйдутъ.

— А Степанко гдѣ? — спросилъ Максимъ Григорьевичъ, поглядывая на другой пустой приборъ.

— И ихъ нѣтути. Гараська ходилъ къ нимъ во „хлигель“, — ихъ нѣту.

Ксаня нахмурилась.

— Что это у насъ за безпорядокъ въ домѣ? — воскликнула она. — Обѣдаютъ по угламъ, никого не дозовешься... Ступай

сейчасъ къ Степану Павловичу, — крикнула Ксаня Гараськѣ: — узнай, гдѣ онъ, и зови обѣдать. И скажи, что ждать не будемъ!

— Ну-ну-ну! — примирительно сказалъ Максимъ Григорьевичъ. — Зачѣмъ такъ строго? Скобелевъ, настоящій Скобелевъ! — отнесся онъ къ Наташѣ.

— Ну иди же, тебѣ говорятъ! — продолжала Ксаня. — Чего уши развѣсиль?

Сапоги Гараськи пришли въ движеніе и понесли его сначала въ клумбу съ душистымъ горошкомъ, но потомъ онъ кое-какъ съ ними справился, взялъ надлежащее направленіе и пошелъ.

— Иди, иди, Мидасъ, швыдче! — напутствовалъ его Максимъ Григорьевичъ.

— Мидасъ? — переспросила Наташа.

— Да, это Оксанка его такъ прозвала за длинные уши.

Между тѣмъ Ксаня разлила по тарелкамъ густой борщъ, обжигавшій губы.

— Охъ, да и люблю-жъ я обѣдати! — воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ, принимаясь за свою порцію.

Возвратился „Мидасъ“ и таинственнымъ шопотомъ сообщилъ, что Степана Павловича нигдѣ нѣтъ, и что Тарасъ видѣлъ, какъ онъ рано утромъ осѣдлалъ Карька и куда-то „зашкандыбалъ“.

— Ну и пусть себѣ зашкандыбалъ! — сказалъ Максимъ Григорьевичъ. — Ксаня, да что же гостя у тебя ничего не кушаетъ?

— Я уже сыта, — поспѣшно проговорила Наташа.

— Уже? — воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ, протягивая свою тарелку къ мискѣ въ другой разъ. — Ну нѣтъ, такъ у насъ ѣсть нельзя! Оксана, проси гостя кушать еще тарелочку.

Но Наташа отказалась наотрѣзъ, тѣмъ болѣе, что Олимпиада какъ разъ въ эту минуту подала на столъ цѣлое рѣшето вареныхъ раковъ и блюдо жирной баранины съ кашей. Максимъ Григорьевичъ быстро справился съ тѣмъ и другимъ, и выразилъ удивленіе, что Наташа совсѣмъ ничего не ѣстъ.

— А вотъ я ее сейчасъ угощу своей наливкой! — сказала Ксаня, разливая въ рюмки густую темнокрасную жидкость. — Ну, Наташка, давай, съ тобой выпьемъ...

„Выпьемъ за наше свиданье!“...

— прошѣла она, забывъ всѣ свои негодованія, огорченія и смѣясь.

— Ахъ, Макся, ты не знаешь, какъ я ее люблю! Больше тебя, право! Гораздо больше тебя!

— Ну и на здоровье себѣ! — добродушно замѣтилъ Максимъ Григорьевичъ, берясь за свою рюмку.

— Вѣдь ты подумай, Маекся! — продолжала Ксая, у которой послѣ рюмки наливки заблестѣли глаза. — Вѣдь мы съ ней семь лѣтъ дружны, семь лѣтъ душа въ душу жили. Сколько воспоминаній, и грустныхъ, и веселыхъ!.. Какъ хорошо было... Наташка, вѣдь хорошо?

— Да... но теперь все-таки лучше.

— Ахъ, нѣтъ, не говори, Наташа... И почему лучше?

— Да что же мы тогда были? Дѣти...

— Вотъ то и хорошо, что дѣти! — съ жаромъ перебила ее Ксая. — Маленькія, глупенькія, но... счастливыя, беззаботныя... Легкая тѣнь набѣжала на ея личико... Наташа замѣтила это и зорко взглянула на подругу.

— Ну, Ксая, — улыбаясь, сказала она. — Вспомни, какія мы глупости дѣлали — стыдно вспомнить.

Лицо Ксая просвѣтлѣло, — она расхохоталась.

— Ахъ, да, да... Помнишь, какъ мы учителю исторіи всю каеэдру духами облили, чтобы отъучить его душитъся?

— Представь, онъ теперь гдѣ-то инспекторомъ, и, говорятъ, гимназистовъ сажаетъ въ карцеръ, если услышитъ, что отъ кого-нибудь духами пахнетъ.

— Неужели? Недаромъ мы его прозвали Торевемадой. Какъ сейчасъ его вижу, — лохматый, хмурый, злющій, — и туда же, душитъся!

— А нашъ милый рыцарь „Печальнаго Образа“, — знаешь, вѣдь умеръ?

— Да, да, ты мнѣ писала... Какъ я плакала о немъ! Помнишь, какъ онъ намъ читалъ Шекспира, и мы всѣ ревѣли о Король-Лирѣ, а начальница прибѣжала спрашивать, что случилось, и Рыжова ей говорить: „Корделія умерла“. — „Ахъ, Боже мой, не отъ тифа ли? (Тогда, помнишь, эпидемія была?) Ступайте скорѣе домой, а то вы мнѣ всю гимназію заразите“...

Подруги хохотали, наперерывъ другъ передъ другомъ, вспоминая разные смѣшные случаи изъ своей гимназической жизни, причемъ Ксая въ лицахъ представляла учителей и классныхъ амъ и рассказала цѣлую серію своихъ проказъ. Максимъ Григорьевичъ не сводилъ съ жены влюбленныхъ глазъ и хохоталъ устымъ, раскатыстымъ смѣхомъ, откидываясь на спинку стула.

— А что, она всегда такая шалунья была? — спросилъ онъ Наташу.

— Всегда, — отвѣчала Наташа, смѣясь.

— И ее не сѣкли? Ну, будь я вашимъ начальствомъ, я бы ее сѣкъ каждую субботу. Э, я забылъ, да вѣдь вы теперь сами учительница! Ну, у васъ какъ, — тоже есть такія шалуньи?

— Есть, и даже еще хуже.

— И вы ихъ не сѣчете? Напрасно! Вы, значить, за свободу и противъ розогъ?

— Конечно.

— Ну, я не такъ, не по современному; я бы этакъ трошки пощѣкалъ...

— Не вѣрь ему, не вѣрь, Наташа! — перебила его Ксаня. — Это онъ только притворяется такимъ извергомъ, а на самомъ дѣлѣ мухи не обидитъ, совсѣмъ даже и на мужчину не похожъ. Я гораздо строже его.

— Ну, ты у меня, извѣстно, Скобелевъ! — и, поглядѣвъ пристально на Наташу, Максимъ Григорьевичъ прибавилъ: — А вы, навѣрно, и въ школѣ были такая же тихонькая, серьезная, правда? Цирлихъ-манирлихъ?

— Ну, Макся, погоди, ты еще ее не знаешь! — возразила Ксаня. — Тихонькая-тихонькая, а въ обиду себя не дастъ! У насъ въ гимназіи ее даже учителя боялись. Знаешь, въ тихомъ омутѣ черти водятся...

Принесли варениковъ, кувшинъ сливокъ и малины, — мороженого не успѣли сдѣлать, и Ксаня опять разсердилась. Но Наташа находила, что и этого слишкомъ много, и выразила удивленіе, — неужели здѣсь всегда такъ ѣдятъ? Это было сказано такъ наивно, что и Ксаня, и Максимъ Григорьевичъ, расхохотались.

V.

Послѣ обѣда, Максимъ Григорьевичъ, выкуривъ на балконѣ трубочку, пошелъ немножко вздремнуть, извинившись передъ Наташей за эту „сельскохозяйственную“ привычку, а подруги усѣлись въ тѣни громаднаго тополя, росшаго какъ разъ подъ окномъ Наташиной комнаты. — Наташа чувствовала тяжесть и какое-то тупое довольство.

— А вы тутъ, я вижу, хорошо живете, — сказала она, оглядывая млѣющій подъ солнцемъ садъ съ благоухающими куртинами розъ и неподвижными кучами деревьевъ.

— Да, ничего, — зѣвая, отвѣчала Ксаня. — А вотъ брату не нравится наша жизнь. Онъ называетъ насъ съ Максей „буржуями“... „Буржуй“! — фи, и слово-то какое противное! — Она

помолчала и прибавила задумчиво: — Да, хорошо... а все-таки скучно!

— Отчего?

Ксания вздохнула, и на лицѣ ея появилось безпокойное выраженіе.

— Отчего?—сказала она.—Не знаю... Очень однообразно. Ъшь, спишь, гуляешь,—вотъ и все, и ничего больше нѣтъ.

— Такъ развѣ у тебя нѣтъ никакого дѣла?

— Да какое же дѣло? Ну, хозяйство... чтеніе иногда... и все-таки скучно.

— А тебѣ чего бы хотѣлось?—съ любопытствомъ спросила Наташа.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать... ты не поймешь, пожалуй, —подумаешь, что я капризничаю. Но знаешь, Наташа!—оживляясь, продолжала Ксания.—Ты не смѣйся, но, право, мнѣ иногда хочется, чтобы случилось что-нибудь необыкновенное! Ну, хоть бы на одинъ день сорваться съ цѣпи, набѣдокурить чего-нибудь, на шумѣть... или чтобы горе что-ли какое-нибудь... ну, хоть бы Макся разсердился когда-нибудь на меня, побилъ бы, что-ли... не знаю! Но онъ такой невозмутимый!

Это было сказано съ такой искренней грустью, что Наташа не могла удержаться отъ улыбки.

— Нѣтъ, право, Наташка!—продолжала Ксания серьезно.—Макся черезчуръ добръ со мною, — я этого не заслуживаю. Я иногда говорю ему:—Макся, ты бы меня хоть побилъ когда-нибудь... Смѣется! Меня даже зло беретъ на него. И вотъ тутъ-то точно бѣсъ какой сидитъ въ душѣ и нашептываетъ: да сдѣлай ты что-нибудь... чтобы всѣ удивились, ахнули, плакали, смѣялись, чтобы каждый хоть на минуту позабылъ о своихъ дѣлахъ, забылъ бы хоть одинъ разъ въ жизни пообѣдать... Да нѣтъ, ты, я вижу, меня не понимаешь!

— Не понимаю!—сказала Наташа, качая головой.—Я вижу только, что ты дѣйствительно стала какая-то раздражительная... сердилась изъ-за пустяковъ,—вотъ, на примѣръ, изъ-за мороженого давеча... но чего тебѣ недостаетъ, я не знаю. Мнѣ кажется, ты скучаешь оттого, что у тебя нѣтъ никакого дѣла.

— Но какое же дѣло?

— На свѣтѣ, Ксания, много дѣла,—и не передѣлаешь... Вотъ, сли бы у тебя были дѣти, ты навѣрное бы не скучала.

— Ну, ты заговорила въ духѣ почтенной Максиной мамашы, 'анны Матвѣевны!—насмѣшливо замѣтила Ксания.

— А что же, все-таки это былъ бы для тебя исходъ. Ну, а

коли своихъ дѣтей нѣтъ, — возьми чужихъ, учи ихъ, воспитывай, вотъ тебѣ и дѣло.

Ксая нетерпѣливо тряхнула головой.

— Ахъ, нѣтъ, это все не то... — сказала она. — Не тянетъ меня къ этому... Я хочу... впрочемъ, я и сама не знаю, чего я хочу! — перебила она сама себя, принужденно смѣясь. — Нѣтъ, Наташка, это ужъ я, должно быть, отъ природы такая... У насъ это общее съ Степаномъ, — тотъ тоже ничѣмъ не доволенъ, ничто ему не нравится, на всѣхъ онъ злится. Только у него все-таки есть что-то, чѣмъ онъ живетъ; а я... у меня ничего нѣтъ...

Подруги замолчали и задумались. Садъ млѣлъ въ полуденной дремотѣ, — тополи чуть-чуть вздрагивали листьями, розы благоухали, — всюду разлита была сонная тишина и нѣга...

— Но неужели у васъ здѣсь даже знакомыхъ нѣтъ! — заговорила снова Наташа.

— Знакомыхъ? Нѣтъ, есть... — Лицо Ксая вспыхнуло яркимъ румянцемъ, и она, прищурившись, пристально стала разсматривать узоръ своей запаски.

— Что-же, развѣ неинтересные?

— Д-да... не особенно. Вотъ тутъ, недалеко отъ насъ, живутъ Прилукины, — помѣщики. Они ничего, порядочные люди, но у насъ бываютъ рѣдко. Потомъ, въ шести верстахъ отсюда, въ станицѣ Лазоревой, тоже есть знакомые, но всѣ такіе скучные... или смѣшные. Я не люблю у нихъ бывать.

— Да, если такъ, конечно, скучно здѣсь жить, — замѣтила Наташа. — Безъ людей нельзя; на нихъ злишься, они иногда надѣдають, но все-таки къ нимъ тянетъ.

— А тебѣ тоже бываетъ скучно? — спросила Ксая.

— Мнѣ? Нѣтъ, я не скучаю, у меня цѣлый день занять; но иногда... такъ, какое-то раздумье беретъ.

— Отчего же? — съ оживленіемъ спросила Ксая.

— Да такъ... кажется, что вотъ жизнь уходитъ, а ты такъ мало сдѣлалъ, и самъ себѣ кажешься такимъ ничтожествомъ, и захочется чего-то другого, какого-то большого-большого дѣла...

Ксая лукаво заглянула подругѣ въ глаза.

— Признайся, Наташка, — шепнула она ей на ухо: — тебѣ любви хочется... да?

Наташа серьезно взглянула на Ксаню и отрицательно покачала головой.

Къ шести часамъ вечера на лужайкѣ подъ липами снова

былъ накрытъ столъ, и Мидасъ съ Олимпіадою притащили огромный самоваръ.

Затѣмъ на столѣ опять появились разныя снѣди, — кувшины со сливками, корзина съ печеньями, какіе-то коржики съ саломъ, съ вареньемъ, съ творогомъ, со сметаной, корзины съ ягодами и въ чашкѣ со льдомъ — большой комокъ твердаго и желтаго, какъ янтарь, масла.

— Господи, неужели опять ѣсть? — съ испугомъ воскликнула Наташа, увидѣвъ всю эту благостыню. — Нѣтъ, я уже больше не могу...

Предсѣдательское мѣсто за самоваромъ на этотъ разъ заняла сама „пани-матка“, Анна, или, по ея собственному произношенію, — Ганна Матвѣевна. Это была высокая, немного тучная женщина лѣтъ около шестидесяти, съ суровымъ, смуглымъ лицомъ, черными бровями и черными, блестящими глазами. Сходство ея съ сыномъ было поразительное, но ей недоставало той мягкости и мечтательной нѣжности, которая смягчала рѣзкія, „запорожскія“ черты Максима Григорьевича. Старуха была облечена въ широкій сѣрый ситцевый кофоть съ оборками, но голова ея была повязана, по-малороссійски, бѣлымъ шолковымъ платкомъ, на манеръ традиціоннаго очипка. Ксаня представила ей Наташу; Ганна Матвѣевна сначала взглянула на дѣвушку сурово и непріязненно, но, узнавъ изъ разспросовъ, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери, и что она живетъ собственнымъ трудомъ, старуха вдругъ смягчилась и съ выраженіемъ какой-то торжественной печали на своемъ бронзовомъ лицѣ принялась угощать усиленно Наташу коржиками и ватрушками. При этомъ Ксаню она совершенно игнорировала, точно ея здѣсь и не было, — зато на сына смотрѣла съ обожаніемъ и, когда онъ начиналъ говорить, ловила каждое его слово и не сводила съ него глазъ.

Выпивъ двѣ кружки чаю, наполовину разбавленнаго сливками, и уничтоживъ изрядное количество коржиковъ, Максимъ Григорьевичъ ушелъ по хозяйству, а вслѣдъ за нимъ вышли изъ-за стола и подруги.

— Ще кушайте, — чего же вы такъ мало? — обратилась Ганна Матвѣевна къ Наташѣ.

Наташа поблагодарила, и онѣ съ Ксаней отошли. Старуха, пригорюнившись, смотрѣла имъ вслѣдъ, сравнивая ихъ между собою, потомъ тяжело вздохнула и вымолвила вслухъ:

— Яка жъ бідна сиротынка, да яка жъ гарнесенька!..

— Настоящій ангельчикъ! — подхватила Олимпіада, стоявшая поодаль.

Ганна Матвѣевна сдвинула брови, покосилась на Олимпиаду и ничего не сказала на ея реплику. Она не любила бойкую наперсницу Ксани, „ласую московку“, и молча, съ торжественнымъ видомъ, стала церемивать чайную посуду.

Между тѣмъ подруги шли по тополевой аллеѣ въ глубину сада.

— Ну, ты, кажется, произвела хорошее впечатлѣніе на нашу пани!—смѣясь, сказала Ксани.—Ужъ если она стала тебя угощать и, глядя на тебя, вздыхать,—значить, ты ей по душѣ! Эти хохлы—ужасно сентиментальный народъ! Имъ непременно падо надъ чѣмъ-нибудь „посумоваты“, иначе и жизнь не въ жизнь. Я думаю, она меня больше за то и недолюбливаетъ, что я постоянно прыгаю и смѣюсь.

— А она мнѣ тоже понравилась,—замѣтила Наташа.

— Да она ничего, добрая, только ужъ черезчуръ горда и властолюбива.

Онѣ вышли на высокую насыпь, отдѣлявшую садъ отъ поля, и взобрались на нее. Передъ ними раскинулся широкій просторъ волнующихся полей, между которыми вилась проселочная дорога. Налѣво, среди зеленой куги, чуть-чуть поблескивали извивы Мача и пропадали въ купѣ зелени за длинными кошарами; направо, на самой чертѣ горизонта, въ синей глубинѣ неба сверкала золотою звѣздочкой колокольный крестъ въ станицѣ Лазоревой. Солнце уже садилось и червоннымъ золотомъ заливало притихшую степь; вѣтеръ упалъ, и деревья стояли недвижными, торжественными, точно на молитвѣ. Густой запахъ спѣлыхъ травъ и цвѣтущихъ хлѣбовъ кружилъ голову.

— Какъ хорошо!—прошептала Наташа.

— Да...—безучастно и думая о чемъ-то другомъ, сказала Ксани.—А знаешь чтò? Пойдемъ сейчасъ, сходимъ на сажалку, вонъ видишь, за кошарами, гдѣ деревья? Тамъ у насъ чудесный прудъ, плотина и пчельникъ. Это—самое мое любимое мѣстечко, потому что тамъ всегда такая таинственная тишина и немпожко страшно. Тамъ только пчелинецъ Егоръ живетъ. Хочешь, пойдемъ?

Наташа согласилась, и подруги, перебравшись черезъ насыпь и канаву, заросшую крапивой, лопухами и зорей, пошли по тропинкѣ, которая скоро вывела ихъ на проселочную дорогу.

— Это дорога въ Лазоревую, — сказала Ксани и, всматриваясь въ даль, прибавила:—Кто-то ѣдетъ... ужъ не къ намъ ли?

По дорогѣ на встрѣчу имъ клубилось золотистое облачко пыли.

— Нѣтъ, должно быть, не къ намъ, — продолжала Ксани,

срывая длинный съ розовыми корнями стебель пшеницы и обматывая его вокругъ пальца.

Золотистое облачко приближалось. Среди него уже ясно видны были мелькающія ноги лошади. Подруги едва успѣли отбѣжать въ сторону, какъ мимо нихъ промчались бѣгковыя дрожки, на которыхъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ бѣлой фуражкѣ и синей блузѣ, перетянутой ремнемъ. Поровнявшись съ ними, онъ быстро взглянулъ на нихъ и сдѣлалъ такое движеніе, точно хотѣлъ остановить лошадь, но ограничился только тѣмъ, что приподнялъ фуражку, и исчезъ. Наташа только успѣла замѣтить его красивое, молодое лицо, опущенное небольшой бѣлокурой бородкой, и большіе голубые глаза.

— Кто это такой?—спросила она.—Вашъ знакомый?

— Да... Это Александръ Рафаиловичъ Прилукинъ... я тебѣ давеча говорила...—отвѣчала Ксани, продолжая крутить въ рукахъ стебель пшеницы.

— Ахъ, этотъ помѣщикъ?

— Ну да... т.-е., онъ сынъ полковника Прилукина... онъ былъ въ университетѣ, но теперь, кажется, бросилъ... не знаю, право!

Что-то такое въ тонѣ голоса Ксани поразило Наташу. Она взглянула на Ксаню и не узнала ея. Молодая женщина пылающими глазами смотрѣла вслѣдъ убѣгающимъ дрожкамъ; ноздри ея трепетали, лицо приняло такое же тревожное выраженіе, какъ давеча, когда она рассказывала о скудѣ хуторской жизни.

— Слушай, Ксани,—сказала Наташа серьезно.—Знаешь, что я думаю?

— Что?—разсѣянно отозвалась Ксани.

— Что ты давеча не все рассказала мнѣ о своей жизни...

Ксани не глядѣла на нее, но Наташа сбоку видѣла, какъ ея уши и даже шея загорѣлись.

— Не все?—переспросила она притворно-равнодушнымъ голосомъ.—Почему это ты такъ думаешь?..

И вдругъ, прямо взглянувъ на Наташу, она перебила сама себя и воскликнула съ внезапнымъ порывомъ:

— Нѣтъ, Наташка, правда, правда, не все... Зачѣмъ я лгу тебѣ? Но, пожалуйста, прошу тебя, Наташа-голубчикъ, не спрашивай меня теперь ни о чемъ,—я сама все расскажу тебѣ когда-нибудь послѣ...

Она нервно отбросила отъ себя истерзанный стебелекъ и быстро пошла по дорогѣ. Наташа молча слѣдовала за нею. Ей вдругъ представилось мужественное, освѣщенное добродушной

улыбкой, лицо Максима Григорьевича, и сердце ея почему-то сжалось.

Солнце сѣло, надъ степью пылала заря. Высокій курганъ отчетливо вырѣзывался на ярко-розовомъ небѣ. Весь живой міръ, почувавъ прохладу, ожилъ и заговорилъ. Въ травѣ затрепещали кузнечики, съ сажалки доносилось меланхолическое уканье жабъ, въ саду чокнулись соловей. Какая-то большая птица, вся розовая въ розовомъ отблескѣ зари, съ спокойнымъ клетотомъ проплыла надъ полями и упала гдѣ-то за курганомъ.

— Вотъ и сажалка! — сказала Ксания, когда онѣ подошли къ плетню, въ которомъ сдѣланы были небольшіе воротца, привязанныя лыкомъ къ колу. Отворивъ ихъ, подружки очутились въ тѣнистомъ уголкѣ, заросшемъ вишенъемъ, черемухой, кустами малины, смородины и крыжовника. По плетню вился хмель, и повилика раскидывала свои большіе блѣднорозовые колокольчики, пахнущіе горькимъ миндалемъ. Между кустами ягодъ правильными рядами шли грядки моркови, рѣпы, помидоровъ и прочихъ овощей; въ одномъ углу цвѣлъ макъ, и его крупные, толстые лепестки, то блѣднорозоваго, то фіолетоваго, то ярко-пурпурнаго цвѣта, таинственно выглядывали изъ темной зелени. И весь этотъ странный, цвѣтущій и благоухающій мірокъ былъ наполненъ какимъ-то особымъ однотоннымъ гуломъ, точно въ немъ звенѣли невидимыя струны.

— Что это? — спросила Наташа, прислушиваясь.

— Это пчелы. Ты не бойся, иди смѣло, — онѣ не кусаются.

Подъ разросшимися липами и черемухой, на лужайкѣ, стояло около сотни колодокъ, надъ которыми съ торопливымъ жужжаньемъ вились пчелы, съ тяжелой ношей возвращавшіяся на ночь домой. Въ сторонѣ торчалъ небольшой шалашикъ; передъ нимъ на обрубкѣ стояла большая деревянная чашка и валялась сѣтка.

— Егоръ! — позвала Ксания, заглядывая въ шалашъ. Никто не отозвался. — Должно быть, на хуторъ за ужиномъ пошелъ.

— Неужели онъ здѣсь одинъ живетъ? — спросила Наташа.

— Совершенно одинъ. Онъ очень странный человѣкъ, — не людимъ ужаснѣйшій и постоянно молчитъ. Его у насъ никто на хуторѣ не любитъ, и онъ никого не любитъ. Говорятъ, — Ксания оглянулась по сторонамъ: — говорятъ, что онъ жену свою убилъ, или что-то въ этомъ родѣ.

— Убилъ? — съ испугомъ прошептала Наташа, и тоже оглянулась. — За что?

— Незвѣстно. Можетъ быть, и врутъ. Никто ничего не знаетъ. Онъ пришелъ къ намъ въ тотъ годъ, когда я замужъ вышла, откуда-то сверху, и вотъ съ тѣхъ поръ живетъ. Дѣло свое хорошо знаетъ, никого не трогаетъ, а вотъ не любятъ его, да и только. Одинъ Степанъ съ нимъ въ дружбѣ, часто у него здѣсь бываетъ, иногда даже и ночуетъ въ шалашѣ.

— А онъ уже старый?

— Нѣтъ, не старый, и даже красивый, но... непріятный какой-то. Я, знаешь, вообще ничего не боюсь, а его боюсь. Взгляда его боюсь... все думается,—а что, если онъ и вправду убійца?

Пчела запуталась въ ея волосахъ и жалобно зажуужала. Наташа вскрикнула, а Ксаня хладнокровно перекинула косу черезъ плечо, выпутала пчелу, и та, расправивъ у нея на ладони крылья, благополучно улетѣла.

— Какъ это ты не боишься?—сказала Наташа.

— А чего бояться? Если пчелу не дразнить, она никогда не кусаетъ. Она точно чувствуетъ, что какъ укусить, такъ умереть. Ну, идемъ теперь на сажалку!

VI.

Запахло водой, тиной и кувшинками. Подъ огромными, дуплистыми ветлами, которыя росли по обѣ стороны широкой плотины, было сумрачно и сыро, и этотъ влажный, зеленый сумракъ придавалъ всему окружающему фантастическій характеръ. Поросшіе отъ старости сѣрымъ мхомъ, лишайникомъ и трутомъ, стволы деревьевъ казались какими-то чудовищами, раскинувшими во всѣ стороны свои уродливыя руки; переплетшіеся между собою узловатые корни напоминали исполинскихъ змѣй; на нихъ сидѣли большія зеленныя жабы, которыя при шорохѣ шаговъ соскакивали и тяжело бултыхались въ воду, пуская пузыри. Тоненькій ужъ, мелькая своей оранжевой головою, осторожно пробирался по землѣ и исчезалъ въ сухомъ валежникѣ. По одну сторону плотины была топь, густо заросшая кугой, початками и мелкимъ тальникомъ; по другую стлалась неподвижная гладь пруда, который вправо дѣлалъ крутое колѣно и терялся въ непроходимой заросли ветлы, осокоря и ежевики. У береговъ его плавали широкіе листья кувшинокъ; вздымались стройныя водяныя лиліи, а подъ водой, точно чьи-то волосы, разметывались нѣжныя, розовато-коричневныя пряди водорослей. Огромныя водяныя

пауки на своихъ длинныхъ, тонкихъ ногахъ озабоченно и безшумно скакали по поверхности пруда, и таинственное безмолвіе этого страннаго уголка нарушали только шорохъ падающихъ листьевъ, да одинокое кваканіе жабы, разнѣженнымъ голосомъ выдѣлывавшей свои монотонныя: „куа, куа“...

— Ну, чтò, хорошо здѣсь?—спросила Ксаня.

— Очень дико.

— А вотъ это-то мнѣ и нравится! Макся почему-то не любить, когда я сюда ухожу, а я, напротивъ, очень люблю здѣсь сидѣть и мечтать. Знаешь, такъ тихо, хорошо и немножко страшно...

Она подбѣжала къ сѣдой ветлѣ, одинъ сукъ которой свѣсился надъ самой водой, ловко перепрыгнула черезъ корни и усѣлась на сукѣ.

— Смотри, какъ славно!—со смѣхомъ воскликнула она, покачиваясь. — Я теперь точно русалка — помнишь у Пушкина: „тамъ лѣшій бродить, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“... Прыгай и ты сюда!

Наташа съ помощью подруги взобралась на сукъ, и обѣ онѣ, легонько раскачиваясь, повисли надъ водою. Внизу въ водѣ дрожали ихъ смутныя отраженія, точно двѣ русалки, ихъ сестры, выглядывали оттуда и манили ихъ къ себѣ.

Быстро темнѣло; надъ прудомъ поднимался паръ и, какъ привидѣніе, медленно расправляя свои волнующіяся одежды, скользилъ по его поверхности. Черныя чудовища-деревья угрожающе вздымали къ нему свои искривленные члены; изъ камыша доносились какіе-то таинственные звуки, шорохъ, иногда слабый всплескъ воды. И жаба все повторяла: „куа... куа“...

— Я почему-то всегда вспоминаю здѣсь свое дѣтство и маму, —начала Ксаня тихо, вглядываясь въ сумракъ. —Она рано умерла, но я ее хорошо помню... Она была такая блѣдная, печальная и всегда ходила въ бѣломъ платьѣ. Она любила рассказывать мнѣ сказки и стихи. Однажды, я помню, мы сидѣли съ ней въ саду ранней весной; вотъ также были сумерки, гдѣ-то близко пѣлъ соловей, а въ рѣкѣ квакали лягушки. Мнѣ такъ все это врѣзалось въ память,—точно вчера было... кажется, я ее вижу, и голосъ ея, такой тихій и нѣжный, мнѣ слышится... И вотъ она начала читать стихотвореніе Лермонтова— „По небу полуночи“. Я сидѣла, прижавшись къ ней, и мнѣ было такъ тепло около нея, такъ хорошо!.. Я глядѣла на небо, и мнѣ казалось, что я вижу тамъ бѣлаго ангела съ маленькой дѣвочкой на рукахъ. „Мама,—сказала я. — Отчего души не остаются на небѣ? Вѣдь тамъ

лучше, чѣмъ на землѣ"... И вдругъ, слышу, — она заплакала... Послѣ этого вечера мама жила недолго; она умерла за-границей...

— Отчего она умерла?

— Не знаю; папа не любилъ, когда мы спрашивали его о мамѣ. Послѣ его смерти, я нашла у него въ бумагахъ цѣлую тетрадку маминыхъ стихотвореній, и все такія грустныя,—я тебѣ покажу когда-нибудь. Должно быть, она предчувствовала свою близкую смерть, и оттого грустила...

Чей-то дикій ревъ вдругъ прорѣзалъ тишину и оглушительнымъ эхомъ раскатился по чащѣ. Наташа вскрикнула, содрогнулась и чуть не свалилась въ воду.

— Не пугайся, это „водяной быкъ“ кричитъ,—успокоила ее Ксая.

— Ахъ, какой отвратительный!—уже оправившись отъ испуга, сказала Наташа.—Воображаю, что это за чудовище!

— Совсѣмъ нѣтъ!—смѣясь, проговорила Ксая. — Напротивъ, премилая птица, и еслибы ты ее увидала, ни за что бы не подумала, что она можетъ такъ кричать. Вотъ какъ обманчива наружность!

„Водяной быкъ“ снова заревѣлъ жалобно, со вздохами и рыданіями. Наташа повела плечами.

— Ужасная птица! Впрочемъ, здѣсь все ужасно, мнѣ не нравится. Въ полѣ гораздо лучше. Тамъ свѣтло, просторно,—идешь, и знаешь, куда идешь, и ничего не страшно. А здѣсь такъ и кажется, что изъ-за кустовъ вотъ-вотъ выползетъ какая-нибудь гадина, или попадешь въ трясину и будешь медленно-медленно погружаться въ нее.. Ухъ, страшно!—прошептала Наташа, прижимаясь къ подругѣ.

— Ахъ, трусиха! Такая разсудительная, серьезная, а привидѣній боишься!

— Я не привидѣній боюсь, а не люблю ничего таинственнаго и неожиданнаго. Я люблю все видѣть, все знать, люблю, чтобы все передо мною было ясно, опредѣленно, понятно...

— Ахъ, нѣтъ, обыкновенное очень скучно... Я до смерти люблю чудесное! Я, напримѣръ, желала бы сейчасъ, чтобы изъ воды вдругъ выплыла русалка и взглянула бы на насъ своими вѣлыми глазами... Ага, тебѣ уже страшно? А, можетъ быть, я и сама русалка, а, Наташка? Можетъ быть, я давно уже умерла и живу въ водѣ, а это только мой призракъ выходитъ на землю морочить и пугать людей... А? Наташа, хочешь, вотъ, сейчасъ я схвачу тебя и утащу въ воду? Хочешь?

Ксая смѣялась тихимъ, таинственнымъ смѣхомъ, глаза ея

странно сверкали въ полутьмѣ и, обвивъ талию подруги, она легонько толкала ее внизъ. По тѣлу Наташи, настроенной уже нѣсколько мистически, пробѣжала непріятная ледяная дрожь.

— Оставь, Ксая!—серьезно сказала она, освобождаясь изъ цѣпкихъ объятій подруги.—Зачѣмъ такъ шутить,—я не люблю...

Ксая со смѣхомъ обняла Наташу еще крѣпче и поцѣловала ее въ щеку.

— Ну, ну, не буду! Но все-таки ты трусиха,—я совсѣмъ не знала этого...

Гдѣ-то за прудомъ, въ заросли, раздался выстрѣлъ, и многоголосое эхо повторило его. Что-то зашуршало по вершинамъ ветель, испуганныя птицы съ полусоннымъ карканьемъ завопились въ своихъ гнѣздахъ; мелкіе сучья и листья посыпались внизъ.

— Это Степанъ стрѣляетъ,—другимъ тономъ сказала Ксая.—И знаешь чтѣ? Должно быть, уже поздно, и надо идти домой, а то, я думаю, Ганна Матвѣевна уже выходитъ изъ себя, и Макся тоже самъ не свой. Однажды я ихъ всѣхъ ужасно перепугала: ночью взяла, да и ушла сюда. Боже, чтѣ было! Макся поднялъ на ноги весь хуторъ, прибѣжали сюда съ фонарями, съ баграми и неведомъ, ищутъ, кричатъ; Макся, весь блѣдный, ломаетъ себѣ руки,—а я сижу вотъ здѣсь на суку, да посмѣиваюсь...

— И тебѣ не стыдно такъ шутить?—съ упрекомъ сказала Наташа.—Вѣдь это ужасно жестоко.

— Ахъ, Боже мой, ну что жъ такое?—капризно возразила Ксая.—Скучно,—вотъ и хочется пошалить немножко...

— А если отъ твоихъ шалостей люди страдаютъ?

— Не бѣда...—легкомысленнымъ тономъ проговорила Ксая, и вдругъ задумалась. — Нѣтъ, Наташка, правда,—я эгоистка, злая, скверная... я сама это знаю. Но какъ хочешь,—брани меня, сердись на меня, а не могу я иначе. Точно бѣсъ во мнѣ сидитъ... въ самомъ дѣлѣ, должно быть, я русалка...

Наташа молча покачала головой. Ксая ловко спрыгнула на плотину и помогла Наташѣ спуститься съ дерева. Совсѣмъ уже стемнѣло, только на западѣ неподвижно и загадочно сіяла заря. При этомъ призрачномъ, золотистомъ свѣтѣ подруги замѣтили чью-то высокую фигуру, неподвижно стоявшую у плетня.

— Это ты, Егоръ?—окликнула Ксая.

— Я,—отозвался глухой, низкій голосъ.

Въ полѣ Наташа вздохнула свободнѣе и съ удовольствіемъ оглянулась кругомъ. Широкое, просторное небо раскидывалось

надъ широкой и просторной степью. Оно было густого синяго цвѣта, и на этомъ фонѣ звѣзды казались особенно крупны и ярки. Большая-Медвѣдица играла всѣми своими семью брилліантами, а далекій горизонтъ вспыхивалъ голубымъ, трепетнымъ огнемъ. Ночь была тихая и душная, и еще сильнѣе, чѣмъ днемъ, пахло цвѣтущими хлѣбами и спѣлыми травами.

— Постой... — сказала Ксая, останавливаясь и глядя на зарницы.

Обѣ остановились и стали глядѣть на небо. Зарницы непрерывно пробѣгали по горизонту; въ этотъ молчаливомъ блиставіи было что-то тревожное, безпокойное и вызывающее.

— Какъ я люблю это!..—сказала наконецъ Ксая, глубоко вздохнувъ.—Тебѣ не кажется, Наташа, когда ты смотришь на зарницы, что вотъ сейчасъ должно случиться что-то необычайное, какая-нибудь катастрофа или въ этомъ родѣ? И особенно среди этой тишины и сна... Тихо, темно, а между тѣмъ что-то приближается, подходитъ... и боишься, и въ то же время ждешь съ нетерпѣніемъ, и желаешь, чтобы скорѣе произошло...

— Фантазерка ты, Ксая!—воскликнула Наташа.

— Фантазерка?—разсѣянно переспросила Ксая и продолжала задумчиво и немножко печально.—Но вѣдь ничего не случается... Ждешь-ждешь,—и все такъ же скучно и однообразно. Отчего жизнь не похожа на сны? Я иногда удивительные сны вижу... Разъ мнѣ приснилось свѣтопреставленіе. Я видѣла, какъ звѣзды падали съ неба, небо таяло, а земля разбилась въ дребезги и исчезла... Это было страшно и хорошо, и мнѣ было такъ жаль, когда я проснулась и услышала за окномъ мычаніе коровы. Даже зло взяло! А съ тобой не бываетъ этого?

— Нѣтъ. Я очень рѣдко вижу сны. Да мнѣ и видѣть-то нечего; вѣдь, говорятъ, сны—отраженіе дѣйствительности, а я только и вижу цѣлый день крыши, да трубы, да фонари... А у васъ тутъ и небо, и звѣзды, и цвѣты... этакая прелесть!

Онѣ опять поглядѣли на небо, гдѣ все такъ же таинственно и угрожающе трепетали зарницы, смущая спокойствіе и тишину ночи своимъ безпокойнымъ блескомъ.

По дорогѣ; на встрѣчу подругамъ, шелъ кто-то, шаркая ногами и тяжело переводя дыханіе.

— Кто это?—вскрикнула Ксая.

— Это вы, барыня? — отозвался старческій голосъ, прерываемый одышкой.—Я за вами... ужинать идите... баринъ послалъ...

— Ахъ, это ты, Тарасъ? Ну, иди себѣ, мы сейчасъ... И зачѣмъ посылаютъ?—съ неудовольствіемъ сказала Ксая.—Тер-

пѣтъ этого не могу!.. Ну, ужинали бы, да и ложились спать,— нѣтъ, нужно всѣхъ поднять на ноги, тревожить старика...

Онѣ пошли быстрѣе; Тарасъ сначала старался поспѣвать за ними, охая и вздыхая, но потомъ отсталъ. Скоро передъ ними затемнѣли влажныя, душистыя купы деревьевъ, замелькали огоньки... Максимъ Григорьевичъ встрѣтилъ ихъ у балкона; его бѣлый пиджакъ смутно выдѣлялся изъ сумрака.

— А, бѣглянки!—зашумѣлъ онѣ, идя къ нимъ на встрѣчу, и широкая улыбка разлилась по его лицу.—А мы васъ ждали, ждали!.. Вѣдь уже десять часовъ,—вечеряť пора.

— Ну, и ужинали бы!—капризно сказала Ксани.—Знаешь, Макся, что я не люблю, когда меня ждутъ, ищутъ... Точно я маленькая! Шагу нельзя ступить безъ няньки!

— Не сердись, голубка! Да развѣ же я могу спокойно что-нибудь дѣлать, когда не знаю, гдѣ ты?

— Все глупости и сентиментальность!—еще капризнѣе проговорила Ксани.—И, пожалуйста, Макся...

Максимъ Григорьевичъ не далъ ей договорить, схватилъ ее на руки и, несмотря на сопротивленіе, понесъ на балконъ, гдѣ уже стоялъ накрытый для ужина столъ. Ксани продолжала притворяться разсерженной, но, наконецъ, не вытерпѣла и разсмѣялась.

— Совсѣмъ еще маленько дытино!—сказалъ Максимъ Григорьевичъ, смѣясь и ставя жену на полъ.—Все ей жарты да смѣшки... хоть бы вы, Наталья Гавриловна, ее пробрали хорошенько.

Наташѣ вдругъ вспомнилась та встрѣча, и сердце ея снова сжалось какимъ-то тоскливымъ предчувствіемъ. Она опустила глаза и промолчала.

Гапна Матвѣевна, похожая на величественное изваяніе, уже сидѣла за столомъ и строго взглянула на прибывшихъ, очевидно не одобряя ихъ поведенія. Молча она стала разливать по тарелкамъ дымящійся молочный кулешъ и молча углубилась въ ѣду, не обращая больше ни на кого вниманія.

— А что, устали?—спросилъ Наташу Максимъ Григорьевичъ.—Моя Оксанка васъ измучила совсѣмъ?

— Нѣтъ, ничего.

— Какое „ничего“! Я ужъ знаю. Ей-то все равно,—она, какъ коза, прыгаетъ, а вамъ, я думаю, съ дороги, небо съ овчинку показалось. Вѣрно, она васъ на свое болото водила?

— На сажалку? Да, мы тамъ были.

— Ну, вотъ, я ужъ знаю! И чего ей полюбілось то бо-

лото, — не могу понять! Змѣи, жабы, плесень да очеретъ, — тѣфу! — а ей лучше и не надо. Ну, а вамъ же какъ, — понравилось тамъ?

— О, нѣтъ! — отвѣчала Наташа. — Тамъ очень сыро и жутко; у васъ въ саду гораздо лучше.

Угрюмое лицо Ганны Матвѣевны немножко прояснилось, и она дружелюбно взглянула на Наташу. „Оце жъ гарна дивчинка!“ — подумала она опять.

— А ей-Богу-жъ, правда! — воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ одобрительно и даже хлопнулъ ладонью по столу. — Слышишь, Оксанка, чтѣ люди говорятъ? — обратился онъ къ женѣ, которая вдругъ какъ-то притихла, ничего не фля и молча рисовала вилкой на скатерти какіе-то узоры.

Ксаянъ взглянула на мужа разсѣянно и ничего не отвѣчала.

— Поганое мѣсто! — продолжалъ Максимъ Григорьевичъ. — Только лихорадку разводитъ; позасыпать бы его слѣдовало, да боюсь, — Оксана плакать будетъ. Оксана да Степанъ, да вотъ развѣ еще Егоръ-пасѣчникъ, — только они одни и любятъ это мѣсто. А вы, Наталья Гавриловна, не ходите туда, — еще, чего добраго, русалки залоскочутъ.

Ужинъ былъ такой же сытный, какъ и обѣдъ. Послѣ ужина всѣ сейчасъ же разошлись по своимъ комнатамъ; Ганна Матвѣевна долго прощалась съ сыномъ, крестила его голову и что-то беззвучно шептала, — должно быть, молитвы; Ксаянъ была такъ же молчалива и разсѣянно простилась съ Наташей. Придя въ свою комнату, Наташа, несмотря на усталость, долго еще стояла у отвореннаго окна, вглядываясь въ шепчущій сумракъ сада; ей не хотѣлось расставаться съ чарующей красотой ночи. Розы упонительно благоухали; гдѣ-то, совсѣмъ близко, опять зачокалъ запоздалый соловей. Откуда-то сбоку, должно-быть изъ окна Ганны Матвѣевны, падала широкая полоса свѣта, выхватывая изъ темноты часть дорожки и густую листву тополя; потомъ она дрогнула, передвинулась и погасла, — все погрузилось въ темноту. Наташа все стояла, и ей казалось такъ странно, что, вотъ, четыре дня еще тому назадъ, она сидѣла въ своей комнатѣ, на углу Невскаго и Николаевской, и за окномъ тускло сіяла бѣлая петербургская ночь, грохотали экипажи, слышалось шарканье ногъ по каменнымъ троттуарамъ, какіе-то хриплые голоса громко переговаривались, а теперь... какая разница! Этотъ тихій садъ, эти нѣжные вздохи бархатной, южной ночи, сладкій запахъ цвѣтовъ, голубыя вспыхиванія далекихъ зарницъ и въ двухъ шагахъ — безпредѣльная зеленая степь, которая такъ поразила Наташу

своей могучей красотою. Радостное чувство свободы охватило Наташу, и она сладко потянулась, вся взволнованная мыслью, что два мѣсяца, — еще цѣлыхъ два мѣсяца, — она будетъ жить среди этого приволья и красоты, съ милыми, простыми людьми, такъ непохожими на озабоченныхъ, нервныхъ, раздраженныхъ петербуржцевъ.

А Ксани? — подумала вдругъ Наташа, и непріятное чувство ущипнуло ее за сердце. Да, вотъ только Ксани... что-то въ ней не нравилось Наташѣ. Объ этомъ надо подумать хорошенько, надо рѣшить... Но думать теперь Наташѣ не хотѣлось, — какая-то истома разлилась по ея тѣлу, глаза заволокло точно паутиной. Она ощупью дошла до постели, кое-какъ раздѣлась и легла. Но долго еще ей не спалось, и впечатлѣнія дня странно перепутывались съ грѣзами... Вотъ цвѣты обступили ее со всѣхъ сторонъ... русалка съ таинственнымъ смѣхомъ и съ лицомъ Ксани качалась на вѣтвяхъ. Потомъ смѣхъ перешелъ въ рыданія, — Наташа вскочила и прислушалась. „Ахъ, это водяной-быкъ кричитъ!“ — прошептала она, снова опускаясь на подушку. Тихо, тихо... только въ саду ходятъ и перешептываются ночныя тѣни, да гдѣ-то далеко сторожъ бьетъ въ чугунную доску. Что это? Опять рыданіе? Нѣтъ, это ночь плачетъ... Но Наташа уже не имѣла силы подняться и слушать, — сонъ сковалъ ея члены, и она крѣпко уснула.

VII.

На другой день Наташу разбудили веселые голоса птицъ за окномъ, шорохъ листвы и оживленная бѣготня золотыхъ „зайчиковъ“. Одинъ изъ нихъ заигралъ въ ея волосахъ, потомъ перескочилъ на щеку и своимъ горячимъ прикосновеніемъ заставилъ ее открыть глаза. Она поспѣшно встала, одѣлась и подбѣжала къ окну. Свѣжій утренній воздухъ дохнулъ ей въ лицо; весь садъ, пронизанный веселымъ блескомъ солнца, сверкалъ и шумѣлъ, красуясь роскошью своего зеленого убранства. Наташа глядѣла и не могла наглядѣться; все было такъ свѣжо, молодо и прекрасно, — ничто не напоминало душнаго Петербурга, съ его раздражающимъ грохотомъ, пылью и тѣснотой.

Скрипнула дверь, и въ комнату вбѣжала Ксани, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, съ наскоро заплетенною косой, волнующимися прядями разсыпанною по спинѣ. Лицо ея сіяло свѣжестью и весельемъ; вчерашней задумчивости не было и слѣда, какъ на

сверкающемъ небѣ не оставалось слѣда таинственныхъ и безпокойныхъ зарницъ.

— Ты уже встала?—воскликнула она.—Такъ пойдемъ скорѣе на крыльцо,—тамъ косцы пришли, тебѣ это будетъ интересно!

Онѣ выбѣжали на крыльцо. Вся площадка передъ нимъ была устлана свѣжей, зеленой травой; на травѣ стоялъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью, а на столѣ лежала большая груда ломтей бѣлаго хлѣба и стояла ведерная бутылъ съ водкой. Максимъ Григорьевичъ наливалъ водку въ большую, старинную, серебряную чарку и передавалъ ее матери, а Ганна Матвѣевна, одѣтая въ новое платье, съ величавымъ и торжественнымъ видомъ подносила чарку уже косцу. Косцовъ было человѣкъ тридцать, и между ними преобладали великороссы, но были также и хохлы въ бѣлыхъ мережанныхъ рубахахъ и, несмотря на жару, въ смушковыхъ, лохматыхъ шапкахъ; былъ даже одинъ татаринъ съ Волги, съ совершенно бронзовымъ лицомъ, худой какъ скелетъ, съ костлявой грудью, выглядывавшей изъ-за разстегнутаго ворота рубахи. Всѣ они, ради торжественнаго случая, были приодѣты, у всѣхъ въ рукахъ блестѣли отточенные косы, а на поясахъ болтались кожаные и берестяные „гаманки“ съ брусомъ для отбиванія косы. Лица у всѣхъ были довольныя, но серьезные; каждый, строго соблюдая очередь, подходилъ къ Ганнѣ Матвѣевнѣ, бралъ изъ ея рукъ чарку, поздравлялъ „съ косовицей“, и, выпивъ водку, получалъ ломоть хлѣба и степенно отходилъ въ сторону. Москалей Ганна Матвѣевна отпускала молча, но хохловъ останавливала и расспрашивала: „Виткілі?“ — „Та съ Пилтавщины примандрувавъ“...—„И жінку, мабуть, маєшь?“ — „А якъ же безъ жінки? И жінка ё, и хлопчата“...—„Отъ бідолаха... ну, помоги жъ тобі, Боже!“...—Ганна Матвѣевна вздыхала, выбирала куски побольше, и хохоль отходилъ растроганный и долго вытиралъ лицо полою свитки.

Въ самый разгаръ угощенья, къ крыльцу подошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, въ бѣлой полотняной блузѣ и такихъ же панталонахъ, въ высокихъ болотныхъ сапогахъ и бѣлой фуражкѣ.

— Степа!—крикнула ему Ксаня.—Иди сюда, я тебя познакомлю... Наташа! Это—мой братъ.

— Степанъ Коржовъ!—пробуркнулъ молодой человѣкъ отрывисто и такъ же отрывисто пожалъ Наташину руку.

Наташа съ любопытствомъ на него взглянула, и ее поразило необычайное сходство Степана съ сестрой. Сходство это было

не въ чертахъ, — Степанъ былъ некрасивъ, между тѣмъ какъ Ксаня — красавица, — сходство было въ выраженіи и характерѣ фizioноміи, въ безпокойной игрѣ лицевыхъ мускуловъ, въ лихорадочномъ блескѣ глазъ. Только у Ксани выраженіе тревоги и внутренняго безпокойства мелькало по временамъ, освѣщая ея лицо, какъ молніей; у Степана же оно было преобладающимъ, такъ сказать, подчеркнутымъ, и это придавало его лицу непріятный характеръ, что-то рѣзкое, напряженное и угрюмое, — точно онъ постоянно злился внутри себя и все окружающее его раздражало, и въ то же время ему не хотѣлось, чтобы объ этомъ знали. Онъ былъ также, какъ и Ксаня, смуглый брюнетъ, но безъ ея яркихъ красокъ; щеки его были постоянно блѣдны; на широкомъ, но низкомъ лбу, отъ привычки хмуриться, образовалась некрасивая продольная складка; большіе сѣрые глаза свои онъ пряталъ подъ густыми бровями, точно не желая выдавать свои душевныя движенія, а его маленькій ротъ съ тонкими губами былъ всегда крѣпко сжатъ и какъ бы застылъ въ пренебрежительной гримасѣ. Небольшая темная бородка скупо покрывала его подбородокъ, но волосы были густые, волнистые и красивыми завитками выбивались изъ-подъ фуражки. Глядя на его рѣзкій профиль, Наташа вспоминала, что какъ будто бы уже гдѣ-то видѣла это лицо... но гдѣ и когда — никакъ не могла припомнить...

Почувствовавъ, что его разсматриваютъ, Степанъ быстро скользнулъ по Наташѣ своими безпокойными глазами и сейчасъ же, небрежно отвернувшись, сталъ смотрѣть на Ганну Матвѣевну, угощавшую косцовъ. Что-то вродѣ усмѣшки дрогнуло въ его лицѣ и смѣнилось тою же презрительно-равнодушной гримасой. Но Ксаня это замѣтила и обернулась къ брату.

— Ты чего это смѣешься? — задорно спросила она.

— Священнодѣйствуетъ... — проговорилъ Степанъ въ полголоса, указывая глазами на Ганну Матвѣевну.

Ксаня хотѣла-было разсердиться, но взглянула на старуху и сама разсмѣялась, зажимая ротъ платкомъ. Наташа взглянула на нее укоризненно: Ганна Матвѣевна и Максимъ Григорьевичъ дѣлали свое дѣло такъ важно и серьезно; лица у нихъ были въ эту минуту такія добрыя, милыя, а вся картина была такъ трогательна, что слова Степана и смѣхъ Ксани показались Наташѣ неумѣстными и покоробили ее.

Между тѣмъ, угощеніе кончилось, и послѣдній косецъ, выпивъ свою чарку и вытирая губы полой, отошелъ къ товарищамъ. Нѣсколько минутъ они стояли, въ полголоса переговариваясь

между собою; ихъ загорѣлыя, суровыя лица, подъ вліяніемъ водки, вдругъ какъ-то размякли и подобрѣли, глаза засвѣтились, на губахъ играли улыбки... Но вотъ косы ихъ звякнули; они разомъ, точно по командѣ, вскинули ихъ на плечи, — чей-то нерѣшительный, дрожащій голосъ затянулъ пѣсню, и косцы двинулись въ путь. Нѣсколько голосовъ поддерживали запѣвалу — и пѣсня широкая, однообразная и безпредѣльная, какъ сама степь, волною разлилась надъ хуторомъ. А косцы все шли впередъ; косы ихъ, блестя на солнцѣ, мѣрно позвякивали въ тактъ пѣснѣ, — пѣсня разливалась все шире и шире, и вотъ она уже слилась съ небомъ и степью, и косцы уже скрылись за деревьями, — косы въ послѣдній разъ блеснули, — и все затихло...

— Помогите имъ, Боже! — сказала Ганна Матвѣевна, — сама перекрестилась и послала крестное знаменіе вслѣдъ удалявшимся косарямъ.

— Какъ хорошо! — проговорила Наташа, на которую вся эта сцена, и пестрая группа косцовъ, и ихъ пѣсня, произвели сильное впечатлѣніе.

Степанъ взглянулъ на нее сбоку, и опять что-то дрогнуло въ его лицѣ.

— Феодализмъ! — сказалъ онъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

Наташу снова покорило, но она промолчала. На крыльцо вошелъ Максимъ Григорьевичъ.

— А, Степанко! — воскликнулъ онъ, протягивая руку молодому человѣку. — Гдѣ это ты блукаешь? Вчера цѣлый день пропадать, а Мида съ какою манерою мнѣ, что даже и не ночевалъ дома?

— Я у Прилукина почевалъ, — съ своей небрежной манерой отвѣчалъ Степанъ. — Кстати, Александръ Рафаиловичъ просилъ меня передать, что онъ сегодня вечеромъ къ вамъ заѣдетъ по какому-то дѣлу.

При этихъ словахъ Наташа невольно взглянула на Ксаню; но та, какъ ни въ чемъ не бывало, стояла, облокотясь на перила крыльца и дразнила кошку, щекоча соломенкой ей ноздри. Кошка щетинилась и фыркала, и Ксаню это, видимо, очень забавляло.

— Ага, — сказалъ Максимъ Григорьевичъ. — Это, мабуть, насчетъ свиней. Ну, хлопцы, до свиданья! Вонъ уже ведутъ моего коняку, — на косовицу ѣхать надо.

Къ крыльцу подвели молоденькаго степного конька съ взерошенной гривой, кровавыми ноздрями и горбатымъ носомъ. Онъ нетерпѣливо придалъ ушами, моталъ головой и недовѣрчивымъ,

злымъ взглядомъ косился по сторонамъ, повидимому твердо рѣшившись никому не давать себя въ обиду. Но Максимъ Григорьевичъ смѣло подошелъ къ нему, почесалъ его за ухомъ и ловко вскочилъ на сѣдло. Конь захрапѣлъ и сѣлъ на заднія ноги.

— Ну, ну, будетъ уже тебѣ злиться!—ласково сказалъ ему Максимъ Григорьевичъ, поправляясь на сѣдлѣ.—Вѣдь ты у меня добрая коняка, хорошая коняка.

Въ эту минуту Ксания быстро сбѣжала съ крыльца, приблизилась къ лошади и погладила ее по шеѣ. „Добрая коняка“ вспрыгнула на дыбы и едва не задѣла Ксаню копытомъ.

— Отойди, дурная!—крикнулъ поблѣднѣвшій Максимъ Григорьевичъ.—Фу ты, ажъ сердце сомлѣло!.. Вѣдь знаешь, что Киргизенокъ не любитъ, чтобы его трогали... Отъ, яка дурная баба...

Онъ далъ поводья Киргизенку, рвавшемуся впередъ, и пошелъ, а Ксания, посмѣиваясь, вернулась на крыльцо.

— Ну, пойдѣте теперъ чай пить!—сказала она.—Степа, и ты съ нами?

Степанъ отвѣчалъ что-то невнятное. Ксания махнула на него рукой, расхохоталась и, схвативъ Наташу за талию, потащила ее въ домъ. Пробѣгая черезъ залу, она оставила Наташу, открыла пианино и, взявъ нѣсколько шумныхъ аккордовъ, запѣла: „Говорила мнѣ маты, та й накузувала, щобъ я хлопцамъ свое личко не показувала“... но сейчасъ же оборвала пѣсню, съ шумомъ захлопнула крышку и закружилась по залѣ.

— Ахъ, Наташка, какъ мнѣ весело сегодня! Не знаю отчего... А тебѣ?

— Мнѣ тоже... Я просто не знаю... у васъ тутъ такъ хорошо, что нельзя не быть веселымъ. И воздухъ даже какой-то такой... точно шампанское пьешь!..

— А ты развѣ пила когда-нибудь шампанское?

— Никогда,—смѣясь, сказала Наташа.

— Такъ почему же ты знаешь?

— Въ книжкахъ вычитала...

Онѣ побѣжали въ садъ, гдѣ на столѣ уже ждалъ ихъ самоваръ. Степанъ былъ тутъ и разсѣянно крутилъ въ рукахъ вѣтку тополя.

— А, рыцарь „Печальнаго Образа“!—насмѣшливо воскликнула Ксания.—Наконецъ-то удостоили своимъ присутствіемъ! Чаю вамъ угодно?

— Не хочу.

— Ну и не надо. Да чего ты все куешишься, — смотрѣть даже тошно!

— А съ чего же мнѣ радоваться?

— Какъ съ чего? Съ чего намъ весело?

— Ну и веселитесь себѣ, — вѣдь я вамъ не препятствую.

— Не понимаю! Да ты погляди хоть вокругъ себя, — какое солнце, какая зелень, — неужели это тебя ничуть не радуетъ?

— Ничуть.

— Не понимаю! Наташка, да скажи хоть ты ему, что это просто безсовѣстно хмуриться и брюзжать въ такой день.

— Не знаю, какой это такой особенный день, что я долженъ радоваться. Развѣ вотъ тому, что Максимъ Григорьевичъ нынче угощалъ водкой своихъ рабочихъ?

Наташа быстро на него взглянула и почувствовала внезапный приливъ досады и обиды за Максима Григорьевича.

— А что же, развѣ, по-вашему, это было худо? — спросила она.

— Нѣтъ, ничего, картина умилительная. Но радоваться все-таки не вижу причины.

— Почему?

— Да вы въ первый разъ въ деревнѣ? — вмѣсто отвѣта спросилъ Степанъ.

— Да... то-есть, я бывала, тамъ, подъ Петербургомъ, но здѣсь... въ первый разъ.

— Ну, оттого-то вы и ликуете. А вотъ поживите здѣсь подольше, и если у васъ въ груди не леденецъ, какъ у моей сестрицы, а человѣческое сердце, то посмотримъ, сохраните ли вы свое жизнерадостное настроеніе.

— Но... почему же? — нерѣшительно спросила Наташа.

— А потому, что все это, — онъ обвелъ рукою вокругъ себя, — всѣ эти розы, небеса и прочее, и даже умилительное зрѣлище, которое такъ восхитило васъ давеча, — все это одна красивая декорація, больше ничего. Вы, кажется, мнѣ не вѣрите? Ну, коли хотите, я вамъ примѣрецъ приведу, — вотъ хоть бы этихъ косцовъ, на которыхъ вы любовались. Снаружи, оно, правда, живописно, а знаете ли вы, что каждый изъ этихъ косцовъ пришелъ сюда изъ-за сотенъ верстъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ, изъ милости, въ товарномъ вагонѣ, голодалъ, холодалъ, терпѣлъ всякія униженія, — и все это изъ-за того, чтобы заработать какихъ-нибудь двадцать-тридцать рублей, потому что дома ѣсть нечего и ребята съ голоду пухнуть? Знали вы это?

— Нѣтъ... — въ смущеніи проговорила Наташа.

Степанъ поглядѣлъ на нее затуманеннымъ взглядомъ, и лицо его показалось Наташѣ уже не такимъ непріятнымъ, какъ давеча.

— Не знали—узнаете,—сказалъ онъ.—Ступайте въ поле, да разспросите любого изъ нихъ, каково имъ живется,—вотъ они вамъ и расскажутъ.—Онъ помолчалъ и съ внезапной злостью заговорилъ снова.—Вотъ почему меня бѣсятъ эти красивыя тряпочки, которыми люди прикрываютъ свои язвы и свою внутреннюю мерзость! Ужъ на чистоту, такъ на чистоту,—показывай самую суть, а зачѣмъ же эта подлая ложь, эти кривлянья и миндальности? Ужъ старинные феодалы, по-моему, лучше были, потому что прямо выходили на большую дорогу и откровенно грабили своихъ вассаловъ. А нынѣшніе дѣйствуютъ потихонечку, да полегонечку, съ улыбочкой, да съ рюмочкой водки, да еще филантропію разводятъ... Тартюфы проклятые!..

Съ этими словами, онъ всталъ и торопливо удалился. Ксая, которая почти-что не слышала ничего изъ ихъ разговора и, закинувъ голову на спинку стула, все время думала о чемъ-то своемъ,—встребенулась и съ удивленіемъ поглядѣла на Наташу.

— Ушелъ? Чудако этакій!.. А ты чего вдругъ насупилась? Это онъ тебя разстроилъ?

Наташа молчала подъ наплывомъ какихъ-то мыслей, и Ксая продолжала:

— Ужъ это онъ всегда такой,—непремѣнно скажетъ какую-нибудь непріятность, чтобы разозлить человѣка. Ты не сердись на него,—не стоитъ!

— Да я не сержусь,—разсѣянно сказала Наташа.—Напротивъ, онъ рассказалъ мнѣ очень интересныя вещи... хотя и непріятныя. Знаешь, оказывается, положеніе этихъ вотъ рабочихъ, которые у васъ,—ужасное положеніе!

— Чѣмъ ужасное? — небрежно вымолвила Ксая.—Махся хорошо имъ платить, кормятъ ихъ тоже хорошо,—чего же еще?

— Я не о томъ... у васъ, можетъ быть, хорошо, но вообще? Твой братъ говоритъ....

— Ахъ, все это глупости!—перебила Ксая съ отгѣнкомъ досады.—Мало ли что онъ говоритъ; онъ иногда говоритъ даже,—зачѣмъ мы ѣдимъ жаркое и пирожное, а рабочіе—только борщъ да кашу... Ну, что ему на это отвѣчать? Вѣдь не кормить же въ самомъ дѣлѣ рабочихъ мороженымъ и бланманже? Да они и сами не станутъ этого ѣсть: я, знаешь, одинъ разъ Тараса швейцарскимъ сыромъ угостила,—такъ онъ плевалъ-плевалъ,—говоритъ: „барыня, да неужто господа и мыло ешутъ?“

Наташа слабо улыбнулась и ничего не отвѣчала. Она ду-

мала о словахъ Степана; что-то смутное и тяжелое камнемъ легло на ея душу, и сіяющая природа какъ будто померкла въ ея глазахъ, и смѣхъ Ксани уже не казался ей такимъ заразительнымъ и непріятно рѣзалъ ухо...

Наташа мало знала жизнь, и если знала что-нибудь, то такъ же, какъ и о дѣйствіи шампанскаго—больше по книгамъ. Она родилась и выросла въ небогатой семьѣ, жизнь которой была непрерывнымъ трудомъ и борьбой за существованіе,—отецъ служилъ маленькимъ чиновникомъ въ одномъ изъ петербургскихъ учреждений; мать—съ утра до вечера давала уроки музыки. И Наташа съ самаго ранняго дѣтства знала, что ей предстоитъ такая же трудовая жизнь, и готовилась въ этому. Въ гимназіи она училась старательно, кончила курсъ съ медалью и сейчасъ же получила мѣсто преподавательницы въ той же гимназіи, гдѣ и сама училась. Въ это время отца ея уже не было въ живыхъ, а мать, надорванная работой, совсѣмъ обезсилѣла, и ей требовался отдыхъ. И восемнадцатилѣтняя Наташа безропотно и съ полнымъ сознаніемъ долга приняла на свои еще дѣтскія плечи тяжелое бремя „кормилицы семьи“. Въ этихъ заботахъ о кускѣ хлѣба ей некогда было оглянуться вокругъ себя, некогда помечтать, некогда отдохнуть. Умственный кругозоръ ея былъ ограниченъ, интересы вращались въ узенькомъ міркѣ, между гимназіей и семьей, и жизнь протекала блѣдно, однообразно, но не скучно. Неожиданная смерть матери немножко выбила ее изъ колеи: ей вдругъ стало какъ будто не для чего много работать, не о комъ заботиться,—явилось свободное время, и Наташу потянуло вонъ изъ ея замкнутого мірка. Она приняла съ удовольствіемъ приглашеніе Ксани прожить у нея каникулы—и вотъ теперь совсѣмъ другая жизнь открылась передъ нею и на первыхъ же порахъ заставила ее призадуматься...

VIII.

День прошелъ совершенно такъ же, какъ и вчера. Въ часть пріѣхалъ съ поля Максимъ Григорьевичъ, красный какъ мѣдъ, и пышавшій такимъ зноемъ, что, глядя на него, становилось жарко. Опять подали такой же гомерическій обѣдъ, съ такимъ же жирнымъ борщомъ, горой раковъ и жареной бараниной; разнообразіе въ которое внесли только „пампушки“,—какія-то круглыя пышки, съ соусомъ изъ толченаго чесноку, отъ котораго у Наташи занялся духъ и на глазахъ выступили слезы. Максимъ

Григорьевичъ много надъ этимъ смѣялся,—самъ же съѣлъ безчисленное множество пампушекъ и даже пожалѣлъ, что ихъ было мало. Степана не было за обѣдомъ, но Ганна Матвѣевна засѣдала на предсѣдательскомъ мѣстѣ и такъ угощала „бѣдну дытynu“—какъ про себя окрестила она Наташу,—что та послѣ обѣда почувствовала себя, какъ Чичиковъ, на какомъ-то индюкѣ.

Выйдя изъ-за стола, Максимъ Григорьевичъ и Ганна Матвѣевна сейчасъ же разошлись по своимъ комнатамъ на покой, а Ксаня велѣла Олимпіадѣ разостлать подъ липами коверъ, и онѣ съ Наташей улеглись въ золотистой тѣни деревьевъ. Нѣсколько времени обѣ молчали: Ксаня, закинувъ руки за голову, глядѣла на небо, голубыми пятнами свозившее между вѣтвями, а Наташа все думала о разговорѣ съ Степаномъ, о томъ, что вотъ въ это самое время, когда онѣ послѣ сытнаго обѣда нѣжатся здѣсь на коврѣ, въ тѣни и прохладѣ,—тамъ, въ полѣ, можетъ быть, на страшной жарѣ, еще продолжается работа...

Вдругъ Ксаня быстро повернулась къ Наташѣ и внимательно поглядѣла на нее.

— О чемъ ты сейчасъ думаешь, Наташа? — спросила она.

— Такъ... ни о чемъ...—отвѣчала Наташа—и покраснѣла, потому что солгала. Но ей почему-то не хотѣлось говорить съ Ксаней о томъ, что она думала.

Ксаня помолчала, глядя на бѣлое кружевное облачко, стоявшее у нея прямо надъ головой.

— А я, знаешь, о чемъ думаю?—спросила она снова.

— О чемъ?

— Что я очень легкомысленна... правда?

Наташа промолчала, но въ душѣ съ этимъ согласилась.

— Да, я легкомысленна,—настойчиво повторила Ксаня.—И оттого я всегда дѣлаю людямъ только одно зло...

Наташа знала старинную привычку своей подруги каяться и бичевать себя, и прежде часто пользовалась этимъ для того, чтобы прочесть Ксанѣ нѣсколько благоразумныхъ наставленій.

— Зачѣмъ же дѣлать зло, когда сознаешь, что это дурно?—сказала она серьезнымъ тономъ, который былъ ею усвоенъ еще со временъ гимназіи, когда Ксаня, бывало, во время перемѣны, потихоньку рассказывала ей о своихъ проказахъ и просила совѣта.

— А если я не могу? Сознаю—и все-таки не могу?..

— Это пустяки, — возразила Наташа.—Сознаешь, значитъ, и можешь.

— Нѣтъ, Наташа, не могу...—повторила Ксая печально.— Должно быть, это уже судьба моя такая...

— Ахъ, какая тамъ судьба!—перебила Наташа горячо.— Это всѣ безхарактерные люди любятъ сваливать на судьбу свои промахи и ошибки. Сдѣлаетъ гадость, да и кричить: судьба, судьба! А вовсе не судьба, а распущенность.

— Такъ ты не вѣришь въ судьбу?

— Не вѣрю.

— А я вѣрю... Вотъ погляди на это облачко,—развѣ оно знаетъ, зачѣмъ оно явилось, куда его гонить вѣтеръ, что съ нимъ будетъ? Можетъ быть, оно разсыплется гдѣ-нибудь дождемъ, и люди будутъ радоваться этому; а можетъ-быть изъ него выпадетъ градъ, и его будутъ проклинять; а то оно возьметъ себѣ и просто растаетъ на небѣ, и никому отъ этого не будетъ ни хорошо, ни дурно... Такъ и я... Ничего я не знаю, что будетъ со мною, не знаю, зачѣмъ я живу, что сдѣлаю,—ничего-ничего не знаю!

Послѣднія слова Ксая почти выкрикнула страстно и настойчиво, какъ бы заранѣе предупреждая всякія возраженія. Наташа приподнялась на локтяхъ и съ безпокойствомъ смотрѣла на нее.

— Послушай, Ксая...—начала она неувѣренно.

Но Ксая замахала руками и, не слушая ее, зашѣла: „Говорила мнѣ маты, та й наказувала“...

По песку дорожки захрустѣли чьи-то торопливые шаги—это была Олимпіада.

— Оксана Павловна!—запыхавшись, доложила она.—Пожалуйте скорѣе, тамъ гости пріѣхали. На балконѣ дожидаются.

— Кто? Какіе гости?—спросила Ксая, быстро вскакивая на ноги и хватаясь за свою распустившуюся косу.

— Одинъ-то — прилукинскій молодой баринъ, а другой—этотъ эіопъ изъ Лазоревой,—какъ его фамилія-то, все забываю. Гуртовщикъ!

— Чекманаевъ? Какой же онъ эіопъ? И какъ ты смѣешь называть эіопомъ нашего знакомаго?

— Ну, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, а что эіопъ онъ, такъ и есть эіопъ! — возразила Олимпіада съ развязностью избалованной прислуги. — Не я одна, — всѣ его такъ называютъ,

— Ну, перестань, пожалуйста!—съ притворной строгостью оборвала ее Ксая.—А Макся тамъ?

— Нѣтъ ихъ, они давно уже въ поле опять уѣхали.—А старая барыня тамъ,—самоваръ подавать велѣли...

Когда подруги подошли къ балкону, гдѣ сидѣли гости, Наташа сейчасъ же узнала въ одномъ изъ нихъ того бѣлокурого молодого человѣка, котораго онѣ съ Ксаней встрѣтили вчера на дорогѣ; только теперь онъ показался ей еще красивѣе, чѣмъ тогда, въ облакѣхъ золотистой пыли. Тонкія, словно выточенные, черты лица, шелковистые, съ серебрянымъ отливомъ волосы, маленькія руки и ноги, мягкія, размѣренные движенія — все это поражало той особой, нѣжной и выхоленной барской красотой, которая, какъ рѣдкое растеніе, тщательно культивировалась въ продолженіе многихъ поколѣній, пока, наконецъ, не достигла высокой степени совершенства. Въ этой красотѣ не было ничего лишняго,—все въ мѣру, все гармонично и законченно, какъ въ произведеніи искусства; казалось, природа потратила на нее всѣ свои творческія силы—и, дѣйствительно, создала шедевръ. Зато другой гость представлялъ полнѣйшую противоположность молодому Прилукину, и рядомъ съ его изящной, стройной фигурой производилъ впечатлѣніе какого-то допотопнаго звѣря. Онъ былъ невысокаго роста, но коренастый, съ широкою спиной, съ большой, лохматой головой на короткой шеѣ и Голиадовскихъ размѣровъ руками и ногами. Подъ одеждой у него чувствовались могучіе, почти желѣзные мускулы, а въ массивномъ тѣлѣ играла степная, чисто животная сила. Загорѣлое лицо его съ низкимъ, но широкимъ лбомъ, большимъ горбатымъ носомъ и крѣпкою нижнею челюстью, обросшей густой, курчавой бородкой, было бы, пожалуй, недурно, еслибы не какая-то дубовая неподвижность въ чертахъ, придававшая ему грубое, жесткое и упрямое выраженіе. Маленькіе каріе глаза выглядывали изъ-подъ густыхъ бровей сторожко и недоувѣрчиво. Одѣтъ онъ былъ небрежно и даже неопрятно—въ засаленной шведской курткѣ съ прорванной, висѣвшей лохмотьями, фланелевой подкладкой, въ большихъ дегтярныхъ, покрытыхъ пылью сапогахъ и въ грязной вышитой рубахѣ, обитый воротъ которой некрасиво торчалъ изъ-подъ куртки. Изъ-за кожанаго пояса выглядывала рукоятка ременной нагайки; зато изъ бокового кармана висѣла массивная золотая цѣпочка часовъ, а на одномъ изъ толстыхъ пальцевъ съ траурнымъ ногтемъ красовался большой брилліантовый перстень. Отъ него пахло степью, саломъ, овечьей кошарой. Это и былъ лазоревскій богачъ, первый гуртовщикъ, Данило Кузьмичъ Чекманаевъ, державшій въ своихъ огромныхъ ручищахъ съ траурными ногтями всю округу. Въ степяхъ у него ходили многочисленные

гурты овецъ, въ Лазоревой была бойня и салотопенный заводъ; кромѣ того, онъ велъ обширную торговлю кожами и шерстью, а въ Москву отправлялъ сотни головъ черкасскихъ быковъ, которые откармливались у него на базахъ. Состояніе его уже давно считалось миллионами, но навѣрное все-таки никто не зналъ, сколько у него денегъ, — самъ же Данило Кузьмичъ объ этомъ помалкивалъ, и только хитро улыбался, когда его пытались разспрашивать. Несмотря на свою молодость — ему было немного болѣе тридцати лѣтъ, — онъ въ коммерческихъ дѣлахъ далеко опередилъ всѣхъ своихъ конкурентовъ и поэтому считался въ окрестяхъ за умнѣйшаго человѣка, притомъ еще и образованнаго, такъ какъ учился въ коммерческомъ училищѣ, хотя курса и не кончилъ. Самъ Данило Кузьмичъ придавалъ этому обстоятельству ничтожное значеніе, но при случаѣ, находясь въ обществѣ интеллигентныхъ людей, любилъ огорошить своихъ собесѣдниковъ цитатой изъ Милля, ссылкой на „Капиталъ“ Маркса или какой-нибудь подходящей къ случаю англійской поговоркой, и, произведя впечатлѣніе, лукаво посмѣивался себѣ въ бороду, — что, дескать, вотъ тебѣ и прасолъ! отъ него пахнетъ бойней и скотнымъ дворомъ, а вотъ, подите-ка, раскусите!

Ксая представила Наташу гостямъ. Чекманаевъ тяжело, всѣмъ корпусомъ повернулся на стулѣ и, неуклюже сунувъ Наташѣ свою волосатую руку, исподлобья принялся разсматривать молодую дѣвушку. Это было сдѣлано такъ грубо и безцеремонно, что Наташа вся вспыхнула, нахмурилась и поспѣшила отойти въ сторону. Чекманаевъ слегка усмѣхнулся, повернулся опять къ Ганнѣ Матвѣевнѣ и продолжалъ съ нею прерванный разговоръ. Въ это время подали самоваръ, и Ганна Матвѣевна пригласила всѣхъ въ садъ, къ чайному столу. Наташа при этомъ замѣтила, что старуха обращалась къ Чекманаеву особенно любезно, а въ разговорѣ съ нимъ принимала какой-то заискивающий и уступчивый тонъ. Это очень не понравилось Наташѣ, и она съ грустью подумала о томъ, что даже самые хорошіе и независимые люди неспособны противостоять обаянію власти и богатства...

За чаемъ, всѣ какъ-то разбились на группы. Чекманаевъ продолжалъ бесѣдовать съ Ганной Матвѣевной объ овцахъ, о поварныхъ болѣзняхъ и о новой предохранительной мѣрѣ противъ сибирской язвы, о цѣнахъ на шерсть и объ урожаѣ кормовъ. Разговаривая, онъ по временамъ устремлялъ на Наташу свой пристальный и тяжелый взглядъ, и Наташу это ужасно сердило. Сначала она дѣлала видъ, что не обращаетъ на Чекманаева ника-

кого вниманія, потомъ, наконецъ, не вытерпѣла, рѣзко отвернулась отъ него и стала прислушиваться къ разговору Ксани съ Прилукинымъ. Ксани стояла, прислонившись къ темному стволу липы, и казалась очень оживленной. Глаза ея блестя, щеки горѣли неровнымъ румянцемъ; изрѣдка она смѣялась отрывистымъ, взволнованнымъ смѣхомъ и нервно постукивала ногой въ землю. Вся ея стройная, тоненькая фигурка въ воздушномъ бѣломъ платьѣ картинно выдѣлялась на фонѣ темной зелени, окружавшей ее какъ будто узорчатой рамкой. Прилукинъ стоялъ передъ нею, и видно было, что онъ искренно ею любитъ. Въ его голубыхъ глазахъ то вспыхивали, то погасали какіе-то безпечные огоньки, онъ улыбался растерянно, а рука его, которою онъ нервно теребилъ свою золотистую бороду, слегка дрожала. Наташа все это замѣтила, и вчерашняя смутная тревога поднялась въ ея душѣ.

— Такъ вы не вѣрите?—воскликнула вдругъ Ксани.—Ну, постойте, я вамъ докажу...—Она побѣжала въ цвѣтникъ, сорвала двѣ розы и вернулась.—Пойдемте къ Наташѣ, — она рѣшитъ нашъ споръ. Слышишь, Наташа? Вотъ я увѣрю, что розы бѣлая и пунцовая каждая имѣетъ свой особый запахъ, а Александръ Рафаиловичъ не вѣритъ. Вотъ, возьми, понюхай, — красная пахнетъ сильнѣе, — не правда ли?

— Не знаю, мнѣ кажется, все равно, — сказала Наташа, нюхая розы.

— Ну, вотъ, видите, Оксана Павловна, — съ легкой насмѣшкой сказалъ Прилукинъ, и его ласковый, доброжелательный взглядъ остановился на Наташѣ.

Но Ксани уже выхватила у Наташи цвѣты и принялась попеременно нюхать то одну, то другую.

— Ахъ, нѣтъ, вы ничего не понимаете!—воскликнула она.—Красная пахнетъ сильно, но грубо... она опьяняетъ. А бѣлая—слабѣе, но нѣжнѣе; она ласкаетъ, успокаиваетъ... Нѣтъ, это правда, сказалъ кто-то, что запахъ—душа цвѣтовъ. Да вы посмотрите, даже наружность у нихъ разная... Эта — горячая, яркая, злая; на нее страшно смотрѣть, — она блеститъ, точно огонь, кажется, притронься къ ней—и обожжешься... А эта — бѣленькая, нѣжная, добренькая—и холодная. На нее только любоваться можно; ее даже поцѣловать нельзя—она сейчасъ растаетъ... Наташа, это ты!—докончила Ксани и засмѣялась.

— Ну, ужъ у тебя воображеніе!—сказала Наташа.—Тебѣ надо стихи писать, право.

— А почему ты знаешь,—можетъ, я и пишу... Вотъ—напишу „Бѣлая роза“—и посвящу тебѣ.

— Ну, а красная роза—это вы?—спросилъ Прилукинъ.

Ксана не отвѣчала и продолжала смѣяться своимъ коротенькимъ, волнующимъ смѣшкомъ. Потомъ внезапно лицо ея стало серьезно, глаза потемнѣли, и она протянула обѣ розы Прилукину.

— Ну, выбирайте... какую хотите?

Глаза ихъ встрѣтились, и съ загорѣвшимися снова глазами Прилукинъ выбралъ пунцовую розу. Ксана повернулась и убѣжала на балконъ, а Прилукинъ, уже овладѣвъ собою, присѣлъ къ столу и сталъ вдѣвать розу себѣ въ петлицу. Чекманаевъ насмѣшливо слѣдилъ за нимъ.

— Цвѣточки...—сказалъ онъ, усмѣхаясь и показывая большіе бѣлые зубы.—Пріятное занятіе для дамъ.

— Почему же—„для дамъ“?—спросила Наташа, и сама удивилась, какъ рѣзко звучалъ ея голосъ.

— Да нашему брату, мужичи, этимъ некогда заниматься,—отвѣчалъ Чекманаевъ, снова уставившись на Наташу.

Этотъ взглядъ и тонъ, и даже голосъ его, немножко съ хрипотцѣй,—все болѣе и болѣе раздражали Наташу, и она чувствовала, что начинаетъ просто ненавидѣть Чекманаева, сама не зная, за что. Она совершенно забыла свою обычную сдержанность, и ей захотѣлось какъ-нибудь оскорбить Чекманаева, наговорить ему непріятныхъ вещей и вообще показать ему, что онъ ей противенъ.

— Чѣмъ же это такимъ важнымъ занимаются мужчины?—спросила она.

— Чѣмъ-съ?—переспросилъ Чекманаевъ, прищуриваясь и опять показывая зубы.—Купончики обрѣзываютъ... Это дѣло, небось, позанятиѣе цвѣточковъ будетъ.

— Всякому свое, Данило Кузьмичъ,—проговорилъ Прилукинъ, добродушно улыбаясь—улыбка удивительно красила его и безъ того красивое лицо.—Кому—купончики, а кому—и цвѣточки.

— Это точно. Только цвѣточками-то сытъ не будешь. Ъсть надо.

— Это вы очень интересную и очень новую вещь сказали, Данило Кузьмичъ,—смѣясь, произнесъ Прилукинъ.

Смѣхъ Прилукина видимо не понравился Чекманаеву, и въ его глазахъ блеснуло что-то злое, непріятное.

— Оно, можетъ, и старо на сытое брюхо, а на голодное—

всегда ново,—грубо сказалъ онъ.—Ѣсть-то каждый день хочется. Сегодня сытъ—тебѣ и весело, а завтра нечего ѣсть—волкомъ завоешь. И на цвѣточки глядѣть не захочется.

Наташа вспыхнула и быстро взглянула на Прилукина,—онъ тоже слегка покраснѣлъ и закусилъ губы. „Отчего онъ его не оборветъ?“—думала Наташа, вся внутренно кипя отъ негодованія. „Какъ онъ смѣетъ такъ говорить!.. отвратительный!..“

— Чтò это вы, Данило Кузьмичъ, сегодня на сѣдобный ладъ настроены?—заговорилъ Прилукинъ въ томъ же шутиливомъ тонѣ, очевидно, стараясь смягчить грубую выходку Чекманаева. Можно подумать, что вы сегодня не обѣдали.

— Нѣтъ, я-то кушалъ-съ,—отрѣзалъ Чекманаевъ съ тѣмъ же непріятнымъ блескомъ въ глазахъ.—Слава Богу, я и сегодня кушалъ, и завтра буду кушать,—на мой вѣкъ хватить и еще другимъ останется.

— Ну, и отлично,—продолжалъ Прилукинъ.—Чего же волноваться?

— Досадно-съ! Глядѣть мнѣ досадно, какъ богатства на вѣтеръ расточаются!—Онъ окинулъ пренебрежительнымъ взглядомъ цвѣтникъ.—Ну, къ чему это, посмотришь? Даромъ земля пропадаетъ. Я бы все это—вонъ, вздралъ бы хорошенько плужемъ, да и засѣялъ бы... ну, хоть подсолнухами. Они нынче два цѣлковыхъ пудъ.

— А потомъ—купончики?

— А потомъ—купончики... Кстати—про подсолнухи, батенька. Пробѣжалъ я давеча мимо вашихъ,—плохи они у васъ! Все въ дѣтку пошло, а настоящего нѣтъ. Пололи вы ихъ?

— Пололи,—равнодушно отозвался Прилукинъ.

— Плохо пололи. Травой заглушило, метлой. Глаза хозяйскаго нѣту, за рабочими не смотрите. Вѣдь это, сами знаете, какой народъ,—у нихъ надъ душой надо стоять, да не просто, а съ нагаечкой.

— Какъ съ нагайкой?—воскликнула Наташа.—Развѣ вы... бьете ихъ?

— А какже-съ? Бываетъ...—спокойно сказалъ Чекманаевъ.—Безъ этого нельзя; я безъ нагайки—никуда, ни-ни, всегда со мной, потому—вещь въ хозяйствѣ необходимая. Чуть чтò—сейчасъ лупка!

— Какая гадость!—совершенно забывшись, продолжала Наташа, вся пылая отъ негодованія.—Это невозможно... Бить людей... точно они—животныя...

— Данило Кузьмичъ больше съ животными привыкъ дѣло имѣть,—неосторожно замѣтилъ Прилукинъ.

Чекманаевъ только покосился на него, точно отмѣчая эти слова про себя на будущее время, и обратился къ Наташѣ:

— Вы, барышня, должно быть, изъ какой-нибудь Аркадіи пріѣхали, оттого и охаете,—сказалъ онъ насмѣшливо.—А нашему брату-хозяину безъ этого нельзя. Здѣсь такой народъ проклятый, что ежели ты чуть-чуть зазѣвался—того и гляди, либо сожжетъ, либо убьетъ.

— А васъ жгли когда-нибудь?

— Было...—неохотно отвѣчалъ Чекманаевъ.—Три тысячи овецъ сожгли.

— Значить, и нагайка не помогла?

— То-то и есть, что помогла!—съ угрюмой улыбкой сказалъ Чекманаевъ.—Еслибы не она, голубушка,—не только овецъ, и самого бы въ огонь бросили. А какъ я началъ лупить направо и налево—живо, мерзавцы, разбѣжались. Вотъ какое наше житье-то, барышня,—когда тутъ сантименты разводить?! Коли не хочешь, чтобы тебѣ въ глотку вцѣпились,—хватай самъ, да держись покрѣпче, всѣми кляками, вотъ и ладно будетъ!

— Но вѣдь это... ужасно!...—прошептала Наташа, обводя всѣхъ присутствующихъ растеряннымъ взглядомъ и какъ бы ожидая себѣ сочувствія. Но всѣ были спокойны,—Прилукинъ улыбался, а Ганна Матвѣевна какъ будто даже одобрительно покачивала головой и предложила Чекманаеву еще стаканчикъ чаю. Тотъ не отказался и, подтягивая къ себѣ стаканъ, грузно повернулся къ Прилукину.

— А вотъ вы, Александръ Рафаилычъ, насчетъ животныхъ-то давеча...—заговорилъ онъ, раздувая ноздри и какъ-то особенно злобно подчеркивая каждое слово.—Конечно, мое дѣло грязное, и, можетъ быть, пахнетъ отъ меня нехорошо... потому больше около навоза обращаюсь и розановъ барыни мнѣ не дарятъ, а только скажу я вамъ напрямикъ: лучше предпочитаю съ животными имѣть дѣло, да какъ-ни-какъ кормиться, чѣмъ бѣлоручкой жить, да не сегодня-завтра въ трубу вылетѣть. Такъ-то-съ!

— Это вы уже на мой счетъ теперь изволите говорить?—спросилъ Прилукинъ, улыбаясь, хотя легкая краска выступила у него на щекахъ.

— А хоть бы и на вашъ. Нѣшто неправда?

— Можетъ быть. Посмотримъ!

— Нечего смотрѣть-то, и такъ видно. Процентики-то когда вамъ вносить? Перваго числа? А денегъ, небось, нѣту.

— Извините, Данило Кузьмичъ, но, мнѣ кажется, вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Какъ такъ нѣтъ? Однако, вашъ папаша обращался за ссудой ко мнѣ, а не къ кому-нибудь другому?

— Это безъ моего вѣдома, — измѣнившись въ лицѣ, сказалъ Прилукинъ и нервно отщипнулъ лепестокъ розы. — Я во всякомъ случаѣ рассчитывалъ обойтись безъ вашей помощи.

— Дѣло ваше-съ. А розанчикъ-то поберегите, — это дороже денегъ, — добавилъ онъ не безъ ехидства, и снова обратился къ Наташѣ. — Да-съ, барышня, плохое наше житье! Всѣ Данилу Кузьмича ругаютъ, — Данило Кузьмичъ такой-сякой! Данило Кузьмичъ — живодеръ, скотобой! — а чуть-что, сейчасъ къ Данилѣ Кузьмичу: — выручи! А мнѣ денежки-то недаромъ достаются: у меня въ степи тысячь двадцать головъ скота, да служащихъ болѣе двухсотъ человекъ, да все воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ, — за всѣми надо самому приглядѣть, вездѣ поспѣть, — вотъ она, моя жизнь-то какая! Какъ утромъ встать — такъ ругаться, а къ вечеру-то всѣ руки обколотишь.

— И все это изъ-за денегъ? — спросила Наташа.

— Изъ-за нихъ-съ.

— Но... на что вамъ онѣ? Зачѣмъ?

— Ну, барышня, вы либо прикидываетесь, либо и вправду изъ Аркадіи прибыть изволили, — недовѣрчиво усмѣхаясь, сказалъ Чекманаевъ. — Какъ зачѣмъ деньги? Деньги — все! Съ деньгами все можно сдѣлать, чего захочешь; съ деньгами я — и царь, и богъ, чего хочу — достигну, что понравится — то куплю.

— Ну, нѣтъ! — съ жаромъ возразила Наташа. — Не все можно купить! Душу человѣческую вы за деньги не купите, любви — не купите!

— Эка штука! — съ грубымъ смѣхомъ проговорилъ Чекманаевъ. — Душу человѣческую мнѣ и даромъ не надо, — изъ нея шубы не сошьешь, а любовь... этого добра сколько угодно...

— Возмутительно! — вымолвила Наташа и стремительно вышла изъ-за стола, чувствуя, что если останется, то непременно расплатится.

IX.

Въ это время на балконѣ появился Максимъ Григорьевичъ въ сопровожденіи Ксани и, увидѣвъ Чекманаева, торопливо пошелъ къ нему.

— А, Данило Кузьмичъ! — привѣтливо воскликнулъ онъ. — Мабуть, насчетъ волны пріѣхали.

— Да, есть дѣльце.

— Ну идемте ко мнѣ. Чай пили? Уже? Ну, ладно. Ксая, ты пришли мнѣ чайку туда, мы тамъ займемся...

И, ласково похлопывая Чекманаева по широкой спинѣ, Максимъ Григорьевичъ увлекъ его въ домъ. Ганна Матвѣевна удалилась вслѣдъ за ними, а Ксая неумѣло начала наливать чай, ровня ложки и проливая воду на скатерть.

— Дай, я тебѣ помогу, — сказала Наташа, снова подходя къ столу.

Она уже успокоилась, и только розовыя пятна на ея щекахъ указывали, что волненіе ея еще не совсѣмъ улеглось.

— Ну что, понравился тебѣ Чекманаевъ? — спросила ее Ксая.

Наташа съ дрожью повела плечами.

— Ахъ, отвратительный! — проговорила она. — Я удивляюсь, какъ можно быть съ нимъ знакомымъ?

— Нелѣзя, Наталья Гавриловна, — возразилъ Прилукинъ, улыбаясь своей привлекательной улыбкой. — Данило Кузьмичъ — нужный человекъ; онъ правду сказалъ, — безъ него не обойдешься. А особенно нашему брату — мелкому землевладѣльцу. Кому продать? Ему! У кого купить? У него! У кого деньжонки перехватить? Опять же у него. Мы всѣ тутъ до одного у него въ лапѣ сидимъ, — какъ же вы хотите, чтобы мы отъ него отворачивались?

— Но вѣдь это, должно быть, ужасно унижительно — зависть отъ человека, котораго не уважаешь!

— А что же прикажете дѣлать?

— Что дѣлать? — повторила Наташа — и вдругъ умолкла. Къ нимъ подходилъ Степанъ, и его пристальный и, какъ показалось Наташѣ, насмѣшливый взглядъ заставилъ ее смутиться.

— Здравствуйте, Степанъ Павловичъ, — сказалъ Прилукинъ, подвигаясь на скамейку и давая ему мѣсто. — Поддержите меня, пожалуйста: вотъ мы тутъ съ Натальей Гавриловной немножко поспорили насчетъ Чекманаева, — она ужасно горькія слова говорить...

— Я слышалъ, — небрежно проговорилъ Степанъ и снова посмотрѣлъ на Наташу. — Я все время вотъ здѣсь на лавочкѣ сидѣлъ, только не хотѣлъ выходить...

— И хорошо сдѣлалъ! — подхватила Ксая. — А то опять бы неприятность вышла!

— Какая непріятность?—спросила Наташа.

— Ахъ, Боже мой, ты еще не знаешь, какой невозможный человѣкъ мой братецъ! Онъ какъ-то на дняхъ при всѣхъ Чекманаеву руки не подалъ,—можешь представить, что изъ этого вышло! Ганна Матвѣевна чуть не прокляла его, а Макся на меня разсердился. Чекманаевъ уѣхалъ... цѣлый скандалъ!

— Никакого скандала,—спокойно замѣтилъ Степанъ.—Все, какъ видите, обстоитъ благополучно, и Чекманаевъ пріѣхалъ опять, и Максимъ Григорьевичъ шерсть ему продастъ, деньги получить и новое платье тебѣ сошьетъ,—нечего объ этомъ и толковать. И овцы цѣлы, и волки сыты.

— Ну, однако, ты все-таки въ другой разъ этого не дѣлай!—сказала Ксаня.

— Постараюсь! — съ усмѣшкой отвѣчалъ Степанъ и обратился къ Наташѣ, которая глядѣла на Ксаню съ недоумѣніемъ. — Что, вы все удивляетесь? Чекманаевъ правду сказалъ, что вы изъ Аркадіи пріѣхали.

Наташа ничего не отвѣчала, но ложечка въ ея рукахъ зазвенѣла.

— А между тѣмъ, что тутъ удивительнаго? — продолжалъ Степанъ. — Во всемъ свѣтѣ такъ дѣлается, и вездѣ есть свои Чекманаевы. Одни покупаютъ, другіе продаютъ; одни владычествуютъ—другіе подчиняются. И еще вопросъ, кто больше заслуживаетъ ненависти: тѣ, которые владычествуютъ, или тѣ, которые подчиняются.

— Но ужъ во всякомъ случаѣ Чекманаевы хуже! — возразила Наташа вызывающимъ тономъ.

— Не знаю, почему; Чекманаевы, по крайней мѣрѣ, не лгутъ, и въ этомъ ихъ сила и преимущество. Вонъ онъ давеча прямо вамъ сказалъ: „захочу—все куплю“,—и правъ! Онъ знаетъ, что стоитъ ему только позвенѣть мощной,—и сейчасъ же къ нему сбѣгутся со всѣхъ сторонъ покорные рабы и протянутъ шеи: „на, голубчикъ, надѣвай веревку, только денегъ давай!“ Эти-то, по вашему, хороши?

— Но вѣдь это, можетъ быть, необходимость заставляетъ...

— Какая тамъ необходимость,—просто низость! Всѣ, въ сущности, хотятъ того же, чего и Чекманаевъ, только силѣннѣе, можетъ, нѣту, да и смѣлости не хватаетъ. Всѣ мы поровнимъ захватить побольше на жизненномъ пиру; но одни дѣлаютъ это открыто и, не стѣсняясь, рвутъ куски прямо изъ горла у своего ближняго; а другіе тащатъ потихоньку, чтобы не очень бросалось въ глаза, да еще стараются при этомъ увѣрить и себя, и

другихъ, что они желаютъ осчастливить человѣчество. Ха! Подумайте хорошенько, какая это ложь? Осчастливить человѣчество за приличное вознагражденіе! Благодѣтели тоже... Самъ сидитъ на мягкомъ диванѣ и кофе со сливками пьетъ, а въ это время кто-нибудь пищитъ отъ боли, какъ зарѣзанный цыпленокъ, потому что нужно же благодѣтелю двадцатаго числа жалованье платить...

— Я тоже двадцатаго числа жалованье получаю...—краснѣя и улыбаясь, сказала Наташа.

— Ну что жъ... и получайте себѣ. Ъсть вѣдь надо. Только не говорите, пожалуйста, что вы благодѣтельствуете человѣчество.

— Я и не говорю этого... Но все-таки я думаю, что приношу маленькую пользу...

— И вы вѣрите въ эту пользу?

— Вѣрю... иначе я не стала бы работать.

— Блаженъ, кто вѣруетъ... Бываютъ и такіе чудаки. Ну, а я все-таки повторю, что всякимъ филантропамъ предпочту Чеamanaева. Тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло на чистоту ведется.

— Однакоже, вы руки ему не подаете?

Степанъ нахмурился.

— Это мое личное дѣло,—проговорилъ онъ неохотно—Я такому вздору значенія не придаю, и напрасно вы смотрите на это какъ на какую-то демонстрацію съ моей стороны. Я рассматриваю Чеamanaева какъ извѣстное общественное явленіе, а какъ личность, онъ для меня безразличенъ, и я не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла.

Съ этими словами онъ всталъ, приподнялъ слегка фуражку, и ушелъ такъ же неожиданно, какъ и появился.

Ксания, которая все время о чемъ-то оживленно разговаривала съ Прилукинымъ, обернулась къ Наташѣ.

— Не правда ли, Наташка,—сказала она, смѣясь:—мой братецъ—точно оперный демонъ,—то выскочить, то исчезнуть. Я все предлагаю ему спать черную мантию, но онъ ужасно злится!

— Однако, вѣдь и мнѣ пора,—я ужасно засидѣлся у васъ,—проговорилъ Прилукинъ, вставая.

— Ни за что!—воскликнула Ксания, схватывая его фуражку и пряча ее за спиной.—Ни за что не пущу васъ! Оставайтесь ужинать, а не то отниму у васъ розу...

Она сдѣлала видъ, что хочетъ взять розу, но Прилукинъ, верѣшительно улыбаясь, спряталъ ее въ карманъ и, встрѣтивъ пристальный взглядъ Наташи, слегка покраснѣлъ и потупился.

Они пошли по аллеѣ. Солнце уже сѣло, а въ просвѣтѣ

между колоннадою тополей на блѣдно-золотистомъ фонѣ зари голубымъ брилліантомъ засверкала вечерняя звѣзда.

„O, du, mein goldener Abendstern“!..

— въ полголоса запѣлъ Прилукинъ и поглядѣлъ на Ксаню.

Съ сажалки донесся ревъ водяного-быка.

— Слышишь, Наташа?—воскликнула Ксаня и со смѣхомъ стала рассказывать Прилукину, какъ онѣ вчера ходили на сажалку, и какъ Наташа перепугалась. — Пойдемте, господа, опять туда?

— Я ни за что!—воскликнула Наташа, вздрагивая.

— Ахъ, трусиха моя милая! А вы, Александръ Рафаиловичъ?

— Я тоже не пойду.

— Отчего?

— Я васъ боюсь...—сказалъ Прилукинъ, и голосъ его дрогнулъ.

Ксаня возбужденно смѣялась, прижимаясь къ Наташѣ, а Наташа, не видя въ сумеркахъ ея лица, но слыша ея взволнованный голосъ, думала о Максимѣ Григорьевичѣ и давала себѣ слово непременно поговорить съ подружкой серьезно.

Изъ темноты выплыла бѣлая фигура Олимпіады.

— Пожалуйте кушать!—сказала она.

— Уже?—вымолвила Ксаня разочарованно. — Ахъ, какъ не хочется уходить отсюда!..

Ужинъ былъ накрытъ опять на балконѣ; но Ганны Матвѣевны не было. Максимъ Григорьевичъ одинъ сидѣлъ за своимъ приборомъ и тщательно солилъ корочку хлѣба, чтобы закусить ею рюмку воды, стоявшую передъ нимъ.

— Сідайте, сідайте, хлопцы! Не то юшка простынетъ!—говорилъ онъ радушно, подвигая Прилукину стулъ.

— А гдѣ же Чекманаевъ?—спросилъ Прилукинъ.

— Уѣхалъ, ни за что не хотѣлъ остаться. Все еще на Степанка сердится. Ну, хай ему бісь! а шерсть я все-таки запродалъ. Слышишь, Оксана?

Ксаня молчала, разливая уху, отъ которой шелъ душистый паръ.

— О, добрая юшка, изъ живыхъ ершей!—воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ, принимая тарелку. — Какъ это въ пѣснѣхъ про бабу співають: „тричи юшку варила, добра юшка была“!...

Онъ былъ веселъ и вкусно хлебалъ горячую уху, причмокивая губами и обильно посыпая ее перцемъ. Ксаня, по-вчераш-

нему, ничего не ѣла, а Прилукинъ не поднималъ глазъ отъ тарелки.

— А чѣмъ это вы, Наталья Гавриловна, Чекманаева обворожили?—спросилъ послѣ ухи Максимъ Григорьевичъ, обращаясь къ Наташѣ.—Я ему про шерсть, а онъ все объ васъ: „кто такая, да откуда, да надолго ли пріѣхала?“ Эге-ге-ге, думаю себѣ...

— Не знаю, чѣмъ это я могла ему понравиться. А если и понравилась, то во всякомъ случаѣ это не взаимно. На меня вашъ Чекманаевъ произвелъ удручающее впечатлѣніе, и я не желала бы съ нимъ встрѣтиться еще разъ.

— Э, да вы, я вижу, одной породы съ Степанкомъ! Вы вѣрно ищите все такого возвышеннаго,—ну, а я смотрю не такъ. Чтò мнѣ Чекманаевъ? Я съ нимъ дѣтей не крестилъ, а вотъ барана заводскаго онъ мнѣ въ прошломъ году продать—ого-го-го! Вы, вотъ, поглядите когда-нибудь,—левъ, а не баранъ! Нигдѣ, какъ у Чекманаева, такого не достанешь. Въ этихъ дѣлахъ Чекманаевъ—первый человѣкъ, и какое мнѣ дѣло до того, какой у него носъ?

— Но все-таки, я думаю, пріятнѣе имѣть дѣло съ честнымъ человѣкомъ.

— Э, Наталья Гавриловна, всѣ мы люди, а не ангелы Божьи! Такъ оно ведется съ начала свѣта, такъ и будетъ; не даромъ нашъ Тарасъ Григорьевичъ—нехай ему земля пухомъ!—сказалъ, что „нема раю на всімъ світі, хіба що на небі“!

Х.

Въ кустахъ около балкона что-то зашуршало.

— Эй, кто тамъ?—крикнулъ Максимъ Григорьевичъ.

— Это, должно быть, нашъ демонъ,—смѣясь, сказала Ксани.

— А, Степанко! Это ты? Чего ты ховаешься? Иди до насъ вечеромъ.

— Я не хочу, спасибо,—отозвался Степанъ, присаживаясь на ступеньку.

Съ его приходомъ разговоръ какъ-то оборвался, точно онъ внесъ съ собою леденящій холодъ. Всѣ примолкли, и даже Максимъ Григорьевичъ пересталъ шутить, искоса поглядывая на суровый профиль Степана, смутно рисовавшійся на фонѣ потемнѣвшей листвы. Онъ видимо стѣснялся своего шурина.

Послѣ ухи и неизбѣжныхъ варениковъ Максимъ Григорье-

вичъ вслѣлъ принести бутылку вишневки и собственноручно розлить ее по рюмкамъ.

— А ну, выпьемъ, хлопцы!—сказалъ онъ, взявъ свою рюмку.—Надо же мою продажу спрыснуть. Чокнемся!

Всѣ чокнулись, и даже Степанъ выпилъ рюмку, Максимъ Григорьевичъ снова оживился.

— Ну вотъ, и добре!—воскликнулъ онъ, засіявшими глазами глядя на Степана.—Сідай, Степанко, выпьемъ по другой.

— Я больше не буду.

— Да ну! А за здоровье Натальи Гавриловны? Славная вы дивчина, Наталья Гавриловна!—обратился онъ къ Наташѣ, протягивая рюмку, чтобы чокнуться съ нею.—Ей Богу, славная; я какъ поглядѣлъ на васъ, такъ и влюбился. Слышишь, Оксана? И на чтѣ ты ее выписала сюда? Развѣ для того, чтобы мы тутъ всѣ съума посходили?

— Я на васъ разсержусь, Максимъ Григорьевичъ,—краснѣя, сказала Наташа.

— Вы? Да развѣ вы сердитесь когда-нибудь? Ни за что не повѣрю. Нѣтъ, Наталья Гавриловна, оставайтесь у насъ совсѣмъ! Ну чего вамъ тамъ, въ вашемъ дохлоу Питерѣ? А здѣсь, поглядите, какъ мы васъ любить будемъ. Даже я, старый чортъ, помолодѣлъ, на васъ гляди. А Степанко? Глядите, онъ уже улыбается. Сколько съ нимъ живу, ни разу не видѣлъ, чтобы онъ показалъ зубы,—а теперь смѣется.

Наташа взглянула на Степана, — онъ, дѣйствительно, улыбался. Но, встрѣтивъ ея взглядъ, онъ какъ будто сейчасъ же на себя разсердился за это и, нахмурившись, опустил глаза. „Какой онъ странный!“—подумала Наташа. И опять ей показалось, что она уже гдѣ-то видѣла это суровое лицо съ крѣпко-сжатыми губами и трагической складкой на блѣдномъ лбу.

Однако, наливка всѣхъ разогрѣла. Ксана вся пылала и, постукивая ножомъ по тарелкѣ, напѣвала пѣсенку, которую твердила весь день. Прилукинъ глядѣлъ на нее и думалъ о розѣ, которая лежала у него въ карманѣ... Максимъ Григорьевичъ расходился до того, что, выйдя изъ-за стола, вздумалъ затѣять пѣніе,—его хохлацкое сердце просило звуковъ. Всѣ перешли въ залу, и Ксана усѣлась за рояль, чтобы аккомпанировать. Сначала Прилукинъ слабымъ, но пріятнымъ теноромъ спѣлъ нѣсколько романсовъ; потомъ, по настоянію Максима Григорьевича, они втроемъ спѣли: „Гей, не дывуйте, добрые люди, що на Україні повстало“. Степанъ и Наташа не принимали участія въ пѣніи и, сидя по угламъ, молча слушали грозные раскаты украин-

ской „Марсельезы“. Максимъ Григорьевичъ, Ксаня и Прилукинъ видимо спѣлись между собою, и у нихъ выходило очень хорошо; Наташа съ удовольствіемъ слушала, наблюдая въ то же время за исполнителями, образовавшими живописную группу у рояля, освѣщенную двумя свѣчами. Вотъ, мужественная фигура Максима Григорьевича съ его характернымъ хохлацкимъ лицомъ: онъ весь ушелъ въ пѣніе, грозно нахмурилъ брови и, размахивая руками, съ одушевленіемъ выводилъ: „Тамъ за Дашевимъ, подъ Сорокою, множество ляхівъ пропало“... Вотъ, тонкій изящный профиль Прилукина, напоминающій драгоценныя камни по чистотѣ и правильности линий;—молодой человѣкъ склонился надъ роялемъ и перевертываетъ ноты, а Ксаня подняла къ нему свое оживленное лицо, и ея глаза искрятся веселымъ смѣхомъ... Потомъ Наташа перевела глаза на Степана. Онъ выбралъ себѣ самый темный уголъ и сидѣлъ, согнувшись и облотившись руками на колѣни; по его лицу нельзя было догадаться, доставляетъ ли ему пѣніе какое-нибудь удовольствіе, или нѣтъ; оно было такъ же сурово и неподвижно, какъ всегда. „Неужели ему никогда не бываетъ весело?“—подумала Наташа, и ей захотѣлось узнать, о чемъ думаетъ и чѣмъ живетъ этотъ странный человѣкъ.

— Эхъ, славная пѣсня! — воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ, когда пѣніе кончилось. — Такъ тебѣ всѣ жили и перебираетъ!

— Однако, господа, одиннадцатый часъ, — сказалъ Прилукинъ, глядя на часы.

— Та ну бо, къ бісу часы! Давайте, еще хватимъ что-нибудь...

Максимъ Григорьевичъ сталъ въ позу и началъ:

У Киви на рывдчку
Тамъ пье чумаць горилдчку,
Пропывъ вдли, пропывъ вдзы,
Все свое добро!

Ксаня и Прилукинъ подхватили. Дальше въ пѣснѣ говорилось, какъ „прокынувся чумаць вранци, та й полапа у гаманци, вси кишени вывертае, а вже гроши всі чортъ мае, — нечѣмъ похмилитись“...

Скинувъ чумаць жупаныву,
Сыпъ, шинкарка, четвертыву...

— гремѣлъ Максимъ Григорьевичъ, подбоченясь и принимая молодецкій видъ.

Выпивъ чумакъ четвертыну,
Поднявися на равнину, —
Стоять воды, стоять воды,
Стоять ярма, те й занозы, —
Та вже не ёго...

— Оттако!—закончилъ онъ, отдуваясь и вытирая свое раскраснѣвшееся лицо платкомъ. — Какія, подумаешь, бывають съ человѣкомъ казні! Все было,—были волы и возы, и въ жупанѣ человѣкъ пріѣхалъ, а домой поидеть пишки и въ одной сорочкѣ. Такъ вотъ оно и со всякимъ можетъ случиться: нынче у тебя все, а завтра—ничего... Какъ подумаешь объ этомъ—и страшно станетъ.

— Ну, вамъ-то нечего бояться!—сказала Наташа, смѣясь. — У васъ и волы, и возы,—все пока цѣло.

— Чтò волы и возы,—нехай они пропадутъ! — весело воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ. — Оксанка—вотъ мое счастье! А не будетъ Оксанки—и все къ чорту посыплется...

Онъ подошелъ къ женѣ, которая закрывала крышку рояля, и, взявъ ее сзади за плечи, поцѣловалъ въ затылокъ.

Прилукинъ сталъ прощаться. Всѣ вышли его провожать; только Степана не было: онъ ушелъ еще раньше. Пока Олимпиада бѣгала въ людскую, чтобы приказать подавать лошадь Прилукина, и хозяева, и гости остановились на крыльцѣ. Теплая, темная ночь лежала надъ хуторомъ; крупныя звѣзды горѣли, какъ брилліанты, и далеко надъ степью, такъ же, какъ и вчера, беззвучно и тревожно поблескивали зарницы.

— Ахъ, соловей!—сказала Наташа, прислушиваясь.

— Это послѣдній, — проговорилъ Прилукинъ и, глядя на небо, вздохнулъ. — Какая ночь прелестная... не хочется домой ѣхать. Чекманаевъ сообщилъ мнѣ неприятное извѣстіе, и это меня беспокоитъ.

— Опять Чекманаевъ?—воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ. — На біса онъ вамъ сдался,—плюньте вы на него!

„Да, хорошо тебѣ говорить, когда ты шерсть продалъ и задатки, можетъ быть, получилъ“, — подумалъ Прилукинъ и сказалъ вслухъ:

— Ничего не подѣлаешь, Максимъ Григорьевичъ;—Чекманаевъ, это—проза жизни, и по неволѣ къ ней приходится вернуться.

— Чтò правда, то правда,—согласился Максимъ Григорьевичъ и откровенно зѣвнулъ. — О, да и здорово же я спать нынче

буду! Послѣ пѣнія мнѣ всегда хорошо спится. А жаль, Чекманаевъ жену не привезъ,—вотъ ловко поетъ хохлацкія пѣсни!

— Развѣ онъ женатъ?—спросила Наташа.

— Какже, женатъ, — отвѣчалъ Прилукинъ. — Онъ себѣ и жену купилъ, такъ же, какъ покупаетъ все другое.

— Купилъ?—воскликнула Наташа.—Но что же это за женщина?

— Очень милая и очень несчастная. Вы давеча его болѣную струну задѣли, когда заговорили о томъ, что любви купить нельзя. Купить-то онъ жену купилъ, а счастья нѣтъ. Она его, должно быть, ненавидитъ.

— Но зачѣмъ же продавать себя...

— Вѣрнѣе, не она себя продала,—ее продали. Это вообще какая-то темная исторія... А ее очень жаль: такая молоденькая,—и жизнь совсѣмъ исковеркана.

— Онъ ее... бьетъ? — спросила Наташа, вздрагивая, и ей вспомнилась Чекманаевская нагайка, съ которой онъ никогда не разставался.

— Ну, это врядъ-ли. Вѣдь онъ уже вовсе не такой звѣрь, какимъ любить представляться. Тамъ, въ степи, съ рабочими, можетъ быть, и расправляется; а здѣсь, пожалуй, и побоится немного пускать въ ходъ свою нагайку.

— Едва-ли такой человѣкъ чего-нибудь побоится! — прошептала Наташа.

Въ темнотѣ послышался топотъ копытъ, и Прилукинскіе бѣгунцы подкатили къ крыльцу. Прилукинъ простился со всѣми, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ; но шуршаніе колесъ по мягкой дорогѣ и звучное фырканье лошади еще долго слышалось среди безмолвія ночи.

— Ну, гайда въ хату, дивчата! — сказалъ Максимъ Григорьевичъ, обнимая жену, которая, облокотившись на перила крыльца, смотрѣла въ темноту.—Спокойной ночи, Наталья Гавриловна,—желаю вамъ увидѣть во снѣ... ну, кого хотите?

— Никого не хочу.

— О, да неправда же? Кого-нибудь да хотите же. Ну, Прилукина, на примѣръ? Вѣдь славный парняга?

— Да, онъ мнѣ нравится.

— Ну, вотъ! Оставайтесь-ка у насъ, да выходите за него замужъ,—какъ бы мы ловко зажили, а?

Наташа невольно взглянула на Ксаню,—она вся какъ-то затихла, щеки ея поблѣднѣли, и разсѣянный взглядъ говорилъ, что

мысли ея были далеко... Такъ Наташѣ и не удалось поговорить съ нею въ этотъ вечеръ.

XI.

Прилукинскіе бѣгунцы, слегка подпрыгивая, плавно катились по знакомой дорогѣ между двумя нивами, на которыхъ волновалась пшеница. У края дороги перекликались перепела; колосья шуршали подъ колесами, надъ полями тянулось прохладное вѣтерокъ; но ни этотъ вѣтерокъ, ни мирные звуки ночи, не освѣжали и не успокаивали взволнованной души Прилукина. Весь онъ былъ переполненъ сладкой тоской, и сердце его то замирало, то начинало усиленно биться, точно отъ угара, а кровь горячей волной прилиwała къ щекамъ. Изъ каждой звѣздочки на него глядѣли яркіе, ласковые глазки; въ голосахъ перепеловъ, въ сонномъ лепетѣ пшеницы ему чудился серебристый смѣхъ, и чувствовалъ онъ, что не можетъ больше бороться съ собой, и покорно, безропотно весь отдавался чарамъ любви. Бѣжать было поздно...

А Максимъ Григорьевичъ? Вѣдь онъ отнимаетъ у этого добраго человѣка,—все? „Оксанка—вотъ мое счастье“...—сказалъ онъ сегодня, и Прилукину тогда еще пришелъ на память библейскій рассказъ о женѣ Уріи и Давидѣ. Никогда не думалъ онъ, читая въ дѣтствѣ этотъ рассказъ, что ему самому придется ворваться въ чужую семью и разрушить чужое счастье. „Ахъ, Ксаня, Ксаня!..“—воскликнулъ Прилукинъ, и этотъ страстный крикъ пронесся надъ спящими полями, всколыхнувъ мирную тишь ночи и развѣивъ ея сладкіе сны. Звѣзды строго и печально глядѣли на него; зарницы, словно очи невидимаго божества, грозно сверкали, и теплый вѣтеръ, казалось, шепталъ ему съ нѣмой лаской: „бѣги, уйди, не дѣлай грѣха“... — Нѣтъ, не могу!—прошепталъ Прилукинъ и, вынувъ изъ кармана увядшую розу, опьяненный ея запахомъ, обезсиленный любовью, крѣпко прижалъ ее къ губамъ.

Впереди замелькали огоньки и потянуло особымъ хуторскимъ запахомъ,—запахомъ кизячнаго дыма и теплаго молока, лошадиного пота и навоза. Прилукинъ пришелъ въ себя и, снявъ фуражку, сталъ обмахивать свое пылающее лицо. Въ окнахъ дома свѣтились огни, и это удивило Прилукина. „Не спать еще,—что это значитъ?“—подумалъ онъ съ досадой, и ему стало скучно и непріятно. Вспомнились слова Чекманаева и его грубый намекъ на ихъ разстроенныя дѣла, и всѣ домашнія заботы, дрязги,

разговоры о деньгахъ—такъ ясно представились Прилукину, что онъ съ отвращеніемъ повелъ плечами и вздрогнулъ. „Какъ все это противно!“—думалъ онъ, останавливаясь у конюшни и сдвывая лошадь заспанному кучеренку. „Только бы не теперь... только бы скорѣе остаться одному, отдохнуть, не слышать этого вѣчнаго нытья“... И заранѣе раздраженный, Прилукинъ пошелъ къ дому.

Отецъ Прилукина, Рафаилъ Аркадьевичъ, былъ добродушнѣйшій и милѣйшій человекъ, но, къ сожалѣнію, безхарактерный, лѣнивый и совершенно ни къ чему не способный мечтатель, какихъ много у насъ на Руси. Онъ всю жизнь свою прожилъ въ мѣрѣ грѣвъ, для осуществленія которыхъ ничего не дѣлалъ... Впрочемъ, нѣтъ, пожалуй, и дѣлалъ, но изъ этого ровно ничего не выходило. Бываютъ такіе люди, которые именно тогда только и дѣлаютъ хорошо, когда ничего не дѣлаютъ. Голова его постоянно была полна самыхъ грандіозныхъ плановъ и намѣреній; но какъ только онъ начиналъ проводить ихъ въ жизнь, они терпѣли полное крушеніе и ничего, кромѣ убытковъ и непріятностей, не приносили. То вдругъ Рафаилъ Аркадьевичъ одушевлялся идеей построить элеваторъ, составлялъ смѣты, обнаруживалъ лихорадочную дѣятельность, ухлопывалъ массу денегъ,—но оказывалось, что элеваторъ совершенно никому не нуженъ, сыпать въ него нечего, и все предпріятіе рушилось въ самомъ началѣ, оставивъ послѣ себя горькую пыль разочарованія и пустоту въ кассѣ. Въ другой разъ онъ задумалъ устроить у себя конскій заводъ, написалъ съ Хрѣновскаго завода здоровеннаго битючкаго жеребца, построилъ конюшни, нанялъ образцоваго конюха,—но оказалось нечѣмъ кормить матокъ, жеребята выходили хилые, и, наконецъ, самъ производитель погибъ преждевременной смертью, забравшись въ хлѣбный амбаръ и обѣвшисъ пшеницы. При такихъ порядкахъ, дѣла Прилукина совершенно разстроились, и хуторъ давно былъ бы проданъ, еслибы въ дѣло не вмѣшался сынъ. Онъ бросилъ университетъ, засѣлъ на хуторѣ и съ помощью совѣтовъ Максима Григорьевича спасъ семью отъ окончательнаго разоренія и нѣсколько поправилъ запущенное имѣніе. Но это стоило ему много хлопотъ и непріятностей, потому что Рафаилъ Аркадьевичъ постоянно вмѣшивался въ распоряженія сына и портилъ налаживающуюся хозяйственную машину. По временамъ это было такъ невыносимо, что Александръ Рафаиловичъ приходилъ въ отчаяніе, опускалъ руки и готовъ былъ бросить все и бѣжать; но старикъ начиналъ хныкать, вѣлся передъ образомъ, что устранился и отрясетъ прахъ отъ

ногъ своихъ (онъ любилъ употреблять „жалкія слова“), и молодой человѣкъ оставался. Въ послѣднее время Рафаиль Аркадьевичъ, дѣйствительно, какъ-то успокоился: полетъ его фантазіи ослабѣлъ, умъ одряхлѣлъ, и большую часть времени старикъ проводилъ, запершись въ своемъ кабинетѣ надъ какими-то мемуарами... хотя записывать ему было совершенно нечего, и жизнь его прошла такъ безцвѣтно, что не оставила ему даже какихъ-нибудь любопытныхъ воспоминаній. Но эта новая затѣя тѣшила его, создавая ему иллюзію дѣла, и, сидя по цѣлымъ днямъ надъ чистымъ листомъ бумаги, онъ чувствовалъ себя, какъ Наполеонъ на островѣ Святой Елены,—устраненнымъ, но не забытымъ, и, прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ жизни, которая шла безъ него, съ кроткой улыбкой думалъ: „а ну, посмотримъ, какъ-то они тамъ безъ меня“... И эта мысль доставляла ему удовольствіе.

Супруга Рафаила Аркадьевича, Дарья—или какъ она себя называла — Дора Алексѣевна, по странной игрѣ судьбы, была ему совершенно подъ пару. Она также всю свою жизнь не прожила, а прогрезила, съ тою небольшою разницей, что міръ ея грѣзъ былъ еще дальше отъ дѣйствительности, чѣмъ фантазія ея мужа. Самое главное и любимое занятіе ея было читать романы или выдумывать ихъ. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, съ перваго дня замужества и донинѣ, жизнь ея протекала слѣдующимъ образомъ. Вставъ очень поздно и напившись кофе въ постели, она извлекала изъ-подъ подушки романъ и съ замираніемъ сердца погружалась въ волшебный міръ „красныхъ вымысловъ“. Передъ глазами ея возникали чудные замки съ тѣнистыми парками и глухими аллеями, вереницей проходили угрюмые лорды, веселые гасконцы, говорившіе по тысячѣ словъ въ секунду и столько же разъ обнажавшіе свою шпагу, блѣдныя миссъ, томимыя пламенной любовью къ какому-нибудь таинственному незнакомцу, очаровательныя лэди съ загадочной улыбкой на коралловыхъ устахъ и съ неизбѣжнымъ „скелетомъ въ домѣ“, и т. п., и т. п... Сердце Дарьи Алексѣевны то трепетало, то останавливалось, въ трогательныхъ мѣстахъ изъ глазъ ея струились слезы, орошая страницы книги, а въ это время въ домѣ все шло вверхъ дномъ, хозяйство разрушалось, прислуга по цѣлымъ недѣлямъ не убирала комнатъ, потому что барыню раздражалъ малѣйшій шумъ, и она не приказывала себя беспокоить, на кухнѣ выходило невѣроятное количество провизіи, изъ погребовъ исчезали цѣлыя говяжьи туши, окорока, масло и мука, по угламъ накапливались груды пыли, на столъ подавалась разбитая и разроз-

ненная посуда... Когда требовалось о чемъ-нибудь спросить бариню или доложить ей, что въ домѣ не хватаетъ того-то и того-то,—у Доры Алексѣевны разбалчивалась голова, она затыкала уши, сердилась и принимала валерьяновыя капли. Къ обѣду Дора Алексѣевна наскоро надѣвала пенъюаръ, выходила въ столовую, съѣдала что-нибудь второпяхъ, не замѣчая, что кушанье переварено или пережарено, и снова спѣшила въ свою комнату, къ лордамъ и гасконцамъ, милэди и миссъ. Весь міръ открывался передъ нею... но она сама не существовала для міра...

Если въ чтеніи случайно происходилъ перерывъ, потому что книгъ не было,—Дора Алексѣевна погружалась въ собственные мечтанія. Она воображала себя какою-нибудь лэди-Гвендолиной или донной-Мерседесъ, влюблялась, спускалась съ балконовъ по веревочнымъ лѣстницамъ, переживала самыя удивительныя приключенія, тонула, горѣла, умирала и оживала, торжествовала надъ своими воображаемыми врагами и удивляла міръ геройскими подвигами. Когда лѣта стали напоминать о себѣ довольно чувствительно, и Дора Алексѣевна однажды съ удивленіемъ увидѣла въ зеркалѣ свои морщины,—она начала мечтать уже не за себя, а за дочь, которая такъ же, какъ и мать, училась въ Смольномъ институтѣ. Дора Алексѣевна любила представлять себѣ Лизу—такъ звали ея дочь—въ самыхъ необыкновенныхъ положеніяхъ, и тутъ уже ея фантазія совершенно не имѣла предѣловъ. То она мечтала, что въ Лизу на институтскомъ балу влюбится какое-нибудь высокопоставленное лицо—кто знаетъ, такіе случаи бывали!—и видѣла ее въ великолѣпномъ дворцѣ, рисовала себѣ блестящіе балы, приемы, торжественные выходы, на которые съѣзжается вся знать... То ей мерещилось, что Лиза вдругъ сдѣлалась знаменитой пѣвицей, производитъ фуроръ въ Европѣ; ее засыпаютъ цвѣтами, вѣнками, а она, вся въ брилліантахъ, обворожительная, прекрасная, гордо стоитъ на эстрадѣ и, какъ царица, благосклонно улыбается ошеломленной толпѣ.—А это кто тамъ стоитъ рядомъ съ нею,—такая скромная старушка въ темномъ платьѣ?—„Это ея мать“,—проносится въ толпѣ восторженный шопотъ, и вотъ всѣ князья и графы, герцоги и герцогини бросаются къ ней, цѣлуютъ ея руки, несутъ ее на плечахъ... И Дора Алексѣевна обливается счастливыми слезами...

Такъ прошла вся ея жизнь, и несмотря на свой уже преклонный возрастъ, Дора Алексѣевна, какъ была институткой-смолянкой (слово это она произносила всегда съ гордостью!)—такъ ею и осталась. Даже наружность ея мало измѣнилась, точно она все это время въ снѣгу пролежала, и только кожа

ея отъ постояннаго лежанія въ постели одряблѣла и пожѣкла, да глаза отъ чтенія пріобрѣли непріятную красноту и припухлость. Да и отчего ей было старѣться, когда всѣ житейскія, настоящія бури прошли мимо нея, и она дажо не знала хорошенько, есть ли на свѣтѣ невыдуманное горе? Люди, слишкомъ много живущіе воображеніемъ, похожи на гнилое дерево: на видъ оно кажется свѣжимъ и красивымъ, но никогда не загорится яркимъ пламенемъ, никому не дастъ свѣта и тепла, потому что давно истлѣло внутри и при первомъ прикосновеніи распадается въ прахъ...

Войдя въ столовую, гдѣ надъ столомъ, покрытымъ нечистой скатертью, горѣла дорогая височная лампа, тоже давно печенная, Александръ Рафаиловичъ увидѣлъ, что мать сидитъ на диванѣ и комкаетъ въ рукахъ носовой платокъ (это служило всегда признакомъ грядущихъ слезъ), а отецъ съ растеряннымъ видомъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ и одну за другою курить крученныя папиросы. Они видимо его ждали, и при его входѣ быстро переглянулись.

— Чтò такое случилось?—съ досадой спросилъ Александръ Рафаиловичъ.—Отчего вы не спите?

Мама-Прилукина приложила платокъ къ глазамъ, а отецъ еще энергичнѣе заходилъ изъ угла въ уголъ.

— Ахъ, Боже мой!—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Прилукинъ.—Да чтò такое? Говорите, пожалуйста, поскорѣе,—я спать хочу.

— Мы отъ Лизочки письмо получили...—простонала Дора Алексѣвна и заплакала.

— Ну и что же? Ну получили,—къ чему же слезы?

— Она просится пріѣхать... Всѣ развѣхались, а она тамъ одна сидитъ, точно сирота...

— Такъ и пусть пріѣдетъ,—зачѣмъ же драмы-то разыгрывать?

— Ахъ, Александръ, какой ты жестокий человѣкъ! Пріѣхать-пріѣхать... Но вѣдь нужно послать ей денегъ?

— Такъ бы и сказали. Слава Богу, не велики деньги,—какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать рублей. Возьмите завтра и пошлите.

Дора Алексѣвна залилась слезами еще пуще.

— Двадцать рублей!—проговорила она.—Бѣдная моя Лиза!.. Неужели ей ѣхать въ третьемъ классѣ, съ мужиками, горничными и... Богъ знаетъ, кто тамъ еще ѣздитъ!..

— Да перестаньте, мама, это, наконецъ, невыносимо! Ну и

въ третьемъ классѣ,—ну что же такое? Мы—люди небогатые, надо приучаться жить по средствамъ.

— Ни за что!—воскликнула Дора Алексѣевна. — Моя дочь не побѣдетъ въ третьемъ классѣ... Твоя сестра, моя дочь, воспитанница Смольнаго института, гдѣ бываетъ самъ государь... ни за что! Пусть лучше остается. И, наконецъ, ей нуженъ костюмъ, а ты говоришь—двадцать рублей...

— Въ самомъ дѣлѣ, Саша, какъ же это — въ третьемъ классѣ?...—выѣшался отецъ.

— Ахъ, дѣлайте, какъ хотите, берите пятьдесятъ, сто рублей, только оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!...—сказалъ Прилукинъ и повернулся уходить. Но сейчасъ же, вспомнивъ о Чекманаевѣ, вернулся снова.—Ахъ, да, папа... вы просили денегъ у Чекманаева?

— Да... я такъ, между прочимъ, сказалъ...—смущенно пробормоталъ старикъ.—Я хотѣлъ тебѣ помочь...

— Пожалуйста, не надо! Вѣдь я васъ просилъ... Въ какое положеніе вы меня ставите? Унижаться Богъ знаетъ передъ кѣмъ...

— Но проценты...

— Уплачу проценты! Боже ты мой!

Александръ Рафаиловичъ схватился за голову и вышелъ. Онъ чувствовалъ страшную усталость и отвращеніе ко всему,—къ этому дому съ нематыми полами и облупленными стѣнами, къ разлѣзающемуся по всѣмъ швамъ хозяйству, къ долгамъ, процентамъ, ко всей этой бессмысленной толкотнѣ, изъ которой не выходило никакого толку. „Нѣтъ, такъ невозможно жить... невозможно здѣсь оставаться, — думалъ онъ, идя по темному корридору въ свою комнату.—Ничего не сдѣлаешь, все равно... Заткнешь одну дыру, — рвется въ другомъ мѣстѣ. Бросаютъ деньги на костюмы какіе-то, а платить проценты нечѣмъ, и приходится залѣзать въ новые долги. Нѣтъ, брошу, брошу все и уйду... поступлю въ писаря куда-нибудь и... уйду!..“

„Не уйдешь!“—прозвучалъ въ его душѣ другой, насмѣшливый голосъ, и образъ Ксани во всей своей плѣнительности всталъ передъ Прилукинымъ. Снова тоскливо-сладкое, любовное настроеніе овладѣло имъ, какъ давеча въ полѣ, и захотѣлось какъ можно скорѣе остаться одному съ своей тоской, съ своей любовью, и еще разъ безъ помѣхи пережить жуткія, опяняющія ощущенія. Онъ нетерпѣливо толкнулъ дверь и вошелъ къ себѣ.

XII.

Къ его удивленію, комната была освѣщена, а въ уголку, у раствореннаго окна, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ Степанъ и, обхвативъ руками высоко поднятыя колѣни, задумчиво и сосредоточенно глядѣлъ на яркій огонь лампы. „Вотъ еще чортъ принесъ!—подумалъ Прилукинъ съ нескрываемой досадой.—Чего ему нужно?“

— Ага, вотъ и вы! — сказалъ Степанъ, выходя изъ своей задумчивости и поворачивая къ нему лицо.—Что, вы, я вижу, не очень пріятно поражены моимъ присутствіемъ?—съ усмѣшкой прибавилъ онъ.

— Ничего, ничего, сидите!—промолвилъ Прилукинъ, едва сдерживая свою досаду, и, закуривъ у лампы папиросу, нервно заходилъ по комнатѣ.

— Да я и не уйду, не беспокойтесь. Мнѣ сегодня не хочется оставаться одному, вотъ я и удралъ къ вамъ. Впрочемъ, если вы очень спать хотите, то, пожалуй, ложитесь.

— Нѣтъ, я спать не хочу.

— А не хотите, тѣмъ лучше. Поговоримъ. Мнѣ хочется поговорить. Не знаю, бываетъ ли это съ вами, что молчишь-молчишь, думаешь-думаешь, и вдругъ страшно захочется говорить? Со мною хоть и рѣдко, а бываетъ, и я не вижу причины, почему бы намъ съ вами и не поговорить? Какъ вы думаете?

— Но почему же непременно со мной?

— Да такъ, самъ не знаю, почему. Впрочемъ, пожалуй, потому, что всякій другой прогналъ бы меня, да я и самъ прогналъ бы, а вы, я знаю, не прогоните. Вѣдь я увѣренъ, что вы меня въ душѣ посылаете ко всѣмъ чертямъ, а все-таки не прогоните, и я поступилъ бы очень глупо, еслибы лежалъ теперь въ своей постели, не спалъ и ворочался съ боку на бокъ въ то время, какъ есть человѣкъ, съ которымъ можно поговорить. И вообще люди дѣлаютъ очень глупо, что слишкомъ уже деликатничаютъ другъ съ другомъ. Это все ложь, а я терпѣть не могу лжи. Съ какой стати я буду притворяться веселымъ, когда у меня нутро болить? Ну, болить, такъ и кричи, жалуйся, показывай, гдѣ болить,—эка важность, если изъ-за этого кто-нибудь тамъ не поспитъ ночь...

— Развѣ у васъ что-нибудь болить?—спросилъ Прилукинъ, увлеченный словами Степана, и, остановившись передъ нимъ, пристально и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. И его

вдругъ поразило сходство Степана съ сестрой, которое особенно было замѣтно, когда они были не вмѣстѣ. Даже звуки голоса, манера говорить, нѣкоторые жесты были одни и тѣ же... И Прилукинъ почувствовалъ къ Степану почти нѣжность, — вся его досада пропала.

— Нѣтъ, у меня ничего не болитъ, — это я такъ, къ при-
мѣру... — отвѣчалъ Степанъ. — А впрочемъ, пожалуй, что и
болитъ...

— Чтò же такое? — съ участіемъ продолжалъ Прилукинъ,
присаживаясь на ручку кресла.

— Да я и самъ не знаю. Все болитъ и въ то же время
какъ будто и ничего не болитъ. Это у меня съ дѣтства такое
ощущеніе, какъ я себя помню.

— Но въ чемъ же оно у васъ выражается?

— Да такъ, тоска какая-то. Я даже и не помню, чтобы я
былъ когда-нибудь спокоенъ и доволенъ. Всегда я злился, всегда
былъ раздраженъ. Меня одинаково раздражали и тѣ, которые
смѣются, и тѣ, которые плачутъ, и тѣ, которые бьютъ, и тѣ,
которыхъ бьютъ. Одни меня злили своей жестокостью, и я ихъ
ненавидѣлъ; другіе возмущали своимъ идиотскимъ терпѣніемъ, и
я ихъ презиралъ. Меня все мучило. Глядишь, напримѣръ, на
смѣющагося человѣка и думаешь: ну, чего онъ смѣется? Чему
радуется? Нечему радоваться, когда вездѣ гадость и мерзость.

— Да, это ненормально... — задумчиво проговорилъ При-
лукинъ.

Степанъ засмѣялся.

— Ну, вотъ, я такъ и зналъ, что вы это скажете! При-
бавьте ужъ кстати еще, что я — сумасшедшій.

— Нѣтъ, Степанъ Павловичъ, я совсѣмъ не то... — въ сму-
щеніи возразилъ Прилукинъ. — Я, видите ли, хочу сказать...

— Да вы не волнуйтесь, пожалуйста, — перебилъ его Сте-
панъ. — Это въ порядкѣ вещей, что люди всегда называютъ стран-
нымъ и ненормальнымъ то, чего они не понимаютъ. Чуть чело-
вѣкъ не такъ думаетъ, какъ всѣ, не такъ чувствуетъ и посту-
паетъ, какъ принято, — ну, значитъ, онъ ненормальный! Если у
человѣка есть все для собственной жизни, если онъ сытъ, обутъ,
одѣтъ и даже въ оперу можетъ ходить, и вдругъ такой чело-
вѣкъ тоскуетъ и мучается оттого, что другіе люди не сыты и
не обуты, — какъ же это иначе объяснить, если не тѣмъ, что онъ —
сумасшедшій? Просто и ясно. Но вотъ въ чемъ вопросъ: по-
чему тѣ, которые сидятъ въ своемъ гнѣздѣ и для украшенія
оного готовы всякаго ближняго своего слопать, — нормальны, а

тѣ, которымъ это гнѣздо противно, потому что сдѣлано изъ чужихъ перьевъ и чужой крови,—ненормальны? Можете ли вы мнѣ это объяснить?

— Это очень трудно...

— Ну, вотъ то-то что трудно... Гораздо легче готовые ярлыки приклеивать. Налѣпилъ, занумеровалъ, поставилъ на полку—и шабашъ! Эхъ, вы, господа — „нормальные“! Да чего тамъ,—вонъ Ломброзо,—человѣкъ „европейской науки“—и то какихъ-то „маттоидовъ“ выдумалъ... А вѣдь для чего все это? Для собственнаго оправданія... потому что вѣдь въ гнѣздѣ-то тепло и хорошо, а чужихъ слезъ, все равно, всѣмъ не вытрешь,—ну такъ и давай при помощи науки докажемъ, что кричать объ этихъ слезахъ и вылетать изъ собственнаго гнѣзда — ненормально, и что всѣхъ такихъ крикуновъ надо сажать въ желтый домъ... а то, пожалуй, и въ тюрьму...

— Вы меня не поняли, Степанъ Павловичъ,—сказалъ Прилукинъ.—Я вовсе не имѣлъ намѣренія... и не считаю васъ...

— Сумасшедшимъ? Почему же? Меня многіе считали за сумасшедшаго—и здѣсь, и тамъ, въ этой проклятой трясинѣ...

— Въ какой трясинѣ?

— А въ Питерѣ. Ненавижу я этотъ городъ. Мнѣ одна старуха—моя хозяйка, у которой я на „фатерѣ“ жилъ,—такъ, вотъ, она сказывала, что Петербургъ на трясинѣ стоитъ и что онъ проклятъ и когда-нибудь провалится. Я и самъ думаю, что провалится... Скверный городъ, сырой, вонючій,—бѣдному человѣку тамъ плохо жить... Ну, да чортъ съ нимъ! Я вотъ что вамъ хотѣлъ сказать,—вотъ, я смотрю на васъ,—хорошій вы человѣкъ, и добрый, и чувствительный и... „нормальный“—а вѣдь ничего хорошаго вы въ своей жизни никогда не сдѣлаете.

— Вы думаете?

— Увѣренъ. Бываютъ, знаете, такіе роковые люди, которые даже рождаются съ самыми лучшими намѣреніями, а посмотришь, что они ни сдѣлаютъ—непремѣнно либо гадость выйдетъ, либо прямо-таки и подлость... Вотъ и вы такой же.

— Ну, послушайте, Степанъ Павловичъ... — покраснѣвъ, остановилъ его Прилукинъ и всталъ. „Ужъ не догадывается ли онъ?—мелькнуло у него въ головѣ.—Можетъ быть, для этого и разговаривать со мной пришелъ?...“

— Да вы же не сердитесь,—продолжалъ между тѣмъ Степанъ.—Экій вы народъ, господа-„нормальные“,—какъ вы правды не любите? Пусть человѣкъ какую хочетъ мерзость о васъ думаетъ, но гляди онъ на васъ съ медовою улыбкой—и вы счаст-

ливы и довольны. А приди къ вамъ съ искреннимъ расположе-
ніемъ и не со злостью, а любя, скажи вамъ хоть и горькую,
но полезную правду,—вы обижаетесь. Впрочемъ, кто привыкъ
къ ассигнаціямъ, того золото стѣсняетъ: бумажка-то хоть и не
имѣетъ цѣнности сама по себѣ, да зато она легче, а золото на-
стоящее—оно весь карманъ оттянетъ...

Прилукинъ опять подошелъ къ Степану, поглядѣлъ на него
и засмѣялся.

— Станный вы человѣкъ!—сказалъ онъ.—И какъ удиви-
тельно,—я васъ до сихъ поръ совершенно вѣдь не зналъ. Вы
для меня теперь совершенно новый человѣкъ. Странно, право...
живешь-живешь съ человѣкомъ, видишь его каждый день—и
вдругъ какая-нибудь одна минута—и открывается, что ты его
совершенно не зналъ, и что онъ совсѣмъ не такой, какимъ его
себѣ представлялъ.

Степанъ усмѣхнулся невесело.

— Бываютъ еще болѣе странныя вещи въ жизни,—загово-
рилъ онъ, устремивъ неподвижный взоръ на бабочку, упорно
бывшую въ горячее стекло лампы.—Ну, вотъ, напримѣръ...
живетъ себѣ человѣкъ,—худо ли, хорошо ли, а живетъ... тамъ
у него свои радости, свои печали, свои мысли и дѣла, и ему
думается, что ничего, кромѣ этихъ своихъ мыслей и дѣлъ, ему
не нужно... И вотъ вдругъ откуда-то, зачѣмъ-то и почему-то
является другой человѣкъ, тоже съ своими мыслями и дѣлами...
И ты вдругъ чувствуешь, что только этого-то человѣка ты и
ждалъ, что онъ тебѣ нуженъ и ты безъ него жить не можешь,
и все прежнее кверху ногами перевернется—и захочется тебѣ
чортъ знаетъ чего... Даже какія-то свинскія мысли въ голову
полѣзутъ,—что же, молъ, а я-то развѣ ужъ не человѣкъ? Вѣдь
и я хочу жить, и мнѣ нужно и сладкаго, и теплаго, и вкус-
наго... Это вотъ что такое, скажите вы мнѣ, пожалуйста?

Прилукинъ, который сначала слушалъ его разсѣянно, за-
нятый собственными мыслями, вдругъ, чѣмъ-то пораженный, сѣлъ
около Степана.

— Знаете чтѣ? — заговорилъ онъ почему-то шопотомъ, ра-
достно и возбужденно глядя на Степана.—Вѣдь это любовь...

— Любовь? — протяжно повторилъ Степанъ. — Но зачѣмъ
она? Къ чему это мнѣ...

— Нѣтъ, голубчикъ... — продолжалъ Прилукинъ взволно-
ванно. — Не говорите этого, — зачѣмъ... Если къ вамъ пришла
она,—не гоните ея, берите ее обѣими руками, берите съ ра-
достью, съ восторгомъ, съ благодарностью... Любовь — счастье!

Любовь, также какъ и смерть, только одинъ разъ въ жизни бываетъ, и если вы полюбили,—любите...

— А если я не хочу? — угрюмо сказалъ Степанъ. — Если ради этой любви я дѣлаю подлость?

Прилукинъ вскочилъ, точно его по лицу ударили. — „Это на мой счетъ!“ — подумалъ онъ и опять съ волненіемъ заходилъ по комнатѣ. А Степанъ продолжалъ, не сводя глазъ съ лампы и не замѣчая волненія Прилукина:

— Любовь... ха! Это она для васъ, можетъ быть, счастье, а для меня — страданіе и смерть. Я не хочу ея... моя жизнь уже отдана другому дѣлу,—зачѣмъ же она вдругъ является, и манитъ меня, и тащитъ въ другую сторону? Любовь... Какъ я могу любить и наслаждаться, когда меня постоянно гложетъ эта боль, которая вокругъ меня и во мнѣ? Надо служить кому-нибудь одному—Богу или мамонѣ...

— Ахъ, все это фразы! — воскликнулъ Прилукинъ, котораго началъ раздражать однообразный и глухой голосъ Степана и мрачный тонъ его рѣчей. — Не нужно ничего этого и незачѣмъ рыться въ своей душѣ и раскапывать какія-то болячки... Хочется любить — и любите!

— Легко сказать! Вѣдь я не животное какое-нибудь, а существо мыслящее и анализирующее. Не могу я отдаваться своимъ зоологическимъ инстинктамъ, — понимаете ли вы это? Какъ я буду цѣловать свою невѣсту, когда между мною и ею будетъ стоять призракъ мірового страданія и станетъ показывать мнѣ свои кровавыя язвы? Какъ я буду говорить ей разныя нѣжныя слова, когда вокругъ меня слышатся вопли и стоны чужой боли?

— Вздоръ, вздоръ! Фразы!.. Человѣкъ, у котораго не болить, не можетъ чувствовать чужой боли. Онъ можетъ только сочувствовать, — больше ничего. Слышите — со-чувствовать, но не чувствовать, и хоть вы меня убейте, но если у васъ болятъ зубы и вы отъ этого мучаетесь, то вѣдь я не могу вмѣстѣ съ вами такъ же мучиться, потому что у меня ничего не болить. Конечно, мнѣ будетъ васъ очень жалъ, и я буду очень огорченъ вашими страданіями, но если мнѣ захочется ѣсть, я буду ѣсть, и ничего вы съ этимъ не подѣлаете...

— Ну, а если я-то не могу ѣсть, когда вы мучаетесь, — тогда что?

— Я не знаю... Это, по-моему, ненормально...

— Ну, вотъ и договорились!.. — со смѣхомъ сказалъ Степанъ и всталъ. — Опять ненормально... ну, и стало быть я — ненор-

мальный человекъ, и чувства у меня ненормальные, и разговоръ, значить, конченъ...

Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ. Нѣмая ночь лежала надъ хуторомъ, нѣмыя зарницы играли на безмолвномъ небѣ. Запѣлъ пѣтухъ.

— Слышите, первое предостереженіе, — замѣтилъ Степанъ. — Должно быть, очень поздно, — спать пора. Эка, тишина-то какая!..

— Да, — сказалъ Прилукинъ, подходя къ другому окну и всей грудью вдыхая свѣжей ночной воздухъ. — Все спитъ, все наслаждается покоемъ... Прислушайтесь къ этой тишинѣ хорошенько... въ ней чувствуется полнота жизни, радость существованія... а вы мудрствуете, какъ въ баснѣ мудрствовалъ семинаристъ въ ямѣ. Экая прелесть!.. Экое блаженство!..

— Вонъ вѣдь кровь-то въ васъ какъ играетъ! — отозвался Степанъ. — Прелесть и блаженство... Это въ васъ блаженство, а въ мірѣ его нѣтъ, и въ эту минуту, когда вы наслаждаетесь, можетъ быть, кто-нибудь задыхается отъ муки, кричитъ, корчится...

Прилукинъ махнулъ рукой.

— Да не думайте вы объ этомъ! — сказалъ онъ съ досадой. — Ну что за охота себя вѣчно терзать?

— Не могу... Меня возмущаетъ эта тишина. Спать, какъ благоденствующія свиньи въ своей грязной лужѣ... Эхъ! — воскликнулъ вдругъ Степанъ со злостью. — Какъ бы мнѣ хотѣлось разбудить всѣхъ этихъ благоденствующихъ свиней, поднять ихъ съ теплыхъ постелей, оторвать отъ сладкихъ сновъ, отъ сладкихъ поцѣлуевъ, оглушить ихъ гуломъ набата, воплемъ отчаянія, крикомъ мести...

— Какое вы имѣете на это право?

— Право страданія.

— Не понимаю! — пожимая плечами, сказалъ Прилукинъ. — Это какая-то бессмысленная жестокость, — заставлять страдать другихъ, когда самъ страдаешь. Вы — ужасный человекъ, Степанъ Павловичъ, съ вами даже страшно!

— А вы, по-моему, гораздо ужаснѣе со своимъ ласковымъ индифферентизмомъ, со своимъ голубинымъ эгоизмомъ и терпимостью! Вы боитесь крови, огня, разрушенія; а что тамъ гдѣ-то люди медленно издыхаютъ отъ голода, отъ несправедливости, отъ всѣхъ общественныхъ болячекъ, — это вамъ наплевать. Лишь бы все было тихо, благопристойно, и не мѣшало бы вамъ наслаждаться любовными восторгами, кушать вкусныя кушанья и

мирно переваривать ихъ въ теплѣ и нѣгѣ... Эхъ вы, голуби! Ненавижу я васъ всѣхъ!

— Покорно васъ благодарю!—смѣясь, проговорилъ Прилукинъ.

Запѣли опять пѣтухи.

— Вотъ и второе предостереженіе, — сказалъ Прилукинъ, отходя отъ окна, и зѣвнулъ. — Не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, спать, Степанъ Павловичъ?—Надѣюсь, не сейчасъ же вы начнете все разрушать и насъ истреблять? А?

Степанъ ничего не отвѣчалъ и сталъ укладываться на диванѣ.

„А въ самомъ дѣлѣ, онъ, должно быть, больной человѣкъ... и опасный для самого себя,—думалъ Прилукинъ, туша лампу. — Я совсѣмъ не подозрѣвалъ, что у него такія идеи... въ первый разъ онъ такъ заговорилъ. Почему? Чтò съ нимъ такое? Ужъ не влюбился ли онъ въ эту бѣленькую учительницу съ строгими глазами? Весьма возможно... Эти фанатики—вѣдь страстные люди. Но врядъ-ли и любовь его вылечить. А я?... Чтò мнѣ-то дѣлать съ своей любовью?“—съ сладкою болью въ сердцѣ спросилъ онъ себя. — „Нѣтъ, не надо объ этомъ думать... Пусть будетъ, чтò будетъ! Ахъ, Ксаня, Ксаня...“

XIII.

— Вставай, вставай, соня этакая!—будила Ксаня Наташу, щекоча ее вѣтвой цвѣтущей липы. — Смотри, липа расцвѣла... понюхай. А ты спишь. Ну, вставай же скорѣе!

Наташа, улыбаясь и щурясь отъ солнца, потягивалась на постели и сонными глазами смотрѣла на подругу.

— Развѣ уже поздно?—спросила она.

— Семь часовъ. Пойдемъ, искупаемся, а потомъ поѣдемъ на косовицу сѣно ворошить. Вотъ увидишь, какъ это весело!

Наташа быстро вскочила и стала одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ онѣ уже шли по заросшей тропинкѣ, мимо конопляниковъ, къ рѣчкѣ. Ксаня была весела, какъ птичка, и напѣвала про себя какую-то пѣсенку; у Наташи тоже на душѣ было легко и спокойно. Она чувствовала, что природа покоряетъ ее своей красотой, и ей не хотѣлось думать ни о чемъ тяжеломъ и печальномъ. Два дня уже прошло съ того вечера, какъ Прилукинъ былъ у нихъ на хуторѣ, и все это время протекло такъ свѣтло и тихо, что Наташа совсѣмъ по-

забыла о своихъ первыхъ неприятныхъ впечатлѣнiяхъ, и до сихъ поръ ни о чемъ не разспрашивала Ксаню. „Еще успѣю!—думала она.—Да, можетъ быть, и нѣтъ ничего, и это такъ мнѣ показалось“. Ксаня всегда была легкомысленна и любила пококетничать; разъ она даже написала любовную записку одному учителю и припилила ее къ рукаву его шинели, и ничего, кромѣ смѣха, изъ этого не вышло. Да и Прилукинъ, кажется, вполне порядочный человѣкъ, и не сталъ бы онъ ѣздить въ домъ, еслибы было что-нибудь серьезное. И Наташа, рѣшивъ, что вмѣшиваться въ личные дѣла хозяевъ, не имѣя ничего, кромѣ подозрѣнiй, будетъ безтактно,—на этой мысли успокоилась.

Онѣ обогнули конопляники и стали спускаться къ рѣкѣ, какъ вдругъ Ксаня оборвала свою пѣсню и остановилась. На встрѣчу имъ шелъ высокій, статный мужикъ въ розовой рубахѣ, съ связкой удочекъ на плечахъ и съ десяткомъ мелкой рыбы, навязанной на куланъ. Онъ исподлобья взглянулъ на подругъ, нѣхотя приподнялъ свой картузь и пошелъ дальше. Его красивое лицо поразило Наташу.

— Кто это?—спросила она.

— А это пчелинецъ Егоръ, — помнишь, я тебѣ рассказывала? Не правда ли, какое у него неприятное лицо?

— Нѣтъ, ничего,—задумчиво проговорила Наташа.—Только мнѣ показалось, что онъ посмотрѣлъ на насъ какъ-то зло.

— Вотъ-вотъ! Онъ всѣхъ ненавидитъ... и я его тоже не люблю. Мнѣ такъ и кажется, что онъ когда-нибудь насъ поожжетъ... не знаю, зачѣмъ его Макся держитъ! И вѣчно онъ мнѣ на дорогѣ попадается... точно подглядываетъ. Я его просто боюсь!

— Ну, вотъ, глупости! — засмѣялась Наташа. — Чего тебѣ бояться? Развѣ ты что-нибудь скрываешь?

Ксаня ничего не отвѣчала и во весь духъ пустилась бѣжать по склону берега,—ея разноцвѣтныя ленты вихремъ неслись за нею. Черезъ минуту она была уже въ водѣ, брызгаясь и визжа, и дѣлала видъ, что хочетъ утопить Наташу, а Наташа не умѣла плавать.

Выкупавшись, онѣ тою же дорогой вернулись въ домъ, и опять Ксаня пѣла, и даже проплясала гопака, со смѣхомъ рассказывая, какъ она въ прошломъ году пиновала въ Лазоревой на свадьбѣ у одного казака, и какой фуроръ тамъ произвела, и какъ даже одинъ старый-престарый казакъ, который отъ старости уже почти въ землю вросъ, глядя на нее, вдругъ воодушевился, вскочилъ съ мѣста и началъ притопывать передъ нею каблуками, приго-

варивая: „Дудикъ, дудикъ, ду-да-да, дуда лапотки плела“!.. И Ксая такъ смѣшно представила этого казака, что Наташа хотала какъ сумасшедшая, забывъ всю свою серьезность.

— Ну, что бы сказали теперь мои ученицы, еслибы посмотрили, какъ я тутъ бѣшусь!—говорила она, вытирая выступившія на глазахъ слезы.—Всякое бы уваженіе ко мнѣ потеряли!

— Э, вотъ нашла о чемъ сокрушаться!—воскликнула Ксая.—Да пусть ихъ себѣ думаютъ, что хотятъ,—ты тамъ съ ними и такъ въ какую-то кислую классную даму превратилась! Эхъ, Наташка, милая,—вѣдь молодость-то одинъ разъ въ жизни бываетъ!..

Послѣ чаю, который онѣ пили вдвоемъ — Максимъ Григорьевичъ еще „до свѣту“ уѣхалъ въ поле, а Степанъ что-то второй день не показывался,—имъ подали небольшой плетеный шарабанъ, который Олимпіада называла „чортовой трясушкой“, и онѣ уѣхали. Ксая бойко тряхнула возжами, и шарабанчикъ, подпрыгивая, мягко покатиъ по дорогѣ, между волнующимися полями пшеницы, проса и овса. Наташа ахала, всѣмъ восхищалась и безпрестанно спрашивала, какъ называется то, какъ называется это. Нѣсколько разъ она пыталась выскочить изъ шарабана, чтобы нарвать на межахъ ромашки, васильковъ и звѣробоя, но Ксая ее останавливала, торопясь на косовицу. Но, вотъ, шарабанчикъ свернулъ влѣво и, цѣпляя колесами за высокую траву, спустился въ „баракъ“, т.-е. въ оврагъ. За бараконъ сейчасъ же открылась степь, ровная, гладкая, какъ столъ, накрытый зеленой скатертью, а на этой зеленой скатерти были раскиданы, словно яркіе букеты, живописныя группы косцовъ и гребчихъ съ граблями, въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ.

— Вотъ и косовица!—сказала Ксая, выпрыгивая изъ шарабана, и, сдѣлавъ зонтикъ надъ глазами, прибавила:—а во-онъ, вонъ и Маея стоитъ... Маея!

Максимъ Григорьевичъ подскакалъ къ нимъ на своемъ Киргизенкѣ.

— А, пріѣхали! — весело воскликнулъ онъ. — Ну, что же, берите грабли, да и за работу. Эй, бабы! Геть сюда! Несите грабли,—вотъ еще гребчихи пріѣхали!

Высокая, загорѣлая баба въ низко-спущенномъ на лобъ платкѣ и съ высоко подоткнутымъ подоломъ розовой юбки подошла къ нимъ. Ксая выхватила у нея грабли и ловко принялась разметывать скошенную траву. Наташа глядѣла на нее и въ смущеніи не знала, что ей дѣлать съ своими граблями.

— А что? — смѣясь, сказалъ Максимъ Григорьевичъ. — Задача? А ну, подивлюсь, какъ вы ее рѣшите?

— Вотъ какъ надо, барышня, — съ улыбкой вымолвила баба въ розовой юбкѣ и показала Наташѣ, какъ надо дѣйствовать граблями. — Да вы платье-то подберите, а то жѣпать будетъ.

Наташа подоткнула юбку и неловко взяла въ руки грабли. Солнце сильно припекало, дулъ жгучій, порывистый вѣтеръ, ноги скользили по атакѣ, грабли вертѣлись въ рукахъ, но Наташа старалась не отставать отъ другихъ и дѣлать такъ же, какъ и всѣ. Бабы сначала исподтишка надъ нею подсмѣивались, но потомъ перестали обращать на нее вниманіе, а одна изъ нихъ, въ розовой юбкѣ, вдругъ затянула визгливымъ голосомъ:

„Всю я воченьку, младшенька, не спала,
Три я ниточки, младшенька, напирала“...

Остальныя бабы подхватили пѣсню. Наташа остановилась и стала слушать; она, отъ непривычной работы, запыхалась, потъ лилъ съ нея градомъ, но ей было весело, — ей нравилась и эта степь, пестрящая, точно макомъ, яркими платьями бабъ, и вѣтеръ, обжигавшій лицо, и заунывная пѣсня, проникавшая въ самую душу и будившая въ ней какія-то новыя, тоскливыя и въ то же время сладкія чувства. Какъ все это было далеко отъ Петербурга и отъ всей прежней Наташиной жизни!..

— Здравствуйте! — слышалось около нея. Наташа вздрогнула и обернулась. Передъ ней стоялъ Степанъ.

— Ахъ, здравствуйте! — сказала Наташа и покраснѣла. Ей стало немножко стыдно передъ Степаномъ и за подоткнутый подолъ платья, и за платочекъ на головѣ, и за грабли въ рукахъ.

— Что, нравится вамъ эта забава? — спросилъ Степанъ, усмѣхаясь и указывая глазами на грабли.

— Забава? — повторила Наташа смущенно.

— А развѣ это серьезно... для васъ? Для тѣхъ вонъ, — Степанъ бивнулъ головою на бабъ, — для тѣхъ, конечно, серьезно, потому что это ихъ кусокъ хлѣба, да и кусокъ-то не очень вкусный... Ну, а вамъ что же? Поиграете себѣ, да и поѣдете вареники кушать. Развѣ только, впрочемъ, аппетита прибавится.

— Ахъ, какой вы... — сказала Наташа съ досадой. — Зачѣмъ вы все... мефистофельствуете?

Степанъ поглядѣлъ на нее пристально, точно хотѣлъ что-то сказать, — но не сказалъ ничего и отошелъ отъ нея. „Зачѣмъ я это сказала? — подумала Наташа, глядя ему вслѣдъ. — Я его оби-

дѣла... Вѣдь онъ, пожалуй, правду говорилъ: все это, быть можетъ, одна комедія“...

И ей вдругъ стало скучно, тяжело и непріятно, и досадно на себя. Она бросила грабли, опустила платье и сѣла на скошенную траву.

А бабы заливались новою пѣсней:

„Шила Маша рубашонку
Недостало рукава,
Посылала молодца
До города, до Ельца“...

Къ Наташѣ подбѣжала Ксани.

— Чтò это ты сидишь? Устала?

— Да,—нѣхотя отвѣчала Наташа.

— Ну, подожди, сейчасъ будемъ кашу ѣсть. Ахъ, ты еще не знаешь, чтò это за прелесть—полевая каша! Дымкомъ пахнетъ,—восторгъ!

„И все это—забава!—думала Наташа, идя за подругой на другой конецъ поля, гдѣ уже дымился костеръ.—И работа наша—забава, и каша—забава; зачѣмъ же мы это? Нѣтъ, надо объ этомъ подумать хорошенько... Надо съ нимъ толково поговорить“...

Онѣ подошли къ костру, разложенному у края дороги. На трехъ жердочкахъ висѣлъ громадный котелъ, отъ котораго шелъ паръ, и кашеваръ, худой старикъ въ бѣлой рубахѣ, съ выдавшимися лопатками, помѣшивалъ кашу деревянной ложкой. На холщевомъ рушникѣ, разостланномъ на землѣ, лежала грудa ложекъ и нѣсколько большихъ деревянныхъ чашекъ; тутъ же возвышалась бутылъ съ водкой. Косцы и гребчихи, съ косами и граблями на плечахъ, со смѣхомъ и разговоромъ подходили къ котлу; Максимъ Григорьевичъ весело разговаривалъ съ хохлами; Ксани, окруженная бабами, чему-то звонко смѣялась.

Къ Наташѣ тоже подошло нѣсколько бабъ и съ любопытствомъ стали ее оглядывать.

— Уморились небось?—спросила одна, побойчѣе.

— Нѣтъ, ничего.

— Ну гдѣ, чай, ничего! Это намъ въ привычку, а у тебя, гляди, ручки-то какія... махонькія, да бѣленькія...

Въ словахъ бабы слышалась и лесть, и насмѣшка.

— Въ городу живешь?—спросила другая.

— Да.

— Ну, тебѣ у насъ не покажется. Въ городу веселѣе.

— Нѣтъ, мнѣ и здѣсь правится.

— Какже! — недовѣрчиво протянула баба и засмѣялась. — Чего у насъ? Степь да ковыль, вотъ тебѣ и все. Убѣжалъ бы, да бѣжать некуда.

— Развѣ вамъ плохо жить? — спросила Наташа — и сконфузилась.

Бабы переглянулись и засмѣялись.

— А то хорошо? — отвѣчала бойкая баба. — Работа чижолая, а ѣда, извѣстно, какая — часомъ съ квасомъ, а порой и съ водой. Ты бы по нашей работѣ и дня не прожила, — ишь; какая тонкая, да хвеляя...

— Подружка, что-ль, твоя? — приставала третья баба къ Ксанѣ. — Замужняя, аль дѣвушка? То-то и я думаю, — дѣвушка... Отъ мужа-то не уѣдешь.

— Ну, у нихъ, небось, не по нашему! — подхватила опять бойкая баба. — Это у насъ мужъ-то не пустить, а у нихъ, чай, не такъ...

Это „у нихъ“, „у насъ“, „мы“, „вы“ — неприятно подѣйствовало на Наташу и еще болѣе увеличило ея тягостное настроеніе. „Все разное — и жизнь, и интересы“, — думала она. — „А вѣдь такіе же люди“... Болтовня и расспросы бабъ ей надоели, и она отошла въ сторону. Поодаль отъ всѣхъ сидѣлъ мужикъ и что-то дѣлалъ съ своими ногами, завернутыми въ грязныя тряпки. Когда Наташа приблизилась къ нему, онъ какъ-то тупо взглянулъ на нее, машинально приподнял картузъ и снова принялся разматывать тряпки. Подъ тряпками оказались большія, кровоточащія раны.

— Что это у васъ? — спросила Наташа, съ ужасомъ и отвращеніемъ глядя ему на ноги.

— Да, вотъ, стеръ маненько, — отвѣчалъ мужикъ, кряхти и морщась. — Мченскіе мы, — отсюда верстовъ, чай, полтыщи будетъ, коли не больше. Ну, пѣшкомъ и шли, да, вотъ, и постеръ ноги-то.

Онъ протянулъ руку къ костру, выгребъ немного золы, присыпалъ раны и началъ опять наворачивать тряпки.

— Зачѣмъ же это вы?

— Да вотъ золой присыпаю. Все оно не такъ дуже мокнетъ. Присыплю золицей-то, — оно кабыть и подсыхаетъ. Чѣмъ же ее еще?

— Больно, должно быть?

— И, больно! — съ пренебреженіемъ сказалъ мужикъ и даже ткнулъ себя въ ногу. — Ничего не больно, — вотъ только на жарѣ малость, какъ распотѣешь, ну оно и саднитъ, а то ничего.

— Зачѣмъ же вы такъ далеко идете?

— Да ишь ты, дома-то взяться не съ чѣмъ. Ну, и идемъ. Чтò ты будешь дѣлать? Коли въ своихъ мѣстахъ взяться не съ чѣмъ,—ну, и пойдешь. На край свѣта пойдешь,—вотъ оно, дѣло-то! Какже можно?! Ноги трешь, а идешь, потому—дома взяться не съ чѣмъ...

Мужикъ долго еще съ какимъ-то тупымъ упорствомъ повторялъ одни и тѣ же слова, и, отойдя отъ него, Наташа все еще слышала: „Небось, пойдешь!.. Вонъ какъ оно... Въ преисподнюю полѣзешь, коли взяться не съ чѣмъ“...

Между тѣмъ каша подоспѣла, и кашеваръ, постукивая ложкой о край котла, покрикивалъ: „Къ кашѣ, къ кашѣ подходи! Эй, бабы, къ кашѣ подходи!“ Бабы и мужики, толкаясь, разбирали чашки и ложки и подходили къ котлу. Максимъ Григорьевичъ передъ кашей всѣмъ поднесъ по рюмкѣ водки. Пили мужики и бабы: мужики вытягивали водку истово и, отходя, крикали и утирались рукавомъ; бабы жеманились пересмѣивались и, выпивъ, морщились и кашляли. Когда бутылъ опустѣла, всѣ чинно размѣстились группами около чашекъ и принялись за ѣду. Сначала изъ котла была слита жижа, которую ѣли съ хлѣбомъ; потомъ кашеваръ раздѣлилъ поровну между всѣми оставшуюся гущу съ комками свиного сала, и ее ѣли уже безъ хлѣба. Каша была, дѣйствительно, вкусная, хотя и пахла вязичнымъ дымкомъ; но Наташѣ, несмотря на усталость, совсѣмъ не хотѣлось ѣсть, и вся ея давешняя веселость пропала. Съ тяжелымъ чувствомъ, въ которомъ она сама еще не давала себѣ отчета, глядѣла она вокругъ. Послѣ каши всѣ повеселѣли, мужики закуривали трубки и „чортовы ножки“ изъ старой газетной бумаги, а бабы возились между собою и хохотали. И, глядя на эту оживленную толпу, никакъ нельзя было подумать, что многіе пришли сюда за „полтыщи“ версть, со стертými до крови ногами, оставивъ дома голодную семью, которой „не съ чѣмъ взяться“...

„Господи, какъ мало имъ нужно!“ — думала Наташа съ грустью.

Къ ней подошелъ Максимъ Григорьевичъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Что это вы, Наталья Гавриловна, засумовали?—спросилъ онъ.—Развѣ не нравится наша косовица? И порадоваться съ нами не хотите?

— Чему?—сухо спросила Наташа, которой вдругъ стала непріятна откровенная веселость Максима Григорьевича.

— Э, вотъ сейчасъ видно, что вы—питерская! Какъ чему

радоваться? Сѣно Богъ далъ такое, что самому его ѣсть хочется, погода стоитъ для уборки хорошая, а намъ, хуторянамъ, того только и надо. Будетъ сѣно, будетъ и скотинка; а коли скотинка ё, такъ и гроши ё. Вотъ какъ у насъ!

— Да вѣдь это у васъ, а у другихъ, можетъ, и ѣсть нечего!

Максимъ Григорьевичъ поглядѣлъ на нее пристально.

— Э, я вижу, это Степанко васъ смутилъ. Не слушайте вы его, онъ вамъ ка-зна-що наговорить. Всякое тамъ о народѣ, о страданіяхъ, то, другое... А чтò народъ? Не знаетъ онъ народа, вашъ Степанко! Вонъ онъ, народъ, поглядите на него, чтò ему нужно? Хорошая чарка горилки, да хлѣбъ, да здоровыя руки, чтобы работать,—вотъ чтò ему нужно, и всѣмъ нужно, а отъ рѣчей Степанковыхъ хлѣбъ не вырастетъ! Вотъ чтò я скажу вамъ, Наталья Гавриловна...

Онъ отошелъ отъ нея. Косцы и женщины, передохнувъ, снова вскинули на плечи косы и грабли и пошли въ скошеннымъ рядамъ. Солнце высоко плыло по небу и жгло нещадно...

В. І. ДМИТРИЕВА.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Англо-трансваальская война появилась печальнымъ эпизодомъ въ длинной цѣпи стремленій, тенденцій и историческихъ фактовъ, составляющихъ въ совокупности то, что обыкновенно извѣстно подъ именемъ колониальной политики Англии. Судить объ этой политикѣ по частному эпизоду нельзя, какъ и нельзя сдѣлать этотъ эпизодъ прямымъ слѣдствіемъ общей колониальной политики. Между тѣмъ, осуждая вообще войну, многіе одновременно нападаютъ и на англійскую колониальную политику, называя ее хищнической, агрессивной и т. п., и англійскій „имперіализмъ“, это старое слово для совершенно новаго понятія, смѣшиваютъ съ „джингоизмомъ“, съ національнымъ шовинизмомъ и властной заносчивостью. Думаемъ, поэтому, что было бы не совсѣмъ излишне дать здѣсь хотя бы бѣглый очеркъ главныхъ теченій этой политики и показать, насколько это намъ доступно, основныя ея тенденціи, особенно за послѣдніе годы. Знакомство съ ними, если и не выяснитъ всѣхъ причинъ и сторонъ англо-трансваальскаго столкновенія, о которомъ у насъ дальше будетъ болѣе подробно говорено, -- все-таки можетъ дать ключъ къ правильному пониманію многого, затемняемаго теперь разными толками, въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе односторонними. Послѣ такого предисловія приступимъ прямо къ дѣлу.

I.

Одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ англійской колониальной политики, проходящей красной нитью черезъ всю исторію ея, начиная съ временъ Елизаветы и кончая Чемберленомъ, служить—какъ ни парадоксально это можетъ показаться—отсутствие именно политики, т.-е. того сознательнаго плана, которому предполагалось бы слѣдовать съ цѣлью приобрѣтенія колоній. Ничего подобнаго, повидимому, Англія никогда не предначертывала себѣ. Приобрѣтеніе слѣдовало за приобрѣтеніемъ, одна территория присоединялась къ другой какъ-то сама собою, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, и англійскимъ государственнымъ людямъ только и оставалось сидѣть сложа руки и не мѣшать естественному ходу вещей. Инициатива въ колониальной политикѣ никогда не принадлежала самому государству. Ни парламентъ, ни исполнительный комитетъ его, извѣстный подъ названіемъ „кабинета министровъ“, никогда сами ничего не принимали. Министры и парламентъ всегда шли за частными лицами, за частнымъ починомъ, и вынуждались къ войнамъ и вмѣшательствамъ событіями, въ которыхъ они рѣшительно ничѣмъ не были виновны. Государство, какъ цѣлое, старалось лишь сохранить и воспользоваться плодами, которые выращивались частною предприимчивостью.

Вспомнимъ, какъ основались англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ. Первыми въ колоніяхъ явились не солдаты, не чиновники, а „отцы-пилигримы“ и пуритане. За ними потянулся потокъ другихъ поселенцевъ, и къ концу XVII-го и началу XVIII-го вѣка мы уже видимъ тамъ большія процвѣтающія общины, съ учебными заведеніями, ставшими потомъ извѣстными университетами, какъ „Yale College“—въ Коннектикутѣ, „Harvard College“—въ Массачусетсѣ, „William and Mary College“—въ Виргиніи, съ полнымъ самоуправленіемъ, настолько полнымъ, что въ общихъ чертахъ отдѣльные штаты сохранили его понынѣ, и съ развитой торговлей и промышленностью. Но и тогда государство еще очень мало дѣлаетъ для расширенія своихъ территоріальныхъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ и предоставляетъ почти всецѣло самимъ колонистамъ раздвигать предѣлы населяемой ими территоріи; въ то время какъ Англія воюетъ съ Франціей въ Европѣ, эти колонисты, на собственный страхъ и рискъ, берутъ Портъ-Рояль, Новую-Шотландію, Луисбургъ и др. мѣста. По словамъ одного современника, „планъ взятія Луисбурга соста-

вилъ адвокатъ, генераломъ былъ купецъ, а фермеры, рыбаки и ремесленники были солдатами“. Если Англія, какъ государство, что-нибудь и дѣлала, то это была обратная отдача завоеванныхъ ея колоніями земель и крѣпостей. Лишь въ 1754 году, когда молодой Джорджъ Вашингтонъ, посланный колоніей Виргиніей взять французскій фортъ, былъ разбитъ,—Англія впервые отправляетъ часть своего регулярнаго войска въ Америку. Впрочемъ, слишкомъ за сто лѣтъ до этого, а именно въ 1664 г., во время войны съ Голландіей, англійскій флотъ воспользовался случаемъ и, прибывъ въ Новый-Амстердамъ (нынѣшній Нью-Йоркъ), принадлежавшій голландцамъ, объявилъ его и всю центральную территорію владѣніями Англіи.

Канада досталась Англіи, главнымъ образомъ благодаря тому, что Европа поглощена была войною изъ-за Силезіи, а Капштадтъ былъ отнятъ у Голландіи не какъ колонія сама по себѣ, а лишь какъ портъ на пути въ Индію. О томъ же, что Южная Африка можетъ служить колоніей, да еще значительно населенной,—тогда никто и не думалъ.

Австралія попала въ руки Англіи менѣе всего вслѣдствіе какой-то планомѣрной политики приобрѣтеній колоній. Какъ извѣстно, капитанъ Кукъ, открывшій юго-восточный берегъ Австраліи, плавалъ не съ политической, а съ чисто научной цѣлью, для наблюденія за прохожденіемъ Венеры мимо солнечнаго диска, и не имѣлъ даже тѣхъ смутныхъ цѣлей о золотоносной и роскошной Индіи, какія такъ манили въ даль Колумба и подвигали Фердинанда Католическаго на снаряженіе далекихъ экспедицій.

Даже Индія, густо населенная и извѣстная Европѣ много вѣковъ подъ-рядъ, приобрѣтена, благодаря вовсе не дальновидной колоніальной политикѣ, не хитрымъ замысламъ министровъ или парламентскимъ резолюціямъ, а исключительно — частной предприимчивости. Англія, какъ государство, вступила во владѣніе Индіей уже послѣ того, какъ англійскіе купцы завели на Индостанскомъ полуостровѣ свои факторіи, форты и поселки. „Приобрѣтеніе Индіи,—говоритъ профессоръ Силей въ его извѣстномъ трудѣ: „Расширеніе Англіи“,—было сдѣлано нами съ завязанными глазами. Ничего великаго, когда-либо сдѣланнаго англичанами, не было сдѣлано такъ неумышленно, такъ случайно, какъ приобрѣтеніе Индіи“¹⁾.

¹⁾ Sir John Seeley: „Expansion of England“. II-я лекція 2-го курса. Объ этой книгѣ дальше болѣе подробно.

Индію завоевало не англійское правительство, а купеческая компанія, знаменитая „East-India Company“. Она была основана не съ цѣлью какихъ-либо территоріальныхъ захватовъ, а исключительно ради торговыхъ цѣлей, и существованіе ея было вызвано на свѣтъ главнымъ образомъ политикою голландцевъ, монополизировавшихъ въ концѣ XVI-го столѣтія торговлю съ Индіей. Въ 1599 году, голландцы подняли цѣну на перецъ сразу съ трехъ шиллинговъ, за фунтъ, до шести и восьми шиллинговъ, и лондонскіе купцы, возмущившись, собрались въ Сити на митингъ, подъ предсѣдательствомъ лордъ-мэра, и рѣшили основать общество для непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Индіей. Королева Елизавета выдала новому обществу хартію — и между Англіей и Индіей завязалась, такимъ образомъ, прямая торговля съ первыхъ же дней XVII-го вѣка. Послѣ этого возникали и разные другія акціонерныя общества, добивавшіяся также парламентскихъ хартій, но всѣ они въ концѣ концовъ слились въ одно съ первоначально основаннымъ и образовали въ высшей степени богатую и могущественную корпорацію.

„Остъ-индская компанія“, основывая факторію, на первыхъ же порахъ столкнулась съ интересами другихъ европейскихъ торговцевъ, поддерживаемыхъ притомъ своими правительствами. Впослѣдствіи къ этимъ распрямъ съ европейцами присоединились еще внутренніе беспорядки и анархія, такъ что чисто торговая компанія должна была обзавестись собственной военной силой и собственной полиціей, состоявшими, впрочемъ, не изъ англичанъ, а изъ наемныхъ туземцевъ. Благодаря своему войску, купцы могли все больше и больше расширять свою политическую власть, пока не стали хозяевами всей Индіи. Такимъ образомъ, весь этотъ процессъ завоеванія ничего общаго не имѣетъ съ такъ-называемымъ „покореніемъ“, обозначающимъ всегда возстановленіе чужой власти на мѣсто туземной. Впрочемъ, въ Индіи, вообще, никакой туземной власти и не было чуть ли съ незапамятныхъ временъ. Сама династія моголовъ была чужая, а начиная съ 1707 года, т.-е. со дня смерти послѣдняго представителя ея, наступаетъ въ исторіи Индіи почти полная анархія. Индія распалась на множество государствъ, захваченныхъ, посредствомъ наемныхъ войскъ, то сатрапами, то авантюристами, то старшинами, опиравшимися на какія-то свои старинныя права. И дѣйствовавшая въ это время въ Индіи торговая компанія, обладавшая также наемнымъ войскомъ и чувствовавшая себя не слабѣе другихъ, тоже рѣшила захватывать власть, благо случай вышелъ удобный. При этомъ, съ своими богатыми

рессурсами, съ своимъ хорошо обученнымъ войскомъ и своимъ европейскимъ образованіемъ, она, естественно должна была побѣдить въ общей свалкѣ. Она и побѣдила. И случилось такъ, что эта торговая компанія состояла изъ англичанъ. Но это была лишь одна совершенная случайность. Англія, какъ государство, была тутъ рѣшительно ни-при-чемъ. Англіійскій король никакой войны въ Индіи никому не объявлялъ, ни Великому Моголу, ни какому-нибудь набобу или раджѣ. Лишь въ послѣдней четверти XVIII-го столѣтія Англія начинаетъ принимать участіе въ завоеваніяхъ торговой компаніи, хотя и тогда она выказала свое участіе скорѣе парламентскими дебатами и посылкою генераль-губернаторовъ, чѣмъ дѣйствительными расходами или военной силой, и окончательно принимаетъ въ свои руки управленіе Индіей уже на нашихъ глазахъ, лишь въ 1858 году.

Такимъ образомъ, и Индія стала англійскимъ владѣніемъ не вслѣдствіе какого-то предварительно-начертаннаго и систематически-осуществленнаго плана колоніальныхъ пріобрѣтеній. Ни войскомъ, ни деньгами, государство не участвовало въ ея завоеваніи, да и самое слово „завоеваніе“, какъ мы видѣли, наврядъ-ли было здѣсь уместно. Если бы Англіи, дѣйствительно, приходилось *завоевать* Индію, то она бы туда никогда и ногой не сѣмѣла ступить, уже по той простой причинѣ, что горсть людей, изъ какихъ бы героевъ она ни состояла, не могла бы покорить многомилліонные народы, населяющіе территорію въ сотни тысячъ квадратныхъ верстъ, при томъ усѣянную горами, рѣками и лѣсами.

Итакъ, одинъ бѣглый обзоръ происхожденія колоніальнаго могущества Англіи несомнѣнно выдѣляетъ указанную нами раньше черту, а именно отсутствіе планомѣрнаго стремленія къ заморскимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Быть можетъ, это стремленіе и существовало, но официально оно никогда не осуществлялось на практикѣ. Въ этомъ отношеніи англійская политика или, лучше сказать, отсутствіе политики осталось неизмѣннымъ и по настоящее время. Но если государство само и не стремилось къ пріобрѣтеніямъ, то это нисколько не препятствовало тому, чтобы, какъ мы видѣли, колоніи, благодаря тому или другому обстоятельству, попадали все-таки въ его руки. Чтò же дѣлать съ этими колоніями, какъ управлять ими, какія выгоды можно изъ нихъ извлекать и на какія жертвы слѣдуетъ быть готовымъ ради нихъ? На эти вопросы въ разное время давались разные отвѣты, и по отношенію къ нимъ колоніальная политика Англіи подвергалась значительнымъ измѣненіямъ. До отдѣленія С.-Аме-

риканскихъ Штатовъ, въ колониальной политикѣ Англіи существовала одна точка зрѣнія; затѣмъ, съ конца XVIII-го вѣка до конца 70-хъ годовъ XIX-го—другая, а въ послѣдніе два десятка лѣтъ мы присутствуемъ при назрѣваніи совершенно новаго взгляда, который казался бы въ прежнія времена даже невысказаннымъ, и этотъ взглядъ полонъ значенія не только для самой Англіи и ея колоній, но и для всего міра. Посмотримъ же, въ чемъ заключаются эти разные фазисы колониальной политики Англіи.

II.

Триста-четыре года тому назадъ, европейскія государства, хотя и усиленно занялись приобритеніемъ заморскихъ владѣній, но, въ сущности, вовсе не нуждались въ нихъ. Населеніе въ Европѣ было далеко не густое. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Англіи, оно было чуть-ли не всемерно меньше, чѣмъ теперь. Считаютъ, что все населеніе Англіи и Уэльса было въ 1650 году равнымъ—5.450.000, т.-е. одному нынѣшнему лондонскому. Жить, значитъ, было гдѣ и безъ колоній, и за новыми землями гнались лишь потому, что искали въ нихъ золота и вообще какихъ-либо богатствъ, которыя бы можно было безъ остатка вывозить въ себѣ на родину. Колонія должна была служить лишь источникомъ дохода для казны и средствомъ легкаго обогащенія для разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и чиновниковъ. Типичнымъ образцомъ въ этомъ отношеніи служила первая колониальная держава, Испанія, политикѣ которой потомъ уже всѣ подражали. Идеаломъ испанской колониальной политики было обратить туземцевъ въ рабовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто искоренить ихъ и замѣнить здоровыми африканскими неграми; европейскихъ же поселенцевъ считалось необходимымъ держать въ строгомъ повиновеніи посредствомъ духовнаго воздѣйствія и разныхъ ограниченій.

Голландія, Франція и Англія, вступившія позже на колониальное поприще, дѣйствовали уже подъ вліяніемъ преподаваемаго Испаніею примѣра и смотрѣли на свои колоніи тоже не какъ на равноправныя части одного и того же государства, населенныя равноправными гражданами, а какъ на завоеванныя области, вся цѣнность которыхъ измѣряется лишь количествомъ дани и добычи, выплачиваемымъ ими побѣдителю. Франція, на примѣръ, подвергала французовъ же, поселившихся въ Канадѣ, такимъ мелочнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, которыхъ ни одинъ

французъ не потерпѣлъ бы въ самой Франціи даже во времена самаго грубаго абсолютизма. Правда, ничего подобнаго Англіи въ своихъ колоніяхъ не вводила. Англичане перевозили съ собою и черезъ океанъ свою свободу, и первыя колоніи ихъ въ Америкѣ пользовались гораздо большею свободой, чѣмъ нынѣшнія такъ-называемыя „коронныя“, управляемыя административно, чиновниками. Старо-американскія колоніи, безъ всякихъ разрѣшеній, не ожидая и не испрашивая даже никакихъ позволеній и хартій, сами учреждали свои представительныя собранія со всѣми своими выборными и иными должностями, а правительство метрополіи и не думало вмѣшиваться въ ихъ внутренніе порядки и самоуправленіе. Колоніи были настолько предоставлены самимъ себѣ, что на дѣлѣ ихъ можно было считать совершенно независимыми. Еще въ 1665 году, т.-е. всего сорокъ лѣтъ послѣ основанія въ Америкѣ первой англійской колоніи и больше чѣмъ за сто лѣтъ до деклараціи о независимости, Массачусетсъ уже заявилъ, что онъ считаетъ себя подчиненнымъ англійскому королю лишь изъ „вѣжливости“¹⁾.

Такимъ образомъ, старую колоніальную систему Англіи нельзя было считать тиранической, въ томъ смыслѣ, какъ это слово разумѣется, когда говорятъ объ Испаніи, Португаліи и другихъ странахъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ этой системѣ было много заимствованнаго у Испаніи, и, по существу, взглядъ Англіи на значеніе колоній ничѣмъ не отличался отъ взгляда первой. И Англія смотрѣла на свои колоніи всецѣло, какъ на предметъ обогащенія и какъ на источникъ фискальнаго дохода. Держась совершенно въ сторонѣ отъ умственной и нравственной жизни колоній и ихъ общественныхъ распорядковъ, она все-таки считала себя вправе вмѣшиваться въ промышленную дѣятельность колонистовъ, направляя послѣднюю исключительно въ пользу метрополіи. По этому взгляду, заморская колонія—это было имѣніе, въ которомъ работаютъ крѣпостные для отсутствующаго гдѣ-то далеко помѣщика. Посѣщаютъ ли крѣпостные церковь или нѣтъ, ведутъ ли хороводы или сидятъ въ кабацѣ, этому помѣщику безразлично, лишь бы въ свое время поступалъ требуемый оброкъ. Другого взгляда на колоніи тогда, пожалуй, и не могло быть. Зачѣмъ же колонія, если не пользоваться ею, не грабить туземцевъ и переселенцевъ? Какъ уже замѣчено выше, населеніе метрополіи не было еще настолько густымъ, чтобы эмиграція явилась исходомъ въ экономическихъ затрудненіяхъ. Земли было

¹⁾ Calendar of State Papers; Colonial, December, 1665.

тогда вдоволь и въ самой Европѣ; да и отсутствіе путей сообщенія, и продолжительный и опасный переѣздъ черезъ океанъ, дѣлали тогда эмиграцію дѣломъ рискованнымъ и труднымъ, на которое могли рѣшаться лишь любители приключеній или страдавшіе отъ религіозныхъ преслѣдованій. Международная торговля находилась еще также въ раннемъ дѣтствѣ, ограничиваясь больше объѣмомъ естественныхъ продуктовъ, чѣмъ издѣліями человѣческихъ рукъ. Экономической необходимости въ заморскихъ владѣніяхъ, какъ въ мѣстахъ для излишка населенія или для вывоза фабрикатовъ, полтора-два вѣста лѣтъ тому назадъ еще поэтому не существовало, а если и существовало, то въ очень слабой степени. Зачѣмъ же интересоваться новыми колоніями и зачѣмъ добиваться ихъ, если ничего отъ нихъ не получать? И Англія, поэтому, по примѣру Испаніи, находила естественнымъ пользоваться колоніями, какъ закрѣпощенными потребителями ея продуктовъ и дешевыми производителями нужнаго ей сырья. Она, положимъ, была менѣе требовательна, чѣмъ Данія, Голландія, Франція или Испанія, отдававшія свои колоніи на съѣденіе монопольнымъ компаніямъ; она допускала колонистовъ и до непосредственныхъ торговыхъ сношеній со всѣми купцами метрополіи, а во многихъ случаяхъ и со всѣмъ міромъ; но все-таки ея вмѣшательство въ промышленную жизнь колоній и ограниченія, которыми она опутывала ее, носили характеръ грубой ачтности и обнаруживали полное пренебреженіе ея къ интересамъ своихъ же заморскихъ согражданъ. Она, на примѣръ, запрещала сооружать въ колоніяхъ сталелитейные заводы, дабы заставить колонистовъ покупать сталь въ Англіи; запрещала перевозку изъ одного штата въ другой—шляпъ, шерсти и разныхъ шерстяныхъ издѣлій, произведенныхъ въ самыхъ колоніяхъ.

Было бы совершенно непонятно, почему могли бы терпѣть эти—спрашиваетъ Адамъ Смитъ—„нарушенія самыхъ священнѣйшихъ правъ человѣчества“ такіе свободолюбивые и независимые люди, какими были старые американскіе колонисты,—еслибы мы не знали, по свидѣтельству хотя бы того же Адамъ Смита (въ его главѣ о колоніяхъ), что на самомъ дѣлѣ всѣ такіа ограниченія почти всецѣло обходились. Ихъ или открыто не исполняли, или нарушали втихомолку. Впрочемъ, пока шла борьба между колоніями и Франціей въ Сѣверной Америкѣ, первымъ было полезно держаться своей метрополіи и терпѣливо сносить всякіе обидные для нихъ торговые законы. Но вотъ борьба между Англіей и Франціей кончилась; послѣдняя была окончательно вытѣснена изъ Сѣверной Америки; англійскимъ колоніямъ

больше нечего было бояться какого-либо непріятнаго сосѣдства; Англія имѣ больше не нужна была съ своей помощью—и гнетъ ея колоніальной системы сразу же встрѣтилъ энергичный отпоръ и породилъ мысль о полной политической независимости. И извѣстно, чѣмъ дѣло кончилось. Англія, истратившаяся на войну съ Франціей въ интересахъ же своихъ американскихъ колоній, сочла справедливымъ потребовать отъ послѣднихъ нѣкоторой доли въ погашеніи сдѣланнаго государственнаго долга, и на этомъ основаніи хотѣла ввести гербовую пошлину. Но колонисты и слышать о такой пошлинѣ не хотѣли, и парламентъ долженъ былъ отмѣнить ее, не собравъ ни одного шиллинга. Англія, однако, все еще упорствовала на своемъ правѣ распоряжаться карманомъ колонистовъ, и установила пошлину на чай и другіе предметы потребленія, ввозимые въ Америку. Но время терпѣливаго отношенія къ вышательствамъ метрополій минуло навсегда. Вопросъ о независимости былъ, наконецъ, поставленъ открыто и рѣшенъ деклараціей 4-го іюля 1776 года. Этой деклараціей былъ положенъ конецъ и старой колоніальной политикѣ, или, какъ тогда ее называли, „колоніальной системѣ“ Англіи. Послѣ потери американскихъ штатовъ, Англія вступаетъ въ новый фазисъ своей колоніальной политики, въ періодъ „laisser aller“.

Само собою разумѣется, что новое направленіе не сразу наступило. Оно росло и развивалось постепенно, пока не достигло, въ срединѣ XIX вѣка, своей высшей точки, на которой оно стояло нѣкоторое время, и затѣмъ начало мало-по-малу уступать новому направленію.

III.

Потерявъ Сѣверо-Американскіе Штаты, Англія лишилась,—если не считать Индіи, тогда еще, впрочемъ, не совсѣмъ англійской,—самыхъ главныхъ своихъ заморскихъ владѣній. У нея осталась только Канада, населеніе которой считалось всего лишь въ 200 или 300 тысячъ душъ, да и тѣ сгущались главнымъ образомъ лишь въ восточныхъ двухъ провинціяхъ, Квебекѣ и Новой-Шотландіи. Австралія только-что была открыта и не имѣла никакого значенія, служа лишь мѣстомъ для ссыльныхъ. Новая-Зеландія, которая чуть ли не на 18.000 квадратныхъ миль больше самой Великобританіи, была признана колоніей лишь въ 1832 г., когда былъ назначенъ въ ней первый прави-

тельстванный резидентъ, да и тогда еще шли споры о томъ, слѣдуетъ ли ее присоединить или нѣтъ. Южная Африка еще была въ рукахъ дикихъ племенъ, и небольшая полоса у мыса Доброй-Надежды принадлежала Голландіи. О новыхъ владѣніяхъ на восточномъ берегу Африки, въ Суданѣ и пр., тогда еще и не мечтали. Множество мелкихъ островковъ и портовъ, принадлежавшихъ теперь Англіи, перешло къ ней лишь во время Наполеоновскихъ войнъ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ и теперь не имѣютъ колониальнаго значенія сами по себѣ, и важны лишь какъ стратегическіе пункты или угольные станціи для коммерческихъ судовъ. Колоній, въ тѣсномъ значеніи этого слова, у Англіи, послѣ отдѣленія штатовъ, поэтому, можно сказать, и не было, такъ что и потребности въ особенно ясной и опредѣленной колониальной политикѣ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ прошлаго и первыхъ десятилѣтіяхъ истекающаго вѣка, у Англіи тоже не могло быть. Старая колониальная система или политика, потрясенная отдѣленіемъ штатовъ, быстро разрушалась, но новой, лучшей, еще не появлялось. Это неопредѣленное положеніе, однако, особенно долго продолжаться не могло, и быстро нарождавшіяся новыя колоніи вызвали на свѣтъ и новую колониальную политику. Эти новыя колоніи своимъ процвѣтаніемъ и богатствомъ, своимъ земельнымъ просторомъ и населеніемъ, обѣщали затмить потерянные раньше. Подобно фениксу, Англія увидѣла себя, черезъ 50 лѣтъ послѣ потери штатовъ, вновь возрожденной, какъ большая колониальная держава. Но урокъ прошлаго не былъ забытъ. Ударъ, нанесенный ей 4-го іюля 1776 года, научилъ ее многому. Теперь она уже знала, что на заморскую колонію, да еще населенную своимъ братомъ-англичаниномъ, нельзя смотрѣть лишь какъ на дойную корову, какъ на имѣніе съ крѣпостными. Но если ничѣмъ не пользоваться отъ колоній, то зачѣмъ онѣ?—и Англія рѣшила, что, дѣйствительно, „игра не стоитъ свѣчъ“ и что всѣ эти колоніи—одна лишь ненужная обуза. И взглядъ этотъ особенно укрѣпился въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, когда свобода торговли сдѣлалась руководящимъ принципомъ англійской экономической политики. Благодаря этому принципу, всякія ограниченія торговли были осуждены навсегда, сами по себѣ, даже помимо соображеній политическаго и нравственнаго характера. Колоніи были предоставлены самимъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и приобрѣтеніе ихъ и владѣніе ими стало объявляться даже офиціально излишней заботой и тяжелымъ, вреднымъ дѣломъ. Лордъ Гленелгъ, бывшій министромъ колоній въ 1835—39 гг., заявилъ въ парламентъ

скомъ комитетѣ, въ 1840 г., что „распространеніе колоній Великобританіей можетъ только вызвать зависть въ другихъ державахъ. У насъ уже довольно колоній. Онѣ требуютъ большихъ расходовъ на управленіе ими и вовсе не стоятъ того, чтобы стараться объ увеличеніи ихъ числа“.

Можно было бы здѣсь привести сотни такихъ выдержекъ изъ рѣчей и статей, принадлежащихъ государственнымъ людямъ Англіи періода 30-хъ—70-хъ годовъ XIX-го вѣка. Но самый, можетъ быть, характерный примѣръ представляетъ собою лордъ (Блэчфордъ, бывшій постояннымъ товарищемъ министра колоній Permanent Under-Secretary) за время 1859—1870 годовъ. „Постоянный“ товарищъ министра въ Англіи, въ сущности, и есть главный руководитель политики соотвѣтственнаго министерства. Это — высшій чиновникъ министерства, и министръ въ парламентѣ отражаетъ лишь его взгляды, его мнѣнія, его политику. И вотъ этотъ-то чиновникъ, стоявшій во главѣ колоніальнаго управленія въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ сторонниковъ избавленія Англіи отъ колоній. Выступая противъ какихъ бы то ни было укрѣпленій связи съ ними, начинавшихъ проповѣдываться въ извѣстныхъ кругахъ въ 70-хъ годахъ, онъ писалъ, между прочимъ, въ „Nineteenth Century“, въ 1877 г., слѣдующее: „Каждая ассоціація людей должна имѣть какую-нибудь цѣль, и задача ассоціаціи состоитъ въ томъ, чтобы общими силами достигнуть этой цѣли. Люди соединяются для цѣлей удобства и удовольствій, и тогда они составляютъ клубъ; ради барыша, — составляютъ акціонерную компанію; ради избранія члена парламента, — составляютъ комитетъ; для поощренія наукъ и искусствъ, — образуютъ общество; для всеобъемлющей, наконецъ, цѣли обезпеченія порядка, благосостоянія и безопасности въ занимаемой ими территоріи — люди составляютъ государство. Но какая можетъ быть цѣль въ союзѣ съ колоніями? — очевидно, цѣлью служитъ обезпечить и содѣйствовать порядку, благосостоянію и безопасности, насколько это можетъ быть достигнуто общими средствами. Но какія общія средства и какая общая политика можетъ быть для частей имперіи, имѣющихъ скорѣе противоположные интересы, чѣмъ общіе?“

И перебравъ разные внутренніе и внѣшніе вопросы, лордъ Блэчфордъ приходитъ къ заключенію, что „раньше, чѣмъ говорить о цѣлости имперіи, нужно знать, что подразумѣвается подъ этими словами, если дѣло идетъ не объ Индіи и коронныхъ колоніяхъ, въ отношеніи которыхъ Англія дѣйствительно имѣетъ

обязанности и власть, — а о конституціонныхъ колоніяхъ, пользующихся самоуправленіемъ“.

А такъ какъ этотъ же лордъ Блэчфордъ дѣлалъ все возможное, чтобы предоставить полное самоуправленіе каждой колоніи въ отдѣльности, то можно себѣ представить, въ какомъ духѣ тогда вообще смотрѣли на колоніи. Напримѣръ, комитетъ, обсуждавшій въ 1861 г. вопросъ о военной защитѣ, рѣшилъ вывести изъ колоній англійскіе гарнизоны „не только ради сокращенія имперскихъ расходовъ, но еще ради болѣе важной цѣли развитія духа самостоятельности въ колоніальныхъ общинахъ“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это стремленіе къ „развитію самостоятельности“ колоній напоминалъ педантизмъ англійскихъ губернаторовъ. Напримѣръ, когда метрополія рѣшила отозвать гарнизонъ изъ юной колоніи Викторіи, правительство послѣдней просило оставить небольшой отрядъ солдатъ для возведенія нѣкоторыхъ укрѣпленій и для организаціи мѣстныхъ волонтеровъ; при этомъ колонія готова была платить всѣ расходы по содержанію этого отряда. Но метрополія отказала, такъ какъ, по ея мнѣнію, оставить солдатъ — значило бы только „связывать себя“ и задержать развитіе самостоятельности колоніи.

Колоніи, такимъ образомъ, одна за другой высвобождались изъ-подъ опеки метрополіи, съ которою ихъ связывало лишь естественное чувство родства, существовавшее между колонистами и старымъ отечествомъ. Англичане капской колоніи, Австраліи, Канады и Соединеннаго-Королевства сознавали, что у всѣхъ у нихъ одна кровь, одна религія, одна исторія, одинъ языкъ и одна литература. Этого считалось вполне довольнымъ, чтобы они всѣ держались воедино, въ одной имперской семьѣ. Никакихъ жертвъ никто отъ другого не требовалъ. Метрополія не вмѣшивалась въ дѣла колоній, и сами колоніи ничего не требовали ни другъ отъ друга, ни отъ метрополіи. И, вѣроятно, эта, такъ сказать, пассивная колониальная политика продолжалась бы понинѣ, еслибы жизнь въ своемъ неизмѣнномъ теченіи не выдвинула новыхъ осложненій, новыхъ требованій и вопросовъ. Мало-по-малу Англія и ея колоніи увидѣли себя окруженными новыми опасностями, и сонъ, мягкій и спокойный сонъ, навѣвавшійся всеусыпляющимъ принципомъ „laissez aller“, былъ непріятно нарушенъ, и колониальная политика Англіи, незамѣтно для себя, вступила въ новый фазисъ, развитіе котораго происходитъ въ наше время.

IV.

Какъ уже выше сказано, начало нынѣшней колоніальной политики Англіи восходитъ до конца 70-хъ годовъ. Само собою разумѣется, что историческія теченія не поддаются точному разграниченію, и у насъ періоды взяты лишь въ приближительныхъ рамкахъ. Во всякомъ случаѣ, къ тому времени, отдохнувъ послѣ франко-прусской войны, Германія и Франція стали сильно интересоваться колоніальными владѣніями. Германія, объединившись и почувствовавъ себя большой державой, рѣшила обзавестись колоніями съ исключительно коммерческой цѣлью, а Франція, помимо коммерческихъ выгодъ, увидѣла еще въ заморскихъ владѣніяхъ нѣкоторое вознагражденіе за потерю провинцій въ Европѣ и утѣшеніе для уязвленнаго національнаго чувства. Въ то же время и объединившаяся Италія, чтобы не отставать отъ другихъ, тоже начала оглядываться кругомъ, не выпадетъ ли что-либо и на ея долю. Даже маленькая Бельгія открыла, что колоніи ей чрезвычайно нужны и полезны. И сразу почти всѣ европейскія державы стали колоніальными, и европейская политика въ одинъ прекрасный день обратилась въ колоніальную. Обращеніе это произошло такъ быстро и даже внезапно, что мы по настоящій день все еще не можемъ привыкнуть къ нему, и все еще продолжаемъ думать, что Франція, это — часть земли, лежащая между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, а Германія, это — Пруссія, Баварія и другія маленькія герцогства и королевства, вошедшія въ имперію въ 1871 году.

Правда, Франція владѣла колоніями и до войны съ Германіей; но, если не считать Алжиріи, колоніи эти составляли очень небольшія территоріи, да и тѣ не имѣли почти никакого значенія. Во всякомъ случаѣ, онѣ не могли поглощать собою все вниманіе дипломатіи въ своей метрополіи.

Послѣднимъ приобрѣтеніемъ Франціи до войны съ Германіей были Обокъ и берегъ Сомали въ Африкѣ. Эти мѣста, приблизительно 8.640 кв. миль съ 30.000 населеніемъ, были заняты Франціей въ 1864 году. Съ тѣхъ поръ до 1880 года никакихъ заграничныхъ захватовъ она не совершала. Въ 1880 г., однако, начинается быстрое занятіе ею „плохо лежащихъ“ территорій. Въ 1880 г., она беретъ себѣ западный Суданъ, въ 1881 г. — Тунисъ, въ 1884 г. — часть Конго, въ 1886 г. — Коморскіе острова, въ 1893 г. — Дагомею, въ 1896 г. — Мадагаскаръ —

все въ Африкѣ и все, за небольшимъ исключеніемъ, огромнѣйшія территоріи, со многими миллионами людей. Въ Азіи она присоединяетъ Аннамъ и Тонкинъ, считающіе въ общемъ до 18 миллионовъ жителей. Въ Тихомъ океанѣ она занимаетъ разные острова, какъ Таяти, Тубуан и др.

Въ то же время и Германія не сидитъ сложа руки, и то-и-дѣло объявляетъ свой „протекторатъ“ и въ Африкѣ, и въ Азіи. Не владѣя раньше ни пядью земли за предѣлами Европы, нѣмцы вдругъ оказываются хозяевами огромныхъ пространствъ въ юго-западной и восточной Африкѣ, порта въ Азіи, острововъ въ Полинезіи. Италія—и та получила Эритрею.

Такимъ образомъ, политика, бывшая чисто-европейскою, вѣдавшая только, такъ сказать, домашніе споры, не выходявшіе за предѣлы Европы, сдѣлалась всемірною. Узелъ какого-нибудь одного международнаго вопроса соединенъ теперь, словно петля въ сѣти рыбака, со множествомъ другихъ узловъ, разбросанныхъ по всему земному шару. Какъ бы еще для большаго осложненія международной политики, и Соединенные-Штаты Сѣверной Америки вступили въ разрядъ колониальныхъ державъ, и съ 1898 года развернули свой флагъ надъ Кубой, Порто-Рико, Филиппинскими и др. островами, оставивъ свою прежнюю политику невмѣшательства въ дѣла, происходящія за предѣлами американскаго континента.

Это появленіе на всемірной сценѣ новыхъ колониальныхъ державъ, не считая даже Россіи, неминуемо должно было повліять и на колониальную политику Англіи, пошатнуть ея старыя устои и направить ее на новый путь. И въ самомъ дѣлѣ, прежняя безопасность англійскихъ колоній миновала, и чѣмъ дальше—тѣмъ рискъ захвата ихъ другими державами увеличивался, тѣмъ болѣе, что эти колоніи — наиболѣе благопріятныя для европейцевъ области, наиболѣе просторныя и свободныя для новыхъ поселенцевъ. Австралія, говорятъ, въ состояніи легко прокормить 200 миллионовъ людей; Капландія, Наталь, Родезія—мало чѣмъ уступаютъ Европѣ своимъ удобствомъ для бѣлой расы жить и множиться. Если судить по бозрамъ, прямымъ потомкамъ европейцевъ, то южная Африка способна даже производить мощную расу бѣлокожихъ. Канада прославляется всѣми, какъ самая здоровая часть Америки, и отличается плодородіемъ и минеральными богатствами. И, повидимому, послѣ захватовъ англичанъ остались лишь однѣ сухія кости, а занятія нѣмцами и французами территоріи не имѣютъ никакого значенія съ точки зрѣнія переселенческой. Во всемъ Сенегалѣ, Суданѣ (французскомъ),

Гвинеѣ и другихъ колоніяхъ Франціи, обнимающихъ территорію въ 650.000 кв. миль, считается всего нѣсколько тысячъ европейцевъ. Въ Конго, имѣющемъ 900.000 кв. миль, считалось въ январѣ 1898 г. всего 1.678 европейцевъ, да и тѣ были почти одни лишь чиновники и офицеры, т.-е. временные жители. Въ нѣмецкихъ владѣніяхъ—Тоголандѣ, Камерунѣ и въ восточной Африкѣ, занимающихъ въ общемъ около милліона квадратныхъ миль, было въ томъ же году всего около трехъ тысячъ европейцевъ. Въ Азіи же, гдѣ европейцы могли бы жить отлично, нѣтъ мѣста для поселенцевъ, и тамошнія колоніи, принадлежащія европейскимъ государствамъ, въ большинствѣ случаевъ густо населены туземцами. Такимъ образомъ, вновь приобретаемыя колоніи, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Азіи, имѣютъ лишь одно коммерческое значеніе и притомъ часто настолько ничтожное, что какая-нибудь зажиточная европейская деревня даетъ больше торговаго оборота, чѣмъ тысячи квадратныхъ миль, населенныхъ голыми африканцами. Напримѣръ, въ Тоголандѣ, занимающемъ площадь въ 33.000 кв. миль, съ населеніемъ въ $2\frac{1}{2}$ милліона людей, весь ввозъ за 1897 годъ равнялся 1.975.000 маркамъ, а вывозъ—771.000 маркамъ. Но это уже самая процвѣтающая колонія въ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Во всю юго-западную германскую Африку (322.000 кв. миль) было ввезено въ 1897 г. товаровъ меньше, чѣмъ на два съ половиной милліоновъ рублей!

Но и такого рода мало-выгодныя колоніи теперь, какъ говорится, на улицѣ не валяются. Уже въ 1885 г., на конгрессѣ въ Берлинѣ, всѣ колоніальныя державы раздѣлили между собою „черный континентъ“, и свободныхъ, никому не принадлежащихъ кусковъ даже и тамъ больше не осталось. Расхватаны также и островки въ Полинезіи. И теперь остается только одно, это—отнимать другъ у друга, или,—какъ лордъ Сольсбери выразился,—„подбирать наслѣдства умирающихъ націй“. Пока стали хватать у Испаніи и Китая, но, должно полагать, что дѣло вскорѣ дойдетъ и до Турціи, а тамъ и до другихъ европейскихъ державъ. Но тутъ-то къ выросшимъ осложненіямъ политическимъ, т.-е. къ опасности потерять давно приобретенныя земли, къ опасности потерять власть политическую, присоединяются еще и осложненія чисто экономическаго свойства. До тѣхъ поръ, пока дѣло шло о какомъ-то Камерунѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, весь оборотъ торговый не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ марокъ и гдѣ европейцы являются вновь,—присоединеніе территоріи одною какою-либо державой не влекло за собою никакого ущерба или опасности для торговыхъ интересовъ другой державы. Напротивъ, развитіе и упорядоченіе

страны, прежде закрытой для европейцев и какъ бы даже не существовавшей для нихъ, вводятъ новый рынокъ, новаго заказчика или производителя, выгоднаго для всѣхъ. Захватъ территории въ дебряхъ Африки, куда раньше не ступала нога европейца, не посягаетъ рѣшительно ни на чьи интересы и, раскрывая лежавшія втунѣ богатства, дѣлаетъ ихъ доступными для многихъ. Такой захватъ можетъ скорѣе считаться дѣломъ цивилизации, потому что во всякомъ случаѣ европейская власть гуманизируетъ внутренніе порядки, уничтожаетъ каннибальство и члѣвѣческія жертвоприношенія, ограничиваетъ или вовсе уничтожаетъ рабство и разныя другія жестокости и вводитъ правопорядокъ и безопасность путей сообщенія, не говоря уже о чисто-матеріальныхъ улучшенияхъ. Но разъ всѣ „новыя“ мѣста заняты, и державы, въ своемъ стремленіи къ расширеніямъ, начинаютъ зариться на давно извѣстные и вполне установленныя рынки, то сейчасъ же начинаются „конфликты“ и нарушенія чужихъ интересовъ; и Англія, какъ государство съ самой широкой международной торговлей, оказывается болѣе всѣхъ заинтересованною въ сохраненіи неприкосновенности именно этихъ старыхъ рынковъ, которые дѣлаются теперь предметомъ колониальныхъ возжеланій для европейскихъ государствъ, опоздавшихъ на пиръ. Конечно, еслибы европейскія державы, выступившія на колониальное поприще, усвоили себѣ принципъ свободы торговли, то тогда было бы все равно, кто бы ни владѣлъ старымъ рынкомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что къ захвату рынковъ въ полную политическую зависимость стремятся именно потому, что не признаютъ свободы торговли, и вопросъ о присоединеніи той или другой территории въ старыхъ странахъ является поэтому всегда сложнымъ политическимъ вопросомъ и вызываетъ гораздо больше опасеній за европейскій миръ, чѣмъ огромныя площади новыхъ земель въ Африкѣ.

И вотъ, подъ вліяніемъ выше отмѣченныхъ новыхъ условій, начинаютъ устанавливаться и новыя взаимныя отношенія между Англіей и ея колоніями. Раньше, однако, чѣмъ перейти къ этимъ новымъ отношеніямъ, мы позволимъ себѣ коснуться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ и тѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій, которыя, намъ кажется, должны вытекать, для будущей экономической политики европейскихъ народовъ, отъ стремленія послѣднихъ къ захватамъ старыхъ рынковъ. Намъ кажется, что уже и теперь можно видѣть, какъ этому дѣтищу протекціонизма суждено въ скоромъ будущемъ съѣсть своего родного отца. Старый совѣтъ: „клинь клиномъ вышибай“, какъ будто, находитъ себѣ подтвер-

женіе и въ отношеніи протекціонизма. Только благодаря протекціонизму, европейскія державы и ринулись на политическіе захваты старыхъ рынковъ; но въ этомъ стремленіи къ захватамъ державы наталкиваются другъ на друга, и, во избѣжаніе все-европейскихъ войнъ, онѣ вынуждаются прибѣгать къ политикѣ „open door“, къ политикѣ открытой—для всѣхъ державъ одинаково—двери. Только-что, напр., заключенный договоръ объ островѣ Самоа включаетъ въ себѣ статью о равноправности Англіи съ Германіей въ таможенномъ отношеніи. Соед.-Штаты Сѣв. Америки вынудили теперь у европейскихъ державъ такое же признаніе „open door“ и въ Китаѣ. Эта новая политика „открытыхъ дверей“, вызванная обстоятельствами послѣднихъ 15-ти — 20-ти лѣтъ, въ своемъ естественномъ развитіи наврядъ-ли можетъ остановиться только на вновь захватываемыхъ старыхъ рынкахъ, и можно бы прослѣдить ея вліяніе на, такъ-сказать, домашнюю экономическую политику протекціонистскихъ странъ.

V.

Что Англія не можетъ разстаться со своими колоніями, и что для послѣднихъ тоже очень важна связь съ великой „имперіей“,—многіе сознавали и раньше, даже въ разгаръ политики „laissez aller“. Но сознавалось это очень смутно, и необходимость этой связи объяснялась скорѣе сентиментальностью, чѣмъ настоящей, прагматической потребностью. Вотъ какъ, напр., одинъ изъ замѣчательныхъ колонистовъ Новой-Зеландіи, Дж. Робертъ Годли, въ письмѣ къ Гладстону, напечатанномъ въ собраніи его рѣчей и сочиненій, объяснялъ, въ 1849 г., свое отношеніе къ метрополи: „Я утверждаю, — писалъ онъ,—что любовь къ имперіи, настоящимъ образомъ понятая, т.-е. инстинктъ саморазвитія и расширенія, является вѣрнымъ признакомъ сильной и мужественной жизненности народа, и при условіяхъ справедливости и человѣчности такая любовь не только законна, но и въ высшей степени похвальна. Я убѣжденъ, что упадокъ этого чувства бываетъ всегда результатомъ не зрѣлой мысли или широкой филантропіи, а распушеннаго слабоумія и себялюбивой лѣни... Для меня безспорно, что, несмотря на постыдныя обстоятельства, оторвавшія отъ Англіи Америку, мы потеряли меньше въ престижъ и силѣ, упорно борясь, чѣмъ еслибы мы, какъ драблѣй тріумвиратъ, потеряли цѣлый свѣтъ, и остались бы довольны, что потеряли его. Повѣрьте, инстинктъ національной

гордости хорошъ и честенъ“... Въ Австраліи защитникомъ связи съ метрополіей въ то время, т.-е., въ срединѣ истекающаго столѣтія, былъ Робертъ Лоу (послѣ лордъ Шербрукъ), въ Канадѣ — Джозефъ Гоу и Эдуардъ Блэкъ. Эти лица, занимавшія мѣста первыхъ министровъ и вождей партій въ своихъ юныхъ отечествахъ, уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сходились въ томъ, что отношенія между метрополіей и колоніями должны стать болѣе тѣсныя и болѣе прочныя, несмотря на то, что въ то время колоніи еще не были соединены съ Англіей ни телеграфомъ, ни пароходнымъ сообщеніемъ, ни крупными финансовыми и коммерческими интересами. Но всѣ эти пожеланія были лишь выраженіями неопредѣленной мысли, лишь теоретическими разсужденіями, ничѣмъ въ сущности не вызывавшимися, такъ какъ сами колоніи были еще слишкомъ слабы, чтобы желать отпаденія отъ имперіи, — а извнѣ ничто не угрожало никакой опасностью. Мало-по-малу, однако, колоніи выросли въ большія государства. Подъ сѣнію своихъ конституцій и свободныхъ учреждений, на просторѣ огромныхъ, еще не тронутыхъ нигдѣ полей и лѣсовъ, и при помощи энергичнаго потока эмигрантовъ, Австралія, Новая-Зеландія, Южная Африка и Канада настолько развились, что во многихъ отношеніяхъ, особенно въ законодательномъ, обогнали даже и свою старую метрополію. Чтобы показать ростъ этихъ колоній и значеніе ихъ въ общей семьѣ народовъ, считаемъ не лишнимъ дать здѣсь нѣсколько цифръ.

Въ 1866 г., когда сэръ Чарльзъ Дилъкъ посѣтилъ Австралію, тамъ было всего 400 миль жел. дорогъ. Въ 1897 г. — ихъ было уже 14.633 миль. Въ Канадѣ, въ 1874 г., было 4.022 миль, а въ 1897 г. — 16.687 миль; въ Капландіи — 2.271 миль.

Нѣтъ колоніи, которая не имѣла бы сберегательныхъ кассъ. Десять лѣтъ тому назадъ, т.-е. 31-го декабря 1889 г., всего капитала въ этихъ кассахъ было 22.292.572 фунт. стерлинговъ. Въ 1894 вклады уже достигли 40.156.808 фунт., а въ 1897 г. — 44.953.583, т.-е. вдвое больше.

Однихъ дѣтей уже училось, въ 1897 году, въ школахъ Канады и Нью-Фаундленда 1.078,000 человекъ; въ Австраліи — около милліона; въ Капландіи — 120.019, не считая чернокожихъ.

Эти же колоніи пріобрѣли и въ торговомъ отношеніи большее значеніе, покупая около одной-седьмой части всего англійскаго вывоза. Въ то же время онѣ за послѣднія 50 лѣтъ сдѣлались и болѣе притязательными центрами для эмиграціи англи-

чанъ, хотя Соед.-Штаты Сѣв. Америки все еще занимаютъ первое мѣсто, какъ магнитъ для эмиграціонной волны.

Въ виду этого выросшаго значенія колоній, появился и болѣйшій интересъ къ нимъ, какъ къ разбогатѣвшимъ родственникамъ, которыхъ раньше третировали свысока. Новыя же колоніальныя стремленія европейскихъ державъ еще болѣе усилили этотъ интересъ, и съ начала 80-хъ годовъ колоніальная политика Англіи оставляетъ свое пассивное положеніе и дѣлается все больше и больше энергичною по стремленіямъ къ новому идеалу, къ „имперской федераціи“. Тутъ уже рѣчь идетъ не о метрополіи и колоніяхъ, не о покровительствѣ или снисхожденіи, съ одной стороны, и покорности или любви—съ другой, а о взаимной поддержкѣ, о союзѣ *равноправныхъ членовъ*, о федераціи, вродѣ Соед.-Штатовъ Сѣв. Америки, или государствъ объединенной Германіи. Появляются государственные люди, какъ Розбери, провозглашающіе достиженіе этого идеала „единственнымъ дѣломъ своей жизни“; нарождаются новыя общества съ цѣлю содѣйствія этому идеалу, и, наконецъ, наука, въ лицѣ одного выдающагося профессора, старается обосновать его на анализѣ историческихъ фактовъ. Наука, впрочемъ, тутъ, кажется, сыграла не столько роль толкователя извѣстнаго общественнаго явленія, сколько энергичнаго двигателя его. Объяснивъ закономерность идеала федераціи, она въ то же время явилась и призывнымъ колоколомъ къ его осуществленію. Первымъ и самымъ важнымъ въ этомъ отношеніи трудомъ была уже упомянутая выше книга кэмбриджскаго профессора исторіи, Дж. Р. Силей: „The Expansion of England“, вышедшая въ 1883 г. и выдержавшая позже множество изданій. Она содержитъ два курса лекцій, прочитанныхъ въ Кэмбриджѣ, и, кажется, никакая другая книга за послѣдніе годы такъ не повліяла на колоніальную политику Англіи, какъ эта сравнительно небольшая книга ученаго профессора, придавашаго кровь и плоть смутно волновавшему раньше англичанъ призраку. Онъ осмыслилъ историческіе факты, показалъ ихъ внутреннюю связь и выяснилъ тѣ задачи, которыя Англія должна преслѣдовать въ своей колоніальной политикѣ. Для проф. Силея не остается никакого сомнѣнія, что Англія должна удержать всѣ свои территоріальныя владѣнія; но само слово: „владѣніе“, или „колонія“, кажется ему абсурдомъ, анахронизмомъ. Англія, какъ метрополія, ничѣмъ не „владѣетъ“ и не можетъ владѣть; владѣютъ лишь англичане, которые остаются одними и тѣми же членами великаго народа, родились ли и живутъ ли они въ Соединенномъ-Королевствѣ, въ Австраліи, въ Канадѣ или даже Сѣ-

веро-Американскихъ Штатахъ. Благодаря пароходамъ, желѣзнымъ дорогамъ и телеграфу, Австралія теперь ближе къ Лондону, чѣмъ былъ какой-нибудь островъ Льюисъ на западѣ Шотландіи сто, полтора ста лѣтъ назадъ. Въ полчаса времени Лондонъ можетъ сообщаться со всѣми частями великобританской имперіи, разбросанными во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, такъ какъ, за исключеніемъ лишь двухъ-трехъ острововъ, всѣ они вошли въ общую телеграфную сѣть. Главныя причины, поэтому, раздѣлявшія когда-то однихъ англичанъ отъ другихъ,—океаны и религіозныя преслѣдованія,—исчезли, и вмѣсто нихъ новыя могущественныя вліянія, какъ промышленность и эмиграція, скорѣе содѣйствуютъ сближенію. Австралія, по мнѣнію профессора, такая же Англія, какъ Кентъ, и Торонто—такой же англійскій городъ, какъ Манчестеръ. Англія, слѣдовательно, не колониальная держава (если не считать вестъ-индскихъ плантацій и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ территорій), а просто большое однородное государство, коренныя части котораго отдѣлены другъ отъ друга океанами. Вопросъ же о томъ, что лучше для государства, для его развитія, устойчивости и прочности—маленькая территорія или большая, кажется профессору совершенно неумѣстнымъ по отношенію къ Англіи. Нужно, по его мнѣнію, различать маленькія государства, окруженныя такими же маленькими, какими Аѣины и Флоренція были во дни своей свѣтлой эпохи, отъ маленькихъ государствъ, лежащихъ между большими, каковыми были тѣ же Аѣины во времена Македоніи, и Флоренція во время Карла V. Поэтому для Англіи, оказывающейся среди двухъ огромнѣйшихъ, все болѣе и болѣе расширяющихся государствъ, какъ Россія и Соед.-Штаты Сѣв. Америки, ничего больше не остается, какъ укрѣпить свою связь съ другими частями имперіи, дабы противостоятъ опасному для ея національной жизни натиску. И если колониальная политика XVII-го и XVIII-го вѣковъ оказывалась ложной, смотря на колоніи какъ на „владѣнія“, какъ на какую-то личную собственность, то, съ другой стороны, не менѣе ложна и опасна смѣнившая ее политика, относившаяся къ колоніямъ не только съ полнымъ равнодушіемъ, но подчасъ и съ досадою за ихъ связь съ метрополіей; единственно поэтому вѣрной будетъ та точка зрѣнія, съ которой колоніи разсматриваются какъ такая же Англія, а все государство, вмѣстѣ взятое—какъ союзъ равноправныхъ республикъ. Величіе Англіи, ея заслуга передъ человѣчествомъ—именно въ томъ, что она вырабатываетъ все высшіе и высшіе типы великаго государства, въ которомъ

свобода и независимость не только отдѣльныхъ личностей, но и отдѣльныхъ частей его дѣлаются краеугольными камнями.

Само собою разумѣется, что въ этотъ союзъ наврядъ-ли можетъ войти Индія, какъ равноправный членъ. Учрежденія, населеніе и все міросозерцаніе и бытъ обитателей Индостана совершенно чужды духу Англіи и ея самоуправляющихся колоній. Конечно, самое лучшее было бы для Англіи, для ея національнаго характера и безопасности, вовсе оставить этотъ полуостровъ въ Азін, который она, все равно, раньше или позже должна будетъ оставить; профессоръ, однако, думаетъ иначе. Онъ ничуть не ослѣпленъ національнымъ самообольщеніемъ и хорошо понимаетъ шаткость и непрочность англійской власти въ Индіи, но не считаетъ связь съ послѣдней опасностью для Англіи. „Мы надѣемся,—говоритъ онъ,—что владѣніе Индіей дастъ хорошіе результаты, хотя пока оно принесло намъ мало хорошаго. Я показывалъ вамъ, что хотя Индія можетъ называться восточной имперіей, она все-таки не такъ опасна для насъ, какъ можетъ казаться по этому имени. Это не имперія, привязанная къ Англіи въ томъ смыслѣ, какъ римская имперія—къ Риму. Она не потянетъ насъ внизъ, не заразитъ насъ восточными взглядами и восточными системами правленія. Она намъ также ничего не стоитъ и ничѣмъ не стѣсняетъ нашихъ финансовъ. Она содержитъ сама себя, и мы ее держимъ на почтительномъ отъ насъ разстояніи, такъ что наша судьба мало чѣмъ сплетена съ ея собственной“.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу: что выигрываетъ сама Индія отъ владычества Англіи? — профессоръ Силей говоритъ: „Объ этомъ вопросѣ я старался говорить очень осторожно. Съ нѣкоторой смѣлостью я могъ только указать на то, что никогда на земномъ шарѣ не было испробовано нѣчто болѣе крупное, и что послѣдствія англійской власти въ Индіи можно будетъ сравнить съ вліяніемъ римской имперіи на европейскіе народы. Это, безъ сомнѣнія, значитъ, что огромное благо будетъ принесено Индіи, но это еще не значитъ, что ей не будетъ нанесено и много вреда. Если вы меня спросите, не окажемъ ли мы ей величайшей услуги, введя ее въ русло европейской цивилизаціи, то я могъ бы только сказать: „пожалуй, надѣюсь“. Академически изучая эти широкіе вопросы, мы должны остерегаться нашего оптимизма, встрѣчаемаго въ газетахъ. Наша западная цивилизація, быть можетъ, уже вовсе не такая абсолютно-прекрасная вещь, какъ мы ее воображаемъ себѣ. Наиболѣе безпристрастные наблюдатели видятъ, что въ Индіи происходитъ огромный переворотъ, производящій иногда на нихъ тяжелое впечатлѣніе. Они видятъ, какъ

многое разрушается, дурное и хорошее вмѣстѣ. Часто ихъ беретъ сомнѣніе, дѣйствительно ли много хорошаго вносится въ жизнь. Но они всѣ свидѣтельствуютъ объ одномъ безмѣрномъ улучшеніи, которое, надѣмся, заключаетъ въ себѣ зародыши другихъ улучшеній; они видятъ, что анархія и хищенія уничтожены, и нѣчто вродѣ „*impena majestas Romanae pacis*“ водворено среди 250 милліоновъ человѣческихъ существъ... Переворотъ, производимый нами въ Индіи, можетъ возбуждать въ насъ нѣкоторыя сомнѣнія, и хотя мы можемъ пожалѣть, что начали, но ничто не можетъ убѣдить насъ, что мы должны все бросить въ срединѣ“.

Мы нарочно привели эти длинныя выдержки, какъ образчикъ спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія вопроса. Неудивительно поэтому, что академическія разсужденія профессора нашли себѣ горячій откликъ во всевозможныхъ сферахъ общества.

Наиболѣе энергичнымъ проповѣдникомъ идеи федераціи выступила организація, спеціально основанная для проведенія въ жизнь этой именно идеи. Организація была основана въ 1884 году и называлась: „*Imperial Federation League*“, — лигой имперской федераціи. Многіе изъ первоклассныхъ государственныхъ людей Англіи примкнули къ ней, и ея отдѣленія въ колоніяхъ считали среди своихъ членовъ первыхъ министровъ и разныхъ другихъ мѣстныхъ выдающихся политическихъ дѣятелей. Исторія этой лиги, закончившей свое существованіе въ 1893 г., очень интересна, такъ какъ она указываетъ на тѣ шаги, которые уже сдѣланы къ осуществленію имперской федераціи, и на тѣ подводные камни, на которые наткнулись федеративныя стремленія. Вотъ главные факты изъ дѣятельности этой лиги.

VI.

Въ настоящее время связь самоуправляющихся англійскихъ колоній съ метрополіей — чисто номинальная. Профессоръ Брайсъ обыкновенно ихъ называетъ: „наши демократическія республики“. И дѣйствительно, одиннадцать главныхъ колоній, населенныя, кромѣ южно-африканскихъ, почти одними представителями бѣлой расы и главнымъ образомъ англичанами, представляютъ собою вполне самостоятельныя государства. Формально они ограничены лишь въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами; на дѣлѣ, однако, — какъ это показываютъ переговоры Канады съ Америкой и Капландіи съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, —

они завязываютъ и непосредственныя сношенія съ своими сосѣдами. Что же касается до внутреннихъ порядковъ, то въ этомъ отношеніи независимость ихъ не знаетъ никакихъ ограниченій, и каковой-нибудь Кинслэндъ или Новый-Южный-Валлисъ такъ же самостоятельны, какъ и Трансвааль. У нихъ есть свои монетные дворы, свое войско, свои законодательныя собранія и свои отвѣтственныя министерства. Вся ихъ связь съ метрополіей держится на должности губернатора, назначаемого королевой и играющаго роль президента республики. Затѣмъ ихъ политическая общность съ Англіей сказывается еще въ томъ, что колоніи предоставляютъ право голоса на парламентскихъ и иныхъ выборахъ гражданамъ метрополіи, прожившимъ въ соотвѣтственной колоніи опредѣленный срокъ, и не требуютъ отъ нихъ принятія подданства; также и метрополіи третируетъ, въ гражданскомъ отношеніи, колонистовъ какъ своихъ подданныхъ. Говорить о какомъ-нибудь верховенствѣ метрополіи надъ колоніями тутъ совершенно нельзя. Скорѣе можно сказать, что колоніи, особенно нѣкоторые изъ нихъ, правятъ метрополіей. Канада, напримѣръ, какъ избалованный ребенокъ, заставляетъ свою метрополію дѣлать то, чего послѣдняя по собственной волѣ никогда бы не дѣлала. Достаточно указать хотя бы на знаменитый отказъ Англіи отъ подписаннаго ею трактата съ Америкой о рыбныхъ ловляхъ, по требованію Канады. Послѣдняя нашла для себя договоръ невыгоднымъ, и Англія вынуждена была просто отказаться отъ своей подписи: не силой же было заставить Канаду слушаться! И вотъ, для сохраненія этой номинальной связи съ колоніями, Англія беретъ на себя защиту и охрану ихъ отъ внѣшняго нападенія, а колоніи, съ своей стороны, ради этой защиты, подвергаются зато риску отъ каждой войны, въ которую Англія можетъ впутаться, но на которую колоніи никогда не уполномочивали ее.

Такое положеніе вещей кажется особенно ненормальнымъ теперь, когда главныя европейскія державы пустились въ колониальную политику и возможность европейскихъ столкновеній значительно увеличилась. Вотъ лига имперской федераціи и поставила именно своей цѣлью подыскать какую-либо другую, болѣе прочную и болѣе оформленную связь между метрополіей и колоніями.

Въ первые годы своего существованія лига развернула очень энергичную дѣятельность и оказала довольно большое вліяніе на дальнѣйшія судьбы колониальной политики въ Англіи. Своими лекціями и изданіями, совѣщаніями и резолюціями она сумѣла создать интересъ къ вопросамъ этой политики, къ которой до

сихъ поръ относились вообще равнодушно. Издававшійся лигой журналъ „Imperial Federation“ накоплялъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, въ своихъ томахъ очень много цѣннаго матеріала, отмѣчая все, что имѣло отношеніе къ задачамъ лиги. Въ 1887 г., благодаря хлопотамъ дѣятелей лиги, былъ сдѣланъ англійскимъ правительствомъ крупный шагъ къ федераціи. Тогдашній министръ колоній, Эдуардъ Стэнгопъ, энергичный дѣятель лиги, рѣшилъ пригласить колониальныя правительства на конференцію въ Лондонѣ. Колоніи приняли приглашеніе, и конференція изъ официальныхъ представителей ихъ состоялась въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ того же года. Это была первая въ исторіи Англійской конференція по колониальнымъ дѣламъ. Она продолжалась около шести недѣль, и делегаты касались всѣхъ такъ-называемыхъ имперскихъ вопросовъ. Главная же работа ея состояла въ обсужденіи способовъ военной защиты тѣхъ громаднхъ территорій и богатствъ, которыя принадлежатъ имперіи. Нельзя, однако, сказать, чтобы конференція оказалась очень богатой результатами. Единственнымъ опредѣленнымъ результатомъ ея слѣдуетъ считать лишь соглашеніе, заключенное между метрополіей и австралійскими колоніями о содержаніи флота у береговъ Австраліи. Колоніи этой части свѣта обязались срокомъ на десять лѣтъ принимать участіе въ расходахъ на содержаніе специальной эскадры. Такимъ образомъ, роль Англійской по отношенію къ Австраліи опредѣлилась чѣмъ-то вродѣ наемной стражи. Канада же и Южная Африка предпочли ничего не платить.

Но каковы бы ни были формальные результаты, тотъ фактъ, что официальные представители всѣхъ самоуправляющихся и нѣкоторыхъ другихъ колоній собрались вмѣстѣ въ Лондонѣ для обсужденія дѣлъ, касающихся всей имперіи, уже имѣлъ огромное политическое и національное значеніе самъ по себѣ, и лордъ Сольсбери, привѣтствуя делегатовъ, не безъ основанія сказалъ, что „это собраніе есть начало новаго порядка вещей; оно явится родоначальникомъ длиннаго ряда потомковъ, и отдаленные имперскіе совѣты когда-нибудь, въ далекомъ будущемъ, будутъ смотрѣть на совѣщаніе въ этой комнатѣ, какъ на корень, отъ котораго возшли все величіе и весь расцвѣтъ этихъ будущихъ имперскихъ совѣтовъ“.

Дальнѣйшіе „потомки“ этой конференціи, однако, заставляютъ себя еще ждать. Другой официальной конференціи въ Лондонѣ еще не было, хотя неофициальная, какъ мы увидимъ сейчасъ, состоялась спустя десять лѣтъ. Въ 1891 г. лига имперской федераціи опять стала хлопотать передъ правительствомъ

о созывѣ новой колониальной конференціи; но лордъ Сольсбери отнесся очень холодно къ ходатайству лиги. Принявъ отъ нея депутацію, онъ сказалъ: „Что толку въ созывѣ делегатовъ, если мы не можемъ предложить имъ никакого опредѣленнаго плана“. Этими словами лордъ Сольсбери коснулся самаго больного пункта лиги и федеративнаго движенія вообще. До тѣхъ поръ, пока дѣло шло лишь объ абстрактныхъ разсужденіяхъ и патріотическихъ чувствахъ, лига встрѣчала всюду единодушіе и согласіе. Мысль о федераціи пустила уже глубокіе корни, и теперь немного людей въ Англіи, которые бы не понимали важности для нея удержанія колоній и сближенія съ ними. Но какъ, въ чемъ должно состоять это сближеніе? Вотъ въ отвѣтахъ на эти вопросы обнаружилась такая противоположность взглядовъ, такая неопредѣленность мыслей, что всякая попытка начертать планъ, который заслужилъ бы всеобщее одобреніе, кажется совершенно напрасной и невозможной. Какъ государственный человѣкъ, призванный имѣть въ виду лишь потребности и возможности практической жизни, а не витать въ туманѣ, лордъ Сольсбери и попросилъ опредѣленнаго плана, хорошо, конечно, зная, что такого плана пока нѣтъ. Лига, однако, не смутилась. Планъ — такъ планъ! — рѣшила она и взялась за составленіе проекта, который бы могъ служить основаніемъ для занятій конференціи. Этотъ проектъ, послѣ продолжительныхъ переписокъ и совѣщаній между разными дѣятелями лиги, какъ въ колоніяхъ, такъ и въ метрополіи, былъ, наконецъ, выработанъ. Это была лишь общая схема, дипломатически обошедшая всѣ спорные и щекотливые вопросы, которые неминуемо должны возникнуть при попыткѣ практическаго осуществленія идеи федераціи. Какъ бы тамъ ни было, вооружившись этимъ проектомъ, лига опять обратилась къ правительству съ просьбой о созывѣ официальной конференціи. Въ это время (это было въ 1893 году) во главѣ правительства стоялъ уже Гладстонъ, который и принялъ депутацію лиги. Но и Гладстонъ оказался такъ же мало сговорчивымъ, какъ и Сольсбери. Принявъ депутацію, онъ раньше всего сообщилъ ей, что считаетъ своимъ долгомъ предупредить членовъ лиги, что ни онъ, ни его „политическіе друзья“ никогда не согласятся упрочить связь между метрополіей и колоніями оказаніемъ для послѣднихъ какихъ-либо таможенныхъ преимуществъ, которыми бы не пользовались и другія государства. Что же касается до „единства военной обороны“, то онъ думаетъ, что достиженіе этого было бы дѣломъ чрезвычайной важности, хотя и очень трудно исполнимымъ; но все-таки созвать конференцію отказался, такъ какъ

общество теперь „занято болѣе важными и болѣе настоящими и близкими вопросами, и наврядъ-ли есть основаніе полагать, что можно сдѣлать что-либо сейчасъ“.

Отказъ Гладстона какъ бы лишилъ лигу главнаго смысла ея существованія. Поставивъ своей ближайшей задачей устройство имперскихъ конференцій, лига теперь увидѣла, что въ данное время это недостижимо. Въ то же время она успѣла убѣдиться, что хотя мысль о федераціи созрѣла, но осуществленіе ея вызываетъ почти непреодолимые затрудненія. Одни представляютъ себѣ федерацію въ видѣ таможеннаго союза, и этимъ возстановляютъ противъ нея сторонниковъ свободы торговли; другіе, наоборотъ, считают федерацію возможной лишь при введеніи всѣми колоніями свободы торговли, что вызываетъ оппозицію протекціонистскихъ колоній; третьи, какъ сэръ Чарльзъ Дилкъ, напримѣръ, находятъ лишь важнымъ общее содержаніе морской силы имперіи,—но это значитъ требовать отъ колоній денегъ, на что не всѣ колоніи согласны. Есть такіе, которые понимаютъ федерацію въ узкомъ смыслѣ принятія одинаковыхъ торговыхъ, семейныхъ и иныхъ законовъ. И такъ далѣе. При такомъ положеніи вопроса, лига пришла къ заключенію, что дальнѣйшее ея существованіе бесполезно, и въ декабрѣ 1893 года она самоотверженно сама себя закрыла, распавшись на другія организаціи, имѣющія въ виду лишь ту или другую опредѣленную федеративную задачу—торговую, военную, законодательную и т. под.

Закрытіе лиги, имѣвшей во главѣ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и обладавшей большими средствами, несомнѣнно показало, что искусственнымъ образомъ связывать разнородные интересы нельзя, и что если между колоніями и метрополіей есть какая-либо внутренняя связь, то сама жизнь должна постепенно вырабатывать тѣ формы, въ которыя раньше или позже выльется федеративная имперія. И съ 1893 г. мы дѣйствительно видимъ, какъ составныя части британской имперіи все болѣе и болѣе сближаются какъ-то сами собою, захватывая въ сферу свою даже давно отпавшихъ братьевъ Сѣверной Америки.

VII.

Итакъ, лига не могла добиться созыва Англіею второй официальной имперской конференціи. Не прошло, однако, и полугода послѣ закрытія ея, какъ безъ всякихъ частныхъ усилій и вслѣдствіе одной лишь жизненной потребности такая конфе-

ренція состоялась, но не въ Лондонѣ, не по почину метрополіи, а въ одномъ изъ колоніальныхъ городовъ и по приглашенію колоніи, а именно Канады. Эта быстро растущая колонія, на долю которой выпало состязаніе съ такимъ колоссомъ, какъ Соединенные-Штаты Сѣверной Америки, болѣе чѣмъ всякая другая часть британской имперіи, связана многочисленными интересами съ другими частями свѣта. Она ведетъ прямую торговлю съ Соединенными-Штатами, съ Австраліей, Азіей и Европой. Ея торговый флотъ, считающійся четвертымъ въ мірѣ, заглядываетъ почти во всѣ порты Сѣверной и Южной Америки и посѣщаетъ всѣ берега. У нея первой поэтому должны были назрѣть такіе обще-имперскіе, чисто, впрочемъ, промышленно-торговые вопросы, для разрѣшенія которыхъ требуется участіе другихъ колоній. Такъ, напр., вопросъ о телеграфномъ кабелѣ отъ западнаго берега Канады до Австраліи, о торговыхъ договорахъ, содержаніи почтовыхъ пароходовъ и пр.—все это касается не одной лишь Канады, а между тѣмъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ для нея очень важное значеніе. Вотъ почему она и пригласила на конференцію всѣ австралійскія колоніи, Новую-Зеландію, Тасманію, Нью-Фаундлендъ, Капландію и Наталь. Приглашеніе было принято всѣми, и конференція, при участіи делегата отъ метрополіи, лорда Джерси, состоялась лѣтомъ 1894 г. въ Оттавѣ. Главныя резолюціи, единодушно принятія делегатами, сводятся къ тому, чтобы колоніи свободно заключали между собою торговые договоры безъ посредничества имперскаго правительства, но съ соблюденіемъ его интересовъ, чтобы, во-вторыхъ, телеграфная линія была проложена на общій счетъ Канады, Австраліи и метрополіи, и, въ-третьихъ, чтобы установить прямой почтовый путь изъ Англіи въ Австралію черезъ Канаду.

Отчетъ лорда Джерси объ этой конференціи полонъ восторженныхъ отзывомъ о тѣхъ имперскихъ чувствахъ, какими были воодушевлены делегаты разныхъ колоній. И дѣйствительно, читая его отчетъ, составляющій около 380 страницъ in folio и изданный въ числѣ „Синихъ книгъ“ за 1894 годъ, мы встрѣчаемъ въ немъ очень яркія выраженія лояльности со стороны колоніальныхъ делегатовъ. Напр., бывшій тогда премьеромъ канадской федераціи, сэръ Джонъ Томсонъ, привѣтствуя собравшуюся конференцію, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Послѣ долгихъ лѣтъ самоуправленія и достигнувъ прогресса и развитія, какихъ ни одна колонія другой какой-либо имперіи не видала въ прошломъ, делегаты собрались сюда не съ цѣлью осужденія вопроса, какъ отдѣлиться отъ стараго отечества, а чтобы вновь

укрѣпить союзъ другъ съ другомъ и со старымъ отечествомъ, тотъ союзъ, который ни разу еще не былъ ни нарушенъ, ни помянутъ“.

Когда зашелъ вопросъ о предоставленіи колоніямъ права заключать непосредственно торговые договоры не только между собою, но и съ иностранными государствами, большинство делегатовъ сильно запротестовало даже противъ постановки этого вопроса. Представитель Новаго - Южнаго - Валлиса сказалъ по этому поводу: „Несомнѣнно, въ австралійскихъ колоніяхъ найдутся руководящіе политики, которые потребуютъ такого права; но я не думаю, чтобы большинство нашихъ общественныхъ дѣятелей согласилось на то, такъ какъ мы всѣ сознаемъ, что до тѣхъ поръ, пока принадлежимъ Великобританіи, мы должны вести переговоры съ иностранными державами черезъ такую уполномоченную власть, какъ правительство отечества (Home Government)“.

Еще болѣе сильно высказался по этому поводу министръ финансовъ канадской федераціи. „Я того мнѣнія,—сказалъ онъ,—что пока существуютъ колониальныя отношенія и пока мы составляемъ часть имперіи, право заключать договоры самостоятельно — неблагоразумно и невозможно. Я считаю, что такое право нанесло бы смертельный ударъ союзу. Вмѣстѣ съ народомъ Канады и съ парламентомъ канадскимъ, я всецѣло раздѣляю убѣжденіе (ораторъ употребилъ слово „sentiment“), что, будучи частью одной страны и находясь подъ однимъ имперскимъ правительствомъ, мы должны предоставить имперской власти вести переговоры о торговыхъ трактатахъ, въ то время какъ мы сохраняемъ за собою всю ту свободу, которая намъ необходима, и все то участіе, котораго мы можемъ желать“.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что колоніи въ сущности ничѣмъ не жертвуютъ, предоставляя метрополіи заключать за нихъ торговые договоры. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1880 года, во всѣхъ торговыхъ трактатахъ Англіи включается такъ-называемая колониальная статья, оговаривающая, что условія касаются лишь тѣхъ тѣхъ колоній, въ которыхъ они законны, и совершенно не относятся до Индіи, Канады, Нью-Фаундленда, Австраліи, Капландіи и Наталя, хотя каждая изъ нихъ можетъ быть включена, если сама того пожелаетъ.

Вообще, вникая поглубже въ отчетъ аттавской конференціи, невольно приходишь къ заключенію, что всѣ эти имперскія чувства и лояльность объясняются главнымъ образомъ выгодностью и удобствомъ для колоній считаться частью британской имперіи.

Возьмемъ хотя бы тѣ же торговые трактаты: какъ извѣстно, Англія, какъ фрѣдредерскія страна, пользуется такъ-называемымъ пунктомъ наиболѣе благопріятствуемой державы, которой всегда предоставляется максимумъ льготъ и преимуществъ, и конечно англійскія колоніи, какъ части Англіи, пользуются многими изъ тѣхъ же льготъ. Если же онѣ стали бы заключать договоры самостоятельно, то были бы лишены и многихъ льготъ.

Возьмемъ устройство телеграфной линіи между Канадой и Австраліей. На конференціи делегаты колоній, особенно австралійцы, очень много распространялись о важности такого телеграфнаго кабеля съ военной точки зрѣнія, для охраны цѣлости имперіи. На самомъ дѣлѣ, однако, имперія сюда приплетена была лишь для красоты слога, такъ какъ коммерческіе интересы метрополіи рѣшительно не нуждаются въ такой линіи и выиграютъ очень немного, во всякомъ случаѣ не больше Сѣверныхъ-Штатовъ Америки и другихъ государствъ, если она и будетъ проведена, въ то время какъ для Австраліи и Канады такая линія имѣетъ первостепенное значеніе. Между тѣмъ тратиться всецѣло на нее ни та, ни другая колонія не хочетъ, и, ссылаясь на имперскіе интересы и на потребности военной охраны, онѣ очень ловко увлекаютъ метрополію въ общіе расходы. Само собою разумѣется, что метрополія тоже видитъ насквозь своихъ лойяльныхъ „дѣтокъ“ и далеко не торопится расходами. Вотъ, между прочимъ, почему вопросъ о прокладкѣ кабеля еще до сихъ поръ окончательно не рѣшенъ, но, нужно полагать, будетъ рѣшенъ въ ближайшей сессіи парламента, подъ вліяніемъ новѣйшихъ уже событій.

Было бы, однако, несправедливо думать, что колоніи лѣзутъ къ метрополіи исключительно изъ-за однихъ лишь эгоистичныхъ, промышленныхъ и военныхъ интересовъ. Безспорно, что многихъ колонистовъ, даже большинство ихъ, увлекаетъ и величіе, грандіозность идеи о федеративной имперіи. Лучшіе англійскіе поэты послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, какъ Теннисонъ, Свинбернъ, Киплингъ, Коннанъ-Дойль и другіе, которыхъ, конечно, никто не заподозритъ въ какихъ-нибудь „интересахъ“—самые преданные имперіалисты. Самъ идеалъ великаго народа, сѣющаго всюду, гдѣ только развивается его флагъ, свободу и справедливыя гражданскія отношенія, идеалъ братства для десятковъ государствъ, разсѣянныхъ по всему міру,—самъ этотъ идеалъ настолько красивъ и полонъ такого очарованія, что вовсе не нуждается въ выгодахъ таможеннаго союза. Но само собою разумѣется, что реальныя торговые и политическіе интересы еще

болѣе укрѣпляютъ этотъ идеализмъ и служатъ тѣми чрезвычайно важными мотивами федераціи, которые ощутительны и понятны для всякаго.

Видимымъ и очень внушительнымъ выраженіемъ этого федеративнаго движенія послужилъ въ 1897 г. съѣздъ колониальныхъ представителей на юбилей королевы Викторіи и участіе всѣхъ колониальныхъ премьеровъ въ торжественномъ поѣздѣ, совершившемъ кругъ изъ Букингемскаго дворца и обратно черезъ Сити. Съѣздомъ гостей воспользовался Чемберленъ, министръ колоній, и устроилъ третью по счету конференцію изъ первыхъ министровъ автономныхъ колоній. Это были неформальныя совѣщанія, собиравшіяся частнымъ образомъ, и скорѣе могутъ быть названы, простымъ товарищескимъ обмѣномъ мыслей, чѣмъ громкимъ именемъ „конференціи“. Но все-таки и на этотъ разъ были приняты кое-какія резолюціи, характерныя какъ для общаго настроенія колоній и метрополіи, такъ и для того пути, по какому направлено федеративное движеніе.

На конференціи затрогивались многіе вопросы, какъ между-колониальные, такъ и общіе для колоній и метрополіи, но первое мѣсто среди нихъ занимали вопросы торговые. По этимъ послѣднимъ были приняты слѣдующіе два пункта: во-первыхъ, Англія должна отказаться отъ всякихъ договоровъ, мѣшающихъ свободнымъ отношеніямъ между нею и ея колоніями, и, во-вторыхъ, присутствующіе премьеръ-министры общаются, по возвращеніи на родину, обсудить, совместно съ своими коллегами, возможно ли будетъ предоставить метрополіи какія-либо исключительныя таможенныя привилегіи. По поводу перваго пункта нужно сказать, что всего существовали два торговыхъ договора, мѣшавшіе колоніямъ установить исключительные тарифы для Англіи,—это были договоры съ Германіей и Бельгіей, заключенные въ 1861 году. И теперь эти договоры, съ 30-го іюля 1898 года, уничтожены, такъ что никакихъ преградъ для имперскихъ отношеній съ этой стороны больше не существуетъ. И Канада, воспользовавшись отмѣной этихъ договоровъ, сейчасъ же сбавила 25% съ тарифныхъ ставокъ для продуктовъ, ввозимыхъ изъ Англіи.

Изъ политическихъ резолюцій слѣдуетъ отмѣтить ту, которая выражала желаніе: вездѣ, гдѣ только возможно, группировать въ федеративные союзы колоніи, уже соединенныя географически. Канада, какъ извѣстно, образовала федерацію еще въ 1867 г. Теперь вышеприведенная резолюція осуществляется въ Австраліи и, можно надѣяться, вскорѣ осуществится въ южной Африкѣ.

Была принята также резолюція съ нежеланіемъ, чтобы періодическія конференціи изъ представителей колоній и метрополіи сдѣлались обычнымъ явленіемъ.

Очень характернымъ для цивилизующаго и гуманитарнаго вліянія англійской власти слѣдуетъ считать переговоры по поводу ограниченія правъ эмигрантовъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя колоніи Австраліи и Наталь перестали допускать въ свои владѣнія людей желтой и черной расы, какъ китайцевъ, индусовъ, малайцевъ, негровъ и пр. Англія противъ этого протестовала, но безуспѣшно, и теперь на конференціи Чемберленъ опять затронулъ этотъ вопросъ, и въ своемъ сообщеніи парламенту онъ высказалъ слѣдующее: „Хотя опредѣленнаго соглашенія не достигнуто, потому что премьеры ничего не могли рѣшить безъ своихъ товарищей и парламентовъ, правительство ея величества имѣетъ все-таки полное право ожидать, что естественное желаніе колоній оградить себя отъ слишкомъ большого наплыва азіатцевъ можетъ быть достигнуто безъ того, чтобы кто-либо изъ подданныхъ ея величества пострадалъ по одной лишь причинѣ, что онъ другой расы или другого цвѣта кожи“.

И дѣйствительно, Наталь и другія колоніи вскорѣ значительно облегчили въѣздъ „азиатцамъ“, какъ официально называются въ колоніяхъ Англіи китайцы, индусы и другіе уроженцы Азіи.

Помимо этихъ имперскихъ конференцій, подъ вліяніемъ федеративныхъ стремленій, совершены въ послѣдніе годы и нѣкоторыя, пока еще очень мелкія, реформы въ судебномъ и почтовомъ отношеніяхъ, и именно: судебный комитетъ тайнаго совѣта (the Judicial Committee of the Privy Council); эта высшая апелляціонная инстанція для всей имперіи, составляющая въ Англіи почти то же самое, что высшій судъ въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки, — состояла до 1896 г. изъ однихъ англійскихъ судей; теперь же въ него стали влючать и наиболѣе заслуженныхъ колониальныхъ судей, которымъ жалуются званіе „Privy Councillor“. Что же касается до почты, то съ января 1899 г. многія колоніи согласились на оплату писемъ, пересылаемыхъ въ метрополію и получаемыхъ оттуда, по тому же тарифу, какой существуетъ въ Англіи для внутренней корреспонденціи.

Такимъ образомъ, федеративныя стремленія начинаютъ осуществляться въ жизни безъ какихъ бы то ни было конституціонныхъ ломовъ, безъ писанныхъ широкихъ реформъ, а тѣмъ же путемъ, какимъ выросла и конституція Англіи, шагъ за шагомъ,

не отступая назадъ, а подвигаясь все дальше и дальше на встрѣчу потребностямъ времени. Особенно ярко сказалась нарождающаяся имперская солидарность въ дѣлѣ общей защиты. Уже во время суданскаго похода, Канада и Новый-Южный-Валлисъ предлагали на помощь Англіи свои отряды, но этотъ примѣръ еще ничто въ сравненіи съ тою готовностью, съ какой откликнулись колоніи въ настоящій кризисъ, и съ тѣмъ энтузіазмомъ, съ какимъ рѣшительно всѣ колоніи посылаютъ свои контингенты на войну съ боэрами. Въ этомъ отношеніи очень замѣчательны и характерны рѣчи премьеровъ Новой-Зеландіи и Канады. Говоря, въ концѣ декабря, въ Веллингтонѣ, премьеръ Новой-Зеландіи, мистеръ Сэддонъ, сказалъ: „Въ интересахъ имперіи намъ теперь нужны войны. Съ боэрами мы воюемъ только номинально, такъ какъ на дѣлѣ имъ помогаютъ и ихъ поддерживаютъ тѣ, которые заведуютъ росту британской націи и которые рады нашимъ неудачамъ. Эти неудачи только временныя, и за ними послѣдуютъ обычные успѣхи нашего оружія. Новая-Зеландія уже послала отрядъ; другой оставитъ наши берега около 15-го января, и еще большій готовится къ отправкѣ. Ново-зеландскій народъ полонъ рѣшимости поддерживать престижъ британской имперіи во что бы то ни стало. Капиталы собираются по добровольной подпискѣ на покрытіе расходовъ, чтобы отправить больше людей. Хотя Новая-Зеландія радикальна и демократична, а нѣкоторыми считается социалистической, она, тѣмъ не менѣе, никому не уступитъ въ силѣ и глубинѣ своего имперскаго патріотизма“.

Премьеръ Канады, сэръ Вилфридъ Лорье—по происхожденію французъ и самый популярный человѣкъ среди французскаго населенія Квебека; но и онъ оказывается полнымъ привязанности къ Англіи. Говоря, 12-го текущаго января, въ Шербрукѣ, и коснувшись участія, которое Канада принимаетъ въ войнѣ съ Трансваалемъ, онъ сказалъ слѣдующее: „Отправка канадскихъ волонтеровъ на войну сдѣлана по единодушному желанію всего населенія. Канада въ этомъ отношеніи дѣйствовала совершенно добровольно, и никакая сила въ мірѣ не могла бы заставить ее дѣлать это, еслибы она сама того не захотѣла. Великобританія со всѣмъ своимъ могуществомъ не имѣла права требовать отъ страны ни одного человѣка, ни одного цента; но правительство считало необходимымъ дѣйствовать соотвѣтственно явно-выраженному желанію народа. Англія достаточно сильна, чтобы могла сама вести свои войны; но Канада захотѣла показать міру зрѣлище, небывалое въ исторіи, зрѣлище того, какъ колонія стоитъ за свою метрополію. Я прошу канадскихъ французовъ дѣлать

по чувству долга то, что канадскіе англичане дѣлають съ энтузіазмомъ. Еслибы трансваальское правительство даровало поселенцамъ ту религіозную и политическую свободу, которую даетъ Канада всѣмъ эмигрантамъ, то этой войны никогда бы и не было“.

Такія имперскія федераціи—не могутъ быть дѣломъ конституціи. Ни одинъ писанный договоръ не могъ бы придать столько прочности союзу, сколько одно такое добровольное и широкое участіе людьми и деньгами въ войнѣ метрополіи съ иностраннымъ государствомъ.

VIII.

Формальныя, дипломатическія причины войны не составляютъ предмета настоящей статьи; и здѣсь дѣло идетъ, вообще, не о томъ, кто правъ и кто виноватъ. Наша задача — прослѣдить теченіе колоніальной политики Англіи, и трансваальская война поэтому можетъ служить для насъ лишь фактомъ, иллюстрирующимъ и выясняющимъ то или другое теченіе. Эта война знаменуетъ собою именно тотъ же ростъ федеративнаго движенія и вліянія колоній на политику метрополіи.

Мы всѣ говоримъ, что съ Трансваалемъ воюетъ Англія. Дѣйствительно, и деньги, и солдаты идутъ изъ метрополіи, вся тяжесть войны падаетъ на ея плечи, всѣ жертвы и потери приносятся ею. Но она ли дѣйствительно хотѣла этой войны, она ли заинтересована въ уничтоженіи республики, въ равноправіи національностей въ предѣлахъ Трансваала? Всѣмъ извѣстно, что Англія тутъ дѣйствуетъ чуть-ли не по приказу Сесилия Родса; но что такое Родсъ, какъ не капская колонія? Конечно, высказываются обвиненія его въ желаніи захвата золотыхъ россыпей. Но какъ можно завоевывать у самого себя (многія и самыя богатые россыпи принадлежатъ уже компаніямъ Родса, или вообще англичанамъ), и какъ, вообще, можно теперь завоевывать или отнимать частную собственность, хотя бы и въ покоренной странѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что причины войны болѣе сложны, чѣмъ элементарно-грубый „захватъ“, и искать этихъ причинъ слѣдуетъ не въ кабинетѣ Чемберлена, а въ кабинетѣ премьеръ-министра капской колоніи. Родсъ началъ свою борьбу съ Трансваалемъ не какъ милліонеръ, владѣющій тѣми или другими акціями, а какъ колоніальный дѣятель, какъ вождь огромной политической партіи. Не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ премьеръ-министромъ капской колоніи съ 1890 по 1896 годъ,

избраннымъ и державшимся во власти огромнымъ большинствомъ; онъ пользовался полнымъ довѣріемъ союза африкандеровъ (Afrikander Bond), состоящаго почти изъ однихъ голландцевъ. И это довѣріе, эта популярность его были основаны, главнымъ образомъ, на томъ, что въ его лицѣ капская колонія видѣла самаго энергичнаго расширителя предѣловъ колоніи и самаго горячаго сторонника южно-африканской федераціи, въ которую, кромѣ англійскихъ колоній, вошли бы оранжевая и трансваальская республики. Говоря на конгрессѣ „Afrikander Bond“ въ 1891 году, онъ сказалъ: „Если что-нибудь и привлекало меня къ должности премьера, то это было рѣшеніе, что намъ нужно расширить владѣнія до Замбези. Мнѣ казалось прекрасной мыслью работать въ пользу развитія областей, лежащихъ вблизи Замбези, и въ то же время дѣйствовать совмѣстно и въ связи съ населеніемъ капской колоніи. Упоминаю объ этомъ, предлагая тостъ въ честь Bond'a, потому что внутренняя цѣль Bond'a, это—союзъ на югѣ Замбези, гдѣ бѣлая раса можетъ жить“.

При этомъ нужно помнить, что, стремясь къ федераціи южной Африки, Родсъ вовсе не ставилъ цѣлью уничтоженіе трансваальской республики. Говоря на банкетѣ въ январѣ 1894 г., въ Капштадтѣ, онъ заявилъ: „Со всей своей привязанностью къ флагу, подъ которымъ я родился, я отлично понимаю чувства республиканца, создавшаго свою независимость, которую онъ ставитъ выше всего. Но я думаю, что возможно устроиться такъ, чтобы сосѣднія республики сохранили свою независимость и въ то же время дѣйствовали съ нами сообща въ извѣстныхъ вопросахъ, какъ, напр., въ желѣзно-дорожномъ, таможенномъ, судебномъ-апелляціонномъ, монетномъ, и вообще во всѣхъ дѣлахъ, которыя составляютъ одно цѣлое въ Соед.-Штатахъ Сѣв. Америки. Я даже думаю, что и при одномъ общемъ флагѣ было бы лучше имѣть отдѣльные мѣстные собранія по мѣстнымъ вопросамъ, и чтобы Йоганнесбургъ вѣдалъ свое золото, а Наталь—свои вофе и сахаръ. Но находятся ли эти мѣстные собранія подъ разными или подъ однимъ флагомъ,—не нужно обладать особенной проницательностью, чтобы видѣть, что это не можетъ мѣшать единодушной политикѣ по вопросамъ болѣе общимъ“.

Что вопросъ о федераціи для южной Африки есть вопросъ чрезвычайной важности, это очевидно всякому, кто успѣлъ познакомиться ближе съ тамошней политикой. Исторія съ таможенной и особенно съ желѣзно-дорожной борьбой показала, какъ легко Трансвааль можетъ парализовать всѣ усилія капской колоніи развитъ свою промышленность. И не мудрено.

Для юныхъ, только-что начинающихъ свое существованіе государствъ (капская колонія получила конституцію съ отвѣтственнымъ министерствомъ въ 1872 г., Наталь—въ 1893 г., а Родезія свой законодательный совѣтъ—въ 1898 г.), малѣйшая помѣха имѣетъ такое же вредное значеніе, какъ и для развитія всякаго юнаго организма. Выгоды и удобства совмѣстной политики, цѣлесообразно-согласованной въ пользу всей южной Африки, были признаны уже давно, и чѣмъ больше выросли колонія, расширялась и осложнялась жизнь въ нихъ, тѣмъ острѣе чувствовалась потребность въ федераціи. Эта потребность настолько ощущалась колоніями, что капская колонія, оранжевая республика, полузависимый Базутолэндъ и Родезія уже вступили въ таможенный союзъ. Отъ него отказались лишь Наталь и Трансвааль; первый потому, что считаетъ таможенный тарифъ союза слишкомъ высокимъ, а второй потому, что считаетъ его слишкомъ низкимъ, но главнымъ образомъ потому, что эта республика хочетъ быть „независимой“, и такимъ образомъ служить единственнымъ препятствіемъ для федеративнаго устройства южной Африки. Когда, въ 1894 г., „иностранцы“ (уйтлендеры) представили петицію, покрытую 13.000 подписей, о предоставленіи имъ правъ гражданства, то она была дурно встрѣчена. Въ 1895 г., была подана другая петиція, уже съ 38.000 подписей, но и она претерпѣла неудачу, какъ и первая, и одинъ изъ членовъ фольксрада, нѣкій Отто, обратясь къ депутаціи, представившей петицію, заявилъ, что съ нею слѣдуетъ поступить какъ съ мятежниками. Между тѣмъ уйтлендеры просили того, чѣмъ въ капской колоніи поселенцы пользуются безъ всякихъ петицій, а именно: равноправія языковъ въ школахъ, права парламентскаго голоса и муниципальнаго самоуправленія. Послѣдній манифестъ „національнаго союза Трансвааля“, изданный за четыре дня до печальнаго набѣга Джемсона, содержалъ въ себѣ слѣдующее:

„Мы желаемъ:

- „1) Настоящаго республиканскаго правленія и конституціи, составленной компетентными представителями, избранными всѣмъ народомъ, и огражденной отъ внезапныхъ перемѣнъ.
- „2) Справедливаго распредѣленія права голоса и честнаго представительства.
- „3) Равноправія голландскаго и англійскаго языковъ.
- „4) Отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ.
- „5) Отмѣны религіозныхъ правоограниченій.
- „6) Независимости суда съ матеріально-обезпеченнымъ положеніемъ судей.

„7) Широкаго образованія.

„8) Дѣльныхъ чиновниковъ.

„9) Свободы торговли для продуктовъ южной Африки“.

Если имѣть въ виду, что всѣ эти пункты, за исключеніемъ „республиканскаго образа правленія“, составляютъ первыя основы всякой англійской колоніи, даже полу-самоуправляющейся, какъ Гонгъ-Конгъ или Мальта, то трудно говорить о намѣреніяхъ Англій лишить именно свободы населеніе трансваальской республики.

Въ оправданіе бояровъ должно, конечно, сказать, что они отстаивали свою республику не столько изъ сопротивленія реформамъ самимъ по себѣ, сколько изъ боязни „присоединенія“ къ Англій. Трансвааль, изъ боязни быть „присоединеннымъ“, отказался даже отъ услугъ своихъ единоплеменниковъ—голландцевъ, если тѣ принадлежатъ къ Капландіи, и на ихъ мѣсто выписывалъ чиновниковъ изъ Голландіи,—людей, никогда раньше въ Африкѣ и не бывавшихъ. Недовольство Трансваалемъ росло внутри и внѣ его, и органомъ этого недовольства передъ лицомъ англійскаго правительства явился Родсъ, который въ глазахъ метрополіи олицетворялъ собою капскую колонію. Дѣйствовалъ ли Родсъ изъ личныхъ видовъ, ради наживы, или ради общественныхъ интересовъ—вопросъ другой. Для министерства же колоній въ Лондонѣ, Родсъ былъ мѣстный первый министръ, за которымъ стоитъ парламентское большинство, и который одинаково поддерживается какъ англичанами, такъ и голландцами. Если Родсъ ненадеженъ, если его политика ложна, то это—дѣло его большинства, его парламента, а не Англій, которая не руководитъ, а всегда сама слѣдуетъ за колоніями. Вотъ какъ приходилось разсуждать министру колоній въ Лондонѣ, будь это Чембэрленъ, или лордъ Рипонъ, и строго придерживаясь конституціонныхъ порядковъ, онъ иначе и разсуждать не можетъ, если не хочетъ идти противъ желаній колоній.

Но хотя дѣльнѣйшія событія показали, что, дѣйствительно, за Родсомъ стоитъ большинство капской колоніи ¹⁾ и Наталя,

¹⁾ Достаточно указать хотя бы на замѣчательно лояльное отношеніе къ Англій нинѣшняго капскаго министерства, состоящаго всецѣло изъ голландцевъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Шрейнера, который полу-англичанинъ (мать—англичанка, отецъ—нѣмецъ). Нужно принять во вниманіе всю глубину расоваго чувства голландцевъ, всѣ тѣ тѣсныя личныя и родственныя связи, существующія между Капштадтомъ и Блумфонтейномъ, чтобы вполне оцѣнить эту воздержность и лояльность капскихъ колонистовъ голландской крови. Отношеніе этихъ колонистовъ къ войнѣ видно уже изъ того, что вся капская армія волонтеровъ и все регулярное войско колоніи прикнули къ Англій. Само собою разумѣется, что отдѣльные фермеры, особенно близкіе сосѣди оранжевой республики, могутъ поднять оружіе противъ англичанъ. Здѣсь,

Англія избѣгла бы войны, еслибы во главѣ ея колоніальнаго правленія стоялъ другой человѣкъ на мѣстѣ Чемберлена. Въ данномъ случаѣ роль Англіи, это—роль третьяго лица въ семейныхъ спорахъ. Въ то время какъ въ Австраліи она—мать, въ южн. Африкѣ она—теща. Тамъ населеніе состоитъ изъ однихъ англичанъ; здѣсь англичане, такъ сказать, сочетались бракомъ съ голландцами и гугенотами. Даже въ Канадѣ, гдѣ, помимо англичанъ, много французовъ, Англія можетъ считать себя матерью, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что англичанъ тамъ чуть ли не втрое больше французовъ, послѣдніе занимаютъ тамъ главнымъ образомъ лишь одну провинцію Квебекъ. Между тѣмъ въ капской колоніи число лицъ голландскаго и французскаго происхожденія значительно превышаетъ число англичанъ. И хотя теща обыкновенно бываетъ и доброжелательна, и услужлива, но ея почему-то не любятъ и предпочитаютъ жить независимо отъ нея, особенно когда она начинаетъ слишкомъ беспокоиться о томъ, что, въ сущности, до нея мало касается.

Къ несчастію для Англіи, въ управленіе колоніальными дѣлами Чемберлена, она именно приняла роль типичной тещи, не скажемъ—злой, сварливой или жадной, а просто недалековидной и слишкомъ надоедливой.

Еслибы за послѣднія четыре-пять лѣтъ во главѣ министерства колоній стоялъ дѣйствительно способный человѣкъ, съ широкимъ государственнымъ умомъ, съ тонкимъ тактомъ и пониманіемъ, онъ бы несомнѣнно предоставилъ самой капской колоніи и ея дѣятелямъ, въ лицѣ Родса, Гофмейера и Шрейнера, добиться расширенія правъ „иностранцевъ“ въ Трансваалѣ, особенно послѣ набѣга Джемсона, возстановившаго противъ Родса даже его друзей. Но Чемберленъ менѣе всего человѣкъ съ тактомъ. Обладая многими достоинствами, которыя сдѣлали бы изъ него хорошаго министра по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія, онъ совершенно лишенъ той ширины и гибкости ума, которыя такъ нужны дипломату. Въ политику онъ внесъ то, что иронически стало называться „новой дипломатіей“, что-то обывательски-болтливое и неряшливое. Онъ, напр., посылаетъ Крюгеру депешу—и публикуетъ ее въ газетахъ раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ получить ее. Въ другой официальной депешѣ къ Крюгеру, въ которой дѣло шло о серьезныхъ государственныхъ вопросахъ, онъ заключаетъ словами: „Надѣюсь, что госпожа Крю-

однако, рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ лицахъ, а о политикѣ колоній, т.-е. парламента,—а въ этомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію, что Англія должна была смотрѣть на Родса какъ на истиннаго выразителя интересовъ колоній.

геръ находится въ полномъ здравіи“. Въ тотъ моментъ, когда Сольсбери ведетъ очень щекотливые переговоры съ Россіей о Китаѣ, Чемберленъ произноситъ рѣчь въ провинціи, касается виѣшной политики и уподобляетъ Россію „чортѣ“, съ которымъ нужно сѣсть за столъ съ „длинной ложкой“,—и въ то же время заставляеть послѣ этого Сольсбери разсыпаться въ любезностяхъ при первомъ свиданіи съ русскимъ посломъ. Произнося рѣчь о колоніяхъ, онъ не можетъ удержаться, чтобы не кокнуть Германію тѣмъ, что „однѣ южно-африканскія колоніи равняются тремъ Германіямъ“. Недавно онъ прибѣгнулъ къ фарсу, выдумавъ фантастическій союзъ Англіи съ Германіей и Соед.-Штатами, чѣмъ причинилъ своимъ многотерпѣливымъ, но гордымъ соотечественникамъ не мало горькихъ минутъ. Когда человѣкъ съ такимъ отсутствіемъ такта начинаетъ вмѣшиваться въ дѣло, требующее высшей осторожности и крайне деликатнаго обращенія, — добра трудно ожидать, особенно имѣя себѣ помощникомъ такого ограниченнаго человѣка, какимъ оказался Мильнеръ, соединяющій въ своемъ лицѣ должность губернатора капской колоніи и „верховнаго комиссара“ по отношенію къ Родезіи, Базутоланду и другимъ полу-зависимымъ территоріямъ южной Африки. И дѣйствительно, переговоры съ Трансваалемъ кончились войной, которой Англія, собственно говоря, не должна была ни хотѣть, ни искать, такъ какъ она могла легко обойтись безъ войны.

С. И. Р—тъ.

Лондонъ.

ПОБѢДИТЕЛЬ

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Имени ея—Лаодика—никто уже не помнилъ въ Спартѣ—и всѣ ее звали Афродитой: такъ несравненно была она прекрасна. Такою же холодной, такою же непроницаемой казалась она, какъ мраморная богиня, съ которой она раздѣляла и имя, и красоту. Когда ей повелѣли вступить въ домъ мужа—она входила подъ этотъ чуждый кровъ какъ гордая невольница. Между тѣмъ, любая дѣва Лаоніи сочла бы счастьемъ для себя бракъ съ Антеноромъ. Этотъ спартанскій вождь былъ доблестнымъ героемъ мессинскихъ войнъ; въ послѣднюю олимпиаду онъ побѣдилъ и на играхъ—и на стѣнѣ его простого дома красовался вѣнокъ изъ оливковыхъ листьевъ, едва успѣвшій завянуть. И еслибы самъ вѣчно юный Фебъ достигнулъ тридцати лѣтъ жизни, подобно смертнымъ, онъ не затмилъ бы красотой Антенора. Дивной же статностью и мощью тѣла уподоблялся вождь божественному Ираклу. Хотя подъ броней его закаленной груди скрывалось сердце, горящее любовью къ Лаодицѣ, но суровый мужъ остерегался, чтобы въ присутствіи красавицы-супруги коварный Эросъ не зажегъ въ его взорѣ жаркаго пламени страсти. Не достойна спартамца слабость личнаго чувства, не долженъ онъ раскрывать ея тайнъ женскому взору,—ибо всю глубь души, всѣ сокровеннѣйшія помышленія—обязанъ онъ посвящать одной лишь отчизнѣ. И никогда Антеноръ не глядѣлъ въ чудную бездну ея лазурныхъ очей, чтобы проникнуть въ отраженные въ ней мысли. И никогда онъ не пронзалъ испытующимъ взглядомъ ея бѣлоснѣж-

ной груди, чтобы постичь—какое сердце въ ней бьется? Подобно каждой спартанкѣ—она казалась ему твердою духомъ, мощною — плотью. Въ его глазахъ она терялась въ толпѣ спартанскихъ женъ, отличаясь отъ нихъ одной лишь божественностью чертъ. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что въ грозный часъ неравной битвы она бы помогала супругу сражаться съ сильнымъ врагомъ. И еслибъ онъ вернулся побѣдоносно съ боя—и на ея гордомъ челѣ блистало бы торжество побѣды. А еслибы онъ палъ, борясь за Спарту—она бы вышла на встрѣчу его увѣнчанному тѣлу съ восторгомъ Пенелопы, встрѣчающей Одиссея. Сыновья Лаодики, если она подарить ихъ ему, должны быть столь же мощны и прекрасны, какъ молодые Ираклы. И вся сія, она имъ вынесетъ боевые доспѣхи, какъ свадебное одѣяніе—въ часъ первой битвы. Такъ полагаясь на супругу во всемъ, что дорого и свято гражданину, Антеноръ устремлялъ на нее взоры, полные тайнаго блаженства. Но душа этой красавицы грустно-окой была ему настолько же чужда, сколь и любому постороннему мужу.

И вотъ пришелъ, наконецъ, желанный день,—у Антенора родился сынъ. Онъ услышалъ объ этомъ, возвращаясь съ боевыхъ упражненій въ горахъ Тайгета. Сопровождавшіе его спартиаты тотчасъ же возвѣстили ему:

— Мужъ будущей великой славы подаренъ Спартѣ. Сынъ Антенора и Афродиты будетъ подобенъ Ираклу. Младенецъ твой задушилъ бы навѣрное змѣй въ своей колыбели, еслибы имъ вздумалось навѣстить его.

Взглядъ Антенора гордо блеснулъ, но онъ превозмогъ горячее желаніе удвоить нетерпѣливый шагъ—и съ величавымъ спокойствіемъ направился къ своему дому. Онъ вступалъ подъ этотъ тихій кровъ съ блаженствомъ въ сердцѣ. Но, приближаясь къ ложу Афродиты, онъ былъ пораженъ угрюмымъ молчаніемъ старѣйшихъ женъ его рода, окружавшихъ молодую мать. Ни одинъ лучъ радости не свѣтился въ ихъ суровомъ взглядѣ, тяжелые вздохи подымали ихъ высохшую грудь.

Когда Антеноръ склонился надъ ложемъ супруги, Лаодика вздрогнула, какъ раненная птица—и вдругъ приподнялась съ постели, сжимая въ своихъ объятіяхъ младенца. Это было тщедушное и крошечное дитя, стелющееся какъ слабый птенчикъ. Отецъ на него взглянулъ—и его брови грозно нахмурились, какъ громовая туча. На губахъ его показалась горькая, презрительная усмѣшка.

— О, нѣтъ, клянусь Аресомъ! не задушить этому младенцу

змѣй въ колыбели! Онъ самъ подобенъ гаду—мягкій и гибкій, какъ бы лишенный костей! Его кожа такъ вяла и такъ желта, какъ будто бы подъ ней течетъ не пурпурная, не жаркая, не человѣческая кровь,—но блѣдная, холодная кровь пресмыкающихся чудовищъ, которыя позорятъ землю своимъ существованіемъ! Жалкій пискъ околѣвающаго птенца шевелить узкой и впалой грудью урода. Одно плечо, высокое, кривое, безмѣрно поднято надъ другимъ, точно его срѣзалъ мечъ. Надъ маленькимъ, посинѣвшимъ ртомъ—чернѣетъ большое, круглое родимое пятно, какъ злая шутка надъ горестью и стыдомъ отца!

И гордый вождь бросилъ взглядъ, полный презрѣнія, на Афродиту—и сказалъ, гнѣвно удаляясь:

— О, еслибы я не преклонялся передъ святымъ закономъ Ликурга,—я бы низвергнулъ урода въ одну изъ пропастей Тайгета, чтобы онъ тамъ расшибся, какъ жалкій глиняный сосудъ! Но я не властенъ скрыть свой позоръ. Если не сжалятся надо мною безсмертные боги—и онъ не умретъ нынѣшней ночью,—утромъ совѣтъ старѣйшинъ отошлетъ его къ періекамъ, презрѣннымъ пастухамъ. И это перваго потомка нашего рода! Сына мужа, увѣнчанныя въ Олимпіи!

Онъ горько засмѣялся и вышелъ быстрыми шагами изъ своего мрачнаго дома. Вслѣдъ за нимъ тихо удалились всѣ женщины, окружавшія Лаодику, оставляя ее лишь съ одной мессинскою рабыней.

Мать склонилась надъ своимъ младенцемъ и прильнула блѣднымъ лицомъ къ его крошечной головкѣ, мягкой и нѣжной какъ лепестокъ цвѣтка. Дитя протяжно застонало. Тогда крупныя слезы полились изъ ея глазъ на морщинистыя щеки несчастнаго созданія,—оно же все стонало и стонало... И вотъ вдругъ молодая мать встrepенулась на своемъ ложѣ, точно приподнятая чьей-то могучею рукой, и встала на ноги съ пылающими глазами, дрожа и задыхаясь. Слезы высохли на ея жаркомъ лицѣ, и она страстно прижала къ себѣ своего хилаго ребенка, какъ бы желая задушить его въ своихъ объятіяхъ. Голосомъ орлицы, у которой отнимаютъ первыхъ птенцовъ, она вскричала и жалостно, и грозно:

— Умри же ты, умри же здѣсь при мнѣ, пока тебя еще не вырвали изъ моихъ рукъ!

Дитя еще жалобнѣй застонало, и его блѣдная голова откинулась назадъ, какъ засыхающій бутонъ, а тѣлце свѣсилось, точно увядшій стебель. Мать вздрогнула и запаталась, какъ отъ внезапнаго удара—и нѣжной, сладкой, ласкающей рукой опу-

стила тихонько младенца на снятую постель—и простерлась въ отчаяніи у его ногъ на землѣ...

Молчаливая мессинская рабыня сидѣла неподвижно, какъ каменная колонна, къ которой она прислонилась. Была глухая, темная ночь—Спарта утопала въ глубокомъ снѣ...

И въ этой тишинѣ, давящей какъ камень гробовой, среди этихъ жалостныхъ воплей, раздался тихій голосъ невольницы-мессинки:

— Дитя твое уродливо и слабо, но оно, можетъ быть, еще окрѣпнетъ, и будетъ жить и расти. Но въ вашей жестокой Спартѣ—ему суждено умереть. Въ злую минуту, когда оно разбудитъ крикомъ своимъ уставшую отъ тяжкаго труда жену періэка, она столкнетъ его въ каменистую пропасть—и скажетъ людямъ, что хилый мальчикъ умеръ...

Лаодика, приподнявъ голову, схватилась крѣпко за перила ложа и глядѣла на рабыню широко раскрытыми глазами. А та продолжала снова, обнявъ колѣни сплетенными руками, съ горькой улыбкой и съ гнѣвнымъ блескомъ въ глазахъ:

— Да впрочемъ,—кому же до него дѣло? кто о немъ спросить? Желѣзному спартиату и вытесанной изъ камня его супругѣ было бы даже унижительно вспомнить о такой дряни. Вамъ, спартанцамъ, равно противна хилость тѣла, какъ и низость души. Ваше государство чудовищно, ужасно! нѣтъ подобнаго ему въ Элладѣ! У вашихъ матерей столько же материнской нѣжности, сколько и у гадовъ, пожирающихъ своихъ дѣтенушей. Да провалится ваша Спарта въ бездны Аида!

Восклицаніе полное испуга—прервало ея рѣчь. Лаодика бросилась къ ней, гнѣвная какъ гроза. Она схватила мессинку за плечо рукою мощнаго мужа и оттолкнула ее къ стѣнѣ такъ сильно, что никто бы не догадался объ ея немощи.

— Не оскорбляй моей родины, съ которой не смѣетъ сравниться ни одна изъ странъ Эллады,—дочь поправной Мессины!—вскричала она грозно.—Не терзай моего сердца, пылающаго отъ боли! Я не вытесана изъ камня, какъ ты осмѣливаешься думать!

Мессинка же, колѣнопреклоненная у ея ногъ, отвѣчала тихимъ и трогательнымъ голосомъ:

— У меня тоже былъ ребенокъ, и я горячо его любила. Но смерть похитила его у меня еще въ золотые дни моей свободы. И съ тѣхъ поръ я жалѣю всѣхъ слабыхъ, малыхъ невинныхъ дѣтей... жалѣю малютокъ, осужденныхъ на смерть... И въ моемъ сердцѣ разгорается гнѣвъ противъ тѣхъ, кто ихъ губить!

Но я не чувствую злобы къ тебѣ, госпожа, хотя ты меня и унижаешь, какъ презрѣнную тварь!.. Я вижу, что ты не похожа на другихъ женщинъ твоей родины... Ты плачешь,—какъ мессинка, какъ мегарянка, какъ каждая греческая мать, когда смерть или злые люди похищаютъ ея дитя. Ты не похожа на этихъ жестокихъ статуй, которыя леденили тебя взоромъ Медузы, когда жалость надъ собственнымъ ребенкомъ исторгала слезы изъ твоихъ глазъ. Обѣ старухи-матери, Антенора и твоя, задушили бы дитя собственными руками, еслибы только могли,—лишь бы скрыть передъ Спартой, что ихъ немощный и уродливый внукъ будетъ приговоренъ къ изгнанію! Надъ моимъ же больнымъ бѣдняжкой и моя, и мужняя мать—проводили бессонныя ночи, согрѣвали его дыханіемъ своимъ, пока смерть не вырвала его изъ ихъ объятій. Безжалостная смерть! она лишила меня и отчизны, и семьи, и свободы!..

Молодая невольница умолкла и вперила въ пространство неподвижный взоръ, какъ бы отыскивая тамъ свое свѣтлое прошлое. Лаодика же опустила на колѣни у постели, прильнувъ головой къ плачущему дитяти, и закрыла глаза, полные слезъ. Ребенокъ скатился на край ложа, запутавшись въ складкахъ покрывала. Оно надвинулось на его темную голову и на глазки; слабая ручка запуталась въ скомканныхъ одеждахъ и вывернулась въ сторону. Дитя закричало еще громче и жалобнѣй, но мать какъ бы этого и не слыхала.

Тогда мессинка, поднявшись съ земли, подошла къ ложу тихими шагами и взяла на руки ребенка. Она стала его качать и убаюкивать. Лаодика казалась спящей, простертая неподвижно у постели, мертвенно блѣдная, съ закрытыми глазами.

Грустной рабынѣ мелькнула вдругъ мысль, что госпожа ея и ребенокъ близки ужъ къ смерти. Она опустила на колѣни, съ дитятей на рукахъ, около Лаодики, вперя въ ея лицо испуганный взглядъ. Но, почувствовавъ дыханіе рабыни надъ собой, прекрасная спартанка раскрыла глаза, ясные какъ алмазъ и блестящіе алмазной твердостью. Она быстро подняла голову и, положивъ руку на плечо невольницы, сказала голосомъ спокойнымъ и ровнымъ, въ которомъ не слышалось ни малѣйшей дрожи:

— Мессинка! Если я не умру въ эту ночь вмѣстѣ съ дитятей,—я похищу и унесу его въ темныя дебри Тайгетскихъ горъ! Если они меня настигнутъ, я брошусь въ пропасть вмѣстѣ съ нимъ. Но если мнѣ помогутъ благосклонные боги и силы не измѣнять мнѣ, я скроюсь съ ребенкомъ среди скалъ и лѣсовъ,

а затѣмъ распрощусь навсегда съ отчизной моей. Назовутъ меня въ Спартѣ чудовищною матерью, опозорятъ память мою, пошлютъ проклятія вслѣдъ за мной,—но все же я убѣгу, я унесу дитя, хотя бы Зевсъ поразилъ меня громомъ, хотя бы глубъ земли разверзлась подо мною!

Полу-радостное, полу-тревожное восклицаніе вырвалось изъ груди мессинки.

— О, повелительница! еслибы ты на это рѣшилась,—ты была бы мужественнѣе всѣхъ твоихъ соотечественницъ, гордящихся не силой духа, но лишь жестокостью сердецъ!.. Но вѣдъ ты покидаешь одръ болѣзни, немощная, ослабѣвшая отъ страданій!.. Выдержать ли такое трудное испытаніе прекрасное тѣло твоё? Ты была раньше сильна, какъ молодое дерево,—теперь же ты можешь сломиться, какъ хрупкая, надрубленная вѣтка... Найдется ли у тебя мужество покинуть навсегда Спарту и мужній кровь, и семью? Вынесешь ли ты мысль о позорѣ, который всюду пошлетъ за тобой твоя жестокая отчизна?

— Мессинка! я не могу вынести одной лишь мысли, что эта вѣжная, эта мягкая голова разобьется о камни, что эти блѣдныя губки завянутъ отъ голода, что это крошечное тѣлце скорчится отъ судорогъ, застынетъ, раздавленное дивой стопой! Этой, одной только этой мысли, я не могу перенести. Грызетъ она меня, какъ злая волчиха, пьетъ кровь мою, какъ гарсія, и съ непреодолимою силой гонить меня прочь отсюда, прочь!.. Пойдешь ли ты со мной?

— О! я такъ давно, такъ сильно стремлюсь бѣжать изъ Спарты,—такъ горячо сочувствую тебѣ! О, я пошла бы всюду за тобой—и даже, быть можетъ, мнѣ удалось бы указать тебѣ тайныя тропинки; о нихъ я провѣдала давно отъ своихъ родичей, закованныхъ рабовъ. Но я вся трепещу отъ страха... Что—если ты погибнешь, если ты умрешь на дорогѣ?

— Тогда ты брось мой трупъ! ребенка же низвергни съ крутой горы, чтобы смерть овладѣла имъ сразу—и уходи въ Мессину. На твоёмъ мѣстѣ я бы давно уже бѣжала въ родную страну—или же извелась отъ горести по ней.

— Такъ уйдемъ же! бѣжимъ, бѣжимъ! О, мужественная, о, благородная владычица моя!

И невольница положила торопливо ребенка къ матери на колѣни. Дитя, уставшее отъ плача, начало затихать. Легкая, какъ тѣни, колыхавшіяся при каждомъ ея движеніи, невольница блуждала тихо по усыпленному дому, завертывая въ узелъ не-

обходимую одежду и пищу. А молодая мать прижала, между тѣмъ, дитя къ своей груди...

Вдругъ радостное восклицаніе сорвалось съ ея губъ. Хилый ребенокъ, не бравшій до сихъ поръ материнской груди, — уцѣпился внезапно за нее и съ жадностью сталъ пить. Онъ сосалъ долго, непрерывно... И вотъ на его блѣдномъ личиѣ зардѣлись чудные, нѣжно-розовые цвѣты, точно этихъ ланитъ коснулся перстъ свѣтозарной Эосъ — и какъ бы подъ кистью той же богини блеснули влажною пурпурною краской крошечныя дѣтскія губки... Еще одно мгновеніе — и тихій богъ безмятежнаго сна коснулся первымъ поцѣлуемъ дрожащихъ и утомленныхъ вѣкъ младенца, и онъ крѣпко сомкнулся въ сладкой истомѣ. Такъ нѣжилось дитя въ материнскихъ объятіяхъ, овладѣваемое жизнью, розовѣя и расцвѣтая, точно воскресшее чудесно подъ теплымъ дыханіемъ Афродиты, счастливой матери Эроса.

Глубокой ночью двѣ женщины остановились на берегу Эврата, у столба, къ которому была привязана широкая ладья перевозчика. Одна изъ нихъ несла на головѣ высокій глиняный сосудъ; другая, закутанная въ широкія складки одежды, тяжело опиралась на ея плечо.

— Кто здѣсь блуждаетъ въ срединѣ ночи? — воскликнулъ сонный перевозчикъ, когда онѣ его разбудили.

— Мы, невольницы гражданина Антенора. Его супруга борется со смертью на болѣзненномъ одрѣ. Жрецы велѣли нарвать цѣлебныхъ травъ въ полнощный часъ въ долину Эврата, по ту сторону рѣки — смочить ихъ въ волнахъ и охладить ими пылающее чело нашей госпожи. Мы спѣшимъ! вези же насъ скорѣе! Мы еще до разсвѣта должны вернуться въ Спарту.

И онѣ положили монету въ его протянутую ладонь. Когда же онъ перевезъ женщинъ на ту сторону рѣки, онѣ направились къ горамъ, часто останавливаясь и отдыхая по дорогѣ. Съ первымъ же блескомъ зари, онѣ скрылись въ глубокихъ безднахъ Тайгета.

Наканунѣ перваго дня новой олимпіады, какъ бы двѣ разныя толпы наводнили священный городъ Элиду и величайшій храмъ изъ храмовъ — сіяющую Олимпію. Въ немъ — какъ бы двѣ разныя толпы: одна — изваянная изъ мрамора, бронзы и кости слоновой, другая — изъ глины простой, подобно Пигмаліону и Тирѣ, своимъ прародителямъ. Блестящая бѣлоснѣжными и золотистыми тѣлами, роились всюду безчисленныя статуи боговъ, чтимыхъ героевъ и прежнихъ побѣдителей игры — въ кудрявыхъ рощахъ Олимпа,

у ногъ Зевса-гиганта и среди прекрасныхъ площадей алтаря Греціи—Альтиса. Онѣ глядѣли внизъ съ вышины пьедесталовъ, возсѣдали на рѣзныхъ тронахъ, прислонялись къ стройнымъ колоннамъ, сіяли, колѣнопреклоненныя, въ аркадахъ храмовъ. Вокругъ же нихъ шумѣла и волновалась неизмѣримая толпа смертныхъ, дивясь имъ и преклоняясь предъ ними. Съ лицомъ холоднымъ и строгимъ, одѣтый въ короткій темный хитонъ,—выступалъ гордо, съ сознательнымъ достоинствомъ повелителя Пелопоннеза,—его защитникъ, спартаецъ. Хозяинъ перваго дома Греціи, элѣецъ, — принималъ своихъ безчисленныхъ гостей съ важнымъ спокойствіемъ и управлялъ послушною толпой. Гибкій и стройный въ движеніяхъ, со звучною и тонкою рѣчью на устахъ, въ изысканной и дорогой одеждѣ — привлекалъ взоры всѣхъ прекрасный аѳинянинъ. Въ хитонахъ, вышитыхъ узорами Востока, смуглолицые, съ движеніями искусныхъ моряковъ и хитроумнымъ взглядомъ торгашей—нахлынули шумной волной малоазіатскіе эллины. Былъ здѣсь и униженный мессинецъ, ропшущій горько на боговъ, или молящій ихъ покорно о мести, и гражданинъ священныхъ Оивъ, и золотого Коринѳа, и путники изъ всѣхъ странъ Греціи, начиная съ жаркой Лаконіи и кончая мрачной Тессаліей и крутогорбымъ Эпиромъ. На берегахъ Алфея, вблизи жилищъ жрецовъ и служителей храмовъ, въ предмѣстьяхъ Элиды, у дороги священныхъ процессій и на прилегающихъ къ ней поляхъ — густо разсѣялись палатки прибывшихъ гостей, подобно разноцвѣтнымъ грибамъ лѣснымъ. Одни изъ странниковъ отдыхали, утомленные длиннымъ путемъ; другіе торопились на испытанія состязателей въ гимназіонъ; третьи любовались храмами и памятниками, или же подерѣплялись пищею и питьемъ.

На слѣдующій день, казалось, сами боги разукрасили свой вышній, заоблачный чертогъ надъ гордою вершиной Олимпа — и нижній, въ стѣнахъ Альтиса, для великаго празднества Греціи. Всю высь священной горы, свой величавый тронъ, покрылъ прекрасный Фебъ волнами яркаго золота и разостлалъ подъ ними пышныя пурпурныя ковры, повелѣвъ блѣдной Эосъ свернуть ея свѣтло-розовый плащъ. И вотъ все выше и шире разгорались надъ Олимпомъ лучи златолицаго бога, точно огромныя алмазно-пламенныя перья на свѣтломъ шлемѣ титана, одѣтаго въ зеленый хитонъ раскинувшихся роцъ. На небеса, сокрытыя еще сѣрою пеленою тучъ, выплыли небожители-боги на легкихъ бѣлыхъ ладьяхъ, смастеренныхъ для нихъ трезубцемъ Посейдона изъ мягкихъ серебристыхъ облаковъ. Гордо скрываясь отъ глазъ

презрѣнныхъ смертныхъ, они колыхались на волнахъ яркой лазури, любуясь зрѣлищемъ игръ.

Семь дней уже продолжались священные обряды, торжественныя шествія и жертвы; семь дней уже длились игры и пѣснопѣнія вдохновенныхъ, и рѣчи мудрецовъ, стекшихся со всѣхъ концовъ Эллады, а боги, все такъ же ясно улыбаясь, смотрѣли съ вышины на празднества своихъ рабовъ; ни разу не ударить ихъ бичъ бурнаго дождя, ни разу не блеснули надъ ихъ головами грозные громовые мечи.

И, наконецъ, блѣднѣющее чело лучезарнаго бога стало склоняться ко сну уже въ седьмой разъ на вознесенное межъ облаками ложе Олимпа—и приближался къ концу седьмой, послѣдній день игръ. У стѣны Альтиса, скрывавшихъ зрѣлище отъ женскихъ глазъ, недостойныхъ зрѣть мощь и удивляться искусству состязующихся,—и отъ глазъ всѣхъ, кто не могъ помѣститься въ стѣнахъ священной ограды,—несмѣтная толпа нетерпѣливо ждала, когда разверзнутся передъ ней врата—и она, наконецъ, узреть увѣнчанныхъ героевъ. Жадный слухъ этихъ человѣческихъ массъ ловилъ одно лишь только восклицаніе, цѣлыхъ семь дней заглушавшее всѣ остальные и громовымъ остріемъ пронзавшее высочія стѣны. Это было имя, произносимое съ такимъ безмѣрнымъ удивленіемъ и безграничнымъ восторгомъ, что голоса, раздававшіеся въ Альтисѣ, казалось, замирали отъ волненія, дрожа какъ въ гимнахъ, славящихъ небожителей.

— Эліось Мегарскій, сынъ Лизандра! Да здравствуетъ Эліось! да здравствуетъ многократный побѣдитель!

А тутъ же, у самыхъ воротъ Альтиса, прильнувъ пылающимъ челомъ къ холодному мрамору, отталкиваемая разгоряченной толпой, хватаясь дрожащими руками за ограду, съ блѣднымъ лицомъ, увлажненнымъ слезой,—стояла величественная женщина. Какъ цвѣтъ увядшій, но все-таки прекрасный,—она еще блистала темной лазурью чудесныхъ глазъ и пышнымъ золотомъ волнистыхъ прядей, изрѣдка отливающихъ серебристой нитью, и божественной красотой формъ, хотя онѣ и лишились гибкости и округлости прежнихъ лѣтъ. Блескъ дивной красоты все еще озарялъ ея обликъ—и всѣ говорили вокругъ нея:

— Въ юности она была подобна Афродитѣ.

Но она ничего не слыхала, кромѣ страстнаго влива:

— Эліось! О, побѣдитель многократный!

Слезы лились потокомъ изъ ея чудныхъ очей, руки все еще цѣплялись за каменную ограду, губы же тихо шептали:

— О, Эліось! о, солнце мое! о, солнце жизни моей!..

Вотъ уже у самыхъ вратъ вырываются изъ безчисленныхъ устъ страстные влики:

— О, несравненный, божественный, непостижимый! Честь и хвала тебѣ,—великій сынъ Мегары!

Врата, наконецъ, широко разверзаются. И двѣ толпы, пылающія страстью, какъ два огромные пожара—сталкиваются при встрѣчѣ взволнованною грудью, пронзаютъ другъ друга молніями горящихъ взоровъ...

Узкой тропою, промежъ двухъ этихъ бурь, летящихъ другъ другу на встрѣчу, — неприкосновенный, какъ Зевесовъ алтарь, чтимый, какъ самъ гигантскій олимпіецъ, прекрасный, какъ богъ солнца, когда, воспламененный любовью къ землѣ, онъ предстаетъ предъ нею во всемъ блескѣ, — медленно ѣхалъ въ золотой колесницѣ молодой Эліосъ Мегарскій. Онъ сдерживалъ желѣзною рукой четверку бѣлоснѣжныхъ запыхавшихся коней и обводилъ толпу блестящимъ взоромъ темно-лазурныхъ глазъ, какъ бы отыскивая кого-то въ несмѣтномъ сборищѣ. Его чело, утопавшее въ черныхъ волнахъ кудрей, — освѣжалъ олимпійскій вѣнокъ. Легкій зефиръ сдувалъ съ прекраснаго лица жаркое пламя истомы, цѣлуя пурпурныя уста, горящія отъ зноя игръ. Уста же эти невольно приковывали глаза толпы къ себѣ, такъ какъ надъ ними темѣло, точно глазокъ разыгравшейся птички, круглое родимое пятно.

Онъ стоялъ на своей побѣдной колесницѣ, какъ стройная, высокая колонна, изваянная изъ мрамора или бронзы. И казался онъ въ этотъ часъ повелителемъ всей Эллады, проѣзжающимъ въ царственной колесницѣ своей среди толпы такой же колѣнопреклоненной, такой же рабски-поворной, какъ и невольничьи народы Персіи и Египта передъ лицомъ царя и фараона.

Но вдругъ разгоряченные кони зарылись глубоко въ землю копытами, остановленные мощной рукой. Эліосъ наклонился къ раздвинувшейся толпѣ и схватилъ крѣпко за руку ту женщину, которая рыдала у вратъ Альтиса и походила на увядшую Афродиту; и хотя она сопротивлялась въ смущеніи, онъ, несмотря на это, однимъ сильнымъ и властнымъ движеніемъ поставилъ ее рядомъ съ собой въ колесницѣ, она же укрывала лицо на его плечѣ. Такъ вмѣстѣ тихо двинулись они дальше, сопровождаемые дивящейся толпой. Безчисленные голоса раздались вокругъ нихъ:

— Кто эта женщина, опирающаяся на твое геройское плечо, о, несравненный мегарянинъ?!..

Тогда онъ обвелъ толпу горящимъ взоромъ и отвѣчалъ ей сильнымъ и звучнымъ голосомъ:

— Я—не мегарянинъ, хотя Мегара была моею второю родиною, взлелѣяла меня какъ сына... Я не сынъ Лизандра, хотя Лизандръ былъ моимъ лучшимъ отцомъ. Эллины!—я спартавецъ—сынъ Антенора и Лаодики, благороднѣйшей изъ всѣхъ гражданокъ Спарты. Одной лишь ей обязанъ я своимъ вѣнкомъ. Смотрите на нее, о, граждане!—отважнѣйшую изъ матерей; она опирается на плечо боготворящаго ее сына!..

Загадочныя слова Эліоса были тотчасъ же переданы судьямъ великихъ игръ,—и въ тотъ же вечеръ, едва лишь запылали огни въ стѣнахъ Альтиса, они призвали юнаго побѣдителя къ Фидіевой статуѣ Олимпійца и такъ сказали ему:

— Уста твои произносили двукратно имя твое и твоего отца, и родины твоей. Ты называлъ себя Эліосомъ и въ первый, и во второй разъ. Но имя твоего отца и твоей родины звучало различно въ твоихъ устахъ—передъ твоею побѣдой и послѣ нея. Скажи же намъ, наконецъ, кто былъ твоимъ настоящимъ отцомъ—Лизандръ или Антеноръ? Спарта или Мегара была отчизною твоею? Дивный избранникъ боговъ! Ты приобрѣлъ рѣдкій вѣнокъ, какъ бы силеннѣйшій изъ многихъ вѣнковъ. Ты одинъ побѣдилъ во всѣхъ испытаніяхъ. Ты одинъ былъ первымъ во всемъ и въездѣ. Ты—побѣдитель пентатлона. Въ этомъ труднѣйшемъ подвигѣ Иракль завѣщалъ тебѣ мощь свою, Аресъ же—боевое искусство. Ты побѣдилъ въ доблестномъ лошадиномъ бѣгѣ, промчавшись въ легкокрылой колесницѣ своей, какъ Ахиллесъ, пылавшій мстью,—на встрѣчу Гектору. Факель твой первый блеснулъ у расцвѣченнаго столба, когда ты, быстрый и легкій, какъ Гермесъ крылатостопный, стройный и гибкій, какъ Актеонъ-Ловецъ, достигъ далеко раньше всѣхъ цѣли бѣга. Ты выше всѣхъ побѣдителей, увѣнчанныхъ когда-либо въ Олимпіи; тебѣ же воздвигнетъ гигантскую статую посреди Альтиса знаменитѣйшій ваятель Греціи. Ты намъ обязанъ отвѣчать правдиво, вѣщать намъ чистую истину передъ лицомъ громоноснаго бога, и да поразить Зевсъ уста твои молніей, если они солгутъ. Найди въ Олимпіи мужа, достойнаго общаго довѣрія, который могъ бы подтвердить твою рѣчь, и вызови его къ намъ тотчасъ же!

Не спуская глазъ подѣ испытующимъ взоромъ суровыхъ мужей, прекрасный Элюсь отвѣчалъ имъ спокойно:

— Если прибыли нынѣ въ Элладу тѣ мужи Спарты, которые знали, двадцать-три года тому назадъ, на родинѣ своей знаменитаго полководца Антенора и жену его Лаодику, прозванную всѣми Афродитой, то вызовите ихъ къ себѣ. Если здѣсь находится тотъ, которому поставили въ Альтисѣ статую за борьбу панкратіона, пять олимпіадъ тому назадъ,—то вызовите его *передъ* всѣми!

Элюсь умолкъ и ждалъ спокойно отвѣта. Его слова, подхваченныя толпой, разнеслись далеко по всей Олимпіи.

И вскорѣ раздвинулись сплоченныя людскія стѣны—и выступило изъ нихъ нѣсколько сѣдовласыхъ мужей въ простыхъ спартанскихъ хитонахъ; они направили шаги къ элійскому совѣту. Одинъ изъ нихъ—статиге и выше товарищей своихъ и менѣе ихъ отягченный годами—вышелъ впередъ и сказалъ судьямъ:

— Я тотъ, котораго призываетъ вашъ непонятный вѣнценосецъ. Я—Антеноръ, спартанскій вождь. Меня же увѣнчали, пять олимпіадъ тому назадъ, за состязаніе панкратіона. Я—Антеноръ, нѣкогда мужъ слабовольной и недостойной спартанской матери, которая, похитивъ ночью своего уродливаго младенца, бѣжала съ нимъ на чужбину, чтобы уклониться отъ святой мощи законовъ Ликурга. Да не оставить ее позоръ и въ темномъ царствѣ Лиды, куда она вступила, вѣроятно, въ ту же ночь, полная стыда, со своимъ презрѣннымъ уродомъ въ объятіяхъ!.. Итакъ, я—именно тотъ Антеноръ, котораго ты призываешь, юный герой, подобный божественному Ираклу! О, еслибы я могъ доказать какимъ-нибудь способомъ, что ты спартанецъ,—я такъ же бы этимъ гордился, какъ и тогда, когда меня вѣнчали на этомъ мѣстѣ, пять олимпіадъ тому назадъ. Но мысль моя напрасно волнуется и ищетъ разгадки,—я не могу постичь, зачѣмъ ты призывалъ меня?

Элюсь придвинулся близко къ Антенору, такъ что плеча ихъ коснулись, и сказалъ гордо ему:

— Я требую, чтобы ты, гражданинъ, подтвердилъ передъ всѣми,—что Спарта родина моя, что самъ ты—лаконскій вождь, Антеноръ—отецъ мой родной! И еще требую, гражданинъ, чтобы ты свидѣтельствовалъ передъ всѣми,—что мать моя и твоя благородная супруга—Лаодика,—возвышеннѣйшая и мужественнѣйшая изъ женщинъ!

Затѣмъ онъ обратился къ судьямъ и волновавшейся толпѣ:

— О, посмотрите на насъ, стоящихъ другъ подлѣ друга! и

вы увидите сами, что онъ—отецъ мнѣ, а я—его сынъ родной. Божество, покровительствующее мнѣ, отмѣтило меня этимъ родимымъ пятномъ, чернящимся надъ верхнею губой. Ты глядѣлъ на него гнѣвно, Антеноръ,—много, много лѣтъ тому назадъ. Оно же, шаловливое божество мое, приподняло мнѣ слегка правое плечо надъ лѣвымъ. Ты это видѣлъ тоже, Антеноръ, много, много лѣтъ тому назадъ.

Онъ отстегнулъ пряжку хитона—и, сдвинувъ его съ плечъ, открылъ свой мощный торсъ и правое плечо, едва замѣтно приподнятое надъ лѣвымъ. И снова продолжалъ свою рѣчь:

— Ты хотѣлъ выбросить меня изъ родного дома—какъ дрянной соръ, позорящій тебя лишь одной слабостью младенческаго тѣла. Она — та женщина, которую ты называешь презрѣнною и недостойной матерью—она нашла, однакожъ, силу въ себѣ забыть о позорѣ и проклятіяхъ, которыя вы посылали вслѣдъ за ней. Она-то вооружилась рѣдкой мощью, чтобы спасти дитя свое и не послѣдовать примѣру вашихъ обыкновенныхъ матерей, допускающихъ безпрепятственно избить ихъ собственную кровь, подобныхъ слабымъ овцамъ! Она лишь одна нашла въ себѣ и мужество, и силу, поднявшись вдругъ съ болѣзненнаго одра,—унести несчастное дитя свое, въ темную, бурную ночь, въ нѣжныхъ объятіяхъ своихъ. Полная мощи душевной, блуждая въ дикихъ ущельяхъ, въ чужихъ и пустынныхъ краяхъ, мать моя охраняла жизнь мою, какъ драгоценнѣйшее сокровище. И такъ истощенная голодомъ и нуждою, долгимъ и тяжкимъ скитаньемъ, она упала, наконецъ, безъ памяти у вратъ Мегары. Да одарятъ милостивые боги этотъ градъ безграничною щедростью своей! Благородныя руки протянулись къ Лаодикѣ, поддержали ее, вернули ей здоровье и силы. Старикъ Лизандръ, лучший изъ гражданъ Мегары,—предложилъ свой кровъ той женщинѣ, которую онъ по справедливости назвалъ настоящей спартанкой, познавъ ея возвышенную душу, ибо одному лишь покровителю своему она открыла свою тайну.

Эліосъ умолкъ — и обвелъ взоромъ сомневающуюся толпу, какъ бы желая узнать, благосклонно или враждебно приняла она его рѣчь?

Тогда сказалъ одинъ изъ судей:

— Хотя ты еще молодъ, но прошлое твое изобилуетъ рѣдкими испытаніями. Кончай же твой рассказъ, и судьба твоя не замедлитъ рѣшиться.

— Лаодика пряха въ домѣ Лизандра и исполняла тамъ всѣ женскія работы, приобрѣтая постепенно привязанность благород-

наго гражданина и его супруги — наравнѣ съ ихъ дочерью. Вотъ почему Лизандръ спряталъ мою мать въ своемъ домѣ отъ Антеноровыхъ пословъ, рыскавшихъ по всей Элладѣ въ поискахъ за нами и явившихся, наконецъ, въ Мегару.

— Лаодика назвала меня Эліосомъ, но не изъ гордости, не изъ-за дерзкихъ надеждъ, а потому лишь только, что я былъ единственнымъ солнцемъ ея жизни. Эліось росъ съ каждымъ днемъ и, наконецъ, благодаря своей матери, сталъ такимъ, какимъ вы видите его передъ собою. Лизандръ воспитывалъ его какъ собственнаго сына и какъ мужа, котораго бы не постыдился со временемъ Мегара, его вторая родина. У знаменитѣйшихъ атлетовъ Греціи я развивалъ силу свою и изощрялся въ боевомъ искусствѣ, въ ловкости и быстротѣ движеній. Мой второй отецъ посылалъ меня въ различные мѣста, славящіеся какимъ-нибудь особеннымъ искусствомъ, — въ лучшіе гимназіоны Греціи. Даже въ Малой-Азіи, въ Милетѣ, я учился управлять четвероконною колесницей, въ олимпійскомъ же гимназіонѣ, накупивъ нынѣшнихъ игръ, я кончилъ свои упражненія. Такова была донинѣ жизнь моя, такъ воспитали меня благородный Лизандръ и несравненная мать моя. Да произносится всѣми имя ея съ такимъ благоговѣніемъ, какъ я его произношу въ эту минуту!

При этихъ словахъ онъ устремилъ на Антенора грозный и вызывающій взглядъ.

Тогда заговорили судьи, обращаясь къ лаконскому вождю:

— Гражданинъ Спарты! Отвѣчай, какъ тебѣ повелѣваетъ долгъ твой и стремленіе твоего сердца! Отвѣчай этому юношѣ, который называетъ тебя своимъ отцомъ, и котораго всѣ отцы Греціи назвали бы съ гордостью своимъ сыномъ!

Антеноръ долго молчалъ, погруженный въ глубокое раздумье. Наконецъ, онъ сказалъ съ величественнымъ спокойствіемъ и со строгостью взора, обычною спартанскимъ мужамъ.

— Въ словахъ этого юноши столько же истины, сколько и лжи. Это правда, что онъ по плоти и крови родной мой сынъ, и что онъ нѣкогда былъ тѣмъ хилымъ младенцемъ, котораго я не могъ оставить въ своемъ домѣ, послушный законамъ Ликурга. Теперь я готовъ пощадить память женщины, ставшей матерью такого дивнаго побѣдителя и пріобрѣтшей гражданство Мегары, — и подтверждаю, что я дѣйствительно женился нѣкогда на Лаодикиѣ, дочери всѣми чтимаго спартіата. — Но это ложь, что Эліось, сынъ Лаодики — спартанецъ, такъ какъ, поругавъ завѣтъ священный Ликурга, мать этого юноши лишила

его гражданства своей родины. Велите же вы, судьи, вырѣзать на постаментѣ статуи Эліоса такую надпись: „Эліось Мегарскій, сынъ Лизандра“. Спарта не признаетъ его своимъ гражданиномъ,—ни спартанецъ Антеноръ—сыномъ своимъ.

— Безпримѣрная жестокость звучитъ въ твоихъ словахъ, полководецъ!—отвѣчали ему судьи.—Если у отца хватило храбрости отречься отъ такого сына—скажите вы, другіе граждане Лакедемона,—правда ли это, что Спарта не можетъ и не желаетъ вернуть его себѣ?

И вотъ все больше и больше темныхъ спартанскихъ плащей собиралось вокругъ Антенора; суровые сыновья Спарты тихо совѣщались съ отцомъ Эліоса, и ихъ холодный взглядъ воспламенялся невольнымъ восхищеніемъ, останавливаясь на молодомъ героѣ. Онъ же низко склонилъ свою прекрасную голову и ждалъ покорно ихъ приговора, съ печалью въ лазурныхъ очахъ. Но не долго длилось совѣщаніе. Вскорѣ старѣйшій изъ спартацевъ обратился къ Эліосу съ рѣчью:

— Родина наша, Спарта, печалится о томъ, что не можетъ назвать тебя своимъ сыномъ, богоподобный Эліось, — но она широко открываетъ передъ тобой свои врата, полная удивленія къ тебѣ и восторга, какъ передъ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ ея гостей. Если ты удостоишь когда-либо Лаконію своимъ посѣщеніемъ, она встрѣтитъ тебя, какъ чужеземнаго царя, навѣщающаго ея царей. И каждый гражданинъ Спарты, наравнѣ съ ними, будетъ счастливъ, если ты переступишь порогъ его разукрашеннаго дома.

Старецъ умоляетъ, — и еще разъ заговорилъ лаконскій вождь Антеноръ, но голосъ его такъ дрожалъ, что, казалось, онъ выходилъ изъ чужой груди.

— Эліось! если ты посѣтишь когда-либо Спарту, то да удостоится и мой домъ твоего присутствія. Ты будешь также блестящимъ солнцемъ и этого дома....

Но Эліось отвѣчалъ ему грустно и гордо:

— Благодарю тебя, вождь, но я не приму этой чести. Если я не могу вступить подъ твой кровъ, какъ сынъ любимый и желанный, я не войду туда, какъ почетнѣйшій даже гость!

Тогда афинянинъ, блестящій Алкмеонъ, первый воскликнулъ:

— Если Спарта отрекается отъ своей гордости и славы, отъ своего второго Иракла,—мы, афиняне, умоляемъ тебя, прими гражданство наше! Будь сыномъ золотой Аттики, о, дивный вѣнценосецъ!

Афиняне также бурно зывали къ нему:

— Нѣтъ! Будь нашимъ гражданиномъ! Оивы воздадутъ честь и хвалу тебѣ!

— Священный градъ жаждетъ усыновить тебя! Въ Элидѣ ты совершенствовался въ своемъ искусствѣ—Олимпія тебя вѣнчала! Останься же въ Элидѣ!

— У насъ въ Милетѣ ты укрощалъ дикихъ коней—львовъ Востока, какъ бѣлыхъ покорныхъ ягнятъ!.. Прибуди же къ намъ, чтобы быть гордостью и красой нашего града.

— Избери лучше гражданство нашихъ прекрасныхъ Сирагузъ!

— Будь первымъ въ отчизнѣ нашей, Коринѣ!

— Золотистый корабль, украшенный розами, сvezетъ тебя въ Эфесъ!

— Только Аѣины достойны зрѣть тебя въ своихъ стѣнахъ, если безумная Спарта отрекается отъ тебя!

— О, сынъ! Мегара ждетъ тебя! Мегара тебя воспитала! Ты принадлежишь только ей одной!

И такъ всѣ земли и города Эллады протягивали къ нему восторженные и страстные объятія. Но онъ стоялъ недвижный и молчаливый, съ глубокой грустью во взорѣ. Наконецъ, тяжкій вздохъ высоко поднялъ его грудь, онъ снова обвелъ толпу печальнымъ взглядомъ—и тихо сталъ говорить:

— Отдыхая на твердыхъ камняхъ, питаюсь простѣйшей ѣдою, подобно звѣрямъ лѣснымъ, закаляя тѣло свое въ холодѣ, зноѣ и цѣломудренной жизни,—любя безгранично и страстно родную Спарту, и священное имя Ликурга, и святую смерть Леонида,—ненавидя въ глубинѣ души враговъ Лакедемона,—я былъ всегда истымъ спартанцемъ... Глаза мои видѣли неустанно зеленныя рощи Лаконіи; ноги мои стремились ступить на ея плодородную почву; разгоряченное чело мое жаждало освѣжиться въ прозрачныхъ водахъ Эвроты—и я мечталъ, что слава моя прогремитъ въ земляхъ законскихъ! Я всегда былъ спартанцемъ!.. И всюду, куда бы я ни являлся, странствуя по Элладѣ,—всѣ спрашивали меня вокругъ: „Что слышно на родинѣ твоей, спартанецъ?“ Когда я удивлялъ людей своей выносливостью и силой, не открывъ никому ни своего имени, ни рода—всѣ говорили однакожь: „Ты владѣешь мощью и крѣпостью твоей родины, Лаконіи. Зачѣмъ тебѣ скитаться въ чужихъ краяхъ, когда навѣрное тоскуетъ о такомъ сынѣ страна твоя родная, Лаконія?“ Но я вѣдь зналъ, что мнѣ запрещено, какъ изгнанному преступнику, стучаться у воротъ родного града! Одна лишь у меня оставалась надежда—на олимпійскій вѣнецъ. Я думалъ, что только онъ можетъ сдѣлаться

ключомъ моимъ къ вратамъ Лакедемона, къ сердцамъ спартанскихъ гражданъ. И страстно я пожелалъ приобрести этотъ побѣдный вѣнецъ. И день, и ночь я трудился, лелѣя мечту мою... Но только въ этомъ одномъ я не постигъ духа строгой отчизны моей. Но только въ этомъ одномъ я не доросъ до ея непреклонныхъ нравовъ. Я постигаю ихъ лишь въ этотъ поздній часъ! Спартанскій вождь и вы, всѣ граждане Лакедемона! теперь я признаю справедливость вашего приговора! Да будетъ нерушимъ святой законъ Ликурга. О, я обязанъ отречься отъ моей Спарты!.. Мегара! я возвращаюсь къ тебѣ!..

Тогда громоподобный возгласъ неизмѣримой толпы раздался по всей Олимпіи:

— Да здравствуетъ Эліосъ Мегарскій, сынъ Лизандра!

Мѣсяцъ тихо плылъ надъ Кроніономъ, какъ будто бы его блестящій дискъ катили лѣниво боги, нѣжась на бѣлыхъ облакахъ, — когда берега Алфея наполнились опять безчисленными путниками, возвращавшимися изъ Альтиса. И Эліосъ шелъ поспѣшно къ своей одинокой матери; его сопровождалъ Антеноръ и всѣ граждане Спарты, прибывшіе въ Олимпію. И когда вышла на встрѣчу къ нимъ Лаодика, болѣе чѣмъ когда-либо похожая на юность свою и на богиню красоты при свѣтѣ мѣсячныхъ лучей, — къ ней приблизились спартанцы, Антеноръ же сказалъ:

— Хотя ты умерла для Спарты, Лаодика, — мы воздаемъ тебѣ честь, благородная гражданка Мегары, за то, что ты воспитала сына на славу всей Эллады!

Эліосъ прижалъ ея руки къ груди своей, — она же, устремивъ ясный взоръ на вождя, — промолвила тихо, голосомъ, дрожавшимъ отъ безграничнаго счастья:

— Привѣтъ тебѣ, гражданинъ Лаконіи!.. Отчизна моя всегда тамъ, гдѣ и отчизна Эліоса...

Янина Бодуэнъ-де-Куртенэ.

ПО ШВЕЦИИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

I.—Черезъ Финляндію.

Югъ не надоѣлъ мнѣ, я страстно люблю его, я нигдѣ не жилъ бы кромѣ юга, потому что югъ — это солнце, а солнце — это жизнь, радость, красота и счастье. Но югъ нѣсколько утомилъ мою скромную музу. На моей палитрѣ художника онъ растратилъ всѣ яркія и сочныя краски, которыя я могъ дать ему. Я пережилъ его слишкомъ много, слишкомъ любовно, слишкомъ исключительно, и почувствовалъ инстинктивную потребность отдохнуть на время отъ его знойныхъ объятій въ трезвящихъ прохладахъ блѣднаго, дѣловаго сѣвера. Тайнственные саги Скандинавіи, величественная красота ея горъ и фіордовъ, суровая пустыня Ледовитаго океана, плещущая у послѣднихъ каменныхъ твердынь европейскаго материка, гдѣ царитъ трехмѣсячная ночь, и солнце сіяетъ въ глухой часъ полуночи,—все это манило меня теперь своею новизною и оригинальностью, художественною противоположностью всему тому, чѣмъ я пресытился за цѣлый рядъ своихъ многочисленныхъ южныхъ странствованій.

Но манила меня не одна сѣверная природа, не однѣ поэтическія легенды далекаго, своеобразнаго прошлаго; мнѣ хотѣлось еще взглянуть поближе въ современную жизнь честнаго и умнаго народа, который съумѣлъ, при самыхъ суровыхъ и неблагоприятныхъ условіяхъ, превратиться изъ кровожаднаго морского

разбойника въ образцоваго гражданина, образцоваго хозяина, образцоваго работника; хотѣлось наглядно поучиться у него самой трудной и самой вужной наукѣ — умно и честно устроить свою ежедневную жизнь не для политическаго блеска и треска, не для тщеславнаго показа другимъ, а для самого себя, для самых униженныхъ и обиженныхъ братьевъ своихъ.

И я рѣшился направить свой неугомонный путевой корабль вмѣстѣ съ перелетными птицами, тянущимися лѣтомъ съ горячаго юга на далекій сѣверъ, туда же, — къ полярной звѣздѣ, ко льдамъ и снѣгамъ странъ гиперборейскихъ...

Намъ съ женою неизбѣжно предстояла впереди такая обильная доза плаванія по бурнымъ волнамъ разныхъ проливовъ, заливовъ, морей и даже двухъ океановъ, что съ нашей стороны было довольно понятно желаніе сократить по возможности тяжелые для обоихъ насъ дни морской качки и морской скуки. Изъ Петербурга мы не поѣхали болѣе дешевымъ и, пожалуй, болѣе комфортабельнымъ путемъ прямо на пароходѣ въ Стокгольмъ, какъ это дѣлаетъ большинство ѣдущихъ въ Швецію, а предпочли прорѣзать, по желѣзной дорогѣ, Финляндію до Або, и уже оттуда совершить сравнительно короткій и сравнительно спокойный переѣзъ черезъ самое узкое мѣсто Балтійскаго моря къ берегамъ Швеціи.

Финляндскій поѣздъ, удобный для сообщенія съ Або, отходить изъ Петербурга ночью, и мы, забравшись въ прекрасно-устроенный, педантически-опрятный спальный вагонъ, проспали добросовѣстнымъ образомъ до утра. За это удовольствіе съ васъ берутъ въ кассѣ приплаты всего по 1 р. 50 к. съ особы, но въ вагонѣ добираютъ еще по 60 коп. съ каждаго добавочныхъ за спальное бѣлье, — если вы его потребовали. Досадно немножко только то, что по этой дорогѣ васъ, то-и-дѣло, пересаживаютъ изъ одного вагона въ другой. Первый поѣздъ идетъ прямо въ Гельсингфорсъ, — вы должны поэтому вставать и перелѣзать въ тотъ, который направляется на Улеаборгъ; еще станція, — пожалуйста вонъ и изъ улеаборгскаго, розыскивайте третій поѣздъ, уже специально предназначенный для Або. Впрочемъ, я проснулся въ шестомъ часу утра, гораздо раньше, чѣмъ намъ нужно было перекочевывать изъ своего спальнаго вагона.

Все сѣро, влажно, туманно кругомъ. Сразу убѣждаешься, что это не югъ, а сѣверъ. Дождь виситъ въ воздухѣ; тяжелыя, сплошныя облака спустились низко и давятъ васъ какою-то ти-

хою и кроткою тоскою. Ни солнца, ни тѣней. Однообразная тусклая зелень молодыхъ лѣсковъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ дорогу. Какъ будто весь пейзажъ нарисованъ матовыми тонами гуаши. Полей почти нѣтъ,—все зеленые сырые луга, зеленая мокрая трава. Если попадаются кое-гдѣ посѣвы ржи, то они на высокихъ грядкахъ своего рода, а между грядками—борозды, налитыя водою. Рожь тоже зеленая, какъ трава, и мокрая какъ трава. Она повалилась отъ слишкомъ частыхъ дождей и врядъ ли уже вырѣветъ на этомъ туселомъ финляндскомъ солнцѣ.

Черныя, насквозь, кажется, промокшія, тесовыя избушки безъ оконъ разбросаны вездѣ по лугамъ; это—сарайчики для сѣна, которое, обсохнувъ на солнцѣ, набивается въ нихъ на зиму. Заостренныя жерди, съ такими же острыми рожнами съ боковъ, торчатъ голыми елочками на тѣхъ же лугахъ; скошенное сырое сѣно надѣвается на эти рожны, какъ кудель на гребень прялки, чтобы вѣтеръ могъ свободно продуть его, и чтобы почвенная влага не привасалась къ нему. Это обычный приемъ сѣверныхъ хозяевъ, знакомый и нашимъ губерніямъ озерной полосы. Скота не видно, людей не видно. Нѣмая, словно вымершая страна. Только съ лѣсныхъ холмовъ безмолвно смотрятъ на насъ подчища молодыхъ елей и березокъ, чтѣ тянутся на десятки, на сотни верстъ впередъ, назадъ, во всѣ стороны. Загадочными, тысячелѣтними, чудовищными глядятъ среди этихъ молодыхъ лѣсковъ обросшіе сѣдыми мхами и лишаями горбы гранитныхъ камней, тяжело вылѣзающіе изъ-подъ земли. Ихъ полинявшіе, полустертые тоны такъ подходятъ къ общему тусклому колеру картины. Только изрѣдка нарушаютъ его, словно свѣжія раны земли, кроваво-лиловые изломы только-что взорваннаго пороховъ гранита. Земля здѣсь не только напоена какъ губка влагою, но и начинена, словно пирогъ горохомъ,—каминьями. Они съ силою выпираютъ изъ нея, засыпаютъ ее,—будто тамъ, внутри, нѣтъ больше мѣста для нихъ. Тутъ—странное дѣло—на всякомъ шагу воды болота на сухомъ ложѣ гранитовъ; человекъ долженъ бороться въ одно и то же время и съ губительнымъ избыткомъ влаги, и съ бесплодіемъ камня.

На станціи Рихимкахъ мы—около восьми часовъ утра. Приглашаютъ мѣнять вагоны. Кондуктора—какіе-то приличные чиновники съ тономъ благорасположенныхъ наставниковъ. Здѣсь полагается большой буфетъ, о которомъ финляндцы заранѣе предупреждали меня какъ о чемъ-то исключительно хорошемъ, но

который все-таки далеко не похожъ на наши дѣйствительно роскошные буфеты большихъ русскихъ вокзаловъ. Зато здѣсь цѣлая бібліотека книгъ шведскихъ и финскихъ, переводы Золя, Нордау, даже нашего Немировича-Данченко... Не о хлѣбѣ, значитъ, единомъ будетъ живъ человѣкъ!

Начиная съ Тавастгуса, по обѣ стороны дороги провожаютъ насъ озеро. Живописные лѣсные холмы окружаютъ ихъ. Въ самомъ городѣ Тавастгусѣ, на островѣ среди озера—старый шведскій замокъ съ башнями, теперь обращенный въ фабрику; налѣво отъ дороги опять озеро съ красивыми дачами, съ живописною крѣпостцею на берегу, у подножія горы. Финляндія по истинѣ преддверіе Швеціи, и ея историческіе памятники—обрывки шведской исторіи. Для русскаго глаза, для русскаго уха, для русскаго духа—это чужая страна. По-русски понимаютъ только немногіе кондукторы и жандармы, одѣтые въ знакомую намъ русскую форму. Все же остальное не только по-русски или по-нѣмецки, а даже по-шведски не понимаетъ,—ездѣ одно только сплошное финляндство, или, говоря слишкомъ выразительнымъ русскимъ терминомъ, — сплошная чужна... Обычай, пейзажи, дома, поля, люди, деньги,—все здѣсь уже не наше, а иноземное. Деревень нѣтъ, одни лѣса. Зато вся дорога, всѣ лѣса, поля на сотни верстъ протяженія тщательно обнесены утлою оградой изъ положенныхъ навѣсось жердочекъ. У насъ, русскихъ людей, жердочки эти были бы повалены, сломаны, сожжены, раскиданы на другой же день постѣ ихъ постановки, коровы чесались бы о нихъ, пастушонки пекли бы на нихъ картошки; у финна они бережно охраняются каждымъ проѣзжимъ, какъ священный признакъ ненарушимого чужого владѣнія.

Нѣмой, покорный и смиренный народъ, полный робости передъ жизнью, благоговѣнно чтущій всякое предписаніе начальства, всякое наставленіе своего пастора,—населяетъ эту сырую и каменистую зеленую пустыню, пристыжая нашего брата русскаго своею почти автоматическою аккуратностью и безмолвнымъ трудолюбіемъ...

Почва тутъ тоже какая-то чужая: блѣдно-сѣрая, въ грубыхъ колмыжкахъ, безнадежная уже по виду. У насъ давно все отцвѣло, а тутъ только зацвѣтаетъ сирень и жимолость, какъ у насъ въ маѣ.

Въ Тайолѣ насъ опять отцѣпили, потому что поѣздъ пошелъ на Улеаборгъ. Тутъ опять ѣда. Оригиналенъ и вмѣстѣ трогателенъ обычай финновъ—кормить путешественниковъ, который потомъ мы ежедневно встрѣчали во всей Скандинавіи. Вы входите въ ком-

нату, уставленную множеством тарелочек съ холодными закусками и блюдами съ горячим кушаньем; тутъ же самоваръ съ кофеемъ, съ чаемъ, бутылки пива, горки хлѣба. Толпа нахлынула и приступомъ овладѣла всѣми этими заготовленными яствами. Звенятъ ножи, стучатъ тарелки. Прислуги никакой. За конторкой спокойно стоитъ какая-нибудь единственная дѣвица, не обращающая ни малѣйшаго вниманія на то, кто и что ѣсть и пить... Никто никому ничего не подноситъ, никто ни у кого ничего не спрашиваетъ, каждый распоряжается всѣмъ, что видѣть, какъ его душенькѣ угодно: хочетъ—ничего не ѣсть, хочетъ—ѣсть всякаго кушанья по три раза. Каждый накладываетъ и наливаетъ самъ себѣ, что ему по вкусу. Дѣло дѣлается быстро, дружно и, вмѣстѣ, дешево. Какія-нибудь двѣ деревенскія дѣвушки успѣютъ заранѣе уставить столы приготовленными кушаньями и посудой, и огромная толпа удовлетворена гораздо скорѣе и полнѣе, чѣмъ при услугахъ цѣлой своры официантовъ-татаръ, получающихъ большое жалованье и взыскивающихъ въдобавокъ съ публики огромный косвенный налогъ въ видѣ нелѣпаго „на чай“.

Кончили пить и ѣсть, идутъ къ конторкѣ, и каждый добросовѣстно вручаетъ конторщицѣ, что съ него слѣдуетъ. Цѣны не по порціямъ, а огульныя, за обѣдъ, за завтракъ, что бы вы ни ѣли. Только при такомъ порядкѣ обѣденныя остановки поѣзда могутъ быть сравнительно коротки. И только при крѣпко укоренившейся честности народа возможны подобные порядки...

Ближе къ Або, къ пристанямъ моря, на станціяхъ все чаще встрѣчаешь цѣлые городки пиленныхъ досокъ и тесу, сложенныхъ настоящими свѣжесрубленными домиками, и даже прикрытыхъ очень практично пологими крышами изъ того же теса.

Вотъ, наконецъ, и Або,—порогъ въ Швецію. Або—очень старый и очень живописный городъ. Туземцы и шведы называютъ его—Обо, а не Або. Остановиться въ немъ необходимо, чтобы осмотрѣть эту древнюю столицу Финляндіи и подготовиться къ морскому переѣзду на чужбину. Вездѣ почтенная чистота, простота, удобство безъ малѣйшей показности. Все основательно и хорошо, что существенно необходимо для жизни, для здоровья, для заработка, а не для блеска. Многоводная рѣка Аура, съ своей прозрачной зеленой волной, окована прочными гранитными набережными; мостовые, троттуары, мосты—въ превосходномъ порядкѣ. Вездѣ скверы, бульварчики; магазиновъ мало; кидающихся въ глаза ярко-пестрыхъ вывѣсокъ и окон-

ныхъ выставокъ совсѣмъ нѣтъ, но зато много банковъ, солидныхъ торговыхъ складовъ и конторъ, не громко, но вѣрно ведущихъ свои дѣла. Народу на улицахъ мало; тишина и приличіе вездѣ. Теперь всѣ, кто подостаточно, въ деревнѣ, на дачахъ, въ заграничныхъ курортахъ. Осталась здѣсь одна демократическая публика. Насъ ѣдетъ въ Швецію цѣлая компанія—я и три мои дамы; поэтому мы наняли четырехмѣстную коляску, чтобы объѣхать городъ.

Лучшее мѣстечко, откуда можно полюбоваться Або и его окрестностями—холмъ обсерваторіи. На него поднимаются по изрядно крутой дорогѣ, которая на самомъ верху вьется уже между деревьями и лужайками парка. Кромѣ башни обсерваторіи, на макушкѣ холма еще и училище мореплаванія. Тутъ на каждомъ шагу—террасы, скамьи, тѣнистыя аллеи.

Въ укромномъ уголкѣ, среди деревьевъ, пріютился и ресторанъ съ своими столиками и лавочками. Можно взобраться и на башню обсерваторіи, и на террасы училища. Видъ отсюда прекрасный: лѣсныя горы зеленымъ вѣнцомъ окружаютъ Або, и извивы Ауры, бѣгущей въ недалекій фіордъ, вырѣзаются сверкающею змѣею среди этой зелени. На ближнихъ холмахъ, которыми оканчивается городъ,—два средневѣковыхъ замка: одинъ обращенный теперь въ тюрьму, и другой, полѣвѣе, замокъ Эриха XIV-го, мѣсто его долготѣнаго заточенія; въ каменномъ полу тѣсной кельи злополучный король протопталъ своими шагами глубокій слѣдъ, который показывается теперь любопытнымъ посѣтителемъ въ качествѣ исторической достопримѣчательности города Або.

Старинный каедральный соборъ Або — на самомъ берегу Ауры, сейчасъ же у подножія обсерваторнаго холма. Онъ огроменъ, но архитектура его тяжела, мало вкуса. Сложенъ онъ изъ красныхъ кирпичей, оконъ въ немъ очень мало, и это еще болѣе увеличиваетъ его неуклюжесть... Некрасивая кирпичная колокольня, съ насаженнымъ на нее сверху желѣзнымъ чернымъ конусомъ, какъ будто прилѣплена къ массивному зданію собора. Внутри—та же прозаичность, на нашъ глазъ, грубое безвкусіе. Известью выбѣленные бѣлые своды на тощихъ и длинныхъ столбахъ, лишенныхъ всякой пропорціи, перекрещиваются вверху стрѣльчатою сѣтью и производятъ впечатлѣніе какой-то суровой и скучной бѣдности; отсутствіе фантазіи—вполнѣ подходящее, впрочемъ, къ унынію и однообразію сѣверной природы. Овна заagnаны Богъ знаетъ какъ высоко, никакихъ украшеній нигдѣ. Престолъ—простой продолговатый столъ съ двумя свѣчами,—

и ничего больше; большая икона Воскресенія Христова за престоломъ, уцѣлѣвшая, вѣроятно, со временъ католичества, да двѣ-три картины по стѣнамъ—напоминаютъ вамъ, что вы въ Божьемъ храмѣ. Зато внутренняя жизнь этой сухой и холодной внѣшности вполне достойна христіанскаго дома молитвы. Безконечные ряды массивныхъ, полированныхъ скамей биткомъ набиты молящимися; женщинъ, дѣвушекъ особенно много. Тишина такая, что слышенъ полетъ мухи. Всѣ головы и головки благоговѣнно наклонены на молитвенно сложенные руки, передъ всѣми раскрыты молитвенники. Торжественные звуки органа льются ритмическими волнами съ высоты хоръ, постепенно наполняя собою снизу до верху обширный храмъ, и на ихъ густомъ и могучемъ стихійномъ фонѣ вырѣзаются, какъ нѣжный акварельный рисунокъ, мелодическіе голоса поющихъ мужчинъ и дѣвушекъ.

Невозможно было и подумать чѣмъ-нибудь нарушать эту священную тишину и эти священные мелодіи—даже самымъ осторожнымъ осмотромъ древнихъ каменныхъ гробницъ, украшенныхъ средневѣковыми арматурами и надписями и уставленныхъ въ боковыхъ аркахъ собора. Въ одной изъ этихъ гробницъ погребена жена шведскаго короля Эрика XIV-го.

Мы вышли изъ храма вмѣстѣ съ толпою, торопливо спускавшейся внизъ по громаднымъ ступенчатымъ крыльцамъ. Вокругъ собора—тѣнистый скверъ съ аллеями, цвѣтниками и скамейками, и въ скверѣ—два историческихъ памятника изъ темной бронзы. Одинъ—храброму шведскому фельдмаршалу Петру Браге, въ вызывающей позѣ, съ обнаженною шпагою, въ костюмѣ временъ тридцатилѣтней войны; другой—основателю абоскаго университета—Портгану. Этотъ задумчиво сидитъ въ глубокомъ креслѣ, какъ нашъ дѣдушка Крыловъ, съ перомъ въ рукѣ, и какъ у насъ въ Лѣтнемъ саду, или какъ въ Женевѣ вокругъ памятника Ж.-Жака Руссо, толпы дѣтишекъ постоянно играютъ у его подножія.

Пароходъ долженъ былъ придти только къ ночи, и, чтобы не сидѣть въ пустыхъ номерахъ гостиницы, мы, осмотрѣвъ все, что было интереснаго въ городѣ, отправились обѣдать въ павильонъ хорошенькаго, потонувшего въ зелени, ресторана, на самомъ берегу рѣки Ауры. Къ удовольствію нашему, тамъ оказался даже вельнеръ изъ Петербурга, говорящій по-русски, и весьма порядочная кухня. Послѣ обѣда мы до вечера сидѣли на террасѣ павильона, сначала за кофе, потомъ за чаемъ, любясь рѣкою и городомъ и наблюдая мѣстную публику, возсѣ-

давшую кругомъ насъ и на террасѣ, и за столиками сада; Ъли эти господа мало, но пили изрядно, и далеко не одно скромное пиво. А на рѣкѣ, у нашихъ ногъ, ежеминутно причаливали и отчаливали пароходики, и всѣ пароходики были полны публикою, спѣшившею въ разныя загородныя мѣста... И глядя на всѣ эти нерусскія сцены, типы и обычаи, слыша кругомъ себя сплошной нерусскій говоръ, мнѣ такъ искренно казалось, что мы уже въ Швеціи, среди шведовъ, далеко за предѣлами русскаго царства.

Къ ночи подвалилъ, наконецъ, пароходъ „Финляндія“, и ровно въ полночь мы тронулись въ путь...

Тутъ, конечно, странно было бы и говорить о русскомъ влияніи, русскомъ языкѣ. Россія тутъ—какой-то отвлеченный терминъ. Конкретной, осязательной Россіи—нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ. Нѣтъ ни русскихъ капиталовъ, ни русской промышленности, ни русскаго образованія, ни русской исторіи, ни русской религіи, ни русскихъ жителей, ни даже русскихъ путешественниковъ. Откуда же и зачѣмъ возьмется тутъ русскій языкъ, русскіе интересы? Это старый осколокъ Швеціи, случайно переброшенный черезъ Балтійское море на русскую сторону, и здѣсь поэтому все думеть, чувствуетъ и устроивается по-шведски. На пароходной пристани мы съ большимъ трудомъ могли добиться того, что намъ было нужно, и еслибы не добродушный, услужливый жандармъ, говорившій, хотя и съ сильнымъ акцентомъ, по-русски, мы врядъ-ли добились бы чего-нибудь среди суетящейся и спѣшащей толпы, для которой русскій языкъ почти такъ же понятенъ, какъ всякій другой чужой. Тотъ жандармъ уже тридцать лѣтъ живетъ въ Або и расхваливаетъ до-нельзя здѣшній народъ. Полиціи тутъ рѣшительно нечего дѣлать: такъ все смирно, мирно и честно.

Мы съ женою не привыкли къ бѣлымъ финскимъ ночамъ и смотрѣли какъ на какія-то сонныя видѣнія на башни замковъ, шпили церквей, трубы фабрикъ и мачты кораблей, мимо которыхъ беззвучно и плавно шелъ нашъ пароходъ.

Сначала мы шли по многоводной Аурѣ, потомъ по фіорду, въ который впадаетъ она. Для насъ здѣсь все было ново, и этотъ, невѣдомо откуда, льющійся, все въ себя поглотившій голубой свѣтъ ночи, и эта очарованная тишина морскихъ водъ, и эти загадочно глядѣвшіе на насъ, таинственно манившіе къ себѣ, безмолвные лѣсные островки, цѣлымъ архипелагомъ уходявшіе въ обѣ стороны и тонувшіе въ свѣтлыхъ туманахъ ночи...

Упоительная ночь!..
 Ночь нѣмая,
 Голубая,
 Неба сѣвернаго дочь..

Темные силуэты вилъ съ ихъ готическими вышками и фронтонами вырѣзались на иныхъ островкахъ, придавая еще больше живописности и прелести этому оригинальному пейзажу; а чуть двигавшіеся купеческіе корабли, обвѣшанные сверху до низу цѣлыми ярусами своихъ парусовъ, казались среди этой фантастической обстановки колоссальными бѣлыми птицами, нахохлившими свои пушистыя перья и мирно дремлющими на глади водъ...

Долго двигались мы въ этой нераспутываемой сѣти лагуновъ, каналовъ, озеръ, заливовъ, острововъ, мысовъ, сидя на палубѣ и потерявъ въ какомъ-то полусонномъ забытьѣ ясное сознаніе того, что именно охватываетъ насъ этою бѣлесоватою свѣтящеюся мглою,—сумерки ли отходящаго дня, или разсвѣтъ наступающаго утра. Тутъ поймешь—если не умомъ, то инстинктивнымъ чувствомъ—всю фантастичность и мистичность финской поэзіи, всю безмолвную и покорную сосредоточенность финскаго духа...

Только въ два часа ночи спустились мы въ свою покойную каюту и проспали выходъ въ море и остановку у Аландскихъ острововъ.

Когда мы вышли утромъ на палубу, пароходъ уже шелъ открытымъ моремъ; тихая, радостная прохлада стояла въ утреннемъ воздухѣ. Знакомая намъ компанія тоже была наверху. Въ числѣ ея былъ одинъ житель Выборга, уроженецъ Або, бывшій лейтенантъ русскаго флота, говорившій поэтому по-русски и передавшій намъ съ вечера много интересныхъ подробностей объ Або и о Финляндіи; былъ и одинъ чисто русскій человѣкъ, молодой ученый геологъ Л. Н. Звѣринцевъ, узнавшій отъ кого-то мое имя и оказавшійся сочувствующимъ мнѣ читателемъ литературныхъ моихъ книгъ. Онъ съ восторгомъ отзывался о Финляндіи, которую хорошо знаетъ, исходявъ ее въ разныхъ направленіяхъ при своихъ геологическихъ экскурсіяхъ. Главный, интересующій его теперь, научный вопросъ—это остатки ледниковыхъ отложеній на сѣверѣ европейскаго материка. Съ этою цѣлью онъ изучилъ подробно архангельскую и олоонецкую губерніи и сосѣднюю съ ними Финляндію, а теперь ѣдетъ, по приглашенію шведскихъ ученыхъ, принять участіе въ международномъ геологическомъ съѣздѣ въ Стокгольмѣ, откуда собрав-

шіеся геологи намѣреваются сдѣлать нѣсколько научныхъ экскурсій въ разныя интересныя мѣстности Швеціи.

Переѣздъ изъ Або въ Стокгольмъ—отчасти, можетъ быть, потому, что его продѣлываешь ночью,—спокоенъ и какъ-то почти незамѣтенъ. За весь переѣздъ безъ продовольствія съ насъ взяли по 12 р. 35 к. съ лица. Ёда очень обильная, разнообразная: если не ошибаюсь, по 2 марки за завтракъ, по 3 марки—за обѣдъ.

Не успѣютъ кончиться шхеры финскаго берега, въ которыхъ даже и въ вѣтряное время царить сравнительное затишье, какъ черезъ небольшой прогалокъ открытаго моря уже начинаются Аландскіе острова, тоже окруженные шхерами; за Аландскими островами опять въ недолго ѣдете открытымъ моремъ. Только-что мы успѣли за завтракъ, какъ вдали на горизонтѣ показались безконечные и неисчислимыя шхеры шведскаго побережья.

Шведы и финляндцы говорятъ не „шхеры“, а „шеры“, на нѣмецкій манеръ. Шхеры—спеціальная принадлежность скандинавскихъ береговъ, которые обсыпаны ими, какъ крѣпость—своими редутами. Шхеры—это цѣлый особый оригинальный міръ. Пока они не очень намозолили вамъ глаза, пока они новинки для васъ—они васъ невольно увлекаютъ, въ нихъ своеобразная красота своего рода, не похожая ни на что другое, видѣнное вами.

Цѣлое необозримое населеніе острововъ, островковъ, цѣлый нераспутываемый лабиринтъ проливовъ, озеръ и озерецъ, заливовъ и бухточекъ, широкихъ и узкихъ каналовъ, мысовъ, полуостровковъ, подводныхъ камней, скалистыхъ горбушекъ и утесовъ, торчащихъ изъ воды,—провожаютъ обыкновенно широкою, безконечно-длинною полоскою всѣ изгибы скандинавскихъ береговъ, заслоняютъ входы въ каждый фіордъ ихъ.

Тутъ смѣшаны въ одинъ хаосъ вода и земля, гранитъ и песокъ, лѣсъ и голый камень, жильѣ человѣка и рыбы заводы, маяки, баканы, корабли, пароходы, лодки,—безвыходно пребывающіе и проходящіе здѣсь...

Это—привольное царство рыбаковъ и рыбы, старинная природная школа морского разбойника и морского промышленника.

Широкая водная дорога, втрое шире самой широкой рѣки, бѣжитъ, извиваясь, между этими голыми черепами, желваками и горбушками краснаго и сѣраго гранита, между ярко зелеными березниками и черно-зелеными ельниками лѣсистыхъ островковъ, двоясь, троясь, расходясь во всѣ стороны десятками про-

улковъ и проходцевъ, обходя каждый островъ, заворачивая кругомъ каждого мысика, исчезая въ заманчивыхъ далахъ, загораживая себя живописными декораціями, то разливаясь въ круглое швейцарское озеро, обставленное лѣсами и скалами, то стремясь впередъ прямымъ могучимъ столбомъ какой-нибудь царственной рѣки, Волги или Нила.

На островкахъ покрупнѣе нерѣдко виднѣются спрятанныя въ зелени деревеньки и отдѣльные домики рыбаковъ. На скалахъ и подводныхъ камняхъ то-и-дѣло торчатъ будочки съ предохранительными огнями, указывающими ночью кораблямъ фарватеръ этого безысходнаго лабиринта. Кромѣ того, множество красныхъ желѣзныхъ бакановъ плаваютъ на якорныхъ цѣпяхъ по границамъ этой „судовой полосы“.

Теперь ночи свѣтлыя, и огней въ маячкахъ не зажигаютъ; въ сезонъ же темныхъ ночей, осенью и зимою, огни въ этихъ маячкахъ горятъ день и ночь, такъ какъ экономные шведы разочли, что стража, обязанная ежедневно развѣзжать по этимъ безчисленнымъ островкамъ для зажиганія и тушенія фонарей, обошлась бы гораздо дороже, чѣмъ нѣсколько лишнихъ часовъ горѣнія. Стоить только принять прочъ эти баканы и потушить эти сигнальные огни, какъ весь громадный архипелагъ шхеръ сдѣлается сразу непроходимымъ. Такъ что шхеры могутъ по справедливости считаться одною изъ надежнѣйшихъ защитъ не только береговъ Швеціи, но и самой столицы ея. На этой двадцативерстной дорогѣ между скалъ и камней, которую пароходъ пробѣгаетъ теперь, не останавливаясь, въ два-три часа, можно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, на каждомъ шагу посадить на мель, наткнутъ на подводные камни, и когда нужно—взорвать и разстрѣлять цѣлый непріятельскій флотъ.

Въ ранней исторіи Швеціи эта раздольная пустыня шхеръ воспитывала удалое безстрашіе стариннаго викинга, всѣхъ этихъ Рогвольдовъ и Биргеръ-Ярловъ, съ дѣтства проникавшихся непреодолимою любовью къ широкому водному простору, съ дѣтства приучавшихся смотрѣть въ лицо бурямъ и опасностямъ всякаго рода.

Всѣ поэтическіе идеалы юнаго народа, всѣ его практическія потребности, интересы и вкусы—осуществлялись въ этомъ могучемъ морѣ, кормившемъ, носившемъ, пугавшемъ и радовавшемъ древняго скандинава.

Въ этихъ близкихъ другъ къ другу островкахъ, на этихъ доступныхъ ему проливчикахъ и заливчикахъ онъ незамѣтно становился смѣлымъ и ловкимъ пловцомъ, знакомился глазъ-на-

глазъ съ суровыми правами родного ему всемогущаго чудовища, привыкалъ читать въ его зловѣщихъ морщинахъ и его грозномъ рокотѣ—готовящійся взрывъ его гнѣва, привыкалъ извлекать изъ него свое богатство и власть, привыкалъ вѣрить въ него и любить его какъ кормилицу-мать, съ простодушною дерзостью дикаря, впервые ощутившаго свои молодыя силы...

Эти лѣсные островки и мыски сами звали его въ разбойничью засаду на проплывавшихъ мимо чужеземныхъ торговцевъ; этотъ запутанный лабиринтъ канальчиковъ и проливовъ давалъ ему твердую увѣренность, что онъ безопасно скроется въ нихъ отъ всякаго врага, обойдетъ его и встрѣтитъ—гдѣ нужно; идеальная школа пиратства и „варяжества“!

Потомъ, въ вѣка болѣе мирные и болѣе новые, когда христіанская цивилизація мало-по-малу одолѣла древняго варвара, поклонника Тора и Одина,—тѣ же лабиринты водъ, скаль и лѣсовъ, та же нераспутываемая сѣть проливовъ, заливовъ и острововъ воспитали нынѣшняго скандинава, настойчиваго, рѣшительнаго и молчаливаго „работника моря“,—*travailleur de la mer*,—по образному выраженію Виктора Гюго,—который возитъ свою рыбу и свой лѣсъ на своихъ безхитростныхъ суденышкахъ въ Америку и Австралію и борется съ полярными льдами, съ хладнокровіемъ и смѣлостью своего сосѣда—бѣлаго медвѣдя...

Чѣмъ ближе къ Стокгольму, къ берегу, тѣмъ красивѣе, зеленѣе, оживленнѣе дѣлается этотъ своеобразный міръ шхеръ, „*scher gaard*“, какъ называютъ его шведы.

Деревни, городки, виллы, замки выплываютъ по очереди намъ на встрѣчу въ своихъ густыхъ лѣсныхъ уборахъ, чередуясь какъ декораціи театра.

Наша компанія, конечно, не сходитъ съ рубки; жена моя вооружена моментальнымъ фотографическимъ аппаратомъ, которыми пытается уловить самые характерные виды.

Съ нами много публики, хорошо знакомой съ окрестностями шведской столицы, и всякій изъ нихъ старается любезно объяснить намъ все интересное.

Бодрый, подвижной старичокъ, родственникъ извѣстнаго адмирала Авелана, часто посѣщающій Стокгольмъ, сообщилъ намъ особенно много полезныхъ подробностей. Но кромѣ русскихъ соотечественниковъ, большую любезность оказывалъ намъ молодой финнъ, студентъ гельсингфорскаго университета, говорившій свободно по-французски; въ таможнѣ и на пристани, гдѣ при-

ходилось среди страшной толкотни нанимать извозчиковъ и получать багажъ, не понимая языка, этотъ милый юноша выручалъ насъ изъ многихъ затрудненій и непріятностей, а на палубѣ парохода онъ усерднѣйшимъ образомъ помогалъ женѣ устанавливать аппаратъ, перемѣнять пластинки и пр.

Крѣпость Ваксгольмъ преграждаетъ своими голыми скалами, стѣнами и башнями—путь къ шведской столицѣ. Два острова ея расположены, какъ часовые у воротъ, по обѣ стороны узкаго воднаго прохода. Черныя жерла пушекъ глядятъ недвусмысленно изъ этихъ романтическихъ средневѣковыхъ стѣнъ, забравшихся на отвѣсныя утесы. Не знаю, насколько дѣйствительно грозны ея бойницы при теперешнихъ колоссальныхъ средствахъ нападенія. Но зато эти живописныя башни и скалы такъ кстати разнообразятъ нѣсколько однообразный пейзажъ. Напротивъ крѣпости—цѣлый хорошенькій городокъ.

Подходъ къ Стокгольму по безконечному водному корридору, окруженному островами, дачами, деревнями,—невольно напомнилъ мнѣ Босфоръ. Ни въ какой другой столицѣ, кромѣ Константинополя, нѣтъ такого живописнаго и оживленнаго подхода. Но, конечно, въ Босфорѣ все несравненно ярче, оригинальнѣе, ослѣпительнѣе. Здѣсь же и солнце, и море, и небо, и зелень—все какъ-то блѣдно и тускло, безъ рѣзкихъ тѣней, безъ огня и золота, такъ щедро разлитыхъ по южному пейзажу. Будь эти шхеры на югѣ, среди волнъ греческаго архипелага, они были бы вдвое прелестнѣе...

II.—Первыя впечатлѣнія въ Стокгольмѣ.

Дождь давно сталъ накрапывать, и когда мы пристали къ Стокгольму, сверху лило уже порядочно. Пароходъ останавливается чуть не у самаго королевскаго дворца, на набережной Шепсбронна.

Возня съ нашимъ безчисленнымъ багажомъ, при всей любезности и аккуратности шведовъ, очень непріятная. Надъ русскими иностранцы вообще смѣются, что мы таскаемъ съ собою цѣлые обозы. Но, съ другой стороны, довольно трудно избѣгнуть этой досадной и не мало стоющей обузы, отправляясь въ такое далекое и разнообразное путешествіе, да еще съ тремя дамами, которыхъ потребности гораздо сложнѣе нашихъ. Наше путешествіе, въ этомъ отношеніи, стояло еще въ особенныхъ условіяхъ: въ Стокгольмѣ, въ Готенбургѣ, въ Христианіи, въ Бер-

гентъ—мы должны были примѣняться въ своихъ костюмахъ къ городскимъ лѣтнимъ правамъ; а чтобы путешествовать въ экипажѣ по снѣжнымъ горамъ, чтобы отправляться на многія сотни верстъ за полярный кругъ по Ледовитому океану до самаго Нордъ-Капа—требовались чуть не зимнія одежды.

Въ двухъ просторныхъ каретахъ-омнибусахъ, сплошь заваленныхъ нашими сундуками и чемоданами, довели насъ благополучно до „Grand-Hôtel“,—и водворили въ весьма комфортабельныхъ номерахъ этой бесспорно лучшей, но и бесспорно самой дорогой гостиницы Стокгольма. Тутъ, конечно, и лифтъ, ежеминутно готовый поднять васъ въ поднебесье, и прекрасныя залы для чтенія, для занятій, столовыя, ванны и проч. Тутъ говорятъ съ вами на всѣхъ языкахъ Европы,—конечно, кромѣ русскаго,—тутъ вы можете, никуда не выходя, получать по телефону отовсюду справки и расчеты, сноситься съ банками, заказывать мѣста на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, куда вамъ пожелается, заказывать магазинамъ необходимыя вамъ покупки; тутъ въ вашемъ распоряженіи изящныя экипажи съ красивыми рысаками, лакеи, переводчики, проводники, коммиссіонеры и tutti quanti...

Обѣдъ — довольно тонкій и, правду сказать, недорогой для такой блестящей обстановки: sole, спаржа, рябчики, какое-то фигурное мороженое въ горшечкахъ, пять кушаній, съ правомъ требовать всего сколько угодно—за 3 кроны, т.-е за 1 р. 60 коп. съ cadaго. За вино, кофе, закуски—платится отдѣльно.

Хотя чуть не весь первый день мороситъ дождикъ, но мы не теряемъ золотого времени и катаемся себѣ въ покойномъ и изящномъ ландо на парѣ блестяще вычищенныхъ, сытыхъ вороныхъ коней по улицамъ, площадямъ и паркамъ очаровательной шведской столицы, чтобы получить общее наглядное понятіе о ней прежде, чѣмъ углубиться въ осмотръ подробностей. Въ часъ съ насъ берутъ по полторы кроны со всѣхъ четырехъ персонъ, что сравнительно очень милостиво. Мы по истинѣ очарованы этимъ прелестнымъ и оригинальнымъ городомъ.

Своеобразная красота его характерныхъ зданій, его многочисленныя острова, тѣсно набитые, какъ коробочка спичками, средневѣковыми шпилями, фронтонами, башнями, широкій просторъ его обильныхъ водъ, врѣзающихся десятками бухтъ, проливовъ, озерковъ въ гранитные берега, его тѣнистые сады и парки, полныя статуй, цвѣтниковъ, фонтановъ, безчисленныя корабли, пароходы и пароходики, снующіе по его каналамъ, выгружающіеся и нагружающіеся у его набережныхъ, веселая и дѣятель-

ная толпа на его улицахъ,—все это придаетъ Стокгольму видъ чрезвычайно оживленнаго и крупнаго культурнаго центра.

Прогулка наша тянется безъ конца: мы объѣзжаемъ рѣшительно всѣ части города: и Стаденъ, и Риддаргольмъ, и Норрмальме, и Ёстермальме, и Шеппсгольмъ, и Кастельгольмъ... Только южную, мало интересную часть города, Сöderмальме, на крутые берега которой необходимо карабкаться какъ на стѣны крѣпости,—мы оставили въ сторонѣ, да отложили до хорошей погоды посѣщеніе восхитительнаго острова Дьургордена съ его замѣчательными музеями, парками и ресторанами.

Меня особенно приводятъ въ восторгъ мостовыя и троттуары Стокгольма: мы все время катимся какъ по льду. Нигдѣ, даже въ самомъ глухомъ переулочкѣ, ни одного толчея, ни малѣйшей выбоинки. Несоврушимые гранитные кирпичи продолговатой формы просто спаяны чѣмъ-то другъ съ другомъ, приточены одинъ къ другому, какъ каменный узоръ мозаики. Чистота поразительная, невѣроятная для русскаго глаза. У насъ въ иныхъ гостиниыхъ сортиѣ и грязнѣе, чѣмъ у нихъ на улицѣ!

Да и вообще, на что тутъ ни взглянешь, куда ни обернешься,—вездѣ удобство, обдуманность, приличіе, утѣшающія ваше сердце, вселяющія въ васъ невольное почтеніе къ народу, съумѣвшему такъ по-человѣчески устроить свой бытъ и относящемуся съ такимъ уваженіемъ ко всякому дѣлу, ко всякой своей обязанности.

Стоить только посмотрѣть поближе на эту толпу, безостановочно двигающуюся мимо васъ, стоять пожить нѣсколько дней съ этимъ милымъ народомъ, чтобы понять, почему здѣсь царствуетъ вездѣ такой порядокъ и такое удобство. Тутъ не одинъ какой-нибудь малочисленный классъ людей успѣлъ цивилизоваться и проникнуться челоѣческими потребностями и вкусами. Тутъ просвѣщенъ *весь народъ*, — вся эта толпа базаровъ, пристаней и улицъ, всѣ эти кучера, горничныя, приказчики; — просвѣщены, кажется, сами здѣшнія лошади и собаки,—до того мирно и разумно ведутъ они здѣсь себя. Полиціи вы почти не видите. Рѣдко гдѣ, на самыхъ бойкихъ мѣстахъ, у вѣзда на какой-нибудь мостъ, гдѣ протекаетъ и проѣзжаетъ въ обѣ стороны непрерывающаяся волна народа и экипажей, стоитъ внушительная фигура городского, котораго вы примете скорѣе за приличнаго чиновника,—такъ онъ серьезенъ, вѣжливъ и предупредителенъ ко всѣмъ. Народъ самъ поступаетъ такъ, какъ нужно, безъ сторонней указки, безъ угрозъ и запретовъ; „тащить“ и „не пу- щать“ тутъ никого никому не приходится. Всякій свободно поль-

зуются своимъ правомъ, не посягая на права другого и не мѣшая ему. Къ тому же и всѣ распорядки, все устройство здѣсь такъ просто, естественно и разумно, такъ практично приурочено къ потребностямъ каждаго дѣла, такъ все у мѣста и своевременно и исполняется такъ добросовѣстно тѣми, кто при- ставленъ къ этому дѣлу,—что и удивляться не приходится этому само собою поддерживающемуся повсемѣстному порядку.

Въ какой отдаленный уголокъ ни заѣзжали мы,—нигдѣ не встрѣтили ни одного оборванца, пьяницы, ругателя; всѣ чисто-плотны и приличны, бѣдняки по-своему, богатые по-своему; „всякій соблюдаетъ себя“, какъ выражается нашъ мужичокъ. У каждаго необходимое приспособленіе къ его работѣ и по части одежды, и по части орудій. Въ дождь, самый послѣдній поденщикъ—въ дешевомъ, но все-таки непромокаемомъ плащѣ, всякая кухарка—подъ зонтикомъ. У каждаго рабочаго для каждаго инструмента—подходящее ему помѣщеніе; если нужно везти тяжесть, то ее везутъ въ тачкѣ, въ телѣжкѣ, на дрогахъ, смотри по величинѣ ея, а не взваливаютъ, кряхти и надрыываясь, безъ вниманія къ ея вѣсу и къ силѣ человѣка, на его неразборчивую спину, гдѣ она потретъ ему платье и истерзаетъ кожу, сама не стоя того вреда, который неминуемо надѣлаетъ...

Да и народъ же здѣсь—заглядѣнье! Рослый, плечистый, сильный; все сплошь бѣлобрысыя головы, бѣлобрысыя бороды, свѣтлый взглядъ большихъ голубыхъ глазъ, бѣлолицыя, румянолицыя, съ крупными правильными чертами,—народъ-красавецъ, народъ-молодецъ, однимъ словомъ,—и притомъ превеселый народъ, даромъ что сѣверяне. Все Нансены и Норденшѣлды своего рода, цѣлыя толпы Нансеновъ, похожи другъ на друга, какъ овцы въ одной отарѣ. Женщины, а ужъ особенно дѣвушки, пожалуй, еще красивѣе мужчинъ. Тоже все бѣлыя, румяныя, русоволосыя, голубоглазыя, такія же рослыя, сильныя, подвижныя, такія же жизнерадостныя. Ходятъ и бѣгаютъ — посмотрѣть любо! Неутомимый народъ! да имъ и есть изъ чего потянуть силу: чахлахъ и худосочныхъ тутъ почти не увидите,—все здоровый, ерѣпко сбитый народъ, съ могучимъ плечомъ, съ могучими икрами. У всѣхъ налицо та „Die volle Gesundheit der Glieder“, которою восторгается Гёте въ своей деревенской красавицѣ Доротеѣ:

Такія дѣвушки—не вздоръ
Въ нашъ вѣкъ богѣзенный и хилый,...

—по выраженію нашего русскаго поэта; и поработать, и погулять, и поохотатъ могутъ вдоволь и отъ всей души. Ходятъ

здѣсь вообще очень много и очень быстро; можно сказать, всѣ тутъ ходятъ пѣшкомъ, не мѣря разстояній, куда кому требуется; въ экипажахъ ѣздятъ только въ исключительныхъ случаяхъ; а если дѣло спѣшное, нельзя терять времени, то къ услугамъ вашимъ конки и велосипеды. Конки постоянно переполнены, а велосипеды мелькаютъ взадъ и впередъ часто и быстро, какъ пролетающія ласточки. Женщины тутъ пользуются велосипедами самымъ широкимъ образомъ, наравнѣ съ мужчинами; но въ этой странѣ простоты и цѣломудрія—женщина или дѣвушка остается на своемъ велосипедѣ такою же благовоспитанною и скромною, какъ и въ обычной своей обстановкѣ. Тутъ вы не встрѣтите, какъ въ Парижѣ и другихъ большихъ центрахъ Европы, зазывающей выставки крутыхъ бедръ и соблазнительно обтянутыхъ ногъ, этихъ дерзко глядящихъ на васъ полу-мужчинъ, полу-женщинъ, шикариющихъ своими въ глаза бросающимися фантастическими костюмами, куртками съ выпирающимъ бюстомъ и панталонами необычайной объемистости, рассчитанными на раздраженіе чувственности въ зрителяхъ.

Нѣтъ, здѣсь женщины умѣютъ сидѣть на велосипедѣ въ обыкновенныхъ своихъ платьяхъ, въ обыкновенной своей милой и граціозной позѣ, не прибѣгая ни къ какимъ ухищреніямъ, но и не рискуя нисколько своею скромностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ управляясь съ этою летучею машинкою удивительно ловко, проворно и изящно.

Когда гдѣ-нибудь въ зелени парка, по его какъ резина упругимъ, какъ бархатъ гладкимъ аллеямъ несется мимо васъ съ быстротою мысли цѣлая компанія молоденькихъ бѣлокурыхъ дѣвушекъ въ свѣтлыхъ, разноцвѣтныхъ платьицахъ, свѣжая, веселая, цвѣтущая,—вамъ искренно кажется, что это пролетаетъ мимо васъ на крыльяхъ вѣтра сама весна съ радостною стаею своихъ хорошенькихъ птичекъ.

Вообще, когда видишь кругомъ себя цѣлое такое населеніе здоровыхъ, красивыхъ, весело глядящихъ и спокойно работающихъ людей,—невольно поймешь, какое прекрасное вліяніе оказываетъ на жизнь человѣка постоянное пребываніе въ движеніи, въ трудѣ, на чистомъ воздухѣ, да еще въ бодрящемъ воздухѣ моря, лѣсовъ и горъ. Всякую систему дѣйствій нужно цѣнить по ея результату. А система жизни шведа, очевидно, привела его къ самому отрадному и самому рѣдкому у насъ результату,—къ здоровой крови, спокойнымъ нервамъ, скромности привычекъ, свѣтлому настроенію духа. Въ этомъ, въ сущности, вся задача человѣческаго счастья. Недаромъ шведы прославились въ

послѣднее столѣтіе какъ образцовые педагоги и гигиенисты; не даромъ шведская школа, шведская гимнастика, стали предметомъ общаго подражанія для европейскихъ народовъ. Здѣсь во всей буквальнойности и во всей полнотѣ осуществленъ мудрый принципъ классической древности — „здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Швеція можетъ доказать это всякому прїѣзжему иностранцу на томъ наглядномъ и по истинѣ всенародномъ „публичномъ экзаменѣ“, какой представить ему каждая улица, каждый паркъ шведской столицы. Даже столичная жизнь, чаще всего выбивающая человѣка изъ его обычной колеи, въ Стокгольмѣ сложилась удивительно правильно и порядочно. Стокгольмскій житель распредѣлилъ свои трудовыя занятія съ завидною равномерностью и умѣренностью; отдыху и потребностямъ растительной жизни онъ отвелъ подобающее мѣсто, и не истязаетъ себя непосильно-напряженною одностороннею работою. Утромъ, днемъ онъ трудится съ самою почтенною дѣловитостью, но и завтракаетъ, и обѣдаетъ въ свой часъ съ увлеченіемъ, достаточно подбадривая себя какимъ-нибудь любимымъ горячительнымъ напиткомъ, потребность въ которомъ, очевидно, вызывается условіями климата и постоянною жизнью на воздухѣ. Вечеръ же, съ семи часовъ, когда еще совсѣмъ свѣтло и вполне уже можно пользоваться недорогими развлеченіями демократической столицы, всѣ конторы и магазины закрываются, весь служащій и работающій людъ покидаетъ дома и устремляется живыми волнами пѣшкомъ, на конкахъ, въ вагонѣ желѣзной дороги, на палубахъ пароходовъ, — въ сады, парки, купанья, лѣтніе театры, концерты и увеселительныя учрежденія всякаго рода. Тамъ, гдѣ работы или занятія должны идти непрерывно, остаются по очереди дежурныя партіи, дежурныя лица, но уже всякій хозяинъ по неволѣ обязанъ принаимать лишнихъ служащихъ, какъ необходимыхъ замѣстителей другъ друга, потому что никто, ни за какія деньги не согласится здѣсь обращать свою трудовую жизнь въ одну вѣчную рабочую каторгу въ пользу другого, безъ заранѣе выговореннаго права собственнаго отдыха и развлеченія. Оттого, можетъ быть, милые шведы съ такимъ добродушіемъ и спокойствіемъ отправляютъ свои обязанности.

Мнѣ кажется, здѣсь немислимо, чтобы какой-нибудь портной или модистка согласились — за какую бы то ни было прибавочную плату — не спать ночь или просидѣть за работою цѣлое воскресенье, спѣша докончить какой-нибудь сюртукъ или рогатку къ сроку, требуемому заказчикомъ, какъ это сплошь да рядомъ случается у насъ, гдѣ инстинктивныя привычки стараго крѣпостного

права еще заставляют смотрѣть на рабочаго челоуѣка какъ на выюное животное, не имѣющее права ни на какіе собственные вкусы и потребности, и о здоровьѣ и силахъ котораго не думаютъ—ни онъ самъ, ни другіе.

Куда здѣсь ни отправитесь вечеромъ, вездѣ публика, вездѣ все биткомъ набито, вездѣ широкая волна потребителей, дѣлающая возможнымъ дешевизну всего потребляемаго, оправдывающая всякое коммерческое предпріятіе, рассчитанное на потребности толпы. Зарабатываютъ отлично конки, пароходы, желѣзныя дороги, перевозящія эту толпу; зарабатываютъ отлично рестораны, кофейни, пивныя, кормящіе и поющіе эту толпу; зарабатываютъ музыканты, пѣвцы, всякіе артисты, увеселяющіе ее въ саду, въ паркахъ, въ театрахъ,—всѣ зарабатываютъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ получаютъ за грошъ отдыхъ и наслажденіе, любятъ всененію природу, тихимъ вечеромъ, дышатъ вольнымъ воздухомъ, благодушно ѣдятъ и пьютъ въ семейномъ кружкѣ своемъ, бесѣдуютъ съ пріятелями, слушаютъ музыку, смотрятъ сцену...

Но вотъ одиннадцать часовъ, музыка умолкаетъ, столы пустѣютъ, театры кончаются; толпа опять наполняетъ конки и пароходы и отливаетъ назадъ, по домамъ, чтобы въ-время лечь спать, въ-время встать и стать за работу. Кареты и дрожки съ гуляющими людьми не носятъ, какъ въ Парижѣ и у насъ въ Петербургѣ, всю ночь напролетъ по мостовымъ, гремя какъ колесницы Ильи пророка, тревожа сонъ мирныхъ обывателей, въ кафѣ и ресторанахъ не пьянствуютъ до разсвѣта, не сидятъ до одури въ клубахъ за карточными столами, въ чаду дыма и испорченнаго дыханія.

Здѣсь пьютъ, пожалуй, не меньше, а больше нашего, но пьютъ въ мѣру и въ свой часъ, по силамъ cadaго, пьютъ всѣ вообще, не только мужчины, но даже и многія женщины, а не отдѣльные кружки пьяницъ, старающихся выпить одни за всѣхъ.

Съ балконовъ огромнаго отеля нашего, выстроеннаго на самой набережной Блазиегольмена, превосходный видъ на Стокгольмъ. Откуда вы сразу охватываете глазомъ и широкую гладь залива, и характерный Стаденъ, эту древнѣйшую часть города съ его колоссальнымъ корпусомъ королевскаго замка на первомъ планѣ, съ его старинными колокольнями и крышами, съ торговой сутоловой его кипящей пароходами пристани; передъ вами и гранитный мостъ Норрборо, эта центральная артерія городского движенія, съ прилежшимъ внизу къ его устоямъ уютнымъ

полуостровкомъ Стрёмпартера,—любимымъ пріютомъ горожанъ, весь вечеръ греющимъ музыкою, залитымъ электрическими огнями и тѣсною толпою посѣтителей... Это все вправо... А слѣва—романтическій пейзажъ такого же стариннаго Шеппсгольмена и Кастелсгольмена; эти средневѣковые островки составляютъ вмѣстѣ съ Стаденомъ своего рода широкія ворота, сквозь которыя вливается въ набережнымъ Стокгольма такъ-называемый „Saltsjön“, или соляное озеро, самая внутренняя часть Балтійскаго фіорда, у котораго стоитъ Стокгольмъ. Сальтсьонъ—это сама жизнь, само непрекращающееся движеніе. Пароходы и пароходики то-и-дѣло снуютъ по немъ взадъ и впередъ, вправо и влѣво, пристають и отчаливаютъ, распуская, словно горделивыя знамена, длинные хвосты своихъ дымковъ, отчаянно трубя, ворча и стуча колесами... Не успѣваешь прочитывать ихъ имена, не успѣваешь разглядывать выливающуюся изъ нихъ и въ нихъ вливающуюся публику...

На томъ берегу Сальтсьона виднѣются, какъ задній планъ этой необыкновенной картины, крутые берега Сödermalmе, южной части города, съ его оригинальнымъ воздушнымъ элеваторомъ „Катарина-Гиссенъ“, съ его фабриками и огромными домами. Однако настоящій современный Стокгольмъ все-таки не на этихъ историческихъ островахъ Стадена, Риддарсгольмена и Шеппсгольмена, гдѣ когда-то построилъ свои тѣсныя крѣпостцы, запиравшія входъ въ родную ему страну, основатель Стокгольма, Биргеръ-Ярль. Современный торговый, свѣтскій и научный Стокгольмъ ушелъ изъ этой средневѣковой тѣсноты на просторъ сѣвернаго берега и привольно раскинулъ по его равнинамъ, отодвинувъ дальше заполнявшіе его прежде лѣса,—свои широкія улицы, площади, сады и проспекты. Норрмальме, Östermalmе, Blasieholmе—вотъ гдѣ вы получаете настоящее понятіе о теперешнемъ ростѣ и теперешней фizioноміи шведской столицы. Риддаргольменъ и Стаденъ уже стали историческими музеями своего рода, хранителями народныхъ святынь и памятниковъ прошлаго.

Для меня они, конечно, гораздо интереснѣе всего остального Стокгольма, потому что по нимъ, по ихъ тѣснымъ улочкамъ, по ихъ островерхимъ готическимъ домамъ, по ихъ уцѣлѣвшимъ храмамъ и замкамъ, какъ по осязательнымъ страницамъ древней лѣтописи, я могу читать его былую, давно отшумѣвшую исторію. Но любоваться красотою и изяществомъ построекъ, прелестью садовъ и парковъ Стокгольма—поѣзжайте, повторяю, въ новые кварталы города, по безконечно длиннымъ проспектамъ Странд-

вегена, Карлвегена, Сторгатана, Гамнгатана и пр. Тамъ—сплошные ряды не домовъ, а великолѣпныхъ готическихъ замковъ, со шпилями, фронтонами, статуями, угловыми башнями. Какъ у насъ въ Россіи, особенно въ Москвѣ, сталъ развиваться въ послѣднее время вкусъ къ древнерусскому національному стилю въ архитектурѣ, такъ и здѣсь это древнее царство готовъ захотѣло воскресить въ своей столицѣ національный готическій стиль. Конечно, это не поэтически-суровый готическій стиль наивныхъ среднихъ вѣковъ, весь еще дышавшій первобытною простотою и искренностью вѣры,—а уже осложнившійся и потерявшій свою цѣльность, болѣе пестрый и роскошный стиль времени Густава Адольфа и Карла XII,—самой блестящей и славной эпохи шведской исторіи.

Высочайшіе пяти-этажные, четырехъ-этажные и шести-этажные дома съ узкими треугольными фронтонами, большею частью затѣйливо рѣзными, съ окнами въ крутой какъ стѣна крышѣ, съ круглыми башнями на углахъ подъ гигантскимъ колокольнымъ шпилемъ,—вотъ господствующій типъ ихъ. Когда цѣлыя улицы, цѣлые кварталы такихъ островерхихъ громадъ чередуются другъ съ другомъ, уходя налѣво и направо широкими перекрещивающимися перспективами,—то вамъ кажется, что вы странствуете по какому-то заново реставрированному средневѣковому городу, только съ современными усовершенствованіями простора, свѣта, комфорта и изящества, счастливо замѣнившими простодушную тѣсноту, темноту и вонь подлиннаго средневѣкового города. Почти всѣ первые ярусы этихъ громадъ и всѣ ихъ фундаменты — изъ гранита; гдѣ не все изъ гранита—тамъ по крайней мѣрѣ гранитныя арки, гранитныя колонны. Гранитъ — это родная почва Стокгольма. Городъ стоитъ на гранитѣ, и слѣды гранитныхъ холмовъ и утесовъ нерѣдко еще видѣются среди самыхъ красивыхъ и новыхъ городскихъ кварталовъ. Гранитомъ тутъ даже нѣсколько кокетничаютъ, какъ тѣмъ-то архинаціональнымъ и высоко характернымъ, оставляя подъ многими зданіями его глыбы почти неотесанными. Это вы можете видѣть и въ конюшняхъ придворнаго вѣдомства, и еще нагляднѣе въ самомъ „Slottet"ъ, королевскомъ дворцѣ, котораго массивный нижній этажъ, помѣщающій въ себѣ музеи, кажется снаружи просто сложеннымъ изъ накиданныхъ другъ на друга грубыхъ обломковъ гранита. Но, конечно, это только такъ устроено для виду, ради стиля, а въ сущности, въ глубинѣ стѣнны глыбы эти приточены другъ къ другу съ геометрическою точностью.

Даже прекрасное новое зданіе оперы совсѣмъ уже не въ

готическомъ, а въ чисто итальянскомъ стилѣ; украшающее собою набережную и площадь Густава-Адольфа, поставлено—какъ на колоссальномъ пьедесталѣ—на гранитномъ нижнемъ ярусѣ и на высокой гранитной террасѣ, увѣнчанной лимонными деревьями, юкками и алоэ... Какъ бы ни было, а это обильное участіе гранита въ здѣшнихъ постройкахъ, ихъ массивность и суровая тяжело-вѣсность кладутъ на нихъ печать чего-то истинно скандинавскаго, простого, величественнаго и вмѣстѣ вѣковѣчнаго...

III.—Монументы шведской славы.

Впрочемъ, въ новомъ городѣ не одни новые дома, но еще и многіе памятники старыхъ героевъ, старой славы Швеціи.

Самый прославленный изъ шведскихъ королей, пронесшій побѣдоносный громъ шведскаго оружія въ самое сердце Европы, сокрушившій, съ горстью своихъ сѣверныхъ богатырей, пясарскіе легіоны Тилли и Валленштейна,—стоитъ, какъ и подобаетъ ему, несокрушимымъ бронзовымъ всадникомъ, на самомъ бойкомъ и самомъ центральномъ мѣстѣ своей столицы, на площади, окрѣпленной его именемъ, между дворцомъ еронпринца и новою оперою, въ то же время лицомъ къ лицу съ громадою королевскаго замка, глядящаго на него своими безчисленными окнами изъ Стадена, съ той стороны Норрстрёма, — этого бурнаго какъ водопадъ потока, которымъ озеро Меларъ, омывающее западные кварталы Стокгольма, прорывается въ заливъ Сальтсбёнъ, къ водамъ Балтійскаго фіорда, между гранитами сѣвернаго берега и такимъ же гранитнымъ островкомъ Гельгеандсъ-Гольменъ, пересѣченнымъ поперекъ великолѣпнымъ мостомъ Норрбро.

Стокгольмцы остраты, будто они оттого такъ подвижны, энергичны и быстры, что живутъ на такомъ стремительномъ потокѣ, какъ Норрстрёмъ,—и съ дѣтства подражаютъ ему.

Статуя Густава-Адольфа и его коня изваяна вообще неудачно, но зато очень удачно схвачено выраженіе лица этого романтическаго короля-идеалиста, случайно родившагося въ XVII-мъ столѣтіи вмѣсто XII, и гораздо болѣе подходящаго всѣмъ вкусамъ, доблестями и идеалами своими къ средневѣковымъ вождямъ вѣстоносцевъ, Танкредамъ и Готфридамъ Бульонскимъ, чѣмъ къ современникамъ кардинала Ришельё. Я внимательно всмотрѣлся въ лицо этого рыцаря „священной“ войны на множествѣ современныхъ ему и позднѣйшихъ портретовъ и бюстовъ въ разныхъ дворцахъ, замкахъ и музеяхъ Швеціи. Вездѣ я видѣлъ, какъ и въ этой недвижимо

сидящей на бронзовомъ конѣ бронзовой статуѣ, ту же непоколебимую увѣренность въ своемъ призваніи защитника угнетенныхъ единовѣрцевъ, ту же не вѣдающую страха рѣшимость продолжать до конца разъ начатое дѣло, каковъ бы ни былъ конецъ этого дѣла и для него самого, и для другихъ... Но подъ этими твердыми чертами билось сердце, полное горячей любви къ людямъ и къ правдѣ Божіей. Этотъ герой, который съ ранней юности рубился лично въ сѣчахъ, съ котораго пули не только сшибали шляпу, прострѣливали одежду, сапоги, но и наносили опасныя раны ему самому, подъ которымъ было убито въ битвахъ столько коней,—поднялся противъ сильнѣйшей имперіи въ тогдашней Европѣ не изъ-за пустого стремленія къ военной славѣ, не ради завоеваній и добычи, а просто потому, что былъ не въ силахъ вынести стонъ и жалобъ своихъ протестантскихъ собратьевъ, бѣжавшихъ къ нему за море изъ всѣхъ германскихъ земель и искавшихъ у него пріюта и защиты.

Глубоко трогательна гомерически-простая и гомерически-величественная эпопея этого священнаго похода Густава-Адоल्фа, длившагося всего только два года и между тѣмъ вписавшаго въ лѣтописи европейской исторіи такіа блестящія и поучительныя страницы, которыя уже не повторялись болѣе никогда.

Всего съ 15.000 вѣрныхъ дружинниковъ, одушевленный только вѣрою въ Бога и въ правду своего дѣла, „Cum Deo et victribus agnis“, какъ онъ любилъ выражаться въ своемъ девизѣ, почти покинутый трусливыми нѣмецкими союзниками, великодушный герой смѣло вторгается въ средину могучей имперіи и одного за другимъ сокрушаетъ непобѣдимыхъ дотошъ имперскихъ полководцевъ, сначала Тилли, заплатившаго жизнью за свое поражение, потомъ и славнаго Валленштейна.

Густавъ-Адольфъ вездѣ самъ ищетъ своихъ враговъ, не считая ихъ силъ, вездѣ первый неустрашимо бросается на нихъ, не ожидая ихъ нападенія.

„Теперь я вѣрю, что Господь предалъ моихъ враговъ въ руки мои!“—радостно говоритъ онъ своимъ окружающимъ, когда, наконецъ, убѣждается, что долго уклонявшійся отъ него Валленштейнъ вынужденъ принять бой.

Сердце его горѣло скорбью при видѣ невыразимыхъ бѣдствій и страданій протестантскаго населенія, безпощадно разграбленнаго солдатами католическихъ армій. Голодные, полунагія толпы стариковъ, дѣтей и женщинъ выходили изъ лѣсовъ, гдѣ они скрывались, и на колѣняхъ вопили къ нему о помощи.

„Эти люди смотрятъ на меня какъ на Бога; я падѣюсь, что

Господь не покараетъ меня за ихъ идолопоклонство“, — говорилъ растроганный король, и ждалъ рѣшительнаго боя съ Валленштейномъ, какъ исполненія суда Божьяго.

Люценскій бой и былъ этимъ судомъ Божиимъ. Но за него пришлось заплатить цѣною жизни благороднаго защитника угнетенныхъ. Густавъ-Адольфъ всегда сражался впереди своихъ воиновъ. И тутъ онъ бросился во главѣ своей молодецкой конницы, чтобы бурнымъ натискомъ въ конецъ сокрушить уже пошатнувшіеся ряды имперцевъ. Густой туманъ скрылъ его отъ глазъ его войска, и почти никого изъ своихъ не оказалось около него, когда вражьи пули одна за другою поразили сначала его коня, потомъ его самого, въ руку, въ ногу и, наконецъ, насквозь... Онъ свалился съ сѣдла, зацѣпившись ногою за стремя, и лошадь протащила его нѣсколько времени по землѣ, пока молодой пажъ не высвободилъ его ноги. Наскочившіе имперскіе кирасиры, узнавъ короля, звѣрски всадили въ голову умирающаго еще нѣсколько пуль и сорвали съ него одежду и оружіе... Вѣрный пажъ тоже упалъ, покрытый ранами, но успѣлъ еще разсказать передъ смертью завладѣвшимъ полемъ битвы соратникамъ короля — о его послѣднихъ минутахъ.

Тѣло любимаго короля было переправлено въ Швецію и похоронено въ древней церкви Риддаргольмена, — гдѣ и мы поклонились его гробницѣ, — только два года спустя послѣ люценской побѣды. Но окрестные крестьяне на другой же день боя съ большими усиліями стащили съ горы огромную каменную глыбу, чтобы ознаменовать мѣсто геройской кончины своего великодушнаго защитника. Камень этотъ и до сихъ поръ называется у мѣстныхъ жителей „шведскимъ камнемъ“; а черезъ двѣсти лѣтъ послѣ люценскаго боя, въ 1832 году, протестантская Германія воздвигла на этомъ мѣстѣ памятникъ славному герою тридцатилѣтней войны. Но кто знаетъ Густава-Адольфа только какъ побѣдоноснаго воина, — совсѣмъ не знаетъ его. Самая тайна его изумительныхъ боевыхъ успѣховъ больше всего зависѣла отъ чудныхъ мирныхъ свойствъ его души.

Это былъ идеалъ правителя и вмѣстѣ съ тѣмъ идеалъ шведа. Шведъ онъ былъ вполне и по доблести душевной, и по своему внѣшнему виду. Рослый, статный „съ свѣтло-русою густою бородою и свѣтло-рускими волосами, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, съ спокойно и важно глядѣвшими голубыми глазами, — онъ приводилъ въ восторгъ своихъ подданныхъ, прозававшихъ его „золотымъ королемъ сѣвера“. Этотъ безстрашный рубака былъ въ то же время страстнымъ другомъ знаній и просвѣщенія.

Онъ говорилъ по-латыни какъ по-шведски, читалъ въ оригиналѣ Ксенофонта и Гуго Гроція, и пятнадцати лѣтъ не хуже чѣмъ на родномъ языкѣ объяснялся по-нѣмецки, по-голландски, по-французски, по-итальянски и даже нѣсколько понималъ польскій и русскій языки...

При помощи своего знаменитаго канцлера, Акселя Оксен-штирны, Густавъ-Адольфъ во всѣхъ частяхъ своего государства заводилъ академіи и училища, обезпечилъ uppsalскій университетъ доходными рудниками и землями изъ королевскихъ фамильныхъ владѣній. Точно такъ же разумно и дѣятельно устраивалъ онъ и гражданскій порядокъ въ своемъ государствѣ, открылъ новые порты для торговли, упорядочилъ засѣданія сейма, сдѣлавъ ихъ ежегодными, учредилъ высшія судилища въ Стокгольмѣ и Або, далъ правильную организацію рыцарскому сословію, военной и гражданской службѣ. Ни одна армія въ Европѣ не могла сравниться порядкомъ и дисциплиною съ войскомъ Густава-Адольфа. Оттого всѣ честные и талантливые люди стремились содѣйствовать королю и готовы были положить за него свои головы.

Цѣлая плеяда превосходныхъ полководцевъ, выступившихъ послѣ его смерти на сцену исторіи, нечувствительно воспиталась въ такой разумной школѣ справедливости, порядка и строгаго чувства долга... Эта-то общая любовь и преданность къ своему вождю и помогла военному генію Густава-Адольфа одолевать съ малочисленною дружиною вдвое сильнѣйшія полчища непріятеля, заваденнаго въ битвахъ и предводимаго непобѣдимѣйшими полководцами своего времени.

Въ нашей родной исторіи Густавъ-Адольфъ тоже игралъ немаловажную и довольно прискорбную для насъ роль. Онъ именно отодвинулъ Россію отъ всѣхъ ея старыхъ владѣній по бережьямъ Балтики и Финскаго залива, отобравъ отъ насъ въ 1617 году, вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ Делагарди, по столбовскому миру печальной памяти, Карелію, Ингерманландію, съ теперешнею мѣстностью Петербурга, и наши древнія права на Ливонію...

На новой границѣ отнятыхъ у насъ владѣній юный король-побѣдитель поставилъ каменные столбы съ тремя коронами Скандинавіи и начерталъ по-латыни горделивую надпись: „Huc regni posuit fines Gustav Adolphus Rex Sueonum, fausto numine duret opus. Limites positi an. 1617“. „Теперь Россія надалеко оттолкнута отъ Балтійскаго моря“.— говорилъ король на государственномъ сеймѣ въ Стокгольмѣ, передавая ему радостную вѣсть

о столбовскомъ мирѣ, и рисуя ему мимоходомъ картину возрастающей грозной силы русскаго царства. „И я надѣюсь, что, съ Божьею помощію, такого широкаго прыжка къ нему не въ силахъ будетъ сдѣлать даже и русскій!“

Но Божья помощь пришла къ намъ, а не къ шведамъ, и пугавшій шведскаго героя прыжокъ уже черезъ нѣсколько десятильѣтъ послѣ него благополучно былъ совершонъ нашимъ русскимъ великимъ героемъ, основавшимъ новую столицу русскаго царства почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ шведскій пограничный столбъ съ самоувѣренной надписью, и широко распахнувшимъ родной Россіи „окно въ Европу“ и дверь въ балтійскія воды...

Отъ монумента Густава-Адольфа, наводящаго на столько облагораживающихъ воспоминаній, пройдите по набережной Норрстрёма, мимо прекраснаго зданія „Оперы“ и всегда люднаго ресторана ея—„Oregakällare“, помѣщающагося вмѣстѣ съ „Oregacaffé“ въ ея нижнемъ ярусѣ,—и вы очутитесь въ излюбленномъ центрѣ городской публики, „Кунгстредгорденъ“, по-русски—„Королевскомъ саду“!

Это прелестное гулянье начинается у самой набережной отъ такъ называемой площади Карла XII,—„Karl den Tolfte torget“,—и тянется ровною скатертью зеленыхъ какъ бархатъ газоновъ, съ инкрустированными въ нихъ медальонами чудныхъ цвѣтниковъ, и рядами тѣнистыхъ боковыхъ аллей,—до шумной „Гаванной улицы“,—„Hamngatan“,—обставленной прекрасными домами и магазинами. Справа провожаютъ это роскошное гулянье грандіозныя зданія „улицы королевскаго сада“—„Кунгстредгорденъ-Гатанъ“—драматическій театръ, „Шведскій залъ“ (Svea-saal) для концертовъ, въ мавританскомъ стилѣ, „Паноптиконъ“ и колоссальныя зеркальныя стекла лучшихъ стокгольмскихъ магазиновъ. Съ лѣвой стороны сада—болѣе скромныя и болѣе старыя постройки, въ томъ числѣ построенная въ XVII столѣтіи церковь св. Іакова, съ гробницею извѣстнаго фельд-маршала Горна; но добрую половину этой улицы захватываетъ очень популярная у стокгольмцевъ и демократически безцеремонная „Blanch's Café“, вѣчно набитая по вечерамъ отдыхающими приказчиками, конторщиками, мелкими чиповниками, ежедневно привлекающая своей музыкой густыя толпы гуляющихъ въ прилегающія къ ней аллеи сада.

„Королевскій садъ“ названъ такъ не даромъ: въ немъ дѣйствительно пребываютъ два короля, хотя и бронзовыхъ, и не

на золотыхъ престолахъ, а на простыхъ гранитныхъ пьедесталахъ: Карлу XII-му отведена вмѣсто царства ближняя половина сада, къ набережной; Карлу XIII-му—задняя, къ Hamngattan'у. Середина этого прекраснаго парка посвящена богамъ,—конечно, скандинавскимъ.

Рѣдко какой изъ знаменитыхъ фонтановъ Европы равнялся мнѣ такъ, какъ грандіозный фонтанъ стокгольмскаго „Кунгстредгордена“, работы талантливаго Молина. Онъ проникнутъ суровымъ величіемъ и колоссальностью фантазіи скандинавскихъ сагъ. Онъ весь черный, словно вылитый изъ чугуна, а не бронзы; вокругъ него тѣсно сошлась группа деревьевъ вѣкового лѣса, когда-то заполнявшаго это мѣсто. Громадная бронзовая чаша, которую не въ силахъ былъ бы опорожнить самъ божественный Торъ, приподнята высоко на такихъ же черныхъ бронзовыхъ скалахъ, оцетинившихся угловатыми сталактитами, и изъ темныхъ пещеръ этихъ скалъ выглядываютъ со всѣхъ сторонъ такія же черно-бронзовыя, такія же могучія, какъ эти скалы, нагія дщери грознаго бога морскихъ пучинъ Эгира, чутко прислушивающіяся къ звукамъ арфы бородатаго скальда, воспѣвающегоъ своихъ боговъ.

Огромные черные лебеди,—тоже выхваченные изъ мрачно-фантастическихъ сновидѣній древней Скандинавіи,—пускаютъ вверхъ перекрещивающіяся струи, а сверху, со всѣхъ краевъ круглой громадной чаши, тихо льется, напѣвая своего рода таинственную сагу, пѣлый, какъ слеза прозрачный, водяной куполъ, одѣвая словно трепещущимъ и гибкимъ стекляннымъ копакомъ всю эту безмолвную, но полную глубокой поэзіи мифологическую сцену...

Шведы—удивительные цвѣтоводы, такіе же искусные, какъ голландцы и нѣмцы. Цвѣтники Стокгольма приводятъ меня въ восторгъ своею оригинальностью и вкусомъ. Ихъ всегда много; они обыкновенно разбросаны, какъ драгоценныя мозаичныя камни, среди зеленаго простора газоновъ, молодыхъ и свѣжихъ, какъ сама весна. Круглые цвѣтники и горки, окружающіе фонтанъ Эгира,—одни изъ самыхъ удачныхъ даже среди прелестныхъ цвѣтниковъ Стокгольма. Сами по себѣ довольно грубыя и неизящныя растенія, собранныя въ сплошныя массы и смѣло комбинируемыя въ характерныя узоры съ другими подходящими цвѣтами, образуютъ такую радующую глазъ гармонию колеровъ, такую живую, ароматами дышащую мозаику, отъ которой не хочется глазъ оторвать.

Многочисленная публика постоянно движется вверхъ и внизъ по превосходно утрамбованнымъ, сухимъ даже въ дождь, широкимъ, длиннымъ, тѣнистымъ въ самый полдень, аллеямъ этого по истинѣ королевскаго гулянья, которыя служатъ прямымъ сообщеніемъ для Стадена, Шеппсгольмена, Сödermalme и всѣхъ прилегающихъ зарѣченскихъ частей Стокгольма со многими торговыми улицами Norrmalme и Östermalme. Многочисленная публика дѣтишекъ постоянно играетъ въ этихъ аллеяхъ, на этихъ газонахъ въ развалъ дня; дѣвушки, съ книжками въ рукахъ, съ сакъ-вояжами, съ вязаньемъ, съ корзинами, то-и-дѣло усаживаются отдохнуть, почитать, поработать на многочисленныхъ скамейкахъ парка, а уже вечерами — и говорить нечего: всѣ аллеи, лужайки, скамейки залиты гуляющей и слушающей музыкой публикой.

И однако ничья рука не притронется ни къ одному цвѣтку, ничья нога не затопчетъ ни одного посаженнаго растенія. Всѣ и всякій свято оберегаютъ чистоту, красоту и сохранность общественнаго гулянья. Здѣсь каждый ребенокъ всасываетъ съ молокомъ матери уваженіе къ чужой собственности, къ чужому труду, привычки порядка и послушанія. Въ Швеціи народъ до того проникнутъ инстинктами порядка и законности, что здѣсь даже не приглашаютъ публику заботиться объ охраненіи общественныхъ прогулокъ. Здѣсь вы нигдѣ не встрѣтите, какъ въ городахъ Германіи, надписей у входовъ и выходовъ каждаго садика: „Es sind diese Anlagen dem Schutze des Publikums empfohlen“.

Однако, цвѣты „Королевскаго сада“ увлекли меня слишкомъ далеко отъ царственныхъ хозяевъ его.

Монументъ Карла XII-го тоже принадлежитъ рѣзцу Молина и потому стоитъ нѣкотораго вниманія. Карлъ XII-й изображенъ сухощавымъ, длинноногимъ юношею, въ походномъ мѣховомъ сюртукѣ, съ раздувающимися фалдами, въ походныхъ ботфортахъ, съ обнаженною шпагою въ рукѣ и въ позѣ наступающаго воина. Лѣвою рукою онъ указываетъ, повидимому, на Россію, куда такъ часто водилъ свои полки. Вокругъ ступеней его пьедестала врыты по угламъ въ землю четыре чугунныя мортиры, связанныя цѣпью, — добыча его побѣдъ. Все это подходитъ къ идеѣ памятника. Сама фигура Карла не красива и не величественна, хотя, можетъ быть, и реальна. Мнѣ кажется, ея вѣрно выраженъ этотъ безумный рыцарь войны ради войны, король-авантюристъ, напоминающій средневѣковыхъ ландскнехтовъ, готовыхъ драться съ кѣмъ хотите, лишь бы только драться... Эти раздувающіяся мѣховыя фалды, эта торопливая поза вѣчнаго

бродяги, худое и упрямое лицо маниака, таскавшего за собою столько лѣтъ изъ одного рискованнаго приключенія въ другое силы и благосостояніе своего народа, — очень характерны для исторіи пустопорожней славы короля-солдата, въ концѣ концовъ разорившаго и унизившаго свою страну. Для меня самый странный фактъ въ исторіи Карла XII-го — это непостижимая любовь въ нему шведскаго народа, несмотря на всѣ бѣдствія и потери, въ которыя онъ вовлекъ Швецію. Особенно шведское крестьянство обожало „своего Карла“ и до сихъ поръ вспоминаетъ съ особенной гордостью, словно какой-то золотой вѣкъ, „Карлово время“ — „Karolinska tiden“. Король, который, будучи еще мальчишкою пятнадцати лѣтъ, первый изъ шведскихъ правителей осмѣлился нарушить древніе народные обычаи, возложивъ самъ на себя королевскую корону и не присягнувъ, какъ его предшественники, въ вѣрности своему народу, король, потерявшій всѣ свои старинныя владѣнія на берегахъ Балтійскаго моря, Померанію, Ливонію, Эстонію, Ингерманландію, Корелію, часть Финляндіи, до того истощившій силы народа своего, что въ концѣ его царствованія на защиту Швеціи могли выступить только пятнадцатилѣтніе подростки, и вмѣсто серебра приходилось довольствоваться одною мѣдною монетою, — этотъ король оставался все-таки идоломъ своего народа, потому что добродушные шведы высоко цѣнили въ немъ не только безстрашнаго, побѣдоноснаго воина, но еще больше его близость къ народу, его религіозность, его солдатскую выносливость и простоту вкусовъ, спартавскія привычки и цѣломудріе его жизни, такъ рѣзко выдѣлявшія Карла изъ развратнаго и роскошнаго міра тогдашнихъ европейскихъ дворовъ.

Какими великими дѣяніями заслужилъ свой монументъ, — пожалуй, еще болѣе эффектный, чѣмъ монументъ Карла XII-го, — совершенно ничтожный Карлъ XIII-й, — этого, я думаю, не разрѣшить ни одинъ шведъ. Карлъ XIII-й былъ король только по имени, и притомъ долженъ былъ волей-неволей связать свое имя съ самымъ бѣдственнымъ для Швеціи миромъ 1809 года, по которому Швеція уступила Россіи цѣлую треть своихъ владѣній, — Аландскіе острова и Финляндію, бывшую до тѣхъ поръ шестьсотъ лѣтъ сряду нераздѣльною частью шведской монархіи; потерялъ ее не самъ Карлъ XIII-й, а безразсудный предшественникъ его, Густавъ IV-й, тотъ самый, который въ юности оскорбилъ Екатерину II-ю внезапнымъ, безпричиннымъ отказомъ своимъ отъ брака съ великою княжною Александрой Павловной, а въ послѣдствіи болѣе занимался апокалипсическими доказатель-

ствами, что Наполеонъ есть „Великій Звѣрь“ Іоаннова „Откровенія“, чѣмъ политикою своего государства, и который, послѣ злополучной войны съ Россіею въ 1809 году, былъ лишенъ своими подданными престола и изгнанъ изъ отечества. Умный и талантливый французскій маршалъ Бернадоттъ, основатель нынѣшней династіи шведскихъ королей, и извѣстный въ исторіи Швеціи подъ очень популярнымъ именемъ короля Карла-Іогана, или Карла XIV-го, былъ избранъ шведами наслѣднымъ принцемъ бездѣтнаго Карла XIII-го, почти одновременно съ провозглашеніемъ Карла королемъ, и въ дѣйствительности все время до самой смерти Карла XIII-го управлялъ за него полновластно дѣлами государства. Онъ-то, собственно, и поставилъ, изъ чувства благодарности своему приемному отцу этотъ вылитый въ Парижѣ великолѣпный памятникъ со львами и всякими украшеніями. Правда, въ номинальное царствованіе Карла XIII-го Швеція сдѣлала великое приобрѣтеніе—соединеніемъ своимъ, въ 1814 г., съ Норвегіею, принадлежавшею до тѣхъ поръ датскому королевству; но Норвегіею великія державы, устроившія на вѣнскомъ конгрессѣ судьбы Европы, вознаградили опять-таки дѣятельное и полезное участіе Бернадотта въ союзной войнѣ противъ изгнаннаго изъ Россіи Наполеона, въ наказаніе его неблагоразумновѣрнаго сторонника, датскаго короля,—а самъ Карлъ XIII-й былъ рѣшительно ни-при-чемъ въ этомъ великодушномъ подаркѣ Европы.

Нѣсколько десятковъ саженъ вправо отъ „Кунгсгордена“, по улицѣ Гамнгатанъ,—и вы еще въ одномъ изъ любимыхъ вечернихъ сборищъ стокгольмскихъ горожанъ,—въ еще болѣе тѣнистомъ, прелестномъ паркѣ Берцелиуса,—у давно извѣстнаго кафе-ресторана „Berns' Salonger“. Тутъ ежедневно играетъ лучшій въ городѣ оркестръ музыки, обширныя залы, двухъ-этажныя галереи, балконы и безчисленные столики, наполняющіе ограду кафе,—все полно что-нибудь пьющаго, что-нибудь жующаго народа,—жующаго, впрочемъ, несравненно меньше, чѣмъ пьющаго. Тутъ встрѣтите навѣрное и всѣхъ пріѣзжихъ иностранцевъ. Публика здѣсь вообще „почище“, чѣмъ въ „Blanch's Café“ и другихъ. Но кромѣ счастливыхъ, засѣдающихъ за столиками и наполняющихъ галереи, обязанныхъ поэтому или пить, или ѣсть, множество народа, простые рабочіе, прислуга, дѣтвора, шеоляры и всякіе вообще скромные люди, довольствующіеся домашнимъ потребленіемъ и берегущіе дорого достающійся грошъ,—толпами прогуливаются мимо запретныхъ вратъ ограды, толпами засѣли

на многочисленных скамьях сада, также хорошо слушая музыку, как и тароватые потребители ресторана, не платя за это ровно ничего, так как въ Стокгольмѣ входъ во всё гулянья для всѣхъ совершенно свободный, а платится только за то, что требуется въ кафе или ресторанахъ... Такой порядокъ мнѣ очень симпатиченъ: онъ даетъ возможность послѣднему бѣдняку наслаждаться природою, цвѣтами, зеленью, музыкой и зрѣлищемъ гуляющей публики наравнѣ съ достаточными людьми, и обращая милыя прогулки Стокгольма дѣйствительно, а не по одному только названію, въ „общественныя прогулки“. Цвѣтники и здѣсь—верхъ вкуса и изящества, фонтаны—тоже. Воды въ Стокгольмѣ не покупать—стать, и ею здѣсь не экономятъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а пускаютъ играть фонтаны на все время гулянья.

Статуя Берцелиуса, знаменитаго шведскаго химика, труды котораго имѣли огромное вліяніе на развитіе этой науки въ первой половинѣ нашего столѣтія, и имя котораго стояло очень высоко въ довольно теперь отдаленные дни моего студенчества, —возвышается по срединѣ прелестной зеленой лужайки и прелестныхъ ярко-пестрыхъ клумбъ, огромная, простая и величественная, какъ и подобаетъ мужу трезвой и спокойной науки.

Только истинно-просвѣщенный и истинно-культурный народъ способенъ воздавать такое уваженіе памяти своихъ славныхъ ученыхъ и писателей, какое воздается шведами. Герои науки, поэзии, мысли—въ этой странѣ увѣковѣчены прекрасными монументами нисколько не меньше, чѣмъ герои войны.

Стокгольмъ полонъ подобныхъ памятниковъ своимъ мирнымъ дѣятелямъ, и иные изъ нихъ мнѣ нравятся гораздо больше, чѣмъ памятники шведскихъ королей. Кромѣ статуи извѣстному инженеру Нилу Эриксону, первому основателю желѣзныхъ дорогъ въ Швецію, кромѣ обелиска въ честь Норденшѣльда и его полярнаго путешествія, кромѣ монумента знаменитому просвѣщенному канцлеру Густава-Адольфа, Акселю Оксенштирнѣ,—стокгольмцы увѣковѣчили монументами трехъ своихъ славныхъ натуралистовъ—Берцелиуса, Шеле и Линнея. Пропустить памятникъ Линнея было бы большою грѣхъ. Онъ помѣщенъ очень умѣстно и очень удачно. Въ самомъ центрѣ новаго города, на рубежѣ Норрмальме и Östermalme, разбитъ, можетъ быть, самый прекрасный и, во всякомъ случаѣ, самый обширный изъ всѣхъ прекрасныхъ садовъ Стокгольма—„Humlegorden“, — по-русски „хмелевникъ“, —потому что когда-то здѣсь дѣйствительно была большая плантація хмеля. Огромное зданіе королевской публич-

ной библіотеки, съ 300.000 книгъ и 10.000 рукописей, стоитъ въ этомъ саду, смотря своимъ главнымъ фасадомъ на широкій и длинный бульваръ Сторъ-гатавъ, — „Большой улицы“, принимающей, впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ названіе „Улицы хмелевника“, Humlegorden Gatan. Еще болѣе длинный и широкій проспектъ, только-что застраиваемый огромными домами изящной архитектуры, идетъ, подъ названіемъ „Carla' Vågen“, вдоль задней границы Humlegorden'a, огибая собою весь новый городъ съ сѣверной стороны.

У шведовъ все просторно, все на широкую ногу, крупное и основательное, безъ пустыхъ мелочей, какъ крупны и основательны самыя шведскіе организмы. „Гумлегорденъ“ чаруетъ грандіознымъ просторомъ своихъ зеленыхъ полянъ, подстриженныхъ, какъ нѣжная ворса дорогого бархата, грандіозными купами своихъ маститыхъ столѣтнихъ деревьевъ, раскинутыхъ съ художественною умѣренностью по мягкимъ округлостямъ его холмовъ, по срединѣ веселыхъ лужаетъ, на живописныхъ изгибахъ широкихъ аллей, искусно убитыхъ мельчайшимъ хрящемъ, по которому нога ступаетъ какъ по упругому каучуку, не оставляя послѣ себя слѣдовъ. „Гумлегорденъ“ обнесенъ рѣшеткою, но входъ въ его ворота открытъ со всѣхъ сторонъ, и никто радости дѣтишекъ не пользуется его чудными полянами, аллеями и тѣнистыми уголками. Равно тутъ устроены и разныя гимнастическія игры для дѣтей. Статуя Линнея стоитъ на своемъ высокомъ пьедесталѣ, въ свою очередь приподнятомъ нѣсколькими ярусами ступеней и цоколей, — словно по срединѣ колоссальнаго зеленого блюда, въ центрѣ круглой, пологой горки, прямо противъ задняго фасада королевской библіотеки, въ самомъ открытомъ и самомъ посѣщаемомъ мѣстѣ парка.

Широкія дорожки обѣгаютъ кругомъ него и разбѣгаются отъ него въ разныя стороны. „Король ботаники“ царствуетъ въ своемъ настоящемъ царствѣ, окруженный отовсюду горками и медальонами цвѣтниковъ, изумительной оригинальности и вкуса, и цѣлыми купами роскошныхъ пальмъ, латаній, юккъ и агавъ, которыхъ кадки зарыты въ землю, и которыя поэтому вводятъ васъ въ невольную иллюзію, перенося воображеніе въ южныя сады Аѳинъ и Каира.

Линней изображенъ гораздо больше натуральной человѣческой величины, такъ что его колоссальною фигурою можно любоваться изъ всѣхъ концовъ сада. Онъ смотритъ на играющихъ кругомъ него дѣтей съ ласковою улыбкою добраго дѣда, съ спокойной мудростью въ высокомъ челѣ, держа въ рукѣ цвѣтокъ,

посвященный его имени. У ногъ его, по угламъ пьедестала, четыре большія бронзовыя аллегоріи наукъ, которымъ посвящаютъ себя великій натуралистъ—ботаники, зоологи, медицины и минералогіи.

Памятникъ Шеле, открывшему кислородъ, — въ глубинѣ и даже въ нѣкоторой глуши парка. Онъ стоитъ на холмѣ, окруженный старыми, развѣсистыми деревьями. Родоначальникъ современной химіи изображенъ въ своемъ рабочемъ креслѣ, наклоненнымъ надъ жаровней съ тиглемъ, въ который онъ готовится положить какое-то вещество, зажатое въ щипцахъ. Его сухощавое, страстное лицо полно возвышенной мысли и напряженного ожиданія.

На мой взглядъ, это—самый удачный памятникъ изъ всѣхъ, которые я видѣлъ въ Стокгольмѣ.

IV. — Дьургорденъ и его сокровища.

Мы нарочно выбрали ясный и солнечный день, столь рѣдкій въ Швеции, чтобы побродить и покататься досыта по чудному загородному парку Стокгольма, „Дьургордену“, законной гордости и едва-ли не главной достопримѣчательности шведской столицы. Хотя въ Дьургорденъ отправляются каждыя четверть часа быстрослетные пароходики, полные публики, изъ многихъ мѣстъ города и даже прямо изъ-подъ оконъ нашего „Grand'Hôtel'я“, всего за десять брѣ, т.-е. за пять нашихъ копѣекъ съ человѣка, хотя туда же ходить и столь же дешевая конка, но для иностранцевъ, не вымуштровавшихъ свои ноги, подобно скандинавамъ, и незнакомыхъ еще съ безчисленными дорожками и завоулками этого громаднаго парка, больше похожаго на лѣсъ, тѣмъ на садъ,—было бы большою ошибкою забраться въ Дьургорденъ безъ экипажа и проводника, особенно если время его рассчитано. Дьургорденъ—то же, что нѣмецкое „тиргартенъ“, то-есть зоологическій садъ, звѣринецъ. Тутъ, дѣйствительно, былъ въ старину охотничій паркъ шведскихъ королей, для которыхъ выпускались сюда звѣри всякой породы. Но Густавъ III-й и особенно Бернадоттъ, т.-е. Карлъ XIV-й,—обратили этотъ лѣсъ въ разнообразнѣйшее и излюбленнѣйшее гулянье стокгольмской публики, въ своего рода Булонскій-Лѣсъ Парижа или вѣнскій Пратеръ, хотя Дьургорденъ больше, проще и вмѣстѣ интереснѣе того и другого.

Островъ Дьургордена, или, какъ выговариваютъ шведы, Юр-

гѣрена, отдѣляется отъ Ёстермальме и вообще отъ материка глубоко вдающимся заливомъ Салътсѡ—подъ названіемъ „Дьургорденъ-бруневикенъ“,—и черезъ узкій перехватъ этого залива построенъ прекрасный каменный мостъ, по которому ходитъ конка и ѣздятъ экипажи, и который чрезвычайно встаетъ украшенъ характерными статуями Одина, Тора и другихъ мифологическихъ божествъ древней Скандинавіи. Дьургорденъ, собственно говоря, и посвященъ всецѣло изученію Скандинавіи въ ея настоящемъ и прошломъ. Это не только роскошное, громадное гулянье, которое трудно даже объѣхать за одинъ день, не только любимый загородный пріютъ стокгольмской публики въ лѣтнее время, когда здѣсь открываются многочисленные кафе и рестораны и до полуночи гремитъ музыка,—но, кромѣ того, колоссальный этнографическій и естественно-историческій музей на открытомъ воздухѣ, всѣмъ доступный и для всѣхъ заманчивый народный университетъ съ такимъ поучительнымъ нагляднымъ обученіемъ, которое не изгладится изъ памяти даже самаго неподготовленнаго человѣка.

Какъ только переѣдете мостъ—„Дьургорденъ-бро“—передъ вами громадное, не вполне отдѣланное зданіе будущаго „Сѣвернаго музея“. Оно выстроено въ готическомъ стилѣ XVI-го вѣка изъ гранита и крѣпкаго песчаника, колоссальной высоты, съ колоссальными башнями, и, при всей архитектурной выдержанности своей, проникнуто духомъ нѣсколько суроваго и мрачнаго протестантизма того времени. Въ этомъ зданіи должны въ послѣдствіи помѣститься всѣ многочисленные и рѣдкія собранія „Сѣвернаго музея“, раскинутыя теперь по разнымъ домамъ Королевской улицы Стокгольма, которыя мы, конечно, подробно осмотрѣли въ свое время.

Недавняя „Скандинавская выставка“, привлекая въ Стокгольмъ такую массу иностранцевъ и даже насъ, русскихъ, не особенно легкихъ на подъемъ,—помѣщалась, между прочимъ, въ этомъ неоконченномъ зданіи музея, захвативъ, вообще, собою изрядную часть Дьургордена. Многія постройки ея еще стоятъ до сихъ поръ, оживляя своею характерною пестрою архитектуру зеленый пейзажъ парка.

Самая интересная часть Дьургордена—„Сканзенъ“. „Сканзенъ“ собственно, значитъ „шанцы“, укрѣпленія. Но теперь на мѣстѣ этихъ укрѣпленій, сооруженныхъ юношескими играми короля Оскара I и его товарищей, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, выросъ оригинальнѣйшій музей скандинавскаго быта на открытомъ воздухѣ. Передъ воротами Сканзена при-

ходится покинуть экипажъ и пробродить нѣсколько добрыхъ часовъ пѣшкомъ по его безконечнымъ аллеямъ и полянамъ. Въ большой жаръ это предпріятіе не очень легкое, но намъ, къ счастью, пришлось осматривать Сканзенъ въ довольно прохладный, хотя и ясный день.

Мы оставили въ покоѣ „Біологическій музей“, помѣщающійся въ одномъ изъ зданій бывшей выставки, потому что слишкомъ много насмотрѣлись и въ другихъ мѣстахъ на коллекціи набитыхъ животныхъ, а въ Стокгольмѣ искали чего-нибудь похараактернѣе, да и не хотѣлось упустить рѣдкой здѣсь хорошей погоды, въ которую только и есть смыслъ гулять по парку Сканзена.

Сканзенъ прежде всего умилилъ меня своею изумительною, настоящею скандинавскою довѣрчивостію. На каждой дорожкѣ, на каждой куртінѣ тутъ устроено что-нибудь интересное: крестьянскіе дома изъ разныхъ угловъ Швеціи, часовни, памятники древности, живые звѣри и птицы въ клѣткахъ и загородкахъ; въ домахъ въ каждой комнатѣ безчисленное множество всякихъ домашнихъ вещей, работъ, орудій, посуды, чрезвычайно цѣнныхъ для любителя, — и никакихъ сторожей нигдѣ! Рѣдео-рѣдео сидитъ себѣ за работою въ уголку какого-нибудь изъ домиковъ какая-нибудь скромная дѣвушка или старушка.

Все предоставлено здѣсь народной честности, и все дѣйствительно свято сохраняется.

Сканзенъ въ теперешнемъ своемъ видѣ возникъ недавно, и возникъ по истинѣ какому-то чудомъ. Люди, проповѣдующіе, будто на свѣтѣ все дѣлается стихійными силами толпы, и будто дѣятельность отдѣльныхъ выдающихся личностей только пустой самообманъ, — могутъ поучиться на примѣрѣ д-ра Газеліуса, какихъ огромныхъ плодотворныхъ результатовъ можетъ достигнуть несокрушимая энергія одного человѣка, одушевленного своею идеею.

Д-ръ Артуръ Газеліусъ — основатель и творецъ знаменитаго „Сѣвернаго музея“ Стокгольма, подобнаго которому нѣтъ ни въ одной столицѣ Европы. Сканзенъ — только оригинальное прибавленіе къ этому музею, — можетъ быть, однако, самое цѣнное въ немъ.

Д-ръ Газеліусъ — страстный любитель древности и національных особенностей, страстный патриотъ. Онъ зналъ, какъ дороги становятся человѣчеству останки далекаго прошлаго, наглядно рисующіе пылливому просвѣщенному уму характеръ и бытъ исчезнувшихъ предковъ нашихъ. Онъ зналъ также, какъ рѣдки и

бѣдны эти останки, съ какимъ трудомъ и случайностью добывается малѣйшая цѣнная подробность давно отошедшей жизни, — и ему захотѣлось оставить на память грядущимъ вѣкамъ по возможности полную скандинавскую Помпею своего рода; собрать — пока еще не исчезли — послѣдніе обломки старой жизни, старыхъ нравовъ, — все что могло бы найтись въ предѣлахъ его родной страны характернаго для быта родного ему народа, къ какой бы сферѣ и дѣятельности ни относились эти находки. Онъ захотѣлъ — и сталъ работать. Средствъ у него не было; государство, городъ ему не помогали ничѣмъ. Но у него была непоколебимая воля, у него была непоколебимая вѣра въ плодотворность его дѣла и страстное одушевленіе своею идеею. Эти три силы оказались могущественнѣе всякихъ капиталовъ. Газеліусъ одушевилъ своею вѣрою въ величіе и поучительность задуманнаго имъ патріотическаго дѣла спокойныя сердца своихъ сѣверныхъ соотечичей, и съ фанатическою смѣлостью приступилъ къ исполненію своихъ грандіозныхъ, очень дорого стоющихъ задачъ, не имѣя часто гроша въ карманѣ. Пожертвованія и пособія сыпались къ нему, словно по волшебному мановенію, и его предпріятіе съ каждымъ днемъ расширялось все больше и больше, привлекая къ себѣ тысячи лицъ, сотни тысячъ денегъ. Газеліусъ не довольствовался тѣмъ, что собиралъ со всѣхъ концовъ шведской земли всевозможные предметы народнаго быта, промысловъ, искусствъ, и современныхъ, и уцѣлѣвшихъ отъ далекихъ вѣковъ, чѣмъ онъ наполнилъ многочисленныя залы своего безцѣннаго „Сѣвернаго музея“; нѣтъ, ему хотѣлось представить этотъ бытъ, эти искусства и промыслы, даже самую природу своего отечества — въ возможно живыхъ и цѣльныхъ картинахъ, въ ихъ общемъ видѣ, а не въ одиѣхъ отрывочныхъ, мелкихъ подробностяхъ. И вотъ онъ придумалъ свой „Сканзенъ“. Онъ купилъ эту поросшую скуднымъ лѣсомъ каменистую возвышенность, господствующую надъ Дьургорденомъ и островами Стокгольма, — и черезъ короткое время обратилъ ее въ тѣнистый паркъ съ широкими многочисленными аллеями, лужайками, зелеными холмами, въ паркъ, засаженный всякими деревьями, кустарниками, травами и цвѣтами Скандинавіи, населенный цѣлымъ міромъ живыхъ звѣрей и птицъ, въ проволочныхъ павильонахъ, въ каменныхъ логовищахъ и пещерахъ, въ изгородяхъ и избушкахъ, — всѣми представителями мѣстной фауны, дикими и домашними, не исключая полярнаго тюленя и моржа; рядомъ съ туземными деревьями и туземными животными онъ собралъ тутъ же и туземные минералы, въ видѣ громадныхъ глыбъ, окружающихъ оригинальными долменами сво-

его рода площадки лѣса. Мало того, этотъ живой громадный музей ботаники, зоологіи и минералогіи шведской земли — въ то же время грандіознѣйшій и оригинальнѣйшій этнографическій музей, какого не имѣеть до сихъ поръ ни одинъ изъ образованныхъ народовъ Европы.

Въ Сканзенѣ свой—Газеліусъ переселилъ цѣлые подлинныя дворы и дома вѣковой старины изъ самыхъ глухихъ и далекихъ уголковъ Швеціи, — „Больнесстругу“ XVI вѣка изъ Гельсингланда, „Морастугу“ изъ Далекарліи, ферму земледѣльца изъ Галланда — „окторпсгордъ“ — со всею его хозяйственною обстановкою, съ тележками, плугами, хлѣвами, амбарами, землянку угольщика, хижины лѣсоруба и дегтарника, лѣтнее жилище горнаго пастуха, и оригинальную древнюю кладовую барскаго помѣстья Бьёрвиеъ изъ Östergötlands, и старинную деревенскую гостинницу съ ея безхитростными постелями и незатѣйливымъ буфетомъ, и сельскую старую колокольную, и даже кладбище съ древними могильными камнями, и „майское дерево“, вокругъ котораго еще съ языческихъ временъ привыкла плясать въ свои заповѣдныя праздники скандинавская деревенская молодежь. Тутъ передъ вами и богатый домъ средневѣкового горожанина изъ Блэкинга, весь полный характерной мебели и характерной посуды; и цѣлая семья лопарей съ ихъ дѣтишками, оленями, собаками, санями и лыжами, съ ихъ языческими священными камнями. Все — подлинное, выхваченное прямо изъ живой жизни, не утратившее малѣйшей подробности изъ того, что имѣло у себя на родинѣ. Даже домикъ извѣстнаго мистика Сведенборга, тоже характернаго представителя сѣвернаго духа, — перенесенъ сюда, подъ тѣнь дубовъ Сканзена, съ его подлинными тетрадами и книгами.

Газеліусъ, можно сказать, добросовѣстно ограбилъ въ археологическомъ смыслѣ свое отечество ради излюбленнаго своего Сканзена и „Сѣвернаго музея“, перетащивъ сюда съ громадными усилиями и расходами все, что только уцѣлѣло въ немъ характернаго, стариннаго, народнаго.

Гуляя теперь по дорогамъ Сканзена, вы совершаете своего рода путешествіе по всѣмъ областямъ Швеціи, съ юга до крайняго сѣвера, и нечувствительно знакомитесь съ народнымъ бытомъ ея, народными одеждами, народными промыслами, такъ полно и осязательно, какъ не познакомить васъ никакое описаніе, никакая картина.

Сами дороги Сканзена растрогали меня. И онѣ оказались своего рода историческими таблицами шведской славы. Каждая изъ дорогъ и дорожекъ парка непременно носить имя какого-

нибудь извѣстнаго шведскаго дѣятеля въ области общественной жизни, политики, войны, науки или искусства. Это честно относительно памяти соотечественниковъ, чѣмъ-нибудь заслужившихъ своему народу, и это умно относительно иностранцевъ, посѣщающихъ Стокгольмъ и особенно посѣтившихъ въ такомъ множествѣ выставку въ Дьюргорденѣ, передъ глазами которыхъ невольно проходить этотъ длинный списокъ шведскихъ знаменитыхъ людей. Да и гуляющимъ въ паркѣ по этимъ безчисленнымъ перепутаннымъ аллеямъ гораздо легче ориентироваться, когда каждая дорожка носить свое особое названіе.

Вездѣ тутъ, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, строгій порядокъ: дорожки поддержаны въ отличномъ видѣ, газоны подстрижены, сеамейки на каждомъ шагѣ. По сторонамъ дорогъ то-и-дѣло торчатъ старинные межевые камни, мильные столбы, стоячія плиты съ 'руническими надписями, тоже собранныя изъ разныхъ далекихъ захолустьевъ Швеціи. Мы по очереди, съ неослабѣвающимъ любопытствомъ, заходили во всѣ эти старинные дома и дворы, выхваченные живьемъ изъ народной жизни Швеціи.

Съ почтеніемъ и завистью приходится глядѣть на прочное и основательное устройство внутреннего быта здѣшняго мужика. Уваженіемъ къ самому себѣ, уваженіемъ къ своей семьѣ и къ своему дѣлу—проникнуты всѣ подробности его жилой обстановки, даже въ условіяхъ самаго небогатаго хозяйства. Въ то же время эта обстановка очень характерна и своеобразна. Крутая, толстѣйшая соломенная крыша изъ туго связанныхъ сноповъ облицована снутри не плоскимъ, какъ у насъ, а сводчатымъ потолкомъ, который не придавливаетъ собою человѣка, а даетъ избѣ больше воздуха и простора. Всегда три, четыре отдѣленія въ избѣ, чтобы женщины не смѣшивались съ мужчинами, женатыя пары—съ холостыми; вездѣ деревянные полы; всѣ комнаты наполнены полочками, шкафчиками, множествомъ ерѣпко кованыхъ желѣзомъ сундуковъ и разныхъ укладокъ оригинальнаго вида; столы и стулья хотя и на грубыхъ, но все-таки точеныхъ или рѣзныхъ ножкахъ; все непременно раскрашено, расписано цвѣтами и фигурами. Постели хозяина и хозяйки—своего рода алтари дома, покойныя, изукрашенныя, всегда подъ пологамъ; широкое домодѣльное дѣдовское кресло непременно стоитъ въ почетномъ углу; у стѣны непременно старинные часы въ высокомъ стоячемъ футлярѣ (тоже издѣліе далекарлійскихъ деревень, доступное по цѣнѣ каждому) громко чочають своимъ мѣднымъ маятникомъ. Посуды всякой—обиліе, и деревянной, и каменной, и желѣзной; увидите

тутъ и чугунный подсвѣчникъ съ рожками, и зеркальце, и рукомойникъ, и тазъ. Словомъ, вы чувствуете, что вы не въ свиномъ хлѣбѣ и не въ шалашѣ бродяги, а въ жилищѣ человѣка, простаго, грубаго, и потому обставленнаго грубо и просто, но все-таки имѣющаго тѣ же человѣчныя потребности чистоты, удобства, приличія, какъ и вы сами. Характерная особенность шведскаго крестьянскаго дома, удержавшаяся отъ старины, — это оригинальные гобелены своего рода, покрывающіе всѣ его стѣны: обыкновенно эту роль исполняютъ холсты, разрисованные сценами изъ священной исторіи и старательно исписанные подходящими текстами библіи. Это тоже краснорѣчиво говоритъ за исполнѣе человѣчную потребность шведскаго крестьянина украсить свое жилище чѣмъ-нибудь художественнымъ и поучительнымъ, по его скромному разумѣнію.

У шведскаго крестьянина жилище — жилищемъ, а кухня — кухнею, прачешная — прачешною, хлѣвъ — хлѣвомъ. И вездѣ всѣ нужные снаряды, опять-таки очень простые, самодѣльные, но приспособленные къ своему дѣлу. Одна и та же вещь не служитъ въ одно и то же время всему, что только подъ руку подвернется. Тулузомъ тутъ не вытираютъ стола, не сморкаются въ его полу, не стелютъ его вмѣсто ковра въ телѣгу, не кладутъ вмѣсто подушки подъ голову, а только носятъ на плечахъ въ холодное время, для чего одного и шьютъ его. Войдите въ хлѣвъ шведа — тамъ прочныя перегородки, деревянные полы, чисто, свѣтло, просто и тепло. Шведъ и со скотиной обращается съ уваженіемъ, со вниманіемъ къ ея законнымъ потребностямъ.

Кромѣ соломенныхъ крышъ, старинныя крестьянскіе дома кроются здѣсь еще и землею; это такъ распространено, что даже довольно обширная и очень приличная для деревни гостиница покрыта сверху землею, изъ которой высоко торчатъ, по шведскому обычаю, широкія трубы, и которая заросла, какъ хорошій лугъ, цвѣтами и травою. Земля эта насыпается сверхъ широкихъ кусковъ бересты, и увѣряютъ, будто вмѣстѣ съ нею она еще лучше удерживаетъ зимою тепло дома, чѣмъ солома. Впослѣдствіи мы видѣли цѣлыя десятки деревень, особенно въ Норвегіи, съ такими земляными крышами, поросшими бурьяномъ и цвѣтами.

Домъ горожанина старинныхъ временъ полонъ богатства своего рода, и для любителя рѣдкостей — сущій кладъ. Всѣ эти несокрушимыя кресла и столы на массивныхъ точеныхъ ногахъ — ножками назвать ихъ никакъ уже нельзя, — эти рѣзные спинки высокихъ стульевъ, эти инкрустированные деревомъ шкафы и

шкафчики съ ящичками, дверочками, полочками, сидѣнья изъ тисненой и раскрашенной кожи, оригинально разукрашенные сундуки своеобразной формы, мѣдные подсвѣчники для стѣнъ съ мѣдными досками, огромными какъ щиты, затѣйливо раскрашенныя бочки и разная характерная домашняя посуда—составляютъ собою драгоцѣнный археологическій музей. Но жилища старой Швеціи, перенесенныя изъ глухихъ угловъ ея провинцій, населены не одною мебелью и посудой. Куда ни войдете, вездѣ вы видите сидящихъ или стоящихъ далекарлійцевъ, далекарліекъ, шонокъ, іемтландцевъ, блэкингцевъ, то бесѣдующихъ, то работающихъ; въ ихъ рукахъ обычные инструменты и работы ихъ; около нихъ цѣлые столы, полки, лавки, завалены ихъ деревенскими издѣліями, ихъ любимыми кушаньями. Вы подходите и готовы заговорить съ этими неподвижными фигурами, до иллюзіи похожими на живыхъ людей; вы, вотъ-вотъ, спросите ихъ, чтѣ это они дѣлаютъ, и изъ какой области ихъ нарядъ. Только лицомъ къ лицу съ ними вы вдругъ убѣждаетесь не безъ удивленія въ своей комической ошибкѣ и распознаете художественно сдѣланныя и художественно сгруппированныя восковыя фигуры Зодермана, изумлявшія своею поразительною жизненностью и естественностью положеній, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, европейскую и американскую публику на всемірныхъ выставкахъ Парижа и Чикаго.

Случилось какъ-то, что въ одномъ изъ посѣщенныхъ нами крестьянскихъ домиковъ, среди этихъ искусственныхъ обитателей его, сидѣла за работою и настоящая, живая дѣвушка въ такомъ же характерномъ деревенскомъ нарядѣ,—и мы, обманувшись столько разъ на восковыхъ куклахъ, чистосердечно приняли за восковую куклу и эту подлинную обительницу дома, пока она не заставила насъ вздрогнуть, неожиданно повернувъ къ намъ голову.

Впрочемъ, Скандзенъ даетъ иностранному туристу возможность познакомиться еще гораздо ближе и полнѣе съ національными нарядами Швеціи и съ народными обычаями и нравами во время частыхъ народныхъ праздниковъ, которые собираются обыкновенно вблизи „Домика каменотеса“ („Hackstuga“) изъ Орсы, чтѣ въ Далекарліи, вокругъ традиціоннаго „майсваго шеста“ („Maistang“); здѣсь почти каждый лѣтній вечеръ играетъ простонародная музыка, подъ которую увлеченно пляшетъ просто-народъ. Но въ особенно почитаемые народомъ дни, память о которыхъ сохранилась отъ вѣковъ язычества,—въ пресловутую Вальпургіеву ночь (подъ 1-е мая), въ день зимняго солнцеворота

(13-го декабря), прозываемый у шведовъ „Luciadag“, подъ Рождество Христово, а также 6-го июня, въ день воцаренія Густава Вазы, перваго и любимѣйшаго короля Швеціи, и въ нѣкоторые другіе дни—вокругъ того же майскаго шеста устроиваются многочисленныя народныя празднества, на которыя стекаются жители изъ всѣхъ окрестностей столицы, и въ которыхъ принимаютъ горячее участіе всѣ слои мѣстнаго общества, музыкальныя и пѣвческіе союзы, студенты высшихъ учебныхъ заведеній, чиновники, горожане. Въ зимніе вечера нерѣдко освѣщаются тогда бенгальскими огнями всѣ эти разбросанныя среди озеръ и деревьевъ лѣса характерныя домики, зажигается огонь въ каминахъ, и какъ у насъ въ Малороссіи парни и дѣти, ходя изъ дома въ домъ, поютъ пѣсни святой Люціи, покровительницѣ слѣпыхъ,—воляды своего рода.

Лапландскій чумъ съ своими собаками, съ стадомъ своихъ потѣшныхъ маленькихъ оленей, рога которыхъ, похожіе на сучья сухого дерева, кажутся обшитыми войлокомъ или обросшими мохомъ, съ своими еще болѣе потѣшными уродливыми-хозяевами въ шутовскихъ желто-синнихъ колпакахъ, въ полосатыхъ мѣховыхъ балахонахъ и мѣховыхъ башмакахъ среди лѣтней жары,—расположенъ на высокомъ скалистомъ пастбищѣ, среди загородки изъ легкаго тына, куда васъ охотно приглашаютъ карлики-хозяева, въ расчетѣ на серебряныя кроны, и показываютъ вамъ въ своихъ землею крытыхъ шалашахъ, устланныхъ хвоею и оленьими шкурами, все свое незатѣливое первобытное хозяйство, напоминающее эпоху каменнаго вѣка и свайныхъ построекъ, свою жалкую упряжь изъ палочекъ, жалкія санишки, лодочки, сѣти, жалкую, словно дѣтскими сдѣланную, скудную домашнюю посуду, долбленые ковшики, ложки изъ оленьихъ роговъ...

Недалеко отъ лапландскаго чума очень интересная древняя деревянная колокольня изъ Іемтланда,—„Häjästapel“,—какихъ уже не много осталось теперь даже въ самыхъ глухихъ углахъ Швеціи.

Мимо разныхъ медвѣжьихъ ямъ, орлиныхъ клѣтокъ, тюленьихъ бассейновъ и пр. вы приближаетесь наконецъ,—отдохнувъ предварительно за чашкою кофе или за бараньей котлеткой въ очень чистенькихъ и просторныхъ павильонахъ ресторана,—къ высокой красивой башнѣ „Бельведера“, или „Бредаблигъ“, какъ его называлъ д-ръ Газеліусъ, вѣнчающей собою самый возвышенный и самый отдаленный холмъ Сканзена.

Подъемъ на 70 метровъ по 160 ступенямъ „Бредаблика“ не особенно легокъ, хотя въ каждомъ ярусѣ его можно отлично отдохнуть, рассматривая выставленныя здѣсь различныя интересныя коллекціи. „Бредабликъ“ виденъ издалека со всѣхъ сторонъ, откуда бы ни подѣзжали къ Стокгольму; зато и съ его верхнихъ площадей чудный, ничѣмъ не заслоняемый видъ во всѣ стороны, на всю широкую панораму красавца-Стокгольма и его милыхъ окрестностей. Для путешественника, еще не вполнѣ ознакомившагося съ своеобразнымъ расположеніемъ острововъ, протоковъ и улицъ Стокгольма, это—чрезвычайно полезное наглядное дополненіе къ плану столицы, далеко не такому ясному, какъ развертывающаяся у вашихъ ногъ живая ландшафтная водъ, горъ, лѣсовъ, равнинъ и городскихъ кварталовъ, видимыхъ вамъ отсюда, какъ съ воздушнаго шара.

Мы познакомились въ Дьургорденѣ не съ однимъ только Сканзенемъ. Сюда стыдно пріѣхать всего одинъ разъ. Самъ паркъ Дьургордена стоитъ того, чтобы погулять въ немъ досыта въ ясный лѣтній вечерокъ. Мы, однако, какъ туристы, дорожившіе временемъ, предпочли объѣхать его кругомъ въ покойномъ и изящномъ ландо отеля, платя всего по 2¹/₂ кроны въ часъ. Прогулка эта—одно наслажденіе! Цѣлые часы вы ѣздите по превосходно убитымъ, какъ асфальтъ гладкимъ, широкимъ аллеямъ, среди тѣнистыхъ чащъ лѣса, по берегамъ озеръ, заливовъ и каналовъ, обильно омывающихъ его зеленыя сѣни. Свѣжо и вольно дышется здѣсь груди, а глазъ не нарадуется на зеленый просторъ полей, на маститыя группы рогатыхъ липъ и дубовъ, на живописныя перспективы лѣсныхъ далей. Тутъ все мягкіе холмы, заманчивыя лощинки, веселыя лужайки. Паркъ—огромнаго охвата, много больше вѣнскаго Пратера и берлинскаго Тиргартена, и привлекателенъ именно своею естественною живописностью, своею простотою и просторомъ, хотя его дачи, ресторанчики и кафѣ, мимо которыхъ приходится проѣзжать, далеко не такъ изящны, какъ парижскія, вѣнскія или берлинскія. Съ травою тутъ не церемонятся, и лежатъ на ней, сидятъ, пьютъ, ѣдятъ, бродятъ, кто какъ хочетъ, не стѣсненные никакою полиціею, никакими угрожающими предостереженіями. Дороги полны ѣдущей, идущей, несущейся публики. Велосипедисты и велосипедистки пролетаютъ мимо васъ, какъ рои мухъ, на встрѣчу, въ догонку, наперерѣзъ вашей коляскѣ, ловко извиваясь между лошадей, экипажей, деревьевъ, съ быстротой молніи облетая толпы пѣшеходовъ. Нигдѣ я не видалъ такой массы велосипедистовъ, какъ въ Стокгольмѣ. Дѣвушекъ

особенно много, и всё онѣ такъ милы и скромны, всё сидятъ на своихъ крошечныхъ желѣзныхъ тарелочкахъ, въ своихъ чистенькихъ разноцвѣтныхъ юпочкахъ, такъ прямиенко, граціозно, цѣломудренно, свѣженькія, голубоглазыя, свѣтлокудрія, всё проносятся мимо васъ такъ легко и беззвучно, словно не касаясь земли, что вамъ представляется, будто это пролетаютъ мимо васъ веселыя стайки какихъ-то яркихъ, хорошенькихъ птичекъ, которыми вы едва успѣваете любоваться. Тутъ вы не встрѣтите ни одного зазывающаго взгляда, ни одного наглаго тѣлдвиженія. Мужчины тоже красавцы на подборъ и всё на одно лицо, — бѣлобрысые усы, бѣлобрысыя головы, румяные, голубоглазые, рослые, плечистые, — веселье и здоровье прищеть изъ каждаго мускула. Сейчасъ видна цѣльная, неизношенная раса, прекрасно сохранившая свои силы и свое душевное настроеніе постоянной жизнью на воздухѣ и энергическою работою мышцъ, цѣломудренными привычками и правильнымъ распорядкомъ труда и отдыха, — раса несомнѣнно широкаго и свѣтлаго будущаго, судя по задаткамъ ея настоящаго.

Посѣтили мы въ Дьургорденѣ и любимѣйшій у стокгольмцевъ кафе-ресторантъ „Hasselbacken“, въ которомъ обыкновенно проводить вечера лучшая публика столицы. Здѣсь все устроено нѣсколько изящнѣе и шире, чѣмъ въ другихъ загородныхъ ресторанахъ. Посмотришь на хоръ военной музыки — это не солдаты, а какіе-то исполненные достоинства военные чины, съ важностью отправляющіе свою артистическую обязанность. Публики тутъ числа нѣтъ; столикамъ, стульямъ — тоже! Мы съ большимъ интересомъ просидѣли до темноты въ этомъ оживленномъ уголкѣ, полномъ пестроты, движенія и звуковъ, присматриваясь къ нравамъ и обычаямъ мѣстной публики. Шведы по истинѣ умный и практичный народъ; они отлично умѣютъ устроить свою жизнь, умѣютъ учиться, умѣютъ работать, умѣютъ веселиться, людно, весело, беззаботно и дешево проводя свои вечера. И никакихъ при этомъ арфянокъ и пѣвчихъ, съ скоромными жестами и еще болѣе скоромными куплетами, никакихъ оголенныхъ тѣлъ и задиранія ногъ, — какими обязательно забавляется публика нашихъ лѣтнихъ садиковъ и ресторановъ не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ и даже иныхъ уѣздныхъ городахъ... Ни одна женщина здѣсь не куритъ въ публикѣ; дома — не знаю. Зато очень многія, почти всё, очень спокойно потягиваютъ вмѣстѣ съ мужчинами излюбленный здѣсь пуншъ съ ледяною водою. Вѣроятно, здѣшний сырой климатъ, жизнь на воздухѣ и постоянное движеніе требуютъ для орга-

низма этихъ согрѣвающихъ средствъ. Къ концу вечера стали появляться кое на комъ полосатая красная одѣяла, взамѣнъ плѣдовъ и *couvre pieds*, которые кельнеры разносятъ всѣмъ требующимъ; это—оригинальное обыкновение стокгольмскихъ увеселительныхъ садовъ, которое, можетъ быть, было бы не излишне перенять и намъ, обитателямъ странъ полуночныхъ. Страны полуночныя имѣютъ, однако, и свою прелесть: въ 10 часовъ вечера, здѣсь еще такъ свѣтло, по крайней мѣрѣ въ ясные лѣтніе дни, что сердце ваше невольно радуется этому непривычному для него отсутствію мертвящаго мрака.

Я забылъ сказать, что у самого „Hasselbacken“, въ саду—бронзовый памятникъ извѣстнаго народнаго поэта Швеціи, Бельмана. Любимый шведскій пѣсенникъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ съ арфою въ рукахъ. Онъ, дѣйствительно, сочинялъ и распѣвалъ свои одушевленные импровизаціи въ чашахъ „Дьургордена“. Пѣсни его поются народомъ до сихъ поръ, и до сихъ поръ дубы и липы его любимаго парка оглашаются, во время посвященнаго ему праздника — „Belmansdagen“,—звучами его умулешей арфы... Въ другомъ мѣстѣ Дьургордена, въ тѣнистой группѣ вѣковыхъ деревьевъ, прозываемой „Belmans'ro“ („Отдыхъ Бельмана“), также воздвигнуть бюстъ этому простодушному поэту души народной....

V. — Древности Скандинавіи.

Музеями Стокгольмъ богаче многихъ столицъ, и его музеи оригинальны въ высшей степени. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не найдете такого громаднаго, такого полнаго и такъ хорошо систематизированнаго собранія предметовъ скандинавскаго быта, какъ въ здѣшнемъ „Сѣверномъ музеѣ“, пока еще не имѣющемъ особаго помѣщенія и временно распредѣленномъ въ нѣсколькихъ домахъ Королевиной улицы (*Drotningamstrasse*).

Это въ одно и то же время наглядная экскурсія въ исторію и этнографію страны. Только баснословною энергіею д-ра Газелюса можно себя объяснить изумительное богатство самыхъ рѣдкихъ коллекцій всякаго рода, наполняющихъ „Сѣверный музей“. Онъ, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ щедрыя пожертвованія частныхъ лицъ, случайно обладавшихъ какимъ-нибудь археологическимъ сокровищемъ, и собирателей коллекцій, желавшихъ дать широкую извѣстность собраннымъ съ большою любовью и усиліями рѣдкостямъ своимъ.

Газелиусъ въ устройствѣ этого музея держался того же разумнѣя художественнаго плана, по которому устроенъ его „Сканзенъ“. Тутъ вы проходите рядами цѣльныхъ народныхъ жилищъ изъ разныхъ вѣковъ и областей Скандинавіи, видите народныя постройки, утварь, образъ жизни, одежды, типы племенъ. Нѣсколько залъ посвящаются потомъ мебели, нѣсколько залъ—хозяйственнымъ орудіямъ, нѣсколько залъ—церковнымъ и религіознымъ предметамъ, еще нѣсколько залъ—вооруженіямъ, одедамъ, и пр., и пр. Для бѣлаго осмотра тутъ множество интереснаго, но несравненно больше интереса и пользы для серьезнаго изученія. Историческій художникъ долженъ проводить здѣсь цѣлыя недѣли, срисовывая характерныя, полныя неподражаемаго вкуса своего рода, всевозможныя предметы стариннаго быта, отъ бердышей и круглыхъ щитовъ норманскаго воина до драгоценныхъ ларцовъ и изящно точеныхъ прилокъ средневѣковой хозяйки, отъ скромныхъ жизненныхъ удобствъ и грубаго, наивнаго убранства крестьянской избы какой-нибудь Далекарліи до золоченой роскоши городскихъ богачей XVIII-го вѣка. Но особенно ремесленникамъ всякаго рода здѣсь непочатый кладъ оригинальныхъ формъ, узоровъ, образцовъ—для изученія, для подражанія; всѣ эти кожей обтянутые сундучки, деревомъ выложенныя шкафчики, эти пузатые жбаны, енды въ формѣ кораблей, ковши съ змѣиными головами, колоссальныя шандалы на мѣдныхъ щитахъ, точеныя столы и кресла, массивныя какъ троны,—представляютъ собою неподражаемыя готовыя модели для копированія. Отъ работы старинныхъ мастеровъ вѣетъ какимъ-то особеннымъ духомъ честнаго и любовнаго отношенія къ своему дѣлу и глубокаго уваженія къ нему. Каждая мельчайшая подробность обдуманна и исполнена съ изумительною заботливостью, стараніемъ и вкусомъ, какъ будто ей суждено жить цѣлыя вѣка; да и прочность всѣхъ этихъ старыхъ издѣлій такова, что они, дѣйствительно, прожили и, конечно, проживутъ вѣка. Здѣсь нужно современному ремесленнику набраться этого плодотворнаго духа старинныхъ мастеровъ и втягиваться мало-по-малу въ трудно уловимыя тайны ихъ рабочихъ приемовъ.

Но, кромѣ работы мастеровъ, удивляешься здѣсь и смотришь съ невольнымъ уваженіемъ на самый бытъ народа, требующаго себѣ—даже на самой низшей ступени благосостоянія и просвѣщенія—извѣстнаго комфорта и изящества въ своей ежедневной обстановкѣ. Нельзя видѣть безъ глубокаго сочувствія, какъ каждая мелочная вещь въ обиходѣ простаго крестьянина сдѣлана здѣсь по возможности тщательно, расшита, обшита, расцвѣчена,

непремѣнно окрашена, непремѣнно изукрашена тѣмъ-нибудь, какимъ-нибудь рисункомъ, рѣзьбою, затѣйливою формою,—даже простой рубель или деревянный утюгъ, простыя санки, простая кровать или коницъ... Ничего нѣтъ слепаннаго кое-какъ, съ размаху топора, по пословицѣ: „тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабль“. Описывать и перечислять всѣ неисчислимыя интересные предметы въ разныхъ отдѣленіяхъ „Сѣвернаго музея“, конечно, я не буду. Отъ нихъ разбѣгаются глаза и устааетъ голова, даже разсматривая ихъ въ подлинникъ; а описаніе ихъ только напрасно утомило бы читателя, не давъ ему даже приблизительнаго понятія объ ихъ характерной красотѣ и поучительности своего рода.

Я посоветую только читателю, если онъ посѣтитъ когда-нибудь „Сѣверный музей“ Стокгольма, посвятить особенное вниманіе рѣдкому по богатству и полнотѣ отдѣлу народныхъ жилищъ и тѣмъ заламъ, гдѣ собраны чрезвычайно любопытныя средневѣковыя значки разныхъ ремесленныхъ цеховъ, съ громоздкими фонарями и статуями святыхъ наверху, и средневѣковая аптека съ ея характерною вывѣскою, ея колоссальными вѣсами, колоссальными ступками въ видѣ кадушки, колоссальными чугунами колбами и колоссальными книгами тогдашнихъ врачебныхъ тайнъ... Такъ и кажется, что сейчасъ войдетъ въ эту лабораторію алхимика какой-нибудь Фаустъ съ Вагнеромъ и начнутъ высиживать по рецептамъ этихъ громадныхъ книгъ въ этихъ громадныхъ ретортахъ своего „гомункула“...

„Національный музей“—рядомъ съ нашею гостинницею на той же набережной Блазиегольмена. У него—свой прекрасный и помѣстительный домъ. Залы его не роскошны, но свѣтлы и просторны. Тутъ галерея живописи, гдѣ найдется много хорошихъ картинъ и много славныхъ именъ европейскихъ художниковъ, гдѣ широко представлена и мѣстная шведская живопись, — но все-таки галерея эта не особенно интересна послѣ знаменитыхъ галерей живописи Дрездена, Лувра, Мюнхена, или нашихъ несравненныхъ собраній картинъ въ музеѣ Александра III-го и въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ. Живопись въ верхнемъ ярусѣ, скульптура—въ нижнемъ. Оригинальныхъ мраморовъ тутъ не много, но гипсовыхъ снимковъ со всѣхъ знаменитыхъ статуй Европы—большое обиліе. Египетскій музей—тоже не изъ особенно богатыхъ, сравнительно съ берлинскимъ, парижскимъ и другими. Зато „историческій отдѣлъ“ музея необыкновенно по-

лонъ и интересенъ; въ немъ богаче всего отдѣлъ „каменнаго вѣка“. Думаю, что едва-ли въ какой другой столицѣ Европы существуетъ такое драгоценное по обилію и выбору предметовъ и такъ тщательно классифицированное собраніе остатковъ каменнаго періода человѣческой исторіи. Тутъ и цѣлыя гробницы тѣхъ же первобытныхъ вѣковъ, цѣликомъ—съ костями и прахомъ, и модели могильныхъ кургановъ всякаго типа, и долмены съ до-историческихъ владбищъ. Можно сказать, вся мало-вѣдомая намъ древняя исторія скандинавскаго сѣвера, съ ея глубоко-самобытными вѣрованіями и обычаями, съ ея героическою міеологіею и героическими подвигами, невольно нарисуетъ въ нашемъ представленіи яркими, живыми чертами, послѣ того какъ вы съ неослабывающимъ любопытствомъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ наглядитесь во всѣхъ этихъ богатѣйшихъ музеяхъ шведской столицы на безчисленные наглядные памятники давно протекшей жизни одного изъ самыхъ оригинальныхъ народовъ, на его могильные камни, его руническія письма, его боговъ, его жилища, орудія, одежды... Для мыслящаго человѣка въ памятникахъ этихъ много не только интереснаго, но и высоко-поучительнаго...

Древняя исторія и древній бытъ скандинавовъ должны быть особенно интересны намъ, русскимъ, потому что во всякомъ случаѣ насъ связывали съ ними когда-то очень тѣсныя отношенія, то дружескія, то враждебныя, даже и помимо норманской теоріи призванія князей.

Замѣчательно, что древніе авторы приписывали шведамъ скинское происхожденіе, и даже прямо выводили ихъ изъ Россіи.

Не говоря уже о готахъ, первыхъ историческихъ обитателяхъ Швеціи,—гораздо болѣе ранніе, полуміеическіе жители ея—азы и одины—еще сильно отзываются славянствомъ.

Одины, какъ многіе думаютъ, были просто водины, или будины нашихъ лѣтописей. А асы, или азы, которыхъ скандинавская міеологія нерѣдко смѣшиваетъ съ одинами, жившіе у сѣверныхъ предгорій Кавказа и оставившіе намъ въ наслѣдіе не только имя Азін, но еще и Азова, и Азовскаго моря, также какъ племя „осовъ“ или нынѣшнихъ осетинъ,—перенесли и въ свою скандинавскую новую родину то же имя азовъ и тотъ же Аз-гордъ (Аз-градъ),—Азовъ своего рода,—играющій такую видную роль въ скандинавской міеологіи. До сихъ поръ существуетъ въ старой шведской провинціи, Смоландіи, городъ Ас-гордъ и Ас-ас-кій погостъ, гдѣ въ тому же находится „вели-

кая могила Одина — „Оденс-грабъ“, изъ которой, въ свое время были извлечены очень интересныя погребальныя урны съ пепломъ костей, а въ Зюдерманландіи есть островъ Ас-пе съ очень древними руническими надписями.

„Одинъ“ (единица)—совсѣмъ славянское слово, а по славянскому счету 1 есть въ то же время и „Азъ“, первая буква азбуки. На сѣверѣ „Азъ“, или „Асъ“, называется вообще Богъ,—такимъ образомъ, имя „Одинъ“ могло и у скандинавовъ означать просто „Единого Бога“.

Извѣстные путешественники въ Татаріи—Плано Карпини и Рубруквисъ—видѣли асовъ на Дону, близъ Азовскаго моря и Кавказа, еще въ XIII-мъ вѣкѣ... Тамъ же жили и аланы, про которыхъ Прокопій выражался, что „они настоящіе готы“, и которые вмѣстѣ съ свевами переселились въ Скандинавію, оставивъ въ ней свои слѣды въ имени Аландскихъ острововъ и, быть можетъ, также въ имени старинной южной провинціи Швеціи—Галланда.

Въ языкѣ же этихъ асовъ, осовъ или осетинъ, уцѣлѣвшихъ на Кавказѣ, сохранилось доселѣ много словъ частью нѣмецкаго, частью славянскаго корня. Это наводитъ на заключеніе, что убѣжденіе древнихъ въ происхожденіи асовъ и одиновъ отъ скиновъ (скандинавы и др. европейцы называли ихъ „скитами“ (Scythes), быть можетъ, отъ слова „скитаться“, т.-е. кочевать, подразумевая, повидимому, подъ этимъ именемъ всѣ вообще тогдашніе кочевые народы южно-русскихъ и сибирскихъ равнинъ)—имѣетъ нѣкоторое основаніе. Очень можетъ быть, что языки нѣмецкій и славянскій тогда еще не успѣли совершенно обособиться изъ когда-то общаго этимъ племенамъ первоначальнаго индо-европейскаго языка, такъ что азы и одины съ такимъ же правомъ могутъ считаться предками какъ славянъ, такъ и скандинавовъ; что они примыкали, однако, ближе къ германской вѣтви,—въ этомъ трудно сомнѣваться, потому что они скоро потомъ слились съ готами и свевами, поселившимися въ той же Швеціи и говорившими германскимъ нарѣчіемъ.

Та же общность языка, не успѣвшаго еще въ ранней древности раздробиться на самостоятельныя нарѣчія, служила, вѣроятно, причиною и того, что готовъ многіе древніе писатели считали также славянами.

Вообще, при изученіи древней исторіи, необходимо сильно принимать во вниманіе тогдашнюю сравнительную близость народовъ другъ къ другу по языку, крови, религіи и обычаямъ, безъ чего невозможно было бы понять многія историческія событія.

Тѣ самыя племена, которыя впоследствии съ трудомъ могли или даже вовсе не могли понимать другъ друга, — какъ, напр., шведы, норманны, датчане, англо-саксы, — нѣсколькими вѣками ранѣе свободно объяснялись другъ съ другомъ, почти на одномъ и томъ же языкѣ, подобно тому, какъ „москаль“ объясняется у насъ съ „хохлою“, или бѣлоруссъ съ вологодцемъ.

Первые проповѣдники христіанства въ Швеціи были нѣмцы и англичане, — однако скандинавы разумѣли ихъ хорошо безъ переводчиковъ. Это дѣлаетъ гораздо болѣе возможнымъ и понятнымъ такъ часто встрѣчаемое въ лѣтописяхъ приглашеніе къ себѣ разными народами правителей и вождей изъ сосѣднихъ странъ, свободные переѣзды недовольныхъ отъ одного властителя къ другому, и общее участіе различныхъ племенъ во многихъ воинственныхъ предпріятіяхъ. Несомнѣнно, что въ числѣ много-различныхъ племенъ и народовъ, составлявшихъ полчища Аттилы, очень многіе могли понимать другъ друга и свободно сноситься другъ съ другомъ на какомъ-нибудь всѣмъ имъ общемъ языкѣ, безъ чего едва-ли были бы мыслимы продолжительные совмѣстные походы ихъ.

Какъ бы то ни было, но азы и одины — далекіе священные предки шведскаго народа, впервые занявшіе скандинавскую страну, — мало-по-малу превратились въ мифологическихъ существъ, въ божества своего рода, которымъ шведскій народъ приносилъ жертвы и воздвигалъ храмы.

Преданія о нихъ и вообще о древней религіи скандинавовъ сохранила намъ „Эдда“, священная книга скандинавовъ; — „Эдда“ буквально значитъ: „ученіе праотцевъ“.

Эдда въ своемъ полномъ первобытномъ видѣ не дошла до нашихъ дней, потому что первые христіане съ ревностью, достойною лучшаго предмета, усердствовали въ уничтоженіи всякихъ памятниковъ языческаго культа. Только среди пустынныхъ льдовъ Исландіи, окруженной волнами самаго негостепріимнаго изъ океановъ, куда при Гаральдѣ Гаарфатерѣ, около 900 г. по Р. Х., переселилось много вольнолюбивыхъ смѣлыхъ людей изъ Норвегіи и Швеціи, — сохранились сравнительно долго и неприкосновенно остатки древнихъ святынь. Семундъ Сигфугезенъ Гинъ Фреде — первый собралъ, въ 1174 г., все, что уцѣлѣло въ его время изъ священныхъ книгъ Эдды, а черезъ сто лѣтъ послѣ него привелъ въ порядокъ и списалъ съ большимъ стараніемъ Эдду и другую священную книгу — „Скальду“ — намѣстникъ Исландіи Снорре Стурлезонъ, который на основаніи множества разы-

сканныхъ и собранныхъ имъ древнихъ рукописей, писанныхъ еще рунами, составилъ также *Геймс-Крингл*, дающую объясненія очень многихъ древнихъ сказаній, вѣрованій и обычаевъ. Сборники Стурлезона стали съ тѣхъ поръ основнымъ источникомъ для изученія скандинавской мифологіи.

При этомъ случаѣ не мѣшаетъ объяснить читателю, что такое скандинавскія руны и руническія письмена, которыхъ образчики намъ пришлось такъ много видѣть въ музеяхъ Швеціи и Норвегіи.

„Руна“ на древне-шведскомъ языкѣ значила „нарѣзка, насѣчка, зарубка“, то-есть, то же самое, что славянское—„черты“ и „рѣзы“. Древніе славяне, какъ извѣстно изъ словъ черноризца Храбра, „чертами и рѣзами писаху и гадааху“. Оставшіяся въ употребленіи у нашего простонародья „бирки“, т.-е. стесанныя ножомъ палочки, на которыхъ нарѣзаются разные знаки взаимнѣ цифръ для счета хлѣба, денегъ и всякаго рода деревенскихъ продуктовъ,—конечно, не что иное, какъ пережившій вѣка древній обычай писать „чертами и рѣзами“; названіе же свое бирка, вѣроятно, получила отъ татаръ, отъ первыхъ цифръ татарскаго счета: „*биръ, эки*“ (*одинъ, два*), быть можетъ по случаю сбора дани съ русскихъ людей. Въ скиѣскихъ странахъ, какъ, напр., у массагетовъ, руны, по свидѣтельству старыхъ писателей, употреблялись довольно долго, и ихъ можно было видѣть на многихъ уцѣлѣвшихъ каменныхъ памятникахъ татаръ.

Этотъ обычай „рѣзы“ и „руны“ еще болѣе указываетъ на общій корень славянства и скандинавства. Руны, повидимому, были сначала только простыми черточками, нарѣзанными въ ту или другую сторону, длиннѣе или короче, какъ это было найдено въ такъ-называемыхъ „гельзингскихъ рунахъ“ (гельзинги, оставившіе свое имя въ городѣ Гельзингфорсъ, Гельзингерфъ, провинціи Гельсингеландіи и др., были особымъ народомъ финскаго племени, уже въ историческія времена). Но потомъ и, очевидно, очень уже давно руны стали изображаться буквами, очень похожими на славянскія и греческія, числомъ 16. Почти всѣ руническіе камни и рукописи писаны такими рунами. Руны имѣли также и значеніе цифръ, какъ и нашъ славянскій алфавитъ. Каждая руна носила свое особенное имя, чаще всего какого-нибудь языческаго бога или мифологическаго героя, и съ каждою изъ рунъ было тѣсно связано какое-нибудь изреченіе древней мудрости. Поэтому языческіе жрецы, а потомъ и простонародные колдуны и гадальщики, придавали рунамъ различный таин-

ственный смыслъ, приписывали имъ волшебныя свойства, какъ всему мало понятному, поражавшему воображеніе толпы. Руны писались и на камняхъ, и на деревь, и на корь, и на лыжахъ, и на божяхъ. Удобнѣ всего считалось писать ихъ на тонкихъ дощечкахъ изъ буковаго дерева (Buch), отъ которыхъ вѣроятно получила впослѣдствіи свое германское названіе и книга вообще (Buch).

Руническія книги язычниковъ, яростно сожигавшіяся въ X и XI столѣтіи и послѣ, все-таки уцѣлѣли, хотя и въ очень рѣдкихъ экземплярахъ, въ нѣкоторыхъ библіотекахъ Швеціи, между прочимъ въ упсальской. Но гораздо больше сохранилось руническихъ надгробныхъ камней и разныхъ надписей на скалахъ и камняхъ.

Въ домѣ каждаго шведскаго простолюдина еще не особенно давно можно было найти такъ называемыя руническіе жезлы, то-есть ограниченныя на четыре и на шесть угловъ палочки съ рукоятками, съ руническимъ изображеніемъ мѣсяцевъ, дней, праздниковъ, положеній луны и пр., и почти каждый шведъ могъ безъ труда разбирать этотъ ручной календарь свой, который вырѣзался ими не только на отдѣльныхъ жезлахъ, но и на стѣнахъ избы, на повозкахъ, на оружіи, на женскихъ прялкахъ и лоханяхъ, чтобы всегда можно было имѣть подъ руками нужную въ хозяйствѣ справку. Вообще руны держались среди простого шведскаго народа еще долго послѣ того, какъ въ образованныхъ классахъ и въ государственныхъ актахъ ихъ замѣнили латинскимъ алфавитомъ. Знаменитый шведскій историкъ XVIII-го столѣтія, Олафъ Далинъ, капитальный трудъ котораго по древней исторіи Швеціи былъ переведенъ въ свое время на всѣ европейскіе языки, между прочимъ, по высочайшему повелѣнію императора Александра I-го, и на нашъ русскій, увѣряетъ, будто въ его время далекарлійцы—самое коренное и наиболѣе стойкое въ старинныхъ обычаяхъ шведское племя—продолжали еще пользоваться рунами въ своемъ житейскомъ обиходѣ, для счета деревьевъ и для насѣчки знаковъ на рукахъ.

Древнѣйшія скандинавскія сказанія, перепутанныя, неясныя и фантастическія болѣе, чѣмъ у какаго то ни было другого народа, то-и-дѣло смѣшиваютъ своихъ вождей и героевъ съ божествами. Оденъ, или Одинъ, у нихъ и первенствующій богъ, и названіе племени, переселившагося съ береговъ Азовскаго моря, и асскій царь Сигге, убивавшій отъ римлянъ, изъ своего города

Асгорда на сѣверъ, въ Готію, гдѣ основалъ первую столицу Швеціи—городъ Сигтуну (около Упсалы), воздвигнувъ тамъ великій языческій храмъ. „Ситуна“ — значило „морской городъ“ (Seatown). Оденъ этотъ, по рассказамъ Эдды, былъ мужемъ великаго духа, храбрый герой, искусный во всемъ; все, что онъ предпринималъ, ему удавалось скоро и счастливо. Онъ могъ въ одну секунду проѣхать весь свѣтъ, поворотить вѣтеръ, куда было нужно, укротить бури, однимъ своимъ словомъ потушить пожаръ; могъ переселять по произволу въ звѣря, въ птицу, въ рыбу, воскрешать мертвыхъ изъ гробовъ, предсказывать будущее. Онъ могъ пѣть такія трогательныя пѣсни, отъ которыхъ разверзалась утроба горъ, жившіе въ нихъ колдуны дѣлались безсильны и неподвижны, и всѣ скрытыя въ землѣ сокровища отдавались ему въ руки. Два ворона, Гугинъ и Мунинъ, то-есть „мысль и предвидѣніе“, сидѣли на его плечахъ и летали по всѣмъ землямъ, принося ему обо всемъ вѣсти.

Оденъ посѣтилъ всѣ народы въ Скандинавіи и Германіи, и вездѣ его чтили какъ бога.

Этотъ характерный рассказъ Стурлезоновой Эдды, можно сказать, передаетъ намъ въ живомъ образѣ тотъ весьма рѣдкій и крайне интересный моментъ до-историческихъ временъ, когда храбрый и искусный вождь морскихъ удалцовъ, пораженный своими подвигами и успѣхами младенческое воображеніе темнаго народа, пріобрѣтаетъ мало-по-малу въ его глазахъ значеніе все-сильнаго божества...

Но Оденъ-царь только присвоилъ себѣ названіе бога Одена, существовавшее гораздо раньше его, и такимъ образомъ смѣшалъ себя въ памяти народа съ первенствующимъ богомъ древности. Въ Эддѣ же сохранилось ученіе объ истинномъ Одиѣ, чаще величаемомъ „Алфадеромъ“ (All-Fater), про котораго говорится, что онъ „Отецъ всѣхъ вещей, Всевышній, Вѣчный, Вѣтхій денми, Вездѣсущій, Животворящій, Великій и Страшный, Истинный, Премудрый, Вѣдающій все сокровенное, Единый, Который былъ прежде всѣхъ боговъ, Который создалъ небо и землю“ и пр.

Эти эпитеты ясно показываютъ, что, при всемъ своемъ многобожіи, и языческіе народы далеко не были чужды понятія о Единомъ Богѣ, Творцѣ міра, что также убѣдительно видно изъ индусской, египетской и греческой міеологіи. Второстепенныя божества ихъ играли роль не самостоятельную и были далеко не всемогущи и не вездѣсущи.

Замѣчательно, что въ скандинавской міеологіи сохранилось понятіе и о Богѣ-посредникѣ, который долженъ былъ придти въ

міръ для примиренія добра со зломъ, для подавленія вреднаго и восстановленія всего падшаго. Это былъ Торъ. Одина боялись какъ строгаго и правосудно-наказующаго владыку, а въ Тора вѣрили какъ въ Бога примиренія, ходатайства и человѣколюбія, благоустроителя всего. Тору приписывалось множество подвиговъ: онъ, между прочимъ, связалъ страшнаго *Фенриса-Волфа*, дьявола скандинавскихъ миеовъ, сына „начальника зла“ Локе („лукавый“?). Царство Тора называется въ Эддѣ „замкомъ и крѣпостью истины“, столица его—„защитою невинности и оградю печалующихся“. Торъ, странствуя по землѣ въ человѣческомъ видѣ, творилъ добро, посѣщалъ дома бѣдныхъ, насыщалъ своею пищею народъ, который, однако, его не позналъ и повѣрилъ его чудесамъ только послѣ него. Торъ побѣдилъ въ страшной брани *Мид-Шланге*, великую змѣю грѣха. Его изображали обыкновенно съ боевымъ молотомъ на плечѣ, который онъ бросалъ, а тотъ самъ возвращался ему въ руки.

По ученію Эдды, добрые и праведные по смерти вѣчно будутъ жить и наслаждаться высочайшимъ благомъ въ вѣчномъ жилищѣ Всемоущаго, которое свѣтлѣе солнца и покрыто золотомъ, которое останется неизмѣннымъ даже тогда, когда черный пламень превратитъ весь міръ въ пепелъ, и пребудетъ, когда исчезнутъ небо и земля.

Герои, павшіе на полѣ брани, будутъ увеселяться во дворцѣ *Валгалъ* героическими играми, поединками и охотами, питаются нетлѣнною пищею, хотя и скудною вслѣдствіе суровыхъ привычекъ ихъ жизни,—именно, они будутъ ѣсть мясо борова *Серимнера*, котораго ежедневно убиваютъ, и который всякое утро опять оживаетъ, и пить медъ изъ сосновъ козы *Гедрунги*, питающейся почками небеснаго дерева *Лерадуре*. Жившіе же на землѣ развратно, злочестивые, убійцы, причинявшіе раздоры между друзьями и супругами, будутъ мучимы послѣ смерти злымъ духомъ въ жилищѣ проклятыхъ, отдалены отъ солнца, погружены въ девятый міръ, гдѣ господствуютъ величайшая стужа и мракъ, и гдѣ все жилище окружено змѣями и кипящими волнами.

Также нѣсколько сходно съ христіанскими представленіями рисуется въ Эддѣ и кончина міра, или свѣтопреставленіе, „*Рагнамеръ*“.

Тогда настанетъ чрезвычайно злой свѣтъ, исполненный пороковъ и гнусностей; настанетъ свирѣпое время, когда будетъ трудно жить; когда зашумятъ вредоносныя бури, и люди сдѣлаются подобны дикимъ звѣрямъ. Земля наполнится войнами, смертоубійствомъ и кровопролитіемъ; родители и дѣти начнутъ

враждовать другъ съ другомъ; сестры и братья стануть умерщвлять одинъ другого; не будетъ тогда ни единого человѣка, щащащаго другого. За симъ настануть жестокия стужи, затмѣнія и страшные призраки, какъ предвѣстники кончины свѣта. Потомъ природа и стихіи возмуться и разрушатся; солнце затмится, звѣзды исчезнутъ, земля низринется въ море; огонь все пожретъ; свѣтъ и поднимающійся пламень, да и самыя небеса обрушатся въ бездну. Тогда-то уже всѣ чудовища и злые духи будутъ свободно ходить, и Фенрисъ-Волфъ (дьяволъ) поглотитъ помраченное солнце. Но въ ту же самую минуту прійдетъ Всемогущій съ своими небесными войми и божественною своею правотою творить судъ. Тогда всѣ злые духи будутъ низвержены во тьму кромѣшную. Всесильный съ своей высоты, управляющій всяческими, рѣшить дѣла и сотворить судъ. Онъ утвердитъ свѣтлыя судьбы, которыя пребудутъ во вѣки. Тогда настанетъ совсѣмъ новый міръ и блаженныя жилища, гдѣ боги опять соберутся въ обновленной жизни, и гдѣ души благочестивыхъ будутъ вѣчно обитать въ безопасности и веселіи.

Стоитъ еще привести одинъ примѣръ поразительнаго сходства языческихъ преданій скандинавскаго народа съ библейскими сказаніями евреевъ и христіанъ.

Въ Эддѣ сохранилось такое сказаніе о всемірномъ потопѣ: „отъ крови исполина Име произошелъ столь великій потопъ, что весь родъ злочестивыхъ погибъ отъ него, *кромя единого человѣка* именуемаго Бергъ-Элмеромъ (*„тотъ, который остановился на горѣ“*), который спасся въ лодкѣ съ женою и дѣтьми своими“.

Конечно, это далеко не первый и не единственный примѣръ сохранившагося у язычниковъ преданія о потопѣ; кромѣ общности воспоминаній разныхъ народовъ о дѣйствительно совершившейся катастрофѣ, послужившей основаніемъ этому преданію, кромѣ общаго для всѣхъ ихъ источника первобытной арійской міеологіи, изъ котораго эти народы черпали свои религіозныя представленія, нужно предположить также, что ту или другую окраску какъ этимъ воспоминаніямъ, такъ и вообще религіознымъ представленіямъ древнихъ скандинавовъ, могло придать и позднѣйшее знакомство скандинавскихъ скальдовъ, хранившихъ въ своей памяти пѣсни Эдды, съ еврейскими и христіанскими сказаніями, такъ какъ Эдда была собрана и восстановлена Стурлезономъ уже во времена вполне историческія,

когда взаимныя сношенія и взаимныя духовныя заимствованія народовъ были уже достаточно развиты...

Занявшись музеями Стокгольма, не слѣдуетъ миновать очень интересный „Паноптикумъ“, помѣщающійся на улицѣ „Королевскаго сада“, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ набережной. Это, собственно, музей восковыхъ сценъ, а не только восковыхъ фигуръ. Отдѣльныя комнаты, а иногда цѣлыя большія залы, посвящены здѣсь каждой картинѣ; вся реальная обстановка изображаемаго дѣйствія соблюдена строго: мебель, ковры, зеркала, посуда, все—настоящее; лампы горятъ, вино въ бокалахъ...

Тутъ и гостиная королевскаго дома, гдѣ бесѣдуетъ послѣ обѣда за чашками кофе, разносимаго камеръ-лакеями, вся семья Оскара II-го; это—собраніе молодцовъ и красавцевъ на подборъ, тутъ и цѣлая уголовная драма ночного убійства, занимающая подъ-рядъ нѣсколько отдѣленій и дающая вамъ возможность прослѣдить глазами и нервами всю потрясающую правду злодѣйскаго преступленія, отъ глухого предразсвѣтнаго часа, когда забравшійся въ домъ убійца разmozжилъ голову вскочившей съ постели красавицѣ-хозяйкѣ, до его неожиданнаго ареста полиціей среди шумнаго бала, въ элегантномъ фракѣ, съ бутоньеркой въ петлицѣ, до острожной камеры, гдѣ около него въ отчаяніи убивается его злосчастная мать, и даже до гильотины, на которой его казнятъ.

Тутъ и смерть императора Вильгельма, вводящая васъ въ полную иллюзію правдоподобностью позъ и выраженій умирающаго и тѣхъ, кто прощается съ нимъ; тутъ и Норденшѣльдъ, совсѣмъ какъ живой, съ мужественными спутниками своихъ полярныхъ походовъ, и много разныхъ другихъ сценъ, полныхъ жизни, характера и серьезнаго интереса. А когда вы выходите изъ этой своеобразной галереи восковыхъ фигуръ, производящихъ неотразимое впечатлѣніе настоящихъ людей, вы можете дополнить вашу иллюзію комическимъ зрѣлищемъ толстяка Фальстафа, который не только ворочаетъ своими нахальными глазами, но еще важно протягиваетъ къ стоящему около пажу свой пустой кубокъ, и когда восковой пажъ наливаетъ его виномъ, восковой обжора съ довольною улыбкою преспокойно опрокидываетъ кубокъ, на вашихъ глазахъ, въ свое помѣстительное чрево...

Евгеній Марковъ.

ДАЛИЛА

„Philister über dir!..“ Roman von G.-von-Ompfeda. Berl. 1899.

Окончаніе.

Х *).

Нѣсколько дней спустя, молодые супруги Занднеръ получили извѣстіе, что Эвальдъ фонъ-Эвельгорстъ женится. Объ этомъ явился сообщить самъ генераль; онъ давно уже не заглядывалъ въ мастерскую зятя. А Вѣра какъ-то вдругъ вспомнила, что надо бы навѣстить мамѣ, и только-что уѣхала къ ней въ Шенебергъ; мужъ ея былъ одинъ дома, и потому генералу пришлось просить его передать эту новость женѣ.

— Я самъ не знаю ничего подробно,—говорилъ онъ.— Знаю только, что невѣста—нѣкая графиня фонъ-Линденъ, женщина не очень молодая, но очень богатая (я это слышалъ отъ знакомыхъ, въ казино),—не изъ красивыхъ, но весьма „comme il faut“.

Вообще, генераль сообщилъ эту радостную вѣсть довольно спокойно, и упомянулъ о ней, какъ говорятъ, желая сообщить что-либо новенькое. Впрочемъ, и Ники Занднеръ не нашелся на это ничего сказать,—только замѣтилъ:

— А!.. Очень пріятно!

Старикъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа и, оглядывая мастерскую, ласково похлопалъ зятя по плечу.

*) См. выше: февр., 660 стр.

— Ну, что ты, работаешь прилежно?

— Ничего себѣ, понемногу.

— Ну, это ты только такъ говоришь... Ахъ, кстати: я долженъ тебѣ кое-что сказать; на дняхъ мнѣ пришлось прочесть, что ты сдѣлаешь блестящую карьеру. Прежде я — грѣшный человѣкъ! — не любилъ читать эти отзывы; но теперь, когда у меня зять — знаменитость, я — какъ увижу твое имя, такъ и пробѣгу непременно... И не одинъ, а два раза случилось мнѣ прочесть... Pardon, даже три раза!.. Еще не дальше, какъ вчера, генералъ Таннеманъ (мы съ нимъ встрѣтились у Юсти) читалъ мнѣ выдержки...

Это порадовало Ники; но онъ, для виду, проронилъ небрежно:

— Будто ужъ отзывы такъ хороши?

— Просто чудо! Право, это чертовски меня радуетъ, и я тобой горжусь! Журналистъ говорить, что *стремление* у тебя было всегда, но что теперь явилось и *умнѣе*... съ тѣхъ поръ, какъ появился твой „Вечеръ“. Не знаю, почему бы не называться этой картиной: „Совершенство“? Это къ ней одинаково подходит! Мое личное мнѣніе, — Вѣра, все-таки, вышла непохожа: благодаря Бога, въ дѣйствительности, она совсѣмъ другая...

Ники только улыбался. Онъ привыкъ пропускать мимо ушей подобныя замѣчанія генерала, который, уходя, опять посовѣтовалъ ему „заняться батальной живописью“...

— Хорошо; я объ этомъ подумаю, — отозвался художникъ.

Вернувшись домой, Вѣра чрезвычайно удивила мужа горячностью, съ которой она отнеслась къ свадьбѣ брата, и заторопилась къ отцу, чтобы все разузнать хорошенько.

Ники былъ пораженъ. О матери, о ея здоровьѣ, Вѣра даже позабыла ему сообщить; она вся ушла въ новый, интересный для нея вопросъ о предстоящей свадьбѣ, и побѣжала къ отцу, насколько попросивъ мужа отобѣдать безъ нея, если она запоздаетъ.

Время шло; Вѣра не возвращалась, и ему пришлось сѣсть за столъ одному. Онъ уже началъ беспокоиться, какъ она вдругъ явилась — свѣжая, разрумянившаяся отъ ходьбы и такая обворожительно хорошенькая, что вся его досада мигомъ пропала, и складки на лбу разгладились.

Какъ ни въ чемъ не бывало, жена подошла къ нему и поцѣловала его, осыпая цѣлымъ градомъ болтовни:

— Ты не смѣешь сердиться, Ники! Понятно, отъ папѣ я ничего не могла узнать, и поспѣшила прямо къ Мими. Все скла-

дывается прекрасно: ей двадцать-пять лѣтъ, она богата и не красива... нѣтъ; но очень представительна. Братъ у нея—по-сланникомъ въ Тегеранѣ, и это очень пріятно для Эвальда: онъ тогда изъ Эрфурта перейдетъ въ Берлинъ, и—мало ли еще какія будутъ выгоды? Онъ можетъ со временемъ осуществить свою мечту — послужить за-границей, а до тѣхъ поръ — я страшно рада, что молодые будутъ жить въ Берлинѣ! Намъ это доставитъ разнообразныя знакомства...

Прыгая по комнатѣ, она хлопала въ ладоши отъ восторга, и на радостяхъ не замѣчала, до чего сумраченъ и молчаливъ ея Ники. Продолжая свое повѣствованіе, она спросила его, наконецъ:

— Да что съ тобой?

— Какъ что со мной? Я слушаю тебя.

— Но ты не говоришь ни слова!

— Что же я долженъ говорить?

— Ну, радоваться, что-ли... какъ радуюсь я, за Эвальда и за насъ обоихъ. Чудо, какъ будетъ хорошо!

Ники пожалъ плечами; ему, напротивъ, тяжела была мысль, что Эвальдъ съ женой можетъ устроиться въ Берлинѣ.

— Вѣдь не могу же я радоваться тому, что твой братъ сюда переезжаетъ!

— Это почему же?

— Ты развѣ позабыла, какъ онъ со мной обошелся? Какъ съ послѣднимъ лакеемъ! Тогда я былъ еще женихомъ,—и на многое смотрѣлъ сквозь пальцы; но теперь я прихожусь ему совсѣмъ иначе.

— Всякую радость, всякій пустякъ ты непременно мнѣ испортишь! Теперь меня уже не радуетъ, что Эвальдъ будетъ жить такъ близко!—съ досадой сказала Вѣра, и объявила, что ей даже ѣсть теперь противно.

Она встала и ушла къ себѣ, хлопнувъ дверью.

Ники стоялъ неподвижно и смотрѣлъ ей во слѣдъ. Въ первую минуту, онъ было-хотѣлъ броситься за нею, успокоить ее; но онъ не могъ побороть какого-то непріятнаго чувства, и остался. Его выводила изъ себя мысль, что такимъ образомъ онъ какъ будто желалъ бы извиниться въ томъ, въ чемъ не былъ виноватъ.

„Должна же она понимать мои отношенія къ Эвальду,—разсуждалъ онъ.—Теперь она мнѣ ближе, чѣмъ своей семьѣ: она уже не Вѣра фонъ-Эвельгорстъ, а Вѣра Занднеръ!“

Кстати припомнилось ему, что, вообще, его жена мало вниманія удѣляетъ его семьѣ, его искусству,—и это всего больнѣе

отзывалось у него на сердцѣ... Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что она больше не будетъ заниматься живописью, Вѣра перестала ею интересоваться, перестала спрашивать мужа, чтѣ и какъ онъ пишетъ.

У себя въ мастерской Ники забрался въ уголокъ дивана, протянулъ ноги поудобнѣе и, закрывъ лицо руками, глубоко задумался. Онъ чувствовалъ, что онъ одинокъ... да, одинокъ, несмотря на то, что любитъ жену свою. Она—тутъ, въ двухъ шагахъ отъ него;—но и она тѣкъ же одинока, какъ онъ самъ. Словечко примиренія—и все могло бы уладиться; но нѣтъ! Здѣсь рѣчь уже не о примиреніи, а о взаимномъ пониманіи,—а она, Вѣра, не понимаетъ мужа.

Всю свою душу онъ открылъ ей чистосердечно, но она не пожелала заглянуть въ нее, и онъ, робѣя, началъ сознавать, что ея чувство недостаточно чутко и глубоко. Ему вдругъ стыдно стало; стыдно за то, что онъ обнажилъ передъ нею самую глубину своей души,—и сознание, что онъ вѣчно будетъ принужденъ носить маску передъ женою, передъ существомъ, которое и дорого ему, и живетъ въ тѣсной близости съ нимъ постоянно, сознание невозможности быть всегда самимъ собою,—все это увеличивало горечь и мрачность его настроенія. Онъ пытался найти средство отъ нихъ избавиться; онъ хотѣлъ самъ убѣдить себя, что неправъ передъ Вѣрой;—но какъ живые сверкали передъ нимъ ея глаза, горѣвшіе злобой, когда она ему говорила, что всякую радость онъ ей портитъ.

Холодная рѣшимость овладѣла имъ. Онъ подошелъ къ письменному столу и принялся подсчитывать, какими деньгами онъ можетъ располагать по октябрь мѣсяцъ. Оказалось, что на покупки и на наряды Вѣры истрачено вдвое больше, чѣмъ сперва предполагалось.

За послѣдніе мѣсяцы, прихода не было, а расходовалось—безъ счету; на хозяйство онъ далъ женѣ вдвое больше, чѣмъ обыкновенно, но ей и того не хватило. Ники не работалъ; а за свой „Вечеръ“—единственную удавшуюся вещь—онъ не хотѣлъ взять даже тѣхъ баснословныхъ денегъ, какія ему предлагалъ какой-то иностранецъ—поклонникъ искусства. Ему казалось грѣхомъ размѣнять на деньги свое вдохновеніе, плодъ счастливѣйшаго времени въ его жизни. Въ его глазахъ эта картина была вѣчно-живымъ олицетвореніемъ его горячаго, юношески-молодого чувства.

И ему припомнилось, какъ онъ однажды рассказалъ женѣ, какія крупныя суммы могъ бы ему принести его „Вечеръ“, еслибъ онъ, Ники, на это согласился... Вѣра возразила, что на его

мѣстѣ она „взяла бы эти деньги“, и, повидимому, не могла понять, что для мужа цѣнность этой картины была выше всякихъ денегъ.

— Ты могъ бы, для меня, снять съ нея копію,—замѣтила Вѣра, какъ будто находя естественнымъ, чтобы такое творчество сдѣлалось достояніемъ толпы.

Тогда это показалось ему и больно, и досадно; разсердило его и снова вывело его изъ себя, когда оно вспомнилось теперь. Еще разъ заставилъ онъ себя вернуться къ своимъ счетамъ, и онъ увидѣлъ, что надо будетъ отказаться отъ лѣтнаго путешествія, въ которое онъ собирался, когда окончить свою желѣзнодорожную картину. Можетъ быть, денегъ могло бы и хватить,—въ обрѣзъ, положимъ,—но, все-таки, могло бы; только опять ему припомнилось жѣсткое, озлобленное выраженіе лица жены—и онъ тотчасъ же пошелъ къ ней объявить, чтобы она не рассчитывала на это лѣтнее путешествіе.

Дверь была заперта. Художникъ постучалъ; никто не отозвался.

— Вѣра, отопри! Мнѣ надо съ тобой поговорить.

— Что тебѣ надо?—послышалось, наконецъ, за дверью.

— Сказать тебѣ, по поводу нашей лѣтней поѣздки...

Мигомъ дверь распахнулась. Вѣрѣ стало стыдно капризничать, когда мужъ приготовилъ ей такую радость, и она появилась на порогѣ, пошла сама на встрѣчу; движенія ея были мягки и вкрадчивы, какъ у кошечки.

Ники, однако, не поддавался и смотрѣлъ серьезно.

— Я хотѣлъ только сказать тебѣ, что поѣздка наша лѣтомъ—дѣло невозможное. Мы такъ мало заработали, а истратили такъ много, что придется, по неволѣ, жить благоразумно и остаться въ Берлинѣ. Мы не поѣдемъ никуда.

Вѣра съ горькой усмѣшкой взглянула на него, закусивъ платокъ, и, сверкнувъ злобными глазами, она выкрикнула неистово:

— Я такъ и знала!—и повернулась къ мужу спиною.

Ники отошелъ въ сторону; Вѣра—тоже,—и съ шумомъ захлопнулась за нею дверь.

XI.

За свой „Вечеръ“ Ники Занднеръ получилъ золотую медаль,—уже не первую въ своей жизни; тѣмъ не менѣе, это его порадовало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и встревожило при мысли, что скажетъ жена, когда узнаетъ? Онъ же молчалъ нарочно, выжидая. Однако,

матери онъ тотчасъ же пошелъ сказать, и старушка заплакала отъ умиленія.

— А что сказала Вѣра?

— Я не знаю.

— Не знаешь? Какъ же такъ?

— Не знаю даже, имѣетъ ли она хоть малѣйшее о томъ понятіе: мнѣ она не говоритъ ни слова, а съ подругами, вѣрно, совсѣмъ не разсуждаетъ объ этомъ.

Мать обвила рукой его шею и, нѣжно глядя по головѣ, тихо проговорила:

— Бѣдный Ники!

— Чѣмъ я „бѣдный“? — спросилъ онъ, какъ только могъ непринужденнѣе, бодрѣе.

— Да развѣ я давно не замѣчаю? Развѣ я не вижу, что творится? Но не слѣдуетъ мнѣ, старухѣ, вмѣшиваться въ дѣла мужа и жены.

Она коснулась губами его лба такъ ласково, такъ нѣжно, что онъ не выдержалъ, и самъ, обхвативъ ее за шею обѣими руками, зарыдалъ, какъ малое дитя.

Мать не пыталась утѣшать, давая волю его внезапному порыву. Наконецъ, художникъ всталъ и отошелъ къ окну; успокоившись, онъ сѣлъ рядомъ съ нею и разсказалъ ей все чисто-сердечно: свои надежды и разочарованія, свои печали и тревоги.

— Дитя мое! Все это я предвидѣла и перечувствовала уже давно. Я знала, что ты отъ меня скрываешь; но не думаю, чтобы ты имѣлъ право приходить въ отчаяніе. Каждому изъ насъ суждено нести свое особое бремя; отецъ твой, какъ и ты, все принималъ къ сердцу—не то что его товарищи. Одинъ, напримѣръ, пришелъ къ намъ, просидѣлъ весь вечеръ, и шутилъ, паясничалъ, гримасы строилъ, а подъ-конецъ, прощаясь, вдругъ и говорить: „Знаете, вѣдь сегодня меня оставили за штатомъ на половинной пенсіи!“ — Отецъ твой даже разсердился, видя, до чего можетъ человѣкъ равнодушно относиться къ своей бѣдѣ... Да и я тоже... Я этого не понимаю... Я... Я... — и старушка залилась слезами.

Глядя на нее, Ники собралъ все свое мужество и принялся ее утѣшать:

— „Не все на свѣтѣ будетъ ночь“, все можетъ еще измѣниться. Вѣра пойметъ, увидитъ. Я самъ ей объясню и помогу понять, въ чемъ она виновата... и я тоже! Есть тоже доля и моей вины...

— Дай-то Богъ!—проговорила мать, но, видимо, не вѣря, что ея Ники можетъ быть неправъ..

А дома, еще на порогѣ, его встрѣтила жена и совсѣмъ неожиданно бросилась къ нему на шею.

— Мой дорогой, мой знаменитый муженекъ! Будь со мною ласковъ, не сердись... Ну, прошу тебя! Ну, не сердись: я буду умница... да! совсѣмъ умница! И ссориться не будемъ!

Художникъ ее обнялъ, умиленный.

— Не будемъ, Вѣра! Но и ты будь всегда такою милой, мягкой, какъ теперь!

Сдерживать дольше настоящую причину своей радости она уже не могла.

— Да поздравляю же тебя,—ну, поздравляю!

— Съ чѣмъ же?

— Полно тебѣ, Ники! Полно притворяться!

— Ну, такъ скажи скорѣе: съ чѣмъ?

— Съ медалью же! Съ большою золотой медалью! Да развѣ ты не знаешь?

— Знаю, давно.

Вѣра была подавлена, поражена.

— Ты зналъ и... ничего мнѣ не сказалъ?! Но почему же? почему?

— Я ждалъ, что ты мнѣ скажешь?

— У, какой злой!

— Ты не интересуешься моимъ искусствомъ; мое призваніе для тебя чуждо.

Смущенно опустила глаза молодая женщина и пролепетала:

— Да нѣтъ же!..

Ники взялъ ее за подбородокъ и, заставляя поднять на него глаза, продолжалъ:

— Хочешь—по-прежнему быть моей милой жёнкой? Хочешь опять быть доброй и хорошей?.. О, еслибъ ты всегда была добра... какъ вотъ сейчасъ! Ты можешь иногда быть зла... ужасно зла!

— А ты, Ники, а ты?—уже шаловливо подхватила она:— Ты, вѣрно, думаешь, что ты—ангелъ кротости?

Но Ники уже чувствовалъ себя столько же виноватымъ, сколько и обиженнымъ.

— Мы оба виноваты, Вѣра, — согласился онъ, и подѣлуй скрѣпилъ ихъ примиреніе.

Повидимому, на этотъ разъ оно было прочнѣе, чѣмъ обыкновенно. Къ Вѣрѣ вернулись ея прежняя доброта и привлекатель-

ность. Впрочемъ, какъ это ни было для него тяжело и непріятно, а Ники старался уступать женѣ и хотя изрѣдка бывать съ нею въ обществѣ. Первое время, молодые отговаривались тѣмъ, что просили „продлить имъ отпускъ“, какъ выражался генералъ, заступаясь за нихъ передъ знакомыми; но теперь пришло время отдать долгъ вѣжливости и—принять у себя. Рѣшено было пригласить сперва то общество, въ которомъ привыкла вращаться Вѣра, а затѣмъ уже—художниковъ, отдѣльно.

Молодая хозяйка горячо взялась за дѣло, и обо всемъ такъ усердно хлопотала сама, что устала еще задолго до прихода гостей. Она считала, что ей надо еще кое-чѣмъ пополнить убранство квартиры, и, несмотря на усталость, собралась идти за покупками.

— Ники, дай мнѣ денегъ!—попросила она.

— Сколько?

— Сотни двѣ марокъ,—отозвалась Вѣра довольно небрежно; но мужу такая сумма показалась слишкомъ значительной, и онъ пошелъ вмѣстѣ съ Вѣрой, чтобы она хоть не зря тратила деньги. Возражать онъ не рѣшился, изъ опасенія, что одно лишнее слово вызоветъ цѣлую бурю раздраженія.

— А что ты будешь покупать?—спросилъ дорогою художникъ.

— Сама не знаю; только у насъ такъ пусто...

— Въ молодомъ хозяйствѣ такъ оно и полагается: оно пополняется съ годами...

— Во-первыхъ, на столъ намъ нечего поставить: надо хоть чѣтвъ купить; затѣмъ, уголь въ гостиной, у окна, имѣетъ такой ужасный видъ! Онъ прямо бросается въ глаза. Туда непременно что-нибудь такое...—И въ заключеніе, Вѣра объявила, что намѣрена покупать все какъ можно дешевле.

Для стола, однако, Ники выбралъ давно намѣченную вазу въ видѣ большой фарфоровой раковины; ее поддерживали морскія чудовища, старающіяся выкарабкаться изъ-подъ нея. Вещь эта была довольно дорогая, но зато изящная и красивая,—а онъ, какъ художникъ и эстетикъ, ставилъ красоту выше всего.

— А въ уголь-то что же мы поставимъ? — допытывалась Вѣра.

Мужъ оставилъ ее одну продолжать покупки, а самъ побѣжалъ впередъ, чтобы успѣть приготовить ей сюрпризъ.

Еще Вѣры не было дома, какъ онъ уже вернулся и, съ помощью двухъ рослыхъ людей, втащилъ вверхъ по лѣстницѣ ка-

кой-то большой, тяжелый предметъ. За ними, пыхтя и отдуваясь, шель Герстенштокъ, ругая лѣстницу.

Проворно задрапировавъ одинъ изъ своихъ прочныхъ старыхъ ящиковъ доскутомъ стараго бархата, на немъ водрузили таинственный тяжелый столбъ, освобожденный отъ тряпокъ, въ которыя онъ былъ окутанъ. Люди отерли потъ, струившійся у нихъ по лицу, а Герстенштокъ прогремѣлъ своимъ могучимъ голосомъ:

— Ну, Ники, что ты скажешь? Красавица она, чортъ меня возьми! А чудная это у тебя мысль,—и моя „Далила“ должна радоваться, что попала къ тебѣ, а не къ филистимлянамъ. Вотъ она и водворилась въ домъ порядочнаго человѣка, который сдумѣлъ ее оцѣнить.

Остановившись передъ ней и не сводя съ нея своихъ влюбленныхъ взоровъ, скульпторъ молча восхищался твореніемъ рукъ своихъ.

— Дѣти мои!—вырвалось у него горделиво.—А, вѣдь серьезно, хороша!

Послышался голосъ Вѣры, и Ники поспѣшилъ туда, чтобы задержать ее и дать исчезнуть Герстенштоку.

— Боже мой, Господи! Ты еще не одѣтъ, а гости могутъ сейчасъ пріѣхать!—заворчала жена.

На радостяхъ, что ему удалось приготовить женѣ такой скор-призъ, Ники совсѣмъ про нихъ забылъ и думалъ только о своей Далилѣ,—объ этомъ дивномъ, несравненномъ изваяніи. Не разъ онъ ею восхищался, когда она еще была въ работѣ, и съ той поры считалъ ее самой лучшей изъ новѣйшихъ скульптуръ, созданныхъ рѣзцомъ знатока-художника.

— Да ну же, торопись!—кричала Вѣра.

Всей его радости—какъ не бывало. Онъ распахнулъ дверь въ гостиную и крикнулъ пріятелю:

— Герстенштокъ, убирайся! Сейчасъ появятся здѣсь господа, разряженные въ пухъ и прахъ, и ты, понятно почувствуешь себя неловко въ своемъ замазанномъ нарядѣ, на которомъ, конечно, несравненно больше пятенъ отъ глины и известки, чѣмъ на ихъ фракахъ—отъ соуса съ трюффелями за весь сезонъ обѣдовъ!..

Онъ вывелъ вонъ изъ комнаты пріятеля, держа его за руку; Вѣра стояла и смотрѣла неподвижно. Герстенштокъ, по своей невоспитанности, смутился и сдѣлалъ видъ, что ея не замѣтилъ.

На-скоро замѣнивъ свой домашній нарядъ „вечернимъ“, Ники поспѣшилъ къ женѣ, чтобы немного ее успокоить; но вокругъ

нея уже собрались гости, — все знакомые Эвельгорстовъ. Мать Ники отговорила, на этотъ разъ, слабостью здоровья...

И дамы, и мужчины, съ одинаковымъ любопытствомъ бросились обозрѣвать квартиру художника, которая должна была (по ихъ мнѣнію) имѣть совсѣмъ особый видъ и своеобразную обстановку. На стѣнахъ висѣло множество того, что на языкѣ лицъ непосвященныхъ въ области искусства носило просто общее названіе „картинъ“; между тѣмъ, это все были вещи извѣстныхъ художниковъ — въ перемежку съ полотнами самого хозяина дома. Только одинъ, совсѣмъ еще юный офицеръ, кузень фонъ-Эвельгорстъ, останавливался передъ каждой и сосредоточенно, почти съ благоговѣніемъ разглядывалъ ее. Ники Занднеръ подошелъ къ нему:

— Развѣ картины васъ интересуютъ?

Поручикъ смутился и скромно отвѣтилъ:

— Весьма интересуютъ; но, къ сожалѣнію, я въ нихъ мало понимаю.

— Пониманіе придетъ со временемъ, само собой; главное — полюбить искусство. Если позволите, я объясню вамъ, кому какая принадлежитъ?

— Мнѣ кажется, что я ихъ самъ узнаю.

— Но онѣ почти всѣ безъ подписи...

— Вотъ эта, напримѣръ... — и офицеръ назвалъ имя художника.

Ники былъ пораженъ; но удивленіе его еще усилилось, когда онъ услышалъ, что застѣнчивый поручикъ не пропускаетъ ни одной выставки картинъ и спѣшитъ туда, какъ только служба ему позволяетъ. Въ заключеніе, кузень Эвельгорстъ признался, что любовь къ чистому искусству заставила его отказаться въ этотъ вечеръ отъ другого приглашенія. Ники оживился. Ему было отрадно видѣть, что и въ кругу свѣтскихъ людей есть цѣнители искусства; и это сознаніе его какъ будто съ ними примирало, такъ что онъ съ добродушною улыбкой выслушалъ замѣчаніе пріятельницы Вѣры:

— Отъ всѣхъ этихъ новомодныхъ картинъ, которыя у васъ висятъ тутъ по стѣнамъ, только голова болитъ; а „Старуха“ Либмана чуть не до тошноты всѣмъ надоѣла!

Гостей набралось человѣкъ сорокъ, и старику-слугѣ генерала, вѣстѣ съ двумя его помощниками, было вдоволь бѣготни и хлопотъ. Послѣ первой чашки чаю самъ собою наступилъ перерывъ. Открытый буфетъ, на которомъ стояла Вѣра, еще не былъ готовъ, и двери къ нему были закрыты. Обойдя будуаръ, гости

ную и столовую, гости притихли; первое возбужденіе и шумъ привѣтствій улеглись. Разговоръ шель вяло и, наконецъ, совсѣмъ оборвался.

Для Ники время тоже тянулось нестерпимо. Онъ надѣялся возбудить вниманіе гостей такой новинкой, такимъ совершенствомъ, какъ его „Далила“. Но нѣтъ! Она стояла, одинокая, во всей своей красѣ, и никому не было до нея дѣла; никто ее не удостоилъ лишнимъ взглядомъ. Красавица смотрѣла изъ своего угла на блестящую толпу, и въ глазахъ ея свѣтилось самоуверенное лукавство и сознаніе власти, которая ей, слабой женщинѣ, подчинила богатыря Сампсона, выдала его съ головой филистимлянамъ...

Гости, видимо, томились ожиданіемъ закуски и обѣда; молодая хозяйка суетливо бѣгала туда и сюда, освѣдомляясь, не спускаютъ ли они, подгоняя Ники, чтобы онъ торопиль кухмистера.

— Это ужасно! До сихъ поръ нельзя дожидаться; а папѣ уже давно говорить, что ему пить хочется невыносимо!—охала она.

Но вотъ влетѣла въ гостиную Мими фонъ-Тигель и прямо бросилась къ художнику съ вопросомъ:

— Послушайте! Чтò это у васъ тамъ за статуя? Надпись, кажется, изъ Библіи?... „Филистимляне идутъ на тебя“! Причемъ тутъ эта женщина?

— Это Далила, которая плѣнила собой Сампсона и выдала его филистимлянамъ.

— Ахъ, да! Начинаю кое-что соображать. Гм... гм... Потомъ поговоримъ еще объ этомъ,—а пока, надѣюсь, намъ дадутъ поѣсть?

Въ эту минуту двери распахнулись, и всѣ двинулись къ столу, загроможденному самыми разнообразными яствами.

Обстановка мастерской, обращенной на этотъ разъ въ столовую, занятую маленькими столами, сама прелестная хозяйка и ея умѣнье все устроить—вызвали цѣлый взрывъ восторга. Вѣра сіяла и гордилась похвалами, которыя по праву принадлежали ей мужу. Онъ слышалъ все; онъ любовался на жену и радовался, что она дѣйствительно милѣе, аристократичнѣе, красивѣе всѣхъ. Ни одна изъ дамъ или дѣвицъ не могла съ нею сравняться; ни одна не могла бы вдохновить его, какъ художника. Вѣра,—только Вѣра,—была въ его глазахъ такимъ совершенствомъ. Уверенность, съ которой она двигалась и говорила, изумляла его: когда это она успѣла научиться держать себя какъ замужня дама?—Ники припомнилъ, что отецъ ея сказалъ ему однажды про нее: — „Она не по лѣтамъ самоуверенна, развязна.

Помнишь, что я тебѣ сказалъ тогда, въ самомъ началѣ? Она у меня вольница и вѣтрогонка".—Впрочемъ, пока это ничуть ей не вредило во мнѣніи мужа.

Ея непринужденная осанка, ея пропорціональная, благородная красота снова привели его въ восхищеніе. Онъ забылъ все, онъ мысленно просилъ у нея прощенія, онъ готовъ былъ сейчасъ взяться за кисть, чтобы воспроизвести ее опять на полотнѣ...

„Вотъ, написать бы ее такою, именно такою!“—думалъ онъ.

ХП.

Послѣ ужина, кто-то предложилъ потанцовать; а кто-то подхватилъ эту мысль. Рояль мигомъ очутился въ мастерской, и кто-то ушелъ за него. Пары закружились. Молодежь развеселилась.

Танцующихъ обступили болѣе пожилые гости; въ числѣ ихъ былъ и хозяинъ дома.

— Ты не танцуешь?—окликнулъ его генералъ.

— Нѣтъ, папѣ.

— Что такъ? Неужели мнѣ, старику, придется пристыдить тебя?

Но Занднеръ остался при своемъ мнѣніи и молча наблюдать, какъ счастливая, ликующая Вѣра порхала изъ объятій одного танцора къ другому. Глаза ея сверкали, щеки горѣли, грудь высоко поднималась; она улыбалась и танцевала съ увлеченіемъ, почти со страстью.

На мигъ она остановилась подлѣ мужа.

— Ты, я вижу, любишь танцовать.

— До страсти! За танцы я все отдать готова.

— И такъ всегда ихъ любила?

— Да, всегда!

— Но когда ты была невѣстой, ты вѣдь не танцевала?

— Ники?! Тогда ужъ кончился сезонъ.

Объ этомъ Ники не подумалъ; его балы не привлекали..

— А ты съ женой не потанцуешь? — съ упрекомъ замѣтила она.

— Я не танцую...

— Но со мной?

Художникъ бросилъ танцовать пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и не хотѣлъ, чтобы надъ нимъ смѣялись.

— Вѣра, я не могу; право же, не могу!

— Какъ? Даже танцовать ты не умѣешь? Всякій кадетъ

танцуетъ!—въ грубой наивности замѣтила она, какъ бы говоря: „Вотъ до чего ты невоспитанъ и неловокъ: такого пустяка, — и то ты не умѣешь!“

Ники не поддавался на ея просьбы, на ея уговоры, даже на ея замѣчаніе:

— Ну, значить, ты меня не любишь!

— Только потому, что не хочу танцевать? — весело пошутилъ онъ.

— Такъ если любишь, протанцуй хоть разъ!

Ники упорствовалъ и возразилъ полу-серьезно, полу-шутя:

— Вѣра, такія условія ты не можешь ставить въ зависимость отъ танцевъ!

Вѣра сдѣлала гримасу, какъ недовольное дитя, и свернула на мужа сердитыми глазами:

— Ну, хорошо же, Ники! Если ты до такой степени противъ меня,—увидишь, до чего я дотанцуюсь! Я буду танцевать еще, еще, еще... пока не заболѣю и... И вотъ увидишь, вотъ увидишь!—угрожающе закончила она, и упорхнула съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ.

Ники не могъ понять, что ее разсердило, и рѣшилъ, что лучше всего дать ей „выходиться“. Спокойно наблюдалъ онъ, какъ жена летала по залѣ, танцуя неумоимо и безъ перерыва.

— Это ее забавляетъ, ну и пусть-себѣ забавляется, пока не надоѣстъ; не станетъ же она танцевать черезъ силу...— рассуждалъ онъ.

И въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, она повидимому устала, и вся красная, усиленно обмахиваясь вѣеромъ, подошла выпить стаканъ холодной воды.

— Вѣра, оставь: это вредно, — остановилъ ее мужъ; но она еще крѣпче ухватилась за стаканъ, и, топнувъ ногой, вся побагровѣла отъ гнѣва.

— Подай сейчасъ! Подай назадъ стаканъ! — повелительно крикнула она.

Ея кавалеръ, молодой кузень Эвельгорстъ, скромно отошелъ назадъ, замѣтивъ споръ супруговъ, къ которымъ поспѣшилъ самъ генералъ.

— Тебѣ не стыдно разыгрывать такую сцену при гостяхъ? — шепнулъ онъ дочери.

— Ники не даетъ мнѣ пить, папѣ.

— И совершенно правъ, — отозвался его превосходительство.

Вѣра продолжала танцевать, а Ники отошелъ въ сторону, чувствуя себя глубоко несчастнымъ.

Потъ выступилъ у него на лбу. Онъ вздохнулъ, отеръ его платкомъ и не могъ сдержать невольнаго стона. Голова у него кружилась, сердце томительно выло. Онъ былъ недоволенъ, уничтоженъ: всѣ его попытки дѣйствовать на нее мягкостью и добротой не достигали цѣли... Неужели они до такой степени не въ состояніи понять другъ друга, послѣ такой краткой брачной жизни?..

Ники припомнилъ, что у него гости, и что его отсутствіе могутъ замѣтить; онъ принудилъ себя выйти къ нимъ изъ уюморнаго уголка, въ который было-забился. Но молодежь такъ увлеклась весельемъ, что никого и ничего не замѣчала: всѣмъ доставляло истинное удовольствіе вертѣться подъ звуки пошленькаго напѣва избитаго вальса-„Крошка“.

Эти господа только одно и признавали въ жизни,—удовольствіе провести вечеръ въ безцѣльныхъ забавахъ, которыя начинались омаромъ и кончались избитымъ вальсомъ съ нелѣпыми словами. Эти господа и ихъ интересы были ему совершенно чужды, какъ чужды были ихъ привычки выпить, вутнуть и ругнуть тѣхъ хозяевъ, которые имъ, вмѣсто французскаго, подавали нѣмецкое шампанское... Его выводила изъ себя мысль, что въ его святилищѣ, въ тихомъ убѣжищѣ художника, гдѣ онъ одинъ чувствовалъ себя счастливымъ, гдѣ онъ работалъ, поддаваясь чистому вдохновенію,—шумитъ мелочное, многолюдное общество, неотзывчивое, глухое къ запросамъ высшаго искусства! Куда-нибудь уйти бы, спрятаться отъ нихъ подальше!..

И Ники рѣшился убѣжать изъ своей освѣщенной мастерской; но его нагнала рослая и крупнолицая, какъ мужчина, Мими фонъ-Тигель. (Ники вспомнилъ, какъ его удивило въ первое знакомство несоотвѣтствіе ея фигуры съ миниатюрной кличкой.)

— Пойдите, Занднеръ!—остановила она его своимъ по-мужски грубоватымъ голосомъ.—Скоро это прыганье придетъ къ концу, такъ вы подите-ка сюда, да расскажите толкомъ про эту... Какъ ее?

— Далилу.

— Ахъ, да: Далилу! Ну, что она? Зачѣмъ и почему?

Ники съ минуту призадумался.

Повуда Герстенштокъ былъ занятъ лѣпкой, художникъ заходилъ къ нему не разъ, и они долго, съ увлеченіемъ говорили о самой статуѣ, о ея значеніи, о ея выраженіи и позѣ. Для Герстенштока она была олицетвореніемъ его судьбы;—судьбы, которая его увлекла и поработила, разбила ему жизнь;—судьбы,

въ лицѣ его прекрасной, но невѣжественной красавицы-жены. Съ нея лѣпилъ онъ красавицу-Далилу; ея чертамъ придавъ ту живость выраженія, ту осмысленность лица и позы, которой у нея не было, но которая безъ словъ говорила, какую роль играла въ его жизни эта пластичная, но холодная красота.

— Въ поворотѣ головы,—началъ Ники свое объясненіе,— вы видите выраженіе торжества и ненависти, лукавства и презрѣнія. Эта Далила,—по Библии, Далида,—та женщина, которая поработила самаго властнаго, самаго сильнаго изъ мужей—Сампсона! Та женщина, что обольстила его ласками, угрозами, мольбами, хитростью своей. Она, и оголенная, прекрасна! Она пластична, горяча и—холодна. Она побѣдила! Смотрите, какъ она чуть полуоткрыла губы,—только зубы сверкаютъ! Смотрите, какъ глаза ея презрительно глядятъ,—видите, какъ прищуренъ лѣвый глазъ? Вся она какъ будто торжествуетъ, что замучила его, и что „душѣ его тяжело стало до смерти“... Видите, вотъ она кричитъ ему: „Филистимляне идутъ на тебя, Сампсонъ!“

Мими удивленно смотрѣла на художника своими мужскими, холодными глазами.

— Какъ вы умѣете прекрасно объяснять! Мнѣ кажется, я поняла, въ чемъ дѣло, но самаго характера Далилы я не понимаю: я еще должна себѣ его представить... Впрочемъ, и безъ того эта статуя очень красива, хоть я и не люблю цвѣтныхъ скульптуръ: я воспитана скорѣе на Торвальдсенѣ и къ нему привыкла...

— Къ строго-классической скульптурѣ... — сосредоточенно замѣтилъ Ники.

— Да, именно: *классической*! — внушительно подтвердила Мими.

— Что-жъ, можетъ быть, и мы, нынѣшніе, сдѣлаемся классиками когда-нибудь?

— Для этого вамъ, прежде всего, надо умереть.

— Для насъ, художниковъ, это самая лучшая пора! — съ горечью отозвался онъ.

— Все равно, я счастлива, что я не художникъ, и съ удовольствіемъ поживу подольше!

Изъ залы донесся шумъ,—какъ будто тамъ собрались расходиться.

— Удивительно, откуда только берутъ артисты свои сюжеты?—говорила задумчиво Мими, идя съ нимъ вмѣстѣ въ залу.

— Великія творенія искусства сами собою зарождаются въ душѣ художника...

— Значить, эта Далила вызвана чѣмъ-нибудь... что онъ пережилъ?

— Я твердо увѣренъ! Я даже знаю...

— Но какъ вы объясняли! Точно сами пережили, перечувствовали это...

Ники Занднеръ вскинулъ на нее глазами и вспомнилъ про Вѣру.

— Мы всѣ, художники, понимаемъ другъ друга... Болѣе или менѣе, мы въ общемъ солидарны...—спокойно отозвался онъ.

Между молодыми супругами установились холодныя отношенія и не прекращались довольно долго. Вѣра даже не спросила про свою новинку; лишь замѣтила, да и то мимоходомъ, что „не стоитъ эта статуя того, чтобы изъ-за нея опаздывать, какъ онъ опоздалъ тогда, къ гостямъ“. По ея словамъ, никто изъ приглашенныхъ не посмѣлъ взглянуть въ тотъ уголъ, гдѣ она стояла; а папѣ даже напрямикъ сказалъ:—„Не понимаю, какъ это можно ставить въ гостиной, напоказъ, такой откровенный бюстъ?“

Ники, напротивъ, видѣлъ въ „Далилѣ“ произведеніе чистаго искусства—и только.

— Значить, другіе смотрятъ на нее иными глазами, чѣмъ мы...

— У меня, кажется, такіе же глаза, а я вижу, что она неприлична...

— Неприлична?! Неприлична?! — вспылъ художникъ, но сдержался, и почти спокойно возразилъ:—*Мы*, т.-е. не ты да я, а мы, художники вообще...

— Ну, да,—вы художники! Вѣрно: „вы—художники“! Какъ будто вы сотворены иначе, нежели мы, простые смертные... Вы, художники! Даже смѣшно становится!

— Но мы, дѣйствительно, другіе; мы иначе сотворены... и я нерѣдко клянусь свою судьбу за это. Еслибъ мы были какъ всѣ люди, мы избѣжали бы множества невзгодъ, мученій, разочарованій! Можетъ быть, мы были бы счастливѣе тогда... въ тысячу разъ счастливѣе!

Вѣра была удивлена.

— Но развѣ ты не счастливъ? Тебѣ, вѣдь, хорошо живется.

Онъ ей отвѣтилъ тѣмъ же вопросомъ:

— А ты-то, счастлива?

— Когда ты милъ со мной.

— То-есть, когда я исполняю твою волю?

Молодая женщина опустила глаза и, пытаясь улыбнуться, попробовала отшутиться:

— Любезный мужъ именно и исполняетъ всегда желанія своей жены. А, въ сущности, сознайся: ты, все-таки, вѣдь, счастливъ и доволенъ?

— Да; когда я могу работать.

— Кто тебѣ не велить? Я сама была бы очень рада, еслибъ ты продавалъ каждый день хоть по картинѣ!—воскликнула она.

По-своему, она была права отчасти; но ея воззрѣніе вывело изъ себя художника. Онъ не могъ помириться съ мыслью—смотреть на служение чистому искусству какъ на ремесло... Вѣра перебила его размышленія вопросомъ, продалъ ли онъ свою послѣднюю картину съ желѣзнодорожнымъ сюжетомъ.

— Нѣтъ; я обмѣнялъ ее на бюстъ Герстенштока.

— Ну, что ты? Но вѣдь твоя картина стоитъ больше, чѣмъ эта глупая фигура...

— Эта глупая фигура,—возразилъ онъ спокойно,—создана рукой мастера; такая вещь даже великимъ людямъ рѣдко удастся. Само собою разумѣется, что, сверхъ обмѣна, я щедро возмѣстилъ ему затраты на матеріаль.

Вѣра готова была разразиться слезами отъ досады.

— Сколько же у насъ осталось денегъ?

— Будь спокойна,—съ горечью отвѣтилъ Ники:—хватить! Я примусь работать.

Ему было пріятно узнать, что Вѣра спѣшила къ подругѣ; по-немногу, жена приучила его къ своимъ частымъ отлучкамъ, возвращаясь лишь къ обѣду; да и то случалось, что онъ получалъ отъ нея записку съ просьбою не ждать ее къ столу. Къ одиночеству онъ началъ снова привывать и полюбилъ его, какъ мирный и желанный отдыхъ послѣ пустой свѣтской суеты, въ которую по неволѣ попадалъ, когда необходимо было отдавать визиты знакомымъ Эвельгорстовъ. Мелочность свѣтской среды его поражала. Онъ удивлялся распростертымъ объятіямъ и льстивымъ объясненіямъ въ любви, которыми встрѣчала Вѣра своихъ „подругъ“; но еще больше отталкивала сосредоточеннаго и серьезнаго художника готовность, съ которою его жена бранила за-глаза тѣхъ же пріятельницъ, съ которыми только-что цѣловалась. Дружбу—настоящую, по-мужски, преданную и прочную дружбу—онъ только и могъ допустить, какъ чувство глубокое и украшающее жизнь, но эти „чайныя подруги“ его возмущали.

— Да! Поработать бы хорошенько, встряхнуться!..

Рѣшительнымъ движеніемъ укрѣпивъ на станкѣ свой холстъ, Ники взялся за палитру, по обыкновенію держа въ зубахъ сигару. Попробовалъ одно, другое — все напрасно! Не клеится работа; вдохновеніе отказывается придти на помощь. Онъ взялся было списывать съ прежнихъ своихъ эскизовъ, въ надеждѣ натолкнуться на сюжетъ... Напрасно! Еще никогда не чувствовалъ Ники такого упадка бодрости, отсутствія мысли... А спѣшить даже необходимо: часа черезъ два явятся ученицы. Истощенный, онъ рѣшилъ прилечь и хоть ненадолго забыться сномъ, отдохнуть душою.

XIII.

— Ники! Да проснись же! Проснись!—будила его Вѣра.— Вставай скорѣе: Эвальдъ въ Берлинѣ; онъ будетъ здѣсь служить; черезъ недѣлю свадьба, это уже рѣшено. Нѣтъ, ты представь себѣ, какъ скоро! Иначе они останутся безъ свадебной поѣздки, какъ мы съ тобой. Я думаю, въ этомъ отношеніи, мы—единственные во всемъ Берлинѣ: ужъ и смѣются же, зато, надъ нами!

Ники зашевелился, открылъ глаза.

— А! Значить, день свадьбы уже назначенъ?

— Да. Мы съ тобой ѣдемъ въ Эрфуртъ, на свадьбу.

— По мнѣ, пожалуй...

Вѣра опять стала тормозить мужа.

— Ты еще спишь? Проснись же!

Первое возбужденіе улеглось, и она принялась упрекать Ники, что онъ недостаточно радуется такой пріятной вѣсти.

— Не понимаю, почему я долженъ особенно предаваться ликованью,—возразилъ художникъ.—Еслибъ еще Эвальдъ относился ко мнѣ по-родственному... но до сихъ поръ я не вижу причины такъ страшно радоваться за него.

Вѣра только потому не вспыхнула, что пропускала мимо ушей его слова, вся поглощенная мыслью, что надо поскорѣй бѣжать къ отцу за новостями, и позвала съ собою мужа.

— Не могу; у меня урокъ.

— Ну, одинъ разъ можешь пропустить.

— Нѣтъ, это моя обязанность.

— Обязанность, обязанность!

— Конечно! мои ученицы относятся къ своей задачѣ серьезно:

для нихъ живопись не шутка, а важное и серьезное дѣло. Это правда, воззрѣнія бываютъ различныя...

— Это на мой счетъ, конечно?—обидѣлась Вѣра.

Ники пожалъ плечами.

— Каждому свое.

Вѣра бросилась къ нему, и крикнула глухо:

— Послушай!.. Не серди меня.

Ники удивленно посмотрѣлъ ей въ разгоряченное, злое лицо съ плотно стиснутыми зубами и спросилъ спокойно:

— Да что съ тобой?

— Не выводи ты меня изъ себя,—вотъ что!

— Чѣмъ же я тебя вывожу?

— Пойдешь ли ты къ отцу?

— Пойду; послѣ урока.

— Нѣтъ, сейчасъ, со мной! Откажись отъ урока; докажи, что меня любишь.

— Это невысказуемо.

— А если это сдѣлаетъ меня несчастной?

— Все равно, я не могу.

— Ники, это нехорошо. Ты невнимателенъ къ женѣ, къ отцу жены, ко всей семьѣ. Я никогда этого отъ тебя не ожидала... Впрочемъ, это не удивительно...

— Не удивительно?! Какъ это понимать?

— Я въ тебѣ ошиблась; я думала, что ты—такой, какъ всѣ; но ты... ты...

— Ну, что же я?

— Ты не такой, какъ мы.

— Какъ... кто?

— Какъ всѣ, какъ мы. Я бы должна была это впередъ обдумать...

Желѣзными тисками сжалъ Ники руку жены.

— Я—другой?.. Ты говоришь: *обдумать*? Что обдумать? Что ты перестанешь быть Вѣрой фонъ-Эвельгорстъ и сдѣлаешься просто Вѣрой Занднеръ?

На мигъ, Вѣра струсила и колебалась отвѣтить. Но ей было такъ больно, ее такъ душила злоба, что она, въ бѣшенствѣ, крикнула, вырываясь отъ него:

— Да, да, да!

Смертельная блѣдность покрыла его лицо; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ты оскорбляешь и свое, и мое имя. Ты поносишь нашихъ родныхъ, умершихъ! Понимаешь ли ты, что ты говоришь?

— Мнѣ больно!—пищала Вѣра.

— Я этого только и хочу!—отозвался онъ, и выпустилъ ея руку съ крикомъ отвращенія.

Очувившись на свободѣ, Вѣра сжала свои маленькія ручки въ крохотные кулачки и потрясла ими въ лицо мужу, какъ бы желая размозжить его; она дрожала отъ злости и хотѣла что-то выкрикнуть, сказать... но слова душили ее, и она только злобно погрозила ему въ воздухъ кулаками:

— Я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу! — вырвалось у нея, наконецъ, и она, какъ безумная, бросилась вонъ.

Ники совсѣмъ не нашелся, что тутъ дѣлать, что сказать? Какъ связанный, пытался онъ вырваться изъ какого-то невидимаго, тѣснаго круга недоразумѣній, въ которыхъ онъ не могъ отдать себѣ отчета. Онъ рѣшительно не могъ разобраться въ мелочныхъ ссорахъ, которыя его удручали.

— Изъ-за чего все это вышло? Какъ до этого дошло?—спрашивалъ онъ себя—и не могъ подыскать, не могъ припомнить достаточной причины къ такой безобразной сценѣ.

Комната закружилась; онъ зашатался, ему было дурно... По-немногу приходя въ себя, онъ прислушался невольно,—но все было тихо. Вѣры не было; но ему живо припомнились ея злые глаза, ея бѣшенныя движенія,—и припомнилась старушка мать, которая все счастье своей жизни полагала въ счастьи своего единственного сына. Припомнились ему тѣ люди, съ которыми пришлось ему имѣть общеніе, ради Вѣры, выросшей въ ихъ образованномъ, но пустомъ кругу... Боже, какъ они ему чужды, какъ мало значать въ его жизни, и какъ чужда она сама, его жена, его Вѣра! Онъ одинокъ; онъ близокъ только своему искусству... Но и оно грозитъ его оставить: сегодня онъ не могъ работать, не могъ вызвать въ себѣ необходимое настроеніе... Что, если это будетъ такъ... всегда?

Тогда не стоить жить... не стоить!

Ники не поѣхалъ въ Эрфуртъ на свадьбу.

У него вдругъ разболѣлось горло, появилась лихорадка, и хотя скоро ему стало лучше, но докторъ считалъ неосторожнымъ ѣхать. Сторяча, Вѣра искренно пожалѣла мужа; объявила, что она ни за что его не оставитъ, ни на шагъ отъ него не отойдетъ; заставила лечь въ постель и усердно ухаживала за нимъ. Но скоро ея пылъ прошелъ, и она то-и-дѣло повторяла:

— Ну, понятно, тебѣ какъ разъ нужно было заболѣть! Круг-

лый годъ могъ бы себѣ хворать, сколько угодно,—только не теперь!—и она принялась жаловаться, что ей придется не быть на свадьбѣ.—Смѣшно подчиняться такому пустяку, какъ воспаленіе миндалевидныхъ железъ!

— Такъ поѣзжай одна,—предложилъ ей мужъ; но сначала она воспротивилась такому рѣшенію.

— Ни за что! Я не могу тебя оставить... И... на что это будетъ похоже? Всѣмъ бросится въ глаза, что я одна... всѣ будутъ допрашивать...

— Никто про меня не спроситъ, никому я тамъ не нуженъ,—спокойно возразилъ онъ.—Можешь быть спокойна!

Но Вѣра была мягко настроена въ тотъ день; она нѣжно погладила его по лицу и проговорила:

— Не говори этого, Ники, не говори! Въ сущности, всѣ тебя такъ любятъ, и папѣ будетъ огорченъ, что тебя тамъ не увидитъ. Но представлятельство на свадьбѣ намъ, все-равно, придется; такъ мнѣ ужъ, дѣлать нечего, — необходимо ѣхать. Только въ первый разъ одной—такъ тяжело!.. Мнѣ будетъ страшно въ комнатѣ... одной. Ты только подумай!..

Она воображала, что ея убѣжденія подѣйствуютъ на мужа; но онъ не шелохнулся, и Вѣра плаксиво, какъ ребенокъ, протянула:

— Развѣ я не соскучусь по тебѣ?

Ники взглянулъ на нее и, безъ тѣни улыбки, покачалъ головой.

— Нѣтъ? Ты не вѣришь?.. Но почему же?

— Потому что ты такъ часто вездѣ бываешь безъ меня, и на этотъ разъ разлука не можетъ сдѣлать тебя несчастной.

— Не смѣй этого говорить! Это, право, нехорошо съ твоей стороны,—испуганно вырвалось у нея.

— Видишь ли, Вѣра: даже теперь, когда я дома, я иногда невольно чувствую, что ты лучше бы сдѣлала, еслибы оставила меня въ покоѣ... Мы оба чувствуемъ, что несчастливы другъ съ другомъ.

— Несчастливы?! — повторила она и, умолкнувъ, нѣжно обняла его, прильнула своей хорошенькой русой головкой къ его груди. Ластясь къ нему, она зашептала, что „такъ говорить нельзя; — что онъ долженъ, *долженъ* непремѣнно взять свои слова назадъ!“—и, не давая ему опомниться, продолжала:

— Ники, милый, будемъ опять съ тобой друзьями! Я сама знаю, что была теперь не такая, какъ всегда; знаю и то, что можетъ быть... (Нѣтъ, нѣтъ, не скажу: разсердишься!) Впро-

чемъ, все равно: можетъ быть, и не я одна виновата. Будь же опять такой прелестный, какъ прежде, и прости меня, если я не всегда бываю съ тобой хороша... Прости!

Такимъ нѣжнымъ, такимъ милымъ голоскомъ она все это говорила, что Ники смягчился, приласкалъ жену, а она такъ искренно и такъ смиренно отвѣчала на его поцѣлуи, что онъ ободрился и рискнулъ спросить:

— Хочешь ты доказать чѣмъ-нибудь твою любовь?

— Конечно!

— Не требуй, чтобы я непременно бѣгалъ по всѣмъ твоимъ знакомымъ, какъ дѣлалъ это за послѣднее время.

Лицо Вѣры вдругъ вытянулось и отразило досаду.

— Нельзя же однако! Не можемъ же мы замуравиться, какъ старики! Я, слава Богу, еще молода и жить хочу; еще успѣю заполучить морщины. Ты, вѣдь, и самъ не пожелалъ бы засадить меня... въ тюрьму? А между тѣмъ, ты хочешь, чтобы мы жили какъ въ монастырѣ. Это несправедливо... Это эгоистично!

Ники хотѣлъ-было ей возразить, — доказать, что онъ — не эгоистъ; что она къ нему вообще несправедлива; но выраженіе ея глазъ остановило его, и онъ, молча, снова принялся за свою газету. Когда онъ кончилъ—Вѣра уже исчезла.

Послѣдующіе дни у нея всецѣло ушли на бѣготню и приготовления къ отъѣзду. По счету отъ портнихи Занднеръ уплатилъ безпрекословно, но все-таки замѣтилъ:

— Надѣюсь, въ слѣдующій разъ, ты будешь немного осторожнѣе... Да, Вѣра?

Она вспыхнула.

— Ты не смѣешь дѣлать мнѣ упреки за каждый пустякъ. Ты придираешься, ты не любезенъ съ женою!..

Ники попытался оправдаться, но она уже кричала:

— Начни *ты*, первый, экономить! Съ глупѣйшей этой статуей, сколько денегъ ты потерялъ; а у меня въ гостиной никто взглянуть въ ту сторону не смѣетъ!

— Хорошо! Я тебя избавлю отъ нея,—возразилъ Ники, и на томъ дѣло остановилось.

Въ день отъѣзда, мужъ поѣхалъ провожать Вѣру на вокзалъ; но она была такъ озабочена своими хлопотами, что не подумала хорошенько о продолжительности разлуки и о томъ, чтобы поласковѣе проститься съ мужемъ. Въ послѣднюю минуту она кинулась къ нему, осыпая его поцѣлуями и называя своимъ „милымъ, любимымъ муженькомъ“.

Ники вяло отвѣчалъ на ея ласки, невольно считая ихъ не-

искренними. Собственно говоря, ему надо было остаться дома, побережъ здоровье,—но онъ не рѣшился разбить мечты жены объ эффектно́мъ прощаніи—„тамъ, на вокзалѣ“; она сама одѣла и укутала мужа съ головы до ногъ. Прощанье вышло такъ уми-лительно, что даже генераль замѣтилъ:

— Дѣти мои! Вы, вѣдь, не одни!—и торопилъ Никю, чтобы онъ скорѣе уходилъ.

— Смотри же, будь прилеженъ! Слышишь?—говорила Вѣра.

— Не безповойся; у меня теперь и время есть, и, главное,—спокойствіе.

Еще разъ кивнулъ онъ на прощанье и пошелъ домой.

— Въ сущности, для меня не совсѣмъ ловко ѣхать туда безъ зятя: точно онъ для всей семьи чужой, — замѣтилъ генераль, поднимая окно.

Но Вѣра вступилась за мужа; ей не хотѣлось никого вмѣшивать въ ея личныя отношенія съ мужемъ.

— На глазахъ у всѣхъ наша семейная жизнь пусть идетъ себѣ прекрасно; а до настоящей ея подкладки никому нѣтъ дѣла!

XIV.

Разстроенный, печальный вернулся домой Никя и, заранѣе увѣренный въ обычной неудачѣ, взялся за палитру.

Сюжетъ его работы былъ старый—„Осень“; но работа неожиданно пошла успѣшно, и художникъ не замѣтилъ, какъ уже смерклось. Горничная собралась подать обѣдъ, но онъ приказалъ ей ждать, пока онъ позвонитъ. Увлеченіе его все возростало, и онъ принялся даже напѣвать какую-то безсвязную пѣсенку. Ему стало жарко; онъ сбросилъ куртку и швырнулъ ее куда-то, не глядя. Онъ глазъ не сводилъ со своей картины; онъ ею вдохновлялся самъ и какъ бы стремился вдохновить другихъ. Мысль о деньгахъ, о матеріальной сторонѣ успѣха изгладилась изъ его памяти въ эти минуты... Картина скоро будетъ готова...

— Теперь можно: подавайте!—весело крикнулъ онъ дѣвушкѣ.

Случайно взглядъ его упалъ на газету, на столбецъ, озаглавленный: „Мысли о современномъ положеніи живописи“.

Авторъ статьи увлекъ его своей наблюдательностью и прямо-тою сужденій; Никя не замѣтилъ, какъ дошелъ до слѣдующихъ строкъ, въ которыхъ ему мелькнуло его имя:

„Послѣ „Вечера“ Н. Занднера, мнѣ ужъ больше ничто не можетъ нравиться. Своею глубиной, это твореніе искусства такъ

поражаетъ, такъ захватываетъ зрителя, что онъ сразу можетъ полюбить его. Искусство, въ смыслѣ техники, собственно говоря, является тутъ дѣломъ второстепеннымъ; главное въ этой картинѣ—мысль; главное, такъ сказать,—одухотворенность этого замѣчательнаго полотна. Любители сенсационныхъ сюжетовъ останутся къ ней равнодушны, для нихъ она слишкомъ проста и въ то же время—слишкомъ недосягаема. Творецъ ея, прежде всего—поэтъ въ краскахъ, и для него онѣ, очевидно, представляють не столько цѣль, сколько средство излить свое вдохновеніе,—но не перомъ, а кистью настоящаго художника!“

Ники дышалъ прерывисто; несмотря на то, что онъ привыкъ имѣть успѣхъ, ему было пріятно читать эти строки, и въ то же время, какъ будто, стыдно сознавать, что это ему дѣйствительно пріятно. Его неудержимо потянуло снова взглянуть на свою работу, и онъ поспѣшилъ открыть заколоченный ящикъ, въ которомъ она лежала еще съ выставки.

Вотъ она на станкѣ. Вотъ онъ снова передъ нею, и снова оживаютъ въ его памяти минуты, которыя сопровождали ея созиданіе. Чувство любви, зародившееся вдругъ въ душѣ художника, стремилось тогда на встрѣчу такому же горячему, взаимному чувству. Оно умерло... оно угасло, это чувство! Не такъ отливается она на пылкую страсть, какъ этого ожидалъ художникъ; не такъ толковалъ сущность брака тотъ пасторъ, который его благословилъ на новую жизнь, напутствуя новобрачныхъ словами Руи: „Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить; и твой Богъ будетъ моимъ Богомъ!“

Такъ понималъ супружескія отношенія и онъ самъ, Ники, но, Боже мой!—насколько дѣйствительность оказалась далека отъ идеала!

— Да почему же? Почему все иначе сложилось? Почему мнѣ приходится это переживать,—именно мнѣ, а не кому другому? Нѣтъ! Быть не можетъ, чтобъ не было возврата къ прошлому! Еще все обойдется; надо только сѣмъ въ-время уступить, и—я уступлю!

Онъ твердо рѣшилъ, что первый начнетъ съ уступки и перенесетъ къ себѣ въ мастерскую свою „Далилу“, а женѣ въ гостиную повѣситъ „Вечеръ“. Въ какой восторгъ приведетъ Вѣру такая неожиданная перемѣна! Но этого мало! Надо добиться, чтобъ она въ корнѣ измѣнила свои воззрѣнія, свои порядки и обычаи, съ которыми сжилась у себя дома и въ своей средѣ. Пусть мать не подозрѣваетъ ничего; онъ одинъ за себя

постоять; одинъ, съ глазу-на-глазъ, поведетъ борьбу за свое счастье, но борьбу открытую, великодушную; лучшимъ оружіемъ будетъ для него—его любовь.

— Надо написать Вѣрѣ; надо хоть въ нѣсколькихъ строкахъ сказать ей, объяснить...

И Ники поспѣшно взялся за перо.

„Дорогая Вѣра!

„Впервые со дня нашей свадьбы пришлось мнѣ быть въ разлукѣ съ тобою, и въ одиночествѣ моемъ приходять мнѣ всевозможныя мысли. Я подумалъ, прежде всего, о томъ, что наша съ тобой жизнь идетъ не такъ, какъ надо. Мы споримъ, ссоримся, мы до боли обижаемъ другъ друга,—чего не подобаетъ людямъ, въ которыхъ сильно чувство взаимной любви. Я люблю тебя, Вѣра, но любовь моя слаба и малодушна. Я сознаюсь, что поступалъ иногда какъ эгоистъ, вмѣсто того, чтобы тебѣ же и себѣ облегчить задачу, неизбежную при совместной жизни, а именно: задачу привыкнуть и примѣниться другъ къ другу. Мнѣ слѣдовало отнестись внимательнѣе къ тому обстоятельству, что для женщины переходъ отъ дѣвчества къ замужней жизни несравненно важнѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Намъ, мужчинамъ, не приходится переживать такого полного переворота, и я виноватъ въ томъ, что не подумалъ облегчить и сгладить его для тебя, и недостаточно былъ внимателенъ къ твоимъ желаніямъ. Милая Вѣра! Дорогая! Увидишь, какъ я постараюсь доказать тебѣ мою любовь...

„Быть можетъ, разлука намъ обоимъ окажется полезна, и когда ты вернешься, мы проживемъ съ тобою новой жизнью; мы снова будемъ горячо любить другъ друга, какъ въ былое время... Вотъ единственное, къ чему будетъ стремиться твой дрянной, твой злой и гадкій Ники, который всей душой хотѣлъ бы сдѣлать тебя счастливой“.

Письмо оказалось длиннѣе, чѣмъ предполагалъ художникъ, но все-же ему показалось, что онъ еще не все сказалъ, что нужно.

На слѣдующій день, съ утра онъ былъ уже за работой, и она пошла у него бодро и удачно. Въ тотъ вечеръ онъ особенно усердно отнесся къ уроку своихъ ученицъ, неутомимо давая имъ оживленныя объясненія или поправляя тщательно ошибки...

Урокъ кончился.

Укладывая свои краски и кисти, фрейлейнъ Мейеръ замѣтила другимъ, когда натурщица уже ушла:

— Сегодня, въ одинъ вечеръ, онъ намъ принесъ гораздо больше пользы, чѣмъ за все это время!—а фрейлейнъ Кольдвэй подхватила:

— Онъ сегодня въ духѣ!

По приглашенію художника, сестры Бернгардъ, уже немолдыя дѣвушки, вдовушка Ратеновъ и она сама—остались, какъ обыкновенно, по его желанію, побесѣдовать о вопросахъ живописи и ея успѣхахъ, о краскахъ и типахъ въ живописи и въ скульптурѣ.

Оживленный разговоръ на этотъ разъ коснулся вопроса лѣпки у древнихъ грековъ: сразу ли они лѣпили свои статуи изъ цвѣтной глины, или раскрашивали ихъ потомъ?

— Хотите посмотрѣть такую именно работу, въ которой современное искусство, можно сказать, доведено почти до совершенства?—спросилъ художникъ.

— О, да!.. Пожалуйста!.. Вотъ было бы чудесно!—разда-лось вокругъ.

Ники распахнулъ дверь въ свою мастерскую, и ученицы вошли туда тихо и почтительно, какъ въ настоящее святилище. Для нихъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ дѣйствительно заключалась священная обитель искусства, которому служилъ ихъ знаменитый наставникъ... Фрейлейнъ Кольдвэй,—о которой сотрудники втихомолку говорили, что она не хочетъ оставлять давно пройденныхъ курсовъ потому, что влюблена въ своего учителя,—остановилась на порогѣ и, прислонясь къ косяку двери, молча, задумчивыми глазами обводила всю обстановку. До сихъ поръ, чести побывать въ собственной мастерской Занднера удостоилась только его жена еще въ бытность свою его ученицей,—но и тогда такое исключеніе показалось остальнымъ дамамъ тѣмъ-то чудовищнымъ.

Фрау Ратеновъ тоже съ глубокимъ благоговѣніемъ озиралась вокругъ, убѣжденная, что здѣсь собраны исключительно образцовыя произведенія. Она сама была человѣкъ настолько талантливый, что художникъ занимался съ нею безвозмездно, зная, что она овдовѣла и поддерживаетъ свое существованіе только тѣмъ, что рисуетъ цвѣты, а въ будущемъ ей единственная надежда—давать уроки. Она смотрѣла на чудную статую и, подобно остальнымъ ученицамъ, видѣла въ ней лишь красоту и художественность исполненія, не обращая вниманія на нескромность ея наряда.

Ники объяснялъ ей достоинства, ея особенности и, назвавъ

ее, спросилъ:—мыслимо ли представить себѣ Далилу иначе, какъ въ цвѣтномъ, пестромъ нарядѣ?—Всѣ согласились, что это ей больше всего пристало. Вдовушкѣ было стыдно признаться, что она не помнитъ, кто такая „Далила“, но она превозмогла неловкость и спросила:

— Это та, что выдала Сампсона филистимлянамъ,—вотъ тутъ и надпись,—пояснила фрейлейнъ Бернгардъ.

Дамы зашевелились и принялись припоминать изреченіе изъ Библіи, но никто не могъ въ точности указать, гдѣ говорится о филистимлянахъ и Далилѣ; даже Ники, самъ подыскивавшій для Герстенштока подходящій текстъ,—и тотъ не могъ придти къ нимъ на помощь.

— Сампсонъ былъ, кажется, судіей надъ Израилемъ?..—робко замѣтила одна изъ сестеръ Бернгардъ.

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ Ники и тотчасъ же нашелъ въ своей Библіи, которую только-что досталъ для справокъ, ту самую страницу, на которой говорилось, что Сампсонъ „полюбилъ женщину, жившую въ долинѣ Сорекъ: имя ей Далила... И такъ какъ она словами своими тяготила его всякій день и мучила его, то душѣ его тяжело стало до смерти... И сказала она:—Филистимляне идутъ на тебя, Сампсонъ!“

Онъ прочелъ это вслухъ, но въ душѣ его шевельнулась мысль: не была ли и для него красавица-жена такою же „Далидой“, которая всякій день мучила его до того, что душѣ его становилось „тяжело до смерти“?..

Ученицы надѣялись, что, допустивъ ихъ въ свое „святая святыхъ“, учитель распахнетъ передъ ними свои таинственныя сокровищницы—шкапы и покажетъ свои наброски и этюды... Но учитель сдѣлался вдругъ молчаливъ и не подумалъ оказать имъ такую любезность. Онѣ попрощались и ушли.

Дорогой онѣ горячо и неутомимо обсуждали главное событіе дня. Въ ихъ сѣренькой, старо-дѣвической однообразной жизни единственнымъ свѣтомъ, который ихъ живилъ и согрѣвалъ, былъ свѣтъ чистаго искусства, и его представителю, несравненному (въ ихъ глазахъ) Ники Занднеру, онѣ поклонялись почти какъ божеству.

Оставшись одинъ, Ники въ мысляхъ своихъ опять вернулся къ Вѣрѣ; но на этотъ разъ его ощущенія были совсѣмъ другія. Ему теперь казалось, что его чувство ужъ больше не такъ нѣжно, и что даже слѣдуетъ его остерегаться, чтобы не отдать ей во власть свою силу,—свою мощь художника. Еще не утра-

тилъ онъ своего таланта и будетъ ревностно оберегать свою силу и любовь къ труду.

Нѣсколько дней подъ-рядъ Ники работалъ успѣшно, горячо, и ничто не нарушало ровнаго теченія его трудовой, дѣятельной жизни, если не считать краткаго и довольно пустого отвѣта Вѣры на его письмо, съ изъясненіемъ сердечныхъ и весьма милыхъ ласкъ, и съ цѣлымъ перечнемъ тамошнихъ событій. Въ заключеніе сообщалось, что отецъ ея останется въ Эрфуртѣ еще на нѣсколько дней, и Ники, вѣроятно, согласится, что ей лучше возвращаться вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ, Вѣра вернулась въ отличномъ настроеніи и осыпала мужа горячими поцѣлуями.

— Ну, какъ я рада, что наконецъ вижу тебя, мой добрый старый Ники!—восликала она, точно говоря про любимую старую вещь или платье.

Его покорило отъ ея тона, и онъ не могъ удержаться, чтобы не спросить, что значить это выраженіе?

— Какой ты сталъ педантъ!—замѣтила она, и рада была, что пришлось поскорѣ сѣсть за столъ: неловкость, повидимому, разсѣялась (или ей это только показалось), потому что она увлеклась оживленнымъ описаніемъ торжествъ, увеселеній и чуднаго помѣстья, въ которое она съ отцомъ заѣзжала, послѣ свадьбы, къ молодымъ. Весело, непринужденно болтала безъ умолку молодая женщина, ни словомъ не упомянувъ про Ники, про его дѣла, про мать; въ голову ей не пришло спросить, не соскучился ли онъ, что она запоздала,—часто ли бывалъ у матери, и т. п.

Слушая ее, онъ постепенно терялъ всякую охоту говорить; радостное волненіе свиданія проходило и оставляло за собою горечь пустоты.

— А бальное платье принесли?—былъ ея первый вопросъ по окончаніи разсказа.

— Кажется, это единственное, что тебѣ важно знать?—замѣтилъ мужъ не безъ горечи. Вѣра удивилась.

— Кажется, я позаботилась обо всемъ?

— Значить, ты заказала себѣ бальное платье? Но къ чему же?

— Къ тому, чтобы его надѣть на балъ.

— Но развѣ я тебѣ сказалъ, что мы будемъ ѣздить по баламъ?

— Но я-то буду!

— По крайней мѣрѣ, съ моего вѣдома,—строго возразилъ онъ.

— А! Ты, значить, хочешь держать меня взаперти?.. Но я же тебя предупредила...

— Да, когда платье уже было заказано!..—вырвалось у него раздраженно, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что необходимо удержаться, прекратить досадный разговоръ.

— Я вообще не знаю, чего ты хочешь отъ меня?—свысока продолжала Вѣра.—Мы уже съ ними такъ условились.

— Съ кѣмъ это: съ *ними*?

— Съ Эвальдомъ и съ Марй; съ кѣмъ же больше?

— А кто такая эта твоя *Марй*?—нарочно прикинулся онъ, что не понимаетъ.

— Марй—наша невѣстка; жена Эвальда.

— Я и забылъ, какъ ее зовутъ,—пожимая плечами, замѣтилъ Ники. — И вообще у меня въ головѣ гораздо болѣе важные вопросы, чѣмъ эти семейные пересуды.

Вѣра вскочила, вся багровая отъ гнѣва, и прокричала въ безграничномъ раздраженіи, что врозь съ нимъ ей гораздо счастливѣе живется, клялась, что бѣжить вонъ изъ дому... къ отцу, или къ Эвальду, въ Эрфуртъ...

— Вотъ увидишь тогда, увидишь, кто надъ кѣмъ возьметъ верхъ!—кричала она въ изступленіи.—Я не позволю тебѣ,—слышишь: не позволю!—замуравить меня въ четырехъ стѣнахъ; я не хочу, чтобы говорили, что такая дѣвушка, какъ я, не успѣла выйти замужъ, а уже обратилась въ монахиню и замуравлена на вѣкъ своимъ супругомъ, который вырвалъ ее изъ общества и самъ не умѣетъ себя вести...

— Молчи!.. Молчи!—въ неудержимомъ порывѣ бѣшенства, кричалъ онъ, и задохнулся на полусловѣ.

Какъ вкопанная, стояла передъ нимъ жена, возмущенная, твердая въ своемъ намѣреніи не уступать, добиться своего;—по просить? никогда, ни за что на свѣтѣ!

Ники не могъ выдержать такой пытки, и, чтобы обуздать себя, счелъ за лучшее повернуться на каблукахъ и выйти вонъ изъ комнаты.

— Несите въ столовую; я кончилъ обѣдать, — по возможности хладнокровно сказалъ онъ горничной, которая несла въ столовую пирожное.

Горькая усмѣшка подернула его губы, когда онъ очутился въ мастерской: его взглядъ прежде всего упалъ на станокъ, на новую, удавшуюся картину,—на „Осеннее утро“, которымъ онъ

думалъ пріятно поразить жену... Да она въ мастерскую не заглядываетъ, а еслибы заглянула, такъ не замѣтитъ, есть ли что-нибудь новое среди его работъ: она ихъ вѣдь, все равно, не знаетъ ни одной.

Злобный смѣхъ прервалъ его думы. Все равно, теперь работа не пойдетъ... Лучше разсѣяться, уйти... уйти, куда глаза глядятъ!

Дорогой ему вспомнились его старые друзья-художники, скульпторы, и онъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до дверей Герстенштока. Тотъ былъ пораженъ, что Ники зашелъ къ нему такъ неожиданно.

— Ники! Это ты?! — удивился онъ, продолжая стоять неподвижно, чтобы не мѣшать женѣ чистить на немъ брови и шورتку, покрытый бѣлой пылью. Они собирались идти въ ресторанъ обѣдать, и Занднеръ пошелъ съ ними.

— Ты, вѣрно, работалъ? — спросилъ его художникъ. Герстенштокъ разсмѣялся.

— Клянусь Богомъ, твои подозрѣнія напрасны! Благодаря тебѣ, я теперь при деньгахъ; а если меня не хватаетъ за горло необходимость наживать хлѣбъ насущный, я не дотронуся до рѣзца, пока хоть грошъ у меня есть въ карманѣ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: ты пересталъ работать?

— Еще бы, чортъ возьми! Я, вообще, съ нѣкоторыхъ поръ не чувствую никакого влеченія къ работѣ; весь выдохся,—и все тутъ!

— Ну, не бѣда, все обойдется. У каждаго изъ насъ бываютъ такія минуты полного затишья, минуты безнадежнаго унынія.

— Полно!—разсмѣялся Герстенштокъ.—У тебя, напримѣръ, ихъ не бываетъ!

— Да нѣтъ же:—бываютъ и у меня, какъ у другихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ну да, конечно!

Скульпторъ тревожно вскинулъ на него глазами и проговорилъ пытливо:

— Ники, тебѣ нехорошо живется!

— Кто это говоритъ?

— Да я такъ думаю. Когда такой богатырь, какъ ты, ведетъ такія рѣчи, тогда уже дѣло дрань! Дай мнѣ посмѣяться надъ тобою, старина: я не могу удержаться, чтобы не высказать свое сомнѣніе!..

Ники предпочелъ не возражать и молча, заплативъ по счету, вышелъ вмѣстѣ съ Герстенштоками изъ ресторана.

Хотя ему самому приходилось теперь работать изъ-за денегъ, онъ все-таки считалъ себя богаче своего товарища и, по обыкновенію, платилъ за него.

— А знаешь, Ники, еслибы мнѣ кто-нибудь гарантировалъ сейчасъ сто тысячъ марокъ годового дохода, съ тѣмъ, чтобы я бросилъ свое дѣло,—я принялъ бы, не задумываясь... А ты?

Рѣшительно, отрывисто отвѣтилъ Ники съ горящими восторженно глазами:

— Нѣтъ!

Впрочемъ, и Герстенштокъ говорилъ только такъ, для красиваго слова, и тутъ же признался шопотомъ своему другу, что онъ мечтаетъ создать такую своеобразную Астарту, какой еще никто не могъ себѣ представить до него.

Когда Ники вернулся домой, дѣвушка доложила, что фрау Занднеръ нѣтъ дома. Онъ заперся у себя въ мастерской и, усталый нравственно и физически, забылся тяжелымъ сномъ, а когда очнулся, уже было утро.

XV.

Съ тревогой ожидалъ мужъ Вѣры наступленія рождественскихъ праздниковъ,—и недаромъ предчувствовалъ семейную бурю: она разразилась, когда поднятъ былъ вопросъ о необходимости встрѣчать сочельникъ „въ своей семьѣ“, какъ говорила Вѣра, т.-е. у ея отца.

— Ну, а мамѣ?—возразилъ Ники.

— И она съ нами, если хочешь; мнѣ стѣдуетъ сказать папѣ только слово...

— Но ты вѣдь знаешь, что она не пойдетъ: къ чужимъ она не ходитъ.

— Это не чужіе!

— Для нея—все равно, что чужіе; а твою Марію она даже совсѣмъ не знаетъ.

Вѣра надула губки и сказала, что „тѣмъ хуже для нея: можетъ себѣ сидѣть дома, если ей угодно!“

Рѣшительно, у нея не осталось и тѣни прежней ея мягкости, изящества и доброты; казалось, въ каждой мелочи она какъ бы готовилась заранѣе усматривать лишь поводъ къ борьбѣ, съ цѣлью побѣдить, во что бы то ни стало, или, въ противномъ

случай, замучить до смерти противника. Но на этот раз ей так живо припомнился безжалостный, гнѣвный взглядъ мужа, когда онъ крикнулъ ей: „Молчи! молчи!“ — что она избрала другую тактику и приняла на себя роль жертвы, — несчастной, безнадежно-грустной. Она принялась упрашивать мужа и ластиться къ нему, какъ подчиненное ему, слабое созданіе, и — побѣдила. Ея повелитель снисзошелъ на сдѣлку: день и обѣдъ молодые должны были провести съ матерью мужа, а вечеръ — у отца жены.

На праздничные подарки — Вѣрѣ опять понадобились деньги, и опять она получила отъ Ники предостереженіе, что надо быть расчетливѣе.

— Отъ чего же ты не работаешь? — упрекнула она.

— Я работаю, — возразилъ Ники.

— Какъ же ты работаешь, когда ходишь по комнатамъ взадъ и впередъ?

— Да, именно *тогда*!

— Это мнѣ что-то непонятно!

— Конечно; ты, вѣдь, воображаешь, что работать можно только красками, а не головою.

— А!.. Ты, значитъ, и сейчасъ работаешь „головою“? Это не мѣшаетъ знать. Я вообще считаю, что ты самъ виноватъ, если у насъ нѣтъ денегъ. Ну, что ты сдѣлалъ за послѣднее время?

— Я не обязанъ отдавать тебѣ отчетъ.

— Скажи уже прямо, что *не можешь*!

— Никогда себѣ этого не позволю. Я самъ себѣ хозяинъ въ своемъ домѣ; я могу дѣлать, что хочу!

— Я также!.. Тебѣ никто работать не мѣшаетъ.

— Нѣтъ, кое-кто мѣшаетъ непрерывно.

— Кто? Кто?

— Да ты!

— Я?

— Ну, да: ты, ты, и ты!..

Какъ кошка гибкая, проворная, она вскочила, подбѣжала къ мужу и была готова въ него вцѣпиться... Онъ очнулся первый.

— Послушай, Вѣра! — началъ онъ: — можешь ты выслушать меня серьезно, не раздражаясь, не перебивая? — и, въ ту же минуту, вдругъ затихнувшая Вѣра, изумленная его самообладаніемъ, машинально повиновалась, усаживаясь съ нимъ рядомъ, на диванъ.

— Видишь ли, между нами есть что-то такое, что, можетъ

быть, покажется тебѣ болѣе яснымъ, если я все скажу тебѣ толково и... спокойно...

— Да, да: скажи мнѣ, Ники,— сразу притихнувъ, согласилась Вѣра.

— И ты не будешь злиться, общаешься не перебивать?

— Не буду, Ники; общаю!

Спокойно, обстоятельно художникъ началъ говорить.

Онъ говорилъ о своемъ прошломъ; о своей мечтѣ сдѣлаться художникомъ; о томъ, какъ ему было тяжело пробить себѣ дорогу, и какъ его единственной отрадой было—чистое искусство; какъ онъ потомъ высшее счастье на землѣ видѣлъ въ ея любви, ея взаимной привязанности на всю жизнь,—въ обладаніи той самой идеальной женщиной, въ которую онъ горячо влюбился... Тихо, раздѣльно говорилъ онъ, словно изъ боязни, что его кто-нибудь, кромѣ жены, услышитъ; но и передъ нею онъ опустил глаза, когда дошелъ до главнаго,—до ихъ брака.

— Вѣра! Я любилъ тебя... не знаю до чего! Да ты и не поймешь, *не можешь* ты понять этого чувства! Я говорю: „любилъ“, потому что теперь, въ минуты гнѣва, меня охватываетъ сомнѣніе: я только чувствую, что ты обидѣла меня и оскорбила. Да, да: ты можешь до-смерти обидѣть и замучить человѣка!— Не спорю, что и я неправъ передъ тобою. Я надѣялся, я мечталъ встрѣтить въ женѣ товарища и друга; мечталъ, что ты со мной раздѣлишь мое увлеченіе искусствомъ, моей работой. Но ты заботишься лишь о нарядахъ, о выѣздахъ, о платьяхъ... Ты вспоминаешь о моемъ служеніи искусству единственно—когда тебѣ понадобятся деньги...

— Видишь ли, все это меня пригнетаетъ и отнимаетъ способность предаваться творчеству съ прежнимъ одушевленіемъ. Отъ этого страдаетъ мое искусство,—и какъ же ему не страдать, когда художникъ лишенъ ясности настроенія, необходимой для успѣшной работы? Немыслимо работать, когда сердце бьется и замираетъ, а въ головѣ мутится... Это вещь невозможная!

Ники остановился. Онъ дышалъ тяжело; Вѣра держала обѣщаніе и молчала; на лицѣ ея не видно было ни малѣйшаго движенія; только разъ дрогнули мускулы щеки, какъ будто она стиснула зубы.

— Но развѣ все это не можетъ измѣниться? Между нами опять все можетъ идти мирно,—продолжалъ художникъ.— Это отъ насъ же самихъ зависитъ—снова найти другъ друга, снова извѣдать счастье горячей взаимной любви. Тогда опять все бу-

дѣть хорошо; тогда я опять могу работать... — Волненіе овладѣло имъ, и онъ умоляетъ.

— И это нужно только для того, чтобы ты могъ работать? — не поднимая глазъ, спросила, помолчавъ немного, Вѣра.

— То-есть, что именно?

— А именно, весь твой рассказъ о томъ, что намъ необходимо помириться, сводится къ тому, чтобы ты могъ опять спокойно взяться за работу. Это для тебя—главное?

— Конечно; мы живемъ исключительно моимъ трудомъ. — Слышишь ли: моимъ трудомъ!

— Это звучитъ, какъ будто я ничего ровно не имѣю? — вызывающе воскликнула Вѣра: — А обстановка? А этотъ самый стулъ, вотъ... вотъ!.. Вся эта гостиная—моя! И этотъ стулъ,—онъ мой, мой! Я сейчасъ могу его взять отсюда...

— „Nabeat sibi“... — беззвучно отозвался художникъ; но Вѣра не дала ему договорить.

— Ахъ, отстань ты со своей латынью! Старый ты эгоистъ, вотъ что!

— Я—эгоистъ?

— Ты только о себѣ и говорилъ все время...

— Да нѣтъ же: о тебѣ!

— Ты говорилъ, что ты долженъ работать.

— Ну, да! На то я и художникъ.

— „Художникъ! художникъ“! Ужъ вы, художники! Хороши, нечего сказать: у васъ на первомъ планѣ — ваше искусство, а на второмъ — жена! — воскликнула она, насмѣшливо и язвительно поджимая губы.

— Ну, да, понятно! — продолжала Вѣра прежде, чѣмъ мужъ успѣлъ проронить хоть слово. — Теперь ты хоть признался откровенно, что ты именно такъ и смотришь на свое искусство. Понятно, оно для тебя всегда будетъ на первомъ планѣ, а жена... Я это и сама должна была обдумать прежде, чѣмъ сдѣлать такую глупость, — выйти за художника!

— Глупость?! — машинально повторилъ ошеломленный Ники.

— Да, глупость!.. Вотъ я и сказала: откровенность за откровенность. Для тебя первое дѣло—твое искусство, а для меня... Я сдѣлала глупость...

— Еслибъ не я, тебѣ жилось бы счастливо?..

— Ну, да! Конечно!

— Вѣра!.. И ты это спокойно говоришь?

— Спокойно? — нѣтъ; но если такъ тебѣ ужъ хочется, — изволь: я скажу все! — Она вдругъ сжала свои крохотные кулачонки

и, грозя ими мужу, кривнула:—А, такъ искусство—первое дѣло? А я—послѣднее, послѣднее? Я хочу первой быть! Слышишь ты: первой—всегда и вездѣ! Я не дамъ, чтобы мною помыкали! Не для того я вышла замужъ, чтобы въ тюрьмѣ сидѣть! За глупаго, за сумасброднаго, за безличнаго человѣка я никогда бы не пошла; а за тебя пошла я только потому, что ты былъ знаменитъ!.. Да: *только* потому! Неужели ты могъ вообразить, что я когда-нибудь рѣшилась бы быть женою какого-то никому невѣдомаго Занднера, — *просто* „Занднера“, и больше ничего?

Желѣзными тисками сжималъ несчастный крохотныя ручки своей красавицы - жены, и только хрипло, какъ въ безпамятствѣ, лепеталъ:

— Не повторяй! Не повторяй! Молчи!

— Ты не смѣешь мнѣ приказывать!

— Говорять тебѣ, молчи!

— Оставь меня! Оставь! Я тебя ненавижу; я не выношу тебя! Мнѣ лучше безъ тебя, одной... всегда, всегда одной! Слышишь? Я тебя ненавижу! ненавижу!..

Ники посмотрѣлъ на нее молча своими широко-раскрытыми глазами и вышелъ вонъ изъ комнаты. Въ тотъ же вечеръ онъ приказалъ перенести свою кровать въ маленькую комнату при мастерской, чтобы дать полную свободу Вѣрѣ. Она опять смягчилась; она просила простить ей необдуманную вспышку; она умоляла мужа вернуться, — но онъ не поддавался, и наканунѣ сочельника супруги разошлись по своимъ комнатамъ въ раздорѣ.

Вѣра продолжала вести свой прежній образъ жизни: часто выѣзжала и непрерывно выходила изъ дому одна; зачастую не обѣдала дома. Внѣшнія приличія она умѣла прекрасно соблюдать. Передъ чужими она обходилась съ мужемъ очень мило, дѣлала ему подарки, — на примѣръ, тигровую шкуру, которую онъ когда-то похвалилъ. Ники, въ свою очередь, подарилъ женѣ кожаный браслетъ и еще кой-какія мелочи. Какъ ни велики были для его кармана эти издержки, ему хоть то служило утѣшеніемъ, что его подарки преслѣдовали столько же практическія, сколько и художественныя цѣли, — а у Вѣры не было эстетическаго вкуса. Деньги у него были. Онъ по необходимости рѣшился разстаться съ прежними своими эскизами, какъ ни горько ему было размѣнять на деньги этихъ друзей его талантливой молодости.

По крайней мѣрѣ, теперь онъ могъ избѣгать сценъ и спо-

ровъ съ женою, и спокойно предаться работѣ, цѣлый день сидя въ своей мастерской, въ которую ни разу она не заглянула, хотя бы изъ любопытства, чтобы посмотрѣть, какъ и гдѣ лежить тигровая шеура, ея подарокъ. Но Ники уже зналъ, что жена не придетъ и, съ досады, небрежно набросилъ шеуру на одно изъ креселъ, обивка котораго была ему особенно противна.

Видались супруги только за столомъ, но и тогда бесѣдовали мало, ограничиваясь пустыми замѣчаніями, которыми считали нужнымъ изрѣдка обмѣняться, чтобы не дать замѣтить прислугѣ свое охлажденіе.

Какъ-то разъ генераль фонъ-Эвальгорстъ зашелъ къ своимъ дѣтямъ, и удивился перемѣщенію, о которомъ, конечно, ничего не могъ подозрѣвать.

— Развѣ ты спишь здѣсь, Ники?—спросилъ онъ.—Что это значитъ?

Ники не нашелся ничего отвѣтить, и краска стыда залила его щеки; но не успѣлъ онъ еще сказать ни слова, какъ Вѣра поспѣшила непринужденно пояснить:

— Не спрашивай, папá! Такъ приказалъ докторъ, потому что Ники работаетъ усердно и не можетъ выѣзжать; а я поздно возвращаюсь изъ гостей, и могу помѣшать ему выспаться.

— Развѣ онъ... Развѣ ты не ѣдишь съ нею, Ники?

— По гостямъ? Нѣтъ, не ѣзжу!—спокойно отозвался тотъ.

— Онъ не любитъ!—перебила Вѣра.—А я, все равно, выѣзжаю съ братомъ... Ники долженъ работать...

Но генераль считалъ, что жена должна выѣзжать всюду только съ мужемъ, а главное—не возвращаться по ночамъ домой одна. Самъ онъ не любилъ выѣздовъ, но когда дочь жила еще у него, онъ считалъ своимъ долгомъ вывозить ее на балы и раза два-три въ годъ даже принимать у себя друзей и знакомыхъ.

— Послушай! Есть у тебя свободная минутка?—спросилъ онъ, встрѣтивъ Ники на улицѣ, нѣсколько дней спустя.

— Для тебя—всегда, папá!

— Такъ вотъ что. Я хочу тебѣ сказать кое-что... насчетъ Вѣры. Она, какъ я слышу, бываетъ вездѣ безъ тебя. Неужели она такъ часто выѣзжаетъ?

— Каждый вечеръ.

Одна?

— Я съ ней не ѣзжу.

— Да, Эвальдъ съ женой... Но почему не ѣдите вы вмѣстѣ?

— Мнѣ не интересно общество вообще... и времени на это нѣтъ.

— Но позволь, — въ такомъ случаѣ, жена должна тоже сидѣть съ тобою дома. Добрая, внимательная жена должна исполнять каждое, даже невысказанное желаніе своего мужа... Этого ты ей не говорилъ?

— Все равно, ничто уже не поможетъ! Она дѣлаетъ все, что ей угодно, а я рѣшилъ не препятствовать ея удовольствіямъ.

Генераль, однако, возразилъ, что, по его мнѣнію, такъ не годится, но онъ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла; Ники не ребенокъ, и самъ знаетъ, какъ долженъ поступать.

— Помнится, я еще тогда говорилъ тебѣ, что Вѣра у меня порядочная вѣтрогонка; чего же больше? Совѣсть моя чиста; я тебя предупреждалъ, а ты вѣдь не мальчишка; ты — человѣкъ серьезный. Не сердись, если я тебѣ скажу, что я всегда считывалъ именно на такого человѣка, чтобы обуздать мою Вѣру. Она была упряма* съ дѣтства. Случилось, что она прибила свою гувернантку и, чтобы усмирить ее, мнѣ пришлось продержать ее цѣлый день подъ арестомъ. Потомъ, когда она была постарше, ей вздумалось вдругъ ничего не ѣсть; я думалъ, эта блажь скоро пройдетъ, и она станетъ ѣсть попрежнему, какъ только голодъ дастъ себя знать. Такъ нѣтъ же! Три дня, цѣлыхъ три дня выдержала она безъ ѣды! Бывало, разсердится и не разговариваетъ; что ни дѣлай, — ни слова не скажетъ, иной разъ — цѣлую недѣлю! Еще крошкой, бывало, заупрямится, сядетъ себѣ на полъ, да и сидитъ, — съ мѣста ее не сдвинешь: — „Я, говорить, приросла!“ — и дѣлай съ ней, что хочешь!

XVI.

Вернувшись домой, Занднеръ нашелъ у себя карточку ротмистра Фогельзанга, который приписалъ на ней карандашомъ, что онъ командированъ въ Берлинъ, въ качествѣ адъютанта при военномъ ветеринарномъ управленіи. Давно уже Занднеръ никого не принималъ у себя, если не считать, что одинъ разъ у нихъ обѣдали Эвальдъ съ женой и генераль. Молодая хозяйка была мила и привѣтлива, весела и непринужденна, и такъ обходилась съ мужемъ, какъ будто они всегда жили въ ладу. Ники смотрѣлъ на нее и ужасался, до чего она способна притворяться. Родные не долго пробыли у нихъ, а на прощанье жена Эвальда пригласила Ники къ себѣ на вечеръ.

Генераль не поддерживалъ ея приглашенія, но по лицу его Ники видѣлъ, что ему хотѣлось бы слышать утвердительный отвѣтъ, и—выразилъ свое согласіе.

Послѣ ихъ ухода, впервые съ давнихъ поръ, Вѣра осталась вечеромъ дома.

Ники сидѣлъ одинъ въ своей мастерской и небрежно перелистывалъ свои старые наброски, въ которыхъ надѣялся найти что-нибудь подходящее для своихъ будущихъ работъ. Въ нихъ представлялась настоящая необходимость, потому что значительная сумма, которую онъ получилъ за свои эскизы, почти вся ушла на рождественскіе подарки, на выѣзды и приемы, на квартиру и хозяйство. Ему не хотѣлось показаться скупымъ, и онъ безропотно выдавалъ женѣ деньги,—сколько бы она ни просила, а она ничего такъ не любила, какъ дѣлать покупки, и каждый разъ возвращалась домой съ какими-нибудь новенькими бездѣлушками.

Ники на все молчалъ. Ему было все равно.

Онъ то вставалъ и подходилъ къ окну, то бросался къ станку и пробовалъ работать; но ничего изъ этого не выходило,—ничего! Единственное, что у него шло попрежнему,—это были его уроки. На это время онъ оживлялся; его охватывала прежняя ясность настроенія; онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ кругу этихъ милыхъ женщинъ, которыя усердно трудились подъ его руководствомъ, съ горячѣй вѣрой въ святость чистаго искусства. Самъ замѣчая, что его творчество какъ бы притупилось, Ники сталъ подумывать о томъ, чтобы увеличить число уроковъ; отвлекая его отъ горькаго для него бездѣйствія, этотъ механический трудъ могъ дать ему хотя не такой большой, но зато вполне опредѣленный заработокъ, который отдалитъ хотя самую неотложную заботу о хлѣбѣ насущномъ. У него только и было законченнаго, что этюдъ головки; но онъ уже успѣлъ кое-гдѣ слышать мнѣніе, что эта вещьца, выставленная на продажу у Шульца—не изъ важныхъ; такъ гласила, впрочемъ, и газетная критика, отозвавшаяся на ея появленіе въ слѣдующихъ словахъ:

„Н. Занднеръ выставилъ теперь поразительно безцвѣтный этюдъ „головки“; такая работа, къ сожалѣнію, ничего не прибавитъ къ его славѣ“.

Ники взялъ свой этюдъ обратно; вонъ, онъ стоитъ, въ углу.

Самолюбіе художника страдало и отъ такихъ отзывовъ, и отъ полнаго невниманія друзей. Бывало, они давно бы забѣжали хоть на минутку, сказать ему свое мнѣніе про его новую работу; теперь—никто ни слова! Ники ждалъ, думалъ,—вотъ-вотъ

заглянетъ къ нему хоть кто-нибудь изъ товарищей и скажетъ свое мнѣніе о злополучной „головѣ“... Но нѣтъ! Они равнодушны къ нему, какъ онъ равнодушенъ... ко всему на свѣтѣ!

Да, онъ усталъ! Онъ страшно усталъ и весь точно избитъ. Ему не спится; тяжелыя думы не даютъ покою; грезятся на яву деньги и счеы... Необходимо подсчитать, хватитъ ли прожить до апрѣля? Конечно, хватило бы, еслибъ не сверхсмѣтныя траты. Но какъ ихъ погасить? Гдѣ сила творчества, которая одна могла бы выручить его? Нѣтъ ея; она изсякла... Неужели онъ весь исписался? Неужели ему ничего больше не подскажетъ его воображеніе?..

Ники опять вспомнилъ про жену. Онъ здѣсь одинъ, а Вѣра даже не подумаетъ спросить, что съ нимъ, дома ли онъ? Послѣ всего, что между ними было, не могъ же онъ пойти къ ней первый? Это значило унизиться въ своихъ собственныхъ глазахъ. Приди она сама, скажи лишь слово,—и онъ бы все забылъ,—простилъ бы все, и все уладилось бы сразу...

Но Вѣры не было. И это мучило его съ утра и до ночи. Онъ не могъ уяснить себѣ ея невниманія, ея равнодушія, ея холодности. Что вызвало въ ней такія свойства, въ чемъ онъ передъ нею провинился? И почему именно его,—художника и человѣка, которому для творчества необходимо спокойствіе, и счастье, и ясность настроенія, — почему на него обрушилось такое бремя?

„Счастье мое вернется; оно должно вернуться! — думалъ онъ:—оно необходимо для меня, какъ солнце необходимо, чтобы жить и работать, работать!“

А Вѣра все не шла... И ожиданіе отнимало у него послѣднія силы.

Дѣлать нечего,—Ники опять пошелъ и продалъ нѣкоторые изъ своихъ прежнихъ этюдовъ,—чуть не за безцѣнокъ. Покупатель-торговецъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и, конечно, не стѣснялся. Ники не спорилъ съ нимъ; лишь бы продать! Единственное, что его способно было теперь еще тревожить, такъ это забота, чтобы мать ничего не подозрѣвала, ничего не замѣтила.

Впрочемъ, она сама давно перестала къ нимъ ходить, а сынъ, бывая у нея, больше молчалъ, чѣмъ говорилъ. Старушка, ни о чемъ не спрашивая, цѣловала его въ лобъ, а онъ—ее; они усаживались молча, и если Ники спрашивалъ о чемъ, такъ единственно о постороннихъ предметахъ: о томъ, хорошо ли растутъ цвѣты и какъ переноситъ зиму канарейка, которая хво-

раза? Посидѣвъ еще немного, Ники уходилъ, и походка его уже не была, какъ прежде, бодрой и изящной: онъ тяжело ступалъ, волоча ноги, какъ больной; даже въ одеждѣ онъ сталъ небрежнѣе.

Однажды, когда онъ сидѣлъ у себя въ мастерской и занялся чтеніемъ, послѣ того, какъ работа его полетѣла „къ чорту“, Вѣра вдругъ вошла—и поразила мужа насмѣшливой улыбкой, съ которой окинула книгу у него въ рукахъ. Этотъ взглядъ говорилъ:

„Я думала, что ты работаешь, а ты, вмѣсто того, читаешь... веселые рассказы!“

Ники это замѣтилъ и отрывисто спросилъ:

— Тебѣ что-нибудь угодно?

— Да, конечно. Я хотѣла съ тобой поговорить... сейчасъ же! Какъ тебѣ извѣстно,—продолжала она, видя, что мужъ молчитъ:—у насъ былъ съ визитомъ Францъ Фогельзангъ: онъ командированъ въ Берлинъ...

— Да?

— И намъ придется пригласить его къ себѣ.

— Да?

— Такъ вотъ мнѣ и пришло сейчасъ же въ голову, что я давно хочу тебѣ сказать: когда у насъ бываютъ гости, ощущается сильный недостатокъ въ лакеѣ. Дѣвушка никогда не сдюжитъ такъ хорошо подать, принять, какъ мужская прислуга. Мнѣ съ самаго начала было странно, что у насъ нѣтъ лакея.

Ники пожалъ плечами.

— Излишняя роскошь,—для насъ, по крайней мѣрѣ. Жалованье, ливрея и требованія вообще у него больше, чѣмъ у женской прислуги, а послѣдняя для насъ даже полезнѣе, потому что у тебя нѣтъ горничной.

Вѣра закусилась себѣ губы.

— Дѣвушку я, все равно, для себя оставлю.

— Кромѣ лакея?

— Да; кромѣ лакея.

— Да намъ лакея и не нужно,—возразилъ Ники.

— Для тебя, можетъ быть; но не для меня.

— На что тебѣ лакей?

— На то, чтобы онъ могъ провожать меня изъ театра, отъ Эвальда, отъ Мими... Говоря короче: я хочу, чтобы у меня былъ лакей!

— Дѣвушка можетъ оказать тебѣ ту же услугу.

Вѣра нетерпѣливо прошла взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... и нѣтъ! Дѣвушекъ держатъ только въ мѣщанскихъ домахъ; въ приличномъ домѣ непременно есть лакей. Впрочемъ, съ моей стороны нелѣпо говорить съ тобой о чемъ-нибудь подобномъ: я позабыла, что ты нигуда не выѣзжаешь, и потому судить не можешь...

Волненіе художника все возростало; но онъ сдержался и твердо возразилъ:

— Средства не позволяютъ держать лакея,—ну, и довольно!

Вѣра сверкнула глазами и озлобленно повторила:

— Не позволяютъ средства? Такъ позаботься, чтобъ они были: на то ты мужъ. Что это за мужчина, который ничего не въ силахъ заработать!

Улыбкой презрѣнія смѣрилъ ее Ники, и Вѣра подумала, что, можетъ быть, зашла слишкомъ далеко; чтобы смягчить рѣзкость впечатлѣнія, она понизила тонъ и замѣтила осторожно, хотя и не безъ затаеннаго лукавства:

— Тебѣ, можетъ быть, просто... надо отдохнуть?

— Отдохнуть?!

— Ну да; ты, можетъ быть, усталъ?

— Какъ это тебѣ въ голову пришло?

— Я слышала у Эвальда... Тамъ говорили; критику читали...

Ники насторожился и спросилъ жену, гдѣ, въ какой газетѣ о немъ говорилось?

Жена постаралась принять по возможности равнодушный видъ и отвѣтила, что не помнитъ хорошенько, но что содержаніе статьи приблизительно такое:

— „Къ сожалѣнію, въ послѣднихъ картинахъ Н. Занднера замѣчается значительный шагъ назадъ, — говорила она медленно, какъ бы припоминая каждое слово. — Повидимому, художникъ утомленъ. Усталый взглядъ, усталая рука дали, конечно, въ результатѣ весьма посредственное исполненіе“.

Не моргнувъ, выслушалъ Ники эти слова. Въ немъ закипѣло скрытое мученіе минувшихъ долгихъ мѣсяцевъ и стремилось вырваться наружу; его душило сознаніе, что его позоръ, его бездѣйствіе ни для кого уже не тайна, если оно извѣстно всѣмъ,—если изъ печати про него могутъ узнать и Эвальдъ, и... кто угодно... Горячей волной прихлынула у него къ сердцу кровь; онъ пошатнулся и ухватился за спинку стула, у котораго стоялъ. Вѣра видѣла, въ какомъ онъ состояніи, но торжествовала, что ея сторона оказалась сильнѣе, и не могла удержаться отъ насмѣшливаго замѣчанія:

— Мнѣ кажется, критика для тебя безразлична?

Еще слишком ошеломленный, чтобы подмѣтить всю язвительность этихъ краткихъ словъ, Ники чувствовалъ только одно, что каждый мигъ онъ въ состояніи броситься къ ней, схватить ее и вытрясти изъ нея душу,—до смерти придушить ее, чтобы больше ничего, ничего подобного она не говорила, — не могла бы сказать...

„Нѣтъ, не хочу съ нею возиться,—думалъ онъ въ то же время;—пальцемъ не хочу къ ней прикоснуться!“

Онъ чувствовалъ, что ея душа для него—чужая; никакіе отвлеченные интересы не связывали ихъ умственный строй. Руки у него опустились; приниженный, глубоко несчастный, онъ ощущалъ безграничную усталость; онъ былъ разбитъ, уничтоженъ.

А жена стояла передъ нимъ, и тономъ сожалѣнія, въ которомъ проглядывало торжество побѣдителя надъ сломленною силой, повторяла споейно:

— Да, ты утомленъ; тебѣ нуженъ отдыхъ!

Слова замерли у нея на губахъ: передъ нею стоялъ Ники, но не слабый, истомленный неудачами, а грозный, разъяренный, и, замахиваясь на нее, въ изступленіи кричалъ:

— Дьяволъ! Ядовитая змѣя!.. Вонъ! Вонъ отсюда!

Женская трусость овладѣла ею, и она поспѣшила выйти. Ники захлопнулъ дверь и остался одинъ,—опять одинъ въ своей просторной мастерской...

XVII.

На вечеръ къ Эвальду фонъ-Эвельгорстъ молодые супруги поѣхали вмѣстѣ; но всю дорогу ѣхали какъ чужіе, откинувшись каждый въ свой уголокъ экипажа. Они пріѣхали рано; еще не было никого изъ гостей, кромѣ Мими фонъ-Тигель и Франца Фогельзанга.

Эвальдъ, сіяющій, любезный, самъ встрѣчалъ гостей, и видимо былъ въ восторгѣ, что можетъ играть роль хозяина дома. По мѣрѣ того, какъ собирались гости, Ники видѣлъ, какъ радушно здоровался онъ съ какой-то дамой и слышалъ, какъ онъ ее увѣрялъ:

— Ваше присутствіе для насъ главное сегодня! Безъ васъ вечеръ потерялъ бы главную свою прелесть.

Его жена, Марі, представила художника своимъ знакомымъ, и Ники еще разъ ясно разслышалъ, что Эвальдъ съ одинаковымъ радушіемъ говорилъ какой-то другой дамѣ:

— Я уже говорилъ женѣ, что у насъ соберется много, но, въ сущности, главное, чтобы *вы* у насъ были.

Проходя въ буфетъ, Ники опять слышался чуть не подъ самымъ ухомъ его голосъ, говорившій:

— А! Наконецъ-то мы васъ видимъ!—И художникъ не могъ удержаться отъ улыбки.

Фогельзангъ подошелъ къ пріятелю и, хлопнувъ его по плечу, проговорилъ:

— Я заходилъ къ тебѣ съ визитомъ; но ты, какъ видно, знать меня не хочешь. Или ты позабылъ меня совсѣмъ? Чортъ знаетъ, какъ давно мы не видались!

— Мнѣ кажется, визитами намъ нечего считаться; мы съ тобой старые друзья еще съ тѣхъ поръ, какъ жили...

— Въ Парижѣ,—подсказалъ Фогельзангъ.

— Да, еще въ Парижѣ,—подхватилъ Ники, и лицо его просіяло; а бравый офицеръ, поглаживая свои усики, съ довольною усмѣшкой произнесъ:

— Не правда ли, жилось чудесно? Хотѣлось бы тебѣ опять быть начинающимъ художникомъ, какъ въ тѣ времена?

— О, хоть сейчасъ.

— Но ты теперь извѣстенъ, знаменитъ. Меня то-и-дѣло спрашиваютъ, не съ тобою ли я породнился?

— Я знаменитъ? Ну, да. Но неужели ты воображаешь, что извѣстность даетъ счастье? Въ сущности, все равно, что люди о тебѣ подумаютъ: ихъ мнѣніе измѣнчиво; все у нихъ мода, впечатлѣніе минуты. Сегодня мода на одного, а завтра—на другого. Вся слава сводится къ тому, что кто-нибудь кому-нибудь да скажетъ: „Это—такой-то!“ Какая въ этомъ польза? Только въ смущеніе иной разъ приведетъ человѣка, и тотъ сдѣлаетъ видъ, что знаетъ, о комъ идетъ рѣчь, скажетъ: „А,—да!“—и только; въ сущности, для него такъ и остается неизвѣстнымъ, кто эта знаменитость: удачный ли антрепренеръ, или крупный биржевикъ, или членъ рейхстага, въ теченіе лѣтъ тридцати выступавшій со своими рѣчами „за“ или „противъ“... Такъ-называемая слава можетъ сдѣлать счастливымъ единственно такого человѣка, который, какъ пѣвецъ или актеръ, представляетъ свою внѣшность напоказъ передъ толпой; что же касается всѣхъ прочихъ...

— Однако, съ какою горечью ты говоришь!

— И не безъ основанія,—возразилъ Ники.

— Прости меня, но что же могутъ тогда говорить другіе?

Ты все имѣешь, что только можно пожелать: прелестную красавицу-жену, успѣхи, денегъ черезъ край...

Глаза Ники приняли выраженіе какой-то странной неподвижности, но его собесѣдникъ не успѣлъ ничего замѣтить: его окликнули какой-то господинъ, почти старикъ, на котораго и перенесъ свое вниманіе любезный ротмистръ. Взглянувъ искоса на художника, старикъ спросилъ:

— Скажите, Фогельзангъ, съ кѣмъ это вы сейчасъ стояли?

— Это Ники Занднеръ, мужъ моей кузины...

— Занднеръ? Кто онъ такой?

— Извѣстный художникъ...

— Художникъ? Гм! Я что-то о такомъ не слыхалъ...—и онъ покачалъ головою.

Между тѣмъ, Ники отошелъ въ сторону и рѣшилъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы выказать свою готовность быть любезнымъ. Онъ заговаривалъ то съ тѣми, то съ другими, въ душѣ терзаясь необходимостью подлаживаться подъ интересы каждаго. Все шло недурно; но еслибъ онъ коснулся вопроса объ искусствѣ,—единственного, который занималъ его,—на него только покачали бы головою, какъ на помѣшаннаго или маниака. Серьезный разговоръ на эту тему былъ здѣсь не у мѣста, а говорить объ искусствѣ небрежно онъ не могъ и не хотѣлъ.

Пытаясь вставить, то тамъ, то тутъ, словечко, Ники убѣждался, что его бесѣда никому не интересна: въ этомъ свѣтскомъ обществѣ всѣ интересы сводились къ тому, кто за кѣмъ ухаживаетъ, кто на комъ женится, причемъ всѣ называли другъ друга уменьшительными именами: Гейни, Китти, Лина и т. п.

Подъ конецъ вечера, по обыкновенію, устроились танцы. Вѣра съ восхищеніемъ порхала, танцуя неутомимо и ни на минуту не обращая вниманія на мужа. Онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что для другихъ она сіяетъ и мило шутить, а на него только хмурится и дуется, когда они бываютъ дома одни. Досада, обида и чувство мелочного самолюбія подсказали ему, что было бы пріятной местью помѣшать ей безпечному веселью, доказать ей, что онъ глава и своей властью можетъ принудить ее подчиниться его волѣ. Но это значило бы вызвать цѣлый скандалъ...

Въ эту минуту Вѣра случайно очутилась въ парѣ со своимъ кузеномъ Фогельзангомъ, и, улыбаясь усталой, но блаженной улыбкой, видимо чувствовала себя вполне счастливой въ объятіяхъ своего кавалера. Они остановились около ея мужа, и тотъ разслышалъ ясно:

— Ты страстно любишь танцы?

— Больше всего на свѣтѣ! Я, кажется, готова каждый день танцовать, хоть съ утра до-ночи!

„Надо ее сломить; надо ей показать, кто изъ насъ сильнѣе!“—пронеслось въ головѣ у художника, и онъ рѣшилъ воспользоваться ея же словами, чтобъ ей хорошенько досадить.

— Да; но на сегодня довольно танцовать; пора домой!

Вѣра вздрогнула; она не знала, что мужъ стоитъ у нея за спиной.

— Ахъ! Это ты?

— Да. Ѣдемъ же!

— Ну, поѣзжай одинъ, если тебѣ угодно.

— Я такъ и сдѣлаю; но ты со мной поѣдешь.

— И не подумаю!

— Нѣтъ, ты поѣдешь, говорю тебѣ.

— Ну, поѣзжай одинъ! Я—остаюсь!—упрямилась она.

Фогельзангъ, невольный свидѣтель этой сцены, не зналъ, что ему дѣлать; но видя, что споръ обостряется,—счелъ нужнымъ вмѣшаться:

— Послушай, Ники: скоро и безъ того конецъ.

— Мнѣ все равно. Мы Ѣдемъ сейчасъ, сію минуту!

Громкій говоръ уже началъ привлекать вниманіе гостей; Фогельзангъ отошелъ отъ нихъ.

— Ты обязана мнѣ повиноваться. Ну, что же?

— Вовсе я не обязана повиноваться: для этого ты долженъ былъ бы переродиться; а у тебя на это не хватаетъ силы воли. Даже работать—и то ты не способенъ. Ты утомленъ, тебѣ пришелъ конецъ... И ты еще желаешь мной повелѣвать?

Эвальдъ и Марі, замѣтивъ непріятный инцидентъ, предложили своимъ гостямъ продолжать танцы, въ надеждѣ, что тогда онъ пройдетъ незамѣченнымъ. Галопъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда въ споръ Зандеровъ вмѣшался генералъ и Мини фонъ-Тигель.

— Дѣти мои! считаться вы можете и въ другой разъ когда-нибудь...

— Папѣ! Онъ непорядочно со мною поступаетъ!

— Дѣло въ томъ, что я зову Вѣру домой, а она мнѣ отвѣчаетъ: „Не хочу!“—дрогнувшимъ голосомъ пояснилъ художникъ.—Мнѣ больно, что разыгралась сцена. но я вправѣ требовать, чтобы она повиновалась.

— Ты правъ, мой другъ: это—ея обязанность. Другое дѣло вопросъ—насколько пристало именно здѣсь прилагать старанія

сломить ее волю, — тѣмъ болѣе, что все общество уже замѣтило что-то неладное.

— Я долженъ настоять. Вѣра, поѣдемъ! — твердо обратился Ники къ женѣ.

— Полноте, Занднеръ! На этотъ разъ лучше оставить такъ... — замѣтила Мими, — и все бы обошлось хорошо, еслибы не накинута на шурину хозяйня дома.

— Это совсѣмъ невозможное дѣло! Благодарю покорно за такія непріятности у меня въ домѣ! Мнѣ кажется, простая вѣжливость по отношенію къ намъ...

„Ужъ если уступать, такъ только не ему!“ — рѣшилъ разгнѣванный супругъ и, видѣ себя, вслухъ проговорилъ:

— Что тебѣ кажется, или не кажется, — мнѣ дѣла нѣтъ! Но такъ какъ, очевидно, ты меня не понимаешь, — я вынужденъ прямо тебѣ сказать, что я не потерплю твоего вмѣшательства въ мои дѣла и запрещаю тебѣ ихъ касаться!

Нервная дрожь его одолевала; губы дрожали; голова кружилась. Онъ возмущался, чувствуя себя приниженнымъ, разбитымъ, несчастнымъ, доведеннымъ до постыднаго изступленія, когда человѣкъ не знаетъ границъ. Передъ нимъ, — *противъ* него была Вѣра, стоявшая рядомъ съ братомъ; ее блѣдное лицо отражало необузданную злобу и полную рѣшимость стоять на стороне тѣхъ, къ которымъ она съ момента рожденія принадлежала. Генераль, въ своемъ стремленіи замѣть скорѣе ссору, тихонько взялъ Вѣру за плечи и выпихнулъ ее за дверь, въ соседнюю комнату; за нею вышелъ онъ самъ и ее мужъ.

— Я не позволю такъ съ собою поступать! — кричала Вѣра.

— И я тоже.

— Я не спору, она должна тебѣ повиноваться; скажи, чтобъ она слушалась тебя.

— Я уже говорилъ, папъ...

— Вмѣшиваться я не желаю; только еще разъ прошу, чтобъ разбирались вы у себя дома... — заявилъ генераль и ушелъ.

Ники почувствовалъ, что силы его оставляютъ; усталость нравственная и физическая отзывалась на немъ, въ эту минуту, до того, что онъ готовъ былъ бросить всѣхъ и все, лишь бы скорѣе отдохнуть... да: отдохнуть! Ему ужъ было все равно, выдержать онъ характеръ, или нѣтъ; онъ зналъ, что если даже Вѣра покорится, она возобновитъ въ каретѣ споръ безъ всякаго стѣсненія. Волей-неволей, они будутъ сидѣть бокъ-о-бокъ, а для него всякое прикосновеніе къ ней было бы непріятно и больно, чисто-физически больно. Красота, изящество линий, прельстив-

пія его, какъ художника, въ его глазахъ больше не существовали: напротивъ, для него ясно выступали на лицѣ Вѣры рѣзкія складки, проложенныя страстью озлобленія, а станъ поражалъ движеніями и изгибами, напоминавшими разъяренное животное, съ наслажденіемъ стремящееся его растерзать. Онъ видѣлъ въ своей красавицѣ-женѣ лишь мучительницу, которая, терзая, отнимала у него его покой и счастье, и силу творчества, которое оставило его...

Не говоря ни слова, онъ повернулся и вышелъ. Вѣра злобно посмотрѣла на закрывшуюся дверь, топнула ногой и, чтобы дать раздраженію какой-нибудь исходъ, начала нервно обдергивать на себѣ платье. Ее бѣсило, что теперь надъ нею будутъ всѣ смѣяться; бѣсила мысль, что рухнули ея дѣвичьи грѣзы, и что она въ глазахъ общества обязана превратиться въ покорную простушку, хозяйку-домосѣдку, занятую варкой супа и т. п...

И гдѣ у нея были глаза, когда она, во что бы то ни стало, захотѣла сдѣлаться женою Занднера? Она была увѣрена тогда, что знаменитому художнику предстоитъ въ обществѣ выдающаяся роль,—а вмѣстѣ съ нимъ и его женѣ, конечно. Она глупо сдѣлала, что дала себя одурачить. Мужъ ея не фигурируетъ нигдѣ; онъ ничего не пишетъ, никого знать не хочетъ, и его знать не хотятъ. Въ какое общество онъ ввелъ ее? Гдѣ ей суждено блистать обѣ-руку съ нимъ? У его матери, вдовы жалваго почти-директора—и только? И хотъ бы денегъ было вдоволь,—такъ даже и того нѣтъ!—„Онъ знаменитъ, значить, онъ много получаетъ“,—разсуждала она еще тогда. Но и эта надежда рухнула. Онъ больше не работаетъ; критики говорятъ, что онъ усталъ, талантъ его изсякъ... Смѣшно, что этотъ человѣкъ расчитываетъ сдѣлать изъ нея свою рабу!

— Ты еще здѣсь? — спросила ее вдругъ Мими, пріотворяя дверь.—Всѣ уже расходятся, и твой папѣ уѣхалъ; онъ думалъ, что вы отправились домой.

— Мой мужъ тоже уѣхалъ! Можешь себѣ представить?! На-кричалъ сначала на меня, сдѣлалъ мнѣ сцену, а потомъ—взялъ да и бросилъ меня тутъ, одну!

— Мнѣ кажется...—замаялась нѣсколько Мими:—онъ очень раздраженъ...

— Раздраженъ? Нѣтъ, онъ просто сумасшедшій!

Эвальдъ съ женой, которые пришли ихъ проводить, въ смущеніи примолкли. Мими простилась съ Вѣрой, которую братъ вызвался проводить домой. Фогельзангъ пошелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ Мими, за которую пришелъ лакей.

— Послушайте: что съ нимъ такое? Вѣра, тоже, очень рѣзка съ мужемъ...—началь тотчасъ же ея спутникъ.

— Она всегда была рѣзка, и не такого бы ей нужно мужа; сейчасъ видно, что у нихъ разладъ. Они не годятся другъ для друга.

— Это почему же?

— Потому, что ей нуженъ мужъ, который бы держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ; хотя бы, наприимѣръ, военный, который не терпѣлъ бы возраженій, человѣкъ сильный волею...

— Но Ния... Онъ—большой художникъ.

— Художникъ художнику рознь. Онъ великъ въ своемъ дѣлѣ, это всѣмъ извѣстно, но безсиленъ передъ своей женой. Мой мужъ не можетъ тоже выѣзжать со мною, по я умѣю съ нимъ уживаться; и съ ея мужемъ я ужилась бы тоже. Пусть бы мы помѣнялись, и Вѣра такъ же точно не ладила бы съ моимъ мужемъ, какъ не ладитъ со своимъ.

— Однако, онъ показалъ свой характеръ,—возразилъ Фогельзангъ.

— Pardon, это не характеръ; это — раздражительность, нервы... свирѣпость.

— Pardon! Это ваши собственные выраженія?—возразилъ ей въ тонъ, Фогельзангъ.

— Pardon! Моя неотъемлемая собственность!—отвѣщая ему насмѣшливый поклонъ при каждомъ словѣ: *pardon*,—замѣтила Мими, и оба разсмѣялись.

Нѣсколько шаговъ сдѣлали они молча.

— Мнѣ, кажется, я могъ бы обуздать ее!—вдругъ заявилъ блестящій офицеръ, и даже остановился, подъ этимъ впечатлѣнiемъ.

— Что-жъ,—можетъ быть!—согласилась и Мими.

— Тѣмъ болѣе,—продолжалъ ротмистръ,—что она мнѣ даже нравится. Теперь, когда она замужемъ, объ этомъ нечего и говорить; но въ то время я какъ-разъ хотѣлъ жениться, чтобы меня не усадили въ мелкій провинціальныи гарнизонъ.

— Только для того?—разсмѣялась его спутница;—а Занднеръ навѣрное женился безъ всякихъ соображеній, безъ разсчета.

— Онъ, очертя голову, стремился къ своей гибели... Впрочемъ, надѣюсь, все еще обойдется и войдетъ въ свою колею.

Но Мими фонъ-Тигель совершенно серьезно возразила:

— Ну, я на это не надѣюсь!

XVIII.

Съ того же дня, отношенія супруговъ стали еще хуже. Между ними завязалась глухая борьба, безъ словъ, безъ объясненій. Къ обѣду—Вѣры не оказалось дома; она даже черезъ горничную не соблаговолила предупредить мужа; на слѣдующій день—ему сказали, что для него ничего не заказано къ обѣду, а фрау Занднеръ не вернется.

Ники пошелъ въ ресторанъ обѣдать, а вечеромъ сказалъ прислугѣ:

— Я больше не буду обѣдать дома!.. Но не говорите ничего; не надо, чтобы кто-нибудь объ этомъ зналъ...

— Да я и такъ молчу... Но Минна въ двѣ минуты вамъ что-нибудь изготовить...

— Нѣтъ; все равно! Я ухожу!

Такимъ образомъ, онъ постепенно сталъ вести свою прежнюю, холостую жизнь. Самъ покупалъ себѣ закуски, самъ стряпалъ на-скоро завтракъ и варилъ чай или кофе, не выходя изъ мастерской, а за обѣдомъ засиживался все дольше и дольше въ ресторанѣ.

На хозяйство онъ отпускалъ безпрекословно извѣстную сумму, которую въ запечатанномъ конвертѣ самъ вложилъ на письменный столикъ къ женѣ; но однажды, когда она прислала ему нацарапанную записку такого содержания: „Мнѣ нужно еще 150 марокъ“,—мужъ ей отвѣтилъ тѣмъ же путемъ:

„Такъ какъ теперь приходится кормить однимъ лицомъ меньше, то денегъ на хозяйство вполовѣ должно хватить“.

Съ этой минуты, всякое общеніе между ними прекратилось.

Ники мало бывалъ дома и такъ же мало—въ своей мастерской. Единственное, что приковывало его къ дому, такъ это вечерніе уроки, назначенные теперь по четыре раза въ недѣлю. Его тянуло вонъ изъ дому; стремленія къ работѣ, которое прежде удерживало его въ стѣнахъ дома, вовсе не было, и онъ уже ясно это сознавалъ.

Видя, что самостоятельное творчество ему не дается, онъ пробовалъ писать копіи съ великихъ мастеровъ или даже со своихъ прежнихъ картинъ; но и это выходило неудачно. Сверхъ того, ему была противна мысль сдѣлаться своимъ собственнымъ плагиаторомъ. Наконецъ, онъ нашелъ разгадку своихъ неудачъ: творчество больше его не привлекало; онъ не чувствовалъ стремленія скорѣе переходить отъ одного сюжета къ другому, создавать кар-

тину за картиной. Приступая къ работѣ, онъ уже зналъ теперь, что, все равно, ее постигнуть неудача, и это сознаніе подрывало его бодрость и даже способность къ труду. Порывы вдохновенія, которые онъ почиталъ за высшее блаженство, самимъ Богомъ ниспосланное смертнымъ,—прекратились, какъ онъ думалъ, навсегда. И ненависть, безъ которой онъ не могъ подумать о своей женѣ, навсегда вытѣснила изъ его пылкого, восторженного сердца прежнюю любовь.

Теперь онъ ее ненавидѣлъ! Ненавидѣлъ до глубины души за то, что она отняла силу рукъ его и ясность взгляда; помутила и парализовала мысли, вызвала въ душѣ его усталость и равнодушіе, презрѣніе и ненависть ко всѣмъ и ко всему на свѣтѣ. Всю его силу, его духовную и творческую мощь, какъ въ древности Далила, она отняла отъ него безпощадно, равнодушно, только за то, что онъ не хотѣлъ согнуться подъ ея ярмо.

Померкъ, притупился его ясный, проникательный взглядъ, видѣвшій въ природѣ самыя сокровенныя ея красоты и проникавшій глубже, чѣмъ у другихъ людей; ничто больше не направляло руку его въ работѣ.

Чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ больше чувствовалъ свое приниженное состояніе; тѣмъ ярче загоралось въ немъ вдругъ зародившееся стремленіе сбросить съ себя позорное иго, освободиться отъ него и—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Изъ дня въ день назрѣвало въ немъ это рѣшеніе; онъ малодушно ждалъ только толчка, чтобы разъ и навсегда объявить ей это съ глазу на глазъ, лицомъ къ лицу; объявить спокойно, твердо и—безповоротно.

Былъ вечеръ, когда ученицы приходили рисовать съ модели. Вѣра была гдѣ-то на балу, по своему обыкновенію; Ники одинъ дома.

По окончаніи урока, миссъ Кольдвэй подошла къ профессору и робко просила позволенія сказать ему нѣсколько словъ:

— Это совершенно частное дѣло... — прибавила она, когда онъ спросилъ:—Чѣмъ могу служить?

— Прошу васъ,—началъ онъ, вводя ее въ свою мастерскую.

— Это такое затруднительно дѣло,—прошептала смущенная ученица.—Вы, надѣюсь, не поставите мнѣ въ вину...

Путаясь и запинаясь, она высказала, наконецъ, свое замѣчаніе, что ей пришлось слышать про своего учителя много толковъ и... „не изъ благопріятныхъ... Особенно въ кругу школы живописи“.

— Такіе мальчишки вѣчно что-нибудь или кого-нибудь да осуждаютъ,—успокоительно замѣтилъ онъ и пожалъ плечами.— Еслибы кто изъ нихъ ко мнѣ явился, и повторилъ мнѣ въ лицо свои слова, я вѣроятно съ нимъ бы расквитался; но они не являются и язвятъ меня за глаза; впрочемъ, это дѣло обыкновенное для всякаго писателя, скульптора и художника...

— Нѣтъ; это все не то!—рѣшилась, наконецъ, миссъ Кольдвэй.— Одна изъ нашихъ дамъ рассказывала намъ сегодня, что въ обществѣ замѣчаютъ ваше отсутствіе тамъ, гдѣ, наоборотъ, бываетъ ваша жена. Сначала только удивлялись, что она одна; потомъ стали говорить: „Онъ чуждается свѣтской суеты“. Потомъ стали замѣчать: „Онъ такой странный, онъ не любитъ выѣзжать“, и наконецъ: „Нервы у него слишкомъ напряжены; онъ людей боится вообще... немножко сумасшедшій!“

Съ трудомъ удержался Ники, чтобы не выдать своего волненія, но дальнѣйшія слова его лучшей ученицы окончательно его сразили. Постепенно разрастаясь, молва гласила, что бѣдная молодая жена достойна глубокаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что нервное состояніе художника можно считать вполне созрѣвшимъ для помѣщенія его въ домъ призрѣнія душевно-больныхъ... Ники дрогнулъ, вѣ себя отъ гнѣва; но настолько ему удалось совладать съ волненіемъ, что, провожая миссъ Кольдвэй, онъ почти шутливо ей замѣтилъ:

— Видите, такъ оно и всегда бываетъ въ жизни: вороны уже прокричали на всѣхъ перекресткахъ,—лишь самъ убитый ничего объ этомъ не подозрѣваетъ! Отъ всей души благодарю васъ за рѣшимость, которой до сихъ поръ я ни въ комъ не встрѣтилъ. Вы видите, что я не сумасшедшій и въ смиренной рубашкѣ не нуждаюсь. Будьте увѣрены, что если во мнѣ и было что-либо нервное, болѣзненное,—все это прошло, благодаря тому, что вы сейчасъ мнѣ сообщили: теперь я совершенно крѣпокъ, я здоровъ!

Недолго думалъ онъ по ея уходъ; рѣшимость все порвать и прекратить всѣ толки помогла ему не откладывать этотъ послѣдній шагъ. Съ нетерпѣніемъ дождавшись звонка, который возвѣстилъ въ поздній часъ о возвращеніи хозяйки дома, Ники позвалъ горничную и приказалъ просить фразу Занднеръ сейчасъ зайти къ нему; но горничная принесла такой отвѣтъ:

— Просить васъ въ гостиную, если угодно; сами придти не могутъ.

— Хорошо, приду!—отозвался онъ и прошелъ къ женѣ.

Въ гостиной, на кушеткѣ лежала Вѣра и дѣлала видъ, что читаетъ романъ.

— Миѣ надо съ тобой переговорить,—началъ сразу мужъ.

— Неужели?

— Прошу тебя удѣлить миѣ вниманія на нѣсколько минутъ. Не бойся, я тебя не задержу.

— Что-жъ, пожалуй, говори. Ну, что еще стряслось?—небрежно спросила она, держа палецъ на страницѣ, на которой закрыла книгу.

Несмотря на то, что онъ говорилъ и дѣйствовалъ безъ малѣйшаго волненія, онъ не могъ подобрать словъ, чтобы приступить къ дѣлу.

— Такъ жить невысказимо, какъ мы живемъ!.. Мы совсѣмъ чужіе, а не мужъ съ женой; между нами ничего общаго; нашъ бракъ существуетъ лишь для виду. Надо положить этой комедіи предѣлъ!

— Какъ тебѣ угодно,—небрежно проронила она.

— Мы должны прибѣгнуть къ разводу.

— Прекрасно; ты мужчина, значитъ, вся вина—твоя!—бойко подхватила Вѣра.

— Откуда у тебя такая увѣренность въ юридическихъ вопросахъ? Вѣрно, отъ брата?..

— Все равно; намъ больше не о чемъ говорить: вопросъ рѣшонъ. Самъ знаешь, что ты держалъ меня въ тюрьмѣ и не давалъ миѣ жить...

— Вѣра, ты лжешь! Ты знаешь, что это неправда!

— Нѣтъ, это *ты* лжешь! Ты скажешь, что я виновата, если ты лѣнишься работать...

Теря самообладаніе, Ники поблѣднѣлъ, и прокричалъ, сверкая глазами:

— Лѣнюсь?.. Да, въ этой страшной борьбѣ я изнемогъ! Ты отняла у меня все, что было для меня самаго дорогаго въ жизни: спокойствіе, и счастье, и силу творчества, которая въ несчастіи угасаетъ! Самая злополучная минута въ моей жизни—та, когда у меня зародилась мысль, чтобы ты была моей женой!

— Ну, такъ и я тебѣ скажу!—вскочивъ на ноги, воскликнула она:—Что ты такое: ты нуль, нуль!—Слышишь: ты ничто! Ты не знаменитость, не художникъ,—ты даже не мужчина! Вотъ Фогельзангъ—другое дѣло: тотъ мужчина, настоящий, а ты... Ты—старая баба!

До безумія раздражала его нервы ея крикливая, заносчивая манера; ему противно было видѣть ея кошачьи ухватки, когда она

подходила къ нему словно готовясь броситься, царапнуть и каждым словомъ нарочно стараясь раздражить. Продолжая восхвалять Фогельзанга, она восторгалась его ростомъ и манерой, характеромъ и общительностью,—словомъ, всѣмъ, чего у Ники не хватало, — какъ будто она рассчитывала возбудить въ немъ ревность.

По мѣрѣ того, какъ она продолжала описаніе, каковъ бы долженъ быть мужчина, чтобы ей понравиться, ея слова кололи его безощадно и вызывали взрывъ ужаснѣйшаго возбужденія... Онъ сжалъ ей руки такъ, что онѣ больно терлись одна объ другую.

— Молчи! Не бѣси меня!—громко крикнулъ Ники.

— Оставь меня! Пусти!

— Нѣтъ, ты посмотри, кто изъ насъ сильнѣе.

— Мнѣ больно... больно!—стонала Вѣра.

— Такъ тебѣ и надо... Посмотримъ, кто...

Но Вѣра ужъ кричала и визжала, вырываясь у него изъ рукъ, чувствуя его горячее дыханіе у себя на лицѣ:

— Минна! Помогите! Онъ взбѣсился!.. Минна!..

Никто не шелъ на зовъ; прислуга, вѣрно, уже легла спать. Но крикъ жены отрезвил несчастнаго: онъ опомнился, увидѣлъ, что нападаетъ на слабую женщину, и выпустилъ ее изъ рукъ. Она упала на диванъ; онъ остался передъ ней стоять—хмурый и безмолвный.

— Я возьму вину на себя,—проговорилъ онъ:—а ты оставишь мой домъ—сію минуту.

— Ночью?—сдерживая нервную дрожь и слезы,—спросила Вѣра.

— Ты права. Ну, такъ завтра, къ девяти часамъ утра.

Жена робко на него смотрѣла: она въ немъ, наконецъ, увидѣла настоящую, грубую, мужскую силу, и этой силы она искренно боялась. Она молчала. Онъ повернулся, чтобы уйти, но вдругъ остановился.

Ей опять стало страшно; а Ники, стараясь говорить спокойно въ минуту разставанія и быть съ женой какъ можно мягче, продолжалъ, не глядя на нее:

— Благодарю тебя за все то счастье, которымъ ты меня когда-то подарила; прошу прощенья, если я неосторожно причинилъ тебѣ физическую боль. Я вѣдь увлекающійся, впечатлительный художникъ, и знаю, что самъ столько же виноватъ передъ тобою, сколько ты—передо мной. Намъ обоимъ многое надо простить другъ другу. Можетъ быть, я когда-нибудь въ

состояніи буду пожелать тебѣ полного счастья, но теперь еще я не могу. Я требую, я надѣюсь, я знаю, что мы больше никогда не встрѣтимся другъ съ другомъ. Забудь же зло, которое я причинилъ тебѣ; я тоже постараюсь все забыть, что мнѣ пришлось перестрадать, благодаря тебѣ... Покойной ночи!

Вѣра—ни слова.

Ники вышелъ съ поникшей головой, усталою походкой. Вѣра проводила его испуганными глазами. Онъ былъ довольно далеко за дверью, когда донеслось до него хлопанье двери и щелканье замка.

XIX.

Въ домѣ все утихло. Вѣра уѣхала къ отцу, и Ники, оставшись одинъ въ опустѣвшей квартирѣ, первымъ дѣломъ отпустилъ прислугу, а на ее мѣсто опять пригласилъ свою прежнюю, старушку. Все пошло по старому; минувшаго года какъ бы не бывало.

Его первый выходъ былъ къ матери.

— Мама, она уѣхала!—объявилъ онъ, какъ дитя, пряча на ее груди свое возбужденное лицо.

Старушка погладила его и тихо вымолвила:

— Я видѣла, что дѣло къ этому идетъ. Для насъ, для всѣхъ, такъ лучше будетъ.

Впервые за долгое, долгое время, Ники выплакалъ, не стѣняясь, свое горе и уже спокойнѣе пошелъ къ старику-генералу, предварительно удостовѣрившись, что не рискуетъ встрѣтиться тамъ съ Вѣрой.

Откровенно признавшись во всемъ, что между ними было, онъ старался, однако, винить какъ можно меньше Вѣру; мстить ей онъ не хотѣлъ, радуясь, что разлука была для него желаннымъ облегченіемъ.

Генераль возражалъ ему необыкновенно участливо и мягко, и самъ сказалъ, что ему стыдно своихъ покраснѣвшихъ глазъ, но...

— Помнишь, я предостерегалъ тебя тогда? Вѣдь со мной было то же. Три раза въ жизни сдѣлалъ я ужасный промахъ: еще поручикомъ, въ Берлинѣ, задолжалъ тридцать талеровъ; потомъ влюбился въ свою жену и посватался два дня спустя; и наконецъ, слишкомъ поспѣшно далъ вамъ свое согласіе. Все это было ошибкой, и за все пришло свое возмездіе. Мнѣ больно, что я, своимъ согласіемъ, сдѣлалъ тебя несчастнымъ!

Ники, тронутый его добротою, когда, наоборотъ, ожидалъ.

встрѣтить холодность и упреки, поспѣшилъ успокоить старика, взваливая на себя вину, какъ на болѣе опытнаго въ жизни, а слѣдовательно и болѣе отвѣтственнаго за все.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо!—остановилъ его старикъ:—Конечно, тяжело принимать къ себѣ въ домъ обратно замужнюю дочь, но я вѣдь ей отецъ, и долженъ выбирать между тобою и ею. Можетъ быть, мое воспитаніе отчасти виновато въ ея бѣдахъ; къ тому, я обязанъ поддержать ее, какъ слабѣйшую изъ двухъ. Ты—мужчина и самъ пробьешься понемногу; за этотъ годъ я научился тебя цѣнить и уважать. Господь съ тобой!

Въ дверяхъ, еще разъ пожимая руку своему названному сыну, старикъ прибавилъ:

— Вотъ еще чтò: мы съ тобой, вѣрно, больше не увидимся, такъ я прошу тебя, пиши мнѣ, какъ тебѣ живется? Мнѣ будетъ отрадно услышать, что съ тобой все благополучно. Помоги тебѣ Богъ!

И въ самомъ дѣлѣ, Богъ помогъ. Въ короткое время, тихо и мирно, разводъ пришелъ къ концу; свой „Вечеръ“ за двѣнадцать тысячъ марокъ Ники продалъ одному любителю-милліонеру въ Одессу.

Единственный разъ, когда мимоѣздомъ онъ встрѣтилъ Вѣру съ братомъ, — эта встрѣча такъ тяжело отозвалась у него на душѣ, что онъ тотчасъ же подумалъ о разлукѣ съ Берлиномъ. Но куда перейти? Ему и прежде хотѣлось въ Дрезденъ, въ академію художествъ; но тогда онъ не хотѣлъ порывать связи съ Берлиномъ. Наудачу, онъ написалъ теперь туда, съ просьбою справиться, нѣтъ ли свободной касседры, и почти въ тотъ же день въ газетахъ увидѣлъ некрологъ старика-Зейдля, пейзажиста. На его мѣсто Ники и надѣялся поступить, а недѣли двѣ спустя пришло и официальное предложеніе. Мать сказала Ники только одно:

— Гдѣ будешь ты, тамъ буду и я съ тобою.

Эту радость нѣсколько омрачила краткая замѣтка въ одной газетѣ, намекавшая на его „нервное разстройство“ и на „необходимость полного отдыха“, и т. п. Въ этихъ словахъ чуялась художнику рука Эвальда, и онъ, не сердясь, рѣшилъ все-таки ихъ опровергнуть.

„Милостивый государь, г-нъ редакторъ!

„Замѣтка въ вашей уважаемой газетѣ касается меня, но свѣдѣнія, которыя она сообщаетъ, несовсѣмъ точны. Состояніе моего здоровья не оставляетъ желать ничего лучшаго, нагляднымъ доказательствомъ чего можетъ служить мое назначеніе профессоромъ въ дрезденскую королевскую академію худо-

жествъ, и я счастливъ, что могу посвятить ей свои силы и свою многолѣтнюю опытность“...

Перечитывая написанное, Ники не могъ сдержатъ злораднаго чувства при мысли, что и Вѣра узнаеть о его новомъ положеніи.

Тепло, искренно прошло его прощанье съ ученицами, и такъ же искренно, радушно собрались къ нему наканунѣ отъѣзда его друзья, художники. Они явились всѣ, и Герстенштовъ—съ женою, какъ всегда.

— Ты нѣсколько забросилъ насъ, дружище, покуда былъ женатъ, но мы за это не питаемъ злобы на тебя!—говорили они добродушно.

— И Дрезденъ не Богъ вѣсть какъ далеко отсюда!—подхватилъ Гумпингеръ.

Маленькій литераторъ Кюне давно слѣдилъ за всѣми пере-мѣнами къ худу и къ добру въ жизни своего знаменитаго пріятеля, и теперь, почти молча проведя весь вечеръ, только въ полутѣмѣ прихожей рѣшился шепнуть ему на прощанье, когда остальные уже вышли:

— Все, что мы выстрадаемъ какъ простые смертные, другъ мой Ники, пойдетъ намъ на пользу, какъ художникамъ. Это дѣлаетъ глубже и полнѣе наше творчество; потому-то художнику необходимо больше испытать впечатлѣній внутреннихъ, чѣмъ наружныхъ. Борьба съ житейскими условіями закаляетъ юношу и дѣлаетъ изъ него потомъ мужчину. Иначе жить не стоило бы, право!..

А. Б—г—

КОТЛЯРЕВСКИЙ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКѢ

Полтава открываетъ памятникъ Котляревскому, автору „Перелицованной Энеиды“, „Наталки-Полтавки“ и „Москаля-Чарівника“, — признанному родоначальнику малорусской литературы. Открытіе памятника приурочивается къ столѣтней годовщинѣ появленія въ свѣтъ печатной „Энеиды“. Вся южная Русь малорусскаго парѣчія, и наша, и заграничная, галицкая, откликнулась на призывъ, сдѣланный съ мѣста родины поэта. Конечно, это не тотъ громкій откликъ, какой раздался при воззваніи на памятникъ Мицкевичу; но вѣдь южно-русскія отношенія, внѣшнія и внутреннія, коренятся совсѣмъ въ иной исторической почвѣ. Освѣтитъ сколько-нибудь эту почву, намѣтитъ тѣ историческія условія, которыя опредѣлили художественную личность Котляревскаго, а отчасти и современныя отношенія къ этой личности — вотъ цѣль настоящаго очерка.

Во время появленія на свѣтъ Ивана Петровича Котляревскаго — извѣстно, что онъ родился 28-го августа 1767 года — Полтава, мѣсто его рожденія, доживала свои послѣдніе дни въ достоинствѣ „полкового“ города: большая часть сотенъ, составлявшихъ „полтавскій полкъ“, уже отошла къ Новороссіи, и оставалось всего нѣсколько лѣтъ до того, какъ и сама Полтава должна

была сдѣлаться уѣзднымъ городомъ новороссійской губерніи. Когда, за два года до рожденія Котляревскаго, полтавскіе граждане давали „наказъ“ своему депутату въ „Екатерининскую Комиссію“, они писали о родномъ городѣ, что онъ „никакнхъ публичныхъ строеній и должнаго украшенія не имѣетъ“. И дѣйствительно, всѣ немалочисленные путешественники, посѣщавшіе Полтаву, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, какой жалкій видъ представлялъ собою городъ въ то время. Около тысячъ маленькихъ хатъ,—частью внутри жалкихъ остатковъ крѣпости, большею же частью внѣ ея, на предмѣстьѣ,—хатъ, правда, чистенькихъ, окруженныхъ вишневыми садиками, но стоявшихъ среди непролазной грязи,—вотъ и вся Полтава. Лишь одинъ гостиный дворъ свидѣтельствовалъ, что здѣсь живутъ не одни „хлѣбобы“. Только четверть вѣка спустя, когда Полтава дѣлается губернскимъ городомъ и резиденціей малорусскаго генералъ-губернатора, начинается она пріобрѣтать внѣшній видъ и лоскъ культурнаго города.

И однако, Полтава — этотъ захудалый или не успѣвшій развернуться городокъ, какимъ онъ представляется во второй половинѣ XVIII-го вѣка—былъ если не административнымъ или торговымъ центромъ края, то все-таки однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ всего яснѣе, отчетливѣе проявлялась жизнь соціального организма лѣвобережной Украины. Причины на лицо: полтавская территорія, какъ заключенная внутри край, была болѣе свободна отъ постороннихъ вліяній; вмѣстѣ съ тѣмъ, она питала свой духъ самостоятельности близостью и постоянными сношеніями съ запорожской козацкой общиной. И въ маленькомъ городѣ, лишенномъ „публичныхъ строеній и должнаго украшенія“, въ его скромныхъ хаткахъ, на его базарахъ и ярмаркахъ, въ ратушѣ, на „цвинтаряхъ“ его церквей—всюду чувствовалась та общественная волна, которая за сто лѣтъ передъ тѣмъ всколыхнула жизнь всей огромной южно-русской территоріи и перевернула ее до основаній.

Но волна эта уже замирала; ее перехватывали новыя вліянія. Послѣ переворота, произведеннаго возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, лѣвобережная Украина, или гетманщина, Малороссія, оторвалась отъ правобережной и вступила въ кругъ могущественнаго сосѣдняго государственнаго организма—великорусскаго. Начался трудный процессъ переработки общественныхъ силъ и элементовъ и приспособленія ихъ къ новымъ требованіямъ. Къ тому времени, съ котораго ведется нить настоящаго

изложенія, процессъ этотъ началъ развиваться съ особою энергіей: южно-русская исторія вступила въ вѣкъ Екатерины II.

Екатерина II не принесла съ собою на тронъ тѣхъ симпатій къ Малороссіи, какими отличалась ея предшественница Елизавета; но, конечно, не отсутствіемъ этихъ симпатій, съ которыми у Елизаветы тѣсно переплетались ея личныя чувства, надо искать объясненія той опредѣленной политической программы, какую Екатерина заявила тотчасъ по вступленіи на тронъ и настойчиво преслѣдовала. Екатерина имѣла въ головѣ идеалъ государственнаго строя и чувствовала себя призванной осуществить его въ Россіи. Проявленія своеобразныхъ формъ общественной украинской жизни и естественная привязанность украинцевъ къ этимъ формамъ, выработаннымъ ихъ исторіей, казались ей, съ ея точки зрѣнія, неразумнымъ варварствомъ. Покончить съ этимъ варварствомъ — являлось для нея не только дѣломъ правильнаго политическаго разсчета, но и долгомъ совѣсти по отношенію къ передовымъ идеямъ вѣка, адептомъ которыхъ заявляла себя императрица. Румянцовъ выдвинуть былъ ею, какъ умный толкователь и вѣрный исполнитель ея идей въ ихъ приложеніи къ Малороссіи.

Послѣдній гетманъ былъ отставленъ почти тотчасъ же по вступленіи Екатерины въ управленіе государствомъ. Хотя гетманская власть Разумовскаго представляла собою лишь фантомъ, слабую тѣнь политической власти, но и этотъ фантомъ надо было удалить немедленно, „чтобы и имя гетмановъ исчезло, не только бы персона какая была произведена въ оное достоинство“. Румянцовъ, какъ президентъ малороссійской коллегіи, формально заступавшей мѣсто устраненнаго гетмана, вступилъ въ роль правителя Малороссіи, „главнаго малороссійскаго командира“, — по тогдашнему выраженію.

Но либеральные принципы императрицы, прикрывавшіе пока разсчеты практической политики, еще удерживали ее отъ крутыхъ мѣръ, которыя имѣли бы характеръ насилія. Ей хотѣлось, чтобы малоруссы сами выразили стремленіе къ реформамъ въ духѣ ея собственныхъ идей и плановъ. Припомнимъ, что это было время созыва комиссіи для составленія новаго уложенія, когда вся русская земля была призвана къ участию въ законодательной дѣятельности, должна была выбирать депутатовъ въ комиссію, составлять для этихъ депутатовъ „наказы“, въ которыхъ обязана была представить не только свои нужды, но и свои желанія. Естественнo было предположить, что Малороссія съ ея исконной привычкой къ общественной самодѣятельности,

легко пойдеть на встрѣчу начинаніямъ императрицы, обращавшейся именно къ этой самодѣтельности. Но вышло нѣчто совершенно иное.

Румянцовъ издалъ циркуляръ, разъясняющій малоруссамъ знаменитый манифестъ 14-го декабря 1766 года. Циркуляръ этотъ, дышавшій искренностью тона, доказывалъ малорусскому обществу необходимость реформъ, обеспечивающихъ правосудіе, общественное благосостояніе, правовой порядокъ. Но малоруссы, „ослѣпленные любовью къ своей землицѣ“, по ироническому замѣчанію Румянцова, оставались глухи къ такимъ обращеніямъ. Они были убѣждены, что ихъ страна не нуждается ни въ какихъ реформахъ, что ихъ законы и такъ вполне хороши, что имъ нужно одно—подтвержденіе ихъ старинныхъ правъ и вольностей. „Эти люди инако не отзываются“,—пишетъ Румянцовъ Екатеринѣ, — „что нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего“. Въ словахъ этихъ звучитъ досада человѣка, обманувшагося въ своихъ лучшихъ надеждахъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что малорусское общество того времени искало своего лучшаго не тамъ, гдѣ указывали его Екатерина и Румянцовъ, не въ „*Esprit des Loix*“ и твореніяхъ энциклопедистовъ, а въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Соглашеніе было невозможно. При видѣ „изумительнаго своеволія, доходившаго до коварства“, какое обнаруживали малоруссы въ томъ дѣлѣ, къ какому они были призваны правительствомъ, Румянцовъ почувствовалъ себя вынужденнымъ смѣнить тонъ просвѣтителя и совѣтника, съ какимъ онъ выступалъ въ циркулярѣ, на тонъ суроваго начальника. Лично и черезъ агентовъ, какъ своихъ, русскихъ, такъ и изъ мѣстныхъ людей, „имѣющихъ великое желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью“, онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, не допускалъ наказовъ, въ которыхъ выступало слишкомъ ярко пристрастіе къ старой гетманщинѣ. Вмѣсто свободного выраженія нуждъ и желаній, является необходимость подавлять „желанія, несходственные съ общимъ добромъ“, а общее добро совпадало, конечно, съ выгодами государства.

Екатерина склонна была, повидимому, легко смотрѣть на эти проявленія привязанности малоруссовъ къ своей старинѣ, къ своимъ правамъ и вольностямъ; ей казалось, что все это, какъ основанное лишь на неразумномъ пристрастіи, не оправдываемомъ просвѣщенными взглядами на государственное благоустройство, быстро разсѣется, что малорусскіе депутаты, напр.,

являсь съ своими исключительными домогательствами передъ многочисленное собраніе комиссіи, сами ихъ устыдятся. Но потомъ она совсѣмъ измѣнила свои отношенія къ этому предмету. Она пришла къ убѣжденію, что такой оптимизмъ здѣсь неумѣстенъ, и что относительно малорусскихъ дѣлъ надо держаться правила „имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ“,—правила, основывающагося на пріобрѣтенномъ ею убѣжденіи, что „какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ“. Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ созыва комиссіи, и на Малороссію посыпались, одно за другимъ, крупныя преобразованія; для осуществленія ихъ теперь не нужны были мнѣнія населенія о своихъ желаніяхъ и нуждахъ, да и самый характеръ преобразованій освобожденъ былъ отъ стараго вліянія философскихъ теорій. Преобразованія эти имѣли цѣлью совершенно передѣлать старый строй малорусскаго общества въ духъ общерусскихъ государственныхъ учреждений; но въ то же время они были рассчитаны и на то, чтобы парализовать ожидаемое неудовольствіе тѣми выгодами, какія представлялись господствующему классу малорусскаго общества, будущему малорусскому дворянству, пока еще только лишь козацкой старшиной, которая въ эпоху комиссіи и наказовъ являлась представительницей протеста противъ преобразовательныхъ начинаній правительства. Въ 1782 г., введено было въ Малороссіи „Учрежденіе о губерніяхъ“ — въ томъ же году произведена ревизія; въ 1783 году, вышелъ указъ, запрещающій крестьянамъ вольные переходы — вслѣдъ за нимъ другой, преобразующій козацкія полки въ регулярные. Нѣсколько указовъ въ теченіе двухъ лѣтъ,—и историческая Малороссія была упразднена. Не стало козачества, которое составляло основной элементъ малорусскаго общества; посполство (крестьянство),— правда, уже въ значительной степени обездоленное по отношенію къ землѣ, но все-таки пользовавшееся неопѣненнымъ благомъ личной свободы,—было обращено въ крѣпостное рабство; тѣмъ самымъ козацкая старшина, уже успѣвшая занять, но не успѣвшая еще оформить свое привилегированное положеніе, обращалась въ благородное русское дворянство. Новыя сословныя отношенія вставлялись въ рамки новыхъ административныхъ и судебныхъ учреждений общерусскаго типа.

Въ такую эпоху и среди такихъ соціально-политическихъ условій прошло дѣтство Котляревскаго. Чѣмъ, какими непосредственными жизненными фактами отражались эти условія на формирующемся духѣ будущаго поэта? Біографическій матеріалъ, касающійся дѣтства Котляревскаго, почти отсутствуетъ;

но при помощи матеріала историческаго мы можем сдѣлать нѣкоторые предположенія, имѣющія значительную степень вѣроятности. Что до Котляревскаго съ ранняго дѣтства доходили, въ той или иной формѣ, отзвуки крупныхъ совершающихся событій — это несомнѣнно: вѣдь эти событія затрогивали существенные интересы всѣхъ и каждаго, а украинцы той эпохи еще не успѣли отвыкнуть отъ свободнаго обсужденія того, что ихъ интересовало. Возьмемъ хотя бы самого Котляревскаго, его ближайшее родство: дѣдъ его былъ дьякономъ, отецъ служилъ въ магистратѣ. Этихъ краткихъ свѣдѣній изъ формулярнаго списка достаточно, чтобы представить себѣ, что семья Котляревскаго принадлежала къ той несчастной межеумочной группѣ, которая постоянно дрожала за свою привилегированность, не извлекая изъ нея ничего, кромѣ личной свободы: вѣдь достаточно было попасть въ ревизію, чтобы очутиться въ числѣ пожалованныхъ какому-нибудь графу Безбородкѣ. Въ томъ переходномъ состояніи, въ какомъ жило малорусское общество, среди неустановившихся, хаотическихъ, отношеній, такіе случаи были совершенно заурядными. Поэтому, если мы видимъ, что родичи Котляревскаго, въ концѣ концовъ, причисляются къ дворянамъ, то мы можемъ быть увѣрены, что дворянство это стоило немалыхъ усилій и жертвъ его носителямъ; что около добыванія этого злосчастнаго дворянства сосредоточивались мысли и чувства, можетъ быть, не одного поколѣнія восходящаго родства Котляревскаго.

Но дворянство Котляревскаго было привилегированностью, повидимому, лишь ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы избавиться отъ страшной опасности — приписки къ податному состоянію. Къ счастью, оно не окружило его дѣтство исключительными условіями, а оставило его въ той же общенародной, такъ сказать, демократической обстановкѣ, благодаря которой Котляревскій сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Для подобнаго заключенія мы имѣемъ такое біографическое указаніе: Котляревскій учился, передъ поступленіемъ въ семинарію, у дьяка. Со словомъ „дьякъ“ — дьякъ просто и дьякъ мандированный — передъ всякимъ, кто знакомъ съ малорусской стариной, возстаетъ своеобразная и въ высшей степени интересная и важная сторона нашего южно-русскаго прошлаго. Какъ бы мы ни были проникнуты вѣрой въ прогрессъ, какъ ни наклонны прозрѣвать золотой вѣкъ лишь въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго — тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказать въ глубокой симпатіи къ той несомнѣнной и страстной жадѣ просвѣщенія, ка-

кую обнаруживала вся масса малорусскаго народа, пока гнетъ вѣршнестнаго состоянія не придавилъ его духовныхъ потребностей. Какой-то радостный, восторженный порывъ къ свѣту охватилъ малорусскій народъ, какъ только онъ освободился, съ Богданомъ Хмельницкимъ, „отъ рабства лядскаго-египетскаго“. Одинъ совершенно посторонній наблюдатель, ученый діаконъ Павелъ Алеппскій, сопутствовавшій антиохійскому патриарху Макарію въ Москву, съ чрезвычайнымъ интересомъ наблюдалъ и отмѣтилъ для насъ рельефными чертами эту особенность „козацкаго народа“. „Послѣ освобожденія,—пишетъ онъ,—люди эти предались съ большою страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію пріятнымъ напѣвомъ... Всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами“... „Тутъ-то (по вѣздѣ въ козацкую землю) настало для насъ (восточныхъ людей, сопровождавшихъ патриарха) время пота и труда, такъ какъ во всѣхъ козацкихъ церквахъ нѣтъ сидѣній. Представъ себѣ, читатель: они стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти... Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе... О, Боже, Боже, какъ долго тянутся ихъ молитвы, пѣніе и литургія! Но ничто насъ такъ не удивляло, какъ красота маленькихъ мальчиковъ и ихъ пѣніе, исполняемое въ гармоніи со старшими“... Кромѣ пѣнія, которымъ Павелъ не устаеетъ восторгаться, онъ говоритъ еще съ глубокимъ чувствомъ о красотѣ множества вновь выстроенныхъ церквей съ прекрасной иконной живописью. „О, какой это благословенный народъ! и какая это благословенная страна!—воскликаетъ онъ то-и-дѣло:—блаженны глаза наши за то, что видѣли, уши наши—за то, что слышали, и сердца наши—за испытанную ими радость и восхищеніе...“

Цвѣтистый восточный стиль Павла Алеппскаго, какимъ онъ описываетъ Украину XVII-го вѣка, не превосходитъ своимъ краснорѣчіемъ цифръ и извѣстій документовъ относительно Малороссіи XVIII вѣка. Всюду населенныя мѣста изобилуютъ церквами; при каждой церкви есть „шпиталь“ и школа. Къ церквамъ примыкаютъ братства церковныя и цеховыя, преслѣдующія религіозно-нравственныя и филантропическія цѣли. Шпиталь является пріютомъ для всѣхъ, кто лишенъ пріюта семейнаго: оби-

татели шпиталя составляли между собою тоже братства и владѣли, случалось, даже и земельными фондами. Наконецъ, школа была необходимымъ третьимъ членомъ учреждений, удовлетворявшихъ культурнымъ потребностямъ малорусскаго народа.

Вотъ здѣсь-то, въ школѣ, и царилъ панъ-дьякъ, тотъ дьякъ, у котораго учился Котляревскій, какъ учились малолѣтки всего малорусскаго народа, безъ различія ихъ общественныхъ положеній,—учились до тѣхъ поръ, пока благородное дворянство, выплывшее изъ козацкой старшины, не отдало своихъ дѣтей на воспитаніе великорусскимъ учителямъ и иностраннымъ гувернерамъ, а поспольство, обратившееся въ „крѣпаковъ“, за панщиной не забыло дорожки до школы, а наконецъ, не завалилась и самая школа, никѣмъ не пригрѣтая, никому не нужная...

Панъ-дьякъ—не совсѣмъ то, что современный дьячокъ. Это была значительная фигура, игравшая большую роль въ жизненномъ обиходѣ малорусской громады прошлаго вѣка. Прежде всего, надо сказать, что громада сама подыскивала себѣ въ дьяки лицо, удовлетворявшее всѣмъ ея, довольно сложнымъ, требованіямъ: дьякъ долженъ былъ обладать „добрымъ гласомъ“, знать хорошо порядокъ и благолѣпіе церковной службы и имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическія—если не способности, то навыки. Панъ-дьякъ былъ и паномъ-бакаляромъ, и паномъ-директоромъ, т.-е. учителемъ и начальникомъ школы.

Конечно, наука дьяка, и по своему содержанію, и по педагогическимъ приѣмамъ, была очень далека отъ современнаго идеала. Грамѣтка, псалтырь, часословецъ, въ ихъ педагогической обстановкѣ въ видѣ пучка розогъ подъ сволокомъ и неизбѣжныхъ „субітокъ“ (субботнихъ наказаній)—все это кажется теперь очень непривлекательнымъ. Но „всякому овощу свое время“, всякій предметъ надо разсматривать въ его обстановкѣ. Школа эта имѣла одно въ высокой степени важное достоинство: она удовлетворяла запросамъ массы, опирающимся на такія ея потребности, какъ религіозно-правственное чувство. И она, эта школа, была не механическимъ придаткомъ жизни, а ея органическою составною частью. Отсюда школьный ритуаль, въ которомъ принимала участіе и семья, напр. въ видѣ „каши“, сопровождавшей переходъ ученика съ одной ступени знанія на другую: все это, что имѣетъ для насъ характеръ случайности и странности, нѣкогда было живымъ свидѣтельствомъ органической связи школы съ жизнью,—связи, отсутствіемъ которой такъ страдаетъ современная школа, при всемъ ея сравнительномъ совершенствѣ.

Но мы не поймемъ, что такое была тогдашняя школа, если

не взгляды ближе въ фигуру пана-дьяка, душу этого учрежденія. А панъ-дьякъ, уже прочно усѣвшійся въ школъ, съ тайнымъ ли намѣреніемъ „выдраться“ со временемъ на попа, или съ покорностью судьбѣ рѣшившійся быть сыту отъ скромныхъ плодовъ своей дьяковской спеціальности,—этотъ осѣдлый панъ-дьякъ выяснится намъ лучше всего изъ его тѣсныхъ родственныхъ связей съ дьякомъ „мандрованнымъ“. Мандрованные дьяки, изъ которыхъ выходили дьяки осѣдлые, это въ высокой степени любопытная социальная группа. Составлялась она изъ тѣхъ латинниковъ, „спудеевъ“ выпитыхъ школъ, которые или убоялись бездны премудрости, или просто больше чувствовали вкуса къ жизни, чѣмъ къ схоластической наукѣ. Выбитые изъ старой жизненной колеи и не вошедшіе пока еще въ новую, они до поры до времени вели бродячій образъ жизни, обогащаясь впечатлѣніями и свѣдѣніями, и служили поставщиками того незатѣйливаго духовнаго товара, на какой былъ спросъ среди простонародной массы. Это были люди не только „письменные“, но и особыхъ „политичныхъ звываевъ“, имѣли нѣкоторые, хотя, конечно, скудные научныя познанія, а главное, разнообразные художественные вкусы и навыки: уже не говоря о пѣніи, на которое всегда былъ спросъ, они знали разные канты и вирши, умѣли рисовать, умѣли поставить для общественнаго развлечения вертепную драму и т. п. На-ряду съ тупицами, среди этого люда были и даровитыя головы, остроумные люди, и во всякомъ случаѣ не было здѣсь недостатка въ энергіи и отвагѣ. Надо думать, что именно творчеству этой беспокойной среды мы обязаны множествомъ тѣхъ произведеній, которыя дошли до насъ въ устной народной передачѣ и частью въ старинныхъ записяхъ, но всѣ они носятъ несомнѣнные слѣды искусственнаго происхожденія, книжной мудрости ихъ авторовъ. Членомъ этой среды надо считать и нашего украинскаго философа Григорія Саввича Сквороду съ тою разницею, что болѣе широкій размахъ его духа погналъ его не изъ Березны въ Коропъ, а въ Германію и Италію. Вотъ въ какой почвѣ разбрасывала свои корни малорусская школа; надо думать, она извлекала отсюда кое-что и сверхъ простой грамотности.

Въ полной гармоніи съ демократическимъ строемъ малорусскаго общества была демократична и высшая школа: семинарія, коллегіумъ, даже кievская академія, несмотря на вполне схоластическое, какъ бы далекое отъ интересовъ повседневной жизни и потребностей массы, направленіе преподаваемой ею науки. Уже не говоря о томъ, что двери ея были открыты для всѣхъ

и каждого; что масса бѣдняковъ, жаждущихъ знанія, питалась на счетъ громады—укажемъ на одну сторону ея жизни, менѣе известную. Школа эта, между прочимъ, стремилась, такъ сказать, къ популяризаціи науки среди народа посредствомъ устройства драматическихъ зрѣлищъ поучительнаго содержанія, публичныхъ диспутовъ, діалоговъ и т. п., гдѣ, „для разумѣнія и простому во множествѣ стекавшемуся народу“, школьный латинскій языкъ замѣнялся народнымъ малорусскимъ.

Но во второй половинѣ XVIII-го вѣка, въ связи съ указанными нами выше глубокими переменами, какимъ подвергся строй малорусскаго общества, эта высшая школа получила иное направленіе. Еще недавно южная Русь поставляла образованное высшее духовенство на всю сѣверную Русь, и московскіе попы не знали, какъ избыть свое „черкасское“ начальство. Теперь кіевскіе митрополиты, высшая духовная и вообще просвѣтительная власть края, являлись съ сѣвера съ рѣшимостью подвести все имъ подвѣдомственное подъ общій уровень великорусскихъ учреждений,—и школу на первомъ планѣ. Таковы были митрополиты Гавріилъ Кременецкій и, въ особенности, Самуилъ Миславскій.

Прежде всего и больше всего пришлось работать надъ языкомъ, вытѣснить „простонародное здѣшнее нарѣчіе“ и замѣнить его „чистымъ російскимъ слогомъ“. Для достиженія этой цѣли примѣнялись энергическія мѣры: призывались преподаватели съ сѣвера, а мѣстные студенты отсылались на сѣверъ для изученія великорусскаго говора и произношенія; паличнымъ преподавателямъ строго внушалось не только объясняться на російскомъ языкѣ, но и наблюдать выговоръ, несмотря на откровенное заявленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, что они никакъ не могутъ сладить съ своимъ выговоромъ; составлялись руководства для малоруссовъ, спеціально указывающія отличія малорусскаго языка отъ великорусскаго, дабы малоруссы не могли отговариваться невѣдѣніемъ. Конечно, школьныя драмы съ ихъ остроумными интермедіями, вирши и канты, діалоги и пр., изгонялись изъ официального употребленія; вмѣсто всего этого, воспитанникамъ рекомендовали заучивать оды Ломоносова и слагать стихи, „наблюдая остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ въ трагедіи, смѣхъ и обманъ въ комедіи“.

Мы не знаемъ точно, въ какіе годы учился Котляревскій въ семинаріи; но, несомнѣнно, это были тѣ годы, когда тамъ уже

царилъ новый духъ, водворенный усиліями митрополита Миславскаго. Свое замѣчательное чутье къ риѣмъ Котляревскій примѣнялъ, конечно, къ тѣмъ же мадригаламъ, сонетамъ и акростихамъ, которые слагали воспитанники въ честь своего начальства на разные торжественные случаи.

Но отчего, въ послѣдующей своей литературной дѣятельности, Котляревскій не пошелъ по слѣдамъ переяславскаго уроженца Хераскова, земляка Капниста, своего школьнаго товарища Гнѣдича, а выбралъ себѣ такой исключительный и, казалось, такой неблагодарный путь?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ аналитическаго углубленія въ психологію поэта; а возможно ли такое углубленіе, если мы лишены даже самаго простого и насущно-необходимаго для характеристики этой личности біографическаго матеріала... Но мы все-таки попытаемся дать — не отвѣтъ, — а хотя бы нѣкоторый суррогатъ отвѣта. Онъ можетъ относиться, какъ и самый вопросъ, лишь къ автору „Энеиды“; полувѣковой старикъ, какимъ былъ авторъ „Наташки-Полтавки“ и „Москаля Чарівника“, конечно, жилъ, какъ и всѣ мы, лишь процентами съ того духовнаго капитала, какой приобрѣлъ въ годы своей молодости.

Ученые, которые по случаю юбилейнаго года занялись разслѣдованіемъ источниковъ происхожденія „Перелицованной Энеиды“, указываютъ намъ на такія же перелицованныя Энеиды другихъ народовъ: великорусскую—Осипова; нѣмецкую—Блумаiera; французскую—Скаррона. Конечно, Котляревскій, какъ человѣкъ образованный, могъ знать „Энеиду“ русскую, а также и французскую, такъ какъ владѣлъ французскимъ языкомъ; повидимому, кое въ чемъ даже и пользовался „Энеидой“ Осипова. И тѣмъ не менѣе, его „Энеида“ относится къ „Энеидѣ“ Осипова, какъ живой цвѣтокъ—къ жалкому тряпичному издѣлію. Кто внушилъ Котляревскому мысль обратиться къ малорусскому языку и при его посредствѣ рисовать эти рельефные образы и картины современной ему малорусской жизни? А главное,—откуда взялъ онъ этотъ своеобразный, неподражаемый юморъ, который не допустить умереть „Энеиду“, пока будетъ живо малорусское слово?

Среди произведеній малорусской словесности, дошедшей до насъ отъ прошлаго вѣка, частью въ устной передачѣ, частью въ записяхъ,—немаловажное мѣсто занимаютъ вирши (поздравительные стихи), рождественскія и пасхальныя. Но не народъ твердилъ ихъ, а та среда мандрованныхъ дяковъ, бродячихъ школьниковъ и „спудеевъ“, которая удовлетворяла живой потребности малорусской жизни къ сближенію школьной науки съ

простонародною массою. Среди этихъ виршъ есть одна группа, чрезвычайно любопытная: это „орациа“—вирши, предназначенныя не для пѣнія, а для декламаціи. Ораціи эти — нѣчто, трудно поддающееся опредѣленію или характеристикѣ. Всякій, кто знакомится съ ними впервые, — особенно не малоруссъ по происхожденію, неизбѣжно подвергается въ недоумѣніе, такъ какъ не можетъ понять, съ чѣмъ имѣетъ дѣло: наивность ли это невѣжества, еще не додумавшагося до того, что для извѣстныхъ высокихъ предметовъ необходимъ тотъ особый словесный ореолъ, въ какой облакаетъ ихъ наше благоговѣнное чувство?—или злой умыселъ, сознательно ставящій себѣ цѣлью профанацію священныя образовъ? И только дальнѣйшее углубленіе въ предметъ приводитъ къ убѣжденію, что здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. Мы просто-на-просто наталкиваемся на своеобразное проявленіе малорусскаго юмора, который такъ глубоко проникаетъ духовную природу малорусскаго человѣка, что допускаетъ, безъ оскорбленія чувствъ, слияніе комическаго даже съ высокимъ, даже съ святымъ. Вотъ въ какомъ видѣ проходятъ передъ нами священныя библейскія сказанія (въ появившихся въ печати вариантахъ). Падшій сатана—„старшій чортъ“, который, „хотивъ зривнятыця зъ Богомъ, надувсь, ажъ очи лизуть рогомъ... А Богъ ему сказавъ: „А вонъ, а зась! Нема тобі тутъ мѣсця въ насъ!“ Вотъ Богъ гонитъ обманутаго Адама изъ рая: „Пишовъ же вонъ, поганий, зъ раю! Обѣвсь яблукъ—ажъ сопешъ... Отъ такъ ты доглядаешъ гаю, безъ поспыту що хочешъ, то и рвешъ?.. И ты иди, небого (къ Евѣ) прости, Адамъ тебе щобъ доглядавъ; а щобъ не смѣла яблукъ красти, такъ я Адамови нагайку давъ...“ Рожденіе Христа съ его трогательными эпизодами переносится цѣликомъ въ самую обыденную обстановку сельской малорусской жизни съ „пидпасычами, которые пасуть „ватагу овечить“, съ „кошарой“, гдѣ „съ края въ край шагае таке велике, ще й литае, не чоловікъ, а бачуя схоже“, т.-е. ангелъ и т. п. Волхвы приносятъ дары и „поздоровляють по-письмѣнски, звысока“; „Исько (Іосифъ) старѣнький имъ бувъ радѣнький, гостинця принявъ да й каже“:—„сидайте въ насъ, почаствуемъ васъ чымъ Богъ намъ давъ. По каганцю сывухы, по кухлыку варенухы имъ якъ пидсулывъ; якъ же хлыснулы, сидячи й послулы, а Исько и свичку погасивъ“... Получивъ во снѣ вѣсть, „цари схопылысь, перехрестылысь и до дому почухралы“. А Іосифъ тоже „схопывсь, водою умывсь, ослыцю осидавъ, Марію взявъ, дуже поспишавсь и не оглядавсь—такъ пятами нахывавъ“... Даже такой высокаторжественный моментъ, какъ воскресеніе Христа, не избѣгъ со-

отвѣтствующей редакціи. Но въ особенности апокрифическое сказаніе о сошествіи Христа въ адъ дало роскошную канву для причудливѣйшихъ сочетаній. Вотъ до пекла дошла вѣсть о приближеніи Христа и „Адамъ сміялся ставъ, а Мойсей и засвы-ставъ, прыбигъ швидче къ Аарону зробыть справу по закону. Ааронъ очы надивъ и въ Библію поглядивъ, не утерпивъ, за-сміявся“. Христось приближается къ пеклу и спрашиваетъ у чорта: „Де старенька баба Ева, що глонула въ раю древа?“ — Ку-ций кочергу узавъ и у пекли помишавъ... Вылизла баба зъ печи; обгорили вельмы плечи“... и вотъ Адамъ и Ева „изъ пекла драла; Ева на вси жилы брала, и Адамъ ажъ употивъ, попередъ усіхъ летивъ...“ Или изъ другой вирши: „Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла убравсь, винъ зъ Исакомъ ледви ракомъ и соби поплыгавъ; свята Сара, хочъ и стара, та женщина руча: вся пихота шла въ ворота, вона куды луча“. Всѣ святые „такъ покотылы у Божу путь, тилько сопуть, ажъ попотылы“. Или еще одна вирша изображаетъ всѣхъ освобожденныхъ изъ ада пра-отцевъ отдыхающими, по дорогѣ въ рай, на лугу, гдѣ они „посидавши размовляли де-що бачъ про старыну, въ Сичи якъ ко-лысь гулялы; парубки въ мяча игралы, де-якіі-жъ у жгута; дивны писеньки спивалы, мали-жъ диты у ката... Тутъ Давидъ гусли пидстроивъ—козацькои якъ дернувъ! тутъ вже ниhto не встоявъ и неживый бы скакнувъ... Якъ тильки вчувъ святой Афеть, що вже гусельки брынчать, якъ схопывся, якъ махнеты!“... А за нимъ и другіе „брали навпрысяды, били трепака, забывалы пиджив-ними гоцака, попотылы такъ, що сорочка ажъ хлющты“, — пока не пристыдила ихъ Сарра, и тогда всѣ святые гуртомъ „давай чухратъ до раю“.

Намъ необходимы были эти выдержки, чтобы наглядно установить то непосредственное духовное родство, которое связываетъ автора „Энеиды“ съ его темными предшественниками, дьяками и „спудеями“, авторами этихъ виршъ-ораций. Родство это несомнѣнно. Если Котляревскій и заимствовалъ у Осипова ли, Блумайера или Скаррона, мертвую форму своего произведенія, то, конечно, не имъ обязанъ онъ тѣмъ, что мы единственно и цѣнимъ — живой душой своей „Энеиды“. Все, чѣмъ обуславливается ея неувядающая жизненность, — яркія картины простонародной малорусской жизни и та особая юмористическая складка, какая придается образамъ сочетаніемъ этого простонароднаго съ высокимъ — все это мы находимъ уже въ виршахъ, конечно, лишеннымъ той законченности, какая явилась у талантливаго и культурнаго автора „Энеиды“. Разумѣется, здѣсь не

можетъ быть и рѣчи о заимствованіи или подражаніи: рѣчь идетъ, лишь о томъ, что художественная индивидуальность Котляревскаго сложилась въ духовной атмосферѣ, какою жила масса малорускаго народа, и сама „Энеида“, несмотря на ея чуждую оболочку, есть плоть отъ плоти и кость отъ костей народнаго творчества.

Но Котляревскій не былъ непосредственнымъ человѣкомъ, подобно своимъ стихійнымъ предшественникамъ даже и изъ наиболѣе вкусившихъ отъ школьной науки. Онъ былъ культурнымъ продуктомъ своего fin-de-siècle, того fin-de-siècle, который смотритъ уже въ нашъ девятнадцатый вѣкъ съ его анализомъ и скептицизмомъ. Котляревскій могъ отрѣшиться въ своемъ сознаніи отъ той соціальной среды, къ которой принадлежалъ фактически, могъ опѣивать ее, такъ сказать, со стороны, — съ точки зрѣнія того идеала, который сложился подъ вліяніемъ гуманныхъ идей времени. Вотъ что отдѣляетъ его стѣной отъ его предшественниковъ и даетъ намъ право именно въ немъ видѣть родоначальника современной малорусской литературы, какъ органа сознательной духовной жизни націи.

А соціальная среда подверглась огромнымъ измѣненіямъ за тотъ относительно короткій промежутокъ времени, какой протекъ отъ появленія на свѣтъ Котляревскаго до того, какъ онъ выступилъ въ качествѣ молодого автора „Энеиды“. Надо сказать вообще, что малорусское общество прошлаго вѣка представляетъ собой очень поучительную для наблюдателя картину необычайной быстроты, съ какою могутъ совершаться въ извѣстныхъ условіяхъ рѣзкія и глубокія измѣненія соціальнаго строя, превращающія данный общественный типъ въ иной, почти діаметрально противоположный. Еще въ началѣ царствованія Екатерины въ Малороссіи не было такой юридической разницы между козакомъ и посполитымъ, какая не позволяла бы членамъ одной группы переходить въ другую, и какъ козаки, такъ и посполитые, могли быть избираемы на уряды, которые переводили уже занимающихъ эти уряды лицъ въ высшую, привилегированную, группу, называвшую себя шляхтой, хотя она и была лишь козацкой старшиной. Посполитый, козакъ, шляхтичъ — этими словами больше обозначалось фактическое положеніе даннаго лица въ обществѣ, тѣмъ давалось юридическое опредѣленіе. Но блестящее царствованіе Екатерины кануло въ вѣчность, — и что видѣлъ теперь вокругъ себя творецъ „Энеиды“! Крѣпостное право, какъ злокачественная гангрена, охватила весь общественный организмъ, отражаясь и на тѣхъ его частяхъ, которыя были свободны отъ

непосредственного вліянія пагубнаго процесса. Между двумя крайними членами общества, дворянствомъ и посольствомъ, залегла пропасть, исключающая всякую возможность взаимнаго пониманія. Завѣтнымъ стремленіемъ дворянства стало—расширить эту пропасть до непроходимости,—расширить чѣмъ бы то ни было: доказательствами своего происхожденія отъ иной, а не отъ „малороссійской породы“, намекающей на простонародность, усвоеніемъ иного языка, иной культуры, быта, одежды. Теперь дворянство уже могло, какъ выражается одинъ современникъ, „скинуть національное платье, могло говорить, пѣть и плясать по-русски“, и оно не могло, а должно было это сдѣлать, чтобы заставить позабыть всѣхъ, и даже самого себя, о своемъ еще столь недавнемъ, родствѣ съ своими „крѣпаками“. Конечно, этимъ людямъ уже было недоступно то, что еще представлялось совершенно естественнымъ ихъ отцамъ, засѣдавшимъ депутатами въ „Екатеринославской Коммисіи“—мысль, что они, высшій классъ страны, должны являться представителями общенародныхъ интересовъ, политическихъ идеаловъ и стремленій своей родины. Люди образованные, они научились употребленію такихъ словъ, какъ „патріотизмъ“ и „націонализмъ“,—но какой жалкій, по своей узкости, смыслъ вкладывали они въ эти слова!...

Въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго, сенатъ и герольдія измѣнили-было, подѣ вліяніемъ какихъ-то новыхъ вѣяній, старое отношеніе къ вопросу о малорусскомъ дворянствѣ: перестали съ прежней легкостью превращать козацкую старшину въ дворянъ, довольствуясь доказательствами дворянства вродѣ свидѣтельства о томъ, что столько-то предковъ вело благородную жизнь, или генеалогіями, сфабрикованными отъ руки въ Бердичевѣ, и только-что народившееся малорусское дворянство почувствовало, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Вотъ тутъ-то и началась необычайная дѣятельность мѣстныхъ „патріотовъ“. Они изучаютъ малорусскія лѣтописи и польскія хроники, statute, сеймовыя конституціи и гетманскія статьи, разыскиваютъ документы; параллельно подвергается изученію исторія не только русскаго, но и иностраннаго дворянства. Добытыя свѣдѣнія систематизируются, и въ результатѣ появляются „мнѣнія“ и „записки“, доказывающія якобы на документальныхъ основаніяхъ неоспоримость дворянскихъ правъ малорусскаго шляхетства. „Патріоты“, какъ называли сами себя эти люди, добились въ концѣ концовъ своей цѣли и съ гордостью говорили „о своемъ усердіи къ соотчичамъ и любви къ націи“, „о безпристрастномъ къ отечеству поревнованіи“, о томъ, „какъ пріятно трудиться

для славы и пользы отечества". Грустное впечатлѣніе производитъ эта подтасовка чувствъ и понятій — допустимъ, безсознательная, — все это ложное направленіе энергіи, имѣющее единственной цѣлью поработеніе народной массы. Но еще грустнѣе становится, когда видишь — изъ мемуаровъ, частной переписки и т. п. — какъ крѣпостное право, и въ такое короткое время, искажаетъ психику людей, повидимому, не лишенныхъ серьезныхъ достоинствъ. Такой образованный и вдумчивый „патріотъ“, какъ Полетика-сынъ, предполагаемый авторъ „Исторія руссовъ“, пишетъ, напр., изъ Петербурга своей женѣ, чтобы она высылала въ нему хлопцевъ, не обращая вниманія на заявленія и просьбы родителей, чтобы размѣстить ихъ по мастерскимъ століцы; по поводу незаконнаго ребенка у сельской дивчины, братъ этого Полетика очень мило шутить, что, молъ, у него эта дивчина „получила бы за то ординъ, такъ какъ нынѣ настало время стараться умножить людей и за умноженіе людей въ семь искусныхъ награждать всячески“... А какія веселыя картины рисуетъ намъ любезный кн. Шаликовъ, „путешествовавшій“ по Малороссіи! Передъ нами проходятъ крѣпостные хоры и оркестры, спектакли крѣпостныхъ балансѣровъ, причемъ на глазахъ Шаликова одна беременная балансѣрка падаетъ съ веревки, крѣпостные актеры и актрисы, наконецъ балерины, которыя такъ плѣняютъ сердца гостей своего господина, что и „Амуръ не оставался безъ дѣла; и можно ли Амуру не рѣзвиться тамъ, гдѣ граціи?“ — замѣчаетъ игривый князь, сообщая, что и онъ самъ „сталъ плѣнникомъ одной Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы“, но умалчивая о подаркахъ, какіе онъ дѣлалъ своей Эвхарисѣ изъ магазина ювелирныхъ вещей, который содержалъ остроумный владѣлецъ, отбиравшій отъ крѣпостныхъ Эвхарисъ вещи, подаренныя имъ гостями.

Конечно, все это и подобное — еще далеко не то, что Аракеевскія истязательства. Но когда навязывается для сравненія съ этимъ временемъ прошлое, такое недавнее, что оно еще живо въ памяти старшаго поколѣнія, — то становится понятною жгучая злоба и ненависть, которая залегла тогда глубоко въ народной душѣ; становится понятнымъ и то, какъ дерзнулъ благородный кн. Репнинъ, малорусскій генералъ-губернаторъ, сказать уже въ 1831-мъ году самому императору Николаю I, что „малорусскіе крестьяне поработены происками царедворцевъ и малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для своихъ выгодъ“...

Но намъ взвѣшивать теперь то, что происходило сто лѣтъ

назадъ, обсуждать или даже осуждать—это совсѣмъ не то, что было взвѣшивать современникамъ и участникамъ той эпохи. Если счастливая случайность втолпула кого въ станъ торжествующихъ, то и чувство естественно располагало къ ликованію и краснорѣчиво подсказывало уму аргументы, доказывающіе его правоту. Мы видѣли, какую энергическую позицію приняли малорусскіе „патріоты“, почувствовавъ отдаленно непрочность своего торжества, и какъ легко отождествили они свои узко-эгоистическіе интересы съ отечествомъ и націей.

Но Котляревскій былъ человѣкъ иного закала; его благородная душа была далека отъ этого эгоистически-хищническаго настроенія. „Перелицованная Энеида“ свидѣтельствуетъ, съ какимъ порицаніемъ относился онъ какъ къ крѣпостному праву, такъ и къ другимъ язвамъ своей общественной среды. Что же создало въ немъ такое настроеніе, которое такъ возвышало его надъ уровнемъ его общества? Конечно, гуманныя идеи, имѣвшія своимъ источникомъ Францію того времени, сыграли въ этомъ свою роль, но не онѣ однѣ: всякій знаетъ, какъ гложетъ сѣмя самыхъ гуманныхъ, самыхъ благородныхъ идей на неблагодарной почвѣ. Почвой, которая подготовила душу Котляревскаго къ воспріятію и росту этихъ идей, была его страстная любовь къ своей народности.

Страстная любовь къ своей народности!... Въ выраженіи этомъ—впрочемъ, очень обыденномъ по своей употребительности—чувствуется извѣстное противорѣчіе, какъ бы нѣкоторая логическая несообразность. Если отчизна, по выраженію гениальнаго польскаго поэта, все-равно что здоровье, которое цѣнишь только тогда, когда его теряешь, то тѣмъ болѣе это же можно сказать о народности. Вѣдь народность по отношенію къ личности есть стихія, которая пронизываетъ собою данную индивидуальность во всѣхъ ея тѣлесныхъ и душевныхъ проявленіяхъ. Любишь или не любишь всегда лишь то, что можно себѣ противопоставить, какъ извѣстный объектъ: какъ же можно, спрашивается, любить свою народность, да еще любить страстно?

И однако, творчество жизни безпредѣльно. Жизнь творитъ какъ нормальныя, здоровыя формы, такъ и болѣзненныя отъ нихъ уклоненія. И жизнь малорусскаго народа—или его исторія—создала такое положеніе, когда психологическій абсурдъ какъ бы сдѣлался несомнѣнной психологической истиной.

Верхній слой малорусскаго народа, разомъ обратившійся въ дворянство, въ собственниковъ своихъ недавнихъ братьевъ, какъ по происхожденію, такъ и по общественному положенію,—постав-

вилъ цѣлью своихъ усилій, освободиться отъ проявленій своей малорусской особы. Сначала онъ научился „говорить, одѣваться, пѣть и плясать по-русски“; затѣмъ, при посредствѣ соотвѣтственнаго воспитанія дѣтей, достигъ и дальнѣйшаго. Южно-русская культура прекратила свой естественный ростъ; малорусская народность скрылась въ простонародности, а простонародность замерла подъ давленіемъ крѣпостного права. Правда, въ общественныхъ группахъ, промежуточныхъ между панствомъ и крѣпостной массой, еще были живы нѣкоторые элементы народности; да и паны въ своихъ новыхъ костюмахъ по французской модѣ не прочь были послушать національных пѣсень, а при случаѣ и вслакнуть, слушая какую-нибудь „Чайку“. Но чувство національнаго достоинства было утрачено, а при этомъ условіи и національныя симпатіи теряли значеніе дѣятельной творческой силы.

Но малорусская народность была еще слишкомъ жизненна, слишкомъ богата тѣми историческими и культурными осадками, которые она вынесла изъ своего прошлаго и втянула въ себя, какъ свое достояніе, чтобы ее можно было такъ легко удержать въ тѣхъ социальныхъ нѣдрахъ, куда заключила ее иронія ея исторической судьбы и—такъ сказать—эгоистическая воля ея первородныхъ дѣтей. И вотъ, среди этой самой привилегированной группы, которая поставила себѣ сознательной цѣлью отрѣшеніе отъ своей народности, начинаютъ попадаться отдѣльныя единицы, въ душѣ которыхъ стремленіе къ этой народности получаетъ болѣзненно-страстный характеръ. Они нѣжно лелѣютъ въ себѣ остатки народности, пощаженные воспитаніемъ и вліяніемъ обстановки, и жадно стремятся къ тому, чтобы воплотить въ себѣ ея полноту, сохранившуюся лишь въ народной массѣ. Украинскій народъ въ его непосредственной цѣльности—конечно, лишь простой народъ—сдѣлался альфой и омегой стремленій этихъ людей. Это духовное движеніе проходитъ красною нитью черезъ всю жизнь южно-русскаго общества въ теченіе настоящаго столѣтія. И, конечно, съ нашей стороны не будетъ ни преувеличеніемъ, ни ошибкой, если мы назовемъ Котляревскаго его родоначальникомъ въ смыслѣ перваго его представителя, замѣтнаго по своимъ силамъ и сознательнаго по проявленіямъ этихъ силъ во внѣшней дѣятельности, въ литературѣ.

Если раннее произведеніе Котляревскаго, его „Энеиду“, мы поставили выше въ причинную связь преемства съ указанными произведеніями самобытнаго творчества малорусскаго народа, то остальные его произведенія зрѣлаго—даже болѣе чѣмъ зрѣлаго—

возраста: „Наталку-Полтавку“ и „Москаля-Чарівника“, мы не рѣшимся сопоставить ни съ „вертепной драмой“, ни съ сопровождавшими ее комическими интерлюдіями и интермедіями, какъ ни соблазнительно такое сопоставленіе. Это было бы натяжкой. Пожилой авторъ „Наталки-Полтавки“ слишкомъ много пережилъ вмѣстѣ съ своимъ обществомъ. Передъ нимъ прошла дѣятельность „патріотовъ“, увѣнчавшаяся полнымъ торжествомъ малорусскаго дворянства, достигло своего апогея развитіе крѣпостного права, замерло окончательно всякое проявленіе самобытности. Если, при восшествіи на престолъ Екатерины, малорусское шляхетство представило правительству цѣлую обширную программу своихъ desiderata, если, при восшествіи Александра I, оно все-таки еще рискнуло повергнуть къ стопамъ государя просьбу о восстановленіи судовъ по статуту (земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ), о свободѣ винокурения и объ устройствѣ университета въ Черниговѣ;—то теперь уже оно ничего не просило и ничего не желало, кромѣ государственной охраны своего положенія, а помимо дворянства никто не могъ возвысить голоса до высоты трона. „Козацкій запорожскій духъ“, который еще во время появленія на свѣтъ „Энеиды“ всюду усматривалъ въ Малороссіи желчный авторъ „Замѣчаній о Малой Россіи“, выдохся окончательно. Историческая Малороссія перестала существовать, и Котляревскому незачѣмъ было оглядываться назадъ, туда, гдѣ онъ не видѣлъ ничего, кромѣ безмолвія могилы. Но и впереди былъ полный и безпросвѣтный мракъ. Однако, ясно-видѣніе творческаго духа и любви—именно той страстной любви къ своей народности, которою была полна его душа—подсказало ему, что дѣлать. Надо было стучаться въ умы и сердца своихъ привилегированныхъ собратій, чтобы высѣкать изъ этой глухой и черствой среды искры сочувствія къ народу, надо было не дать имъ забыть, что народъ созданъ по тому же образу и подобию; что онъ также способенъ къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ, къ возвышеннымъ движеніямъ души. Мало того: надо было и внѣшнему міру показать, какія сокровища общечеловѣческаго значенія укрываются въ малорусской народности: богатый и гибкій языкъ, своеобразныя бытовыя формы, несравненная поэзія пѣсеннаго творчества. И Котляревскій сдѣлалъ все это, —сдѣлалъ своими двумя произведеніями послѣдняго періода, ничтожными по размѣрамъ, простыми по содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма значительными—въ особенности такова „Наталка-Полтавка“. Поэтическая теплота этой своеобразной оперетты неотразимо дѣйствуетъ на малорусское сердце; и въ этомъ отно-

шеніи, въ смыслѣ возбужденія симпатій къ малорусскому народу и народности, она можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими произведеніями Шевченка. Но этимъ не ограничивается значеніе послѣднихъ двухъ твореній Котляревскаго. Будучи произведеніями несомнѣннаго художественнаго таланта, они вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ собой научное движеніе, направленное на изученіе народа. „Наталка-Полтавка“ и „Москаль-Чарівникъ“ есть первые сборники малорусскаго пѣсеннаго творчества, сохранившіе намъ нѣсколько крупнѣйшихъ перловъ народной поэзіи. Всѣмъ извѣстно, какіе широкіе размѣры приняло позже это движеніе, и къ какимъ важнымъ результатамъ оно привело не только въ спеціально-научномъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

Итакъ, выдающееся значеніе Котляревскаго въ исторіи развитія малорусской народности есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Дѣло не въ томъ лишь, что „Энеида“ есть первое произведеніе народнаго малорусскаго языка, вышедшее въ свѣтъ изъ-подъ печатнаго станка,—какъ ни важенъ самъ-по-себѣ этотъ фактъ, но это фактъ внѣшній, случайный. Дѣло въ томъ, что внѣшній характеръ факта совпадаетъ съ его внутреннимъ значеніемъ. Котляревскій есть дѣйствительно первый литературный представитель малорусской народности, и „Энеида“ есть дѣйствительно первая попытка ввести малорусскій языкъ въ цѣль языковъ литературныхъ. Но этимъ не исчерпывается значеніе Котляревскаго. Онъ открываетъ собою то духовное движеніе, которое съ тѣхъ поръ проходитъ черезъ всю жизнь южно-русскаго общества—движеніе, исходившее нѣкогда изъ оскорбленнаго нравственнаго чувства и стремившееся—въ значительной степени безсознательно—къ очевидной цѣли: дать коррективъ тяжелымъ урокамъ исторіи. И, наконецъ, онъ же, Котляревскій, кладетъ починъ въ дѣлѣ научнаго изученія родной народности—дѣлѣ, оцѣнка результатовъ котораго еще принадлежитъ будущему. Тотъ фактъ, что онъ руководился въ своей дѣятельности не сознательно поставленной цѣлью, не опредѣленной программой, а могучимъ инстинктомъ любви,—конечно, не уменьшаетъ его значенія въ глазахъ историка...

АЛЕКСАНДРА ЕФИМЕНКО.

ИЗЪ
ВОСТОЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

Виктора Гюго.

I.

ОБРУБКИ ЗМѢИ.

Съ тѣхъ поръ какъ смерть твои смежила очи,
Съ тѣхъ поръ какъ ты оставила меня,
Не сплю я дни, дни цѣлые и ночи,
И жизнь свою, и смерть твою кляня.

И вотъ, когда я шелъ, исполненъ горя,
И вспоминалъ черты твои,
Увидѣлъ я, какъ корчились у моря
Куски разрубленной змѣи.

И голова, высовывая жало,
Соединить куски старалась вновь,
И море пѣной бѣлой омывало
Въ кускахъ запекающую кровь.

И я свой взоръ остановилъ невольно,
И такъ змѣю мнѣ сдѣлалось жаль,
И за нее мнѣ сдѣлалось такъ больно,
Что я забылъ свою печаль.

И я стоялъ надъ ней... отъ состраданья
Едва отъ слезъ удерживался я...
— „Иди, поэтъ, забудь мои страданья;
Ты самъ убить! — промолвила змѣя.

— Не долго жить осталось намъ съ тобою,
И дней твоихъ оборвалась ужъ нить:
На части сердце порвано судьбою,
И ихъ ужъ вновь нельзя соединить“.

II.

ПЛѢННИЦА.

Я любила бѣ и море, и эту страну,
Если только я здѣсь не была-бѣ ужъ въ плѣну,
Еслибъ черный евнухъ не прислуживалъ мнѣ,
Еслибъ сторожъ съ ружьемъ не ходилъ по стѣнѣ.

Я люблю этотъ берегъ зеленый, куда
Не проникнетъ ни вьюга зимы никогда,
Не проникнетъ куда ни трескучій морозъ,
Гдѣ пропитано все нѣжнымъ запахомъ розъ.

Я люблю, когда тучка по небу пройдетъ
И на землю свой дождь благодатный прольетъ—
И тогда всѣ лѣса и цвѣты оживутъ,
И жуки заблестятъ, какъ блеститъ изумрудъ.

Какъ люблю я красу этихъ южныхъ ночей,
Какъ люблю я подъ пальмой бѣгущій ручей,
Какъ люблю у ручья на травѣ я сидѣть
И родимой Италіи пѣсенки пѣть!

А когда все заснетъ и задремлетъ кругомъ,
Какъ люблю я сидѣть предъ открытымъ окномъ,
Какъ люблю я мечтать средь ночной тишины
И на море смотрѣть при сіяньи луны!

III.

НУРМАНАЛЬ.

Въ томъ лѣсу лежитъ тигрица
И подстрѣленная львица,
Леопарды бродятъ тамъ,
Отвратительные гады
Ищутъ въ томъ лѣсу прохлады
И реветъ гиппопотамъ.

Какъ бы ни было ужасно
Тамъ лежать, но я едва ли
Предпочелъ бы ласки страстной,
Но коварной Нурманали,
Въ очи нѣжно что глядитъ
И такъ сладко говоритъ.

Н. Федоровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1900.

Предѣльность земскаго обложенія и предѣльность земскихъ расходовъ.—Обременительны ли земскіе сборы, и слишкомъ ли быстро растутъ земскія смѣты? — Право протеста противъ смѣты и право ея утвержденія.—Освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ.—Рѣчи губернаторовъ при открытіи губернскихъ земскихъ собраний.—Полемика между Б. Н. Чичеринимъ и В. И. Герье.

Изъ всѣхъ законодательныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ на ближайшую очередь, наиболее важнымъ слѣдуетъ признать, безъ сомнѣнія, вопросъ о *фиксаци* земскихъ расходовъ, т.-е. о недопущеніи, на время, дальнѣйшаго ихъ увеличенія по собственному усмотрѣнію земскихъ собраний. Мы считаемъ, поэтому, необходимымъ возвратиться къ предмету, о которомъ говорили уже нѣсколько разъ, и рассмотреть съ болѣею подробностью соображенія, приводимыя съ разныхъ сторонъ въ пользу новаго ограниченія свободы дѣйствій земскихъ учреждений—его сторонниками.

Прошло уже болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ литературѣ и въ официальныхъ сферахъ возникла мысль о назначеніи предѣловъ *земскаго обложенія*, т.-е. максимальныхъ нормъ, выше которыхъ не могли бы быть облагаемы недвижимыя имущества. Въ *принципѣ* эта мысль не вызвала серьезныхъ возраженій¹⁾. Предѣльность мѣстнаго обложенія существуетъ и въ западно-европейскихъ государствахъ; у насъ она введена Городовымъ Положеніемъ 1870-го года по отношенію къ городскимъ недвижимымъ имуществамъ и установлена еще раньше, закономъ 1866-го года, для земскаго сбора съ торговыхъ документовъ. Все дѣло въ *способѣ* ея осуществленія. Въ предѣльности обложенія не должно быть, прежде всего, ничего *случайнаго*: она должна быть построена на твердыхъ, для всѣхъ одинаковыхъ началахъ. Единственная рациональная ея основа—цѣнность или доход-

¹⁾ См. въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1888 г. статью: „По поводу реформы земскихъ учреждений“.

ность имуществъ, опредѣленная путемъ возможно точной оцѣнки. Такая оцѣнка производится теперь повсемѣстно. въ силу законовъ 1893 и 1899 гг. Послѣдній изъ этихъ законовъ, предоставивъ въ распоряженіе земствъ, специально для производства оцѣнки, довольно крупныя средства, позволяетъ ожидать сравнительно быстрого ея окончанія (говоримъ: *сравнительно*, потому что оцѣночныя работы, сложныя и трудныя, не допускаютъ слишкомъ большой поспѣшности). Съ приведеніемъ ея къ концу исчезнетъ само собою главное препятствіе къ установленію предѣловъ обложенія. И тогда, однако, нельзя будетъ обойтись безъ коррективовъ: оградивъ, назначеніемъ нормы, интересы землевладѣльцевъ, нужно будетъ оградить и интересы земства, предоставивъ ему, для удовлетворенія новыхъ его потребностей, *новые источники дохода*. Это создала и коммиссія, работавшая, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, надъ занимающимъ насъ вопросомъ: она проектировала, съ одной стороны, воспособленіе уѣздамъ, дошедшимъ до нормы, изъ губернскихъ средствъ, губерніямъ—изъ общаго по имперіи земскаго капитала, а съ другой стороны—повышеніе обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, примѣненіемъ къ нимъ, наравнѣ съ недвижимыми имуществами, принципа пропорціональности между сборомъ и доходомъ ¹⁾. При такихъ условіяхъ, предѣльность обложенія недвижимыхъ имуществъ не внесла бы ни остановокъ, ни замѣшательствъ въ ходъ земскаго дѣла. Тамъ, гдѣ земскимъ расходамъ еще далеко до нормы, они могли бы расти безпрепятственно на прежнихъ основаніяхъ; тамъ, гдѣ норма достигнута или превзойдена, для земства былъ бы открытъ другой выходъ, менѣе легкій, но все-таки доступный. Съ предѣльностью *земскаго обложенія*, такимъ образомъ обставленною, не имѣетъ, очевидно, ничего общаго предѣльность *земскихъ расходовъ*, фиксированныхъ на той цифрѣ, которой они въ данный, произвольно выбранный моментъ достигли въ каждомъ отдѣльномъ земствѣ, губернскомъ и уѣздномъ. Само собою разумѣется, что подобная мѣра могла бы имѣть только временный характеръ, т.-е. могла бы оставаться въ силѣ только до окончанія оцѣнки, уступивъ, затѣмъ, мѣсто предѣльности обложенія: но и въ такомъ видѣ она едва ли соответствовала бы дѣйствительнымъ интересамъ государства и народа.

Когда въ близкомъ будущемъ предстоитъ наступленіе условій, дающихъ возможность установить нормальный, прочный порядокъ,—принятіе чрезвычайной мѣры, останавливающей естественное теченіе событій и закрѣпляющей на нѣсколько лѣтъ случайно сложившееся *statum quo*, можетъ быть оправдано только явнымъ и существенно

¹⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 4 „Вѣстника Европы“ за 1889 г.

важнымъ вредомъ, которымъ грозитъ отсрочка внимательства государственной власти. Такимъ вредомъ признается, съ разсматриваемой нами точки зрѣнія, непомерная высота, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ или уѣздахъ, земскихъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ и продажающееся, несмотря на то, ихъ повышеніе.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о степени обременительности сбора, необходимо знать точное отношеніе его къ цѣнности или доходности имущества. Такое знаніе можетъ быть дано только правильной оцѣнкой, которой у насъ пока нѣтъ на лицо. Всѣ существующія оцѣнки основаны на шаткихъ данныхъ, на приблизительныхъ расчетахъ и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительной стоимости земель, сильно поднявшейся въ послѣдніе годы. Если и допустить возможность сколько-нибудь достовѣрныхъ выводовъ, построенныхъ на этихъ оцѣнкахъ, то все-таки придется признать, что несоотвѣтствіе между цѣнностью (или доходностью) земли и ея обложеніемъ замѣчается далеко не повсемѣстно: въ весьма многихъ уѣздахъ земскій сборъ составляетъ менѣе 10% доходности, или $\frac{1}{2}$ % стоимости—и только въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ 20% доходности, или 1% стоимости земель. Другое доказательство отяготительности земскихъ поземельныхъ сборовъ усматривается въ крупной цифрѣ недоимокъ, составляющихъ, въ общей сложности, около $\frac{2}{3}$ оклада. Чтобы опредѣлить истинное значеніе этой цифры, нужно сравнить ее съ цифрой недоимокъ казенныхъ, которая въ 1896 г. простиралась до 95, въ 1897 г.—до 108% оклада, а въ иныхъ губерніяхъ восходила до 200, 300, 450%!!

Конечно, такому колоссальному росту много способствовали неурожаи послѣдняго десятилѣтія XIX-го вѣка—но, во-первыхъ, они отразились и на поступленіи земскихъ сборовъ, а во-вторыхъ, нѣкоторыя губерніи и до 1890 г. были обременены казенной недоимкой въ размѣрѣ свыше 100 и даже 200% оклада. А между тѣмъ, далеко не одинакова была еще недавно настойчивость во взысканіи сборовъ казенныхъ и земскихъ: первые нерѣдко пополнялись въ ущербъ послѣднимъ, что и привело къ изданію закона 1899 г., установившаго твердыя нормы для распредѣленія поступающихъ платежей между земствомъ и казною. Не менѣе важно, далѣе, и то обстоятельство, что во многихъ уѣздахъ главными земскими недоимщиками являются болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, по отношенію къ которымъ весьма рѣдко и съ большими затрудненіями принимаются принудительныя мѣры взысканія. Опытъ показываетъ, наконецъ, что правильное веденіе земскаго хозяйства возможно и при значительномъ накопленіи недоимокъ: сошлемся, для примѣра, на хорошо извѣстный намъ уѣздъ с.-петербургской губерніи (лужскій), въ которомъ сумма издавна накопившихся недоимокъ относительно весьма высока, но

ежегодныя поступленія, слагающіяся отчасти изъ срочныхъ платежей, отчасти изъ уплаты недоимокъ, изъ года въ годъ достигаютъ, приблизительно, цифры оклада и позволяютъ земству справляться съ текущими расходами. Заключение о чрезмѣрной высотѣ земскихъ сборовъ, выводимое изъ суммы недоимокъ, является, во всякомъ случаѣ, преждевременнымъ. Нужно выждать дѣйствіе закона 1899-го года, нужно облегчить взысканіе недоимокъ съ личныхъ землевладѣльцевъ: если и затѣмъ недоимки будутъ быстро расти, тогда можно будетъ, съ большимъ или меньшимъ правомъ, говорить о нихъ какъ объ указаніи на нѣчто ненормальное въ положеніи земскихъ финансовъ... Самый ростъ земскихъ расходовъ, разсматриваемый независимо отъ накопленія недоимокъ и отъ отношенія земскаго сбора къ цѣнности или доходности земли, точно также не можетъ служить аргументомъ въ пользу фиксаціи земскихъ смѣтъ. Если въ послѣднія пятнадцать лѣтъ общая сумма земскихъ расходовъ увеличилась на 74⁰/₀—съ 43 до 75 милл. рублей, — то въ еще меньшій, четырнадцатилѣтній промежутокъ времени государственные расходы возрасли слишкомъ на 90⁰/₀ (съ 918 милл. въ 1887 г.—до 1757 милл. въ 1900 г.), а мірскіе расходы въ *четыре* года увеличились на 40⁰/₀ (съ 45 милл. въ 1891 г.—до 61 милл. въ 1894 г.). Вездѣ, начиная съ сельскаго общества и кончая государствомъ, замѣчается сильное и быстрое развитіе потребностей, параллельно которому не могутъ не расти и затраты. Важна, при такихъ условіяхъ, не абсолютная цифра расхода—важна его общепольность, производительность или неизбежность. Съ этой точки зрѣнія земство, говоря вообще, можетъ не бояться критики: стоитъ только припомнить, на какія неотложныя и серьезныя нужды идутъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, новые расходы, вносимые въ земскіе бюджеты.

Чтобы уяснить себѣ элементъ случайности, который внесла бы въ земское дѣло фиксація земскихъ расходовъ, приведемъ нѣсколько цифръ, заимствуемыхъ изъ различныхъ источниковъ. Въ извѣстной уже нашимъ читателямъ брошюрѣ Д. Н. Шипова: „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ“—помѣщены любопытныя таблицы, показывающія, сколько въ различныхъ уѣздахъ приходится на каждого жителя, съ одной стороны, цѣнности (или доходности), подлежащей обложенію, съ другой—земскихъ расходовъ. Еслибы между обѣими цифрами существовало болѣе или менѣе правильное соотношеніе,—это могло бы служить, пожалуй, аргументомъ въ пользу фиксаціи земскихъ смѣтъ, заставляя предполагать, что забота о населеніи вездѣ доведена до приблизительно одинаковой степени напряженія. Ничего подобнаго, однако, мы на самомъ дѣлѣ не видимъ. Во владимірской губерніи, напримѣръ, покровскій уѣздъ, при 93 руб. обла-

гаемой цѣнности, даетъ 84 коп. расхода на каждаго жителя; му-ромскій — почти столько же (85 коп.) при цѣнности въ $2\frac{1}{2}$ раза меньшей ($38\frac{1}{2}$ руб.); гороховецкій — въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе расходъ (1 р. 25 к.) при цѣнности въ $3\frac{1}{2}$ раза меньшей (26 рублей). Въ ананьевскомъ и елизаветградскомъ уѣздахъ херсонской губерніи цѣнность обложенія (57 и 53 рубля) почти одинаковая, но расходъ въ первомъ уѣздѣ (1 р. 44 коп.) въ полтора слишкомъ раза выше, чѣмъ въ послѣднемъ (94 коп.). Въ богородскомъ и волоколамскомъ уѣздахъ московской губерніи расходъ почти одинаковъ (94 и 92 коп.), между тѣмъ какъ въ первомъ облагаемая доходность болѣе чѣмъ вътрое выше ($11\frac{3}{4}$ и $3\frac{3}{4}$ руб.). Въ орловской губерніи по 49 коп. расхода на жителя приходится въ уѣздахъ малоархангельскомъ и сѣвскомъ, хотя въ послѣднемъ облагаемая доходность составляетъ только 5 руб. 9 к., а въ первомъ — 12 руб. 88 коп. Въ тамбовской губерніи темниковскій уѣздъ занимаетъ по цифрѣ доходности (5 руб. 44 коп.) послѣднее мѣсто, а по цифрѣ расхода (94 коп.) — третье. Возьмемъ, затѣмъ, сводъ раскладокъ с.-петербургской губерніи на 1900 г. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ имущества облагаются по цѣнности, въ другихъ — по доходности; въ первыхъ процентъ обложенія колеблется между 0,82 (царскосельскій уѣздъ) и 1,82 (шлиссельбургскій уѣздъ); въ послѣднихъ — между $7\frac{1}{2}$ (с.-петербургскій уѣздъ) и $13\frac{1}{2}$ (гдовскій уѣздъ). И тамъ, и тутъ, слѣдовательно, земли въ наиболѣе обложенныхъ уѣздахъ несутъ тяжесть почти вдвое болѣе, чѣмъ въ наименѣе обложенныхъ. Еще болѣе значительна разниа между уѣздами тверской губерніи: низшее обложеніе доходности составляло здѣсь въ 1898 г. 9%, высшее — $45\frac{1}{2}\%$; низшее обложеніе цѣнности — 1,5%, высшее — 4,16% ¹⁾. Конечно, въ основаніи такихъ различій лежитъ, между прочимъ, несоотвѣтствіе оцѣнокъ съ дѣйствительною цѣнностью и доходностью земель; но столь же несомнѣнно и то, что размѣры обложенія обуславливаются и болѣею или меньшею интенсивностью дѣятельности земства. Если въ однихъ — по всей вѣроятности, весьма немногихъ — уѣздахъ фиксація земскихъ смѣтъ остановить земскіе расходы на той высотѣ, дальше которой они не могли бы подняться безъ явной опасности для благосостоянія края, то въ другихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, она помѣшаетъ совершенно естественному росту затратъ, вполнѣ посильныхъ и безспорно полезныхъ для населенія. Въ особенности тяжелымъ окажется положеніе уѣздовъ отсталыхъ и сознающихъ свою отсталость, но лишенныхъ возможности загладить прошлыя упущенія. Случайная, искусственно фиксирован-

¹⁾ См. четвертую статью г. Кузьмина-Караваева о предѣльности земскихъ расходовъ въ № 88 „Сѣвернаго Курьера“.

ная цифра сдѣлается для нихъ трудно преодолимой преградой на пути къ развитію и надолго задержитъ земское хозяйство на такомъ пунктѣ, который, при нормальномъ ходѣ вещей, имѣлъ бы только переходное, мимолетное значеніе.

Какъ временная мѣра, принимаемая лишь до окончанія общей оцѣнки земель и до установленія предѣловъ *земскаго обложенія*, предѣльность *земскихъ расходовъ* можетъ быть оправдываема необходимостью остановить ихъ ростъ, пока онъ еще не достигъ чрезвычайной высоты. Можно утверждать, что пониженіе расходовъ, если они окажутся превышающими предѣльную норму обложенія, будетъ сопряжено съ весьма большими неудобствами и что гораздо легче предупредить наступленіе зла, чѣмъ искоренить его, когда оно уже наступило. Не лишеннымъ основанія это разсужденіе представлялось бы лишь въ такомъ случаѣ, еслибы въ настоящее время не было законныхъ средствъ противодѣйствія чрезвычайному росту земскихъ расходовъ. Между тѣмъ, подобное противодѣйствіе возможно и практикуется въ широкихъ, даже слишкомъ широкихъ размѣрахъ. Отъ губернатора зависитъ протестовать противъ расходовъ, которые онъ находитъ явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія—а явнымъ нарушеніемъ этихъ интересовъ можно считать, между прочимъ, обремененіе земской смѣты непроизводительными расходами, превышающими платежныя силы населенія. Нашимъ читателямъ извѣстно, что именно такой протестъ губернатора имѣлъ послѣдствіемъ пріостановку роста земскихъ смѣтъ въ тверской губерніи ¹⁾. Мы вполне убѣждены, что въ данномъ случаѣ интересы населенія не требовали экстраординарной охраны; но для насъ важно показать, что она вообще осуществима, и что нѣтъ, слѣдовательно, *periculum in mora*, нѣтъ причины предпосылать предѣльности *земскаго обложенія*—предѣльность *земскихъ расходовъ*. Конечно, понятіе о *явномъ* нарушеніи интересовъ населенія условно, растяжимо; конечно, каждый губернаторъ можетъ толковать его по своему; но столь же безспорно и то, что по отношенію къ очевиднымъ, крайнимъ увлеченіямъ земства—единственнымъ, требующимъ отпора—есть достаточный коррективъ и въ дѣйствующемъ законѣ. Хорошая сторона существующаго порядка—въ общемъ далеко не благопріятнаго для земства—заключается въ томъ, что обязанность доказать чрезвычайность расхода или расходовъ лежитъ на администраціи. Протестъ губернатора не можетъ—или, по крайней мѣрѣ, не долженъ—исходить изъ *предположенія*, что земское обложеніе достигло крайнихъ предѣловъ: онъ долженъ быть основанъ

¹⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

на *факта*хъ, удостоверяющихъ съ полною ясностью какъ непосильную для населенія высоту земскихъ сборовъ, такъ и сравнительную мало-важность потребностей, удонствореніе которыхъ составляетъ цѣль вновь предполагаемыхъ расходовъ. Если, наоборотъ, нормальными будутъ признаны нынѣшнія земскія смѣты, обязанность доказать необходимость ихъ повышенія упадетъ на земство. *Предполагаться* будетъ достаточность земскихъ расходовъ — и это предположеніе окажется, сплошь и рядомъ, непреодолимымъ препятствіемъ къ развитію земскаго хозяйства.

Въ сказанномъ нами до сихъ поръ заключается главное возраженіе противъ замѣны права *протеста* (со стороны губернатора) правомъ *утвержденія* смѣты (со стороны министра или министровъ). Это возраженіе — далеко не единственное. Въ настоящее время, составляя смѣту и включая въ нее новые расходы — или увеличивая прежніе, — земское собраніе дѣйствуетъ самостоятельно. Оно знаетъ, что его рѣшенія могутъ быть опротестованы и отмѣнены — но знаетъ также, что въ случаѣ неопротестованія они вступаютъ въ законную силу, а для протеста нужны болѣе или менѣе вѣскіе мотивы (окончательная судьба протеста зависить, притомъ, отъ одного изъ высшихъ коллегіальныхъ учрежденій имперіи). Ничто не мѣшаетъ собранію обставитъ свое постановленіе такими твердыми и сильными данными, поколебать которыхъ будетъ нелегко. Отсюда извѣстная бодрость духа, извѣстная вѣра въ прочное, серьезное значеніе совершаемаго дѣла. Конечно, ее можетъ сломить систематически повторяющаяся отмѣна самыхъ основательныхъ постановленій — но раньше, чѣмъ это случится, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ энергія собранія можетъ оставаться несокрушимой. Совсѣмъ инымъ станетъ положеніе собранія, если каждый новый расходъ, каждая прибавка къ прежнему будутъ нуждаться въ утвержденіи министра или министровъ — утвержденіи, въ которомъ можетъ быть отказано безъ объясненія причинъ. Самостоятельности собраній въ самой важной области ихъ дѣятельности будетъ положенъ конецъ. Постановленіе рѣшеній, хотя бы и не окончательныхъ, превратится въ выраженіе *мнѣній*, лишенныхъ всякой собственной силы. Центръ тяжести земскаго дѣла перейдетъ изъ мѣстностей, которыхъ оно непосредственно касается, въ столицу, гдѣ оно извѣстно только въ общихъ чертахъ. Правда, нѣкоторыя постановленія земскихъ собраній и теперь подлежатъ утвержденію губернатора или министра; но ихъ очень немного, безъ нихъ нѣрѣдко проходитъ цѣлая сессія, да и самый ихъ предметъ оправдываетъ, болѣею частью, требованіе соглашенія между земствомъ и администраціей. Понятно, наприимѣръ, что разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ признается, необходимымъ для займовъ, нала-

гающихъ обязательства на будущія поколѣнія, или для обращенія земской дороги въ проселочную, могущаго затруднить сношенія съ тою или другою мѣстностью. Увеличеніе смѣты составляетъ, наоборотъ, неизбежную принадлежность земской дѣятельности, какъ отраженія мѣстной жизни. Нѣтъ такой отрасли земскаго хозяйства, которую можно было бы совершенствовать и подвигать впередъ, не повышая ассигнуемой на нее суммы. Установить, что каждая прибавка къ смѣтѣ нуждается въ утвержденіи свѣше, значило бы совершить надъ земствомъ—*capitis diminutio*, объявить его неспособнымъ къ заведыванію собственными его дѣлами, взять его подъ опеку.—Да,—могутъ сказать намъ, по этому поводу, противники земства,—надъ нимъ дѣйствительно и должна быть учреждена опека, какъ она учреждается надъ расточителями. На самомъ дѣлѣ аналогіи здѣсь нѣтъ никакой. Оправданіемъ или объясненіемъ опеки надъ расточителемъ—частнымъ лицомъ служить отсутствіе, при обыкновенныхъ условіяхъ, всякаго контроля надъ распоряженіями собственника-хозяина; за нимъ признается право *utendi et abutendi*, и только тогда, когда пользованіе послѣднимъ правомъ заходитъ уже очень далеко, возникаетъ вопросъ объ ограниченіи свободы, вытекающей изъ ходячаго понятія о собственности. Земскія учрежденія поставлены, съ этой точки зрѣнія, совершенно иначе, чѣмъ частныя лица: они подчинены постоянному контролю правительственной власти, вслѣдствіе чего нѣтъ надобности принимать, по отношенію къ нимъ, какія-либо чрезвычайныя мѣры. Признанію кого-либо расточителемъ предшествуетъ, далѣе, подробное изслѣдованіе обстоятельствъ, приводимыхъ въ подтвержденіе его легкомыслія и безразсудства; въ опеку за расточительность берутся не цѣлыя категоріи или группы лицъ, а всегда только отдѣльныя лица. Другой характеръ имѣло бы лишеніе земскихъ собраній права назначать, своею властью, новые расходы: оно было бы равносильно взятію подъ опеку, въ качествѣ расточителей, и такихъ лицъ, къ которымъ съ гораздо большимъ основаніемъ могъ бы быть предъявленъ упрекъ въ скупости. Одинаково стѣсненными оказались бы какъ тѣ земскія собранія, смѣты которыхъ достигли значительной высоты, такъ и тѣ, смѣты которыхъ стоятъ далеко ниже платежной способности и потребностей населенія... Мы едва ли ошибемся, наконецъ, если скажемъ, что при утвержденіи или неутвержденіи новыхъ расходовъ, предполагаемыхъ земствомъ, рѣшающее значеніе—по крайней мѣрѣ въ глазахъ одного изъ министровъ—будетъ принадлежать не столько отношенію между цѣнностью облагаемыхъ имуществъ и высотой обложенія, сколько предмету расхода. Ассигновки на новыя дорожныя сооруженія будутъ чаще оставляемы въ силѣ, чѣмъ ассигновки на новыя земскія школы; пособія благотворительнымъ обществамъ, пользующимся сочувствіемъ

администраціи, будутъ встрѣчать меньше препятствій, чѣмъ назначенія на открытіе новыхъ больницъ или пріемныхъ пунктовъ, и т. д. Для утвержденія расхода достаточно будетъ, притомъ, veto одного изъ двухъ министровъ; два лица не составляютъ коллегіи, и о рѣшеніи спорныхъ вопросовъ большинствомъ голосовъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Весьма возможны, поэтому, будутъ такіе случаи: однимъ изъ министровъ одна группа расходовъ признается обременительною для плательщиковъ, другой министръ считаетъ другую группу расходовъ не вызываемою дѣйствительными потребностями населенія — и обѣ группы исключаются изъ смѣты, сокращаемой, такимъ образомъ, въ силу различныхъ, иногда противоположныхъ соображеній.

Другимъ коррективомъ фиксаціи земскихъ смѣтъ можетъ служить сложеніе съ земства обязательныхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ, и причисленіе суммъ, шедшихъ на покрытіе этихъ расходовъ, къ свободнымъ средствамъ, распоряженіе которыми не требуетъ предварительнаго утвержденія министра или министровъ. Сама по себѣ эта мѣра, о которой давно говорится и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати ¹⁾, заслуживаетъ полного сочувствія; но она не можетъ смягчить силу удара, какимъ была бы для земства фиксація земскихъ расходовъ. Сумма всѣхъ обязательныхъ затратъ, лежащихъ на земствѣ послѣ принятія на счетъ казны расходовъ по содержанію мѣстныхъ судебно-административныхъ учреждений, не такъ велика, чтобы предоставленіе ея въ полное распоряженіе земства надолго обезпечивало возможность расширенія земской дѣятельности. Если взять, напримѣръ, тѣ расходы, объ исключеніи которыхъ изъ земскихъ смѣтъ и раньше уже шла рѣчь — расходы на квартиры полицейскихъ чиновъ и судебныхъ слѣдователей, на канцеляріи губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій, на уѣздныя по военной повинности присутствія, — то общая ихъ сумма составитъ менѣе полутора милліона рублей, т. е. около $\frac{1}{50}$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Въ случаѣ освобожденія земствъ отъ расходовъ на пособія общеобразовательнымъ средне-учебнымъ заведеніямъ — освобожденія, встрѣчающаго, повидимому, больше возраженій, — вышеупомянутая сумма возрасла бы еще на милліонъ рублей, все-таки не превышая $\frac{1}{35}$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Правда, земство тратитъ еще значительныя суммы на разъѣзды должностныхъ лицъ и на содержаніе арестуемыхъ по приговорамъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, — но ожидать принятія этихъ затратъ на счетъ казны пока, кажется, нѣтъ основаній, да и онѣ не такъ велики, чтобы освобожденіемъ отъ нихъ могла быть уравновѣшена потеря земскими собраніями права

¹⁾ См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1897 г.

увеличивать, по своему усмотрѣнію, земскія смѣты. Мы думаемъ, что оба вопроса должны быть разрѣшены отдѣльно одинъ отъ другого: освобожденіе земствъ отъ обязательныхъ расходовъ не слѣдовало бы ставить въ зависимость отъ фиксаціи земскихъ смѣтъ. Осуществленіе первой изъ этихъ мѣръ несомнѣнно повлечетъ за собою временную остановку въ ростѣ земскаго обложенія, но только тамъ, гдѣ оно дѣйствительно достигло крайнихъ предѣловъ, и только въ той мѣрѣ, въ какой это возможно безъ вреда для земскаго хозяйства. Необходимо замѣтить, что обязательные расходы, сложеніе которыхъ съ земства представляется наиболѣе вѣроятнымъ, составляютъ, въ разныхъ мѣстахъ, далеко не одинаковую часть земскихъ смѣтъ: есть уѣзды, въ которыхъ исключеніе ихъ изъ смѣты будетъ для земства облегченіемъ едва чувствительнымъ. Нѣтъ правильнаго соотношенія и между размѣромъ обязательныхъ расходовъ—съ одной стороны, степенью обремененія плательщиковъ—съ другой: цифра обязательныхъ расходовъ можетъ быть сравнительно небольшой именно тамъ, гдѣ обложеніе земель особенно высоко, и наоборотъ... Гораздо важнѣе, чѣмъ освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ, было бы открытіе для земства новыхъ источниковъ дохода. Въ пользу этой мѣры высказалась недавно законодательная власть. Одновременно съ утвержденіемъ 8-го іюня 1898 года положенія о промысловомъ налогѣ было признано необходимымъ усилить мѣстное обложеніе торговли и промышленности, въ видахъ увеличенія средствъ земскихъ и городскихъ учреждений и облегченія податнаго бремени, лежащаго на поземельной собственности. Разработка этого вопроса, сопряженная съ пересмотромъ правилъ о представительствѣ торговли и промышленности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, о предѣльности обложенія—и другихъ узаконеній, поручена министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, причемъ рѣшено, въ принципѣ, предоставить земствамъ (и городамъ) участіе во всѣхъ видахъ государственнаго промысловаго налога. Приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія сдѣлало бы излишнимъ фиксированіе земскихъ расходовъ—но, конечно, не установленіе, по окончаніи оцѣнки, предѣльныхъ нормъ для обложенія недвижимыхъ имуществъ.

Не преувеличиваемъ ли мы, однако, значеніе вопроса о фиксаціи земскихъ смѣтъ? Можно ли опасаться какихъ бы то ни было вредныхъ послѣдствій отъ мѣры, принимаемой только на время и притомъ на короткое время? Окончаніе оцѣнки облагаемыхъ земствомъ имуществъ ожидается въ 1904-мъ или 1905-мъ году, и тогда все войдетъ въ нормальную колею... А если оцѣнка потребуетъ болѣе продолжительнаго, можетъ быть даже гораздо болѣе продолжительнаго срока? Это—дѣло сложное, трудное, во многихъ отношеніяхъ новое; нужно сначала установить общія его начала, потомъ примѣнить ихъ

къ каждому отдѣльному имуществу, разсмотрѣть споры и жалобы, которыхъ навѣрное будетъ очень много. Въ иныхъ губерніяхъ и уѣздахъ къ общечнымъ работамъ еще почти не приступлено, въ другихъ онѣ не ушли дальше одного изъ начальныхъ фазисовъ. Могутъ встрѣтиться непредвидѣнные препятствія, могутъ случиться ошибки, изъ-за которыхъ нужно будетъ многое начинать съизнова. Переходное положеніе можетъ, такимъ образомъ, затянуться на цѣлое десятилѣтіе. За все это время земство будетъ дѣйствовать при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ. Стѣсненные въ каждомъ почти своемъ шагѣ — потому что много ли найдется шаговъ впередъ, которые не были бы сопряжены съ новыми расходами? — земскія собранія утрачатъ, мало-по-малу, всю энергію, порождаемую сознаніемъ самостоятельности, и погрязнуть въ рутинѣ, довольствующейся топтаніемъ на мѣстѣ и совершенно равнодушной къ завтрашнему дню. Кто неспособенъ примириться съ такимъ прозябаніемъ, тотъ сложить съ себя обязанности гласнаго. Неизбѣжно понизится нравственный и умственный уровень собраній — и понизится надолго, потому что трудно будетъ вновь привлечь къ земскому дѣлу потерявшія имъ силы. Однажды занявъ крѣпкую позицію въ заснувшемъ земствѣ, новые элементы будутъ упорно удерживать ее за собою и послѣ пробужденія. Съ другой стороны, нелегко будетъ и администраціи отказаться отъ однажды приобрѣтеннаго права утвержденія или неутвержденія земскихъ смѣтъ. Въ отношеніяхъ между администраціей и земствомъ, и теперь уже оставляющихъ желать весьма многого, на первый планъ выдвинется ничѣмъ не ограниченное усмотрѣніе. Фиксація земскихъ расходовъ можетъ, такимъ образомъ, нанести смертельный ударъ земскимъ учрежденіямъ — тѣмъ земскимъ учрежденіямъ, которыя, несмотря на реформу 1890-го года, сумѣли остаться хоть отчасти вѣрными духу эпохи, создавшей русское земство.

Что вопросъ о сокращеніи земскихъ расходовъ входитъ въ составъ „злобы дня“ — это видно, между прочимъ, изъ рѣчей, произнесенныхъ при открытіи нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ собраній. Особенно выдаются, въ этомъ отношеніи, рѣчи вятскаго губернатора и управляющаго самарскою губерніею. Признавая фактъ постепеннаго развитія общественныхъ потребностей и необходимость ихъ удовлетворенія, вятскій губернаторъ считаетъ нужнымъ напомнить, что платежи, возлагаемые на населеніе, должны соответствовать его платежной силѣ. Всего правильнѣе это соответствіе можетъ быть установлено самимъ земствомъ, но при существованіи двухъ условій: полной свободы мнѣній и яснаго усвоенія дѣйствительнаго положенія

вещей. „Да не будетъ мнѣ поставлено въ вину“,—продолжаетъ Н. М. Клингенбергъ,—„если я позволю себѣ усомниться въ наличности этихъ двухъ условій при обсужденіи дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ вятской губерніи за прежніе, болѣе или менѣе отдаленные годы... Когда въ вятскомъ земствѣ поднимались вопросы о необходимости народнаго просвѣщенія, распространенія школъ, устройства библиотекъ, когда требовались крупныя пожертвованія на статистику, агрономію, то тогда же раздавались скромные голоса, сомнѣвавшіеся въ возможности немедленнаго удовлетворенія этихъ безспорно высокихъ и великихъ требованій: на нихъ не только не обращалось вниманія, но лица, смѣвшія имѣть свое мнѣніе, подвергались остракизму, обвинялись въ обскурантизмѣ, неразвитости и недомыслии. Развѣ это не было стѣсненіе свободы мнѣній“? Дальше идетъ рѣчь объ „искусственномъ составленіи смѣтъ, съ цѣлью скрыть или прикрасить“ критическое положеніе земскихъ финансовъ. Для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ, при дѣйствіи обязательнаго для земства порядка составленія смѣтъ и при правѣ *контроля* надъ ними, представленномъ губернатору и управляющему казенной палатой, смѣты могутъ имѣть „искусственный“ характеръ, способный ввести въ заблужденіе ревизіонную комиссію и цѣлое собраніе. Никакихъ цифръ, подтверждающихъ это мнѣніе, въ рѣчи губернатора—судя по извлеченіямъ изъ нея, напечатаннымъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Новомъ Времени“,—не приведено; непомѣрность земскихъ расходовъ доказывается только быстрымъ ихъ ростомъ и накопленіемъ недоимокъ. Нельзя сказать, однако, чтобы послѣднія были особенно велики: онѣ составляютъ менѣе $\frac{1}{3}$ оклада, т.-е. стоятъ на той же, приблизительно, высотѣ, какой недоимки казенныхъ сборовъ достигали еще въ 1893 г., до второго неурожая, разразившагося надъ сѣверо-восточной Россіей. Извѣстно, притомъ, что въ вятской губерніи многія отрасли земскаго хозяйства поставлены гораздо лучше, чѣмъ въ большинствѣ земскихъ губерній. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о значеніи цифръ, приводимыхъ вятскимъ губернаторомъ, нужно было бы знать, поэтому, что получило и получаетъ, благодаря имъ, населеніе губерніи и въ какомъ отношеніи онѣ находятся къ дѣйствительной цѣнности облагаемыхъ имуществъ. Что касается до свободы мнѣній, то едва ли ее можетъ стѣснять рѣзкость полемическихъ приѣмовъ. Если бережливые земцы навлекаютъ на себя упрекъ въ „обскурантизмѣ“, то земцамъ, шире понимающимъ свои задачи, часто приходится выслушивать обвиненія въ разныхъ другихъ „измахъ“—обвиненія, отъ которыхъ можетъ пострадать не только самолюбіе, но и общественное положеніе обвиняемыхъ. И тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы такіа обвиненія выходили за предѣлы дозволеннаго—конечно,

кроме тѣхъ случаевъ, когда они повторяются за стѣнами собранія, при обстановкѣ, устраняющей возможность возраженія. Въ серьезномъ спорѣ не всегда можно воздержаться отъ критики предпосылокъ, изъ которыхъ исходитъ данное мнѣніе,—а такая критика легко принимаетъ характеръ общей оцѣнки взглядовъ противника. Нужно обладать очень малымъ запасомъ умственной и нравственной силы, чтобы убоиться такой оцѣнки и сложить передъ ней оружіе. Быть можетъ, въ исторіи вятскаго земства были случаи, когда нежеланіе прослыть за обскуранта мѣшало предложить или поддержать отклоненіе какой-либо „либеральной“ мѣры, связанной съ увеличеніемъ земскихъ расходовъ; но едва ли они даютъ право говорить о „стѣсненіи свободы мнѣній“, объ отсутствіи одного изъ условій, необходимыхъ для разумнаго веденія земскаго хозяйства. Едва ли, наконецъ, ретроспективные упреки по адресу прежнихъ земскихъ дѣятелей удобны въ рѣчи оратора, которому нельзя немедленно и прямо отвѣтить, въ особенности—если обвиняемые имъ лица сошли въ могилу, или не находятся больше въ рядахъ собранія...

Рѣчь, произнесенная при открытіи самарскаго губернскаго земскаго собранія, также направлена противъ увеличенія земскихъ расходовъ, но подходит къ вопросу съ другой стороны. Точкой ея отправленія служить мысль, что администраціей и земствомъ, какъ представительствамъ мѣстныхъ сословій, „вполнѣ исчерпывается необходимый контингентъ дѣятелей по мѣстному хозяйственному управленію“. Между тѣмъ, по мнѣнію В. Г. Кондоиди, „за послѣднее время все болѣе и болѣе усматривается въ мѣстной земской жизни участіе новаго, третьяго элемента... Нельзя не отдать должной справедливости этому фактору: онъ состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ теоретическихъ познаній, которыя поднимаютъ и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нередко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными. Случается, что представители сословій, безъ достаточно provѣренныхъ основаній, внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ и журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ словъ въ большинствѣ заманчивъ, но внутренній—чреватъ опасностью. Возможно сочувствовать медику, высказывающему, въ силу своей профессіи, требованіе развить мѣстную медицину, устроить въ каждой деревнѣ больницу по послѣднему слову науки, измѣнить съ цѣлью улучшенія санитарное положеніе крестьянства, весь его домашній бытъ; но является ли все это въ предѣлахъ возможности для земства? Точно также допустимо, что занимающійся народнымъ обученіемъ, въ интересахъ своихъ занятій,

мечтаетъ о созданіи высшихъ учебныхъ заведеній, не желая знать, что содержаніе ихъ падаетъ на источникъ и безъ того значительно истощенный. Приведенныя грёзы лицъ, не принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ представителямъ сословій въ земствѣ, носятъ лишь фантастическій характеръ, но могутъ, допустивъ въ основаніи политическія тенденціи, имѣть и вредную сторону".—Первый вопросъ, возбуждаемый этими словами, заключается въ томъ, можетъ ли земство обойтись безъ „третьяго элемента“, безъ „новаго фактора“? Очевидно—нѣтъ. Къ его составу г. управляющій самарской губерніей относитъ, между прочимъ, земскихъ врачей и учителей (вѣроятно—учащихъ въ земской учительской школѣ). Понятно, что ни леченіе, не преподаваніе не можетъ быть дѣломъ первыхъ двухъ элементовъ—административныхъ чиновъ, имѣющихъ надзоръ надъ земствомъ, и гласныхъ, представляющихъ собою мѣстное населеніе. И для того, и для другого, неизбѣжно должны быть призваны постороннія лица, обладающія запасомъ „научныхъ теоретическихъ познаній“, столь же неизбѣжно предоставить этимъ лицамъ нѣкоторую свободу сужденій, т.-е. право обращать вниманіе земскихъ управъ и собраній на желательныя или необходимыя улучшенія въ области земской медицины и земской школы. Неудобоосуществимыми, фантастичными такія улучшенія оказываются развѣ въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Что ни одинъ земскій врачъ не предлагалъ устройства *въ каждой деревнѣ* больницы *по послѣднему слову науки*; что ни одинъ земскій педагогъ не стоялъ за открытіе земствомъ *высшихъ* учебныхъ заведеній—это разумѣется само собою; упоминаніе о подобныхъ проектахъ—только ораторскій приемъ, не совсѣмъ удачно обращающійся къ методу—*reductio ad absurdum*. На самомъ дѣлѣ, представители „третьяго элемента“ очень хорошо помнятъ нѣмецкую поговорку: „Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen“. Имъ извѣстна ограниченность земскихъ средствъ и земскихъ полномочій; какъ и сами земцы, они считаются съ реальными условіями жизни, и даже ихъ „увлеченія“ носятъ, въ сущности, весьма умѣренный и скромный характеръ. Задержекъ всякаго рода болѣе чѣмъ довольно и въ земствѣ, и внѣ его; если ихъ нѣсколько уравниваетъ подвижность и предприимчивость „третьяго элемента“, то это скорѣе его достоинство, чѣмъ недостатокъ. Да и много ли можно указать примѣровъ подчиненія земскихъ собраній вліянію „интеллигентовъ“, „ссылкамъ на науку“? Въ какую бы сторону ни шло земство, руководители его всегда принадлежать къ собственной его средѣ. Конечно, на гласныхъ, какъ и на другихъ людей, могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ вѣянія, распространенныя въ обществѣ; но гдѣ же основаніе предполагать, что проводниками этого дѣйствія являются именно „вольно-

наемные служащіе въ управѣ“? Самъ г. Кондонди говоритъ о „поученіяхъ газетныхъ и журнальныхъ писателей“—поученіяхъ, убѣдительность которыхъ нимало не зависитъ отъ существованія или несуществованія „третьяго элемента“.... Какъ бы то ни было, обойтись безъ этого элемента нельзя, пока земство остается тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ въ настоящее время. Пока на земствѣ лежитъ забота о народномъ здоровьѣ, оно нуждается и будетъ нуждаться во врачахъ; пока оно участвуетъ въ попеченіи о народномъ образованіи и о развитіи народного богатства, оно нуждается и будетъ нуждаться въ учителяхъ, агрономахъ, статистикахъ, ветеринарахъ. Это—не „земская бюрократія“, какъ любятъ выражаться противники земства; это—совокупность специально подготовленныхъ тружениковъ, необходимыхъ для успѣшнаго хода земской работы. Любопытно было бы знать, напримѣръ, какъ справилось бы безъ нихъ земство съ возложенными на него оцѣночными работами?.. Впрочемъ, за усиленіе „третьяго элемента“ высказываются даже нѣкоторые начальники губерній. Тульскій губернаторъ, рекомендуя земскому собранію благоразумную бережливость, обратилъ, однако, вниманіе гласныхъ на медицинскую часть, „для постановки которой въ надлежащее состояніе нужно еще многое“; с.-петербургскій губернаторъ подчеркнул необходимость усиленія техническаго надзора за дорожными работами и выразилъ сочувствіе учрежденію земскихъ агрономовъ. Недовѣріе къ „новому фактору“ не успѣло еще, къ счастью, сдѣлаться повсемѣстнымъ и всеобщимъ.

Официальныя возраженія противъ „излишнихъ“ или „чрезмѣрныхъ“ земскихъ расходовъ не остаются безъ вліянія на людей съ колеблющимися, неустановившимися взглядами, готовыхъ плыть по теченію, или идти въ сторону наименьшаго сопротивленія. Доказательствомъ этому служить послѣдняя сессія самарскаго губернскаго земскаго собранія, открытая вышеприведенною рѣчью г. Кондонди. Губернская земская управа внесла въ собраніе рядъ предложеній, клонившихся къ расширенію роли губернскаго земства въ области народнаго образованія. Проектировались ссуды и пособія на постройку школьныхъ зданій, ссуды на открытіе новыхъ школъ, пособія на устройство школьныхъ бібліотекъ. Прежде всего былъ пущенъ на голоса вопросъ о постройкѣ школьныхъ зданій. Закрытую баллотировку по этому вопросу пришлось повторить нѣсколько разъ, потому что она давала измѣнчивыя цифры, не соответствовавшія числу наличныхъ гласныхъ; но разница между утвердительными и отрицательными голосами постоянно была очень невелика, и въ концѣ концовъ предложеніе управы было отклонено большинствомъ только четырехъ голосовъ. Этимъ рѣшена была судьба всѣхъ другихъ дополнительныхъ ассигновокъ на народное образованіе: онѣ были отвергнуты безъ бал-

лотировки. Общій ходъ дѣлъ въ собраніи соотвѣтствовалъ этому инциденту: онъ привелъ къ тому, что губернская управа прямо поставила вопросъ о довѣріи. „Если земское собраніе“ — сказано въ запискѣ губ. управы— „въ дѣйствіяхъ и направленіи управы нашло то, отъ чего только-что предостерегалъ и. д. начальника губерніи, необходимо сейчасъ же это выяснить“. Съ откровенностью и твердостью, заслуживающею полнѣйшаго сочувствія, управа заявила собранію, что она остается вѣрной своимъ прежнимъ взглядамъ, еще недавно находившимъ одобреніе и въ собраніи: она считаетъ необходимымъ просвѣтить населеніе и возбудить въ немъ самодѣятельность, и думаетъ, что это возможно безъ чрезмѣрнаго напряженія его платежныхъ силъ. Кризисъ, однако, не разразился: собраніе выразило довѣріе управѣ, и она получила возможность продолжать, до поры до времени, свою полезную работу.

Если земскимъ расходамъ, быть можетъ, суждена, на много лѣтъ, вынужденная неподвижность,—вопросъ объ отношеніяхъ губернскаго земства къ уѣзднымъ отойдетъ самъ собою на задній планъ: пригвожденные къ смѣтѣ 1900-го года, губернскія земства будутъ лишены возможности расширять свою помощь уѣздамъ, облегчать имъ развитіе земскаго дѣла. До сихъ поръ, однако, фиксація земскихъ расходовъ еще не стала совершившимся фактомъ и не потерялъ, слѣдовательно, своего интереса споръ между Б. Н. Чичеринымъ и В. И. Герье, продолжающійся на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№№ 26 и 38). Само собою разумѣется, что наше сочувствіе всецѣло принадлежитъ В. И. Герье. Весьма важно, въ данномъ случаѣ, что обѣ спорящія стороны стоятъ на одной и той же принципиальной почвѣ. Упрекъ въ „уравнительныхъ“ тенденціяхъ, вытекающихъ, сознательно или безсознательно, изъ „соціалистическаго принципа“ — упрекъ, съ которымъ Б. Н. Чичеринъ часто обращается къ своимъ оппонентамъ—не можетъ быть направленъ противъ В. И. Герье, какъ въ виду солидарности его съ экономическими взглядами Б. Н. Чичерина, удостовѣряемой ихъ прежнею совмѣстною работою, такъ и въ виду только-что заявленнаго имъ несогласія съ „альтруистическою“ теоріею Д. Н. Шипова (предсѣдателя московской губ. земской управы, автора брошюры, о которой мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ). Можно, значить, стоять за расширеніе роли губернскаго земства и не быть защитникомъ „эгалитаризма“. Далѣе, В. И. Герье состоитъ губернскимъ гласнымъ отъ города Москвы—именно отъ этого бѣднаго города, который, если вѣрить г. Чичерину, терпитъ такіа горькія обиды со стороны губернскаго земства. Нельзя, слѣдовательно, противопоставлять его попеченію о благѣ уѣздовъ извѣстныя слова: Vous êtes orfèvre, mol-

sieur Josse! Б. Н. Чичеринъ отказывается понять, какимъ образомъ гласный города Москвы можетъ одобрять крупныя затраты городскихъ суммъ на „хозяйственныя нужды самыхъ отдаленныхъ деревень московской губерніи“, хорошо зная, что городъ отъ губернскаго земства *ровно ничего* (курсивъ въ подлинникѣ) не получаетъ. Для насъ непонятно только удивленіе г. Чичерина. Утверждать, что городъ ничего не получаетъ отъ губерніи, значить — не идти дальше чисто-бухгалтерской точки зрѣнія, для которой цѣнность существуетъ лишь тогда, когда подлежитъ точному арифметическому подсчету. На самомъ дѣлѣ — повторяемъ еще разъ сказанное нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ — все предпринимаемое губернскимъ земствомъ по части дорожной, медицинской, ветеринарной, школьной отражается и на Москвѣ, отчасти прямо, отчасти косвенно. Хорошо содержимыя дороги облегчаютъ подвозъ къ столицѣ съѣстныхъ припасовъ и другихъ продуктовъ, которыми снабжаетъ ее губернія; медицинскій и ветеринарный надзоръ предупреждаетъ развитіе эпидемій и эпизоотій, которыя изъ уѣздовъ могутъ быть занесены въ Москву; распространеніе грамотности поднимаетъ умственный уровень рабочихъ, стекающихся въ столицу изъ разныхъ концовъ губерніи. Нельзя, конечно, опредѣлить съ точностью стоимость услугъ, оказываемыхъ столицѣ губернскимъ земствомъ (а также и уѣздными); весьма вѣроятно, что въ переводѣ на деньги—еслибы онъ былъ возможенъ—она не достигла бы суммы земскихъ сборовъ, платимыхъ столицей; но вѣдь о математическомъ равенствѣ въ такомъ дѣлѣ не можетъ и не должно быть и рѣчи. Стремленіе къ такому равенству внесло бы замѣшательство и въ такія отрасли земскаго хозяйства, которыя самъ г. Чичеринъ признаетъ подлежащими вѣдѣнію губернскаго земства. На содержаніе больницы для умалишенныхъ слѣдовало бы тогда взыскивать съ каждого уѣзда сумму, пропорціональную числу доставленныхъ имъ больныхъ; на содержаніе учительской или фельдшерской школы—сумму, пропорціональную числу окончившихъ въ ней курсъ учителей или фельдшеровъ, состоящихъ на службѣ въ данномъ уѣздѣ, и т. д. Во имя логики слѣдовало бы распространить ту же систему и на уѣзды, распредѣливъ уѣздные сборы между волостями соотвѣтственно участию каждой изъ нихъ въ пользованіи услугами уѣзднаго земства. Затѣмъ пришлось бы, пожалуй, перейти къ установленію, на томъ же основаніи, размѣровъ обложенія каждого отдѣльнаго плательщика земскихъ сборовъ. Къ чему привела бы такая пульверизація земскаго хозяйства—это едва ли требуетъ объясненія...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1900.

Особенности британскаго „имперіализма“.—Роль колоній во внѣшней политикѣ Англіи.—Военныя событія въ южной Африкѣ.—Новѣйшіе успѣхи англичанъ.—Русско-персидскій заемъ и его значеніе.—Отмѣна исключительныхъ законовъ въ Эльзасѣ.

При томъ напряженномъ интересѣ, съ какимъ повсюду слѣдятъ за ходомъ военныхъ событій въ южной Африкѣ, проходятъ почти незамѣченными самыя характерныя черты современнаго политическаго настроенія Англіи и ея колоній.

Казалось бы, что жестокая, упорно продолжавшаяся до послѣдняго времени, неудача министерства Сольсбери должны были усилить оппозицію, дать ей въ руки оружіе противъ „имперіалистской“ политики и повлечь за собою по крайней мѣрѣ паденіе Чемберлена; между тѣмъ, въ дѣйствительности замѣчалось нѣчто прямо противоположное! Чемберленъ одерживаетъ блестящія побѣды въ парламентѣ; его идеи и стремленія не только подтверждались другими министрами, но встрѣчали единодушное сочувствіе и поощреніе въ обществѣ и въ печати; значительная часть бывшей либеральной партіи оказывается на сторонѣ правительства и стоитъ за энергическое доведеніе войны до конца—до полного подавленія обѣихъ южно-африканскихъ республикъ; духъ воинственнаго „имперіализма“ проявляется сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Противники войны, какъ Кортней и Джонъ Морлей, утратили послѣдніе остатки своего вліянія и авторитета. Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ палаты общинъ, консервативный представитель Плимута, сэръ Эдуардъ Кларкъ, осуждавшій политику кабинета относительно Трансваала, вынужденъ былъ сложить свои полномочія вслѣдствіе выраженнаго ему неудовольствія избирателей. Общественное мнѣніе относится враждебно ко всякому принципиальному разногласію въ вопросѣ, волнующемъ теперь умы англичанъ. Парламентъ выражаетъ готовность на всевозможныя жертвы для успѣшнаго продолженія войны; дальнѣйшій кредитъ въ размѣрѣ 13 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и дополнительный наборъ 120 тысячъ человекъ утверждены огромнымъ большинствомъ. По заявленію военнаго министерства, численность британскихъ войскъ въ южной Африкѣ доходитъ въ настоящее время до 194 тысячъ человекъ,—цифра небывалая для арміи, дѣйствующей вдали отъ метрополиса, за океаномъ. Даже голландское населеніе Капской колоніи въ значитель-

нѣйшей своей части сохранило спокойствіе, и предсказанія насчетъ общаго революціоннаго движенія въ пользу боэровъ не оправдались. Мало того: парламентское правительство этой области, находящейся въ войнѣ съ Трансваалемъ, остается по-прежнему въ рукахъ дѣятелей *голландскаго* происхожденія, и слѣдовательно англійская политика защищается не одними англичанами.

Особенно поразительно отношеніе къ настоящей войнѣ такихъ въ сущности постороннихъ и фактически независимыхъ колоній, какъ Канада и Австралія: обѣ онѣ предложили свои отряды вспомогательныхъ войскъ и обнаружили рѣшительную солидарность съ англійскимъ имперіализмомъ, хотя не были къ тому обязаны ни формально, ни нравственно. Очевидно, этотъ британскій „имперіализмъ“ долженъ быть совершенно особаго рода, если онъ вызываетъ подобныя чувства въ обширныхъ колоніальныхъ земляхъ, привыкшихъ высоко цѣнить свое политическое и мѣстное самоуправленіе. Элементъ властвованія, который въ другихъ государствахъ кладется въ основу отношеній къ колоніямъ и окраинамъ, совершенно отсутствуетъ въ этомъ своеобразномъ имперіализмѣ. Внутренняя связь составныхъ частей великой британской имперіи, раздѣленныхъ между собою океанами и обнимающихъ цѣлыя матеріи, держится не на правѣ вмѣшательства и бюрократической опеки, а на сознательной общности политическихъ интересовъ, на традиціяхъ уваженія къ автономіи отдѣльныхъ областей, къ ихъ правамъ и особенностямъ. Имперіализмъ не касается этихъ правъ и традицій, а ставитъ принципомъ болѣе дѣятельное добровольное сближеніе колоній съ метрополіею для цѣлей культурно-коммерческихъ и политическихъ, въ видахъ болѣе успѣшной защиты общихъ интересовъ англо-саксонской расы и подвластныхъ ей народовъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Британскій имперіализмъ имѣетъ свои несимпатичныя черты только по отношенію къ чужимъ государствамъ и націямъ, въ широкомъ международномъ смыслѣ, такъ какъ онъ соединяется съ обычными слабостями и увлеченіями приподнятаго патріотическаго чувства и выражается иногда въ грубомъ пренебреженіи къ интересамъ и мнѣніямъ такихъ великихъ державъ, какъ Франція или Германія. Эти слабости и увлеченія, сказывающіяся съ наибольшою силою въ англійской печати, мало чувствительны для гражданъ Великобританіи и ея колоній, но бросаются въ глаза иностранцамъ, заслоняя собою существенныя свойства и фактическую основу имперіалистской политики.

Въ статьѣ нашего лондонскаго корреспондента, г. С. Р—та, помѣщенной въ настоящей книгѣ „Вѣстника Европы“, отчасти объясняются внутреннія пружины воинственной предприимчивости современной Англіи. Но авторъ статьи едва ли справедливо переноситъ центръ тяже-

сти этой предприимчивости въ самоуправляющіяся колоніи, которымъ какъ будто подчиняется правительство метрополіи. Еслибы это было такъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ лондонскій кабинетъ только пассивно слѣдовалъ за мѣстными колониальными дѣятелями въ ихъ смѣлыхъ предпріятіяхъ и планахъ, затрогивающихъ общіе интересы Великобританіи, то это была бы трудно объяснимая односторонность, едва ли осуществимая на практикѣ, въ виду различія цѣлей и стремленій отдѣльных колоній. Капская область тянула бы тогда въ одну сторону, Канада—въ другую, Австралія—въ третью, и не было бы почвы для солидарности и единства въ сферѣ британской политики. Нельзя было бы объяснить тогда, почему правительства Канады и Австраліи одобряютъ и поддерживаютъ войну, предпринятую въ южной Африкѣ, и почему сама Англія столь единодушно прониклась въ данномъ случаѣ специальными интересами и стремленіями мѣстныхъ дѣльцовъ Капской области. Дѣло, конечно, въ томъ, что всѣ англійскія колоніи, какъ и сами англичане, одинаково заинтересованы въ поддержаніи вѣшняго могущества и авторитета Великобританіи, а военные успѣхи Трансвааля несомнѣнно грозили подорвать или ослабить политическое положеніе англичанъ вообще и не одной Великобританіи. Водвореніе англійскаго владычества въ значительной части Африки, въ связи съ устройствомъ грандіозной желѣзно-дорожной линіи отъ Капштадта до Каира почти сплошь по британской территоріи (кромѣ небольшой полосы германскихъ владѣній),—къ чему стремится извѣстный Сесиль Родесъ,—должно принести огромныя выгоды всему англійскому міру и могло въ равной степени воодушевить метрополію и ея колоніи, побудивъ ихъ на серьезныя жертвы для достиженія цѣли. Независимость обѣихъ южно-африканскихъ республикъ и упорное недовѣріе ихъ правительствъ къ англичанамъ представляли неодолимую преграду на пути къ осуществленію этого соблазнительнаго плана, обѣщающаго небывалый подъемъ культурно-промышленнаго вліянія и величія британской „имперіи“. Отсюда и рѣшимость уничтожить эту преграду,—рѣшимость, созрѣвшая именно въ Лондонѣ, въ министерствѣ колоній, а не „въ кабинетѣ премьеръ-министра Капской области“, которымъ состоитъ теперь вполнѣ расположенный къ боэрамъ Шрейнеръ. Въ подтвержденіе своей теоріи о подчиненіи лондонской дипломатіи интересамъ колоній нашъ корреспондентъ ссылается на событія, приведшія къ трансваальской войнѣ. „Всѣмъ извѣстно,—говоритъ онъ,—что Англія дѣйствуетъ тутъ чуть ли не по приказу Сесилия Родеса; но что такое Родесъ, какъ не Капская колонія?“ Если Родесъ ненадеженъ, если его политика ложна, то „это дѣло его большинства, его парламента, а не Англіи, которая руководитъ, а сама всегда слѣдуетъ за коло-

ніями". Такъ приходилось бы разсуждать всякому министру колоній въ Лондонѣ, „будь онъ Чемберленъ, или лордъ Рипонъ". И въ то же время, въ концѣ статьи, отвѣтственность за войну приписывается всецѣло Чемберлену, безъ котораго война могла бы быть „легко" избѣгнута,—чѣмъ, какъ будто, опровергается теорія, о которой идетъ рѣчь. Исключительную роль Сесилия Родеса никакъ нельзя связывать съ конституціонною практикою, заставляющею Англію исполнять желанія своихъ колоній. Сесиль Родесъ уже четыре года держится вдали отъ официальной политической дѣятельности въ Капской области; со времени неудавшагося набѣга Джемсона онъ не имѣетъ за собою ни большинства въ мѣстномъ парламентѣ, ни господствующей въ странѣ партіи „африкандеровъ", и слѣдовательно онъ никакимъ образомъ не могъ олицетворять собою Капской колоніи въ глазахъ лондонскаго кабинета. Поэтому для Англіи не было ни малѣйшаго основанія, ни формальнаго, ни нравственнаго, „дѣйствовать чуть ли не по приказу Родеса", какъ предполагаетъ г. Р—тъ, и закулисное вліяніе южно-африканскаго предпринимателя не могло быть вполне законнымъ. Впрочемъ, независимо отъ этого обстоятельства, колоніальное министерство и мѣстный парламентъ лишены были возможности диктовать свою волю Англіи уже по той простой причинѣ, что регулированіе отношеній съ Трансваалемъ вовсе не входило въ кругъ ихъ компетенціи, и вообще внѣшняя политика совершенно исключена изъ числа предметовъ, которыми занимаются органы самоуправленія въ колоніяхъ. Всѣ переговоры съ Трансваалемъ велись британскимъ правительствомъ, въ лицѣ министра колоній Чемберлена, черезъ посредство мѣстнаго органа имперской власти, губернатора и „верховнаго комиссара" въ Капштадтѣ, сэра Альфреда Мильнера, безъ какаго бы то ни было участія капскаго парламента и капскихъ министровъ. Черезъ того же Мильнера направлялись въ Лондонъ петиціи и жалобы британскихъ подданныхъ въ Трансвааль. Замѣтимъ кстати, что увѣреніе англичанъ, раздѣляемое и г. Р—томъ, будто трансваальскіе „иностранцы" просили лишь того, чѣмъ въ Капской колоніи поселенцы пользуются безъ всякихъ петицій,—противорѣчитъ отчасти общеизвѣстнымъ фактамъ: нигдѣ въ мірѣ иностранцы не участвуютъ въ парламентскихъ выборахъ и въ дѣлахъ управленія чужой страны, пока не сдѣлались ея гражданами. Въ Капской колоніи, по закону 1892 г., даже англійскіе подданные пріобрѣтаютъ избирательныя права только послѣ извѣстнаго срока пребыванія въ странѣ и подъ условіемъ имущественнаго ценза, тогда какъ устраненіе послѣдняго въ Трансвааль было предметомъ настойчивыхъ и въ концѣ концовъ успѣшныхъ домогательствъ англичанъ. Въ виду численнаго преобладанія пришлаго англійскаго населенія надъ туземнымъ боэрскимъ, благодаря наплыву

массы наемныхъ рабочихъ и искателей наживы, требованіе немедленнаго и безусловнаго предоставленія избирательныхъ правъ этимъ „уитлэндерамъ“ возбуждало, въ сущности, вопросъ о самомъ существованіи независимой Трансваальской республики, чего и не скрывали Чемберленъ и Мильнеръ. Вотъ почему мысль о британскомъ верховенствѣ надъ Трансваалемъ была официально выдвинута на первый планъ послѣ того какъ относительно избирательныхъ правъ было уже почти достигнуто соглашеніе. Конечно, англійское владычество не отняло бы у боэровъ гражданской свободы и доставило бы имъ многія культурно-промышленныя блага; но, какъ видно, трансваальскіе боэры наибольше дорожатъ своею политическою независимостью, ради которой они теперь охотно жертвуютъ жизнью, и нельзя осуждать ихъ за это, ссылаясь на превосходство англійской культуры и англійскихъ политическихъ порядковъ. Насколько гражданская свобода разнится отъ политической, можно наглядно провѣрить по положенію голландцевъ Капской колоніи относительно родственнаго имъ Трансваала: они не только были бессильны предупредить войну, но вынуждены теперь скрывать свое естественное сочувствіе къ сражающимся соплеменникамъ и спокойно смотрѣть на избіеніе ихъ войсками генерала Роберта, чтобы не быть заподозрѣнными въ нарушеніи обязанностей „лояльныхъ подданныхъ“ королевы Викторіи. Проявленіе симпатіи къ боэрамъ преслѣдуется какъ государственная измѣна и влечетъ за собою аресты и даже смертную казнь; между тѣмъ большинство населенія Капской области состоитъ изъ голландцевъ, т.-е. изъ тѣхъ же боэровъ, для которыхъ, однако, обязательны патріотическія чувства англичанъ. Колоніальныя интересы Англии совпадаютъ съ интересами англійскихъ поселенцевъ, но не туземныхъ обитателей колоній; а могущество Англии чрезвычайно важно для ея колоніальныхъ владѣній въ цѣломъ, безъ различія расъ, обеспечивая мирное ихъ процвѣтаніе и развитіе,—что и служитъ цементомъ, связывающимъ ихъ прочно въ одну имперію.

Приведемъ еще одинъ примѣръ для выясненія руководящей роли правительственнаго почина въ колоніальныхъ предпріятіяхъ Великобританіи. Законченная недавно суданская экспедиція водворила „британскій миръ“ въ обширныхъ областяхъ верховьевъ Нила; но эти области номинально завоеваны для Египта, подчиненнаго номинально турецкому султану,—и дѣйствовавшій противъ махдистовъ англійскій генералъ, сэръ Китченеръ, носилъ титулъ „сирдаря“, т.-е. египетскаго главнокомандующаго. Тутъ не было даже колоніи, за которою могла бы слѣдовать Англія; лондонскій кабинетъ охранялъ и расширялъ владѣнія Египта по собственной инициативѣ, имѣя, конечно, въ виду фактически утвердить за британскою имперіею значительную и

едва ли не важнѣйшую часть африканскаго материка, подъ прикрытіемъ удобной и ни къ чему не обязывающей мусульманской фирмы. Существенные, а иногда жизненные торгово-политическіе интересы англійской націи лежатъ въ основѣ этой завоевательной предпріимчивости; они оправдываютъ въ глазахъ англичанъ и нынѣшнюю трансваальскую войну, довершающую на югѣ Африки то, что сдѣлано уже на сѣверо-востокѣ ея, по верхнему теченію Нила и въ Суданѣ. Тотъ же „сирдаръ“, нынѣ лордъ Китченеръ, руководить дѣломъ подавленія боэрскихъ республикъ, какъ прежде онъ былъ занятъ покореніемъ другихъ африканскихъ областей. Единство плана и цѣли не подлежитъ здѣсь сомнѣнію для безпристрастныхъ наблюдателей.

Съ точки зрѣнія интересовъ британской имперіи настоящая война съ Трансваалемъ и Оранжевой республикою можетъ казаться англичанамъ вполне справедливою и законною; но общественное мнѣніе всего остального міра держится противоположнаго взгляда и находитъ нѣчто возмутительное въ этой жестокой борьбѣ великой державы противъ небольшого народа, виновнаго лишь въ желаніи сохранить свою независимость. Политическимъ мотивамъ и доводамъ англичанъ—быть можетъ, и весьма вѣскимъ—противопоставляется простое человеческое чувство, ясное сознаніе вопиющей неправды и грубаго, кроваваго насилія. Единодушный нравственный протестъ, поддерживаемый отчасти недавними впечатлѣніями Гаагской конференціи, выражается противъ Англіи въ печати передовыхъ странъ континентальной Европы; съ особенною силою проявляется это настроеніе въ Германіи, несмотря на практическую важность для нея британской дружбы. Гаагскія совѣщанія о способахъ упрочить общій миръ оказались безплодными въ данномъ случаѣ; они не помогли предотвратить войну,—но участники ихъ должны утѣшаться мыслью, что образованные классы повсюду, безъ различія партій, горячо осуждаютъ дѣйствія англичанъ противъ Трансваали. Это утѣшеніе было тѣмъ дѣйствительнѣе, что до послѣдняго времени судьба не благопріятствовала Англіи, и послѣдняя долго терпѣла серьезныя неудачи на театрѣ войны. Удары, наносимые англійскому національному самолюбію неоднократными рѣшительными побѣдами боэровъ, являлись какъ бы справедливой отплатою за несомнѣнное нарушеніе принциповъ мира и права, возвыщенныхъ въ Гаагѣ.

Поворотъ военнаго счастья въ пользу Англіи представлялся неизбѣжнымъ послѣ тѣхъ обширныхъ и, можно сказать, отчаянныхъ мѣръ, которыя были приняты военнымъ вѣдомствомъ въ Лондонѣ. Противъ боэровъ послана такая масса войскъ, какой не выставляли англичане ни противъ Наполеона I, ни противъ Россіи во время крымской кампаніи. Всѣ сухопутныя военныя силы, находившіяся въ

распоряженіи Англіи, отправлены были въ южную Африку, вмѣстѣ съ добавочными отрядами, присланными отъ отдѣльныхъ колоній; даже морскія орудія снимались съ кораблей для усиленія артиллеріи, которая и безъ того вдвое или втрое превосходила непріятельскую. Во главѣ этихъ силъ поставлены лучшіе и опытѣйшіе полководцы, какихъ имѣетъ Англія,—старый фельдмаршалъ Робертсъ и лордъ Китченеръ. Боэрскія республики съ своей стороны не могутъ сдѣлать ничего больше, какъ только выставить въ поле все свое взрослое мужское населеніе, а это сдѣлано ими съ самаго начала; увеличивать же численность своихъ войскъ имъ не откуда. Такимъ образомъ, 50 или 60 тысячъ вооруженнаго народа должны выдерживать борьбу съ 150-тысячною регулярною арміею, снабженною въ изобиліи всѣмъ необходимымъ; доступъ къ Трансваалу съ моря, черезъ португальскія владѣнія, находится подъ строгимъ контролемъ Англіи, а британскія войска постоянно получаютъ подкрѣпленія и нужные припасы съ разныхъ сторонъ, черезъ порты Капской колоніи и Наталя. Перевѣсъ англійскихъ силъ далъ себя почувствовать сразу, когда Робертсъ и Китченеръ сосредоточили свободную часть своей арміи и двинули ее на западный театръ войны, черезъ территорію Оранжевой республики, по ровной мѣстности, гдѣ нѣтъ опорныхъ пунктовъ для защиты, какъ въ Наталѣ; послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ боэрами, генераль Френчъ съ своею дивизіею свободно обошелъ съ востока главную позицію непріятеля при Маггерсфонтейнѣ—и вечеромъ 15-го февраля (нов. ст.) вступилъ въ Кимберлей. Начальникъ войскъ Оранжевой республики, Феррейра, не въ состояніи былъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ задержать наступавшихъ англичанъ и палъ въ битвѣ. Вслѣдъ за кавалеріею Френча подходили остальные дивизіи, и судьба арміи боэровъ подъ командою Кронье казалась уже рѣшенною: имъ отрѣзанъ былъ бы путь къ отступленію, и они должны были бы сдаться со всѣми своими осадными орудіями и съ огромнымъ обозомъ. Однако, къ крайнему удивленію англичанъ, Кронье успѣлъ исчезнуть съ своею тысячью повозокъ, убравъ предварительно съ окрестныхъ холмовъ тяжелую осадную артиллерію, и былъ настигнутъ послѣдующими за нимъ англійскими войсками только на третій день, въ пятидесяти англійскихъ миляхъ (75 верстъ) отъ прежней его позиціи, по дорогѣ къ Бломфонтену, у рѣки Моддеръ. Съ 17-го по 26-е февраля, въ теченіе цѣлыхъ десяти дней, отрядъ Кронье, остановленный въ лощинѣ на обоихъ берегахъ рѣки, непрерывно отбивался отъ обступившей его 45-тысячной арміи Робертса, подвергаясь убійственному артиллерійскому огню съ окружающихъ высотъ; надежда на помощь не оправдалась, и утромъ 27-го (15) числа остатки войска, осаждавшаго Кимберлей, сложили наконецъ оружіе, въ числѣ около 4 тысячъ человѣкъ. Это событіе со-

вершилось въ день годовщины пораженія при Маюбѣ (1881 г.), чему англійскіе патріоты придаютъ особенное значеніе. Освобожденіе Кимберлея отъ осады было первымъ крупнымъ успѣхомъ англичанъ въ этой тяжелой войнѣ, а капитуляція Бронье при Кодусрандѣ была первой рѣшительною неудачею боэровъ. Освободившіяся теперь англійскія силы на западномъ театрѣ войны даютъ англичанамъ большіе шансы побѣды, такъ какъ слабый численный составъ обѣихъ республиканскихъ армій составляетъ коренной и главнѣйшій ихъ недостатокъ, который едва ли можетъ быть возмѣщенъ геройскимъ самоотверженіемъ обороны.

Что касается военныхъ событій на востокѣ, въ Наталѣ, то они танулись вяло и прославлялись только замѣчательными телеграммами генерала Буллера о послѣдовательныхъ движеніяхъ его взадъ и впередъ черезъ Тугелу, о блестящемъ занятіи какихъ-то важныхъ позицій и обратномъ затѣмъ очищеніи ихъ въ виду встрѣченнаго на пути неожиданнаго отпора со стороны непріятелей. Третій наступательный походъ Буллера окончился 8-го февраля, четвертый—22-го, и оба раза онъ отступалъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и прежде; но и ему удалось занять Колензо и воспользоваться уменьшеніемъ непріятельскихъ силъ послѣ перемѣны въ ходѣ военныхъ операцій около Кимберлея. Наконецъ, 28 (16) февраля освобожденъ и Ледисмитъ; боэры очистили его, стягивая свои войска въ предѣлы Оранжевой республики и Трансваала. Освобожденіе двухъ *англійскихъ* городовъ отъ угрожавшей имъ опасности не означаетъ еще, разумѣется, покоренія боэровъ, какъ предполагаютъ многіе въ Англии; война вступила только въ новый фазисъ, и объ окончательномъ исходѣ ея было бы преждевременно дѣлать какія-либо догадки.

Иностранныя газеты много разсуждали въ послѣднее время о возможныхъ попыткахъ отдѣльныхъ державъ извлечь какія-либо выгоды изъ затруднительнаго положенія Англии, поглощенной южно-африканскимъ кризисомъ, причемъ чаще всего намекали на мнимые политическіе проекты Россіи. Нѣкоторая часть нашей печати давала удобный матеріалъ для разныхъ воинственныхъ предположеній и догадокъ, обсуждая съ необыкновенною горячностью вопросы о Гератѣ и о Памирахъ, о путяхъ въ Индію и о Персидскомъ заливѣ; по этимъ вопросамъ придумывались смѣлыя и замысловатыя комбинаціи, направленные какъ будто къ удовлетворенію насущныхъ потребностей нашей внѣшней политики. Кому и для чего нужны были Памиры и Гератъ, зачѣмъ понадобились намъ пути въ Индію или къ Персидскому заливу, при весьма слабой у насъ торговой предпримчивости и при пас-

сивномъ равнодушіи ко многимъ нашимъ собственнымъ природнымъ богатствамъ, предоставленнымъ въ распоряженіе бельгійцевъ и прочихъ иностранцевъ,—это оставалось неяснымъ для читателей; но за границею могло получиться впечатлѣніе чего-то серьезнаго, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ публика всегда расположена вѣрить, что „нѣтъ дыма безъ огня“...

Подъ вліяніемъ такого рода толковъ даже безразличныя сами по себѣ факты приобрѣтають особенное значеніе и вырастають на степень событій. Еще недавно частная военная мѣра—передвиженіе небольшого отряда войскъ съ Кавказа въ Среднюю Азію, къ Кушеѣ,—принята была за тревожный симптомъ поворота въ нашихъ отношеніяхъ къ Англіи. Не мало шуму возбуждено было и послѣднею финансовою сдѣлкою съ Персією, хотя мирныя дружественныя связи съ персидскимъ правительствомъ установились у насъ уже довольно давно и не могутъ никому причинить ущерба. Россія устроила для Персіи выгодный внѣшній заемъ на сумму 22½ милл. рублей, обеспечивъ уплату таможенными доходами сѣверныхъ провинцій; этотъ пятипроцентный заемъ долженъ служить для погашенія прежнихъ обязательствъ и особенно англійскаго шестипроцентнаго займа 1892 года, обеспеченнаго доходами южныхъ областей страны. Персія обязывается также не заключать безъ согласія Россіи никакого новаго внѣшняго займа ранѣе погашенія настоящаго долга, гарантированнаго русскимъ правительствомъ. Взамѣнъ за оказываемую ей услугу, Персія предоставляетъ намъ, какъ говорятъ, важныя желѣзно-дорожныя концессіи. Что доказываетъ эта сдѣлка? Она можетъ убѣждать насъ, что мы процвѣтаемъ въ финансовомъ отношеніи и что, благодаря нашему упроченному кредиту, мы въ состояніи добывать деньги на выгодныхъ условіяхъ не только для себя самихъ, но и для другихъ государствъ. Далѣе, изъ этой сдѣлки можно заключить, что обиліе капиталовъ и предпринимателей позволяетъ намъ взять на себя заботу о финансовомъ благополучіи чужой державы и о постройкѣ для нея желѣзныхъ дорогъ; весьма вѣроятно, что такимъ способомъ откроется намъ прямое желѣзно-дорожное сообщеніе съ Персидскимъ заливомъ для удобства нашей будущей средне-азіатской промышленности. Но очевидно эти существенныя выгоды приобрѣтаются нами совершенно независимо отъ нынѣшнихъ затрудненій Англіи и могли бы быть свободно достигнуты и во всякое другое время, ибо Персія не находится въ подчиненіи у англичанъ, и послѣдніе не обладаютъ монопольнымъ правомъ вступать съ нею въ финансовыя соглашенія. Поэтому намъ кажется страннымъ желаніе нѣкоторыхъ газетъ усмотрѣть въ состоявшейся сдѣлкѣ какой-то непріязненный актъ или ловкій „шахматный ходъ“ противъ Англіи. Правда, — какъ напоминаетъ

„Times“,—два года тому назадъ лондонскій кабинетъ упустилъ случай оказать финансовую поддержку Персіи и не сумѣлъ устроить предположенную комбинацію, вслѣдствіе будто бы противодѣйствія русскаго посланника въ Тегеранѣ; но этимъ сами англичане оставили для другихъ открытъ доступъ къ персидскимъ финансамъ и, слѣдовательно, не могутъ претендовать на рѣшеніе русской дипломатіи. „Россія,—по словамъ „Times“,—прочно обезпечила за собою финансовую опеку надъ Персіею и вмѣстѣ съ тѣмъ то преобладающее вліяніе, которое соединяется съ такою опекою во всѣхъ восточныхъ странахъ“. Занятіе нами Портъ-Артура и Талиенвана было фактомъ несравненно болѣе важнымъ и непріятнымъ для Англіи; однако оно совершилось во время полнаго мира, когда никакіе кризисы не стѣсняли свободы дѣйствій англичанъ. Мы не имѣли поэтому надобности ожидать трансваальской войны для устройства персидскаго займа, и если моментъ осуществленія этого проекта совпалъ съ періодомъ наиболѣе тяжелыхъ неудачъ британскаго оружія, то это, конечно, только случайность, вопреки толкованіямъ заграничной печати.

Приводимъ здѣсь, кстати, офиціальный текстъ соглашенія, напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 16 января. Съ перваго взгляда, это—сухой финансовый документъ, едва ли оправдывающій то—быть можетъ, преувеличенное—вниманіе, которое онъ возбудилъ въ Европѣ и особенно въ Англіи.

„Императорское российское правительство, вслѣдствіе ходатайства шахскаго персидскаго правительства и въ силу искони существующей между ними дружбы и согласія, разрѣшило ссудному банку Персіи покупку выпускаемаго персидскимъ правительствомъ займа на 22¹/₂ милліона рублей, подъ наименованіемъ „Персидскій 5⁰/₁₀₀ золотой заемъ 1900 года“.

„На основаніи сего разрѣшенія, правленіе ссуднаго банка Персіи заключило съ уполномоченнымъ шахскаго правительства контрактъ о покупкѣ вышеозначеннаго займа на слѣдующихъ условіяхъ:

„Уплата процентовъ и погашеніе персидскаго 5⁰/₁₀₀ золотого займа 1900 года въ теченіе 75-ти лѣтъ гарантированы всѣми персидскими таможенными доходами, за исключеніемъ доходовъ отъ таможенъ Фарса и портовъ Персидскаго залива.

„Означенные доходы нынѣ значительно превышаютъ размѣръ предстоящихъ по займу платежей; еслибы, тѣмъ не менѣе, во взносѣ платежей по займу наступило промедленіе, ссудному банку Персіи предоставлено право установить контроль надъ таможенными доходами, вносящими упомянутый заемъ гарантированъ.

„Персидское правительство обязалось изъ выручки персидскаго 5⁰/₁₀₀ золотого займа погасить всѣ прежнія свои виѣшнія обязатель-

ства и безъ соглашенія съ ссуднымъ банкомъ не заключать какого бы то ни было вѣшняго займа ранѣе погашенія 5% золотого займа 1900 года.

„Персидское правительство предоставило также ссудному банку Персїи, если онъ признаетъ это нужнымъ, выпустить на денежный рынокъ облигаціи персидскаго займа въ размѣрѣ остающагося за нимъ долга, съ присвоеніемъ этимъ облигаціямъ полной гарантіи Императорскаго Россійскаго правительства“.

Въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, 21 февраля, обсуждалось предложеніе эльзасскихъ депутатовъ объ отмѣнѣ исключительныхъ законовъ въ имперской области. При устройствѣ нѣмецкаго управленія въ присоединенныхъ отъ Франціи провинціяхъ считалось необходимымъ вооружить мѣстную администрацію чрезвычайными полномочіями для предупрежденія безпорядковъ и волненій среди враждебной нѣмцамъ части населенія. Эти чрезвычайныя полномочія были предоставлены оберъ-президенту, а съ 1879 года—намѣстнику Эльзаса-Лотарингіи. Возставая противъ устарѣвшаго „параграфа о диктатурѣ“, вызваннаго войною, депутатъ Винтереръ ссылаясь на достигнутое давно уже умиротвореніе края и на отсутствіе фактическихъ поводовъ къ примѣненію суровыхъ мѣръ. На практикѣ правительственная власть почти не прибѣгаетъ къ исключительнымъ мѣрамъ и соблюдаетъ вообще принципы законности; но нельзя признавать нормальнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ личныя и гражданскія права обывателей могутъ быть нарушены по усмотрѣнію хотя бы самаго добросовѣстнаго административнаго дѣятеля, безъ суда и разбирательства. Сохраненіе закона, противнаго твердому законному порядку, поддерживаетъ тревогу въ обществѣ и волнуетъ умы самою возможностью произвола.

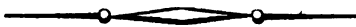
Имперскій канцлеръ, князь Гогенлоэ, отвергалъ эти доводы на основаніи своего личнаго опыта. „Девять лѣтъ жилъ я въ Эльзасѣ-Лотарингіи въ качествѣ намѣстника,—говорилъ онъ,—и я могу сказать, что тогда публика очень мало интересовалась чрезвычайными полномочіями намѣстника. Бывшій помощникъ статсъ-секретаря въ имперской области, министръ фонъ-Келлеръ, могъ даже заявить здѣсь, въ имперскомъ сеймѣ, что, пробывъ на мѣстѣ въ означенной должности четыре года, онъ не имѣлъ случая прочитать параграфъ о диктатурѣ. Если это могъ сказать одинъ изъ первыхъ правительственныхъ чиновниковъ въ краѣ, то это показываетъ, что ужасы, приписываемые теперь постановленію закона, не были тогда предметомъ обсужденія. Только въ новѣйшее время вопросъ поднять вновь, какъ

средство агитаціи, съ цѣлью возбуждать неудовольствіе и раздраженіе. Въ сущности, постановленіе закона является лишь предостерегательною вывѣскою или, вѣрнѣе, знаменемъ по отношенію къ французскому настроенію, насколько оно еще существуетъ“. По словамъ канцлера, политическія причины не допускаютъ еще окончательной отмѣны параграфа о диктатурѣ.

Во время дальнѣйшихъ преній выяснилось, что всѣ партіи имперскаго сейма, кромѣ крайней правой, стоятъ за отмѣну чрезвычайныхъ полномочій намѣстника въ Эльзасѣ-Лотарингіи. Въ противоположность оптимистическимъ заявленіямъ князя Гогенлоз, нѣкоторые депутаты утверждали, что исключительныя права администраціи далеко не остаются лишь номинальными. Бывали случаи высылки лицъ, почему-либо неудобныхъ для мѣстныхъ властей. „Мы признательны намѣстнику, — сказалъ одинъ изъ ораторовъ, — за проявляемую имъ благосклонность къ населенію края, но мы желаемъ, чтобы интересы и права жителей зависѣли не отъ чьей-либо личности, а отъ постоянныхъ законныхъ учреждений“. Другой представитель Эльзаса напомнилъ, что личная доброжелательность намѣстника нисколько не обезпечиваетъ публики отъ произвола его исполнительныхъ агентовъ. „Именно между низшими чиновниками укрѣпляется диктаторскій духъ; всякій жандармъ чувствуетъ себя маленькимъ диктаторомъ“. Отъ имени центра и національ-либераловъ, проникнутыхъ вообще консервативными идеями, обращено было вниманіе на непослѣдовательность и безцѣльность сохраняемой по рутинѣ системы. „Если хотятъ внутренно связать эльзасское населеніе съ имперією, то необходимо относиться къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ. Правительство, претендующее на участіе въ міровой политикѣ, не должно обращаться съ какою-либо областью какъ съ пасынкомъ. Кто не умѣетъ управлять безъ исключительныхъ законовъ, тотъ вообще не способенъ управлять. Осадное положеніе есть признакъ или слабости, или насилія. Если чрезвычайныя полномочія не примѣняются, то они излишни и должны быть отмѣнены. Кто желаетъ ихъ сохранить, тотъ обязанъ точно доказать, что они необходимы, и что правительство не въ состояніи обойтись съ своими обширными легальными средствами власти. Забота объ общественномъ спокойствіи не должна доходить до того, чтобы чиновники навязывали публикѣ только одобряемое ими чтеніе“. Эти и подобныя замѣчанія, высказанныя съ разныхъ сторонъ, побудили имперскій сеймъ согласиться съ предложеніемъ объ отмѣнѣ исключительныхъ законовъ для Эльзаса-Лотарингіи, вопреки мнѣнію князя Гогенлоз.

Само собою разумѣется, что политическіе доводы, которыми канцлеръ оправдывалъ существованіе спорныхъ постановленій, потеряли

бы смыслъ, еслибы дѣло шло не о враждебныхъ элементахъ эльзасскаго населенія, связанныхъ традиціями и симпатіями съ французскою націею. Противъ обыкновенныхъ нѣмецкихъ обывателей давно уже не существуетъ исключительныхъ законовъ въ Германіи, ибо тогда государство находилось бы въ антагонизмѣ съ своимъ собственнымъ народомъ, что составляетъ нелѣпость по современнымъ понятіямъ. Неудача имперскаго канцлера въ вопросѣ, поднятомъ эльзасскими депутатами, не поколебала, конечно, его оффиціального авторитета, такъ какъ личная непогрѣшимость не входитъ въ число служебныхъ правъ главы министерства. Очевидно, князь Гогенлоэ обойдется и безъ номинальныхъ чрезвычайныхъ полномочій въ Эльзасѣ-Лотарингіи, какъ онъ обходился безъ нихъ и въ практической своей дѣятельности.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1900.

— Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Фодоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Подъ редакціей Н. А. Янчука. М. 1900.

Въ послѣднее время въ нашемъ ученомъ кругу было уже нѣсколько примѣровъ, что юбилей знаменуются не только рѣчами, телеграммами и обѣдами, но и болѣе серьезными заявленіями, которыя сами могутъ стать приобрѣтеніемъ науки,—именно изданіемъ научныхъ сборниковъ съ трудами „учениковъ и почитателей“. Въ европейской литературѣ есть не мало подобныхъ изданій. У насъ, однимъ изъ первыхъ, если не первымъ примѣромъ этого рода былъ сборникъ, изданный въ 1883 году по поводу двадцатипятилѣтія научной и профессорской дѣятельности В. И. Ламанскаго и посвященный вопросамъ славистики; юбилейная годовщина трудовъ А. Н. Веселовскаго дала его ученикамъ мысль составить хронологическій указатель его многочисленныхъ изслѣдованій, потомъ повторенный въ болѣе полномъ видѣ и весьма цѣнный для специалистовъ по изученію европейской и русской литературы и народной поэзіи; далѣе, подобный сборникъ составилъ при ученомъ юбилей И. В. Помяловскаго, по вопросамъ классической филологіи; юбилей Тихонравова ознаменовали его ученики великолѣпнымъ изданіемъ одного изъ важныхъ памятниковъ древней русской письменности; ученый юбилей барона В. Р. Розена былъ поводомъ къ изданію сборника по изученіямъ Востока; недавно вышелъ сборникъ, вызванный юбилеемъ извѣстнаго оріенталиста Хвольсона. Такимъ образомъ какъ будто складывается обычай,—нечего говорить, что онъ заслуживаетъ всякаго сочувствія; и безъ сомнѣнія трудъ, положенный многими лицами на составленіе подобнаго сборника, и трудъ иногда весьма сложный, является для юбиляра наиболѣе прочнымъ свидѣтельствомъ о цѣнѣ его собственнаго труда.

Юбилейный сборникъ въ честь В. Ф. Миллера является особенно

богатымъ. Это—большой томъ, 4°, до четырехъ сотъ страницъ, прекрасно напечатанный, съ портретомъ В. Θ. Миллера, и заключающій въ себѣ изслѣдованія и замѣтки по разнообразнымъ предметамъ исторіи литературы и фольклора, отъ древняго Востока до современной русской пѣсни и народнаго преданія. Это разнообразіе отвѣчаетъ многосторонности изученій самого г. Миллера.

В. Θ. Миллеръ, сынъ извѣстнаго поэта-переводчика, прошелъ университетскій курсъ въ Москвѣ, во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ. Онъ былъ слѣшателемъ Буслаева, и отсюда шли его интересы къ народно-поэтическому міру; но главнымъ предметомъ его изученій было сравнительное языкованіе, съ санскритомъ во главѣ. Вскорѣ по окончаніи курса онъ уже примѣняетъ свою школу къ практическому и живому изученію, въ этнографической экскурсіи въ Литву вмѣстѣ съ Θ. Ф. Фортунатовымъ; по сдачѣ магистерскаго экзамена онъ получилъ заграничную командировку и продолжалъ свои занятія сравнительнымъ языкованіемъ и санскритомъ у Вебера въ Берлинѣ, Людвигъ въ Прагѣ и Рота въ Тюбингенѣ. Съ конца семидесятихъ годовъ онъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ, и здѣсь предметомъ изученій его стали иранскія нарѣчія Кавказа и мѣстная этнографія. Основаніе въ Москвѣ, теперь уже столь заслуженнаго, Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи открыло вѣншее поприще для расширенія дѣятельности В. Θ. Миллера: съ 1881 онъ сталъ предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣленія, а съ 1889—предсѣдателемъ цѣлаго Общества. Еще ранѣе, съ 1885, онъ былъ хранителемъ, Дашковскаго Этнографическаго Музея, при Музеѣ Румянцовскомъ, и его описаніе Дашковскаго собранія, съ указаніемъ литературы предмета о каждомъ представленномъ здѣсь племени, составляетъ цѣнный вкладъ въ русскую этнографію. Съ 1877 года г. Миллеръ читалъ въ университетѣ санскритъ и древнюю исторію Востока; съ 1888 года онъ былъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ сравнительнаго языкованія, а въ 1892 онъ перешелъ на кафедру русскаго языка и литературы, — къ послѣднему могли давно привлекать его изученія русской народно-поэтической старины. Наконецъ, въ послѣдніе годы г. Миллеръ назначенъ былъ директоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Въ началѣ юбилейнаго сборника помѣщенъ обзоръ научной дѣятельности г. Миллера, составленный В. М. Михайловскимъ. Упомянувъ о томъ, что при окончаніи курса г. Миллеръ въ кандидатской диссертациі, поданной Буслаеву, выбралъ темой объясненіе одной русской сказки, г. Михайловскій говоритъ: „Уже первый юношескій трудъ ярко выдвигаетъ научные интересы и литературныя качества, отличающіе В. Θ., какъ серьезнаго и разносторонняго ученаго и та-

лентливаго писателя. Сравнительный методъ проникаетъ во всѣ уголки этого перваго опыта молодого начинающаго ученаго и служить плодотворнымъ орудіемъ для достиженія серьезныхъ результатовъ. Для того, чтобы этотъ методъ имѣлъ самое строгое научное обоснованіе, онъ обратился къ изученію той науки, которая даетъ самыя точныя примѣненія и самую осторожную выработку этого метода, т.-е. къ сравнительному языковѣдѣнію. Новыми языками онъ уже владѣлъ тогда вполне. Санскритъ съ Ведами, древнеиранскій языкъ съ Авестою, итальяскіе языки съ игуинскими таблицами, славянскіе языки съ староцерковными и новославянскими памятниками, литовскій языкъ съ памятниками его народнаго творчества и т. д., и т. д., сдѣлались предметомъ тщательныхъ работъ молодого ученаго“.

По возвращеніи изъ-за границы, г. Миллеръ издалъ, въ 1876, свой первый большой трудъ подъ заглавіемъ: „Асвины-Диоскуры. Очерки Арійской Миеологии“, доставившій ему степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія. „Подъ скромнымъ названіемъ очерковъ,—говоритъ г. Михайловскій,—въ русской научной литературѣ появилось сочиненіе, которое, кромѣ спеціальной цѣли, имѣло еще и другія, болѣе широкія задачи. Авторъ поставилъ свой вопросъ на почву всесторонняго культурно-историческаго обобщенія и одинъ изъ первыхъ въ Россіи обратилъ вниманіе въ своемъ введеніи на древнѣйшія стадіи развитія человѣчества, поскольку онѣ могутъ быть восстановлены на основаніи сравнительнаго изученія этнографическихъ данныхъ. Будучи убѣжденъ, что русскій ученый долженъ самостоятельно работать, примѣняя распространенные на западѣ методы къ разработкѣ русскихъ источниковъ, В. Θ. привлекъ къ своей диссертациі обильный сравнительный русскій матеріалъ... Съ тѣхъ поръ интересъ къ этнографіи, преимущественно въ области изученія нашихъ инородцевъ западныхъ и восточныхъ, получилъ выдающееся мѣсто въ дѣятельности основателя того этнографическаго кружка, который подъ руководствомъ В. Θ. нашелъ себѣ мѣсто въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“.

„Къ этому теченію относится и собраніе литовскихъ народныхъ пѣсенъ (1871), и многочисленные работы по кавказовѣдѣнію. Въ центрѣ этихъ работъ должна быть поставлена докторская диссертациа: „Осетинскіе этюды“, начатыя въ 1881 году и оконченныя въ 1887 г. Понимая широко свои задачи, В. Θ. всесторонне изслѣдовалъ архаичный (среди иранскихъ) языкъ, сказанія и исторію осетинскаго народа, занимающаго весьма интересныя страницы въ области исторической этнографіи. Рядомъ съ осетинами изучены были (1886) горскіе евреи—таты, сохранившіе любопытные остатки иранства; ихъ

языкъ и исторія составляетъ предметъ изслѣдованія В. Θ. Миллера вплоть до настоящаго времени“. Эта книга, доставившая г. Миллеру большую золотую медаль отъ Р. Географическаго Общества, была встрѣчена сочувственно и европейскими специалистами.

„Близкое знакомство съ Кавказомъ и его народами привлекло В. Θ., какъ этнографа, всегда интересовавшагося и отдаленной стариной, также къ археологическимъ изслѣдованіямъ въ Чечнѣ, Осетіи и Кабардѣ (1886), результатомъ которыхъ былъ первый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“, роскошно изданный Имп. Московскимъ Археологич. Обществомъ, и цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей. Вообще въ дѣлѣ кавказовѣдѣнія В. Θ. Миллеръ является выдающимся авторитетомъ...

„Обогащенію русской этнографіи способствовало назначеніе В. Θ. въ 1885 г. хранителемъ Дашковскаго Этнографическаго Музея: онъ издалъ три выпуска „Сборника матеріаловъ по этнографіи“ и „Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея“ въ четырехъ выпускахъ. Подъ этимъ специальнымъ заглавіемъ русская этнографическая наука получила, кромѣ описанія хранящихся въ музеѣ коллекцій, первый опытъ сжатого, по отношенію текста, и чрезвычайно обильнаго, со стороны библіографіи, обзорѣнія всѣхъ народовъ, обитающихъ на обширномъ пространствѣ Россіи, а также славянъ Австріи и Балканскаго полуострова...

„Другое теченіе въ трудахъ В. Θ., — продолжаетъ г. Михайловскій, — выразилось въ томъ серьезномъ и глубокомъ интересѣ, который увлекалъ его вниманіе въ обширную область перехода литературныхъ сюжетовъ и вліяній и направлялъ къ разработкѣ самыхъ трудныхъ вопросовъ сравнительной литературы, особенно фольклора, гдѣ любимый ученымъ сравнительный методъ можетъ оказать столь великія услуги. Русскій фольклоръ, русская литература, сразу же завладѣли научными интересами В. Θ. Миллера ничуть не меньше, чѣмъ ориенталистика, и изученіе обѣихъ областей постоянно шло у него параллельно, восполняя другъ друга...

„Глубокое научное безпристрастіе, жертвующее даже національнымъ самолюбіемъ въ угоду научной истинѣ, сказалось у В. Θ. особенно въ его отношеніяхъ къ перлу древне-русской письменности, къ „Слову о полку Игоревѣ“. Въ 1877 году появилась пользующаяся громкой извѣстностью книга: „Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“, весьма интересная въ методологическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней авторъ приложилъ новыя приемы изслѣдованія къ очень сложному и запутанному литературному вопросу. „Взглядъ“ разрушалъ многія рутинныя, ненаучныя воззрѣнія на мнимо-народную русскую мифологию „Слова о полку Игоревѣ“ и показывалъ, что „Слово“, это глу-

боко-поэтическое, національное южно-русское произведение, не должно однако считаться чисто народнымъ и далеко не свободно отъ литературныхъ болгаро-византійскихъ вліяній“.

Наконецъ, г. Миллеръ обратился въ особенности къ изученіямъ русской національно-поэтической старины, которой онъ и посвящаетъ свои труды до настоящаго времени. „Въ 1891—1892 г. появилась книга: „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“, отмѣчавшая близость русскихъ былинъ къ иранскому эпосу (переходъ могъ бы совершиться черезъ тюркскую, напр., половецкую среду)... Одностороннее толкованіе, которое можно было бы придавать „Экскурсамъ“, вполнѣ исключается цикломъ дальнѣйшихъ работъ В. Θ. Миллера надъ былинами, гдѣ онъ, обстоятельно отмѣчая вполнѣ русскую бытовую обстановку былинъ (особенно мѣстную новгородскую), этимъ самымъ устраняетъ узкое одностороннее пониманіе его „Экскурсовъ“.

„Въ 1890 г. появилась въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ первая статья: „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“, и съ тѣхъ поръ въ различныхъ спеціальныхъ и общедоступныхъ журналахъ, въ особенности въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ и „Журналѣ мин. нар. просвѣщенія“, были помѣщены В. Θ. работы по русскимъ былинамъ, которыя потомъ образовали большое и капитальное по своимъ результатамъ сочиненіе, вышедшее въ 1897 г. подъ заглавіемъ: „Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI“, и являющееся именно вполнѣ сознательнымъ, объективнымъ противовѣсомъ его же „Экскурсамъ въ область русскаго народнаго эпоса“. Этотъ новѣйшій трудъ ученаго изслѣдователя, по самому плану работы, будетъ добавляемъ продолженіями, и подобныя продолженія не перестаютъ появляться на страницахъ названныхъ журналовъ. Капитальнымъ работамъ надъ былинами содѣйствовало между прочимъ то обстоятельство, что изученіе русской словесности вошло въ кругъ профессиональныхъ обязанностей В. Θ. Именно, въ 1892 году, послѣ выхода въ свѣтъ „Экскурсовъ“, онъ получилъ предложеніе перейти на кафедру русскаго языка и литературы, оставивъ за собой преподаваніе санскрита.

„Занявъ кафедру Буслаева, проф. Миллеръ сосредоточилъ и свои университетскіе курсы, и свои ученыя работы въ одной опредѣленной области, къ разъясненію которой онъ былъ столь разносторонне приготовленъ всей своей научной дѣятельностью. Русскія былины, исторія ихъ происхожденія, культурное содержаніе, мѣсто, занимаемое ими въ развитіи русской словесности, — все это подвергается самой тонкой, часто микроскопической работѣ съ примѣненіемъ историко-сравнительнаго метода, причемъ на ряду со смѣлыми гипотезами идутъ самыя кропотливыя основательныя разысканія.

„Въ видѣ освѣженія своихъ общекультурныхъ наклонностей, В. Θ. не забывалъ и всемірно-историческихъ областей, къ которымъ его влекло стремленіе познакомиться съ новѣйшими открытіями европейской науки. Онъ никогда не оставлялъ занятій по исторіи древняго Востока. Труды Ленормана, Делича и Шрадера, работавшихъ надъ восстановленіемъ древнѣйшей культуры Месопотаміи съ ея загадочными, по происхожденію, народами, хетее, исторія арійцевъ—все это являлось матеріаломъ для курсовъ въ университетѣ и для отдѣльных статей.

„Наконецъ, въ настоящее время, В. Θ. Миллеръ сталъ во главѣ Лазаревского института, который вмѣщаетъ въ своихъ лицейскихъ классахъ высшее учебное заведеніе по востоконѣднію (и имѣетъ уже нѣсколько молодыхъ преподавателей-востоковѣдовъ, вышедшихъ непосредственно изъ школы В. Θ. Миллера, его учениковъ въ полномъ смыслѣ). Онъ тамъ читаетъ курсъ исторіи древняго Востока, въ которомъ, не ограничиваясь месопотамской культурой, составлявшей вмѣстѣ съ арійской (индійской и иранской) предметъ его прежняго изученія, знакомитъ своихъ слушателей съ культурной исторіей Египта.

„Такова многообразная и, еслибы судить только по заглавіямъ трудовъ, какъ бы разбросанная ученая дѣятельность В. Θ.; но, вникая въ нее, мы видимъ передъ собою единое, цѣльное, широкое научное міросозерцаніе. Онъ не можетъ быть ограниченнымъ специалистомъ въ какой-нибудь одной, узкой отрасли знанія, игнорируя всѣ остальные,—онъ долженъ быть разностороненъ. Но все у него направлено къ одному центру, все служитъ къ выясненію одной задачи. Нужно воспользоваться всѣмъ, что сдѣлано европейской наукой по выработкѣ методовъ лингвистики, исторіи культуры, исторіи литературы, и примѣнить эти методы, построенные на историко-сравнительномъ началѣ, къ выясненію самосознанія русскаго народа, какъ оно выразилось въ словесныхъ произведеніяхъ, вѣрованіяхъ и взаимоотношеніяхъ съ различными, обитающими на окраинахъ, инородцами,—вотъ основная мысль, руководившая авторомъ и „Асвиновъ-Диоскуровъ“ и „Взгляда на Слово о полку Игоревѣ“, и „Осетинскихъ этюдовъ“ и „Экскурсовъ въ область русскаго эпоса“, и „Очерковъ русской народной словесности“.

Это обзорѣніе завершается подробнымъ библиографическимъ перечнемъ печатныхъ (и готовыхъ къ печати) трудовъ В. Θ. Миллера, съ 1871 года.

Въ соотвѣтствіе этой многосторонней дѣятельности опредѣлилось и содержаніе юбилейнаго сборника. Здѣсь находятся влады учениковъ и почитателей г. Миллера по всѣмъ тѣмъ предметамъ, какимъ

и онъ посвящалъ свои труды. По вопросамъ общаго языкознанія и въ частности русскаго языка находимъ статьи и замѣтки г. Поржезинскаго: „Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія“; г. Будде, объ изученіяхъ великорусской діалектологіи; замѣтки гг. Крымскаго и Брандта. По древней русской литературѣ—статьи А. А. Шахматова: „Начальный кievскій лѣтописный сводъ и его источники“, и М. Н. Сперанскаго: „Одно изъ примѣненій закона переживанія старины въ исторіи русской литературы“; очень любопытная статья В. В. Калаша о Словѣ о полку Игоревѣ. Нѣсколько статей изъ области эпоса, народнаго сказанія и обычая — гг. Кирпичникова (Богородица въ народной поэзіи), Дикарева, Долгова, Шамбинаго, Сумцова, Маркевича, Харузина, Добровольскаго, Иванова, Довнаръ-Запольскаго; А. В. Марковъ сообщилъ былинѣ о походѣ новгородцевъ на Югру въ XIV столѣтіи, былинѣ, вновь записанную на Зимнемъ берегу Вѣлаго моря; П. Н. Милуковъ далъ небольшую, но очень любопытную замѣтку о времени и мѣстѣ происхожденія былинны о Соловѣ Будимировичѣ, гдѣ для ученыхъ изслѣдователей оставалось загадкой „море Вирянское“ и „городъ Леденецъ“—то и другое отыскиались на Балтійскомъ поморьѣ; г. Янчуку принадлежитъ интересный трактатъ—„Къ исторіи и литературѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ“. Наконецъ, значительная часть сборника занята изслѣдованіями и замѣтками по исторіи и литературамъ Востока: гг. Хаханова о культурѣ древней Грузіи; Штапельберга, о народной религіи осетинъ; Халатьянца, объ армянскомъ богатырскомъ эпосѣ; далѣе, эпизоды изъ турецкой, армянской, арабской литературы—гг. Кучука-Іоаннесова, А. Д. Григорьева, М. О. Аттая, Гордлевскаго, Муркоса, Чиркова, Олферьева, Мирзы-Джафара и др. Въ нашей литературѣ ново изслѣдованіе о „Тысячѣ и одной ночи“ г. Горстера, сопровождаемое обширнымъ указателемъ литературы объ этомъ произведеніи, г. Крымскаго. Для историковъ древней русской письменности будутъ любопытны сообщенія г. Григорьева о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ (между прочимъ указаны европейскими ориенталистами неизвѣстные раньше древніе восточные тексты этой повѣсти) и переводъ арабскаго текста, г. Аттая.

Упомянемъ, наконецъ, поэтическіе вылады: гг. Ланге и Триллингъ сообщили болгарскую колядскую пѣсню (Богатырь перегоняетъ солнце) въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ; г. Грузинскій далъ эпизодъ: Приходъ кобзаря въ село, изъ поэмы Шевченка „Черныця Марьяна“.

Таково содержаніе юбилейнаго сборника. Замѣтка редакціи объясняетъ, что мысль о сборникѣ возникла еще въ концѣ 1898 года, когда завершилось двадцатипятилѣтіе учено-учебной службы г. Миллера; эта мысль встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ учени-

ками и учеными сотоварищами В. Θ., и вскорѣ оказалось, что задуманное предпріятіе приметъ значительные размѣры и можетъ затянуться. Поэтому рѣшено было приурочить выходъ въ свѣтъ сборника къ тридцатилѣтію научной дѣятельности г. Миллера въ нынѣшнемъ году, отъ его первой работы 1870 года.

Ученныя привѣтствія г. Миллеру, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ теплое сочувствіе у всѣхъ, кому близки интересы изученія нашей старины и народности. Въ томъ, что сдѣлано за послѣдніе десятии лѣтъ въ этой области,—а сдѣлано не мало,—г. Миллеру принадлежитъ важная доля въ разысканіи новаго матеріала и въ истолкованіи оставленныхъ исторіей загадокъ; къ личному труду изслѣдователя присоединяется у него другая заслуга—возбужденіе тѣхъ же научныхъ стремленій въ кругу „учениковъ“, которые теперь такъ достойно заявили объ успѣхѣхъ его труда и въ этомъ направленіи.

— Е. И. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библиографіи обычнаго права. М. 1899.

Настоящая книга, большой томъ мелкой печати, является продолженіемъ давняго труда по русскому обычному праву, начатаго г. Якушкинымъ еще въ семидесятыхъ годахъ: первая часть „Обычнаго права“ вышла въ 1875 въ Ярославлѣ, вторая—въ 1896 въ Москвѣ. Въ настоящемъ, третьемъ, выпускѣ цѣлаго сочиненія отмѣчены сочиненія по обычному праву инородцевъ, вышедшія съ 1875 до 1890 г.; тѣ же сочиненія этого періода, которыя не касаются исключительно инородцевъ, а излагаютъ ихъ юридическіе обычаи вмѣстѣ съ обычаями русскими, упомянуты уже въ предыдущемъ выпускѣ 1896 года.

По поводу первыхъ частей замѣчательнаго труда г. Якушкина мы имѣли уже случай указывать великія достоинства его библиографическихъ разысканій. Это—вовсе не простой каталогъ или списокъ; это—также и изученіе литературы обычнаго права. При каждой книгѣ и статьѣ г. Якушкинъ обозначаетъ ихъ содержаніе; и такъ какъ очень часто отмѣченныя статьи находятся въ мало доступныхъ (а въ столичныхъ библіотекахъ, и совсѣмъ недоступныхъ) провинціальныхъ изданіяхъ, то ихъ содержаніе излагается даже довольно подробно; или, если изданіе и не составляетъ рѣдкости, авторъ иногда даетъ подробное изложеніе статьи,—когда ея содержаніе важно по существу. Вообще, въ настоящій выпускъ внесено до 1.200 книгъ и статей.

Но этимъ не ограничилась работа библиографа. За списокомъ книгъ и статей слѣдуетъ изученіе ихъ содержанія: „Систематическій указатель“. Вся масса частныхъ фактовъ указана здѣсь въ научной системѣ

съ такою подробностью, что для будущаго изслѣдователя здѣсь уже исполнена предварительная работа подбора фактическаго матеріала. Такъ, за общими указаніями объ инородческомъ юридическомъ обычаѣ (адатѣ) слѣдуютъ отдѣлы: общественные союзы, управленіе, судъ; гражданское право—семейный союзъ, родственный союзъ, родовой союзъ, опека, права вещныя, сдѣлки и обязательства; торговое право, охотничье право; уголовное право. Все это—съ весьма детальными рубриками, такъ что является возможность справокъ по всѣмъ частностямъ юридическаго обычая. За этимъ систематическимъ обзоромъ содержанія идетъ далѣе указатель этнографическій, который соединяетъ свѣдѣнія по каждому отдѣльному племени (всего до 146 племенъ!); указатель географическій; наконецъ, указатель именъ авторовъ.

Въ нашей литературѣ мало работъ, исполненныхъ съ такимъ настойчивымъ трудолюбіемъ, какъ „Обычное право“ г. Якушкина, и для тѣхъ, кто изучаетъ народные юридическіе обычаи, русскіе и инородческіе, эта книга даетъ богатый систематизированный матеріалъ.—А. П.

— К. Ѳ. Агринскій. Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для практической метеорологіи и сельскаго хозяйства. Саратовъ, 1899.

Недавно въ газетахъ сообщено было извѣстіе, что для разработки возбужденнаго министерствомъ земледѣлія на первомъ метеорологическомъ сѣздѣ вопроса о народныхъ примѣтахъ о погодѣ (собираніе, изданіе и повѣрка научнымъ путемъ примѣтъ) въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ образована специальная коммиссія изъ состава постоянной метеорологической коммиссіи (предсѣдатель проф. А. И. Воейковъ, секретарь С. А. Совѣтовъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, М. А. Рывачевъ, П. И. Броуновъ, Г. А. Любославскій, І. Б. Шпиндлеръ) и отдѣленія этнографіи (предсѣдатель В. И. Ламанскій, секретарь П. Н. Лупповъ, С. В. Максимовъ, д-ръ Клеменць). Предположено разослать по всей Россіи священникамъ, народнымъ учителямъ и учительницамъ и вообще лицамъ, стоящимъ близко къ народу, особую программу для записей народныхъ примѣтъ.

Этому предмету, какъ видимъ, именно посвящена книжка г. Агринскаго, составляющая результатъ его личныхъ наблюденій за пятнадцать лѣтъ, съ 1879 по 1893, въ одной мѣстности въ саратовской губерніи. Мы не беремъ на себя оцѣнки тѣхъ специальныхъ заключеній, къ которымъ приходитъ авторъ; это—дѣло специалистовъ метеорологіи и сельскаго хозяйства. Самъ авторъ убѣжденъ, что „натуралистическія воззрѣнія“ нашего простого народа „представляютъ изъ себя послѣдовательно разработанную систему“. Свою книгу авторъ начинаетъ обличеніемъ той научной метеорологіи, которая давала

слишкомъ мало вниманія „условіямъ нашей русской погоды“, а тѣмъ менѣе еще народной метеорологіи, народнымъ примѣтамъ о погодѣ, которыя составляютъ „продуктъ вѣкового и притомъ массоваго наблюденія извѣстныхъ явленій земной жизни“. Авторъ негодуетъ на это забвеніе и утверждаетъ, что „наша русская простонародная метеорологія на много опередила метеорологію научную: то, чтò въ первой представляется изученнымъ и законченнымъ (?), въ послѣдней только еще ставится на чреду разрѣшенія“. „Научной метеорологіи приходится, такъ сказать, идти по готовымъ слѣдамъ, проложеннымъ метеорологіей простонародной; и надо ли говорить, что отъ этого общее направленіе дѣла научнаго знанія можетъ только выигрывать, хотя путешествіе это (?) у насъ считается почему-то обиднымъ (?), и люди присяжной науки до послѣдняго времени старались его всячески маскировать“ (стр. 3). Авторъ самъ припоминаетъ, однако, что извѣстный метеорологъ Вильдъ, бывший директоръ физической обсерваторіи въ Петербургѣ, безъ приглашеній г. Агринскаго обращался къ нашимъ сельскимъ хозяевамъ, чтобы они „пришли на помощь“ обсерваторіи своими совѣтами; что другой извѣстный метеорологъ, г. Клоссовскій, также понималъ важность „русскаго опыта и наблюденія“ (стр. 5, 11). Такимъ образомъ, автору можно было не преувеличивать своихъ обличеній „присяжной науки“, — намъ кажется, ни къ чему ненужныхъ.

Между прочимъ, авторъ указываетъ на важность вопроса о возникновеніи народныхъ примѣтъ: „когда именно были *выработаны* и *когда появились*“ (очевидно, тогда и появились, когда были *выработаны*) „примѣты о погодѣ въ обиходѣ нашего простого народа“. При этомъ онъ дѣлаетъ слѣдующее историческое соображеніе. „То бросающееся въ глаза обстоятельство, что большинство народныхъ примѣтъ о погодѣ приурочено къ двенадцатымъ праздникамъ, днямъ памяти пророковъ и апостоловъ, а также святителей, преподобныхъ и мучениковъ *не-славянскаго происхожденія*, можетъ, по моему мнѣнію, до нѣкоторой степени указывать и на давность выработки, и на древность употребленія“ (опять: давность выработки и древность употребленія — одно и то же) „этихъ примѣтъ въ незатѣйливомъ обиходѣ древне-русскаго славянина. Дѣло въ томъ, что наши предки, принявъ отъ византійскихъ грековъ христіанство, а съ нимъ и первоначальный календарь греческій, состоявшій главнымъ образомъ изъ вышеуказанныхъ событій и дней, волей-неволей должны были перерабатывать свое міровоззрѣніе въ порядкѣ счисленія времени сообразно требованіямъ, установленнымъ этимъ новымъ календаремъ. И переживая этотъ неизбѣжный культурно-историческій процессъ, простонародная мысль естественнымъ образомъ должна была приурочить на-

копленное прежде знаніе явленій природы къ новымъ элементамъ календарнаго времясчисленія. Подтверждается, хотя и косвенно, такое соображеніе еще и тѣмъ, что во днямъ памяти святыхъ славяно-русскаго происхожденія, зачисленныхъ въ календарь греко-россійской церкви, какихъ-либо замѣчательныхъ выраженій и примѣтъ о погодѣ приурочено очень мало“, — и т. д. Все это можно было сказать гораздо проще — и короче: съ распространеніемъ христіанства народныя примѣты перенесены были на новый календарь, на церковные праздники и на дни особенно извѣстныхъ святыхъ. Для этой простой мысли не требовалось никакихъ особыхъ „соображеній“; очень извѣстно, что и вообще народная годовая хронологія ведется по церковнымъ праздникамъ, особенно значительнымъ.

Понятно, что новое приуроченіе началось съ тѣхъ поръ, какъ христіанскій обычай сталъ укрѣпляться въ народѣ; но когда именно это произошло — сказать очень трудно, такъ какъ извѣстно, что языческое преданіе, въ видѣ „двоевѣрія“, держалось въ народѣ очень долго. Съ другой стороны, историку народной метеорологіи слѣдовало бы принять въ соображеніе такое обстоятельство. Какъ бы давно ни совершалось приуроченіе предполагаемыхъ „древнихъ“ примѣтъ къ церковному календарю, въ этой метеорологіи происходили, по всей вѣроятности, и сравнительно очень новыя приобрѣтенія. А именно, древняя русская территорія была гораздо тѣснѣе нынѣшней, и „древнія“ примѣты едва ли годились, напр., для того края, гдѣ г. Агринскій производилъ свои наблюденія: саратовскій край „въ древности“ вовсе не былъ занятъ русскимъ народомъ, и первыя русскія поселенія начинаются здѣсь едва въ концѣ XVI вѣка. Примѣты о погодѣ и земледѣльческихъ работахъ, очевидно, могутъ имѣть смыслъ только въ извѣстномъ географическомъ и климатическомъ районѣ и могутъ образоваться только по многолѣтнимъ опытамъ: когда же могли составиться примѣты относительно саратовскаго края?

Мы упомянули выше о нѣсколькихъ поспѣшныхъ нападеніяхъ г. Агринскаго на „присяжную (?) науку“. Всякая наука вообще — у насъ дѣло новое; въ большинствѣ случаевъ наука обставлена была у насъ очень неблагопріятно и скудно, — такъ что нерѣдко надо удивляться тому, какъ могла она достигать того, чего достигала. По этому одному, нападенія на „присяжную науку“ могутъ быть не всегда красивы. Въ данномъ случаѣ, можно ли упрекать специалистовъ метеорологіи, что они не обращали вниманія на народную метеорологію (мы видѣли, однако, что они обратили)? Дѣло ли специалистовъ метеорологіи, — имѣющихъ много своихъ особыхъ работъ, — заниматься въ то же время собираніемъ народныхъ примѣтъ, т.-е. жить для этого годами по деревнямъ въ различныхъ краяхъ обширнаго нашего оте-

чества? Безъ сомнѣнн—нѣтъ. Это—дѣло другихъ спеціалистовъ (потому что и въ наукѣ необходимо и неизбѣжно раздѣленіе труда), именно—дѣло этнографовъ, изслѣдователей народнаго быта, хозяйства, обычая, повѣрья и т. д. Метеорологъ, т.-е. физикъ, долженъ былъ бы получить отъ этнографа готовымъ подобное собраніе народныхъ примѣтъ и наблюденій о природѣ,—и не вина физика, что онъ этого еще не получилъ въ достаточномъ объемѣ. Нельзя обвинить и этнографовъ въ пренебреженіи этимъ предметомъ. Напротивъ, съ первыхъ шаговъ нашей этнографіи съ нѣкоторымъ подобіемъ научныхъ приемовъ, въ ней находимъ уже записи народныхъ примѣтъ; такъ было еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у Сахарова и Даля, и съ тѣхъ поръ въ этнографическихъ сборникахъ накопилась довольно значительная масса подобныхъ записей. Если кого могъ бы упрекнуть г. Агринскій въ недостаткѣ вниманія къ этому предмету, то именно мѣстныхъ жителей, мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, которымъ было бы всего ближе собирать данныя „народной метеорологіи“. Подобныя свѣдѣнія могутъ быть собираемы только на мѣстахъ, какъ собирается, напр., мѣстная статистика. Авторъ предпочитаетъ обвинять „присяжную науку“, предоставляя мѣстнымъ людямъ лежать на боку.

Еслибы вопросъ о народной метеорологіи былъ, наконецъ, поставленъ широкимъ научнымъ образомъ, какъ можно надѣяться отъ упомянутаго предпріятія Географическаго Общества,—намъ казалось бы, что прежде всего долженъ быть объединенъ собранный до сихъ поръ въ литературѣ запасъ народныхъ примѣтъ—по географическимъ и климатическимъ районамъ, и затѣмъ *дополненъ* и *проверенъ* новыми поисками на мѣстахъ, чтобы могло составиться болѣе или менѣе *достовѣрное* собраніе народныхъ (русскихъ, а также инородческихъ) примѣтъ метеорологическихъ и сельско-хозяйственныхъ по разнымъ областямъ имперіи. Затѣмъ уже предстояла бы проверка и разработка этого матеріала съ иной точки зрѣнія—практической и научной: насколько предсказанія примѣтъ оправдываются фактами. По мнѣнію нашего автора, онѣ оправдываются въ замѣчательной степени, и онъ говоритъ о народной метеорологіи какъ о „последовательно разработанной системѣ“, даже предварающей выводы науки; намъ кажется, что для такого вывода желательно больше доказательствъ, именно со стороны болѣе многочисленныхъ наблюдателей и изъ разныхъ мѣстностей.

Выводы г. Агринскаго подлежатъ суду спеціалистовъ. Во всякомъ случаѣ онъ положилъ не мало труда на изслѣдованіе вопроса важнаго; изложеніе выиграло бы, еслибы авторъ не впадалъ въ ненужное многословіе и еще менѣе нужный тонъ обличеній „присяжной науки“.

— С. В. Ешевскій. Сочиненія по русской исторіи. Съ портретомъ автора и біографіей его, составленной К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. М. 1900.

Надо назвать счастливой мысль издателей (гг. Сабашниковыхъ) собрать изъ сочиненій Ешевскаго его труды, посвященные русской исторіи. Общее собраніе сочиненій Ешевскаго, изданное, въ трехъ томахъ, по его смерти, вѣроятно давно не существуетъ въ продажѣ; статьи его, посвященные исторіи европейской, имѣютъ теперь лишь второстепенный интересъ,—между тѣмъ работы по русской исторіи сохраняютъ и донынѣ свою поучительность. Новое изданіе ихъ имѣетъ передъ старымъ то преимущество, что, во-первыхъ, дополнено четырьмя статьями, не вошедшими въ изданіе 1870 года, во-вторыхъ даетъ отрывокъ изъ его воспоминаній; біографическій очеркъ Бестужева-Рюмина, находившійся въ первомъ изданіи, повторенъ здѣсь съ нѣкоторыми позднѣйшими исправленіями автора.

Степанъ Васильевичъ Ешевскій (1829—1865) жилъ недолго и недолго поработалъ для нашей науки, но онъ успѣлъ занять въ ней почетное мѣсто. „Ешевскій,—читаемъ въ предисловіи къ настоящему изданію,—извѣстенъ какъ профессоръ всеобщей исторіи, ученикъ и преемникъ Грановскаго и Кудрявцева, какъ даровитый представитель ихъ каедры, авторъ специальныхъ изслѣдованій и статей по среднимъ вѣкамъ. Но наряду съ этимъ Ешевскій былъ также специалистъ и по русской исторіи; раньше, чѣмъ онъ былъ приглашенъ въ Московскій университетъ по смерти Грановскаго, онъ былъ профессоромъ русской исторіи въ Казани; въ то время и позднѣе, въ Москвѣ, занявъ уже кафедру всеобщей исторіи, онъ работалъ надъ различными вопросами русской исторіи... И хотя русская исторія являлась не главною, второю специальностью Ешевскаго, его немногочисленные и отчасти недоконченные работы въ этой области отличаются тѣми же крупными достоинствами, какъ и его работы по всеобщей исторіи; онѣ имѣли научное значеніе и литературный интересъ для своего времени, не утратили ихъ и въ наши дни“.

Когда дѣлалось, черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Ешевскаго, изданіе его сочиненій, то относительно статей по русской исторіи издатели дѣлали оговорки, что онѣ еще не устарѣли, что въ нихъ есть цѣнные указанія, и т. п. „Эти оговорки,—говорится въ томъ же предисловіи къ нынѣшнему изданію,—объясняются отчасти тѣмъ, что извѣстность Ешевскаго, какъ профессора всеобщей исторіи, заслоняла то, что и по русской исторіи онъ былъ также специалистъ; но еще болѣе эти оговорки зависѣли отъ увѣренности въ быстромъ ростѣ русской исторической науки. Но, вотъ, скоро уже минетъ тридцать пять лѣтъ со смерти Ешевскаго, уже болѣе сорока лѣтъ прошло съ

тѣхъ поръ, какъ была написана имъ бѣольшая часть его статей по русской исторіи, но и теперь статьи эти сохраняютъ свой интересъ, свое значеніе, и перепечатка ихъ вовсе не требуетъ оправданій, многихъ оговорокъ, серьезныхъ поправокъ. Это справедливо, какъ и то, что труды Ешевскаго,—хотя послѣ того издано много новыхъ историческихъ *матеріаловъ*,—не устарѣли по отношенію къ постановкѣ и способу изслѣдованія: они отличаются научнымъ методомъ и живымъ историческимъ пониманіемъ.

Въ настоящее изданіе вошли слѣдующія статьи Ешевскаго: Московскій университетъ въ 1861 году,—изъ его записокъ, какъ дополненіе къ его біографіи; Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны; Нѣсколько замѣчаній о Н. И. Новиковѣ; Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія (1780—1789); О поврежденіи правовъ въ Россіи, кн. Щербатова,—первое изслѣдованіе объ этой книгѣ, въ то время у насъ еще не изданной; Русская колонизація сѣверо-восточнаго края; Миссіонерство въ Россіи; П. Н. Кудрявцевъ,—и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ.

Біографія, написанная Бестужевымъ-Рюминымъ, представляетъ тотъ особый интересъ, что Бестужевъ-Рюминъ сдружился съ Ешевскимъ вскорѣ послѣ ихъ первой встрѣчи въ послѣдніе курсы ихъ гимназическаго ученія въ Нижнемъ-Новгородѣ, и эта близость между ними осталась навсегда; позднѣе связывали ихъ и общіе научные интересы. Между прочимъ, здѣсь любопытны черты тогдашней гимназической школы, которую они проходили вмѣстѣ, далѣе нѣкоторыя подробности о Казанскомъ университетѣ сороковыхъ годовъ, гдѣ Ешевскій началъ свой университетскій курсъ, и особенно объ университетѣ Московскомъ, гдѣ онъ оканчивалъ этотъ курсъ—въ особенности подъ руководствомъ и вліяніемъ Грановскаго и Кудрявцева. Любопытна далѣе исторія научныхъ трудовъ Ешевскаго, его заграничнаго путешествія, и пр.

Въ концѣ книги прибавлены бібліографическія замѣтки объ историческихъ работахъ Ешевскаго.—Т.

— Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. По порученію Высочайше утвержденнаго Комитета для устройства Музея Севастопольской Обороны, составилъ секретарь комитета, полковникъ Заіончковскій. Спб. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 1899. (Цѣна 25 копѣекъ).

Эта книжка, представляющая популярный рассказъ о защитѣ Севастополя, составлена „по рассказамъ немногихъ“ (т.-е. находящихся въ живыхъ) „участниковъ славной обороны Севастополя“, по запискамъ П. К. Менъкова, по трудамъ Н. Ѳ. Дубровина, Погоскаго и еще

по книжкѣ, изданной редакціею „Чтенія для солдатъ“ въ 1874, и предназначена для общедоступнаго чтенія; но книжка обращаетъ на себя особенное вниманіе своими иллюстраціями. Рисунки для нихъ заимствованы изъ музея Севастопольской Обороны и изъ рѣдкаго собранія гравюръ П. Я. Дашкова: это—портреты и современныя картинки, имѣющія историческое значеніе, въ прекрасномъ воспроизведеніи въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, что едва ли не впервые выпало на долю популярной дешевой книжки. Какъ мы слышали, книжка имѣла обширный успѣхъ и разошлась въ большомъ числѣ экземпляровъ;—она и заслуживала этого успѣха по заботливости ея выполненія.

При этомъ невольно является мысль, что кромѣ небольшой популярной книжки могъ бы, наконецъ, быть предпринятъ трудъ болѣе значительный. Если комитетъ и исполнитель его порученія, авторъ настоящей книжки, имѣли возможность такъ прекрасно обставить свое изданіе, то необходимо было бы новести дѣло дальше, и именно составить болѣе подробное описаніе „Обороны“, съ большимъ числомъ рисунковъ и въ болѣе крупномъ форматѣ (въ настоящей книжкѣ многое слишкомъ уменьшено). Оборона Севастополя есть такое великое событіе нашей новѣйшей исторіи, въ различныхъ отношеніяхъ знаменательное, что оно должно быть, наконецъ, достойнымъ образомъ изображено для „потомства“, которое уже наступаетъ. Намъ кажется, что это должно быть нравственной обязанностью (въ частности—военныхъ историковъ). Осада Севастополя имѣетъ уже обширную литературу, и новая исторія ея должна воспользоваться всѣмъ наличнымъ матеріаломъ, русскимъ и иностраннымъ, дать понятіе объ обѣихъ сторонахъ борьбы, собрать внѣшніе факты событій и психологическія настроенія, вспомнить героическіе подвиги и нравственныя волненія,—какъ это сказалось у высокихъ представителей нашей литературы: назовемъ гр. Л. Н. Толстого и Пирогова. Финаломъ борьбы и подвиговъ былъ тотъ великій подъемъ національнаго духа, слѣдствіемъ котораго было историческое возрожденіе „эпохи реформъ“.

Въ первое время послѣ событій такая исторія была невозможна: близость событій обыкновенно не даетъ видѣть всего ихъ значенія, потому что оно развивается съ ходомъ времени, когда только и можетъ обнаруживаться дѣйствіе совершавшихся фактовъ. Теперь все это отходить въ область исторіи; немного остается свидѣтелей историческаго явленія,—и ихъ воспоминанія еще могутъ оживить повѣствованіе реляцій и книгъ. Дать нашей литературѣ такой рассказъ было бы въ высокой степени благодарной и благородной задачей: нечего говорить, что подобный трудъ былъ бы встрѣченъ обществомъ съ величайшимъ интересомъ и сочувствіемъ.—А. П.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алчевская, Х. Д.—Книга взрослыхъ. Составлена учительницами воскресныхъ школъ. Кн. 1: Первый годъ обученія, съ 61 рис. Кн. 2: Второй годъ, съ 34 рис. Кн. 3: Третій годъ обученія, съ 216 рис. М. 900. Ц. 30 к., 80 к. и 1 р.

Аріанъ, П. Н.—Первый женскій Календарь. Годъ второй. Спб. 900. Ц. 75 к.

— Тоже. Годъ первый. Спб. 99. Ц. 1 р.

Беръ, Р. С.—Курсъ общей эмбриологіи. Съ 126 рис. въ текстѣ. Съ нѣм. Б. Сукачевъ и А. Линко, п. р. В. И. Шимкевича. Спб. 900. Ц. 2 р. 30 к.

Благовидовъ, Ѳ. В.—Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Отношеніе оберъ-прокуроровъ къ Св. Синоду. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. 2-е изд. Каз. 900. Ц. 2 р.

Блассинскій, И. Г.—Наброски въ стихахъ. 1896—99 гг. Од. 900.

Бѣньковичъ, І. Г.—Какъ безъ мастера проводить и исправлять электрическіе звонки. Изд. 2-ое. Съ 29 рис. въ текстѣ. Дополнилъ и издалъ П. О. Рабиновичъ. М. 900. Стр. 26. Ц. 25.

Введенскій, С.—Религіозные идеалы А. С. Пушкина. Каз. 99. Стр. 46. Ц. 30 к.

Виннеръ, Р., проф.—Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на западѣ. Изд. журнала „Міръ Божій“. Спб. 900. Стр. 207.

Водовозовой, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Швейцарцы. Съ 10 карт. В. Васнецова и др. Ц. 40 к.

Волынский, А. Л.—Борьба за идеализмъ. Критическія статьи. Спб. 900. Цѣна 2 р.

Вольтеръ, Фр.—Кандидъ, или оптимизмъ. Перев. П. Скачилова. Спб. 900. Ц. 60 к.

Гейне, Генрихъ.—Собраніе сочиненій. Ред. П. Вейнберга. Т. VII. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 900. Ц. 1 р. 75 к.

Гобсонъ, Дж.—Проблемы бѣдности и безработицы. Съ англ., съ прилож. статьи П. Струве о безработицѣ. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Гредескерсъ, Н. А.—Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. Харьк. 900. Ц. 2 р.

Жемчужниковъ, А. М.—„Пѣсни Старости“. Стихотворенія 1892—1898 гг. Спб. 900. Ц. 1 р.

Захаринъ, И. Н.—Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. Спб. 900. Ц. 1 р.

Зомбартъ, В.—Идеалы соціальной политики. Съ нѣм. П. Теплова. Спб. 900. Ц. 40 к.

Золотаревъ, Л. А.—Личная и общественная борьба съ развратомъ. М. 900. Ц. 30 к.

— Что говоритъ наука о половой потребности. Популярно-научный очеркъ для родителей, воспитателей и учащейся молодежи. М. 900. Ц. 30 к.

Золотаревъ, С. А.—Голосъ семьи о школѣ. Рига, 900. Ц. 30 к.

Каутскій, К.—Предѣлы капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ нѣм. Спб. 900. Ц. 35 к.

— Аграрный вопросъ. Съ нѣм. И. Андреевъ и В. Лидинъ. Харьк., 900. Ц. 1 р. 50 к.

Бачоровскій, К. Р.—Русская община. Т. I. Общее введеніе. Часть I. Что такое община? Спб. 900. Стр. IV+431. Ц. 1 р. 75 к.

Клоповъ, А. А.—Есть вопросу о школьной реформѣ. Слово къ родителямъ. Вып. 1 (13 писемъ).

Ковалевскій, М. М.—Экономическій строй Россіи. Съ франц. Спб. 900. Ц. 75 к.

Кондырева, Н. П.—Истинивѣть. Вып. 1. Спб. 900. Ц. 2 р.

Коринфскій, Я.—Поэзія К. К. Случевского. Этюдъ. Спб. 900.

Крестовскій, В. В.—Собрание сочиненій. Т. VII. Спб. 900. Ц. за 8 т.—10 р.

Лущикій, И. В.—Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи. Кіевъ, 900. Стр. IV+255. Съ приложеніями и таблицами. Ц. 1 р. 50 к.

Львовъ, Б.—Соціальный законъ. Опытъ введенія въ социологію. Спб. 900. Ц. 1 р.

Малиновскій, Г. А.—Ссылка въ Сибирь. Томскъ 900. Ц. 60 к.

Маршмита, М. М.—Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа. Этюдъ по философіи исторіи евреевъ. Спб. 900.

Миловидовъ, Г.—Опытъ объяснительнаго чтенія, какъ живого слова въ преподаваніи родного языка. Пособіе при классныхъ разборахъ и разучиваніи наизусть избранныхъ поэтическихъ образцовъ. Ор. 900. Ц. 1 р.

Моранъ, Г. Лясъ.—Первобытное общество. Исслѣдованіе прогресса чело-вѣчества изъ дикаго состоянія къ варварству и изъ варварства къ цивили-заци. Перев. П. Румянцева, п. р. проф. Д. Кудревскаго, съ предисловіемъ М. Ковалевскаго. Спб. 900. Ц. 3 р.

Нефедовъ, Ф. Д.—Сочиненія. Т. III. Спб. 900. Ц. 1 р.

Навроцкій (Н. А. Броцкій).—Драматическія произведенія. Т. I: Государь-царь Іоаннъ III Васильевичъ. Боярское правленіе. Т. II: Лихолѣтье. Былая Русь. Спб. 900. Ц. 2 р.

Наушевскій, Д.—Казанская гимназія наканунѣ основанія Казанскаго уни-верситета (1804—1806 г.). Казань. 900.

Новиковъ, Я.—Будущность бѣлой расы. Критика современнаго пессимизма. Съ франц. Спб. 900. Ц. 60 к.

Оршанскій, И. Г., проф.—Судебная психо-патологія для врачей и юристовъ. Часть первая, общая. Спб. 900. Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

Пантоховъ, И. И.—Проказа. Зобъ и парши на Кавказѣ. Тифл. 900.

——— Расы Кавказа. Тифл. 900.

Паскевичъ, А. И.—„На память“. Т. I. Спб. 900. Ц. 75 к.

Пастернацкій, Ф. И.—О лихорадкахъ на кавказско-черноморскомъ побе-режьи, отъ Новороссійска до Сухума. Съ картою распредѣленія лихорадокъ на Кавказѣ. Спб. 900.

Педашенко, А. Д.—Указатель книгъ и газетныхъ статей по сельскому хо-зяйству за 1897 г. Спб. 900.

Писаревъ, С. П.—Смоленская исторія. Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. Смол. 94. Ц. 2 р.

Рисъ-Дэвидсъ, проф.—Буддійскія Сутты. Съ англ. Н. И. Герасимовъ. М. 900. Ц. 1 р. 25 к.

Риттигъ, П. А.—Железнодорожный путь черезъ Персію, съ 19 прилож. и картою. Спб. 900.

Сапожниковъ, А. А.—Историческое назначеніе Россіи. Спб. 900. Ц. 25 к.

О преобразованіи календаря. Спб. 900. Ц. 30 к.

Семеновъ, В.—Полицейскія права и обязанности волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ. Спб. 900.

Соколовъ, В. П.—Морское чудо. М. 900. Ц. 1 р.

Сперанская-Берлинерблау, Е., врачъ.—Прививайте оспу! М. 94. Ц. 2 в.

Сыркинъ, М. I.—Пластическія искусства. Живопись, скульптура, архитектура. Опытъ эстетическаго изслѣдованія. Спб. 900. Стр. 162.

Сырошевскій, В.—Повѣсти и рассказы. Спб. 900. Ц. 80 к.

Тарасовъ, И. Т.—Очерки политической экономіи. Москва. 1899. Стр. VII+136. Ц. 1 р.

Трубецкой, кн. С. Н.—Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Философско-историческое изслѣдованіе. Т. I. М. 900.

Физ, Эм.—Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX вѣка. Съ франц. М. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Браткій курсъ физиковъ для медиковъ, естественниковъ и техникумовъ. Ч. III: Ученіе о теплотѣ. Съ 166 рис. Спб. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Хижняковъ, В. В.—Положеніе рабочихъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ санитарномъ отношеніи. Харьк. 99.

Цимбергъ, С. П.—Галерея новѣйшихъ дѣятелей. Вып. III: Исаакъ Бееръ-Левинсонъ. Спб. 900. Ц. 25 к.

Чаннингъ, В.—Саморазвитіе, нравственное и умственное. Съ англ. М. Ловцовой. Спб. 900. Ц. 25 к.

Шрейнеръ, Олива.—Рядовой Пегръ Хольветъ. Рассказъ. Съ англ. Е. Г. Бекетовой. М. 900. Ц. 25 к.

Штернъ, Ал.—Исторія революціи въ Англіи. Съ нѣм. Г. Львовича. Спб. 900. Ц. 2 р.

Эрленмейеръ и Солъе.—Морфинизмъ и его леченіе. Переводъ съ 3-го изд-ра Ф. А. Дербекъ. Спб. 99. Ц. 2 р.

— Atlas de Finlande. Société de Géographie de Finlande. Helsingfors, 99.

— Texte. Helsing. 99.

Krek, D-r Cojmir.—Anton Askerg. Studie mit Uebersetzungsproben. Laibach, 99.

— Notice sur les colonies scolaires de Moscou. М. 99.

— Библіотека для самообразованія. III: Римская Имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милуковой. М. 900. Ц. 2 р. 50 к.

— Библіотека Сѣвера. Т. I: Князь Михаилъ Вышневедскій, I. Крашевскаго. Спб. 900.

— Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Вып. I: Физиологическія и биологическія данныя о якутахъ, Ф. Я. Конъ. Минусинскъ. 99. Ц. 1 р.

— Годъ 1899, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. V. Спб. 99.

— Екатеринославская губернія. Вып. I. Памятная книжка. Изд. Екатеринославск. Губ. Статист. Ком., подъ редакціей секретаря Комитета Я. I. Голобцова. Екатеринославъ. 1899.

— Идаваніа А. Лапина: 1) Нужды современной деревни, Л. И. Фаютина, ц. 35 к. 2) Россія въ вопросѣ о разоруженіи, А. М. Алексѣева, ц. 25 к. 3) Пестуныя-отравительница, М. Цебриковой, ц. 25 к. 4) Памяти А. С. Пушкина, М. Доминскаго, ц. 5 к. 5) Пожаръ на кораблѣ, М. Цебриковой. Смоленскъ. 99.

- Изъ жизни птицъ. Съ 48 рис. Составлено по Аксакову, Меназбину, Брамундр. М. 900. Ц. 8 к.
- Итальянская литература: 1) Роберто Боакко, „Женщина“, ком. въ 4 д. Съ итальян. А. Никитина, М. 900. Ц. 50 к. 2) Джероламо Розетта, „Марко Спада“, драма въ 4 д. Съ итальян. А. Никитина, М. 900. Ц. 50 к.
- Крестьянское скотоводство въ Уфимской губ. въ 1891 г. Составилъ Крамольниковъ. Изд. Уфимской Губ. Земск. Управы. Самара, 1899.
- Къ вопросу о проектѣ Мин. Народ. Просв. ввести дирекціи народныхъ училищъ въ юго-западномъ краѣ. Кіевъ. 900.
- Общедоступный Техникъ. Ежемѣсячный популярно-научный, техническій и литературный журналъ для самообразованія. Съ 4 рис. и чертеж. М. 900. Январь—1900 г. Ц. подп. на годъ—6 р.
- Отчетъ епархіальнаго наблюдателя о состояніи церковныхъ школъ московской епархіи въ учебно-воспитательномъ отношеніи. М. 900. 7
- Памятная Книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинскъ. 900. Ц. 1 р.
- Программы домашнего чтенія на 4-ый годъ систематическаго курса. М. 900. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. I, съ 4 портр. и 31 чертеж. П. р. А. Н. Реформатскаго. М. 99. Ц. 1 р. 20 к.
- Статистическій Ежегодникъ Тверской губ. за 1899 г. Тв. 900.
- Юбилейный Сборникъ въ честь В. О. Миллера, изданный его учениками и почитателями. П. р. Н. А. Янчука. М. 900. Стр. 367 in 4°. Ц. 3 р.
- Энциклопедія для юношества, издав. А. Л. Соколовскимъ. Систематическое изложеніе наукъ въ предѣлахъ доступныхъ для юношескаго возраста. Вып. I: Астрономія. Спб. 99. Ц. 2 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

P. D. Fischer. Italien und die Italiener am Schlusse des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1899.

„Vagliami 'l lungo studio e il grande amore“—поставлено въ видѣ эпиграфа авторомъ на заглавной страницѣ. Долгое изученіе и великая любовь видны на каждой страницѣ этой книги, составляющей очень рѣдкое явленіе среди написанныхъ въ послѣднее время книгъ о современной Италіи на разныхъ языкахъ. Много существуетъ въ западно-европейской литературѣ сочиненій, посвященныхъ исторіи, искусству, поэзіи, природѣ Италіи. Италія „Возрожденія“ и Римъ пагъ считаются болѣе интересными и болѣе достойными изученія, чѣмъ современная. Послѣдняя страдаетъ отъ славы своего прошлаго и кажется чрезчуръ уже мизерной, въ сравненіи съ своимъ прошлымъ. Отъ Италіи требуютъ гораздо большаго, чѣмъ отъ другихъ странъ, совершенно забывая, что нынѣшняя Италія создана почти заново, и что это поглотило массу силъ и средствъ, такъ что она въ настоящій моментъ находится въ состояніи апатіи и безсилія,—но, быть можетъ, отдохнувъ, снова воспрянетъ духомъ и расцвѣтетъ ея слава и гордость не ниже, чѣмъ въ прежніе періоды ея славной исторіи. Таково мнѣніе автора вышеуказанной книги. Онъ задался цѣлю пополнить пробѣлъ, существующій въ литературѣ объ Италіи, и дать болѣе или менѣе полную и разностороннюю картину политической, экономической и социальной жизни современнаго королевства Италіи. Сознавая всю трудность такой задачи, авторъ скромно прибавилъ подъ заглавіемъ: „Betrachtungen und Studien“. Много есть пробѣловъ, неправильностей и неточныхъ фактовъ въ этой книгѣ, самая точка зрѣнія можетъ иногда показаться ошибочной; но, принимая во вниманіе, что это первый опытъ такого рода труда, гдѣ въ полномъ синтезѣ дается изображеніе тѣхъ элементовъ, которые составляютъ главную основу жизни націи, можно автора поздравить съ удачнымъ выполненіемъ его задачи и рекомендовать всѣмъ, желающимъ отправиться въ Италію или просто изучать ее,—раньше прочесть внимательно эту книгу, изданную очень чисто и хорошо въ этомъ году въ Берлинѣ и имѣющую 455 страницъ и еще регистръ именъ мѣстностей, авторовъ и статей. Мы не имѣемъ подобныхъ сочиненій, и переводъ былъ бы

очень полезенъ для русскихъ читателей, которые объ Италиі имѣютъ самое скудное понятіе...

Willst du des Dichters Lied verstehen,
Musst du in des Dichters Lande gehen,

—говорить поэтъ. Слѣдуя этому мудрому совѣту, Фишеръ и отправился на мѣсто, чтобы изучить страну. Весной 1861 года онъ въ первый разъ совершилъ путешествіе по Италиі. Тогда не было еще желѣзныхъ дорогъ въ большей части провинцій, такъ что приходилось ѣхать въ экипажѣ. Это особенно удобно для тѣхъ, которые хотятъ ближе познакомиться съ жизнью народа. Путешествіе длилось мѣсяцами. Было время присмотрѣться къ особенностямъ каждой провинціи, къ обычаямъ и нравамъ той или другой мѣстности. Это далеко отъ впечатлѣній налетающихъ туристовъ, видящихъ страну изъ окна курьерскаго поѣзда и жителей на главныхъ станціяхъ, знакомыхъ съ гидами, кучерами, комиссіонерами гостинницъ, которые представляютъ имъ собою всю итальянскую націю, и пишущихъ книги и очерки съ апломбомъ людей, для которыхъ все ясно, все открыто. Фишеръ, съ чисто нѣмецкой добросовѣстностью, ждетъ почти 40 лѣтъ, чтобы выступить съ своей книгой объ Италиі; во все же это время онъ прѣзжалъ много разъ въ Италию, читалъ все написанное объ интересующемъ его предметѣ, велъ разговоры съ политическими дѣятелями и учеными, съ которыми онъ соединенъ дружбой, благодаря своему служебному положенію бывшаго министра почты въ Пруссіи. Въ предисловіи онъ говоритъ, что его итальянскіе друзья удивятся, когда прочтутъ въ книгѣ многое написанное имъ въ очень мрачныхъ краскахъ, между тѣмъ какъ въ бесѣдахъ съ ними онъ старался разубѣдить ихъ въ ихъ пессимизмѣ. Въ основу книги положены статистическія данныя, взятія имъ изъ всѣхъ статистическихъ трудовъ, предоставленныхъ любезно въ его распоряженіе его другомъ директоромъ статистическаго комитета при министерствѣ агрикультуры, коммерціи и индустріи, профессоромъ Луиджи Бодіо. Правда, эти цифры не бросаются въ глаза, такъ какъ приводятся настолько, насколько то требуется для лучшаго поясненія текста, но густыя, мрачныя краски получаются, именно благодаря этимъ цифрамъ. Напр., вотъ небольшая табличка смерти отъ насилія (omicidis) за 1892-й годъ:

Въ Италиі	было	2.160 случаевъ убійствъ	7.10	} на 100.000 жителей
Во Франціи	"	609	"	
Въ Германіи	"	535	"	
" Испаніи	"	849	"	

Изъ этой таблички мы видимъ, что испанцы, такой же некультурный народъ, какъ итальянцы, такіе же латиняне, тоже южане

тѣмъ не менѣ почти вдвое меньше убійствъ даютъ, чѣмъ итальянцы, а латиняне-французы—въ четыре раза меньше. Фишеръ, отпускающій много комплиментовъ по адресу итальянцевъ и старающійся вездѣ нозолотить пилюлю, прежде чѣмъ дать ее проглотить, объясняетъ это несчастнымъ темпераментомъ населенія, не умѣющаго сдерживать свои страсти, а кромѣ того и остаткомъ времени чужеземныхъ владычествъ, способствовавшихъ развитію тайныхъ обществъ и сектъ, которыя очень часто прибѣгали къ оружію.

Авторъ разбираетъ болѣе или менѣ подробно, но основательно, слѣдующіе вопросы въ соотвѣтствующихъ главахъ: географическое описаніе страны и краткая исторія савойской династіи занимаютъ первыя двѣ главы, за которыми слѣдуютъ описанія и разборы государственной организаци, парламента, арміи и флота, финансовъ, агрикультуры, индустріи и торговли, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, народнаго характера. Послѣднія главы посвящены социальному вопросу, отношенію церкви къ государству и городу Риму. Описательная часть, безъ всякаго сомнѣнія, превосходна. Зато точку зрѣнія и софты, предлагаемые имъ, можно подвергнуть критикѣ. Это точка зрѣнія нѣмецкаго національ-либерала, очень любезная сердцу итальянскихъ либераловъ, но вовлекающая ихъ все въ большія и большія противорѣчія, которыя непремѣнно должны привести къ опасной катастрофѣ. Нечего и добавлять, что для Фишера участіе итальянцевъ въ тройственномъ союзѣ является необходимымъ для Италіи же. Армія и флотъ поглощаютъ страшно много: 256 милл.—армія, и 97 милл.—флотъ, не считая экстраординарныхъ расходовъ, доходившихъ въ иной годъ почти до 100 милл.—но это необходимо для цѣлости и для политическаго положенія Италіи. Пораженіе въ Африкѣ вызвало уничтожающую критику арміи со стороны многихъ итальянцевъ. Фишеръ считаетъ эту критику несправедливой. Лучшее всего точка зрѣнія автора рисуется въ слѣдующихъ словахъ его объ арміи:

„Еще нѣтъ въ народѣ такой привязанности къ арміи, какъ въ Германіи. Но всѣ мыслящіе люди и патріоты видятъ въ военной силѣ, основанной на всеобщей воинской повинности, величайшее воспитательное учрежденіе націи, одну изъ сильнѣйшихъ связей ея политическаго единства и лучшую гарантію для дальнѣйшаго существованія національной независимости“. Авторъ не задаетъ себѣ вопроса,—умышленно или безсознательно,—зачѣмъ Италіи такая крупная армія, зачѣмъ она хочетъ завести себѣ колоніи, подобно первокласснымъ державамъ, когда средствъ на то—не хватаетъ. Пусть армія будетъ первокласснымъ воспитательнымъ учрежденіемъ націи, но замѣнить школы она все-таки не можетъ. И вотъ еще и теперь, послѣ тридцати лѣтъ просвѣтительной дѣятельности, имѣется 40% безграмотныхъ въ среднемъ,

причемъ въ южныхъ провинціяхъ безграмотность гораздо выше средней цифры. Тоже и съ другими областями національной жизни.

Авторъ обстоятельно разбираетъ агрикультуру и показываетъ ея страшный упадокъ: земля истощена; благодаря отсутствію удобренія и плохого сѣвооборота, она даетъ гораздо меньше, чѣмъ въ началѣ объединенія, вслѣдствіе недостатка машинъ и лучшихъ, болѣе культурныхъ способовъ обработки, благодаря страшнымъ налогамъ (до 30% дохода отъ земли) и также отсутствію молодыхъ интеллигентныхъ силъ, которыя отнимаются арміей и городами для либеральныхъ профессій. Авторъ не видитъ причинной связи между упадкомъ агрикультуры, увеличеніемъ налоговъ и арміей. Онъ также разбираетъ индустрію и коммерцію, и констатируетъ, что въ сѣверной Италіи многія отрасли промышленности развились въ очень большой степени. Что развитіе сѣверной индустріи идетъ въ счетъ регресса южной агрикультуры, благодаря протекціоннымъ пошлинамъ, заставляющимъ южныхъ крестьянъ, а за-одно вообще и всѣхъ южанъ, покупать дороже всѣ предметы промышленности у сѣверныхъ фабрикантовъ, такъ какъ заграничной конкуренціи уже нечего бояться послѣднимъ,—этого авторъ не замѣчаетъ. Онъ, наоборотъ, считаетъ протекціонную систему очень полезной и воздастъ хвалу за это итальянскому правительству. Въ чемъ нельзя не согласиться съ Фишеромъ, такъ это въ его порицаніи національнаго воспитанія Италіи, основаннаго на классицизмѣ и на эстетикѣ. Молодежь буржуазнаго класса переполняетъ університеты, которыхъ тоже, сравнительно съ населеніемъ, много (21 университетъ, кромѣ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній), и набрасывается на изученіе юридическихъ, филологическихъ и медицинскихъ наукъ, зато не любитъ техническихъ и коммерческихъ наукъ и занятій какъ нѣчто низкое и неподходящее для образованныхъ людей. А между тѣмъ экономическое преуспѣяніе страны невозможно безъ участія образованныхъ людей въ коммерціи, промышленности и агрикультурѣ.

Соціальное законодательство въ Италіи—въ самомъ зачаткѣ. Фишеръ приводитъ данныя о пеллагрѣ, маларіи, о питаніи и жизни крестьянъ—пролетаріевъ и городскихъ пролетаріевъ и восклицаетъ: „какъ возможно такое положеніе дѣлъ“?! Онъ совѣтуетъ правительству какъ можно скорѣе взяться за улучшеніе законодательства въ вопросахъ земельной собственности, чтобы сдѣлать невозможными латифундіи,—и фабричнаго труда, чтобы урегулировать рабочій день, женскій и дѣтскій трудъ и проч. Въ противномъ случаѣ бунты въ Сициліи 1894 года и майское возстаніе 1898 г. въ Миланѣ—только начало; спокойствіе не долго будетъ продолжаться. Въ особенности задача государства—обратить все свое вниманіе на то, чтобы образовать здо-

ровный земледѣльческій классъ, ибо Италія, пока, страна земледѣльская по преимуществу, и социальный вопросъ—въ сущности аграрный. Такъ какъ парламентъ—черезчуръ измѣнчивое и капризное существо, съ которымъ ничего не подѣлаешь, и такъ какъ министры, благодаря этому, не въ состояніи ничего предпринять полезнаго, и не могутъ, вслѣдствіе своей быстрой смѣны, дать правленію единство направленія, то остается королю активнѣе вмѣшаться въ государственныя дѣла и взять инициативу также и въ социальномъ вопросѣ. Фишеръ указываетъ на измѣнчивость, на нервность итальянской камеры, но смягчаетъ свой отзывъ, говоря, что коррумпіи при выборахъ въ депутаты не бываетъ. Это фактически невѣрно. Постоянная коммиссія, разбирающая годность выборовъ, то-и-дѣло сообщаетъ факты самаго безстыднаго подкупа, иногда доходящаго до сотенъ тысячъ, за выборы одного депутата. Въ политикѣ съ папой Фишеръ совѣтуетъ правительству болѣшую строгость, чѣмъ до сихъ поръ, такъ какъ папа и до сихъ поръ не перестаетъ призывать помощь иностранныхъ католическихъ державъ, чтобы прогнать „узурпатора-итальянца“ изъ Рима, что служить, будто бы, сильнымъ тормазомъ для развитія Италіи. Римъ Фишеръ находитъ сильно поднявшимся во всѣхъ отношеніяхъ, сравнительно съ Римомъ папъ. Тогда это былъ грязный городокъ, малярія въ немъ никогда не выводилась, „бриганты“ въ самомъ городѣ свободно разгуливали. Теперь Римъ имѣетъ широкія, чистыя улицы, прекрасную канализацію, прекрасную пищевую воду, парки и фонтаны, электрическое освѣщеніе, трамваи, конки, омнибусы и электрическіе трамваи, наконецъ и Тибръ закованъ въ каменные дамбы, такъ что онъ уже не можетъ заливать улицы до второго этажа при частыхъ итальянскихъ грозахъ. Маляріи въ Римѣ нѣтъ; нѣтъ также и тифа. Кто распространяетъ эти слухи—или не знакомъ съ нынѣшнимъ Римомъ, или дѣлаетъ это изъ особыхъ соображеній. Швейцарскіе и южно-французскіе владѣльцы гостинницъ тратятъ громадныя деньги на публикацію, чтобы удержать у себя гостей, которые поѣхали бы на зиму въ Италію, еслибы не боялись итальянскихъ ужасовъ. Римъ, тѣмъ не менѣе, не расцвѣлъ въ такой сильной степени, какъ того надѣялись достигнуть въ своемъ патріотическомъ энтузіазмѣ итальянцы. Вся провинція кругомъ—пустыня еще. Но несмотря ни на что, Римъ и Италія имѣютъ будущность, такъ какъ народъ имѣетъ богатые задатки, а вырожденіе юга—сказка: земля способна на улучшеніе, масса земель поддаются меліорации, осушенію и обработкѣ. Италія не даромъ нѣкогда называлась „садомъ Европы“. Не особенно много нужно, чтобы поблекшая слава снова расцвѣла пышно и гордо.—А. З—скій.

II.

- „The man with the hoe“, by Edwin Markham.
- „David Harum“. A story of american life, by Edward Noyes Westcott.
- „The growth of Cities in the XIX century“, by A. F. Weber. New-York, 1899.

Еще въ началѣ истекшаго года, на страницахъ санъ-францисской газеты „Examiner“, появилась поэма Маркгама: „Человѣкъ съ мотыкой“, — поэма въ пятьдесятъ строчекъ, включая и ея заглавіе. Черезъ нѣсколько недѣль, ея авторъ, рѣшительно никому дотолѣ неизвѣстный, внѣ своего личнаго знакомства, сдѣлался замѣчательнымъ американскимъ литературнымъ свѣтиломъ, а теперь признанъ такимъ и всѣмъ говорящимъ на англійскомъ языкѣ міромъ. Исторія американской литературы не даетъ такого примѣра. У нея нѣтъ другого писателя, который проснулся бы въ одно прекрасное утро извѣстной знаменитостью самаго крупнаго калибра, съ прочной, солидной репутаціей поэтического генія, проснулся бы такимъ неожиданно и для самого себя, и для англійскаго литературнаго міра. Прошли цѣлыя десятилѣтія, прежде чѣмъ „Воронъ“, По, и „Мостъ“, Лонгфеллоу, заняли ихъ настоящее неизблемое классическое положеніе; а „Человѣкъ съ мотыкой“ оказался рядомъ съ ними черезъ нѣсколько недѣль по своему появленіи въ печати, и въ первые же полгода вызвалъ больше комментаріевъ, больше вниманія, больше обсужденія и восторженныхъ похвалъ со стороны серьезной здѣшной критики, чѣмъ какое-либо другое отдѣльное поэтическое произведеніе когда-либо вызвало здѣсь во всей исторіи этой критики. Уже успѣла образоваться цѣлая обширная специальная литература по поводу этой поэмы, — а общее увлеченіе до сихъ поръ не только не утихаетъ, а напротивъ, несомнѣнно растетъ. Какъ ни изумителенъ такой фактъ въ наше прозаическое время, и притомъ въ странѣ „всемогущаго доллара“, тѣмъ не менѣе, онъ безспоренъ и признанъ теперь и здѣшнимъ общественнымъ мнѣніемъ, и здѣшной печатью. Очевидно, что ничто давно уже такъ не трогало мало чувствительную, казалось, къ прелести истинной поэзіи человѣческую природу, какъ эта коротенькая, но могучая поэма. Она была перепечатана несчетное число разъ, появилась въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изданіяхъ, и нумеръ „Examiner'a“, въ которомъ она въ первый разъ увидѣла свѣтъ, считается въ настоящую минуту самой цѣнной библиографической рѣдкостью, покупается на вѣсь золота и уже вызвалъ подражанія. Самъ Маркгамъ, уже пятидесятилѣтній, совсѣмъ сѣдой старикъ, изъ учителя небольшой городской школы предмѣстья Санъ-Франциско-Окланда, сдѣлался

львомъ-писателемъ, переѣхалъ въ Нью-Йоркъ, получасть баснословные гонорары за каждую свою строчку, и намѣренъ прочитать рядъ лекцій по всѣмъ большимъ городамъ Союза, за который предприниматели предложили ему огромныя деньги.

Маркгамъ выросъ на заходустной калифорнской фермѣ, въ рукахъ съ Иліадой Гомера и поэмами Байрона, какъ единственными воспитателями; былъ сначала пастухомъ, потомъ обучался кузнечному мастерству, и уже взрослымъ человѣкомъ прошелъ курсъ учительской семинаріи и сдѣлался школьнымъ учителемъ. Онъ писалъ стихи всю свою жизнь, начавъ еще ребенкомъ, но они никогда не обращали на себя никакого вниманія, хотя изрѣдка и печатались разными журналами. По его собственнымъ словамъ, идея „Человѣка съ мотыкой“ зародилась въ немъ еще десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ увидѣлъ на выставкѣ въ Санъ-Франциско знаменитую картину Милле того же названія. „Картина эта,—говоритъ онъ,—представляетъ собою, вѣроятно, самое потрясающее произведеніе современнаго художественнаго творчества. Для меня лично она ужаснѣе всего того, что я нашелъ у самого Данте. Она такъ же безнадежна, но ея содержаніе болѣе реально, болѣе человѣчно. Я провелъ цѣлыя часы передъ этой картиной, и ея сила и значеніе все росли въ моихъ глазахъ. Я видѣлъ, что это твореніе великаго художника представляетъ собою не зауряднаго крестьянина, не случайнаго земледѣльца, а цѣльный типъ, олицетвореніе рабочаго, изуродованнаго цѣлыми вѣками насилій. Въ этомъ труженникѣ я видѣлъ продуктъ медленнаго, но ужаснаго уничтоженія человѣка безконечной, безнадежной, безрадостной физической работою. Этотъ образъ жилъ въ моей памяти много лѣтъ, прежде чѣмъ мнѣ удалось оформить въ моей поэмѣ то, что онъ вызвалъ въ моей душѣ. Было бы нелѣпо думать, что я хочу сказать ею, чтобы люди бросили мотыку, что я считаю физическую работу унизительною ¹⁾. Я протестую въ ней противъ уничтоженія работы, а не противъ ея самой. Я хочу, чтобы человѣкъ съ мотыкой держался за нее, но я требую, чтобы онъ былъ и вознагражденъ за это. Я требую, чтобы въ его жизни было что-нибудь и помимо этой работы. Я хочу, чтобы у него было время и для отдыха, и для самообразованія, и для мысли—чтобы у него было время для человѣческихъ стремленій“.

¹⁾ Единственное неодобреніе поэмѣ Маркгама, и то очень робкое и осторожное, раздалось съ кафедръ немногихъ сытыхъ пасторовъ особенно богатыхъ и фешенебельныхъ церквей большихъ городовъ, главнымъ образомъ Нью-Йорка—неодобреніе, съ іезуитскимъ чисто искусствомъ пытавшееся недобросовѣстно истолковать смыслъ поэмы—и приводимыя слова автора были отвѣтомъ на эти хитрыя, но неудавшіяся, конечно, попытки.

Вот дословный перевод этой поэмы в стихотворной формѣ:

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ МОТЫКОЙ.

Согбенный подъ тяжестью вѣковъ, онъ опирается
На свою мотыку и смотреть въ землю.
На его лицѣ—отсутствіе мысли ¹⁾,
На его спинѣ—бремя всего міра.
Кто сдѣлалъ его недоступнымъ горю и радости,
Существомъ безнадежнымъ и безчувственнымъ,
Туннымъ, придавленнымъ вьючнымъ животнымъ?
Отчего такъ отвисла его звѣроподобная нижняя челюсть?
Какая сила такъ заострила его лицевой уголъ?
Чье дыханіе потушило божественную искру въ его мозгу?

Неужели это—созданіе Бога, которому было предназначено
Господствовать надъ сушей и моремъ,
Опредѣлять путь звѣздъ и искать въ небесахъ силы
Постичь тайны самой Вѣчности?
Неужели это—грѣза Того, Кто создалъ солнце
И колоннадами свѣта укрѣпилъ небесную лазурь?
На всемъ пространствѣ нѣдръ самаго ада
Нельзя встрѣтить болѣе ужаснаго образа,
Болѣе яркаго протеста противъ людской жадности,
Болѣе вѣщаго предвѣстника грядущихъ золъ,
Болѣе грознаго предостереженія всей вселенной.

Какая пропасть между нимъ и подобіемъ Божиимъ!
Что значать для него, раба безконечной работы,
Мысли самого Платона и утѣхи Шлегеля?
Ему недоступны ни обаяніе пѣсни,
Ни прелесть разсвѣта, ни красота цвѣтовъ.
Этимъ ужаснымъ обликомъ олицетворены муки вѣковъ;
Трагедія вѣчности сквозить въ этой скорбной позѣ;
Ограбленное, поруганное, обманутое человѣчество,
Лишенное своихъ правъ, въ этомъ обезображенномъ образѣ,
Вопіетъ свой протестъ къ всемірному Судьѣ,
Свой протестъ и въ то же время предсказаніе.

О, правители, господа и хозяева всѣхъ странъ!
Неужели это—вашъ даръ Богу?
Это изуродованное существо съ изсохшей душой?
Сможете ли вы выпрямить его станъ,
Осмыслить и расширить его взглядъ,
Сдѣлать его опять доступнымъ грѣзамъ и гармоніи,
Одухотворить его опять безсмертіемъ,
Исправить кривды незапамятныхъ временъ,
Изъиническое порабощеніе, неизлечимое искалѣченіе?

¹⁾ Нѣтъ отраженія прошлаго?

О, правители, господа и хозяева всѣхъ странъ!
 Какъ разсчитается будущее съ этимъ человѣкомъ?
 Какой отвѣтъ оно дастъ, когда онъ
 Восприняетъ, наконецъ, и потребуешь отчета?
 Что станетъ съ государствами и владыками,
 Которые довели его до этого состоянія,
 Когда, послѣ безнаказанности тысячелѣтій,
 Отъ нихъ, пораженныхъ ужасомъ, потребуютъ расплаты?

Помимо рѣзкой интенсивности и картинности содержанія, поэма Маркгама, хотя и написана она бѣлыми стихами, обладаетъ безусловнымъ поэтическимъ совершенствомъ формы—звучностью, удивительной силою языка, какъ бы выточенной точностью выражений. Я не могу сравнить ее съ чѣмъ бы то ни было знакомымъ русской читающей публикѣ изъ произведеній другихъ американскихъ поэтовъ—„Человѣкъ съ мотыкой“ занимаетъ и навсегда будетъ занимать совершенно особенное, единственное мѣсто во всей англійской поэзіи. Передать подавляющее впечатлѣніе оригинала въ какомъ-либо переводѣ, по моему мнѣнію, такъ же невозможно, какъ перевести съ успѣхомъ прологъ „Руслана и Людмилы“, Пушкина, или клятву „Демона“, Лермонтова. Вся поэма—не что иное, какъ ужасающій вопль пораженной, удрученной, но чуткой человѣческой души, вопль, который нельзя передать, а только можно ощутить...

Совсѣмъ въ другомъ родѣ произведеніе другого, также совершенно неизвѣстнаго доселѣ писателя, Весткота, романъ „Дэвидъ Гарумъ“¹⁾. Авторъ, сравнительно молодой человѣкъ, умеръ до выхода въ свѣтъ этой книги, насколько извѣстно, его перваго и единственнаго литературнаго произведенія. Романъ этотъ имѣетъ здѣсь также совершенно необычайный успѣхъ—вотъ уже болѣе полугода, какъ онъ стоитъ во главѣ всей американской книжной торговли отъ Мэна до Флориды и Калифорніи, и, по числу проданныхъ экземпляровъ, несмотря на высокую цѣну, давно превзошелъ какую бы то ни было прежде изданную книгу этого рода. Онъ появился безъ всякихъ предварительныхъ рекламъ, безъ обаянія извѣстнаго имени, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было обычныхъ условий для успѣха—и сразу захватилъ себѣ первое мѣсто въ современной нашей беллетристикѣ, приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и заслонилъ почти все остальное, даже давно и общепризнанныхъ идоловъ. Его читаютъ и перечитываютъ по нѣскольку разъ, о немъ пишутъ, о немъ го-

¹⁾ „David Harum“. A story of american life. By Edward Noyes Westcott

ворять вездѣ и всюду. И эта извѣстность, и это вниманіе имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ, напр., трескучее, но мимолетное увлеченіе нелѣпымъ романомъ Морье, „Трильби“, такъ же быстро и позабытымъ, увлеченіе, встревожившее-было лучшихъ нашихъ критиковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. И, по моему крайнему разумѣнію, „Дэвидъ Гарумъ“ вполне заслуживаетъ и такой пріемъ, и такую оцѣнку. Всего привлекательнѣе въ немъ—простота и правдивость какъ фабулы, такъ и изложенія, неизмѣнно производящія на всякаго читателя самое отрадное впечатлѣніе, особенно послѣ чтенія вымученныхъ, такъ сказать, произведеній современныхъ корифеевъ англійской беллетристики, вродѣ Киплинга, Кэна и Гарди; искренность и безпритязательность истиннаго художника, какими были въ свое время Диккенсъ и Тургеневъ, какъ извѣстно, почти совсѣмъ покинуты современными беллетристическими талантами во всѣхъ концахъ міра, и они, если можно такъ выразиться, все только напрягаются, а въ результатѣ оказывается, что гора родила мышь. И въ этомъ-то именно отношеніи „Дэвидъ Гарумъ“ является совершенно исключительнымъ произведеніемъ, и въ этомъ-то состоитъ и весь секретъ и его прелести, и его колоссальнаго, небывалаго доселѣ въ Америкѣ успѣха. Нѣтъ ни треска, ни сраженій, ни пожаровъ, ни убійствъ, ни необыкновенныхъ мужчинъ съ невѣроятными страстями и демоническими стремленіями, ни святыхъ женщинъ, ни Магдалинъ, а есть только повседневная правда, простая, какъ хлѣбъ насущный, но и такъ же надежная, заставляющая читателя не проспать ночи, а дочитать книгу, и потомъ опять и опять браться за нее... Какъ и „Человѣкъ съ мотыкой“, „Дэвидъ Гарумъ“ успѣлъ уже занять прочное положеніе на-ряду съ лучшими классическими произведеніями американской литературы, заслужилъ уже любовь народную, и имена ихъ авторовъ займутъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи здѣшней поэзіи и беллетристики ¹⁾).

Обаянію оригинала много способствуетъ своеобразный жаргонъ самого Гарума, многія мелкія подробности, удивительно его скрашивающія, но которыя окажутся не всѣ понятными русскому читателю, и нѣкоторыя другія особенности, яркія и привлекательныя для американца, останутся незамѣченными незнакомымъ съ особенностями здѣшней жизни иностранцамъ. Какъ передать американцу прелесть лучшихъ рассказовъ Глѣба Успенскаго или пѣсень Кольцова?

Аномальный ростъ большихъ городовъ, а съ нимъ и главная

¹⁾ „Дэвидъ Гарумъ“ былъ помѣщенъ въ переводѣ, у насъ, въ прошедшемъ году, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.—Ред.

новая проблема текущаго столѣтія — развитіе городского рабочаго пролетаріата—давно уже сдѣлались самой животрепещущей современной темой, особенно въ чисто промышленныхъ государствахъ, каковы Бельгія и Англія, и какимъ быстро дѣлаются и Сѣверо-Американскіе Соединенные-Штаты. Много было написано по этому сложному вопросу и въ здѣшней прессѣ, и въ здѣшней научной литературѣ—во первой удачной попыткой объединить всѣ элементы вопроса, систематически ихъ обработать и дать многіе опредѣленные отвѣты, слѣдуетъ признать недавно вышедшую чрезвычайно интересную книгу Вебера: „Ростъ большихъ городовъ въ XIX столѣтіи“¹⁾. Это обширное, многостороннее, отлично обоснованное и часто тонкое и острое изслѣдованіе даетъ многія важныя и новыя положенія и серьезнѣйшіе выводы. Эпиграфомъ служить выписка изъ извѣстной книги Текера: „Прогрессъ народонаселенія и богатства въ Соединенныхъ Штатахъ за 50 лѣтъ“²⁾,—выписка, которая такъ кратко и рельефно выражаетъ собою значеніе всего предмета, что я и привожу ее дѣликомъ: „Отношеніе городского населенія къ сельскому въ извѣстной странѣ есть чрезвычайно важный факторъ въ ея общемъ и въ особенности экономическомъ положеніи. Оно въ значительной степени опредѣляетъ ея способность къ промышленности, размѣры ея торговли и ея богатство. Ростъ большихъ городовъ обыкновенно служитъ показателемъ прогресса націи въ ея общемъ умственномъ развитіи и въ изящныхъ искусствахъ, опредѣляетъ собою степень ея способности къ общественнымъ увеселеніямъ, и всегда приноситъ необычную умственную дѣятельность, которая иногда здорова и полезна, иногда безпокойна и пагубна. Если эти людскія скопища уменьшаютъ нѣкоторыя изъ жизненныхъ удобствъ, они увеличиваютъ другія; если они менѣе здоровы, чѣмъ деревня, они въ то же время доставляютъ лучшую защиту противъ болѣзней и лучшіе способы ихъ леченія. Они менѣе благоприятны для размноженія человѣческаго рода, и по политическимъ, и по нравственнымъ причинамъ. Съ моральной точки зрѣнія, большіе города представляютъ собою болѣе обширное поприще и для добродѣтелей, и для пороковъ—они же болѣе способны ко всякому новшеству, хорошему и худому. Любовь къ гражданской свободѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и сильнѣе, и прочнѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ; и хотя законъ, порядокъ и общественная безопасность, и ограждаются въ городѣ съ большей бдительностью и съ болѣе прозорливой осматрительностью,—они въ нихъ находятся въ болѣе опас-

¹⁾ „The growth of Cities in the XIX Century“, by A. F. Weber, published for Columbia University, by the Mac Millan Co. New-York, 1899.

²⁾ George Tucker—„Progress of the United States in Population and Wealth in Fifty Years“.

ности, благодаря большей легкости, съ которой частныя интриги и личное честолюбіе могутъ вліять на невѣжество и нищету. Въ общемъ— добромъ или зломъ—сказываются вліянія большихъ городовъ; въ нимъ тяготеютъ въ наше время всѣ плодородныя, свободныя и интеллигентныя страны“.

Книга Вебера начинается сравненіемъ распредѣленія населенія въ Соединенныхъ-Штатахъ въ 1790 г. и въ Австраліи въ 1890 году. Вотъ это сравненіе:

1790 г.

Населеніе Соединенныхъ-Штатовъ	3.929.214
Населеніе городовъ съ 10.000 жителей и болѣе	123.551
Процентъ этого послѣдняго въ общемъ.	3.14

1890 г.

Населеніе семи главныхъ колоній Австраліи	3.809.895
Населеніе городовъ съ 10.000 жителей и болѣе	1.264.283
Процентъ этого послѣдняго въ общемъ.	33.20

По мнѣнію автора, въ общемъ міровомъ балансѣ націй и жизненныхъ ихъ условій, Австралія въ концѣ XIX столѣтія занимаетъ совершенно то же положеніе, какое занимали Соединенные-Штаты въ концѣ XVIII-го, и громадная, поражающая разниа въ распредѣленіи ихъ населеній рѣзче всего свидѣтельствуетъ о томъ существенномъ перерожденіи всѣхъ жизненныхъ условій цивилизованныхъ странъ, которое человѣчество пережило за истекающее столѣтіе. По моему мнѣнію, въ этомъ поучительномъ сравненіи заключается ключъ ко всей книгѣ Вебера, ко всѣмъ ея выводамъ.

Авторъ приводитъ принятые разными странами опредѣленія слова „Городъ“, и, для своего изслѣдованія, для всѣхъ таблицъ и діаграммъ, устанавливаетъ это понятіе, дѣля города на три класса: первый—съ населеніемъ свыше ста тысячъ; второй—съ населеніемъ отъ двадцати до ста тысячъ, и третій—съ населеніемъ отъ десяти до двадцати тысячъ. Однообразіе системы необходимо для сравнительныхъ выводовъ, такъ какъ въ Россіи, напримѣръ, по его словамъ ¹⁾, оффиціозная статистика считаетъ городомъ всякое поселеніе свыше двухъ тысячъ жителей, тогда какъ переписями американскаго Союза этотъ minimum принять въ восемь тысячъ. Если принять за базисъ русское опредѣленіе, отношеніе городского населенія къ сельскому выразится для Россіи 12,8 процентами, для Америки—37,7; если принять американское, для первой—около 9, для второй—29,2. Авторъ составилъ таблицу для 59 государствъ всѣхъ частей свѣта, въ которой, согласно

¹⁾ Отъ ссылается на изданіе „The Industries of Russia“, опубликованное русскимъ правительствомъ для Чикагской Колумбійской выставки 1893 года.

вышеизложенному собственному его опредѣленію городского населенія, первое мѣсто занимаетъ Англія съ Валлисомъ, съ 63⁰/₀; затѣмъ, Шотландія, Бельгія, Австралія, Саксонія. Пруссія занимаетъ 11-ое мѣсто, Соединенные-Штаты—13-ое, Франція—15-ое, Австрія—17-ое, Россія—только 49-ое.

Вся первая глава книги посвящена изложенію различныхъ методовъ изслѣдованія, принятыхъ по этому предмету въ разныхъ странахъ и различными учеными, и опредѣленію теоретическихъ тезисовъ. Вторая занимается исторіей статистическаго городского населенія въ разныхъ государствахъ и устанавливаетъ сравнительный методъ для слѣдующихъ главъ и ихъ выводовъ. Третья изучаетъ причины роста городовъ: 1) упадокъ значенія земледѣлія, 2) требованія торговли и 3) промышленности, и 4) второстепенныя и случайныя. Выводы этой главы, особенно касающіеся спорнаго вопроса по поводу абстрактнаго закона замѣщенія въ земледѣліи работы капиталомъ и его послѣдствій, крайне интересны и поучительны. Четвертая глава разбираетъ вопросы о международной и взаимной внутренней эмиграціи и иммиграціи странъ и городовъ. Пятая разсматриваетъ составъ городского населенія—въ городахъ больше женщинъ, чѣмъ въ деревнѣ, и выше отношеніе населенія въ среднемъ возрастѣ, чѣмъ въ остальныхъ. Шестая посвящена движенію городского населенія—браку, плодовитости, рождаемости и смертности; и сравненію этихъ факторовъ съ тѣми же въ деревнѣ. Седьмая—физическому и нравственному здоровью городского населенія и ихъ сравненію съ сельскимъ. Восьмая разсматриваетъ общее вліяніе на страну городскихъ скопищъ, давая много совершенно новыхъ данныхъ. Девятая и послѣдняя разбираетъ отношеніе общества въ разное время къ росту городовъ, и тѣмъ ему противовѣсы, которые практиковались до сихъ поръ, причемъ обращено особенное вниманіе на ростъ предмѣстій и на улучшеніе и ускореніе путей сообщенія между центрами городовъ и подгородными поселеніями.

Въ предисловіи Веберъ говоритъ, что онъ началъ свое изслѣдованіе какъ диссертацию на полученіе степени доктора медицины—но, увлеченный интересомъ предмета, съ теченіемъ времени нашелся вынужденнымъ обратить его въ популярный соціально-статистическій трактатъ. Книга издана политико-экономическимъ факультетомъ колумбійскаго университета, издавшимъ уже цѣлый рядъ замѣчательныхъ работъ на поприщѣ исторіи, политической экономіи и статистики, и, по-моему, должна бы быть непременно переведена и на русскій языкъ.—П. Тверской.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ „ЦВѢТУЩЕЙ СТАРОСТИ“.

— „Пѣсни Старости“. Стихотворенія А. М. Жемчужникова. Спб., 1900.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ русское общество переживало тревожную эпоху надеждъ и опасеній. Ожидались крупныя коренныя реформы, но не было увѣренности въ томъ, что онѣ будутъ проведены въ жизнь. Новымъ „вѣянiямъ“ на каждомъ шагѣ преграждала путь традиція и рутина. Осужденная горькимъ опытомъ, старая правительственная система находила сильную поддержку въ интересахъ, связанныхъ съ сохраненiемъ statu quo. Чувствовалось, что впереди предстоитъ еще много испытанiй, и что побѣда, если она и будетъ одержана, нескоро станетъ окончательной и безспорной. Для тѣхъ, кто тогда только-что вступалъ въ жизнь, это чувство уравновѣшивалось или перевѣшивалось юношеской вѣрой въ могущество добра и правды; но въ тѣхъ, кто пережилъ реакцію конца сороковыхъ годовъ, оно служило источникомъ тяжелыхъ сомнѣнiй—сомнѣнiй, прежде всего, въ собственной силѣ. Такимъ бывало тогда, по временамъ, настроенiе А. М. Жемчужникова, первая молодость котораго совпала съ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ русской исторiи. „Еще въ душѣ воскресшей нѣтъ“ — восклицалъ онъ въ 1859 г.—„съ минувшимъ полного разрыва.—Я долго жилъ средь сквернъ и золъ.—У ихъ нечистаго подножья—тупѣла мысль, нѣмѣлъ глаголь,—изнемогала сила Божья.—Еще я трепетомъ обаять,—еще болить живая рана,—и на меня, какъ изъ тумана,—видѣнья прежнiя глядятъ.—И, полнъ знакомой мнѣ боязнью,—еще я взгляды ихъ ловлю,—мнѣ угрожающiе казнью—за то, что мыслю и люблю“... Не всегда, однако, гнетущiя впечатлѣнiя прошлаго мѣшали поэту спокойно и бодро смотрѣть въ даль будущаго. Къ тому же самому 1859-му году относится стихотворенiе: „Тяжелое признанiе“, начинающееся слѣдующими знаменательными словами: „Я грубой силы—врагъ заклятый—и не пойму ее никакъ,—хоть всѣмъ намъ часто снится сжатый,—висящiй въ воздухѣ кулакъ.—Поклонникъ знанья и свободы,—я эти блага такъ цѣню,—что даже въ старческiе годы,—быть можетъ, имъ не измѣню“. Предчувствiе не обмануло А. М. Жемчужникова; вѣрность началамъ, обновившимъ Россiю, онъ сохранилъ и тогда, когда они отошли въ разрядъ „забытыхъ словъ“.—сохранилъ и въ томъ возрастѣ, который слишкомъ часто располагаетъ если не къ отступничеству, то къ индифферентизму. Чрезвычайно характеренъ

для А. М. Жемчужникова страхъ, внушаемый ему мыслью о возможности и для него подобной переменѣ. „Что ежели и мнѣ“—пишетъ онъ въ 1887 г.,—„на старости вдругъ станетъ неизвѣстно,—что глупо, что умно;—что честно, что безчестно“? Та же нота звучить, девять лѣтъ спустя, въ молитвѣ, слагаемой имъ при вступленіи въ четвертую четверть вѣка: „Господи! храни отъ бѣдъ—и честнымъ помоги мнѣ—быть въ семьдесятъ-пять лѣтъ!—Я силы въ распрѣ съ вѣкомъ—прошу не для побѣдъ:—остаться-бъ человѣкомъ—мнѣ въ семьдесятъ-пять лѣтъ“! Опасность, пугающая поэта, на самомъ дѣлѣ вовсе ему не угрожала и не угрожаетъ: противъ нея всегда стояло и до сихъ поръ стоитъ на стражѣ все его существо. „Такъ прочтенъ въ сердцахъ и въ мозгу“—читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній—„высокій строй эпохи прошлой,—что съ современностію пошлой—я примириться не могу“. Объ этотъ несокрушимый оплотъ разбивались и разбиваются всѣ мелкія волны житейскаго моря.

Эпоха, „высокій строй“ которой такъ дорогъ А. М. Жемчужникову, далека отъ насъ по числу лѣтъ, но не по числу сдѣланныхъ послѣ того умственныхъ и нравственныхъ завоеваній. Многое, противъ чего она боролась, уцѣлѣло до сихъ поръ; не достигнуто многое, къ чему она стремилась. Отсюда поразительныя точки соприкосновенія между „Пѣснями Старости“ А. М. Жемчужникова и мотивами поэзіи пятидесятихъ годовъ. „Не можетъ сынъ глядѣть спокойно—на горѣ матери родной;—не будетъ гражданинъ достойный—къ отчизнѣ холоденъ душой“... Такъ говорилъ Некрасовъ, на зарѣ нашего возрожденія („Поэтъ и гражданинъ“, 1856 г.)—и вслѣдъ за тѣмъ у него вырывался крикъ отчаянія: „Кто гражданинъ страны родной? Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта“. Отвѣтъ былъ данъ, скорѣе и лучше, чѣмъ можно было думать: граждане явились, „когда народу—царь убѣдился даровать отъ ига рабскаго свободу“. Но прошла пора расцвѣта общественныхъ силъ—и „среди будничныхъ условий“ вновь „исчезаетъ гражданинъ“. „Пусть государственнаго зданья“—воскликаетъ А. М. Жемчужниковъ—

„Вполнѣ постройка хороша,—
Для формы нужно содержанье,
Какъ тѣлу надобна душа.
Что пользы въ томъ, чтобы большія
Зіяли рамы безъ картинъ?
Въ тебѣ жъ отсутствуетъ, Россія,
Твоя душа—твой гражданинъ.
Узрѣть я жажду гражданина
Покуда мысля и живу;
Къ забытой матери я сына
Неблагодарнаго зову“...

(„Пустое мѣсто“.)

Съ такимъ призывомъ можетъ обращаться только поэтъ, который самъ сознаетъ и чувствуетъ себя гражданиномъ. И А. М. Жемчужниковъ не отказывается отъ имени поэта-гражданина; онъ гордится тѣмъ, что былъ „глашатаемъ забытыхъ, старыхъ истинъ“ и, подобравъ „лежавшее въ пыли знамя“, высоко держалъ его надъ толпою („Завѣщаніе“). Ему хорошо извѣстны всѣ аргументы, приводимые обыкновенно противъ „гражданской поэзіи“: онъ излагаетъ ихъ самъ съ такою мощью, какой достигали лишь немногіе изъ числа сторонниковъ „чистаго искусства“—но вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ наглядно, почему они не могутъ имѣть для него убѣдительной силы. „Часы бѣгутъ“ — говоритъ ему „одинъ голосъ“ — „и тотъ, быть можетъ, близокъ часъ,—

„Который принесетъ предсмертную истому...
 Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
 Не трать послѣднихъ чувствъ и мыслей по пустому.
 Твоей мятущейся и ропщущей души
 Смири безплодный гнѣвъ и тщетныя волненья,
 И злобныхъ пѣсень рядъ спокойно заверши
 Во область мирныхъ думъ полетомъ вдохновенья...
 Зову тебя туда, къ предѣламъ тѣхъ вершинъ,
 Откуда человекъ житейскихъ дразгъ не видитъ;
 Гдѣ разумъ—всѣхъ страстей и гнѣва властелинъ,
 Понявъ, прощаетъ то, что сердце ненавидитъ.
 Тамъ духъ поэзіи предстанетъ предъ тобой,
 Парашій въ высотахъ, какъ нѣкій горный теній,
 И смѣнитъ жесткій стихъ, навѣянный враждой,
 Строфами звучными духовныхъ пѣснопѣвій“.

(„Голоса“.)

Казалось бы, трудно создать противовѣсъ этимъ словамъ, величественная форма которыхъ такъ гармонично сливается съ высокимъ содержаніемъ; но невѣроятное оказывается возможнымъ, благодаря глубинѣ и искренности чувства, которое связываетъ поэта съ его страной и его эпохой. Вотъ что говоритъ ему „другой голосъ“:

„Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
 Храни ко злбамъ дня сочувствіе живое...
 И еслибы тебя на крыльяхъ вознесли
 Молитвы и мечты въ далекій сводъ небесный,—
 Пока еще живешь, не забывай земли
 Въ безстрастной чистотѣ той сферы безтѣлесной.
 Услыша зовъ, повинь заоблачную даль;
 То—голосъ совѣсти! Она на землю кличетъ,
 Гдѣ рядомъ съ радостью терзается печаль,
 Гдѣ озлобленіе съ любовью граничитъ“.

Таковъ властный голосъ, которому повинуются поэтъ, возставая противъ всего ничтожнаго и мелкаго, противъ всего влекущаго назадъ

и внизъ, всего враждебнаго свѣту и свободѣ. Въ „Пѣсняхъ Старости“, какъ и прежде, А. М. Жемчужниковъ является большимъ мастеромъ сатиры, принимающей самыя различныя формы, но всегда сжатой и мѣткой, всегда согрѣтой огнемъ неподдѣльнаго негодованія. Хвалебные гимны, вызванные десятилѣтіемъ со времени смерти Каткова, производятъ на А. М. такое впечатлѣніе, „какъ будто дверь въ сарай хозяйственный открыли,—гдѣ рухлядь ветхая хранилась про запасъ,—и затхлымъ запахомъ и плѣсени, и пыли,—и ѣдкой ржавчины повѣяло на насъ“ („Поминки“). О типичномъ ученикѣ Каткова онъ отзывается такъ: „какъ полемистъ, онъ простъ и ясенъ,—его расправа недолга:—назвать по имени врага—и доложить, что онъ опасенъ“ („Ученики“). Но и ничтожности однако, принадлежить „большая сила въ сферѣ духа“; ограничиваться презрѣніемъ къ ней—„ошибка и бѣда“:

„Всегда ничтожность наготовѣ,
И ей побѣдъ своихъ не счесть.
Ея природа плодovitа:
Къ тому-жъ бываютъ времена,
Когда повсюду прозелита
Вербуетъ съ легкостью она“...
(„Письмо къ юношѣ о ничтожности“.)

Въ распоряженіи ничтожности—„кишащія несмѣтною толпой микробы лжи, подвоха, злобы, холопства, лѣнства тупой“. О нихъ, какъ и о реальныхъ микробахъ, можно сказать съ полнымъ правомъ: „тѣмъ тварь ничтожнѣй, тѣмъ вреднѣй“. Одно изъ самыхъ позорныхъ пятенъ современности поэтъ видитъ въ восторгахъ, вызываемыхъ попраніемъ закона, въ лести властямъ, во лжи, живописующей плѣнительными чертами „былыхъ временъ порочный бытъ“ („Пятно“). Еще больше, чѣмъ „комедія ретроградныхъ публицистовъ“, его возмущаетъ внимающая и рукоплещущая ей толпа—пустая, темная толпа мнимо образованныхъ людей. Она несетъ отвѣтъ „за козни злобныя обмана“, за „мракъ ума, за убыль смѣлой правоты“. Не будь этой толпы, наполняющей балаганъ, не было бы и „непозволительныхъ комедій“, разыгрываемыхъ фигурами печатнаго слова. Еще сильнѣе впечатлѣніе, производимое гражданскою скорбью поэта, когда онъ, оставляя въ сторонѣ отдѣльные симптомы зла, рисуетъ яркими чертами его глубокіе корни. „О, какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь, что духъ достоинства есть будто духъ крамольный! Она—нашъ древній грѣхъ и вольный, и невольный; она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ. Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести; тамъ искалѣченъ умъ, душа извращена“ („Завѣщаніе“). Съ замѣчательною силой отвращеніе поэта къ этому національному грѣху

выразилось въ „Конѣ Калигулы“: „Что жъ, развѣ звукъ веселый ржанья былъ для имперіи вреднѣй—и раболѣпнаго молчанья, и лестью дышащихъ рѣчей?—Что жъ, развѣ конь красивой мордой не затмевалъ ничтожныхъ лицъ—и не срамилъ осанкой гордой—людей, привывшихъ падать ницъ“?... „Умственные карлы“ и „нравственные калѣки“ ненавистны А. М. Жемчужникову въ особенности потому, что ихъ безцеремонные крики, раздающіеся среди „робкаго безмолвья“, мѣшаютъ прислушиваться „къ глубоко печальному голосу жизни“.—„Уподобляемся мы, баловни судьбы,—надъ грязью дольнею стоящимъ на помостѣ;—но снизу бережно насъ держать не столбы,—а мышцы рукъ людскихъ и спинъ согбенныхъ кости.—До нашей высоты порой доходить вздохъ,—какъ будто кто-то тамъ, въ подпольѣ, тяжело дышетъ;—но современникъ нашъ умышленно оглохъ—иль грезится ему, что гулъ веселья слышитъ“ („Христіанское дѣло“).

Указанными до сихъ поръ мотивами содержаніе „Пѣсень Старости“ исчерпывается столь же мало, какъ и содержаніе прежнихъ произведеній А. М. Жемчужникова. Къ нѣкоторымъ его стихотвореніямъ вполне примѣнима поэтическая характеристика, данная имъ творчеству Фета: „онъ въ мірѣ грѣзы и мечты,—любя игру лучей и тѣни,—подмѣтилъ бѣглыя черты неуловимыхъ ощущеній,—невоплотимой красоты“. Таковы, напримѣръ, „Ели“, такова въ особенности „Придорожная берега“:

„Въ полѣ пустынномъ, у самой дороги, берега,
Длинные вѣтви раскинувъ широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей греза;
Но вострепнулась, лишь только подѣхалъ я близко.
Быстро я вѣхалъ; она свое доброе дѣло
Все же свершила: меня осѣнила любовно;
И надо мной, шелеста и дрожа, прошумѣла,
Наскоро что-то повѣдать желая мнѣ словно—
Словно со мной подѣлилась тоской безутѣшной,
Вмѣстѣ съ печальнымъ промолва и нѣжное что-то...
Я, съ ней прощаясь, назадъ оглянулся поспѣшно,
Но уже снова ее одолѣла дремота“.

Русская природа сохранила для А. М. Жемчужникова всю свою притягательную силу. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, для которыхъ всего болѣе близка и понятна ея „скромная прелесть“. Его плѣняетъ величавая тишина зимняго дня, въ недвижномъ и нѣмомъ саду, объятomъ „какой-то бѣлой тайной“ („Пауза“). Въ „городскомъ плѣну“ онъ нетерпѣливо ждетъ наступленія весны, изъ-за которой „стоитъ жить въ этомъ мірѣ“ („Мечты“; „Съ горъ потоки“). Ему дорога „святая пора деревенской жизни“—„осени прозрачной тихая пора“, когда „паутиной чистой серебрятся жневыя,—нивы въ изум-

рудный облеклись нарядъ,—какъ паникадила, стройныя деревья—золотомъ горять“. Природа, въ ясный осенній день, представляется ему „вселенскимъ храмомъ“, на просторѣ котораго „всюду открыты алтари“...

„Время грозъ гремѣщихъ, время вѣги знойной
Отъ земли умчалось... Ей его не жаль.

- Вся теперь объята думою спокойной,
Взоръ она возноситъ въ голубую даль;
Небу за бывшее шлетъ благодаренья;
Знаетъ, что ей нынѣ дни ужъ сочтены,
И готова къ смерти, чая воскресенья
Отъ лучей весны“...

(„Святая пора“.)

Въ своемъ родномъ гнѣздѣ поэтъ любитъ каждый уголокъ лѣса и поля; онъ любитъ даже грачей, потому что безъ нихъ „непостижима страна дубовъ и чернозема“ („Лѣсокъ при усадьбѣ“). Онъ умѣетъ отыскать поэтическія картины даже въ городѣ, въ монастырскомъ саду, въ „безоблачный, весенній, теплый вечеръ“, когда замолкнулъ говоръ и слышно только, „какъ ласточки звенятъ съ высотъ воздушныхъ, то свой полетъ игривый замедляя, то съ быстротой стремительною мчатъ“ („По городу бродя, зашелъ я въ садъ“).

Полная юношеской свѣжести, заставляющей забывать о возрастѣ автора, „Пѣсни Старости“ въ одномъ отношеніи соотвѣтствуютъ, однако, своему названію. Въ нихъ чувствуется настроеніе человѣка, сознающаго близость конца и подводѣщаго итоги прожитой жизни. У А. М. Жемчужникова это настроеніе чрезвычайно сложно. Господствующая, но далеко не единственная его нота—покорность судьбѣ, всего лучше выражаемая непереводаемымъ словомъ *résignation*... Мысль о смерти не представляетъ для него ничего страшнаго. По временамъ она наполняетъ его сердце мирнымъ, почти радостнымъ ожиданіемъ: она переноситъ его какъ бы въ храмъ, затихшій передъ началомъ церковной службы:

„О, еслибъ былъ я удостоенъ
Съ грядущей смертью тихой встрѣчи,
И таилъ, свѣтелъ и спокоенъ,
Какъ предъ иконой таютъ свѣчи,
И ждалъ конца, какъ ждемъ, что скоро
Наступитъ строгое мгновенье
Удара въ колоколъ собора,
Чтобъ началось богослуженье“!

(„Ожиданіе“.)

Тѣмъ же чувствомъ проникнуто послѣднее до сихъ поръ, по времени, стихотвореніе А. М. Жемчужникова:

„О, когда-бъ мнѣ было можно
Упредить мой часъ послѣдній!
Чтобъ, еще владея духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью землею...
Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся,
И скажу:—Прости, мѣръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И, быть можетъ, затоскую,
Орошу ее слезами;
И скажу:—Прими отъ сына
Благодарность за хлѣбъ, за соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ;
Онъ теперь покоя просить;
Упокой его на вѣки“.

Какъ бы ни полна была готовность безропотно пойти на встрѣчу смерти, жизнь, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ свою неотразимую прелесть, еще усиливаемую сознаниемъ, что жить остается немного. „Старайся“— съ добродушной ироніей совѣтуетъ самому себѣ поэтъ, гуляя по лѣсу ранней весною,—„старайся уловить и свѣта,—и тѣней игру въ причудливыхъ узорахъ;—и кашель сдерживай, чтобъ слышались ясныѣ—напѣвы птицъ и листьевъ шорохъ“... „Пора мнѣ, старцу, наконецъ“,— говоритъ онъ нѣсколько позже, — „такъ наслаждаться всѣмъ подъ солнцемъ,—какъ наслаждается скупецъ, когда любитъ червонецъ“... „Сладкая привычка къ жизни“ напоминаетъ ему о себѣ и въ мелочахъ—„въ праздномъ сидѣннѣ у окна“, въ кофе съ газетой и сигарой: „мнѣ просто жить хотѣлось бы для жизни, для благъ земныхъ, для радости земной“... Ему „любопытно жить“, чтобы слѣдить за „пьесой, идущей на сценѣ міра“—пьесой „загадочной и полной глубокихъ тайнъ“. Онъ желалъ бы увидѣть, какъ и на русскій „скромный бытъ“ упадетъ лучъ свѣта, какъ прекратится овладѣвшая нами спячка. По временамъ его смущаетъ мысль объ отчетѣ передъ самимъ собою: онъ спрашиваетъ себя, не зарывалъ ли онъ „звѣдательный даръ могучаго слова“. „Искупать не время мои прегрѣшенья... Отжитая жизнь не направится вспять;—не время собирать, нельзя начинать,—когда ужъ конецъ приближается грозно“ („Дума“). Ему кажется, что онъ больше не нуженъ земной жизни, хотя она ему все еще нужна. Когда-то, въ юношескую пору „вѣры и любви“, его „призывъ: благослови!“ встрѣчалъ „привѣтъ: благословляю“. Не то теперь:

„Все чаще вспоминаю я
 Передъ концомъ о томъ началѣ,
 Когда, въ преддверьѣ бытія,
 Душа безгрѣшная моя
 Святыхъ вѣдала печали;
 Когда свободно къ небесамъ
 Она молитвы возносила,
 Какъ въ храмѣ Божіемъ кадило
 Возноситъ къ сводамъ ениміамъ.
 Ужъ не вернуть того, что было;
 Мнѣ тѣхъ молитвъ не вознести..
 И я теперь не ожидаю,
 Когда твержу:—прости, прости!
 Чтобъ мнѣ послышалось:—прощаю“.
 („Прежде и теперь“.)

Иногда уныніе слѣдуетъ непосредственно за подъемомъ духа. То самое стихотвореніе, которое начинается горделивымъ отказомъ примириться съ „пошлой современностью“, продолжается такъ:

„Что я? Пѣвецъ былыхъ кручинъ;
 Скрижалей брошенныхъ обломовъ;
 Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потѣмокъ,
 Я—потухающій каминъ.
 То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,
 Какъ будто смерть его пришла:
 То дрогнетъ теплая зола,
 И пламя снова ярко вспыхнетъ.
 Тогда тревожно по стѣнамъ
 Толпой задвигаются тѣни
 И лица прежнихъ поколѣній
 Начнутъ выглядывать изъ рамъ“.

Иногда, наоборотъ, минорный тонъ внезапно уступаетъ мѣсто мажорному:

„Часто грезится мнѣ, что стоить средь полей,
 Долгій вѣкъ доживая, ракита.
 Ей живется еще, по чувствительно ей,
 Что могучею жизнью забыта.
 Не нужна никому; далеко отъ жилья;
 На просторѣ родномъ одинока,
 Она, вѣтви свои къ долу низко склоня,
 Ожидаетъ послѣдняго срока.
 Но чутка и теперь, она въ ясные дни
 И въ грозу, среди бурной тревоги,
 Для себя лишь самой вдохновенно свои
 Шелестить или шумить монологи.
 А порой изъ нея крикъ идетъ по землѣ,
 Всю окрестность отъ сна пробуждая;
 Словно сердце въ груди, въ ея старомъ дуплѣ
 Громко бодрствуетъ птица сѣдая.“

Можетъ быть, этотъ крикъ въ тишинѣ, по ночамъ,
 Позднихъ путниковъ за душу тронетъ:
 Средь покоя и сна отчего кто-то тамъ
 То смѣется, то плачетъ и стонетъ“?

Если этотъ крикъ пробуждаетъ отъ сна, трогаетъ за душу, то ракета, очевидно, не одинока, не забыта жизнью. Въ своей „цвѣтущей старости“ нашъ поэтъ ближе и дороже русскому обществу, чѣмъ былъ полѣтка тому назадъ, въ началѣ своей дѣятельности. Въ одномъ изъ адресовъ, вызванныхъ недавнимъ юбилеемъ А. М. Жемчужникова, къ нему совершенно правильно примѣнены слова, сказанныя когда-то по поводу юбилея Фета: „Свѣтлѣй и ярче перваго разсвѣта горятъ твои вечерніе огни“... Не такова, обыкновенно, судьба „вечернихъ огней“, особенно въ области лирической поэзіи. Юность—первое и главное царство лиризма: ему благоприятствуетъ здѣсь новизна и свѣжесть „всѣхъ впечатлѣній бытія“, ничѣмъ не уравновѣшиваемая сила увлеченій. Лирическія произведенія зрѣлаго возраста могутъ не уступать юношескимъ, если поэтъ сумѣлъ раздвинуть сферу своего творчества, найти для него новые мотивы. Настаетъ, однако, время, когда порывъ перестаетъ быть возможнымъ; душевная жизнь покрывается какъ бы тонкимъ слоемъ льда. Его можно разбить, можно дать выходъ тому, что имъ сковано—но трудно согрѣть то, что имъ охлаждено. Отсюда упадокъ таланта, замѣчаемый, на старости лѣтъ, даже у такихъ поэтовъ, какъ Гёте или В. Гюго. У насъ той же судьбы не избѣжали Майковъ, Полонскій, Фетъ; но она не коснулась А. М. Жемчужникова, дарованіе котораго достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ такіе годы, когда, для большинства, иссякаютъ источники вдохновенія. Почти всѣ лучшія его стихотворенія написаны имъ послѣ возвращенія въ Россію, т.-е. въ 80-хъ и 90-хъ годахъ—и къ ихъ числу должны быть отнесены многія изъ тѣхъ, которыя онъ сложилъ на рубежѣ восьмидесятилѣтняго возраста. Удивительная отзывчивость на голоса жизни, неостывающая душевная теплота, глубокая искренность, чарующая простота формы—всѣ эти черты свойственны „Пѣснямъ Старости“ въ такой же мѣрѣ, какъ и прежнимъ произведеніямъ А. М. Жемчужникова. Онъ не только обезпечиваетъ собою успѣхъ его поэзіи: онъ заставляютъ любить самого поэта.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1900.

Международный конгрессъ въ Лондонѣ по вопросу о торговлѣ женщинами, и „Россійское общество защиты женщинъ“.—Нижегородская городская дума и извозчики.—Злополучный докладъ.—Юбилей А. М. Жемчужникова.

Сравнительно мало извѣстно, но широко распространено и въ западной Европѣ, и у насъ въ Россіи, ужасное зло: торговля женщинами. Молодымъ дѣвушкамъ предлагаются выгодныя мѣста, болѣею частью за границей: онѣ увозятся или уѣзжаютъ въ страну, гдѣ у нихъ нѣтъ ни связей, ни знакомыхъ, гдѣ незнаніе языка и неимѣніе средствъ до крайности затрудняютъ для нихъ обращеніе къ защитѣ власти и закона—и попадаютъ въ настоящее рабство, спускаясь „со ступеньки на ступеньку“ и становясь предметомъ самой безжалостной и безсовѣстной эксплуатаціи. Главный рынокъ сбыта—Южная Америка, въ особенности Рио-Жанейро и Буэнос-Айресъ¹⁾; большой спросъ на живой товаръ существуетъ также въ Константинополь, Каиръ, Трапезунтъ. Главными областями покупки служатъ въ Австріи—Богемія и Галиція; въ Россіи—губерніи царства польскаго; главные пункты вывоза—Одесса, Рига, Либавъ, Гамбургъ. Въ Генуѣ, въ Бордо, въ Гаврѣ, въ Соутгэмптонѣ, существуютъ, для занятія этимъ промысломъ, правильно организованныя агентства. Въ одной Вѣнѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, число агентовъ по торговлѣ женщинами доходитъ до 180. Для достиженія цѣли пускается въ ходъ и обманъ, и подлогъ, и насиліе, часто ненаказуемые именно потому, что совершаются въ одномъ, а обнаруживаются въ другомъ государствѣ. Все это вызываетъ необходимость не только внутренней, но и международной охраны, съ участіемъ какъ правительствъ, такъ и общественныхъ силъ. Инициативу добраго дѣла взяла на себя англійская „National Vigilance Association“, секретарь которой, г. Кутъ, посѣтилъ, весной 1899-го г., Парижъ, Брюссель, Гагу, Берлинъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ, Петербургъ, и подготовилъ почву для международнаго конгресса, засѣдавшаго въ Лондонѣ съ 21 по 23 іюня н. ст., при участіи, приблизительно, ста делегатовъ²⁾. Онъ

¹⁾ Въ этихъ двухъ городахъ больше молвинъ проститутокъ—русскія, попавшія туда не по доброй волѣ.

²⁾ Представителями Россіи были князь С. М. Волконскій, проф. В. О. Дерюжневскій и сенаторъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) А. А. Сабуровъ.

высказался за учрежденіе въ каждой странѣ національнаго комитета для борьбы съ торговлею женщинами. Національные комитеты, вмѣстѣ взятые, образуютъ международный конгрессъ. Конгрессъ избираетъ международный комитетъ, въ составъ котораго входятъ по два представителя отъ каждаго національнаго комитета. Сверхъ того, учреждается бюро конгресса, состоящее изъ двухъ англійскихъ членовъ международного комитета и трехъ другихъ лицъ, по выбору „National Vigilance Association“. Желательнымъ признано соглашеніе между правительствами: 1) относительно установленія во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ по возможности одинаковаго наказанія за побужденіе женщинъ или дѣвушекъ—посредствомъ насилія, обмана, злоупотребленія властью или другихъ способовъ принужденія—предаваться развратной жизни или оставаться въ ней; 2) относительно одновременнаго разслѣдованія этого преступленія, когда дѣйствія, его составляющія, совершены въ разныхъ странахъ; 3) относительно мѣста, гдѣ долженъ быть производимъ судъ надъ обвиняемыми, и 4) относительно экстрадиціи лицъ, обвиняемыхъ въ подобныхъ преступленіяхъ. Другія пожеланія, выраженные конгрессомъ, заключаются въ томъ, чтобы филантропическія общества разныхъ странъ сообщали другъ другу свѣдѣнія о женщинахъ, оставляющихъ свое отечество при подозрительныхъ условіяхъ, и обязывались бы принимать этихъ женщинъ подъ свою защиту; чтобы былъ составленъ точный и полный списокъ всѣхъ тѣхъ обществъ, которыя захотятъ и будутъ способны принять на себя такую обязанность; чтобы этотъ списокъ былъ сообщаемъ всѣмъ правительствамъ и частнымъ обществамъ.

У насъ въ Россіи постановленія лондонскаго конгресса нашли, повидимому, хорошо подготовленную почву. Они привели, прежде всего, къ дополненію проекта уголовного уложенія, разсматриваемаго, въ настоящее время, особымъ совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ. Проектъ относилъ къ числу наказуемыхъ посягательствъ на личную свободу помѣщеніе или содержаніе въ притонѣ разврата—посредствомъ учиненныхъ для того насилія надъ личностью, угрозы такимъ насиліемъ или обмана—лица женскаго пола, не внесеннаго въ списокъ публичныхъ женщинъ. Это постановленіе, составляя значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ, страдало, однако, явною неполнотою. Оно не распространялось, во-первыхъ, на тѣ случаи, когда помѣщеніе или удержаніе въ домѣ разврата достигается, безъ насилія, угрозы и обмана, путемъ злоупотребленія безпомощнымъ положеніемъ женщины—т.-е. именно путемъ наиболѣе опаснымъ и наиболѣе распространеннымъ въ международной торговлѣ женщинами. Редакція, предложенная лондонскимъ конгрессомъ, гораздо шире: она обнимаетъ собою всякіе вообще спо-

собы принужденія (method of constraint), а слѣдовательно и нравственное насиліе, выражающееся въ эксплуатированіи нужды или безпомощности. Постановленіе проекта касалось, во-вторыхъ, только лицъ, не записанныхъ въ списокъ публичныхъ женщинъ, между тѣмъ какъ право на покровительство закона принадлежитъ, безспорно, и проституткѣ, желающей покинуть свою профессію, но удерживаемой въ ней преступными средствами. Оно не предусматривало, наконецъ, увоза женщинъ за границу для цѣлей разврата—увоза, заслуживающаго уголовной кары, хотя бы обреченныя жертвы и были спасены отъ гибели. Мы имѣемъ основаніе думать, что въ окончательной редакціи проекта всѣ эти недостатки будутъ устранены; не знаемъ только, замѣчено ли еще одно обстоятельство, бросающееся въ глаза при сравненіи текста проекта съ резолюціей конгресса. Проектъ говоритъ о помѣщеніи или удержаніи женщины въ притонѣ разврата, а резолюція—о побужденіи женщины предаться развратной жизни или оставаться въ ней. Подъ дѣйствіе резолюціи подходятъ и такіе случаи, которыхъ, очевидно, не предусматриваетъ проектъ. Представимъ себѣ, наприимѣръ, что женщина продана не въ притонъ разврата, а отдѣльному лицу, какъ его исключительная собственность. Многимъ ли продажа послѣдняго рода отличается отъ первой, если средства и тамъ, и тутъ были употреблены одни и тѣ же? Сначала участь жертвы можетъ оказаться менѣе печальной, чѣмъ еслибы она попала прямо въ публичный домъ; но за легкимъ, сравнительно, фазисомъ неволи почти неизбѣжно послѣдуютъ другіе, все болѣе и болѣе тяжкіе, и конечный результатъ въ большинствѣ случаевъ, будетъ одинъ и тотъ же. Вотъ почему редакціи, принятой конгрессомъ, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, и въ этомъ отношеніи отдать преимущество передъ редакціей проекта уложенія.

Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ хорошо составленныя статьи уголовного кодекса, имѣетъ рядъ мѣръ, направленныхъ съ одной стороны—къ предупрежденію, съ другой — къ обнаруженію и искорененію зла. Для принятія этихъ мѣръ образовано „Россійское общество защиты женщинъ“, уставъ котораго утвержденъ 15-го января нынѣшняго года, съ Высочайшаго соизволенія, управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать предохраненію дѣвушекъ и женщинъ отъ опасности быть вовлеченными въ развратъ и возвращенію уже падшихъ женщинъ къ честной жизни. Оно способствуетъ устройству пріютовъ св. Магдалины и всякихъ другихъ учреждений, могущихъ улучшить матеріальныя и нравственныя условія жизни женщинъ; изыскиваетъ средства огражденія молодыхъ дѣвушекъ отъ обмана и эксплуатаціи; доставляетъ пріютъ и заработокъ какъ безпріютнымъ честнымъ женщинамъ, такъ и тѣмъ,

которые желаютъ оставить безнравственную жизнь; сообщаетъ властямъ о дошедшихъ до его свѣдѣнія случаяхъ вовлеченія женщинъ въ развратъ; содѣйствуетъ потерпѣвшимъ отъ преступленія женщинамъ въ защитѣ ихъ интересовъ на судѣ; открываетъ отдѣленія въ разныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно въ портовыхъ городахъ и большихъ промышленныхъ центрахъ; способствуетъ развитію дѣятельности существующихъ обществъ, преслѣдующихъ тѣ же цѣли, и служить посредникомъ между ними и аналогичными иностранными обществами, а также представителемъ русскихъ обществъ защиты женщинъ въ лондонскомъ международномъ комитетѣ (т.-е. является, по терминологіи лондонскаго конгресса, русскимъ „національнымъ комитетомъ“); старается распространять здравыя понятія о нравственности и о вредѣ разврата, для чего устраиваетъ, съ надлежащаго разрѣшенія, публичныя чтенія и издаетъ литературныя и ученыя сочиненія, а въ случаѣ возможности—и собственный періодическій органъ печати. Организациа общества отличается нѣкоторыми особенностями. Предсѣдательницей его назначена въ самомъ уставѣ—Е. И. В. принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская. Ближайшее завѣдываніе дѣлами общества возложено на комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя (или предсѣдательницы), двѣнадцати членовъ, представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и юстиціи (по одному отъ каждаго), предсѣдателей отдѣленій общества и предсѣдателей всѣхъ тѣхъ аналогичныхъ по своимъ задачамъ обществъ и учреждений, которые изъявляютъ согласіе пользоваться его посредничествомъ и будутъ къ тому допущены комитетомъ. Предсѣдательница или предсѣдатель комитета назначается августѣйшею предсѣдательницею общества; она же назначаетъ, на первый разъ, членовъ комитета (и кандидатовъ къ нимъ), но при постепенномъ обновленіи комитета (изъ котораго ежегодно выходятъ по четыре члена и по два кандидата) открывающіяся вакансіи замѣщаются по выбору общаго собранія. Дѣйствительными членами общества, составляющими общее его собраніе, могутъ быть лица всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій, допущенныя къ тому по постановленію комитета. Если Е. И. В. принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская изволитъ отказаться отъ предсѣдательства въ обществѣ, уставъ его теряетъ свою силу, и общество обязывается составить и представить для надлежащаго утвержденія новый проектъ положенія. Всѣ эти существенныя отступленія отъ обычнаго строя и порядка дѣйствія частныхъ обществъ объясняются, по всей вѣроятности, сравнительно обширными правами и полномочіями, данными обществу, и центральнымъ положеніемъ, которое оно можетъ занять между другими русскими учреждениями, стремящимися къ однороднымъ цѣлямъ. Хорошо

уже и то, что черезъ три года со времени открытія общества значительное большинство комитета, управляющаго его дѣлами, будетъ состоять изъ лицъ избранныхъ, послѣ чего и выборъ въ дѣйствительные члены перейдетъ, *de facto*, въ руки самого общества. Однажды пустивъ корни и доказавъ свою жизнеспособность, общество едва ли утратитъ пріобрѣтенныя имъ права. Съ другой стороны, высокое положеніе лица, стоящаго во главѣ общества, не можетъ не увеличить его авторитетъ въ глазахъ властей, отъ содѣйствія которыхъ въ значительной степени будетъ зависѣть успѣхъ его стремленій. Далеко не безразлично, на практикѣ, отъ кого идетъ сообщеніе объ опасности, просьба принять тѣ или другія предохранительныя мѣры. При извѣстныхъ условіяхъ просьба можетъ быть положена „подъ сукно“, при другихъ, наоборотъ—немедленно произвести надлежащее дѣйствіе. Когда готовится, напримѣръ, увозъ женщинъ, обманомъ, за границу, малѣйшее запозданіе въ отправкѣ телеграммы грозитъ неудачей всѣхъ дальнѣйшихъ усилій спасти погибающихъ—и увѣренность въ томъ, что запозданія не будетъ, можетъ быть куплена цѣною нѣсколькихъ ограничительныхъ правилъ устава. То же самое слѣдуетъ сказать и о такихъ правахъ комитета, какъ, напримѣръ, назначеніе представителей въ учрежденія, завѣдующія надзоромъ за проституціей, или устройство сѣздовъ для обсужденія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ общества. Все это заставляетъ насъ привѣтствовать образованіе „Россійскаго общества защиты женщинъ“ и видѣть въ немъ немаловажное средство борьбы съ одною изъ самыхъ тяжкихъ болѣзней общественнаго организма ¹⁾. Конечно, это средство паллиативное, не затрагивающее источниковъ болѣзни; но для отдѣльных лицъ чрезвычайно важны и паллиативы, уменьшающіе страданія или предупреждающіе заразу. Уже на лондонскомъ конгрессѣ возникалъ вопросъ о необходимости болѣе радикальныхъ средствъ противодѣйствія злу, въ родѣ поднятія нравственнаго уровня общества, распространенія правильныхъ понятій объ одинаковой нравственной отвѣтственности обоихъ половъ, искорененія ложныхъ взглядовъ, оправдывающихъ развратъ молодыхъ мужчинъ, обезпеченія матеріальнаго положенія женщинъ, безусловнаго запрещенія домовъ терпимости; но они были оставлены открытыми, въ виду невозможности соглашенія между диаметрально-противоположными взглядами на цѣлесообразность и

¹⁾ Въ уставѣ общества есть еще одно оригинальное правило: каждый изъ членовъ комитета, за исключеніемъ представителей министерствъ, долженъ взять на себя какую-либо опредѣленную обязанность, по указанію комитета. Если оно не останется мертвой буквой, это правило можетъ предохранить комитетъ отъ наплыва такихъ „дѣятелей“, которые, дорожа почетнымъ званіемъ, нимало не помышляютъ объ исполненіи соединенныхъ съ нимъ обязанностей.

пользу правительственной регламентаціи разврата. Дѣятельность общества защиты женщинъ можетъ подготовить это соглашеніе и облегчить торжество идей, ведущихъ—вмѣстѣ съ соотвѣтствующими измѣненіями въ общественномъ строѣ — къ установленію нормальныхъ отношеній между обоими полами.

Странныя, прямо невѣроятныя дѣла творятся иногда въ провинціи. Мѣсяцъ тому назадъ на разсмотрѣніе нижегородской городской думы былъ внесенъ проектъ обязательнаго постановленія объ извозномъ промыслѣ, въ составѣ котораго находился, между прочимъ, такой параграфъ: „Извозчики, избличенные въ неисполненіи настоящихъ правилъ, могутъ быть (независимо отъ привлеченія къ отвѣтственности по ст. 29 Уст. о наказ., налаг. миров. суд.), по усмотрѣнію полицеймейстера, лишаемы, какъ неблагонадежные, права производить извозный промыселъ на срокъ до одной недѣли“. Сначала предполагалось, что незачѣмъ даже читать проектъ, содержащій въ себѣ, будто бы, только „обычныя правила“; но одинъ изъ болѣе внимательныхъ гласныхъ обратилъ вниманіе на вышеприведенный, вовсе не „обычный“ параграфъ—и дума приступила къ его обсужденію. Тотъ же гласный, который помѣшалъ думѣ постановить рѣшеніе съ закрытыми глазами (В. А. Горинцовъ), указалъ на неудобство дополнительнаго суда надъ извозчиками, суда безапелляціоннаго и не оставленнаго тѣми гарантіями, при которыхъ дѣйствуетъ мировой судъ (въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ уцѣлѣвшій). Членъ городской управы И. В. Богоявленскій возразилъ, что *особому* суду извозчики будутъ подвергаться по жалобамъ не *всякаго*, а только гласныхъ и вообще уважаемыхъ въ городѣ лицъ. Городской голова А. М. Меморскій произнесъ слѣдующія слова: „мировой судъ крайне формаленъ; тамъ повѣстки, вызовы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучше обойтись безъ него и судить извозчиковъ *такъ*“¹⁾. Гласный А. А. Савельевъ замѣтилъ, что обвинителями извозчиковъ явятся нижніе полицейскіе чины, а каковы они при нынѣшнемъ составѣ полиціи—это каждому извѣстно. Гласный П. И. Лельковъ находилъ, что извозчиковъ нужно „обуздать“; гласный О. С. Тютинъ признавалъ за ними, наоборотъ, право на охрану со стороны города. При голосованіи половина наличныхъ гласныхъ высказалась противъ спорнаго параграфа, но такъ какъ за него стоялъ (вмѣстѣ со всею управой) предсѣдатель собранія—городской голова, то онъ оказался принятымъ въ принципѣ, и оппозиціи удалось только сократить срокъ запрещенія промысла съ семи

¹⁾ Эти слова перепечатаны нами буквально изъ № 28 „Нижегородскаго Листка“.

до трехъ дней. Поражаетъ насъ здѣсь не одобреніе большинствомъ произвольной, явно несправедливой мѣры; — при нынѣшнемъ составѣ городскихъ думъ въ подобныхъ рѣшеніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, — а аргументація нѣкоторыхъ „интеллигентныхъ“, юридически образованныхъ гласныхъ (гг. Меморскій и Богоявленскій, какъ мы слышали, были присяжными повѣренными, а послѣдній — и мировымъ судьей). Предпочитать суммарную расправу мировому суду, усматривать „формализмъ“ въ посылкѣ вызововъ и повѣстокъ, оправдывать полицейское усмотрѣніе тѣмъ, что оно будетъ къ услугамъ не *всякаго*, а только лицъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ — все это до извѣстной степени свойственно людямъ, воспитаннымъ на девизѣ: „нраву моему не препятствуй“; но когда подобныя рѣчи идутъ отъ людей, знакомыхъ, и въ теоріи, и въ практикѣ, съ высшими началами права, онѣ получаютъ значеніе „признака времени“, наводящаго на печальныя размышленія... Остается только надѣяться, что анти-извозничій параграфъ, явно идущій въ разрѣзъ съ общими законами, не будетъ утвержденъ администраціей, безъ согласія которой обязательное постановленіе не можетъ вступить въ силу.

Болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, въ декабрѣ 1895 г., нижегородское губернское земское собраніе, рассмотрѣвъ докладъ ревизіонной комиссіи о результатахъ продовольственной операціи 1891—92 г., постановило просить правительство о принятіи его въ соображеніе при пересмотрѣ продовольственнаго устава. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило это постановленіе, какъ несогласное съ закономъ ¹⁾. Спорный вопросъ перешелъ, по жалобѣ земства, на рассмотрѣніе Прав. Сената, который нашелъ ходатайство губернскаго собранія совершенно законнымъ и отмѣнилъ постановленіе губернскаго присутствія. Получивъ, въ январѣ прошлаго года, копію съ сенатскаго рѣшенія, губернская управа исполнила первоначальное постановленіе собранія и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилась къ губернатору съ просьбою разрѣшить напечатаніе доклада, для разсылки его гласнымъ. Эта просьба была отклонена, и злополучный докладъ продолжаетъ составлять, въ мѣстѣ его происхожденія, нѣчто въ родѣ канцелярской тайны. Не нарушая собою — какъ тѣ административныя распоряженія, о которыхъ мы упоминали въ декабрьскомъ внутреннемъ обзорѣ, — *букву* сенатскаго указа, отказъ губернатора едва ли можетъ быть названъ соответствующимъ внутреннему его смыслу. Если за земствомъ признано было право представить правительству

¹⁾ См. „Внутр. Обзорѣніе“ въ № 6 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г. и № 4 за 1896 г.

докладъ ревизіонной комиссіи, то этимъ самымъ было установлено, что въ докладѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго закону, ничего выходящаго за предѣлы компетенціи земства—а затѣмъ не было и оснований стѣснять его распространеніе въ земской сферѣ. Нижегородскій инцидентъ доказываетъ еще разъ необходимость болѣе точно опредѣлить дискреціонную власть губернатора относительно недопущеніи къ печати земскихъ отчетовъ, докладовъ и журналовъ.

Тихо и просто, согласно желанію самого юбиляра, но съ замѣчательною задушевностью и рѣдкимъ единодушіемъ, прошло чествованіе пятидесятилѣтняго юбилея А. М. Жемчужникова, совпавшаго съ выходомъ въ свѣтъ новаго тома его стихотвореній ¹⁾. Таланту поэта отдала справедливость даже та газета, которой не можетъ не быть ненавистнымъ его направленіе ²⁾. Правда, она называетъ его „невъсказавшимся поэтомъ“, характеръ его поэзіи—„двойственнымъ“; но это—только полемическій приѣмъ, бьющій мимо цѣли. Въ сборникѣ стихотвореній А. М. Жемчужникова, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1892 г. (съ „Пѣснями Старости“ фельетонистъ московской газеты, въ моментъ составленія статьи, знакомъ еще не былъ), настроеніе поэта выразилось съ достаточною ясностью: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть—не говоря уже о пьесахъ съ сатирическимъ отгѣнкомъ—„На родинѣ“, „Сняла съ меня судьба“, „Они какъ звѣзды въ мутной мглѣ“ и, въ особенности,—„Духа не угашайте“. Совершенно невѣрно, что „въ А. М. Жемчужниковѣ всю жизнь боролись два чело-вѣка: поэтъ и партійный публицистъ“. „Человѣкомъ партіи“ его можно назвать лишь въ томъ смыслѣ, что у него было и есть опредѣленное міросозерцаніе, естественно сближающее его съ людьми сходныхъ взглядовъ и стремленій. Въ тискахъ узкой тенденціи А. М. Жемчужниковъ никогда не былъ; ему одинаково доступны и сфера чистаго искусства, и сфера гражданской или политической поэзіи. Откуда бы ни шель властный призывъ, онъ находитъ откликъ въ сердцѣ или фантазіи поэта ³⁾. Никакой „борьбы“ здѣсь нѣтъ, а есть только отсутствіе односторонности, служащее отличительной чертой творчества А. М. Жемчужникова. Нужны совсѣмъ особенные очки, чтобы усмотрѣть въ его поэзіи вліяніе того „соглядатая“, о которомъ идетъ рѣчь въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній. „Я не одинъ“,—говорилъ тогда поэтъ,—„всегда насъ двое,—другъ друга ненавидимъ мы.—*Ему противно все*

¹⁾ См. выше: „По поводу одной цвѣтущей старости“, стр. 405.

²⁾ См. фельетонъ г. А. Басаргина въ № 43 „Московскихъ Вѣдомостей“.

³⁾ Съ особенною силой это изображено въ „Голосахъ“, вошедшихъ въ составъ Пѣсней Старости“.

живое;—онъ—духъ безмолвія и тьмы". И вотъ, это отрицательное начало, вкрадывающееся, по временамъ, въ душу каждого человѣка и отравляющее его лучшіе порывы, критикъ „Московскихъ Вѣдомостей“ желалъ бы отождествить съ политической жилкой въ настроеніи А. М. Жемчужникова—той жилкой, которая вдохновляла и вдохновляеть его на бой за все живое, противъ безмолвія и тьмы!.. Конечно, для того лагеря, которому всего чаще приходилось испытывать на себѣ остроту сатирическихъ стрѣлъ поэта, весьма выгодно распространеніе мысли, что эти стрѣлы пущены *духомъ тьмы*; только едва ли много найдется читателей, способныхъ поддаться такому явному извращенію истины...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.

Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, основанное въ 1881 году по мысли покойнаго Статсъ-Секретаря К. К. Грота, состоитъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и имѣетъ счастье считать Его Императорское Величество Государя Императора Первымъ своимъ Дѣйствительнымъ Членомъ.

Оно преслѣдуетъ двѣ высоко гуманныя цѣли: 1) облегченіе участи слѣпыхъ вообще и въ частности доставленіе слѣпымъ дѣтямъ общаго и ремесленнаго образованія, а также обученіе взрослыхъ слѣпцовъ щеточному и корзинному ремесламъ для подготовленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ къ самостоятельному труду, и 2) предупрежденіе въ населеніи слѣпоты ежегодною посылкою въ разныя мѣста Имперіи, по просьбѣ земствъ и частныхъ лицъ, глазныхъ отрядовъ, а также учрежденіемъ постоянныхъ окулистическихъ пунктовъ, лечебницъ и кроватей въ лечебницахъ другихъ вѣдомствъ для подачіи бесплатной медицинской и оперативной помощи бѣднѣйшему населенію.

Главныя статьи дохода Попечительства составляютъ: 1) проценты съ его капиталовъ, которые большею частью имѣютъ специальное назначеніе и достигаютъ нынѣ 2.800.000 р.; 2) ежегодная правительственная субсидія въ 25.000 р.; 3) разнаго рода пожертвованія и членскіе взносы (192.000 р.); 4) церковно-кружечный сборъ, производимый во всѣхъ церквахъ на недѣлѣ о слѣпотѣ (95.000 руб.); 5) сборъ изъ кружекъ, выставляемыхъ съ 1897 года въ винныхъ лавкахъ по мѣрѣ открытія въ губерніяхъ казенной продажи вина (15.000 р.) и 6) продажа издѣлій слѣпыхъ, дающая въ годъ до 22.000 руб.

Всѣми дѣлами Попечительства завѣдуетъ состоящій подъ предсѣдательствомъ Генераль-Адъютанта Графа Воронцова-Дашкова Совѣтъ изъ 14 членовъ. При Совѣтѣ состоитъ небольшая Канцелярія.

Попечительство имѣетъ въ провинціи 64 *мѣстныхъ уполномоченныхъ*; они производятъ кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ, заботятся объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ Попечительства, ока-

зываютъ содѣйствіе въ призрѣніи мѣстныхъ слѣпцовъ и состоятъ непременными членами мѣстныхъ отдѣленій и комитетовъ Попечительства. Таковыхъ насчитывается 29 отдѣленій и 3 комитета, а именно: отдѣленія: въ Астрахани, Вильнѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Иркутскѣ, Казани, Каменцѣ-Подольскомъ, Кіевѣ, Костромѣ, Минскѣ, Москвѣ, Одессѣ, Орлѣ, Перми, Полтавѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Якутскѣ, комитеты—въ Елабугѣ, Ревелѣ и Ташкентѣ.

Въ вѣдѣніи Попечительства состоятъ 44 заведенія: а) 24 училища для слѣпыхъ дѣтей: во Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Елабугѣ, Иркутскѣ, Казани, Кіевѣ, Костромѣ, Минскѣ, Москвѣ, Одессѣ, Перми, Полтавѣ, Ревелѣ, Самарѣ, С.-Петербургѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ и Черниговѣ; б) мастерскія имени К. К. Грота въ С.-Петербургѣ для обученія взрослыхъ слѣпыхъ (Аптекарскій островъ, Песочная, 37) и такое же ремесленное убѣжище въ Каменцѣ-Подольскомъ; в) 4 убѣжища для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ: два въ Петербургѣ—Николаево-Александринскій домъ для призрѣнія слѣпыхъ женщинъ и убѣжище Княженъ Волконскихъ, пріюты въ Воронежѣ и Тулѣ; г) 4 общежитія для слѣпыхъ работниковъ и работниковъ: въ С.-Петербургѣ, Костромѣ, Воронежѣ и Самарѣ, д) 9 постоянныхъ глазныхъ лечебницъ: въ Астрахани, Воронежѣ, Вѣрномѣ, Самаркандѣ, Ташкентѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ и с. Усольѣ, Иркутской губерніи, и е) временная глазная амбулаторія въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи.

Изъ учебно-воспитательныхъ заведеній для слѣпыхъ дѣтей С.-Петербургское Александро-Маріинское училище содержится на проценты съ принадлежащаго ему капитала и помѣщается на Аптекарскомъ островѣ въ специально для него построенномъ домѣ на Песочной улицѣ, 37. Оно устроено на 120 дѣтей обоего пола въ возрастѣ отъ 7 до 20 лѣтъ и состоитъ изъ 2 приготовительныхъ и 3 общихъ классовъ и изъ ремесленного отдѣленія. Дѣти въ продолженіе 8—10 лѣтъ обучаются Закону Божьему, русской грамотѣ, ариметикѣ, географіи, русской и естественной исторіи, гимнастикѣ, музыкѣ, пѣнію церковному и свѣтскому, настройкѣ фортепіанъ и массажу. Въ ремесленномъ отдѣленіи дѣти учатся изготовленію разнаго вида щетокъ и корзинокъ, а дѣвочки—наборкѣ щетокъ и руководствіямъ. При училищѣ имѣются: типографія, въ которой работаютъ 3 слѣпца, бібліотека въ 2.000 томовъ, написанныхъ точечнымъ шрифтомъ Брайля, и складъ такихъ же изданій, преимущественно руководствъ и книгъ духовнаго содержанія, для провинціальныхъ школъ, а также книгъ для зрячихъ по вопросамъ, касающимся улучшенія быта и обученія слѣпыхъ. Изданія склада предназначаются и для продажи.

Для исполненія всѣхъ вообще училищныхъ библіотекъ въ Петербургѣ образовалось два дамскихъ кружка (Е. А. Шампиной и Е. Г. Опочининой), которые насчитываютъ до 120 членовъ, безвозмездно и весьма усердно занимающихся перепискою для слѣпыхъ разныхъ полезныхъ книгъ. Всего переписано до 850 книгъ: духовныхъ, изъ области исторіи, географіи и естествознанія; богаче всѣхъ отдѣлъ литературы, въ которомъ очень много объемистыхъ сочиненій, напр. „Война и Миръ“ графа Л. Толстого.

Въ училищѣ выпускные экзамены происходятъ ежегодно въ началѣ іюня и представляютъ большой интересъ для всѣхъ сочувствующихъ дѣятельности Попечительства; результаты ихъ—самые отрадныя: большинство воспитанниковъ и воспитанницъ, по окончаніи курса, читаютъ совершенно бѣгло и пишутъ правильно двумя шрифтами, точечнымъ и плоскимъ, для сношенія со зрячими; по исторіи, географіи (для которой пользуются выпуклыми картами) и зоологіи они выносятъ изъ школы вполне достаточныя знанія. Ремеслами слѣпые дѣти владѣютъ настолько, что обладающіе хорошимъ здоровьемъ обеспечиваютъ себѣ порядочный заработокъ.

Училище ежегодно посѣщается разными воспитательными заведеніями и дѣйствительно заслуживаетъ осмотра; оно открыто для посѣтителей по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Александро-Маринское училище подготавливаетъ учителей и учительницъ для губернскихъ училищъ. При немъ же издаются два ежемѣсячныхъ журнала: для зрячихъ—„Слѣпецъ“, обсуждающій вопросы, касающіеся улучшенія быта слѣпыхъ, и „Досугъ слѣпыхъ“, издаваемый для нихъ шрифтомъ Брайля. Подписная цѣна за каждый журналъ съ пересылкою на годъ—1 руб.

Большинство училищъ для слѣпыхъ дѣтей устроены для мальчиковъ и дѣвочекъ, однако въ 8-ми принимаютъ однихъ мальчиковъ и въ 2-хъ—только дѣвочекъ. Во всѣхъ 24 училищахъ содержатся 722 воспитанника (493 мальчика и 229 дѣвочекъ).

Мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота, учрежденныя въ 1893 году при Александро-Маринскомъ училищѣ, помѣщены рядомъ съ нимъ въ особомъ большомъ зданіи по Песочной ул., 37. Въ мастерскихъ обучаются въ продолженіе 3-хъ лѣтъ щеточному и корзинному ремесламъ отъ 20 до 25 учениковъ, не прошедшихъ курса училищъ для слѣпыхъ дѣтей. Тамъ же работаютъ, по окончаніи курса, воспитанники Александро-Маринскаго училища и проживающіе въ Петербургѣ взрослые слѣпцы-ремесленники, не имѣющіе дома помѣщенія, удобнаго для работы. Для занятій съ учениками и для участія въ оцѣнкѣ издѣлій слѣпыхъ содержатся два опытныхъ мастера: щеточникъ и корзинщикъ. Необходимые для издѣлій матеріалы изгото-

вляются мастерскими и выдаются небольшими партіями слѣпцамъ-работникамъ, вслѣдствіе чего Попечительство можетъ ручаться за доброкачественность всѣхъ издѣлій. Готовыя вещи безотлагательно принимаются мастерскими, которыя тотчасъ же платятъ за нихъ слѣпцамъ по установленной оцѣнкѣ, за вычетомъ стоимости употребленнаго матеріала и 10% комиссіонныхъ. Съ каждымъ годомъ совершенствуются издѣлія слѣпцовъ и въ то же время умножаются разновидности изготавливаемыхъ предметовъ.

Слѣпцами изготавливаются: а) всякаго рода *щетки*: головныя, платяныя, шляпныя, мебельныя, ковровыя, половыя, палубныя, конскія, копытныя, сапожныя, карточныя и др., цѣною, смотря по ихъ размѣрамъ и качеству матеріала, отъ 25 коп. до 1 руб. 50 коп.; б) *дорожные сундуки и корзины* въ разныхъ цѣнахъ для цвѣтовъ, для женскихъ работъ, для бумаги, для хлѣба, для провизіи, для ножей, для фруктовъ, для бѣлья, для дровъ и проч.; в) *разная мебель* изъ ивы и соломённой плетенки: диваны, кушетки, кресла (для взрослыхъ и дѣтскія), столики рабочіе и обыкновенные, и г) *руководія*: шерстяные и пуховые накидки, платки, шарфы, чулки для взрослыхъ и дѣтей, перчатки и проч.

Для мастерскихъ имени К. К. Грота работаютъ до 100 слѣпцовъ и дѣло настолько организовано, что ими уже исполнены крупныя срочныя заказы, напримѣръ партія въ 23.000 конскихъ щетокъ для Отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, ежегодно по нѣскольку тысячъ палубныхъ и другихъ щетокъ для Морского Министерства, разныя щетки для управленій желѣзныхъ дорогъ, балконная мебель для нѣкоторыхъ загородныхъ дворцовъ, корзины для Государственнаго и другихъ банковъ и т. д.

Доходы отъ продажи издѣлій слѣпныхъ растутъ съ каждымъ годомъ; за послѣднія 6 лѣтъ они поднялись съ 6.000 на 22.000. Достигается это добросовѣстнымъ изготовленіемъ издѣлій и крайне умѣренной продажною цѣною, едва окупающею употребленный матеріалъ и заработную плату. Не взирая на ежегодно возрастающій сбытъ издѣлій слѣпныхъ, *Попечительство, въ виду быстро растущаго числа слѣпцовъ-работниковъ, нуждается въ заказахъ, которые принимаются мастерскими непосредственно или черезъ ихъ магазины и исполняются скоро и добросовѣстно.*

Мастерскія имени К. К. Грота не располагаютъ особымъ капиталомъ и содержатся на текущія средства Попечительства. Точно также ничѣмъ не обезпечено содержаніе учениковъ, обучающихся въ мастерскихъ ремесламъ. Каждый ученикъ стоитъ въ годъ до 200 руб., и пока поступило только одно приношеніе въ 4.000 руб., проценты съ коихъ обращаются на содержаніе въ мастерскихъ одного ученика имени жертвователя.

Въ члены *Попечительства Императрицы Маріи Александровны* о слѣпыхъ принимаются *все благотворители, пожертвовавшіе одновременно 75 руб. или желающіе платить по 5 руб. въ годъ.* Въ настоящее время имѣется всего 5.800 членовъ, изъ коихъ 4.500 принадлежать къ мѣстнымъ отдѣленіямъ.

Во всей Россіи насчитывается около 200.000 слѣпцовъ, нуждающихся въ помощи благотворителей, и въ русскомъ обществѣ, всегда отзывчивомъ на всякое доброе дѣло, безъ сомнѣнія, не мало такихъ людей, которые, ознакомившись съ дѣятельностью Попечительства о слѣпыхъ, не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи. *Содѣйствіе* это можетъ выразиться не только денежными пожертвованіями и ежегодными членскими взносами, но и *поддержкою продажи издѣлій слѣпыхъ.*

Всякаго вида пожертвованія и членскіе взносы Попечительство проситъ направлять въ его Канцелярію—Спб., Большая Конюшенная, д. № 1, кв. 24, или въ мѣстныя губернскія Отдѣленія. Издѣлія же слѣпыхъ можно приобрѣтать въ Петербургѣ: въ *главномъ складѣ* на Аптекарскомъ островѣ по Песочной ул., 37, или въ его магазинахъ на *Загородномъ проспектѣ*, близъ Владимірской ул., № 8, и по *Казанской ул.*, близъ Невскаго проспекта, № 5. Съ заказами иногородныхъ проситъ обращаться въ складъ, который высылаетъ безденежно и образцы щетокъ по указанному адресу. Въ Петербургѣ заказы принимаются въ обоихъ магазинахъ.

Подробные годовые отчеты Попечительства посылаются изъ Канцеляріи желающимъ бесплатно; ихъ можно получать и въ обоихъ магазинахъ, гдѣ также принимается подписка на журналы „Слѣпецъ“ и „Досуги слѣпыхъ“.

Николаево-Александринскій домъ призрѣнія слѣпыхъ занимаетъ двухъ-этажный каменный домъ, построенный рядомъ съ мастерскими имени К. К. Грота,—въ верхнемъ этажѣ помѣщаются слѣпые дѣвушки-работницы (11), а въ нижнемъ—неспособныя къ труду женщины (30).

Существованіе этого учрежденія тоже не обезпечено капиталомъ. Желающіе учредить въ немъ именныя стипендіи вносятъ Попечительству одновременно 2.000 р., на проценты съ коихъ будетъ содержаться одна слѣпая женщина.

Убѣжище князей Волконскихъ помѣщается въ Петербургѣ, по Саперному переулку, въ собственномъ домѣ, № 7. Оно устроено на 10 слѣпыхъ дѣвушекъ и располагаетъ достаточными средствами, заѣзданными Княжною М. Н. Волконской. Это убѣжище предполагается значительно расширить.

На *единовременныя пособія* неспособнымъ къ труду слѣпцамъ Попечительство ежегодно расходуетъ до 15.000 руб.

Меры для предупрежденія стѣноты въ населеніи. Съ этою цѣлью Попечительство, начиная съ 1893 года, посылаетъ въ разные мѣстности Имперіи, преимущественно лѣтомъ, глазные отряды для подавнiя бѣднѣйшихъ классамъ населенія безплатной медицинской и оперативной помощи.

Этотъ видъ дѣятельности Попечительства пользуется особыми симпатіями общества и принимается населеніемъ съ трогательною благодарностью. Глазные отряды, состоящіе обыкновенно изъ медика съ помощникомъ и фельдшеромъ, командированы по просьбѣ частныхъ лицъ и земствъ, которые предоставляютъ въ нихъ распоряженіе безвозмездно помѣщенія для производства операций и нѣсколько коекъ для больныхъ. Мѣстные врачи также не отказываютъ глазнымъ отрядамъ въ своемъ содѣйствіи.

Въ 1893 году работало 7 отрядовъ, которые приняли 7.600 больныхъ и произвели 1.466 операций, а въ 1898 году число отрядовъ уже возросло до 36, въ составѣ 135 чел., приемъ больныхъ—до 50.222 чел., а число операций—до 17.092. Всего же за 6 лѣтъ 139 отрядами принято 218.840 больныхъ и произведено 65.668 операций, благодаря которымъ немалому числу слѣпцовъ возвращено зрѣніе.

Глазные отряды косвенно приносятъ еще и ту пользу, что мѣстные дѣятели внимательнѣе относятся къ глазнымъ болѣзнямъ и востепенно устриваютъ глазныя амбулаторіи или небольшія лечебницы. Въ виду достигнутыхъ глазными отрядами отрядныхъ результатовъ, Попечительство для развитія сего благого дѣла рассчитываетъ на сборъ съ кружечъ, поставленныхъ недавно въ винныхъ лавкахъ и въ особенности на *примѣтъ пожертвованій, которыя просятъ направлять въ Канцелярію Попечительства—С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, домъ № 1, кв. № 24.*

Независимо отъ отрядовъ, Попечительство учредило десять глазныхъ лечебницъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи семьдесятъ постоянныхъ глазныхъ пунктовъ какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Россіи.

Декабрь 1899 г.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Учение о Логосе из его истории. Кн. Н. Трубецкого. Т. I. М. 900.

Новые рассказы. А. В. Верещагина. Сиб. 900. Стр. 220.

Новое исследование ученого и талантливого автора отличается редким соединением серьезных достоинств: основательного знания предмета по вероисповеданиям и широкого знакомства со его новейшей литературой, дара философского обобщения и прекрасного изложения. Главнейшее, доказываемый историческим исследованием, есть тот, что христианская идея Логоса есть произведение двух факторов: эллинистического философского *умозрения* и того жемиинского *события*, которым заключен религиозное развитие еврейства и началась история христианства. После подробного разбора учения о Логосе в греческой философии (до нео-платоников), автор посвящает другой, «*иудейской*» стороне вопроса следующие пять глав: Мессиянический идеал евреев. — Идея Бога. — Еврейская апокалиптика. — Натанки гностицизма. — Христос. — Мы еще вернемся к этой интересной книге для подробного ее разсмотрения, когда выйдет второй том. — Вл. С.

Пятое изданий. Второй год обучения. Составлена учительницами воскресных школ, при ближайшем участии Н. Д. Алчевской. Съ 218 рис. М. 900. Стр. 571. Ц. 80 к.

Собственно говоря, мы знаем предъ собою не, что обыкновенно называют хрестоматией; литературный ее отдел и составляет именно хрестоматия, т. е. отрывки и выдержки из избранных писателей. Но настоящий сборник является книгою «*изречений*»; и надобность в подобной книге может встретиться, к сожалению, только у нас, где еще масса людей не посещает в школу в их школьном возрасте. У нас оказалась нужною школа для *изречений*, которым приходится учиться во время, предназначенное для отдыха, — в воскресные дни. Новый выпуск предназначен для второго года обучения, и в соответствии с тем он представляет в себя следующие отделы: религиозно-нравственный, ботанический, зоологический, географический, география России, исторический отдел, литературный и церковно-славянское чтение. Во всяком случае, потемные составительницы этой, своего рода, хрестоматии, совершенно правы, что подобная же книга, употребляемая в начальных школах для младших, вовсе не пригодна для взрослых, которая у нас еще так часто обязана обучаться грамоте по минованию их детства. На достоинство же труда ручаюсь, прежде всего, то обстоятельство, что и немалое участие и руководили многие профессора, как акад. Н. Н. Бекетов, Д. Н. Багалов, В. И. Дашневский и мн. др. По своей цене, книга больше чем в 35-кратных изданий — довольно доступна для лиц, нуждающихся в одной грамоте, но также и в обширный приобретение всего, что необходимо для обучения.

Имя автора хорошо известно по двум его книгам с интересными рассказами и воспоминаниями из его же походной жизни: «*Дни и на войны*» и «*У болгар и за границей*». Новые рассказы относятся также к той же половинке истекшего века (1855—1895) и распадаются на две части: первая посвящена Сербскому за Дунаем и в Ахалы-Тавке, а вторая состоит из отдаленных и весьма разнообразных очерков и личным воспоминаний автора на тех или других жизненных его путях. Первая часть, как боге интересна и для иностранной публики, появилась в Берлине одновременно с оригиналом, в немецком переводе.

Исследование по истории развития римской императорской власти. Э. Гринь. Т. I. Римская императорская власть от Августа до Нерона. Сиб. 900. Стр. 515.

Первое столетие нашей эры было, быть может и не без причинной связи, вместе с тем и первым веком деградации, возросшего в ту эпоху на старой почве республиканского Рима, который уже держал тогда всю собою всю территорию древнего исторического мира, а совершившийся в Риме переворот не остался и позже без влияния на политическую форму жизни новых народов. Автор, отдавая, вместе со всеми, полную справедливость великим научным заслугам Моммзена по новому объяснению этой интересной эпохи, имеющей такое всемирное значение, находить, однако, возможным, благодаря впрочем, взять он сам выражается, трудам того же Моммзена, указать на необходимость некоторых поправок к догматическим построениям государственного права Рима в господствующем взгляде на этот предмет. Содержание первого тома ограничивается одним первым веком римского деградации, от Августа до Нерона. Вязкое знакомство автора с подлинными источниками и умение пользоваться ими придают этому началу задуманного им обширного труда особый интерес в глазах не одних специалистов.

История материализма и критика его значения в настоящее время. Ф. А. Ланге. Съ нем., п. р. Влад. Соловьев. Т. II: История материализма со времени Канта. Киев. 900. Стр. 409. Ц. 1 р. 50 к.

Мы уже имли случай указывать на появление, в русских переводе, первого тома «*История материализма*», Ф. Ланге. Второй том и последний посвящен истории того же предмета в новейшей философии, начиная со времени Канта, и состоит из двух главных отделов: материализм, требующий точного исследования в области естествознания, и материализм этический и теоретический, с его отношением к нравственности и религии. Труд Ланге заключается объяснением «*точка зрения идеала*».

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

вѣдомственный журналъ исторіи, политики, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ	На полугодіе:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	13 р. 60 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въслѣдъ разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по четвертямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; въ изд-хъ „Русской Мысли“ и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линияхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Риншельская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерціи, уѣзда и мѣстожительства и съ означеніемъ ближайшаго мѣста почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* указать журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ какомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностраніе, доплачиваютъ 1 руб., и иностранцы, переходя въ городъ — 40 коп. — 3) *Копіи* на вѣдомость доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію въ Почтоваго Департамента, не возмѣняетъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Возвратъ* на полученіе журнала исключается Конторою только тѣмъ и въ иностранн. или иностранн. мѣстожительствѣ, которые признаютъ въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми жаргонами.

Печатать и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерейная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Пас. Остр., 5 л., 28

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

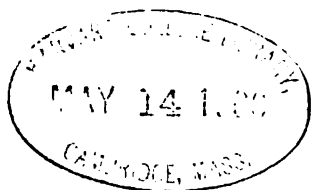
ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРА.

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1900.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ПО ШВЕЦИИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

VI.—Историческое ядро Стокгольма *).

Любителю исторических древностей больше всего подходящей пищи не въ изящных садахъ и широкихъ улицахъ Норрмальмё и Österмальмё, а на маленькихъ, тѣсно застроенныхъ островкахъ Стадена, Риддаргольма, Шеппсгольмена и Кастельгольмена, гдѣ долгое время сосредоточивался старый Стокгольмъ, еще величавшійся у сосѣдей-русскихъ „градомъ Стекольнымъ“, не державшій еще перебираться на открытый материкъ изъ своихъ крѣпостныхъ оградъ, башенъ и замковъ. Тамъ до сихъ поръ вы еще двигаетесь по выющимся узкимъ улицамъ, куда цѣлый день не проникаетъ солнце, у подножія мрачныхъ высоко-кровельныхъ домовъ со ступенчатыми фронтонами, мимо переулочковъ, словно ножомъ прорѣзанныхъ между каменныхъ громадъ, гдѣ невозможно проѣхать простой тележкой, и съ трудомъ расходятся двое прохожихъ, если ихъ плечи нагружены чѣмъ-нибудь. Тамъ еще уплѣбли историческія зданія, историческія надписи, историческіе памятники; тамъ еще высятся, сохранившіе свой своеобразный характеръ, средневѣковые шпили и мачты „Сторчёрканъ“, т.-е. Большого собора, и „Риддарскёрканъ“; тамъ стоитъ, въ тѣсотѣ старинныхъ кварталовъ,

*. выше: мартъ, стр. 209

когда-то властный и гордый „Riddarhus“, домъ благороднаго рыцарства, съ своими мраморными арматурами, колоннами и карнизами... Тамъ, наконецъ, возстаетъ изъ хаоса окружающихъ его домовъ и церквей все подавляющая грандіозная масса четырехъ-этажнаго королевскаго зѣмля, — „Kungliga Slottet“ — тоже бывшаго прежде, въ тревожныя годы войны и междоусобій, осаднымъ дворомъ своего рода, суровымъ боевымъ редутомъ, замыкавшимъ входъ съ моря въ озеро Меларъ. Самый старинный изъ этихъ старинныхъ уголковъ — крошечный островокъ, сохранившій свое знаменательное прозвище „Рыцарскаго острова“ — „Riddarholmen“. Здѣсь была первая морская стоянка Биргера-Ярла, основателя Стокгольма, рѣшившагося заложить свое укрѣпленное гнѣздо въ этомъ необыкновенно выгодномъ пунктѣ, съ котораго было одинаково удобно владѣть и землею, и моремъ, и всѣми подходами къ безчисленнымъ заливчикамъ, островамъ и озерамъ окрестной мѣстности. Оттого-то и бронзовая статуя Биргеръ-Ярлу воздвигнута по срединѣ этого островка, на тѣсной площади его имени, — „Birger-jarl-torget“, — рядомъ съ древнею церковью „Riddarholms-kyrka“, усыпальницею шведскихъ королей.

Биргеръ-Ярль, какъ изобразилъ его извѣстный скульпторъ Фогельбергъ, — смотритъ совсѣмъ русскимъ княземъ удѣльныхъ временъ. Бранные вкусы и бранное обнарядье народовъ-сосѣдей, повидимому, были тогда одни и тѣ же; удалые норманны давали готовые образцы воинамъ тѣхъ вѣковъ, къ какому бы народу и племени ни принадлежали они. Этотъ Биргеръ-Ярль былъ тотъ самый грозный шведскій воитель, котораго сокрушилъ въ 1240 году въ знаменитомъ побоищѣ на Невѣ нашъ герой-князь Александръ Невскій, одаренный „разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Сампсона“, „гремѣвшій какъ труба на вѣчахъ“, по выраженію лѣтописца.

„Приндоша Свѣи въ силѣ велицѣ, и Мурмане (т.-е. норманны, или норвежцы), и Сумъ, и Емь“ — невольно вспоминается, при взглядѣ на эту воинственную фигуру шведскаго воина, наивный рассказъ русской лѣтописи.

Свѣи эти вошли въ Неву, къ устью Ижоры, и всегда побѣдоносный вождь ихъ Биргеръ-Ярль, зять слабаго короля Эрика-Эриксона, правившій за него государствомъ, послалъ сказать русскому князю: „ратоборствуй со мною, если смѣешь, я стою на землѣ твоей“. Князь русскій не отвѣчалъ ничего, но помолился усердно въ Софійскомъ храмѣ Новгорода и сказалъ своей дружинѣ: „Насъ немного, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ,

а въ правдѣ; идите за вашимъ княземъ!“ Новгородцы смѣло ударили на врага и сразу смѣшали его. Герой-князь „собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лицо Биргера“, дружинники его не уступали своему князю, и шведы въ страхѣ бѣжали, оставивъ русскимъ свой лагерь и много плѣнныхъ...

Но, несмотря на это пораженіе, слава Биргера Бронзы широко гремѣла по Швеціи. Самъ онъ не былъ никогда королемъ, но его справедливо прозвали „отцомъ королей“, потому что его сынъ Вольдемаръ еще при жизни Биргера избранъ былъ, послѣ смерти Эрика, послѣдняго изъ династіи Бондаровъ, королемъ Швеціи и сталъ родоначальникомъ новой династіи королей, такъ называемыхъ „фолькунгар'овъ“.

Биргеръ же носилъ только званіе „ярла и герцога шведовъ и готовъ“, данное ему Эрикомъ; онъ жестоко разгнѣвался, когда узналъ, что во время предпринятаго имъ крестоваго похода противъ язычниковъ Финляндіи, государственный совѣтъ Швеціи, боясь его самовластнаго и жѣсткаго характера, поспѣшилъ избрать королемъ не его, а сына его. Впрочемъ, управляя государствомъ все-таки онъ, и Швеція до сихъ поръ благодарна ему за многіе полезные законы и строгіе порядки, введенные имъ въ управленіе; особенно же благодарны ему шведскія женщины, которыя до него были лишены всякаго права наслѣдства послѣ родныхъ, при жизни своихъ братьевъ. „Куда входитъ шляпа, оттуда чепецъ долженъ уходить прочь!“—говорилъ старый шведскій законъ; отмѣненный Биргеромъ.

Въ Риддаргольмчѣрванъ провелъ насъ одинъ столько же любезный, сколько наивный прохожій изъ мелкихъ лавочниковъ, не понимавшій ни слова ни на одномъ европейскомъ языкѣ, и увѣрявшій меня, что я очень хорошо говорю по-шведски послѣ того, какъ я назвалъ ему памятники Густава Вазы и Биргеръ-Ярла, Риддаргузъ, Риксдагъ и разныя другія зданія и улицы его столицы. Бѣдняга искренно воображалъ, что кто не знаетъ родного его языка, тотъ не можетъ знать и славныхъ памятниковъ Швеціи.

Церковь рыцарей полна безвкусіа. Стиля тутъ никакого; какой-то случайный конгломератъ приклеенныхъ къ большому дому нѣсколькихъ часовенъ, въ видѣ круглыхъ башенъ подъ куполами и шпилями. Такихъ башенъ я насчиталъ шесть; но и онѣ не всѣ одинаковы. Грубая кирпичная кладка еще больше усиливаетъ сухую прозаичность постройки, которую не въ силахъ обратить въ готическую, а тѣмъ менѣе въ сколько-нибудь поэтическую, даже и очень высокій, въ девяносто метровъ, чу-

гунный шпиль новой работы, сквозной какъ кружево, но вмѣстѣ и черный какъ деготь.

Внутри тоже бѣдно и пусто, но зато характерно. По стѣнамъ висятъ ярко расписанныя арматуры похороненнаго здѣсь шведскаго рыцарства, съ горделивыми надписями, таблицы съ именами умершихъ членовъ шведскаго „ордена Серафимовъ“, къ которому считаютъ почетнымъ долгомъ принадлежать всѣ сколько-нибудь важные люди, и къ которому, между прочимъ, принадлежалъ и императоръ Александръ III, и императоръ Вильгельмъ I, и французскій президентъ Карно. Боконныя часовни обращены въ усыпальницы королей. Они сплошь заставлены гробницами, увѣшаны и уставлены букетами знаменъ, отбитыхъ у непріятеля, пирамидами трубъ и барабановъ. Тутъ и Густавъ-Адольфъ, и Карлъ X, и Карлъ XI, и Карлъ XII, всѣ когда-то прошумѣвшія славы Швеціи. Однѣ гробницы стоятъ сверху; другія подъ ними въ темныхъ подземныхъ склепахъ, куда спускаются по лѣстницамъ прямо изъ церкви. Внизу, большею частью, семейства королей, жены ихъ, сестры, дѣти. Гробница Бернадотта, или Карла XIV-го Югана, какъ называютъ его шведы, изъ красиваго далекарлійскаго порфира; другія—изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ и литыя металлическія. А есть и массивныя каменныя гробницы съ вырѣзанными изъ камня же фигурами усопшихъ королей, лежащими сверху строго и неподвижно, еще уцѣлѣвшія отъ временъ средневѣковаго католичества. Это—саркофаги Магнуса и Карла VIII-го.

Почти всѣ гробницы обвѣшаны многоцвѣтными лентами съ надписями отъ вѣнковъ, единственными остатками бывшихъ юбилейныхъ поминокъ. Гробница Густава-Адольфа, изъ зеленаго мрамора, осыпанная сверху боевымъ знаменемъ Люцена и королевскимъ стягомъ Швеціи, буквально засыпана этими вѣнками и лентами, и кромѣ того прикрыта еще громадною, богато расшитую шолковою мантиею, подаркомъ короля Оскара I-го. На гробницѣ надпись: „Gustavus Adolphus Magnus“. Гробница изъ чернаго мрамора Карла XII-го, неудачнаго соперника Густава-Адольфа,—какъ разъ напротивъ его, и очень оригинально прикрыта львиною шкурою, съ бронзовою короною, скипетромъ и мечомъ на ней...

Весь верхній полъ тоже въ каменныхъ гробовыхъ плитахъ, съ старинными надписями и изображеніями, выбитыми въ камнѣ и уже полустертыми, — нѣкоторыя съ чугунными вольцами, отрывающими ходъ въ склепъ. На самой срединѣ храма хорошо еще видна могильная плита надъ гробомъ портного,—можетъ

быть, и придворного, — о чемъ свидѣлствуютъ вырѣзанныя на камнѣ ножицы и надпись на старинномъ шведскомъ языкѣ.

Въ Риддарчёрканѣ богослуженія уже не происходятъ, кромѣ отпѣванія умершихъ королей да юбилейныхъ поминокъ ихъ. Посѣтители ходятъ по церкви въ шапкахъ, какъ по базару, — и это производить, съ непривычки, тяжелое впечатлѣніе. Вообще, во всемъ храмъ замѣтна изрядная запущенность, мало соответствующая его важному историческому значенію и его особенной близости къ королевской фамиліи...

„Дворецъ рыцарства“ — Riddarhus — хотя и прямо противъ Riddarkyrkan, но уже не на островѣ Риддаргольмѣ, а черезъ мостъ отъ него, на берегу острова Стадена. Фасадъ его въ аллегорическихъ статуяхъ, въ латинскихъ надписяхъ, внушительнаго вида. Мы вошли въ очень торжественныя сѣни по лѣстницѣ съ гранитными ступенями и мраморною массивною рѣшеткою, и по звонку нашему весьма благопристойный швейцаръ, гораздо болѣе похожій на профессора или почтеннаго чиновника, вѣжливо провелъ насъ въ огромную залу засѣданій дворянскаго сословія Швеціи.

Видъ ея очень оригинальный: всѣ стѣны сплошь снизу доверху обиты словно, пестрыми обоями, разноцвѣтными гербами древнихъ и новыхъ рыцарскихъ фамилій; швейцаръ увѣрялъ насъ, что такихъ гербовъ тутъ 2.850. Тутъ, между прочимъ, среди разныхъ Оксенштринъ, Браге, Ферзеновъ, и новояспеченные бароны Норденшѣльдъ и его братъ Диксонъ, давшій знаменитому изслѣдователю сѣвера, вмѣстѣ съ королемъ Оскаромъ, необходимыя средства для осуществленія его полярной экспедиціи. На потолкѣ — красивыя фрески Эренштраля. Многочисленные ряды стульевъ обиты свѣтло-голубою матеріею, что, вмѣстѣ съ яркою живописью гербовъ на стѣнахъ и множествомъ свѣта, любуясь въ окна, дѣйствуетъ какъ-то весело на душу. Старинное кресло въ формѣ трона — для оберландмаршала дворянства — изъ чернаго дерева и слоновой кости тончайшей работы, — подарокъ дворянству короля Густава-Адольфа, — показывается какъ главная историческая реликвія „Риддаргуза“.

Въ двухъ другихъ залахъ его, этажомъ ниже, — всѣ стѣны обвѣшаны прекрасно исполненными портретами ландмаршаловъ дворянства съ 1057 по 1865 г., среди которыхъ швейцаръ-профессоръ не упустилъ систематически указать намъ всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ историческихъ дѣятелей. Одинъ только

злополучный графъ Карлъ Левенгауптъ, хорошо знакомый намъ по-русской исторіи, казненный съ такою жестокою несправедливостью за свою неудачную финскую войну 1740—1743 годовъ, — извергнуть мстительнымъ дворянствомъ изъ сонма своихъ представителей.

Риддаргузъ служилъ парламентомъ рыцарскаго сословія только до 1866 г., когда конституція Швеціи подверглась существенному измѣненію, и вмѣсто четырехъ отдѣльныхъ сословныхъ риксдаговъ, или парламентовъ, былъ установленъ одинъ общій для Швеціи, всесословный риксдагъ. Въ настоящее же время въ Риддаргузѣ дворянство собирается исключительно только по своимъ, такъ сказать, внутреннимъ сословнымъ дѣламъ, не имѣющимъ никакого государственнаго характера.

Посѣтили мы и новѣйшій риксдагъ, домъ котораго тоже въ Стаденѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ королевскимъ замкомъ, — и удивились, зачѣмъ это только говорить о немъ въ гидахъ и показывать его туристамъ! Потеряли понапрасну время, разыскивая привратника, поджидая ключей, странствуя по узенькимъ, крутымъ лѣстницамъ, единственно зачѣмъ, чтобы возмутиться духомъ — какъ это возможно помѣщать высшее законодательное учрежденіе цѣлой страны, своего рода собраніе правителей ея, — въ такой ярмарочный балаганъ, съ некрашенными полами въ щеляхъ, гдѣ въ тѣсныхъ комнатахъ, биткомъ набитыхъ простыми деревянными сидѣвьями безъ столовъ, съ откидными досками, въ самой скудной казарменной обстановкѣ, лишенной не только всякаго величія, но и всякаго приличія, — „отцы отечества“ должны сидѣть по цѣлымъ мѣсяцамъ какъ сельди въ боченкѣ. Для публики мѣстъ совсѣмъ почти нѣтъ; въ одной изъ палатъ придѣланы еще крошечные хоры, въ другой — и того нѣтъ. Въ комнатахъ канцеляріи парламента столы и все убранство живо перенесли мое воспоминаніе въ щигровскій земскій судъ блаженной памяти; это тѣмъ болѣе странно, что въ Стокгольмѣ удивительный порядокъ, комфортъ и даже изящество своего рода въ каждомъ мало-мальски посѣщаемомъ трактиричкѣ, — и что риксдагъ помѣщается какъ нарочно въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ великолѣпіемъ и роскошью королевскаго замка.

Впрочемъ, знакомые шведы успокоили насъ потомъ въ нашемъ безотрадномъ впечатлѣніи отъ „парламентскаго дворца“, — сообщивъ намъ, что помѣщеніе его временное, и что теперь строится новое грандіозное зданіе для риксдага, вполне достойное его важнаго государственнаго значенія. Хотя съ 1866 до 1898 гг. — было, повидимому, достаточно времени для того,

чтобы снабдить пристойною квартирою отечественныхъ законодателей, однако все-таки лучше поздно, чѣмъ никогда. Мы дѣйствительно видѣли эту громадную начатую постройку, почти рядомъ съ главнымъ стокгольмскимъ мостомъ „Норрбро“, соединяющимъ Стаденъ съ материкомъ, на небольшомъ островкѣ Гельгеандсгольмѣ. Это—самый кипучій центръ столицы, и домъ риксдага будетъ здѣсь очень у мѣста и очень эффектенъ; почти vis-à-vis дворца, съ одной стороны рядомъ съ Стаденомъ, съ другой рядомъ съ площадью Густава-Адольфа, и въ самомъ, такъ сказать, руслѣ стокгольмскихъ водъ, которыми озеро Меларъ изливается въ морской заливъ Сальтсбёнъ.

Шведы, какъ и многіе другіе европейцы, сначала строятъ цѣлое сплошное севозное зданіе лѣсовъ во всю высоту и во весь обхватъ зданія,—лѣсовъ не изъ жердей и тесинъ, связанныхъ между собою на живую нитку кое-какими ляпушками да гвоздиками, трясущимися и поминутно проваливающимися подъ ногами рабочихъ, а изъ основательно укрѣпленныхъ прочныхъ столбовъ съ достаточно широкими проходами и лѣстницами, обнесенными перилами,—и уже послѣ того, внутри этого лабиринта бревенъ и досокъ, начинаютъ воздвигать само строеніе.

Отъ Риддарсгольма нужно пробраться въ королевскому дворцу черезъ невѣроятно узенькіе переулочки, прозываемые шведами „Brinkar“ и „Gränder“, соединяющіе между собою длинныя торговыя артеріи Stora nya gatan (Большая новая улица), Lilla nya gatan (Малая новая улица), Westerlång gatan (Западная продольная улица) и другія главныя улицы Стадена, прорѣзающія его насквозь, отъ одного берега до другого; древнія прозвища кварталовъ выставлены здѣсь на каждомъ углу. Фасады домовъ, гербы, украшенія, надписи на нихъ то-и-дѣло напоминаютъ вамъ средніе вѣка. Въ Стаденѣ кипитъ старинная стокгольмская мелкая торговля, придающая этой тѣсно застроенной и тѣсно заселенной части города особенно характерный видъ, и обращающая ее въ одинъ многолюдный сплошной базаръ своего рода. Берега же Стадена во всей буквальнойности представляютъ собою рядъ рынковъ—Kornhamns-torget (рынокъ хлѣбной пристани), Меларскій рынокъ, Köttorget, т.-е. мясной рынокъ, и т. п. Всѣ корабли и суда, приходящіе въ Стокгольмъ съ озера Мелара, пристають къ одному берегу Стадена; всѣ корабли и суда Балтійскаго моря, исключая нѣкоторыхъ мелкихъ пассажирскихъ пароходовъ дачнаго сообщенія, пристають къ другому его берегу—Шепсброну. Въ Стаденѣ же сосредоточены и главнѣйшія государственныя и муниципальныя учрежденія, банки, городская

дума, королевскій архивъ, высшій апелляціонный судъ, домъ оберштадтгальтера, т.-е. генераль-губернатора столицы, монетный дворъ и пр.,—словомъ, все то, охрана чего всегда возбуждала наиболѣе заботливости, и что невольно поэтому устраивалось поближе къ центру власти, подъ надежною охраною укрѣпленій и окружающихъ водъ... Стаденъ, такимъ образомъ, продолжаетъ служить, какъ и въ былое время, своего рода бющимся сердцемъ Стокгольма, распределяющимъ своими властными толчками его кровь по многочисленнымъ жиламъ и сосудамъ новыхъ кварталовъ.

Прежде, однако, чѣмъ вы уйдете съ площади Riddarhustorg, съ одной стороны которой стоитъ городская ратуша, съ другой домъ рыцарства,—не позабудьте посмотрѣть на монументъ Густава Вазы, воздвигнутый въ концѣ XVIII вѣка шведскимъ дворянствомъ основателю шведской независимости на память 250-лѣтія со дня побѣдоноснаго вступленія его въ Стокгольмъ.

Мощная и характерная фигура этого короля-богатыря,—богатыря одинаково духомъ и тѣломъ, сердцемъ и разумомъ,—изумительно полно воплотившаго въ себѣ всѣ здоровыя силы своего родного племени, этого по истинѣ шведа изъ шведовъ,—вылита изъ бронзы, по модели извѣстнаго французскаго скульптора L'archevêque'a, въ величественной королевской мантии на плечахъ, съ жезломъ власти въ рукѣ, твердо и увѣренно опертомъ о мускулистую ногу, съ смѣло поднятымъ взглядомъ мужественнаго и прекраснаго лица. Такимъ онъ дѣйствительно долженъ былъ войти въ ворота шведской столицы въ достопамятный день 23 іюня 1523 года, когда этотъ послѣдній оплотъ ненавистой власти датчанъ надъ шведами сдался наконецъ любимцу и избраннику шведскаго народа, и Швеція, послѣ 126-лѣтняго калмарскаго ига, была провозглашена свободною и самостоятельною державою.

Площадь, черезъ которую мы проходимъ, двигаясь ко дворцу, носящая до сихъ поръ свое старое прозвище „Stortorget“, т.-е. „Большого рынка“, несмотря на ея изрядную тѣсноту,—была невольно виновницею этого освободительнаго подвига Густава. Она полита кровью самыхъ мужественныхъ и честныхъ патріотовъ Швеціи, которыхъ датскій владыка Швеціи, Христіанъ II-ой, считалъ слишкомъ опасными для своего безпрекословнаго владычества надъ вольнолюбивыми сынами сѣвера. Здѣсь совершилась непримѣрная въ исторіи, по вѣроломству и жестокости, „кровавая стокгольмская баня“, 8-го ноября 1520 года, въ которой были обезглавлены, по приказу Христіана, на глазахъ пораженныхъ ужасомъ горожанъ, 90 знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ вельможъ

Швеции, и между ними старикъ Эрикъ Югансонъ Ваза, отецъ Густава. Уже на эшафотѣ посланецъ тирана предлагалъ ему милость и прощеніе; но благородный старикъ закричалъ: „Нѣтъ, Бога ради, дайте мнѣ умереть съ этими честными людьми, моими братьями!“—и самъ положилъ голову на плаху. Страшная буря съ проливнымъ дождемъ разразилась надъ городомъ къ концу этой потрясающей бойни, и кровавые потоки растекались съ „Большого торго“ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ Стадена. Мало того, тиранъ приказалъ схватить женъ и дочерей казненныхъ и переслать къ нему въ Данію, гдѣ скоро онѣ всѣ были замучены; мать Густава и его двѣ сестры были умерщвлены злодѣемъ-королемъ раньше другихъ.

Молодой Густавъ, вѣроломно захваченный въ плѣнъ Христіаномъ и только-что успѣвшій, съ опасностями всякаго рода, бѣжать изъ Даніи и пробраться на родину, гдѣ онъ прятался какъ дикій звѣрь отъ клеветовъ короля, услышавъ ужасную вѣсть о казни своего отца, поклялся или погибнуть, или жестоко отомстить убійцѣ отца,—тирану своей страны.

И онъ отмстилъ ему вполне: онъ вырвалъ изъ рукъ Христіана цѣлое шведское королевство и довелъ своего врага и бывшего владыку до того, что собственный народъ изгналъ его изъ Даніи, и онъ принужденъ былъ сначала скитаться по иностраннымъ дворамъ, а на послѣдокъ цѣлыхъ двадцать-семь лѣтъ, до самой смерти своей, протомился въ заточеніи... Семнадцать лѣтъ сряду онъ просидѣлъ въ сырой и темной конурѣ одинъ-наодинъ съ полу-сумасшедшимъ варликомъ...

На площади Slottsbacken („Замковая Гора“),—почти рядомъ съ королевскимъ замкомъ стоитъ „Большой соборъ“, Storkyrkan, исторической памяти. Это—самая древняя и самая главная церковь во всемъ Стокгольмѣ, построенная еще въ XIII-мъ столѣтіи основателемъ Стокгольма, Биргеръ-Ярломъ; конечно, она много разъ была передѣлана въ теченіе шести столѣтій своего существованія, но все-таки сохранила въ главныхъ чертахъ свои старыя основы. Стиля въ ней никакого, красоты никакой. Внутри она гораздо величественнѣе: ряды готическихъ столбовъ, перекрещивающихся наверху стрѣльчатыми арками, дѣлятъ ее на пять продольныхъ галерей; и столбы, и стѣны, все выбѣлено простою известью, почти безо всякихъ украшеній. Только надъ престоломъ глядитъ сверху громадный круглый глазъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Престолъ очень старинный, рѣдкой работы

аугсбургскихъ мастеровъ, изъ чернаго дерева и слоновой кости, со множествомъ золоченыхъ фигуръ, изображающихъ страсти Христовы. Рядомъ—колоссальный мѣдный подсвѣчникъ о семи вѣтвяхъ какой-то ветхозавѣтной формы и грубая каменная купель съ надписями, для святой воды. Все это—остатки первобытной церкви Биргеръ-Ярла, тогда еще католической.

Въ среднемъ, главномъ проходѣ, другъ противъ друга, придѣланы къ колоннамъ двѣ королевскія ложи подъ громадными золочеными коронами, прикрытыя вмѣсто балдахиновъ такими же раззолоченными, широко распахнутыми королевскими порфирами. Много великолѣпныхъ и массивныхъ мраморныхъ гробницъ—съ группами ангеловъ, съ мужскими и женскими фигурами въ ростъ человѣка, съ горделивыми генеалогическими надписями и гербами—установлено около стѣнъ и столбовъ. Есть и средне-вѣковыя, каменные гробницы, полныя наивной и смиренной вѣры, на крышкахъ которыхъ благочестно лежатъ, скрестивъ молитвенно руки на груди, строго и прямо протянувъ свои грѣшныя тѣла, каменные изваянія умершихъ, съ тѣмъ же непоколебимымъ выраженіемъ упованія и вѣры въ будущее воскресеніе свое, съ какими дѣйствительно тогдашніе люди ложились въ свои гробы.

На иныхъ отецъ и мать—рядомъ, какъ на брачномъ ложѣ, и около нихъ даже дѣти ихъ.

Весь—полъ въ старыхъ плитахъ, изсѣченныхъ надписями и разными изображеніями, большею частью XVI и XVII вѣковъ. Хоры не у стѣны, какъ всегда, а между столбами перваго отъ стѣны ряда; на нихъ громаднѣйшій органъ огромной цѣнности.

Въ эту-то „Сторчѣрканъ“ и Густавъ Ваза вошелъ поблагодарить Бога за свой успѣхъ, прежде чѣмъ въ сдавшійся ему королевскій замокъ, въ знаменательный день 23-го іюня 1523 года.

Тогдашній архіепископъ Швеціи, Густавъ Тролле, былъ горячимъ сторонникомъ короля Христіана и яростнымъ врагомъ талантливаго правителя Швеціи, Стэна Стуре-Младшаго, дѣда и воспитателя Густава Вазы, смѣло отстаивавшаго права и интересы шведскаго народа отъ датскаго тирана. Тролле и былъ, собственно, тайнымъ внушителемъ кровавой бани, такъ какъ всѣ казненные вельможи и горожане были сторонники уже умершаго въ это время Стуре и враги отчаянно боровшагося съ нимъ архіепископа. Первымъ условіемъ Густава Вазы при избраніи его на престолъ Швеціи—было немедленное изгнаніе Тролле, причинившаго своему отечеству столько зла, сколько ему не причинилъ ни одинъ его врагъ. Вообще, католическое духовенство Швеціи заявило себя весьма печально на страницахъ

шведскихъ лѣтописей, особенно же въ эпоху реформаціи, которая и введена была Густавомъ Вазою въ Швецію въ значительной степени съ тою цѣлью, чтобы уничтожить вредное политическое значеніе епископовъ, всегда и вездѣ преслѣдовавшихъ гораздо болѣе интересы римскихъ папъ и духовнаго сословія, чѣмъ интересы шведскаго государства и народа.

VII. — Замокъ шведскаго короля.

Дворецъ выходитъ на Slottsbacken своимъ южнымъ фасадомъ, украшеннымъ колоннадою и арматурами, надъ которыми—латинская посвятельная надпись: „Carolo XII, pio, felici, augusto“, „непобѣдиму Геркулесу“ и пр., и пр. Изумительно, какъ шведы любятъ этого солдата-авантюриста, уничтожившаго въ концѣ концовъ силу и богатство Швеціи, — любятъ за то только, что лично онъ былъ человѣкъ цѣльнаго геройскаго духа... Со стороны южнаго фасада вся семиэтажная громада дворца была оплетена сѣтью лѣсовъ, потому что тогда шли дорого стѣющія, хотя давно необходимыя работы по обновленію наружной штукатурки замка, пришедшей въ непозволительно грязный и неопрятный видъ.

Slottsbacken сбѣгаетъ подъ горку къ одной изъ пристаней Saltsjön'a, откуда переправляются въ Национальный музей, и откуда очень оживленный видъ на Skeppbron и весь заливъ, съ его живописными островками Кастельгольменомъ и Шеппсгольменомъ. И на верхнемъ, и на нижнемъ краю „Замоквой Горы“, стоитъ по памятнику: вверху, около Storkyrka — гранитный обелискъ, воздвигнутый королемъ Густавомъ III-мъ „вѣрности стокальмскихъ горожанъ“, поддержавшихъ его съ твердостью гранита во время войны съ русскими въ Финляндіи, между тѣмъ какъ дворянство совсѣмъ не сочувствовало его завоевательнымъ затѣямъ. Стокальмскіе горожане, въ свою очередь, въ благодарность королю за такое торжественное признаніе ихъ доблести, воздвигли ему монументъ на той же площади у пристани. Густавъ III-й стоитъ, опираясь на руль, въ память его морскихъ побѣдъ.

„Законодателю, побѣдителю, возстановителю мира — стокальмское гражданство“ —краснорѣчиво гласитъ надпись на памятникѣ, вылитомъ изъ бронзы талантливымъ шведскимъ скульпторомъ Сергелемъ. Этотъ сѣверный подражатель Лудовику XIV-му, красавецъ, расточитель, прививавшій съ большимъ усердіемъ къ простымъ и здоровымъ обычаямъ своего сѣвернаго отечества

распущенные нравы возлюбленного ему Парижа; истощившій народную казну столько же своими безплодными войнами и заступничествомъ за падшихъ Бурбоновъ, сколько пышностью своей придворной жизни и своихъ заграничныхъ поѣздовъ,—несмотря на свои дарованія и образованность, всего меньше, казалось, заслуживалъ отъ своего отечества тѣхъ громкихъ титуловъ, которыми наградило его стокгольмское бюргерство. Дворянство, привыкшее при прежнихъ слабыхъ короляхъ править дѣлами Швеции по собственному произволу и болѣе дальновидное въ дѣлахъ политики, чѣмъ пылкій молодой король, оказывало постоянное сопротивленіе, иногда глухое, иногда и явное, неблагоприятнымъ затѣямъ короля,—и Густавъ III-й, уничтожившій, своими рѣшительными мѣрами абсолютнаго монарха, значеніе правившаго класса при дѣятельномъ содѣйствіи бюргерства, возненавидѣлъ всюю душою своихъ шведскихъ дворянъ; нѣкоторые изъ нихъ заплатились головою за свое противодѣйствіе деспотическимъ распоряженіямъ короля, не желавшаго, по примѣру своего идеальнаго образца, Лудовика XIV-го, стѣсняться законами страны. Но и Густавъ III-й, какъ извѣстно, тоже заплатился головою за свое слишкомъ себялюбивое и слишкомъ безперемонное обращеніе съ правами и интересами народа: онъ погибъ очень характерно—въ театрѣ оперы на одномъ изъ тѣхъ любимыхъ своихъ баловъ-маскарадовъ, на которые безразсудно тратились огромныя суммы трудовыхъ народныхъ денегъ, въ то самое время, какъ народъ умиралъ отъ голода и эпидемій. Пистолетъ Анкерстрѣма былъ только смѣлымъ исполнителемъ заговора, въ которомъ участвовали знатнѣйшіе изъ дворянъ.

Королевскій дворецъ, служившій во время оно главнымъ боевымъ блокаузомъ Стокгольма, запиравшій входъ въ его внутреннія воды кораблямъ, приходившимъ съ Балтійскаго моря,—вполнѣ заслуживаетъ названія замка (Kungliga Slottet), которое ему до сихъ поръ даютъ. Это—колоссальная каменная масса, съ четырьмя крыльями по угламъ въ безчисленныхъ окнахъ, со всѣхъ сторонъ охватывающая своею квадратною громадою внутренній дворъ. Въ немъ можетъ помѣститься цѣлый порядочный городъ. Стилъ его—простой, благородный и величественный, въ духѣ итальянскаго возрожденія. Но онъ такъ грязенъ снаружи, что кажется закоптѣвшимъ отъ дыма. Съ двухъ сторонъ его уже возведены лѣса, чтобы освѣжить штукатурку и окраску. Главный подъѣздъ къ дворцу—цѣлая пологая гора, на которую

экипажи въѣзжаютъ съ одной стороны, съѣзжаютъ съ другой, мимо двухъ громадныхъ каменныхъ львовъ. Оттого вся площадка передъ фасадомъ дворца называется „Львиною-горкою“ — Lejonbacken. Подъ террасу эту высокій и широкій туннель своего рода ведетъ во дворъ замка, снабженный массивными воротами. Все это — неизбежныя слѣды стараго осаднаго двора, родоначальника нынѣшнихъ королевскихъ палатъ.

Намъ хотѣлось подробно осмотрѣть внутренность дворца, и оказалось, что для этого не требуется никакихъ предварительныхъ разрѣшеній и билетовъ. Шведская простота и здравая разумность распорядковъ проникли въ самое жилище верховнаго главы народа. Всякій, кто бы онъ ни былъ, простой крестьянинъ, простая далекарлійская баба, городскіе мѣщане и знатные европейскіе туристы, свободно поднимаются, никѣмъ не опрашиваемые и не останавливаемые, по величественнымъ лѣстницамъ дворца и входятъ въ его передніе апартаменты, отыскивая глазами надпись „vaktmästare“, по-нашему — швейцара или сторожа. „Vaktmästare“, одѣтый въ костюмъ придворнаго слугителя, весьма привѣтливо ведетъ васъ въ то отдѣленіе, которое поручено его завѣдыванію, и сдаетъ васъ потомъ другому „vaktmästare“, столь же охотно принимающему на свои руки толпу посѣтителей, отъ которыхъ ему обязательно приходится получать малыя толики. Обыкновенно, небольшая группа гостей даетъ ему за всѣхъ одну крону, много-много двѣ. Но нужно имѣть въ виду, что отдѣленій во дворцѣ не мало, и въ каждомъ — свой особый сторожъ, стало-быть и свой особый гонораръ. По невѣдѣнію, мы обошли всѣ отдѣленія дворца, но, въ сущности, достаточно познакомиться съ покоемъ короля и королевы, не осматривая покоевъ наслѣднаго принца и принцессы, которые мало интересны послѣ главныхъ помѣщеній дворца.

Дворецъ полонъ, конечно, богатства, вкуса, изящества, но слишкомъ уже много всего этого, и одна драгоценность убиваетъ другую, такъ что въ концѣ концовъ выносишь только впечатлѣніе жестокаго утомленія отъ этой нескончаемой череды чудныхъ гобеленовъ, бронзъ, хрусталей, зеркалъ, картинъ, роскошной мебели, на которыя начинаешь, наконецъ, смотрѣть такъ же небрежно, какъ на базарныя издѣлія у какой-нибудь Сухаревой башни. Въ хаосѣ безчисленныхъ мимолетныхъ впечатлѣній забываешь самыя рѣдкія замѣчательныя вещи и перепутываешь ихъ съ самыми обыкновенными, тѣмъ болѣе, что уже и прежде видалъ на своемъ вѣку столько роскошныхъ дворцовъ, одинъ великолѣпнѣе другого, что тебя уже ничѣмъ не удивишь.

Одна только мысль гвоздемъ залѣзла мнѣ въ голову, когда я бродилъ, глазѣя, по этимъ золотымъ, зеркальнымъ и бархатнымъ комнатамъ: человѣку врядъ ли нужно столько пышности, столько богатства, столько блеска; врядъ ли и живетъ ему уютно среди этихъ бронзъ и зеркалъ. Во всемъ этомъ гораздо больше внѣшней подражательности и рутинны, чѣмъ дѣйствительной потребности. Поэтому въ высшей степени странно, что современная цивилизація наша, уленившая насъ столько неотложныхъ и важныхъ потребностей человѣческаго общества, въ то же время не только не сдерживаетъ это общество отъ вѣдвшихъ въ него привычекъ бесполезной роскоши, но еще, кажется, сильнѣе раздуваетъ эти привычки, заражая ими даже тѣ классы общества, которые недавно еще не позволяли себѣ и мечтать ни о чемъ подобномъ. Въ шведскомъ королевскомъ дворцѣ удивило меня почти совершенное отсутствіе прислуги въ комнатахъ. Толпы народа разгуливаютъ среди множества драгоценныхъ мелочей и бездѣлушекъ, среди множества цѣнныхъ неимѣющихъ историческихъ рѣдкостей, которыя ничего не стоить скрыть и унести, и однако нигдѣ ни души, и рѣшительно никто не слѣдитъ за этими невѣдомыми посѣтителями. То же я замѣтилъ и въ Сѣверномъ музеѣ, и во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ рѣдкостей. Очевидно, что вѣра въ честность своего народа здѣсь непоколебима. Но вѣдь въ семьѣ не безъ уродъ, да и не одни шведы посѣщаютъ стокгольмскіе музеи и дворцы.

Кронъ-принцъ—страстный охотникъ и страстный путешественникъ, какъ и его отецъ король Оскаръ. Поэтому большая биллиардная комната принца обращена въ очень интересную охотничью залу, по стѣнамъ которой виситъ и стоитъ цѣлый звѣринецъ чучель и головъ животныхъ, собственноручно истребленныхъ царственнымъ охотникомъ. Тутъ не только козы, серны, медвѣди, лоси, но и нильскіе крокодилы, и всякія заморскія диковины. Кабинеты и отца, и сына, сплошные—музеи античныхъ и всякихъ другихъ рѣдкостей и интересныхъ подарковъ разныхъ владыкъ міра сего, и сіамскаго короля, и японскаго микадо; много, между прочимъ, подарковъ и нашей Августѣйшей Фамиліи: безцѣнные мозаиковые столы, гобелены Екатерины II-й, колоссальныя малахитовыя вазы Николая I-го. Гобеленами особенно изобилуетъ дворецъ. Въ комнатахъ королевы нельзя не остановиться на фарфоровой гостиной, гдѣ вся безъ исключенія мебель, кресла, зеркала, комоды, столы, этажерки, все — изъ чуднаго севрскаго фарфора неописуемаго изящества. Полна также грандіознаго вкуса большая гостиная королевы, гдѣ зер-

кальными узорчатыя рамы громадной величины окаймляютъ малиновыя бархатныя панели, съ которыми такъ гармонируютъ массивныя столы изъ драгоцѣнной венеціанской мозаики.

Нужно думать, что вся эта баснословная роскошь и изысканность убранства, всѣ эти плафоны, расписанные извѣстными художниками, эти картины, полныя нимфъ, пастушковъ и амуровъ—уцѣлѣвшее наслѣдіе безвозвратно прошумѣвшаго сладострастнаго и эгоистическаго XVIII-го вѣка, характернымъ представителемъ котораго на тронѣ скромной и воздержной Швеціи былъ роскошный Густавъ III-й.

Совсѣмъ въ особомъ крылѣ замка помѣщается зала для засѣданій рейхстага, когда король открываетъ и закрываетъ ихъ. Она совсѣмъ не похожа на жалкое помѣщеніе обычныхъ засѣданій рейхстага, о которомъ я говорилъ раньше. Здѣсь и королевская ложа, и ложи для дипломатовъ и придворныхъ дамъ, всѣ прилично отдѣланныя на манеръ театральныхъ; здѣсь и серебряный тронъ короля, охраняемый по обѣ стороны мраморными статуями Густава-Адольфа и Бернадотта, котораго шведы именуютъ королемъ Карломъ IV-мъ Юганомъ. Въ этомъ же крылѣ дворца и залъ засѣданій самаго почетнаго шведскаго ордена Серафимовъ, кавалерами котораго считаются и самъ король шведскій, и всѣ почти коронованныя особы Европы.

Но особенно интересно изъ всего, чтò можно осмотрѣть во дворцѣ—это его собранія королевскихъ одеждъ и вооруженій разныхъ вѣковъ. Дворецъ—такая громада, что осмотръ его, разумѣется, не можетъ быть сдѣланъ за одинъ разъ, и одна эта оружейная палата потребуетъ для себя, по меньшей мѣрѣ, цѣлаго дня. Палата эта помѣщается въ одномъ изъ двухъ-этажныхъ крыльевъ дворца, выходящихъ на „Львиную-горку“. Въ часы, назначенныя для посѣщенія, многочисленные залы палаты до того переполнены публикою, что бываетъ трудно добраться до витринъ, которыя вамъ интересны. Отчасти это происходитъ и оттого, что многіе залы тѣсно заставлены шкафами, витринами, старинными экипажами, чучелами лошадей и сидящихъ на нихъ рыцарей, такъ что для движенія публики мѣста остается не особенно много.

Жизнь былыхъ вѣковъ вся проходитъ здѣсь передъ вами съ наглядностью и характерностью, какихъ не даетъ никакое ученое описаніе. Тутъ вамъ дѣлаются ясныя истинныя вкусы, привычки, черты характера историческихъ личностей, о которыхъ вы знаете только одну ихъ показную, оффиціальную дѣятельность, попавшую на страницы хроникъ. И не только личности,—самые

вѣка даютъ свою мѣткую характеристику въ этихъ подлинныхъ и осязательныхъ выраженіяхъ своей внутренней жизни: эти желѣзные чешуйчатые футляры, одѣвающие съ макушки до пятъ человека и коня его, желѣзные шапки, желѣзные куртки, желѣзные сапоги, желѣзные перчатки, желѣзные чепраки, то богато украшенные и раззолоченные для тщеславныхъ турнировъ на глазахъ возлюбленныхъ красавицъ, то сурово простые и надежно кованные, выдержавшіе не одинъ ударъ вражескаго копья,—развѣ не рисуютъ они вамъ сразу словно живую картину былыхъ нравовъ, былыхъ характеровъ, былой мощи тѣхъ людей, которые не только могли носить на своихъ плечахъ эти пудовыя одежды, но еще по цѣлымъ днямъ бились въ нихъ съ ловкостью, проворствомъ и силою, о какихъ мы не имѣемъ теперь понятія, поднимая этими желѣзными лапами своими всѣ эти двухъ-аршинные зубчатые палаши, эти громадные злоухищренные копья, съ ножами и остріями по сторонамъ, на которыя мы смотримъ теперь съ жуткимъ изумленіемъ, которыхъ не въ состояніи пошевелить иной изъ нашихъ худосочныхъ современниковъ, но которыми они перерубали пополамъ или сносили съ сѣдла, какъ свои хлѣба вилою, такихъ же закованныхъ въ стальную черепаху богатырей. И развѣ весь этотъ изысканный неисчислимый гардеробъ драгоценныхъ нарядовъ всѣхъ оттѣнковъ цвѣта, всѣхъ фасоновъ и узоровъ, уцѣлѣвшій отъ Густава III-го, эти голубые, золотые и серебряные глазеты, усыпанные камнями, эти розовые, зеленые, сиреневые и бѣлые бархаты, эти атласные башмачки съ брилліантовыми пряжками и атласные камзолы съ рубиновыми пуговицами, эти изящныя золотыя трости и аметистовыя табатерки, эти золотыя кареты-троны на двѣнадцать лошадей, изукрашенные скульптурою, увѣнчанныя коронами, разрисованныя амурами и богинями, тяжелыя и громоздкія какъ дома,—развѣ они не воскрешаютъ въ вашемъ представленіи во всей ея полнотѣ роскошную и сластолюбивую эпоху париковъ, атласныхъ кафтановъ и любовныхъ похищеній?

Вотъ передъ вами узко обтянутая, строгая и благочестивая, какъ риза архіерея, коронаціонная феразь средневѣковаго католическаго короля Дезидерія, изъ парчи, затканной королевскими коронами, какъ то и подобаетъ вѣнчающемуся на царство владыкѣ. А вотъ простой кафтанъ изъ бѣлой кожи, въ которомъ продѣлалъ свои славные походы король-солдатъ Густавъ-Адольфъ,—простая полотняная рубашка, обгаренная его геройскою кровью на люценскомъ полѣ, простая шпага и пара простыхъ пистолетовъ его—рядомъ съ его жезломъ главнокомандующаго. Развѣ

это не два разные вѣка, не два разные историческіе типа для вастъ? А эти великолѣпные чепраки, покрывающіе лошадь отъ шеи до хвоста, сплошь вышитые кованымъ золотомъ и усѣянные разноцвѣтными камнями, эти сѣдла и узды восточной пышности, унизанныя жемчугомъ и камнями, какъ митры архіереевъ, эти золотыя стремяна, сверкающія алмазами,—говорятъ вамъ опять о своемъ характерномъ вѣкѣ, о своихъ особенныхъ вкусахъ и нравахъ, когда суровое и благочестивое рыцарство Европы, познакомившись съ роскошью восточныхъ деспотовъ, стало подражать въ своемъ боевомъ убранствѣ сарацинскимъ и османскимъ знатымъ витязямъ...

Сапоги и шляпа Карла XII-го, въ которыхъ онъ былъ убитъ подъ Фредриксгалемъ, и колыбель, въ которой онъ родился; маскарадный костюмъ, въ которомъ Густавъ III-й былъ застрѣленъ Анкерстрёмомъ; оружіе, которымъ Густавъ Ваза добывалъ свободу своего отечества, и много-много другихъ типическихъ, единственныхъ въ своемъ родѣ историческихъ реликвій Швеціи собрано въ этомъ замѣчательномъ, всѣмъ доступномъ хранилищѣ, которое съ такимъ усерднымъ любопытствомъ посѣщаетъ здѣшній народъ. Даже самихъ этихъ давно почившихъ героевъ своихъ онъ видитъ здѣсь чуть не лицомъ къ лицу, потому что и Густавъ Ваза, и Густавъ-Адольфъ, и многіе другіе славные короли и вожди его, сидятъ здѣсь какъ живые въ своихъ подлинныхъ одеждахъ, въ своемъ подлинномъ вооруженіи, на подлинныхъ своихъ боевыхъ коняхъ,—разумѣется, уже набитыхъ, а не живыхъ,—съ подлиннымъ своимъ ростомъ и подлиннымъ выраженіемъ лица, насколько искусная восковая фигура можетъ подражать живому человѣку. Это рѣдкое собраніе прекрасно сдѣланныхъ историческихъ фигуръ верхами на коняхъ—самое интересное, что только есть въ этомъ интересномъ музее...

Каждый разъ, возвращаясь изъ своихъ историческихъ экскурсій по Стадену и Риддаргольмену, мы не упускали случая отдохнуть въ популярномъ у стокгольмцевъ садикѣ „Strömparterr“⁴, что—по переводу на русскій языкъ значитъ:—„цвѣтникъ у рѣки“...

Стрёмпартеръ—это низенькая, полукруглая полянка, выдающаяся изъ островка Гельгеандсгольменъ въ заливѣ Saltsjön, какъ разъ по срединѣ его и Меларскаго озера, и какъ разъ у ногъ королевскаго замка. Широкій мостъ Норрбро, соединяющій Стаденъ съ материкомъ и застроенный съ одной стороны магазинами, подобно венеціанскому Ріальто, прорѣзываетъ поперекъ

островъ Гельгеандсгольменъ, и чтобы пройти въ Стрѣмпартеръ, необходимо спуститься съ моста внизъ къ водѣ по очень удобнымъ каменнымъ лѣстницамъ.

Днемъ рестораны и садикъ Стрѣмпартера почти пусты, хотя тамъ всегда можно позавтракать или выпить бутылку пива; но зато вечеромъ, когда здѣсь музыка гремитъ, и садикъ сверкаетъ сотнями своихъ электрическихъ шаровъ, опрокидываясь волшебнымъ отраженіемъ въ темной пучинѣ водъ,—всѣ стулья, столы, скамейки, всѣ дорожки и площадки его залиты публикою, такъ что не всегда можно протѣсниться, куда вамъ хочется.

Когда вы заберетесь на Стаденъ, вамъ недалеко и до оригинальнаго элеватора—„Катарина-Гиссенъ“, на которомъ стоитъ побывать. Это уже въ южной части города—„Сѣдермальмѣ“, которую туристы посѣщаютъ очень рѣдко, и въ которой нѣтъ ничего особенно интереснаго. Отъ дворца вы ѣдете по набережной Шеппсброна, кишачей тюками, ящиками, кулями, бочками, баржами, пароходами, застроенной складами и конторами всевозможныхъ родовъ, и подъѣзжаете къ южному краю острова Стадена, или „старого города“, отдѣленнаго отъ Сѣдермальмѣ своего рода проливомъ Сѣдерштромомъ („южный протокъ“). Тутъ кончается паровая конка, бѣгущая вдоль Шеппсброна, и устроены очень искусные шлюзы, позволяющіе даже довольно глубоко сидящимъ кораблямъ проходить черезъ Сѣдерштромъ изъ Салтсбѣна въ озеро Меларъ. Два желѣзные моста соединяютъ берега Стадена съ берегами Сѣдермальмѣ, а между этими мостами, на открытой площадѣ, стоитъ конная статуя короля Карла IV Югана,—когда-то французскаго маршала Бернадотта,—въ формѣ фельдмаршала шведской арміи, воздвигнутая сыномъ его, Оскаромъ I, отцомъ нынѣшняго короля.

„Отцу братскаго народа“—гласитъ краткая, но выразительная шведская надпись на памятникѣ.

Хотя послѣдствія полунасилъственной уніи, связавшей, по волѣ вѣнскаго конгресса, въ 1814 г., датскую Норвегію съ Швеціей на порогѣ воцаренія Бернадотта, далеко не доказали дѣйствительнаго братства двухъ скандинавскихъ народовъ, жившихъ столько столѣтій, можно сказать, спина съ спиною, на полуостровѣ, уединенномъ какъ островъ,—однако, тѣмъ не менѣе, прозваніе Бернадотта „отцомъ народа“—не пустая хвалебная фраза отцу въ устахъ сына, а искренній историческій приговоръ не только шведскихъ, но и норвежскихъ его подданныхъ.

Бернадоттъ, можно сказать, возродилъ промышленную и умственную жизнь Швеціи послѣ страшнаго разстройства ея въ

эпоху революціи и Наполеоновскихъ войнъ. Та печать широкой всенародной цивилизаціи, которою отмѣченъ весь внутренній бытъ современной Швеціи и которая такъ отрадно удивляетъ путешественника, — несомѣнно положена была на нее этимъ талантливымъ и честнымъ родоначальникомъ царствующей нынѣ французской династіи шведскихъ королей. Всюду проведены были имъ превосходныя дороги, построены мосты, прорыты каналы, открыты тысячи сельскихъ училищъ, коллегіи, высшія школы, такъ что промышленность, торговля, народное образованіе, сдѣлали при немъ огромный шагъ впередъ. Правда, въ послѣдніе годы своего царствованія, Бернадоттъ, доживавшій тогда уже свой восьмой десятокъ и утомленный многообразными перипетіями своей тревожной жизни, былъ очень непопуляренъ, вслѣдствіе своего упорнаго нерасположенія къ расширенію политической свободы шведовъ, преслѣдованія либеральныхъ писателей и т. п.; но время смягчило минутное раздраженіе умовъ, и общій благотворный результатъ его царствованія былъ оцѣненъ по заслугамъ послѣдующими поколѣніями...

„Катарина-Гиссенъ“ — сейчасъ же за мостомъ на берегу Сöderмальмъ. Это сплетенная изъ желѣзныхъ прутьевъ высокая сквозная башня съ красивымъ бельведеромъ на верху. Такой же сплетенный изъ желѣза мостъ повисъ между вершиною башни и вершиною отвѣсной горы, застроенной кварталами Сöderмальмъ. Чтобы очутиться наверху, на его улицахъ, вамъ необходимо продѣлать два воздушныя путешествія, оба, съ непривычки, немножко жуткія: сначала подняться въ желѣзной клѣткѣ на желѣзныхъ канатахъ внутри сквозной башни на верхнюю площадку ея бельведера, и потомъ пройти пѣшкомъ по висящему надъ пропастью и тоже сквозному мостику въ 150 метровъ — до края горы... Паровая машина поднимаетъ васъ въ одно мгновеніе покойно и незамѣтно на высоту 36 метровъ, на самую площадку бельведера.

Изъ бельведера очень эффектный видъ на заливъ Сальтсбонтъ, на Дьургорденъ, на средневѣковые переулки „Старого города“; у самыхъ ногъ, пытая своими дымками, поѣзда желѣзной дороги проносятся быстрыми черными стеножками черезъ заливы, проливы и островки Стокгольма, не разбирая, гдѣ вода, гдѣ земля, къ желѣзнодорожному вокзалу, тутъ же на набережной, въ со-сѣдствѣ съ элеваторомъ. Съ вершины его, незнакому съ Стокгольмомъ можно ориентироваться, какъ по громадной ландкартѣ, во всѣхъ углахъ города.

За подъемъ съ васъ берутъ нѣсколько ѱрь, за входъ въ бельведеръ—еще нѣсколько, за проходъ по мостику—тоже; наконецъ, берутъ и за входъ въ „Моссебаккенъ“, увеселительный садикъ съ кафе-рестораномъ, музыкой, столиками и бесѣдками, висящій надъ водою на самомъ краю скалы Сѳдермальмѣ. Посѣщеніе Моссебаккенъ считается почему-то обязательнымъ для тѳриста, поднявшагося на „Катарина-Гиссенъ“; тамъ дѣйствительно можно отдохнуть и выпить чашку кофе или стаканъ пива, любуясь съ высоты на Стокгольмъ и его окрестности. Но съ бельведера видъ во всякомъ случаѣ шире и лучше, а въ самомъ садикѣ, довольно открытомъ и тѣсномъ, нѣтъ ничего привлекательнаго.

За спускъ черезъ „Катарина-Гиссенъ“ расчетливые шведы берутъ уже на 2 ѱра дешевле, чѣмъ за подъемъ, вѣроятно, потому, что это путешествіе производится, такъ сказать, „на обратныхъ“, какъ выражаются почтари. Кромѣ „Катарина-Гиссенъ“, есть еще и другой элеваторъ, другой цивилизованный способъ взбираться на кручи Сѳдермальмѣ,—„Марія-Гиссенъ“, но онъ не такъ грандіозенъ, какъ „Катарина-Гиссенъ“, и поэтому не стоить отдѣльнаго посѣщенія.

VIII.—Окрестности Стокгольма.

Когда вамъ слишкомъ прѣется суетня городскихъ улицъ Стокгольма, намозолятъ глаза магазины и музеи,—садитесь на пароходъ и уѣзжайте куда-нибудь въ окрестности. Куда—разницы мало; на югъ, на сѣверъ, въ шхеры, на озеро; вездѣ, куда бы вы здѣсь ни поѣхали, найдутся милыя мѣста, на которыя съ удовольствіемъ полюбуется вашъ глазъ, и среди которыхъ отрадно вздохнетъ ваше сердце. А пароходы—на каждомъ шагу, у каждой маленькой пристани, и отходятъ такъ часто, что даже труда не стоить справляться о часѣ отъѣзда. Водяныя дороги, окружающія со всѣхъ сторонъ „Сѣверную Венецію“, тѣмъ удобны, что переносятъ васъ покойно и дешево рѣшительно въ каждый желаемый уголокъ; окрестности Стокгольма на огромное пространство—это архипелагъ прелестныхъ водъ, прелестныхъ островковъ, прелестныхъ береговъ. Лабиринтъ проливчиковъ и заливчиковъ врѣзается безчисленными развѣтвленіями въ берега, окружающіе озеро Меларъ, тоже всячески изогнутое и капризно развѣтвленное,—и въ морскіе берега, обсыпанные мириадами островковъ и шхеръ. Можетъ быть, эта возможность легко и быстро „пробѣжать“, куда вамъ хочется, развила въ стокгольмцахъ ту необыкновенную подвижность и ту ихъ страсть толпами

разъѣзжать по окрестностямъ, которыя такъ искренно удивляютъ насъ, неподвижныхъ и вялыхъ россійскихъ сыновъ, съ ихъ вкусами медвѣдя, одиноко сосущаго свою лапу, съ ихъ непроѣзжими дорогами и неодолимыми разстояніями. А привычка быть постоянно въ движеніи, на свѣжемъ воздухѣ, въ обществѣ живыхъ людей, потребность разнообразить какими-нибудь пріятными впечатлѣніями каждый свой вечеръ, — невольно воспитываетъ въ человѣкѣ привѣтливую общительность и свѣтлое настроеніе духа.

Мы выбрали для своей первой экскурсіи Дроттнинггольмскій замокъ, потому что онъ дальше другихъ „ближайшихъ“ окрестностей, и потому что въ немъ нѣтъ, какъ въ пресловутыхъ „Сальтсббаденъ“, — куда васъ прежде всего хоромъ направляютъ хозяева, швейцары, комиссіонеры, случайные знакомцы, — нѣтъ надоевшей обстановки курорта и моднаго гулянья, оркестровъ музыки, тысячной разряженной толпы, спующихъ вальнеровъ и ресторановъ въ электрическихъ лампахъ, а есть огромная пустынная вода, огромные пустынные лѣса, огромная свобода вашему духу и тѣлу въ этой голубой и зеленой природѣ... Кромѣ того, тамъ — исторія съ своими заманчиво-таинственными тѣнями.

Пароходъ въ Дроттнинггольмъ отходить съ пристани Стадена, что около „Kornhamntorget“. Мы попали на пароходъ „Тессинъ“, носящій имя знаменитаго строителя стокгольмскаго дворца; пробѣжали очень скоро мимо гористаго берега Сбдермальмё, мимо громадныхъ фабрикъ и заводовъ, и очень скоро очутились въ мірѣ воды, скалъ, лѣсовъ и острововъ. Не только богатые жители Стокгольма устроили здѣсь свои хорошенькія виллы въ тѣни дубовъ и елей, на живописныхъ обрывахъ и пикахъ, но и трудовое населеніе нашло себѣ уютное убѣжище въ этихъ лѣсистыхъ островкахъ и на этихъ лѣсистыхъ берегахъ, гдѣ жмутся къ водѣ, къ незатѣливой пристани простенькія дачи, хуторки и деревеньки. Цѣлая дружина маленькихъ проворныхъ пароходиковъ обслуживаетъ эти вездѣ разбросанные поселки, то-и-дѣло, какъ бадья воду, подливая на берегъ подвозимую публику и увозя съ берега другую, чтобы опять сбросить ее на какой-нибудь сосѣдней пристани. Только при такомъ ежечасномъ сообщеніи этихъ поселковъ между собою и столицею является возможность для служащихъ и работающихъ людей постоянно проживать въ этихъ дешевыхъ и здоровыхъ окрестностяхъ или нанимать въ нихъ дачи на лѣто.

Другіе такіе же многочисленные пароходики-карапузики заняты инымъ дѣломъ: они нацѣпили себѣ на хвостъ по три, по

четыре огромныя баржи, нагруженныя разными товарами, и тащить ихъ за собою на пристани Стокгольма, напоминая мнѣ тѣ сцены Палестины и Египта, когда мальчишка-бедуинъ на крошечномъ осликѣ важно ведетъ за собою вереницу громаднѣхъ, тяжело навьюченныхъ верблюдовъ.

Тутъ все по-деревенски, просто, уютно, чисто; тѣни прохлады тоже. Передъ каждою дачею маленькая купальня. Но, несмотря на воду и на лѣсъ, здѣсь не должно быть сырости, потому что подъ тонкимъ слоемъ назема—сейчасъ же сухой гранитъ.

Чѣмъ дальше, однако, отъ столицы, тѣмъ малолюднѣе и пустыннѣе дѣлаются и берега, и островки; зато тѣмъ разнообразнѣе и живописнѣе становятся виды, и мы съ женою неотрываемъ глазъ отъ разнообразныхъ перспективъ, которыя открываются передъ нами и вправо, и влѣво, и впередъ, и назадъ, въ этомъ зеленомъ лабиринтѣ островковъ Мелара... Наконецъ, пароходъ, послѣ добраго часа ѣзды, рѣзко повернулъ направо, и когда мы миновали заросшую темными елями гранитную горбушку маленькаго островка Hög-holm'a, передъ нами вдругъ словно выросъ изъ воды характерный бѣлый фасадъ Дроттнинггольмскаго замка. „Дроттнинггольмъ“ — по-русски, „островъ королевы; одна королева построила въ XVI-мъ столѣтіи этотъ замокъ, другая королева перестроила его въ теперешнемъ видѣ, столѣтіе спустя. Оттого и прозвали островъ Lofö, на которомъ стоитъ дворецъ, „островомъ королевы“. Строилъ въ послѣдній разъ Дроттнинггольмскій дворецъ тотъ самый архитекторъ Николемусъ Тессинъ, который перестраивалъ и королевскій замокъ въ Стокгольмѣ, и котораго именемъ окрещенъ по этой причинѣ пароходъ, возящій пассажировъ во „дворецъ королевы“. Построенъ дворецъ въ стилѣ французскаго „ренессансъ“, съ крыльями, увѣнчанными куполами, съ балконами и террасами, прямо надъ водами Мелара, въ которыхъ онъ очень живописно отражается своими много-оконными бѣлыми стѣнами и куполами своей черной кровли.

По ту сторону дворца—широкій цвѣтникъ съ фонтаномъ и бронзовыми статуями, а сейчасъ же за нимъ—громадный паркъ съ безконечно длинными, широкими аллеями, заботливо усыпанными мелкимъ хрящомъ, съ сочными зелеными полянами, съ могучими великанами дубовъ, липъ, ясеней... Въ тѣни деревьевъ разбросаны мраморныя статуи нимфъ и богинь, обнимающихся съ купидонами и сатирами,—явное наслѣдіе романтическаго XVIII в. Но дальше идетъ настоящій лѣсъ, одна величественная природа,

безъ участія рукъ человѣческихъ. Старинная круглая башня на холмѣ, когда-то боевая и сторожевая твердыня, поднимается на границѣ этого парка.

Мы посѣтили Дроттнинггольмъ въ будній день, когда народу было очень мало, да и тотъ до того терялся въ просторныхъ сѣняхъ парка, что, казалось, мы были здѣсь совсѣмъ одни. Мы исходили лѣсъ вдоль и поперекъ, вдыхая въ себя чудный воздухъ весеннихъ травъ, отдыхая на его полянахъ, любуясь на много-вѣковыхъ лѣсныхъ исполиновъ,—и совсѣмъ не захотѣли осматривать внутреннее убранство дворца, черезчуръ пресытившись всѣми чудесами вкуса и роскоши, собранными въ королевскомъ замкѣ и музеяхъ Стокгольма. Въ сущности, это повтореніе одного и того же, съ тѣми видоизмѣненіями, которыхъ не въ силахъ уловить память человѣка,—тѣ же картины, статуи, гобелены, расписные потолки, золоченая мебель, хрустали и зеркала... Послѣдніе короли, не исключая и нынѣшняго Оскара II, часто проводили лѣто въ Дроттнинггольмѣ, и каждый изъ нихъ старался разукрасить его, чѣмъ только могъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца—мѣстечко Дроттнинггольмъ, похожее скорѣе на маленький городокъ, снабженное по крайней мѣрѣ всѣмъ, что необходимо цивилизованному человѣку, и скромною гостинницею, и скромными магазинами, и телеграфомъ, и почтою, и докторами, и аптекою...

Мимо него идетъ—по великолѣпной и несокрушимой каменной дамбѣ, черезъ два пролива озера Мелара, черезъ сосѣдній островъ Керсѡнъ и дальше материкомъ до самаго Стокгольма—прекрасно содержанное шоссе, по которому можно проѣхать въ экипажѣ не только въ Дроттнинггольмъ, но и дальше на югъ. Проливъ же озера между островами Лофѡ и Керсѡномъ направляется отсюда въ сѣверную часть Мелара, къ Сигтунѣ и Упсалѣ.

Мы такъ загуляли въ лѣсу и зашли такъ далеко отъ пристани, что, несмотря на весь свой спѣхъ, подошли къ пристани въ ту минуту, когда пароходъ уже отчалилъ отъ берега. Пришлось подождать часа три на тѣнистыхъ балкончикахъ уютной кофейни у дворца за кофе и лимонадомъ, наблюдая жизнь этого тихаго мѣстечка и любуясь картиною озера, усѣяннаго островами. Только сидя на такомъ наблюдательномъ посту, видишь, какое множество народа пользуется этими зелеными чащами лѣса и прохладою этихъ водъ... Изъ парка и въ паркъ то-и-дѣло двигаются по разнымъ дорожкамъ, съ разныхъ сторонъ, оживленные группы дѣтей и взрослыхъ, съ быстротою стрѣлы проносятся

велосипедисты, проѣзжаютъ коляски и шарабаны изъ окрестныхъ дачъ и имѣній.

Все и у всѣхъ здѣсь удивительно просто, скромно и, вмѣстѣ, прилично, удобно, разумно. Съ душевною отрадою, смѣшанною съ какою-то жалостью къ самому себѣ и къ своему родному, смотришь на этотъ прочно и честно установившійся быть способнаго и трудолюбиваго народа, который не гремитъ побѣдоноснымъ оружіемъ, не шумитъ на политической аренѣ, не наполняетъ газетъ всего міра тревожными новостями о своихъ внутреннихъ раздорахъ и междусословной борьбѣ, а умѣетъ жить мирно и дѣльно для себя самого, неутомимо работая надъ своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ и матеріальнымъ благополучіемъ.

Невольно вспомнишь, что этотъ красивый, рослый, сильный и жизнерадостный народъ поставилъ въ своихъ школахъ на такую высоту правильное воспитаніе тѣла, развитіе силы и ловкости, вполне разумно умѣрилъ одностороннюю нервную и мозговую дѣятельность ребенка введеніемъ въ его книжныя занятія ремесленнаго труда — такъ-называемаго здѣсь „слойда“, — возбуждавшаго подражаніе во всей Европѣ, и могуче подвинувшаго впередъ не только народное здоровье шведовъ, но и ихъ промышленность. Невольно вспомнишь и упорную борьбу этого замѣчательнаго народа съ собственнымъ прирожденнымъ и вмѣстѣ историческимъ, пожалуй даже общечеловѣческимъ грѣхомъ — съ пьянствомъ, всеильно царящимъ обыкновенно среди сѣверныхъ народовъ. Въ какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ лѣтъ первыя ничтожныя попытки благородныхъ друзей человѣчества могли разростись въ сотни обществъ трезвости всякаго именоваія и характера, густо разсѣянныхъ по цѣлой странѣ, съ сотнями тысячъ членовъ и милліонами капиталовъ; могли овладѣть каедами церковныхъ проповѣдниковъ, муниципальными собраниями, публичною печатью, ареопагами науки и даже школьными учебниками... Тѣсный кружокъ учениковъ гимназій въ маленькомъ городкѣ Вексбѣ поднялъ въ 1819 году своими полудѣтскими руками это плодотворное знамя борьбы противъ пьянства, уничтожавшаго благосостояніе и здоровье шведскаго юношества. И такова непобѣдимая внутренняя сила истины, что эта горсточка гимназистовъ одолѣла, въ концѣ концовъ, язву многихъ вѣковъ, покорила своему чистому принципу цѣлую страну... Инициаторъ этого хорошаго дѣла, тогда еще школьникъ, Петръ Війсельгрень, сдѣлался впоследствии популярнымъ и краснорѣчивымъ пасторомъ; онъ началъ съ своего прихода

въ Смоландѣ и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ объѣзжалъ города и селенія Швеціи, увѣщевая народъ своими горячими проповѣдями, своими брошюрами и статьями, энергически вооружиться противъ злѣйшаго народнаго врага пьянства. Усиліями его и потомъ другихъ энергическихъ дѣятелей, Форселя, Эли Джонсона, Магнуса-Гусса, Бергстрёма и разныхъ иныхъ, въ Швеціи возникло мало-по-малу множество обществъ и братствъ умѣренности, трезвости, борьбы противъ пьянства, объединявшихся потомъ въ могучіе союзы, и всѣ просвѣщенныя силы націи, духовенство, правительство, города, университеты, пресса, стали мало-по-малу приходить на помощь этимъ плодотворнымъ стремленіямъ частныхъ обществъ. Правительство ввело, наконецъ, такъ называемую „Гётеборгскую систему“ продажи крѣпкихъ напитковъ, существующую по настоящее время, по которой вся торговля ими сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ благонадежныхъ акціонерныхъ обществъ, довольствующихся всего 5% прибыли и обязанныхъ обращать всю остальную выручку отъ продажи питей на дѣла государственной и общественной пользы. Добрые результаты такой системы не замедлили обнаружиться. Пьянство шведскаго народа пошло на ущербъ. Въ-сто 46 литровъ водки на человѣка, какъ это приходилось въ 1829 году, въ 1856 году на каждаго шведа приходилось только 10 литровъ, а впослѣдствіи дошло даже до 9-ти. Огромное значеніе въ дѣлѣ ослабленія пьянства въ Швеціи имѣлъ также правительственный законъ 4-го ноября 1892 года, по которому во всѣхъ народныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было введено преподаваніе научныхъ свѣдѣній о томъ, какой именно непоправимый вредъ физическому здоровью, характеру и умственнымъ способностямъ человѣка наносится спиртными напитками; такимъ образомъ, шведскія дѣти уже со школьной скамьи пріучаются смотрѣть на пьянство какъ на гибельную народную язву...

Конечно, всѣ эти условія и мѣры далеко не уничтожили въ Швеціи потребленія спиртныхъ напитковъ, и мы сами были ежедневными свидѣтелями того, какъ массы шведовъ и даже шведокъ, слушающихъ музыку въ садахъ, ѣдущихъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, живущихъ въ отеляхъ, — свободно и любовно осушали стаканчики съ пуншемъ и кружки съ пивомъ, но цифры статистики остаются, тѣмъ не менѣе, неопровержимымъ фактомъ и даютъ большую надежду, что дальѣйшее развитіе народнаго просвѣщенія въ Швеціи, ставшее

на такую разумную и плодотворную дорогу, скоро приведетъ этотъ умный народъ и къ еще болѣе отрадному результату.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что отраднѣйшій результатъ этотъ—добытъ усиліями самого народа, свободно инициативою частныхъ людей, которые не встрѣчали въ установленіяхъ и законахъ своей страны никакихъ препятствій для своей просвѣтительной дѣятельности и могли составлять съѣзды, кружки, общества, проповѣдывать и публиковать свои взгляды вездѣ, гдѣ хотѣли, какъ хотѣли и когда хотѣли, не будучи связаны обязанностью дожидаться по многимъ мѣсяцамъ и годамъ позволенія и утвержденія многочисленныхъ канцелярскихъ инстанцій, представлять имъ на одобреніе свои проекты и программы, и съ опасеніемъ оглядываться на каждомъ шагѣ, не нарушили ли они такого-то пункта предписаннаго имъ регламента и такой-то статьи положенія, воспрещающей и карающей малѣйшее отступленіе отъ разрѣшенной формулы.

Швеція доказала блистательнѣе другихъ странъ, что разумная свобода народной жизни, неразрывно соединенная со строгою законностью и широкимъ образованіемъ,—служитъ гораздо лучшимъ обезпеченіемъ народнаго благосостоянія и спокойствія государства, чѣмъ система недоувѣрія и полицейской опеки, убивающихъ самые источники здороваго развитія народной жизни.

Здѣсь, въ этой разумной странѣ, всякій можетъ дѣлать все, что не запрещено положительнымъ закономъ, что не посягаетъ на права другого,—здѣсь всякій считается полноправнымъ гражданиномъ своего государства, достойнымъ безусловнаго довѣрія,—пока не будетъ доказано, что онъ не достоинъ этого довѣрія. И потому здѣсь всякій свободно развѣртываетъ всю полноту своихъ внутреннихъ силъ и безпрепятственно находитъ подходящее ему дѣло. Ничѣмъ не связанные таланты и рабочія способности народа всѣ дружно выступаютъ на общественное поприще и содѣйствуютъ общему дѣлу подъема народнаго благосостоянія, духовнаго и матеріальнаго.

Только слѣпые и недобросовѣстные могутъ закрывать глаза на эту ярко-поучительную сторону шведской жизни и не извлекать изъ нея практическаго вывода примѣнительно къ своей собственной странѣ...

Мы вернулись изъ Дроттнинггольма очень холоднымъ вечеромъ; на палубѣ продувало насквозь, словно у насъ на родинѣ въ ноябрьскую невзгоду. Прятаться въ тѣсный нижній салонъ не хотѣлось,—хотѣлось все-таки любоваться картиною

суроваго огненнаго заката среди потемнѣвшихъ лѣсныхъ острововъ и разбушевавшагося свинцоваго озера.

На другой день былъ одинъ изъ нашихъ годовыхъ праздниковъ, и мы воспользовались этимъ случаемъ посѣтить русскую церковь. Чтобы добраться до нея, нужно проѣхать рѣшительно черезъ весь городъ, по крайней мѣрѣ черезъ весь Нормальмѣ; на пустынныхъ окраинахъ послѣдняго, уже въ области желѣзныхъ дорогъ и загородныхъ пастбищъ, прорѣзанныхъ теперь широкою артеріей „Valhalla Vägen“ („Дорога Валгаллы“), еще совсѣмъ открытою съ полевой стороны и обстроенною только со стороны города,—помѣщается на углу двухъ „языческихъ“ улицъ, „Улицы Одина“ и „Дороги Валгаллы“, въ одномъ кварталѣ съ католическою киркою—и наша русская церковь. Церковь стоитъ въ ряду прочихъ домовъ и не имѣетъ наружнаго вида отдѣльнаго храма; она служитъ какъ бы домашнею церковью для дома русскаго посольства. Подниматься въ нее довольно высоко, мимо квартиръ посольскихъ чиновниковъ. Внутри церковь очень благообразна и содержится въ большой чистотѣ; сторожъ—шведъ, не знающій ни слова по-русски, но тѣмъ не менѣе аккуратно исполняющій свои обязанности оберегателя русскихъ святынь. Служба идетъ прекрасно; маленькій хоръ изъ причетника-регента, баса и двухъ-трехъ шведскихъ дѣвушекъ поетъ очень гармонично простымъ скромнымъ напѣвомъ. Публики собралось всего человѣкъ пятнадцать, и изъ нихъ не всѣ были русскіе, а, очевидно, любопытные изъ шведовъ. Къ сожалѣнію, намъ необходимо было въ полдень быть на вокзалѣ, — поэтому пришлось уйти, не дождавшись молебна и не успѣвъ познакомиться ни съ почетнымъ настоятелемъ нашей церкви, ни съ другими членами крошечной русской колоніи. Точно также не удалось намъ познакомиться съ нашимъ генеральнымъ консуломъ г. Арсеньевымъ, къ которому мы имѣли письмо отъ одного изъ его друзей, и который интересовалъ меня своимъ близкимъ знакомствомъ съ исторіею и населеніемъ Швеціи. Оказалось, что онъ жилъ въ это время гдѣ-то на дачѣ.

Замокъ Грипсгольмъ хотя тоже стоитъ на берегу озера Мелара и къ нему можно проѣхать на пароходѣ, какъ и къ Дротнинггольму, но, въ виду очень холодной погоды и слишкомъ кружнаго пути, мы предпочли сдѣлать эту прогулку въ вагонѣ желѣзной дороги. Это, впрочемъ, оказалось не особенно удобнымъ, потому что пришлось два раза перемѣнять поѣздъ, при

чемъ, по незнанію мѣстнаго языка, легко можно было проѣхаться туда, куда совсѣмъ не собирался. Мы все время проѣзжали оживленно зеленою равниною съ лѣсными холмами, озерами, мызами, фабриками, то-и-дѣло захватывая верхушки многочисленныхъ заливчиковъ озера Мелара, вокругъ береговъ котораго бѣжитъ дорога.

Средневѣковыя башни Грипсгольма стали вырисовываться за вершинами лѣса вмѣстѣ со шпилемъ колокольни Маріенфреда уже за нѣсколько станцій. Вотъ мы подъѣзжаемъ, наконецъ, вплотную къ заливу Мелара, на другомъ берегу котораго открывается теперь намъ видный отъ макушки до пятокъ, стоящій „на лонѣ водѣ“, старый историческій замокъ. Поѣздъ быстро огибаетъ заливъ, и мы выходимъ на станціи маленькаго городка Маріенфредъ. Въ вагонѣ мы познакомились съ одною изъ мѣстныхъ обитательницъ Маріенфреда, добрейшею старушкою, оказавшеюся супругою директора мѣстнаго коммерческаго банка, которая всю дорогу мучила себя и насъ, добросовѣстно выжимая изъ своей уже ослабѣвшей памяти немногія французскія слова и фразы, знакомыя ей въ юности. Она, однако, все-таки снабдила насъ необходимыми указаніями, и простерла свою любезность до того, что проводила насъ пѣшкомъ за добрую версту отъ станціи до самаго замка и даже отправилась въ домикъ привратника, чтобы попросить его показать намъ замокъ въ неурочный для посѣтителей часъ. А когда мы возвратились, черезъ нѣсколько часовъ, изъ замка на станцію, чтобы отправиться назадъ въ Стокгольмъ съ вечернимъ поѣздомъ, милая старушка принесла въ подарокъ моей женѣ букетъ прекрасныхъ чайныхъ розъ изъ своего цвѣтника и привела къ намъ познакомиться своего мужа, который, впрочемъ, оказался еще менѣе способнымъ объясняться на какомъ бы то ни было иностранномъ языкѣ, чѣмъ его почтенная супруга.

Старый липовый лѣсъ, — тоже готическій замокъ своего рода, еще болѣе грандіозный и суровый, чѣмъ это старое боевое гнѣздо, — окружаетъ Грипсгольмъ, припирая его вплотную къ водамъ озера, на тѣсный мысокъ, удобный для защиты и съ суши, и съ воды. Замокъ глядитъ совсѣмъ по-средневѣковому: круглыя темно-красныя башни по угламъ, массивныя стѣны, подъемный мостъ черезъ глубокій ровъ. Такъ и ищешь глазами надъ главнымъ входомъ расцвѣченный щитъ съ фигурою птицы грифа, когда-то висѣвшаго здѣсь, какъ гербъ перваго владыки и основателя здѣшней твердыни, — могучаго рыцаря Бо-Джонсона, прозваннаго по этому случаю Грифомъ, по-шведски — „Грипъ“, и оставившаго

въ наслѣдство этому гнѣзду рыцарскаго разбоя имя хищной птицы, такъ удачно выбранной имъ въ свой девизъ. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ видѣ своемъ Грипсгольмъ построенъ уже вѣкомъ позже Густавомъ Вазою и болѣе всего дорогъ шведамъ именно по его воспоминаніямъ. Вообще, вся окрестная мѣстность полна исторій перваго шведскаго короля, древній дворянскій родъ котораго изстари сидѣлъ по близости на тѣхъ же береговыхъ низинахъ Мелара.

Если вы ѣдете въ Грипсгольмъ пароходомъ, то, вѣхавъ въ Грипсгольмскую бухту, непременно проѣзжаете верстахъ въ четырехъ-пяти отъ мѣстечка Рефснеса, гдѣ молодой Густавъ Ваза получилъ первое извѣстіе о кровавой „стокгольмской банѣ“ и о казни своего отца, а въ какомъ-нибудь получасѣ ѣзды отсюда по желѣзной дорогѣ лежитъ тоже на мысѣ озера Мелара старый городокъ Стренгнесъ, съ древнею готическою церковью XIII-го вѣка,—гдѣ тотъ же Густавъ былъ избранъ на царство государственными чинами Швеціи.

Не сразу проберетесь вы въ эту твердыню. Сначала подъемный мостъ, потомъ ворота, потомъ наружный дворъ, окруженный службами придворной челяди, болѣе похожими на камеры тюрьмы, чѣмъ на мѣстопробываніе свободнаго человѣка. Тутъ же зіяютъ въ уровень съ землею черныя пасти бывшихъ подъемныхъ темницъ. Потомъ еще ворота и еще дворъ, внутренній. Тутъ уже вы видите кругомъ себя подлинную романтику, самый характерный и ни съ чѣмъ не смѣшанный стиль временъ Густава и Христіана IV-го. Всѣ эти грубо-массивныя, вѣковѣчно-солидныя деревянныя лѣстницы, съ точеными перилами и переходы подъ оригинальными шатрами, эти лѣпныя украшенія оконъ, свинцовыя сточныя трубы, острые готическія крыши со шпилями—такъ и просятся на картину художника. Жена моя, отправляясь въ зѣмокъ, заравѣ вооружилась ручнымъ фотографическимъ аппаратомъ и, конечно, сейчасъ же постаралась схватить самые типическіе порталы замка. Но на этомъ внутреннемъ дворѣ насъ остановили не однѣ архитектурныя подробности, а еще стоящія по срединѣ двора и направленные прямо въ отверстія воротъ двѣ громадныя неуклюжія пушки, вылитыя изъ превосходной бронзы и блестящія будто новыя. Къ изумленію нашему и къ нѣкоторому уколу нашего національнаго самолюбія, громады пушки оказались русскими плѣнниками. На нихъ ясно вырѣзанъ годъ ихъ литья. Одна пушка прозывается „Свинья“, другая—„Боровъ“. Обѣ были отняты у насъ, въ 1581 г., въ битвѣ подъ Иванъ-городомъ, извѣстнымъ шведскимъ генераломъ Понтусомъ

Делагарди. Шведы могутъ все-таки нѣсколько утѣшаться этою военною добычею, вспоминая объ утраченной Финляндіи, Ингерманландіи, Лифляндіи.

Внутри замѣкъ Гриспгольмъ также характеренъ; все въ немъ говоритъ о суровыхъ боевыхъ временахъ: несокрушимыя гранитныя стѣны—аршинъ шесть толщины, такъ что въ амбразурахъ оконъ могутъ стоять поперекъ стѣны длиннѣйшія скамы, лѣстницы крутыя изъ грубаго камня, вездѣ могучіе своды, тѣсныя проходы; каминны колоссальныхъ размѣровъ, зіяющіе своею пастью, словно печи вавилонскія, въ которыхъ сразу могли жечь трехъ отроковъ; оригинально разрисованные, оригинально связанные изъ деревянныхъ балокъ въ затѣйливые узоры, массивные потолки; огромная зала, вымощенная цвѣтными кафлями,—все тяжело, грубо-пышно, наивно и мало удобно, по крайней мѣрѣ въ подлинныхъ палатахъ Густава Вазы, еще не приспособленныхъ къ раззолоченнымъ пиршествамъ и затѣйливому изяществу Густава III-го и позднѣйшихъ роскошныхъ королей. Какое-то странное сочетаніе, вызывающее въ зрителѣ нѣсколько жуткое чувство,—царскаго дворца съ осадною крѣпостью и вмѣстѣ съ тюрьмою. Наверху—залы шумнаго пированія, попоекъ, пѣсенъ, пляски, любовныхъ похожденій, а подѣ ними—западни темницъ, гдѣ—подѣ звуки тѣхъ же пѣсенъ и танцевъ—томились по цѣлымъ годамъ неудачные царственные соперники болѣе ихъ счастливаго владыки замка...

Вамъ показываютъ здѣсь и мѣсто заточенія Іогана III-го, второго сына Густава Вазы, просидѣвшаго въ заключеніи четыре года, и черную каменную яму, куда попалъ, въ свою очередь, засадившій въ темницу своего брата Эрикъ XIV, когда возставшіе братья освободили Іогана, и народъ провозгласилъ его владыкою царства. Полубезумному Эрику пришлось страдать отъ своего брата гораздо больше, чѣмъ Іоганъ пострадалъ отъ него. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ мстительный братъ пересылалъ его изъ одной темницы въ другую, изъ Швеціи въ Финляндію, изъ Финляндіи въ Швецію, поручая его надзору злѣйшихъ враговъ и дозволяя имъ всячески оскорблять и мучить своего плѣнника; наконецъ, не удовольствовавшись этими терзаніями, онъ поручилъ своимъ клевретамъ насильно напоить его отравою, приказавъ, однако, имъ насторого—въ своей заботливости о спасеніи родной души—предварительно причастить брата Святыхъ Таинъ...

Оба сына великаго основателя шведской независимости, какъ это часто бываетъ, оказались очень жалкими и очень вредными

для своего отечества правителями... Но и послѣ сыновей Густава Вазы, Грипсгольмъ служилъ мѣстомъ заточенія разнымъ царственнымъ узникамъ; послѣднимъ жилъ въ немъ лишенный престола въ 1809 году, послѣ потери Финляндіи, бездарный Густавъ IV-й Адольфъ, такъ недостойно носившій это славное имя, послѣ котораго воцарилась на престолѣ Швеціи династія Бернадотта. Въ Грипсгольмѣ несчастный Густавъ IV-й и подписалъ свое отреченіе отъ престола.

Грипсгольмъ обращенъ теперь въ своего рода семейный музей королей Швеціи. Каждая комната сохраняется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была при Густавѣ Вазѣ, при Карлѣ XII, при Гедвигѣ-Элеонорѣ, при Густавѣ III; ихъ спальни, гостиныя, уборныя, обставленныя мебелью и ихъ любимыми вещами, рисуютъ вамъ полную картину былого времени. Роскошный театръ Густава III-го, напримѣръ, безцеремонно обращенный имъ изъ прежней церковной капеллы, такъ мѣтко характеризуетъ вольнодумную эпоху этого легкомысленнаго и сластолюбиваго короля. Стѣны зѣмка сплошь увѣшаны современными картинами королей, королевъ, ихъ дѣтей и родныхъ. Такого богатства семейныхъ королевскихъ портретовъ нельзя найти ни въ какой галереѣ. Ихъ тутъ что-то около двухъ тысячъ. Кромѣ королей Швеціи тутъ множество портретовъ и другихъ извѣстныхъ современниковъ ихъ, иногда чрезвычайно рѣдкихъ. Здѣсь вы увидите портреты того времени, когда они жили, и гетмана Мазепы, и Тамерлана, и Христіана II-го, и разныхъ азіатскихъ эмировъ и шаховъ. Русскихъ царей тутъ также достаточно: и Петръ I-й, и Елизавета, и Екатерина II-я, и Петръ III-й. Между прочимъ, любопытенъ портретъ императора Павла еще ребенкомъ, въ костюмѣ турецкаго султана.

Въ самыхъ верхнихъ ярусахъ зѣмка, подъ крышею такъ-называемой „башни Грифа“, можетъ быть увѣдѣвшей еще отъ временъ рыцаря Грифа,—цѣлая палата старинныхъ рыцарскихъ уборовъ, желѣзныя шапки и панцири страшной тяжести, которыхъ не поднимешь двумя руками, щиты съ рыцарскими гербами и девизами, копья, мечи, сѣкиры и палицы, чугуныя пушки въ видѣ толстыхъ боченковъ, прикованныхъ грубыми желѣзными обручами циклопической работы къ такимъ же грубымъ и неуклюжимъ лафетамъ изъ некрашеннаго дерева...

Отсюда спускъ прямо на дворъ по крутой, далеко не комфортабельной лѣстницѣ, — вполне подходящей къ башнѣ средне-вѣковаго зѣмка...

Мы довольно долго бродили по улицамъ мѣстечка и по аллеямъ вѣкового лѣса, окружающаго замокъ, любясь далями озера. На немъ почіють тѣни былыхъ событій и былыхъ людей гораздо болѣе давнихъ, чѣмъ Густавы, Эрики и Юганы. Передъ самымъ входомъ въ Грипсгольмскую бухту лежитъ небольшой островъ Бьёркъ, тотъ самый древній Бирка, на которомъ стоялъ когда-то городъ того же имени, первобытная столица королей-викинговъ, и гдѣ святой Анскарій впервые насаждалъ въ IX-мъ вѣкѣ христіанское ученіе среди дикихъ скандинавовъ. Камни древнихъ развалинъ еще до сихъ поръ виднѣются на островѣ. Швеція была тогда страной совершенно невѣдомою остальной Европѣ. Суровый климатъ, суровое море, разбойничьи нравы скандинавовъ, не располагали никого посѣщать эту негостепріимную страну. Безхарактерный сынъ могучаго императора франковъ, Лудовикъ - Простоватый, не умѣя отразить своими слабыми руками напавшихъ на его ново-созданную имперію сѣверныхъ языческихъ варваровъ, задумалъ смирить ихъ мирнымъ итогъ Христова ученія и призывалъ добровольцевъ-монаховъ—на апостольскій подвигъ въ скандинавскія страны. На призывъ этотъ отозвался Анскарій, по праву прозванный „апостоломъ сѣвера“. Этотъ молодой пикардійскій монахъ, съ дѣтства не покидавшій Корвейскаго аббатства, горѣлъ желаніемъ мученичества во имя Христа и безтрепетно рѣшился на предлагаемый ему подвигъ. Потерпѣвъ неудачу у датчанъ, едва успѣвъ спастись отъ нихъ, онъ снарядился въ новую экспедицію къ берегамъ Швеціи, населенной тогда готами и свевами... На Балтійскомъ морѣ морскіе разбойники ограбили Анскарія и его спутниковъ, отнявъ у нихъ не только деньги, одежду, цѣнныя церковныя вещи, но, что важнѣе всего, главное ихъ сокровище—30 рукописныхъ священныхъ книгъ, подаренныхъ Анскарію императоромъ. Полуголоые, голодные, холодные, измученные душою и тѣломъ, пристали кое-какъ герои-иноки къ враждебнымъ берегамъ Швеціи и черезъ громадныя озера, болота, снѣговыя горы, черезъ лѣса, кишѣвшіе волками и медвѣдями, кое-какъ достигли наконецъ тѣхъ береговъ, на которыхъ мы теперь стоимъ, того города Бирки, который запиралъ когда-то теперешнюю бухту Грипсгольма.

Одинъ изъ тогдашнихъ многочисленныхъ свейскихъ королевъ, которые такъ и назывались „smaakonungar“ (мелкіе короли), Бьёрнъ, просилъ императора Лудовика письмомъ, писаннымъ еще руническими буквами, прислать ему христіанскихъ учителей, и принялъ поэтому Анскарія подъ свое покровительство. Нѣ-

сколько мѣсяцевъ прожилъ на этихъ берегахъ, по этимъ островамъ, святой подвижникъ, неутомимо проповѣдуя Христово Евангеліе, крестя язычниковъ, насаждая Христову вѣру вездѣ, гдѣ только могъ. Одинъ изъ знатныхъ обращенныхъ построилъ даже по его внушенію христіанскую церковь на островѣ. Но варварскія сердца и варварскіе умы бранолюбивыхъ готовъ и свевовъ были еще слишкомъ мало подготовлены къ дѣйствительному воспріятію кроткаго ученія любви и братства. По отъѣздѣ Анскарія, призваннаго на новое архіепископство въ Гамбургъ, въ Швецію скоро исчезли всякіе слѣды насажденной имъ церкви, такъ что когда Анскарій вернулся, черезъ двадцать лѣтъ, въ Бирку, на берега Мелара, то хотя „сеймъ Готовъ“, — „Ting alera Göta“, какъ назывался онъ въ тѣ времена, — дозволилъ ему проповѣдывать Христово ученіе, но народъ отнесся къ проповѣдникамъ съ такимъ озлобленіемъ и враждебностью, что они принуждены были поспѣшно возвратиться домой...

Только черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ послѣ проповѣди своего перваго апостола, шведскій народъ покинулъ наконецъ своихъ возлюбленныхъ Тора и Одина и пріобщился къ сонму христіанскихъ народовъ.

IX.—Черезъ шхеры.

Иностранцы—можно сказать—взрослые люди сравнительно съ нами, русскими, совсѣмъ не привыкшими устраивать удобно и выгодно свои собственныя дѣла. Въ культурныхъ странахъ Европы выработаны удивительно разумные и всѣмъ доступные способы путешествовать съ возможнымъ комфортомъ, о какихъ мы, несмотря на всю нашу способность подражанія, понятія не имѣемъ. Правда, что для этого необходимо много предварительныхъ и очень важныхъ условій, касающихся самыхъ основныхъ порядковъ нашей общественной жизни,—о которыхъ мы также если и имѣемъ понятіе, то только издали и со стороны.

Теперь въ каждомъ мало-мальски большомъ городѣ Европы вы можете обратиться въ одно изъ крупныхъ туристскихъ агентствъ, —вродѣ извѣстнаго Кука, Бейера и т. п.,—чтобы предпринять путешествіе хоть на край свѣта, въ Африку, въ Азію, въ Америку, не говоря уже—во всѣ уголки Европы,—круговое или не круговое, роскошное или болѣе скромное, по тому или другому маршруту, тѣми или другими способами передвиженія. Съ васъ возьмутъ опредѣленную заранѣе сумму, вручатъ вамъ билетъ, маршруты, карты, адреса, и вы можете смѣло разсчитывать, что,

явившись въ условленные мѣста, найдете тамъ безъ всякихъ хлопотъ все вамъ обѣщанное.

Не зная ни шведскаго языка, ни норвежскаго, который отличается отъ шведскаго такъ же, какъ малороссійскій отъ великоросскаго, — мы не хотѣли, однако, нести довольно значительныхъ лишнихъ расходовъ на наемъ переводчика, его содержаніе и проѣздъ туда и обратно, по всей Швеціи и Норвегіи, а уповавъ на культурность скандинавскихъ народовъ и внутреннее благоустройство ихъ народнаго быта, рискнули отправиться въ глубь этихъ странъ съ одною только помощью путеводителя Бедекера да краткими шведско-нѣмецкими и норвежско-нѣмецкими диалогами.

А чтобы не попадать въ затрудненія на сельскихъ почтовыхъ станціяхъ и маленькихъ деревенскихъ гостинницахъ, не вѣдающихъ никакого другого языка, кромѣ родного ускомѣстнаго жаргона, и не давать повода честнымъ скандинавамъ надувать православныхъ путниковъ двойными цѣнами за все, — мы рѣшились поручить себя заботамъ извѣстнаго „Touristen-Bureau“ Бейера и К^о, имѣющаго свои агентства не только въ Стокгольмѣ и Христіаніи, но и въ Гётеборгѣ, и въ Бергенѣ, и въ Трондгеймѣ. Стокгольмское агентство помѣщается въ одномъ изъ лучшихъ книжныхъ магазиновъ столицы — у Фритца, „поставщика королевскаго дворца“, въ самомъ центрѣ города, на углу площади Густава-Адольфа и улицы Фредс-гатавъ.

Разспросивъ меня подробно о предположенномъ нами планѣ путешествія, любезный агентъ Бейера изготавилъ мнѣ къ слѣдующему утру подробнѣйшій и точнѣйшій расчетъ расходовъ и подробнѣйшій и точнѣйшій маршрутъ пути, съ обозначеніемъ всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и гостинницъ, гдѣ мы должны были останавливаться на обѣдъ, завтракъ и ночлегъ, всѣхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, на которыхъ намъ придется ѣхать, и снабдилъ меня своего рода чековыми книжками, изъ которыхъ я, не вынимая больше гроша изъ кармана, долженъ былъ только вырѣзывать соотвѣтствующіе чеки и уплачивать ими — безъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ кѣмъ бы то ни было — за завтраки, обѣды, чай и кофеи, ночлеги, коляски, желѣзныя дороги, пароходы, гостинницы. Деньги съ меня получало агентство здѣсь на мѣстѣ, и потомъ уже рассчитывалось со всѣми поставщиками потребныхъ намъ предметовъ, входя для этого, конечно, разъ навсегда въ предварительные договоры съ компаніями желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, хозяевами гостинницъ и содержателями лошадей. Выгода тутъ одинаковая для всѣхъ трехъ сторонъ: туристъ от-

правляется безъ всякихъ хлопотъ, впередъ зная, что все ему будетъ готово и нигдѣ его не оберутъ, и имѣя возможность впередъ же **разсчитать** стоимость путешествія по невѣдомой странѣ при невѣдомыхъ ему условіяхъ. Агентство получаетъ отъ поставщиковъ значительную скидку съ той цѣны, которую оно беретъ съ туриста, въ виду такъ сказать, оптовой поставки имъ туристовъ въ эти гостиницы и на эти пароходы и желѣзныя дороги. Оптовая же поставка достигается тѣмъ, что агентство распространяетъ по всему міру свои объявленія, программы, изданія, открываетъ свои отдѣленія въ разныхъ городахъ Европы и вообще всякими способами привлекаетъ путешественниковъ своихъ и иностранныхъ въ тѣ мѣстности, которыя чѣмъ-нибудь могутъ заинтересовать туриста. Этотъ наплывъ путешественниковъ, особенно иностранцевъ, всегда болѣе щедрыхъ, сильнѣйшимъ образомъ увеличиваетъ доходы не только желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ компаній, хозяевъ отелей и почтовыхъ станцій, но и всякаго рода торговцевъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и другихъ мѣстныхъ жителей. Многіе уголки Швеціи и особенно Норвегіи, какъ страны болѣе живописной и болѣе оригинальной, — рѣшительно живутъ теперь путешественниками и главнымъ образомъ иностранными туристами, такъ что недавно еще бѣдныя, жалкія хатенки ихъ теперь перестроились въ красивые и доходные дома, и достатокъ замѣнилъ былую нужду...

Чтобы оплатить заранѣе все длинное путешествіе четырехъ персонъ и запастись деньгами на дорогу, пришлось отправиться въ Стокгольмскій „Enskilda Bank“—въ самой глубинѣ Стадена—получить порядочную сумму шведскихъ кронъ по траттѣ петербургской конторы Юнкера. Порядки въ шведскихъ банкахъ такъ же разумны и практичны, какъ все, что устриваютъ шведы, и могутъ по истинѣ пристыдить нашу руссійскую рутину недовѣрія и бесполезныхъ канцелярскихъ предосторожностей, вызывающую столько замедленія и затрудненія во всякомъ нашемъ дѣлѣ. Въмѣсто того, чтобы мыкаться по семи мытарствамъ отъ одного чиновника къ другому, у каждаго что-нибудь подписывая или записывая,—здѣсь не успѣлъ я показать первому, къ кому пошелъ, своей бумажки, какъ уже мнѣ въ обмѣнъ летѣли шведскія кредитки и колбаски золота, и уже черезъ пять минутъ я былъ опять на улицѣ, исполнивъ свое дѣло. Я сѣлъ на проходившую мимо конку, всегда полнымъ-полною народа, и опять былъ пріятно удивленъ еще одною умною шведскою выдумкой. Когда я подалъ кондуктору крону, не зная, сколько берутъ за конецъ, сей мужъ молча сунулъ мнѣ въ руку пакетикъ, полный

мелкихъ монетѣхъ, равнявшихся, конечно, кронѣ, и такъ же молча отобралъ изъ нихъ 5 или 10 слѣдующихъ ему ѡрѣ. Такъ думаютъ здѣсь даже о такихъ мелочныхъ удобствахъ публики, потому что здѣсь всѣ и всякій убѣждены, что не публика существуетъ для нихъ, а они для публики.

За всю дорогу по выбранному нами маршруту черезъ озера и каналы южной Швеціи въ Гётеборгъ, оттуда моремъ въ Христианію, оттуда по горамъ и доламъ Норвегіи, черезъ Телемаркенъ, самую норвежскую изъ всѣхъ норвежскихъ провинцій, и по Гардонгеръ-фіорду въ Бергенъ, затѣмъ черезъ Неродалъ и Стальгеймъ въ Согне-фіордъ, по Согне-фіорду опять въ Бергенъ, изъ Бергена въ Мольде, Мольде-фіордъ и Ромсдальскую долину, и наконецъ моремъ въ Трондгеймъ,—собственно за передвиженіе, безъ содержанія и гостинницъ, въ агентствѣ Бейера взяли съ насъ двухъ—370 кронъ, да столько же съ нашихъ двухъ спутницъ; кромѣ того, мы съ женою заплатили 600 кронъ за билеты туда и обратно на туристскомъ пароходѣ отъ Трондгейма до Нордъ-Капа, куда мы отправлялись уже одни, безъ нашихъ двухъ спутницъ, которыя изъ Трондгейма должны были вернуться въ Христианію и оттуда, черезъ Данію и Пруссію, во-свои.

Окончивъ свои путевыя приготовленія, мы радостно выѣхали изъ столичной суеты и шума въ тихія воды Мелара. Пароходъ нашъ носилъ имя „Паллады“, напоминая мнѣ нашего незабвеннаго художника-туриста, восхищавшаго меня въ юности и вдохновлявшаго меня когда-то не на одно дальнее странствованіе. Мы продѣлали совершенно тотъ же путь, какъ и къ замку Дроттнинггольму, и только, приближаясь къ нему взяли не вправо, въ плёсы, ведущіе на сѣверъ, къ Упсалѣ, а влѣво, въ скалистый и лѣсистый рукавъ озера. Тутъ тоже множество дачъ и деревенекъ, тѣ же еловые и дубовые лѣса, тѣ же трубы фабрикъ и свистки пароходовъ, тѣ же пышно нахохлившіеся, гордые какъ лебеди парусники, проносящіеся беззвучно мимо насъ.

Однако, несмотря на радостно настроенный духъ мой, погода насъ совсѣмъ не радуетъ и даже немного смущаетъ. Сейчасъ чувствуется, что это не прежнія наши греческія и итальянскія путешествія,—мы теперь въ суровомъ царствѣ сѣдовласаго Борея. На дворѣ—чистая русская осень въ развалъ октября или ноября: вѣтеръ срываетъ съ палубы, сѣрыя тучи низко несутся на встрѣчу, сѣрыя волны непривѣтливо шлепаютъ о борты парохода, очень скоро оказавшись далеко не такими тихими, какими онѣ представлялись намъ въ уютной пристани Стадена.

Всѣ окрестныя виды кажутся черезъ это прозячнѣе и суровѣе, настоящими скандинавскими. Заливы и проливчики озера Мелара—это цѣлый лабиринтъ, въ которомъ плавать можетъ только очень опытный кормчій. Островковъ, острововъ, полуострововъ, мысовъ тутъ—глазомъ не окинешь! На всемъ озерѣ ихъ насчитывается до 1.200! Это озеро-лабиринтъ, отдѣленное отъ моря только узкими полосками земли да грядами островковъ,—естественное гнѣздо былого пиратства, бывшій удали викинговъ, для которыхъ оно служило идеальнымъ мѣстомъ засадъ и укрывательства. А теперь цивилизація обратила этотъ старый разбойничій притонъ въ такое же идеальное мѣсто для промышленной и увеселительной жизни, облегчивъ до послѣднихъ предѣловъ сообщенія между всѣми этими трудолюбивыми уголками, богатыми рыбой, лѣсомъ, камнемъ, водяною силою и большими центрами торговли и промышленности, давъ возможность горожанамъ спастись отъ лѣтней жары и шума въ этихъ прохладныхъ лѣсныхъ сѣняхъ и находить среди этихъ живописныхъ водъ, лѣсовъ и скалъ всѣ тихія наслажденія, даваемые природою.

„Паллада“ наша идетъ то широкими разливами озера, то узкими каналами среди архипелага острововъ, открывающаго во всѣ стороны далекія живописныя перспективы; гранитныя горбушки въ гривѣ лѣсовъ такъ характерно, такъ *сѣверно* смотрятъ на насъ изъ этихъ перспективъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире и открытѣе дѣлается озеро; тѣмъ меньше по берегамъ его дачъ и фермъ, и тѣмъ чаще поднимаются изъ-за лѣсовъ трубы фабрикъ. Это не альпійскія озера съ ихъ грандіозными пирамидами горъ и поѣтическими ущельями, не раскаленные мраморные алтари, разбросанные по знойной синевѣ греческаго архипелага,—это скорѣе скромные и милые берега какой-нибудь гигантской сѣверной рѣки, очаровательной въ своей мирной простотѣ и зеленой прохладѣ.

Вотъ, однако, кончается широкій, круглый разливъ Мелара, и пароходъ рѣзко поворачиваетъ въ узкій проливъ къ Сöderтельскому каналу. Тутъ, въ тѣсномъ проходѣ, еще эффектнѣе встрѣчныя пароходы и парусники, протискивающіеся намъ на встрѣчу. Мы идемъ среди крутыхъ лѣсныхъ береговъ, чуть не задѣвая за нихъ.

Каналь Сöderтелье—это первое начальное звено знаменитой системы шведскихъ каналовъ, прорѣзавшихъ въ разныхъ направленіяхъ всю южную Швецію и соединившихъ въ одну колоссальную водную дорогу всѣ ея многочисленныя озера и рѣки.

По дорогѣ этой вы можете спокойно, какъ въ домѣ, проѣхать почти по всей странѣ, отъ Стокгольма и Балтійскаго моря въ Гётеборгъ, Каттегатъ и Свеагерракъ, и въ сотни другихъ важныхъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстъ, разсѣянныхъ по этимъ рѣкамъ и каналамъ, по заливчикамъ этихъ озеръ и по берегамъ морей, омывающихъ Швецію съ юга и запада. Это огромное государственное предпріятіе, надъ которымъ давно уже задумывались многіе умные правители Швеціи, начиная съ Густава Вазы, осуществлено во всей полнотѣ сравнительно недавно, въ 1832 году, и могучимъ образомъ подняло промышленность и торговлю народа, создавъ новые рынки, новые громадные заводы и фабрики, цѣлыя новыя производства и сильно ожививъ мимоходомъ сельскохозяйственную жизнь страны. Баронъ Бальтазаръ Богиславъ Платенъ, основатель акціонернаго „Общества Гётеборгскаго канала“, былъ главнымъ руководителемъ и двигателемъ этого колоссальнаго предпріятія, хотя еще при Карлѣ XII извѣстные инженеры его, Сведенборгъ и Польгемъ, устроили южную, можетъ быть самую трудную, часть канала около знаменитаго водопада Трольгетанъ.

Всего отъ Стокгольма до Гётеборга эта водная дорога тянется на протяженіи около 500 километровъ, но она такъ удачно пользуется лежащими на пути озерами, заливами и рѣками, что собственно выкопаннаго русла на всемъ этомъ пространствѣ немного болѣе 100 километровъ. Свыше 3.000 кораблей ежегодно проходятъ по этой главной артеріи шведской промышленной жизни, волшебнымъ образомъ поднимаясь на высоту почти ста метровъ надъ уровнемъ моря (91 м.) и спускаясь потомъ съ такой же высоты посредствомъ цѣлой системы остроумно устроенныхъ шлюзовъ, число которыхъ на всемъ этомъ пути доходить до 58.

Очень странное впечатлѣніе производитъ зрѣлище огромнаго парохода, продвигающагося, какъ по аллеѣ сада, по узкому каналу, берега котораго можно почти рукой достать; въ тѣни природнаго парка, покрывающаго эти берега, сидятъ на скамьяхъ, гуляютъ, отдыхаютъ дачные жители, рѣзвятся дѣти. Кажется, они однимъ прыжкомъ очутятся у насъ на палубѣ. Вотъ и городокъ Сёдертелье, очень оживленный, красивый, тѣсно заселенный. Множество фабрикъ, еще больше хорошенькихъ дачъ; Сёдертелье—настоящее предмѣстье Стокгольма, достаточные жители котораго любятъ устраивать здѣсь свои загородныя виллы, изъ которыхъ такъ легко сообщаться съ столицею; пароходы въ

Стокгольмъ отходятъ по нѣсколькѣ разъ въ день, и приходятъ такъ же часто.

Въ Сбдертелье и первый шлюзъ удивительно простой и удобной системы инженера Тельфорда, главнаго исполнителя грандіозныхъ плановъ графа Платена.

Въ шлюзѣ каналъ суживается до тѣсноты огромнаго сундука, въ который только-что можетъ протиснуться пароходъ небольшихъ размѣровъ, какіе плаваютъ обыкновенно по каналу. Массивныя стѣнки этого открытаго сундука настолько высоки, что пароходъ кажется сидящимъ глубоко на днѣ его. Но вотъ сторожъ шлюза, явившійся по свистку парохода, сповойно и вмѣстѣ очень быстро начинаетъ вертѣть воротъ, которымъ плавно и безшумно сдвигаются сзади насъ двѣ половинки могучихъ деревянныхъ воротъ. Другія такія же ворота, наглухо запертыя, передъ нами. Теперь мы съ своимъ пароходомъ буквально сидимъ въ сундуѣ, задвинутые и спереди, и сзади. Раздается вдругъ шумъ клокочущей воды. Смотримъ съ любопытствомъ направо, налѣво, и видимъ, какъ внизу, изъ внезапно открывшихся боковыхъ отверстій, валить въ нашъ сундукъ тяжелыми валами вода. Незамѣтно, безъ всякаго качанія быстро поднимается и словно вырастаетъ надъ каналомъ нашъ пароходъ, а съ нимъ вмѣстѣ и мы, удивленно глазѣющіе на глазѣющій на насъ народъ. Въ нѣсколько минутъ уровень ящика, въ которомъ мы заперты, dorостаетъ до уровня канала впереди насъ, отдѣленнаго пока отъ насъ передними воротами.

Въ ту же минуту сторожъ шлюза опять начинаетъ работать воротомъ, но уже не на заднихъ, а на переднихъ воротахъ, которыя такъ же плавно и безшумно распахиваются мало-по-малу настѣжъ, и пароходъ нашъ безъ малѣйшаго затрудненія продолжаетъ свой путь по каналу до слѣдующей западни, до новыхъ запертыхъ воротъ, передъ которыми его опять останавливаютъ, запирая за нимъ заднія ворота, впуская опять воду въ этотъ со всѣхъ сторонъ закрытый ящикъ до высоты передняго уровня, и опять открывая тогда переднія ворота, чтобы дать пароходу безпрепятственный выходъ дальше въ каналъ...

Все это производится словно само собою, легко, скоро, безъ суеты и шума, однимъ, много двумя человѣчками, прибѣгающими сюда на нѣсколько минутъ, потому именно, что все здѣсь устроено чрезвычайно основательно, точно и умно. На каждахъ воротахъ придѣланы сверху узенькіе мостики, такъ что при всякомъ запираніи воротъ жители могутъ свободно переходить съ одной стороны канала на другой, что столько же остроумно,

какъ дешево и удобно. Публика, конечно, воспользовалась возможностью выйти на набережную Сѳдертелье и потолкаться между торговцами, высыпавшими въ пароходу съ своими корзинами и ящиками. Сѳдертелье, подобно нашему Viipuri, то-есть Выборгу, славится своими печеньями, только, въ противоположность огромнымъ выборгскимъ кренделямъ, самыми мелкими крендельками и пряничками. Всѣ, разумѣется, набрали отъ нечего дѣлать по нѣскольку пакетовъ этихъ сладостей, да и цѣна пакетику всего 25 ѓръ; но знаменитые сѳдертельскіе прянички оказались настоящими „Pfefferkuchen'ами“, потому что сахару въ нихъ, кажется, и признака не было, а вмѣсто него какая-то горечь.

По каналу встрѣчаются верѣдьо и мосты для проѣзда повозокъ, и даже желѣзно-дорожные мосты; приближаясь къ мосту, пароходъ отчаянно свиститъ, вызывая сторожа, который бѣжитъ на середину моста и рычагомъ поворачиваетъ его вмѣстѣ съ собою на срединномъ деревянномъ устоѣ, такъ чтобы полотно моста стало по оси канала, а пароходъ могъ бы пройти справа или слѣва отъ него. Желѣзно-дорожные мосты, конечно, уже желѣзные, а не деревянные и не на деревянномъ, а на гранитномъ срединномъ столбѣ.

Стѣнки канала вездѣ опрятно обложены досками или камнями и по обѣ стороны его проложены узенькія дорожки бичевника для конной тяги нагруженныхъ барокъ. Русскій глазъ, не привыкшій у себя дома ни къ чему подобному, съ утѣшеніемъ и невольнымъ удивленіемъ смотритъ на этотъ повсемѣстно царствующій, но словно никѣмъ не поддерживаемый, безмолвный порядокъ и аккуратность, на пространствѣ столькихъ верстъ, и въ такомъ отдаленіи отъ центровъ надзора и власти.

Погода уже въ Сѳдертелье расчистилась; глянуло сверху, хотя и холодноватое, голубое небо, и спокойная прогулка въ веселомъ праздномъ обществѣ по этому милому каналу, среди тѣнистыхъ лѣсковъ, похожихъ на одинъ сплошной паркъ,—производила на насъ самое отрадное и оригинальное впечатлѣніе. Пароходъ скользилъ по этому узенькому водному корридору безъ всякаго усилія, дрожанія и шума, словно его катила впередъ по гладкой лѣсной дорожкѣ какая-то незримая волшебная рука.

Каналъ, однако, кончился, и мы вступаемъ въ Іерна-фіордъ, одинъ изъ безчисленныхъ заливовъ Балтійскаго моря. Пароходъ идетъ то широкимъ просторомъ водъ, съ низкими лѣсистыми бе-

регами, то тѣсными архипелагами островковъ; сначала еще видны деревеньки, хутора, въ селеніи Иттенъ-Іерла даже церковь, живописно торчащая на холмѣ; у скалистаго мысика передъ нею дымитъ пароходикъ. Другой пароходъ-карапузикъ не безъ усилія тащить за собою, словно птица свой неуклюжій хвостъ,—длинный плотъ бревенъ...

Мы огибаемъ большой и красивый островъ Мөркё, весь въ лѣсахъ, въ поляхъ, въ жилищѣ. На одномъ изъ холмовъ его—рыцарское помѣстье, „Hölmings-holm“; хотя его и величаютъ замкомъ, но на видъ это—простая трехъ-этажная казарма безъ всякаго стиля и вкуса.

За Мөркё фіордъ идетъ широкимъ, прямымъ столбомъ между высокихъ и неинтересныхъ береговъ; всякое жилье мало-помалу исчезаетъ, лѣса становятся мелки и рѣдки. Погода тоже рѣзко мѣняется, и опять потянуло суровою осенью. Упорный юго-западный вѣтеръ, не столько холодный, сколько пронзительный, то нагоняетъ, то разгоняетъ сѣрыя влажныя тучи, что проносятся низко надъ нами, враждебно хмурясь на насъ, закрывая и скрывая отъ насъ всѣ перспективы дали, словно смутныя видѣнія мрачныхъ древнихъ миеовъ Скандинавіи. Бѣлыя чайки съ голоднымъ дѣтскимъ плачемъ треплются и кувыркаются въ догонку за нашимъ пароходомъ, съ трудомъ одолевая привычными гибкими крыльями своими относящій ихъ назадъ встрѣчный вѣтеръ.

Зазвонили къ обѣду, и мы не безъ удовольствія спустились въ шумную столовую, укрытую отъ вѣтра и холода. Пока мы обѣдали, пароходъ миновалъ городъ Трозу и вступилъ въ область шхеръ,—„шерь-гордъ“, какъ называютъ это шведы.

Лѣтняго дворца кронпринца—„Тульгарне“—намъ видѣть не удалось, потому что пароходъ прошелъ другимъ проливомъ, откуда видъ на замокъ былъ закрытъ. Я уже говорилъ раньше, что шхеры—это совсѣмъ особенный міръ, совсѣмъ особая красота; это не архипелагъ большихъ и маленькихъ острововъ, болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга, какъ въ Эгейскомъ морѣ или у береговъ Далмаціи, а цѣлый лабиринтъ безчисленныхъ, кишачихъ со всѣхъ сторонъ, среди морскихъ водъ, гранитныхъ горбушекъ, холмовъ, лепешекъ, тарелочекъ, плоскихъ лысинъ, чуть выглядывающихъ изъ-подъ лижущей волны, утесовъ и скалъ, обросшихъ лѣсомъ, островковъ, острововъ, мысовъ, полуострововъ, разрѣзанныхъ тысячами развѣтвленій заливчиковъ, проливчиковъ, озеръ и протоковъ. Это—цѣлая необозримая пустыня искрошенной въ крошки земли среди моря, раздробленнаго на

тысячи перепутанныхъ и извивающихся жилъ и нитей, — пустыня, охватывающая своимъ гигантскимъ круговымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ верстъ ширины, на многія сотни и даже тысячи верстъ въ длину, всѣ берега Швеціи и Норвегіи. Буквально пустыня, потому что какъ ни богаты рыбою эти уютныя заводы въ тѣни скалъ, — никто не живетъ въ этой странѣ бурь и волненій, открытой всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, и смѣлыя населенія балтійскихъ рыбаковъ все-таки строятъ свои хижины въ болѣе защищенныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ или на большихъ островахъ, гдѣ лѣса могутъ хоть сколько-нибудь укрывать ихъ отъ суроваго дыханія сѣвернаго моря. Однѣ только бѣлыя сигнальныя будочки, съ крупно написанными на нихъ нумерами и условными буквами, торчатъ будто вѣчные часовые на гранитныхъ скалахъ, да медленно колышутся въ волнѣ, словно живые, бѣло-красныя и черныя пузатые поплавки, обозначающіе фарватеръ. Отсюда намъ видны только ныряющія въ водѣ головы ихъ, а когда нѣсколько такихъ вздутыхъ поплавковъ лежатъ у какой-нибудь лопманской сторожки, вытянувъ на нѣсколько аршинъ свои желѣзные хвосты, — убѣждаешься, что эти игрушечки далеко не миниатюрны... На сторожкахъ лопмановъ написано большими буквами: „lots“. Это значитъ: требуй лопмана, если самъ не знаешь на память всѣхъ капризныхъ изгибовъ фарватера, всѣхъ поджидающихъ корабли подводныхъ камней; да мѣстные шкипера въ такихъ мѣстахъ всегда особенно осторожны, — иначе судно какъ разъ налетитъ на какой-нибудь незримый глазомъ каменный рожднъ. Нашъ капитанъ то-и-дѣло выбѣгаетъ на мостикъ, когда пароходъ идетъ какою-нибудь тѣсною грядкою лысыхъ горбушекъ, беспокойно осматривается направо и налево и подаетъ свои короткіе и быстрые сигналы кормчему... Видно и для его опытнаго глаза это жуткіе уголки!

Шведы — народъ практичный, и въ своихъ сигнальныхъ будочкахъ и маякахъ, какъ я уже говорилъ, не держатъ постоянныхъ сторожей; у нихъ фонари зажигаются одинъ разъ дней на 15-ть и горятъ непрерывно день и ночь; будочки запираются и оставляются затѣмъ на волю Божию и на честность шведскаго народа. При такой системѣ одинъ сторожъ можетъ свободно объѣзжать въ теченіе 15-ти дней цѣлый округъ, порученный его наблюденію, чтобы поддерживать освѣщеніе, и черезъ это расходъ на содержаніе маяковъ въ концѣ концовъ сильно сокращается, несмотря на бесполезную трату освѣтительнаго матеріала въ теченіе дня. Но, конечно, такая система возможна только при удивительной общей честности здѣшнихъ жителей и при образ-

повой аккуратности шведскихъ должностныхъ лицъ, не исключая послѣдняго сторожа.

Пока шхеры для насъ въ диковинку—и мы не насмотримся на нихъ. Въ нихъ даже разнообразіе своего рода и во всякомъ случаѣ характерная красота, которая такъ и зоветъ къ себѣ кисть талантливаго мариниста. Чѣмъ ближе къ землѣ, къ фіордамъ, глубоко врѣзавшимся въ материкъ, тѣмъ больше хорошенякихъ лѣсистыхъ островковъ и высокихъ скалистыхъ утесовъ; чѣмъ дальше къ морю—тѣмъ ниже, плоче, голѣ дѣлаются шхеры, и на рубежахъ съ открытою водною равниною онѣ лежатъ уже цѣлыми сплошными стадами гранитныхъ горбушекъ и лысинъ, гладко обточенныхъ и слизанныхъ вѣковѣчными всплесками волнъ.

Вотъ эта-то картина желтовато-красныхъ и сѣро-желтыхъ каменныхъ стадъ, разбросанныхъ среди голубой водной степи, и радуется своимъ оригинальнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ и линий глазъ колориста...

Но мы не все идемъ среди этого каменнаго лабиринта шхеръ; пароходъ выбираетъ себѣ пути пошире и часто выноситъ насъ на широкое раздолье водъ, только по сторонамъ и издали осажденное этими несмѣтными полчищами опасныхъ гранитныхъ чудовищъ. Мѣстами ихъ тѣсная гряда даже и совсѣмъ прерывается, и на горизонтѣ вдругъ показывается тогда грозная свинцово-сѣрая равнина моря съ несущимися по ней бѣлыми барашками расходившихся волнъ, съ хвостами пароходныхъ дымковъ, съ башнями маяковъ, прорѣзающими свѣтлою иглою хмурый фонъ Балтики...

Х.—На Готскомъ каналѣ.

Часамъ къ шести вечера, передъ Оксельзундомъ, намъ даже пришлось выйти въ открытое море. Шхеры стали сильно рѣдѣть и дѣлались все ниже, прилегли наконецъ въ уровень съ моремъ, потомъ и ниже уровня, чуть замѣтными каменными плитами, слабо желтѣвшими изъ-подъ легкаго налета воды... На послѣднемъ каменномъ холмикѣ,—высунувшемъ свой голый черепъ выше, чѣмъ могутъ заливать его волны, — поставленъ бѣлый маякъ и около него нѣсколько маленькихъ домиковъ. Это—лоцманская станція. Кучка наваленныхъ дровъ—единственное хозяйственное обзаведеніе этой печальной пустыньки, охваченной безбрежнымъ моремъ. Маленькая дѣвочка, какъ бѣлка въ своемъ колесѣ, бѣ-

гала взадъ и впередъ по берегу этого крошечнаго острова-острога, очевидно, радостно взволнованная видомъ проплывавшаго мимо парохода, полного разодѣтой публики. Не позавидуешь обитателямъ этого камешка, осужденнымъ ради куска хлѣба на такое безотрадное отшельничество.

Въ Оксельзундѣ желѣзная дорога подходитъ къ самому морю, и съ пристани товары грузятъ прямо на пароходы и суда. Станція желѣзной дороги—тутъ же на берегу. У пристани стоятъ два огромныхъ морскихъ парохода,—не чета нашей „Палладѣ“, приспособленной къ плаванію по каналамъ и шлюзамъ. На островѣ у берега—хорошенькія дачи. Мы выгрузили кое-кого и кое-что, кое-что и кое-кого приняли въ себѣ и очень скоро двинулись дальше, въ открытое море.

Тутъ уже нашъ маленькій и узенькій пароходъ, казавшійся намъ громадою въ тѣсныхъ ящикахъ шлюзовъ,—покачивается далеко не такъ, какъ въ защищенныхъ отовсюду проливахъ шхеръ. Вѣтеръ тоже сталъ ерѣпчать и нагонять станъ тутъ; волны довольно яростно барабанили въ борты парохода; верхняя палуба опустѣла, и публика, кутаясь въ пледы и одѣяла, жалась по разнымъ тихимъ уголкамъ.

Мы остались одни съ бравымъ капитаномъ, который бойко, хотя и очень неправильно, болтаетъ по-нѣмецки и по-англійски. Оригиналъ этотъ, побывавшій много разъ въ Англіи, въ Америкѣ, въ Германіи, какъ оказалось изъ разговора, никогда не былъ въ Норвегіи, а въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ, ни разу не заглянулъ въ Сѣверный музей, смотрѣть который иностранцы пріѣзжаютъ изъ-за тридцати земель. Въ Балтикѣ, по словамъ капитана, водятся акулы и даже тюлени, чего я никакъ не предполагалъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Петербургами, Ригами, Штеттинами и Стокгольмами.

Если здѣсь такъ сурово въ іюнѣ, въ лѣтніе жары, то можно себѣ представить, каково путешествовать по этимъ фіордамъ и шхерамъ глубокою осенью или зимою. Зимою, впрочемъ, шхеры сплошь замерзаютъ очень далеко, и самое море и вся мѣстность обращаются въ безотрадную и безнадежную снѣговую пустыню, полную опасностей на каждомъ шагѣ.

Но эти лабиринты шхеръ оказываютъ и огромную пользу Швеціи, издревле защищая ея мало населенные берега—на всемъ протяженіи ихъ—отъ вторженія врага, который безъ надежнаго лопмана заблудится въ безчисленныхъ протокахъ ихъ не хуже, чѣмъ въ пресловутомъ лабиринтѣ Миноса, и у каждой изъ этихъ рыжихъ горбушекъ можетъ посадить на камни свои корабли.

Въ то же время несчетныя полчища этихъ маленькихъ каменныхъ водорѣзовъ защищаютъ отъ разрушительныхъ прибоевъ суроваго моря берега страны, а эти массы лѣсовъ, торчащія на скалахъ, сдерживаютъ холодное дыханіе морскихъ вѣтровъ и значительно умѣряютъ климатъ страны. Сама же по себѣ эта нераспутываемая плетеница островковъ и протоковъ—такое при-
волье для рыбъ, тюленей и разной морской твари, что береговые жители Швеціи изстари привыкли отправляться въ шхеры какъ въ свой рыбный садокъ и, можно сказать, „живутъ шхерами“, извлекая изъ рыбной и тюленевой ловли свой главный доходъ. Оттого-то шхеры до сихъ поръ составляютъ частную собственность разныхъ семействъ и переходятъ по наслѣдству изъ вѣка въ вѣкъ. Откуда, однако, появилась, чѣмъ вызвана такая оригинальная путаница земли и воды, не встрѣчаемая въ другихъ странахъ? Чтò могло раздробить на такія мириады островковъ, утесовъ, каменныхъ плитъ—несокрушимыя гранитныя окраины Скандинавскаго полуострова?

Собственно говоря, никакого раздробленія тутъ нѣтъ. Всѣ эти безчисленные островки, горбушки и лысины просто не вполне еще залитыя, или уже не вполне залитыя моремъ верхушки подводныхъ возвышенностей, выглядывающихъ со дна моря, и разумѣется, нѣсколько обточенные и обглоданные морскою волною въ теченіе долгихъ вѣковъ. Я съ намѣреніемъ говорю: „еще“ или „уже“ залитыя, потому что берега шведскаго материка, точно также какъ и сосѣдняго финляндскаго, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ поднятія и опусканія земного уровня. На это любопытное явленіе обратилъ вниманіе еще шведскій ученый XVIII-го вѣка, Цельзій, извѣстный изобрѣтатель стоградуснаго термометра, и уже тогда сталъ производить наблюденія и опыты надъ этимъ таинственнымъ движеніемъ мнимо-неподвижной стихіи. Впрочемъ, мѣстные жители, рыбаки и мореходы съ-поконъ вѣку замѣчали это движеніе и невольно озадачивались имъ, потому что для нихъ оно не было празднымъ академическимъ вопросомъ, а затрогивало ихъ собственные интересы: заводи и бухточки Ботническаго залива, гдѣ дѣды ихъ и они сами мальчишками ловили рыбу и плавали въ лодкахъ, оказывались въ концѣ ихъ жизни полями, на которыхъ сѣялся хлѣбъ и росла трава. Большая часть такъ называемыхъ „тюленьихъ камней“ среди шхеръ, переходившіе прежде по наслѣдству какъ цѣнное имущество, съ теченіемъ времени стали такъ высоки, что тюлени не могли болѣе взлѣзать на нихъ, устраивать свои лѣжки,—почему и потеряли всякую цѣну.

Земля, очевидно, выросла вверхъ, море на глазахъ ихъ уходило внизъ. Мѣстечки, когда-то стоявшія у самаго моря, впускавшія въ свои гавани корабли и барки, отодвигались, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, внутрь страны и переставали быть приморскими.

Обломки старыхъ кораблей, якоря, весла, находили на сухихъ равнинахъ, вдали отъ моря. Даже цѣлый городъ Лулео, далеко не древній, основанный въ эпоху тридцатилѣтней войны Густавомъ-Адольфомъ, ушелъ въ теченіе всего какихъ-нибудь полутора-раста лѣтъ на нѣсколько верстъ отъ морского берега. Во многихъ мѣстахъ Швеціи и Норвегіи можно даже ясно видѣть рѣзко обозначенные слои стараго, поднявшагося вверхъ берега, а иногда, выше его—еще третьяго, болѣе древнѣйшаго берега; каждый изъ нихъ отличается своимъ особымъ цвѣтомъ, и часто даже образуетъ собою широкій уступъ въ видѣ ступеней лѣстницы.

Цельзій, несмотря на то, что современные ему шведскіе богословы объявили нечестивою ересью его мнѣніе о такой подвижности земли, и что два парламента изъ четырехъ, въ лицѣ духовнаго и городского сословій, торжественно осудили эту возмутительную ересь его,—все-таки не оставлялъ своихъ наблюденій и вмѣстѣ съ другомъ своимъ, знаменитымъ натуралистомъ Линнеемъ, вырѣзалъ въ 1731 году замѣтку на одной приморской скалѣ близъ г. Гефле, у самаго уровня моря. Черезъ 13 лѣтъ эта нарѣзка приподнялась уже на восемнадцать сантиметровъ. Цельзій объяснялъ эти измѣненія опусканіемъ уровня моря, но позднѣйшіе ученые убѣдились, что не море опускается, а поднимается, напротивъ, земля, и хотя впослѣдствіи ученые наблюдатели то же явленіе наблюдали во многихъ другихъ странахъ и моряхъ міра, но тѣмъ не менѣе балтійскіе берега сѣверной Швеціи и Финляндіи остаются до сихъ поръ самымъ рѣзкимъ и поучительнымъ образчикомъ систематическаго подъема материка надъ моремъ.

Для того даже вычислили очень точную мѣру такого подъема—на одинъ и шесть-десятихъ метра, то-есть почти на цѣлую сажень въ столѣтіе! Но чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ подъемъ этотъ слабѣе. На широтѣ Стокгольма онъ уже всего одинъ метръ; еще южнѣе, у Кольмара, берегъ вовсе не понижается, а на самыхъ южныхъ оконечностяхъ Швеціи материкъ даже замѣтно опускается, какъ опускается онъ и у насъ въ Каспійскомъ морѣ, около Баку. Со временъ Линнея, слѣдовательно немного болѣе одного столѣтія, большой портовый городъ Скони—Мальме опустился внизъ на полтора метра, нѣкоторыя старыя улицы его

залиты теперь водою, и море надвинулось на городъ, отнявъ у него полосу береговой земли по крайней мѣрѣ сажень въ 17-ть шириною. Между тѣмъ какъ городъ Лундъ, стоящій теперь почти въ 15—18 верстахъ отъ берега, еще при Саксонѣ-Грамматикѣ, — стало быть, въ XII столѣтіи, — „полагался въ числѣ приморскихъ городовъ“.

Вотъ это-то движеніе вверхъ и внизъ дна морского и создало, конечно, всѣ эти міриады каменныхъ холмовъ и каменныхъ лысинъ, выглянувшихъ изъ-подъ поверхности водъ, или, можетъ быть, окунувшихся въ нихъ...

Геологи приводятъ очень убѣдительныя доказательства того, что и весь скандинавскій материкъ не особенно давно (конечно, съ геологической точки зрѣнія) вынырнулъ изъ глубины океана. По крайней мѣрѣ, на довольно высокихъ горахъ находятъ остатки животныхъ, и теперь еще обитающихъ въ моряхъ, окружающихъ Швецію. А историки-археологи самое имя Швеціи, Свен, или, какъ называютъ ее теперь сами шведы, „Свериге“, — выводятъ изъ слова sea, see, сѣ, обозначающаго море на шведскомъ и сродныхъ ему языкахъ англійскомъ и нѣмецкомъ. Свериге, т.-е. See-reich, морское царство. Въ глубокой древности Швеція и была, по всѣмъ видимостямъ, такимъ морскимъ царствомъ, царствомъ гористыхъ острововъ, отовсюду окруженныхъ моремъ. Только постепенное поднятіе морского дна слило вмѣстѣ эти острова перешейками и равнинами, захвативъ въ низменные впадины этихъ равнинъ части морскихъ водъ, впоследствии обратившихся въ озера. Этимъ только и можно объяснить такое нигдѣ не виданное обиліе озеръ, фіордовъ, протоковъ; въ южной Швеціи озера и теперь еще занимаютъ восьмую часть всей поверхности, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они захватываютъ подъ себя чуть не четвертую часть.

„Когда Господь при сотвореніи міра отдѣлялъ воду отъ суши, Онъ забылъ Зюдерманландію“ — говоритъ мѣстная пословица одной изъ такихъ водяныхъ провинцій.

Хотя и трудно вполне довѣрять древнимъ географамъ, имѣвшимъ часто очень сбивчивыя понятія объ отдаленныхъ отъ нихъ странахъ, но все-таки нельзя не вспомнить, что соображенія современныхъ геологовъ подтверждаются общимъ голосомъ римскихъ и греческихъ землеописателей, которые всѣ считали нынѣшнюю Скандинавію то однимъ, то многими островами. Птолемей насчитывалъ въ ней четыре острова — одинъ большой и три маленькихъ.

Къ семи часамъ вечера мы опять стали приближаться къ берегу у рыцарскаго помѣстья „Готенвика“, старинное имя котораго сохранило въ себѣ память и о древнихъ готахъ, бывшихъ обитателяхъ этой береговой страны; до сихъ поръ величаемой Готландіею (Öster-Gotland), и о древнихъ удалыхъ викингихъ, „пѣнителѣхъ водъ“, прозванныхъ такъ именно потому, что они держали тутъ свои пиратскія засады, откуда налетали на проходившіе корабли, въ маленькихъ морскихъ бухтахъ, по-шведски — „викахъ“.

Тутъ опять раскинуты, какъ отдаленные редуты передъ главной крѣпостью, безчисленные островки и скалы шхеръ, защищающіе берегъ; опять сигнальные значки и бѣлыя будки маяковъ. Пароходъ рѣзко поворачиваетъ на западъ, въ широкое устье Тренно-фіорда, составляющаго наружную часть залива Слѣтбаккена, врѣзающагося глубокою и узкою траншеею далеко въ материкъ. Входъ въ Тренно-фіордъ живописенъ и своеобразенъ. Мы прошли длинныя островки въ лѣсахъ, и вдругъ очутились въ самой гущѣ голыхъ гранитовъ и подводныхъ камней. Они лежатъ притаившись, словно гигантскіе черныя крокодилы, высунувшіе изъ воды свои чугунныя спины, какъ свазочныя левиаѳаны, безмолвно поджидающіе свою добычу. Жутко смотрѣть, какъ безусый, морщинистый старикъ-штурманъ, съ американской бородкою, капнутою на подбородокъ, въ теплой курткѣ нараспашку, въ гарусномъ шарфѣ кругомъ шеи и кожаной фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ, едва замѣтными поворотами своей твердой и опытной руки, съ хладнокровіемъ истаго моряка и истаго сѣверянина, заставляетъ нашъ пароходъ протискиваться по всѣмъ изгибамъ этой каменной западни. Одно неловкое движеніе руля, и пузатое чрево нашего ковчега, переполненнаго народомъ, сразу разсыдется, наскочивъ на скрытые рожны и зубья этихъ природныхъ подводныхъ рогатокъ, оберегающихъ путь внутрь страны.

Въ другихъ мѣстахъ уже не такія мрачныя чудовища, а, кажется, весело полощутся какія-то огромныя бѣлыя рыбы, сверкающія изъ-подъ воды своей серебристой чешуей. Но эти мѣста еще опаснѣе: тамъ, значить, скалы, совсѣмъ скрытыя подъ водою, куда, какъ русалки, манятъ корабль эти шаловливыя всплески набѣгающей на камни волны. Что мѣста эти особенно опасны — доказательство на лицо: огромный обелискъ маяка справа отъ васъ на высокой скалѣ, другая бѣлая колокольня маяка въ открытомъ морѣ, и сейчасъ же на островѣ — третій маякъ.

На встрѣчу намъ плавно движется изъ глубины залива, на

хохлившись какъ павлинь, парусникъ, обвѣшанный всѣми своими парусами.

Заливъ сначала полонъ голыхъ каменныхъ шхеръ; но чѣмъ дальше внутрь, тѣмъ островки дѣлаются крупнѣе, зеленѣе, лѣсистѣе; пейзажъ мало-по-малу превращается изъ безотрадной морской пустыни въ уютные сельско-хозяйственные уголки. На многихъ островкахъ беззаботно пасутся овцы и коровы, разъ привезенныя сюда и пущенныя здѣсь на волю, безъ надзора и сторожей, пока хватитъ травы для пастбища, благо уйти имъ отсюда некуда, а честность народа и строгость закона заставляютъ забывать о воровствѣ.

Слѣва отъ насъ, на самомъ берегу, живописно высятся, окруженныя своими романтическими развалинами, обросшія зеленою деревьею, круглыя башни средневѣковаго замка Стегеборга, поглазѣть на который высыпаютъ на палубу даже самые лѣнныя и самые вябіе изъ нашихъ пассажировъ, несмотря на то, что какъ разъ въ это время прозвонили къ ужину. Шведы ужинаютъ, какъ русскіе, только гораздо болѣе, гораздо сытѣе русскихъ, точно также какъ закусываютъ и пьютъ водку передъ обѣдомъ совсѣмъ по-русски,—и не только передъ обѣдомъ, а и передъ ужиномъ, и закусываютъ не какимъ-нибудь кусочкомъ селедки или ломтикомъ хлѣба съ икрою, а наѣдаются до-сыта, еще не присаживаясь за горячія блюда, цѣлымъ добрымъ десяткомъ всякихъ маринованныхъ, сушеныхъ, вяленыхъ и копченыхъ рыбъ и рыбокъ, колбасъ, сосисекъ, сыровъ, яичницъ, холодныхъ мясъ и пр., и пр. Ужасъ беретъ даже нашего брата, русскаго, привыкшаго тоже довольно беззаботно относиться ко вмѣстительности своего желудка,—когда созерцаешь, въ первые дни своего знакомства съ здѣшними нравами, это колоссальное истребленіе всякаго рода съѣстнаго добра шведскими могучими желудками. А самое ужасное—въ томъ, что черезъ нѣсколько дней и самъ до того втягиваешься въ эту обильную общую жвачку, что мало уступаешь какому-нибудь шведу! Къ ужину подаютъ здѣсь, кромѣ десяти-пятнадцати закусокъ, которыя вы можете поглощать безъ счету и мѣры, если есть охота,—два горячихъ кушанья—рыбу и что-нибудь мясное съ вареными овощами; многіе любители и эти капитальныя блюда повторяютъ по два раза,—можетъ быть, въ хозяйственномъ убѣжденіи, что разъ заплатилъ свои денежки, такъ ужъ ѣшь во всю!.. Впрочемъ, надо прибавить, что шведы и шведки при этомъ порядочно пьютъ, а вино, пуншъ и пиво не мало-таки разжигаютъ аппетитъ...

Стегеборгъ мы прошли въ восемь часовъ, но было еще до-

вольно свѣтло. По берегамъ попадались не одни крестьянскіе поселки, но и господскія усадьбы, обыкновенно на холмахъ, среди садовъ; ихъ здѣсь величаютъ замками, хотя всѣ они, подобно „Hogningholm'у“, гораздо болѣе напоминаютъ, своимъ безвкуснымъ стилемъ трехъ-этажныхъ сундуковъ, солдатскую казарму или фабрику.

Въ Мемѣ пришли уже въ десятомъ часу. Это—узкій проходъ, въ которомъ скучено нѣсколько построекъ, большія лѣсопильни и склады хлѣба. Масса пиленыхъ досокъ и брусьевъ навалена на берегу. Трехъ-мачтовый корабль, готовый нагружаться этимъ лѣсомъ, дожидается своей очереди. У Мема кончается заливъ Слѣтбаккенъ и начинается искусственный каналъ. Тутъ и первый шлюзъ его, а скоро за нимъ еще другой. Пришлось провозиться дольше обыкновеннаго, потому что ящикъ шлюза очень тѣсный, и если ввести въ него пароходъ сколько-нибудь неосторожно, то бока его могли бы сильно пострадать. Капитанъ то-и-дѣло выерикивалъ съ своего мостика одну команду за другою, и мы дѣйствительно вдвинулись въ шлюзъ съ точностью англійской машины, не зацѣпившись и не стукнувшись ни разу. Запираютъ и поднимаютъ насъ опять такъ же, какъ и въ Сѣдертелье. Многіе изъ публики, зная, что и впереди предстоитъ та же возня, пошли пѣшкомъ по бичевнику до второго шлюза. Тутъ каналъ идетъ уже выше окрестной мѣстности, вѣроятно по насыпи, и значительно выше рѣки, провожающей его внизу слѣва. Впечатлѣніе получается удивительно странное, какъ будто и мы, и пароходъ—двигаемся по шоссе среди расположенныхъ ниже насъ полей и лѣсовъ.

Третій шлюзъ оказался въ довольно большомъ городѣ Сѣдерчѣппингѣ. Была уже совершенная ночь, хотя все можно было разсмотрѣть довольно явственно. Видны нѣсколько церквей, фабрики, что-то вродѣ монастыря, много складовъ для зерна, разныхъ товаровъ, груды боченковъ на берегу. Сейчасъ чувствуется бойкій торговый пунктъ. Справа надъ городомъ нависла высокая какъ стѣна отвѣсная гора, съ густою шапкою лѣсовъ. Это—скала легендарнаго скандинавскаго богатыря, викинга Рамундера, который, будто бы, жилъ и разбойничалъ здѣсь въ былые вѣка. Показываютъ даже вдѣланное въ скалу огромное желѣзное кольцо, къ которому удалой „морской король“ привязывалъ свой корабль. Безъ сомнѣнія, въ его время морской заливъ не кончался у Мема, а проникалъ гораздо глубже въ материкъ, какъ всѣ вообще фіорды Швеціи. Въ ночномъ сумракѣ эта лохматая черная гора, сурово надвинувшаяся на

городовъ, улегшійся у ея подножія, дѣйствительно казалась ка-кимъ-то грознымъ сказочнымъ великаномъ изъ мрачныхъ мифовъ скандинавскаго скальда.

Опять въ путь! опять свистки, опять частый, осторожный воскликъ капитана, не покидающаго теперь своего мостика: „sakta!“ Пароходъ замедляетъ свой ходъ, и передъ самымъ носомъ его плавно поворачивается, какъ стрѣла на своемъ остріѣ, грузное полотно желѣзно-дорожнаго моста.

Черезъ четверть часа—новый свистокъ, новое: „sakta!“—и еще разъ въ ночномъ полусумракѣ словно сама собою отпирается передъ нами, безшумно повертываясь на своемъ могучемъ винтѣ, громадная заставка другого моста, уже не желѣзной, а шоссеиной дороги.

Бьетъ, однако, полночь, и какъ ни любопытно слѣдить за каждымъ шагомъ нашего оригинальнаго пути,—приходится уходить на боковую.

Всю ночь слышался намъ пронзительный лязгъ цѣпей, возня на палубѣ, шумъ рычаговъ, свистки, тяжкое дыханіе паровой машины, отъ которыхъ дрожали самыя стѣнки нашей тѣсной каюты; пароходъ то-и-дѣло проходилъ сквозь шлюзы и мосты, останавливался, подтягивался, выбирался. Только отъ Мема до Моталы ему пришлось проходить черезъ два десятка шлюзовъ, взбираясь на высоту нѣсколькихъ саженъ и спускаясь оттуда внизъ.

Мы поднялись въ шесть часовъ утра; пароходъ только-что остановился у мѣстечка Берга, пройдя довольно большое озеро Роксенъ. Погода не хотѣла насъ баловать и упрямо поддерживала свою скверную репутацію; мелкій дождь сѣялъ изъ низко опустившихся, все заволачившихъ сѣрыхъ облаковъ, земля была совсѣмъ промочена, вездѣ стояли лужи. Не манило ни къ какимъ пѣшеходнымъ экскурсіямъ, а между тѣмъ намъ предстояло пройти почти сряду пятнадцать шлюзовъ, по которымъ пароходъ нашъ долженъ былъ вскарабкаться какъ по лѣстницѣ, чтобы добраться до Моталы. Въ нашемъ распоряженіи было такимъ образомъ цѣлыхъ два часа, которые очень встати можно бы было употребить на осмотръ окрестностей. Все-таки человѣкъ пятнадцать наиболѣе рѣшительныхъ туристовъ, несмотря на погоду, вооружились калошами и зонтиками и потянулись на берегъ. Мы съ женою были въ ихъ числѣ, оставивъ своихъ двухъ спутницъ наслаждаться утреннимъ сномъ. Компанія наша оказалась главнымъ образомъ дамская, хотя въ женскихъ костюмахъ менѣе всего удобно путешествовать въ грязь и дождь апостольскимъ пѣшимъ хожде-

ніемъ. Мужчинъ набралось всего четверо. Мы прошли правымъ берегомъ канала мимо нѣсколькихъ шлюзовъ и въ самомъ мѣстечкѣ Бергѣ переправились по мосту на лѣвую сторону. Къ счастью, въ Швеціи даже и проселочныя дороги содержатся такъ же опрятно и удобно, какъ улицы. Широкая дорога, обсаженная ясенями, окопанная ровиками, вся усыпана мелкимъ гравіемъ, такъ что даже въ дождь по ея упругому полотну можно ходить безъ калошъ, не замочивъ ногъ. По сторонамъ—густыя поля клевера и тимopheи, рожь, картофель, много и скошеннаго сѣна, вадѣтаго на жерди и на снозы съ деревянными иглами. Зеленая равнина стелется широко и далеко, оживленная деревеньками и высокими шпилями церквей. Самъ Бергъ—довольно маленькое мѣстечко, но, однако, въ немъ и „Sparrbank“, и гостиница, и телеграфъ, и лавки, все, безъ чего не можетъ существовать цивилизованный человѣкъ Европы, хотя бы и простой земледѣлецъ. Насъ привлекалъ собственно не Бергъ, а древній монастырь Врета,—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ Швеціи, сохранившійся почти въ первобытномъ видѣ съ XII-го столѣтія. До него не болѣе версты отъ канала.

Старая церковь очень похожа общимъ видомъ на „Storkyrkan“ и другіе историческіе храмы Стокгольма: та же башня колокольная подъ высокимъ чернымъ шпилемъ, тотъ же громоздкій, островерхій шатеръ черной крыши надъ продолговатымъ бѣлымъ зданіемъ, и по сторонамъ—выступы такихъ же островерхихъ придѣловъ. Грубый прозаическій стиль, грубая известковая штукатурка. Кругомъ разбросано безъ призора и порядка старое кладбище, въ которомъ, однако, видны и свѣжія могилы. Шведы не безъ труда раздобыли гдѣ-то старичка—„Vacktmästare“, согласившагося отпереть и показать намъ церковь. Тамъ то же расположеніе, что и въ „Ryddarkyrka“: три ряда высокихъ готическихкихъ галерей, выбѣленныхъ простою известью, довольно величественно перекрещивающихъ наверху свои характерныя стрѣльчатые своды. Все просто, бѣдно, голо, безъ малѣйшихъ украшеній. Скамьи такія же простыя, деревянные, даже некрашенныя; но зато въ храмѣ много тѣсныхъ придѣльчиковъ и отдѣльчиковъ, полныхъ историческихкихъ воспоминаній разнаго рода, много старыхъ упраздненныхъ алтарей и наивнаго дешеваго убранства прежняго времени, хранимаго какъ мѣстныя реликвіи: старый мѣдный трехсвѣщникъ, старая деревянная каедрa съ младенчески-неумѣлыми куклами святыхъ, раскрашенными съ пестротой арлекиновъ. Передъ престоломъ круглая, низкая ограда, вся сплошь деревянная, чего мнѣ еще ни разу не встрѣтилось ни въ про-

тестантскихъ, ни въ католическихъ церквахъ. „Королевское мѣсто“—тоже простая деревянная загородка съ деревяннымъ полу-балдахиномъ дѣтской аляповатости, полинялая и облѣзлая, съ нѣсколькими расшитыми тряпками того времени.

Въ боковыхъ придѣльчикахъ—грубыя каменные гробницы, прикрытыя плоскими плитами, Магнуса Датскаго, Рогвольда Свейскаго и Готскаго (1157 года) и разныхъ другихъ первобытныхъ властителей Швеции; надъ каждою гробницею жестяная католическая корона въ видѣ лампы,—никогда, впрочемъ, не горящей. Вокругъ этихъ невзыскательныхъ царскихъ усыпальницъ прислонены къ стѣнамъ, навалены на подоконники, на рундуки и скамьи, большія, въ ростъ человѣка, и маленькія, какъ игрушки, многочисленныя деревянныя статуи святыхъ, ангеловъ и королей, когда-то раскрашенныя, но теперь совсѣмъ облѣзлыя, съ отбитыми носами, съ отломанными руками, жалкіе остатки средневѣковаго полу-языческаго католичества, дѣтски-наивнаго и вмѣстѣ варварски-грубаго. Еще характернѣе оригинальныя старинныя хоругви, которыми во множествѣ увѣшаны и уставлены стѣны храма: это уже не наши знамена изъ парчи или шолка, а громоздкія и затѣйливыя рѣзныя изъ дерева иконы своего рода, водруженныя на высокіе шести, раскрашенныя, раззолоченныя съ безвкусовой пестротой и яркостью, всѣ въ завиткахъ, коронахъ, шлемахъ, перьяхъ, гербахъ, орлахъ, всѣ въ святыхъ и ангелахъ, всѣ съ смиренно-благочестивыми или кичливыми фамильными девизами и надписями,—очевидно, древнія арматуры королей и рыцарей, а можетъ быть и какихъ-нибудь городскихъ цеховъ и разныхъ государственныхъ сословій шведской земли. Въ Сѣверномъ музеѣ Стокгольма мы видѣли богатѣйшее собраніе такихъ значковъ изъ разныхъ вѣковъ и мѣстностей.

Интереснѣе другихъ усыпальница графовъ Дугласовъ. Въ ней стоятъ одинъ вплотную къ другому пять гробовъ, образующихъ вмѣстѣ ступенчатую лѣстницу своего рода: середину занимаетъ огромная деревянная гробница съ круглыми раскрашенными медальонами перваго Дугласа, родоначальника семьи, переселившагося сюда изъ Шотландіи во время тридцатилѣтней войны; къ нему примыкаютъ съ двухъ сторонъ двѣ гробницы пониже, а къ каждой изъ нихъ—тоже по одной, еще болѣе низкой.

Весь полъ храма тоже въ гробовыхъ плитахъ съ кольцами и надписями, среди которыхъ попадаются подписи XII-го и XIII-го столѣтій. На хорахъ этого стараго, бѣднаго храма—такой же старый и бѣдный органъ, низенькій, маленькій, изъ

крашенныхъ синихъ досокъ, съ жестяными трубками, — жалкая штука въ сравненіи съ нынѣшними великолѣпными сооруженіями этого рода. Всѣ эти обломки и останки давно успокоившейся человѣческой гордыни и человѣческаго тщеславія, потерявшіе теперь свой былой смыслъ, производятъ грустное впечатлѣніе. Но дѣлалось забавно, когда приходилось слушать, какъ болтливый старикъ-сторожъ велегрѣчиво и пространно, словно бездарный педантъ-профессоръ, размазывалъ, будто по книгѣ читалъ, давно заученныя на память объясненія свои, придавая необыкновенно-важное значеніе каждой надписи, каждой обломанной кулѣ; онъ, кажется, заморилъ бы насъ своими лекціями до поздняго вечера, еслибы мужчины-шведы, а за ними и мы, не поспѣшили прекратить его словоохотливость, сунувъ ему въ руку неизбѣжный бакшишъ...

Когда мы возвращались къ каналу, странный видъ поразилъ насъ: мы были внизу, а вверху надъ нами, выше верхушекъ деревьевъ, двигался словно по горѣ нашъ пароходъ. Вернулись мы во-время, и еще успѣли полюбоваться со стороны, какъ вводили этотъ огневдышащій корабль нашъ, будто послушнаго коня въ стойло, въ тѣсные ящики двухъ послѣднихъ шлюзовъ.

Мы идемъ теперь по каналу на высотѣ 92 метровъ; рѣка Мотала видна намъ отсюда довольно глубоко внизу, справа отъ насъ, среди красивой зеленой долины, окруженной лѣсистыми скатами. Небо разъяснилось, хотя вѣтеръ еще слишкомъ жестокій, и при солнечномъ освѣщеніи картина этихъ трудолюбивыхъ окрестностей, обильныхъ водою, лѣсами и пастбищами, кажется еще цвѣтущѣе. Дымящія трубы фабрикъ, большіе бѣлые дома господскихъ усадьбъ подъ красною черепицею, деревянные раскрашенные домики поселянъ и черные шпили церквей среди зелени садовъ — виднѣются тутъ вездѣ.

Каналъ полонъ воды почти навзрѣзъ; его выложенные камнемъ берега едва выступаютъ надъ поверхностью, и когда пароходъ возьметъ хотя чуточку вкось, то корма его такъ сильно гонить волну къ берегу, что она громко шлепается, ударяясь о камни, и гонится потомъ за кораблемъ, шипя и кудрявясь бѣлою пѣною, словно злая собака, безсильная укусить его.

Мы не выѣзжаемъ изъ тѣни деревьевъ: ясени, липы, вязы, клёны, березки, рябины, вездѣ осыняютъ зеленые берега канала; въ иныхъ мѣстахъ пароходъ цѣлые часы идетъ милыми молодыми рощами, изъ которыхъ привѣтливо смотрятъ на насъ не только хорошенькіе домики, но и хорошенькія личики дѣтей и

дѣвушекъ. Это плавное теченіе парохода по узкой водяной дорожкѣ безъ волнъ, безъ качки, безъ шума и словно безъ всякаго напряженія, среди непрерывающейся зелени деревьевъ и зеленыхъ равнинъ, такъ близко ко всѣмъ добродушнымъ подробностямъ домашняго хозяйства и домашней жизни поселеннаго, до того не похоже на обыкновенное плаваніе парохода по большимъ рѣкамъ, морямъ и озерамъ, что не на шутку забываешься и воображаешь себя катящимся по тѣнистымъ аллеямъ безконечнаго парка въ какомъ-нибудь покойномъ экипажѣ...

Страна тутъ сильно оживлена и населеніе довольно густо, а такъ какъ еще было воскресенье, то и гуляющаго народа на нашемъ пути собиралось больше обыкновеннаго. Проѣздъ парохода съ туристами—огромное развлеченіе для деревенскаго жителя, особенно для молодежи, жаждущей посмотрѣть на столичные наряды и столичный людъ. Чаше всего группы любопытныхъ зрителей ждали насъ у мостиковъ, перекинутыхъ черезъ каналъ въ каждую деревеньку, въ каждую ферму. Мостики эти уже не вертятся на своихъ стержняхъ, а просто откатываются на чугунныхъ низенькихъ колесикахъ по рельсамъ на каменный прибрежный устой, выступающій довольно далеко въ воду. Эту легкую работу безъ труда исполняетъ всякая дѣвушка.

Я съ искреннимъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ искреннимъ уваженіемъ смотрѣлъ на здѣшній деревенскій народъ. Возня съ землею и навозомъ, съ плугомъ и лошадыю, ни въ комъ изъ нихъ не убива челоуѣческаго достоинства и челоуѣческаго самоуваженія. Всѣ они, будучи землепашцами, крестьянами, мужиками по-нашему, чувствуютъ себя такими же людьми, какъ и мы всѣ, и требуютъ отъ себя, отъ своей жизни, тѣхъ же условій приличія и удобства, приспособленныхъ къ ихъ быту, какихъ мы требуемъ относительно нашего быта.

Посмотрите на нихъ—и вы скажете, что это почтенные люди, а не рабочія машины и не рабочій скотъ. Всѣ одѣты пристойно, хотя и скромно, у всякаго всѣ необходимыя ему принадлежности. Ничего растерзаннаго, грязнаго, неопрятнаго, никакихъ дикихъ выходокъ и нелѣпыхъ привычекъ—не увидите вы среди этого разумнаго трудового люда.

Вотъ подошла торопливо къ берегу, тою твердою и спорою походкою, какою умѣютъ ходить только шведы, съ тремя своими мальчуганами молодая хозяйка сосѣдней фермы,—показать дѣтишкамъ проплывающую мимо волшебную машину, полную невиданнаго ими люда. Всѣ ребятки ея въ черныхъ суконныхъ курточкахъ, правда, толстаго сукна, въ черныхъ чулкахъ по ко-

лѣни, въ башмакахъ и шапочкахъ,—совсѣмъ дѣтки порядочнаго семейства, и уже по одному виду ихъ заключишь, что, навѣрное, всѣ они грамотны, посѣщаютъ школу, приучились держать себя пристойно. И она сама—въ дешевой, но красивой, живописной шляпѣ съ полями изъ краснаго войлока, тоже вся въ черномъ, тоже вполнѣ приличная, хотя и не мететъ пыли подошомъ своего платья, какъ дѣлаютъ наши городскія дамы, и хотя попросту перепоясана чернымъ фартукомъ домовитой хозяйки.

И это не одна она, не одни ея мальчуганы, а куда здѣсь ни глянешь кругомъ—вездѣ та же картина приличнаго, скромнаго быта, отрадная картина культурной страны и культурнаго народа.

Деревеньки, фермы, хуторки тутъ очень часты, у самаго берега канала; и въ каждой вы непременно увидите благочинно возсѣдающихъ на лавочкахъ передъ своими домами или въ тѣни лѣсковъ на крутомъ скатѣ зеленаго берега—по праздничному одѣтыхъ почтенныхъ старичковъ, дѣвушекъ и дѣтей. Попадаются изрѣдка и живописныя дачки съ балконами, висящими надъ водою, съ изящными цвѣтниками, гдѣ даже бѣлѣютъ статуи, брызжутъ фонтаны, вырисовываются колючіе букеты юккъ и алоэ... Пролетаютъ мимо и велосипеды, но на нихъ торопливо работаютъ уже не стогольмскія ярко-пестрыя барышни, а темныя дѣловыя куртки мѣстныхъ поселянъ. Стало быть, велосипедъ проникъ здѣсь не только на дачу, но и въ настоящую крестьянскую деревню, сталъ удовлетворять настоящей крестьянской нуждѣ.

Лѣсъ, повидимому, главный промыселъ этихъ мѣстъ, какъ и вообще, кажется, всей Швеціи. Пильни на каждомъ шагу. Вся рѣка Мотала—въ огромныхъ ярусахъ досокъ, теса и всякаго пиленнаго товара, до тонины сигарочнаго ящика. Здѣсь и дома строятъ исключительно изъ пиленыхъ брусевъ. Не „гонять въ щепу“, какъ наши „рассейскіе“ плотники, толстыхъ, круглыхъ бревенъ, чтобы получить изъ нихъ четырехугольный брусъ, а сохраняютъ каждую горбылину. При постройкѣ сначала устанавливаютъ изъ брусевъ скелетъ дома, и уже потомъ забираютъ его досками брусьями или кирпичомъ. Съ нашей точки зрѣнія, постройка кажется слишкомъ легкой, не подходящею къ холодному климату; но на дѣлѣ этотъ тонкій на видъ лѣсъ не уступаетъ ничѣмъ нашему толстому, круглому лѣсу, потому что пригоняется другъ къ другу чрезвычайно плотно, безъ малѣйшихъ прозоровъ, и соединяется другъ съ другомъ всею своею шириною, а не одними своими выпуклостями, какъ наши круглыя бревна.

Встрѣчаются намъ барки съ дровами, съ лѣсомъ, встрѣчаются и пароходы. Вотъ проплылъ мимо нашей „Паллады“ „Юпитеръ“, а за нимъ „Ида“,—оба „купцы“ изъ Гётеборга, несмотря на свои мифологическія имена. Проплылъ и одинъ „туристъ“, нашего же общества, „Jönköping“, названный такъ по имени портового города на озерѣ Веттеръ;—маханье платковъ и шляпъ съ обѣихъ палубъ и перекинутыя черезъ бортъ короткія привѣтствія капитановъ...

ЕВГ. МАРКОВЪ.

ЧЕРВОНЫЙ ХУТОРЪ

РОМАНЪ.

XIV *).

Послѣ полдника подруги отправились домой. Ксая была весела, говорила безъ умолку, вспоминая о разныхъ эпизодахъ на Косовицѣ, и напѣвала пѣсни, подслушанныя у бабъ. Наташа, напротивъ, была задумчива и молчалива, и въ головѣ ея гвоздемъ сидѣла одна и та же мысль о томъ, какая громадная пропасть отдѣляетъ ея жизнь отъ жизни народа, и что надо сдѣлать для того, чтобы этой пропасти не было.

Когда онѣ свернули на хуторскую дорогу, Ксая всмотрѣлась въ черную фигуру, мелькавшую передъ ними въ облакахъ пыли, и воскликнула:

— А вѣдь это, кажется, Антониды Васильевна! Она, она, верхомъ на своемъ Вороненькомъ,—вонъ и собака ея, Ромашка, бѣжить!

— Кто это?—разсѣянно спросила Наташа.

— Жена Чевманаева. Это она, должно быть, къ намъ. Догонимъ ее!

Ксая погнала лошадь, и скоро онѣ поровнялись съ всадницей, которая, опустивъ возжи, шагомъ ѣхала у края дороги. За нею, высунувъ языкъ, бѣжала огромная черная собака съ лохматой мордой и пушистымъ хвостомъ, увѣшаннымъ репьями.

*) См. выше: мартъ, 75 стр.

— Антонида Васильевна, здравствуйте! — крикнула Ксания. — Вы къ намъ?

Амазонка обернулась, приостановила лошадь и, переложивъ хлыстикъ и возжи изъ правой руки въ лѣвую, поздоровалась съ Ксаней.

— Я къ вамъ, — сказала она. — Мой супругъ въ степь уѣхалъ сегодня, — вотъ я и удрала.

— Отлично! А мы на косовицѣ были. Познакомьтесь, господа!

Чекманаева протянула руку Наташѣ и пытливо заглянула ей въ лицо. Наташа, въ свою очередь, смотрѣла на нее съ любопытствомъ и изумленіемъ. Она представляла себѣ жену Чекманаева совсѣмъ не такою: ей казалось почему-то, что она должна была быть толстой, тупой и уже немолодой женщиной, а передъ ней была стройная, хорошенькая дѣвочка съ подвижнымъ, худенькимъ личикомъ и большими, темными, совершенно дѣтскими глазами. Русые волосы ея были подстрижены до плечъ и крупными локонами выбивались изъ-подъ мужской шляпы, ухарски надвинутой на бекрень; черная суконная амазонка плотно стягивала ея худое тѣло съ узкими плечами и впалой грудью. Она производила странное впечатлѣніе; выраженіе лица ея постоянно мѣнялось: въ немъ было что-то зазорное, мальчишеское и въ то же время испуганное и безпомощное; тонкія брови ея то хмурились, — точно она вотъ-вотъ готова была сдѣлать что-то отчаянное, — то высоко приподнимались, и тогда она становилась удивительно похожа на напроказившаго ребенка, каждую минуту ожидающаго наказанія. Большой ротъ ея съ пухлыми губами немного кривился, когда она улыбалась, и это придавало ея улыбкѣ характеръ наивности и простодушія; зато взглядъ ея большихъ глазъ, отбѣенныхъ длинными рѣсницами, бывалъ по временамъ смѣлъ до дерзости и приводилъ въ смущеніе, какъ взглядъ ребенка, который знаетъ черезчуръ много такого, чего не слѣдовало бы ему знать.

„Такъ вотъ она какая!“ — подумала Наташа и, встрѣтивъ пристальный и дерзкій взглядъ Чекманаевой, смутилась. — „Зачѣмъ она такъ на меня смотритъ, точно выпытываетъ“... Ихъ взгляды снова встрѣтились... Наташа опустила глаза, а Чекманаева улыбнулась и, ударивъ лошадь хлыстомъ, понеслась впередъ. Собака помчалась за нею.

— Антонида Васильевна, не шалите! — остановила ее Ксания. — Вы насъ совсѣмъ запылили.

Чекманаева подтянула поводья и поѣхала рядомъ съ ними, сбивая хлыстикомъ колосья. Между нею и Ксаней завязался отрыв-

вистый разговоръ, прерываемый смѣхомъ; говорили о какихъ-то лазоревскихъ знакомыхъ; Антонида Васильевна рассказывала разные новости и сплетни. Вдругъ она круто оборвала разговоръ и спросила:

— А Степанъ Павловичъ—дома?

— Не знаю, право. Мы по обыкновенію его очень рѣдко видимъ. Все гдѣ-то пропадаетъ.

Чекманаева снова взглянула на Наташу, потому для чего-то сдвинула шляпу еще болѣе на-бекрень, гикнула и поскакала. Лошадка Ксани запрядала ушами и тоже затрусилась рысцой.

— Ну что, нравится тебѣ она? — въ полголоса спросила Ксани.

— Еще не знаю. Какая-то она странная.

— Да... знаешь, она, кажется, тутъ немножко того...—проговорила Ксани, прикладывая палецъ ко лбу.

Когда онѣ пріѣхали домой, самоваръ уже стоялъ на столѣ, и Ганна Матвѣевна величаво засѣдала на своемъ обычномъ мѣстѣ. Подругъ она встрѣтила довольно холодно, но Чекманаеву расцѣловала, усадила около себя и ласково стала расспрашивать, каково ей живется.

— Да что, скучно живется, Анна Матвѣевна! — отвѣчала Антонида Васильевна, отряхивая назадъ свои локоны и кладя локти на столъ.

— Господи Боже мой!—удивленно воскликнула Ганна Матвѣевна. — Чего же вамъ скучать? Всего у васъ много, хозяйство большое—и скучаете.

— А вотъ и скучаю!—какъ-то капризно и упрямо повторила Чекманаева.—Можетъ быть, оттого и скучаю, что всего много.

— Дивлюсь, дивлюсь!—твердила Ганна Матвѣевна, неодобрительно качая головою.—Скучать при такомъ богатствѣ!..

Антонида Васильевна улыбнулась своей странной улыбкой.

— Да на что мнѣ оно, это богатство?—рѣзко сказала она. —Все равно, цѣлый день сидишь на этой проклятой бойнѣ, и уйти даже некуда. Посадила бы я васъ туда хоть на денекъ,—запѣли бы, небось, аллилуйю! Скотина реветъ, кровью пахнетъ, жожами воняетъ, вездѣ падаль, мерзость, грязь, противныя мясницкія рожи! Тьфу!

Она энергично ударила рукой объ столъ и продолжала, повышая голосъ почти до крика:

— Да чортъ съ нимъ, съ этимъ проклятымъ богатствомъ! На кой оно мнѣ дьяволъ? Я бы лучше милостыню пошла просить, въ вухарки бы пошла,—я бы тогда человѣкомъ была! А

теперь я что? Вонъ у меня чахотка, говорятъ,—я кровью харкаю! Это отчего,—отъ хорошей жизни что-ль? Я злющая, я больная, я звѣрь и всѣхъ ненавижу... Да,—ненавижу всѣхъ!—крикнула она и какъ-то радостно и торжествующе посмотрѣла вокругъ.

Ганна Матвѣевна встала и молча, съ обиженнымъ видомъ, удалилась. Ксаня проводила ее взглядомъ и улыбнулась.

— Обидѣли вы нашу пани, Антонида Васильевна! — сказала она.

Чекманаева сейчасъ же стихла, брови ея поднялись, и лицо приняло выраженіе испуганное и виноватое.

— Неужели?! Я вовсе не хотѣла... Ну, впрочемъ, все равно. Я такъ долго молчу, сидя на своей бойнѣ, что какъ вырвусь, такъ мнѣ и хочется кричать, ругаться, драться,—Богъ знаетъ, что дѣлать, только бы не молчать. Надоѣло мнѣ молчать!

— Какая ужасная жизнь!—вымолвила Наташа съ жалостью.

Антонида Васильевна метнула на нее быстрымъ и, какъ показалось Наташѣ, злобнымъ взглядомъ и продолжала, обращаясь къ одной Ксанѣ:

— Голубчикъ, я у васъ весь вечеръ просижу... и ночевать останусь! Ей Богу... Что это, въ самомъ дѣлѣ, я точно каторжная! Надоѣло мнѣ на цѣпи сидѣть, какъ бѣшеной собакѣ,—вотъ возьму, да и останусь у васъ на всю ночь, и буду пѣть, плясать, бѣситься! Чортъ ихъ всѣхъ возьми!.. Пусть пріѣдетъ и спроситъ: „Гдѣ моя „Антошка“?! Это онъ меня такъ зоветъ—Антошкой—ха-ха-ха!.. Въ институтѣ меня Nini называли, а здѣсь—„Антошка“! Тамъ все разныя деликатессы, нѣжности, парле-франсѣ, а здѣсь—„Антошка, поди, стерва, сапоги съ меня сними“!.. Э, да ну ихъ всѣхъ...

Она вскочила, путаясь въ длинномъ хвостѣ своего платья, и оглядѣлась кругомъ.

— А у васъ-то какой рай, Боже ты мой!—воскликнула она, всплеснувъ руками. — Цвѣты, деревья, лица такія у всѣхъ добрыя, тишина, миръ!.. Не поѣду, ни за что сегодня домой не поѣду!

— Конечно, оставайтесь. Зачѣмъ ѣхать?!—сказала Ксаня.

— Правда? Такъ не ѣхать? Милочка вы моя, я васъ обожаю! Охъ, и повеселюсь же я сегодня!..

Она подобрала плейфъ и съ радостными восклицаніями, какъ ребенокъ, въ припрыжку обѣжала весь цвѣтникъ.

— А цвѣты рвать можно?—крикнула она.

— Можно, можно, сколько хотите!

— Неужели правда? Ахъ, какое счастье!.. — воскликнула Антонида Васильевна, но вдругъ остановилась и съ безпокойствомъ прислушалась. На дворѣ слышался громкій лай собакъ. — Боже мой, а гдѣ же мой Ромашка? Я о немъ совсѣмъ позабыла, — ваши собаки его загрызутъ...

— Не бойтесь, я велѣла вашего Ромашку привязать въ конюшнѣ.

— Ахъ, пожалуйста, распорядитесь! И дайте ему чего-нибудь поѣсть на ночь, а то онъ будетъ выть. Вы знаете, Ромашка—мой единственный другъ и товарищъ,—я безъ него никуда... Мой супругъ уже собирался его повѣсить, да я пригрозила, что домъ сожгу,—ну, смиловался...

Она успокоилась и пошла рвать цвѣты, отряхивая волосы, безпрестанно спадавшіе ей на лицо.

— Вотъ видишь, какая она...—шепнула Ксаня Наташѣ.

— Несчастная!..—проговорила Наташа, слѣдя за тоненькой фигуркой Антониды Васильевны, мелькавшей между клумбами.

Черезъ нѣсколько минутъ она подошла къ нимъ раскраснѣвшаяся, улыбающаяся, съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ, и, усѣвшись за столъ, принялась разбирать цвѣты. Онѣ съ Ксаней опять заговорили о лазоревскихъ знакомыхъ, вспоминая какую-то попадью и винокуршу, рассказывали разные смѣшные случаи, и при этомъ обѣ такъ хохотали, что Наташѣ стало непріятно. Она тихонько встала и ушла бродить по саду, раздумывая о томъ, что пришлось ей видѣть и перечувствовать въ этотъ день. Непонятная скука и душевное недовольство томили ее; это настроеніе было для нея непривычнымъ, и ей хотѣлось осмыслить его и разобраться въ своихъ мысляхъ. Но голова работала плохо, мысли странно путались и никакъ не хотѣли придти въ порядокъ, и внутреннее недовольство росло, волнуя ее спокойную, уравновѣшенную натуру.

XV.

Когда она вернулась, на землю уже палъ сумракъ, и надъ садомъ, въ прозрачномъ небѣ вырѣзался тоненькій, нѣжный серпикъ молодого мѣсяца. За чайнымъ столомъ слышались голоса и раскатистый, здоровый смѣхъ Максима Григорьевича. Онъ только-что пріѣхалъ и съ жадностью усталого и наработавшагося человѣка глоталъ горячій чай, заѣдая его ватрушками. Ганна Матвѣевна присутствовала тутъ же и съ мрачнымъ видомъ пе-

ремывала посуду. Она только-что поругалась въ кухнѣ съ Олимпиадой и теперь выжидала случая, чтобы пожаловаться на нее сыну.

— Гдѣ это вы пропадали, Наталья Гавриловна?—сказалъ Максимъ Григорьевичъ.—Мечтать ходили? Э, смотрите,—мечтать дѣло опасное!

Всѣ взглянули на Наташу, и особенно пристально и внимательно впились въ нее глазами Чекманаева.

— А въ самомъ дѣлѣ, Наташка, что это ты такая?—спросила Ксая.—Это мнѣ не нравится,—я боюсь, не скучно ли тебѣ у насъ.

— Нисколько не скучно,—возразила Наташа съ досадой.— Но вѣдь нельзя же быть постоянно веселой.

Антонида Васильевна какъ-то двусмысленно усмѣхнулась, и всѣ на минуту замолчали. Ганна Матвѣевна воспользовалась этимъ и вдругъ азартно стала ругать Олимпиаду, увѣряя, что если эта „ласая москвовка“ еще будетъ оставаться въ домѣ, то она завтра же уѣдетъ въ екатеринославскую губернію, къ сестрѣ. Ксая вся вспыхнула и объявила, что ни за что не прогонитъ Олимпиаду; Максимъ Григорьевичъ старался успокоить обѣихъ, но ничего не выходило, и обѣ женщины въ одинъ голосъ кричали, обвиняясь колющими и не слушая другъ друга. Сцена вышла непріятная, и Наташа опять уже хотѣла уйти, но въ эту минуту къ ней неожиданно подошла Чекманаева, которая до сихъ поръ какъ будто умышленно игнорировала ее, и, взявъ Наташу подъ-руку, близко заглянула ей въ лицо.

— Вы куда? Можно мнѣ съ вами?—спросила она.

— Пойдемте,—сказала Наташа.

Нѣсколько времени онѣ шли молча.

— Ахъ, молодой мѣсяцъ!—вскрикнула Антонида Васильевна.—И съ лѣвой стороны... Это къ счастью. Вы чтò смѣтаете?

— Я вовсе не смѣюсь.

— А мнѣ показалось... Долго вы здѣсь проживете?

— Не знаю. Можетъ быть, всѣ каникулы.

— А зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

Наташа затруднилась отвѣчать, но Чекманаева, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, не поѣхала. Чтò у насъ хорошаго? Глушь, дичь! Настоящій омутъ,—и не замѣтишь, какъ закрутитъ.

— Меня не закрутитъ.

Чекманаева опять заглянула ей въ лицо и рѣзко засмѣялась.

— Ого-го-го, какая вы смѣлая!

Онѣ вошли въ домъ, гдѣ Олимпіада съ угрюмымъ лицомъ и заплаканными глазами зажигала лампы.

— Что это у васъ такое вышло?—съ участіемъ спросила Наташа.

Олимпіада только этого и ждала, чтобы снова разразиться слезами.

— Нѣтъ, ужъ это что же такое!—громко заговорила она, всхлипывая и сморкаясь.—Ужъ ежели служить, такъ кому-нибудь одному, а это ужъ что за служба! Это не служба, а ка-торга! Что это такое? Ко всему привязывается,—то не такъ, это не такъ... Да, Господи Боже мой, да подайте расчетъ, я и уйду, и минутки не останусь! Я только для Аксиньи Павловны и живу, потому какъ привыкла къ нимъ! А эта, прости Господи, какъ баба-яга, день-деньской ходитъ-скрипитъ. Я въ этому не привычна; я у стараго барина жила, мнѣ слова дурного никто не молвилъ, а теперь стану я отъ всякой хохлухи дерзости переносить...

Потокъ ея жалобъ и рыданій былъ прерванъ появленіемъ Ксани. Она вихремъ ворвалась въ комнату, красная и задыхающаяся отъ гнѣва.

— Это возмутительно... Каждый день сцены, да придирки... Я. вовсе не желаю, чтобы надо мною командовали. А ты что это выдумываешь?—накинулась она на Олимпіаду.—Я тебѣ велѣла, чтобы ты не смѣла съ ней разговаривать и дерзости говорить! Изъ-за тебя тутъ еще непріятности выноси!

— Да я, барыня, не...

— Молчать! Не смѣй! Если посмѣешь еще слово сказать, я тебя... Вонъ пошла, и чтобы у меня этого въ другой разъ не было!..

Олимпіада вышла, а Ксани бросилась въ кресло и перевела духъ.

— Вотъ, Наташка, какая моя жизнь!—сказала она.—Вѣчно дразги, ссоры, гадости... Точно я несовершеннолѣтняя какая-нибудь. Возьму, вотъ, да и убѣгу отсюда...

— Не стойтъ, Ксани, волноваться изъ-за такихъ пустяковъ!

— Да вѣдь эти пустяки жизнь отравляютъ...—горячо начала Ксани—и вдругъ остановилась. Въ комнату входили Прилукинъ и Степанъ.

— Вотъ какъ я къ вамъ зачастилъ!—смущенно улыбаясь, заговорилъ Прилукинъ.—Простите, мнѣ такъ совѣстно...

Ксани молча сжала его руку, глядя на него загорѣвшими

радостью глазами. Прилукинъ отвѣчалъ ей такимъ же горячимъ взглядомъ... Въ головѣ его все потемнѣло и закружилось, и онъ почувствовалъ, что теряетъ надъ собою всякую власть.

— А! Александръ Рафаиловичъ!—воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ, входя въ комнату.—Вотъ добре, что вы пріѣхали! Заспѣваемъ опять; кстати же и Антонида Васильевна здѣсь.

— Я къ вамъ по дѣлу, Максимъ Григорьевичъ,—началъ Прилукинъ, овладѣвая собою, хотя голосъ его немного дрожалъ и срывался.

— Э, что тамъ,—дѣло-дѣломъ, а мы и такъ рады вашему пріѣзду. Недобрый тотъ человекъ, который гостю не радъ!

Это неизмѣнное веселое радушіе Максима Григорьевича болью отозвалось въ сердцѣ Прилукина. „Какой я подлець!“ — подумалъ онъ.

— А ну, какое же ваше дѣло?—продолжалъ Максимъ Григорьевичъ, обнимая Прилукина за талію и отводя его въ сторону.

— Да видите ли... Это ужасно непріятно... Я хотѣлъ васъ просить ссудить меня деньгами... до снятія урожая...

— Мабуть, проценты вносить?—весело спросилъ Максимъ Григорьевичъ.—О, это нашъ помѣщичій Дамокловъ мечъ! Пойдемте, потолкуемъ...

Онъ пошелъ въ кабинетъ,—Прилукинъ, все съ тою же ноющей ссадиной въ сердцѣ, опутивъ голову, послѣдовалъ за нимъ. „Не нужно бы, не нужно у него денегъ брать,—думалъ онъ.—Какой я подлець, какой я подлець“...

Ксая, послѣ ихъ ухода, подбѣжала къ роялю и подняла крышку. Отъ ея давешняго гнѣва не оставалось и слѣда,—она вся сіяла.

— Антонида Васильевна, споемте что-нибудь до ужина!—крикнула она, торопливо подвигая табуретъ.—Вѣдь вы нынче веселиться хотѣли?...

Но Антонида Васильевна при Степанѣ какъ-то вдругъ вся затихла, и личико ея приняло испуганное выраженіе.

— Да что же мы споемъ?—робко взглядывая на Степана, сказала она.—Я не знаю, право...

— Ну, что-нибудь... Ахъ, какія прелестныя пѣсни пѣли сегодня на косовицѣ! Вотъ послушайте!..

И она, подражая крестьянской манерѣ, протяжно запѣла: „Всю я ноченьку, младѣшенька, не спала“...

Наташа отошла къ окну и, глядя въ душистый сумракъ сада, задумалась. Неопредѣленная грусть все глубже и глубже

вонзалась ей въ душу, а темная ночь и глушь сада торжественно молчали, и звуки заунывной пѣсни лились, будя въ душѣ какія-то невѣдомыя струны и невѣдомыя желанія... Вспомнился Наташѣ мужикъ съ язвами на ногахъ и тупымъ, покорнымъ взглядомъ, вспомнились истерическіе крики Антонида Васильевны, и вся эта нищета и темнота, и тутъ же звѣриная жизнь, звѣриная жестокость людей, у которыхъ было все для тѣла и ничего для души—и опять эти звуки, эта пѣсня, тоскливая и страстная, говорящая о счастьѣ и любви... Наташа не выдержала, тихонько ушла въ садъ, въ самую глухую аллею, и расплакалась такъ, какъ давно уже не плакала,—со смерти матери.

Ксая кончила пѣсню и оглянулась.

— Ну, однако, я своимъ пѣніемъ, кажется, на всѣхъ тоску навела,—сказала она, смѣясь.—А гдѣ же Наташа?

— Она въ садъ ушла,—сказала Чекманаева.

— Она что-то сегодня цѣлый день не въ духѣ. Это на нее не похоже; она всегда такая ровная, невозмутимая. А все ты, Степа!—обратилась она къ брату.

Антонида Васильевна бросила быстрый и безповойный взглядъ на Степана. Онъ пожалъ плечами.

— Я виноватъ? Я, кажется, всегда и во всемъ виноватъ.

— Разумѣется! У тебя привычка терзать всѣмъ нервы своими страшными словами. Давеча утромъ какая Наташа была веселая,—мы съ ней хохотали, какъ безумныя,—а какъ ты подошелъ къ ней на косовицѣ, съ тѣхъ поръ она сама не своя ходить. Ужъ навѣрное опять страшныхъ словъ наговорилъ—прогрессъ, регрессъ, пауперизмъ, капитализмъ...

— А можетъ быть... другая причина?—сказала Чекманаева, и ея глаза вызывающе блеснули.

— Какая?—спросила Ксая.

— Я вамъ на ухо скажу... Только смотрите, вы никому...

Она прошептала что-то Ксанѣ на ухо,—та расхохоталась.

— О, нѣтъ, нѣтъ, это на нее не похоже! Слышишь, Степа?—и прежде, чѣмъ Антонида Васильевна успѣла ее удержать, она сказала громко и весело:—Антонида Васильевна думаетъ, что Наташа въ тебя влюбилась...

Степана передернуло; онъ поблѣднѣлъ и мрачно посмотрѣлъ на Антониду Васильевну.

— Какъ это пошло!..—вымолвилъ онъ сквозъ зубы и вышелъ на балконъ.

Антониду Васильевну точно ударили. Она вся съежилась,

на губахъ ея застыла жалкая улыбка, и крупныя, дѣтскія слезы блеснули въ глазахъ. Ксаня стала ее утѣшать.

— Милочка, да что это вы?—говорила она, цѣлуя гостью. —Да вѣдь вы же знаете, какой онъ невозможный человѣкъ; стѣбитъ ли на него сердиться?

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста!—рѣзко вымолвила Антоппа Васильевна, вытирая слезы рукавомъ.—Я отлично все понимаю...

— Что за шумъ? Что за споръ?—воскликнулъ вошедшій Максимъ Григорьевичъ.—Охъ, ужъ эти жинки,—не даромъ говорятъ, что гдѣ жинка, тамъ и чортъ!

Онъ подошелъ къ женѣ и хотѣлъ ее приласкать, но Ксаня, вся вспыхнувъ, сердито оттолкнула его руку и отошла въ сторону.

— Бачъ!—выговорилъ озадаченный Максимъ Григорьевичъ.—Вотъ вамъ и жинки! Эхъ, не женитесь, Александръ Рафаиловичъ, а то жинка такой кулешъ вамъ сварить, что и въ глотку не пойдетъ!

— Это, кажется, всѣ говорятъ, и все-таки въ концѣ концовъ женятся!—принужденно улыбаясь, замѣтилъ Прилукинъ.

— Сдуру! Ей Богу: сдуру. Да и правду же сказалъ нашъ старый Тарасъ:

„Не женися на богатій, бо вижене съ хаты,
Не женись и на убогій, бо не будешъ спаты,
Оженись на вольной воли, на козацькой доли“...

—съ чувствомъ продекламировалъ Максимъ Григорьевичъ.

Явилась Олимпіада съ заплаканными глазами и убитымъ голосомъ объявила, что ужинать готово. Всѣ вышли на балконъ.

— А гдѣ же Наталья Гавриловна?—спросилъ Максимъ Григорьевичъ, оглядываясь.

— Они съ Степаномъ, должно быть, въ саду. Олимпіада, поди, зови ихъ ужинать!

— Эге-ге-ге! Уже вмѣстѣ гуляютъ?—пошутилъ Максимъ Григорьевичъ.—Чудеса! Нашъ Степанко, бывало прежде, и въ домъ никогда не заглянетъ,—все сидитъ въ своей берлогѣ, а теперь...

— Ну, довольно, пожалуйста!—оборвала его Ксаня.—Сиди и ѣшь!

— Хо, фурія какая!—добродушно сказалъ Максимъ Григорьевичъ, подмигивая Прилукину.—Не виноватъ же я, что вы тамъ поцапались! Оттако! Жинки дерутся, а у чоловіковъ чубы болять.

Олимпиада возвратилась и тѣмъ же убитымъ голосомъ доложила, что барышня у себя въ комнатѣ, кушать не будетъ, потому что у нихъ голова болитъ.

— Вотъ, пошли уже головныя боли!—продолжалъ Максимъ Григорьевичъ.—„Болитъ моя головонька видъ самого чола,—не бачила своего мила ни теперь, ни вчера“!..—пропѣлъ онъ пискливымъ голосомъ.

Антонида Васильевна тряхнула головой, засмѣялась и протянула свой стаканъ къ Максиму Григорьевичу.

— А ну-ка, налейте мнѣ наливочки, панъ Максимъ!—сказала она.—Хочу хватить за ваше здоровье... да вы полнѣе, полнѣе наливайте,—чего жалѣете!.. Небось, меня не скоро съ ногъ свалишь.

Она залпомъ выпила почти полный стаканъ наливки... Вино сразу бросилось ей въ голову. Глаза ея расширились и подернулись туманомъ, на блѣдныхъ щекахъ выступили яркія пятна, въ голосѣ зазвенѣли невѣрные, истерическія ноты. Съ шумомъ отодвинувъ свой стулъ, она побѣжала къ роялю и, взявъ нѣсколько шумныхъ аккордовъ, со страстью запѣла пѣсню, начатую Максимомъ Григорьевичемъ:

„Поскодыла після дошу салвіа и рута,
Не ма мого миленького, не ма ёго тута...
Я салвію пересію, руту перетычу,
Таки собі свого мила къ собі переклычу“...

Максимъ Григорьевичъ не вытерпѣлъ, нѣскоро вытеръ губы салфеткой и, пристукивая каблуками, началъ вторить пѣвицѣ:

„Отъ бачится, що не плачу, сами слізы льються,
Видъ милого людей не ма, видъ нелюба шлються“...

Ксаниа взглянула на Прилукина и сбѣжала въ садъ; онъ, точно околдованный, пошелъ за нею. Мѣсяцъ уже давно скрылся; темная, душная ночь приняла ихъ въ свои объятія и обвѣяла страстнымъ дыханіемъ. Бѣлое платье Ксани, точно прозрачное облако, плыло по аллеѣ; шатаясь, Прилукинъ догналъ молодую женщину.

— Ксенія Павловна!—позвалъ онъ ее.

Ксаниа остановилась, и Прилукинъ почувствовалъ, какъ ея головка упала къ нему на плечо. Голова у него закружилась, и съ смутнымъ сознаніемъ какого-то страшнаго грѣха и паденія Прилукинъ нагнулся и впился губами въ ея открытыя, влажныя губы.

XVI.

Наташа сидѣла въ своей комнатѣ и, обхвативъ голову обѣими руками, смотрѣла въ раскрытую книгу. Но строки прыгали у нея передъ глазами, и она никакъ не могла уловить смысла того, что читала. Изъ комнатъ до нея доносились звуки голоса, звонъ тарелокъ, хлопанье дверей, но ее не тянуло пойти туда, и весь этотъ шумъ ее раздражалъ. Ей хотѣлось, чтобы скорѣе смолкли тревожные голоса жизни, и чтобы ничто не мѣшало ей остаться одной и думать свои думы. Но вотъ послышались звуки рояля, и сильный, выразительный женскій голосъ запѣлъ какую-то пѣсню. Наташа вздрогнула и прислушалась. Словъ она не могла разобрать, но мотивъ, красивый, задумчивый и страстный, былъ ей понятенъ и безъ словъ — онъ говорилъ о томъ же, о чемъ пѣла давеча и Ксания, — о любовной тоскѣ и горечи разлуки, о безумной радости свиданья, о ласкахъ, поцѣлуяхъ и объятіяхъ, въ которыя толкаетъ людей мучитъ и слѣпой инстинктъ, именуемый любовью. „Кто это поетъ? — думала Наташа. — Ахъ, это, должно быть, Чекманаева... Неужели она можетъ пѣть?..“

Дверь широко распахнулась, и въ комнату вошла Олимпіада съ подушками и одѣяломъ въ рукахъ.

— Еще не уѣхали? — спросила Наташа.

— Нѣтъ еще, — только велѣли лошадей подавать, — отвѣчала Олимпіада и стала разстилать простыню на кушеткѣ.

— А это кому?

— Антонидъ Васильевичъ. Здѣсь хотѣтъ ночевать, не боятся.

— Чего же ей бояться?

— А эіюпа-то своего. Вѣдь онъ какъ узнаетъ, что супруга дома не ночевала, — такую бучу подыметъ, святыхъ вонъ выноси. А вотъ не боится, — такая барыня смѣлая.

Наташѣ была непріятна эта болтовня, непріятно, что она будетъ не одна, и она молчала. А Олимпіада продолжала, взбивая подушки:

— Да и то сказать, — всякая другая на ея мѣстѣ давно бы какую-нибудь развязку сдѣлала съ такимъ жестокимъ тираномъ. Наша деревенская — и то не стерпѣла бы того, что она терпитъ, — давно бы, чѣмъ ни попада, пристукнула. Вотъ у насъ въ деревнѣ было...

Ее кто-то позвалъ, и она убѣжала, всколыхнувъ вокругъ себя воздухъ.

„Боже, просто устать можно отъ всего этого! — подумала Наташа. — И какъ можно жить и не задохнуться отъ этого ужаса?.. А она еще поетъ“...

Дверь опять растворилась, и на порогѣ появилась Ксая. Лицо ея пылало, волосы были въ безпорядкѣ разметаны по плечамъ, въ широко открытыхъ глазахъ свѣтились — и ужасъ, и страданіе, и восторгъ.

— Ты одна, Наташа? — шопотомъ спросила она, оглядываясь.

— Ахъ, это ты, Ксая? Чтò это съ тобою?

— Молчи, молчи, Наташка!.. — быстро проговорила Ксая, затворяя за собою дверь. — Ахъ, Наташка, любимая моя, голубка, еслибы ты знала, еслибы знала...

Она засмѣялась, задохнулась и, вдругъ, бросившись передъ Наташей на колѣни, утонулась въ ея платьѣ и зарыдала.

— Ксая, чтò ты? Отчего? Чтò случилось? — говорила Наташа въ испугѣ. — Постой, я тебѣ сейчасъ воды... нѣ, выпей...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... — сказала Ксая, отталивая стаканъ съ водой. — Это такъ, пройдетъ... вотъ уже и прошло... Это просто, должно быть, ночь... Такъ душно, такъ страшно...

Она вскочила, нѣскоро вытерла глаза и убѣждала, оставивъ Наташу въ недоумѣніи.

— Ночь! — вслухъ сказала Наташа, вставая и подходя къ окну. — Въ самомъ дѣлѣ, эта ночь какая-то ужасная... Гроза, что-ли, будетъ...

Она высунулась изъ окна и вдохнула душный, насыщенный запахомъ розъ и цвѣтущей липы, воздухъ. По саду шелъ дремотный шорохъ, точно въ темнотѣ ходили и перешептывались какія-то таинственныя существа; беззвѣздное небо тяжело нависло надъ землею. И вдругъ Наташѣ почудилось, что кто-то стоитъ около нея, и дышетъ тяжело, и прикасается къ ней горячими руками. Наташа отшатнулась отъ окна, — въ комнатѣ никого не было, только огонь въ лампѣ тихонько шипѣлъ, да ночные мотыльки со звономъ бились въ стекло. „Я съ ума схожу“, прошептала Наташа, возвращаясь къ столу и снова взявшись за свою книгу. Она попробовала читать... но строки уплыли изъ ея глазъ... зеленая степь развернулась передъ нею, шумѣла волнующаяся трава, слышался звонъ косъ и стонала жалобная пѣсня. Мужикъ съ печальнымъ лицомъ развертывалъ окровавленную ногу, а возлѣ стоялъ Степанъ и говорилъ: „Посмотрите, вотъ она, настоящая жизнь, вотъ гдѣ настоящая боль“...

Наташѣ показалось, что эти слова были произнесены громко, — можетъ быть, она сама сказала ихъ, — и это заставило ее

очнуться. Лампа все такъ же шипѣла на столѣ и мотыльки носились около нея, но Наташа была уже въ комнатѣ не одна. Передъ нею сидѣла Антонида Васильевна и, положивъ локти на столъ, пристально смотрѣла на Наташу.

— Я васъ разбудила?—сказала она.—Вы спали?

— Да, кажется, задремала немного... не знаю.

— Да, вы спали!—настойчиво повторила Чекманаева, какъ будто очень довольная тѣмъ, что Наташа спала и она видѣла ее спящей. Вы спали, когда я вошла, и даже говорили во снѣ.

— Говорила?

— Да. Но я ничего не разобрала. Мнѣ показалось, что вы читаете вслухъ. Вѣдь вы читали? Чтò это у васъ за книга?

Она безцеремонно подтянула къ себѣ книгу и заглянула въ нее.

— „Психологія Вундта“!—прочла она.—Какія вы серьезныя книги читаете! Я бы ничего не поняла... я рѣдко читаю, да и то больше романы. А вы, должно быть, очень умная, да?

— Я не знаю,—отвѣчала Наташа, невольно улыбаясь этому наивному вопросу.

— Я думаю, что вы умная... Вы вѣдь учительница, да?—продолжала она безцеремонно и настойчиво.

— Да,—отвѣчала Наташа, и чтобы прекратить этотъ разговоръ, стѣснявшій ее, прибавила:—А знаете, я спать хочу,—давайте ложиться. Уже поздно, должно быть!

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Антонида Васильевна просительно.—Давайте, немножко посидимъ, а? Мнѣ хочется съ вами поболтать. И совсѣмъ еще не поздно,—только одиннадцать часовъ, и Александръ Рафаиловичъ только сейчасъ уѣхалъ. Не правда ли, онъ красивый?

— Да, очень,—разсѣянно вымолвила Наташа и зѣвнула.

— Совсѣмъ красавецъ. Но онъ не въ моемъ вкусѣ... да и не въ вашемъ, правда? Я это угадала... о, я очень наблюдательная! А мужа моего вы видѣли? Хорошъ?

Она разсмѣялась коротенькимъ смѣшкомъ, прошлась по комнатѣ и опять сѣла.

— А знаете, чтò я вамъ скажу... Вы не обидитесь? Нѣтъ? Ну такъ вотъ чтò: вѣдь вы... очень хорошенькая!

Наташа покраснѣла.

— Нѣтъ, правда, очень, очень хорошенькая!—съ какимъ-то отчаяньемъ повторила Антонида Васильевна.—У васъ хорошее лицо—невинное и такое... сильное. Вы похожи на Мадонну...

вы, должно быть, очень нравитесь мужчинамъ. Мужчины любятъ такія ангельскія лица...

Наташа встала, пошла къ своей кровати и начала раздѣваться.

— Куда же вы?—жалобно воскликнула Чекманаева, подбѣгая къ ней.—Ну вотъ, я такъ и знала, что вы разсердитесь! Вѣдь вы разсердились, да?—твердила она, ловя руку Наташи.

— Ей Богу, нѣтъ,—ласково сказала Наташа.—Вы ничего не сказали обиднаго. Просто, я устала, и мнѣ хочется спать. Вы меня извините...

Антонида Васильевна оставила ея руку и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, порывисто стала сбрасывать съ себя одежду.

— Я лампу-то не буду тушить,—сказала она.—Я привыкла спать при огнѣ... это у меня еще съ института такая привычка. Вамъ ничего?

— Ничего, пусть горитъ.

Онѣ улеглись и нѣсколько времени молчали.

— Нѣтъ, не могу уснуть!—жалобно проговорила Антонида Васильевна, вскакивая на постели.—Не могу и не могу, что хотите! Цѣлый стаканъ наливки выпила, и все-таки не могу. Давайте разговаривать?

— Ну, давайте,—соннымъ голосомъ отозвалась Наташа, которой огонь лампы тоже мѣшалъ заснуть.

Антонида Васильевна пересѣла къ ней на постель. Въ своей коротенькой рубашонкѣ, съ стриженными волосами, худенькая, хрупкая, она въ эту минуту была похожа на мальчика-подростка.

— Я всегда страдаю бессонницей...—тихо начала она, точно жалуясь.—Я иногда по цѣлымъ ночамъ не сплю... особенно когда не выпью на ночь водки.

— Водки?!—съ ужасомъ спросила Наташа.

— Ну да, это помогаетъ. Выпью цѣлый стаканъ,—ну, тогда и засну... А что, сознайтесь, вѣдь вы меня, небось, за психопатку считаете, а?

— Что вы, совсѣмъ нѣтъ...

— Не врите, не повѣрю... Да вѣдь это и правда,—я сама знаю, что я психопатка... Еслибы вы знали мою жизнь, вы бы и сами сказали, что у меня ни одной жилки нѣтъ здоровой,—все болитъ, все ноетъ... Хотите, я вамъ расскажу свою жизнь?

— Да нѣтъ, зачѣмъ же... себя разстраивать.

— Ахъ, все равно! Нѣтъ, я вамъ расскажу,—мнѣ хочется. Вы не знаете, мнѣ иногда ночью, когда бессонница, вдругъ захочется выбѣжать на улицу и кричать: „Караулъ, зарѣзали,

убили"!.. И когда сбѣжится народъ,—взять и рассказать свою жизнь, и какъ меня измучили...

Послѣднія слова она произнесла почти съ рыданіемъ... Весь сонъ у Наташи прошелъ, и она нѣжно взяла Антонида Васильевну за руку.

— Успокойтесь, Антонидъ Васильевна...—сказала она тихо, глядя ей руку.

Эта ласка тронула Чекманаеву. Она крѣпко сжала руку Наташи и неожиданно поцѣловала ее.

— Вотъ вамъ за то, что вы меня жалѣете...—прошептала она.—Ахъ, меня никто не жалѣлъ, никогда! Даже мать родная... вы слышали это? Вѣдь меня мать продала!

— Но какъ же это могло случиться?

— Какъ? Очень просто! Моя татапа любила хорошо пожить... Когда папа умеръ, у насъ было имѣнье, но татапа нужны были наряды, балы, брилліанты, нужно было по заграницамъ ѣздить,—и имѣнье продали. Когда я вышла изъ института,—у насъ уже ничего не было, кромѣ разныхъ тряпокъ, которыя татапа потихоньку посылала продавать на Апраксинъ дворъ. А пожить-то ей все-таки еще хотѣлось! Вотъ тутъ и явился этотъ... ну, однимъ словомъ, мой теперешній супругъ. Я была хорошенъкая... мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ. Всего шестнадцать лѣтъ!—повторила она съ мрачнымъ отчаяніемъ.—Ну, я ему понравилась... Конечно, онъ, можетъ быть, и не женился бы, но моя татапа была очень умная... о, какая умная! Сначала она все уговаривала меня выйти за него замужъ, учила съ нимъ заигрывать, кокетничать, но я не могла. Онъ былъ мнѣ противенъ ужасно. Ну, тогда она устроила съ нимъ какую-то сдѣлку... я сама видѣла, что онъ ей привезъ что-то въ запечатанномъ конвертѣ и потомъ подписалъ еще какую-то бумагу. Въ этотъ же день у насъ былъ балъ, меня нарядили въ розовое платье, и я, дура, еще радовалась и плясала, какъ сумасшедшая. А когда гости разѣхались, и я легла спать,—она взяла, да и выпустила его ко мнѣ въ комнату...

При этомъ воспоминаніи Антонидъ Васильевна чуть не задохнулась, и ея худенькія плечи тряслись подъ рубашкой, точно ее била лихорадка.

— Ну, и... что же?—спросила взволнованная Наташа.

— Ну, и что же? Ужъ, конечно, послѣ этого нужно было выходить замужъ. Конечно, мнѣ слѣдовало бы отравиться или повѣситься... вотъ вы, небось, сдѣлали бы это... Но я не смогла,—лѣтъ! Я испугалась! Мнѣ просто стало страшно отъ одной

мысли, что меня найдутъ съ высунутымъ языкомъ, съ вытаращенными глазами, синюю, раздутую... Я даже во снѣ себя такую видѣла. Ну... поплакала-поплакала, да и сдѣлалась мадамъ Чекманаевой...

Она помолчала—потомъ продолжала съ отрывистымъ смѣхомъ:

— И знаете, какое первое слово услышала я въ домѣ моего супруга?.. Ужасно!

— Кто же это?.. онъ?—съ негодованіемъ спросила Наташа.

— Нѣтъ,—ташан Чекманаева, моя свекровь, и потомъ не-вѣстка, жена Данилина брата. Онѣ, видите ли, мечтали, что ихъ Данилко женится на богатой купчихѣ, а я—это же такая? Нищая дворянка, безприданница, институтка,—или какъ онѣ дразнили меня—„ниститутка“! Ну, и вся эта исторія съ векселемъ была имъ хорошо извѣстна. И пошло... Какъ звѣря травили. За обѣдомъ, за чаемъ, при гостяхъ, вездѣ и всегда одно и то же. „Вотъ она, „ниститутка“-то наша! Голую взяли... рубахи не было! Оплели Данилу... дурманомъ опоили... росписку взяли“! И это каждый Божій день! Сколько разъ я голодная въ своей комнатѣ сидѣла изъ-за этого! Сколько слезъ было! О, Боже мой,—я думаю, еслибы всѣ ихъ собрать, слезы-то мои,—цѣлая рѣчка изъ нихъ вышла бы. А тутъ, послѣ всего этого, когда отъ обиды все сердце горитъ, еще супругъ явится, начнетъ обнимать, цѣловать,—все это грубо, грязно, гадко... Да что, столько гадостей было, что вамъ и рассказывать то нельзя. Вы, я думаю, въ своей жизни и одной миллионной того не видѣли, что на мою долю несчастную пришлось...

— Нѣтъ, говорите, все равно...—глухо вымолвила Наташа.

— Ну... что же дальше-то? Ужъ я и не знаю... Было гадко, а потомъ еще хуже пошло. Разъ выхожу въ корридоръ,—а мой супругъ горничную цѣлуетъ. Я, конечно, ничего не сказала, мнѣ все равно было, но онъ почему-то страшно разозлился на меня послѣ этого. Бить началъ... Одинъ разъ при чужихъ затрепину закатилъ за то, что его матери дерзость сказала—ужъ очень они меня допекли... А потомъ все чаще и чаще сталъ къ кулаку прибѣгать—разохотился. Я сначала терпѣла, потомъ на меня что-то нашло! Я нарочно старалась его разозлить чѣмъ-нибудь, и когда онъ принимался меня „учить“—это по-ихнему „учить“ называется!—я кричала на весь домъ, выбѣгала на улицу въ одной рубашкѣ, царапалась, кусалась, какъ бѣшеная собака... И чѣмъ больше онъ меня бьетъ, тѣмъ мнѣ слаще,—до отчаянія дошла и даже желала, чтобы онъ меня поскорѣе убилъ. Ну, изъ всего этого скандалъ страшный вышелъ,—на

весь городъ. Видить мой супругъ, что со мной ничего не подѣлаешь,—поутихъ немножко и захотѣлъ дѣлиться. Вотъ тоже еще комедія была... ну, да чортъ съ ними, со всеѣми... Но я все-таки не унялась, скандалила, во вкусъ вошла и даже... знаете, любовника завела.

— Любовника?!—повторила Наташа.

— Ну да!—съ злобной радостью подтвердила Антонида Васильевна.—Любовника! Нашего же приеазчика, Гришку. И не то чтобы я любила его что-ли,—онъ такой плюгавый былъ, курносый, глупый!—а просто такъ себѣ, со зла. Сидѣла какъ-то въ своей комнатѣ вся избитая, больная, злющая, и думаю,—тѣмъ бы еще посильнѣе насолить ему? Слышу, Гришка идетъ по корридолу. Я отворила дверь,—говорю: Гришка, поди сюда...

— И онъ ничего не узналъ?

— Кто, Данилка? Какъ не узналъ? Да вѣдь я нарочно для него все это сдѣлала,—на-жъ вотъ тебѣ, любуйся!—и на другой же день все до капельки ему рассказала! Ужъ и билъ же онъ меня... нагайкой билъ... прямо, до кости... Да вотъ, посмотрите.

Она быстро спустила съ плечъ рубашку и показала большой синебагровый рубецъ на груди.

— Боже мой!..—простонала Наташа, закрывая глаза и утыкаясь въ подушку.

— Вотъ!—въ изступленномъ восторгѣ продолжала Антонида Васильевна.—Это онъ рукояткой! До кости! До кости пробилъ!.. Долго болѣло. Я такъ и думала, что онъ меня совсѣмъ убьетъ, и радовалась: вотъ, думаю, убьетъ, его на каторгу сошлютъ,—пусть мучается. Но онъ испугался. Какъ увидѣлъ кровь—поблѣднѣлъ весь, затрясся и побѣжалъ за пластыремъ въ аптеку. Онъ вѣдь трусъ страшный,—ха-ха-ха! Онъ только съ тѣми храбръ, кто его боится, а кто съ нимъ зубъ за зубъ—о, онъ сейчасъ хвостъ подожметъ. Да вотъ тогда, какъ Степанъ Павлычъ ему руки не подалъ—вы слышали? Вѣдь онъ ничего, стѣлъ и не поморщился! О, это такой человекъ, въ которомъ ничего человеческого нѣтъ! Онъ признаетъ только одно на свѣтѣ—деньги!.. Это его богъ! Ахъ, какъ я его ненавижу, еслибы вы знали! Его и... мать свою. Я, впрочемъ, всѣхъ ненавижу, ну, а этихъ просто на кусочки бы разорвала.

— Отчего вы не уйдете отъ него?

— А куда я уйду, позвольте спросить? Мнѣ совѣтовали на него жалобу подать, да вѣдь это, говорятъ, надо какия-то доказательства имѣть. А гдѣ я возьму доказательства, когда всѣ его

боятся, всѣ за него? Вѣдь я виноватая-то выхожу: я съ него росписку взяла, я его на себѣ насильно женила, я—развратная, я—такая-сякая... Эхъ, вы, ребеночекъ! Да развѣ вы не знаете, что „у сильного всегда бессильный виноватъ“? Это мы еще въ институтѣ заучивали въ назиданіе, но я тогда не понимала ничего, а теперь—охъ, какъ понимаю! Жизнь всему научить. Вотъ я училась въ институтѣ,—Боже ты мой, смѣшно даже вспомнить, какія мы тогда идіотки были! Весь міръ представлялся какимъ-то раемъ, а люди—чуть не ангелами... И классныя дамы наши, и начальница, и учителя—всѣ только и твердили, что вотъ всѣхъ насъ ожидаетъ тихое семейное счастье, что мы должны быть невинны, какъ агнцы, кротки, покорны—и всякая ерунда... Ахъ, они... Вотъ взяла бы ихъ всѣхъ, да въ эту помойную яму-то, да въ самую грязь лицомъ—вотъ бы они тогда запѣли „не рыдай мене, мати“!

Она засмѣялась—и долго смѣялась болѣзненнымъ и злымъ смѣхомъ. Вся ея исковерканная, измученная, испачканная душа билась и металась въ судорогахъ горькаго разочарованія и презрѣнія къ жизни, которая такъ жестоко ее обидѣла. И у Наташи не хватало ни словъ, ни духу утѣшать эту страдальцу.

— Ну... постойте,—на чемъ же я остановилась?—заговорила Чекуманова снова.—Ну вотъ, послѣ исторіи съ Гришкой, онъ отдѣлился отъ своихъ, и мы уѣхали сюда. Тутъ онъ махнулъ на меня рукой и пересталъ бить. Деньги началъ наживать. Дома бываетъ рѣдко, а если и бываетъ,—мы съ нимъ почти не разговариваемъ. Иной разъ во весь день ни одного слова не скажемъ. У него свое, у меня свое. Я знаю, что у него въ степи на хуторѣ цѣлый гаремъ есть—и молчу. Онъ знаетъ, что я его ненавижу и каждую минуту убить готова—и тоже молчитъ. Такъ и живемъ, какъ волки въ берлогѣ, и другъ друга подстерегаемъ.

— Но вѣдь это невыносимо... какъ вы живете!—вырвалось у Наташи.

— Да такъ вотъ и живу... Хожу въ гости къ богатымъ ка-закамъ, къ попадѣ, сплю, ѣмъ, пьянствую.

— Пьянствуете?!

— Ну да. Прежде наливочку пила, а теперь начала водку пить,—наливка уже не дѣйствуетъ. Выпьешь—и завалишься спать... потомъ встанешь, въ гости пойдешь,—тамъ опять угощеніе и опять выпьешь. Да вы что удивляетесь? А вотъ что я вамъ скажу,—мнѣ еще всѣ завидуютъ! Говорятъ: мужъ у васъ

богатый, домъ—полная чаша, платье—не платье, шляпка—не шляпка... чего же вамъ еще нужно?

Она опять засмѣялась своимъ раздражающимъ душу смѣхомъ.

— А дѣтей у васъ не было?

— Были... Одинъ—мертвый родился, а другой немножко пожилъ—умеръ. Да оно и лучше,—на что мнѣ дѣти? И что бы изъ нихъ вышло? Такіе же звѣри, какъ Данилка. Нѣтъ, я рада, что ихъ нѣтъ.

— Но послушайте,—нерѣшительно начала Наташа.—Неужели всегда такъ жить? Развѣ нельзя попробовать устроиться какъ-нибудь иначе?..

— А какъ же? — съ насмѣшкой спросила Чекиманова. — И что вы мнѣ можете посоветовать? Книжки что-ли читать? Ну ихъ, не хочу! Все—ложь и вранье! *Имъ* хорошо писать тамъ, сидя въ кабинетахъ, а посмотрѣли бы *они*, какова настоящая-то жизнь... Не вѣрю я ни во что, ни въ людей, ни въ книжки,—всѣ каналы, всѣ подлецы... или вотъ такіе же идиоты, какъ я... Я только одного желала бы,—чтобы опять какой-нибудь всемирный потопъ случился, или землетрясеніе что-ли, да хорошенько бы всю эту свиную жизнь встряхнуть, да разнести бы все по бревнышку,—вотъ бы чего мнѣ хотѣлось! Эхъ, еслибы я могла! — съ дико горящими глазами воскликнула она, вставая и расхаживая по комнатѣ, какъ бѣлое привидѣніе. — Еслибы вы знали, сколько злости этой у меня накопилось,—кажется, конца краю нѣтъ...

Она выпила стаканъ воды, поглядѣла на Наташу и зло засмѣялась.

— А знаете, что я думаю? Подождите, еще и вашъ чередъ подойдетъ! И васъ жизнь-то потреплетъ когда-нибудь, ангельчикъ вы этакій! Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать-два года.

— И мнѣ столько же...—прошептала Антония Васильевна и задумалась. — А вѣдь и я могла бы быть такою, какъ вы... Вотъ я смотрю на васъ,—лежите вы такая чистенькая, бѣленькая, кроткая,—и знаете вы, какъ я вамъ завидую и какъ ненавижу васъ? Вѣдь была же и я такая... вѣдь и у меня душа-то была добрая, чистая, и я такъ же, какъ и вы теперь, всѣхъ любила, во все хорошее вѣрила,—за что же это мнѣ, а? Давеча Степанъ Павлычъ сказалъ мнѣ, что я пошлая... ну, да, я пошлая, грязная, гадкая,—но вѣдь не я же виновата въ этомъ, а? Вѣдь меня никто никогда не пожалѣлъ, никто не помогъ,—родная

мать что со мною сдѣлала... Вѣдь это понять надо, пожалѣть человѣка надо...

— Почему вы думаете, что васъ никто не любитъ и не жалѣетъ? — возразила Наташа и взяла ее за руку. — Это неправда... на свѣтѣ много хорошихъ людей и не надо такъ отчаяваться....

Она хотѣла притянуть къ себѣ Антониду Васильевну, но та вдругъ вскочила и грубо оттолкнула Наташу.

— Оставьте, пожалуйста!.. Не надо мнѣ вашей милости... Вы думаете, вы растрогали меня своими нѣжностями? Ничуть! Плюю я на нихъ и ненавижу... Ненавижу васъ за то, что вы красивая, что вы умная, что вы невинная... О, съ какимъ бы удовольствіемъ я выпарапала вамъ ваши ангельскія очи!..

Она бросилась въ постель, накрылась съ головой и затихла. Въ комнатѣ воцарилась тишина; гдѣ-то уже пѣли пѣтухи, и блѣдный разсвѣтъ заглянулъ въ комнату. Но Наташа долго еще не могла заснуть, — вся эта ночь казалась ей какимъ-то страшнымъ кошмаромъ... точно огромная помойная яма вдругъ разверзлась передъ нею и душила ее своимъ зловоніемъ.

XVII.

Наступили нестерпимо жаркіе дни и томительныя, душныя ночи съ голубыми зарницами, которыя все вспыхивали гдѣ-то, но не несли съ собою освѣжающей грозы. Максимъ Григорьевичъ, впрочемъ, съ своею неизмѣнною веселостью радовался и жарѣ, и зарницамъ: жара способствовала благопріятной уборкѣ сѣна, а зарницы, по его мнѣнію, были хороши „для налива хлѣбовъ“. Но остальные хуторскіе обитатели не раздѣляли его веселаго настроенія. Ганна Матвѣевна хотя и не уѣхала, какъ угрожала, но все еще дулась и не выходила изъ своей комнаты; Степанъ то появлялся, то исчезалъ и жилъ какою-то своей особой жизнью, никому неизвѣстной; Ксания то грустила и задумывалась, то капризничала и придиралась къ мужу и прислугѣ; Наташа скучала. Однообразіе хуторской жизни ее утомляло; лежать цѣлые дни подъ липами или бродить по полю начало надоѣдать; читать не хотѣлось. Она, послѣ первыхъ ошеломляющихъ впечатлѣній деревни, рѣшила, что и безъ того слишкомъ много жила книжной жизнью, и что надо воспользоваться пребываніемъ на хуторѣ, чтобы поближе познакомиться съ народомъ. Но и народъ что-то не показывался: онъ жилъ и копо-

шился тамъ гдѣ-то по полямъ, и какъ къ нему подойти—Наташа не знала. Тогда она придумала найти себѣ какое-нибудь дѣло на хуторѣ и начала присматриваться къ его населенію. А населенія было много, потому что много было дѣла. Тутъ были и садовникъ съ семействомъ, и такъ называемый „амбарный“, и объѣзчикъ, и овчаръ, потомъ кухарка, два кучера и нѣсколько постоянныхъ рабочихъ. Садовникъ, амбарный и объѣзчикъ представляли изъ себя хуторскую аристократію и жили особнякомъ,—они всѣ не понравились Наташѣ, потому что важничали, между собою были въ вѣчной ссорѣ и постоянно другъ за другомъ подсматривали, жаловались одинъ на другого и сплетничали. Кухарка была молодая, красивая бабенка, у которой было множество поклонниковъ. Она любила принарядиться, и на шеѣ у нея звякала всегда масса разноцвѣтныхъ монистъ, а ея яркая юбка такъ и мелькала по двору, сопровождаемая задумчивыми взглядами мужиковъ, которые при видѣ ея дурѣли, какъ-то нелѣпо улыбались и тянулись къ ней, какъ подсолнухъ къ солнцу. Когда она бѣжала по двору, только и слышно было: „Не замай, чортъ! Куда лапы-то суешь, нечистый духъ? Такъ вотъ и долбану, чѣмъ ни попадя“... Но, несмотря на эти грозные окрики всѣ, исключая стараго Тараса, такъ и льнули къ ней. Тарасъ Наташѣ нравился, и она любила съ нимъ бесѣдовать по вечерамъ, сидя на обрубѣ около людской, хотя рассказы его отличались большимъ однообразіемъ, вращаясь больше въ области земли и хлѣбушка, и самымъ выдающимся случаемъ въ его многотрудной и долгой жизни былъ пожаръ, отъ котораго сгорѣла вся ихъ деревня и все его имущество, такъ что они „всѣмъ міромъ“ ходили собирать на „погорѣло-мѣсто“. Эта страница его жизни такъ глубоко врѣзалась ему въ память, что онъ каждый свой рассказъ неизмѣнно начиналъ словами: „Постой, дѣвушка, это когда было-то? До пожара, аль послѣ пожара? Такъ-такъ, послѣ пожара, — потому я безъ валеновъ ходилъ, — валенки-то тоже сгорѣли“... И начиналось длиннѣйшее повѣствованіе о томъ, какъ они покупали корову; сколько „рублѣвъ“ за нее заплатили, и какія тогда проса хорошія уродились—„что твоя куга“... А Наташа слушала и думала: „Неужели Максимъ Григорьевичъ правъ, что народу только хлѣбъ нуженъ—и больше ничего? И неужели такъ съ этимъ и примириться, и пусть себѣ Тарасы сѣютъ свои проса, а мы будемъ читать книжки, ходить въ театры и восхищаться природой?..“

Но больше всего Наташѣ полюбилися на хуторѣ овчаръ Илья и жена его Степанида. Илья былъ толстый, огромный

мужикъ съ курчавыми, какъ у барана, и совершенно бѣлыми волосами, съ некрасивымъ, рябымъ лицомъ, лучшимъ украшеніемъ котораго были большіе голубые глаза и широкая, добрая улыбка, открывавшая цѣлый рядъ блестящихъ зубовъ. Онъ страстно любилъ животныхъ, особенно своихъ овецъ, и, несмотря на то, что ихъ подъ его вѣдѣніемъ было около трехъ тысячъ, онъ каждую изъ нихъ зналъ со всѣми ея привычками и характеромъ, для каждой у него была своя особенная кличка, и онъ безошибочно могъ сказать, когда какая родилась, сколько у нея было агнать и сколько пудовъ шерсти она дала. Когда у него отбирали барановъ на зарѣзъ, онъ, по его словамъ, ходилъ самъ не свой, тосковалъ, и кусокъ хлѣба не шелъ ему въ ротъ, такъ что жена, смѣясь, говорила Наташѣ, что онъ объ овцахъ убивается пуще, чѣмъ о родныхъ дѣтяхъ. Степанида была ему подъ пару—такая же рослая, плечистая, дѣятельная и чистоплотная. Въ избѣ у нихъ чистота была необычайная, и все-таки Степанида вѣчно что-нибудь мыла, чистила и скребла. Столъ былъ всегда накрытъ чистой скатерью, и на немъ лежалъ каравай хлѣба; передъ образомъ горѣла лампадка и натканы были бумажные цвѣты; ребятишки всегда вымыты, причесаны и въ опрятныхъ рубашонкахъ. Оба они были „по старой вѣрѣ“, но безъ всякаго фанатизма, употребляли чай, а Илья даже покуривалъ, хотя нѣсколько и совѣстился этой привычки. Наташѣ нравилось заходить къ нимъ въ избу и разговаривать съ умной Степанидой,—ее поражало въ нихъ необыкновенно развитое чувство собственнаго достоинства и порядочности. И мужъ, и жена, любили говорить о томъ, что всякій человѣкъ долженъ себя соблюдать, что надо дѣлать все по чести и совѣсти, и что честь—дороже всего. Познакомившись съ ними поближе, Наташа предложила Степанидѣ учить ея ребятишекъ грамотѣ. Степанида нѣсколько смутилась и задумалась, потомъ, посоветовавшись съ мужемъ, сказала Наташѣ, что грамота—дѣло хорошее, но что платить они за обученіе много не могутъ. Когда Наташа стала увѣрять ее, что никакой платы ей не нужно, что она будетъ заниматься съ дѣтьми ради собственнаго удовольствія, Степанида никакъ не могла этого понять, и только послѣ долгихъ колебаній и снова посоветовавшись съ Ильей, согласилась, чтобы Наташа учила дѣтей даромъ. Зато, когда Наташа приходила къ нимъ, она не знала, какъ лучше ее принять, гдѣ усадить и чѣмъ угостить.—Съ садовницей у Наташи вышло совсѣмъ иначе: эта дама, услышавъ, что Наташа занимается съ овчаровыми дѣтьми, предложила учить свою дѣвчонку, но при

этомъ такъ предложила, что какъ будто бы оказывала Наташѣ услугу, и не только не заиенулась о платѣ, а еще прибавила: „все-таки вамъ будетъ веселѣе!“ — Наташа была очень рада, что у нея нашлось дѣло, да и дѣло-то еще любимое и привычное. Уроки у нея были назначены по утрамъ, на балконѣ, причемъ дочка садовницы являлась всегда напомаженная, въ шумящемъ ситцевомъ платѣ, и съ презрѣніемъ относилась къ своимъ сотоварищамъ, высовывая имъ языкъ и исподтишка пощипывая ихъ подъ столомъ. Наташѣ стоило большого труда водворить между ними миръ и согласие, и дѣло мало-по-малу наладилось.

Наконецъ, послѣ знойныхъ дней и душныхъ ночей, надъ Червонымъ хуторомъ разразилась гроза. Она пришла неожиданно съ громомъ, молніей и ураганомъ, заволокла все небо чернымъ занавѣсомъ, закрутила по полямъ столбы вихря, пригнула деревья къ землѣ и хлынула на землю шумнымъ серебрянымъ ливнемъ. Ливень этотъ захватилъ Наташу какъ разъ въ то время, когда она возвращалась отъ овчарихи, гдѣ кроила какое-то платице. Въ одинъ моментъ ее оглушило громомъ и ослѣпило молніей, вѣтеръ рвалъ на ней платье, дождь промочилъ ее до костей. Борясь съ порывами вѣтра, шлепая по лужамъ, какъ попало, бѣжала она домой, какъ вдругъ ее кто-то окликнулъ. Она оглянулась и увидѣла Степана, который, стоя на порогѣ своего флигеля, тоже боролся съ вѣтромъ, терзавшимъ накинутае на плечи пальто. Онъ что-то кричалъ ей, но сквозь шумъ ливня и грохотъ грома Наташа ничего не могла разобрать. Тогда Степанъ подбѣжалъ къ ней и схватилъ ее за руку.

— Пойдемте ко мнѣ! — прокричалъ онъ ей на ухо.

Наташа кивнула головой, и они вбѣжали на крыльцо. Степанъ отодвинулъ щеколду, открылъ дверь въ небольшія темныя сѣни и ввелъ Наташу въ свою комнату.

— Ну дождь! — воскликнула Наташа, сбрасывая съ себя мокрый платокъ, съ котораго вода струилась на полъ.

Степанъ молча затворялъ окна, въ которыя хлесталъ ливень. Наташа оглядѣлась. Комнатка была небольшая, съ выбѣленными мѣломъ стѣнами. Въ углу стояла узенькая желѣзная кровать, застланная ветхимъ клѣтчатымъ пледомъ; на большомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ грудой лежали книги и бумаги, часть которыхъ вѣтромъ была разметана по полу; вмѣсто стульевъ стояли двѣ-три такихъ же некрашенныхъ табуретки. На стѣнѣ висѣло ружье и булавками была приколота карта Россіи.

Затворивъ окна и собравъ разбросанныя бумаги, Степанъ

снялъ съ себя мокрое пальто и, бросивъ его на полъ у двери, поглядѣлъ на Наташу.

— Однако, вы измокли, — сказалъ онъ. — Положимъ, дождь теплый, а все-таки какъ бы вы не простудились. Здѣсь мѣста лихорадочныя. Ничего, если я васъ пледомъ прикрою?

— Да вѣдь вы и сами измокли, — отвѣчала Наташа, чувствуя странное смущеніе и неловкость наединѣ со Степаномъ.

— Ну, я-то наплевать... — усмѣхнулся Степанъ. — Да что же вы не сядете? У меня, правда, не очень казисто, да и я самъ не больно вѣжливый кавалеръ, но ужъ если случай завелъ васъ ко мнѣ, — надо же вамъ оказать гостепріимство.

Съ этими словами онъ пододвинулъ ей табуретку, потомъ стащилъ съ кровати пледъ и накинулъ на плечи Наташѣ.

— Зачѣмъ вы говорите: „случай“? — спросила Наташа, еще болѣе смущаясь и близко наклоняясь къ столу, чтобы разсмотрѣть книжки. — Вы точно хотите этимъ сказать, что я безъ всякаго „случая“ не зашла бы къ вамъ?

— Я думаю, что никогда бы не зашли. Да и зачѣмъ вамъ заходить? Между нами нѣтъ ничего общаго, и я знаю, что вы такъ же, какъ и мои родичи, смотрите на меня дикими глазами.

— Дикими глазами?

— Ну да... то-есть, я вамъ кажусь нелѣпымъ человѣкомъ, и быть со мною вамъ тяжело и непріятно.

— Это неправда! — воскликнула Наташа горячо и покраснѣла.

— Можетъ быть... — сумрачно проговорилъ Степанъ. — И всего вѣрнѣе, что я для васъ — просто пустое мѣсто. Но людямъ, которые о себѣ много думаютъ, всегда кажется, что и другіе должны о нихъ думать.

— А вы развѣ много о себѣ думаете?

— Много... въ послѣднее время. Дѣлать больше нечего, вотъ и думаю.

Они замолчали. Слышны были только раскаты грома, отъ которыхъ дребезжали стекла, да однообразный шумъ дождя.

Первый заговорилъ Степанъ.

— Гдѣ это вы были сейчасъ?

— Къ овчару ходила.

— Значитъ, сближаетесь съ народомъ?

— Не сближаюсь... а просто хочу познакомиться немного.

— Ну, и что же, нравится онъ вамъ... т.-е., народъ-то?

— О народѣ я ничего не скажу, потому что совсѣмъ его не знаю, а овчаръ и его жена мнѣ очень нравятся. Мнѣ нра-

вятся въ нихъ самостоятельность и какая-то гордость труженичества. Я не знаю, общая ли это черта народа—гордиться своимъ крестьянствомъ,—или только личная,—но мнѣ она нравится.

— Не знаю, не замѣчалъ такой черты. Презрѣніе къ барству—это, пожалуй, есть, но и то какое-то безсознательное и безотчетное. Барина, т.-е. человѣка, который хорошо ѣстъ, хорошо одѣвается, приказываетъ, а самъ ничего не дѣлаетъ,—они презираютъ, но въ то же время и завидуютъ ему. Какой идеалъ у мужика? Тоже, какъ и у всѣхъ,—нажить деньги, ѣсть-спать вволю, приказывать и ничего не дѣлать. Нѣтъ, нашъ народъ совсѣмъ не такой, какимъ его рисуютъ разные тамъ Златовратскіе и прочіе народолюбцы. Они ошибаются. Ничего они не знаютъ о народѣ.

— А вы знаете?

— Ничего, наглядѣлся... а прежде тоже слюни распускалъ передъ мужикомъ. Думалъ, что стѣить къ нему придти съ хорошей книжкой, да протянуть ему по-братски руку—и онъ тебя приметъ съ распростертыми объятіями... Ничего этого нѣтъ, все вздоръ. Книжечъ нашихъ онъ не понимаетъ и не хочетъ, потому что ему нуженъ хлѣбъ. Дайте ему хлѣба вволю, тогда онъ, можетъ быть, и о другомъ подумаетъ, а теперь ему некогда. Онъ изголодался, отупѣлъ и обезсилѣлъ. А такъ какъ никто ему добровольно хлѣба не дастъ, потому что никому вѣдь не хочется лишиться своего мягкаго дивана и котлеты съ горошкомъ, то и остается милымъ мужичкамъ одно—вырождаться, превращаться въ кретиновъ и вымирать...

— Какой у васъ безотрадный взглядъ!—прошептала Наташа.

— Безотрадный? А вы знаете, сколько дѣтей ежегодно умираетъ по деревнямъ отъ ржаной жвачки, отъ гризи, отъ голода? Знаете, сколько глухихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, горбатыхъ выходятъ изъ нихъ, если ихъ въ дѣтствѣ не слопаютъ свинья или не придушитъ дифтеритъ? Половина на половину,—вотъ сколько; а какъ-то полюбопытствовалъ,—подсчиталъ... Откуда же отрадному-то взяться?

— Но вѣдь этому же можно помочь... вѣдь есть же люди, которые сознаютъ и желаютъ помочь...

— Есть, есть такіе сумасшедшіе, не спорю!—иронически отозвался Степанъ.—Но вы спросите сначала, пустятъ ли ихъ помогать-то? Ну ка, попробуйте, суньтесь къ мужику съ своей благодѣтельностью,—что выйдетъ!

— А что же?

— А то, что по шапкѣ! Пробовалъ я и это, пробовалъ-съ!

За это за самое здѣсь и сижу... такъ сказать, „лишенъ столицы“. Пробовалъ и вездѣ совался,—и училъ, и лечилъ,—бѣ я медикомъ былъ,—и съ мужиками о царствіи небесномъ разговаривалъ, и даже пытался ссудо-сберегательное товарищество устроить, чтобы вырвать мужика изъ костей кулаковъ и развить въ немъ самостоятельность и сознание своихъ человѣческихъ правъ. Слова-то вѣдь какія громкія — слышите? Ну, и въ результатѣ, вотъ, сижу и размышляю... о превратности судьбы и вредѣ превратныхъ идей...

— И къ чему же вы пришли?

— А къ тому, что все прошлое надо вычеркнуть и начинать съ другого конца.

— Съ какого же?—съ любопытствомъ спросила Наташа.

Степанъ остановился передъ ней и слѣлалъ рукою энергической жестъ, какъ будто бы сметалъ что-то.

— Все на смарку! Съ самаго фундамента и до крыши!

Наташа вздрогнула и взглянула на Степана. Онъ былъ блѣденъ, мускулы лица его подергивались, глаза потускнѣли и смотрѣли куда-то вдаль съ ужасающей настойчивостью и неподвижностью. Вдругъ блеснула молнія, грянулъ громъ... Наташѣ ударило въ голову какой-то туманъ,—и въ синемъ блескѣ молнии ей почудилось, что она видитъ передъ собою мертвое, страшное лицо. Она вскрикнула и закрыла глаза...

— Что это съ вами? — воскликнулъ Степанъ другимъ тономъ, схватывая ее за руку.—Вы боитесь грома?

— Нѣтъ, нѣтъ...—прошептала Наташа, приходя въ себя.— Не грому... мнѣ показалось, что... нѣтъ, это что-то страшное со мною было... я сама не знаю. Со мною бываетъ это... не предчувствія, а... Нѣтъ, не стоить объ этомъ говорить.

— Какая вы нервная, однако!—сказалъ Степанъ и, поднимъ свалившійся съ нея пледъ, заботливо сталъ укутывать ее плечи. Она украдкой смотрѣла на него,—онъ былъ теперь совсѣмъ другой,—суровые глаза его свѣтились опять тайной нѣжностью, и лицо было грустное и больное.

— Вотъ еслибы вы всегда были такой!..—вырвалось у нея.

— Какой?

— Добрый... Когда вы не говорите своихъ страшныхъ словъ, у васъ лицо совсѣмъ другое дѣлается.

Степанъ сейчасъ нахмурился и отошелъ.

— Вздоръ!—рѣзко сказалъ.—Вы меня не знаете. Я совсѣмъ не... добрый.

— Вы точно обидѣлись?—робко замѣтила Наташа.—Развѣ добрымъ быть дурно?

— Я не хочу быть добрымъ... Доброта все любить и прощать; она способна даже щадить какую-нибудь ядовитую гадину, которая существуетъ на свѣтѣ только для того, чтобы жалить и убивать. Я не хочу прощать и щадить,—я хочу ненавидѣть.

— Для чего? Для чего?—воскликнула Наташа, вставая и подходя къ нему.

— Для того, чтобы уничтожить зло міра.

— И для этого... все ломать и разрушать? Какъ вы сказали—отъ фундамента до крыши?.. Но подумайте, сколько при этомъ будетъ задавленныхъ, искалѣченныхъ? Сколько лишнихъ страданій и боли?

— Хирургъ, который дѣлаетъ операцію, чтобы спасти жизнь человѣку, тоже заставляетъ его сильно страдать.

— Ахъ, это совсѣмъ другое... Тамъ—добровольно, а вы хотите насильно... Насиліемъ заставитьъ человѣчество быть счастливымъ,—но вѣдь это абсурдъ! Вы—Торквемада какой-то, который тысячами жегъ людей на кострахъ, чтобы спасти ихъ душу и дать имъ царствіе небесное!

— Что-же, онъ, по-своему, былъ правъ...—пробормоталъ Степанъ.

XVIII.

Взволнованная Наташа прошла по комнатѣ. Ее ужасало все то, что говорилъ Степанъ, и его личность представлялась ей теперь совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Она вспомнила о страшномъ призракѣ, явившемся ей при блескѣ молніи, въ грохотѣ грозы, и ледяной холодъ проползъ по ея тѣлу. Она снова подошла къ Степану и заглянула ему въ лицо.

— Нѣтъ, Степанъ Павловичъ,—заговорила она:—все это слишкомъ ужасно! Я не вѣрю, чтобы это серьезно... Ну, я понимаю, подъ вліяніемъ неудачъ, озлобленія, можно грозить, проклинать... такіа минуты бываютъ въ жизни каждаго человѣка... Но чтобы это было серьезное убѣжденіе...

— Это мое убѣжденіе,—перебилъ ее Степанъ.—И это, по моему мнѣнію, единственный правильный путь, которымъ мы можемъ выбраться изъ мрачной ямы, въ которой человѣчество задыхается цѣлые вѣка. Я выбралъ этотъ путь... и не сверну съ

него ни въ какомъ случаѣ. Никто меня не остановитъ... ни другъ, ни братъ, ни сестра... я отшвырну ихъ, какъ щепку,—и пойду!

Онъ взмахнулъ рукою, какъ бы устраняя воображаемое препятствіе, и чуть не задѣлъ Наташу. Она вздрогнула и отшатнулась.

Въ комнатѣ стало свѣтлѣе—гроза затихала. Дождь падалъ уже рѣдкими, мелкими каплями, которыя при слабыхъ порывахъ вѣтра разсѣивались въ воздухъ серебристою вуалью. Еще мгновеніе—и въ окна ударило яркое солнце, и сверкающая радуга перекинулась на небѣ. Степанъ отворилъ окно, и комната наполнилась влажной свѣжестью и запахомъ мокрой земли, мокрыхъ листьевъ тополя.

— Посмотрите сюда!—сказалъ Степанъ, оборачиваясь къ Наташѣ.—Вотъ прошла гроза—и все ликуетъ, все освѣжилось, и воздухъ сталъ чище, и цвѣты зацвѣтутъ пышнѣе. А вѣдь сколько жизней ею погублено, сколько деревьевъ сломано, сколько разной живой мелкоты растоптано тамъ въ травѣ и корчится въ предсмертныхъ мукахъ? Но вѣдь объ этомъ никто и не думаетъ, и всѣ радуются грозѣ, всѣ ждутъ ея, потому что она приноситъ съ собою новую жизнь. Что нужды, если послѣ нея останутся трупы? На ихъ могилахъ вырастутъ новые цвѣты...

— Вы хотите сказать, что вы—такая же гроза?

Степанъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Я?—нѣтъ. Я еще не гроза,—гроза впереди. Я—только зарница, ея предвѣстникъ...

Наташа промолчала. Мысли ея неслись смутно и безпокойно, какъ эти разорванныя, беспорядочно бѣгущія тучи,—остатки разразившейся грозы.

— Ну, я пойду, Степанъ Павловичъ,—сказала она.—Вотъ вашъ пледъ.

— Зачѣмъ же? Вы возьмите его,—дождь еще не прошелъ.

— Хорошо. Вы придете къ намъ сегодня?

— Не знаю, можетъ быть.

Наташа пошла. Какая-то бумажка попала ей подъ ноги. Она подняла ее, разсѣянно взглянула, и ей бросилась въ глаза крупная подпись: „А. Чекманаева“. Она покраснѣла и торопливо вернулась.

— Вотъ записка какая-то на полу...

Степанъ взялъ записку, небрежно взглянулъ на нее—и, сконфуженъ, сунулъ въ карманъ.

„Они переписываются“,—подумала Наташа, и что-то неприятно кольнуло ее. „Впрочемъ, что я? Зачѣмъ мнѣ это?“

Она спустилась съ крыльца и пошла по мокрой, блестящей отъ дождя тропинкѣ, къ дому. Вѣтеръ совсѣмъ затихъ, туча уползала. Она вся теперь упала въ ту сторону, гдѣ была стѣна Лазоревая, а на густомъ темносинемъ фонѣ ея ярко бѣлѣлъ стройный силуэтъ церкви. Двѣ радуги—одна въ другой—сверкали въ дымѣ дождя надъ степью, — и обѣ на глазахъ блѣднѣли и таяли вмѣстѣ съ полосой убѣгающаго дождя. А на западѣ уже совсѣмъ расчистилось, и ярко блистало солнце. Деревья стояли неподвижно, опустивъ мокрые, отяжелѣвшіе листья, съ которыхъ сыпался искристѣйшій дождь, и въ каждой каплѣ его тоже сверкала радуга. Со скотнаго двора слышался ревъ коровъ, пригнанныхъ съ выгона, и на перебой пѣли пѣтухи.

Войдя въ столовую, Наташа увидѣла Ксаню, которая, лицомъ къ окну, читала какую-то записку. Услышавъ шаги, она вздрогнула, оглянулась и быстро спрятала записку въ карманъ. Онѣ посмотрѣли другъ на друга и смутились.

— Гдѣ ты была?—спросила Ксаня, дѣлая равнодушное лицо.

— Я зашла къ Степану Павловичу переждать грозу.

— А какая гроза была славная... Ты любишь грозу?

— Да... ничего.

— Я люблю!—воскликнула Ксаня и невольнымъ движеніемъ дотронулась до кармана, гдѣ у нея лежала записка.—Да... Небо точно вызываетъ землю на бой... А послѣ грозы—какая прелесть! Посмотри, всѣ деревья радуются, улыбаются, и цвѣты пахнутъ сильнѣе.

Она высунулась въ окно и, раздувая ноздри, втягивала въ себя влажный воздухъ, потомъ сорвала съ сирени мокрую вѣтку и стала брызгать ею въ свое пылающее лицо.

— А розы-то всѣ облетѣли!..—сказала Наташа задумчиво и ушла въ свою комнату.

Сбросивъ съ себя мокрое платье и переодѣвшись, она сѣла у окна и задумалась. Эти двѣ записки почему-то тревожили ее. „Почему Ксаня покраснѣла, когда я вошла? Значить, и у нея есть тайна, которую она скрываетъ отъ всѣхъ... даже отъ меня“. Ей стало немножко обидно и досадно. „Но чего я-то беспокоюсь? Какое мнѣ дѣло до ихъ тайнъ?“ Она встала и прошлась по комнатѣ, стараясь отогнать отъ себя безпокойныя мысли. Взглядъ ея упалъ на мокрый пледъ Степана; ей вспомнилось, какъ заботливо онъ укутывалъ ее, и какое доброе лицо у него было въ эту минуту... Сердце ея сжалось подъ наплывомъ тоскливой жалости. „Какой онъ одинокій... и несчастный!“—подумала она, вспоминая его убогую комнату, въ которой онъ пережи-

валъ свои страшныя думы. „Сколько надо пережить, чтобы дойти до такого ужаса!.. И никого нѣтъ около него, съ кѣмъ бы онъ могъ раздѣлить свою душевную боль. Ксаня занята собой, Максимъ Григорьевичъ занятъ Ксаней и хозяйствомъ—у нихъ своя жизнь, они даже не знаютъ хорошенько, что онъ дѣлалъ, какъ жилъ до пріѣзда сюда... А Чекманаева?“—вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ, и опять что-то ее больно укололо. „Ахъ! все я выдумываю о немъ... и наконецъ, какое мнѣ до него дѣло?“

Она пошла на балконъ, гдѣ уже былъ накрытъ чайный столъ. Въ передней слышался веселый, шумный голосъ Максима Григорьевича, который только-что пріѣхалъ съ поля, весь до нити промокшій, и со смѣхомъ рассказывалъ, какъ въ полѣ захватила его гроза и какъ Киргизенокъ испугался и понесъ. Ксаня тоже смѣялась вмѣстѣ съ нимъ, но въ ея смѣхѣ слышалось что-то странное,—точно она смѣялась не тому, что рассказывалъ мужъ, а тому, что происходило въ ея собственной душѣ. Нѣсколько позже пришелъ Степанъ и, сверхъ обыкновенія, не отказался ни отъ чаю, ни отъ ужина, выпилъ даже рюмку водки, много говорилъ и смѣялся надъ Наташей, которая, будто бы, страшно боится грома. Наташа глядѣла на него съ удивленіемъ, и ей бросилось въ глаза, что глаза у Степана какъ-то странно блестя, на щекахъ выступила краска, и онъ изрѣдка брался за голову и морщился, точно отъ боли. Послѣ ужина, когда со стола собрали и унесли лампу, всѣ четверо ушли на ступенькахъ балкона и продолжали разговоръ. Впрочемъ, говорилъ больше Максимъ Григорьевичъ, который былъ доволенъ дождемъ и радовался, что удалось убрать сѣно до грозы.—Садъ весь былъ полонъ влаги; прозрачныя испаренія поднимались отъ травъ и деревьевъ, и сквозь нихъ звѣзды казались больше, точно раздвоились; мѣсяцъ возшелъ красный, и какія-то причудливыя тѣни рождались и исчезали въ его фантастическомъ свѣтѣ.

— Вотъ хорошо теперь, должно быть, на сажалѣ! — сказала Ксаня.—Давно ужъ я тамъ не была. Пойдемъ, Наташа?

— Вотъ еще что выдумала! — воскликнулъ Максимъ Григорьевичъ.—И тебя не пущу, и Наталья Гавриловнѣ не совѣтую. Тамъ теперь привидѣнія ходятъ.

— Привидѣнія?—вздрыгнувъ, спросила Наташа.

— Ага, вы уже испугались!—засмѣялся Максимъ Григорьевичъ.—Правду Степанко говоритъ, что вы трусиха.

— Нѣтъ, я не боюсь. Развѣ бываютъ привидѣнія?

— А какже? Вы думаете, нѣтъ? Бываютъ... и у насъ есть. Знаете вы тотъ курганъ за садомъ при дорогѣ? Вонъ—во-онъ

тамъ, гдѣ теперь мѣсяцъ стоитъ? Это Настасьинъ-курганъ называется, и тамъ каждое полнолуіе появляется бѣлое облако...

— Да ну, не можетъ быть!..

— А что, не вѣрите? Такъ вотъ подождите, — скоро полнолуіе будетъ, — ступайте туда въ полночь и увидите.

— Вы развѣ видѣли?

— Нѣтъ, я не видѣлъ, а люди видѣли. Вонъ нашъ Тарасъ видѣлъ.

— Ну ужъ, твой Тарасъ! — возразила Ксания. — Ему просто со слѣпу показалось.

— А вотъ спросите его, — я ужъ не знаю, со слѣпу, или не со слѣпу, а видѣлъ.

— Но что же это за облако?

— А что, заинтересовались? Это — цѣлая „гишторія“, хоть сейчасъ романъ пиши. Говорятъ, что женщина въ бѣлой наметкѣ появляется и все рукой машетъ. А потомъ ляжетъ на землю и застонетъ...

— Ой, какъ страшно! — смѣясь, воскликнула Ксания.

— Смѣйся, смѣйся, а вотъ не пойдешь сама на тотъ курганъ.

— Почему ты знаешь, — можетъ, и пойду...

— Ну, расскажите же, Максимъ Григорьевичъ, — сказала Наташа. — Вы говорите, есть какая-то легенда?

— А какъ же, — есть, есть! Такъ и быть, расскажу. Ну-ка, подвинься, Степанко... Э, да что это у тебя какія руки горячія?

— Да что-то нездоровится, — равнодушно вымолвилъ Степанъ. — Голова еще съ утра болитъ.

— А ты въ одной блузѣ! Смотри, не схвати лихорадку. Тебѣ не годится сидѣть на сырости.

— Все равно.

Наташа быстро вскочила, побѣжала къ себѣ и вернулась съ пледомъ.

— Вотъ одѣньтесь, — сказала она. — Въ самомъ дѣлѣ, очень сыро.

И видя, что Степанъ положилъ пледъ около себя, она схватила его и стала укутывать Степану плечи.

— Вотъ вы меня давеча одѣвали, а теперь я васъ! — шутливо сказала она.

Степанъ ничего не сказалъ. Наташа снова сѣла на свое мѣсто.

— Ну, рассказывайте, Максимъ Григорьевичъ, — сказала она. — Мы слушаемъ! Я ужасно люблю разные старинныя легенды.

— Хорошо, расскажу, — дайте, только закурю тютюну. Только вы не кричите, Наталья Гавриловна, если очень страшно будетъ.

XIX.

— Давно это было, — лѣтъ сто тому назадъ, а можетъ больше, — началъ Максимъ Григорьевичъ, раскуривая кручѣнку. — Хорошенько-то никто этого не знаетъ, потому что кто жилъ тогда — уже давно въ могилѣ, а кто слышалъ отъ стариковъ, — тотъ, можетъ, и перевралъ. — Ну, вотъ, жилъ въ слободѣ казакъ, — богатый казакъ, но такой крутой нравомъ, что, какъ говорится, объ него батога не переломишь — упрямый какъ волъ, и что ему ни захочется, все на своемъ поставитъ. И были у него двѣ дочки, близнятки, только одна была первая красавица въ селѣ, а другая, которую звали Настей, — такъ себѣ, лицомъ не вышла, но зато была добрая и такая смиренная, какъ ягня. Красавицу старикъ любилъ и наряжалъ въ разныя дорогіе наряды, а Настуся была въ загонѣ, — и стряпала, и стирала, и всѣ въ домѣ такъ и глядѣли на нее, какъ на батрачку. Ну, вотъ, выросли дочки, и стали за ними паробки шевандыбать, и ужъ, конечно, больше за красивой, за любимой дочкой, потому что и красивѣе она была, да и знали всѣ, что за нею старикъ больше денегъ даетъ. А старшій тоже себѣ не дремалъ и изъ-подъ сѣдого чуба своего высматривалъ жениха для любимой дочки. Но сколько онъ ни глядѣлъ, а лучше атаманова сына во всей слободѣ не было, — и ростомъ, и бѣлымъ лицомъ, и черными очами, — всѣмъ онъ былъ первый и наилучшій изъ всѣхъ. И сладко улыбался старшій себѣ въ усы и думалъ: — вотъ кому моя дочка! Такъ онъ раздумывалъ, а по Божьему выходило не такъ. Атамановъ сынъ и глядѣть не хотѣлъ на красивую дочку, а льнуло его сердце къ другой, къ несчастливой ея сестрицѣ. Идетъ ли она за водою, колотить ли бѣлье на рѣчкѣ, доить ли коровъ, — а паробокъ уже тутъ какъ тутъ, и вмѣстѣ съ нею тащить коромысло, помогаетъ ей достать воды изъ криницы, либо сидитъ себѣ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и не сводитъ съ Насти очей. Видитъ это старшій, и душитъ его злость, что не выходитъ такъ, какъ онъ задумалъ. Постой же, — думаетъ себѣ, — и сталъ онъ Настю запираетъ, а любимую еще ярче нарядилъ въ шолковыя плахты и золотыя монисты. Одна сидитъ въ закуткѣ и горько плачетъ, а другая — отъ зари до зари поетъ себѣ и танцуетъ, ажъ монисты звенятъ на всю слободу. Ата-

мановъ сынъ поглядѣлъ, закрутилъ усь—и пересталъ ходить къ старому казаку. Поблѣднѣла любимая дочка, посрывала съ себя дорогія монисты, бѣжить къ отцу. „Батько,—говорить,—хочу я замужъ за атаманова сына, а онъ на меня и не дивится. Не возьметъ онъ меня замужъ — побѣгу я вечеромъ на рѣчку и потоплюся“... Чтѣ старому дѣлать? Надѣлъ онъ на себя новый жупанъ, расчесалъ усы, взялъ палку въ руки и пошелъ къ самому атаману. Вотъ, говорить, какое дѣло. Выслушалъ атаманъ и позвалъ сына. Пришелъ паробокъ и говорить: „Хоть зарѣжьте, а не женюсь на любимой дочкѣ. Женюсь на Настѣ“. И сейчасъ же осѣдлалъ коня и уѣхалъ въ степь.

Нахмурился старикъ, почернѣлъ, какъ казанъ, и вернулся домой ни съ чѣмъ. Дочка, какъ увидѣла его хмурое лицо, всплеснула руками и той же ночью утопилась. Нашли ее въ кугѣ и схоронили не на кладбищѣ, а въ полѣ, и насыпали надъ нею высокій курганъ.

Максимъ Григорьевичъ замолчалъ и сталъ свертывать новую крученку.

— Ну, а чтѣ же случилось съ Настей?—спросила Наташа.

— Ой, погодите,—какая вы швыдка! Пойдите, дайте горло прочистить,—тутъ-то оно и начнется самое главное... Вотъ схоронили любимую дочку, и старый совсѣмъ въ умѣ помутился. Не ѣстъ, не спитъ, и все сидитъ на курганѣ и стонетъ. Много дней и ночей онъ протосковалъ, потомъ вернулся въ домъ, кликнулъ Настю и повелъ ее на могилу утопленницы. „Ты,—сказалъ онъ ей,—погубила мою любимую дочку, ты, вѣдьма, приколдовала атаманова сына, такъ вотъ тебѣ мое слово. Выходи теперь за него замужъ, владѣй моимъ богатствомъ,—все тебѣ оставляю, только не будешь же ты радоваться! Съ нынѣшняго дня и до самой смерти никто не увидитъ твоего лица, а кто увидитъ, тотъ сейчасъ умретъ! И будешь ты тосковать и прятаться, и всѣ будутъ отъ тебя бѣгать, какъ отъ чорта, и даже дѣти родныя оставятъ тебя и отрекутся отъ тебя...“ Сказалъ онъ это—и пропалъ неизвестно куда, а дочка зажила себѣ въ пустомъ домѣ одна. Но только чудное дѣло совершилось,—стала она ходить въ бѣлой намитѣ, и никто больше не видѣлъ ея лица. Отъ всѣхъ она стала удаляться, сидѣла дома и только ночью выходила тихонько за ворота, пробиралась на курганъ и, сидя тамъ, горько плакала и билась объ землю. А на зарѣ снова возвращалась, закрывала наглухо всѣ ставни, запирала ворота, и никто ея не видѣлъ.

Но когда прошелъ годъ, и вернулся изъ степи атамановъ сынъ,—къ ней пришли сваты. Долго она имъ отказывала, долго

плакала подъ своей намиткой,—наконецъ, видно, не стерпѣла, бѣдолаха, согласилась... Что вы скажете,—любовь! Она, проклятая, хуже чорта: отъ чорта хоть ладономъ откуришься, а отъ нея, бѣсовой, и ладонъ не помогаетъ... Ты что, Оксанко?

— Ничего...—отрывисто проговорила Ксавя.

— А мнѣ показалось, что ты вздрогнула? Смотри, не холодно ли тебѣ? Присунься ко мнѣ, я тебя своимъ пальтомъ обогну... вотъ такъ! Э, дурная, да чего ты вертишься!

И притиснувъ къ себѣ отбивавшуюся Ксаню, онъ продолжалъ:

— Ну... вотъ такъ оно и вышло, что согласилась Настуся на бракъ. Только передъ свадьбой призвала она жениха къ себѣ, сняла со стѣнки образъ и взяла съ него клятву, что онъ никогда не сниметъ съ нея покрывала и ни днемъ, ни ночью не взглянетъ ей въ лицо. Паробокъ посмѣялся, но, чтобы угодить невѣстѣ, побожился, и ихъ повѣнчали. Свадьбу играли пышно и богато, ѣли и пили три дня и три ночи,—только чудно гостямъ показалось, что молодая ни за столомъ, ни за танцами не снимала своей бѣлой намитки, и когда гости кричали: „горько!“—она отворачивалась въ сторону и ни за что не хотѣла поцѣловать своего молодого. И люди шопотомъ говорили: „Ой, недобрая это свадьба, и коли теперь они не хотятъ, чтобы гостямъ было сладко, то и сами будутъ жить, и ѣсть, и пить горько!“

Ну, вотъ, и зажили молодые, и прожили тихо и счастливо сколько ужъ времени,—не знаю. Только вѣдь ужъ извѣстно, что счастье короче бараньяго хвоста, и атамановъ сынь,—самъ теперь атаманъ,—наскучилъ видѣть свою жену въ намитѣхъ и сталъ просить ее снять покрывало и показаться добрымъ людямъ, какая она есть. Жена плакала, рассказывала ему про отцовское страшное проклятье, напоминала ему клятву передъ образомъ — атаманъ и слушать не хотѣлъ. Онъ смѣялся надъ старымъ тестемъ и называлъ его старымъ брехуномъ, а самому такъ и хотѣлось сорвать съ жены намитку и поглядѣть, что тамъ подъ нею. Онъ уже и руки было-протянулъ, но жена закричала дикимъ голосомъ, убижала въ закутку и заперлась себѣ тамъ, заливаясь горькими слезами. Разсердился атаманъ и ушелъ въ пинокъ. Сидитъ себѣ тамъ, пьетъ сливянку, курить люльку, а самъ думаетъ: „Что за притча такая? Неужто я, бравый казакъ и атаманъ, буду слушать бабью брехню и вѣрить глупымъ сказкамъ, которыми только хлопцевъ пугаютъ? Такъ вѣтъ же, не хочу, чтобы мнѣ дурили голову, пойду домой и сейчасъ же посмотрю, что она тамъ прячетъ подъ своей чортовой намиткой?“

И тутъ, должно быть, сильно ударилъ ему въ голову хмель,— всталъ онъ, посмѣиваясь себѣ въ усы, и пошелъ. А была уже ночь, и въ домѣ всѣ полегли спать, и только старый дѣдъ-сторожъ видѣлъ, какъ атаманъ, пошатываясь и бормоча что-то себѣ подъ ность, вошелъ въ ворота и задвинулъ засовъ.

Это видѣлъ старый дѣдъ ночью, а утромъ въ атамановомъ домѣ былъ плачъ и крикъ, и атаманъ лежалъ мертвый на своей постели. Схоронили его, осталась атаманша вдовой и совсѣмъ заперлась въ своей хатѣ. Только и видѣли ее люди, что въ церкви, да и то въ самомъ темномъ углу. Стоить, бѣдняга, молится и плачетъ. А черезъ нѣсколько времени въ слободѣ услышали, что у атаманши родился сынъ. Опять въ домѣ стало веселѣе, и атаманшу часто видѣли на крылечкѣ, какъ она бай-бакала дитя и такъ жалобно надъ нимъ голосила, что у всѣхъ сердце перевертывалось. И стали ходить по слободѣ слухи, что атаманша заколдована и что нельзя глянуть ей въ очи, бо у нея подъ намиткой сидитъ чортяка и ждетъ только случая, чтобы позмычить христіанскую душу. Ну, а какъ пронюхали люди про это дѣло, такъ и стало ихъ любопытство разбирать, и пошли сосѣдки къ атаманшѣ въ хату бѣгать и подъ намитку ей заглядывать. Такъ оно всегда бываетъ на свѣтѣ: скажи только человѣку, особливо бабѣ, что вотъ этого нельзя дѣлать,— ни за что не послушаетъ, и хоть помреть, а сдѣлаетъ. И какъ ни ховалась бѣдная атаманша, а вышла-таки бѣда. Прибѣжала къ ней разъ сосѣдка, и проситъ казанкѣ борщу что-ли сварить; а пока атаманша искала на полѣхъ казанка, глупая баба сдернула съ нея намитку, ахнула и тутъ же изъ нея духъ вонъ. Послѣ этого такой страхъ на всѣхъ нашелъ, что уже никто больше не пробовалъ поцѣловаться съ чортомъ,—какое!—и ходить-то мимо атаманшиной хаты боялись... Такъ и жила Настуся одна, пѣла свои жалобныя пѣсни да нянчила синишку.

А синишка подрасталъ, выровнялся и сталъ красивымъ паробкомъ, весь въ отца. Сталъ онъ ходить въ слободу, на до-свитки, на улицу, сталъ къ себѣ товарищей зазывать,—никто къ нему не идетъ, да и на него косятся, какъ на чорта. Сталъ паробокъ сумовать и разспрашивать, отчего такъ? „Оттого, говорятъ, что у тебя мать — колдунья, отца твоего уморила, сосѣдку уморила, и всѣхъ, кто на нее ни взглянетъ, уморить. Ты спроси ее, зачѣмъ она лицо свое закрываетъ!“ Придетъ бѣдный паробокъ домой, сядетъ подъ окно и тоскуетъ.—„Мама, отчего ты намитку не снимаешь?“—Мать молчитъ.—„Мама, отчего мой отецъ умеръ?“—Молчитъ. Исхудалъ парнюга, почер-

нѣлъ, какъ земля, и вотъ разъ на зорькѣ, когда всѣ люди спали, вывелъ коня, сѣлъ на него—да и пропалъ безъ вѣсти... А за нимъ слѣдомъ и атаманша пропала, и куда она дѣлась,—никто не зналъ, только съ той поры, какъ полнолуиe, такъ на томъ курганѣ, гдѣ утопленница зарыта, видать,—сидитъ женщина въ бѣлой намиткѣ, и такъ стонетъ, такъ плачетъ, что волосы дыбомъ становятся. И тутъ уже, какъ увидишь ее, такъ твори скорѣе молитву и иди себѣ мимо, потому что, не дай Богъ, она откроетъ лицо свое и глянетъ на тебя своими очами... Пропалъ тогда совсѣмъ. Ну... вотъ и все.

— Глупая сказка!—вымолвила Ксаня, зѣвая.

— Нѣтъ, мнѣ нравится...—возразила Наташа.—А вы хорошо рассказываете, Максимъ Григорьевичъ,—я никакъ не думала, что вы такой поэтъ!

— А что вы думали, что у меня только сѣно, да овцы на умѣ? — засмѣялся Максимъ Григорьевичъ, вставая. — Э, я бы вамъ еще не то рассказалъ, да уже поздно. Слышите, пѣтухи поютъ? — Онъ спустился въ садъ и поглядѣлъ на небо.—Эхъ, славно! Слышно, какъ трава растеть... Хорошій дождь, хорошій урожай будетъ! Геть-геть, какъ блисковка (молнія) моргаетъ! Пшеничка наливается... Дай Боже, чтобы хлѣба было побольше, чтобы бѣдные люди не журились!...—благоговѣнно прибавилъ онъ.

Степанъ поднялся со ступеньки и съ легкимъ стономъ схватился за голову.

— А что, голова болить? — спросилъ Максимъ Григорьевичъ.—Э, дурный, зачѣмъ сидѣлъ на сырости? Не хочешь ли, у меня травникъ есть,—дуже помогаетъ отъ лихорадки. А?

— Нѣтъ, не хочу. Спать пойду,—глухо вымолвилъ Степанъ, уходя.

XX.

На другой день, когда всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ, пришелъ Мидакъ и сообщилъ съ таинственнымъ видомъ, что „барчукъ“ захворалъ.

— Лежать и головы не поднимаютъ!—шепталъ онъ, жестикулируя.—Я имъ говорю, — самоваръ прикажете поставить?—а они говорятъ: „привези мнѣ бочку воды, да не пушай сюда бѣлую бабу...“ Я испужался, да убѣжалъ.

— Эхъ, говорилъ вчера, чтобы травнику выпилъ!—сказалъ Максимъ Григорьевичъ.—Этотъ травникъ такой, что его всякая болѣзнь боится. Не послать ли за докторомъ, Оксанко?

— Что же, пошли!—равнодушно проговорила Ксания.

Наташа взглянула на нее съ упрекомъ.

— Надо къ нему сходить,—сказала она, вставая.—Когда еще докторъ прїѣдетъ, а можетъ быть ему что-нибудь нужно...

Проходя черезъ корридорчикъ, Наташа столкнулась съ Ганной Матвѣевной, которая все еще отсиживалась въ своей комнатѣ.

— Кажуть, Степанъ Павловичъ дуже захвораль?—спросила она, останавливая Наташу.

— Да, простудился, должно быть.

— Ото, лайдакъ! Какъ таки не берегтись? Скажите мнѣ тогда, если чтѣ будетъ нужно,—у меня и порошки есть, и настойка на подсолнухахъ, и горчишникъ, мабуть, сдѣлать...

Наташа, тронутая этой неожиданной заботливостью старухи о Степанѣ, котораго, повидимому, она недолюбливала, поблагодарила ее и пошла во флигель. У дверей ей стало немного неловко, но она подавила въ себѣ это чувство и вошла въ комнату. Степанъ лежалъ на кровати одѣтый,—вѣроятно, онъ такъ и не раздѣвался со вчерашняго дня,—глаза его были закрыты, лицо горѣло. Въ комнатѣ было душно. Услышавъ стукъ двери, онъ со стономъ повернулся, открылъ мутные глаза съ воспаленными вѣками и взглянулъ на Наташу.

— А... это вы, Наталья... Гавриловна...—съ разстановкой проговорилъ онъ.—Простите, что не могу встать... голова... точно лопнуть хочетъ...

— Зачѣмъ вставать,—лежите, лежите!—сказала Наташа.—Чтѣ это съ вами?

— Чортъ знаетъ чтѣ... самъ не знаю. Всю ночь не спалъ... такая ерунда мерещилась...—Онъ улыбнулся, хотѣлъ-было приподняться и схватился за голову.—Фу ты, какая дьявольская боль...—прошепталъ онъ, морщась и опуская голову на подушку.

— Пойдите, я вамъ сейчасъ компрессъ на голову положу...—сказала Наташа и, снявъ со стѣны полотенце, намочила его въ рукомойникъ и положила Степану на голову.—Ну, чтѣ?

— Хорошо...—прошепталъ Степанъ и внимательно посмотрѣлъ на Наташу.—А сестра... не пришла?

— Нѣтъ, она послѣ придетъ.

— Послѣ?—Степанъ умѣхнулся.—Почему же она—послѣ, а вы—прежде?

Наташа не отвѣчала и стала прибирать разбросанныя по комнатѣ вещи, стараясь не стучать. Потомъ она открыла окно и вернулась къ Степану, чтобы перемѣнить компрессъ.

— Легче вамъ?—спросила она, наклонясь къ нему.

— Да... Но я вотъ о чемъ думаю... Зачѣмъ вы ко мнѣ пришли?..

— Какъ зачѣмъ?—смущаясь, спросила Наташа.

— Ну, да, зачѣмъ? Сестра не пришла, а вы пришли. Это странно...

— Ну, чтò тутъ страннаго?—возразила Наташа.—Пришла, вотъ и все, и нечего объ этомъ толковать.

— Да... положимъ... всѣ люди — братья... Сколько вѣковъ твердятъ это, что люди—братья... А развѣ это правда?..

Онъ закрылъ глаза и замолчалъ. Наташа смѣнила еще компрессъ.

— А помните вчерашнюю грозу?—спросилъ Степанъ вдругъ, открывая глаза.

— Помню...

— Хорошая была гроза... Она пришла и ушла... а вотъ вы... здѣсь... Зачѣмъ это?

Его видимо мучила какая-то мысль, но онъ не могъ ее выразить, и снова замолчалъ. Пришла Олимпіада и принесла чаю, варенья и коньякъ отъ „старой барыни“. Она сообщила, что баринъ уже уѣхалъ въ поле, Ксани куда-то ушла, сказавъ, что вернется черезъ часъ, а Тарасъ поѣхалъ въ Лазоревую за докторомъ.

Степанъ забылся. Наташа позвала Мидаса и велѣла ему сидѣть здѣсь, а сама пошла въ домъ, гдѣ ее ждали уже ученики. Но занятія ея съ ними шли сегодня плохо; она слушала ихъ разсѣяннo, задала задачу и сама спуталась въ рѣшеніи, чѣмъ вызвала взрывъ веселости у дочери садовника. Это ее очень разсердило, и она даже, сверхъ своего обыкновенія, прикрикнула на дѣвчонку;—та расплакалась и стала сморкаться въ подолъ своего шумящаго платья. Пришлось прекратить урокъ и отослать учениковъ по домамъ. Наташа вздохнула свободно, оставшись одна, но ее беспокоило отсутствіе Ксани. Она безпрестанно взглядывала на балконную дверь, ожидая ее, но Ксани не было. Все это казалось Наташѣ очень страннымъ, и смутныя подозрѣнія возникли въ ея головѣ. Ей вспомнилась вчерашняя записка, которую Ксани такъ поспѣшно спрятала въ карманъ, вспомнился какой-то лукавый, боковой взглядъ Олимпіады, когда она сообщала давеча, что „барыня ушла“, и съ беспокойнымъ сердцемъ Наташа ходила взадъ и впередъ по балкону.

Когда пробило двѣнадцать часовъ, у крыльца послышался

стукъ колесъ, и прибѣжавшая Олимпіада объявила, что пріѣхалъ докторъ, а съ нимъ—„ѳеіопъ“.

— А гдѣ же барыня?—спросила Наташа, пристально глядя на Олимпіаду.

Глаза Олимпіады забѣгали.

— Я не знаю-съ.... Онѣ сказали, что черезъ часъ вернутся,—невинно отвѣчала она, но Наташѣ показалось, что она лжетъ, что ей извѣстно, гдѣ барыня, и въ первый разъ Наташа почувствовала недоувѣріе къ „ласой московкѣ“.

Войдя въ залу, она уже застала тамъ доктора и Чекманаева. Докторъ, бѣлокурый, апатичный господинъ съ черной родинкой на носу, придававшей ему наивный видъ, терпѣливо разсматривалъ ноты, а Чекманаевъ, какъ всегда, грязный и потный, въ безцеремонной позѣ сидѣлъ на диванѣ и концомъ нагайки сбивалъ прямо на коверъ пыль съ своихъ сапогъ. Наташа вся вздрогнула отъ отвращенія при видѣ его грузной фигуры.

— А, барышня, здорово живете!—сказалъ онъ, улыбаясь и не вставая.

Наташа холодно кивнула ему головой и обернулась къ доктору.

— Больной во флигелѣ,—отвѣчала она на вопросъ доктора.—Олимпіада, проводите доктора къ Степану Павловичу!

Она хотѣла-было выйти, но Чекманаевъ ее остановилъ.

— Постойте-ка, куда же это вы? Гдѣ-жъ хозяева-то?

— Никого нѣтъ,—Максимъ Григорьевичъ въ полѣ, а Ксенія Павловна гуляетъ.

— *Гуляетъ?*—съ удареніемъ переспросилъ Чекманаевъ, и по лицу его расплылась непріятная улыбка.—Что-то раненько для прогулокъ-то... а впрочемъ, свекровь старая есть,—управится!

— Если хотите, я позову Ганну Матвѣвну,—сказала Наташа, стоя у двери.

— Не надо мнѣ Ганну Матвѣвну. Я заѣхалъ сказать, что шерсть продаль,—такъ вы и передайте Максиму Григорьевичу. Больше ничего.

Онъ подошелъ-было къ Наташѣ,—она отшатнулась. Чекманаевъ засмѣялся.

— Чего это вы отъ меня шарахаетесь?—спросилъ онъ, глядя на Наташу своимъ тяжелымъ, упорнымъ взглядомъ.—Думаете, укушу что-ль? Напрасно! Мы хоть и въ степи живемъ, а не кушаемъ. Такъ передайте Максиму Григорьевичу про шерсть-то... А хозяйшкѣ скажите, чтобы она по росѣ не гуляла—вредно!..

Онъ, смѣясь, вышелъ, и Наташа видѣла въ окно, какъ онъ медленно уѣхалъ на бѣгунцы, какъ огрѣлъ нагайкой буланого

конька и, не оглядываясь, покатилъ по дорогѣ. „Какая гадина! — думала Наташа. — И что онъ такое намекалъ насчетъ прогулки Ксани? Вѣрно, что-нибудь есть... и, можетъ быть, всѣ уже знаютъ и сплетничаютъ, а мы не знаемъ... Ахъ, Ксани, Ксани!..“

На балконѣ слышались торопливые шаги, и въ комнату вбѣжала Ксани. Она вся раскраснѣлась, тяжело дышала, и волосы ея въ безпорядкѣ разсыпались по плечамъ.

— Приѣхалъ докторъ?—быстро спросила она, оглядываясь.

— Приѣхалъ. Гдѣ это ты пропадала, Ксани?

— Я видѣла, какъ онъ проѣхалъ,—не отвѣчая на вопросъ, продолжала Ксани. — И Чекманаева видѣла, — онъ былъ здѣсь? Я отъ сажалки шла и видѣла ихъ... И такъ бѣжала, такъ бѣжала, что чуть не задохлась...

— Ксани!—начала Наташа серьезно.—Ксани, ты что-то нехорошее дѣлаешь, я вижу! Я давно хотѣла тебѣ сказать, но не рѣшалась... я думала, что ошибаюсь. Но теперь вижу, что это правда... Ксани, зачѣмъ ты это дѣлаешь? Вѣдь ты всѣхъ, всѣхъ губишь...

Ксани подбѣжала къ зеркалу и стала поправлять волосы.

— Ты съ ума сошла, Наташка!—воскликнула она, смѣясь дѣланнымъ смѣхомъ.—Что я такое дѣлаю? Кого гублю? Ты точь въ точь наша „голубая“,—помнишь, какъ она всегда торжественно произносила: „Дѣти мои, вспомните, что на небѣ есть Господь, Который все видитъ“...

— Ксани, я вовсе не шучу,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ продолжала Наташа.—Я вовсе не хочу тебѣ читать нотации, и еслибы я тебя не любила, я бы... Но ты лжешь, Ксани,—это мнѣ больно, потому что я тебя люблю и никогда даже мысли не допускала, что ты можешь сдѣлать что-нибудь дурное. И вдругъ ты куда-то уходишь, когда братъ твой заболѣлъ... и эта вчерашняя записка...

Ксани вся вздрогнула и обернулась. Губы ея тряслись, лицо исказилось гнѣвомъ... Она хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту вошелъ докторъ, и она бросилась къ нему.

— Ахъ, здравствуйте, Петръ Игнатьичъ! — воскликнула она.—Ну, что Степа? Какъ вы его нашли?

Апатичное лицо доктора оживилось при видѣ хорошенькой хозяйки.

— Успокойтесь, пока ничего опаснаго нѣтъ,—сказалъ онъ, обѣими руками пожимая руку Ксани.

— Но, все-таки, что вы предполагаете?

— Да ничего еще не предполагаю. Знаете, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; такъ ужъ лучше ничего не предполагать. Можетъ быть тифъ, а можетъ быть и воспаление мозга, а можетъ быть... чортъ его знаетъ что. Тамъ увидимъ. Ну, а вы какъ живете? Я все собираюсь къ вамъ прѣхать въ преферанчикъ сыграть, да все некогда, больные одолѣли.

— Оставляйтесь у насъ сегодня, Петръ Игнатьичъ!

— И радъ бы, да не могу! Одолѣли больные,—столько этой босовни въ станицу наперло,—не знаешь, куда съ ними дѣваться. Вотъ я здѣсь сижу, а меня тамъ въ пріемномъ покоѣ ужъ цѣлая бѣлая команда дожидается. А какъ-нибудь вечеромъ въ преферанчикъ сыграть прѣйду.

Онъ вдругъ обратился къ Наташѣ, которая съ разстроеннымъ видомъ стояла въ сторонѣ.

— А вы вотъ что... Извините, имени и отчества не знаю... Я тамъ прописалъ больному кое-что, такъ вы ужъ потрудитесь заняться... микстурку черезъ два часа по ложкѣ, да ледку бы ему на голову надо,—сильный приливъ крови къ головѣ...

— Отчего же это вы мнѣ не поручаете, докторъ?—спросила Ксая, дѣлая притворно-обиженное лицо.

— Ну, вы еще тамъ напутаете!—махнулъ рукою докторъ.—Гдѣ ужъ вамъ съ такимъ лицомъ за больными ухаживать... На васъ глядя, и здоровый-то спятить...

И, проговоривъ этотъ неуклюжій комплиментъ, докторъ простился. Ксая пошла его провожать, весело болтая и смѣясь, но Наташа чувствовала, что ей вовсе не до смѣху, и что это она нарочно дѣлаетъ, притворяется, чтобы показать, что она ничего-ничего не боится... Наташа вышла на балконъ и черезъ садъ отправилась во флигель.

Степанъ лежалъ съ открытыми глазами, и при видѣ Наташи его угрюмое лицо просвѣтлѣло.

— Какъ я радъ, что вы опять пришли!—сказалъ онъ, протягивая ей свою сухую, горячую руку.—Зачѣмъ присылали ко мнѣ этого дурака?

— Какого дурака?—съ удивленіемъ спросила Наташа.

— Да вотъ этого доктора... Не нравится онъ, мнѣ,—какой-то заплывшій саломъ боровъ. Можетъ быть, когда-нибудь онъ и былъ хорошій парень, но теперь въ немъ ничего не осталось хорошаго. Лечить однихъ кулаковъ, и все жалуется, что времени мало, въ преферансъ некогда сыграть. И въ медицинѣ смыслить столько же, сколько его собственный сапогъ. Онъ тутъ щупаль

чего-то, нюхаль, писалъ... Ну его къ чорту! Выкиньте всѣ его рецепты за окно!

— Но зачѣмъ же!...—возразила Наташа.

— Э, не надо ихъ, не вѣрю я въ эту ерунду! Вы что смотрите на меня такъ удивленно? Думаете,—медикъ и отрицаетъ медицину? Не удивляйтесь,—именно тогда и познаешь, какая это глупость медицина, когда ее изучаешь. Но это пустяки... пройдемъ и такъ. Я не хочу умирать. Это было бы ужъ черезчуръ нелѣпо. Смерть—наплевать, я ея не боюсь, но если уже смерть, то не даромъ...

Онъ крѣпко сжалъ руку Наташи и приложилъ ее къ своему плающему лбу.—Вотъ такъ!—прошепталъ онъ.—Вотъ такъ мнѣ хорошо... легко, а рецепты бросьте... Она не придетъ, не скоро еще придетъ—та, что въ бѣломъ покрывалѣ. Я еще успѣю взглянуть ей въ лицо, а пока... хоть одну минуту, хоть мгновеніе...

Онъ заговорилъ что-то непонятное,—у него начинался бредъ.

XXI.

Наташа не знала, какъ прошелъ этотъ день,—послѣ онъ вспоминался ей какъ тяжелый сонъ. Она не видѣла ни яркаго солнца, ни блеска освѣщенной зелени, не слышала пѣнія птицъ и шума текущей вокругъ жизни; ее томило и мучило все—и разговѣвка съ Ксаней, и болѣзнь Степана, и собственный душевный разладъ, котораго она не понимала. Ксая держалась съ нею сухо и, разговаривая, даже не глядѣла на нее, какъ будто вмѣсто нея былъ кто-то чужой и непріятный; Олимпиада тоже бросала на Наташу враждебные взгляды. У Наташи мелькнула было мысль—уѣхать, но потомъ эта мысль какъ-то затерялась подъ наплывомъ другихъ, казалось, болѣе важныхъ. и Наташа сама о ней позабыла.

Вечеръ наступилъ теплый и свѣтлый; мѣсяцъ ярко вырѣзывался надъ садомъ, и пирамидальные тополи стояли точно серебряные подъ ливнемъ его голубыхъ лучей, бросая на землю черныя тѣни. Передъ ужиномъ Наташа зашла къ Степану, чтобы распорядиться оставить кого-нибудь на ночь около него. Степану было хуже; онъ бредилъ, метался и безпрестанно сбрасывалъ съ головы пузырь со льдомъ. Мидасъ, приставленный къ нему, былъ растерянъ и боялся подходить къ больному. Возвратившись, Наташа объявила, что Мидаса невозможно оставить при больномъ, и что она пойдетъ на ночь во флигель.

— И я тоже пойду,—кратко сказала Ксая.

— Э, ну, зачѣмъ тебѣ ходить?—поморщился Максимъ Григорьевичъ.—Ну, какая отъ тебя польза? Еще заразишься... можетъ, это тифъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Макся!—вскипѣла Ксая.—Что за эгоизмъ! Вѣдь идетъ же Наташа, и ты ничего, молчишь и соглашаешься,—точно она можетъ заразиться, и тебѣ это все равно, а вотъ я такъ не могу, и сейчасъ разные страхи!..

— Чи ты сдурилась, Оксанко...—смущенно заговорилъ Максимъ Григорьевичъ.—Да иди себѣ хоть въ пекло, если хочешь...

Онъ разсердился и ушелъ. Ксая робко взглянула на Наташу и отвернулась; но Наташа видѣла, что она уже не сердится на нее, и ей захотѣлось броситься къ ней и расцѣловать... Но она сдержала себя.

Ужинъ прошелъ въ безмолвіи. Ксая и Наташа почти ничего не ѣли и сидѣли для виду,—даже Максимъ Григорьевичъ ѣлъ мало, и его любимые вареники возвратились въ кухню совсѣмъ нетронутые, къ великому удовольствію Мидаса, на обязанности котораго, между прочимъ, лежало вылизываніе барскихъ тарелокъ, да и онъ тоже очень любилъ вареники.

Послѣ ужина Ксая велѣла отнести во флигель кушетку, а Наташа пошла къ себѣ переодѣться для ночного дежурства. Не успѣла она затвориться, какъ дверь съ шумомъ распахнулась, въ комнату вихремъ ворвалась Ксая и съ рыданіями повисла у нея на шеѣ.

— Наташка, милая, прости меня...—говорила она сквозь слезы и поцѣлуи.—Ты права... я гадкая, я лгуныя,—но что же мнѣ дѣлать, я сама не знаю... Еслибы ты знала, какъ я мучаюсь...

— Зачѣмъ же лгать?—прошептала Наташа, глядя ей въ волосы.—Не надо лгать, Ксая,—это такъ тяжело видѣть. Ну, если ты сдѣлала что-нибудь дурное,—скажи; все самое ужасное все-таки лучше лжи. Я не могу видѣть твоихъ глазъ, когда ты лжешь,—у меня всякая любовь, всякое уваженіе къ тебѣ пропадаютъ.

Ксая молчала, прижимаясь къ подругѣ, и хотя миръ былъ заключенъ, но все-таки между ними такъ и осталось что-то недосказанное.

Безмолвная ночь давно уже раскинулась надъ хуторомъ; все спало кругомъ, только въ овчарнѣ побреживали собаки, да сторожъ колотилъ около кузницы въ чугунную доску. Мѣсяцъ невысоко плылъ по небу среди прозрачныхъ, кружевныхъ тучекъ,

и подъ его лучами блестяли крыши хуторскихъ строеній, блестяла листва на заснувшихъ деревьяхъ, и дорога казалась похожа на рѣку. Наташа сидѣла на крылечкѣ флигеля и всматривалась въ эту божественную ночь, стараясь понять ея красоту, возбуждавшую въ ней совсѣмъ особое настроеніе и особыя, необычныя, небудничныя мысли, которыя никогда не приходили ей въ голову днемъ. „Отчего это такъ?—думала она.—Должно быть, оттого, что днемъ черезчуръ шумно и свѣтло, и надо ѣсть, и пить, и разговаривать, и все это развлекаетъ и мѣшаетъ думать. Ночью совсѣмъ не то: всѣ труды, болѣзни, тревоги затихаютъ, и человѣкъ остается одинъ, лицомъ къ лицу съ своей душой, и всѣ дневныя заботы кажутся ему ненужными, и эти вѣчныя звѣзды говорятъ ему о вѣчности и о смерти. Въ самомъ дѣлѣ, сколько тысячъ вѣковъ горятъ онѣ на небѣ, сколько тысячъ поколѣній смотрѣли на нихъ вотъ такъ же, какъ и я... и всѣ они исчезли, всѣ прошли—и мы пройдемъ. Зачѣмъ же это, зачѣмъ наши мученія, борьба, радости, когда мы должны исчезнуть?..“

Ей послышался какой-то шумъ во флигелѣ, и она поспѣшила туда. Но все было тихо: Ксая спала, разметавшись на кушеткѣ, и на ея лицѣ, какъ зарницы на небѣ, вспыхивали улыбки, говорившія, что ей снятся чудные сны. Раза два она вздрагивала и шептала что-то,—ее и во снѣ, должно быть, волновали тѣ же чувства, которыя не давали ей покоя и днемъ. Степанъ тоже спалъ; тусклый свѣтъ ночника падалъ на него,—губы его были крѣпко сжаты, брови нахмурены, и лицо хранило свое обычное тяжелое, страдальческое выраженіе,—видно, и сны ему снились не такіе свѣтлые и радостные, какіе снились его сестрѣ. Наташа долго глядѣла на нихъ обоихъ, потомъ убавила огонь въ ночникѣ и снова вышла на крыльцо. Ей не хотѣлось уходить отъ этой величаво-прекрасной ночи, отъ этихъ безсонныхъ, недремлющихъ звѣздъ, безъ рѣчей говорившихъ такъ много ея отрѣшившейся отъ житейскихъ будней душѣ.

„Да, зачѣмъ все это?—продолжала она думать.—Вотъ они—Степанъ и Ксая,—они вѣчно волнуются, чего-то ищутъ, къ чему-то стремятся. Одна—хитрить, обманываетъ и потихоньку отъ всѣхъ играетъ въ любовь; другой—наильно хочетъ заставить людей быть счастливыми, и оба они ничуть не думаютъ о томъ, что все это пройдетъ, исчезнетъ, и ничего не останется отъ всей ихъ суматохи. А эти звѣзды останутся, и ночь останется, и другіе люди придутъ и будутъ также мучиться, и волноваться, и думать о любви и о счастьѣ. И никто никогда не

пойметъ, зачѣмъ это нужно. А я? Развѣ я понимаю? Вотъ я раньше вѣдь никогда не думала объ этомъ. Я нашла себѣ маленькое дѣло—и довольна. Я даже ничего не хочу и ничѣмъ не мучаюсь. И, можетъ быть, поэтому я не понимаю Степана и Ксаню. У меня слишкомъ ограниченный умъ и спокойная натура. Всю жизнь просидѣла въ Петербургѣ, училась, потомъ сама учила, получала за это деньги, на которыя покупала себѣ хлѣбъ и платье, и воображала, что больше ничего не нужно. Все казалось такъ просто и понятно, какъ овчару Ильѣ и женѣ его, Степанидѣ, кажется понятна ихъ жизнь. А вотъ пріѣхала сюда, и что-то новое происходитъ въ моей душѣ. Какія-то нити протянулись отъ меня и къ Степану, и къ овчару, и къ тому мужику съ больной ногой, котораго я никогда больше не увижу, и я вся связана съ ними, и люблю ихъ и мучаюсь ихъ муками, радуюсь ихъ радостями. Нѣтъ, человѣкъ не можетъ жить одинъ, ему нужно жить вмѣстѣ со всѣми и для всѣхъ,—тогда все понятно, и не страшно, и эти звѣзды не пугаютъ своимъ вѣчнымъ безмолвіемъ. Ну что-жъ, ну я исчезну, но вѣдь другіе останутся? Эта паутина, которая соединяетъ всѣхъ людей въ одно, она останется? Тронешь одну ниточку—и другая сейчасъ отзовется. Вотъ чтó хорошо и отчего люди не боятся жить, не боятся умирать “...

Мысли Наташи спутались, и легкая, какъ туманъ, дрѣма заволочла ей глаза. И чудилось ей, что тонкая, нѣжная, прозрачная сѣть раскидывается передъ нею и опутываетъ ее своими нитями. Она хочетъ взглянуть въ нее, хочетъ двинуться, но не можетъ,—нити крѣпко держатъ ее, и каждое движеніе болью отзывается въ ея сердцѣ. Но боль эта ничуть не мучительная, а скорѣе пріятная, потому что Наташа знаетъ, что это такъ нужно. „Какъ хорошо!“—шепчетъ Наташа,—но вдругъ сѣть заколыхалась, разорвалась,—и она очнулась. „Боже мой, кажется, я заснула!“—съ испугомъ подумала Наташа и вернулась въ комнату. Тамъ все было по прежнему: Степанъ и Ксаня спали; по стѣнамъ бродили неуловимыя тѣни. Но Наташа уже не пошла на крыльцо и, придвинувъ себѣ табуретку, сѣла у кровати Степана. Опять туманъ застлалъ ей глаза; комната куда-то уплыла, и Наташа очутилась одна въ огромномъ и пустомъ пространствѣ, гдѣ не было ничего и никого. Наташѣ стало страшно,—она сдѣлала надъ собой усиліе и открыла глаза. „Хороша сидѣлка!“—подумала она.—Не могу одной ночи провести безъ сна. Однако, уже поздно, должно быть,—который теперь часъ?“ Она встала, чтобы посмотрѣть на часы, лежавшіе на

столъ, но въ эту минуту Степанъ повернулся и застоналъ. Наташа наклонилась къ нему,—у него снова начинался жаръ, и его горячее дыханіе обожгло ей лицо.

— Вы что, Степанъ Павловичъ?—спросила она.—Вамъ пить?

Степанъ открылъ глаза и поглядѣлъ на нее страннымъ тусклымъ взглядомъ.

— Это ты? — проговорилъ онъ съ трудомъ.—Зачѣмъ ты пришла?

Наташа вспыхнула и отшатнулась. „Онъ принимаетъ меня за кого-то“,—подумала она, и ей стало стыдно и неловко, какъ тогда, когда она увидѣла записку Чекманаевой.

— Вы меня не узнаете, Степанъ Павловичъ? — нарочно громко, чтобы привести его въ себя, спросила она.

Степанъ продолжалъ глядѣть на нее неподвижнымъ и несознающимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, узнаю, — проговорилъ онъ медленно.—Это ты... Я тебя давно ждалъ. Зачѣмъ же ты уходишь? Дай свою руку!..

Неловкость Наташи возростала, но она протянула ему свою руку. Онъ схватилъ ее обѣими руками и крѣпко стиснулъ.

— Не уходи... я тебя люблю...—прошепталъ онъ, и что-то ласковое, нѣжное освѣтило его лицо.

Наташа вырвала у него свою руку и выбѣжала на крыльцо. Тамъ было все такъ же тихо и пустынно, но небо уже начало блѣднѣть и востокъ подернулся нѣжнымъ румянцемъ. На птичницѣ, хлопая крыльями, запѣлъ пѣтухъ,—ему откликнулся другой. Наташа сошла съ крыльца и стала прохаживаться по росистой травѣ. Сердце ея крѣпко билось, въ вискахъ шумѣло. „Я тебя люблю... я тебя люблю“...—шептала она, и эти слова ее волновали, хотя и не предназначались ей. „Онъ любить... но кого же?“—спросила она себя, и сейчасъ же отвѣтила: „Какое мнѣ дѣло?“ Но этотъ отвѣтъ ее не успокоилъ, и мысли ея упорно возвращались къ Степану. „А что, если онъ любить... меня?“—подумала она вдругъ и вся вздрогнула. „Нѣтъ, не надо этого... это страшно... Мы не можемъ и не должны любить другъ друга,—мы слишкомъ разные люди. Хорошо любить, когда и мысли, и чувства, и дѣла—за-одно, а развѣ мы съ нимъ—за-одно? Никогда, никогда“...—съ ужасомъ проговорила она, вспоминая грозу и страшныя рѣчи Степана. Никогда она не пойметъ его и не пойдетъ за нимъ. Между ними стоитъ мрачный, кровавый призракъ. Страшно полюбить человѣка, который несетъ съ собою „не миръ, а мечъ“!..

„Но отчего же мнѣ такъ жаль его и такъ тянетъ къ нему?“

подумала Наташа, и въ ухахъ ея сладко прозвучали слова Степана: „я тебя люблю“... „Съ перваго дня, какъ я его увидѣла, я все думаю о немъ, и мнѣ хочется говорить съ нимъ, хочется узнать все, что онъ думаетъ и что дѣлаетъ. Вотъ это развѣ и есть любовь? Но если это такъ,—что же мнѣ дѣлать?.. Надо ѣхать, бѣжать скорѣе, пока не поздно“...

Она сѣла на ступеньку и, обхвативъ голову обѣими руками, застыла въ неподвижной позѣ. А въ ухахъ ея все слышался его шопотъ: „я люблю тебя, я люблю тебя“...

Когда она подняла голову,—было совсѣмъ свѣтло, звѣзды погасли, мѣсяцъ поблѣднѣлъ, и все его очарованіе исчезло въ огненномъ пламени зари. Крыши, верхушки деревьевъ были розовыя, трава поблѣднѣла отъ росы; свѣжій вѣтерокъ, вѣстникъ солнца, примчался и зашумѣлъ въ листьѣ пирамидальныхъ тополей,—все проснулось, зашевелилось и стряхивало съ себя волшебныя чары сна. На скотномъ дворѣ слышалось мычаніе коровъ, и кухарка, звякая монистами, пробѣжала съ подойникомъ въ рукѣ помогать скотницѣ доить коровъ. За нею, откуда ни возмись, выскочилъ Мидасъ и, разставивъ руки, приноровился-было ее поймать, но сапоги потянули его въ сторону, и онъ растянулся во весь ростъ на землѣ, выбивъ изъ рукъ кухарки подойникъ, который больно ударилъ его въ подбородокъ. „А, чтобъ тебѣ, сатана кривоногая,—туда же!“—выругалась кухарка, и при дружномъ смѣхѣ рабочихъ, умывавшихся около людской, исчезла за изгородью варка. Всѣ эти будничныя картины отрезвили Наташу и привели ее въ себя. Она пошла во флигель. Лампа все еще горѣла, и ея желтый, блѣдный огонекъ непріятно рѣзалъ глаза въ яркомъ блескѣ начинающагося дня. Но сонная атмосфера еще наполняла тихую комнату; Степанъ крѣпко спалъ и его грудь ровно дышала, а на блѣдномъ лбу выступила испарина. Избѣгая на него смотрѣть, Наташа потушила лампу и отворила окно. Стукъ рамы разбудилъ Ксаню, и она, протирая глаза, съ недоумѣніемъ поглядѣла на Наташу.

— Боже мой, вѣдь я всю ночь проспала!—воскликнула она, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, и быстро вскакивая.—Какое я животное!.. Что же ты меня не разбудила?

— Да зачѣмъ? Степану Павловичу, кажется, лучше, жаръ почти прошелъ, и онъ всю ночь спалъ... только подъ утро немножко бредилъ.

— Но вѣдь ты страшно устала, бѣдная Наташка? У тебя даже лицо вытянулось, и подъ глазами синіе круги. Ступай

сейчасъ, ложись спать, а я останусь. Я отлично выспалась!—проговорила она, сладко зѣвая и потягиваясь.

Наташа пошла къ себѣ. Солнце уже взошло, тополи зардѣлись, и радужныя нити, сверкая, пронизывали ихъ влажную листву и тянулись къ землѣ. „Точно паутина“,—подумала Наташа и вспомнила свой сонъ. На крыльцѣ она встрѣтилась съ Ганной Матвѣевной.

— Ну что, какъ Степанъ Павловичъ?—спросила она.

— Ничего, спитъ. Ему лучше!

— Атъ! Перелякавъ всѣхъ занапрасно, божевильный!—проворчала старуха, точно досадуя, что Степанъ не умеръ совсѣмъ, и всѣ ея хлопоты пропали даромъ. Наташѣ стало смѣшно. Она на цыпочкахъ пробралась въ свою комнату, не раздѣваясь легла въ постель, чтобы только немножко полежать,—но сейчасъ же заснула, какъ убитая.

XXII.

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда Наташа проснулась. Она чувствовала себя бодрой и свѣжей, и прошедшая ночь, со всѣми ея тревожными впечатлѣніями, страхами и необычными мыслями, казалась ей теперь далекимъ, фантастическимъ кошмаромъ. Только въ глубинѣ души что-то ныло болѣзненно и сладко... и эта странная боль напомнила ей то ощущеніе, которое снилось ей во снѣ, когда она видѣла себя опутанной прозрачной и нѣжной сѣткой. Было немножко грустно и хорошо... и жаль этой исчезнувшей навсегда ночи, которая больше уже никогда-никогда не вернется... „Ну и отлично,—подумала Наташа,—и не надо... и нечего объ этомъ думать“... Она съ удовольствіемъ умылась свѣжей, холодной водой, которую принесла ей Олимпиада, дружелюбно сообщившая ей, что Ксенія Павловна уже дожидается барышню въ саду пить чай. Должно быть, Олимпиадѣ было уже извѣстно, что подруги помирились, потому что она была весела, и въ глазахъ ея не было того враждебнаго выраженія, съ какимъ она вчера смотрѣла на Наташу.

— Ну что, выспалась?—спросила Ксания, когда Наташа спустилась въ садъ.

— Великолѣпно! А ты?

— Еще бы, я-то! Всю ночь напролетъ проспала, я ты, безсовѣстная, не разбудила. Ну, слава Богу, теперь степъ лучше, онъ уже и чай пилъ, и вставать хочетъ, да докторъ не велѣлъ.

— Развѣ былъ докторъ?

— Приѣзжалъ нарочно. Онъ сказалъ, что у Степы было... ахъ, забыла, какое-то мудреное слово сказалъ! Онъ тебя очень благодарить...

— Кто? Докторъ?

— Нѣтъ, Степа! Онъ удивился, что ты всю ночь не спала, и страшно беспокоился о тебѣ, и говорить, что не стоило изъ-за такой ерунды себя мучить. Чудакъ!

„Значить, онъ ничего не помнитъ“...—подумала Наташа.

— А я получила сейчасъ записку отъ Антонида Васильевны. Вотъ прочти, чтò она пишетъ.

Наташа взяла записку и сейчасъ же узнала этотъ крупный, дѣтскій почеркъ.

„Дорогая Ксенія Павловна!—писала Чекманаева.—Я узнала отъ мужа, что Степанъ Павловичъ серьезно заболѣлъ. Я въ большомъ безпокойствѣ и прошу васъ извѣстить меня сегодня, какъ его здоровье. А еще лучше было бы, еслибы вы сами приѣхали сегодня ко мнѣ, и привезите свою подругу—забыла, какъ ее зовутъ. Тоска безумная, хоть на осину полѣзай. Я бы и сама примчалась къ вамъ, да мужъ торчитъ, какъ бѣльмо на глазу, а при немъ, вы знаете, я никуда не могу вырваться. Ради Бога, приѣзжайте!—Ваша несчастная А. Чекманаева“.

— Знаешь чтò,—сказала Ксаня, когда Наташа прочла записку.—Давай, поѣдемъ нынче къ ней. Она будетъ рада, бѣдняжка... а я съ удовольствіемъ прокачусь. Давно уже не была я въ Лазоревой, да и тебѣ интересно будетъ поглядѣть, какъ живутъ люди въ нашемъ захолустѣ.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Ну вотъ, отчего? Тебѣ Чекманаевъ не нравится. Но вѣдь мы не къ нему ѣдемъ, а къ Антонидѣ Васильевнѣ. Ну, душка-Наташа, ну сдѣлай мнѣ, пожалуйста, удовольствіе—поѣдемъ! Мы не надолго...

— Ну хорошо,—сказала Наташа, подумавъ.—Такъ и быть, для тебя поѣду, хотя мнѣ страшно не хочется встрѣчаться съ Чекманаевымъ.

— Да мы его почти и не увидимъ! Онъ вѣчно тамъ гдѣ-то на бойнѣ пропадаетъ. Отлично!—сейчасъ я и велю запрягать, а пока пойдёмъ къ Степѣ; а то я боюсь, онъ вздумаетъ еще встать, да удереть куда-нибудь. Ты его попроси не дѣлать этого,—онъ тебя послушается.

— Почему же непременно меня послушается?—краснѣя, спросила Наташа.

— Да ужъ я знаю! Я замѣтила, что ты на него имѣешь вліяніе.

Степанъ, совершенно одѣтый, хотя сильно осунувшійся и поблѣднѣвшій, сидѣлъ у окна и читалъ, когда подружки пришли къ нему. Въ комнатѣ все было прибрано и не осталось никакихъ слѣдовъ бессонной ночи; но Наташѣ живо вспомнились всѣ ея ночныя впечатлѣнія, и она почувствовала страхъ и неловкость при мысли, что и Степанъ также все помнитъ.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете? — смущенно спросила она.

Онъ крѣпко пожалъ ея руку и дружелюбно поглядѣлъ на нее.

— Очень хорошо чувствую! Докторъ велитъ посидѣть еще въ заключеніи, но, я думаю, это больше для поддержанія престижа медицинской науки, и хочу нарушить его приказъ.

— Нѣтъ, вы не нарушайте, я васъ прошу...

— Просите? Ну, хорошо... для васъ, а не для доктора, я это сдѣлаю. Я и такъ виновата передъ вами, — вы изъ-за меня провели неприятную ночь, — спокойно сказалъ Степанъ.

„Не помнить!..“ — мелькнуло въ головѣ Наташи, и она проговорила вслухъ:

— Ну, не стоитъ объ этомъ говорить, — такіе пустяки...

— Нѣтъ, не пустяки... — вымолвилъ Степанъ задумчиво. — Не пустяки... — повторилъ онъ съ удареніемъ. — Много ли найдется людей, которые согласятся нарушить свои привычки ради болѣзни совершенно посторонняго для нихъ человѣка? Я по крайней мѣрѣ мало встрѣчалъ такихъ.

— Можетъ быть, оттого у васъ и взглядъ на жизнь такой мрачный, — смѣясь, сказала Наташа. — Но вы ошибаетесь. Люди вовсе не такъ плохи, какъ вы думаете, и вотъ вамъ доказательство: не мы одни беспокоились о васъ, — есть еще одна особа, которую очень взволновала ваша болѣзнь...

— Кого это? — спросила Степанъ равнодушно.

— Антонида Васильевну, — отвѣчала Наташа и пристально посмотрѣла на Степана, стараясь подмѣтить на его лицѣ волненіе.

Степанъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— Ну, это уже просто отъ скуки... — сказалъ онъ совершенно спокойно.

Послѣ обѣда на скорую руку, къ крыльцу была подана знакомая „чортова трясучка“, и подружки отправились въ Лазоревую. День былъ нежаркій, въ полѣ дулъ легкій вѣтеръ, хлѣба вол-

новались и шумѣли, и этотъ шумъ сливался съ пѣніемъ жаворонковъ, навѣвая на душу какое-то особое настроеніе мира и покоя. Скоро надъ полями показалась бѣлая колокольня церкви, и станица, какъ пестрая скатерть, развернулась передъ глазами подругъ. Забѣлѣли хаты, крытыя камышомъ „подъ щетку“, потянулись огороды, обсаженные стройными рядами пирамидальныхъ тополей, и какой-то оглушительный шумъ и грохотъ смѣнили мирную музыку полей.

— Что это такое?—спросила Наташа, прислушиваясь.

— Здѣсь цыганскій таборъ стоитъ. Это ихъ кузницы,—отвѣчала Ксаня.

Лошадь повернула влѣво,—въ лицо подругамъ пахнуло дымомъ, жаромъ, грохотъ и лязгъ еще болѣе усилились, и передъ глазами раскинулась оригинальная картина. На широкой луговинѣ по берегу Мачи торчали ряды палатокъ, и вѣтеръ развѣвалъ ихъ полами, какъ парусами. Тамъ и сямъ курились дымки костровъ и трепетало пламя походныхъ кузницъ; слышался мѣрный стукъ молотовъ, и съ ихъ глухими ударами сливались—ржанье лошадей, лай собакъ, плачь ребятишекъ, крикливая, гортанная рѣчь женщинъ и хриплые голоса мужчинъ. Около телѣговъ съ поднятыми оглоблями, на которыхъ трепались какія-то грязныя тряпья, пестрѣли живописныя группы цыганъ и цыганокъ въ яркихъ бешметахъ съ огромными рукавами, развѣвавшимися, какъ флаги, въ широкихъ грязныхъ шальварахъ, въ плащахъ, перекинутыхъ черезъ плечо, съ растрепанными космами волосъ и смуглыми лицами, среди которыхъ дико сверкали огромные черные глаза. При видѣ шарабана, совершенно голые ребятишки, своей живостью напоминавшіе чертенятъ, и молодые растрепанныя цыганки повскакали съ мѣстъ и ринулись на дорогу съ воплями и визгомъ, простирая руки къ подругамъ.

— Дай грошикъ, дай грошикъ... счастливая будешь... дай, дай, дай!...—кричали они.

Но Ксаня ударила лошадь, и вся эта назойливая, оборванная толпа осталась позади, посылая имъ вслѣдъ ругательства и проклятія. Черезъ нѣсколько минутъ шарабанъ уже вѣзжалъ въ станицу. Это былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ и многолудныхъ пунктовъ въ степи и по своей населенности, скотскимъ ярмаркамъ и обширной торговой дѣятельности превосходилъ любой уѣздный городъ смежныхъ губерній. Въ Лазаревой были двѣ православныхъ церкви, огромная площадь, каменные торговые ряды, множество трактировъ и кабаковъ, двѣ школы—мужская и женская,—почтовая и телеграфная станція и даже

нѣчто вродѣ клуба, впрочемъ болѣе похожаго на трактиръ, чѣмъ на клубъ. Населеніе Лазоревой было смѣшанное, — коренныхъ жителей, казаковъ, было около половины; остальная часть состояла изъ пришлыхъ элементовъ. Тутъ были воронежскіе, тамбовскіе, московскіе, саратовскіе купцы, были нѣмцы-колонисты, евреи, малороссы, и все это нахлынуло сюда съ проведеніемъ желѣзной дороги, чтобы кормиться на жирной степной почвѣ, дававшей богатѣйшіе урожаи пшеницы и питавшей огромные гурты рогатаго скота. Наташа съ любопытствомъ осматривалась. Улицы, по которымъ онѣ ѣхали, были широкія, хаты большія, съ бѣлыми стѣнами и бѣлыми отъ извести крышами, которыя такъ блестѣли на солнцѣ, что больно было смотрѣть. Передъ каждой хатой былъ разведенъ крошечный полисадникъ, и изъ-за низкихъ плетней торчали исполинскія мальвы — по здѣшнему „рожи“, — утыканныя желтыми, лиловыми и яркочерными цвѣтами. Но на улицахъ, по случаю рабочей поры, было пусто, и только на площади кипѣла шумная дѣятельность. У торговыхъ рядовъ, передъ трактирами и харчевнями стояли возы, запряженные волами, и толпился народъ, закусывая только-что выпитую чарку водки пшеничнымъ хлѣбомъ и сушеною таранью. Около лавокъ выгружались огромные деревянные ящики съ надписями: „Москва, братья Поповы“... „Абрикосовъ и сыновья“, „Товарищество мануфактуры“, и проч.; возчики въ бѣлыхъ запачканныхъ рубахахъ съ грохотомъ сваливали ихъ на землю, переругиваясь между собою; изъ растворенныхъ дверей и оконъ трактировъ неслись смѣшанные звуки органа, посуды и пьяныхъ голосовъ; вздымая пыль, прогнали куда-то стадо огромныхъ быковъ, тупо уставившихъ рогатыя головы въ землю... Какой-то пьяный молодецъ, пошатываясь, стоялъ посреди дороги, во все горло распѣвая безсмысленную пѣсню, всю состоявшую изъ словъ: „Ты, да я, да я, да ты, вы да мы, да мы, да вы!“ И надъ всѣмъ этимъ — столбомъ стоялъ крѣпкій, густой запахъ рыбы, дегтя, сѣна и сивухи...

Миновавъ площадь, подруги опять выѣхали въ степь и направились къ группѣ низенькихъ строеній, надъ которыми возвышалась длинная черная труба. Изъ нея валилъ густой дымъ, и вѣтеръ, пахнувшій оттуда, принесъ непріятный, удушливый запахъ горѣлаго сала, волоса и кожи.

— Вотъ и Чекманаевскій дворецъ! — сказала Ксани, указывая на трубу.

— Какъ гадко пахнетъ!.. — съ отвращеніемъ сказала Наташа, морщась.

— Ну ужъ это не взыщите!—засмѣялась Ксая.—Розъ у Чекманаева ты не увидишь, потому что изъ нихъ деньги не дѣлаются.

Наташа, преодолевая свое отвращеніе, оглядѣлась. Резиденція лазоревскаго богача была неказиста: длинныя, приплюснутыя, закопченныя строенія распластались по землѣ; нигдѣ ни деревца, ни кустива—одна голая степь кругомъ. Около строеній навалены были какія-то зловонныя кучи, распространявшія нестерпимый запахъ разлагающагося мяса и крови; грязныя, угрюмыя существа безмолвно копошились въ этихъ кучахъ, какъ грѣшники Дантова ада. Все было мрачно, мертво и придавлено, —только труба торжествующе дымила и фыркала, напоминая какое-то грозное чудовище, алчно разинувшее свою огненную пасть.

XXIII.

Ксая остановила лошадь передъ неуклюжимъ и тоже закопченнымъ домомъ съ ветхою галерейкой вокругъ. На галерейку выскочила какая-то растрепанная фигура, поглядѣла на нихъ и сейчасъ же опять исчезла, размахивая руками. Внутри дома слышались голоса, торопливая бѣготня, хлопанье дверей, и вслѣдъ затѣмъ выбѣжала сама Антонида Васильевна.

— Приѣхали! Какъ я рада!.. — восклицала она, сбѣгая внизъ.—А мы только-что о васъ говорили... у меня тамъ гости... молодая матушка и винокурша съ племянницей. Вотъ мы сидимъ и говоримъ: „нѣтъ, вѣрно не приѣдутъ съ хутора“... какъ вдругъ прибѣгаетъ Нютка и говоритъ: „Червониха приѣхала!“

Онѣ расхохотались надъ „Червонихой“. Пока шли эти разговоры и пока Антонида Васильевна кликала какого-то Ефима, чтобы отвести лошадь въ конюшню, Наташа стояла въ сторонѣ, и все окружающее возбуждало въ ней все болѣе и болѣе жуткія чувства. Сама Антонида Васильевна, въ старомъ и не совсѣмъ опрятномъ, хотя и шолковомъ капотѣ, съ неестественно раскраснѣвшимся лицомъ, произвела на нее неприятное впечатлѣніе. Ей показалось даже, что отъ Чекманаевой пахнетъ виномъ, и рѣчь ея не совсѣмъ тверда.

— Ну, теперь пойдете,—сказала Антонида Васильевна, когда лошадь увели.—Какъ я рада, какъ я рада!

И, припрыгивая, она повела ихъ черезъ галерейку въ темныя, заваленныя разнымъ хламомъ сѣни. Тамъ она на минуту

остановилась и, обращаясь больше къ Наташѣ, чѣмъ къ Ксанѣ, спросила:

— Ну, что Степанъ Павловичъ?

— Ему лучше, — отвѣчала Ксани.

Онѣ вошли въ большую комнату, оклеенную аляповатыми красными обоями. Въ простѣнкахъ стояли огромныя, но запыленные и загаженные мухами трюмо; у стѣны стоялъ неизбѣжный диванъ съ неизбѣжнымъ круглымъ столомъ, накрытымъ пестрой скатертью и неизбѣжными креслами; но, несмотря на эти зеркала, кресла и диваны, въ комнатѣ было грязно, неуютно, всюду густымъ слоемъ лежала пыль, и каждый уголокъ былъ пропитанъ тѣмъ же специфическимъ запахомъ тухлаго мяса и горѣлаго сала.

На столѣ стоялъ подносъ съ какими-то закусками и бутылками, а передъ нимъ на диванѣ засѣдали гости. Антониды Васильевна, посмѣиваясь чему-то, представила ихъ Наташѣ. Въ серединѣ сидѣла винокурша, плотная особа лѣтъ тридцати, съ желтыми, соломеннаго цвѣта, волосами, зачесанными кверху и сложенными на макушкѣ крошечнымъ моднымъ кренделькомъ. Вся она была какая-то сѣрая и плоская, какъ деревянная доска; лицо сѣрое, жесткое, съ сѣрыми выпуклыми глазами, похожими на стертые гвозди, толстыя сѣрыя губы и въ довершеніе всего сѣрое платье со множествомъ оборокъ и бантовъ. Зато въ ухахъ ея сверкали золотыя серьги, на груди сіяла, какъ солнце, огромная брошка и черезъ шею была перекинута длиннѣйшая золотая цѣпочка; все это брэнчало, звякало и блестяло при каждомъ ея движеніи, придавая ей сходство съ галантерейной лавочкой уличнаго разносчика. Она считала себя первой дамой въ Лазоревой по образованности, потому что прочла всѣ приложенія къ ея излюбленному журналу „Лучъ“ и употребляла въ разговорѣ иностранныя слова вроде „уединенція“ вмѣсто „аудіенція“ и „мартологія“ вмѣсто „метеорологія“, но выше всего все-таки ставила богатство и съ презрѣніемъ относилась къ бѣднякамъ. По ея мнѣнію, бѣдные люди даже не имѣли права на существованіе, а если и существовали, то только для того, чтобы богатые ими помывали. Около нея робко жалась „молодая матушка“ — худенькая, миловидная женщина, съ испуганнымъ веснушчатымъ личикомъ, но зато съ великолѣпными русыми волосами, заплетенными въ такую громадную косу, что она еле умѣщалась на крошечной головкѣ матушки. Одѣта она была очень скромно и просто, и винокурша совершенно подавляла ее своимъ величіемъ и своей галантерейной лавочкой. Бѣдная ма-

тушка это хорошо сознавала и съ благоговѣніемъ относилась къ великолѣпной винокуршѣ, которая снисходительно принимала ея поклоненіе своей особѣ и дарила ее благосклонностью. Кромѣ этихъ двухъ дамъ, въ комнатѣ находилось еще третье существо, помѣщавшееся въ самомъ темномъ уголку и изъ всѣхъ силъ старавшееся быть какъ можно болѣе незамѣтной. Это была племянница винокурши, некрасивая, горбатая дѣвушка съ грустнымъ и болѣзненнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ. Винокурша держала ее изъ милости и по своей теоріи помыкала ею, какъ тряпкой, ежеминутно доказывая ей, что она даже и не человѣкъ совсѣмъ, и только даромъ ѣсть хлѣбъ. Поэтому на лицѣ бѣдняжки былъ написанъ вѣчный ужасъ, а вся ея поза выражала такое напряженіе, какъ будто бы она каждую минуту готова была исчезнуть съ лица земли по мановенію руки своей благодѣтельницы.

Когда обрядъ представленія и взаимный обмѣнъ привѣтствій оконтились, винокурша воткнула въ Наташу свои глаза и, осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, спросила нараспѣвъ:

— Изъ столицы изволили пріѣхать, какъ мы слышаны?— и, получивъ утвердительный отвѣтъ, она продолжала авторитетнымъ тономъ человѣка, для котораго на свѣтѣ нѣтъ ничего неизвѣстнаго:—Конечно, столичная жизнь совсѣмъ не то, что у насъ здѣсь въ „стищѣ“,—тамъ и „фамилія“, и кіатры разные, и публика, и всякая „иниціатива“; однако, я такъ полагаю, что, не имѣючи средствъ, и въ столицѣ житье не сладкое. Какіе ужъ тамъ прогрессы, ежели человѣку кусать нечего?

— Да, да!—шепоткомъ поддакнула матушка.—Это правда ваша, Лизавета Прохоровна...

Винокурша и не взглянула на нее, и начала снова, обращаясь къ Наташѣ:

— Вотъ я погляжу на васъ, какія вы худенькія, да блѣдненькія,—видно, столичная-то жизнь не красить. Мы вотъ, можетъ, по вашему, и въ „гризѣ“ живемъ, да за то въ теплѣ и въ сытѣ завсегда, и безпокойствія намъ никакого нѣтъ. Оттого мы и бугѣемъ. А тамъ у васъ въ столицѣ что? На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ—щелкъ! Отъ людей отстать нельзя, ну и надо изъ послѣдняго тянуться. Какая-нибудь, прости Господи, кухарчонка, а тоже шляпку себѣ покупаетъ. У нея на тѣлѣ, можетъ, рубашонки нѣту, а она въ кіатры ходитъ. Я получаю журналъ „Лучъ“,—многозначительно прибавила она,—такъ вотъ тамъ все это превосходно описано.

— И вѣрно! Ахъ, какъ все это вѣрно!—съ восхищеніемъ

прошптала матушка, хотя не имѣла ни малѣйшаго представленія ни о „Лучѣ“, ни о столичной жизни.

— Я вотъ о себѣ скажу,—заговорила винокурша.—Вотъ у насъ, слава Богу, и капиталъ есть, и ничѣмъ мы отъ Господа Бога не обижены, и я хоть сейчасъ всякое удовольствіе могу себѣ предоставить, даже въ Новочеркасскѣ переѣхать, ежели захочу, и не хуже другихъ расположиться. Но я такъ разсуждаю,—зачѣмъ я себя буду беспокоить, когда я привыкла къ сладкому куску, а въ Новочеркасскѣ-то одна говядинка—12 копѣекъ фунтъ? Да мнѣ онѣ провались совсѣмъ и Новочеркасскѣ-то, ежели я себѣ въ кускѣ должна отказывать! А ужъ про столицу нечего и говорить,—меня хоть золотомъ осыпъ, я туда ни за что не поѣду!..

И вполне увѣренная, что эта „столичная фря“, какъ она опредѣлила про себя Наташу, поставлена на надлежащее мѣсто, винокурша вздохнула, какъ паровикъ, и вдругъ вонзилась въ племянницу, которая такъ вся и затрепетала.

— Любаша!..—крикнула винокурша, шаря вокругъ себя.

— Я здѣсь, тетенька! — пролепетала Любаша, подбѣгая къ ней.

— Не надо, нашла,—вытаскивая изъ-подъ себя носовой платокъ и громко сморкаясь, сказала винокурша.

Въ это время къ столу подошли Ксаня и Антонида Васильевна, которыя куда-то уходили передъ тѣмъ.

— Господа, что же это вы ничего не кушаете?—воскликнула Антонида Васильевна, разливая наливку по рюмкамъ.

— Мерси, довольно уже кушали,—съ достоинствомъ произнесла винокурша.

— Ну, какъ это такъ—довольно?—перебила ее Антонида Васильевна.—Ѣсть-пить не дрова рубить; вотъ сейчасъ чай подадутъ, а передъ чаемъ, говорятъ, даже нищіе пьютъ. За ваше здоровье!

Она залпомъ выпила свою рюмку. Гости поломались-поломались и тоже выпили, закусивъ мармеладомъ. Послѣ этого винокурша приняла опять видъ величаваго египетскаго божества, а Чекманаева подсѣла къ Наташѣ и смѣющимися глазами заглянула ей въ лицо.

— Ну что, хороша моя жизнь! — спросила она вызывающимъ тономъ.

— Мнѣ не нравится,—сдержанно отвѣчала Наташа.

— Скажите пожалуйста, неужели не нравится? — разсмѣялась Антонида Васильевна.—А чѣмъ не жизнь? Видите, наливку

лю, конфетами закусываю,—это ли не сладко? А общество-то, общество какое,—самая что ни на есть „алистократія“...

И, послѣ короткаго взрыва смѣха, она продолжала, еще ближе наклоняясь къ Наташѣ и не сводя съ нея возбужденнаго взгляда:

— А я о вашихъ подвигахъ уже слышала...

— О какихъ подвигахъ?

— Не притворяйтесь, пожалуйста... ахъ, вы, тихоня! Все знаю, все... какъ вы тамъ дни и ночи около Степана Павловича просиживали... Еще бы!.. Ха-ха!.. Интересный больной!

— Интересный или неинтересный, мнѣ рѣшительно все равно,—сухо сказала Наташа.

— Ну, какъ это все равно? Небось, еслибы мой супругъ захворалъ, вы бы не стали за нимъ такъ ухаживать?

— Отчего же? Все равно, стала бы.

— Неужели правда?—задала свой любимый вопросъ Антоныда Васильевна.—Ахъ, вы, сестра милосердная!..

И, раскохотавшись, она пошла угощать гостей наливкой, и опять всѣ выпили по рюмочкѣ и закусили конфетами. Съ каждой рюмкой оживленіе росло; сѣрое лицо винокурши начало приобрѣтать багровый оттѣнокъ, и она безпрестанно теряла свой платокъ, который каждый разъ должна была разыскивать безотвѣтная Любаша;—бесѣда становилась шумнѣе и развязнѣе. Больше всѣхъ все-таки говорила винокурша; она рассказывала о шашняхъ учительницы, которая, по ея увѣреніямъ, состояла въ связи съ учителемъ; жена же учителя, какъ это всякому извѣстно, живетъ съ фельдшеромъ, и дѣти ея вовсе не учителя, а фельдшеровы, и похожи на него, какъ двѣ капли воды. Но это еще что, это пустяки, а ей извѣстны еще болѣе худшія вещи объ этихъ господахъ... Тутъ винокурша понизила голосъ и, приказавъ Любашѣ на минутку выйти вонъ, сообщила, что учитель—безбожникъ и социалистъ, и она собственными глазами видѣла, какъ они съ учительницей ночью читали какія-то книжки, а потомъ учитель въ „безбилъ“ вытѣзалъ изъ окна и крался по огородамъ... Въ концѣ концовъ все перепуталось до такой степени, что уже ничего нельзя было понять—и кто социалистъ, и кто съ кѣмъ живетъ. Смердное облако пошлости, злобной сплетни и сытаго невѣжества нависло надъ столомъ съ выпивкой и закуской, и Наташа почувствовала, что задыхается...

XXIV.

Въ самый разгаръ бесѣды, за дверью послышались тяжелые шаги, и въ гостиную вошелъ Чекманаевъ въ сопровожденіи двухъ мужчинъ. Одинъ, толстый, низенькій человѣчекъ, съ огромною, блестящей лысиной и заплывшими хитрыми глазками, былъ винокуръ, а другой—высокій, худощавый, съ бритымъ лицомъ и апатичнымъ взглядомъ—прогорѣвшій помѣщикъ, Воропаевъ, арендовавшій у казаковъ небольшой клочокъ земли.

— А, гости дорогіе!—привѣтствовалъ всѣхъ Чекманаевъ.— А я вотъ сейчасъ на телеграфѣ былъ, да встрѣтился съ Петромъ Львовичемъ (онъ указалъ на Воропаева) и привезъ его своихъ валуховъ посмотреть. А на дорогѣ встрѣтилъ и супруга вашего (обратился онъ къ винокуршѣ),—кстати ужъ и его захватилъ.

Говоря это, онъ окинулъ глазами все общество, пристально поглядѣлъ на разставленное на столѣ угощеніе, и потомъ его тяжелый взглядъ остановился на женѣ. Почувствовавъ этотъ взглядъ, Антонида Васильевна вся вздрогнула, точно подъ ударомъ бича, и въ глазахъ ея мелькнулъ недобрый огонекъ.

— Антонида, что же чаю нѣтъ?—сказалъ онъ.

— Сейчасъ подадутъ.

— Поди, скажи, чтобы поторопились.

Антонида Васильевна встала и невѣрной походкой пошла къ двери. Чекманаевъ провожалъ ее тѣмъ же тяжелымъ и подозрительнымъ взглядомъ.

— О чемъ это вы тутъ разговаривали?—обратился онъ къ винокуршѣ.—Небось, кости кому-нибудь перещелачивали? Это—самое любимое бабье занятіе.

— А что же намъ больше дѣлать-то, Данилъ Кузьмичъ?—не безъ кокетства сказала винокурша, вся обдергиваясь и охорашиваясь передъ первымъ лазоревскимъ богачомъ.—Вотъ объ учителѣ нашемъ говорили... Вредный онъ человѣкъ, Данилъ Кузьмичъ!

— А что такое?

— Со-ці-алистъ!..—многозначительно произнесла винокурша (это было, кажется, единственное иностранное слово, которое она выговаривала твердо и безъ ошибки).

— А!..—равнодушно проговорилъ Чекманаевъ.

— Много этихъ пустозвоновъ нонѣче развелось,—вмѣшался винокуръ.—Повсемѣстно эта погань завелась, и все въ газетахъ пишутъ, все пишутъ, и шутъ ихъ знаетъ, что они пишутъ!

— А пущай ихъ брешутъ,—съ лѣнивой усмѣшкой замѣтилъ Чекманаевъ.

— Да вѣдь кабы они побрехали-побрехали, да и утомонились, а то вѣдь они чтò, прѣклятые, дѣлаютъ! Вѣдь они ужъ вонъ куда добрались,—народъ стали сомущать! А нашъ народъ какой, вы сами знаете,—легковѣрный народъ,—ему чтò ни скажи, онъ сейчасъ и уши развѣситъ...

— У меня на-дняхъ чтò было,—заговорилъ вдругъ глухимъ басомъ Воропаевъ: — Работали у меня землекопы, — канаву на Мокромъ лугу копали... Прихожу я посмотреть,—а они лопаты побросали, сидятъ, трубочки курятъ и шу-шу-шу... шепчутся.— Чтò это вы, ребята? говорю. На дворѣ не праздникъ, а вы пошabaшили? Молчать, а сами на меня смотреть — нехорошо этакъ смотреть, ужъ я вижу. Чтò такое? — „Да вотъ мы нынче солдата одного видѣли...“ — Какого-такого солдата? — „Какого? Извѣстно, какого—царскаго... Вся грудь медалями увѣшана“. — Ну такъ чего же вы работу-то бросили? — „Да то, говорятъ, что нынче рабочему человѣку отдышка будетъ“... Вотъ тебѣ и клюква, думаю...

— Вотъ видите, вотъ видите!—подпрыгнувъ на мѣстѣ, воскликнула винокурша.—Вотъ видите, какіе контрасты! Ну и чтò же, Петръ Львовичъ?

— Да чтò, — ничего... День не работали, а потомъ помялись-помялись и пошли. Послѣ, слышу, въ Купавѣ какого-то поймали,—церковь обдиралъ.—Чтò, говорю своимъ дуракамъ-то,—вонъ онъ, солдатъ-то вашъ гдѣ! А вы говорите—отдышка!

— А я слыхалъ, что въ Хоперщинѣ тоже одного милака поймали,—сказалъ винокуръ.—Книжки тоже какія-то мужикамъ раздавалъ...

— Пустое это дѣло!.. — вымолвилъ Чекманаевъ, барабани пальцами по столу.

— Э, нѣтъ, не пустое! Чтò вы, Данило Кузьмичъ, не пустое! Вонъ у васъ кошару-то въ прошломъ году сожгли, — это тоже пустое? Нѣтъ, разбаловался народъ, вотъ какая причина! Работать не хочетъ, отдышки, вишь, захотѣлъ! Кабы я былъ высшее начальство,—разложилъ бы я ихъ всѣхъ въ рядъ, да дѣру хорошаго далъ бы,—вотъ тебѣ и отдышка.

— Чего имъ нужно, Господи, чего имъ только нужно?—воззвала опять винокурша, подымая очи къ потолку и кладя въ ротъ конфекту.

Наташѣ, которая давно уже съ негодованіемъ прислушивалась къ этому разговору, вдругъ захотѣлось оборвать винокуршу.

— Чего имъ нужно?—сказала она, стараясь говорить какъ можно хладнокровнѣе. — Да, я думаю, того же, чего и вамъ,— жить въ теплѣ и въ сытѣ, какъ вы давеча сказали. Почему же вамъ это нужно, а имъ нѣтъ? Почему вы не можете обойтись безъ „сладкаго куска“, а они могутъ и безъ хлѣба обойтись? Развѣ только потому, что вы читаете „Лучъ“?

Всѣ присутствующіе съ удивленіемъ уставились на Наташу, а винокурша даже чуть не подавилась конфектой. Только Чекманаевъ продолжалъ спокойно барабанить по столу и, не глядя на Наташу, усмѣхался пренебрежительной усмѣшкой.

Въ это время вошла Антонида Васильевна съ еще болѣе раскраснѣвшимися лицомъ и блуждающими глазами. Чекманаевъ пересталъ улыбаться.

— Что же чаю?—спросилъ онъ грубо.

— Сейчасъ несуть...—замѣтно заплетающимся языкомъ сказала Чекманаева.

Чекманаевъ схватилъ со стола спичечную коробку и съ трескомъ раздавилъ ее пальцами... Вошла грязная дѣвка съ подносомъ въ рукахъ и стала обносить чаемъ гостей. Ея появленіе отвлекло вниманіе гостей и отъ Наташи, и отъ гнѣвной выходки Чекманаева, и всѣ усердно занялись чаемъ. Потекли опять тѣ же разговоры о „соціалистахъ“, о распущенности народа, о его пьянствѣ и нежеланіи работать. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ дышала откровенная злоба противъ низшихъ классовъ, осмѣлившихся мечтать объ „отдышкѣ“, и чувствовалась чисто-животная боязнь за собственное благополучіе. Сытое мѣщанство, по горло упитанное сладкою наливкой, съ волчьей жадностью рычало надъ своимъ добромъ, костями и зубами оберегая его отъ всякихъ покушеній. Лица у всѣхъ приняли хищное выраженіе, зубы оскаливались, глаза беспокойно сверкали. И Наташѣ, глядя на нихъ, вспоминались зловѣщія рѣчи Степана...

„Боже мой, Боже мой, какая вездѣ тьма, какой ужасъ!..“ — думала она, съ стѣсненнымъ сердцемъ прислушиваясь къ разговорамъ общества.

Между тѣмъ, рѣчь уже перешла отъ народа къ дворянству. Воропаевъ высказалъ взглядъ, что всѣ неполадки произошли оттого, что освободили крестьянъ и тѣмъ ослабили дворянство, которое только и поддерживало на своихъ плечахъ государственный строй. Чекманаевъ, все время молчавшій, вдругъ заговорилъ, и грубо, рѣзко сталъ подсмѣиваться и надъ дворянствомъ, и надъ Воропаевымъ. Воропаевъ разгорячился и началъ возражать, пересчитывая заслуги дворянства передъ отечествомъ.

— Э, какое тамъ отечество, Петръ Львовичъ! — сказали Чекманаевъ. — Не отечество, а карманъ, — вотъ чтò главное-то у всѣхъ. У насъ въ городѣ былъ одинъ помѣщикъ, такъ онъ во время послѣдней войны тоже кричалъ: „Атечество“! „Патріотизмъ“! А когда стали лошадей въ армію набирать, — онъ первый такихъ одровъ представилъ, что и на водовозку не годились.

— Но мы доказали!.. Мы кровь проливали!.. Мы!..

— „Мы-мы“! Да чтò „мы“-то? Тоже и кровь вы не даромъ проливали, знаемъ мы это! Усадьбы-то, небось, не съ неба вайтъ свалились? Да и то не умѣли удержатъ въ рукахъ. Нѣтъ-съ, Петръ Львовичъ, ваше времячко отошло... Теперь нашъ чередъ, — и мы тоже не лаптемъ щи хлебаемъ!

Онъ вдругъ поднялся съ мѣста и тяжело ударилъ кулакомъ по столу.

— Теперь мы — сила, Петръ Львовичъ, вотъ чтò-съ! — заговорилъ онъ, тыкая себя въ грудь пальцемъ. — Вы поцарствовали — теперь мы поцарствуемъ, и не скоро насъ осилить. Никакіе социалисты, никакіе тамъ разные „исты“ съ ногъ насъ не спибутъ, — крѣпко стоимъ и не качаемся. Кто теперь всѣми дѣлами ворочаетъ? Мы-съ! Кто университеты содержитъ, кто гимназій строитъ, кто желѣзныя дороги проводитъ? Опять мы! Кто васъ всѣхъ поитъ и кормитъ, и одѣваетъ, и согрѣваетъ? Мы же все... Ну-ка, поди, одолѣй эту машину, — зубы переломаетъ... Социалисты — социалисты, дворянство — дворянство, — да наплевать намъ на это, только и всего. Чтò социалисты? У нихъ, чай, такое же брюхо и также ѣсть просить, — дай ему понюхать, чѣмъ кредитка пахнетъ, — и онъ тебѣ весь и съ руками, и съ ногами дастся. Про мужика нечего и говорить, — онъ давно у насъ въ яриѣ и наше же сѣно жуетъ, а дворянство... вотъ чтò такое — дворянство...

Онъ употребилъ непечатное слово и сѣлъ, тяжело отдуваясь и вытирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо. Винокуръ захихикалъ, дамы скромно потупили глаза, а Воропаевъ хотѣлъ-было что-то сказать, но вспомнилъ, что какъ-разъ сегодня хотѣлъ попросить у Чекманаева отсрочки по одному вексельку... и, весь съѣжившись, молча проглотилъ обиду.

Нѣсколько минутъ царствовало неловкое молчаніе. Потомъ Чекманаевъ всталъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ Воропаеву.

— Ну, что же, Петръ Львовичъ, пойдемте, что-ли, валуховъ-то смотрѣть.

— Пойдемте, пойдемте...— растерянно пробормоталъ тотъ, нахлобучивая на голову фуражку съ краснымъ околышемъ.

— Пойдемте и мы!—предложила винокурша.—Возьмите насъ съ собой, Данилъ Кузьмичъ!

— Что же, идите, я очень радъ.

— Пойдемъ и мы, пройдемся,—шепнула Ксаня Наташѣ. Та молча кивнула головой. „Ужъ если терпѣть эту пытку, такъ до конца“, подумала она.

Между тѣмъ, винокурша металась по комнатѣ, крича: „Любаша! Да гдѣ же мой зонтикъ? Куда ты его дѣвала, разиня? Любаша! Любаша!“ Наконецъ, зонтикъ отыскался, и всѣ вышли изъ дома, исключая Антонида Васильевны, которая осталась хлопотать объ ужинѣ. Впереди, распустивъ зонтикъ, шествовала винокурша, поддерживаемая подъ руку молодой матушкой; къ Ксанѣ пристроился винокуръ и, сѣменя ногами, что-то ей нашептывалъ, изрѣдка бросая боязливые взгляды на свою монументальную супругу; сзади остались только Наташа да маленькая горбунья, которая почтительно и бережно несла накидку и перчатки своей тетеньки.

— Вы сирота, должно быть?—заговорила съ ней Наташа.

— Да-съ!..—прошептала Любаша, вздрагивая.

— Я тоже сирота. Значитъ, мы съ вами одного поля ягоды. У васъ никого родныхъ нѣтъ?

— Нѣтъ... братецъ... есть.

— Отчего же вы съ нимъ не живете?

— Онъ... онъ безъ мѣста... Я у тетеньки...

— Тетенька ваша, кажется, вѣдьма порядочная?

Любаша вся помертвѣла и съ ужасомъ посмотрѣла на Наташу.

— Чтò вы-съ... какъ это можно... Онъ добрый...

— Ну, какая тамъ добрая! Отчего же вы такая худенькая, блѣдная?

— Нѣтъ, я ничего...—отрицала Любаша съ такимъ видомъ, какъ будто ее обличали въ какомъ-нибудь страшномъ преступленіи.

Въ эту минуту послышался грозный окрикъ: „Любаша!“ — и блѣдная дѣвушка, заматавшись, какъ подстрѣленная птица, бросилась къ тетенькѣ.

XXV.

Подожли къ длинной кошарѣ. Мужикъ въ бѣлой рубахѣ съ низшимъ поклономъ отворилъ ворота, и общество очутилось въ полумракѣ, пропитанномъ теплымъ запахомъ овечьей шерсти и навоза. Когда глаза вошедшихъ нѣсколько привыкли къ темнотѣ, они увидѣли овецъ, пугливо жавшихся къ стѣнамъ и съ робкимъ блеяніемъ толпившихся у длиннаго корыта съ пойломъ. Ихъ большіе глаза съ недовѣріемъ и безпокойствомъ смотрѣли на незнакомыхъ людей.

— Хороши!—сказалъ Воропаевъ съ видомъ знатока.

— Ничего,—небрежно проговорилъ Чекманаевъ.—Вы посмотрите, каковы онѣ тѣломъ! Ну-ка, Емельянъ!—крикнулъ онъ какому-то грязному существу, которое въ первую минуту даже нельзя было отличить отъ стада овецъ.—Поймай-ка которую-нибудь...

Грязное существо устремилось къ овцамъ, которыя шарахнулись въ разныя стороны, и, ловко вцѣпившись въ одну изъ нихъ, подтащилъ ее къ Чекманаеву.

— Посмотрите, вотъ у этой одинъ курдюкъ полпуда будетъ вѣсить!—сказалъ Чекманаевъ.

Воропаевъ и винокуръ подошли ближе, и всѣ трое тщательно стали щупать овцу, запуская ей пальцы и въ шерсть, и въ мясо, причемъ бѣдное животное покорно глядѣло на нихъ своими кроткими глазами, и, наконецъ, ткнувъ ее для чего-то въ бокъ, пустили на свободу. Овца, встряхиваясь, побѣжала къ стаду.

— Ничего,—повторилъ Воропаевъ:—тѣльныя овцы!

— А вонъ тамъ у меня партія рамбулѣ. Вчера пригнали,—сказалъ Чекманаевъ, подводя гостей къ загородкѣ, откуда выглядывали опять овечьи мордочки.

Осмотрѣли и рамбулѣ, потолковали о ихъ нѣжности, объ овечьей болѣзни ногъ, о цѣнахъ на шерсть, и по мѣрѣ того, какъ Чекманаевъ знакомилъ своихъ гостей съ подробностями своего дѣла, лицо его все болѣе и болѣе принимало самодовольный и гордый видъ. Зрѣлище собственнаго богатства возбуждало его, какъ вино.

— Ну, теперъ пойдѣте, я вамъ покажу своихъ бычковъ!—сказалъ онъ, выходя изъ кошары.

Черезъ другія ворота они прошли къ базу (такъ называется крытый загонъ для скота), и тамъ ихъ встрѣтилъ другой му-

живъ, который также торопливо и почтительно отворилъ передъ ними ворота. Въ большомъ пространствѣ, устланномъ соломой и свѣжей травой, у деревянныхъ яслей, набитыхъ сѣномъ, лѣнливо двигались какія-то огромныя, неповоротливыя чудовища. Это были откармливаемые на убой быки, но съ перваго взгляда трудно было даже понять, что это за животныя,—до того они утратили образъ и подобіе бычачье. Шерсть на нихъ вся обгѣзала, и сквозь обнаженную шкуру выступали наслойки жира. Головы совершенно слились съ шеями и подгрудки висѣли до самой земли; заплывшіе глаза смотрѣли безсмысленно и безучастно; жиръ душилъ ихъ и мѣшалъ имъ двигаться. Страшно и жалко было смотрѣть на нихъ. Нѣкоторые стояли около яслей и медленно, пуская до самой земли вязкую слюну, жевали жвачку; другіе уже и двигаться не могли, и неподвижно валялись на землѣ, какъ исполинскія колоды. На вошедшихъ они не обратили никакого вниманія и продолжали сопѣть и чавкать. Винокуръ пришелъ въ восторгъ.

— Голубчики мои!—захлебываясь, воскликнулъ онъ, молитвенно сложивъ руки и обходя каждого быка.—Роденькіе мои, да какіе же вы жирные, да мягкіе... Говядинка-то—какъ пухъ! Какъ пухъ!..

Онъ задыхался отъ плотояднаго вождельнія, дотрогиваясь до быковъ, поглаживая ихъ и впиваясь пальцами въ жиръ.

— Въ этомъ пудовъ сорокъ будетъ,—произнесъ Чекманаевъ самодовольно, останавливаясь передъ быкомъ, лежавшимъ на землѣ.

Винокуръ замеръ въ умиленіи. Этотъ быкъ казался ему божествомъ!..

— Скоро отправлять будете?—спросилъ Воропаевъ.

— На той недѣлѣ. Ну-ка, Онисимъ, подними вонъ того, со звѣздочкой!—скомандовалъ онъ мужику.

Онисимъ сталъ расталкивать быка. Но такъ какъ онъ оставался совершенно нечувствительнымъ къ этимъ толчкамъ, то мужикъ взялъ большія трезубыя вилы и ткнулъ его ими въ бокъ. Быкъ издалъ слабое мычаніе, приподнялся на переднія ноги и опять тяжело рухнулъ на землю.

— Не стойтъ! На ногахъ не стоитъ... такъ отъѣлся...—замирая, шепталъ винокуръ, и у него даже слезы на глазахъ выступили.—Ну скотинка, ну бычки!..

Воропаевъ только вздыхалъ, кусая отъ зависти свои блѣдныя губы, и думалъ: „Чортъ ихъ знаетъ, и отчего это этимъ подлецамъ все удается? Милліоны вѣдь загребаетъ, мошенникъ,

а ты бьешься, бьешься, изъ кожи лѣзешь, и ничего, кромѣ долговъ "... Онъ вспомнилъ о давешней, молча проглоченной обидѣ, и даже зубы стиснулъ отъ прилива внутренней, не находящей себѣ выхода, злобы. „Мерзавецъ!.. Эхъ, обидѣли насъ, обидѣли, продали этимъ выскочкамъ... Кабы прежнее время,—на конюшнѣ бы его, такого-сякого, вздрать, а теперь... Теперь у него же денегъ занимать приходится“...

Между тѣмъ Чекманаевъ, который до сихъ поръ еще ни разу не взглянулъ на Наташу и даже какъ будто намѣренно ее игнорировалъ,—вдругъ обратился къ ней съ улыбкой торжества.

— Это все для вашего Питера, барышня! Все мы васъ кормимъ! Вы-то насъ ругаете,—такіе, сякіе, живодеры, кулаки,—а говядинку нашу кушаете, да похваливаете.

— Но зачѣмъ вы ихъ такъ откармливаете, что они двигаться не могутъ!—съ отвращеніемъ сказала Наташа.

— Нельзя-съ безъ этого. Еслибы мы ихъ такъ не кормили, то вѣдь къ вамъ въ Питеръ одни кости да кожа пришли бы! И кушали бы вы не бифштексы, а сушеную подошву. Имъ отсюда надо верстъ шестьдесятъ пѣшкомъ пройти, да на чугункѣ верстъ болѣе тысячи. Вотъ онъ, лишній жиръ-то, и растрясется.

— Да, они здорово въ вѣсѣ теряютъ,—глубокомысленно замѣтилъ Воропаевъ.

— Теряютъ-съ... И не столько на ходу, сколько на чугункѣ.

— Почему же?—спросила Наташа.

— Кто ихъ знаетъ!—равнодушно отвѣчалъ Чекманаевъ.—Корму не ѣдятъ, скучаютъ,—оттого и худѣютъ.

— Это они смерть свою чуютъ!—вмѣшался вдругъ мужикъ съ наивной улыбкой.

— Что ты глупости городишь? — проговорилъ Чекманаевъ недовольно.

— Вѣрно, хозяйнѣ. Они чуютъ... Вотъ когда овецъ у насъ на рѣзку отбираютъ, такъ вѣдь чтò ужъ такое, скажемъ теперича, овца—самая бездушная тварь на свѣтѣ,—а вѣдь передъ рѣзкой цѣльную ночь тоскуютъ, мечутся, корма не трогаютъ, ну, просто, жалости подобно! А когда рѣзать ихъ ведутъ, такъ хошь вѣрьте, хошь вѣтъ,—слезы у нихъ на глазахъ—право-слово!

— Ну довольно, буде болтать-то!—нахмурился, оборвалъ его Чекманаевъ, выходя изъ загородки. Гости послѣдовали за нимъ.

— Ну, чтò,—можетъ, теперь на бойню васъ провести или на салотопню?—обратился онъ къ нимъ, упоенный сознаниемъ своего могущества и силы.

— Нѣтъ, я, на бойню не пойду, — поспѣшно сказала Наташа. Чекманаевъ посмотрѣлъ на нее съ насмѣшливой улыбкой.

— А что? кушать любите, а смотрѣть не любите? Эхъ вы, нѣженки! Только говорить краснѣ умѣете, а все бы вамъ чужими руками жить! Когда хорошенькій бифштексъ вамъ подадутъ, — вы, небось, скушаете; а поглядѣть, какъ этотъ бифштексъ готовится — не хотите? Страшно, а? Въ обморокъ упадете?

— Я никогда больше не буду ѣсть мяса, — сказала Наташа. Она чувствовала, что Чекманаевъ правъ, и еще больше злилась на него именно за то, что онъ былъ правъ.

— Ну, ладно, — вымолвилъ Чекманаевъ, и обратился къ другимъ гостямъ. — А вы-то, господа, пойдете что-ли?

— Съ удовольствіемъ! Съ удовольствіемъ! — подпрыгивая, заявилъ винокуръ, у котораго отъ всѣхъ этихъ зрѣлищъ только разыгрывался аппетитъ.

Винокурша нѣсколько замаялась, раздумывая, прилечествуетъ ли ей, какъ образованной дамѣ, ходить на бойню, но любопытство взяло верхъ, и она присоединилась къ мужчинамъ. За нею потянулась и матушка, во всемъ ей подражавшая, и Любаша, по обязанностямъ службы. Вдругъ откуда-то послышался отчаянный, дикій ревъ... Всѣ вздрогнули.

— Что это такое? — спросилъ винокуръ.

— Быкъ реветъ, — равнодушно сказалъ Чекманаевъ. — Завтра рѣзать будутъ, такъ онъ кровь чуетъ.

— Пойдемъ отсюда скорѣе... — прошептала Наташа Ксанѣ, чувствуя, что у нея къ горлу подступаетъ тошнота. — Пойдемъ пожалуйста, — я не могу больше...

Онѣ торопливо пошли къ дому. На встрѣчу имъ попался работникъ, который тащилъ куда-то на плечахъ окровавленную тушу. Эта кровь, этотъ предсмертный вопль обреченнаго на убійство животнаго, быки, едва живые отъ жира, овцы съ курдюками въ полпуда вѣсомъ, запахъ сала, кожъ и прочихъ отбросовъ мертваго тѣла и, наконецъ, этотъ торжествующій кругомъ культъ брюха и денегъ — произвели на Наташу ошеломляющее впечатлѣніе. Ей хотѣлось какъ можно скорѣе бѣжать отсюда, зажавши уши, закрывъ глаза, и она шептала: „Никогда, никогда больше не буду ѣсть мяса“...

Когда онѣ вошли въ домъ, уже темнѣло, но огонь еще не былъ зажженъ. Растрепанная Нютка попалась имъ на встрѣчу.

— А гдѣ же барыня? — спросила Ксания.

Нютка что-то пробормотала и ткнула пальцемъ въ затворенную дверь.

— Антонида Васильевна, гдѣ вы?—окликнула Ксая, входя въ полутемную комнату.

— Я здѣсь,—отозвалась Антонида Васильевна, очевидно, съ кровати.—Вздремнула немного... Нюта, ты чего же огня не зажигаешь? Да ужинать скорѣе собирай...

Глаза подругъ уже освоились съ окружающей темнотой, и онѣ увидѣли Антониду Васильевну, лежавшую на постели.

— Ахъ, какъ не хочется вставать!—проговорила она, зѣвая.—Опять жрать, опять пить... Надоѣло!.. Ну, подите сюда, что-ли...

Наташа оглядѣлась, гдѣ бы сѣсть, и подошла къ кровати, какъ вдругъ изъ-подъ нея выскочило что-то большое, лохматое, черное и съ рычаніемъ кинулось на Наташу, больно вцѣпившись ей въ руку. Наташа вскрикнула.

— Ромашка! Кушъ, подлая! — закричала Антонида Васильевна, вскакивая съ постели.—А плети не хочешь? Смирно, тебѣ говорятъ... Это Ромашка,—обратилась она къ Наташѣ.—А что, больно укусила?

— Да,—отвѣчала Наташа, завертывая платкомъ до крови прокушенный палецъ.

— Ну-ка дайте... Ничего, до свадьбы заживетъ!—засмѣялась Антонида Васильевна.—Этакая подлая, что это съ ней сдѣлалось? Она только на Данилку такъ бросается. Ромашка, поди сюда!..

Собака, повизгивая и стуча хвостомъ по полу, подползла къ Антонидѣ Васильевнѣ.

— Ты какъ же это смѣешь, гадина?—говорила, лаская ее, Антонида Васильевна.—Развѣ на гостей моихъ можно бросаться? Я тебѣ задамъ... Вы не бойтесь, погладьте ее,—обратилась она къ Наташѣ.

Но едва Наташа протянула къ ней руку, Ромашка снова зарычала, оскалила зубы и забила подъ кровать. Наташа отшатнулась, а Антонида Васильевна поглядѣла на нее и расхохоталась непріятнымъ смѣхомъ. Потомъ она подошла къ шкафику у стѣны, достала оттуда бутылку и налила большую рюмку водки.

— Зачѣмъ это вы, Антонида Васильевна? — остановила ее Ксая.—Не пейте.

— Ну, вотъ еще, что такое? Хочу—и пью. Это у меня заѣтная... Данилка не знаетъ. Онъ думаетъ, я наливку пью, а я — водочку... При гостяхъ наливку, а у себя—водку. Оно крѣпче...

— Не пейте, пожалуйста, я васъ прошу! — продолжала Ксая. — Вы хоть для насъ не пейте, а то нехорошо выйдетъ. Данило Кузьмичъ разсердится.

— А мнѣ наплевать. Хоть лопни отъ злости! — Она залпомъ выпила рюмку и засмѣялась. — Фф!.. хорошо!.. Такъ и пошло по всѣмъ жилкамъ. Теперь мнѣ море по колено!

— Кажется, пришли, — сказала Ксая, прислушиваясь. — Пойдемъ, Наташа.

Но Наташа не пошла за нею и осталась сидѣть. Ей не хотѣлось опять смотрѣть на всѣ эти жирныя, самодовольныя лица, слушать одни и тѣ же разговоры о деньгахъ, о быкахъ, о социалистахъ.

— Ну что же, болитъ ручка-то? — спросила ее Антонида Васильевна, уже замѣтно охмелѣвшая. — Ха-ха... Подлецъ этакій! Ромашка, иси!

— Нѣтъ, не надо, пожалуйста! — сказала Наташа съ испугомъ.

— А чтò, боитесь? Ха... Ну, не надо. Лежи, Ромашка! Только вы не говорите при Данилѣ, что онъ васъ укусилъ, а то онъ опять его повѣсить велить.

— Зачѣмъ же я буду говорить?

— Ну, то-то. А ручка заживетъ... ха! Кто-нибудь поцѣлуетъ — она и заживетъ. У васъ есть кому поцѣловать, а? Не хотите говорить? Ну, и не надо... А я еще рюмочку выпью!

Она опять подошла къ шкафику.

— Будетъ вамъ, Антонида Васильевна! — сказала Наташа и хотѣла-было отнять у нея рюмку, но Антонида Васильевна грубо оттолкнула ее.

— Чтò вы лѣзете? Не ваше дѣло! — крикнула она. — Отойдите лучше, а то... укушу, какъ Ромашка... Молодецъ, — она знаетъ, что я васъ ненавижу. У, у, какая вы противная!..

— За чтò вы меня ненавидите, Антонида Васильевна? Вы ужъ это мнѣ второй разъ говорите.

— И еще скажу... А за чтò ненавижу, — за то, что вы мнѣ поперекъ дороги стали... И я еще вамъ...

Подъ кроватью послышалось сдержанное ворчаніе. Антонида Васильевна залпомъ выпила рюмку и заперла шкафъ.

— Данилка идетъ... — прошептала она.

Дѣйствительно, за дверью послышались шаги, и въ комнату вошелъ Чекманаевъ. Не замѣтивъ въ темнотѣ Наташу, онъ прямо подошелъ къ женѣ, схватилъ ее за руку и наклонился къ ней.

— Опять напилась, подлая? — прошипѣлъ онъ, но Антонида Васильевна вырвала у него свою руку и обратилась къ Наташѣ:

— Наталья Гавриловна, — громко сказала она. — Пойдемте ужинать!

Чекманаева всего передернуло.

— А, вы здѣсь, барышня? Извините, я васъ не видѣлъ, — сказалъ онъ угрюмо. — Чего это вы въ темноту забились? Сумерничаете что-ли? Кушать пожалуйста.

— Я не хочу.

— Ну, какъ это „не хочу“! Нельзя отъ хлѣба-соли отказываться, — это и хозяевамъ обидно, и передъ Богомъ грѣшно. Пойдемте-ка!

Онъ хотѣлъ-было взять ее за руку, но Наташа поспѣшно встала и пошла къ дверямъ. Когда она вышла. Чекманаевъ свирѣпо погрозилъ женѣ кулакомъ и тоже направился въ столовую.

XXVI.

Въ столовой уже былъ накрытъ большой столъ, и гости шумно размѣщались вокругъ него. Винокуръ, потирая руки, жадно посматривалъ на обильную закуску, разставленную вокругъ бутылокъ съ водкой и наливкой.

— Водочка-наливочка, — сладко сюсюкая, приговаривалъ онъ. — Сладенькая-горьконькая... красненькая-бѣленькая!.. А вотъ мы сначала выпьемъ горьконькой, а потомъ сладенькой закусимъ!..

Всѣ разсѣлись и принялись за ѣду, причемъ Любаши не было за столомъ — она ужинала гдѣ-то отдѣльно. Кушаній было много, но всѣ они были приготовлены неряшливо и невкусно; жирная индюшка была полусырая, и притомъ ее подали неразрѣзанной, такъ что самъ Чекманаевъ своими грязными руками разрывалъ ее на части и раскладывалъ гостямъ по тарелкамъ. Во время этой операціи сало текло у него по пальцамъ, и онъ облизывалъ ихъ, нисколько не церемонясь. Въ разварной рыбѣ попадались какія-то щепки, а слоенный пирогъ съ вареньемъ былъ до того пропитанъ масломъ, что его противно было взять въ ротъ. Но все это нисколько не мѣшало гостямъ кушать съ аппетитомъ, обильно заливая кушанья водкой. Особенно жадно ѣлъ винокуръ, — онъ какъ-то урчалъ, точно голодная собака, глоталъ огромные куски и, еще не доѣвъ, уже высматривалъ глазами на блюдѣ новый кусокъ. Чекманаевъ тоже ѣлъ много и, обчистивъ свою тарелку, взялъ еще кусокъ хлѣба и руками сталъ его макать въ подливку на общемъ блюдѣ. На Червономъ хуторѣ тоже ѣли много и аппетитно, но здѣсь ѣда принимала просто гомери-

ческіе размѣры, и Наташа только удивлялась, какъ это можно такъ ѣсть. Ей стало, наконецъ, дурно отъ запаха кушаній, отъ этого чавканья и смакованья, отъ жира, лившагося у всѣхъ по пальцамъ, и она съ отвращеніемъ глядѣла на ужинающихъ. У всѣхъ были красныя, потныя лица, лоснящіяся отъ сала и удовольствія, глаза сверкали, губы были точно въ крови отъ наливки. Даже блѣдный Воропаевъ раскраснѣлся, и на его лбу выступили крупныя капли пота... Это была картина совершенно во вкусъ Раблѣ, и передъ Наташей воочию воскресали безсмертные типы Гаргантюа и его папаши, Грангузье.

А въ открытыя окна доносился жалобный ревъ приговореннаго къ смерти быка...

— Чтѣ же вы не кушаете?—обратился Чекманаевъ къ Наташѣ,—онъ хотя пилъ мало, но казался опьянѣвшимъ, и въ его глазахъ, когда онъ смотрѣлъ на Наташу, появился какой-то особенный влажный блескъ.

— Я не хочу...

— Онѣ не привыкли!—вступилась винокурша, которая почувствовала что-то вроде ненависти къ этой блѣдной дѣвушкѣ съ такими внимательными, точно въ душу заглядывающими глазами.—Тамъ вѣдь у нихъ въ Питерѣ не по-нашему,—тамъ все порціями.

— Ну, это въ Питерѣ,—сказалъ Чекманаевъ, кладя Наташѣ на тарелку огромный кусокъ пирога.—Въ Питерѣ тамъ пускай себѣ какъ хотятъ, а у насъ въ степи надо ѣсть сколько влѣзеть.

— Нѣтъ, ужъ вы не невольте ихъ, Данило Кузьмичъ!—продолжала винокурша язвительно.—А то онѣ желудочекъ разстроить. Въ Питерѣ-то и не ужинаютъ никогда.

— Какъ такъ не ужинаютъ?—спросилъ винокуръ съ ужасомъ.

— Ей Богу, не ужинаютъ! Мнѣ одна знакомая рассказывала, и я сама въ „Лучѣ“ читала. Подадутъ чайку жиденькаго, да селедочку кусочками нарѣжутъ,—вотъ тебѣ и все!

— Господи-Батюшка, да какъ же это безъ ужина? Да еслибы меня хоть одинъ разъ безъ ужина оставили,—я бы сію минуту издохъ!

— Ну да вѣдь это ты, а то онѣ! Самъ видишь, какое у нихъ деликатное сложеніе...

Винокуръ уставился на Наташу и захихикалъ.

— Ну, это не въ моемъ вкусѣ!—откровенно заявилъ онъ.—Худенькихъ не люблю...

— Нѣтъ, ничего и худенькая,—возразилъ Чекманаевъ, не

сводя глазъ съ Наташи и напряженно улыбаясь.—Слова нѣтъ, хорошъ битюгъ, — ну, зато въ поджаристой лошадеѣ перцу больше...

— Не раздѣляю! Не раздѣляю!—кричалъ винокуръ.—Мы—люди степные, намъ постная говядина не во вкусъ! Ужъ намъ ежели индюка, такъ подай такого, чтобы съ добраго теленка былъ; ужъ ежели овцу, такъ чтобы у ней курдюкъ въ два пуда вѣсомъ; ну и барыня ежели, такъ чтобы настоящая была, чтобы прижать было что, чтобы чуялъ, что въ рукахъ-то у тебя не обглодокъ собачій, а баба...

Тутъ бесѣда приняла нѣсколько отервенный характеръ, и поощренный винокуръ сталъ уже рассказывать какой-то нецензурный анекдотъ, а совершенно опьянѣвшій Воропаевъ сваталъ хлѣбный шарикъ и запустилъ его винокуршѣ за воротникъ. Винокурша завязжала, вскочила и начала вытрясать свои юбки; поднялся бурный хохотъ; винокуръ вдругъ для чего-то залѣзъ подъ столъ и началъ кудахтать, какъ курица.

— Слушай, Ксая, поѣдемъ, пожалуйста!—прошептала Наташа.—Знаешь, мнѣ очень дурно...

Она встала и вышла изъ комнаты. Въ передней она увидѣла Любашу, которая стояла лицомъ къ окну и плакала.

— Что это съ вами?—спросила ее Наташа съ участіемъ.

Любаша не отвѣчала и еще сильнѣе зарыдала.

— Васъ вѣрно кто-нибудь обидѣлъ?—тихонько обнимая ее за талію, продолжала Наташа.—Непремѣнно ваша тетенька противная... Уйдите вы отъ нея скорѣе!

— Куда же... я уйду?.. Я никуда не гожусь... такая... И такъ тетенька говоритъ, что я лѣнтяйка... ничего не дѣлаю... кто меня возьметъ?

— Э, вздоръ! Это она васъ запугать хочетъ! Какъ это вы никуда не ходите? Мнѣ сейчасъ Ксая рассказывала, что вы и шить, и вышивать умѣете, и бѣлье стираете, и гладите,—да вы этимъ себѣ такія деньги можете заработать, что и брату могли бы помочь.

— Да нѣтъ, гдѣ же... Какъ я одна?.. Меня тетенька ни за что не отпустить...

— Оставьте вы вашу тетеньку!.. Да вотъ что лучше: вы пріѣзжайте какъ-нибудь къ намъ на хуторъ,—мы потолкуемъ, какъ вамъ отъ тетеньки избавиться. Если вамъ деньги будутъ нужны, такъ мы и денегъ найдемъ. У меня есть немного... и я Ксаню попрошу, она поможетъ. Слышите?

— Господи, какія вы добрыя!—прошептала горбунья, но

сейчасъ же снова заплакала.—Да нѣтъ... ничего не выйдет... и лучше въ монастырь пойду...

— Любаша!—послышалось изъ столовой. Дѣвушка нѣсколько вытерла свои заплаканные глаза и побѣжала на зовъ.

Гости прощались. Всѣ по очереди подходили къ хозяину и хозяйкѣ, благодарили ихъ за угощеніе и рассыпались въ любезностяхъ. Винокурша опять потеряла свой платокъ, кричала на Любашу и толкала ее; Любаша бѣгала по всѣмъ комнатамъ, лазала подъ диванъ, но платка нигдѣ не было. Но винокурша вдругъ вспомнила, что положила его въ зонтикъ, и моментально успокоилась. Всѣ вышли на крыльцо. Полный мѣсяцъ уже сіялъ на небѣ; степь утопала въ серебристо-голубой пыли; короткія черныя тѣни отъ хуторскихъ строеній ярко и рѣзко очерчивались на землѣ. Навозныя кучи, соръ и грязь—все исчезло, какъ въ сказкѣ, подъ ливнемъ лунныхъ лучей,—только ревъ быка, доносившійся съ бойни, нарушалъ сказочное очарованіе голубой ночи. У крыльца стоялъ шарабанъ; но такъ какъ остальные гости всѣ шли пѣшкомъ до Лазоревой, то и Ксаня рѣшила пройти съ ними. Чекеманаевъ предложилъ было запрячь дрожки, но винокурша заявила, что послѣ такого ужина непременно надо „протрястись“, и ея спутники съ нею согласились. Въ шарабанъ посадили какого-то мальчишку, и общество двинулось въ путь, подъ предводительствомъ винокурши, которую поддерживали—съ одной стороны Любаша, а съ другой—молодая матушка. Чекеманаевъ простеръ свою любезность до того, что пошелъ даже провожать гостей.

— Ну, что же, барышня, пріѣдете что-ли въ другой разъ-то, а нѣтъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Наташѣ.

— Благодарю васъ,—холодно вымолвила Наташа.

— То-есть, какъ это понимать?—съ усмѣшкой продолжалъ Чекеманаевъ.—Въ вѣжливой формѣ—отказъ что-ли? Вы вѣдь, питерскіе, люди тонкіе,—не извинившись, не плюнете. А по-нашему такъ: заранее-то благодарить нечего, а коли мы вамъ не противны, пріѣзжайте почаще, да и все тутъ. Мы гостямъ рады и угостить съумѣемъ.

— Дѣло не въ угощеніѣ...—вырвалось у Наташи.

— Ну, это опять по-вашему, а у насъ въ степи такъ говорится: въ пустую хату и собаку не приманишь, а на медъ и медвѣдь пріѣзжитъ; пирогъ на столѣ, и пріятель на дворѣ, а на пустыя щи—друга не ищи! Вотъ какъ по-нашему! Хорошо?

— Ничего,—иронически отозвалась Наташа.

— Подсмѣиваться изволите? А вотъ поживете и увидите,

что все это — истинная правда. Эхъ, барышня вы моя милая, больно вы все по-книжному разсуждаете, по-фарисейски! А вы плюньте-ка на книжки, да начните жить по-настоящему, и окажется, что всѣ эти книжки ваши—ни черта не стоятъ. Вѣрно говорю.

— А что вы называете—„жить по-настоящему“?

— А такъ, чтобы себя ни въ чемъ не стѣснять. Чего захотѣлъ, то и сдѣлалъ. Хочется ѣсть—ѣшь, хочется властвовать—властвуй; а что тамъ насчетъ того, что, молъ, такъ ли я дѣлаю, да хорошо ли, да кабы кого не обидѣть,—это все одна проволочка времени. Думай-не-думай—все къ одному придешь, что своя рубашка ближе къ тѣлу, и какъ ты ни живи,—все равно, одинъ каюкъ будетъ! Затѣмъ же жизнь-то изъ-подъ рукъ упускать, ежели такое дѣло?

— Какая-то волчья философія...—замѣтила Наташа вскользь. Чекманаевъ захохоталъ.

— Ядовитая вы барышня... Ну, да оно не больно страшно,—толстую кожу и змѣя не беретъ. А у меня, барышня, кожа на семи дубахъ дублена, ее не проймешь. И никакими вашими принципами и идеями вы меня не испугаете, и съ своей дороги я не сворочу. Ваши принципы только для того и выдуманы, чтобы дураковъ за носъ водить.

— Почему вы знаете, какіе у меня принципы?

— Э, вы думаете, что я только быковъ да барановъ умѣю щупать! Нѣтъ-съ, и мы тоже кое-что въ психологіи смекаемъ. Я какъ поглядѣлъ на васъ, такъ и подумалъ: барышня-то на идейныхъ дрожжахъ замѣшана, въ вольномъ духу,—изъ евашии такъ и вылѣзаетъ. Либертэ, егалитэ и все прочее такое... Помните насчетъ нагаечки-то? А? Глазки-то, глазки-то такъ и разгорѣлись... А вѣдь я васъ нарочно тогда дразнилъ.

— Затѣмъ же вы это дѣлали?—съ негодованіемъ воскликнула Наташа.

— А чтобы вы мнѣ свои козыри показали. Я въ темную не люблю играть,—въ открытку не въ примѣръ веселѣе,—вотъ какъ на кулачкахъ. Выходи глазъ на глазъ, грудь на грудь, да засучивай рукава, а тамъ посмотримъ: кто сильнѣе, тотъ и одолѣетъ. Какъ по вашему, а?

— Не знаю, я на кулачкахъ никогда не дралась,—отвѣчала Наташа и хотѣла-было отойти въ сторону, но Чекманаевъ ее остановилъ.

— Пойдите, куда же это вы? Нешто и попрощаться не желаете? Э, да что это у васъ ручка-то завязана? Болитъ,

что-ли? Ну, все равно, дѣвую давайте,—мнѣ еще лучше, къ сердцу ближе...

Онъ схватилъ руку Наташи, крѣпко стиснулъ ее въ своей могучей лапѣ... и вдругъ рѣзко, грубо потянулъ дѣвушку къ себѣ. Наташа громко вскрикнула.

— Ахъ, батюшки, что это?—съ испугомъ сказала винокурша, оборачиваясь.

— Ничего,—съ страннымъ смѣхомъ проговорилъ Чекманаевъ.—Вотъ хотѣлъ съ барышней попрощаться, да, знать, неловко ручку ей пожалъ.

— Ерусланъ Лазаревичъ! Ерусланъ Лазаревичъ! — въ восторгѣ завопилъ винокуръ, юля около Чекманаева.—Силище-то какая: за руку возьметъ—рука прочь, за голову возьметъ—голова прочь...

— Ну, братъ, у дураковъ головы крѣпкія,—объ нихъ и самъ себѣ всѣ руки обломаетъ,—грубо сказалъ Чекманаевъ и, наскоро со всѣми попрощавшись, быстро пошелъ назадъ.

— Какой прелестный мужчина! — воскликнула винокурша ему вслѣдъ. — Я его просто обожаю! И какая жалость, подумайте: при такомъ капиталѣ семейныя непріятности!

— Какія непріятности?—спросила Ксая.

— Да Антонида Васильевна-то... Неужли вы не замѣтили? На ногахъ вѣдь не стоитъ,—до такой „оппозиціи“ дошла. Рюмка за рюмкой, рюмка за рюмкой, а на конецъ того—стаканами начала глушить.

— Да вѣдь и мы съ вами тоже не отставали! — смѣясь, возразила Ксая.

— Ахъ, Боже мой, это совсѣмъ другой „инцидентъ“! — обидѣлась винокурша.—Отчего не выпить для гуманности, въ пріятной компаніи,—я въ „Лучѣ“ читала, что даже въ высшемъ свѣтѣ дамы легкое вино употребляютъ. А вѣдь это ужъ что же такое; это ужъ до потери всякаго градуса! И потомъ, замѣтьте, на примѣръ: индюшка была совсѣмъ сырая, пирогъ—недопеченный,—пріятно ли это хозяйскому сердцу?

Винокурша попала на своего любимого конька и долго бы еще распространялась на эту тему, но въ эту минуту вдругъ Воропаевъ, вдохновившись лунной ночью, неистовымъ голосомъ заоралъ:

„Андалузская н-ночь горяч-ча, горяч-ча“...

— Тыфу, чтобъ тебѣ!..—сказалъ винокуръ, вздрогнувъ отъ неожиданности.—Вотъ глотка-то,—точно у черкасскаго быка.

А Воропаевъ, не обращая вниманія на критическія замѣчанія, продолжалъ:

„Въ этомъ зноѣ и стр-расти безсильны,
Такъ что д-даже спад-даетъ съ крутого плеч-ча
Отъ бѣнія сердца мантилья“...

У Лазоревой всѣ распростились, и Ксая съ Наташей сѣли въ свой шарабанъ. Всю дорогу подруги молчали: у Наташи мучительно ныла укушенная рука и такъ же мучительно ныла и болѣла душа; Ксая, чувствуя, что ей не по себѣ, не заговаривала съ нею. Только когда Лазоревая уже осталась далеко позади, и шарабанчикъ ихъ занырялъ между двумя стѣнами шпеницы, Наташа вздохнула всей грудью и съ удовольствіемъ подумала о томъ, что скоро онѣ опять будутъ на Червономъ хуторѣ. Она испытывала такое ощущеніе, точно проснулась отъ тяжелаго сна, и ей нетерпѣливо захотѣлось скорѣе очутиться въ своей уютной комнаткѣ, увидѣть тѣнистый садъ, Максима Григорьевича, Степана, даже Олимпиаду... только бы освободиться изъ-подъ власти грубыхъ и отвратительныхъ впечатлѣній дня...

— Боже мой, Боже мой!—проговорила она.—Какъ могутъ они такъ жить? Вѣдь это не жизнь... это какой-то кошмаръ!..

— Ну, это тебѣ съ непривычки такъ кажется!—возразила Ксая безпечно.—А вѣдь живемъ же... и всѣ такъ живутъ.

— Вотъ это-то и страшно...—продолжала Наташа, и вспомнила о бѣдной горбунѣ.—Знаешь, Ксая, сдѣлаемъ что-нибудь для этой несчастной Любаши;—миѣ ее смертельно жаль. Вытащимъ ее изъ когтей тетеньки!

— Ничего не выйдетъ!—равнодушно промолвила Ксая.—А впрочемъ, если что-нибудь придумаешь,—я помогать буду, хоть бы для того, чтобы насолить этой жирной винокуршѣ. Терпѣть ее не могу,—сплетница страшная!

— А сама съ ней цѣловалась при прощаньѣ!—съ упрекомъ сказала Наташа.

Ксая засмѣялась.

— Чудачка ты! Да вѣдь нельзя же со всѣми разссориться и сидѣть сычомъ на своемъ хуторѣ! Вотъ и притворяешься, и любезничаешь, а въ душѣ готова носъ откусить. Что же дѣлать-то? Вѣдь вездѣ такъ.

— Нѣтъ, ты испортилась, Ксая. Ты прежде не такая была.

— Ну, мало ли что было прежде!..—сказала Ксая и потнала лошадь быстрѣе. Дорога бѣжала передъ ними, словно

серебряная рѣка; серебряные колосья безмолвно разступались въ обѣ стороны, даль была прозрачна и ясна. Каждый кустикъ, каждая былинка были видны отчетливо, какъ днемъ,—и въ то же время нигдѣ ни звука, ни шороха, ни малѣйшаго движенія... Было что-то жуткое въ этомъ сочетаніи безмолвія и неподвижности съ яркими потоками луннаго свѣта, заливавшего небо и землю.

— Ну, скоро дома будемъ! — сказала Ксая. — Вонъ ужъ Настасьинъ курганъ показался!

Наташа быстро оглянулась влѣво,—легкая дрожь пробѣжала у нея по спинѣ. Курганъ былъ едва виденъ въ серебристой дымкѣ,—но на вершинѣ его что-то какъ будто смутно маячило. Наташа закрыла глаза и отвернулась... „Что-то теперь дѣлаетъ Степанъ?“—подумала она, и ее еще сильнѣе потянуло домой.

XXVII.

Наташа сидѣла на балконѣ, окруженная своими учениками, и заставляла ихъ писать буквы подъ диктовку, а Ксая съ скучающимъ лицомъ бродила взадъ и впередъ, жалуюсь на жару и увѣряя, что ни за что не можетъ приняться. Дѣйствительно, день былъ знойный, листья на деревьяхъ свернулись и печально повисли, трава поникла и прилегла къ землѣ. Однако, занятія у Наташи шли довольно бодро. Старшій сыннишка овчара, Кирюшка, высунувъ языкъ и прищутивъ лѣвый глазъ, тщательно выводилъ на доскѣ неуклюжія, растопыренные буквы; сестрѣнка его, Васютка, вытягивая шею, старалась заглянуть къ нему въ доску,—буквы брата приводили ее въ восхищеніе, и она желала бы писать такъ же, но у нея ничего не выходило, грифель скользилъ и скрипѣлъ, и въ довершеніе всего—дочь садовницы, Наджа, толкала ее подъ столомъ ногой и мѣшала сосредоточиться. Бѣдная дѣвочка пытѣла, потѣла, безпрестанно плевала на доску и стирала все написанное, наконецъ пришла въ полное отчаяніе и обратила жалобный взоръ на Наташу.

— Ты что, Васюта? Жарко тебѣ?—спросила Наташа, глядя на красное, мокрое личико Васютки съ прилипшими ко лбу бѣлыми волосиками.

— Не... не жарко... больно трудно писать. Чево-й-то не выходитъ... Ишь, Кирюшка-то—хорошо пиша!..—съ завистью прибавила она.

— Да вѣдь и ты будешь такъ писать, — подожди! — ободрила ее Наташа. — Ну-ка, дай сюда доску, я тебѣ покажу...

Она показала ей, какъ надо писать, и Васютка съ новымъ рвеніемъ принялась за дѣло. Но дочь садовницы продолжала толкать ее ногой и, наконецъ, таинственнымъ шопотомъ сообщила, что у нея подъ столомъ есть какой-то „земной шарикъ“ (наканунѣ Наташа рассказывала имъ объ обращеніи земли вокругъ солнца). Васютка долго крѣпилась, наконецъ не устояла противъ соблазна и запустила глаза подъ столъ. Земной шарикъ оказался клубкомъ зеленой шерсти, привѣшеннымъ за нитку къ ножкѣ стола, и Надька довольно искусно приводила его въ вращательное движеніе, причемъ указательный палецъ лѣвой руки игралъ роль солнца, а правая въ это же самое время, повидимому, необыкновенно заботливо выписывала на доскѣ буквы. Простодушная Васютка такъ заинтересовалась Надьиной астрономіей, что совершенно забыла о буквахъ, и своею разсѣянностью выдала секретъ. Существованіе „земного шарика“ подъ столомъ было открыто, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовало и другое открытіе, — что клубокъ зеленой шерсти былъ тотъ самый, который на-дняхъ исчезъ изъ Ксаниной рабочей корзинки. Началось судебное разбирательство, въ которомъ приняла участіе и Ксанинъ; Надька упорно заперлась въ присвоеніи клубка и сваливала все на Васютку, Васютка жалобно моргала глазами, ничего не понимая, и, наконецъ, обѣ расплакались въ то время, какъ Наташа читала имъ назидательную рѣчь о безнравственности присвоенія чужой собственности. Въ самый разгаръ ея проповѣди на балконъ вошелъ Степанъ и, какъ показалось Наташѣ, съ насмѣшливымъ вниманіемъ сталъ прислушиваться. Наташа разсердилась и на него, и на себя, покраснѣла, спуталась и, оборвавъ свое назиданіе на половинѣ, перешла опять къ диктовкѣ. Но присутствіе Степана ее стѣсняло, урокъ разстроился, и она поспѣшила отпустить дѣтей по домамъ, а сама съ худо скрываемой досадой стала собирать со стола разбросанную подвижную азбуку, бумагу и карандаши.

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ? — спросилъ Степанъ.

— Нѣтъ, ничего... — солгала Наташа, не глядя на него, чтобы не выдать своего неудовольствія.

— Ну нѣтъ, я ужъ вижу, что помѣшалъ. У васъ тутъ такая идиллія была — въ самомъ ультра-народническомъ духѣ: буквари, указки, маленькіе сопливые пейзажики „по печатному читаютъ, пальчикомъ вода“, — и въ центрѣ всего этого вы, какъ вопло-

щеніе извѣстной истины: „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“!.. А я пришелъ и все разстроилъ.

— Зачѣмъ вы смѣтаетесь, Степанъ Павловичъ?

— Развѣ я смѣюсь? Кажется, я не похожъ на человѣка, „который смѣется“.

— Конечно, смѣтаетесь,—и давеча смѣялись, и теперь смѣтаетесь. И я хотѣла бы знать, что такое въ моихъ занятіяхъ съ этими дѣтьми вызываетъ вашу насмѣшку?

— Не насмѣшку, Наталья Гавриловна, а скорѣе грусть.

— Почему грусть?—запальчиво спросила Наташа.

— Да потому, что ничего не выйдетъ изъ всего этого!—Степанъ указалъ на буквы и грифельныя доски.—Рѣшительно никакого толку. И мнѣ грустно смотрѣть, что вы тратите время даромъ. Вы вѣрите въ гомеопатію?

— Нѣтъ, не вѣрю.

— Ну, а вѣдь это тоже своего рода гомеопатія. Какъ вы не вылечите болѣзнь каплею лекарства, разведеннаго въ океанѣ, такъ никому не принесете ни малѣйшей пользы, выучивъ разбирать кое-какъ буквы пару сопливыхъ ребятъ. Это—такая же капля въ морѣ нашего поголовнаго невѣжества и бѣдности.

— А если этихъ капель много?

— Да, еслибы было много... А вы можете сказать, что ихъ много?

Наташа вспыхнула, закусилла губы и промолчала.

— Ну вотъ видите, вы не знаете. Увѣренность въ производительности труда даетъ силу трудиться, а у васъ этой увѣренности нѣтъ. Заставьте человѣка наливать водой бездонную бочку, и онъ сойдетъ съ ума. Вы тоже наливаете бездонную бочку, и мнѣ васъ жалъ.

— Благодарю васъ... Значить, я тоже сойду съ ума?

— Съ ума, можетъ быть, не сойдете, но горькія разочарованія испытаете несомнѣнно, если не будете умышленно закрывать глаза на результаты своей дѣятельности. Есть вѣдь такіе люди, которые всю свою жизнь вертятся, какъ бѣлка въ колесѣ, и сами знаютъ, что ничего изъ этого верченія не выходитъ, но все-таки стараются увѣрить себя и другихъ, что они ужасно много дѣлаютъ.

— Стало быть, по-вашему, мнѣ надо бросить свое учительство?—нервно смѣясь, спросила Наташа.

— Ну, ужъ это ваше дѣло.

— А я бы бросила на твоёмъ мѣстѣ, Наташка, — неужи-

данно вмѣшалась Ксаня, сидѣвшая на ступенькахъ съ вышиваньемъ въ рукахъ. — И что тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, за охота возиться съ этими противными ребятишками? Грязные, гадкіе, шалуны, воришки, и ты еще съ ними нянчишься. Я бы надávalа имъ подзатыльники, да выпроводила вонъ, — вотъ тебѣ и все!

— У моей сестрицы всегда самое простое разрѣшеніе всякихъ вопросовъ, — усмѣхнулся Степанъ.

Наташа, взволнованная, сердитая, съ нахмуренными бровями, взяла всѣ свои учебныя принадлежности и, молча, пошла къ дверямъ. Степанъ провожалъ ее глазами и вдругъ замѣтилъ, что рука ея завязана.

— Что это у васъ съ рукой? — спросилъ онъ, подходя къ Наташѣ.

— А это ей собака укусила, — отвѣчала Ксаня за подругу.

— Когда, какая собака? — съ беспокойствомъ продолжалъ Степанъ.

— Да Ромашка Антонины Васильевны. Сѣверная собачонка, злющая всегда была, но хоть не кусалась, а тутъ вдругъ бросилась на Наташку и прямо въ руку... А эта дура еще смѣется.

— Покажите мнѣ, пожалуйста! — сказалъ Степанъ, поблѣднѣвъ.

— Да зачѣмъ это? — съ неудовольствіемъ возразила Наташа. — Такіе пустяки, — уже заживаетъ.

— Нѣтъ, позвольте ужъ посмотрѣть, — все-таки я вѣдь медицину-то немножко изучалъ, — настаивалъ Степанъ.

Наташа нѣхотя протянула руку, и Степанъ неловко сталъ снимать бинтъ. Ранка, дѣйствительно, уже заживала, хотя палецъ сильно опухъ и не сгибался.

— Экая дичь! — сквозь зубы проговорилъ Степанъ, наклонившись надъ рукой Наташи и разсматривая опухоль. — Зачѣмъ вы ѣздили къ Чекиманевымъ?

— Да такъ, хотѣлось посмотрѣть. Теперь въ другой разъ уже не поѣду.

— Не ѣздите... — серьезно сказалъ Степанъ, не выпуская Наташиной руки и еще ниже наклоняясь надъ нею. — Это нехорошее мѣсто... Тамъ не только палецъ, — душу изуродуютъ, — и не поморщатся...

Онъ вдругъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, оттолкнулъ Наташину руку и выпрямился.

— Завяжите... — отрывисто сказалъ онъ, отходя въ сторону и ища глазами свою фуражку.

— Куда же ты?—спросила Ксая, бросая свое вышиванье и потягиваясь.—Посидѣлъ бы съ нами... такая скука!

Степанъ пробормоталъ что-то невнятное, отыскалъ фуражку и, ни на кого не глядя, поспѣшно спустился съ балкона и исчезъ. Наташа въ смущеніи посмотрѣла ему вслѣдъ и стала медленно забинтовывать руку.

В. І. ДМИТРИЕВА.

ОПЫТЪ

КАКЪ

ИСТОЧНИКЪ ЗНАНІЯ

И НОВѢЙШАЯ КЛАССИФИКАЦІЯ НАУКЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Всѣми, безъ различія, признается за аксіому, а именно, что воспитаніе, обученіе, собственный опытъ, разныя положенія въ жизни и состоянія, въ которыхъ намъ приходится находиться, внушенія другихъ, чтеніе книгъ, слушаніе лекцій, театральныя зрѣлища и т. п.—все это болѣе или менѣе оказываетъ на насъ вліяніе, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько это вліяніе захватываетъ потребности нашей индивидуальной жизни и жизни въ обществѣ. Вліяніе выказывается именно тѣмъ, что мы поступаемъ уже иначе, чѣмъ прежде, относительно однажды испытаннаго нами. Одно простое узнаваніе предмета, личности, пройденнаго пути и т. п.—непремѣнно отражается и на нашемъ поведеніи. Возьмемъ нѣсколько самыхъ обыденныхъ примѣровъ пріобрѣтенія нами различнаго рода знаній.

Опоздавъ въ первый разъ пять минутъ въ концертъ, нахожу входную дверь запертою,—надо ждать конца исполненія перваго музыкальнаго нумера. Въ слѣдующій разъ пріѣзжаю за нѣсколько

минуть до начала; я уже *знаю*, чему буду подвергнутъ, если опоздаю. Практика жизни научаетъ насъ такимъ образомъ соблюдать правила приличія и установленный порядокъ, подѣ страхомъ быть наказаннымъ въ случаѣ ихъ нарушенія.

Или, напримѣръ, игрокъ, послѣ подрядъ испытанныхъ неудачъ, въ то время, когда къ нему подсаживается такой-то господинъ, наконецъ обращается къ нему съ просьбой держать себя поодаль отъ его стула. Онъ *знаетъ*, что приближеніе этого господина влечетъ, будто бы, за собой неминуемый проигрышъ. И, въ извѣстномъ кругу, такой поступокъ не только не считаютъ лишеннымъ основанія, но, обыкновенно, присаживаясь къ играющему, спрашиваютъ на это разрѣшеніе.

Ребенокъ взялся за стекло только-что потушенной имъ лампы и обжегъ себѣ пальцы. Въ слѣдующій разъ, потушивъ лампу, онъ уже ждетъ, пока стекло остынетъ; онъ теперь *знаетъ*, что нельзя тотчасъ хватать его.

Еще примѣръ. Изъ курса физики я узналъ, что свѣтъ пролетаетъ пространство почти съ неизмѣримой быстротой, тогда какъ звукъ передается несравненно тише, проходя всего около 158 саж. въ секунду. Счетомъ секундъ, отъ момента, когда мелькнула молнія, до момента, когда послышался громъ, я, умножая 158 на число секундъ, опредѣляю разстояніе, въ которомъ отъ меня находится гроза; я пользуюсь моимъ *знаніемъ*, чтобы своевременно отъ нея укрыться.

Но вотъ примѣръ совсѣмъ другого рода. Я прочелъ двѣ книги: въ одной говорится, что для государства необходима протекціонная система, т.-е. высокія пошлины на ввозимые товары, для преуспѣянія отечественной промышленности, а въ другой книгѣ, наоборотъ, проповѣдываютъ снятіе всякихъ пошлинъ, послѣдствіемъ чего будетъ общее благоденствіе отъ значительнаго удешевленія нужныхъ предметовъ. *Зная* содержаніе этихъ двухъ книгъ, я буду, въ бесѣдѣ, при удобномъ случаѣ, цитировать то, что въ нихъ сказано, и этимъ выкажу свои познанія. Самый же вопросъ, чему отдать предпочтеніе—протекціонизму или свободному обмѣну—останется еще неразрѣшеннымъ, пока я не получу болѣе вѣскихъ указаній.

Или: вернувшись съ лекціи о Кантѣ, слушатель особенно остался подѣ влияніемъ слѣдующихъ изреченій знаменитаго профессора: „Вопросъ о человѣческомъ знаніи раздѣлялъ философовъ на два противоположныхъ лагеря: одни полагали, что знаніе всецѣло опредѣляется опытомъ, и что всѣ матеріалы доставляются ощущеніемъ и перерабатываются размышленіемъ; другіе же были

того мнѣнія, что отъ ощущенія зависитъ только часть нашего знанія. Эта вторая школа утверждала, что существуютъ такіе элементы знанія, которые не могутъ быть выведены изъ ощущенія и вовсе не подлежатъ ему...

„Изученіе собственнаго сознанія привело Канта къ заключенію, что ни то, ни другое изъ обычныхъ объясненій происхожденія знаній неправильно. Такія отвлеченныя идеи, какъ идея времени, пространства, причинности, вѣчности и т. д., не могутъ быть сведены къ одному опыту, а съ другой стороны, идеи эти, хотя онѣ и *априорны*, не могутъ считаться абсолютно независимыми отъ опыта, такъ какъ онѣ суть лишь какъ бы *формы* (необходимыя условія) нашего опыта.

„Умъ—утверждаетъ Кантъ—вноситъ въ актъ воспріятія свои элементы, облекая ихъ въ извѣстныя присущія ему формы или, иначе, предъявляя ихъ обусловленными извѣстнымъ образомъ. Эти формы, представляющія способы умственной дѣятельности, только и дѣлаютъ возможнымъ воспріятіе. Еслибы у насъ были одни лишь ощущенія, т.-е. еслибы въ то время, когда на насъ дѣйствуютъ объекты, мы съ своей стороны не оказывали бы на нихъ *воздѣйствія*, то получилось бы нѣчто подобное игрѣ вѣтра на эоловой арфѣ; опытное знаніе было бы невозможно. Оно можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда умъ схватываетъ объекты въ связи съ формами воспринимающей способности“...

Послѣ нѣкоторыхъ сопоставленій, профессоръ высказалъ слѣдующее:

„Мы видимъ, такимъ образомъ, что умъ, съ своей стороны, присоединяетъ къ чувственному опыту нѣчто, не только не зависящее отъ него, но и обладающее свойствомъ той достовѣрности и всеобщности, на которыя опытъ никогда не можетъ претендовать. Достовѣрность опыта всегда условна, и его выводы, какъ бы онъ ни былъ богатъ, никогда не могутъ имѣть характера всеобщности; по прошествіи тысячи лѣтъ, онъ можетъ оказаться ошибочнымъ. Вообще, *только то, что основано не на опытѣ, а на законахъ ума, становится неотразимой истиной*, находящей всеобщее и необходимое признаніе, со стороны всѣхъ людей“...

Послѣ того, какъ былъ найденъ *принципъ достовѣрности*, оставалось только опредѣлить, насколько онъ можетъ служить основаніемъ нашихъ знаній. Кантъ показалъ, что „на этомъ принципѣ покоятся всѣ науки“ ¹⁾.

¹⁾ „Исторія философіи“, Льюиса въ русск. перев., стр. 545—550.

Лекція *опушила* слушателю такую мысль, что онъ сталъ смотрѣть свысока на кропотливые труды экспериментатора, неизбежно, значитъ, впадающаго въ ошибки, тогда какъ только въ апріорныхъ идеяхъ и законахъ ума заключенъ принципъ достовѣрности:

Еще болѣе внушающею является *позитивная философія* Огюста Конта, о которой онъ самъ въ общихъ выраженіяхъ высказывается такимъ образомъ ¹⁾:

„Изученіе развитія человѣческаго разумѣнія во всѣ времена приводитъ къ заключенію, что оно проходитъ три стадіи: начинается съ теологической стадіи, переходитъ въ метафизическую и кончается позитивною. Анимизмъ, фетишизмъ, политеизмъ, монотеизмъ—вотъ гдѣ ищутъ сначала объясненія всему. Метафизическое развитіе есть видоизмѣненіе предыдущаго: вмѣсто сверхъестественныхъ дѣятелей, выставляются, въ отвлеченномъ значеніи, силы. Наконецъ, въ позитивной стадіи развитія, человѣкъ отказывается отъ бесплодныхъ поисковъ за абсолютными началами, за сущностью явленій, за предназначеніемъ вселенной и т. д.—и предается изученію *законовъ явленій*, т.-е. ихъ неизмѣннымъ соотношеніямъ въ послѣдовательности или сходствѣ. Разсудочная дѣятельность, хорошо согласованная съ опытомъ,—вотъ орудіе такихъ открытій.

„Всякій можетъ провѣрить это на себѣ. *Потребность* объяснить себѣ и объединить испытываемое посредствомъ теоретическихъ соображеній присуща человѣку. Хотя всякое знаніе основано на опытѣ, но наблюденія направляются теоріей“...

Переходя отъ историческаго хода развитія къ опредѣленію собственно *позитивной философіи*, Контъ говоритъ, что „главный ея характеръ выражается въ томъ взглядѣ, что *всѣ явленія подлежатъ неизмѣннымъ законамъ*. Мы не будемъ стараться отыскать такъ называемыя первыя или конечныя причины, а *будемъ преслѣдовать эти законы въ виду приведенія ихъ къ наименьшему числу*“.

Контъ указываетъ на выдвинувшіяся уже въ позитивномъ методѣ четыре категоріи явленій: астрономическія, физическія, химическія и физиологическія. Къ нимъ онъ присоединяетъ—явленія соціальной физики.

Не менѣе значительное вліяніе на характеръ знанія имѣютъ

¹⁾ Извлечено изъ сочиненія: „La Philosophie Positive d'Auguste Comte, condensée par Miss Harriet Martineau, traduit de l'Anglais par Anzencac-Lavigne, 2-ème édition, Paris 1894“. Стр. 1—7.

выводы, къ которымъ пришелъ Дарвинъ относительно *борьбы за существованіе, естественнаго и полового подбора*. Приведемъ и его нѣсколько словъ:

„Интересно разсматривать густо заросшій клочокъ земли, покрытый разнородными растеніями, съ поющими птицами въ кустахъ, съ насѣкомыми, толкущимися вокругъ нихъ, съ червями, ползущими по влажной почвѣ, и думать, что всѣ эти дивно построенныя формы, столь отличныя одна отъ другой и одна отъ другой зависимы такимъ сложнымъ способомъ, всѣ возникли по законамъ, дѣйствующимъ вокругъ насъ. Эти законы, въ обширѣйшемъ ихъ смыслѣ, суть развитіе и воспроизведеніе; наслѣдственность, почти необходимо связанная съ воспроизведеніемъ; измѣняемость, обуславливаемая прямымъ или косвеннымъ дѣйствіемъ жизненныхъ условий, а также дѣятельностью и бездѣйствіемъ органовъ; прогрессія размноженія столь быстрая, что ведетъ къ борьбѣ за существованіе, а слѣдовательно и къ естественному подбору, съ коимъ неразрывны расхожденіе признаковъ и вымираніе менѣе усовершенствованныхъ формъ. Такъ, изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти, прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, которое мы можемъ себѣ представить, а именно—возникновеніе высшихъ формъ жизни. Есть величіе въ этомъ возрѣніи, по которому жизнь съ ея разнородными силами была вдохнута первоначально въ немногія формы или лишь въ одну, по которому между тѣмъ какъ земля продолжаетъ кружиться по вѣчному закону тяготѣнія, изъ столь простаго начала развились и до сихъ поръ развиваются безчисленныя формы дивной красоты“ („Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“, К. Тимирязева, 3-е изд., Москва 1894 г., стр. 185).

Въ своемъ сочиненіи: „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“, какъ видно изъ самаго названія, Дарвинъ задался двойной задачей: во-первыхъ, объяснить, насколько его ученіе примѣнимо къ объясненію происхожденія физическихъ и основныхъ нравственныхъ свойствъ человѣка, и, во-вторыхъ, показать специальное явленіе подбора, примѣнимое исключительно къ животному царству и заключающееся или въ борьбѣ самцовъ за обладаніе самками, или въ предпочтеніи, которое эти послѣднія оказываютъ первымъ. Этотъ видъ подбора не всегда имѣетъ иногда или вовсе не имѣетъ результатомъ гибель нѣкоторыхъ изъ конкурентовъ, но лишь уменьшаетъ ихъ шансы на оставленіе по себѣ потомства. Путемъ этого подбора могли выработаться многіе органы обороны или нападенія, которыми обладаютъ одни только самцы, какъ, напр., грива льва, шпоры пѣтуха; этимъ

же путемъ могли выработаться и тѣ многочисленные органы животныхъ, которые служатъ только для украшенія и въ особенности характеризуютъ самцовъ, въ періодъ развитія ихъ половой дѣятельности, и отсутствуютъ у самокъ и у молодыхъ животныхъ обоихъ половъ. Значеніе этихъ послѣднихъ органовъ очевидно заключается въ томъ, чтобы привлекать вниманіе, прельщать самокъ, — таковы, напр., яркіе цвѣта и музыкальная способность птицъ. Эти органы не представляютъ прямой пользы и не могли быть также вызваны непосредственнымъ вліяніемъ условій жизни, потому что въ послѣднемъ случаѣ появились бы у обоихъ половъ. Дарвинъ приводитъ въ подтвержденіе этого воззрѣнія такое множество фактовъ, заимствованныхъ изъ организаци и нравовъ насѣкомыхъ, рыбъ, землеводныхъ, птицъ, млекопитающихъ и наконецъ человѣка, что не оставляетъ въ умѣ читателя и тѣни сомнѣнія, что „именно этимъ путемъ взаимнаго предпочтенія, оказываемаго полами, выработались тѣ особенности животныхъ, которыя имѣютъ исключительно эстетическое значеніе, и, слѣдовательно, какъ неприносящія непосредственной пользы, не могли явиться результатомъ борьбы за существованіе“ (Тамъ же, стр. 190 и 191).

Закончимъ приводимые выше примѣры широкимъ воззрѣніемъ Герберта Спенсера на происходящія въ мірѣ измѣненія состояній, которыя онъ въ своей „Эволюціонной Теоріи“ относитъ къ двумъ типамъ.

Типъ эволюціонныхъ измѣненій характеризуется тѣмъ, что однообразное и безсвязное, охваченное нѣкоторымъ движеніемъ, переходитъ въ связное, ограниченное, распределенное въ своихъ частяхъ, и теряетъ въ податливости относительно того движенія. Спенсеръ приводитъ множество примѣровъ для подкрѣпленія этого общаго принципа: начиная съ образованія солнечной системы и земной коры изъ безформенныхъ массъ, онъ переходитъ къ растеніямъ и животнымъ, доставляющимъ ему контингентъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ, гдѣ бывшее безсвязнымъ, подъ разными вліяніями, концентрируется въ организмъ съ распределенными частями, т.-е. возводится въ связное цѣлое, не находящееся болѣе въ прежней зависимости отъ тѣхъ вліяній.

Спенсеръ не ограничивается этими примѣрами, а заканчиваетъ указаніемъ на факты изъ общественной жизни человѣка: на образованіе языка, разграниченіе въ искусствахъ и на образованіе цѣлыхъ государствъ изъ разбросанныхъ племенъ. Прогрессъ есть своего рода эволюція.

Отмѣтивъ состояніе нѣкотораго равновѣсія, Спенсеръ противо-

поставляетъ эволюціи другой типъ происходящихъ въ мірѣ измѣненій состояній, а именно—*распаденіе*. Оно заключается въ томъ, что опредѣленное, ограниченное и включающее разнородныя части отличительнаго свойства—переходитъ въ состояніе безсвязное, дѣлается расплывчатымъ, охватывается такимъ же движеніемъ, которому до распаденія оно противостояло. Спенсеръ приводитъ гипотезы относительно солнечной системы и земли, хотя о распаденіи ихъ еще рѣчи быть не можетъ. Но онъ находитъ достаточно примѣровъ въ распаденіи организмовъ растений и животныхъ.

II.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, что вышеупомянутыя, испытываемыя нами вліянія на насъ, являющіяся результатомъ опыта или внушенія со стороны другихъ, послѣ собственной вѣнтральной переработки, производятъ въ насъ перемѣну и придаютъ намъ атрибуты, которые мы вообще называемъ *знаніями*. Знанія отражаются на нашихъ поступкахъ; кромѣ того, мы ихъ сообщаемъ другимъ. Когда человѣкъ бодрствуетъ, приобрѣтеніе знаній происходитъ безостановочно; либо онъ воспринимаетъ вѣнтральныя явленія, либо идетъ въ немъ внутренняя переработка—человѣкъ мыслить. То и другое составляетъ состояніе сознательное, противоположное дремотному, сонному.

Контингентъ знаній человѣка составляетъ его внутреннее содержаніе, которое онъ выказываетъ въ подходящихъ случаяхъ. Чѣмъ сложнее жизнь, тѣмъ разнообразнѣе приобрѣтаемыя знанія; но тутъ является способность человѣка группировать воспринимаемое по тому отношенію, которое оно имѣетъ къ жизни; развитой человѣкъ пользуется обобщеніями, чтобы примѣнять ихъ въ частныхъ случаяхъ.

Но тутъ, однако, вовсе еще не заключается признаніе философскихъ взглядовъ на законы ума и апріорныя идеи, придуманныя ученымъ въ его кабинетѣ, безъ отношенія къ жизни, или профессоромъ—въ цѣляхъ преподаванія.

Упомянутая выше внутренняя переработка воспринимаемаго происходитъ не по придуманнымъ учеными законамъ ума, а въ соотношеніи къ нашимъ потребностямъ, какъ личнымъ, такъ и вызываемымъ жизнью въ обществѣ. Предметы и явленія, не имѣющіе такого къ намъ отношенія, просто остаются незамѣченными. Между тѣмъ, малѣйшее затрудненіе въ выполненіи

нашихъ потребностей заставляетъ насъ устремить наши, уже имѣющіяся или вновь приобретаемыя, знанія къ устраненію того затрудненія, подобно тому, какъ кровь приливаетъ къ частямъ тѣла, производящимъ работу или только готовящимся къ дѣйствію. Озабоченный человѣкъ плохо спитъ, или просыпается съ мыслью, какъ бы выйти изъ затрудненія.

Конечно, въ культурномъ обществѣ обученіе научнымъ предметамъ съ ихъ символами и отвлеченностями, дальнѣйшая разработка этихъ предметовъ и разнаго рода специальности, являются *своего рода потребностями*, выполненіе которыхъ въ сферѣ общественной жизни, при извѣстныхъ условіяхъ, такъ же необходимо, какъ и выполненіе другихъ потребностей. Такъ, нельзя не умѣть считать, не знать о Петрѣ Великомъ, о томъ, что Волга впадаетъ въ Каспійское море, о разныхъ идеяхъ, внушаемыхъ писателями, и т. д. Такія знанія сводятся къ потребностямъ нашей жизни въ обществѣ. Такимъ-то образомъ указанія философовъ на законы ума и апріорныя идеи оказываются извѣстнымъ образомъ оформленными, навѣянными въ культурномъ обществѣ знаніями.

Совокупность знаній человѣка не остается неизмѣнной. Сообразно ходу жизни, тѣ знанія, которыя для нея перестаютъ быть нужными, забываются; являются другія, вызываемыя новыми или видоизмѣненными потребностями. Не будемъ здѣсь распространяться о вліяніи возраста на приобрѣтеніе и утрату знаній.

Ошибки и заблужденія, въ которыя мы попадаемъ, приобрѣтая знанія, частью вслѣдствіе несоотвѣтствующаго дѣйствительности воспріятія, или ложной (напр., преувеличенной, подъ вліяніемъ аффекта и т. п.) внутренней переработки, перѣдко влекутъ за собой вредныя для жизни послѣдствія. Вотъ почему люди опытные, приобрѣтая знанія, вводятъ провѣрку, критикуютъ сужденія.

Процессъ приобрѣтенія знаній характеризуется сомнѣніемъ, исканіемъ разрѣшенія возникшаго вопроса. Въ противоположность этому, установившееся знаніе неизмѣнно прагматизируется, а въ обществѣ получаетъ значеніе такъ называемыхъ *ходячихъ истинъ*. Въ сферѣ знаній по характеру своему отличаются свѣдѣнія, въ которыхъ проведена *связь причины со слѣдствіемъ*. Когда эта связь признана неизмѣнной, ее называютъ *закономъ*. Она приобрѣтаетъ тогда особенное значеніе, такъ какъ ей, въ значительной степени, подчиняется, въ подходящихъ случаяхъ, дѣятельность человѣка.

Въ каждомъ кругу лицъ, или въ цѣломъ обществѣ, преобладаютъ

ходяція истины и закономѣрныя сопоставленія причины съ ея слѣдствіемъ, которыя нерѣдко не признаются въ другомъ кругу. Такъ, напримѣръ, въ кругу спиритовъ твердо установлено, что духи заставляютъ прыгать столы, окаймленные цѣпью соприкасающихся рукъ спиритовъ. Антиспириты опровергаютъ это. Приверженцы аллопатовъ только плечами поводятъ, когда имъ указываютъ на успѣхи леченія гомеопатіей, и т. д.

Поэтому, для цѣлей нашего изслѣдованія, особенно важно привести ходяція истины и закономѣрныя соотношенія извѣстныхъ причинъ съ ихъ слѣдствіями, господствующія въ описываемой средѣ.

Не всякаго рода знанія составляютъ предметъ изслѣдованія по предлагаемой программѣ. Оставляя въ сторонѣ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣютъ чисто личный или мѣстный характеръ, мы будемъ говорить о знаніяхъ, систематизированныхъ и комментированныхъ, составляющихъ общее достояніе. Науки въ разныхъ своихъ отдѣлахъ являются намъ какъ предметы обученія въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ: школахъ, университетахъ, академіяхъ съ ихъ музеями, лабораторіями, обсерваторіями и проч. атрибутами. Въ книгахъ научнаго происхожденія всякій можетъ черпать накопленные знанія. Послѣдующая постановка вопросовъ программы должна дать возможность выяснить уровень, до котораго достигли люди описываемой среды въ разныхъ отдѣлахъ знаній, признаваемыхъ научными.

Но прежде чѣмъ перейти къ детальнымъ вопросамъ по каждому предмету, необходимо выяснить болѣе общіе вопросы о научныхъ знаніяхъ, объ ихъ *достоверности*, методахъ приобрѣтенія и классификаціи.

Не надо упускать изъ виду, что наука, въ данномъ обществѣ и въ данное время, является результатомъ культуры, имѣетъ свои традиціи и даже пережитки. Наука консервативна, она почитаема всѣми и охраняема цѣлымъ штатомъ, интересы котораго состоятъ въ томъ, чтобы авторитетъ науки не шатался вторженіемъ новыхъ вѣяній. Такимъ образомъ, въ обществѣ господствуетъ общепризнанная наука, исходящая изъ храмовъ просвѣщенія и проповѣдуемая синклитомъ авторитетныхъ ученыхъ и учителей. Истины и законы, санкціонированные наукой, принимаются всѣми безпрекословно. Вотъ почему, чтобы выяснить научныя знанія лицъ описываемой среды, надо, прежде всего, прослѣдить ихъ отношеніе къ научному авторитету и отвѣтить на такіе вопросы: не пользуется ли, въ описываемой средѣ, все *научное*, а именно ученые общества, академіи, университеты, лекціи про-

фессоровъ, научныя сочиненія, учебники и т. д.,—авторитетнымъ значеніемъ непреложности? не происходитъ ли это, главнымъ образомъ, оттого, что большинство, по окончаніи курса наукъ, во время котораго ученикъ особенно подчиненъ авторитету учителей, перестаетъ заниматься научными предметами и, потому, лишень возможности подвергать критикѣ то, чтò тамъ изучается, а вмѣстѣ съ тѣмъ, попрежнему, преклоняется передъ ученостью?

Вопросъ о *достоверности* научныхъ знаній издавна занималъ философовъ и ученыхъ, въ особенности вслѣдствіе споровъ между приверженцами разныхъ школъ. Скептики еще за триста лѣтъ до Р. Хр. указывали на отсутствіе достоверности въ знаніяхъ, и высказывали слѣдующее:

„Предметы кажутся различными въ различные времена“.

„Разумъ,—говорили философы,—есть критерій истины и способенъ находить различіе между предметами. Въ этомъ согласны между собой Платонъ и Аристотель“. Скептики же отвѣчали на это: „Прекрасно,—пусть разумъ будетъ вашимъ критеріемъ, но чѣмъ вы докажете, что самъ этотъ критерій вашъ правильно распознаетъ предметы?“

„Индукція есть заключеніе о всеобщемъ, выведенное изъ частнаго. Но такая индукція можетъ быть правильною лишь настолько, насколько частное согласуется съ всеобщимъ. Это всеобщее должно быть, поэтому, проверено, прежде чѣмъ приступать къ индукціи; единственный случай, не подходящий къ этому всеобщему, подорветъ истину индукціи“ (Пирровъ).

Пояснимъ это примѣромъ: положимъ, что рѣчь идетъ о томъ, что лебеди бѣлы. Лебеди называются бѣлыми, потому что отдѣльные лебеди, которые намъ попадались, бѣлы. Здѣсь общее (бѣлизна) выведено путемъ индукціи изъ частныхъ фактовъ, и индукція эта правильна настолько, насколько всѣ отдѣльные лебеди бѣлы. Но достаточно было увидѣть одного чернаго лебедя, чтобы прежняя индукція утратила свою истинность. Поэтому, говоритъ Секстъ, „если вы не можете проверить, согласуется ли всеобщее съ каждымъ частнымъ фактомъ, т.-е., если вы, въ нашемъ случаѣ, не можете доказать, что нѣтъ черныхъ лебедей, то и ваша индукція не можетъ быть вѣрной и точной“. Но что такая проверка невозможна, это очевидно („Исторія Философіи“ Дж. Льюиса; русскій перев., 2-е изд., стр. 248—250).

Декартъ утверждалъ, что истинно то, чтò очевидно, когда сомнѣнія невозможны. Онъ, конечно, былъ правъ, какъ математикъ, когда рѣчь шла о системѣ чиселъ и о построенныхъ съ ихъ образами выкладахъ. Но какъ только мы выходимъ

изъ узкой сферы нашихъ построеній, гдѣ символамъ условно придается особенное значеніе (равенство отмѣряемыхъ единицъ, счетъ, основанный на общепринятой системѣ, обобщеніе разнаго рода комбинацій съ числами, когда ихъ изображаютъ буквами, и т. д.),—такъ очевидность и отсутствіе сомнѣній оказываются недостаточными и не могутъ быть основаніемъ непреложной достовѣрности. Чтобы въ этомъ убѣдиться, можно сравнить прежніе учебники съ теперешними; многое, казавшееся очевиднымъ, нынѣ перестало фигурировать, замѣнено результатами новѣйшихъ изслѣдованій.

Другіе философы, въ особенности принадлежащіе къ шотландской школѣ, предложили руководствоваться *здоровымъ смысломъ* для критики достовѣрности, что такъ же неопредѣленно, какъ и отсутствіе сомнѣній, и скорѣе выражаетъ требованіе не впадать въ противорѣчіе, быть логичнымъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, и формальная логика, разработанная еще Аристотелемъ въ его силлогизмахъ, учить послѣдовательности, но не даетъ критерія для признанія высказаннаго положенія истиннымъ или ложнымъ.

Итакъ, скептики оказываются, какъ будто, правы. Да и нынѣ можно слышать отзывы о несостоятельности науки.

Однако, скептицизмъ, нашедшій себѣ оправданіе, пока онъ преслѣдовалъ науку, заключающуюся въ отыскиваніи непреложныхъ истинъ, мало-по-малу теряетъ подъ собою почву, съ тѣхъ поръ, какъ естествознаніе и искусственные опыты, на которыхъ основаны великія открытія и изобрѣтенія, получили выдающееся значеніе. Хронологическимъ началомъ этого обновленія науки Виндельбандтъ въ своей „Исторіи Философій“ (русскій переводъ П. Рудина. Спб., 1898 г.) считаетъ приблизительно начало XVII-го столѣтія.

„Развитіе естественно-научнаго метода, — говоритъ онъ, — отъ Кеплера и Галилея до Ньютона хотя и не есть процессъ возникновенія новой философіи, но все-таки представляетъ рядъ событій, которыя обуславливаютъ его (стр. 353).

„Заокеанскія открытія, благодаря которымъ человѣкъ впервые овладѣлъ своей планетой, изобрѣтеніе компаса, пороха и книгопечатанія, въ короткое время, произвели могучій переворотъ какъ въ общественной, такъ и въ индивидуальной жизни человѣка. Открылась новая эпоха культуры, и фантазіей овладѣло страстное возбужденіе. Все казалось возможнымъ. Телескопъ открылъ тайны неба, земныя силы начали повиноваться

ислѣдователю. Наука стремилась сдѣлаться руководительницею человѣка въ его побѣдахъ надъ природой“ (стр. 361).

Прозорливымъ людямъ становилось все яснѣе, что нельзя болѣе удержаться на словопреніяхъ метафизиковъ, утверждавшихъ, что созерцательный разумъ, независимый отъ опыта, абсолютно и окончательно гарантируетъ все, что онъ выводитъ изъ себя. Пришлось, напротивъ, признать преобладающее значеніе за изслѣдованіями фактическихъ данныхъ, посредствомъ наблюдений и искусственныхъ опытовъ, а затѣмъ—за выводами изъ этихъ данныхъ, имѣющими отношеніе къ жизни человѣка и общества.

Бэконъ еще въ концѣ XVI-го вѣка, разсмотрѣвъ причины ошибокъ (*idols*, какъ онъ ихъ фигурально называетъ, т.-е. тѣ мнимыя божества, передъ которыми умъ человѣческій такъ давно привыкъ преклоняться), далъ указанія относительно добычи фактическихъ данныхъ, годныхъ для общихъ выводовъ.

„Первая задача,—говоритъ онъ,—въ дѣлѣ индукціи заключается въ составленіи исторіи (въ описаніи) подлежащихъ объясненію явленій, со всѣми ихъ видоизмѣненіями и разнообразными проявленіями. Исторія эта должна обнимать не только всѣ факты, сами собою представляющіеся наблюденію, но также и всѣ *опыты*, которые производились въ видѣ научнаго открытія, или для какихъ-либо цѣлей, относящихся къ области полезныхъ искусствъ. Составлять эту исторію слѣдуетъ крайне внимательно; факты должны быть описаны тщательно и приведены въ порядокъ; подлинность ихъ необходимо строго провѣрить; что же касается фактовъ сомнительныхъ, то хотя ихъ не слѣдуетъ выкидывать, но они должны быть помѣчены, какъ недостоверные, при чемъ требуется объяснить, почему мы считаемъ ихъ таковыми. Последнее въ особенности необходимо, ибо часто факты представляются невѣрными лишь потому, что мы мало знакомы съ ними; когда же увеличивается запасъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ фактахъ, они перестаютъ казаться чудесными“ (Льюисъ, „Исторія Философіи“, стр. 354).

Подъ вѣяніемъ возрожденія науки, философія стала подвергаться не только критикѣ, но и строгому порицанію. Такъ, Гоббсъ (около 1640 г.) высказался слѣдующимъ образомъ:

„Человѣкъ пользуется исключительной привилегіей вырабатывать общія истины. Но эта привилегія парализуется другою привилегіей—создавать нелѣпости, что несвойственно ни одному живому существу, за исключеніемъ человѣка. Изъ людей же это

наиболѣе свойственно тѣмъ, которые занимаются философіей". (Льюисъ, „Исторія Философіи“, стр. 430).

Не имѣя въ виду здѣсь историческаго хода развитія новѣйшей науки, замѣтимъ, что дальнѣйшія великія открытія и изобрѣтенія, и связанныя съ ними научныя изслѣдованія, а также историческія событія въ цивилизованномъ мірѣ, въ значительной степени видоизмѣнили то, что люди требуютъ отъ науки. Метафизика со своими всеобщими, непреложными истинами, конечными причинами и апріорными идеями, значительно приутихла. Въ настоящее время она лишь въ качествѣ пережитка ютится въ своихъ старыхъ, полуразрушенныхъ или еще неперестроенныхъ храмахъ, каковы нѣкоторые нѣмецкіе университеты. Тамъ еще преподаются такіе предметы, гдѣ больше тонкой діалектики, чѣмъ содержанія; а выходящіе оттуда доктора философіи принуждены отыскивать болѣе пригодную для жизни специальность. Новѣйшая наука должна удовлетворять различнымъ требованіямъ усложнившейся жизни цивилизованныхъ народовъ. Эти требованія вызываютъ учрежденіе множества специальныхъ школъ: техническихъ, медицинскихъ, юридическихъ и т. д. Преобладающимъ въ нихъ методомъ является добыча или пользованіе уже добытымъ фактическимъ матеріаломъ, чтобы изъ такихъ данныхъ получать выводы. Въ настоящее время почти недопустимо доказывать что-либо иначе, какъ приводя факты въ подтвержденіе, и даже въ запутанныхъ вопросахъ права или политической экономіи стало необходимымъ опираться на данныя исторіи и статистики.

Достоверность свѣдѣній, получаемыхъ путемъ наблюденія, опыта, и дѣлаемыхъ изъ этихъ данныхъ выводовъ, конечно, не имѣетъ характера непреложности. Но опыты могутъ быть повторены и провѣрены, выводы подлежатъ критикѣ, и человекъ подъ такой охраной можетъ пользоваться научными свѣдѣніями для жизни, пока не найдены погрѣшности, ошибки или не сдѣланы новыя открытія, видоизмѣняющія прежнія изслѣдованія.

Итакъ, въ виду измѣнившихся требованій отъ науки, нѣтъ болѣе основаній говорить о ея несостоятельности, вслѣдствіе неудовлетворенности тѣхъ, которые задались метафизическимъ направленіемъ. Можно лишь указать, что масса вопросовъ ждетъ своего разрѣшенія, и будущимъ научнымъ работамъ не видно конца. Затѣмъ, конечно, многое въ наукѣ удержалось по традиціи и, какъ уже было высказано, держится авторитетомъ научныхъ учреждений.

Вышеуказанный методъ изслѣдованія названъ Контомъ *позн-*

тивнымъ. Въ немъ особеннаго вниманія достойно *производство искусственныхъ опытовъ*.

Удачно направленные искусственные опыты даютъ намъ результаты, которыми мы затѣмъ пользуемся, какъ относительно распознаванія явленій природы, такъ и въ разнообразныхъ примѣненіяхъ, между которыми примѣненія пара и электричества составляютъ гордость истекающаго столѣтія.

Передъ нами проходятъ явленія природы—на небѣ, на землѣ и изъ ея глубины, въ живыхъ существахъ и, наконецъ, въ жизни человѣка и общества. Но есть явленія, искусственно вызываемыя человекомъ. Онъ беретъ матеріалы, которые даетъ ему природа, подвергаетъ ихъ обработкѣ и получаетъ вещества, отличающіяся отъ взятыхъ матеріаловъ по формѣ и по свойствамъ; человекъ работаетъ надъ культурою растений, выводитъ породы животныхъ, отличающіяся отъ своихъ родоначальниковъ; иногда даже законы вводитъ временно, въ видѣ опыта. Изъ этихъ указаній видно, что въ искусственныхъ опытахъ человекъ имѣетъ дѣло не съ сырой природой, а съ продуктами извѣстной переработки, при помощи особаго рода приѣмовъ, измѣрительныхъ инструментовъ, аппаратовъ и разнаго рода приспособленій. Вотъ почему, для повторенія искусственныхъ опытовъ, нужно умѣнье,—иначе могутъ они и не удался: чисто продѣлать опытъ (т.-е. изолировать отъ внѣшнихъ вліяній, могущихъ оказать пертурбаціи), составляетъ удѣлъ искусныхъ ассистентовъ или лаборантовъ (на лекціяхъ, или въ лабораторіяхъ).

Характерная черта искусственныхъ опытовъ состоитъ въ ихъ планомѣрности, приводящей иногда къ соотношеніямъ, отличающимся правильностью,—къ такъ называемымъ *законамъ*. Въ особенности тамъ, гдѣ планомѣрность эта относится къ такимъ построеніямъ, гдѣ примѣняется предварительный расчетъ, какъ это бываетъ въ машинахъ и механическихъ приборахъ, мы имѣемъ заранѣе принятую математическую формулу, опредѣляющую законъ дѣйствія машины. Конечно, между дѣйствіемъ и выводомъ изъ формулы оказываются разницы, вслѣдствіе плохо поддающихся расчету побочныхъ вліяній. Но малыми уклоненіями, на практикѣ, большею частью пренебрегаютъ, или вводятъ въ расчетъ поправки. Примѣромъ механическаго прибора, построеніе котораго основано на предварительномъ расчетѣ, можетъ служить маятникъ. По теоріи, еслибы не было тренія и сопротивленія воздуха, разъ пущенный въ движеніе маятникъ колебался бы вѣчно. Время колебанія маятника зависитъ отъ его длины и можетъ по математической формулѣ быть вычислено; короткий маят-

никъ сдѣлаетъ большее число колебаній, чѣмъ длинный, за одно и то же время. Построивъ нѣсколько маятниковъ разной длины, мы находимъ, что время колебаній маятниковъ близко подходитъ къ вычисляемому по формулѣ. Конечно, на практикѣ являются уклоненія отъ теоріи. Вслѣдствіе тренія и сопротивленія воздуха, послѣ нѣсколькихъ размаховъ, маятникъ останавливается. Въ холодное время маятникъ укорачивается, въ теплое—удлинняется. Необходимо, примѣняя маятникъ къ измѣренію времени, вводить поправки,—что мы и дѣлаемъ, снабжая его, для этой цѣли, специальными приспособленіями, которыя можно видѣть на стѣнныхъ часахъ.

Измѣрительные приборы, телескопы, микроскопы, разнаго рода аппараты, химическіе разложенія и соединенія и т. д.—все это дало возможность человѣку, иногда даже въ сложныхъ явленіяхъ природы, выдѣлать изучаемую сторону и не только выяснитъ нѣкоторые вопросы, но и достигнуть великихъ открытій. Не даромъ проницательный французскій фізіологъ Клодъ-Бернаръ высказался, что изобрѣтеніе полезнаго для науки аппарата больше значить, чѣмъ построеніе философской системы. Въ явленіяхъ природы, отличающихся простотой и періодическимъ повтореніемъ, и вообще поддающихся наблюденію и искусственнымъ опытамъ, при помощи вышеупомянутыхъ приспособленій, человѣкъ нашелъ ту арену, которая дала ему положительные результаты; а планомерность его изслѣдованій привела его къ открытію соотношеній, слѣдующихъ нѣкоторому правилу и обобщаемыхъ закономъ. Въ особенности это достигнуто въ астрономіи, гдѣ Ньютонъ наложилъ вѣнецъ на великія открытія своихъ предшественниковъ еще болѣе важнымъ открытіемъ всемірныхъ законовъ тяготѣнія. Совокупность сдѣланныхъ затѣмъ многихъ открытій привела къ тому, что XIX-й вѣкъ оставляетъ намъ въ наслѣдіе міровоззрѣніе ученыхъ, по которому все въ природѣ слѣдуетъ законамъ. Выдающимся проповѣдникомъ этой философіи явился Огюсть Контъ, провозгласившій, что съ успѣхомъ знаній все болѣе будутъ раскрыты законы природы, и кромѣ того, они будутъ болѣе общими, т.-е. частные законы сольются въ болѣе общіе. Изреченіе это, высказанное позитивистомъ, по характеру своему подходитъ къ традиціямъ метафизиковъ и едва ли можетъ быть обосновано тверже апріорныхъ идей. Открытіе законовъ природы настолько заманчиво и увлекательно, что нѣкоторые ученые довольствуются отдаленными указаніями, чтобы составить гипотезу подлежащаго открытію закона; подстроивъ затѣмъ нѣсколько подходящихъ искусственныхъ опытовъ, законъ объявлялся

открытымъ. Впослѣдствіи является провѣрка, и, въ случаѣ найденныхъ неправильностей, законъ низвергается съ своего пьедестала. Ученая литература даетъ этому не мало примѣровъ,—тѣмъ не менѣе многіе грѣшатъ противъ указаній Бэкона и объявляютъ несомнѣннымъ то, что едва достойно быть выставляемымъ какъ гипотеза.

Физиологъ Клодъ-Бернаръ, имѣвшій дѣло съ изученіемъ дѣятельности живыхъ организмовъ, былъ скромнѣе, и въ своей вѣрѣ въ науку довольствовался утверждать, что одинаковыя условія даютъ одинаковыя результаты, что онъ и называлъ *детерминизмомъ*. Конечно, одинаковыхъ условій не бываетъ; но приблизительно схожія бываютъ, и тогда есть основаніе ожидать результатовъ, мало отличающихся отъ уже извѣстныхъ.

Именно, въ искусственныхъ опытахъ мы всячески стремимся достигать одинаковыхъ условій. Открываемые такимъ путемъ законы правильнѣе было бы назвать не законами природы, а законами, извлеченными изъ нашихъ построений, искусственныхъ опытовъ и наблюденій. Въ другихъ мы имѣемъ почти сплошь описаніе приборовъ и аппаратовъ для изслѣдованія отдѣльно разсматриваемыхъ общихъ свойствъ тѣлъ, каковы: теплота, свѣтъ, электричество и т. д. Здѣсь результаты искусственныхъ опытовъ, даже схваченные иногда, вслѣдствіе ихъ планомѣрности, въ математическія формулы, примѣнимы къ явленіямъ природы настолько, насколько мы можемъ подступить къ явленію съ нашимъ приборомъ или аппаратомъ, не допуская притомъ нарушающихъ вліяній.

Проникаетъ ли въ описываемую среду классификація наукъ, выработанная преобладающею въ настоящее время философіею?

„Задача, разрѣшаемая классификаціей, — говоритъ Огюстъ Контъ, — есть выясненіе зависимости одной науки отъ другой и всѣхъ отъ каждой. *Астрономическія* явленія наиболѣе общи, просты и наиболѣе абстрактны, — поэтому съ нихъ должно начаться обученіе; они вліяютъ на всѣ земныя явленія (вслѣдствіе закона тяготѣнія), будучи сами отъ нихъ независимы. Спускаясь на землю, мы изучаемъ общія всѣмъ тѣламъ явленія *физическія*, включая сюда, находящіяся отъ нихъ въ нѣкоторой зависимости, явленія *химическія*. Различая затѣмъ тѣла неорганическія отъ органическихъ, мы находимъ, что послѣднія обнаруживаютъ явленія, называемыя жизненными, болѣе сложныя, зависящія отъ явленій неорганической природы, тогда какъ обратной зависимости не существуетъ.

„Явленія жизни составляютъ предметъ *біологій*. Здѣсь выдѣ-

ляется человекъ и, наконецъ, обособляются явленія, относящіяся къ жизни общества людей, составляющія удѣлъ *соціологии*. Эти явленія сложнѣе тѣхъ, которыя относятся къ единичному человеку и зависятъ отъ нихъ“.

Такимъ образомъ, Контъ, на основаніи сравненія явленій, по категоріямъ, выводитъ классификацію, признающую пять основныхъ наукъ, послѣдовательность которыхъ опредѣляется необходимыми и неизмѣннымъ подчиненіемъ. Первая—астрономія,—разсматриваетъ самыя общія, простыя, абстрактныя явленія, наиболѣе отдаленныя отъ явленій человечества; они вліяютъ на всѣ остальные, но сами отъ нихъ независимы. Послѣдняя—соціологія—изучаетъ явленія наиболѣе сложныя, спеціальныя и конкретныя, ближе всего касающіяся человека; въ большей или меньшей мѣрѣ они зависятъ отъ всѣхъ предшествующихъ классовъ явленій, но въ то же время сами нисколько не вліяютъ на нихъ. Между этими двумя крайними пунктами помѣщаются науки, изучающія явленія по степени ихъ спеціализаціи, осложненія и возрастающей зависимости.

Гербертъ Спенсеръ свою классификацію наукъ строитъ на нѣсколько иномъ основаніи. Онъ утверждаетъ, что самое широкое естественное дѣленіе наукъ распредѣляетъ ихъ на два класса: на науки, занимающіяся абстрактными отношеніями, въ которыхъ представляются намъ явленія,—и на науки, изучающія самыя явленія ¹⁾. Въ новѣйшихъ учебникахъ философіи чаще берутъ за основаніе Контскую классификацію, причемъ авторъ учебника вводитъ свои комментаріи, добавленія и несущественныя измѣненія.

Но найдется ли кто-либо, кто предположитъ учить и въ школахъ въ порядкѣ приведенныхъ классификацій? Едва ли стоитъ задавать такой вопросъ, такъ какъ и преисполненный знанія, безъ сомнѣнія, не станетъ приводить ихъ въ требуемый упомянутыми классификаціями порядокъ.

Соотвѣтствуетъ ли дѣленіе наукъ той группировкѣ предметовъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, которая нужна каждому для избираемой имъ для себя профессіи? Такъ, напримѣръ, знанія математики, механики, физики, химіи и строительнаго искусства особенно нужны инженеру; естественныя науки, анатомія и физиологія человека, патологія, химія и проч.—нужны медику; исторія, римское право, государственное, уголовное и гражданское право, политическая экономія—юристу, и т. д.

¹⁾ „Классификація наукъ“, Г. Спенсера, въ перев. П. Спиридонова. М. 1899, стр. 10.

Всѣми принято дѣлить образованіе на общее и спеціальное.

Но выясненъ ли окончательно вопросъ, что именно, кромѣ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, ведетъ къ тому, что называется образованіемъ? Считается ли болѣе существеннымъ обладать познаніями, нужными въ жизни и для служенія общественнымъ интересамъ? Или степень образованія считается болѣе высокою у тѣхъ, которые обладаютъ знаніями въ области археологій, мифологій, движенія планетъ, кометъ и т. п., и сверхъ того могутъ привести латинскую или даже греческую цитату?..

Кн. В. Н. Тенишевъ.

ПРИВѢТЪ „ПѢСНЯМЪ СТАРОСТИ“.

Посвящается А. М. Жемчужникову.

Какъ солнце—врагъ нещадный мглы—

И „Пѣсни старости“ поэта

Полны живительнаго свѣта

И обаятельно теплы!

Созданья вѣчно-юной музы

Богаты мыслью, глубоки;

Сатурну, вѣрно, не съ руки

Воздѣтъ на духъ могучій узы!

Не „потухающій каминъ“—

Насъ согрѣваетъ сердца пламя,

И „незапятнанное знамя“

Высоко держитъ гражданинъ.

Гремитъ глаголь его свободный,

Какъ въ незабвенные намъ дни:

Поэтъ, „духъ доблести храни“!

Бичуй „духъ рабскій“—„грѣхъ народный“!

Н. Б. Хвостовъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ КАВКАЗА

О Ч Е Р К Ъ .

Долгое время переселенческое движеніе на Кавказъ имѣло стихійный характеръ. Гонимые силой нужды, люди шли въ этотъ край, также какъ и въ Сибирь, и на Амуръ, — оцупью, на авось, на основаніи слуховъ, что тамъ есть свободныя земли. Гдѣ эти „новыя мѣста“, пригодны ли они для хлѣбопашества, здоровы ли, соотвѣтствуютъ ли привычкамъ переселенцевъ, — всѣхъ этихъ вопросовъ не задавали себѣ крестьяне, волей-неволей оставлявшіе свою родину, — а еслибы и поинтересовались ими, то никто не далъ бы удовлетворительныхъ отвѣтовъ, потому что и теперь еще неизвѣстно, сколько свободныхъ земель на Кавказѣ, и нѣтъ санитарно-топографическихъ описаній этихъ земель. Безсознательны, нецѣлесообразны были свободныя переселенія, если только можно назвать свободными движенія искателей новой родины, вызываемыя нуждой. Невольныя переселенія на Кавказъ русскихъ сектантовъ и казаковъ, для образованія военныхъ поселеній, имѣли тотъ же характеръ дѣйствій на авось. За исключеніемъ того, что этимъ невольнымъ переселенцамъ не приходилось искать „новыхъ мѣстъ“, такъ какъ они впередъ были назначены начальствомъ, все остальное, что обуславливало возможность и успѣшность колонизаціи, было невѣдомо и переселяющимъ, и переселенцамъ. Въ то время у колонизаторовъ не было и желанія узнать это все остальное, потому что ему не придавалось никакого значенія. Кабинетные прожектеры, не справляясь

съ реальными условіями жизни, составляли планъ колонизаціи примитивнымъ способомъ. Есть свободная земля; есть люди, которыхъ можно поселить на ней. Этого считалось вполне достаточнымъ для проекта превращенія пустыни въ цвѣтущія деревни.

Разрубить запутанные узлы жизни почиталось проще, чѣмъ ихъ развязать; сложные вопросы, требующіе обстоятельнаго разслѣдованія, изученія, представлялись очень простыми, и люди, не обладавшіе достаточнымъ образовательнымъ цензомъ, разрѣшали ихъ съ самоувѣренностью, пропорціональной ихъ невѣжеству въ общественныхъ дѣлахъ. Нельзя сказать, что привычка рѣшать сложные общественные вопросы безъ предварительнаго изслѣдованія, въ настоящее время окончательно оставлена. Нѣтъ, она нерѣдко даетъ знать о себѣ, также какъ и другая бюрократическая привычка—позабывать, что всѣ политическіе и общественные принципы и основанныя на нихъ учрежденія имѣютъ единственный *raison d'être* въ томъ, что цѣль ихъ—человѣческое благополучіе, устройство наилучшей жизни для всѣхъ и каждаго.

Эти двѣ привычки пагубно отразились и на колонизаціи Кавказа русскими переселенцами. Отсутствие заботы о человѣкѣ есть характерная черта этой колонизаціи. Дѣло велось такъ, какъ будто бы вмѣсто живыхъ людей, ищущихъ лучшей жизни, были шахматныя фигуры, которыхъ и разставляли на разныя клѣтки, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ.

Вспомнимъ, какіе протесты были вызваны научными опытами съ вивисекціями животныхъ; а что такое, какъ не вивисекція людей, тѣ опыты колонизаціи Кавказа, которые производились въ старину и, какъ мы увидимъ, повторяются и теперь „Закавказскимъ Обществомъ вспомошествованія русскимъ переселенцамъ“.

Колонизація Кавказа русскими, начавшаяся съ десятаго вѣка, представляетъ поучительный историческій урокъ для современныхъ колонизаторовъ и колонистовъ. Наглядно выясняя причины неуспѣха этого дѣла, онъ ставитъ вопросъ о цѣлесообразности самой системы колонизаціи Кавказа, и, давая на него отрицательный отвѣтъ, въ то же время указываетъ основанія для рациональной постановки этого дѣла. Соотвѣтственно такому содержанию упомянутаго историческаго урока, опредѣляется и программа настоящей статьи, имѣющей цѣлью выяснить основанія для реорганизаціи переселеній на Кавказъ русскихъ крестьянъ.

Краткій историческій очеркъ колонизаціи есть необходимое начало статьи; онъ даетъ возможность читателю оріентироваться въ данномъ дѣлѣ; затѣмъ, ознакомленіе съ дѣйствіемъ кавказской маляріи, являвшейся главнымъ тормазомъ колонизаціи, и съ усло-

віями мѣстнаго землевладѣнія—выяснить вопросъ, въ какой степени Кавказъ можетъ удовлетворить потребность въ землѣ русскихъ переселенцевъ, а изъ всего этого можно будетъ сдѣлать заключеніе объ основаніяхъ для раціональнаго плана колонизаціи Кавказа.

I.

Еще до Рождества Христова появились на Кавказѣ первыя европейскія поселенія. На кавказскомъ черноморскомъ побережьи греки имѣли колоніи: Диоскурію (нынѣшній Сухумъ), Анактію и др. При отсутствіи свѣдѣній о томъ, было ли населеніе этихъ колоній постоянное или перемѣнное и состояло ли только изъ торговцевъ и ремесленниковъ, или же въ немъ были и земледѣльцы,—нельзя заключить изъ факта процвѣтанія упомянутыхъ колоній, что на черноморскомъ берегу Кавказа не было въ то время нынѣшняго врага поселенцевъ—маларіи. Водопроводныя и ирригаціонныя постройки грековъ, напротивъ, даютъ основаніе предполагать, что и грекамъ приходилось бороться съ маларіей, и что ихъ культурное воздѣйствіе на природу не осталось безъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ результатовъ для оздоровленія колонизированной мѣстности. Въ концѣ концовъ, однако, греки оставили свои кавказскія колоніи, ихъ сооруженія разрушились и прибрежная полоса Кавказа у Чернаго моря обратилась въ пустыню.

Нашествіе на Кавказъ скизовъ, киммерійцевъ, не вызвало основанія колоній; эти пришельцы гибли отъ маларіи или спасались отъ нея бѣгствомъ.

Русскіе появились въ Закавказьи въ X-мъ вѣкѣ. Въ 949 году они, проплывъ на лодкахъ по Каспійскому морю до устья Куры, поднялись по этой рѣкѣ до города Барда, но должны были вернуться съ огромными потерями отъ болѣзней.

Послѣ татарскаго нашествія, движеніе русскихъ на югъ усилилось, и въ XVI-мъ вѣкѣ русскіе были уже на Кумѣ и Терекѣ и имѣли городъ Темри, откуда и дѣлали походы противъ кумовъ, которые въ XVII-мъ вѣкѣ приняли подданство Россіи.

Петръ В. сдѣлалъ первую попытку военныхъ поселеній на Сѣверномъ Кавказѣ, окончившуюся неудачей. На Сулакѣ, въ 1720 году, были поселены 1.000 семействъ донскихъ казаковъ, изъ которыхъ черезъ десять лѣтъ остались 462 семейства, а изъ 1.800 казаковъ не уцѣлѣло и десятой части. Послѣ при-

соединенія къ Россіи Дербента и Баку, Петръ В. предполагалъ устроить русскія поселенія и въ Закавказьѣ, и поручилъ Румянцову сообразить, сколько можно въ Гилъянѣ и Мазандеранѣ „русской націи поселить“. Но этотъ проектъ не осуществился.

Ничего не вышло и изъ предположенія Екатерины II—основать при впаденіи Аракса въ Куру городъ Екатериносердъ изъ военныхъ поселянъ, „поженивъ ихъ на грузинкахъ и армянкахъ“.

Въ 1769—1770 году русскія войска, переваливъ черезъ Кавказскій хребетъ, доходили до устья Ріона и осаждали Поті, при чемъ третья часть отряда погибла отъ болѣзней. Въ 1790 году были выселены на Кубань малороссійскіе казаки изъ Запорожской Сѣчи.

Первыя русскія поселенія въ Закавказьѣ начали устроиваться уже послѣ присоединенія Кавказа къ Россіи изъ отставныхъ женатыхъ солдатъ, заводившихъ при штабныхъ квартирахъ маленькое хозяйство, но хлѣбопашествомъ они не занимались. Первыя земледѣльческія колоніи основаны нѣмцами, въ 1818 году, въ елизаветпольской и тифлисской губерніяхъ, а затѣмъ русскими сектантами въ бакинской губерніи.

Съ 1834 года началось выселеніе сектантовъ въ ленкоранскій уѣздъ; туда были посланы старообрядцы, іудействующіе, молокане, духоборы и баптисты. Въ сороковыхъ годахъ были переселены изъ таврической губерніи духоборы въ ахалкалакскій уѣздъ, тифлисской губерніи, и скопцы въ с. Орпири, кутаисской губерніи. Въ пятидесятые годы переселенія продолжались небольшими группами. Въ 1867 году образовалось въ ленкоранскомъ уѣздѣ селеніе Православное изъ отставныхъ солдатъ; затѣмъ устроились изъ смѣшаннаго, преимущественно великорусскаго населенія въ джеватскомъ уѣздѣ Михайловка и Ивановка, въ кубинскомъ—Зурабовка и нѣсколько селеній въ борчалинскомъ уѣздѣ.

Съ присоединеніемъ къ Россіи карсской области, въ нее стали переселяться съ одной стороны армяне изъ Турціи, а съ другой—изъ тифлисской и эриванской губерній русскіе, греки, эстонцы и нѣмцы. Къ 1896 году число русскихъ поселенцевъ въ карсской области составило 14.244 души обоого пола, расположенныхъ въ 26-ти селеніяхъ, изъ которыхъ молоканскихъ 13, духоборческихъ 6, православныхъ 4 и по одному—эстонскихъ нѣмецкихъ и разныхъ сектантовъ.

Заселеніе черноморскаго побережья началось въ 1865 году. Оно шло такъ неудачно, что къ 1893 году, какъ видно изъ „Свода статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края“,

въ черноморскомъ и сухумскомъ округахъ (безъ Новороссійска) числилось русскихъ только 8.652 ¹⁾.

При всѣхъ упомянутыхъ поселеніяхъ вовсе не были приняты во вниманіе мѣстныя условія колонизированныхъ пунктовъ. Не считали нужнымъ считаться съ маляріей, а между тѣмъ, какъ доказалъ опытъ, безъ побѣды надъ этимъ врагомъ русскія колоніи въ малярійныхъ мѣстностяхъ Кавказа обречены на быстрое вымирание.

Исторія этихъ колоній есть скорбный листъ о заболѣваніяхъ и смертности отъ маляріи. Познакомимся съ нимъ.

II.

Малярія на Кавказѣ, свидѣтельствующая о малой культурности этого края, до сихъ поръ не возбуждала вопроса о необходимости борьбы съ ней радикальными культурными средствами, а не хининомъ и мышьякомъ.

Кавказъ даже не имѣетъ свода точныхъ свѣдѣній о силѣ этого страшнаго врага и туземцевъ, и пришлаго населенія въ особенности. Правильной статистики заболѣваній и смертности отъ маляріи не существуетъ. Нѣтъ цифръ, которыя наглядно показывали бы, какой громаднй вредъ причиняетъ кавказская малярія, и заставили бы начать серьезную борьбу съ ней по научному плану. Вредъ отъ разбойничества, котораго не могутъ прекратить и до сихъ поръ ²⁾, потому что борьба съ нимъ ведется не культурными средствами, а только репрессивными мѣрами, этотъ вредъ ничтоженъ сравнительно съ причиняемымъ маляріей. Кавказскій разбойникъ убиваетъ въ рѣдкихъ случаяхъ; отъ маляріи многія селенія вымираютъ, и это зло считается какъ будто неустранимымъ.

Чтобы имѣть возможность приблизительно судить о губительности маляріи на Кавказѣ, познакомимся съ отрывочными свѣдѣніями по этому предмету, какія есть въ общей и медицинско-й литературѣ. Начнемъ со свѣдѣній, сообщаемыхъ докторомъ Пантюховымъ ³⁾.

Въ 1880 году, въ ленкоранскомъ уѣздѣ, бакинско-й губерніи,

¹⁾ Приведенныя историческія данныя заимствованы изъ брошюры доктора Пантюхова: „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“.

²⁾ Не дальше какъ въ 1898 году разбойники взяли въ плѣнъ до 100 проезжихъ на почтовой дорогѣ изъ Тифлиса въ Сигнахъ.

³⁾ „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“.

распространилась какая-то эпидемическая болѣзнь, которую сначала принимали за чуму. Была командирована коммиссія для опредѣленія невѣдомой болѣзни, дававшей болѣе 50% смертности. Оказалось, что это было воспаленіе легкихъ на почвѣ изнуренія и маляріи.

Въ 1879 году малярики горійскаго уѣзда, тифлисской губерніи, подвергались подобнымъ эпидемическимъ заболѣваніямъ, часто оканчивавшимся смертью.

Въ 1892 году, въ Абхазіи, гдѣ свирѣпствуютъ лихорадки, отъ эпидеміи гриппа, въ большинствѣ случаевъ оканчивающагося выздоровленіемъ, умерло болѣе четвертой части всего населенія.

Докторъ Пантюховъ изслѣдовалъ смертность отъ кори и гриппа уроженцевъ сенакскаго и зугдидскаго уѣздовъ, кутанисской губерніи, и пришелъ къ заключенію, что она „при равныхъ прочихъ условіяхъ въ десять слишкомъ разъ больше смертности отъ этихъ болѣзней уроженцевъ слабо малярійной эриванской губерніи“ ¹⁾.

Таково вліяніе маляріи на увеличеніе смертности отъ другихъ болѣзней.

О заболѣваніяхъ собственно лихорадкой и о смертности отъ нея на Кавказѣ нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ до начала шестидесятыхъ годовъ; но по отчетамъ о санитарномъ состояніи войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ, можно судить о губительности мѣстныхъ лихорадокъ. Такъ, на основаніи этихъ отчетовъ, докторъ Пантюховъ говоритъ, что „войска вездѣ на Кавказѣ болѣли маляріею, и нѣкоторые изъ занимавшихся по военнымъ соображеніямъ стратегическихъ пунктовъ оказывались настолько нездоровыми, что ихъ принуждены были потомъ оставлять. Въ лежащемъ въ котловинѣ, впослѣдствіи брошенномъ укрѣпленіи Преображенскомъ, на рѣкѣ Койсу, какъ и во многихъ другихъ, лихорадка въ концѣ лѣта имѣла злокачественный характеръ, и люди гибли послѣ двухъ-трехъ пароксизмовъ. Въ кубанской области, въ 1862—64 годахъ, злокачественныя сопорозныя лихорадки встрѣчались у одного изъ 100—120 больныхъ лихорадками. Въ зависимости отъ маляріи находились заболѣванія диссентеріею, водянками, цингою“ ²⁾.

Тотъ же авторъ, въ статьѣ: „Малярія и парши въ Абхазіи“ ³⁾,

¹⁾ Эта и слѣдующія цитаты изъ названной брошюры г. Пантюхова сдѣланы по перепечаткѣ ея въ „Кавказскомъ Календарѣ“ на 1899-й годъ.

²⁾ Та же статья г. Пантюхова, стр. 41.

³⁾ „Русская медицина“ 1890 года, № 12.

говорить, что войска въ Абхазіи „болѣютъ лихорадками почти всѣ безъ исключенія“.

Докторъ Малининъ, въ „Краткомъ очеркѣ санитарнаго состоянія кавказской арміи за 1866 годъ“ ¹⁾, указываетъ на то, что „значеніе перемежающейся лихорадки, этого, такъ сказать, бича кавказской арміи, въ высшей степени важно, такъ какъ ея послѣдствіями остается весьма сильное предрасположеніе къ заболѣваніямъ болѣе серьезнымъ, дающимъ весьма почтенную цифру смертности“.

Громадна болѣзненность и смертность отъ лихорадки русскихъ поселенцевъ въ кубанской и терской областяхъ. Такъ, въ станицахъ Ханской, Кужорской и Бѣлорѣченской въ первые шесть мѣсяцевъ поселенія, съ іюня 1862 года по январь 1863 года, умерла одна десятая часть. Въ станицахъ по черноморскому побережью смертность была еще больше: въ нихъ „въ теченіе первыхъ шести лѣтъ умерло въ два съ половиной раза больше, чѣмъ родилось“ ²⁾.

Съ развитіемъ культуры въ окрестностяхъ поселеній въ кубанской и терской областяхъ, смертность въ нихъ уменьшилась и начался значительный приростъ населенія, въ особенности въ кубанской области, гдѣ малярія не столь губительна, какъ въ терской области, хотя и теперь въ обѣихъ этихъ областяхъ „въ іюлѣ и августѣ ею болѣетъ чуть-ли не все населеніе“ ³⁾, а иногда даже въ старыхъ поселеніяхъ, напримѣръ въ Кизлярѣ, малярія увеличиваетъ смертность до перевѣса ея надъ рождаемостью.

Вотъ цифры смертности отъ маляріи, приведенныя докторомъ Пантюховымъ, на стран. 45 его статьи.

Изъ обращавшихся къ врачебной помощи умерло отъ маляріи:

	въ 1894 г.	въ 1895 г.	въ 1896 г.
въ кубанской области	541	681	628
„ терской „	599	543	479

Въ среднемъ, изъ заболѣвшихъ маляріей умиралъ одинъ на 130—150 въ кубанской области, и одинъ на 70—80 въ терской.

Но эти цифры, какъ поясняетъ докторъ Пантюховъ, ниже дѣйствительныхъ, потому что къ врачебной помощи обращалось не болѣе пятой части заболѣвавшихъ.

¹⁾ „Протоколы Кавказскаго Медицинскаго Общества 1868 года“.

²⁾ Статья д-ра Пантюхова: „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“, стр. 42.

³⁾ „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“, стр. 45.

Указанія врачей о вліянні маларіи на переселенцевъ въ черноморскомъ побережьи сводятся къ тому, что эти колоніи, если не будутъ обновляться притокомъ новыхъ людей, быстро придуть къ вымиранію. Такъ, докторъ Розовъ, въ статьѣ: „Условія колонизаціи по южному черноморскому побережью“ ¹⁾, говоритъ о губительности маларіи въ этой мѣстности слѣдующее:

„Развалины древнихъ городовъ, селеній, церквей, жилищъ, пещеръ, въ изобилии оставшихся памятниками старины по всему южному черноморскому побережью, въ совокупности съ нынѣ существующими селеніями, гдѣ смертность въ 2—3 раза превышаетъ рождаемость и гдѣ населенію грозитъ явная гибель, а также частыя продолжительныя и изнурительныя лихорадки, отнимающія большую часть рабочихъ дней въ году у всякаго лица, живущаго въ данной мѣстности,—все это свидѣлствуетъ о томъ, что естественныя природныя условія совершенно неблагоприятны для здороваго организма человѣка и даже мѣстами прямо опасны для жизни“.

Въ слѣдующей таблицѣ г. Розовъ показываетъ цифры, свидѣлствующие о вымираніи населенія въ деревняхъ сухумскаго округа, со времени поселенія до 1890 года:

				родилось: умерло:	
Въ Баклановкѣ,	основ.	русскими въ 1879 г.	25	77	
„ Владиміровкѣ,	„	„ „ 1879 „	54	77	
„ Гнатенбергѣ,	„	нѣмцами „ 1879 „	9	10	
„ Линдау,	„	эстонцами „ 1884 „	31	75	
„ Нейдорфѣ,	„	„ „ 1884 „	10	16	
„ Николаевѣ,	„	мингрельц. „ 1884 „	30	48	
„ Эстонкѣ,	„	эстонцами „ 1882 „	29	71	

Всѣ эти селенія расположены на низменной равнинѣ въ разстояніи отъ 2 до 10 верстъ отъ морского берега, кромѣ Гнатенберга, гдѣ мѣстность холмистая.

Докторъ Розовъ говоритъ, что въ названныхъ селеніяхъ изъ 317 семействъ нѣтъ ни одного, которое не поддавалось бы лихорадочнымъ заболѣваніямъ, а послѣдствіями послѣднихъ „бываютъ изнуреніе, ослабленіе организма и малый процентъ рождаемости сравнительно съ смертностью“.

Такимъ образомъ—заключаетъ докторъ Розовъ свою статью—„если, по причинѣ чрезмѣрной смертности, въ селенія черноморскаго побережья не будутъ пріѣзжать новые поселенцы, въ силу ли

¹⁾ „Труды Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства“, 1890 г. № 1—2, стр. 21.

того, что убоятся смертности, или въ силу того, что не пожелаютъ подвергать себя изнурительнымъ лихорадкамъ, то жители селенія Баклановки черезъ 9 лѣтъ должны всѣ перемереть, во Владиміровкѣ просуществовать только 47 лѣтъ, въ Гнатенбергѣ 28 лѣтъ, въ Линдау 25 лѣтъ, въ Нейдорфѣ 39 лѣтъ, въ Николаевкѣ 29 лѣтъ и въ Эстонѣ 24 года“.

Въ такихъ вымирающихъ селеніяхъ не можетъ развиваться сельское хозяйство, потому что лихорадка отнимаетъ возможность работать и вызываетъ, притомъ, большіе расходы на лечение. „Большимъ бичомъ для мелкаго хозяина-поселянина,—говоритъ г. Розовъ,—служатъ частыя изнурительныя лихорадочныя состоянія, отнимающія у рабочихъ большую часть времени въ году“ и вызывающія большіе расходы на лекарства: „есть селенія, которыя ежегодно тратятъ на покупку хинина болѣе 600 рублей; есть селенія, гдѣ каждый домохозяинъ расходуетъ ежегодно до 25 рублей на приобрѣтеніе того же лекарства“.

Мѣстныя условія Кавказскаго края требуютъ особеннаго приспособленія къ нимъ, и туземцы знаютъ приемы этого приспособленія, выработанные путемъ продолжительной борьбы за существованіе съ вреднымъ климатомъ. У русскихъ переселенцевъ этого знанія нѣтъ, и потому они больше страдаютъ отъ маляріи, чѣмъ туземцы.“

„Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ докторъ Розовъ,—что греки, мингрельцы и болгары, какъ привышіе къ мѣстнымъ или соотвѣтствующимъ климатическимъ условіямъ, болѣе выносливы, чѣмъ русскіе поселенцы, прибывшіе изъ центральной и южной Россіи“.

Кромѣ того, въ русскихъ поселеніяхъ, какъ выражается упомянутый авторъ, „ужасающая бѣдность“. Въ селеніи Черниговкѣ 46 дворовъ; изъ нихъ 32 безлошадныхъ и 24 беззоровныхъ; въ Полтавкѣ на 29 дворовъ приходится 23 безлошадныхъ.

Г. Васильевъ, въ статьѣ: „Очеркъ развитія сельскаго хозяйства въ Черноморскомъ округѣ за истекшее десятилѣтіе 1868—1878 г.“¹⁾, описавъ неудачу поселеній казаковъ бывшаго шансугскаго берегового баталіона и 4-хъ деревень русскихъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній: Борисовки, Ѳедоровки, Раздѣльной и Высокой,—ставитъ вопросъ: какая національность наиболѣе пригодна для колонизаціи черноморскаго побережья, и

¹⁾ „Сборникъ Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства“, 1879 г., выпускъ II, стр. 144, 165 и 166.

даетъ такой отвѣтъ: „описываемая русская народность непригодна и несоответственна цѣлямъ колонизаціи округа въ интересахъ развитія высшей и низшей сельско-хозяйственной культуры. Греки, армяне, молдаване и чехи должны быть признаны, на основаніи приведенныхъ о каждомъ изъ нихъ данныхъ, наиболѣе стойкимъ, вполне соответственнымъ и производительнымъ элементомъ даже и при настоящихъ экономическихъ условіяхъ“.

То же говорить о русскихъ поселенцахъ и докторъ Пантюховъ: „Разобщенные съ родиною, заброшенные на пустынные берега часто бурнаго моря, испытывая многочисленныя отъ незнакомства съ страню неудачи; собранные случайно и не имѣющіе между собой ни нравственной связи, какъ русскіе сектанты, ни крѣпкаго объединенія церковью или національностью, какъ армяне, греки, мингрельцы, — русскіе поселенцы еще не чувствуютъ себя сидящими на своихъ надѣлахъ прочно. Живя въ дыравыхъ жилищахъ, то страдая отъ голодухи, то объѣдаясь плохими фруктами, не умѣя примѣнить свои силы для подходящей работы, поселенцы оказываютъ малое сопротивление маляріи и болѣютъ несравненно больше, чѣмъ люди, живущіе въ той же мѣстности, но въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ“ ¹⁾.

Отчеты Михайловской больницы въ Тифлисѣ также доказываютъ, что отъ кавказской маляріи страдаютъ преимущественно русскіе. Такъ, „изъ 28 человѣкъ, умершихъ въ тифлисской Михайловской больницѣ отъ злокачественной маляріи въ августѣ и сентябрѣ 1897 года, почти три четверти — русскіе черно-работіе“ ²⁾.

III.

При неимѣніи обстоятельнаго малярійно-топографическаго описанія Кавказа, нельзя съ точностью указать всѣ лихорадочныя мѣста въ этомъ краѣ и раздѣлить ихъ по степени интенсивности заразы. Малярія такъ распространена на Кавказѣ, что трудно сказать, гдѣ ея нѣтъ. Докторъ Пантюховъ называетъ Кавказскій перешеекъ „здоровымъ горнымъ островомъ, окруженнымъ малярійнымъ моремъ съ многочисленными заливами и проливами“ ³⁾.

¹⁾ „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 63.

³⁾ Тамъ же, стр. 80.

На приложенной къ статьѣ г. Пантюхова картѣ распредѣленія маляріи на Кавказѣ весь это край раздѣленъ на три категоріи мѣстностей: 1) мѣста, гдѣ малярійныя заболѣванія проявляются съ апрѣля по ноябрь, гдѣ онѣ бываютъ злокачественны и гдѣ маляріей болѣютъ всѣ; 2) мѣста, гдѣ малярійныя заболѣванія проявляются съ іюля по сентябрь, и гдѣ онѣ обыкновенно бываютъ незлокачественны, и 3) мѣста, гдѣ самостоятельной маляріи не существуетъ.

Въ послѣдней категоріи находятся плоскогорья Малаго Кавказа, горныя долины и склоны ахалцхскаго и главнаго хребтовъ и ихъ отроговъ, находящіеся на высотѣ не ниже 3.000—4.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Но и эти цифры не показываютъ точно опредѣленной границы, за которую малярія не переступаетъ. Такъ, напримѣръ, Александрополь, лежащій на высотѣ 5.090 футовъ, долженъ бы быть свободнымъ отъ маляріи, и онъ показанъ такимъ на картѣ доктора Пантюхова, а между тѣмъ и въ Александрополѣ страдаютъ отъ маляріи, какъ это видно изъ статьи г. Готфрида Гурко: „Краткое медико-топографическое описаніе Александрополя“ ¹⁾, въ которой говорится, что „лихорадка существуетъ также въ высокорасположенныхъ мѣстностяхъ съ песчаною или каменистою почвою... Гладкія и безплодныя плоскія возвышенности имѣютъ большею частію жителей болѣзненныхъ, а перемежающаяся лихорадка въ мѣстностяхъ этихъ есть болѣзнь господствующая, какъ это повторяется и въ Александрополѣ“.

Докторъ Пантюховъ дѣлаетъ въ своей картинѣ слѣдующее поясненіе: „ниже 3.000 футовъ ни одна мѣстность не можетъ почитаться свободною отъ маляріи. На уровнѣ тысячи и менѣе футовъ, малярія даже на самыхъ сухихъ мѣстностяхъ въ иные годы и времена года дѣлается весьма опасна. Наименѣе опасна она на склонахъ, наиболѣе—въ долинахъ и равнинахъ. На нѣкоторыхъ низменныхъ сырыхъ равнинахъ и долинахъ постоянное пребываніе человѣка невозможно“.

Докторъ Тороповъ опредѣляетъ распространеніе лихорадки на Кавказѣ тремя словами: она вездѣ, гдѣ „тепло, зелено и сыро“ ²⁾.

Эти условія максимальны въ долинахъ, и дѣйствительно, кавказскія долины, прославленные поэтами за красоту, чарующую

¹⁾ „Медицинскій Сборникъ Кавказ. Мед. Общества“ 1870 г., № 10.

²⁾ „Протоколъ засѣданія Кавказскаго Медицинскаго Общества“, 20-го ноября 1865 года, стр. 132.

путешественниковъ, наблюдающихъ эту красоту съ выющихся по высотамъ почтовыхъ дорогъ, представляются ужасными и безобразными для мѣстныхъ жителей. Такова, напримѣръ, знаменитая Алазанская долина.

„Телавскій уѣздъ, — говоритъ г. Аргутинскій ¹⁾, — отличающийся настолько красивою природою, что поэты не безъ основанія называютъ его земнымъ раемъ, къ сожалѣнію, является чистѣйшимъ адомъ по убійственному климату въ мѣстахъ, находящихся вблизи въ Алазани. И безъ того влажная почва во время весеннихъ разливовъ Алазани затопляется выходящею изъ береговъ рѣки водою, вслѣдствіе чего, по спаденіи водъ, образуются обширныя пространства болотъ и трясинъ, не высыхающихъ даже подъ вліяніемъ лѣтняго зноя. При такихъ условіяхъ жители прибрежной полосы вымираютъ отъ свирѣпствующихъ лихорадокъ съ поразительною быстротою. Смертность въ этой части уѣзда настолько значительна, что встрѣчаются нѣкогда-многолюдныя селенія, въ которыхъ уцѣлѣло всего нѣсколько домовъ, а также такія, въ которыхъ не осталось ни одной живой души. Такъ, селеніе Оболидзе, въ коемъ числилось около 200 дворовъ, исключено изъ числа населенныхъ мѣстъ, такъ какъ въ немъ вымерли всѣ жители. То же самое случилось и съ селеніемъ Байхо. Въ Чалаани, при составленіи въ 1859 году камеральнаго описанія, числилось 15 дымовъ; при составленіи же описанія въ 1873 году, въ немъ оказалось всего 4 дыма, а въ настоящее время (цитируемое изслѣдованіе напечатано въ 1887 г.) одинъ дымъ вымеръ, а два переселились въ другія селенія — подале, какъ выражаются крестьяне, отъ этихъ „Богомъ проклятыхъ“ мѣстъ. Въ селеніи Турисцихе изъ числившихся въ 1873 году 52 дымовъ осталось всего 31 дымъ; въ селеніи Санавердо изъ 35 дымовъ осталось 31 дымъ, въ Рчеулеті изъ 13 дымовъ — 9 и т. д.“

Г. Котурнищевъ въ „Медико-топографическомъ очеркѣ Алазанской долины“ ²⁾ говоритъ, что „лихорадочныя міазмы постоянно наполняютъ долину, какъ въ жаркое, такъ и въ холодное время“.

„На Агричаѣ, какъ и на Алазани, — говоритъ г. Куласовскій въ статьѣ: „Городъ Нуха въ медико-топографическомъ отношеніи“ ³⁾, — лихорадки до того сильны и опасны, что, безъ

¹⁾ „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“, томъ V, часть I, стр. 2.

²⁾ „Сборникъ Кавказскаго Медицинскаго Общества“ 1866 г., № 1, стр. 95.

³⁾ „Сборникъ Кавказскаго Медицинскаго Общества“ 1871 г., № 11, стр. 35.

сомнѣнія, Риго-де-Лиль удачнѣе могъ бы набрать здѣсь лихорадочнаго экстракта, нежели на знаменитыхъ Понтійскихъ болотахъ. Все пространство алазанскаго бассейна представляетъ собою настоящее царство всѣхъ видовъ мiasmатическихъ лихорадокъ, начиная съ простой трехдневной до сопорозной и паралитической“.

Въ „Очеркѣ санитарно-гигиеническихъ условій Прииорской долины“ ¹⁾ врачъ Худадовъ говоритъ, что „лѣвый берегъ Иоры отъ ея поворота у Маріенфельда до Мугалинской станціи и дальше служить источникомъ всевозможныхъ заболѣваній“. Деревню Мавави и ея окрестности народъ называетъ „гнилыми болотами“. Жители нѣкоторыхъ деревень по рѣкѣ Иорѣ „почти сплошь поражены малярійною кахексією въ болѣе или меньшей степени, а съ конца іюля по октябрь рѣдко кто ускользаетъ отъ свѣжихъ приступовъ intermittens“.

Губительна для населенія и Борчалинская долина.

„Изрѣзанная во всѣхъ направленіяхъ оросительными канавами,—говоритъ г. Аргутинскій-Долгоруковъ ²⁾, — въ которыхъ застаивается вода, мѣстами образуются топи и небольшія болотца, Борчалинская равнина въ лѣтнее время представляется крайне неблагопріятною для обитанія. Упорныя лихорадки, отъ которыхъ страдаетъ все мѣстное населеніе, цѣлыя тучи комаровъ и мошекъ, обиліе фалангъ, змѣй и другихъ пресмыкающихся вынуждаютъ болѣшую часть жителей съ ранней весны перекочевывать вмѣстѣ со своими стадами на высоты лѣтнихъ пастбищъ. Лихорадочности мѣста сильно способствуютъ и чалтычныя ³⁾ поля, цѣлое лѣто покрытыя слоемъ воды, которая гніетъ, разлагается и служитъ удобной средой для развитія всякаго рода низшихъ организмовъ... Отъ свирѣпствующей здѣсь лѣтомъ и осенью лихорадки населеніе не принимаетъ никакихъ мѣръ. Намъ доводилось пить воду во многихъ татарскихъ селеніяхъ низменности, и вода эта даже въ прокипяченномъ видѣ отзывалась болотомъ“.

Равнины въ районѣ закавказской желѣзной дороги тоже лихорадочныя. „Лихорадка,—говоритъ г. Аргутинскій-Долгоруковъ ⁴⁾,

¹⁾ „Протоколъ засѣданія Кавказскаго Медицинскаго Общества“ 1 ноября 1879 г., стр. 272.

²⁾ „Борчалинскій уѣздъ въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ“, стр. 18 и 28.

³⁾ Рисовня.

⁴⁾ „Исторія сооруженія и эксплуатаціи закавказской желѣзной дороги за 25 лѣтъ ея существованія“, стр. 254 и 255.

—въ западной части кутаисской губерніи, въ елисаветпольской и бакинской, имѣя въ виду мѣстности района желѣзной дороги, явленіе обычное и очень распространенное. Отъ нея никто не застрахованъ даже продолжительнымъ пребываніемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ: болѣютъ и мужчины, и женщины, и дѣти, хотя восприимчивостью къ ней особенно отличаются вновь прїѣзжающіе“.

Приведа, затѣмъ, свѣдѣнія изъ отчетовъ желѣзнодорожныхъ врачей, авторъ названной книги замѣчаетъ: „какъ велико значеніе маляріи въ ряду другихъ болѣзней, судить можно по числу больныхъ, умершихъ отъ нея въ 1893 году; таковыхъ оказывается 57 душъ; всѣхъ умершихъ въ годъ 363, причемъ значительную часть этихъ смертей надо приписать болѣзнямъ, развившимся вслѣдствіе лихорадокъ“.

Докторъ Пантюховъ пишетъ ¹⁾, что „самыми нездоровыми издавна почитаются побережья Чернаго и Каспійскаго морей и степи Муганская, Ширванская, Караизская и другія. Всѣ эти мѣстности до такой степени малярійны, что туземцы живутъ на нихъ только временно, главнымъ образомъ зимою, для пастьбы скота. Тамъ, гдѣ туземцы жили болѣе продолжительно, они постепенно вымирали. По описанію доктора Гедеванова, магометанское насеніе зангезурскаго уѣзда—вялое, малокровное, съ землистымъ цвѣтомъ лица, большими животами отъ увеличенныхъ печени и селезенки, полунагое, полуголодное—только тѣмъ и спасается отъ поголовнаго вымиранія, что на лѣтніе мѣсяцы уходитъ въ горы на „эйлагі“. Почти въ такомъ же жалкомъ видѣ представлялись Шардену и другимъ наблюдателямъ уроженцы малярійныхъ мѣстностей Абхазіи и Мингреліи“.

Черноморская низменность есть настоящее кладбище и русскихъ войскъ, и поселенцевъ. Русскіе крестьяне встрѣчаютъ здѣсь климатъ и почву, рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ, къ которымъ они привыкли на родинѣ. Число осадковъ втрое и вчетверо больше. Сорные травы такъ сильны, что борьба съ ними требуетъ много труда и матеріальныхъ средствъ. „Передъ борьбою съ сорными травами,—говоритъ г. Пантюховъ ²⁾,—отступали даже люди со знаніями и матеріальными средствами. Между прочимъ, Гамба, Ф. Бобыловъ, баронъ Лонгеймъ, упорно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ боровшіеся съ засореніемъ культурныхъ растений сорными травами въ Ріонской низменности, въ концѣ концовъ должны были отступить и признать себя побѣжденными“.

¹⁾ „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“, стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

Заросли папоротниковъ, мховъ покрываютъ влажную почву съ гниющими остатками своихъ предшественниковъ, развивающими мalarийную заразу. Даже въ сѣверной части черноморскаго побережья отъ Гагръ до Кофра, менѣе мalarийной, чѣмъ южная, мѣстное населеніе не увеличивается, а въ войскахъ, прежде квартировавшихъ тамъ (въ сороковые и пятидесятые годы) была огромная смертность отъ мalarіи. Такъ, по словамъ доктора Пантюхова ¹⁾, „гарнизонъ бывшаго недалеко отъ нынѣшняго Гудаута, укрѣпленія Бомборы, построеннаго, повидимому, на здоровой, сухой мѣстности, — былъ гробомъ многихъ сотенъ русскихъ солдатъ. На почвѣ мalarіи диссентерія, катарры, тифы, цинга, водянка, воспаленіе легкихъ — давали такую болѣзненность и смертность, что, по официальнымъ документамъ, въ 5—6 лѣтъ пребыванія въ Бомборахъ гарнизонъ этого укрѣпленія долженъ былъ быть совершенно обновляемъ, такъ какъ почти всѣ люди или умирали, или увольнялись отъ службы, какъ неспособные“.

Разница смертности въ войскахъ, расположенныхъ въ мalarійныхъ и немalarійныхъ мѣстностяхъ, поразительна. Такъ въ 1890—1891 году на 1.000 туземцевъ, бывшихъ въ военной службѣ, умерло:

Въ мalarійныхъ мѣстахъ:		Въ немalarійныхъ мѣстахъ:	
Въ зугдидскомъ уѣздѣ . .	79,5	Въ александропольскомъ у.	1,2
„ сухумскомъ „ . . .	56,6	„ зангезурскомъ у. . . .	4,2
„ лечхумскомъ „ . . .	52,2	„ сурмалинскомъ „ . . .	6,6
„ сенакскомъ „ . . .	42,4	„ тифлискомъ „ . . .	7,5

По личному наблюденію доктора Пантюхова, въ Сухумѣ и Поті, въ первый годъ по прибытіи туда здоровыхъ людей, заболѣвало мalarіей 75⁰%, во второй — 90⁰%, въ третій — 98⁰% всего числа прибывшихъ, причемъ пароксизмы возобновлялись отъ 3 до 6 разъ и болѣе въ теченіе года ²⁾.

Прикаспійскія низменности Кавказа также извѣстны сильнымъ развитіемъ мalarіи, хотя тамъ одно изъ благопріятныхъ для нея условій (влажность) значительно меньше, чѣмъ на черноморскомъ побережьи. Въ прикаспійскихъ низинахъ мalarія развивается отъ гніенія воды, остающейся послѣ весенняго разлива въ оврагахъ и болотахъ, и отъ употребленія дурной воды. Прибыль населенія въ септантскихъ колоніяхъ незначительна, вслѣд-

¹⁾ Тамъ же, стр. 54.

²⁾ „Вліяніе мalarіи на колонизацію Кавказа“, стр. 68.

ствіе большой смертности отъ маларіи. Такъ, въ метрическихъ книгахъ сел. Михайловки за 1887 годъ показано умершихъ отъ злокачественной лихорадки: въ августѣ 5, въ сентябрѣ 10, въ октябрѣ 6, въ ноябрѣ 8; а прибыль населенія въ 20 лѣтъ, съ 1871 по 1890 годъ, дала только 0,8% въ годъ ¹⁾.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ джеватскомъ уѣздѣ, бакинской губерніи, въ селеніи Петропавловскомъ, близъ слиянія Куры и Аракса, были поселены русскіе колонисты; но они „такъ жестоко страдали отъ маларіи, что большая часть ихъ или вымерла, или разбѣжалась“ ²⁾.

Приведу еще примѣръ изъ позднѣйшаго времени. Весной 1898 года, въ той же мѣстности, возлѣ новаго русла Аракса поселился выходецъ изъ таврической губерніи, запасный рядовой Подпалый, съ женой и 5 дѣтьми отъ 3 до 15 лѣтъ. У него было все необходимое для хозяйства и 300 рублей. Не долго они прожили на новомъ мѣстѣ: „въ іюлѣ и родители, и дѣти, начали болѣть, но скоро заболѣваемость достигла такой степени, при которой жизнь тамъ сдѣлалась невозможной. Растративъ всѣ деньги и заложивъ что можно, вся семья бѣжала и кое-какъ добралась до Тифлиса. Маларія и большія селезенки были у всѣхъ, а двое дѣтей, страдавшія злокачественными припадками, цѣлые дни лежали въ жару и полусознательномъ состояніи. Едва-ли можно сомнѣваться,—замѣчаетъ видѣвшій ихъ докторъ Пантюховъ,—что еслибы семья оставалась дольше на занятой мѣстности, то, по крайней мѣрѣ, двое дѣтей навѣрное погибли бы уже въ этомъ году“.

Поселенцы на Кавказѣ не страдаютъ отъ лихорадки только на значительныхъ высотахъ, каковы, на примѣръ, колоніи въ Манглисѣ, Бѣломъ-Ключѣ и на Ахалкалакскомъ плато, гдѣ были поселены духоборы. Занявъ это пустынное мѣсто на высотѣ 6.000 футовъ, они образовали 7 селеній и достигли значительнаго благосостоянія. У нихъ приходилось на семью, среднимъ числомъ, 10 лошадей, 8 штукъ рогатаго скота и 43 овцы. Въ 1896 году они были выселены въ горійскій уѣздъ, сравнительно не особенно маларный, но тѣмъ не менѣе они сильно потеряли отъ маларіи въ тѣ два года, которые прожили тамъ до переселенія въ Америку.

Нѣмецкія колоніи на Кавказѣ тоже страдаютъ отъ маларіи въ особенности въ елисаветпольской губерніи, и наименѣе—

¹⁾ Тамъ же, стр. 58.

²⁾ Тамъ же, стр. 59.

въ борчалинскомъ уѣздѣ. У нихъ очень велика смертность дѣтей.

Такимъ образомъ, кавказская лихорадка является въ большинствѣ случаевъ непобѣдимымъ врагомъ колонистовъ при нынѣшнемъ состояніи культуры страны. Колоніи сектантовъ въ сильно мalarійныхъ мѣстахъ ленкоранскаго уѣзда могли удержаться только потому что сектанты боролись съ мalarіей культурными мѣрами,—напримѣръ, обезпечили себя здоровой водой, проведя ее за 20 верстъ, хотя все-таки и этимъ однимъ не совсѣмъ устранили значительную болѣзненность отъ мalarіи. Отмѣчая эту неполную побѣду сектантовъ надъ мalarіей, г. Пантюховъ замѣчаетъ: „весьма вѣроятно однако, что только сплоченные во имя своей вѣры сектанты и только именно великорусскіе сектанты въ данныхъ условіяхъ и могли совершить такой подвигъ“¹⁾.

IV.

Неуспѣшность русскихъ поселеній на черноморскомъ берегу Кавказа объясняется не только тѣмъ, что не былъ принятъ во вниманіе убійственный климатъ этой мѣстности. Весь планъ колонизаціи, какъ мы сейчасъ увидимъ, былъ составленъ безъ соображенія съ мѣстными условіями и носилъ вполне бюрократическій характеръ.

Положеніемъ о колонизаціи Западнаго Кавказа 10 марта 1866 года установлены были три способа заселенія:

- 1) вызовъ переселенцевъ съ надѣломъ по 50 десятинъ удобной земли на каждое семейство въ общинное пользованіе;
- 2) отводъ земель, на основаніи городского и сельско-хозяйственнаго устава, по 50 десятинъ на каждое лицо, пожелавшее принять таковой надѣлъ съ извѣстными обязательствами;
- 3) продажа земельныхъ участковъ въ частныя руки.

Черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія этого положенія, кавказскій намѣстникъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1881 года, вслѣдъ за указаніемъ на то, что „правительство отнеслось къ дѣлу колонизаціи и къ положенію переселенцевъ въ высшей степени доброжелательно и въ общемъ потратило весьма немаловажныя средства“—говоритъ: „а между тѣмъ нынѣ, по прошествіи цѣлыхъ 15 лѣтъ постоянной правительственной заботы объ устрой-

¹⁾ „Вліаніе мalarіи на колонизацію Кавказа“, стр. 59.

ствѣ края, нельзя съ прискорбіемъ не сказать, что этими продолжительными усиліями достигнуты результаты весьма неудовлетворительные и нимаго не соответствующіе размѣрамъ потраченныхъ средствъ. Контингентъ собственно сельскаго населенія не превышаетъ ничтожной цифры 8.014 ¹⁾ душъ обоого пола: самое экономическое положеніе поселянъ далеко не утѣшительное; они повально пребываютъ въ бѣдности среди богатой и роскошной природы. Скучность экономическаго развитія округа ясно характеризуется тѣмъ, что изъ поселенцевъ округа чуть не большинство, а именно почти всѣ русскіе поселенцы, обращенные въ гражданское вѣдомство изъ водворенныхъ здѣсь первоначально казачьихъ станицъ, не занимаются вообще хлѣбопашествомъ, перебиваясь кое-какъ, преимущественно продажей фруктовъ изъ бывшихъ черкесскихъ садовъ... Значительное большинство поселянъ, преимущественно русскаго происхожденія, тоскуетъ въ окружающей его живописной горной мѣстности по однообразнымъ равнинамъ и степямъ прежнихъ мѣстъ жительства, и до сихъ поръ еще это большинство только и помышляетъ о томъ, чтобы вырваться изъ этой для него непривѣтной и давящей обстановки“.

Но „вырваться“ эти несчастные колонисты не могли, потому что ихъ прикрѣпилъ къ землѣ долгъ казнѣ, сдѣланный при поселеніи.

На основаніи 1 и 2 пунктовъ упомянутаго Положенія, взяли земли 103 лица, изъ которыхъ только 25 занялись обработкой своихъ участковъ; а продажа казенной земли въ частныя руки (пунктъ 3-й) сопровождалась такими недоразумѣніями, которыя должны были отбить всякую охоту покупать эти земли. Дѣло въ томъ, что проектные планы, по которымъ совершались при продажѣ владѣнные документы, настолько не соответствовали границамъ въ натурѣ, что отмежеваніе оказывалось невозможнымъ, и покупателямъ приходилось возвращать ихъ деньги, уничтожая акты продажи ²⁾.

Признавъ, что русскіе поселенцы-хлѣбопашцы не пригодны для высшихъ культуръ въ черноморскомъ побережьи, кавказская администрація приглашала чеховъ, молдаванъ, армянъ, грековъ для колонизаціи Кавказа, но дѣло это опять велось бюрократическимъ порядкомъ и отличалось присущими ему беспорядками. Такъ, напримѣръ, въ докладѣ переселенческой коммисіи 1886 года разсказана такая исторія:

¹⁾ Въ томъ числѣ 4.000 казаковъ, поселенныхъ до изданія Положенія 1866 года.

²⁾ „Московскія Вѣдомости“ 1885 г., №№ 202 и 220.

„На морскомъ берегу въ іюлѣ мѣсяцѣ около Геленджика были высажены 100 греческихъ и армянскихъ выходцевъ изъ Турціи, которые въ продолженіе 5 дней терпѣли страшныя неудобства; не имѣя ни палатокъ, ни балагановъ, старики, женщины и грудныя дѣти мокли подъ проливнымъ дождемъ и проводили ночи на морскомъ берегу, не имѣя ни дровъ, ни достаточной пищи, ни даже прѣсной воды“.

Прочитировавъ это изъ доклада переселенческой комиссіи, г. Дукмасовъ въ статьѣ: „О заселеніи черноморскаго побережья Кавказа казачьими войсками“ ¹⁾, говорить: „мы не станемъ повторять здѣсь отзывы поселенцевъ о прогнившемъ казенномъ провіантѣ, о задержкахъ или неполныхъ выдачахъ денегъ отъ правительства, о какомъ-то суррогатѣ вмѣсто хины, и пр., и пр. Можно ли послѣ всего этого удивляться неуспѣшному заселенію края? Нельзя удивляться и тому, что водворившіеся уже поселенцы смотрять вонъ изъ побережья“.

Кромѣ того, въ Западномъ Кавказѣ повторилась исторія расхищенія казенныхъ земель. Онѣ раздавались чиновникамъ безъ всякаго разбора, и высшимъ, и низшимъ; такъ, напримѣръ, въ Цебельдѣ получили казенныя земли: столоначальникъ Николаевъ, журналистъ Васильевъ, генеральный консулъ въ Рущукѣ Мошинъ, старшій благочинный Мачевариани ²⁾.

Большинство получившихъ такимъ образомъ землю, а также и приобрѣвшихъ ее на льготныхъ условіяхъ обработкой ея не занимались; ихъ участки были запущены, покрылись зарослями и сдѣлались очагами маляріи.

Этотъ „землевладѣльческій интеллигентный классъ“ — говоритъ г. Васильевъ въ „Очеркѣ развитія сельскаго хозяйства въ Черноморскомъ округѣ“ ³⁾ — „не оправдалъ ни задачъ колонизаціи, ни надеждъ общества и правительства на развитіе въ краѣ высшей культуры. Его присутствіе въ округѣ является къ прискорбію крайнѣ вреднымъ, во-первыхъ, потому что 7—8 лѣтъ тому назадъ превосходныя горскія уголья, сады, луга, пахотныя пространства и др. исчезли подъ пологомъ молодыхъ лѣсовъ, а во-вторыхъ, принадлежащія ему нынѣ 65.000 десятинъ отняты для культуры у рабочаго элемента“.

При поселеніяхъ не было принято въ соображеніе, годятся ли отводимыя земли для хлѣбопашества, и сьумѣютъ ли пере-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1886 года.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Сборникъ Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства“, выпускъ II, 1879 года.

селенцы заняться другими, возможными на этихъ земляхъ, культурами—садоводствомъ и виноградарствомъ; поэтому „сельскіе земельные надѣлы—говоритъ тотъ же авторъ,—будучи непригодными для культуры хлѣбовъ, оставлены на произволъ роскошнымъ силамъ богатой природы безъ всякаго надзора, вслѣдствіе чего уменьшается число угодій въ пользу лѣсовъ, и несмотря на очевидную выгодность садоводства, оно не только не развивается, но даже горскіе сады приходятъ въ полное разстройство“.

Въ черноморскомъ побережьи переселенцамъ отводили земли преимущественно въ прибрежной полосѣ, которая пригодна для высшихъ культуръ, но не для хлѣбопашества; высшія же культуры, кромѣ знаній, требуютъ и довольно значительныхъ капиталовъ,—а ни тѣхъ, ни другихъ у переселенцевъ не было.

Изъ 20-ти селеній, основанныхъ въ прежнее время въ южной части черноморскаго округа, 16 были расположены въ прибрежной полосѣ, 3—въ средней, и только одно (Красная-Поляна)—въ нагорной; но это послѣднее было устроено не при содѣйствіи администраціи, а самовольно греками. Нѣсколько лѣтъ начальство и не знало о немъ, а затѣмъ, примирившись съ фактомъ, зачислило грековъ въ поселенцы.

При такой непрактичности въ выборѣ мѣста для поселеній получилась полная неудача.

„Результаты водворенія поселенцевъ въ прибрежной полосѣ—говоритъ г. Швецовъ ¹⁾—оказались весьма плачевные. Трудности, встрѣченныя при устройствѣ хозяйства въ пустынномъ краѣ, отсутствіе дорогъ и страшная смертность, развившаяся какъ послѣдствіе болотныхъ лихорадокъ, подломили силы первыхъ переселенцевъ: многія семьи поголовно вымирали, другія бросали хозяйство и спѣшили уйти изъ гибельнаго для нихъ края“.

Слѣдующія цифры наглядно показываютъ регрессъ черноморскихъ колоній прибрежной полосы.

Въ сел. Пиленковой было водворено въ 1871 году 79 семействъ молдаванъ; въ Адлерѣ поселились въ 1869 году 48 семействъ тоже молдаванъ; въ Навагинской—61 семья нѣмцевъ и русскихъ въ 1867 году; въ Лазаревской—43 семьи грековъ въ 1869 году. Изъ нихъ въ 1876 году—

въ Пиленковѣ умерло 15, выселились 28

„ Адлерѣ „ 18 „ 15

¹⁾ „Справка къ вопросу о колонизаціи Черноморской губерніи“, въ № 315 „Кавказа“.

въ Навагинской	”	10	”	34
” Лазаревской ¹⁾	”	6	”	26

Кромѣ крестьянскихъ поселеній въ Черноморьѣ была сдѣлана попытка образованія крупныхъ хозяйствъ. Отведено было болѣе 53.000 десятинъ въ 96 участкахъ, но изъ нихъ въ 1897 г. хозяйство велось только въ 7-ми участкахъ. Остальные же землевладѣльцы, по словамъ г. Швецова, „въ большинствѣ случаевъ въ устройству хозяйства совсѣмъ не приступали, и земли ихъ, оставаясь въ полномъ запустѣннѣ, покрылись сплошными зарослями и служатъ теперь очагами злокачественныхъ лихорадокъ на побережьѣ“.

Причинами неудачи колонизаціи Черноморья г. Швецовъ называетъ: недостаточное знакомство съ краемъ и его особенностями, неудачный выборъ мѣстъ, отведенныхъ для поселеній, отсутствіе послѣдовательности въ выборѣ самихъ элементовъ, призываемыхъ для водворенія, и, наконецъ, допущенную неопредѣленность границъ владѣнія въ учреждаемыхъ поселеніяхъ.

А все это произошло отъ некомпетентности въ такомъ сложномъ дѣлѣ его распорядителей и отъ того, что при опытахъ колонизаціи Кавказа, производившихся безъ предварительнаго изученія мѣстныхъ условій, позабывалось, что объекты этихъ опытовъ—живые люди, и что цѣль колонизаціи—благо людей.

Указывая на неудачу поселеній въ 1862 году казаковъ между Лабюю и Бѣлою въ Кубанской области, гдѣ изъ 3 заболѣвалъ 1, а умиралъ 1 изъ 12 заболѣвшихъ, г. Козляковскій ²⁾ говоритъ, что это произошло „главнымъ образомъ отъ нераспорядительности въ этомъ отношеніи военнаго начальства; въ данномъ случаѣ оно или не умѣло взяться за дѣло, или же, поглощенное многосложными занятіями, какъ бы ближе касавшимися рода службы его, смотрѣло на болѣзненность и смертность переселенцевъ какъ на обстоятельства, до него не касавшіяся. Должно быть это такъ, потому что еслибы было иначе, то явленія при заселеніи новыхъ пунктовъ на Кавказѣ въ одномъ году служили бы назидательнымъ урокомъ при водвореніи колонистовъ въ слѣдовавшихъ за тѣмъ годахъ; между тѣмъ крупныя погрѣшности этого рода упорно повторялись изъ года въ годъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, прошло болѣе 30 лѣтъ, и только въ послѣднее время была замѣчена „назидательность“ неудачныхъ

¹⁾ Къ 1873 году.

²⁾ „Протоколы засѣданій Кавказск. Медич. Общества“ 1865 года, стр. 111.

опытовъ колонизаціи Кавказа и признана необходимость цѣлесообразнаго плана въ этомъ дѣлѣ. Первый шагъ въ этомъ направленіи представляютъ работы особой экспедиціи, учрежденной въ 1895 году для изслѣдованія нагорной и средней полосъ черноморскаго округа, съ цѣлью устройства участковъ для русскихъ переселенцевъ, и особая тифлисская комиссія, основанная въ 1892 году по вопросу объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ въ пяти закавказскихъ губерніяхъ. Эти комиссіи опредѣляютъ одно изъ основаній колонизаціоннаго плана, выяснивъ количество свободныхъ казенныхъ земель, которыя могутъ быть предоставлены переселенцамъ. Но пока это выяснится, пока будутъ сдѣланы изслѣдованія свободныхъ земель въ санитарномъ отношеніи и разрѣшатся вопросы о земельномъ обезпеченіи „хизанъ“ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на Кавказѣ, тѣсно связанные съ переселенческимъ вопросомъ — практика переселенческаго дѣла по прежнему опредѣляется бюрократической метафизикой, губительно отзывающейся на русскихъ колонистахъ, какъ это видно изъ отчета „Закавказскаго Общества вспомошествованія русскимъ переселенцамъ“.

Съ дѣятельностью этого очень молодого, но уже вполне проявившаго свой характеръ „Общества“ намъ необходимо ознакомиться.

V.

Кавказскому переселенческому „Обществу“ всего только два года, но взглядъ его на свою задачу вполне выяснился какъ въ теоретическихъ положеніяхъ, высказанныхъ въ общихъ собраніяхъ и въ газетѣ „Кавказъ“, такъ и въ практической дѣятельности. Благодаря этому взгляду, „Общество“ встрѣтило сочувствіе только въ средѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ, а именно сохранившихъ старинное представленіе о канцелярскомъ усмотрѣніи, которое можетъ наилучшимъ образомъ разрѣшать всѣ вопросы народной жизни и не нуждается для этой цѣли ни въ изученіи мѣстныхъ условій, ни въ ознакомленіи съ исторіей дѣла для извлеченія изъ нея назидательныхъ уроковъ.

Въ первомъ же засѣданіи „Общества“ проявился тотъ извѣстный специфическій „патріотизмъ“, отъ котораго опасно сторонятся истинные патріоты, основанный на расовой нетерпимости и политическомъ фарисействѣ. Этотъ „патріотизмъ“ вы-

разился въ курьезномъ протестѣ противъ перваго параграфа устава „Общества“.

Въ немъ было сказано, что „Общество“ учреждается „для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ, переселяющимся съ разрѣшенія подлежащаго начальства“.

При такой редакціи перваго параграфа устава, предусмотрительнымъ членамъ „Общества“ представилась возможность такого случая.

Вдругъ въ числѣ переселенцевъ, получившихъ разрѣшеніе переселиться, окажутся не-русскіе: вѣдь разрѣшалось же переселеніе на Кавказъ грекамъ, молдаванамъ, нѣмцамъ; наконецъ, недавно наше правительство давало пріютъ на Кавказѣ армянамъ, бѣжавшимъ отъ избіенія изъ Турціи. А при такомъ возможномъ случаѣ переселенческое „Общество“ обязано будетъ оказывать помощь и инородцамъ, такъ какъ въ уставѣ говорится о помощи „нуждающимся переселенцамъ“ безъ различія національностей. „Общество“ же этого не желаетъ: оно — русское „Общество“, оно мечтаетъ только о русскихъ поселенцахъ; оно готово помогать только русскимъ; оно проникнуто русскимъ духомъ. Рекламируя склоненіемъ словъ: „русскій“, „свой“, „патріотизмъ“, отъ котораго, какъ мы увидимъ, жестоко пострадали русскіе же переселенцы, „Общество“ рѣшило, что при такой редакціи перваго параграфа устава оно не можетъ дѣйствовать, и что необходимо ходатайствовать объ измѣненіи редакціи параграфа въ томъ смыслѣ, чтобы съ „Общества“ была снята тягостная для него обязанность помогать инородцамъ, въ числѣ которыхъ могутъ оказаться и ненавистные кавказскимъ „патріотамъ“ армяне. Теперь этотъ „изъянъ въ буквѣ“, какъ выразился „Кавказъ“, устраненъ, и „Общество“ называется „Закавказскимъ Обществомъ вспомошествованія русскимъ переселенцамъ“.

Можно было бы ожидать, что это русское „Общество“ отнесется хоть къ русскимъ переселенцамъ съ симпатіей и вниманіемъ и избавитъ русскихъ крестьянъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыя они испытывали до сихъ поръ на Кавказѣ, ощупью отыскивая „новыя мѣста“. Можно этого было бы ожидать, еслибы не было извѣстно, что „патріотизмъ“ въ кавычкахъ не только не включаетъ въ себя любви къ народу, а напротивъ, характеризуется пренебреженіемъ къ его интересамъ. Всякій „фобъ“, желая зла ненавистой ему націи, не дѣлаетъ добра и тому народу, относительно котораго онъ является „филомъ“, потому что для дѣланія добра надо любить прежде всего человѣка, быть гуманнымъ; благожелательство не опредѣляется метрическими сви-

дѣлствами, а сердце такого патріота, который въ то же время непремѣнно какой-нибудь „фобъ“, только отъ нихъ и получаетъ импульсъ.

Неосновательность надежды, что „Общество“, такъ настойчиво подчеркивавшее свои симпатіи къ русскимъ, явится другомъ русскихъ переселенцевъ, обнаружилась очень скоро.

Въ „Новомъ Обозрѣніи“ было указано на то, что переселенческое „Общество“, начиная свои дѣйствія въ 1898 году, имѣетъ въ исторіи колонизаціи Кавказа поучительные уроки, которыми слѣдуетъ воспользоваться, чтобы Кавказъ пересталъ быть „погибельнымъ“ для русскихъ переселенцевъ. Напомнивъ, что до сихъ поръ для русскихъ селеній на Кавказѣ отводили земли, безъ предварительнаго изслѣдованія степени пригодности ихъ для этой цѣли, и что только потомъ, изъ горькаго опыта вымиранія такихъ селеній, убѣждались въ губительности отведенныхъ для нихъ мѣстъ, — названная газета замѣтила, что новому „Обществу“ слѣдуетъ поставить переселенческое дѣло серьезно, устранить изъ него стихійность и расчеты на авось, приводившіе къ печальнымъ результатамъ, и начать дѣло не съ конца, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, т.-е. не съ указанія мѣстъ для поселенія по канцелярскому усмотрѣнію; а съ обстоятельныхъ описаній этихъ мѣстъ, съ цѣлью убѣдиться, пригодны ли они для русскихъ поселеній.

Иначе, конечно, и не могли бы поступить сторонники русской колонизаціи Кавказа, желающіе добра русскимъ людямъ; но въ томъ-то и бѣда, что у „патріотовъ“ въ привычкахъ изъ выраженія: „русскій человекъ“ — второе слово выпадаетъ и остается одно только первое: „русскій“, въ которомъ уже нѣтъ представленія о человекѣ, какъ чувствующемъ и мыслящемъ существѣ, а есть нѣчто метафизическое: русскіе теряютъ свою плоть и кровь и представляются въ видѣ отвлеченныхъ единицъ, надъ которыми можно оперировать какъ угодно.

Такъ именно и взглянуло кавказское переселенческое „Общество“ на свою задачу. Оно упростило ее до элементарности, какъ это дѣлалось и въ старину. Есть свободныя мѣста и надо ихъ заселить какъ можно скорѣе русскими, чтобы ихъ только не заняли армяне. Описаній для опредѣленія качества этихъ свободныхъ земель не нужно; если они негодны, то это окажется изъ опыта, и если русскіе переселенцы перемрутъ отъ маляріи или уйдутъ обратно на родину — бѣда не велика, потому что на ихъ мѣсто придутъ новые переселенцы, и недостатка въ нихъ не будетъ, а статья „Новаго Обозрѣнія“ есть не что иное, какъ

„армянская интрига“. Это и было печатно заявлено г. Р. П. въ газетѣ „Кавказъ“ ¹⁾).

„Хитро написано“, — замѣтилъ г. Р. П., и объяснилъ, что хитрость указанія на необходимость описаній свободныхъ земель на Кавказѣ заключается въ желаніи выиграть время: „пока будетъ производиться описаніе земель, и эти мѣстности будутъ фактически заняты армянскими бѣглецами, въ интересахъ коихъ только и можно разводить подобную ахинею“.

Въ такой постановкѣ своей задачи переселенческое „Общество“ предполагало государственную цѣль, обнаруживъ этимъ смутное пониманіе государственной идеи. Государство имѣетъ одну только цѣль — наилучшее устройство жизни всѣхъ и каждаго, а слѣдовательно челоуѣкоубійственные опыты съ переселенцами во имя государственности есть очевидная нелѣпость. Идея государства и идея благоустройства всѣхъ живущихъ въ немъ — синонимы, а противоплагать ихъ и ставить государство выше блага людей — значитъ превращать средство въ цѣль и въ концѣ концовъ придти къ заключенію: пусть погибнетъ міръ ради государства.

Кавказское переселенческое „Общество“, исходя изъ такого представленія о государствѣ, рѣшило: пусть страдаютъ и гибнуть русскіе крестьяне и да здравствуетъ идея обрусенія Кавказа. Оно рѣшило дѣйствовать безъ предварительныхъ изслѣдованій мѣстъ для поселенія, какъ можно поспѣшнѣе, безъ раздумья надъ сложностью своей задачи. Такимъ образомъ, у темной массы переселенцевъ,двигающихся на новыя мѣста на авось, явился интеллигентный руководитель, принявшій за основаніе руководительства тоже авось. Прежде крестьяне сами шли въ маларійныя мѣста, надѣясь, что, Богъ дастъ, не заболѣютъ, а теперь ихъ направляетъ туда руководитель съ такимъ же расчетомъ.

Но обратимся къ фактамъ, доказывающимъ сказанное.

Есть въ Закавказьѣ такъ называемые Караязы, одна изъ самыхъ маларійныхъ мѣстностей. Докторъ Пантюховъ говоритъ ²⁾, что „самыми нездоровыми почитаются побережья Чернаго и Каспійскаго морей и степи Муганская, Ширванская, Караязская и другія. Всѣ эти мѣстности до такой степени маларійны, что туземцы живутъ на нихъ только временно, главнымъ образомъ зимою, для пастьбы скота. Тамъ, гдѣ туземцы жили болѣе продолжительно, они постепенно вымирали“.

¹⁾ 1898 года, № 96.

²⁾ „Вліяніе маларіи на колонизацію Кавказа“, стр. 49.

Такое заведомо маларійное мѣсто—Караязы—кавказское переселенческое „Общество“ и выбрало для „патріотических“ опытовъ надъ русскими крестьянами. Оно поселило въ Караязахъ 7 семействъ переселенцевъ. Результаты опыта могъ предсказать всякій, знающій, чтѣ такое Караязы, и вотъ чтѣ о нихъ говорится въ отчетѣ переселенческаго комитета ¹⁾).

„Въ мартѣ и апрѣлѣ въ Караязахъ появился сыпной тифъ, отъ котораго пострадали и переселенцы. По мнѣнію нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, указанная болѣзнь была своеобразною острою формою маларіи, но такой взглядъ пока не находитъ научнаго подтвержденія ²⁾. По наблюденію комитета, маларія у караязскихъ переселенцевъ стала въ легкой формѣ проявляться уже въ іюлѣ, но особенно усилилась въ августѣ и въ началѣ сентября. Пароксизмы обыкновенно были не жестокіе и сравнительно легко поддавались леченію хининомъ. До сентября было всего 5 заболѣваній на 42 души, а въ сентябрѣ переболѣло значительное большинство ³⁾, при чемъ трудно-больныхъ было трое; однако, ни отъ маларіи, ни отъ другихъ болѣзней не только не было случаевъ смерти, но даже не осталось особенно сильнаго изнуренія“. Въ сентябрѣ 5 семействъ получили извѣстіе, что имъ разрѣшено поселиться на выбранномъ ими участкѣ въ сочинскомъ округѣ, и немедленно оставили Караязы, бросивъ построенные ими дома...

Оцѣнивая результаты этого опыта, переселенческій комитетъ говоритъ: „изложенное служить порукою того, что караязской русской колоніи предстоитъ дальнѣйшее развитіе“, и что „практика истекшаго періода дала сравнительно благопріятные результаты“.

Замѣчательные выводы изъ фактовъ! Люди бѣгутъ изъ Караязъ при первой возможности, переболѣли маларіей „почти всѣ“, и это называется „сравнительно благопріятными результатами“, и „Общество“ рѣшило продолжать опыты въ Караязахъ, а на мѣсто бѣжавшихъ семействъ уже „намѣчены“, какъ выражается переселенческій комитетъ въ своемъ отчетѣ, новыя несчастныя русскія семьи, которыхъ нужда заставляетъ идти и въ

¹⁾ „Кавказъ“ 1899 года, № 298.

²⁾ Это подтвержденіе заключается въ извѣстномъ мнѣніи врачей, что на почвѣ маларіи съ большимъ успѣхомъ развиваются заразные и другія болѣзни; такъ, докторъ Павлюховъ говоритъ, что, кромѣ непосредственной смерти, маларія еще болѣе опасна тѣмъ, что, истощая организмъ, она дѣлаетъ его воспримчивымъ ко всякимъ другимъ заболѣваніямъ“ („Вліяніе маларіи на колонизацію Кавказа“, стр. 45).

³⁾ По краткому отчету въ № „Кавказа“ отъ 17 октября—„почти всѣ“.

Караязы. „Общество“ упорно стоитъ на своемъ неудачномъ планѣ и постановило открыть въ Караязахъ школу, мало интересуясь вопросомъ, будутъ ли въ ней ученики. При обсужденіи этого вопроса въ общемъ собраніи, г. Богословскій замѣтилъ, что думать о школѣ въ Караязахъ преждевременно, „такъ какъ самое существованіе поселка въ этой мѣстности, въ виду неблагоприятныхъ гигиеническихъ условій ея, не рѣшено еще окончательно“; но предсѣдатель г. Бутыркинъ заявилъ, что „вопросъ о возможности существованія русскаго поселка въ Караязахъ надо считать разрѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ“¹⁾, и общее собраніе согласилось съ предсѣдателемъ.

Когда въ мѣстной и столичной печати появились статьи, упрекавшія кавказское переселенческое „Общество“ за поселеніе русскихъ крестьянъ въ Караязахъ, то „Общество“, въ оправданіе свое, сослалось на то, что переселенцы сознательно шли на свою бѣду. Такъ, „Кавказъ“²⁾, иронизируя надъ газетой „Россія“, которая, „ставъ на „гуманную“ точку зрѣнія, опорочиваетъ мѣру, принятую общимъ собраніемъ нашего переселенческаго „Общества“,—опытъ поселенія русскихъ людей въ Караязахъ, т.-е. въ мѣстѣ типичномъ для всего восточнаго Закавказья“, говорить, что это былъ „подготовительный *опытъ* съ небольшою горстью людей, сознательно на него идущихъ“.

То же самое говоритъ и переселенческій комитетъ въ своемъ отчетѣ: „общимъ собраніемъ 14 февраля было постановлено поручить комитету поселить въ Караязахъ нѣсколько русскихъ крестьянскихъ семействъ съ цѣлью *удостовериться* въ степени пригодности этой мѣстности для русской колонизаціи, поставленной по возможности въ удовлетворительныя условія. На этотъ опытъ приспособленія къ климату и почвѣ, типичнымъ для большинства мѣстностей восточнаго Закавказья, воплѣ сознательно пошли сперва 5 русскихъ семей, а потомъ еще 2 изъ числа испытывшихъ дотолѣ многія лишенія на черноморскомъ побережьи и уже ознакомившихся съ главнымъ бичомъ многихъ мѣстностей Закавказья—съ маляріей“.

Надо вникнуть въ подробности дѣла, чтобы понять, съ какой „полной сознательностью“ шли русскіе переселенцы въ Караязы.

Приѣхали на Кавказъ искать счастья 5 русскихъ семействъ, облюбовали мѣста для поселенія въ сочинскомъ округѣ и по-

¹⁾ „Кавказъ“ 1899 г., № 308.

²⁾ „Кавказъ“ 1899 г., № 298.

дали прошеніе объ отводѣ надѣловъ. Пошло это прошеніе по инстанціямъ съ обычной канцелярской волокитой, а люди ждали-ждали, проживались и истомились отъ ожиданія. Не получая нѣсколько мѣсяцевъ отвѣта, они рѣшили, что, значить, его и не будетъ. И вотъ въ такомъ положеніи эти несчастныя русскія семьи обратились въ переселенческій комитетъ съ просьбой о помощи.

Казалось бы, прежде всего комитету слѣдовало снести съ кѣмъ слѣдуетъ по телеграфу и выяснить, будутъ ли отведены названнымъ крестьянамъ просимые ими надѣлы въ сочинскомъ округѣ, или же ихъ прошеніе „оставлено безъ уваженія“. Затѣмъ, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, прямой обязанностью комитета было предостеречь крестьянъ отъ поселенія въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ, объяснивъ имъ, что уже много русскихъ людей погибло на Кавказѣ отъ того, что они селились въ маларійныхъ мѣстахъ. Для большей вразумительности комитета могъ бы прочесть переселенцамъ, еслибы они говорили, что авось не заболѣмъ, брошюру члена переселенческаго „Общества“ доктора Пантюхова: „Вліяніе маларіи на колонизацію Кавказа“. Комитетъ, конечно, не долженъ былъ ограничиться предостереженіемъ переселенцевъ отъ маларійныхъ мѣстъ, — онъ долженъ былъ направить ихъ въ здоровыя мѣстности, получивъ предварительно указаніе такихъ мѣстъ отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Все это и было бы сдѣлано, еслибы кавказское переселенческое „Общество“ дѣйствительно имѣло цѣлью „заботиться о русскихъ переселенцахъ“; но такъ какъ оно интересовалось только общественными опытами, то комитетъ и указалъ переселенцамъ на Караязы. Этого мало: онъ не ограничился простымъ указаніемъ, — онъ открылъ передъ переселенцами соблазнительныя перспективы. Переселенцамъ было обѣщано заарендовать для нихъ землю, снабдить ихъ земледѣльческими орудіями и сѣменами для посѣва, дать средства для постройки домовъ, пару быковъ и корову и, наконецъ, кормовыя деньги до іюля.

Не трудно представить положеніе переселенцевъ при такихъ условіяхъ. Имъ некуда дѣваться, на родинѣ нужда, облюбованной земли на Кавказѣ имъ не даютъ, они прожились, а переселенческій комитетъ предлагаетъ всякое пособіе, — только иди въ Караязы. Положеніе было такое, что бѣдняки даже съ чортомъ вошли бы въ соглашеніе, а тутъ вѣдь русскіе господа, не посовѣтуютъ же они худого дѣла русскимъ людямъ. Правда, тамъ, говорятъ — лихорадка, — ну да вѣдь „Богъ не выдастъ, свинья

не съѣсть“, — авось не заболѣемъ! А главное, выбора нѣтъ, по неволѣ согласишься.

Развѣ можно сказать, что эти крестьянскія семьи „вполнѣ сознательно“ пошли въ Караязы?.. Дѣло ясное: общее собраніе кавказскаго переселенческаго „Общества“ поручило комитету „поселить въ Караязахъ нѣсколько русскихъ крестьянскихъ семействъ, съ цѣлью удостовѣриться въ степени пригодности этой мѣстности для русской колонизаціи“, и комитетъ, воспользовавшись безысходнымъ положеніемъ переселенцевъ, исполнилъ указанное постановленіе.

Но обратимся къ другимъ *опытамъ* съ русскими людьми, произведеннымъ кавказскимъ переселенческимъ „Обществомъ“, *опытамъ* въ буквальный смыслъ убійственнымъ. Познакомимся съ результатами русскихъ поселеній на Тертерѣ и Джанъ-Ятагѣ.

Отчетъ объ этихъ поселеніяхъ можетъ быть названъ реляціей о проигранномъ сраженіи, давшемъ множество убитыхъ и раненыхъ. Тертеръ и Джанъ-Ятагъ представляютъ сильно укрѣпленные, неприступные безъ предварительнаго культурнаго воздѣйствія лагери несмѣтныхъ полчищъ мalarійныхъ бактерій. Переселенческій комитетъ рѣшилъ взять ихъ на ура, распоряжаясь этимъ штурмомъ издалека, изъ Тифлиса, какъ извѣстный австрійскій гофъ-кригсратъ. Но, желая вести культурную борьбу по-военному, патріоты кавказскаго переселенческаго „Общества“ позабыли познакомиться съ тактикой, изъ которой могли бы узнать, что взятіе крѣпости требуетъ болѣе или менѣе продолжительной подготовки: къ крѣпости приближаются траншеями, закладывая ихъ постепенно тремя параллелями, а самый штурмъ готовится продолжительной бомбардировкой. Переселенческій комитетъ, не признавая надобности для „культуркампфа“ ни въ изученіи мѣстности, ни въ руководствѣ указаніями опытовъ прежнихъ легкомысленныхъ кампаній противъ мalarійныхъ бактерій, рѣшилъ дѣйствовать по-прежнему, не щадя „пушечнаго мяса“.

Атака поведена была двумя колоннами. Черниговцы, въ числѣ 24 семействъ, были направлены на Тертеръ; куряне, въ составѣ 36 семействъ — на Джанъ-Ятагъ. О результатахъ этого неразумнаго „опыта“ получились, какъ выражается переселенческій комитетъ въ своемъ отчетѣ, „извѣстія нерадостныя“. Первая колонна потеряла убитыми мalarійными бактеріями 12 человекъ; ранены всѣ остальные; на Тертерѣ осталось для вымиранія 11 семействъ, 13 — бѣжали обратно въ черниговскую губернію. Въ другой колоннѣ убито 13 человекъ, ранены тоже

всѣ остальные; 15 семействъ остались въ Джанъ-Ятагѣ, чтобы „довести до конца свою попытку приспособиться къ новымъ мѣстамъ“, другими словами—вымереть, а 21 семейство вернулось на родину. Однимъ словомъ, все это было то, что называется — „*experimentum in anima vili*“.

Отчетъ объ этихъ бѣдствіяхъ русскихъ переселенцевъ заключается громкой фразой о „патріотически-благотворительной задачѣ“ кавказскаго переселенческаго „Общества“. Но если оно рѣшило продолжать свою дѣятельность такими же „опытами“, то въ ней нельзя будетъ найти ни патріотизма, ни благотворительности. Патріотъ любитъ родственныи ему народъ,—а какая же можетъ быть любовь—въ сознательномъ направленіи русскихъ крестьянъ въ завѣдомо маларійныя мѣста? Тутъ нѣтъ и благотворительности. Последняя имѣетъ цѣлью дать хоть крупинку благополучія бѣдному человѣку, а переселенческое „Общество“ заманиваетъ людей пособіями на страданія и смерть отъ маларіи.

Такое извращеніе добраго дѣла помощи переселенцамъ на Кавказъ объясняется составомъ кавказскаго переселенческаго „Общества“. Ядро его—бюрократическое, а характерная черта бюрократизма—позабывать о томъ, что объекты его мѣропріятій—живые люди, и подгонять жизнь подъ свои правила, а не наоборотъ. Такъ и упомянутое „Общество“ взглянуло на переселенческое дѣло въ бюрократическіе очки, имѣющіе свойство затемнять все существенное. Люди, ищущіе „новыхъ мѣстъ“, чтобы отдохнуть отъ невзгодъ, заставившихъ ихъ бросить родину, исчезли въ глазахъ колонизаторовъ-бюрократовъ; вмѣсто нихъ явились автоматы, и сложное дѣло колонизаціи упростилось до элементарности: автоматамъ не нужно ни хорошаго, ни дурного, и переселенческій вопросъ разрѣшается очень просто: взять карту свободныхъ земель, и, не справляясь, годны ли онѣ для поселенія, распредѣлить на нихъ переселенцевъ.

При указанномъ составѣ „Общества“, оно оказалось такимъ же руководителемъ переселенческаго движенія, какъ и колонизаторы сороковыхъ годовъ, и эта старинная челоуѣкоубійственная колонизація не послужила полезнымъ урокомъ для новаго „Общества“.

VI.

Въ числѣ данныхъ, опредѣляющихъ планъ колонизаціи и ея размѣры, первое мѣсто занимаетъ количество свободныхъ земель; между тѣмъ, до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность, сколько свободныхъ земель на Кавказѣ.

Эта цифра можетъ съ точностью опредѣлиться по окончаніи межеванія на Кавказѣ и послѣ разрѣшенія вопроса о земельномъ обеспеченіи бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

По свѣдѣніямъ 1898 года, межеваніе на Кавказѣ окончено на пространствѣ 7 милліоновъ десятинъ, а необмежеванной земли осталось болѣе 1 милліона десятинъ; но итоги произведеннаго межеванія не могутъ считаться окончательными, потому что „значительная часть обмежеваннаго пространства состоитъ въ спорахъ“¹⁾.

Дѣло о поземельномъ устройствѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ на Кавказѣ приближается къ концу. Началось это дѣло въ 1884 году изслѣдованіями экономическаго положенія названныхъ крестьянъ; собранъ былъ обширный матеріалъ, напечатанный на средства министерства государственныхъ имуществъ въ 7-ми томахъ „Матеріаловъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“ и 5-ти томахъ „Свода“ этихъ „Матеріаловъ“.

Упомянутыми изслѣдованіями выяснилось, что болѣе 100.000 дымовъ (дворовъ) государственныхъ крестьянъ вовсе не имѣютъ земли или пользуются ею въ недостаточномъ количествѣ. Такимъ образомъ открылась необходимость надѣленія этихъ крестьянъ землей, но въ то же время обнаружилось, что резервъ свободныхъ казенныхъ земель на Кавказѣ незначительный.

Такъ, изъ изслѣдованія г. Ф. Маркова: „Казенныя оброчныя статьи и свободныя земли въ Закавказьѣ“²⁾, видно, что „общее число статей въ краѣ, пригодныхъ для улучшенія земельного обеспеченія крестьянъ, доходитъ до 3.118, и что онѣ „содержать въ себѣ 166.694 десятины удобной и неудобной земли“; кромѣ того, имѣется около 85.000 десятинъ подъ безводными пустынями въ эриванской губерніи.

Въ карсской области, куда идетъ много русскихъ переселенцевъ, 214 тысячъ десятинъ оброчныхъ статей, изъ которыхъ 119 тысячъ приуроченныхъ къ разнымъ сельскимъ обществамъ и 82 тысячи—въ хозяйственномъ завѣдываніи чиновъ управленія государственными имуществами, всего же 201 тысяча десятинъ³⁾.

¹⁾ „Журналъ комиссіи по земельному устройству госуд. крестьянъ въ Закавказьѣ“, стр. 13.

²⁾ „Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта госуд. крестьянъ Закавказскаго края“, томъ V, ч. 2, стр. 224 и 232.

³⁾ „Опытъ изслѣдованія сельскаго хозяйства хлѣбороднаго района Эриванск. губерніи и Карсской обл.“, г. Заварова, стр. 321.

Указанное количество свободных земель можетъ значительно измѣниться отъ того или другого рѣшенія вопроса о земельномъ обеспеченіи бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что тифлисская коммиссія, подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго министерства земледѣлія, г. Медвѣдева, при составленіи проекта рѣшенія упомянутаго вопроса, въ виду недостаточности свободныхъ казенныхъ земель на Кавказѣ, предположила установить нормы земельныхъ надѣловъ, съ тѣмъ, чтобы излишки противъ нихъ, какіе окажутся въ пользованіи крестьянъ, отрѣзать отъ ихъ владѣній и этими излишками надѣлить безземельныхъ и тѣхъ крестьянъ, у которыхъ земли меньше нормы. Но главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ, согласно съ мнѣніемъ большинства его совѣта, рассматривавшаго предварительно этотъ проектъ, призналъ нежелательнымъ предположенное коммиссіей нарушеніе существующаго землепользованія государственныхъ крестьянъ, и въ отзывѣ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ ¹⁾ высказалъ мнѣніе, что „общее по краю нормированіе надѣловъ, связанное, особенно при существованіи подворнаго пользованія, съ общимъ колебаніемъ земельного пользованія государственныхъ крестьянъ, могло бы вызвать осложненія и повести къ нарушенію спокойствія въ край“, и поэтому „считалъ возможнымъ допустить отрѣзку, а равно и приселеніе, какъ мѣру лишь исключительную и частную, а именно въ отношеніи только тѣхъ поселянъ, широкое землепользованіе которыхъ основано на неправильномъ завладѣніи казенною землею“.

Петербургская коммиссія по данному вопросу, подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія, въ засѣданіяхъ въ февралѣ и мартѣ 1898 года, рассмотрѣла составленный департаментомъ государственныхъ земельныхъ имуществъ сводный проектъ главныхъ основаній поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ въ Закавказьѣ, а относительно нормировки надѣловъ признала, что она „можетъ касаться лишь тѣхъ изъ крестьянскихъ дачъ, которыхъ владѣніе опирается не на законныя распоряженія компетентной власти, а лишь на фактическое произвольное пользованіе; отрѣзкѣ же изъ состава такихъ дачъ, если размѣръ ихъ окажется превышающимъ норму, могутъ подлежать только тѣ изъ угодій общиннаго пользованія, которыя вовсе не разрабатываются или на разработку которыхъ не затрачивается значительнаго труда“ ²⁾.

¹⁾ Отзывъ отъ 3 декабря 1897 г., № 15013.

²⁾ Журналы названной коммиссіи, стр. 22.

Такимъ образомъ, до изданія закона о надѣлѣ земель государственныхъ крестьянъ въ Закавказьѣ и до рѣшенія судомъ множества спорныхъ дѣлъ о землевладѣніи, количество свободныхъ земель на Кавказѣ не можетъ быть выяснено; но, въ виду указаннаго взгляда петербургской комиссіи на нормированіе надѣловъ государственныхъ крестьянъ, можно ожидать, что земельный фондъ для колонизаціи Кавказа долженъ значительно уменьшиться, такъ какъ для большого числа государственныхъ крестьянъ потребуются прирѣзки къ надѣламъ изъ свободныхъ казенныхъ земель.

Среднія цифры упомянутыхъ надѣловъ—довольно значительныя. Такъ, въ тифлисской губерніи приходится на дымъ нѣмцевъ-колонистовъ 26 десятинъ 1848 кв. саж., въ томъ числѣ пахотной земли 10 дес. 2352 кв. саж., а на дымъ прочихъ государственныхъ крестьянъ—17 дес. 1608 кв. саж., въ томъ числѣ пахотной земли 6 дес. 1584 кв. саж.¹⁾

Но по этимъ среднимъ числамъ нельзя сдѣлать заключенія о достаточномъ земельномъ обеспеченіи всѣхъ государственныхъ крестьянъ, потому что распредѣленіе надѣльной земли очень неравномѣрно и значительная часть крестьянъ—малоземельная. Такъ, въ тифлисской губерніи:

162	селенія	имѣютъ	на	дымъ	отъ	0	до	4	десятинъ
126	"	"	"	"	"	4	"	6	"
129	"	"	"	"	"	6	"	10	"
126	"	"	"	"	"	10	"	16	"
120	"	"	"	"	"	16	"	25	"
223	"	"	"	"	"	25	"	100	"
52	"	"	"	"	"	100	"	200	"
5	"	"	"	"	"	200	"	449	"

Кромѣ того, безземельныхъ 2034 души мужескаго пола.

Въ кутаисской губерніи на дымъ приходится 4,22 десятины, въ томъ числѣ пахотной 2,27 дес.

Значеніе приведенныхъ цифръ надѣльной земли должно для настоящаго времени уменьшиться, вслѣдствіе увеличенія населенія съ восьмидесятыхъ годовъ, когда производились изслѣдованія быта государственныхъ крестьянъ въ Закавказьѣ. Такъ, напримѣръ, въ нагорной части эриванской губерніи по даннымъ упомянутаго изслѣдованія приходилось на душу 2,13 десятины

¹⁾ „Сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисс. и Кутаисск. губерніяхъ“, стр. 9—11.

всей земли, при 1,07 дес. пахоты и 0,13 дес. покосовъ. По изслѣдованіямъ же г. Заварова, въ 1894—95 годахъ, „площадь пахоты и покосовъ колеблется между 0,8 и 0,55 дес., что, въ среднемъ, даетъ около 0,7 дес. Цифра эта при 1,7 дес. всей земли достаточно вѣрно выражаетъ существующее владѣніе земель въ нагорныхъ уѣздахъ эриванской губерніи и не можетъ не быть сочтена предѣльной при возможной 3-хъ- и даже 4-хъ-польной хлѣбной системѣ. Дальше уже идти некуда; между тѣмъ населеніе съ каждымъ годомъ увеличивается, — и если теперь пахота достигла предѣльнаго состоянія, то ясно, что въ будущемъ, при ежегодномъ возрастаніи населенія чуть ли не на 2⁰/₀, съ каждымъ годомъ будетъ дѣлаться все хуже и хуже“ ²⁾).

Притомъ, цифры изслѣдователей восьмидесятыхъ годовъ относительно пахотной и сѣнокосной земли въ крестьянскихъ надѣлахъ выше дѣйствительнаго количества этихъ угодій; такъ, г. Заваровъ говоритъ, что въ эриванской губерніи официальные свѣдѣнія выше полученныхъ имъ данныхъ на 28⁰/₀ въ эчмиадзинскомъ и эриванскомъ уѣздахъ, на 42⁰/₀ по всему нагорному району, на 53⁰/₀ по александропольскому уѣзду и на 132⁰/₀ по карсскому округу. Это увеличеніе — говоритъ г. Заваровъ — „вызвано не чѣмъ инымъ, какъ обыкновенно принятой системой въ составъ дачи (пахоты, скажемъ) включать не только дѣйствительную пахоту, но и всѣ межи, всѣ каменистыя пространства, разбросанныя по полямъ, всѣ дороги, рывины, естественныя ложа рѣкъ и т. д., — между тѣмъ, крестьянскіе танафчи (межевщики) измѣряютъ не весь участокъ, обходя его кругомъ, а каждое поле особо, по его неправильнымъ естественнымъ границамъ, отбрасывая и не считая ни межей, ни камней, ни рывинъ“ ²⁾).

Но земельный вопросъ на Кавказѣ далеко не исчерпывается устройствомъ экономическаго положенія государственныхъ крестьянъ.

Землевладѣніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на Кавказѣ гораздо хуже, чѣмъ государственныхъ. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, кавказскимъ крестьянамъ не была предоставлена вся земля, бывшая въ ихъ пользованіи до тѣхъ поръ; они получили въ надѣлъ немного больше половины своихъ прежнихъ владѣній. Такъ, въ тифлисской губерніи крестьянамъ были отведены полностью только усадьбы и сады въ размѣрѣ 7.049 десятинъ; а изъ пахотныхъ земель, составлявшихъ 84.665 деся-

¹⁾ „Опытъ изслѣдованія сельскаго хозяйства хлѣбороднаго района Эриван. губерніи и Карсской области“, Заварова, стр. 320.

²⁾ Тамъ же, стр. 251.

тинъ, поступило въ надѣль 23.376 дес. поливной земли и 25.254 неполивной, т.-е. на 28.986 дес. меньше противъ прежняго, вслѣдствіе чего на дымъ пришлось, въ среднемъ, по 3,9 дес. вмѣсто прежнихъ 5,9 дес.

Въ кутаисской губерніи 57⁰/₀ надѣловъ имѣютъ до 4 десятинъ, около 40⁰/₀—отъ 4 до 15 дес., и только 3⁰/₀ заключаютъ въ себѣ отъ 15 до 30 и болѣе десятинъ ¹⁾).

Недостаточность надѣловъ сопровождается раздробленностью ихъ. Черезполосица крестьянскаго владѣнія—поразительная; крошечные участки разбросаны на огромномъ пространствѣ. Въ упомянутомъ выше „Сводѣ статистическихъ данныхъ“ приведенъ слѣдующій примѣръ черезполосности владѣнія.

Въ Гурджаанской дачѣ, въ Кахетин, надѣль одного временно-обязаннаго крестьянина, около 5 десятинъ, разбитъ на 17 кусковъ, отстоящихъ другъ отъ друга на такія большія разстоянія, что еслибы владѣлецъ пожелалъ ихъ обойти, то долженъ былъ бы сдѣлать для этого около 10 верстъ ²⁾).

Кромѣ того, межеваніемъ въ первое время его производства создана путаница въ землевладѣніи, составившая причину многихъ земельныхъ споровъ. Земля временно-обязанныхъ крестьянъ замежевывалась въ помѣщичью землю, вслѣдствіе чего на планахъ многихъ помѣщичьихъ владѣній показаны и крестьянскіе надѣлы.

Малоземелье въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа уже настолько чувствуется, что даже явился мѣстный переселенческій вопросъ; самимъ кавказцамъ приходится искать новыхъ мѣстъ для поселенія.

Г. Заваровъ, приведя въ названной выше книгѣ цифры населенія на квадратную версту въ разныхъ уѣздахъ эриванской губерніи и сравнивъ ихъ съ цифрами населенія въ различныхъ полосахъ Россіи, пришелъ къ заключенію, что „нагорные александропольскій и новобаязетскій уѣзды столь же густо населены, какъ черноземная полоса Россіи и западная окраина. При сопоставленіи ихъ съ болѣе соотвѣтствующими по сельскохозяйственному характеру черноземно-степной и степной не-черноземной, нашъ районъ оказывается втрое и вдвое населеннѣе черноземной степной и разъ въ восемь и десять плотнѣе степной. Если припомнить тутъ, что болѣе половины надѣль-

¹⁾ „Сводъ статист. данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисс. и Кутаисск. губерніяхъ“, стр. 12 и 13.

²⁾ „Сводъ статист. данныхъ о землевладѣніи въ Тифл. и Кутаисск. губерніяхъ“, стр. 31.

ныхъ нашихъ земель негодны для культуры, тогда какъ въ ровной Россіи и лѣса, и пастбища легко могутъ идти подъ пахоту — трудность условий жизни нашего крестьянина станетъ еще болѣе разительной“¹⁾).

При малоземельѣ въ названныхъ мѣстностяхъ почва истощается частыми вспашками, производительность ея уменьшается и неурожаи дѣлаются хроническими. „Подтверженіемъ этому — говоритъ г. Заваровъ — служитъ постепенное увеличеніе числа безскотныхъ, несѣявшихъ, умершихъ отъ голода“²⁾).

При такихъ условіяхъ землевладѣнія, аналогичныхъ съ тѣми, въ какихъ находятся малоземельные крестьяне центральной Россіи, происходятъ одинаковыя явленія: излишекъ населенія уходитъ искать новыхъ мѣстъ. Изъ центра Россіи идутъ въ Сибирь и на Кавказъ; въ горныхъ мѣстностяхъ эриванской губерніи крестьяне бросаютъ хозяйство, идутъ въ батраки и поселяются въ городахъ для заработковъ.

Указывая на этотъ фактъ выселенія изъ деревень, г. Заваровъ говоритъ о необходимости дать мѣсто для поселенія этихъ переселенцевъ и указываетъ на карсскую область. „Безъ увеличенія землевладѣнія, — говоритъ онъ, — безъ постановки вопроса о переселеніи въ карсскую область, трудно ожидать лучшихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, какіе мы видѣли за послѣдніе неурожайные годы. Мало того, при отсутствіи возможности переселиться въ новыя мѣста, излишекъ населенія, доставляемаго на горными районами, будетъ возрастать съ каждымъ годомъ“³⁾).

Наконецъ, на Кавказѣ есть еще „хизанскій“ вопросъ, обострившійся въ 1899 году и вызвавшій такъ называемыя „недоразумѣнія“; онъ тоже потребуетъ не мало казенной земли для его правильнаго разрѣшенія. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣны на земли на Кавказѣ стали подниматься, началось удаленіе „хизантъ“ съ земли. Эти вѣчные арендаторы на неизмѣнныхъ условіяхъ аренды въ доли урожая стали невыгодными для помѣщиковъ, и послѣдніе всѣми средствами стали сгонять ихъ съ земли. Законъ 3-го іюня 1891 года имѣлъ цѣлью помѣщать обезземеленію „хизантъ“, но, явившись палліативомъ, онъ не могъ достигнуть этой цѣли. Названный законъ предоставилъ землевладѣльцамъ право удалять „хизантъ“ съ земли, установивъ нѣкоторыя условія, уменьшающія выгоду пользованія этимъ правомъ; но землевладѣльцы на-

¹⁾ „Опытъ изслѣдованія сельскаго хозяйства хлѣбороднаго района Эриванской губерніи и Карсской области“, стр. 320.

²⁾ Тамъ же, стр. 321.

³⁾ Тамъ же, стр. 322.

шли возможность обходить эти препятствія. Пользуясь отчасти хизанскимъ невѣдѣніемъ закона о хизанахъ, а главнымъ образомъ дѣйствуя угрозами согнать немедленно съ земли и непомирнымъ увеличеніемъ хизанскихъ повинностей, землевладѣльцы заставляють хизанъ заключать съ ними срочные арендные договоры, общая, по окончаніи срока, продлить аренду на тотъ же срокъ и т. д. Но хизанъ, подписавшій срочный арендный договоръ, по закону 3-го іюня 1891 года, не признается хизаномъ, и землевладѣлецъ имѣетъ право, по окончаніи аренднаго срока, удалить его съ земли, какъ обыкновеннаго арендатора. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ законъ 1891 г. не утвердилъ за хизанами права вѣчной аренды по хизанскому праву, обезземеленіе хизанъ неустранимо и рациональной ликвидаціей хизанскаго вопроса, какъ въ видахъ справедливости, такъ и для предупрежденія „недоразумѣній“, можетъ быть только надѣленіе хизанъ казенной землей на правахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

VII.

Краткій выводъ изъ всего сказаннаго представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) колонизація Кавказа русскими переселенцами до сихъ поръ происходила безъ опредѣленнаго плана и безъ предварительнаго изслѣдованія степени пригодности свободныхъ земель на Кавказѣ для поселенія русскихъ крестьянъ;

2) въ результатѣ такой колонизаціи на авось были: огромная смертность переселенцевъ отъ маларіи, бѣгство съ Кавказа истомленныхъ болѣзнями крестьянъ и русскія селенія, обреченныя на болѣе или менѣе быстрое вымирание;

3) интересы русскихъ переселенцевъ не принимались въ соображеніе при канцелярскихъ проектахъ колонизаціи и не принимаются и теперь, какъ это видно изъ дѣятельности кавказскаго переселенческаго „Общества“;

4) уроки исторіи колонизаціи Кавказа до сихъ поръ не оказались поучительными;

5) резервъ казенныхъ свободныхъ земель на Кавказѣ незначителенъ, и точная цифра его не можетъ быть приведена въ извѣстность до рѣшенія вопроса о надѣленіи землей бывшихъ государственныхъ крестьянъ;

6) крестьянское малоземелье, вызывающее эмиграціонное движеніе на Кавказъ, существуетъ и на Кавказѣ, гдѣ, въ густо на-

селенныхъ мѣстностяхъ есть уже свой собственный переселенческій вопросъ;

7) кромѣ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ, на Кавказѣ существуютъ „хизане“, обезземеленіе которыхъ вызываетъ необходимость предупредить образованіе пролетаріата изъ „хизанъ“ надѣленіемъ ихъ казенной землей.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ не трудно составить въ общихъ чертахъ раціональный планъ колонизаціи Кавказа русскими переселенцами; но прежде необходимо установить принципъ этой колонизаціи.

Существуетъ два мнѣнія по данному вопросу, діаметрально противоположныя, хотя и исходящія изъ одного основанія: изъ идеи государственной пользы. Это противорѣчіе прямо указываетъ на то, что правильное пониманіе идеи государственной пользы еще не сдѣлалось общимъ достояніемъ, вслѣдствіе чего нерѣдко бываетъ, что какая-нибудь мѣра, мотивированная государственной пользой, оказывается въ полномъ несоотвѣтствіи съ нею.

Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся въ петербургской комиссіи по устройству экономическаго быта государственныхъ крестьянъ въ Закавказьѣ, былъ между прочимъ и такой вопросъ: „слѣдуетъ ли свободныя казенныя земли въ край обращать по преимуществу на расширеніе землевладѣнія мѣстныхъ крестьянъ или же на водвореніе русскихъ переселенцевъ“.

Представители министерствъ земледѣлія и финансовъ высказали по этому предмету противоположныя мнѣнія. Министръ земледѣлія, „указавъ на важное государственное значеніе русской колонизаціи закавказскаго края, полагалъ, что эта задача должна быть поставлена впереди потребностей поземельнаго обезпеченія мѣстнаго населенія, весь приведенный нынѣ въ извѣстность запасъ свободныхъ казенныхъ земель закавказскаго края долженъ быть открытъ для заселенія русскими поселенцами, и заселеніе это должно производиться съ возможною скоростью, не ожидая результатовъ поземельнаго устройства; въ виду этого, надлежало бы считать свободныя казенныя земли закавказскаго края вовсе неподлежащими обращенію въ дополнителныя надѣлы недостаточно обезпеченной землею части мѣстнаго крестьянства“¹⁾.

Напротивъ, представители министерства финансовъ, гг. Сло-

¹⁾ Журналы названной комиссіи, стр. 36.

бодчиковъ и Кутлеръ, полагали, что „вопросу о свободныхъ казенныхъ земляхъ надлежало бы дать скорѣе обратную постановку; надѣленіе землею безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ закавказскаго края далеко не всегда окажется возможнымъ произвести на счетъ отрѣзовъ отъ многоземельныхъ селеній, и единственнымъ источникомъ для надлежащаго обезпеченія поселянъ землею нерѣдко явятся свободныя казенныя земли. Такъ какъ ближайшею въ край задачей является устройство уже существующаго въ немъ населенія, то весь запасъ казенныхъ земель каждой данной мѣстности закавказскаго края долженъ быть обращенъ прежде всего, какъ это дѣлалось и въ Европейской Россіи, и въ Сибири, для обезпеченія, хотя бы въ минимальномъ размѣрѣ, быта коренного ея населенія, и только остающіяся свободными, за удовлетвореніемъ этой первѣйшей потребности, земли могутъ быть обращены для удовлетворенія другихъ нуждъ и прежде всего для водворенія переселенцевъ“.

При этомъ, членъ-дѣлопроизводитель Кауфманъ замѣтилъ, что „очень значительная часть свободныхъ казенныхъ земель закавказскаго края, какъ видно изъ данныхъ, имѣющихся въ „Сводѣ матеріаловъ“, вовсе неудобна для образованія русскихъ поселковъ и вообще самостоятельныхъ крестьянскихъ поселеній, такъ какъ состоитъ либо изъ мелкихъ клочковъ земли, нерѣдко вкрапленныхъ среди земель коренного населенія края, либо по своему почвѣ, слишкомъ высокому мѣстоположенію или недостаточности орошенія, не представляется пригодною для земледѣльческаго хозяйства,—что поэтому безусловное запрещеніе отрѣзовъ изъ такихъ земель къ надѣламъ малоземельной части мѣстнаго населенія нерѣдко вовсе не будетъ вытекать изъ потребностей дѣла русской колонизаціи края и только помѣшаетъ успѣху дѣла земельного обезпеченія нуждающейся въ таковомъ части мѣстнаго населенія“¹⁾.

Чтобы увидѣть, какое изъ приведенныхъ мнѣній представляется правильнымъ съ государственной точки зрѣнія, надо вспомнить содержаніе понятія о государственной пользѣ, которой мотивируются то и другое мнѣніе о задачахъ колонизаціи Кавказа.

Государственная польза есть польза живущаго въ государствѣ населенія—безъ различія по національностямъ и религіямъ.

Это опредѣленіе едва-ли будутъ оспаривать самые закоренѣлыя „фобы“, если они имѣютъ хотя поверхностное знакомство съ государственнымъ правомъ. А изъ такого опредѣленія оче-

¹⁾ Тамъ же, стр. 37.

видно, что, во-первыхъ, противоположеніе интересовъ государства и населенія его есть такая же безсмыслица, какъ извѣстное „*pereat mundus—fiat justitia*“; а во-вторыхъ, что государство не должно устраивать благополучіе одной группы населенія на счетъ другой.

Примѣняя это общее положеніе къ вопросу о колонизаціи Кавказа русскими переселенцами, получимъ слѣдующія основанія для плана этой колонизаціи.

1) Переселенцы, уходя съ родины, ищутъ новыхъ мѣстъ для лучшаго устройства своей жизни; слѣдовательно, государство, если оно беретъ на себя регулированіе переселенческаго движенія, конечно не можетъ, не нарушая своихъ обязанностей, направлять переселенцевъ въ такія мѣста, гдѣ ждутъ колонистовъ не лучшія условія жизни сравнительно съ тѣми, отъ которыхъ они ушли, а болѣзни и вымираніе; и 2) желая блага русскимъ переселенцамъ, государство не можетъ основывать его на счетъ крестьянъ-кавказцевъ, а слѣдовательно направленіе переселенцевъ на Кавказъ должно имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если—за удовлетвореніемъ потребности въ землѣ безземельныхъ и малоземельныхъ туземцевъ—останутся свободныя земли.

Отступленіе отъ послѣдняго условія не оправдывается не только закономъ справедливости, но и политическими соображеніями. Обрусители имѣютъ въ виду упроченіе сліянія окраинъ съ остальной Россіей; но такая мѣра, какъ лишеніе мѣстнаго населенія земли въ пользу пришельцевъ — русскихъ крестьянъ, конечно не можетъ вести къ указанной цѣли, а напротивъ, только усилитъ національную рознь, для устраненія которой есть одно только вѣрное средство: культурныя общественныя учрежденія, предоставляющія всѣмъ и каждому возможность свободного развитія разумныхъ и справедливыхъ потребностей.

Такимъ образомъ, раціональный планъ колонизаціи Кавказа сводится къ заботамъ о благѣ переселенцевъ безъ нарушенія права коренныхъ жителей края на такое же благо. Исходя изъ такого положенія, не трудно выяснитъ главнѣйшія подробности плана колонизаціи Кавказа.

Прежде всего необходима точная регистрація свободныхъ земель на Кавказѣ. Переселенческое движеніе, основывающееся на неопредѣленныхъ слухахъ объ изобиліи свободныхъ земель, не можетъ быть успѣшно, какъ это и доказано продолжительной

практикой. Послѣ опредѣленія итога свободныхъ земель, необходимо раздѣлить ихъ на угодья, отдѣливъ неудобныя земли отъ удобныхъ и распредѣливъ послѣднія на категоріи по возможнымъ на нихъ культурамъ.

Полученныя въ результатъ такой регистраціи земель статистическія данныя представляютъ одно изъ слагаемыхъ той сумми мѣстныхъ условий, на которыхъ долженъ быть построенъ планъ колонизаціи. Но изъ статистическихъ данныхъ о свободныхъ земляхъ еще нельзя сдѣлать заключенія о величинѣ района пригоднаго для поселеній, а слѣдовательно и о размѣрѣ возможной колонизаціи.

Статистики, окончивъ свое дѣло, должны передать продолженіе его врачамъ. Кромѣ статистическихъ данныхъ о свободныхъ земляхъ, необходимы медико-топографическія описанія ихъ. Для колонизатора необходимо подробное распредѣленіе свободныхъ земель по ихъ гигиеническимъ качествамъ; ему надо знать, сколько и гдѣ находится мalarійныхъ очаговъ, земель менѣ лихорадочныхъ и свободныхъ отъ мalarійной заразы. Цѣной множества человѣческихъ жизней и непроизводительной затраты миллионовъ рублей выяснено, что значитъ колонизировать Кавказъ, не имѣя обстоятельныхъ медико-топографическихъ описаній свободныхъ земель.

По окончаніи указанной работы врачей, опредѣлится цифра здоровыхъ, т.-е. пригодныхъ для заселенія свободныхъ земель, по которой уже можно вычислить приблизительный контингентъ переселенцевъ, которые могутъ занять эти земли.

За этими подготовительными работами естественно слѣдуетъ изслѣдованіе вопроса о степени нужды въ землѣ мѣстнаго крестьянскаго населенія. При наличности крестьянскаго безземелья и малоземелья на Кавказѣ, нѣтъ смысла, не удовлетворяя мѣстной нужды въ землѣ, призывать нуждающихся въ ней издалека. Такимъ образомъ, послѣ статистика и врача, въ дѣло долженъ вступить экономистъ, для изслѣдованія условий крестьянскаго землевладѣнія. Это изслѣдованіе приведетъ къ опредѣленію размѣра существующей нужды въ землѣ коренного населенія. Если полученная цифра земель, необходимыхъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей въ нихъ, будетъ больше или равна числу свободныхъ и пригодныхъ для поселенія земель, то и самый вопросъ о колонизаціи упразднится: странно было бы направлять колонистовъ туда, гдѣ нѣтъ излишка земель, за удовлетвореніемъ нужды въ нихъ мѣстныхъ жителей. Только въ томъ случаѣ, если, за покрытіемъ этой нужды, окажутся свободныя земли, вопросъ

о колонизації Кавказа получить *raison d'être* и можно будет приступить къ организаціи переселенческаго движенія съ полной увѣренностью, что оно дастъ переселенцамъ не страданія и смерть, а улучшеніе ихъ экономическаго быта.

И вотъ тогда руководство переселенческимъ движеніемъ должно получить дѣйствительно полезное значеніе. Обладая подробными свѣдѣніями о количествѣ и качествахъ свободныхъ земель на Кавказѣ, руководящее переселенческимъ дѣломъ учрежденіе, конечно, прежде всего должно позаботиться о широкой огласкѣ этихъ свѣдѣній въ русскихъ селеніяхъ.

Подробныя описанія свободныхъ земель должны быть разосланы въ волостныя правленія, сельскимъ учителямъ, священникамъ, чтобы крестьяне имѣли возможность ознакомиться съ ними. Эти свѣдѣнія должны быть таковы, чтобы желающіе переселиться на Кавказъ могли узнать заблаговременно все, что ихъ тамъ ожидаетъ: придется ли имъ заниматься хлѣбопашествомъ или разводить виноградники и фруктовые сады, въ какихъ климатическихъ условіяхъ придется жить и пр. Описанія земель въ гигиеническомъ отношеніи не должны ограничиваться указаніемъ лихорадочныхъ мѣстностей, потому что русскіе переселенцы, пренебрегая такой болѣзью, какъ лихорадка, могутъ не обратить вниманія на то, что такая-то мѣстность лихорадочная, въ надеждѣ, что авось не заболѣютъ, или, если и заболѣютъ, то, Богъ дастъ, скоро поправятся. Крестьяне, собирающіеся переселиться, должны знать губительность кавказской лихорадки, какъ трудно поддается она леченію, какъ лишаетъ человека возможности работать. Они должны узнать, сколько переселенцевъ погибло отъ маляріи на Кавказѣ, сколько возвратилось на родину и какъ вымираетъ населеніе въ русскихъ селеніяхъ на Кавказѣ. Словомъ, описанія свободныхъ земель не должны оставлять мѣста для той мечтательности о новыхъ мѣстахъ, какой характеризуется наше переселенческое движеніе. Гонимые нуждой съ родины, идя па-авось, испытывая нужду и непріятности въ дорогѣ, наши переселенцы утѣшаютъ себя мечтаніемъ, что найдутъ лучшую жизнь въ новыхъ мѣстахъ, и попадаютъ изъ огня да въ полымя, что доказывается обратнымъ переселенческимъ движеніемъ. При упомянутыхъ описаніяхъ и распространеніи ихъ, устранятся эти тяжелыя разочарованія, и люди не будутъ идти на свою гибель въ малярійныя мѣста.

Придавъ, такимъ образомъ, цѣлесообразность переселенческому движенію, внося въ него сознательность, руководящее колонизирующее учрежденіе должно явиться практичнымъ и добро-

желательнымъ руководителемъ переселенцевъ во время пути и при устройствѣ ихъ на новомъ мѣстѣ.

Передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ для бѣднаго человѣка сопряжено со множествомъ неудобствъ, которыя и должны быть устранены руководителями переселенческаго дѣла. По пути слѣдованія должны быть устроены этапные пункты, гдѣ переселенцы находили бы удобныя мѣста для отдыха, медицинскую помощь и всѣ необходимыя для людей въ незнакомомъ городѣ указанія. Еще больше заботъ для руководителей переселенческаго движенія—при поселеніи русскихъ крестьянъ на новыхъ мѣстахъ. Новоселы сразу попадаютъ въ такую необычную для нихъ обстановку, которая на первыхъ порахъ производитъ подавляющее впечатлѣніе; то отношеніе къ природѣ, къ которому онъ привыкъ на родинѣ, приходится измѣнить на Кавказѣ; нужны совсѣмъ другіе приемы въ хозяйствѣ, надо привыкать къ новой пищѣ, къ новому домашнему обиходу. Необходимость въ руководствѣ и помощи при устройствѣ хозяйства переселенцевъ очевидна, и оно должно быть умѣло организовано.

При такой постановкѣ колонизаціи Кавказа русскими переселенцами, она будетъ полезна для русскихъ крестьянъ и безобидна для туземцевъ. Неудачи отъ незнанія мѣстныхъ условій, бесполезная растрата денежныхъ средствъ, страданія и гибель отъ маларіи, обратныя передвиженія неудачниковъ-переселенцевъ, всѣ эти печальныя явленія, изъ которыхъ состоитъ исторія колонизаціи Кавказа до послѣднихъ дней,—исчезнутъ сами собой при указанномъ планѣ переселеній.

Конечно, этотъ планъ требуетъ и соотвѣствующихъ исполнителей. Бюрократическій органъ выполнить его не можетъ по той общеизвѣстной истинѣ, что самый лучшій чиновникъ можетъ быть самымъ худшимъ руководителемъ народнаго хозяйства. Онъ неизбѣжно вноситъ въ живое дѣло умерщвляющую его канцелярскую рутину, создаетъ правила, не соотвѣтствующія цѣли, и обращаетъ ихъ въ цѣль; за предписаніями и отношеніями онъ позабываетъ о людяхъ и въ жертву канцелярскихъ фантазій приносить человѣческіе интересы. Присоедините ко всему этому увлеченіе „патріотизмомъ“ въ кавычкахъ, причиняющимъ отечеству гораздо больше вреда, чѣмъ его враги, а при этомъ условіи переселенческое дѣло и при раціональномъ планѣ можетъ сбиться въ тѣ же колеи, по которымъ оно шло до сихъ поръ. Въ силу такихъ соображеній, кавказское переселенческое „Общество“ при нынѣшнемъ чисто бюрократическомъ составѣ не мо-

жеть, при всемъ даже желаніи, дать раціональной постановки переселенческому дѣлу.

Только земство, какъ компетентное въ народномъ хозяйствѣ учрежденіе, можетъ быть лучшимъ хозяиномъ и въ колонизаціи Кавказа русскими переселенцами. Но ходатайства тифлискаго и кутаисскаго дворянства о введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ, давно уже состоявшіяся, все еще ожидаютъ для себя какого-нибудь исхода...

Ив. Ивановичъ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ СОНЕТЫ

1.

ФЛОРЕНЦІЯ.

Желтѣютъ куполы и старый рядъ дворцовъ,
И Арно чуть журчитъ зелено-золотистый,
А небо дымкою лазурно-серебристой
Раскинуло вверху безоблачный покровъ.

Все тонетъ въ сумракѣ, но въ сумракѣ боговъ...
И блескомъ матовымъ изъ мглы вѣковъ росистой
Мерцаютъ призрачно средь зелени пушистой
Созданья стройныя божественныхъ рѣзцовъ...

Нѣтъ! Не блеститъ она нарядностью красивой,
Не поражаетъ взоръ сіяньемъ наготы,
Капризной страстностью и яркостью кривеливой;

Какъ дѣва робкая съ улыбкою мечты
Она колеблется въ святынь чистоты—
И отдается вдругъ съ покорностью стыдливой.

2.

КОРНЕТО.

Изъ сумрака могиль, что Римъ считалъ окраиной,
Мы вышли на просторъ, на воздухъ и на свѣтъ.—
Отъ моря шумнаго доносить намъ привѣтъ
Душистый вѣтерокъ, взлетѣвъ на холмъ случайно.

Какъ необычно здѣсь, и какъ необычайно!
Погибла Греція, нѣтъ Тира, Рима нѣтъ...
Этрусковъ цѣль еще неизгладимый слѣдъ;
На встрѣчу намъ идутъ гробовъ живыя тайны.

Откуда этотъ взоръ, и поступь, и нарядъ,
Кувшиновъ глиняныхъ колеблющійся рядъ,
И цвѣтъ печальныхъ глазъ зеленоватой гари?

Этруски ль ожили?.. А позади идетъ
Скелеть, изсохнувшій отъ древнихъ ли заботъ,
Иль отъ убійственныхъ, какъ въ древности, маларій...

3.

РИМЪ.

Творенья геніевъ лежать подъ грудой глины,
Въ обломкахъ мрамора стоятъ ряды колоннъ,
И благовѣсть въ церквахъ... И подъ вечерній звонъ
О прошлыхъ грезятъ снахъ великія руины.

Прошло и умерло!.. Траянъ и Антонины,
Помпей и Цезари, и врагъ Христа, Неронъ...
Задолго ль до него гремѣлъ здѣсь Цицеронъ,
И пали головы клеветовъ Катилины?

Свобода?.. Но зачѣмъ и плѣнники судьбы
По камнямъ этимъ шли, и блѣдныя рабы,
И въ циркахъ кровь лилась забавою народу?

Какъ рабъ былъ распятъ Богъ, міръ осѣнивъ крестомъ...
 Но крестъ, сіяющій надъ царственнымъ Петромъ,
 Какъ ты, о, древній Римъ, не даровалъ свободу.

4.

ДЕНЬ СВЯТОЙ ЦЕЦИЛИИ.

(Катакомбы св. Каликста.)

Остроты, пѣсни, смѣхъ, шумъ отъ колесъ и ржанье...
 Иль вновь язычества вернулись въ намъ вѣка?
 Спѣшитъ размашисто народная рѣка
 Ко входу катакомбъ, какъ въ модное собранье.

А тамъ, подъ сводами—и смрадъ, и паръ дыханья;
 То надпись промелькнетъ, то символъ рыбака...
 И электричество, разлившись съ потолка,
 Нарушило могилъ и тайну, и молчанье.

Позоръ кощунственный! Оставьте этотъ храмъ
 Смиренью, сумраку, забвенью и слезамъ,
 Пролитымъ нѣкогда во времена гоненій,—

Чтобъ новый человѣкъ хоть здѣсь смириться могъ
 И, удалясь на мигъ отъ низменныхъ тревогъ,
 Молитвенно бъ склонилъ усталыя колѣни!

5.

ПЭСТУМЪ.

Здѣсь древле богъ морей и зыблага простора
 Вкушалъ отъ тука жертвъ. Пестрѣлъ цвѣтами храмъ,
 И сѣдовласый жрецъ всходилъ по ступенямъ...
 „Profani abite!“ Склонялись долу взоры,

Въ молчаньи падалъ ножъ на жертву, изъ амфоры,
 Что розы Пэстума обвили по краямъ,
 Вино струилось, дымился фиміамъ,
 И возглашалъ народъ, и трубъ гремѣли хоры.

Теперь умолкло все... Но въ этой тишинѣ
 Вновь жертва не падеть во славу Посейдона.
 Здѣсь розы не цвѣтутъ; купаются въ волнѣ
 Колонны, преклонясь на родственное лоно...
 Лишь въ глубинѣ морской трезубца слышенъ звонъ:
 То въ берегъ бьетъ волной гнѣвливыи Посейдонъ.

6.

ЛОКОНДА.

И свѣтъ, и зной!.. Пора!.. Скорѣе подъ навѣсъ
 Изъ виноградныхъ лозъ и тыквы прихотливой!
 На каменномъ полу играютъ переливы
 Отъ пятенъ свѣтовыхъ; кругомъ цвѣтущій лѣсъ—

А тамъ все выжжено. Съ безоблачныхъ небесъ
 Полдневный зной спалилъ и пастбища, и нивы;
 Но камни голые—и тѣ, и тѣ красивы...
 —Вина намъ и плодовъ въ міръ нѣги и чудесъ!—

„Фалернскаго?“—Нѣтъ, я съ тѣхъ поръ его не пилъ,
 Какъ кубокъ свой рѣзной съ Петроніемъ разбилъ
 И пролилъ на костеръ его мою кратеру...

Нѣтъ! Узкогорлое кіанти дайте намъ!..
 Синьора, мой стаканъ—за итальянскихъ дамъ!
 За нашу милую я пью локандіеру!

7.

ВИЛЛА ДІОМЕДА.

(Помпеи.)

Вхожу подъ древній сводъ... Вы здѣсь недавно жили,
 Матроны и рабы, ты—славный Діомедъ!..
 Былъ мимолетно цѣль роскошный вашъ обѣдъ,
 Когда чрезъ сотни лѣтъ чужіе васъ открыли.

Вы цѣлы были мигъ, и сгибли горстью пыли...
 Напрасно я ищу вашъ мимолетный слѣдъ,—
 Безжизненно вокругъ; лишь грозный вашъ сосѣдъ—
 Везувій—не погибъ отъ вѣковыхъ усилій.

Непримиримый врагъ! Стоить на стражѣ онъ,
 Въ раздумье гнѣвное о мести погруженъ,
 И на челѣ его, дымясь, метутся змѣи...

И грозно медлитъ онъ въ теченіе вѣковъ,
 Чтобъ древніе дома возникли изъ гробовъ—
 Тогда онъ сокрушитъ развалины Помпей.

8.

ПОМПЕИ НОЧЬЮ.

Луна плыла вверхъ. Строенья тѣнь бросали;
 Въ душистомъ сумракѣ невидимый фонтанъ
 Плескался весело; отъ форума туманъ,
 Поднявшись, разносилъ шумъ страстныхъ вакханалій.

А здѣсь—затишье, тѣнь... И въ темнотѣ мелькали
 Туника женская, мужчины гибкій станъ,
 И шопоть слышался, и поцѣлуй былъ данъ,
 И вздохи страстные, таясь во мглѣ, звучали...

Какъ и тогда, теперь вверхъ плыветъ луна;
 Но зданья рухнули, нѣтъ тѣней, и волна
 Сребристыхъ искръ течетъ на щебенъ и на гравій—

И на камняхъ стѣны, у впадины дверной,
 Тогда начертаны влюбленною рукой,
 Видѣются слова: „hic sagam bassiavi“...

9.

НЕАПОЛЬ.

Какая ночь!.. Темно, и съ нѣгой влажно-парной,
 Весь въ запахѣ цвѣтовъ, морей впитавши іодъ,
 Чуть дышетъ вѣтерокъ... То вспыхнетъ неба сводъ,
 То гаснетъ, изомлѣвъ любовью благодарной.

Не затемняя блескъ небесно-лучезарный,
 Везувій заалѣлъ. Въ прибоѣ темныхъ водъ,
 Въ невѣдѣннѣ стыда, купается народъ,
 Одѣтый красотой своею статуарной.

Нѣтъ грезъ; желаній нѣтъ... Мгновенье такъ полно,
 Что съ прошлымъ, съ будущимъ оборвалось звено,
 И мысль поконится, дремотою объята...

Аккорды пѣнія откуда-то звучать...
 Мерцаютъ небеса... Несется ароматъ...
 „O, dolce Napoli! O, sol beato!..“

10.

ТАОРМИНА.

Колонны радостно на фонѣ голубомъ
 Изъ солнечныхъ лучей и синей глади моря,
 Красой безсмертною красѣ природы вторя,
 Въ нетлѣнной цѣлости возносятся кругомъ.

Музѣ Греціи здѣсь храмъ, здѣсь Діонисса домъ!..
 Зачѣмъ молчить оркестръ? Зачѣмъ, о лаврахъ спора,
 Не раздается стонъ трагическаго горя,
 Ни смѣхъ комедіи чеканеннымъ стихомъ?..

А, вотъ они! Пришли! Кудрявы, смуглолицы,
 Улыбки сыплются, блистаютъ очи дѣвъ—
 И струны грянули, тріонгли и цѣвницы,
 Ростетъ и въ даль, и въ высь, и ширится напѣвъ,

И легкій хороводъ,—то млѣющій, то смѣлый,—
Въ оркестрѣ носится подъ звуки тарантеллы.

11.

БРИНДИЗИ.

И тучи сѣрыя, и сѣрый вѣдѣй дымъ,
И дождь колышется, и мороситъ, какъ иней...
Нѣтъ красокъ, ни тѣней, ни контуровъ, ни линій—
Въ туманѣ все слилось и спряталось подъ нимъ.

Здѣсь нѣкогда угасъ послѣдній пилигримъ,
На тронѣ Шій Второй, въ міру Пиеколомини...
Константинополь—тамъ, за гладью этой синей,
Съ крестомъ поруганнымъ—мерещился предъ нимъ.

Онъ безъ дружины шелъ, онъ шелъ одинъ, безъ силы...
Погибнуть иль спасти забытыя могилы.
Какъ запоздалый свѣтъ, безслѣдно онъ мелькнулъ...

И я плыву одинъ, какъ онъ, съ мечтой ненужной,
Туда, за край небесъ, гдѣ подъ луною чуждой
Порабощенный крестъ еще не проглянулъ.

Кн. Алексѣй Кугушевъ.

Я. П. ПОЛОНСКІЙ

ВЪ

ПРОЗѢ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ.

Полонскій-прозаикъ гораздо менѣе популяренъ, нежели Полонскій-поэтъ, а проза его, составляющая, однако, весьма значительный вкладъ въ литературу, какъ по объему—шесть томовъ,—такъ и по художественности и крупному бытовому и общественному значенію, гораздо менѣе извѣстна массѣ читателей, нежели стихи. Притомъ, характеръ Полонскаго-прозаика нѣсколько иной, чѣмъ — Полонскаго-стихотворца. Мечтательный, чувствительный, мягкій, кроткій поэтъ уступаетъ мѣсто проницательному и подчасъ довольно суровому бытописателю. Такія красивыя героини, какъ прелестная бабочка въ „Кузнечикъ-Музыкантъ“—въ сущности дрянное и пошлое существо, замаскированное въ поэзіи радужными крылышками—въ прозѣ выступаетъ съ болѣе реально-обозначенными чертами хищности и подлости, какъ, напримѣръ, Леонида Алаева въ романѣ „Крутыя Горки“.

Этотъ романъ и его продолженіе: „Подъ гору“, даютъ чрезвычайную живую и рельефную картину изъ быта петербургскихъ мелкотравчатыхъ хищниковъ и хищницъ. Въ немъ есть также многострадальный образъ гимназиста,—образъ близкій и дорогой всѣмъ злополучнымъ русскимъ матерямъ, дѣтей которыхъ терзали и мучили въ классическихъ гимназіяхъ разные болѣе или менѣе

ограниченные чехи—эта язва египетская, насланная, вмѣстѣ съ классицизмомъ, какъ испытаніе, на русскую землю—съ ихъ дикимъ русскимъ языкомъ,—безмысленнымъ преподаваніемъ классическихъ языковъ, преподаваніемъ, сосредоточеннымъ исключительно на грамматикѣ и синтаксисѣ, съ полнымъ невниманіемъ къ литературнымъ *chef-d'oeuvres* классической древности и безусловнымъ равнодушіемъ, а подчасъ и недолюбливаніемъ чуждыхъ имъ русскихъ дѣтей. Что для такого пришельца—часто даже проходимца—нашъ ребенокъ, котораго онъ не понимаетъ, не любить и изводитъ не мытьемъ, такъ катаньемъ?! Это тупоуміе и злобность учителя-проходимца *sans foi ni loi*, безъ почвы подъ ногами, безъ пониманія окружающей дѣйствительности, безъ идеала въ душѣ—объясняетъ, какимъ образомъ такой талантливый ученикъ, какъ вышеупомянутый гимназистъ, Петя Клинь, проваливается на экзаменѣ зрѣлости, несмотря на безусловное и рѣдкое, среди гимназистовъ его времени, знаніе древнихъ языковъ.

Увы! исторія Пети Клина, загубленнаго злобой тупицей учителемъ, чехомъ Миличемъ,—исторія многихъ и многихъ русскихъ юношей, на которую отъликались сердца многихъ и многихъ русскихъ матерей, а описаніе экзамена въ гимназіи, описаніе спокойное, художественное, безъ подчеркиваній, безъ скрежета зубоваго, производитъ тѣмъ не менѣ впечатлѣніе трагическое и останется яркой страницей въ исторіи русскаго образованія. Эта страница—гражданскій подвигъ со стороны романиста; писатель сослужилъ великую службу родной землѣ и русскимъ матерямъ, и это—еще одинъ лавръ въ его неуываеомомъ вѣнкѣ.

Вотъ это повѣствованіе во всемъ его безыскусственномъ трагизмѣ:

„На экзаменахъ сходились два другъ другу враждебныхъ лагеря: учителя, или начальство, которое все время держало себя вдали отъ учащихся, нисколько не входило въ интересы ихъ и не имѣло на нихъ ровно никакого вліянія,—и ученики, которые смотрѣли на нихъ какъ на неизбежное зло, отъ котораго, во что бы то ни стало, надо отдѣлаться, и затѣмъ никогда не вспоминать объ нихъ. Петя, которому по натурѣ всякая фальшь была противна, все-таки далъ слово помочь одному несчастному мальчику, Билину, склонному къ математикѣ, плохому лингвисту и съ большимъ трудомъ, съ грудной болью и подозрительнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ докарабкавшемуся до VIII-го класса. Въ день латинскаго экзамена уже съ ранняго утра экзаменаціонный залъ былъ, такъ сказать, приведенъ въ особое положеніе. Плевательницы съ чистымъ сухимъ пескомъ были перене-

сены на новыя мѣста; для предсѣдательствующихъ были принесены новыя плевательницы. Сторожа, получивъ на водку, ни во что не вмѣшивались, на все глядѣли сквозь пальцы. Еще не было и нѣтъ на святой Руси такого учебнаго заведенія, гдѣ бы прислуга отличалась своей неподкупностью. Здѣсь двугривенные и гривенники играютъ нерѣдко точно такую же роль, какую въ высшихъ сферахъ общества играютъ милліоны и сотни тысячъ.

„Гдѣ кому сидѣть—это тоже было заранѣе опредѣлено и разсчитано. Петя сѣлъ съ краю, въ среднемъ ряду, и когда вошли директоръ, Миличъ (чехъ) инспекторъ, ассистенты, наблюдатели и депутатъ, котораго ожидали въ учительской, Петя всталъ, также какъ и всѣ, поклонившись молча, сѣлъ и, почти не шевелясь, ожидалъ, чтò будетъ.

„Шумъ улицы, стукъ колесъ и звяканье подковъ мѣшали ему слышать, о чемъ толкуютъ, о чемъ переговариваются, чему улыбаются гг. экзаменаторы. Но Петя не могъ не замѣтить, что депутатъ особенно внимателенъ и любезенъ съ Миличемъ. Петя, конечно, не зналъ, что Миличъ былъ въ большомъ „фаворѣ“, что министерство дорожило имъ, какъ ученымъ, какъ однимъ изъ свѣтилъ классицизма, и готовило ему директорство въ одной изъ гимназій одесскаго округа.

„Самъ Миличъ этого не зналъ, но депутатъ кое-что слышалъ, и ему несомнѣнно хотѣлось, чтобы Миличъ, если получитъ мѣсто директора, приписалъ это ему или его просвѣщенному вліянію. Недаромъ, говоря съ Миличемъ, онъ поглядывалъ на него весело прищуренными глазами, кивалъ головой въ знакъ согласія... и, взглядывая исподлобья на экзаменующихся, перегибалъ голову справа налево и передавалъ замѣчанія Милича старику-директору. Петя сердцемъ почуялъ, что если Миличъ будетъ и теперь несправедливъ къ нему, депутатъ едва ли пожелаетъ защищать его... У Пети болѣла голова, и онъ невольно потуплялъ глаза всякій разъ, когда кто-нибудь изъ начальствующихъ, въ особенности инспекторъ, поглядывалъ на его черную косматую голову. Съ чувствомъ полнѣйшаго раскаянія Петя бранилъ себя за то, что не успѣлъ не только остричься, какъ ему совѣтовалъ инспекторъ, но, по разсѣянности своей, едва ли въ это утро успѣлъ причесать свои волосы...

„Но, вотъ, послѣ освидѣтельствованія столовъ, начался экзаменъ; не безъ торжественности взрѣзанъ таинственный паветъ, и передъ жаждущими зрѣлости громко прочтено и затѣмъ громко продиктовано слѣдующее:

„Когда Катонъ начальствовалъ надъ войсками въ Испаніи,

къ нему пришли послы союзнаго съ римлянами племени илергетовъ и объявили, что они нуждаются въ немедленной помощи, такъ какъ отложившіеся отъ римлянъ народы, собравъ огромное войско, готовятся напасть на ихъ главный городъ“, и т. д.

„Затѣмъ изъ той же бумаги подъ нумерами, какіе были въ русскомъ текстѣ, ради облегченія экзаменуемыхъ, было продиктовано четырнадцать латинскихъ словъ: 1) *Illergetes*; 2) *in discrimen adduci*; 3) *dideri*; 4) *res dubia*, и проч.

„Послѣ диктовки этого *extemporale*, или текста для переводовъ на латинскій языкъ, оставалось всего три часа времени. Отрывокъ былъ настолько длиненъ, что Петя, со своимъ разгонистымъ почеркомъ, едва умѣстилъ его на трехъ страницахъ. Переводъ казался ему легкимъ, но величина отрывка сильно его беспокоила. Онъ тотчасъ же принялся за черновую работу. Затѣмъ, оглядѣвшись, вынулъ изъ бокового кармана, гдѣ лежалъ скомканный носовой платокъ, искусно, въ видѣ квадратика сложенную осьмушку почтовой бумаги и мельчайшимъ почеркомъ переписалъ въ нее переводъ свой. Эта переписка, съ оглядками и предосторожностями, тоже заняла немалое количество времени.

— Можно мнѣ взять песку и засыпать?—проговорилъ Петя проходившему мимо стола его наблюдателю, указывая на плевательницу, которая стояла отъ него въ двухъ шагахъ у стѣны.

— Можете,—покосившись на его сосѣда, пробормоталъ наблюдатель и пошелъ дальше.

„Петя бокомъ, на цыпочкахъ, прошелъ два шага, нагнулся и взялъ песку; въ это время онъ успѣлъ уже въ плевательницѣ оставить ту самую почтовую осьмушку, которая такъ мелко и такъ старательно была имъ вся исписана и такъ же сложена.

„Товарищъ Билинъ, сидѣвшій сзади, какъ бы обдумывая нѣчто, поднялъ голову и, блѣдный, наблюдалъ за Петей. Петя проворно утѣлся на прежнее мѣсто, посыпалъ пескомъ бумагу и, какъ ни въ чемъ не бывало, опять принялся за работу.

„Черезъ десять минутъ, къ той же плевательницѣ съ бьющимся сердцемъ подошелъ Билинъ, взялъ песокъ и захватилъ бумажку. Онъ это сдѣлалъ уже безъ всякаго позволенія, на томъ простомъ основаніи, что дозволенное одному не можетъ быть не дозволено другому.

„Къ счастью Билина, вниманіе экзаменаторовъ было отвлечено колокольчиками пробѣжающей по улицѣ пожарной команды. Одинъ изъ ассистентовъ даже подошелъ къ открытому окну, высунулся и поглядѣлъ, не видать ли гдѣ каланчи“...

Но обратимся къ Петѣ. Онъ былъ голоденъ, и голова его

разболѣлась. Онъ думалъ, какъ-то теперь напишетъ онъ переводъ свой? Неужели слово въ слово, точно такъ же, какъ онъ сдѣлалъ для Билина? А что, если это замѣтятъ? Но что же онъ долженъ дѣлать? Неужели перефразировать? И вотъ, ломая голову, онъ принялся передѣлывать черновую; но чѣмъ болѣе ломалъ онъ голову, тѣмъ больше казалось ему, что иначе невозможно и перевести, какъ онъ перевелъ уже разъ для своего товарища. Лишніе листы, вчернѣ исчерченные перомъ, тоже терзали его самолюбіе. Ничего не могъ уничтожить, все долженъ быть сдать. Для переписки нѣ-бѣло оставалось уже не болѣе получаса. Уже многіе подали свою работу и вышли.

За десять минутъ до конца экзамена, Петя поставилъ точку, поднялся и подаль свою работу наблюдателю, который поглядѣлъ на него и не сказалъ ни слова.

Увы! Петя Клинь не выдержалъ экзамена, благодаря проискамъ своего недоброжелателя, учителя Милича.

Можетъ ли это быть,—скажутъ намъ добросердечные читатели,—говорить романистъ, повѣствующій его грустную исторію:—чтобы ученикъ, который безпрепятственно прошелъ всѣ восемь классовъ, который, постоянно сидя дома, не зналъ городскихъ развлеченій и могъ не только находить нѣкоторую отраду въ своихъ гимназическихъ занятіяхъ, но и дошелъ до того, что полюбилъ классическую литературу, сквозъ цѣлый слой грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ, исключеній и упражненій чисто-механическихъ подглядѣлъ въ ней крупинцы чистаго золота,—не былъ допущенъ додержать экзаменъ зрѣлости? Можетъ ли это быть?

Но призовемъ на помощь факты и увидимъ ясно, что, къ несчастію Пети, сами обстоятельства или случайности,—лучшіе слуги людскихъ страстей и страстишекъ,—были не въ его пользу... Во-первыхъ, время было самое строгое. Министерскія требованія возростали, строгость стала вывѣской усердія, такъ какъ „les royalistes sont plus royalistes que le roi lui-même“,—можете вообразить, какииъ холодомъ отъ всего этого вѣяло. Многія изъ тогдашнихъ школьныхъ властей могли бы сказать про себя не безъ нѣкотораго хвастовства: „мы гнемъ дуги — не пѣримъ; переломимъ—не тужимъ“. Во-вторыхъ, двѣ черновыхъ и та поспѣшность, съ какою Петя настроилъ свой собственный переводъ, быть можетъ, невольно заставили его сдѣлать кой-какіе промахи, пропустить какую-нибудь частицу или прозвѣвать окончаніе. Въ-третьихъ, вспомните, что учитель латинскаго языка, Миличъ, его ненавидѣлъ за излишнюю самостоятельность въ ра-

ботѣ и, главное, за подмѣченное въ немъ самомнѣніе. Въ-четвертыхъ... А въ-четвертыхъ, когда въ совѣтѣ обсуждались результаты начатыхъ экзаменовъ въ присутствіи депутата отъ высшаго учебнаго начальства, всѣ были какъ-то особенно радостно смущены и даже озадачены. Депутатъ былъ въ восторгѣ отъ успѣха учениковъ по древнимъ языкамъ и не скрывалъ своего удивленія.

— Судя по отвѣтамъ,—сказалъ онъ,—всѣхъ до единаго слѣдуетъ допустить оканчивать экзамены зрѣлости.

И директоръ, и учителя, были всѣ почти такого же мнѣнія, но боязнь предъ начальствомъ прослыть слишкомъ слабыми и невзыскательными—внутренно ихъ коробила.

— Какъ это можно, — думали директоръ, Миличъ и еще двое,—какъ это можно: тринадцать держать экзаменъ и всѣ тринадцать будутъ выпущены! Гдѣ же примѣръ такихъ успѣховъ или такого непростительнаго потворства!..

Стали сличать баллы; нашли что у Петра Клина, по милости Милича, и въ началѣ мая была двойка. Обратились къ Миличу; ученый мужъ этотъ, польщенный вниманіемъ депутата, тотчасъ же заявилъ, что Клину не мѣшаетъ еще лишній годъ побыть въ гимназіи, такъ какъ въ послѣднее время онъ съ особенною небрежностью относился къ классическимъ занятіямъ. Затѣмъ, Миличъ, какъ человѣкъ справедливый, сознался, что Клину недурно переводить, такъ какъ память у него здоровая; но въ грамматикѣ слабъ, дѣлаетъ иногда непростительные промахи, и самомнителен. Словомъ, Миличъ, насколько могъ, постарался насолить нашему Петѣ и насолить.

Депутатъ, хотъ и былъ человѣкъ очень честный и добрый, но, само собой разумѣется, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ ученикахъ гимназіи: онъ даже фізіономію Пети смѣшивалъ съ другой фізіономіей, почему-то обратившей на себя его вниманіе во время экзаменовъ, и, какъ человѣкъ вѣжливый, иначе сказать, благовоспитанный, не сталъ настаивать на своемъ, тѣмъ паче противорѣчить Миличу, который не даромъ же пользовался авторитетомъ ученаго классика, рѣшившагося прибыть въ Россію и снизойти до учительской профессіи.

— Ну, конечно, — сказалъ депутатъ. — Годы его еще не ушли. Къ тому же онъ не бѣдный?.. Не бѣдный, вы говорите?.. Не бѣдный?..

— По крайней мѣрѣ, не изъ нуждающихся,—замѣтилъ инспекторъ.—Живетъ у отца и, судя по адресу, на казенной квартирѣ, въ казенномъ домѣ.

— Значить, это не особенно стѣснить семью его, если онъ, того...

— Надо думать, что отецъ его какой-то интендантскій чиновникъ...

— О! интендантскій!..— тонко усмѣхнувшись и многозначительно подмигнувъ глазомъ, сказалъ депутатъ.—Ну, да, если хотите... я присоединяюсь къ вашему мнѣнію...

Вотъ тѣ корешки, изъ которыхъ выросло отчаяніе Пети и омрачило его юношескіе дни. Онъ для гимназіи, такъ сказать, сталъ чѣмъ-то вродѣ „козла отпущенія“, и никто, конечно, никто изъ его добрыхъ наставниковъ даже не подумалъ о томъ, чтò творится, чтò должно твориться въ душѣ этого „козла“, т.-е. Пети Клина, и какія сѣмена отрицанія укореняетъ въ немъ это благое и предусмотрительное распоряженіе совѣта гимназіи!

Повѣсти Полонскаго занимаютъ цѣлый томъ, и лучшая между ними—„Статуя весны“, гдѣ героемъ является маленькій мальчикъ Илюша, оригинальный и мечтательный ребенокъ съ поэтической душой, въ которомъ, можно думать, поэтъ воспроизвелъ нѣкоторыя черты своей собственной дѣтской души.

Затѣмъ представляетъ большой интересъ романъ-хроника „Дешевый городъ“. Дѣйствіе его происходитъ въ Одессѣ, въ сороковыхъ годахъ, и можно думать, что поэтъ и въ этомъ романѣ, въ лицѣ героя, молодого Елатомскаго, сообщаетъ нѣкоторыя черты изъ своихъ юношескихъ тревоженій. Въ романѣ представлены также очень живо нѣкоторые общественныя строенія и выдающіяся личности той эпохи.

„Признанія Сергѣя Чалыгина“, интереснѣйшій романъ, переноситъ насъ въ эпоху Александра I послѣ отечественной войны и даютъ очень любопытную историческую картину тогдашнихъ нравовъ и различныхъ общественныхъ вѣяній. Масовы проходятъ передъ глазами читателей, и то глухое броженіе въ обществѣ, которое предшествовало 14-му декабря 1825 г. и подготовило его, изображается тонкими, но мѣткими и художественными штрихами. Въ немъ живой рассказъ о ребенкѣ, нечаянно ставшемъ свидѣтелемъ крупнаго историческаго событія, которое въ его дѣтскомъ умѣ запечатлѣлось какъ бытовая картинка-„genre“ на трагическомъ фонѣ, смыслъ которой ему былъ въ ту пору непонятенъ.

„Какими судьбами очутился я, неразумный мальчикъ, на Сенатской площади, 14-го декабря 1825 года? Задавая себѣ по-

добный вопросъ, я долженъ сильно напрягать свою память, чтобы отвѣтить на него. Неужели наивное любопытство было такъ сильно, что, несмотря на прирожденную мнѣ робость, оно могло увлечь меня въ толпу и лицомъ къ лицу поставить съ такимъ событіемъ, передъ которымъ, какъ на полѣ битвы, никто не могъ бы считать себя внѣ опасности? Зачѣмъ это бѣжитъ народъ съ запальчивыми лицами, горланя и размахивая руками? Отчего это такъ много вытянутыхъ, озадаченныхъ физіомій, выражающихъ не то испугъ, не то недоумѣніе? Откуда такъ много вопросительныхъ и восклицательныхъ фигуръ, съ раскрытыми ртами, съ шапками на затылкѣ, фигуръ въ распахнувшихся шубахъ, фигуръ въ фризovýchъ шинеляхъ, фигуръ бритыхъ и небритыхъ, стоящихъ на троттуарахъ около бакалейныхъ лавочекъ, на ступенькахъ подъѣздовъ или подъ какимъ-нибудь фонаремъ, разспрашивающихъ другъ друга, или сурово и подозрительно поглядывающихъ будочниковъ? Я зналъ объ этомъ настолько, насколько и провожатый мой Логинъ; а Логинъ мой зналъ настолько, насколько знали объ этомъ въ тѣхъ многочисленныхъ семействахъ, которыя въ это время преспокойно возбуждали аппетитъ свой легонькой закуской и готовились къ сытной трапезѣ, нисколько не подозрѣвая, что въ эту минуту, за нѣсколько улицъ, а именно на Сенатской площади, совершается нѣчто вродѣ революціи.

„Я думалъ, что будетъ большой парадъ съ музыкой и пальбой со стороны Петропавловской крѣпости, будетъ новая присяга, и—спѣшили. Я только и слышалъ, что митрополитъ проѣхалъ—графъ Милорадовичъ убитъ. Логинъ почувалъ что-то такое не совсѣмъ удобное для нашей прогулки и ухватилъ меня за рукавъ, что было съ его стороны равносильно настойчивому желанію убираться во-свояси. Я, какъ послушная лошадевка, почувалъ возжи и повернулъ назадъ, хотя впередъ меня тянуло какое-то смутное желаніе увидѣть какое-то зрѣлище. Зачѣмъ бы, думалъ я, бѣжать народу, коли тамъ нѣтъ и не будетъ никакого зрѣлища! Я уже слышалъ издалека барабанный бой и какой-то гулъ (не-то ура! не-то Богъ знаетъ что такое). Но что дѣлать! Логинъ все сильнѣе и сильнѣе тянулъ за возжу, то-есть, за рукавъ моей шинели.

„Но только-что мы повернули назадъ, какъ натолкнулись на Костю и Сашу Порскаго. Они спѣшили на Сенатскую площадь; Саша говорилъ, что взлѣзетъ на фонарь и все увидитъ; Костя также толковалъ, что картина, вѣроятно, будетъ живописная, но

что онъ намѣренъ, по-добру, по-здорову, перебраться черезъ мость и поглядѣть на эту картину издали.

— А ну какъ насъ съ тобой подстрѣлятъ,—говорилъ онъ.— Ну, братъ, туда намъ и дорога,—отвѣчалъ Саша Порской, порываясь впередъ.— Возьмите и меня съ вами,—проговорилъ я.— Пойдемте-съ; вѣдь мы съ вами бунтовать не будемъ, не правда-ли-съ?—Я буду бунтовать,—проговорилъ Порской.— Какъ же ты будешь бунтовать?—смѣясь и скаля зубы, спросилъ его Костя.— Пуцу кому-нибудь въ рожу висеть съ табакомъ или калоши сниму съ ногъ, начну бросаться.— Ну, братъ, это убыточно: табакъ жалъ, а калоши также стоятъ недешево.— А вотъ, — не слушая его, — продолжалъ Саша, — и сумасшедшій идетъ. За нимъ, господа! У него такая грозная фигура, что передъ нимъ всѣ разступаются.

„И, дѣйствительно, я увидалъ въ толпѣ сумасшедшаго Ильина: — онъ былъ въ той же клеенчатой фуражкѣ, но уже не въ плащѣ, а въ теплой бешметѣ съ потертымъ бобровымъ воротникомъ. Онъ былъ блѣденъ и шелъ твердой поступью, сложа на груди своей руки „à la Napoléon“. Глаза его казались сверкающими и повелительно грозными. — Разступись! — кричалъ онъ. Всѣ оглядывались и разступались. — Съ дороги! съ дороги! пропустить! — повторялъ онъ повелительнымъ голосомъ и шелъ. Глядя на него, иные ворчали, иные пятились, какъ отъ зачумленнаго. Мы дошли за нимъ. Логинъ умолялъ меня идти домой, грозилъ, ворчалъ, сердился, тянулъ за рукава, а я не слушался; послушная минута прошла; и вотъ, какимъ-то судьбами, пробиваясь сквозь толпу, очутились мы на площади, въ проходѣ между шеренгами выстроившагося войска. — „Vive la charte!“ — закричалъ сумасшедшій, поднявши правую руку и обернувшись въ ту сторону, гдѣ за толпой слышался топотъ кавалергардскихъ лошадей и гдѣ мелькали султаны. Онъ остановился, а мы хотѣли пройти за фронтъ и потомъ пробраться въ каменнымъ кучамъ матеріала, заготовленнаго для постройки Исакія. — Стой! — гаркнулъ кто-то у меня подъ самымъ ухомъ, — и я увидѣлъ чело-вѣка съ грубымъ лицомъ, въ партикулярномъ платьѣ, но въ военной шинели и въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ. Быстро оглядѣвъ насъ съ ногъ до головы, онъ остановилъ мутные глаза свои на румяной фizioноміи сконфуженнаго Кости и сердито спросилъ его: — Вы за кого?.. А?.. За кого вы, говорятъ вамъ?.. — За... за... Константина, — запинаясь, пробормоталъ Костя. — Молодецъ! на тебѣ! — и онъ сунулъ ему въ руку заряженный пистолетъ. Костя взялъ его — и не успѣли мы подумать и со-

образить, что все это значить, какъ тотъ же человѣкъ закричалъ намъ:—Проходите налѣво—тамъ наши...

„Но не успѣли мы пройти нѣсколько шаговъ, какъ подбѣжалъ къ намъ другой офицерикъ, на видѣ развеселый-пререзвеселый малый, и, увидавши меня, сталъ просить Логина какъ можно скорѣе увести меня.—И куда это ты, старина, завелъ его? —Ба-а-тюшка!—умоляющимъ голосомъ сталъ-было оправдываться Логинъ...

— Пойдите, я самъ провожу васъ, — подхватилъ онъ съ любезностью кавалера, услуживающаго дамамъ. — Вы видите, видите, что у насъ творится,—свои своихъ не узнаютъ,—продолжалъ услужливый офицерикъ, и показалъ налѣво.

„Сквозь толпу мы увидѣли блескъ колеблющихся штыковъ и какую-то еривую суматоху. Часть народа, которая, какъ мнѣ казалось издали, стояла точно на каеихъ-то холмахъ, двинулась съ возвышеній и обнажила большіе дровяные склады: въ воздухѣ замелькали пущенныя въ солдатъ полѣнья,—съ ихъ стороны раздались ружейныя выстрѣлы,—казалось, вотъ-вотъ начнется свалка... Недалеко отъ насъ, со стороны Невы, въ ту же сторону пробѣжала другая толпа—и въ семи шагахъ отъ меня я увидѣлъ... лодочника Митрофана. Онъ бѣжалъ въ полуплывѣ нараспашку, махалъ весломъ и, выпуча глаза, кричалъ:—Констанція!

— Ишь, дурачье!—сказалъ офицерикъ:—кричать, а и сами не знаютъ, что кричать.

„Проведя насъ къ начинающимся постройкамъ (теперешняго синода или сената, не помню), офицерикъ сказалъ мнѣ:—Ступайте по Галерной, а какъ придете домой, не забудьте поклониться отъ меня вашей матушкѣ.—Костя и Сапа Порской исчезли. Какъ они отбились и куда вдругъ забѣжали, Господь ихъ вѣдаетъ. Впрочемъ, мнѣ и моему несчастному Логину было не до нихъ. Рады-рады мы были, что очутились на Галерной.

— Шестой десятокъ живу—страстей такихъ не было! Насъ и тутъ, чего добраго, задавятъ. Куда вы, баринъ! видите, какая толпа валить! — ворчалъ мой Логинъ. — Зайдемъ къ Глаголевскому, — сказалъ я, очутившись у того крыльца, которое вело въ его обитель. — Куда тутъ заходить — вишь, и лавки, и ворота всѣ заперты.

„Я толкнулся въ дверь подъ навѣсомъ,—она, скрипя, отшатнулась и пропустила насъ въ темныя сѣни. Тутъ по каменной лѣстницѣ взобравшись на третій этажъ, скоро очутились мы въ большомъ корридорѣ и, наконецъ, въ квартирѣ Глаголевскаго.

Его мы не застали дома, а застали одну сожительницу его Аграфену; она преспокойно стряпала обѣдъ и дожидалась своего Василя Васильевича. Мы рассказали ей со всѣми подробностями наши приключенія.

„Наступили сумерки... Аграфена ушла въ кухню, Логинъ сталъ спиной къ печкѣ, принялъ свою лакейскую позу и о чемъ-то ерѣпко задумался. Я сталъ глядѣть въ окно, но сквозь двойныя рамы, кромѣ стѣны Зимняго дворца, угломъ выходящаго на площадь, ничего разглядѣть не могъ. Вдругъ уголъ этотъ озарился алымъ блескомъ, и черезъ двѣ-три секунды грянулъ пушечный выстрѣлъ. Стекла въ окнахъ звягнули; Логинъ перекрестился; Аграфена вышла изъ кухни, но такъ же спокойно и равнодушно стала накрывать на столъ. Не прошло пяти минутъ, какъ грянули новыя выстрѣлы — это уже были цѣлыя залпы. Рамы въ окнахъ дрогнули, между ними посыпались осколки лопнувшихъ стеколъ. Логинъ поблѣднѣлъ, у меня замерло сердце; Аграфена — и та приостановилась, но, судя по ея лицу, не замѣтно было, чтобы струсила. Не успѣли мы очнуться отъ грома этихъ выстрѣловъ, какъ въ комнату, не снимая шинели, ввалился Глаголевскій; безъ шляпы, блѣдный и тяжело дышавшій, онъ былъ похожъ на человѣка, только-что выскользнувшаго изъ-подъ ножа или убѣжавшаго отъ висѣлицы. Аграфена поглядѣла на него съ насмѣшкой. — Что ты, мой батюшка! — сказала она: — али ополоумѣлъ? вѣдь не въ тебя же тамъ цѣлили, есть и почище тебя! — Да, не въ меня! кабы не юркнулъ въ ворота, прохватило бы и меня; такъ-то картечью жарить, что спаси Господи!

— Что съ вами случилось? — спросилъ я.

— Да чуть не убили... Пойду завтра молебень отслужу... право! Извольте видѣть — не успѣй я добѣжать до подъѣзда — трахъ! повалили бы и меня... Пули такъ и визжать, такъ и визжать. Вотъ ужъ до чего мы дожили! Владыко всемилостивѣйшій!..

„И Глаголевскій къ потолку возвелъ оловянные глаза свои.

— Да кабы и въ тебѣ попало, такъ бы не велико горе-то, сокровище ты этакое! — отозвалась Аграфена, снимая шинель съ своего сожителя. — А гдѣ же шляпа-то, а? — Шляпа! а я хотѣлъ-было въ одну калитку сунуться, она у меня и слетѣла; пока повернулся — калитку-то кто-то успѣлъ сзади запереть, а шляпа-то полетѣла... Знаете... покатила — да такъ ее и растоптали... народъ бѣжить, какъ оглашенный... До шляпы ли тутъ, помилуйте! До своей квартиры оставалось три шага, кой-

какъ добѣжалъ, спасъ Господь... А вы-то какъ... а? какъ вы-то сюда попали?

„Мы рассказали ему, какъ мы попали.

— Экой день, экой день! Согреѣшили передъ Господомъ... Ну, впрочемъ, слава Богу! Завтра весь Петербургъ, вся святая Русь будетъ молебны пѣть, крамольники дрогнули и побѣжали... — Кто побѣжалъ? — спросила Аграфена. — А вотъ всѣ тѣ, кто не хотѣлъ Николаю Павловичу присягать — вотъ кто.

„Послѣ обѣда, мнѣ сильно захотѣлось домой идти... Глаголевскій зажегъ фонарь, надѣлъ старую свою съ ушами шапку и проводилъ насъ до подъѣзда! Увы! подъѣздъ былъ запертъ — это было первое препятствіе. Мы стали стучать въ дверь, въ надеждѣ, что дворникъ на троттуарѣ услышитъ насъ и выпуститъ на улицу; но не тутъ-то было — мы только испугали нижнихъ жильцовъ. Справа, изъ дверей нижняго этажа, высунулась голова въ черномъ колпакѣ и уставила на насъ страшно испуганные, ястребиные глаза свои.

— Ишь, черти! что вы тутъ стучите, только пугаете, оканные!.. — проговорила эта голова. — Нечего было дѣлать, надо было опять подняться до самого верху, надо было пройти весь верхній корридоръ и спуститься по другой, узкой и вонючей лѣстницѣ.

„Помню, какъ мнѣ вдругъ стало жутко, когда очутились мы на троттуарѣ и услышали за собой скрипъ желѣзной задвижки и стукъ замка за воротами. Улица была темна, глуха и безлюдна; только мостовая, покрытая выпавшимъ къ ночи снѣгомъ, едва-едва бѣлѣлась. Со стороны Сенатской площади слышался стукъ подковъ, и вдали „слу-у-у-ша-а-ай!“ раздавалось протяжно со всѣхъ сторонъ и замирало въ холодномъ воздухѣ. Пройдя направо дома три или четыре, мнѣ показалось, что по срединѣ улицы стоятъ двѣ высокія фуры, и что на одну изъ нихъ какія-то темныя фигуры поднимаютъ и кладутъ что-то темное. — Эка темь! — подумалъ я, стараясь вглядываться, и чуть не упалъ, потому что въ эту минуту былъ схваченъ за воротъ какимъ-то полицейскимъ.

— Кто вы такіе? Куда ты? а? — спросилъ онъ.

„Я такъ испугался, что и отвѣчать не могъ. Логинъ умоляющимъ голосомъ сталъ объяснять ему, что я — сыночекъ ея превосходительства, что мы были въ гостяхъ и домой идемъ; при этомъ онъ ему кланялся и называлъ: „батюшка вы мой“.

„Видно, слово „батюшка“ понравилось или смягчило душу полицейскаго; онъ выругалъ Логина крѣпкимъ словомъ, но та-

нимъ тономъ выругаль, что намъ сейчасъ же стало ясно, что онъ надъ нами сжалился и отпустить намъ душу на покаяніе. По его совѣту мы стали подъ какія-то запертыя ворота и притаились.

„Пока мы стояли такимъ образомъ, прижавшись въ темные углы и не смѣядохнуть, таинственныя фуры тронулись, и, сквозь медленный грохотъ колесъ ихъ, мнѣ послышался стонъ. Вслѣдъ за удаляющимися фурами, подоспѣлъ и двинулся цѣлый отрядъ конницы. Несмотря на темноту, зоркіе, молодые глаза мои видѣли, какъ отсвѣчивалась сбруя, какъ бѣлѣли перевязи и какъ, на шагъ, лошади мотали головами, какъ будто кланялись. Одна изъ нихъ фыркнула отъ меня въ двухъ или трехъ шагахъ... Наконецъ, они проѣхали...

— Теперь ступайте,—сказалъ намъ полицейскій,—да коли не попадетесь, скажите тамъ у себя дома, что коли время будетъ, я навѣдаюсь, найду къ вамъ.

— Угостимъ, ей-Богу, угостимъ!—отвѣчалъ Логинъ:—и барыня будетъ благодарна.

— Ну, то-то же... да тише идите!—совѣтовалъ полицейскій.

„И мы пошли такъ тихо, такъ тихо, какъ только воры ходятъ, собираясь обойти сторожей и подобраться къ соннымъ. Я даже дрожалъ слегка, точно преступникъ. Свернувши въ переулокъ налѣво, мы благополучно дошли до площадки передъ Поцѣлуевымъ мостомъ, но тутъ передъ нами открылось невиданное въ столицѣ зрѣлище: горящія костры на мостовой, ружья въ сошкахъ, группа осѣдланыхъ и дымящихся лошадей, кучки солдатъ и офицеровъ—однимъ словомъ, цѣлый бивакъ. Разсудокъ убѣдилъ насъ, что идти назадъ бесполезно, что и у другихъ мостовъ черезъ каналъ могли быть точно такіе же пикеты; прятаться же еще хуже—это значитъ навлекать на себя незаслуженное подозрѣніе. Хоть у меня и замирало сердце, хоть мы и трусили, но рѣшились идти спокойно, прямо на мостъ. Караульный окликнулъ насъ и остановилъ; какой-то офицеръ подошелъ къ намъ, выслушалъ насъ, вызвалъ кого-то изъ кучки солдатъ, и этотъ „кто-то“ побѣждалъ къ командиру доложить о нашемъ желаніи пройти домой. Позванные къ командиру, мы прошли мимо одного бивачнаго огня, возлѣ котораго, какъ мнѣ показалось, солдаты пили сбитень. Ближе всѣхъ къ огню стоялъ какой-то господинъ съ краснымъ шарфомъ на шеѣ, съ подвязанной рукой, стало быть раненый, и былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Командиръ (полковникъ или генералъ—Господь его вѣдаетъ!) сидѣлъ на скамьѣ около будки и, завер-

нущи въ шинель, казался неподвижнымъ; уличный фонарь освѣщалъ полумонгольскія черты лица его, выдавшіяся скулы и большіе, длинные глаза, которые глядѣли какъ будто сквозь дремоту,—что, разумѣется, не мѣшало имъ отлично все видѣть; на одной щекѣ его было черное пятно—вѣроятно пластырь.

„Я молчалъ,—Логинъ за меня отбояривался. Онъ стоялъ безъ шапки, кланялся, чуть не плакалъ. — Окажите божескую милость, ваше превосходительство!—говорилъ онъ:—въ первый и послѣдній разъ запаздываемъ, ваше превосходительство!..

— Ну, какъ я васъ пропущу?—говорилъ командиръ:—можетъ быть, ты переодѣтый бунтовщикъ, кто тебя знаетъ? Эй, Григорьевъ! Позвать сюда Григорьева!.. проводи вотъ этого мальчугана и этого стараго дурака до ихъ дома, ну, и сдай ихъ тамъ съ рукъ на руки...

„Я увѣренъ, что серебряная серьга въ одномъ изъ ушей моего Логина была замѣчена и краснорѣчиво доказала его невинность... Такимъ образомъ божеская милость была намъ оказана, и мы, въ сопровожденіи солдата Григорьева, благополучно дошли до нашей квартиры, хотѣли выслать Григорьеву на водку, но онъ махнулъ рукой и сказалъ: —Какая теперь водка!—потомъ, замѣтивши домъ нашъ, исчезъ во мракѣ...

„Съ крикомъ радости бросилась обнимать меня, вся блѣдная, вся трепещущая, мать моя. Она плакала. Въ первый разъ я видѣлъ ее плачущею, и понялъ, сколько въ этотъ день должна была переживать и перестрадать эта женщина...”

А. Э.

ВЪ ТѢНИ СОСЕНЪ

РАЗСКАЗЪ.

Доходное имѣніе господъ Никитаевыхъ, Гарделёвка, раньше принадлежало извѣстному польскому магнату. Въ свое время, заслуженный генералъ Никитаевъ занималъ видный постъ въ юго-западномъ краѣ: воспользовавшись какимъ-то удобнымъ случаемъ, онъ приобрѣлъ Гарделёвку почти за безцѣнокъ и впоследствии, оставивъ службу, полюбилъ этотъ живописный уголокъ. Утѣшая себя примѣрами Діоклетіана и Цинцинната, генералъ сажалъ цвѣтную капусту и надѣялся, что о немъ еще вспомнятъ, что его снова призовутъ къ дѣлу. Но о генералѣ не вспомнили вплоть до самой его смерти. Затѣмъ Гарделёвка перешла къ единственному сыну Никитаева, Дмитрію Константиновичу. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ новый владѣлецъ ни разу не побывалъ въ этой деревнѣ: сперва онъ путешествовалъ за-границей, а потомъ направился въ Петербургъ и тамъ лихорадочно занялся своей служебной карьерой. Дмитрій Константиновичъ поступилъ на службу подъ начальство родного дяди, Никитаева-старшаго, который, несмотря на преклонный возрастъ, неизмѣнно продолжалъ оставаться на высокомъ, отвѣтственномъ посту. Это былъ старый государственный дѣятель; онъ лишь посмѣивался, когда въ петербургскихъ чиновныхъ сферахъ начинали циркулировать слухи о предстоящемъ паденіи „старика“. При этомъ старикъ повторялъ: „Что жъ? падать, такъ падать! Если эта старая голова никуда больше не годится, я и паду съ удовольствіемъ; самъ буду ходатайствовать о низверженіи выжившаго изъ ума старца... Честь и мѣсто молодымъ силамъ!“

Однако, въ концѣ-концовъ всегда выходило такъ, что Никитаевъ-старшій не только не падалъ, но получалъ все новыя и новыя благодарности. Онъ пережилъ много молодыхъ восходящихъ свѣтилъ, много разнообразныхъ вѣяній и настроеній, но всегда оставался однимъ и тѣмъ же: „старымъ холостякомъ и честнымъ оригиналомъ“. Онъ не измѣнялъ своей внутренней физиономіи въ угоду теченію времени, и его уважали за это рѣдкое постоянство,—уважали даже тогда, когда старикъ приходился не ко двору.

— Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку... А не нравится—прогоните!—твердилъ оригиналъ. И съ годами его стали называть „несмѣняемымъ“. Подъ его руководствомъ и вліяніемъ Дмитрій Константиновичъ сразу сѣмѣлъ зарекомендовать себя съ наилучшей стороны и занялъ вѣрную и прочную позицію. Молодому карьеристу предсказывали широкую будущность: о немъ говорили, что этотъ представитель второго поколѣнія Никитаевыхъ пойдетъ, пожалуй, еще дальше, чѣмъ „родовачальники“, т.-е. отецъ и дядя. Зато дома, въ Гарделѣвкѣ и ея окрестностяхъ, Дмитрія Константиновича открыто порицали; его поведение находили страннымъ, почти неблаговиднымъ. Всѣ недоумѣвали, почему онъ не хочетъ, хоть на время, навѣдаться домой; это тѣмъ болѣе казалось непонятнымъ, что Никитаевъ оставилъ въ Гарделѣвкѣ вмѣстѣ со старухой-матерью, генеральшей Александрой Ивановной, и молоденькую жену, Софью Вячеславовну, съ которой прожилъ всего около двухъ мѣсяцевъ, считая со дня свадьбы. Сына же своего, родившагося здѣсь уже въ отсутствіи Дмитрія Константиновича, онъ до сихъ поръ не видѣлъ ни разу. На первыхъ порахъ сосѣди были заинтригованы легкомысленнымъ непостоянствомъ Никитаева; потомъ постепенно стали забывать объ его существованіи.

Онъ женился вопреки воли матери на небогатой особѣ полурусскаго происхожденія: Вячеславъ Кшинскій, отецъ Софьи, былъ полякъ, женатый на русской. Кшинскій содержалъ въ своемъ городѣ второстепенную музыкальную школу. Дмитрій Константиновичъ (тогда онъ, окончивъ университетъ, еще „билъ баклуши“ и „дрессировался на свободѣ“, не желая связывать себя службой) почему-то вообразилъ, что у него выдающійся голосъ. Онъ записался ученикомъ въ школу Кшинскаго, затѣмъ увлекся „паненкой Зофьей“ и вскорѣ обвинчался съ нею. Каково же было общее удивленіе, когда вдругъ, мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы, Никитаевъ привезъ жену въ Гарделѣвку, бросилъ ее здѣсь, какъ ненужную вещь, а самъ умчался за-границу. Даже генеральша

Александра Ивановна не могла понять, въ чемъ тутъ суть дѣла. Старуха давно перестала чуждаться нежеланной невѣстки, и въ отсутствіе сына она успѣла привыкнуть къ Софьѣ Вячеславовнѣ.

Александрѣ Ивановнѣ обыкновенно называли женщиной доброй, но слишкомъ простоватой для ея общественнаго положенія. Въ былыя времена эта „простоватость“ причиняла много огорченій покойному генералу, постоянно дѣлала Александру Ивановну „притчей во языцѣхъ“.

Въ мѣстномъ краѣ долго переходилъ изъ устъ въ уста рассказъ о томъ, какъ „генеральша“, принимая у себя одну высокопоставленную особу, заговорила съ этой особой по душѣ и на своемъ полу-народномъ жаргонѣ.

— А вы бы къ намъ, батюшка, въ деревню за-просто пожаловали! Надоѣли вамъ, поди, до смерти эти расшаркиванья да этикетки... Отдохнули бы у насъ, подѣ соснами. Благодать тамъ! А ужъ какіе у насъ вареники съ вишнями! Объяденіе! Или вы не любите варениковъ-то?

Особа даже глазомъ не моргнула и любезно отвѣтила:

— Какъ не любить? Вареники — это такая прелесть! Непремѣнно, непременно воспользуюсь вашимъ милымъ приглашеніемъ...

И досталось же потомъ Александрѣ Ивановнѣ за эти вареники! Генераль всю жизнь не могъ забыть ея промаха и отчасти приписывалъ свое „паденіе съ высоты“ злополучнымъ вареникамъ. Александра Ивановна оскорблялась до глубины души, когда мужъ укорялъ ее въ неумѣньи держать себя въ обществѣ. А расхोдившійся генераль, весь багровый отъ раздраженія, кричалъ своимъ громовымъ голосомъ.

— То-есть, дура—дурой! Кухарка—и баста! Ни ступить, ни повернуться не умѣетъ... Чтѣ ни скажетъ, то сморозитъ чужь! Это, матушка, мужчинѣ—еще куда ни шло—можно пѣтухомъ пѣть, Суворова разыгрывать, да и то уже не жалуютъ! А высокопоставленной дамѣ никакъ не пригоже дурака валять... Вареничковъ, говоритъ, вамъ наварю! а? Прошу покорно! Вареничковъ! Можетъ, еще пампушекъ съ чеснокомъ?

При послѣднихъ словахъ Александра Ивановна, выйдя изъ терпѣнія, въ свою очередь раздражалась иронической тирадой:

— Да чтѣ ты присталь, какъ ошалѣлый? Самъ-то ты кто? Подумаешь, какой придворный вельможа выискался... Выслужилась армейщина, такъ уже и земли подѣ собой не чувствуетъ! Какая я тебѣ кухарка? Слава Богу, дворянка, помѣщицья дочь, знаю, какъ съ человѣкомъ обойтись нужно: можетъ, я у папеньки,

дома, почище твоихъ гостей видывала! А что я по простотѣ да по старинѣ воспитана, такъ, небось, догадается, что жена у тебя не молоденькая... Чего жъ я финтить-то передъ нимъ стану? Ворону въ павлиньихъ перьяхъ разыгрывать?—Такъ она и до конца не поняла, чего именно хотѣлъ отъ нея генералъ Никитаевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ старуха овдовѣла, она сдѣлала своего племянника, Василя Николаевича Платова, главнымъ совѣтникомъ и довѣреннымъ лицомъ. Василій Николаевичъ жилъ въ небольшой деревенькѣ, верстахъ въ семи отъ Гарделёвки. Мать Платова приходилась Александрѣ Ивановнѣ родною сестрой. Когда Платова, много лѣтъ тому назадъ, похоронила мужа и осталась съ четырнадцатилѣтнимъ Васей безъ всякихъ средствъ къ жизни, Александра Ивановна приняла участіе въ сестрѣ и племянникѣ. Она перевезла ихъ къ себѣ и предоставила мальчику возможность окончить образованіе въ гимназіи. Далѣе, по ея настоянію—генералъ Никитаевъ приобрѣлъ для Платовыхъ на весьма выгодныхъ условіяхъ хуторокъ и около двухсотъ десятинъ земли подъ самой Гарделёвкой. Матеріальная самостоятельность Платовыхъ была обезпечена, но вскорѣ ихъ постигло новое несчастье. Василій Николаевичъ, уже будучи студентомъ третьяго курса, впутался въ какую-то исторію, и впутался настолько серьезно, что угодилъ въ довольно-таки отдаленныя мѣста. Да еще, вдобавокъ къ этому, взялъ и женился на дѣвицѣ, изъяснившей желаніе послѣдовать за нимъ въ ссылку. Вообще, какъ выражался покойный генералъ, „Васенька въ этотъ періодъ своей жизни надѣлалъ многу глупостей“. Но жена его очень рано умерла, не выдержавъ холоднаго климата, а Платову, спустя нѣкоторое время, разрѣшено было возвратиться домой. Черезъ полгода послѣ возвращенія, онъ схоронилъ мать, а самъ поселился въ деревнѣ, „доживать жизнь“...

Лѣто смѣнялось осенью, зима—расцѣтающей весною, а въ Гарделёвкѣ все продолжало оставаться безъ переменъ. Старинный „палацъ“ (въ юго-западномъ краѣ домъ болѣе крупныхъ помѣщиковъ носятъ громкое названіе „дворцовъ“, или же называются по-польски: „пала́цами“), выстроенный въ фантастическомъ стилѣ, слегка напоминающемъ стиль ренессансъ, не поддавался вліянію времени. Его обширные, красиво обставленные „салоны“ содержались въ образцовомъ порядкѣ, но пустовали.

Александра Ивановна жила уединенно, избѣгая новыхъ знакомствъ: она и раньше недолюбливала общества, а теперь пуще прежняго сторонилась отъ людей. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ

въ деревнѣ поселилась Софья Вячеславовна, пришлось по невогѣ расширить кругъ знакомыхъ: въ Гарделёвкѣ появились юные сосѣдскіе сынки, привлекаемые блестящими глазами „молодой пани Никитаевой“. Старая генеральша сильно косилась на поклонниковъ невѣсты и называла ихъ „выюнами“. Впрочемъ, съ теченіемъ времени старуха перестала бояться выюновъ: ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ даже легкаго успѣха у Софьи Вячеславовны. Появится такой претендентъ, повертится, повертится, „какъ бѣсъ передъ заутреней“, и отойдетъ ни съ чѣмъ. А Софьюшка съ улыбкой встрѣтитъ его, съ улыбочкой и выпроводитъ... И снова все войдетъ въ Гарделёвкѣ въ прежнюю, однообразно-сытую колею. Съ нѣкоторыхъ поръ Василя Николаевича Платова какъ-то особенно тянуло въ Гарделёвку: его интересовала личность Софьи Вячеславовны. Онъ все не могъ разгадать: что это за женщина? Неужели она не скучаетъ здѣсь, не жаждетъ переменъ? Неужели она такъ и останется на точкѣ замерзанія, въ состояніи неизмѣннаго душевнаго безразличія, полной апатіи? Платовъ задумывался надъ этими вопросами и послѣднюю зиму короталъ всѣ вечера въ Гарделёвкѣ.

Снѣгъ замететъ неровными сугробами двухъ-этажный бѣлый палацъ съ его колонками и вазами на балконахъ. Ледяная кора нависнетъ на громадныхъ деревьяхъ, окружающихъ домъ, и вѣтеръ страшно зашелеститъ обледенѣлыми вѣтками. Даже густой сосновый лѣсъ, со всѣхъ сторонъ обступающій Гарделёвку, не можетъ защитить панскую усадьбу отъ назойливаго зимняго вѣтра. Воеетъ и гудитъ этотъ вѣтеръ подъ окнами, срываетъ снѣгъ съ ближайшихъ флигелей и крутитъ его на площадкѣ передъ главнымъ подъѣздомъ палаца. А дальше, въ вѣчно зеленѣющемъ лѣсу жалобно скрипятъ высокія сосны. Темная ночь слетитъ на землю; гдѣ-то далеко, далеко завоюетъ волкъ; поднимутъ тревожный лай собаки; застучитъ гарделёвскій сторожъ въ свою колотушку, и опять запоетъ вѣтеръ раздраженно-капризную пѣсню.

Но въ квадратной, отдѣланной подъ мраморъ, столовой Никитаевыхъ и тепло, и свѣтло, и уютно. Нянюшка поитъ маленькаго Костеньку молокомъ, кормитъ его свѣжеиспеченной котлетой. Въ сторонѣ почтительная экономка разливаетъ чай. Матовый свѣтъ падаетъ сверху на бѣлоснѣжный столъ, уставленный яствами. Ярко горитъ каминъ, и сухія дрова потрескиваютъ точно съ удовольствіемъ. Послѣ чая Александра Ивановна принимается за безконечное вязанье; Софья для вида держитъ въ рукахъ вышивку: она работаетъ лѣниво. Платовъ толкуетъ о

послѣднихъ журнальныхъ статьяхъ и литературныхъ новинкахъ, о новыхъ мѣропріятіяхъ и проектахъ. Онъ хочетъ заинтересо-
вать чѣмъ-нибудь Софью, хочетъ вывести ее изъ состоянія мо-
ральной спячки. И Платовъ не знаетъ, чѣмъ бы захватить Софью
Вячеславовну? Она обо всемъ слушаетъ внимательно, всѣмъ инте-
ресуется одинаково, но интересуется слегка, поверхностно и, въ
сущности, безучастно. У нея нѣтъ излюбленныхъ темъ для раз-
говора. Она съ одинаковымъ вниманіемъ принимаетъ рассказы
Василія Николаевича о далекихъ годахъ студенчества, о ста-
рыхъ друзьяхъ, о бывшихъ мечтахъ и надеждахъ, о суровой, хо-
лодной Сибири, а также о новомъ философскомъ ученіи, или о
модномъ, сенсационномъ романѣ. Иногда Софья вставитъ соб-
ственное, подчасъ оригинальное, словечко, улыбнется и о чемъ-
то призадумается. Порой, въ свою очередь, начнетъ оживленно
болтать о какомъ-нибудь пустякѣ,—но все это дѣлаетъ такъ,
какъ будто впечатлѣнія скользятъ мимо нея, не задѣвая ни ума, ни
сердца; точно тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души, она совсѣмъ иная,
будто въ душѣ у нея есть нѣчто свое, но нѣчто такое, до чего
никому нѣтъ дѣла, и до чего она не позволитъ дотронуться по-
стороннимъ. А то вдругъ распалится и примется поддразнивать
Василія Николаевича.

— Какъ вамъ не надоесть только и дѣла дѣлать, что вѣчно
читать и думать о прочитанномъ? Вы все витаете подъ обла-
ками, думаете о „небесныхъ миндалинахъ“, а жизнь идетъ,
идетъ... приближаетъ насъ къ могилѣ, не даетъ намъ ничего ни
дурного, ни хорошаго... Вѣдь вы въ своемъ хуторѣ сидите съ
этими книгами и авторами, какъ въ скорлупѣ... Прочтеть и
подумаешь... подумаешь и опять прочтеть... А время улетаетъ!
„Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата“, и въ концѣ-концовъ „фи-
лософъ“ — помните басню? — „всегда безъ огурцовъ“... Нѣтъ! это
скучно: провести всю жизнь за чтеніемъ книгъ, хотя бы и хо-
рошихъ...

Платовъ въ отвѣтъ начнетъ доказывать, что кромѣ чтенія и
размышленій онъ еще занимается сельскимъ хозяйствомъ, ста-
рается по-человѣчески относиться къ окрестнымъ крестьянамъ,
никого не эксплуатируя, никого не обижая изъ-за своихъ лич-
ныхъ видовъ.

Софья Вячеславовна весело разсмѣется.

— Да! я и забыла! Вѣдь вы никого не обираете! Это тоже
заслуга и работа... А я, напримѣръ, занимаюсь тѣмъ, что ни-
чего не краду... полезная и гуманная дѣятельность! Правда,

мнѣ это ничего не стѣитъ: у меня все есть... Но, тѣмъ не мѣняе, какъ пріятно культивировать собственныя добродѣтели!

Василій Николаевичъ тревожно взглянетъ на нее и заявитъ:

— Во всякомъ случаѣ, лучше культивировать хотя бы и ничтожныя добродѣтели, чѣмъ—пороки.

— Bravo! Запишу въ книжечку: впослѣдствіи, когда Костя начнетъ учиться, заставлю его—вмѣсто прописей—списывать ваши изреченія... У меня до тѣхъ поръ накопится огромный запасъ разныхъ моральныхъ истинъ.

— Что-жъ? Въ прописяхъ есть хорошія вещи, и жаль, что съ ними не хотятъ считаться...

— Еще бы! „Ложь—мать всѣхъ пороковъ“... „Счастье—лишь въ добродѣтели“... „Тише ѣдешь—дальше будешь“... Все, все есть въ прописяхъ! Но, говоря по совѣсти, и вы не всегда считаетесь со своими проповѣдями. Вотъ вы любите бесѣдовать о любви къ меньшому брату, о необходимости работать на пользу „безропотной деревни“,—а что вы сами для нея дѣлаете? Стараетесь не эксплуатировать? Скажите, пожалуйста, какъ трогательно! И больше ничего? Другіе передовые помѣщики—открываютъ школы, показываютъ волшебные фонари и панорамы, а вы? Вамъ все лѣнь! Ваша специальность—размышлять о прочитанномъ, а что сверхъ сего, то отъ лукаваго...

Платовъ сконфузится отъ этой не совсѣмъ деликатной шутки. Онъ понимаетъ, что Софья Вячеславовна дурачится, но все же въ ея словахъ есть частица правды, и такое сознаніе больно уколеть Платова. Тутъ Александра Ивановна отведетъ глаза отъ вязанья и вмѣшается въ разговоръ.

— Ну ужъ! есть о чемъ сожалѣть: о волшебныхъ фонаряхъ! Эти хохлы—такіе несимпатичные! Ихъ только просвѣти панорамами—окончательно сядутъ намъ на шею! Дома, у отца, бывало, въ тамбовской губерніи, я къ барской усадьбѣ всю деревню приручу: какая нужда, какой совѣтъ подать надо,—всѣ летать ко мнѣ! А здѣсь народъ тяжелый, несносный, и я его держу подальше... Или онъ изъ прежнихъ,—низкопоклонный, льстивый, въ ноги падаетъ, платье цѣлуетъ: „вельможна пани! ясновельможна пани енералова“! Или теперешній—понурыи, угрюмый, плутоватый... Смотрить, точно разбойникъ, словно онъ только-что семь городовъ поджегъ! Непривѣтливый, неблагодарный!

Платовъ считаетъ долгомъ вступить за хохла.

— Нѣтъ, тетя! вы не правы... Зачѣмъ черезчуръ сгущать краски?

Но Александра Ивановна, разъ попавъ на своего конька, уже не можетъ остановиться. Она продолжаетъ ярко и образно расписывать неблагодарность и черствость сосѣднихъ мужиковъ, а Софья изрѣдка поглядываетъ на Платова пристальнымъ взглядомъ и заставляетъ его смущенно потуплять глаза. Онъ вообще не выноситъ взоровъ Софьи Вячеславовны. Ея тоскующіе, и въ то же время лукавые, изсиня-сѣрые глаза глядятъ на Василія Николаевича такъ упорно, какъ бы изучая каждую черточку въ его лицѣ...

Тогда Платовъ вдругъ позабудетъ, о чемъ шла рѣчь, собьется съ тона, невпопадъ начнетъ отвѣчать генеральшѣ... Онъ обращаетъ умоляющіе глаза на Софью Вячеславовну: не смотри, молю, не мучь, довольно! А та, какъ будто ничего не понимая, продолжаетъ свое. И въ такія минуты она кажется Платову большой кокеткой.

Въ одинъ изъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ Василій Николаевичъ вспомнилъ о той громкой исторіи, изъ-за которой ему пришлось прокатиться въ Сибирь. Софья слушала внимательно, чѣмъ обыкновенно, и поглядывала на Платова своимъ магнетизирующимъ взглядомъ. Въ заключеніе она лѣниво спросила:

— Въ которомъ году это было, Василій Николаевичъ?

— Чтò именно?—встрепенулся Платовъ, преодолевая смущеніе.

— Да, вотъ, вся эта исторія?

— Происходило это въ семьдесятъ-восьмомъ, семьдесятъ-девятомъ годахъ... Да, да! въ семьдесятъ-восьмомъ... Помню, я тогда недавно перешелъ на третій курсъ.

— Сколько же вамъ теперь лѣтъ?

— Мнѣ? а ужъ сорокъ съ хвостикомъ, сорокъ-третій пошелъ!

Софья почему-то разсмѣялась.

— Удивительно, какая у васъ не по лѣтамъ юная душа! Мнѣ двадцать-пять лѣтъ, а я передъ вами чувствую себя старой, престарой... Смотрю на васъ, и кажется, что передо мной юноша... знаете, такой горячій, „зеленый“ юноша, какіе теперь почти не встрѣчаются...

— Хорошъ юноша! Половина бороды побѣлѣла!

— Ничего не значить! Но, право же, вы производите впечатлѣніе совсѣмъ молодого человѣка.

— Не желаю вамъ подобной молодости, Софья Вячеславовна! Душа устала, будущаго нѣтъ... Только и живешь отголосками минувшаго...

Помолчали. Александра Ивановна вздохнула и принялась говорить:

— Это правда, Вася: ты еще молодец! Другого молодого заткнешь за пояс. Нынѣшніе-то молодые въ двадцать лѣтъ плѣшивые, да съ морщинами... Зубовъ нѣтъ, спины кривыя, поглядѣть не на что! а ты ничего, держись! Какъ сейчасъ, вижу я тебя студентомъ. Приѣхалъ ты къ намъ послѣдній разъ на каникулы; мать-покойница не нахвалится! Орелъ! настоящій орелъ! Взглядъ одинъ чего стоитъ! поведешь глазами—лампы не надобно! Взоръ такъ и свергаетъ, такъ и горитъ! Ужъ не даромъ невѣста за тобой въ Сибирь пошла: видно, было зачѣмъ идти! хоть и курсистка, а, небось, за некрасивымъ, за этакимъ плохенькимъ замухрышкой не полетѣла бы...

— Чтò вы, тетя! Меньше всего любила меня жена за наружность; время тогда иное было, и она была особенная, непохожая на другихъ.

Софья Вячеславовна запнулась, какъ бы подыскивая слова, потомъ нерѣшительно спросила:

— Какая же она была... ваша жена?

— Какая? Хорошая! Хорошая—вотъ и все!

— Значитъ, вы подходили другъ къ другу: вѣдь вы тоже хорошій!—задумчиво сказала Софья.

— Нѣтъ, жена была гораздо лучше меня! Куда мнѣ! Три года прожили мы вмѣстѣ, а я такъ и не узналъ ея слабыхъ или смѣшныхъ сторонъ. Въ моихъ глазахъ она и сейчасъ чуть-чуть не совершенство. Помню, умерла наша дочь... малокровная родилась, дохленькая... Ну, и не выдержала, погибла... Я плачу, нервничаю, психопатствую, а жена—сама больная, измученная, разбитая—еще меня утѣшаетъ: за меня страшится, какъ бы и я не заболѣлъ! Она старалась быть для меня всѣмъ: и женой, и матерью, и нянькой. Есть люди, которые не умѣютъ жить своей жизнью, а живутъ исключительно для другихъ. Она была именно такой человекъ. А потомъ, за нѣсколько часовъ до смерти... позвала меня и стала благодарить за счастье, которое я ей далъ... Понимаете: за счастье! Нечего сказать, ошастливилъ! И у меня же просила прощенья! Какія прегрѣшенья долженъ я былъ отпустить,—не знаю! Впрочемъ, чтò это я вздумалъ рассказывать? Развѣ подобныя вещи можно передать словами? Почувствовать надо,—тогда поймешь! И я ее лишь тогда вполнѣ понялъ, когда схоронилъ... Живую не умѣлъ такъ цѣнить, какъ оцѣнилъ мертвую... Тосковалъ, страшно тосковалъ! Дальше—ничего, свыкся немного, но о ней всегда могу сказать одно: хо-

рошая она была! И не потому хорошая, что уже покойница, а, дѣйствительно, рѣдкій человѣкъ. Живи она теперь—и я не сдѣлался бы тѣмъ, что есть. Вы, Софья Вячеславовна, часто подсмѣиваетесь надо мной, считаете меня какимъ-то трутнемъ, культивирующимъ отрицательныя добродѣтели... И, отчасти, вы правы... Я одинъ изъ многихъ, которыхъ постоянно надо подталкивать впередъ... Сами же по себѣ они лишены инициативы и ни на что серьезное не способны... Да! недостойнъ я быть такой славной жены!

Александра Ивановна вытерла набѣжавшія слезы:

— Ишь ты, голубка! Царство ей небесное! Жизнью, можно сказать, заплатила... а я-то о ней совсѣмъ иначе предполагала.

Софья Вячеславовна неопредѣленно посмотрѣла вверхъ, на свѣтъ матовой лампы, и тихо промолвила:

— Но тѣмъ не менѣе она была счастлива, и вы напрасно обвиняете себя... Мнѣ кажется, большая это радость такъ вѣрно любить! Не всякій способенъ на это! Большинство людей любить другъ друга нервами; въ ихъ любви самое главное—взгляды, поцѣлуи, объятія, а такая любовь—душевная; она сильнѣе всего на свѣтѣ! Но повторяю: не всякій можетъ такъ привязаться, хоть въ этомъ—счастье человѣка... Вѣдь тогда найдешь отраду въ самомъ горѣ и испытаніи, тогда ничего не боишься, приближаешься почти къ блаженству... Конечно, если любовь—взаимная...

Василій Николаевичъ горячо заговорилъ:

— То-то и бѣда, что я тогда, несмотря на свои гуманныя идеи, былъ прежде всего избалованнымъ маменькинымъ сыночкомъ! Я скорѣе позволялъ любить свою особу, чѣмъ любилъ... Молодъ я былъ, — а молодость всегда не въ мѣру жестока, отвлеченна, эгоистична... Это еще Достоевскій подмѣтилъ, и рѣдко кто не повторитъ этой истины, сводя жизненные итоги. Послѣ я спохватился, раскаялся, да поздно! Нѣтъ ничего смѣшнѣе и въ то же время безотраднѣе такихъ запоздалыхъ покаяній! Еслибы я при жизни жены произнесъ хоть десятую часть тѣхъ пылкихъ, нѣжныхъ словъ, которыя расточалъ надъ ея могилой,—какъ знать?—быть можетъ, она не замерзла бы отъ сибирскаго холода; можетъ быть, ее удалось бы отогрѣть и спасти для жизни... Нѣжность любви чудеса творить! Но я молчалъ, когда слѣдовало говорить, и заговорилъ въ то время, когда уже было все равно... Вышло какъ разъ то самое, чего такъ искренно боялся Добролюбовъ. Вы знаете эти его слова:

„Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
 Не пролилось горячихъ слезъ;
 Чтобъ кто-нибудь въ усердїи глупомъ
 На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ...
 Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
 И такъ напрасно я живой,
 Не улыбнулось мнѣ отрадно
 Надъ гробовой моею доской!..“

— Какая грустная иронія!—сказала полушопотомъ Софья Вячеславовна, отворачивая голову. Платову показалось, что она поблѣднѣла, что у нея на глазахъ слезы.

Всѣмъ стало грустно и всё затихли. Слышно лишь было, какъ вѣтеръ гудѣлъ за окнами, да дрова потрескивали въ каминѣ. Часы, не торопясь, пробили двѣнадцать. Василій Николаевичъ спохватился.

— Однако, что-жъ это я разболтался? И васъ разстроилъ своими стариковскими воспоминаніями, и самъ засидѣлся до полуночи. Прикажите, тетя, разбудить тамъ моего „Личарду“: пора ѣхать домой.

— Тоже выдумалъ, Вася!—возмутилась Александра Ивановна:—въ такую бурю, въ метель семь верстъ, сломя голову, скакать до кровати? И чего ради? Въ шею тебя гонять? или дома дѣти плачутъ, ждуть, не дождутся родителя? Сдѣлай милость, не юродствуй, оставайся ночевать въ кабинетѣ. И придетъ же человѣку фантазія: такая вьюга, нѣпогодъ на дворѣ, а онъ—ѣхать!

Платовъ остался въ Гарделѣвкѣ.

Большой, продолговатый кабинетъ былъ жарко натопленъ. Метель бушевала на дворѣ крѣпче прежняго. Василій Николаевичъ пытался уснуть—и не могъ: образы далекаго прошлаго всплывали въ растревоженной памяти; сердце ныло отъ грусти, отъ безплодныхъ сожалѣній и сознанія одиночества. Платова раздражалъ сладкій запахъ геліотропа, исходившій отъ тонкихъ полотняныхъ наволокъ; темнота и тишина ночи дѣйствовали на него угнетающимъ образомъ. Василій Николаевичъ зажегъ свѣчу и началъ курить. Углы кабинета, персидскіе ковры и кожаная мебель—все тонуло въ полутьмѣ, принимая неясныя очертанія. Платовъ нечаянно поднималъ глаза на стѣну, повыше спинки дивана, на которомъ лежалъ, и почувствовалъ точно ударъ въ сердце: изъ золотистой рамы выдѣлялось лицо Софьи Вячеславовны, окруженное гирляндами флёръ-д'оранжа; фотографическій портретъ изображалъ ее въ подвѣнечномъ нарядѣ. Съ бьющимся пульсомъ, съ безотчетной, щемящей нѣжностью вглядывался Пла-

товъ въ эти несовѣтъ правильныя, но удивительно миловидныя черты. А вотъ рядомъ—изображеніе Дмитрія Никитаева: довольно красивое лицо блондина съ маленькой бородею, съ немного жесткой и упрямой складкой у угловъ рта. Вѣроятно, и онъ снятъ въ періодъ „жениховства“, или тотчасъ послѣ свадьбы. Платовъ разсматривалъ эти разнородныя лица и думалъ:

— Оригинальный, хотя явно неудачный бракъ! Дмитрій бросилъ жену; почему же онъ ее бросилъ? Вѣдь какъ былъ влюбленъ, какъ спѣшилъ свадьбой! И такой быстрый, непонятно-жестокій финалъ... А она никогда, ни однимъ словомъ не обмолвится о мужѣ; можетъ быть, до сихъ поръ любитъ его, безутѣшно плачетъ по немъ и молчитъ... молчитъ изъ гордости, изъ самолюбія, молчитъ и томится...

Василію Николаевичу не хватало воздуха въ этой высокой, теплой комнатѣ. Задыхавшись, онъ торопливо погасилъ свѣчу; однако, портретъ продолжалъ стоять передъ глазами. Постепенно фотографія превращалась въ живое лицо. Платовъ видѣлъ Софью Вячеславовну уже не въ фатѣ и флёръ-д'оранжахъ, а такою, какою она была только-что въ столовой: въ голубоватомъ суконномъ платьѣ съ плюшевыми кистями у пояса. Она въ упоръ глядѣла на Василія Николаевича, обдавая его головокружительнымъ запахомъ геліотропа, и мечтательно твердила:

— Большая это радость такъ крѣпко любить... конечно, если любовь—взаимная! А вѣдь вы тоже хорошіи!

Сердце продолжало нервно биться отъ томительно-сладкихъ, неопредѣленныхъ ощущеній. Сторожъ время отъ времени поколачивалъ въ колотушку, то приближаясь къ палацу, то отходя отъ него. Вѣтеръ посвистывалъ въ печкахъ; на дворѣ шумѣли обледенѣлыми вѣтками дерева. Вся прошлая жизнь начинала казаться Василію Николаевичу такой неинтересной, плоской, однообразной; воспоминаніе о женѣ отступило куда-то далеко, на второй или даже на третій планъ. И Платовъ впервые попытался формулировать свое теперешнее настроеніе. Продолжая воображать передъ собой Софью Вячеславовну, онъ мысленно повторилъ нѣсколько разъ:

„Мнѣ кажется, будто я люблю тебя! Но ты никогда не узнаешь объ этомъ!“

Пришла весна и—зимы какъ не бывало.

Василій Николаевичъ передъ вечеромъ пріѣхалъ верхомъ въ Гарделёвку. Дорога шла все время сосновымъ лѣсомъ. Весенній тонкій ароматъ насыщалъ воздухъ. Солнце еще не садилось

и согрѣвало лѣсъ, бросая сквозъ сосновыя вѣтви неровныя, золотистыя пятна на стволы деревьевъ, на изумрудно-зеленый мохъ, на сплошныя бѣлыя поляны цвѣтущей земляники, на свѣжую, молодую траву и песчаную дорогу. Въ сторонѣ качались отъ вѣтра высокіе стебли отцвѣтающихъ одуванчиковъ съ шарообразными пуховыми головками. Безпечная кукушка еще растягивала свою однообразную пѣсню; ипохондрикъ-удоль выкрикивалъ упорно-безнадежное: „ху-до-туть! ху-до-туть!“ Дальше, въ болотцѣ, звучно перекликались лягушки, уже почувшія приближеніе вечера. Въ паркѣ блестѣлъ недавно очищенный прудъ, и надъ его поверхностью сгущалась легкая мгла.

Оставивъ лошадь на черномъ дворѣ, Платовъ прошелъ къ дому. Дамы сидѣли на балконѣ: оттуда разносился звонкій смѣхъ Софьи Вячеславовны; ей вторилъ грудной, баритонный голосъ мужчины.

Василій Николаевичъ поморщился: „опять онъ здѣсь!“ Подъ словомъ: „онъ“ подразумѣвался владѣлецъ ближайшаго имѣнія, панъ Кароль Родоцинскій, молодой человекъ, лѣтъ 23—24-хъ, не болѣе. Последнее время онъ рѣдкій день не бываетъ въ Гарделёвѣ, и Софья Вячеславовна, кажется, не въ примѣръ прочимъ поклонникамъ, одобряетъ его ухаживанья. Платовъ прошелся взадъ и впередъ по дорожкамъ зеленой площадки, остановился на минуту передъ входомъ въ палацъ, точно колеблясь, войти ли?—и все-таки вошелъ.

Софья Вячеславовна встрѣтила его шумно, продолжая безъ причины посмѣиваться перво-возбужденнымъ смѣхомъ:

— Явился, наконецъ, нашъ отшельникъ? Чтѣ съ вами? Чтѣ случилось? Мы успѣли соскучиться: цѣлыхъ пять дней васъ не видно!

— А вы сосчитали и дни? — мелькомъ взглядывая на нее, переспросилъ Платовъ, и добавилъ:—занять былъ... все по хозяйству...

Василію Николаевичу не нравился панъ Кароль, широкоплечій, выхоленный спортсменъ съ коротко-пристриженными волосами, съ блѣднымъ, слегка желтоватымъ лицомъ и такимъ яркимъ цвѣтомъ губъ, точно эти губы выпачканы кровью. Родоцинскій продолжалъ прерванный разговоръ о минувшемъ карнавалѣ въ Ниццѣ. Говорилъ онъ, какъ, обыкновенно, говорятъ по-русски варшавяне, съ рѣзкимъ акцентомъ, поспѣшно нанизывая фразы, сильно налегая на букву „а“. И эта манера говорить не нравилась Платову.

Александра Ивановна, нахмурившись, помалчивала.

„Малосимпатичное, но красивое, безспорно красивое существо!—думалъ Платовъ, разсматривая Родоцинскаго:—навѣрное, при взглядѣ на него женщины думаютъ о поцѣлуяхъ. И она тоже... какъ всѣ другія“...

Софья Вячеславовна—въ свѣтлой матросской блузѣ съ серебряными якорями и полуоткрытымъ воротомъ—походила на молоденькую дѣвушку. Только въ лицѣ у нея сквозило что-то хищное, торжествующее. Казалось, она кому-то мстила за что-то. Небо медленно блѣднѣло, покрываясь сѣровой тѣнью; кое-гдѣ отблескъ заката подрумянивалъ облака, и макушки высокихъ деревьевъ еще блестѣли на солнцѣ. Вечерняя свѣжесть разливалась въ душистомъ воздухѣ. Въ глубокихъ вазахъ по угламъ балкона цвѣли лагъ-фіолы, распространяя вокругъ свой пряный запахъ. Софья Вячеславовна улыбалась Родоцинскому и въ то же время вызывающе посматривала на Василя Николаевича, какъ бы говоря: „А что? ты думаешь, я не могу? не посмѣю? Такъ вотъ же тебѣ! вотъ!“

Панъ Кароль тихо вздохнулъ, осмотрѣлся по сторонамъ и замѣтилъ:

— Въ этомъ году я переживаю вторую весну: одна была чужая—тамъ, за границей; другая—своя, здѣсь!

— А которая лучше?—задорно спросила Софья.

— Эта лучше, потому что я люблю ее!—отвѣтилъ панъ Кароль измѣнившимся голосомъ.

Вблизи парка тоскливо прокричала яволга; за нею робко щелкнулъ первый соловей. Родоцинскій обратился къ Софьѣ Вячеславовнѣ:

— Пани Зофія слышитъ? соловей пробуетъ пѣть! И такъ несмѣло, будто боится, что ему не позволятъ...

Это: „пани Зофія“ было особенно не по душѣ Платову и Александрѣ Ивановнѣ, но оба продолжали молчать.

— Да, да!—оживилась Софья:—и я слышу соловья! Вотъ наступаетъ моментъ серенадъ и признаній! Чтò, если вдругъ подъ нашимъ окномъ появятся трубадуры и запоютъ нѣжные трогательныя пѣсни? Что нибудь „таке чуле, чуле“, какъ говорить поляки... Взгляните: развѣ не подходящая обстановка? Ночь наступаетъ, всплываетъ луна... и соловьи, и палацъ—все на лицо! Мнѣ приходятъ на мысль красавицы-магнатки, неземныя пани и панѣнки, славные рыцари безъ страха и упрека, благородные, ревнивые мужья... Какъ жаль, что мы живемъ въ наше скучное время!

Родоцинскій осторожно сказалъ, переводя свои слова съ

польскаго:—Если пани Зофья позволить мнѣ быть ея трубаду-ромъ, я всегда готовъ спѣть ей серенаду...

— Отлично! А я стану вамъ аккомпанировать! Только серенаду нѣжную, нѣжную! Знаете—какую? „Ständchen“ Шуберта! Она—избитая, старомодная; но вѣдь и людскія чувства не новы...

Софья Вячеславовна встала, направляясь въ „салонъ“, къ роялю, и опять взглянула на Платова. Онъ, сощуривъ глаза, внимательно изучалъ свои ногти. Панъ Кароль не помнилъ нѣмецкихъ словъ серенады и не зналъ русскихъ; пѣть по-польски въ „генеральскомъ“ домѣ Никитаевыхъ онъ почему-то счелъ неудобнымъ, и выбралъ нейтральный языкъ—французскій.

„Mo-o-on a-a-mou-on-our!“...

—пронесся его чистый баритонный голосъ въ вечерней тишинѣ.

Пѣлъ онъ хорошо, усиленно подчеркивая и отбѣняя сантиментальную страстность романса.

— Вотъ прицѣпился, прости Господи!—прошептала Александра Ивановна.

Платовъ до боли сжималъ кулаки, впиваясь ногтями въ собственные руки, и давалъ себѣ слово насколько возможно порѣже бывать въ Гарделёвѣ: эти мученія слишкомъ невыносимы. Родоописный увлекался все больше и больше. Небо приняло быстро-темнѣющій, синеватый оттѣнокъ; кое-гдѣ блеснули и затрепетали звѣзды; соловьи зацелкали смѣлѣе и рѣшительнѣе, а изъ салона вырывались и неслись въ парѣ мучительно-страстные звуки:

„Entends-tu, comme il soupire,
Le chantre des bois,
Le chantre des bois...
Il te compte mon martyre
De sa douce voix,
De sa douce voix!“

Александра Ивановна не выдержала и, сорвавшись съ мѣста, вошла въ салонъ, чтобъ поскорѣй зажечь свѣчи. Панъ Кароль скомкалъ окончаніе серенады, и сейчасъ же заспѣшилъ домой, поясняя, будто съ вечернимъ поѣздомъ ждетъ къ себѣ одного пріятеля. Его никто не удерживалъ.

Въ столовой сегодня пили чай молчаливо. Каждый думалъ свою думу и не хотѣлъ высказываться.

— Какой славный вечеръ! Пойдемъ, Василій Николаевичъ, въ лѣсъ: я хочу пройтись! — неожиданно предложила Софья, останавливаясь у окна.

Въ первое мгновеніе у Платова чуть-чуть не сорвалось рѣзкое слово отказа, но онъ воздержался.

Они безмолвно прошли паркъ, оставили позади блестящій прудъ и фруктовый садъ. Серебристая ночь уже спустилась на землю; постепенно замолкли дневныя птицы, и лѣсъ затихъ, какъ бы притаился. Стройныя сосны потружились въ дремоту; раскидистыя ели, словно утомившись, поникли вѣтвями. Лиственныя деревья бросали на землю причудливыя тѣни; легкій дымокъ стлался по песчаной дорогѣ, убѣгая въ потемнѣвшую глубь лѣса. Дремали прорубленные поляны, заросшія кустарникомъ, капризно и неровно освѣщенные луной. Трепетно порхая въ вышинѣ, надъ ними носились летучія мыши. Изрѣдка шумѣли вершинами встревоженные, чѣмъ-то недовольныя сосны; въ болѣе низкихъ мѣстахъ; поближе къ болоту, зацвѣтали ландыши подъ легкой тѣнью папоротниковъ или высокой крапивы.

Послѣ долгаго молчанія, Софья Вячеславовна вдругъ разсмѣялась. Платовъ вопросительно посмотрѣлъ въ ея сторону.

— А вѣдь Александра Ивановна боится, страшно боится, какъ бы я не увлеклась „пшесличнымъ“ паномъ Каролемъ... И меня это забавляетъ!

На ея лицѣ уже не было прежняго хищнаго выраженія; оно свѣтилось добродушнымъ лукавствомъ. Платовъ холодно и угрюмо сказалъ:

— Что-жъ тутъ забавнаго? Меня тревога тетушки не удивляетъ ничуть: это такъ естественно, что она боится за васъ... Впрочемъ, въ этомъ случаѣ ея интересы расходятся съ вашими.

— Вы полагаете, въ моихъ интересахъ—увлечься „пшесличнымъ“ Каролемъ?

Василій Николаевичъ немного смягчилъ тонъ.

— Извините за откровенность, по я полагаю, что вы—одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя видятъ въ любви къ мужчинѣ единственную цѣль и весь смыслъ своей женской жизни. Безъ этой любви онѣ тяготеютъ собственнымъ существованіемъ. Вамъ недостаетъ такой любви—и вы скучаете безъ нея. Панъ Кароль, пожалуй, и далекъ отъ вашего идеала, но у васъ нѣтъ выбора: эти сосны спрятали васъ отъ людей... Словомъ, другого героя нѣтъ!

— А можетъ быть и есть? — спросила Софья, закладывая руки за спину и кокетливо изгибаясь, чтобъ заглянуть въ глаза Платову.

— Не играйте словами, Софья Вячеславовна! У васъ сегодня, я вижу, неудержимая жажда кружить слабыя головы, но...

— Вашу голову не такъ-то легко вскружить? А все-таки она сейчасъ кружится!

— Можетъ быть... хотя я менѣе всего расположенъ жаловаться на головокруженія... Забавлять я никого не намѣренъ...

Софья надолго приумолкла.

— Господи! какая я несчастная! И никому-то, никому на всемъ свѣтѣ я не пужна! — воскликнула она совсѣмъ инымъ, почти дрожащимъ голосомъ.

Платовъ обернулся къ Софьѣ. Въ одно мгновенье онъ позабылъ ея кокетство съ Родоцинскимъ, ея насмѣшливо-задорные вызовы и колкости.

— Полноте! да что съ вами сегодня?

— Не знаю... мнѣ хочется плакать!

И она, дѣйствительно, заплакала. Василий Николаевичъ потерялся, не зная, что сказать ей въ утѣшеніе.

— Да полно, — заговорилъ онъ: — ну, зачѣмъ плакать, Софья Вячеславовна? Я понимаю: вы одиноки, вамъ тяжело, но развѣ слезами поможешь? Хотите, я напишу Дмитрію, чтобы онъ пріѣхалъ сюда?

Софья Вячеславовна очнулась отъ какой-то мысли.

— Дмитрію? — переспросила она: — нѣтъ, не надо... Зачѣмъ? Къ чему писать Дмитрію? Онъ для меня умеръ и никогда, никогда не воскреснетъ... Что это вамъ вздумалось выписывать Дмитрія? Нѣтъ, вы не обижайтесь, Василий Николаевичъ: я не хочу смѣяться надъ вами... Вѣдь, въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ людей, какихъ я видѣла въ жизни, вы — самый лучший, самый хорошій!

— Плохихъ людей приходилось вамъ видѣть, если я — самый лучший изъ нихъ. А вотъ что!.. я у васъ давно хотѣлъ спросить, но не знаю, какъ начать?... Скажите, Софья Вячеславовна: вы считаете меня своимъ другомъ? Вѣрите вы мнѣ?

— Да! — отвѣтила Софья безъ колебаній.

— Такъ снимите съ себя вашъ ореолъ таинственности! Почему Дмитрій умеръ для васъ? Что у васъ съ нимъ произошло? Не вѣрю, не вѣрю я, чтобы онъ могъ разлюбить васъ въ нѣсколько дней! Тутъ что-то другое... Расскажите мнѣ правду! Я часто думаю о васъ, и не могу васъ понять... не знаю, какая вы, что у васъ на душѣ? Боюсь показаться навязчивымъ, но отъ васъ зависитъ не отвѣтить мнѣ...

— Нѣтъ, вамъ я отвѣчу: мнѣ и самой тяжело постоянно оставаться наединѣ съ этими таинственными ореолами... Но я отвѣчу только вамъ, слышите? Одному вамъ!

— Если сомнѣваетесь, не говорите!

— О, я не сомнѣваюсь и хочу говорить! На первый взглядъ Дмитрій, какъ будто, кругомъ виноватъ предо мною; но я передъ нимъ—еще больше! Я обманула его, обманула почти любя и въ такую минуту, когда онъ больше всего на свѣтѣ вѣрилъ въ меня... Потомъ онъ не сумѣлъ простить обмана, старался простить и не могъ: его привязанность ко мнѣ перешла въ отвращеніе, и онъ покинулъ меня здѣсь, въ Гарделёвкѣ. Какъ я скучала первое время! какъ томилаь и плакала! Теперь даже вспомнить объ этомъ больно,—такое тогда было мучительное настроеніе... Я томилаь и все-таки продолжала надѣяться: авось Дмитрій соскучится по мнѣ, авось возвратится... Въ тѣ мнговенья мнѣ казалось, что я дѣйствительно люблю его, люблю гораздо горячѣе, чѣмъ раньше. Ночью мнѣ мерещился грохотъ подѣзжающаго экипажа, я срывалась съ постели, бросаясь на встрѣчу... Но Дмитрій не возвращался... Дальше у меня родился Костя... Затѣмъ все прошло: и тоска, и надежды... я уже никого не ждала, не жду и теперь... Вы поняли меня?

— Кажется, понялъ!—съ усиліемъ произнесъ Платовъ.

— Конечно, вы меня порицаете, или начнете порицать завтра, но я и не оправдываюсь! Еще бы! Самъ Дмитрій Никитаевъ спустился съ высоты своего величія до какой-то ничтожной безприданницы, и вдругъ его—его!—обманули! Я расскажу вамъ подробнѣе. Вы, вѣрно, слышали: у моего отца была музыкальная школа. Матери своей я не помню. У насъ въ домѣ каждый день собиралось большое, разнокалиберное и веселое общество. Я исполняла обязанности хозяйки дома и не имѣла времени ни думать, ни скучать. Въ душѣ моей былъ тогда непочатый уголъ кокетства, но кокетства болѣзненнаго, ненасытнаго... Для меня не существовало большого удовольствія, какъ... вотъ вы сейчасъ удачно выразились: „кружить головы“... Именно: кружить головы, и больше ничего. Никто изъ знакомыхъ, старыхъ или молодыхъ, безразлично, не отходилъ отъ меня, не „завертѣвшись“ хоть на нѣсколько дней... Невниманіе или—Боже сохрани—сопротивленіе разжигало мое упрямство: это былъ своего рода спортъ, но спортъ некрасивый и нездоровый. И странно: я настойчиво завлекала того или другого, заранѣе намѣченнаго, человѣка; я чуть-чуть не навязывалась; но едва мой партнѣръ по игрѣ признавался въ любви, едва въ его отношеніи ко мнѣ все выяснялось и уже не было ничего недоговореннаго,—онъ терялъ въ моихъ глазахъ всякій интересъ, превращался въ ничто, въ разломанную, надобвшую игрушку...

Я упивалась словами Альфреда Мюссэ: „aimer, c'est vivre; vivre, c'est aimer“, и бессознательно извращала этотъ принципъ. Мнѣ хотѣлось не любить, а лишь возбуждать любовь, брать отъ людей дань поклоненья, преданности и нѣжности, ничего не давая имъ взамѣнъ. Подобнаго рода любовь приносить одни мученья любящимъ и не даетъ сознанія счастья, не даетъ даже минутнаго довольства тому, кто добивается этой любви... Такъ было и со мной! Я все думала, что вокругъ меня происходитъ нѣчто не настоящее, а настоящее, вполне интересное и заслуживающее вниманія, еще должно придти... Я была наказана за свой эгоизмъ, за тщеславную игру на чужихъ и на собственныхъ нервахъ.

Въ школу въ отцу случайно и на время попалъ одинъ молодой графъ,—такой на видъ благовоспитанный, сдержанный, очень красивый. Онъ былъ богатъ, и ему многіе завидовали, хотя за-глаза его фамиллярно называли просто: „графчикъ“. Первое время онъ сторонился отъ меня; мнѣ передавали, что графчикъ находитъ неприличными мои манеры, будто его шокируетъ моя небрежная развязность. Я намѣтила „графчика“, какъ свою будущую жертву, рѣшила добиться его ухаживанья, во что бы то ни стало увидѣть его у моихъ ногъ... И „графчикъ“ не избѣжалъ общей участи, но... увлекая его, я совершенно неожиданно увлеклась и сама... Онъ малодушно избѣгалъ отъ меня, вѣроятно испугавшись возможности какихъ-либо претензій или преслѣдованій съ моей стороны. Однако, я и не думала его преслѣдовать! Я искренно обрадовалась, когда онъ исчезъ: стыдно становилось мнѣ за себя, и я была рада, что больше никто не станетъ напоминать о моемъ стыдѣ. Черезъ полгода, на нашихъ горизонтахъ появился Дмитрій; онъ не замедлил запутаться въ моихъ сѣтяхъ, но сразу отнесся ко мнѣ иначе, чѣмъ другіе: какъ-то черезчуръ серьезно, съ непривычной для меня почтительностью... Я присмирѣла, перемѣнила тонъ: у меня мелькнула мысль, что въ лицѣ Дмитрія можетъ представиться завидная, блестящая партія; къ тому же онъ мнѣ нравился... И я принялась еще старательнѣе завлекать его, завлекать систематично, послѣдовательно, съ медлительной осторожностью, съ полной увѣренностью въ успѣхъ... Любой дипломатъ позавидовалъ бы тогда моей инстинктивной политичности. Наконецъ, Дмитрій сдѣлался моимъ женихомъ. Отецъ диковалъ и спѣшилъ оповѣстить весь городъ о предстоящей свадьбѣ; знакомые удивленно и завистливо пожимали плечами; мои поклонники дулись, выходя изъ себя отъ злости. Помните, какъ Александра Ивановна старалась

изъ всѣхъ силъ разрушить мое завоеваніе, отрезвить Дмитрія, разстроить этотъ бракъ? Но я не боялась никакихъ противо-
дѣйствій: я была слишкомъ увѣрена и въ себѣ, и въ Дмитріѣ
Константиновичѣ. Зато я ужасно страшилась другого: какъ онъ
отнесется ко мнѣ, когда узнаетъ о прошломъ? Я гордилась сво-
имъ будущимъ мужемъ, и мнѣ было жаль потерять его; я не
отваживалась не только признаться, но даже намекнуть: всегда
пріятнѣе красоваться на пьедесталахъ, чѣмъ у подножія ихъ, и
потому мнѣ не хотѣлось развѣнчивать самой себя въ глазахъ
Дмитрія. Я твердила себѣ: а вдругъ онъ отвернется, броситъ?
Тогда погибнетъ все: и любовь, и блестящая партія, и перспек-
тива безпечальной, вполне обеспеченной жизни... Стоило ли гу-
бить все это изъ-за одной глупой минуты, которой я же сама
стыдилась? Итакъ, я обманула... или, вѣрнѣе, умолчала объ
истинѣ. О, какъ я потомъ сожалѣла объ этомъ! Въ тѣ дни
Дмитрій до того былъ увлеченъ мною, что простилъ бы все,
даже гораздо худшее, по его чувство не могло простить обмана...
оно возмутилось ложью, и я понесла наказаніе за свою лжи-
вость... Впрочемъ, развѣ можно жить и не лгать? Чтобы быть
правдивымъ до мелочей,—нужно родиться очень отважнымъ, без-
умно-храбрымъ. У меня не было такой отваги... Мы обвѣнча-
лись и уѣхали въ Крымъ. Зачѣмъ рассказывать, какія дикія
сцены происходили тамъ между нами? Вы знаете Дмитрія: онъ
безконечно самолюбивъ и жестокъ... очень жестокъ! Не могу
вспомнить эту благоухающую Ялту, синеватыя горы, темные ки-
парисы, бирюзовое небо и безпредѣльно широкое море! Боже
мой! какъ я плакала надъ этимъ моремъ! А оно, невозмутимо-
спокойное и холодное, безучастно трепетало у моихъ ногъ...
Дмитрій держалъ себя со мной очень неровно: то ласкалъ меня,
какъ сумасшедшій, то осыпалъ неизгладимыми оскорбленіями,
неделикатными намеками, градомъ упрековъ. Такъ продолжалось
больше мѣсяца, пока я не очутилась въ Гарделёвкѣ. Вскорѣ
умеръ отецъ... Гарделёвка сдѣлалась моимъ единственнымъ при-
станищемъ, моимъ домомъ. Вы—первый человѣкъ, съ которымъ
я заговорила про все это: слишкомъ ужъ тяжело мнѣ молчать
и молчать,—а съ кѣмъ же поговорить, какъ не съ вами? Вѣдь
вы—мой несомнѣнный другъ!

— Спасибо! — Платовъ поцѣловалъ руку Софьи Вячесла-
вовны, хотѣлъ что-то сказать, но отъ волненія не могъ поды-
скать подходящихъ словъ.

— Видите, кака я пошленькая, дрянная... лицемѣрная?!
Очень осуждаете меня?

— Осуждаю? за что? Вы пщете свою вину совѣмъ не тамъ, гдѣ надо. Въ сущности, вы виноваты лишь въ томъ, что — подобно огромному большинству людей — построили свою жизнь исключительно на личныхъ интересахъ... Такіе люди всегда банкротятся, такъ или иначе... Жизнь наказываетъ ихъ за излишекъ эгоизма... Они раньше окружающихъ начинаютъ страдать отъ послѣдствій собственнаго эгоизма... Подумаешь, изъ-за какихъ пустяковъ портятъ люди жизнь самимъ себѣ и другимъ? Вотъ хоть бы и Дмитрій: „не могъ простить“, когда — если говорить по правдѣ — и прощать-то было нечего!

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ, вы не идеализируйте меня; я не хочу этого и не стою! Прощать было что: обмануть слѣпое довѣріе — всегда подло. Передъ Дмитріемъ я виновата, и онъ наказалъ меня по заслугамъ...

— Но вы съ избыткомъ искупили вину годами заточенія въ Гарделѣвкѣ, вашей безукоризненной жизнью и терпѣніемъ!

Софья Вячеславовна иронически засмѣялась.

— Все искупила безукоризненной жизнью? — повторила она: — знаете ли вы, что говорите? Зачѣмъ вы дѣлаете изъ меня какую-то добровольную узницу, кающуюся Магдалину? Вѣдь я рассказывалась и томилась очень недолго, потомъ начала скучать... Я заскучала безъ мужского общества, къ которому такъ привыкла въ отцовскомъ домѣ... И вотъ, подлѣ меня поочередно сгруппировались сосѣдскіе сынки и папаша. Попрежнему, какъ раньше тамъ, такъ теперь здѣсь, въ Гарделѣвкѣ, принялась я кружить мужскія головы, добиваясь признаній и холодно отвергая признавшихся... Меня увлекала эта игра за спиною недалеко-видной Александры Ивановны... Собственно, я не измѣнила Дмитрію, но это не большая заслуга: не трудно было остаться добродѣтельной, если ни одинъ изъ претендентовъ ни на секунду не нравился мнѣ... А тамъ, гдѣ могла явиться опасность, тамъ ея не было, или... ее почему-то не хотѣли допустить... изъ принципа, что-ли, — не знаю! Ну, какъ же тутъ толковать объ искупленіи, о безукоризненной жизни въ часы заточенья? Въ чемъ оно, это искупленіе? Нѣтъ, не думайте обо мнѣ лучше, чѣмъ я заслуживаю! Во всякомъ случаѣ, мой ореолъ таинственности уничтоженъ: вы больше не можете повторить, будто не знаете меня... Рассказывала я откровенно, старалась не кокетничать съ вами, не выгораживать себя... А теперь — пойдемъ домой! Александра Ивановна заждалась насъ; намъ, по ея расчету, давно пора возвратиться...

Луна скрылась за набѣжавшую тучу, въ лѣсу стало мрачно

и жутко. Со стороны палаца уже доносились звуки сторожевой колотушки. Вдали, за лѣсомъ, гдѣ пріютилось небольшое село, раздавались крикливыя пѣсни; еще дальше, на хуторахъ, лѣниво и безразлично лаяли собаки.

Весенняя, немного холодная роса упала на землю.

Знойный лѣтній день усыпилъ Гарделѣвку. Парило, какъ передъ дождемъ. Въ душномъ воздухѣ пахло конопелью, сжатой рожью, цвѣтущей гречихой, но долѣтавшій изъ лѣсу смолистый запахъ сосенъ все заглушалъ собою. Въ такіе жаркіе дни сосна издаетъ особенно крѣпкій, цѣлебный ароматъ. Въ палацѣ Никитаевыхъ всѣ изнемогали отъ жары, несмотря на спущенныя на окнахъ жалюзи.

Платовъ помогалъ Александрѣ Ивановнѣ провѣрять послѣдніе счета, представленные управляющимъ Гарделѣвки. Работа вяло подвигалась впередъ: духота мѣшала сосредоточиться на скучныхъ цифрахъ. Въ кабинетъ вошла Софья Вячеславовна, въ широкой желтоватой блузѣ съ прозрачными рукавами. Она постояла подлѣ стола, поглядѣла на разбросанныя бумаги, нѣхота обмахнулась вѣеромъ, помахала этимъ вѣеромъ надъ головой Платова и Александры Ивановны и опустилась въ кресло, рядомъ съ Василюмъ Николаевичемъ.

— Полно вамъ изображать опытныхъ бухгалтеровъ въ такую жару! Все равно, Казимиръ, если захочетъ, всегда обчисляетъ...

Старуха и Василій Николаевичъ разсмѣялись; всѣ трое принялись толковать о разныхъ пустякахъ. Съ весны, со времени объясненія въ лѣсу, между Софьей и Платовымъ установилась теплая, задушевная дружба. Софья Вячеславовна быстро „спланировала“ Родоцинскаго и теперь охотно проводила время въ обществѣ Василя Николаевича; она не смущала больше его покоя долгими вопросительными взглядами, стала относиться къ нему и проще, и мягче. Что-то сроднило ихъ съ тѣхъ поръ, какъ Софья высказалась, и между ними не оставалось уже ничего тайнаго, недоговореннаго.

Козачокъ Викентій принесъ почту, доставленную со станціи. Александра Ивановна сразу набросилась на одинъ изъ конвертовъ.

— Отъ Митеньки! Вотъ и отъ Митеньки! Наконецъ-то! Слышишь, Софьюшка: отъ Митеньки!

Она развернула письмо и вдругъ засуетилась, тяжело дыша, волнуясь, захлебываясь отъ слезъ.

— Господи! Царица Небесная! Да вѣдь ѣдетъ! Сюда ѣдетъ! Къ намъ ѣдетъ! Боже мой, да что-жъ это? Митенька ѣдетъ!

Софья Вячеславовна, какъ лежала въ глубокомъ креслѣ, откинувъ голову на его спинку, такъ и не измѣнила своей небрежной позы. Платовъ, блѣднѣя, всталъ на ноги и зашагалъ по кабинету. Онъ почувствовалъ внезапный приступъ неудержимаго волненія, и въ первую минуту самъ не отдавалъ себѣ отчета, почему это онъ такъ взволнованъ... Онъ вглядывался въ лицо Софьи, остановившись возлѣ ея кресла, и равнодушное выраженіе этого лица подѣйствовало на Платова успокаивающимъ образомъ. Александра Ивановна, глотая слезы, едва переводя духъ, прочитала дрожащимъ голосомъ Митенькины строки. Митенька, получивъ продолжительный отпускъ, уѣзжаетъ за границу: у него немного не въ порядкѣ желудокъ и печень. Онъ намѣренъ свернуть съ своего пути въ сторону и заѣхать въ Гарделёвку: есть довольно важное дѣло, о которомъ удобнѣе всего поговорить при свиданіи. О днѣ пріѣзда онъ извѣститъ телеграммой съ нарочнымъ, чтобы во-время прислали на станцію экипажъ.

Мало-по-малу всѣ освоились съ этой новостью. Александра Ивановна помолодѣвшей походкой выбѣжала изъ комнаты, чтобы поскорѣй обо всемъ распорядиться, распространить пріятную вѣсть.

— Вотъ и дождались!—сказалъ Платовъ, сядя на стулъ, вблизи Софьи Вячеславовны.

— Что это ему вздумалось?—спокойно протянула Софья:—печень печенью, а ужъ къ намъ онъ вѣрно не спроста ѣдетъ... Можетъ быть, развода хочетъ добиться? Такъ что-жъ? Я—съ удовольствіемъ!

Платовъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, разводъ ему теперь не съ руки: онъ наканунѣ большого назначенія... Разводъ для него—одна помѣха... Тутъ что-то другое...

— Не пугайте меня, Василій Николаевичъ!

Радостные огоньки блеснули въ глазахъ Платова.

— А васъ это „другое“ пугаетъ? Серьезно: пугаетъ? Скажите правду! Ну, скажите же: вы, въ самомъ дѣлѣ, не желали бы этого? Васъ, дѣйствительно, пугаетъ?

— Присягнуть и землю поцѣловать?—засмѣялась Софья.—Говорю: „пугаетъ“—значитъ, пугаетъ! Зачѣмъ бы я лгала передъ вами?

Она поднялась съ кресла, направляясь къ дверямъ.

— Софья Вячеславовна! — крикнулъ Платовъ ей вслѣдъ.

Она остановилась и обернулась.

— Ну... что? — этотъ ея вопросъ прозвучалъ и тревожно, и радостно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ничего... это я такъ! Какая глупость пришла мнѣ сейчасъ въ голову!..

Платовъ сдѣлалъ усиліе разсмѣяться. Софья постояла съ мгновеніе, чего-то ожидая, и, не дождавшись, вышла изъ кабинета.

Спустя два четыре, пріѣхалъ Митенька. Василій Николаевичъ встрѣтилъ его на станціи и сразу обратилъ вниманіе на рѣзкую перемену въ наружности Митеньки: молодой человѣкъ расплылся, немного сгорбился, — пожелтѣлъ. Волосы порѣдѣли у покатаго лба; упрямая, жесткая складка рельефнѣе прежняго обозначилась у угловъ рта; глаза смотрять рѣшительно, строго, сознательно и слегка утомленно.

„Чего добраго — чуть не будущій министр!“ — подумалъ Платовъ, изучая это новое выраженіе Митенькиныхъ глазъ, и тутъ же рѣшилъ: — „а въ концѣ концовъ, навѣрное, умереть отъ воднянки, какъ и отецъ; есть маленькое предрасположеніе“...

Свѣтлый фланелевый костюмъ отчасти молодилъ Дмитрія Константиновича, придавая всей его внѣшности отпечатокъ чего-то легкомысленно-шаловливаго. Но Платову невольно пришло на умъ, что въ мундирѣ своего вѣдомства Митенька долженъ смотрѣть необыкновенно внушительно и солидно — ни дать, ни взять — неумолимо-безчувственный Юпитеръ.

Александра Ивановна разрыдалась отъ счастья, обнимая сына; супруги Никитаевы встрѣтились корректно, безъ всякихъ признаковъ волненія или недружелюбія. Митенька поцѣловалъ руку Софьи Вячеславовны, она прикоснулась губами къ лысющей головѣ и мысленно отмѣтила: „Какъ онъ постарѣлъ! Совсѣмъ иной, — не тотъ, что былъ. Странно: вѣдь всего только шесть лѣтъ! Неужели и во мнѣ произошла такая же перемена?“

Взволновался Дмитрій Константиновичъ лишь при видѣ Костеньки.

— Вотъ онъ, вотъ! Будущій господинъ Никитаевъ! Ишь ты, какого бутуза вырастили! Ахъ ты, карапузъ этакій! Въ Петербургъ его, разбойника, въ Петербургъ! Что онъ тутъ зря баклуши бьетъ! Скоро учиться пора...

Во всѣ предыдущіе дни Костенькѣ внушалось чувство особой привязанности къ отцу. Бабушка по цѣлымъ часамъ втолковывала мальчику, какъ нужно встрѣтить папу, сколько разъ по-

цѣловать, и что отвѣчать на вопросы. Но при словѣ: „въ Петербургъ“, Костенька въ одинъ моментъ забылъ длинный рядъ преподаваемыхъ ему наставленій. Онъ далеко не любезно вырвался изъ рукъ Дмитрія Константиновича и не пожелалъ признать въ лицѣ пріѣхавшаго гостя того отвлеченнаго петербургскаго „папу“, о которомъ Костеньку ежедневно заставляли молиться, который все ѣхалъ въ Гарделёвку, да никакъ не могъ попасть сюда...

Недоброжелательный жестъ ребенка рѣзнулъ по сердцу Никитаева; багровая краска залила его щеки и лобъ. Всѣмъ стало неловко, и Софья Вячеславовна строго замѣтила мальчику:

— Что же ты, Кости? Подѣлуй папу!

Костя не посмѣлъ послушаться, но послѣ подѣлуя сморщился и плаксиво протянулъ:—Я не хочу въ Петербургъ! Я останусь съ мамой, съ бабушкой... Въ Петербургъ не хочу! тамъ холодно!

Дмитрій Константиновичъ взялъ ребенка на руки и развеселился:

— Ахъ ты, мой бѣдный карапузъ! Это я, значить, съ перваго слова напугалъ тебя? Ну, ну, хорошо! Не хочешь и не надо! Останешься съ бабушкой, только не плачь!

За завтракомъ Дмитрій Константиновичъ проявлялъ изысканную любезность; онъ находилъ, что и мама, и Софья Вячеславовна, и Василий Николаевичъ—нисколько не измѣнились, а если и измѣнились, то къ лучшему. Онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Просто удивляешься, какъ чудно сохраняются люди въ тѣни здѣшнихъ старыхъ сосенъ! Я пораженъ, положительно, пораженъ: вѣдь, этакъ, никакой живой воды изобрѣтать не надо! Вотъ бы къ намъ, въ Петербургъ, перенести вашъ живительный воздухъ!

Бѣль Дмитрій Константиновичъ очень немного и съ большимъ разборомъ: того—нельзя, это запрещено, то вредить... Александра Ивановна съ испуганнымъ безпокойствомъ посматривала на него, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ любезно болтать, перескакивая съ одного предмета на другой. Онъ сообщилъ, въ числѣ другихъ новостей, и о томъ, что заѣхалъ теперь въ Гарделёвку всего на три дня: надо спѣшить въ Карлсбадъ и еще кое-куда. Но на обратномъ пути онъ завернетъ снова, и тогда погостить у матери подольше.

Послѣ завтрака онъ—въ полу-шутливомъ тонѣ—„испросилъ аудіенцію“ у Софьи Вячеславовны. Она, нахмурившись, пригласила Дмитрія въ угловую гостиную, уединенную комнату, наиболѣе удобную для тайнственныхъ переговоровъ.

— Надѣюсь, мы встрѣчаемся не врагами? — началъ говорить Дмитрій Константиновичъ: — что было, то прошло и поросло быльемъ... Какъ это пишутъ поэты: погребено и не воскреснетъ вновь? Вѣдь правда?

— Что вамъ отъ меня нужно? — нѣсколько холодно и озлобленно спросила Софья.

— Не бойтесь! Ни изливаться въ чувствахъ, ни упрекать васъ я не стану.

— И то, и другое было бы, по меньшей мѣрѣ, несвоевременно, — замѣтила Софья.

— Вотъ именно! Я тоже такъ полагаю, да рѣчь не объ этомъ... Изволите видѣть, мнѣ непремѣнно надо показать васъ въ Петербургѣ: и дядя Никитаевъ, и другія лица, уже неоднократно указывали и намекали на неудобство моего семейнаго положенія... Конечно, я объясняю, что у моей жены, якобы, сильное предрасположеніе къ грудной болѣзни... она не выносить сѣвернаго климата и такъ далѣе; но все же это становится неловкимъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Не сегодня-завтра меня назначать...

Онъ назвалъ предполагаемый постъ и замолчалъ. Софья Вячеславовна подождала продолженія рѣчи, но продолженія не было. Она негромко заявила:

— Откровенно говоря, я предпочла бы остаться здѣсь: привыкла я къ деревнѣ, и меня никуда не тянетъ... Понятно, трудно возражать противъ необходимости, но врядъ-ли пригожусь я вамъ на что-нибудь въ Петербургѣ... Я не сумѣю поддержать блескъ вашего дома, потому что не рождена для такой роли... Вы припомните, какъ я плохо воспитана!

— Не клевете на себя, Sophie! Женщина вы и красивая, и эффектная, и увлекательная... вы не затеряетесь ни въ какомъ обществѣ, а ваше недостаточно-тщательное воспитаніе отчасти можно ступсывать, отчасти выдать за оригинальность... Я почтительнѣйше прошу васъ оказать мнѣ эту небольшую услугу; я прошу, тогда какъ имѣю маленькое право требовать! Вы съ Костей проведете въ Петербургѣ... ну, хоть одинъ или два года; полагаю, что потомъ вы сами не пожелаете возвращаться въ этотъ медвѣжій уголь. Жду вашего отвѣта; пожалуйста, категорически: да или нѣтъ?

— Не хотѣла бы, но — дѣлать нечего — я вынуждена согласиться!

— Отвѣтъ очень милый, хотя и нелестный для меня... Merci! Позабочусь, чтобъ вы не скучали въ Петербургѣ, при-

ложу всѣ усилія, дабы вамъ не пришлось сожалѣть о своей уступчивости. Надѣюсь, впоследствии и вы, и Костя, воспользуетесь блестящими результатами нашихъ общихъ усилій... Благодарю еще разъ и больше не смѣю надоедать вамъ!

Онъ наклонился—поцѣловать руку Софьи Вячеславовны.

— „Какая противная, желтая шея“!—подмѣтила она, и вдругъ, вспомнивъ, какъ хорошо сложенъ Василій Николаевичъ, ярко покраснѣла. А Дмитрій Никитаевъ, увидя эту краску, чуть-чуть ухмыльнулся.

Придя къ матери, онъ небрежно заявилъ, что осенью беретъ съ собою въ Петербургъ жену и сына.

— Давно бы такъ!—сказала Александра Ивановна и опять отчего-то заплакала. Василій Николаевичъ, непроницаемо молчавшій весь день, теперь неожиданно заторопился домой; но домой его не пустили, такъ какъ на дворѣ начинался большой дождь. На небѣ нависли желтовато-черныя тучи; въ воздухѣ сдѣлалось невыносимо душно; молнія то сверкала въ сторонкѣ фосфорическими зигзагами, то погасала; гремѣлъ отдаленный громъ, мало-по-малу приближаясь къ Гарделѣвѣ. Незвѣстно откуда вдругъ налетѣлъ сильный вѣтеръ, закружилъ песокъ по дорожкамъ, зашумѣлъ деревьями, ожесточенно потрясая ихъ во всѣ стороны; запахло дождемъ, влажной землей и грибами... Потомъ вѣтеръ утихъ, все на мгновенье оцѣпенѣло, и на смѣну молчанію раздался ровный, учащенный шумъ. Начался сразу густой, крупный дождь; обильные ручьи, спадая съ крышъ, неслись по аллеямъ. Деревья, цвѣты и трава, французскія розы на клумбахъ и разноцвѣтные маки на огородахъ, гордые пальмы въ зеленыхъ кадкахъ и надменные подсолнечники у плетней—все ожило, заликовало...

Съ наступленіемъ ночи, Василія Николаевича опять не выпустили изъ Гарделѣвки: гроза продолжалась и послѣ дождя; громъ прокатывался по небу надъ самымъ палацомъ; блистала близкая, ослѣпительно-яркая молнія. Пассивно подчиняясь увѣщаніямъ Митеньки и Александры Ивановны, Платовъ остался ночевать въ Гарделѣвѣ. Спалъ онъ въ сосѣдней съ Митенькой комнатѣ и спалъ плохо: Митенька долго ворчалъ, брюзгливо жалуясь на комаровъ. Прислуга не догадалась закрыть передъ дождемъ окна; комары налетѣли въ домъ и мѣшали Дмитрію Константиновичу уснуть, докучая ему своимъ нуднымъ, монотоннымъ гудѣньемъ. Но теперь Василій Николаевичъ чувствовалъ себя сравнительно успокоеннымъ и не сожалѣлъ о томъ,

что не поѣхалъ домой. Почему-то ему казалось, что дома онъ провелъ бы эту ночь гораздо тревожнѣе и безпокойнѣе.

Еще черезъ два дня Митенька отбылъ въ Карлсбадъ, но въ Гарделёвѣ съ его появленіемъ разрушился прежній строй жизни, казавшійся до сихъ поръ такимъ прочнымъ, неизбѣжно-постояннымъ. И всѣмъ сдѣлалось скучно: каждый предвидѣлъ близость неотвратимой разлуки и каждый загрустил по-своему, а Василій Николаевичъ, ни съ того, ни съ сего, уѣхалъ въ Кіевъ, да и застрялъ тамъ надолго; больше, чѣмъ на цѣлый мѣсяцъ...

На дорожкахъ парка уже попадались сухіе, покоробленные листья; свѣжій вѣтеръ увлекалъ ихъ за собой все впередъ и впередъ. Покраснѣли рябиновыя деревья; береза задумалась и начала желтѣть, точно отъ огорченій; у студѣныхъ криницъ свѣсились порозовѣвшія гроздья калины. Низкое солнце блестѣло на голубомъ небѣ ярче лѣтняго, но оно уже мало давало тепла; въ лѣсу посыпались жолуди и зашумѣли дубы, напѣвая тихія осеннія пѣсни; высокіе папоротники стали увядать; созрѣлъ хмель, и дикіе терновые кусты покрылись сизоватыми ягодами. Въ воздухѣ замелькала длинная паутина; аисты сразу куда-то исчезли, а на поляхъ и пастбищахъ задымилась согрѣвающіе костры. Время отъ времени уже перепадали мелкіе, продолжительные дожди: осень, не спѣша, но деспотически и властно накладывала на обезсиленную природу свою тяжелую руку. Въ Гарделёвѣ поджидали возвращенія Дмитрія Константиновича.

— Чтѣ съ тобой, Вася? Никакимъ калачомъ тебя не заманишь къ намъ нынче? Чѣмъ это ты занятъ? — спросить Александра Ивановна у Платова, недавно вернувагося изъ Кіева.

— Некогда, тетя: читаю все время! Работы дома накопилось много, да и стихъ такой на меня нашель: читать крѣпко хочется! Вотъ, какъ пройдетъ это настроеніе, буду опять навѣдываться къ вамъ каждый день. Погодите, зимой еще надоѣсть успѣю!

Софья Вячеславовна взглянетъ на него при этихъ словахъ грустными глазами и промолчитъ. Или скажетъ шопотомъ, пользуясь отсутствіемъ старухи:

— Боже мой! Василій Николаевичъ! За что вы отвернулись отъ меня? Развѣ я виновата? Мнѣ надо съ вами поговорить... непременно надо!

— Не о чемъ намъ бесѣдовать, Софья Вячеславовна! Чтѣ могу я сказать вамъ новаго? Я думаю, вы меня и безъ словъ

понимаете. А пожелать вамъ всяческаго благополучія въ Петербургѣ... такъ еще будетъ время!

— Слушайте!—крикнула Софья Платову тотчасъ послѣ полученія телеграммы, извѣщавшей, что Митенька уже выѣхалъ изъ Вѣны. И голосъ Софьи Вячеславовны дрогнулъ на этомъ словѣ: въ немъ зазвенѣли несвойственныя ей, умоляющія потки.

— Слушайте!—повторила она:—пріѣзжайте и вы въ Петербургъ! Знаю, знаю, что вы мнѣ возразите: это безнравственно, это нехорошо, некрасиво... Да вѣдь вы — человѣкъ свободный, а я нужна Дмитрію только какъ декорація. Пріѣзжайте, Василій Николаевичъ! Подумайте: живемъ мы одинъ разъ... дни бѣгутъ, жизнь укорачивается, радость не приходитъ вторично... Мы все ждемъ чего-то далекаго и отворачиваемся отъ сегодняшняго счастья, когда оно къ намъ слетаетъ; мы крадемъ жизнь у самихъ себя! Допустимъ, вы поступите дурно, но... вы были такимъ безупречнымъ всю жизнь,—рискните совершить одинъ дурной поступокъ: у васъ найдется, чѣмъ загладить его впослѣдствіи... для покаянія еще останется время! Неужели вы не чувствуете, какъ скучно, душно и противно жить безъ радостей? Такъ душно, словно дышешь отравленнымъ воздухомъ и медленно умираешь отъ него! Зачѣмъ намъ излишняя осмотрительность? Къ чему черезчуръ внимательно глядѣть себѣ подъ ноги? Говорятъ, изъ-за этого люди рискуютъ не увидѣть ни звѣздъ, ни счастья... Право, ужъ лучше спотыкнуться, чѣмъ обокрасть самого себя... Пріѣзжайте же вслѣдъ за мною, или... скажите одно слово — и я останусь здѣсь... здѣсь и съ вами! Вы молчите? Значитъ, пріѣдете въ Петербургъ? Пріѣдете? да?

Платовъ задумался, покусывая губы, потомъ твердымъ, увѣреннымъ голосомъ промолвилъ:

— Нѣтъ, я не поѣду въ Петербургъ! Не сердитесь, не возмущайтесь! Подождите, не убѣгайте отъ меня! О, еслибъ вы знали, какъ мнѣ хорошо при одной мысли, что вы зовете меня! Но... откликнуться на зовъ, принять приглашеніе я никакъ не могу... Радости, о которыхъ вы сейчасъ говорили, нѣчто невозможное: онѣ неосуществимы, немыслимы... Попытаемся, Софья Вячеславовна, отойти немного въ сторону отъ своего „я“ и оттуда безпристрастно оглянуться на себя: жалкіе мы съ вами люди! Мы оторваны отъ жизни, отъ всѣхъ другихъ людей... никому мы съ вами не нужны, да и самимъ себѣ въ тягость... Жизнь не хочетъ простить намъ эту оторванность, и потому-то мы изнемогаемъ отъ одиночества, отъ сознанія нашей бесполезности... Соединимся мы съ вами или нѣтъ,—каждый изъ насъ,

все равно, останется одинокимъ... У насъ нечѣмъ наполнить жизнь другъ друга, мы не въ силахъ составить счастье другого. Жить намъ нечѣмъ! вотъ наша болѣзнь, наше проклятье! Что у насъ въ душахъ?—пустота! Насъ ничто не интересуется, не волнуетъ, не захватываетъ... День прошелъ—и славу Богу! Какъ же мы будемъ предъявлять къ жизни какія-то требованія? что она можетъ намъ дать? У меня осталась одна эгоистическая цѣль существованія: спокойно дожить свой вѣкъ, дожить въ лѣнивомъ бездѣйствіи, но опрятно и чистоплотно. Миѣ лѣнь приниматься за что-то иное, новое, хотя я сознаю, что не правъ передъ собой и другими. По вашему, жить—это значить быть довольной, наслаждаться, любить, нравиться, восхищаться... Какая узкая у васъ спеціализація!—призадумайтесь надъ этимъ, Софья Вячеславовна, пока еще не поздно! Съ меня уже взяты больше нечего: я почти старикъ, человѣкъ, вполне опредѣлившійся и ни на что непригодный. Но вы — молоды, умны, способны; у васъ еще многое въ будущемъ... не губите же себя! Займитесь чѣмъ-нибудь: въ жизни такъ много хорошаго, хотя и скромнаго дѣла! Спросите совѣта у сердца, оно подскажетъ вамъ, куда идти... сама жизнь натолкнетъ на дѣло того, кто желаетъ работать...

— Вы хотите счастья, довольства?—продолжалъ онъ, перерывъ себя на минуту.—Вѣрьте мнѣ: нѣтъ на свѣтѣ отрады не отдавшему себя! Говорю вамъ по опыту, по горькому, печальному опыту. И я когда-то, какъ вы, стремился къ довольству, собирался жить самимъ собою, да, кромѣ того, мечталъ совершить что-то громкое, освѣщенное на удивленіе всему міру бенгальскими огнями... Но пока я собирался творить подвиги да улаживать собственное „я“, — время ушло... облѣнилось тѣло, износились воля, притупилось тщеславное самолюбіе... Въ результатѣ—пустота и жалкое ничтожество... Такая же участь угрожаетъ и вамъ... Спасайтесь отъ нея, если еще можете спастись! А о нашихъ чувствахъ по отношенію другъ къ другу лучше не распространяться... Если понимать слово: „любовь“ въ узкомъ, чувственномъ смыслѣ, то — не скрою—я люблю васъ... Десятки разъ давалъ я себѣ обѣщанія никогда не говорить вамъ объ этомъ, но теперь говорю... Тянетъ меня къ вамъ... очень тянетъ... Я, вотъ, недавно даже ревновать васъ къ Дмитрію вздумалъ... разстаться съ вами и тяжело, и больно: но ѣхать въ Петербургъ мнѣ не слѣдуетъ, и я не поѣду... Не поѣду, какъ бы ни рвался вслѣдъ за вами! Не хорошо глядѣть только себѣ подъ ноги, но еще хуже—топтать людей, любясь

звѣздами... Сами мы съ вами счастливы не будемъ, а другимъ причинимъ много непріятностей... Вамъ извѣстно, чѣмъ я обязанъ семьѣ Никитаевыхъ вообще; Александра Ивановна для меня вторая мать, Дмитрій... братъ, хотя братъ и нелюбимый! Не пристало мнѣ на старости лѣтъ въ друзья дома къ нему записываться! О вашемъ Костѣ я ужъ и не вспоминаю... Вотъ была бы живая жертва нашихъ самоуслаждений! Видите, вамъ тоже не съ руки—оставаться здѣсь! Съ окружающими людьми нельзя не считаться, а нечестное чувство—всегда очень блѣдное чувство, и ради него не сдумѣешь закрыть глаза на все остальное... Правда, отворачиваясь отъ него, можно больно ущемить себѣ сердце, но—повторяю—не собою лишь живъ человѣкъ...

Софья Вячеславовна сначала слушала Платова съ напряженнымъ вниманіемъ; на поблѣднѣвшемъ лицѣ ея застыло выраженіе не то мольбы, не то укора. Она боялась возражать; хотѣла выслушать Василя Николаевича до конца и, главное, хотѣла понять его мысль. Но при послѣднихъ словахъ въ ней пробудилась женская гордость. Софья вдругъ вспыхнула и задрожала отъ волненія.

— Довольно!—прокричала она:—довольно! не поясняйте дальше! Опять вы заговорили по прописямъ! Я много разъ слышала эти ваши прописныя изреченія манекеннаго человѣка,—не трудитесь повторять ихъ снова! Вы не мужчина, вы не человѣкъ, а манекень! Слышите: манекень, пачиненный громкими фразами изъ хорошихъ книжекъ! Дѣлай то, что я говорю, но не то, что я дѣлаю!—вотъ ваши проповѣди! Не надо мнѣ ихъ! не надо! Не продолжайте! Отъ васъ я не заслужила такихъ обидныхъ поученій! Я не давала права издѣваться и оскорблять!

— Я вижу, вы не желаете понять меня... Ну что-жъ? разстанемся, если такъ!—отвѣтилъ Платовъ, грустно опуская голову.

Это было ихъ послѣднее объясненіе.

Дмитрій Константиновичъ, наконецъ, возвратился въ Гардѣлеву. Онъ похудѣлъ и посвѣжѣлъ за границей и первые нѣсколько дней провелъ въ деревнѣ съ большимъ удовольствіемъ. Но затѣмъ началъ поговаривать объ отъѣздѣ, напоминая, что пора собираться въ Петербургъ. Наступилъ первый вполнѣ осенній, тоскивый день. Вѣтеръ бурно колыхалъ на поверхности пруда посѣрѣвшія волны; съ утра солнце неоднократно пыталось смѣнить густой, похожій на мглу тумана дождикъ, но послѣ обѣда дождь зарядилъ безъ передышки. Молодые березки плакали подъ водяными брызгами, какъ бы сокрушаясь о своихъ лѣтнихъ убо-

рахъ; вѣтвистые каштаны тихо ропяли на землю увядшіе листы. Дмитрій Константиновичъ сосредоточенно строчилъ планъ доклада о современномъ положеніи въ Германіи какого-то животрепещущаго вопроса; Костя капризничалъ и плакалъ изъ-за каждаго пустяка. Александра Ивановна заранѣе содрагалась при мысли о томъ, какую скучную, одинокую зиму придется скоротать ей въ Гарделёвѣ. Платовъ не показывался, точно, въ самомъ дѣлѣ, боялся дождя.

Софья Вячеславовна безъ слезъ и размысленій стояла у окна. По крышѣ палаца уныло барабанили дождевыя капли; въ печкѣ подвывалъ вѣтеръ, напоминая о зимѣ; съ наружной стороны на оконное стекло неровно брызгали дождеикъ. Лужи на площадкѣ и въ аллеяхъ все распухали и расширялись; георгины наклоняли къ землѣ распухшія отъ влаги головки. Невидимый вѣтеръ встряхивалъ отяжелѣвшія вѣтки старыхъ декоративныхъ деревьевъ. Мутное, равнодушное небо угрюмо и близко нависло надъ палацомъ. Софья Вячеславовна всматривалась въ этотъ безотрадный пейзажъ и, совсѣмъ какъ капризный Костенька, упрямо повторяла:

— Въ Петербургъ! Зачѣмъ въ Петербургъ? Я не хочу: тамъ холодно! И какъ тамъ будетъ скучно... скучно!—А вѣдь Платовъ правъ: намъ нечѣмъ жить!..

О. Н. ОЛЬНЕМЪ.

НА ПОЛПУТИ

Э С К И З Ъ

изъ романа: „Au milieu du chemin“, par Edouard Rod.

I.

На сценѣ театра „Современной Комедіи“ заканчивались репетиціи новой пьесы: „Невѣста Льва“. Напрасно всѣ исполнители и даже самъ директоръ выражали ея автору совершенно неподдѣльный восторгъ: Поль Кларансѣ выслушивалъ всѣ ихъ хвалебные гимны вѣжливо, но съ видомъ сомнѣнія. Чѣмъ болѣе твердили ему на всѣ лады, что его пьеса *шедъвръ*, что первое представленіе ея будетъ триумфомъ и для него, и для театра, тѣмъ недоувѣрчивѣе становился онъ самъ. Триумфъ! Какъ и кто можетъ предугадать это заранѣе?

Кларансѣ шелъ сороковой годъ. То былъ стройный, довольно высокаго роста человекъ, съ нервнымъ лицомъ, съ большимъ лбомъ, казавшимся еще больше отъ начинавшейся лысины, съ глубокимъ, черезчуръ серьезнымъ взглядомъ необыкновенно выразительныхъ глазъ, отражавшихъ каждое душевное движеніе, каждую мысль. Волосы его уже порѣдѣли, но сохранили свой черный цвѣтъ, тогда какъ усы и длинная борода почти уже совершенно посѣдѣли, такъ что вводили въ заблужденіе насчетъ его лѣтъ, при первомъ на него взглядѣ. Но свѣжесть и бѣлизна его кожи, а также стройность всей его фигуры, тотчасъ же разсѣивали это заблужденіе. Онъ былъ уроженецъ Юрскихъ горъ, сынъ простого крестьянина; проживъ двадцать лѣтъ въ Парижѣ, онъ приобрѣлъ свѣтскія привычки и лоскъ, и тѣмъ не менѣе,

въ немъ осталась нѣкоторая доза застѣнчивости и угловатости. Много вращаясь въ свѣтѣ, гдѣ его, молодого, но уже извѣстнаго драматурга, охотно приглашали и ласкали, онъ все-же держался просто, не стремился блистать, былъ скромнень и мало разговорчивъ. Легко далась ему литературная карьера. Отецъ его помогаль ему охотно, твердо памятуя, что какое поле ни обрабатывай, нигдѣ не пожнешь, ничего, если ничего не посеешь. Впрочемъ, молодой человѣкъ не долго принималъ эту помощь, потому что первая же его пьеса имѣла такой крупный успѣхъ, что онъ сталъ сразу въ независимое положеніе. Спѣшнѣй, лихорадочнѣй трудъ, погоня за заработкомъ, горечь неудачъ и разочарованій, — все это миновало его. Все удавалось ему, и всѣ его восемь пьесъ, — исключительно любовныя драмы, безъ всякой примѣси какихъ-либо социальныхъ тезисовъ, — доставили ему и громкую извѣстность, и благосостояніе. Если, не смотря на всѣ свои удачи, онъ былъ не менѣе „червень“, чѣмъ его менѣе счастливые собратыя, то виною этого было постоянное напряженіе его воображенія, провидѣвшаго драму за предѣлами всякой дѣйствительности, его привычка мысленно исчерпывать до конца каждое данное положеніе, вкладывать всю душу въ свое творчество и жить жизнью своихъ героевъ до минуты окончанія задуманнаго произведенія. Самъ не отдавая себѣ отчета — почему, — онъ теперь особенно волновался. Первое представленіе „Невѣсты Льва“ должно было состояться дней черезъ пять. Сюжетъ пришелъ ему на умъ случайно. Онъ подмѣтилъ какъ-то въ своемъ лучшемъ другѣ, Андрѣ Лорьѣ, талантливомъ художникѣ съ черезчуръ вѣжливой душой и пылкимъ сердцемъ, одну странную черту родительской любви. Единственная дочь Лорьѣ, прелестная шестилѣтняя дѣвочка, крестница Кларансѣ, соскочила какъ-то разъ съ колѣнъ игравшаго съ нею отца и внезапно прыгнула на колѣни къ баловавшему ее крестному. Кларансѣ пошутилъ надъ этимъ первымъ женскимъ капризомъ, по Лорьѣ, полу-шутливо, полу-серьезно сказалъ, что уже ревнуетъ дочь, когда та идетъ отъ него къ кому-нибудь другому... И онъ заранѣе ненавидитъ своего будущаго зятя...

— Слушая тебя, — отвѣчалъ Кларансѣ, — мнѣ припомнилась почему-то одна поэма Шамиссо. Въ ней говорится о дочери укротителя звѣрей, входящей въ послѣдній разъ въ клѣтку льва. Она объявляетъ льву, что она невѣста, и пришла проститься съ нимъ передъ своимъ отъѣздомъ... Левъ ластится у ея ногъ, но когда за нею является женихъ, — левъ бросается на нее, и, растерзавъ ее, ложится ждать своей смерти.

— Ну, до этого я не дойду,—замѣтилъ Лорье.

Жена его, женщина спокойная, слушала ихъ съ улыбкой легкаго пренебреженія къ парадоксамъ этихъ артистовъ, въ сущности, вѣчно далекихъ отъ дѣйствительности. Она не видѣла ничего общаго между этой фантастичной поэмой и шуткой мужа, такъ мало похожаго на льва. Кларансѣ разъяснили ей, что ревность принимаетъ безчисленныя формы, и потому отъ нея можно всего ожидать, а Лорье заключилъ:

— Да, любовь моя къ дочери чрезмѣрна, и, быть можетъ, такой фактъ встрѣчается чаще, чѣмъ всѣ думаютъ.

И этого было достаточно, чтобы воображеніе Кларансѣ заработало въ этомъ направленіи. Страсть отца къ собственной дочери—какой сюжетъ! Сюжетъ мифологической „Мирры“, средневѣковыхъ „Ченчи“, разработанный большимъ воображеніемъ Эврипида, Альфіери и Шелли. На эту тему Кларансѣ создалъ драму, тѣмъ болѣе потрясающую, что она развертывалась не въ отдаленныя, почти сказочныя времена, а въ настоящую эпоху, подчеркивая кровавой чертой контрастъ между нашими мягкими нравами и первобытными, звѣрскими инстинктами, дремлющими подъ ихъ фальшивымъ лоскомъ. Но чѣмъ больше Кларансѣ обдумывалъ свой сюжетъ, тѣмъ больше шелъ онъ на уступки общественному мнѣнію, и, сообразуясь со степенью допускаемыхъ нынѣшней публикой ужасовъ, онъ превратилъ отца въ свекра, а дочь—въ невѣстку. Но и въ этомъ видѣ драма была мрачная и захватывающая. То было трагическое описаніе преступной страсти, вначалѣ тайной, стыдящейся самой себя, развѣдающей душу своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, прорывающейся затѣмъ наружу въ припадкѣ ревности,—и все это въ средѣ буржуазной семьи, нимало не похожей на знатныхъ жертвъ мщенія боговъ. Подъ глухимъ давленіемъ этой страсти семья мало-по-малу разрушалась. Кончалась пьеса тѣмъ, что герой убивалъ свою возлюбленную, не желая ее потерять, и она падала мертвою къ его ногамъ. Построена пьеса была строго и просто, дѣйствіе развивалось съ беспощадной, неумолимой логикой, и сравненіе ея съ тѣми трагедіями, гдѣ чувствуется незримое присутствіе „неизбѣжной судьбы“, напрашивалось само собою. Провѣдавъ какъ-то о сюжетѣ новой драмы знаменитаго драматурга, газеты затрезвонили заранѣе о предстоящемъ „сенсационномъ“ первомъ представленіи, предсказывая блестящій успѣхъ. Сомнѣвался въ этомъ успѣхѣ самъ авторъ, какъ онъ сомнѣвался при каждой своей новой пьесѣ. Было ли то утомленіе отъ репетицій, или обычная тревога

художника, долго носившаго въ себѣ свое произведеніе и вѣчно недовольнаго тѣмъ, что вышло изъ-подъ его пера, или смущала его на этотъ разъ и особенная смѣлость его пьесы,—но никогда еще не описывалъ онъ страсти съ такою силой... Что въ томъ, что весь театральный людъ пророчить ему успѣхъ? Сколько разъ уже они ошибались, не взирая на свою опытность!..

И вотъ сегодня Кларансѣ возвращался домой съ одной изъ послѣднихъ репетицій въ какомъ-то смутномъ настроеніи. Жилъ онъ довольно скромно въ небольшой, уютной, давно уже занимаемой имъ квартирѣ, и держалъ двухъ слугъ, мужа и жену, отлично приносившихся къ его привычкамъ.

За послѣднее время его особенно волновалъ одинъ новый вопросъ. Прежде онъ вызвалъ бы у него только улыбку, а теперь онъ его мучилъ. „Какъ можетъ дѣйствовать подобная пьеса на слушателей? Съ какимъ чувствомъ возвращаются домой апплодировавшіе ей зрители? Какіе осадки бередитъ потрясая ихъ драма въ тѣхъ тайникахъ души, куда и проникать-то вредно?“ Сначала Кларансѣ отгонялъ отъ себя этотъ вопросъ, но, какъ нарочно, разныя мелочи и случайности поднимали его опять, и вотъ, послѣ каждой репетиціи, онъ теперь подолгу останавливался на немъ. Онъ самъ не могъ болѣе выслушивать равнодушно любовныя, безумныя, роковыя сцены послѣдняго акта; что-то неопредѣленное, всего болѣе похожее на угрызенія совѣсти, шевелилось въ немъ. Вотъ и сегодня: самъ директоръ ручался ему за блестящій успѣхъ, а его грызло чувство какой-то странной отвѣтственности. И вдругъ то, что доселѣ только смутно шевелилось въ его сознаниі, — формулировалось въ немъ совершенно ясно. Онъ прошепталъ: „Подобное произведеніе—дурной поступокъ“. Но тутъ же самая точность этого вердикта вызвала въ немъ недовѣріе; онъ пожалъ плечами и почти вслухъ пробормоталъ: „Утомленіе... нервы... Это пройдетъ послѣ перваго представленія...“

Отворивъ ему дверь, лакей его, Антонъ, доложилъ со сконфуженнымъ видомъ, что его ждетъ какой-то господинъ... журналистъ. Кларансѣ разсердился. Сколько разъ говорилъ онъ, чтобы не принимать ни одного журналиста во все эти дни! Но Антонъ пояснилъ, что журналистъ этотъ очень настаиваетъ, утверждая, что явился по дѣлу особой важности. Впрочемъ, вотъ и его карточка. „Филиппъ Мертонъ“ — прочелъ Кларансѣ; но имя это было ему неизвѣстно. Послѣ краткаго раздумья, онъ рѣшился принять этого репортера, разъ ужъ его впустили.

Пройдя въ свой кабинетъ, Кларансѣ нашелъ тамъ этого еще

очень молодого человека, почти безусаго. Онъ, очевидно, разсматривалъ обстановку кабинета, чтобы описать ее потомъ въ своемъ „интервью“. Но тутъ не было ничего особеннаго: старинная мебель изъ темнаго дерева, бронзовый бюстъ работы Донателло, двѣ-три картины, пара вазъ изъ майолики, наполненныхъ цвѣтами. На общемъ строгомъ фонѣ выдѣлялся только женскій портретъ, писанный пастелью. Мертонъ разсматривалъ его съ любопытствомъ, доискиваясь про себя, кто эта женщина? Не будь онъ такимъ новичкомъ, онъ угадалъ бы сейчасъ же, что это—г-жа Клавдія Бреанъ, съ которою, какъ это было всѣмъ извѣстно, Кларансѣ давно уже былъ близокъ.

Увидя Кларансѣ, Мертонъ раскланялся и сталъ поспѣшно пояснять, что является къ нему отъ редакціи „Звѣзды“. Кларансѣ слушалъ его, стоя, не приглашая садиться, и довольно сухо возразилъ, что не имѣетъ ничего ему сообщить о своей пьесѣ; ее скоро увидать на сценѣ, и всякій будетъ тогда вольнѣ судить ее. Сначала Мертонъ немного растерялся, но скоро оправился и сказалъ, что предметъ его посѣщенія—не „Невѣста Льва“, а одно сегодняшнее событіе, въ которомъ замѣшано имя Кларансѣ. Тотъ вздрогнулъ. Чтò такое? Въ нѣсколькихъ словахъ репортеръ изложилъ все дѣло: нѣкая молодая дѣвица, Селина Буланъ, дочь одного мелкаго чиновника, проживающаго въ такой-то улицѣ, въ домѣ подъ такимъ-то номеромъ, покончила сегодня съ собою, при помощи жаровни съ углемъ. Она, оказывается, была въ связи съ какимъ-то женатымъ господиномъ, чье имя пока еще неизвѣстно. Чтò именно случилось,—открылась ли ихъ интрига, или онъ вздумалъ ее бросить—тоже было неизвѣстно. Фактъ тотъ, что она прибѣгла къ самоубійству. На вопросъ Кларансѣ, какимъ образомъ это банальное самоубійство можетъ касаться его, Мертонъ отвѣчалъ:

— Все дѣло въ томъ, что на ея постели былъ найденъ экземпляръ вашей мастерской драмы—„Любовь и Смерть“. Многія мѣста въ ней оказались подчеркнутыми, изъ чего слѣдуетъ, что она часто ее перечитывала, быть-можетъ даже передъ самою смертію. Должно быть, ей казалось, что между ея банальною исторіей и вашей поэтической героиней есть сходство; быть можетъ, она декламировала ваши чудные стихи, принимая ихъ за свои собственныя мысли. Вы понимаете, что фактъ этотъ не пройдетъ незамѣченнымъ теперь, когда вы такъ на виду. Вотъ мнѣ и захотѣлось узнать, чтò вы думаете объ этомъ случаѣ. Редакторъ одобрилъ мою мысль... И признаюсь вамъ откровенно, что

я надѣюсь на ваше любезное содѣйствіе... тѣмъ болѣе, что мнѣ необходимо зарекомендовать себя на своемъ поприщѣ.

И, видя, что онъ заинтересовалъ Кларансѣ, онъ закончилъ съ наивной жестокостью неопытности:

— Довольно любопытный фактъ,—не такъ ли? Вѣдь это, приблизительно, исторія пьесы Альфреда де-Виньи, „Чаттертонъ“, вызвавшей цѣлую эпидемію самоубійствъ. Подобныя происшествія поднимаютъ тѣму вопросовъ, но во всякомъ случаѣ это лестно для поэта.

— Вы думаете?—вскричалъ Кларансѣ.—Вы, дѣйствительно, такъ думаете?

— Конечно; это доказываетъ, что поэтъ затронулъ животрепещущую струну.

И Мертонъ приготовился записывать. Съ минуту Кларансѣ колебался: осторожность совѣтовала ему воздержаться, но его прямая, откровенная натура одержала верхъ, и онъ заговорилъ:

— Значить, вы находите, что эта исторія лестна для меня? А по-моему, это и горько, и больно. Я не знаю, что думалъ Альфредъ де-Виньи о самоубійствахъ, послѣдовавшихъ за его „Чаттертономъ“, но не вѣрю, чтобы это ему льстило. Если же мнѣ будетъ доказано, что моя драма дѣйствительно причастна этому несчастію, то это будетъ очень тяжело для меня. Говорю вамъ это прямо, потому что скрывать свои чувства не способенъ... Вы здѣсь изъ любопытства, и видя въ этомъ сюжетъ для статьи, поставили мнѣ одинъ вопросъ... Я тоже ставлю его себѣ, но для меня это—дѣло совѣсти... Но дѣло не въ этихъ общихъ вопросахъ,—вернемтесь къ данному случаю. Къ жаровнямъ, какъ средству самоубійства, прибѣгаютъ давно, не я это выдумалъ, такъ какъ и до моихъ драмъ, конечно, люди лишали себя жизни... Но въ той исторіи, что вы мнѣ только-что рассказали, трудно разобрать, что тутъ слѣдствіе вѣчнаго чувства любви, и что—слѣдствіе воображенія, возбужденнаго чтеніемъ? Первое—стихійная сила природы, производящая одни и тѣ же опустошенія съ самаго сотворенія міра, ведущая къ роковому концу горемычныя пары влюбленныхъ: мы безсильны противъ нея, какъ безсильны противъ грозы и морскихъ волнъ. Но вторая сила—воображеніе! Развѣ мы не властны надъ нимъ? Развѣ мы не можемъ имъ управлять? Не экзальтируется ли оно описаніями любви, обманчивой ложью поэзіи? Какъ разобраться въ исторіи этой бѣдной дѣвушки? Для того надо разузнать подробности, возстановить все прошлое, прочесть правду въ небьющемся уже сердцѣ... Наша приблизительная психологія тутъ паскуетъ.

Мертонъ записывалъ, мысленно удивляясь волненію этой крупной знаменитости.—Несчастіе, конечно, большое,—замѣтилъ онъ;—но онъ не думалъ, что авторъ пьесы такъ близко приметъ къ сердцу обстоятельство, прямо до него не касающееся, въ которомъ онъ не причастенъ.

— Непричастенъ?... Но, повторяю, какъ могу я это знать? Какъ намъ добраться до поводовъ этой катастрофы? Какъ угадать, что происходило въ мозгу этой дѣвушки, когда моя книга дрожала въ ея рукахъ? Развѣ писатель можетъ быть чуждымъ своимъ читателямъ? Развѣ онъ въправѣ игнорировать то зло, которое онъ причинилъ или можетъ причинить имъ!

— Ужъ и зло!.. Вѣдь и тѣ, кто ничего не читаетъ, тоже и любятъ, и умираютъ. Допустимъ, что ей вздумалось скопировать вашу героиню, потому только, что она поняла прекрасно вашу мысль... Вы-то что могли тутъ сдѣлать?

— Я могъ... не писать!—вырвалось у Кларансѣ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ взвѣснить значеніе своихъ словъ.

Мертонъ не понималъ, что это признаніе—результатъ медленной душевной ломки,—а потому онъ просто изумился и замѣтилъ, съ любезной улыбкой здравомыслящаго человѣка, желающаго доказать, что онъ не дастся въ обманъ:

— Вотъ ужъ въ этомъ съ вами никто не согласится. Помилуйте! Что значитъ смерть этой дѣвочки—въ сравненіи съ вашими прекрасными произведеніями, гордостью вашей родины и вашей эпохи, обезпечивающими вамъ безсмертіе?!

Кларансѣ остановилъ на немъ свой ясный и кроткій взглядъ, и отвѣчалъ:

— Вы еще очень молоды; вы еще не знаете, какъ ничтожно всякое твореніе ума, хотя бы и прославленное, въ сравненіи съ самой незамѣтной человѣческой жизнью. Не все ли равно, сохранится ли въ людской памяти чье-либо имя, какая-либо мысль? Важно только причиненное нами зло, да то добро, что мы могли бы сдѣлать... И не говорите о пресловутыхъ правахъ искусства. Великіе, настоящіе художники никогда не разсуждали о своихъ правахъ, никогда не знали объ ихъ существованіи, а главное—никогда не отдѣляли ихъ отъ правъ самой жизни. Права искусства—это выдумка тщеславныхъ бездарностей, формула разныхъ „кружковъ“ и завсегдатаевъ кабачковъ...

Но тутъ Кларансѣ внезапно перемѣнилъ тонъ и принялся разспрашивать о самоубійцѣ. Но Мертонъ зналъ только ея имя, адресъ, да еще то, что у нея есть отецъ и мать. Кларансѣ пожалѣлъ ихъ. Быть можетъ, они проклинаютъ теперь его на-

равнѣ съ самимъ обольстителемъ... Кларансѣ задумался, а потомъ продолжать:

— Очевидно, судьба опредѣлила, что я буду писать любовныя драмы; вотъ я и писалъ ихъ, инстинктивно, ни о чемъ не задумываясь. Вопросъ, на который навела меня сегоднѣшняя исторія, не приходилъ мнѣ на умъ. А между тѣмъ не вы первый поставили его мнѣ: не знаю ни когда, ни почему, но помню, что онъ какъ-то шевельнулся въ тайникѣ моей души. Понимаете ли вы теперь его истинный смыслъ и значеніе? Догадываетесь ли вы о томъ, что можетъ происходить въ глубинѣ совѣсти честнаго человѣка, внезапно замѣтившаго, что, быть можетъ, онъ отвѣтственъ за безвременно погибшую человѣческую жизнь, и ужъ, конечно, не совсѣмъ неповиненъ въ совершившейся катастрофѣ? Это не свойственно вашему возрасту. Вы еще носитесь съ правами искусства, съ уваженіемъ къ искусству, съ запросами искусства, съ религіей искусства, причемъ пишете его черезъ огромную начальную букву... Да, мы долго довольствуемся этой религіей, считаемъ ее благородной и наивысшей. И не признающихъ ея презираемъ, зовемъ варварами, — не такъ ли? Но вдругъ мы замѣчаемъ, что догматы ея — пустыя слова, — не болѣе! и богъ оказывается только истуканомъ... Отчего такая переменѣна?.. Оттого, что мы страдали, жили, приобрѣли пониманіе людей... И вотъ начинаешь смотрѣть на міръ совсѣмъ другими, неясными глазами, и скоро открываешь, что есть нѣчто выше книгъ, стиховъ, драмъ, искусства, — нѣчто великое и простое, — жизнь... Ну, да, жизнь... жизнь горемычнаго человѣка, зачастую несчастнаго, иногда мучителя, а всего чаще — жертвы, создающаго свои бѣды собственными руками и терзаемаго судьбою... Многіе ли изъ тѣхъ, что, выступая на жизненное поприще, преслѣдуя исключительно культъ искусства, сохранили въ себѣ, послѣ одержанныхъ успѣховъ, только одну любовь къ добру... Я ясно читаю въ вашемъ изумленномъ взглядѣ: „Упадокъ, буржуазность, академія, Монтіоновская премія“... И вы полны, конечно, презрѣнія ко мнѣ и, пожалуй, выставите потомъ меня товарищамъ, какъ „старого болвана“... Не оправдывайтесь, я прощаю васъ заранѣе.. Но позже, когда вы выйдете въ люди, вы, можетъ быть, припомните мои слова, и поймете, что я былъ правъ...

Впервые высказывалъ онъ тѣ мысли, что уже давно и смутно копошились въ немъ. И теперь онъ чувствовалъ, что впредь съ ними придется считаться. Понималъ ли его Мертонъ или нѣтъ, но онъ сознавалъ, что у него въ рукахъ такое *интервью*,

что онъ можетъ прослать сразу за ловкаго репортера. И онъ всталъ, говоря:

— Благодарю васъ за довѣріе... Я не осмѣлился бы никогда надѣяться... Но долженъ сознаться, что многіе удивятся вашимъ словамъ...

Только тутъ Кларансэ опомнился, спохватился и возразилъ:

— Но потому вы ихъ и не повторяйте... Я говорилъ для васъ и для себя, а вовсе не для вашихъ читателей.

Мертонъ протестовалъ.—Вѣдь онъ явился сюда въ качествѣ репортера, а теперь онъ хочетъ...

— Ничего я не хочу,—прервалъ его Кларансэ,—да и не имѣю права хотѣть. Я только прошу васъ не употреблять во зло моей неосторожности. Въ томъ мірѣ, гдѣ мы живемъ, нельзя думать вслухъ. Борьба за существованіе имѣетъ свои законы, и элементарнѣйшій изъ нихъ—это необходимость правоты передъ самимъ собою. Я виноватъ вдвойнѣ: разболтался тамъ, гдѣ слѣдовало бы промолчать, и прочелъ себѣ обвинительный актъ вмѣсто панегирика. Вы просто попали ко мнѣ въ критическую минуту, но будьте великодушны и не воспользуйтесь моей оплошностью!

— А моя статья?

— Вы ея не напишете...

И на возраженія Мертонна, что онъ новичокъ въ редакціи, и редакторъ можетъ выказать неудовольствіе, если онъ явится съ пустыми руками, Кларансэ отвѣчалъ:

— Не бойтесь, я давно знакомъ съ вашимъ редакторомъ, и беру все это на себя. Скажите ему только, что я побываю у него завтра, и вамъ не придется ни въ чемъ раскаяваться.

Поколебавшись, Мертонъ уступилъ, не безъ вздоха сожалѣнія по адресу ускользающей отъ него статьи. Кларансэ положилъ дружелюбно руку ему на плечо и добавилъ:

— Успокойтесь,—статья отъ васъ не убѣжитъ!.. Вопросъ, котораго мы съ вами только-что коснулись, выступаетъ наружу ежедневно, видоизмѣняя лишь свою форму въ зависимости отъ формъ самой „хроники происшествій“. У него—большое будущее. Сегодня онъ былъ замѣнутъ въ тѣсномъ кругѣ этой безслѣдной анонимной катастрофы, да моей драмы, которая... не больше, какъ драма. Кто знаетъ, въ какой формѣ воскреснетъ онъ же завтра? Развѣ вы думаете, что высказанныя нами мысли непримѣнны къ цѣлымъ націямъ и эпохамъ? Развѣ этотъ литературный недугъ, погубившій бѣдняжку Селину, воображившую, что она умираетъ изъ-за любви, и что это прекрасно,—развѣ это

не одинъ изъ недуговъ нашего современнаго общества? Рано ли, поздно ли, явленіе это будетъ замѣчено, и тогда...

— Что же будетъ тогда?

— Не знаю. Я не пророкъ. Но я думаю, что разъ недугъ будетъ извѣстенъ, найдено будетъ и средство бороться съ нимъ. Но это уже дѣло ваше—слѣдующаго за нами поколѣнія.

II.

Когда Мертонъ ушелъ, Кларансѣ приказалъ принести себѣ всѣ вечернія газеты, какъ это дѣлалось послѣ всякаго перваго представленія его драмъ. Самоубійство Селины Буланъ рассказывалось почти всѣми газетами, но съ различными вариантами. Приводились ея имя и адресъ, профессія ея отца,—и никто не заботился о томъ, что подобныя рѣзкія тяжелы для осиротѣвшихъ родныхъ. Но имени любовника нигдѣ не было; нѣкоторыя газеты говорили о „художникѣ *Иксъ*“, и только одна изъ нихъ приводила начальную букву его имени, *Л.*—Кларансѣ быстро ориентировался посреди всѣхъ этихъ, зачастую противорѣчивыхъ, версій и мысленно возстановилъ себѣ эту исторію въ ея обыденной простотѣ: бѣдная дѣвочка любила, любила, какъ любятъ и въ романахъ, и въ жизни; она повторяла тѣ же обманчивыя слова, что попадаютъ въ романахъ и въ стихахъ, столько разъ уже вводившихъ въ заблужденіе другія такія же существа. Но вдругъ какой-нибудь грубый жизненный фактъ вырвалъ ее изъ міра лживыхъ грѣзъ: это было—попавшееся въ руки оскорбленной жены или отца письмо, или обнаруженіе роковыхъ послѣдствій, внезапный призракъ позора. И наступили тревожные дни, мучительныя, безсонныя ночи. А затѣмъ классическая сцена съ любовникомъ: —Вѣдь ты любишь меня попрежнему?—Попрежнему.—Больше всего на свѣтѣ?—Больше всего!—Умремъ же вмѣстѣ, умоляю тебя, такъ надо...—Но мужчина, клявшійся, что любить ее болѣе жизни,—любить теперь жизнь болѣе любви;—и бѣдникъ приходится пуститься одной въ тотъ далекій путь, куда она такъ мечтала пуститься вдвоемъ. И умерла она съ сознаніемъ, что была недостаточно любима. Да, то была одна изъ тѣхъ банальныхъ драмъ, что приводятся вкратцѣ подъ рубрикой: „Эпидемія самоубійствъ“; или: „Мрачная серія“. Если на этотъ разъ замѣтки были подробнѣе, такъ это благодаря тому, что тутъ былъ замѣшанъ онъ, Кларансѣ. Газеты упоминали о найденной подлѣ покойницы книгѣ, приводили подчеркнутыя въ драмѣ Кларансѣ

мѣста. Нѣкоторыя принимали насмѣшливый тонъ, а одна изъ нихъ заключала: „Для поэта—это блестящій успѣхъ“. Другая газета замѣчала: „Какая превосходная реклама для „Невѣсты Льва“ и театра „Современной Комедіи“! Г-ну Кларансѣ, по обыкновенію. везетъ, и, благодаря ему, является новая пища для газетныхъ толковъ“.

И это будетъ повторяться другими, знакомыми, друзьями, товарищами, посторонними, причемъ каждый добавитъ свои комментарии. — Нелзя, конечно, утверждать, что Кларансѣ это подстроилъ заранѣе, но онъ не могъ бы придумать ничего лучшаго. — Какъ знать? Онъ такъ ловокъ!.. — И такъ далѣе въ этомъ же родѣ. И, разумѣется, другимъ придетъ въ голову тотъ же вопросъ, какъ и Мертону, и они начнутъ спрашивать другъ друга: „Что вы думаете о вліяніи книгъ на воображеніе? Какого вы мнѣнія объ отвѣтственности авторовъ?“ Скандаль будетъ все рости да рости, и бѣднымъ жертвамъ катастрофы не будетъ ни минуты покоя. И сердце Кларансѣ сжималось мучительной жалостью къ нимъ...

Между тѣмъ мысль его все работала въ этомъ направленіи. Значить, не только ихъ произведенія могутъ приносить вредъ, а и сами они, самая ихъ жизнь, ихъ талантъ или мода на нихъ. Они, положительно, занимаютъ мѣсто чудовищно-несоразмѣрное съ пользой ихъ общественной роли; имъ кадятъ превыше ихъ заслугъ, — если только не „ругаютъ“ чрезмѣрно, — но во всякомъ случаѣ вокругъ нихъ уже слишкомъ много шума. Таланты теперь не рѣдкость, а между тѣмъ любой невеликій талантъ мнитъ себя гениемъ, и всегда находится толпа зѣвакъ, охотно признающая его таковымъ. Каждый изъ нихъ можетъ считать себя осью міра, упиваться комплиментами и мечтать о безсмертіи. Среди этихъ преувеличеній извращаются и ихъ жизнь, и душа, и они кончаютъ тѣмъ, что пренебрегаютъ закономъ обще-человѣческимъ, единымъ истиннымъ. Они гордятся тѣмъ, что непохожи на обыкновенныхъ смертныхъ, или, по меньшей мѣрѣ, обладаютъ даромъ, возвышающимъ ихъ надъ толпою. Они желаютъ жить по-своему, имѣть особенныя чувства, радости, страсти, не подчиняющіяся контролю житейскаго опыта, — въ силу лишь того, что *они* присвоили ихъ себѣ. И въ какія они впадаютъ заблужденія, не подозревая даже всей важности этихъ заблужденій! Какъ поэзія и искусство извращаютъ ихъ личность и даже самые поступки!

Но на этомъ пунктѣ Кларансѣ остановился, потому что тутъ онъ касался уже самыхъ тайниковъ своей души, чувства, наполнявшаго его жизнь уже цѣлыхъ десять лѣтъ. Передъ дальнѣйшимъ

анализомъ онъ отступилъ и принудилъ себя вернуться къ бѣднымъ родителямъ самоубійцы. И вдругъ ему захотѣлось навѣстить ихъ, оказать имъ вниманіе, но, по привычѣ избѣгать излишнихъ волненій, къ чему онъ былъ вообще склоненъ, онъ рѣшился на это не сразу. Однако, поощравъ безъ малѣйшаго аппетита, онъ побрелъ пѣшкомъ въ ту отдаленную улицу, гдѣ жила семья Буланъ. По дорогѣ онъ невольно спрашивалъ себя, не выскажутъ ли ему огорченные родители все то, что онъ такъ упорно твердилъ себѣ самъ? Что за сила влечетъ его туда, къ этимъ людямъ?

Дверь отворила ему совсѣмъ растерянная горничная и проводила въ тѣсную, банально и бѣдно обставленную гостиную, съ мебелью подъ чехлами. Къ нему почти сейчасъ же вышелъ маленькій, толстенькій человѣчекъ съ брюшкомъ, съ круглымъ бритымъ лицомъ, гладкими сѣдѣющими волосами и пухлыми руками, — самый обыкновенный типъ мелкаго, ограниченнаго буржуа, довольствующагося немногимъ, недоступнаго сложнымъ желаніямъ и не задающагося никакими химерами. Но теперь это спокойное лицо было искажено скорбью; тяжелыя слезы катились по пухлой щекѣ; вокругъ глазъ образовались черные круги, а въ манерахъ сквозило какое-то скрытое благородство. Съ трепетомъ виновнаго, Кларансѣ извинялся, что, будучи для него постороннимъ, позволилъ себѣ придти выразить ему свое сочувствіе... Отъ волненія Кларансѣ говорилъ отрывисто и сбивчиво, и чуть-было не проговорился, что считаетъ себя отвѣтственнымъ въ этой катастрофѣ, но, къ счастью, воздержался. Отецъ тяжело застоналъ, провелъ по глазамъ большимъ клѣтчатымъ платкомъ, поблагодарилъ и заговорилъ отрывисто:

— Ахъ, вы не можете, не можете знать! Наша единственная дочь!.. И какая дочь!.. Никогда она насъ не огорчала!.. Всегда добрая, послушная!.. И такая умница, разсудительная... Боже мой, но что могло съ нею случиться?.. Я знаю, бываютъ дѣвочки съ дурными инстинктами, за которыхъ можно опасаться... Но вѣдь она была ангелъ... Всѣ такъ ее и называли... Недостатковъ у нея не было вовсе... только вотъ бѣда, — она слишкомъ любила чтеніе... И зачиталась... Я думалъ, знаете, что она читаетъ просто для забавы... ну, прочтеть и забудетъ... вотъ какъ я... Ну, я ей и не мѣшалъ... Но представьте себѣ, что она вѣрила всѣмъ этимъ выдумкамъ... этимъ небылицамъ, которыя причиняютъ много вреда, какъ всякая ложь...

Увлечшись, онъ было-возвысилъ голосъ, но вдругъ прервалъ себя съ большимъ тактомъ, вспомнивъ прочтенное на карточкѣ имя:

— Простите, я забылъ!.. Вѣдь вы г-нъ Кларансѣ, писатель, не такъ ли? Да?.. Ну, вотъ, видите, она прочла всѣ ваши сочиненія... Я не говорю, что именно они... Нѣтъ, нѣтъ, я этого не говорю!.. Но она любила ихъ больше всего... Водили мы ее съ женой смотрѣть вашу послѣднюю пьесу... Я ей говорю: „Знаешь, Селина, эта пьеса не для тебя! Эти романическія исторіи не для молодыхъ дѣвушекъ!..“ Но она непремѣнно хотѣла посмотрѣть ее, а мы ей не умѣли ни въ чемъ отказывать... Ахъ! еслибы вы видѣли, какъ она плакала въ концѣ пьесы!... А я-то надъ нею еще посмѣялся, говоря, что вѣдь этого же никогда не было... Бѣдняжка! еслибы я зналъ тогда, что она таила тогда сама на сердцѣ...

Голосъ его не звучалъ ни гнѣвомъ, ни злопамятствомъ,—то былъ просто убитый горемъ человѣкъ. Онъ умолкъ, потомъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Еслибы только она была довѣрчивѣе!.. Еслибы она сказала намъ... Мы такъ ее любили, что поняли бы все... хотя подобныя исторіи и не нашего ума дѣло... Но она не осмѣлилась... Она не была создана для этого!.. И когда она увидала... что скрывать свое положеніе болѣе нельзя... она предпочла... Какой ужасъ,—Господи, какой ужасъ!..

И Буланъ зарыдалъ, уткнувшись въ платокъ. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и спросилъ съ отѣнкомъ недовѣрія, не зналъ ли Кларансѣ его дочь. Тотъ отвѣчалъ отрицательно; сказавъ, что пришелъ выразить свое сочувствіе, и добавилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— А также потому, что тутъ замѣшано мое имя...

— Ахъ, да, правда... ваша драма... подлѣ нея... да, да...

И Буланъ снова погрузился въ раздумье, выйдя изъ котораго, очень просто предложилъ Кларансѣ взглянуть на покойницу и провелъ его въ комнату дочери. То была скромная, но довольно мило обставленная комнатка любимой дочери небогатыхъ родителей. Здѣсь было все уютно, благодаря кое-какимъ кокетливо разставленнымъ и развѣшаннымъ незатѣйливымъ бездѣлушкамъ. На кругломъ столикѣ стояла лампа подъ абажуромъ, освѣщавшая небольшую книжку въ синемъ переплетѣ, въ которой Кларансѣ призналъ экземпляръ своей драмы. Забившись въ креслѣ въ углу комнаты, горько плакала мать самоубійцы, даже не замѣтившая, что сюда вошли. Около постели стоялъ какой-то господинъ въ пальто, со шляпой въ рукѣ. Тѣло покойной было прикрыто простыней, усыпанной цвѣтами. Кларансѣ догадался, что этотъ господинъ—настоящій виновникъ... На голосъ г. Булана,

пояснявшаго ему, что вотъ г. Кларансѣ, хотя и не знали Се-
лины и т. д.,—господинъ внезапно обернулся. Кларансѣ вздрог-
нулъ и вскричалъ, глубоко пораженный:

— Ты... ты... Это ты!..

Онъ узналъ своего лучшаго друга, Лорье, вся жизнь кото-
раго, думалось ему, была ему извѣстна. Потрясенные, они кину-
лись другъ другу въ объятія. Плачущая мать приподнялась съ
мѣста и смотрѣла съ недоумѣніемъ на эту непонятную для нея
сцену.

Лорье высвободился первый и медленнымъ, благоговѣйнымъ
жестомъ приподнялъ простыню. Кларансѣ разглядѣлъ прекрасные
темные волосы, густые и тонкіе, раскиданные вокругъ головки
покойницы, чистый лобъ и неправильныя черты лица. Теперь, съ
этими безкровными губами и навѣки сомкнутыми глазами, нельзя
было судить о томъ, была ли она красива; она унесла съ собою
тайну своей прелести; потухли навсегда освѣщавшіе ея лицо
глаза, и только одинъ Лорье могъ вызвать въ памяти ихъ нѣж-
ный, любящій взглядъ... Онъ опустилъ простыню, поправилъ ее
и заговорилъ:

— Она тебя хорошо знала... Я часто говорилъ съ нею о
тебѣ... Она восхищалась твоими произведеніями...

Кларансѣ, умѣвшій такъ удивительно влагать въ уста своихъ
героевъ именно тѣ самыя слова, какія требовались въ данныхъ
перипетіяхъ, въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ никогда не
затруднявшійся въ выборѣ выраженій,—совершенно не зналъ,
что сказать тутъ, посреди этой реальной драмы, и только повто-
рять:—Бѣдный ты мой... бѣдный...

— Хотя я вовсе съ вами не знакомъ,—сказалъ онъ, обра-
щаясь къ родителямъ покойной:—мнѣ кажется въ эту минуту,
что мы—давнишніе знакомые и даже друзья... И я оплакиваю
съ вами покойницу, хотя и не видалъ ея никогда.

Со слезами въ голосъ мать поблагодарила его за его доброту,
и Кларансѣ подумалъ съ умиленіемъ, что эти бѣдные люди обра-
щаются съ нимъ съ добротой и мягкостью. А когда онъ сталъ
съ ними прощаться, у нихъ даже вырвалось восклицаніе:

— Вы уходите?.. Уже?.. Но вы вѣдь придете опять?

Казалось, что между ними и этимъ постороннимъ человѣ-
комъ, очутившимся тутъ въ такую тяжелую минуту, образо-
валась какая-то невидимая связь. Обмѣнявшись крѣпкими руко-
пожатіями, онъ вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ, радуясь все-
прощенію этихъ смиренныхъ людей. Такъ же былъ прощенъ и
Лорье, руку котораго г. Буланъ долго держалъ въ своей рукѣ,

а г-жа Буланъ сказала: „До свиданія“. Эти бѣдные люди, глядя на его страданіе, забыли причиненное имъ зло и свою первоначальную ненависть къ нему. Когда онъ явился сюда, кротко прося позволенія взглянуть на покойницу, мать, было, вскричала: „Онъ не имѣетъ права быть здѣсь!“ Но отецъ отвѣчалъ: „Онъ пришелъ,—значить, онъ любилъ ее... Быть можетъ, ему не легче, чѣмъ намъ“... И эти люди, вся жизнь которыхъ была всегда чужда всякимъ романтическимъ вѣяніямъ, приняли своего палача такъ, какъ будто понимали, что любовь и страданіе искупаютъ все...

Кларансѣ и Лорьѣ шли нѣкоторое время по улицѣ молча. Кларансѣ всматривался въ друга и невольно припоминалъ прошлое. Подружились они еще въ дѣтствѣ, въ училищѣ: Лорьѣ былъ также сынъ простого крестьянина. Мечтательный по природѣ, Лорьѣ въ шестнадцать лѣтъ впалъ въ безпричинную меланхолію, и Кларансѣ пришлось зорко наблюдать за нимъ, потому что тотъ нѣсколько разъ покушался покончить съ собою. Но затѣмъ Лорьѣ внезапно влюбился, и тогда начался цѣлый рядъ мимолетныхъ любовныхъ романовъ. Онъ быстро увлекался, надѣлялъ свой предметъ всевозможными душевными качествами, а потомъ такъ же быстро охлаждѣвалъ. Наконецъ, онъ женился на смирной, красивой дѣвушкѣ съ чудными, причесанными *en bandeaux*, волосами, безмятежнымъ челою, ясными сѣро-голубыми глазами, кроткими чертами лица, лѣниво-граціозными жестами, обаятельнымъ голосомъ и разсудительной рѣчью. Жанна Лорьѣ разливала вокругъ себя какую-то атмосферу полного мира, и Кларансѣ вѣчно твердилъ другу, что онъ нашелъ себѣ именно такую жену, какая была ему нужна, потому что она вносила въ его жизнь равновѣсіе и спокойствіе. И теперь Кларансѣ удивлялся, что совершенно проглядѣлъ послѣдній романъ друга,—что затрогивало его самолюбіе: какъ это онъ, такой наблюдательный, и совсѣмъ ничего не замѣтилъ! Упрекнувъ Лорьѣ за его скрытность, онъ, впрочемъ, сейчасъ же перешелъ къ вопросу, всего болѣе его тревожившему: что его жена? Лорьѣ отвѣчалъ, что со вчерашняго дня ей все извѣстно, и она проявила большое великодушіе.—Ну, а съ *тою* какъ же онъ познакомился?..

Исторія оказалась самая простая. Селива Буланъ явилась какъ-то разъ въ мастерскую Лорьѣ съ просьбою взглянуть на какой-то нарисованный ею пейзажикъ. Почему обратилась она къ нему, не имѣвшему вовсе учениковъ? Кто знаетъ? Таинственное предопредѣленіе судьбы... Держалась она крайне робко и едва осмѣливалась поднимать на него глаза. Онъ могъ бы отвѣ-

тить ей, что никогда не даетъ уроковъ, но почему-то онъ этого не сдѣлать, а пожелалъ познакомиться съ нею поближе. Должно быть, имъ двигала сама судьба... И онъ посовѣтовалъ ей продолжать работать и показывать свои работы ему. Она послушалась его, — а остальное пошло какъ-то само по себѣ. Какое это было прелестное, глубокое существо, несмотря на свою простоту!.. Никакими словами не выразить, какъ они любили другъ друга... Кларансѣ удивлялся, какъ онъ далъ ей умереть одной, — какъ онъ остался въ живыхъ, когда ея нѣтъ, несмотря на свою любовь къ ней?

— Какъ?!.. да вѣдь инныя вещи прямо невозможны, ты это знаешь... У каждаго есть свой долгъ, которымъ нельзя пренебрегать... цѣпи, дающія чувствовать всю свою тяжесть въ трагическія минуты... Я не могу умереть, потому что я бѣденъ... Умереть *мнѣ*, — значитъ обречь и *ихъ* на нищету... а вѣдь я и *ихъ* обѣихъ люблю!.. Я не могу слѣдовать за *нею*, потому что мнѣ нечего оставить *имъ*... Я живу для *нихъ*, тогда какъ мнѣ было бы такъ сладко умереть... Быть можетъ, и Жанна остается со мной изъ-за этого... и прощаетъ меня по той же причинѣ. Матеріальный вопросъ смягчаетъ многое въ драмахъ жизни...

Невѣдомое ему еще волненіе охватило Кларансѣ. Онъ, столько разъ описывавшій въ поэтическихъ краскахъ опустошенія, производимыя страстью, трепеталъ теперь передъ ихъ голой правдой, впервые проникалъ въ ея глубокой смыслъ, затуманивавшийся, прикрашенный и извращенный фикціями. Какое униженное опроверженіе искусныхъ выдуманныхъ интригъ, тонкихъ анализовъ, всего того, чѣмъ пользуются поэты, чѣмъ пользовался и онъ самъ, принимая за „правду“! Куда дѣвался романтизмъ тѣхъ драматическихъ положеній, что вызываютъ бурныя рукоплесканія? Одна, лишенная всякаго величія, минута рѣзко подчеркивала вѣчную ложь поэтическихъ выдумокъ. Крылья любви были сорваны, и она спотыкалась теперь посреди развалинъ. И Кларансѣ прошепталъ:

— То, что ты говоришь, — ужасно въ своей простотѣ.

— Не правда ли?.. Поэты придумываютъ необычныя вещи, тогда какъ жизнь такъ проста!.. Проста и ужасна... Видишь, что она сдѣлала изъ любви, поставленной въ стѣснительныя матеріальныя условія... Бѣдняжка Селина... Я ее оплакиваю, но не жалѣю... Ея доля еще самая лучшая: смерть не страшна, — потому что она — забвеніе; тамъ нѣтъ ни сознанія, ни отвѣтственности... Ты это знаешь, ты самъ это написалъ... въ той пьесѣ, которую она такъ любила... быть можетъ, даже слишкомъ... И мнѣ ка-

жется, что я никогда не читалъ ничего вѣрнѣе и утѣшительнѣе этой мысли... А въ остальномъ, — позволю тебѣ сказать, — ты поступаешь приблизительно такъ же, какъ другіе... Всѣ вы смягчаете, подчищаете, прикрашиваете... извращаете размѣры... Вы создаете иллюзію чувствъ и сердца, на которую ловится столько несчастныхъ... отъ которой подчасъ и гибнуть, какъ моя бѣднаяжка... или носить въ себѣ неизлечимую рану, подобную моей...

III.

Доведя Лорье до дому, Кларансѣ продолжалъ медленно свой путь. Какъ всегда, въ минуты душевнаго смятенія, онъ направлялся къ Клавдіи Бреанъ. Фраза Лорье: „вы создаете иллюзію чувствъ и сердца“, — не давала ему покоя. Эти слова прозвучали какъ бы рѣшительнымъ отвѣтомъ на мучившій его за эти дни вопросъ. Не опредѣляли ли они отчетливо и ясно дѣйствительную роль фикцій, создаваемыхъ поэтами и проникающихъ понемногу въ души и сердца людей, подпадающихъ ихъ растлѣвающему вліянію? Да, не прибавляютъ ли они, поэты, къ обычнымъ, естественнымъ душевнымъ смутамъ — смуты призрачныя, искусственныя? Ихъ обманчивыя рѣчи оттѣсняють здравыя, простыя понятія; ихъ поэтическія небылицы губятъ бѣдныхъ, ослѣпленныхъ безумцевъ, гордящихся своимъ мнимымъ героизмомъ; они поставляютъ обманчивые, вредные примѣры наивнымъ, просто-сердечнымъ людямъ...

Кларансѣ состоялъ въ связи съ госпожей Бреанъ уже лѣтъ десять. То была солидная, серьезная связь, не выставляемая на-показъ, но и не скрываемая. Лишь немногіе близкіе друзья были посвящены въ подробности этой исторіи. Кларансѣ былъ уже счастливымъ авторомъ нѣсколькихъ пьесъ, когда судьба столкнула его съ г-жею Бреанъ, только-что брошенной мужемъ въ концѣ перваго же года супружества. Получивъ разводъ, она отказалась отъ слѣдуемой ей по закону пенсіи, говоря, что не желаетъ быть обязанной мужу ничѣмъ, и желаетъ вычеркнуть его навсегда изъ своей жизни и изгнать изъ памяти. Будучи прекрасной музыкантшей, она рѣшилась извлекать изъ этого пользу. У нея были свои небольшія средства, и все вмѣстѣ это позволяло ей осуществить давнишнюю мечту о независимой, дѣятельной жизни. Красивая и гордая, она была немного нелюдима и вовсе не кокетка; къ красотѣ своей, не доставившей ей ни любви, ни счастья, она относилась пренебрежительно, считая ее скорѣе

вредной, чѣмъ полезной для женщинъ, желающихъ трудиться и сохранить свое достоинство. Въ эпоху встрѣчи съ нею, Кларансѣ только-что развязался съ одной изъ тѣхъ банальныхъ интригъ въ театральномъ мірѣ, что не затрогиваютъ ни души, ни сердца. Клавдія поразила его сразу, — до того рѣзко отличалась она отъ встрѣчаемыхъ имъ доселѣ женщинъ. Увлечся онъ ею почти сразу, но, боясь оскорбить ее, сталъ прикрывать свою страсть личиною товарищескихъ отношеній. Онъ часто бывалъ у молодой женщины; она принимала его съ дружеской простотой, и они даже не почувствовали, какъ мало-по-малу образовалась между ними какая-то тайная связь. Пройдя черезъ нѣсколько любовныхъ разочарованій, Кларансѣ даже думалось иногда, что такъ, пожалуй, лучше, и что подобной „дружбѣ“ не предвидится конца. Но обстоятельства скоро вывели его изъ этого заблужденія. Несмотря на полное въ ней отсутствіе кокетства, Клавдія все-таки бывала часто окружена мужчинами, любившими ея общество. Не миновали ея и сплетни, и, случалось, тонъ иныхъ толковъ о ней повергалъ Кларансѣ въ безсильную ярость. А любовь его къ ней все возрастала. Онъ зналъ, что она свободна, можетъ и полюбить, и разочароваться вторично, и ему страстно хотѣлось оградить ее отъ всякихъ невзгодъ, дать ей счастье. Положеніе понемногу обострялось, и неизбежная развязка наступила какъ-то внезапно, вдругъ.

Придя къ ней разъ съ визитомъ, Кларансѣ засталъ у нея одного собрата по перу, извѣстнаго своими любовными побѣдами, по имени — Лоранъ Белиллъ. Развалившись въ непринужденной позѣ въ креслѣ, онъ грызъ бисквиты, развязно болтая и дерзко сверкая глазами, плотоядно устремленными на молодую хозяйку. Въ сердцѣ Кларансѣ закипѣло такое бѣшенство, что онъ понялъ, что все кончено, и онъ себѣ болѣе не принадлежитъ. И если онъ ясно читалъ въ глазахъ Белилла: „Я хочу обладать ею“, — то въ своемъ сердцѣ онъ не менѣе ясно прочелъ: „Я ее люблю“. Мужчины старались теперь пересидѣть одинъ другого; но пока Белиллъ, превосходно владѣвшій собою, болталъ непринужденно о всякой всячинѣ, Кларансѣ нервничалъ до того, что, послѣ нѣсколькихъ неловкихъ фразъ, умолеъ и только слѣдилъ глазами за часовой стрѣлкой. Наконецъ, Белиллъ ушелъ первый, но, уходя, бросилъ на Кларансѣ такой побѣдоносно-насмѣшливый взглядъ, что тотъ поблѣднѣлъ. Какъ только Клавдія вернулась, проводивъ гостя до передней, онъ подошелъ къ ней и вскричалъ, не сдерживаясь болѣе:

— Надѣюсь, что вы не станете больше принимать этого господина!

Ошеломленная этой выходкой, она спросила:— почему?— Какъ почему? Да развѣ она не знаетъ, что одинокая молодая женщина... не можетъ принимать у себя Белилля... Но Клавдія спокойно сѣла, пригласила его жестомъ присѣсть тоже и невозмутимо возразила, что судьею въ этомъ вопросѣ можетъ быть только она сама. Взволнованно шагавшій по комнатѣ, Кларансѣ внезапно остановился передъ нею и добавилъ дрожащимъ голосомъ:

— Есть еще и другая причина... Потому что я васъ люблю.

Она немного покраснѣла: г. Белилля никогда не говорилъ ей подобныхъ вещей!.. Но Кларансѣ страстно прервалъ ее:— Не говорилъ потому, что рѣчи такого человѣка, какъ этотъ Белилля, имѣютъ совершенно иной смыслъ. Когда такіе господа говорятъ о любви,—всякому понятно, что именно они предлагаютъ. Онъ же предлагаетъ ей свою жизнь, сердце, всего себя: онъ всецѣло принадлежитъ ей...—Оправившись отъ охватившаго ее волненія, Клавдія отвѣчала, что предложеніе его весьма великодушно, потому что она не можетъ принести ему ни состоянія, ни вліятельныхъ связей, а скорѣе поссорить его съ тѣми изъ его друзей, которые не допускаютъ женитьбы на разведенной женщинѣ. Это очень благородно съ его стороны, и она можетъ этимъ только гордиться, но тѣмъ не менѣе должна его предупредить, что никогда не пойдетъ болѣе замужъ. Это—ея твердое, непоколебимое рѣшеніе. Не такого отвѣта на свои прямые слова ожидалъ Кларансѣ, которому г-жа Бреанъ выказывала всегда неподдѣльную симпатію. И онъ вскричалъ, съ досадой и горечью, что это—настоящій отвѣтъ нелюбящей женщины!.. Клавдія устремила на него ласковый взглядъ, и, послѣ нѣкотораго колебанія, заговорила разсудительнымъ тономъ:

— Да, другъ мой, замужъ я больше не пойду. Это рѣшено. Не думайте, чтобы я пришла къ этому рѣшенію съ досады на неудавшуюся первую попытку супружеской жизни. Я ничуть не думаю, что всѣ мужчины похожи на моего мужа. Я добросовѣстно старалась совсѣмъ забыть этого человѣка, съ которымъ было-связала свою жизнь, и, кажется, вполнѣ этого достигла. Даже зла я ему никакого не желаю за сдѣланное мнѣ зло. Возстановлена я собственно противъ самаго брака. По-моему это—общественная ложь, лицемеріе, флагъ, прикрывающій гадкія сдѣлки и низкіе компромиссы. Я нахожу, что если женщина можетъ обойтись безъ него, то подчиняться ему—пре-

ступленіе съ ея стороны. На свѣтѣ много такихъ несчастныхъ, которыя не могутъ обезпечить свою судьбу иначе,—этихъ я извиняю. Но я лично, благодаря своимъ скромнымъ средствамъ, независима, и хочу остаться независимой. Вотъ и все!..

— Вотъ такъ діалектика!—сказалъ Кларансѣ, даже не скрывая своей досады.—Вы разсуждаете не хуже яраго социалиста. Пусть такъ! Я не имѣю никакого права знать, что скрывается подъ вашими разсужденіями.

— Значить, вы думаете, что я что-то скрываю?

— Когда женщины принимаютъ философствовать, у нихъ непремѣнно имѣются заднія мысли... о комъ-нибудь другомъ,—отвѣчалъ Кларансѣ, теряя всякую мѣру. Но Клавдія не разсердилась, а продолжала смотрѣть на него такъ прямо и открыто, что ему стало совѣстно за свою выходку, и онъ сказалъ, понижая голосъ:—Простите меня. Вы меня удивили: я зналъ, что вы обладаете независимымъ образомъ мыслей, но не предполагалъ, чтобы вы были до такой степени заражены феминизмомъ.

— Я нисколько не феминистка,—отвѣчала она, слегка пожимая плечами.—А просто на свѣтѣ существуетъ нѣкое общественное обязательство, обычай, законъ, таинство, называйте это какъ хотите,—несправедливость котораго я на себѣ испытала, отъ котораго я пострадала, и которому не подчинюсь болѣе. Это все, что я хотѣла сказать, безъ всякой задней мысли... не думая ни о чемъ и ни о комъ, клянусь вамъ...

Но Кларансѣ возразилъ, что не требуетъ отъ нея никакихъ клятвъ, и разъ она желаетъ сохранить свою свободу, тайна ея принадлежитъ ей всецѣло. Онъ знаетъ, что она надѣлена силой, характеромъ и волей. И разсуждаетъ она превосходно,—возражать на ея аргументы нечего. И онъ это такъ хорошо чувствуетъ, что ему остается только откланяться ей. Но, конечно, онъ перестанетъ видѣться съ нею, потому что слишкомъ ее любить для того, чтобы довольствоваться ролью друга. Онъ правдивъ не менѣе, чѣмъ она сама, а потому долженъ сказать, что въ его глазахъ подобная дружба была бы такимъ же лицемеріемъ, какъ для нея бракъ... Онъ не хочетъ подвергаться опасности присутствовать при томъ, какъ она переменитъ свое мнѣніе. А часъ этотъ пробьетъ неминуемо. Онъ убѣжденъ, что рѣшеніе ея искренно, но придетъ день, когда все измѣнится. И то, чего она не хочетъ сдѣлать теперь для него, потому что она его не любитъ,—она сдѣлаетъ позднѣе для того, кого полюбить. Съ радостью принесетъ она этому человѣку въ жертву

свою независимость, которая покажется ей тогда тяжелымъ бременемъ.—На его рѣчь она отвѣчала ему съ полу-улыбкой:

— Вы оправдываете вполне свою репутацію знатока женщинъ, мой другъ!..

Не замѣчая нѣжно-снисходительнаго взгляда, смягчавшаго ея насмѣшливыя слова, Кларансѣ возразилъ:

— Теперь вы надо мною глумитесь. Это справедливо: нераздѣленная любовь всегда кажется назойливой. Я больше не приду къ вамъ,—на это-то у меня хватитъ мужества. Прощайте!—и онъ протянулъ ей руку. Но молодая женщина удержала его жестомъ и произнесла:

— Погодите!..

Наступило молчаніе. Она сидѣла, опершись подбородкомъ на руку, и эта задумчивая поза шла къ ней удивительно. Кларансѣ подумалъ, что она собирается перемѣнить мнѣніе, и въ немъ уже начинало копиться то пренебреженіе, которое мы чувствуемъ къ добрымъ людямъ, когда они намъ уступаютъ. Но вотъ Клавдія подняла на него свои прекрасные глаза, въ которыхъ блестяли слезы, и произнесла съ торжественной медлительностью:

— Я твердо рѣшилась не выходить болѣе замужъ, другъ мой... Но это вовсе не значитъ, что я васъ не люблю. Я люблю васъ, и я ваша... Вы видите, что и я умѣю быть великодушной...

Не безъ труда простилъ себѣ Кларансѣ свое минутное сомнѣніе въ ней, но она любила его такъ нѣжно, что въ душѣ ея не было мѣста ни самолюбію, ни злопамятству. Она и не думала вспоминать его обидныя слова. И вотъ они прожили другъ съ другомъ цѣлыхъ десять лѣтъ въ любви и согласіи, и никогда между ними не возникало даже тѣни недоразумѣнія. Страстная любовь превратилась мало-по-малу въ глубокую пѣжность, они безусловно довѣряли одинъ другому и уважали другъ друга. Беззавѣтная, благородная любовь Клавдіи имѣла наилучшее вліяніе на Кларансѣ. И хотя не проходило дня, чтобы они не видѣлись, они не надоедали одинъ другому.

Въ этотъ день Кларансѣ завтракалъ у Клавдіи, и было рѣшено, что они сегодня вторично не увидятся, а потому она его не ждетъ, и его неожиданный приходъ будетъ для нея приятнымъ сюрпризомъ. Разставшись съ Лорье, Кларансѣ почувствовалъ непреодолимое желаніе увидѣть Клавдію, удивительно умѣющую разговаривать его, успокоить лаской и разсудительной рѣчью,

слегка подшучивая надъ его подчасъ не въ мѣру романическимъ воображеніемъ. И Кларансѣ направлялся къ ней, какъ мнительный больной идетъ къ хорошему доктору, умѣющему разгонять его ипохондрію. Клавдія чрезвычайно ему обрадовалась, но, разглядѣвъ его разстроенное лицо, спросила, въ чемъ дѣло?—Съ пьесой что-нибудь не такъ?—Ну, вотъ еще! совсѣмъ не въ пьесѣ дѣло...—И Кларансѣ принялся передавать ей всѣ событія минувшаго дня.

Клавдія слушала его внимательно, въ своей обычной, граціозно-задумчивой позѣ. У нея было спокойно-прекрасное лицо съ ясными, правильными чертами, удивительно чистаго рисунка губы, прекрасный лобъ, обрамленный густыми темными волосами, собранными въ греческій узелъ; въ пышной массѣ волосъ серебрилась одна прядь, посѣдѣвшая чуть не съ дѣтства. И глядя на это умное, милое, внимательное лицо, Кларансѣ постепенно успокаивался, зная, что когда онъ кончитъ, она нѣсколькими словами сниметъ тяжесть съ его души. Какъ любящая женщина, Клавдія прежде всего горячо пожалѣла бѣдную Селину и Лорье. Умереть такъ, одиноко, не услыша прощальнаго слова любви! Какой ужасный конецъ! И какъ это должно быть тяжело для Лорье, у котораго такое нѣжное сердце. Конечно, Кларансѣ не покинетъ теперь своего друга, такъ нуждающагося въ его утѣшеніяхъ... Кларансѣ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все, что можетъ, все... Но что же онъ можетъ? Вѣдь словами скорѣе можно причинить зло, нежели сдѣлать добро, и онъ понялъ это, когда увидалъ свою драму „Любовь и смерть“ въ комнатѣ той бѣдной дѣвочки. И онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за это несчастіе, а также, пожалуй, еще и за другія, ему невѣдомыя... Разумѣется, бѣдняга Лорье и не думаетъ его упрекать, но какъ мѣтко онъ сказалъ, что Кларансѣ „создаетъ иллюзію чувствъ и сердца“!.. Этотъ неожиданный фактъ открылъ ему, что когда они, поэты, бросаютъ на вѣтеръ разныя идеи, съ цѣлью взволновать праздныхъ людей, идеи эти превращаются въ сѣмена, приносящія различныя плоды, смотря по почвѣ, на которую они попали. Изъ иныхъ вырастаютъ ядовитыя травы, и никакъ нельзя признавать невинность беззаботно посѣявшей ихъ руки. Клавдія выслушала его внимательно, чувствуя тайную опасность въ этихъ словахъ, и, наконецъ, сказала не безъ колебанія:

— Къ чему такая щекотливость! Творенія поэтовъ существуютъ сами по себѣ, независимо отъ схожихъ съ ними несчастныхъ случаевъ.

— Да, ядъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ тѣхъ, кого онъ отравляетъ.

Это парадоксальное сравненіе возмутило Клавдію.—Ядъ! Можно ли такъ клеймить благороднѣйшій вкладъ человѣка во всеобщее творчество! Развѣ поэзія—не существенная часть міра? Поэты передаютъ людямъ жизнь въ тѣхъ образахъ, въ какихъ она отражается въ ихъ душѣ. Можно ли требовать отъ нихъ большаго? Они должны передать эти образы съ полной искренностью, не искажая ихъ, въ томъ видѣ, какъ они представляются ихъ внутреннему взору. Преступно было бы искажать ихъ изъ какого-нибудь низменнаго побужденія,—это такъ. Но когда они внимательно созерцаютъ жизнь, чтобы передать ее потомъ со всѣмъ своимъ талантомъ, они исполняютъ свое назначеніе,—это ихъ право. Кто станетъ требовать отъ рѣки отчета въ тѣхъ ландшафтахъ, что отражаются на ея водной поверхности, когда она протекаетъ по нимъ?

— Но душа моя—не вода, текущая произвольно и безсознательно. Она знаетъ, судить, сравниваетъ... Я обладаю даромъ изображать страсти, потрясать людей. Я знаю, что это—чудный даръ, но если онъ смертоносенъ?.. Наши писанія,—это поэзія, фикція, однимъ словомъ—литература,—а между тѣмъ каждый изъ насъ считаетъ свои произведенія правдивыми, и мы не знаемъ похвалы выше этой... Но, Боже мой, о какой-же правдѣ идетъ тутъ рѣчь?.. Представьте себѣ наивнаго человѣка, примѣняющаго эту правду на дѣлѣ, берущаго въ примѣръ нашихъ героевъ и начинающаго чувствовать такъ, какъ описано у насъ. Допустите, что ему вздумалось жить такъ, какъ живутъ въ нашихъ пьесахъ или романахъ. Допустите, что онъ начинаетъ отыскивать въ дѣйствительности тѣ самыя положенія, что такъ ему нравятся на сценѣ или въ романахъ... Конечно, я никогда не совѣтовалъ никому такъ поступать, никогда не выдавалъ своихъ пьесъ за образецъ реальной жизни, никогда не бралъ на себя роли духовника. Но я прикрашивалъ изо всѣхъ силъ тѣ влюбленные пары, которыя я изображалъ, стараясь внушить къ нимъ любовь. Даже самое страданіе ихъ я представлялъ увлекательнымъ и сладкимъ, и, пожалуй, настолько, что внушилъ другимъ желаніе пройти черезъ такія же страданія. Я употребилъ весь свой талантъ на прославленіе любви, я сдѣлалъ изъ нея какое-то идеальное царство, гдѣ нѣтъ границъ ни Добру, ни Злу. Я описывалъ ее такъ, что въ тѣхъ изъ моихъ произведеній, которыя имѣли наибольшій успѣхъ, она является послѣднимъ словомъ жизни, ея лучшею цѣлью.

— Но развѣ же это не сама правда?—отвѣчала Клавдія голо-
сомъ, не звучавшимъ такъ же ясно, какъ всегда. Но, должно быть,
и ей передалось настроеніе Кларансѣ, такъ какъ оба они вдругъ
удалились отъ занимавшаго ихъ трагическаго случая и перешли
на личную почву, точно въ нихъ пробудилась тревога за буду-
щее. И Клавдія продолжала:—Или, по крайней мѣрѣ, не есть
ли это великая правда?.. Вы вѣрили въ нее вмѣстѣ со мною,
и, надѣюсь, вѣрите попрежнему... Если она такъ и бьетъ клю-
чомъ изъ вашихъ произведеній, такъ это потому, что ваша...
наша жизнь тоже полна ею. Мы ли съ вами подражали ва-
шимъ героямъ, или они взяли насъ самихъ въ примѣръ?.. Мы
любили другъ друга вѣ въ законовъ и правилъ, потому что мы
такъ хотѣли... Сегодня, какъ и вчера, я думаю, что зло—не въ
этомъ. Зло—въ слабости, въ неустойчивости, въ измѣнчивости.
Но ни ваши произведенія не проповѣдуютъ этого, другъ мой,
ни ваша... ни наша жизнь...

— Это правда,—прошептала Кларансѣ, но такъ еще неувѣ-
ренно и смущенно, что Клавдія поняла, что происходитъ въ его
душѣ, и спросила, ужъ не жалѣетъ ли онъ, что это такъ?

— Нѣтъ, мы ни въ чемъ не провинились,—сказалъ онъ съ
сомнѣніемъ.—Мы были свободны оба и никого не оскорбили. Мы
не лгали. Мы любили другъ друга, потому что такъ хотѣли.
То было наше право. А между тѣмъ... скажите, не думается ли
вамъ иногда, что намъ было бы лучше подчиниться общему закону?

Но Клавдія отрицательно качнула своей прекрасной головкой,
и лицо ея приняло упрямое, замкнутое, почти жестокое выра-
женіе. Онъ настаивалъ: вѣдь имъ, вотъ, не хватаетъ дѣтей,
этого высшаго благословенія. Они могли пренебречь свѣтомъ,
обычаями, правиломъ, но они чувствовали, что не имѣютъ права
располагать *изъ* судьбой. Любить другъ друга—они любили, но
основать семьи не посмѣли. Не непослѣдовательность ли это, и
откуда она? Но вмѣсто отвѣта Клавдія отняла у Кларансѣ свою
руку, которую онъ держалъ теперь въ своихъ рукахъ, и только
прошептала:

— Какъ вы мѣняетесь!..

Кларансѣ возразилъ на это энергично: онъ не мѣняется,
а только открываетъ новыя истины по мѣрѣ того, какъ живетъ.
Съ каждымъ днемъ, на примѣръ, онъ чувствуетъ все сильнѣе,
какъ мало цѣнна его собственная личность, что самъ онъ не
болѣе, какъ звено одной общей цѣпи... Вначалѣ они этого не
знали, гордо замыкаясь въ своей взаимной любви. Нѣтъ, онъ не
измѣнился, но передъ нимъ сверкнулъ теперь чудный свѣтъ, оза-

ряющій все его творчество, и благодаря этому свѣту онъ видитъ теперь все совершенно ясно и не находитъ въ этомъ творествѣ ничего полезнаго людямъ.

— Но сколько влюбленныхъ паръ трепетало передъ вашими произведеніями!

— Быть можетъ, они же и погубили множество такихъ паръ, которыя безъ нихъ жили бы мирно по правиламъ...

— Мирно и по правиламъ! Или вы это станете теперь восхвалять? Развѣ всякій восторгъ, нарушающій этотъ миръ и эти правила,—не возвышеннѣе ихъ? Вы забываете слова своего любимого поэта, котораго вы такъ часто цитируете: „Когда кипишь въ огнѣ,—живешь вдвойнѣ“!..

— А если и поэтъ, какъ и я самъ, ошибается?..

И, послѣ долгой паузы, Кларансѣ продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Простите, если я огорчилъ васъ, Клавдія, но я огорчилъ бы васъ еще больше, если бы скрылъ отъ васъ то, что меня тревожитъ. Лучше высказать всю правду, какъ я это всегда дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ и полюбилъ васъ. И вотъ я оглядываюсь на свою, на нашу жизнь, и спрашиваю себя, не опасенъ ли и самый нашъ примѣръ, какъ всякая жизнь, всякое произведеніе, способныя оттолкнуть душу отъ простоты, мудрости, законовъ, созданныхъ опытностью предковъ... Вотъ вопросъ, который меня смутно мучилъ, хотя я и не понималъ его смысла, а теперь смерть этой бѣдняжки и отчаяніе моего друга освѣтили мнѣ весь его трагизмъ... Понимаете?..

Со слезами на глазахъ она ему возразила, что сегодня впервые она его не понимаетъ. И какъ ей быть? Никакой новый свѣтъ не измѣняетъ въ ея глазахъ ея обычнаго пути. Его пьесы—для нея—попрежнему прекрасныя произведенія, которыми она гордится... Любовь ихъ для нея попрежнему прекрасна... Ни о чемъ она не жалѣетъ, потому что любить его, и желаетъ только одного, чтобы онъ боролся съ этими унизительными для него химерами. Онъ ей не возражалъ, и впервые они мыслили не одинаково. Она думала: „Если его заботятъ такіе отвлеченные вопросы, если онъ ищетъ счастья въ счастьи другихъ, въ предѣлахъ закона и долга,—значитъ—увы!—онъ меня больше не любитъ!“ Онъ же думалъ иначе: „А не достигли ли мы того жизненнаго поворота, гдѣ искупаются заблужденія сердца и разума?.. А если мы ошиблись?.. Если отнынѣ мы не можемъ понимать болѣе другъ друга?..“ И чтобы отогнать отъ себя эти горькія мысли, онъ вспомнилъ прошлые любовные восторги и

привлекъ ее къ себѣ, повторяя шопотомъ вѣчный, излюбленный вопросъ любящихъ:

— Вы меня любите попрежнему?

— Я-то! — И, внезапно ослабѣвшая, охваченная безграничной потребностью вѣрить въ вѣчность ихъ любви, Клавдія порывисто прижалась къ нему. Кларансѣ привоснулъ губами къ ея глазамъ, еще полнымъ слезъ, но въ ту же минуту въ его памяти прозвучали слова безсмертной Дантовской *терцины*: „Когда я остановился на полпути и обернулся“...

Да, да, онъ находился теперь, дѣйствительно, на половинѣ жизненнаго пути, и передъ нимъ разстилался темный лѣсъ, и прямая тропинка въ него была потеряна...

IV.

„*Какъ Кларансе, литераторъ*“ — прочелъ на слѣдующее утро Кларансѣ на поданной ему лакеемъ визитной карточкѣ. Въ первую минуту ему стало непріятно, — точно передъ нимъ внезапно выросъ его „двойникъ“, — но потомъ онъ сейчасъ же сообразилъ, что этотъ ранній гость — не кто иной, какъ одинъ изъ сыновей его единственнаго брата Мориса, которому онъ предоставилъ всю свою часть отцовскаго наслѣдства, и съ которымъ не видался съ самой смерти отца. Этотъ неожиданно свалившійся къ нему племянникъ оказался высокимъ, красивымъ, стройнымъ брюнетомъ, съ рѣзко выдающейся челюстью — признакомъ воли, немного впалыми щеками, пробивающимися надъ тонкими губами усиками и крѣпкими, бѣлыми зубами. Съ перваго взгляда на него въ немъ чувствовалась хитрость и воля, натура ни передъ чѣмъ не останавливающаяся хищника, нетерпѣливо стремящаяся ко всѣмъ благамъ жизни и раздѣляющая людей на союзниковъ и враговъ. Въ холодныхъ карихъ и умныхъ глазахъ его Кларансѣ тотчасъ же прочелъ вопросъ: „Дядя — изъ нашихъ, или нѣтъ?“ ... „Могу я на него рассчитывать или нѣтъ?“ — Молодой человѣкъ поклонился ему съ почтительной развязностью, а руку пожалъ ему черезчуръ крѣпко и властно. Кларансѣ отвѣчалъ ему радушно, но сдержанно, такъ что тотъ сейчасъ же понималъ тонъ. Извинившись за причиняемое безпокойство, онъ пояснилъ, что явился просить дядю дать ему хоть какое-нибудь скромное мѣстечко на первое представленіе его пьесы. Кларансѣ общалъ, и молодой человѣкъ разсыпался въ благодарности. Вѣдь, будучи племянникомъ такого знаменитаго драма-

турга, было бы черезчуръ досадно не попасть на его торжество. Кларансэ усадилъ племянника и сталъ его разспрашивать. Давно ли онъ въ Парижѣ?—Какъ! всего нѣсколько недѣль, — и уже *литераторъ*!—Жакъ пояснилъ, что намѣренъ посвятить себя этой профессіи. А на вопросъ Кларансэ, почему онъ не явился къ нему раньше,—отвѣчалъ, что боялся помѣшать ему, и не зналъ, какъ дядя приметъ его. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда Кларансэ прѣзжалъ въ Пронъ, на похороны отца, а съ тѣхъ поръ и не заглядывалъ туда. И Жакъ добавилъ, что его отецъ не разъ повторялъ:— „Поля насъ забываетъ“.—Да, правда, онъ не только не ѣздилъ болѣе на родину, но даже не переписывался съ братомъ; такова жизнь, идущая своимъ чередомъ и бросающая людей въ разныя стороны. Но онъ не забылъ ни родныхъ, ни отчого дома, и даже за послѣднее время его тянуло туда, въ родную деревню. А сколько именно у его брата дѣтей? Онъ даже этого не помнитъ... Жакъ отвѣчалъ, что ихъ пятеро, три брата, старшій—Клодъ, потомъ онъ, и младшій—Жанъ, да двѣ сестры, Лувза и Полина; послѣдняя названа такъ въ честь его,— дяди Поля. И, ободренный теперь вопросами Кларансэ, Жакъ продолжалъ уже фамиллярнѣе:

— Какъ они всѣ обрадовались бы вамъ, дядя! Еслибы вы знали, сколько тамъ о васъ говорятъ... Каждый разъ, какъ газеты приводятъ ваше имя, отецъ говоритъ: „Вотъ этотъ сдумѣлъ пробить себѣ дорогу!..“ И всегда такъ на насъ взглянетъ, точно хочетъ сказать: „ну, а вы!..“ А когда онъ не въ духѣ, то вѣчно попрекаетъ Клода за его невѣжество... Наслушавшись его, я сталъ задумываться: почему бы мнѣ не послѣдовать примѣру дяди Поля? Если все дѣло въ умѣньи писать—чтожъ! я этому научусь, вотъ и все...—Такіе вкусы у дѣтей считаются обыкновенно бѣдствіемъ у крестьянъ, но въ нашей семьѣ было какъ разъ наоборотъ, благодаря вашему примѣру... Когда школьный наставникъ сказалъ, въ моемъ присутствіи, отцу, что находить у меня большія способности, и что мнѣ слѣдуетъ учиться, то отецъ призадумался, прикинулъ мысленно, во что это ему обойдется, и сказалъ: „Что-жъ, пусть идетъ по стопамъ дяди Поля, вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ землей, которая и родить-то перестала... Если у человѣка голова на плечахъ, онъ не пропадетъ“... Отецъ думалъ также, что вы не откажетесь поддержать меня, и что вамъ будетъ пріятно видѣть, что вашъ племянникъ слѣдуетъ вашему примѣру... Судьба моя была рѣшена. Я кончилъ курсъ въ Безансонѣ, а потомъ явился сюда. Чтò я буду дѣлать,—я навѣрное еще не знаю, но

постараюсь выдвинуться. Всѣ мѣста, конечно, заняты, и пробиться нелегко, но духомъ я не упаду...

Дядя взглянулъ на этого юнца сочувственно-согратательнымъ взглядомъ.—Спора нѣтъ! это очень хорошо такъ рѣшительно и смѣло стремиться *впередъ*! Но къ какой именно цѣли,—хотѣлось бы ему знать... Вѣдь только наемники дерутся безъ разбора, все равно, за кого и за чтѣ. У другихъ же имѣется всегда своя цѣль, мечта, идеаль... Каковъ же собственно его идеаль?—Вопросъ этотъ смутилъ Жака. Идеалью его былъ собственно успѣхъ, но, по хитрой крестьянской привычкѣ, онъ предпочелъ благоразумно объ этомъ умолчать. Ему казалось, что дядя просто *рисуеться*, а потому онъ отвѣчалъ:

— Мой идеаль—творить прекрасныя произведенія, подобныя вашимъ, подобныя тому, которому будутъ аплодировать черезъ два дня.

— Бѣдный юноша! — прошепталъ Кларансѣ. Ему хотѣлось бы высказать свои сомнѣнія, указать племяннику на трудности, попадающіяся на самомъ счастливомъ пути, на щету достигнутой цѣли. Но къ чему! Его, вѣдь, пожалуй, и не выслушаютъ! И онъ только повторилъ:—Бѣдный юноша!—и задумчиво умолкъ.

Молчалъ и Жакъ, думавшій про себя, что дядя или рисуеться, или малодушенъ; либо онъ смѣется надъ нимъ, либо не заслуживаетъ выпавшаго ему на долю успѣха, разъ онъ способенъ на какія-то сожалѣнія и сомнѣнія. Скорѣе всего, онъ самъ своимъ словамъ не вѣритъ, а хочетъ только провести его. Если такъ, то онъ—превосходнѣйшій актеръ, потому что тонъ его полонъ искренности. Наконецъ, берясь за шляпу, онъ произнесъ снисходительнымъ тономъ:

— Вы немножко нервны, дядя... Наканунѣ „перваго представленія“ это и не удивительно!.. Но всѣ утверждаютъ, что „Невѣста Льва“ будетъ настоящимъ триумфомъ... А тутъ еще эта исторія самоубійства...

— Не упоминай объ этомъ! — вскричалъ Кларансѣ почти гнѣвно. — Не знаешь ты, какой струны касаешься... Да тебѣ и не понятъ!—Но, замѣтя растерянный, сконфуженный видъ Жака, Кларансѣ успокоился и договорилъ типе:—Если ты хочешь заниматься литературой, мой милый, то тебѣ необходимо многое узнать и уяснить себѣ. Кое-что я постараюсь какъ-нибудь тебѣ объяснить, когда пройдетъ моя пьеса. Ты придешь позавтракать со мною, и мы поговоримъ. А на сегодня — довольно! мнѣ некогда.

Когда Жакъ ушелъ, Кларансэ уѣхалъ къ Лорье. По дорогѣ онъ пробѣжалъ въ фіакръ утреннія газеты, гдѣ вчерашнее самоубійство описывалось уже подробнѣе. Приводились различныя свѣдѣнія о покойной, о ея семьѣ, начальныя буквы имени виновника. Какъ и предвидѣлъ Мертонъ, нѣкоторыя газеты затрогивали вопросъ о вліяніи литературныхъ произведеній на жизнь, но всѣ ихъ разнообразныя диссертациі нисколько не освѣщали мучившій Кларансэ вопросъ, потому что за послѣднюю безсонную ночь онъ обсудилъ его глубже, чѣмъ всѣ эти журнальные строчки. Отнынѣ вопросъ этотъ пересталъ быть для него отвлеченнымъ, а воплощался въ любимыя имъ существа. И съ каждымъ днемъ впечатлѣніе это будетъ лишь обостряться... Что-то ждетъ его тамъ, въ домѣ Лорье, гдѣ бѣда незаслуженно обрушилась на хрупкое, прелестное созданіе, рожденное для счастья и чуждое, по натурѣ, бурныхъ страстей? Какъ-то она приметъ все это, эта бѣдная блѣдненькая Жанна, съ такими невинными свѣтлыми глазками, эта милая жена и прекрасная мать, сохранившая въ свои тридцать лѣтъ такое дѣтское личико и считающая жизнь мирнымъ, цвѣтущимъ садомъ? Никогда не могъ понять Кларансэ, что именно покорило въ ней романическое сердце Лорье. Выросла она въ семьѣ мелкихъ буржуа, имѣвшихъ небольшую лавочку, скопившихъ себѣ скромный капиталецъ и жившихъ на него въ скромномъ домикѣ одного изъ парижскихъ предмѣстій; сначала они не хотѣли отдавать дочь за необеспеченнаго въ будущемъ художника. Это сопротивленіе, да еще появленіе какого-то кузена изъ провинціи, возможнаго претендента на руку Жанны, распалили бурное воображеніе Лорье. Онъ вообразилъ себя страстно влюбленнымъ, ревнующимъ, приходилъ въ отчаяніе, грозилъ или умереть, или похитить ее. Жанна тихо улыбалась, родители ея уступили, и свадьба состоялась. А потомъ скоро случился эпизодъ, трагическій въ своемъ родѣ: родители Жанны потеряли весь свой скромный капиталецъ, и хотя Лорье охотно имъ помогалъ, они не пережили этой катастрофы и скоро сошли въ могилу. Это было единственнымъ горемъ въ жизни Жанны: роды выдались у нея легкіе, ребенокъ родился здоровый, и вся жизнь ея текла безмятежно, точно сама судьба шадла это тихое, хрупкое созданіе. И вотъ теперь, по своей авторской привычкѣ, Кларансэ „разбиралъ“ мысленно данный фактъ, стараясь уяснить себѣ, какъ именно она могла отнестись ко всему случившемуся. Какъ переживала она эти новыя для нея чувства гнѣва, ревности, отчаянія и ненависти? Лорье говорилъ ему, правда, что она была къ нему „велико-

душна“, но въ какой мѣрѣ, и что могло скрываться подъ этимъ великодушiемъ первой минуты? А вдругъ она этого не перенесетъ! И вспомнилось ему, что недавно еще онъ обозвалъ Лорье „счастливецемъ“, потому что у него именно такая жена, какую ему нужно. И Лорье не протестовалъ ни словомъ, ни движенiемъ, а съ женой былъ попрежнему внимателенъ и нѣженъ. Неужели онъ лгалъ? Или его влюбчивое сердце было способно любить двухъ женщинъ за-разъ? Жизнь, рѣшительно, богаче ихъ, писателей; ея измышленiя далеко превосходятъ всякiе авторскiе вымыслы. Къ тому же—они, въ сущности, даже искажаютъ самыя явленiя жизни...

Въ свѣтлой, уютной гостиной Лорье все было на мѣстѣ. Сама Жанна сейчасъ же вышла принять Кларансѣ, тщательно, по обыкновенiю, одѣтая въ хорошенькiй свѣтлый пеньюаръ. Ничего особеннаго не было въ ея видѣ, и Кларансѣ подумалъ, было, что она сдерживается, предполагая, что ему еще ничего не извѣстно. Но онъ ошибся и въ этомъ: Жанна сейчасъ же его разувѣрила, прямо спросивъ, извѣстно ли ему о случившемся? Ея чистый голосокъ чуть замѣтно дрожалъ, но она была до того спокойна, что онъ чуть, было, не спросилъ ее, хорошо ли она-то сама все знаетъ и понимаетъ? Но тутъ же она добавила, что ея бѣднаго мужа нѣтъ дома, что онъ уже тамъ. Онъ проплакалъ всю ночь напролетъ, бѣдняга. Тогда у Кларансѣ вырвался неудержимый вопросъ:

— А какъ вы сами?

Съ минуту ея свѣтлые глазки смотрѣли куда-то въ пространство, но потомъ она остановила на Кларансѣ простой открытый взоръ и произнесла:

— Я была, конечно, очень огорчена, мой другъ... Тѣмъ болѣе, что никогда не могла ожидать ничего подобнаго... Правда, съ нѣкоторыхъ поръ Андре что-то измѣнился... имѣлъ часто озабоченный видъ, часто куда-то отлучался... оставлялъ меня одну... Но я такъ была увѣрена въ немъ, въ его сердцѣ...

Въ глазахъ ея заблестала слезинка, но сейчасъ же исчезла, и она добавила:

— А потомъ я все обдумала...—при этихъ словахъ все ея дѣтское личико преобразилось; на немъ легла печать глубокой серьезности, и она продолжала: — Прежде всего я подумала о нашей дочери... Вы знаете, какое живое воображенiе у этой крошки... Она не должна никогда знать этой исторiи... Съ другой стороны, я видѣла отчаянiе Андре... Онъ такъ жестоко наказанъ... Подумайте сами, какая смерть!.. Что же мнѣ было дѣ-

латъ, по-вашему?.. Взять дочь, уѣхать съ нею, разбить нашъ очагъ, покинуть этого несчастнаго на произволъ судьбы... При-знаюсь, что это приходило мнѣ въ голову... Да, во мнѣ загово-рили и гнѣвъ; и жажда мести... Но, вотъ, посмотрѣла я на ребенка, на отца... и сказала Андрѣ: „Я тебя прощаю“... И знаете, я не хочу простить его наполовину... я сдѣлаю все, что съумѣю, чтобы вернуть его къ себѣ... чтобы утѣшить его...

— Но, знаете ли вы, Жанна, что это—удивительно!

— Я знаю только, что это благоразумно...

— Чтобы такъ чувствовать и поступать, надо имѣть большое великодушіе.

— Или много здраваго смысла. Васъ удивляютъ мои слова?.. Это потому, что вы—такой же артистъ, какъ и онъ... И вы, и онъ, мой другъ, вѣчно примѣшиваете поэзію къ жизни... Я за-мѣтила это еще тогда, когда была невѣстой, и это меня не-много встревожило, потому что я сама на это неспособна... Но со вчерашняго дня мнѣ пришлось обдумать многіе вопросы, ни-когда не приходившіе мнѣ въ голову, даже при чтеніи рома-новъ... Припомнились мнѣ разныя исторіи, гдѣ говорилось о ревности и страсти. Но во мнѣ не было ревности... Можетъ быть, потому, что эта особа умерла... Она не можетъ уже вре-дить намъ,—причемъ же тутъ злопамятство?.. Что же касается Андрѣ, то онъ попрежнему мой мужъ, мой спутникъ на всю жизнь... Я не хочу потерять его, я сохраняю его для себя, не-смотря ни на что, я спасу его... И мое горе уляжется, какъ всякое горе...

— О, Жанна!—вскричалъ Кларансѣ:—никто и не подозрѣ-валъ, что вы такой философъ!.. И какъ вы знаете жизнь, по одному наитію!..

— Вы не того ожидали, мой другъ? Ну, что-жъ? Не всѣ же могутъ сочинять и переживать драмы... Теперь у меня только одно желаніе: чтобы все это оказалось послѣднимъ актомъ, и чтобы мы вернулись вновь къ порядку и тишинѣ. Помогите мнѣ достичь этой цѣли... Но берегитесь, будьте просто человѣкомъ, забудьте, что вы—писатель... Вывите своего друга изъ романа, чтобы вернуть его къ дѣйствительности, чѣмъ вы окажете намъ большую услугу, которую, быть можетъ, только вы и можете оказать, потому что вы хорошо знаете Андрѣ...

V.

Во всѣ послѣдующіе дни обстоятельства складывались такъ, что Кларансѣ не могъ выбраться изъ заколдованнаго круга однѣхъ и тѣхъ же мыслей. Отъ мрачнаго отчаянія родителей Селины онъ переходилъ къ мучительной тоскѣ Лорье, отдававшася ей безъ борьбы; а потомъ—къ болѣе достойной грусти Жанны, на-пригавшей всѣ усилія, чтобы спасти хотя бы обломки своего очага. Отъ всѣхъ этихъ наигнанныхъ, неподдѣльныхъ чувствъ онъ переходилъ къ репетиціямъ своей пьесы, этой вымышленной драмы, перипетіи которой развивались съ мастерской логикой. И все это его искусство, которымъ онъ прежде такъ гордился, представлялось ему только опасною ложью.

Похороны Селины явились рѣшительнымъ толчкомъ, давшимъ надолго извѣстное направленіе его мыслямъ. Дѣйствительность опять предстала тутъ передъ нимъ во всей своей величественной, не поддающейся описанію наготѣ. Не слышалъ онъ здѣсь ни одной изъ тѣхъ фразъ, которыми изобиловали написанныя имъ сцены отчаянія; долетали до него только вздохи, слезы, подавляемыя рыданія, отчаянный вопль матери, когда погребальная процессія тронулась въ путь, и другой такой же вопль, когда процессія проходила мимо церкви, не раскрывшейся передъ прахомъ самоубійцы. Онъ угадывалъ смутныя, безсвязныя мысли Лорье, читалъ въ сердцѣ убитаго горемъ отца, въ сердцѣ матери, горе которой было еще отравлено страхомъ вѣчнаго проклятія. И онъ еще разъ сравнивалъ эту быструю, простую драму съ драмой, вышедшей изъ-подъ его пера, фикцію—съ дѣйствительностью. Онъ мѣрилъ взглядомъ раздѣляющее ихъ разстояніе, но все же видѣлъ ихъ скованными другъ съ другомъ, исходящими другъ изъ друга, хотя слиться онѣ и не могли. Поэту кажется, что въ рукахъ его сама истина, тогда какъ на дѣлѣ онъ погрязъ въ царствѣ лжи. И пока онъ упивается тамъ иллюзіями, пока допрашиваетъ или созерцаетъ призраки, созданныя его мечтой, передъ нимъ вырастаетъ сама истина и заливаешь ослѣпительнымъ свѣтомъ всѣ эти обманчивые призраки, которые мгновенно пропадаютъ. Онъ протягиваетъ руки къ истинѣ, но она проходитъ мимо и исчезаетъ. Гдѣ искать ее? Какъ вырваться изъ-подъ власти лжи, созданныхъ самимъ же собою химеръ,—словомъ, какъ освободиться отъ фикціи, завладѣвшей вашей душой?..

Провожая съ похоронъ полубезчувственнаго Лорье, Кларансѣ,

который съумѣлъ бы написать въ пьесѣ цѣлый трогательный діалогъ дружескихъ утѣшеній, совершенно не зналъ, какъ утѣшить друга. Онъ проводилъ его до самой квартиры, и на его глазахъ бѣдняга упалъ, рыдая, въ объятія жены, ждавшей его въ гостиной съ дочерью. Дѣвочка испугалась и выбѣжала изъ гостиной, а Жанна долго и нѣжно прижимала къ себѣ мужа, тихо касаясь его лба губами и не говоря ему ни слова, пока онъ не затихъ. А потомъ она увела его, какъ больного, заботливо поддерживая его. На прощанье она обернулась къ Кларансѣ, наблюдавшему за ними, и чуть-чуть ему улыбнулась...

Съ Клавдіей за эти дни онъ видѣлся мало. Впрочемъ, она плохо его понимала, а его новые взгляды вызывали въ ней глухую тревогу. Но теперь ему неудержимо захотѣлось къ ней, и онъ спрашивалъ себя мысленно, съумѣетъ ли она, которой онъ не сдѣлалъ зла, обойтись съ нимъ такъ, какъ съумѣла бѣдная, оскорбленная Жанна обойтись съ своимъ мужемъ? Но когда онъ пришелъ къ Клавдіи, и принялся сердечно и краснорѣчиво описывать горе тѣхъ, съ кѣмъ только-что расстался,—онъ не услышалъ отъ нея тѣхъ словъ, которыхъ жаждала его душа, какъ цѣлительнаго бальзама. Разумѣется, она понимала его волненіе, но ей хотѣлось, чтобы онъ съумѣлъ справиться съ нимъ, потому что силу духа слѣдуетъ сохранять при всякихъ жизненныхъ передрыгкахъ. Вѣдь если онъ обуздаетъ свою чрезмерную чувствительность, онъ будетъ полезенъ для своего друга, нуждающагося теперь въ его поддержкѣ и энергіи. Когда же Кларансѣ сказалъ, что Лорье не нуждается въ немъ, потому что можетъ выплакаться на груди своей удивительной жены, то Клавдія, зная весьма мало Жанну и считавшая ее слабымъ, безцвѣтнымъ существомъ, отвѣчала не безъ ироніи, что тѣмъ лучше это для Лорье. Жена его и утѣшить. Всѣ раны заживаютъ,—только мертвые никогда не воскреснутъ. И, думая о погибшей жертвой своей любви Селинѣ, о которой уже забывали, точно наказывая ее за то, что она нарушила покой законной любви, она добавила, что, несмотря на ихъ непоправимую гибель, мертвецовъ-то и жалѣютъ всего меньше... А потомъ она перемѣнила тонъ, совѣтуя ему не предаваться тщетной скорби о томъ, что непоправимо. Прошлое—кануло въ вѣчность, важно одно лишь будущее. Ему не слѣдуетъ забывать, что онъ—наканунѣ большого сраженія..

— Не говорите!—вскричалъ Кларансѣ.— Не говорите мнѣ объ этомъ произведеніи, я его боюсь!.. Я хотѣлъ бы его уничтожить!.. Я предпочелъ бы, чтобы оно не было вовсе написано!

— Къ счастью, это невозможно! — отвѣчала она съ материнской, снисходительной улыбкой. — И я надѣюсь, что послѣзавтра вы станете думать иначе...

На другой день состоялось первое представленіе „Невѣсты Льва“, и пьеса имѣла огромный успѣхъ. Но настоящая, глубокая драма, драма двухъ душъ, невидимая и недоступная публикѣ, завязывалась въ той темной ложѣ бенуара, гдѣ сидѣли г-жа Бреанъ и Кларансѣ. Клавдія не была пресыщена театромъ и всегда слѣдила за пьесой съ глубокимъ интересомъ, такъ что Кларансѣ часто надъ нею подтрунивалъ. И хотя произведеніе это было ей хорошо знакомо, она, все-таки, слушала съ увлеченіемъ, захваченная силой и властью этой страсти. И ей казалось, что эта драма—ея собственность: на сценѣ трепетала та же любовь, что и въ ея душѣ, а въ героинѣ она узнавала свойственныя ей черты характера, намѣченные очень тонко и деликатно, но настолько вѣрно, что она обернулась къ Кларансѣ и прошептала:

— Да это я... это мы!

Во второмъ актѣ встрѣчалась одна фраза, произнесенная какъ-то ею и приведенная тутъ дословно. Итакъ, она еще разъ оказывалась его единственной вдохновительницей; онъ не уставалъ черпать въ ея душѣ, какъ не уставалъ художникъ писать свою Форнарину, пока въ немъ жила любовь къ ней... Но въ ту самую минуту, какъ въ ней говорили радость и гордость любящей женщины, она вспомнила его вчерашнія слова о томъ, что онъ хотѣлъ бы уничтожить свое произведеніе, что предпочелъ бы, чтобы оно не было никогда написано... Вспомнились ей и вчерашніе его тонъ и взглядъ,—и то, что она приняла наканунѣ за нервную вспышку, внушало ей теперь смутную тревогу, потому что она начинала предугадывать настоящій, опасный для нея смыслъ этихъ словъ...

Послѣ второго акта Кларансѣ вышелъ молча изъ ложи, вернулся только тогда, когда занавѣсъ поднялся опять, и снова усѣлся молчаливо позади нея. Она нѣсколько разъ въ нему оборачивалась, но онъ сидѣлъ не шевелясь, съ разсѣяннымъ взглядомъ. Наконецъ, она спросила его шопотомъ, что съ нимъ, но онъ отвѣчалъ, что ровно ничего. Пьеса идетъ превосходно, и онъ очень доволенъ. Но Клавдія не могла уже больше слѣдить спокойно за пьесой, потому что ее мучилъ вопросъ о томъ, что могло твориться въ душѣ любимаго человѣка? Пытаясь привлечь его, она обратила его вниманіе на знаменитаго драматурга Деламбра, прекраснаго, величаваго старца, убѣленнаго

сѣдинами, почти легендарную фигуру. Кларансѣ его любилъ, глубоко чтить и безгранично дорожилъ его одобреніемъ. Перегибаясь черезъ барьеръ директорской логи, Викторъ Деламбръ горячо апплодировалъ автору. Но когда Клавдія указала ему на старика, Кларансѣ только скользнулъ равнодушнымъ взглядомъ въ его сторону и такъ же равнодушно замѣтилъ его присутствіе.

Между тѣмъ успѣхъ пьесы все возрасталъ. Въ фойѣ артистовъ исполнители ликовали. Автору пожимали наперерывъ руки и предсказывали его драмѣ по крайней мѣрѣ двѣсти представлений. Мертону удалось пробраться до Кларансѣ, которому онъ сообщилъ, что разговоръ его съ нимъ не выходитъ у него изъ головы. Кларансѣ посоветовалъ ему забыть о немъ, но молодой журналистъ возразилъ, что, напротивъ, онъ въ него все болѣе и болѣе вдумывается. Неужели слова его попали на добрую почву? И Кларансѣ пригласилъ Мертонa навѣстить его просто такъ, не въ качествѣ репортера. Пробрался въ фойѣ и Жакъ, спокойно разсматривавшій собравшееся тутъ общество знаменитостей, отнюдь на него не вліявшихъ. Въ глубинѣ души онъ находилъ пьесу дяди романтической и отсталой, но настроилъ себя на восторженный ладъ и принялся расточать ему банальныя похвалы своимъ фальшивымъ, провзительнымъ голосомъ. И Кларансѣ подумалъ, что вотъ этотъ господинъ можетъ безнаказанно смотрѣть его драмы, — вліянія на него онъ не окажутъ...

Подошелъ къ Кларансѣ и Деламбръ, поздравилъ его самымъ задухевнымъ тономъ, пожалъ руку и предложилъ выйти послѣ спектакля вмѣстѣ изъ театра, чтобы поговорить на свободѣ о его новомъ произведеніи.

У г-жи Бреанъ перебивала тѣмъ временемъ въ ложѣ цѣлая вереница восторженныхъ посѣтителей, и рѣчи ихъ до того поднимали ея духъ, что четвертый актъ она могла снова прослушать внимательно. Подъ впечатлѣніемъ могучей страсти, развертывавшейся на сценѣ, она прошептала:

— О, мой другъ, когда вы читали мнѣ свою пьесу, я недостаточно оцѣнила все величіе этихъ сценъ любви и смерти... Вы вложили въ нихъ все лучшее, что есть въ васъ, силу вашей любви, ваше сердце, все, что дѣлаетъ изъ васъ поэта, во всемъ великомъ значеніи этого слова...

Ей страстно хотѣлось прибавить: „Все то, благодаря чему вы такъ умѣете любить“... но она встрѣтила такой тревожный взглядъ, что слова замерли на ея губахъ...

Не дождавшись конца пьесы, онъ извинился передъ нею, что покидаетъ ее сегодня и не проводитъ домой. Только въ та-

кіе дни онъ и не принадлежитъ ей всецѣло. И хотя никогда еще ей не хотѣлось до такой степени удержать его при себѣ, она отпустила его. И онъ вышелъ изъ ложи, даже не замѣтя, что она украдкой отираетъ слезу.

Когда на сценѣ героиня упала, сраженная безпощадною страстью, зала сначала поразилась и содрогнулась, а вслѣдъ затѣмъ дрогнула отъ бѣшеныхъ рукоплесканій. Но пока публика хлопала, кричала, стучала палками и ногами, Клавдія не шевелилась, охваченная тяжелымъ, мрачнымъ предчувствіемъ. Ее ужасала мысль о загадочныхъ драмахъ, происходящихъ въ тайникахъ мужской души, подъ напоромъ какихъ-то невѣдомыхъ силъ, противъ которыхъ бессильна самая любимая и любящая женщина...

Кларансѣ и Делаамбръ вышли подъ-руку изъ театра и пошли пѣшкомъ, по желанію Делаамбра, еще вполне бодрого человѣка, несмотря на его семьдесятъ-пять лѣтъ. Въ началѣ они шли молча, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ прекрасной, тихой ночи. Первымъ заговорилъ Делаамбръ, отъ души поздравляя друга съ успѣхомъ. Подобныя минуты вознаграждаютъ писателя за его труды. Кларансѣ не только написалъ *шедѣвръ*, но имѣлъ еще счастье быть понятымъ—высшая радость въ ихъ карьерѣ. Но въ голосѣ Кларансѣ, подтверждавшаго ему свое удовольствіе, Делаамбръ подмѣтилъ полное отсутствіе увлеченія, и высказалъ это. А вотъ онъ, бывало, когда пьесы его имѣли успѣхъ, былъ внѣ себя отъ восторга, и прыгалъ, кричалъ, какъ ребенокъ.

— Я наблюдалъ сегодня за вами,—продолжалъ ласковымъ тономъ старикъ-писатель:—вы держались такъ, какъ будто боялись, что другіе угадаютъ ваши мысли. Но вѣдь здѣсь насъ никто не слышитъ, и вамъ нечего бояться, что слова ваши будутъ истолкованы превратно. Мы здѣсь одни, и—я другъ вашъ. Мы оба любимъ и уважаемъ свое искусство. Я весь подъ впечатлѣніемъ вашего произведенія, и вижу, что у васъ что-то есть на сердцѣ... Простите мою нескромность, другъ мой, но я старше васъ, а талантомъ вашимъ восхищаюсь, вотъ и все! — добавилъ онъ взволнованно.

Тронутый этой прямою и симпатіей, такъ вѣрно угадавшей его, Кларансѣ отвѣчалъ, что учитель его не ошибается: онъ своему успѣху, дѣйствительно, не радуется. Кому, какъ не ему, можетъ онъ это повѣрить? Кто сѣмѣетъ его лучше утѣшить, какъ не его учитель, слава и честь литературы, прожившій такую долгую жизнь и такъ хорошо все понимающій?!...

— Гдѣ оно, то время, когда въ глазахъ моихъ не было

ничего выше успѣха?.. Эта шумная извѣстность, замѣняющая славу, на которую, въ сущности, наши современники претендовать не могутъ,—есть предѣлъ всѣхъ мечтаній... Но вотъ мечта эта осуществилась... И вотъ, въ одинъ прекрасный день останавливаешься на полпути и начинаешь оглядываться на все уже свершенное и на то, что таится еще въ твоей душѣ... Критика тебя хвалитъ, публика рукоплещетъ, сборы превосходные; директора осаждаютъ просьбами, но все это становится безразличнымъ!.. И говоришь тогда себѣ: „Да, я—творецъ болѣе или менѣе сильныхъ и цѣльныхъ произведеній, но вѣдь творенія мои расходятся по свѣту и продержатся въ немъ, самъ не знаю, сколько времени. Можетъ быть, они переживутъ меня. Во всякомъ случаѣ, теперь это факторы жизни, одна изъ тѣхъ силъ, что готовятъ будущее. Найдутся люди, которые, подъ впечатлѣніемъ ихъ, станутъ подражать имъ; они же будутъ вліять на впечатлительность женщинъ, молодыхъ людей, молодыхъ дѣвушекъ...“

И голосъ Кларансэ такъ дрогнулъ при этихъ словахъ, что Делаамбръ вкрито остановился, догадываясь, въ чемъ дѣло. Кларансэ продолжалъ:

— А каково же оно, это вліяніе? Направляетъ ли оно на путь добра или зла?.. Да, да, я умышленно употребляю эти два устарѣлыя слова, эти два полюса, куда не проникъ ни одинъ путникъ; противоположныя притяженія ихъ мы чувствуемъ, какъ чувствуемъ и ихъ невидимое существованіе. Сѣемъ ли мы хорошее или дурное, зловердное сѣмя?.. Цѣлебны ли ихъ плоды или ядовиты?.. Вотъ о чемъ я думалъ весь вечеръ... Можете ли вы разрѣшить мои сомнѣнія?..

Делаамбръ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, не трогаясь съ мѣста. Когда Кларансэ умолкъ, онъ двинулся дальше и отвѣчалъ:

— Какъ могутъ останавливать васъ такія щепетильныя соображенія?.. Они имѣли бы основаніе, еслибы дѣло шло о тѣхъ двусмысленныхъ произведеніяхъ, эксплуатирующихъ дурныя инстинкты и страсти. Но вы—такой искренній писатель!.. Вы, такъ очевидно перечувствовавшій и передумавшій свои творенія!.. Вы, такъ честно всегда искавшій истины!.. Признаюсь откровенно, что я понимаю васъ съ трудомъ... Вѣдь самъ я не разъ описывалъ душевныя бури и старался сѣять новыя мысли... Я тоже былъ... быть можетъ, остался и до сихъ поръ одною изъ тѣхъ силъ, о которыхъ вы говорите... Но признаюсь вамъ, что поставленный вами вопросъ никогда не приходилъ мнѣ въ голову!

— О, вы—совсѣмъ другое дѣло!

— Почему же?

— Вы никогда не предавались дилеттантизму, какъ я. Каждое изъ вашихъ произведеній проводитъ какую-нибудь истину, въ которой вы увѣрены, и за которую вы можете храбро ратовать. Вотъ ключъ къ вашей душевной ясности. Вы не только великій писатель, но и великій поборникъ правды. Вы проповѣдовали силу воли, справедливость, правосудіе, мужество. Ваши герои—люди съ чувствомъ, но безъ слабости. Случается, колеблются и они, но тѣмъ тверже идутъ они затѣмъ по вѣрному пути. Имъ скорѣе подчиняются, чѣмъ любятъ ихъ, но вы хорошо знаете, что, подражая имъ, никто не утратитъ человѣческаго достоинства, и вы смѣло можете указывать на нихъ потомкамъ, какъ на достойный подражанія примѣръ!

— Можно ли быть всегда увѣреннымъ въ смыслѣ своихъ писаній?—возразилъ задумчиво Делаамбръ.—И за самого-то себя такъ трудно отвѣчать,—можно ли отвѣчать за свои мысли!.. А воплощать ихъ въ воображаемыхъ существахъ—еще труднѣе, потому что эти существа находятся какъ бы въ зависимости отъ людского пониманія и толкованія ихъ сути... Впрочемъ, самъ Господь Богъ не допустилъ ли существованіе самыхъ обольстительныхъ негодяевъ, въ чемъ, однако, никто его и не думаетъ упрекать... Но ваши сверстники вѣчно чего-то ищутъ и во всемъ сомнѣваются, тогда какъ люди моего поколѣнія были сильнѣе духомъ... Зрѣніе ваше видитъ слишкомъ много вещей за-разъ, почему путь вамъ кажется усѣянными препятствіями... Мы же шли впередъ беззаботнѣе, неосторожнѣе, мы были моложе... порывистѣе... Признаюсь, что самъ я никогда ни надъ чѣмъ не задумывался... Я боюсь, что, пожалуй, я недостаточно размышлялъ, тогда какъ вы, наоборотъ, чересчуръ много разсуждаете... Всякая идея оказывается для васъ избитой съ ужасающей быстротой, и, навѣрное, вы не успѣваете ихъ хорошенько переварить!.. Ничего не можетъ быть вреднѣе для душевной ясности!..

— Вы правы. Но не нормально ли, чтобы послѣ подобныхъ излишествъ иные изъ насъ, замѣтя, что они заблудились, вздумали бы вернуться назадъ? Вотъ въ чемъ мой казусъ... Меня страшитъ дѣло рукъ моихъ... Я *видѣлъ*, какъ мои творенія врѣзались въ жизнь и внесли въ нее разложеніе, убили энергію въ двухъ бѣдныхъ существахъ и довели ихъ до отчаянія... Могу ли я забыть это?..

— Вамъ это только показалось, мой другъ, потому что вы истолковываете факты по-своему, придаете имъ окраску своего

настроения!.. И я понимаю, на что именно вы намекаете... Но кто может съ точностью опредѣлить настоящее вліяніе, оказанное какой-нибудь данной мыслью? Какъ и чѣмъ оно измѣряется? Что доказываютъ отдѣльные факты? Развѣ не найдутся другіе, которые приведутъ къ совершенно противоположному заключенію?.. Вы боитесь, что посѣяли зло, но кто же можетъ считать себя совершенно невиннымъ? Эта мысль ошибочна и опасна,—отгоняйте ее... Думайте лучше о сдѣланномъ вами добрѣ...

— Можетъ ли добро исправить зло?

— Это уже излишняя требовательность,—серьезно замѣтилъ Делабръ,—и пожалуй, даже чрезмѣрная гордыня!.. Не слѣдуетъ придавать себѣ чрезчуръ большое значеніе, въ хорошемъ ли, въ дурномъ ли смыслѣ... Не мы ведемъ за собою міръ, а скорѣе онъ идетъ впередъ и увлекаетъ насъ... Управляемый сокровенными законами, движется онъ къ незримымъ цѣлямъ... Что мы такое? Не болѣе, какъ искорки въ пространствѣ... Иныя изъ нихъ, какъ мы съ вами, сверкаютъ ярче другихъ, но въ свое время погаснуть и онѣ, уступая мѣсто другимъ... А пока, не отнимайте отъ меня убѣжденія, что всякій огонекъ всегда благотворенъ!..

— Но если, вмѣсто того, чтобы проливать свѣтъ, онъ превращается въ сожигающее пламя?

— Это случается. Однако, выслушайте такое сравненіе: при скромномъ свѣтѣ зажженной лампы, склонившись надъ чистой страницей, трудится мыслитель... А пока онъ дѣлаетъ свое дѣло, ночныя бабочки, привлеченныя свѣтомъ, тяжело стучаются о стекло и обжигаютъ себѣ крылышки... Развѣ слѣдовало потушить лампу, закрыть тетрадь и дать погибнуть мыслямъ—для того, чтобы пощадить этихъ бабочекъ?.. Идите же своей дорогой, дѣлайте свое дѣло; оно не можетъ быть вредно, ибо оно прекрасно... Будьте попрежнему просты и искренни... А главное, не предавайтесь излишнему анализу, потому что это—безполезная трата времени!

VI.

Появленіе всякаго выдающагося произведенія непременно вызываетъ разные толки, встряхиваетъ равнодушіе и лѣнь толпы и влечетъ за собою броженіе умовъ. Различныя вопросы, обыкновенно оттѣсняемые обыденной жизнью, выплываютъ наружу. Такъ было и послѣ представленія „Невѣсты Льва“. Газеты затронули вопросъ о вліяніи литературы на общественную нрав-

ственность; каждая толковала по-своему о добрѣ и злѣ, долгѣ и страсти. Кларансѣ читалъ все это съ большимъ вниманіемъ, но свободомыслящая и прямолинейная Клавдія возмущалась развязнымъ тономъ этихъ непрошенныхъ, лицемѣрныхъ критиковъ, сохраняющихъ обыкновенно молчаніе и начинающихъ разглаживать при всякомъ удобномъ случаѣ. Особенно разсердила ее одна статья, гдѣ рассказывалась вымышленная исторія обращенія на путь истинный одного моднаго писателя, не названнаго по имени, но описаннаго весьма прозрачно. Должно быть, Мертонъ разболталъ-таки свое *интервью* съ Кларансѣ, потому что такова была основная тема статьи, гдѣ ясно намекалось на самоубійство Селины. Въ концѣ приводился отрывокъ изъ біографіи Расина, написанной его сыномъ!.. „Онъ признавалъ, что авторы театральныхъ пьесъ, это—общественные отравители; самого себя онъ считалъ, пожалуй, опаснѣйшимъ изъ этихъ отравителей. И вотъ онъ рѣшилъ не только не писать болѣе ни трагедій, ни стиховъ, а даже искупить все уже написанное строгою эпитимею... И когда онъ рѣшилъ жениться, то въ выборъ его не играли роли ни любовь, ни корысть; въ этомъ серьезномъ дѣлѣ онъ послѣдовалъ только внушеніямъ разсудка; друзья его предложили ему въ невесты весьма добродѣтельную особу, и вотъ 1-го іюня 1677 г. онъ женился на Екатеринѣ де-Римане, дочери государственнаго казначея города Амьена“.

Клавдія узнала во всемъ этомъ не разъ слышанные ею отъ Кларансѣ парадоксы и пожуривъ его за то, что онъ высказываетъ такіа мысли постороннимъ людямъ, которые употребляютъ это во зло. Рѣшительно, онъ сильно измѣнился...

Кларансѣ привелъ къ ней Лорьѣ, прося ее утѣшить его друга. Художникъ опустился совсѣмъ, быстро постарѣлъ и предавался горю, не пытаясь даже взять себя въ руки, и являя собою примѣръ полного малодушія. Онъ проводилъ, правда, цѣлые часы въ своей мастерской, но вовсе не работалъ, а только погружался въ унылую задумчивость. Безпрестанно онъ твердилъ одно и то же: и зачѣмъ это онъ предложилъ Селинѣ зайти къ нему опять,—зачѣмъ не сумѣлъ оттолкнуть ее? Она вышла бы замужъ, какъ всѣ, и зажила бы мирной супружеской жизнью. А теперь она умерла, умерла одна, ужасной, насильственной смертью, отчаяваясь во всемъ... Онъ не можетъ простить себѣ этого,—онъ виноватъ въ ея смерти... Еслибы еще онъ могъ вымолить у нея прощеніе... Но энергичная, бодрая Клавдія не могла допустить, чтобы люди предавались безъ со-

протівленія такому малодушному горю. Она возражала, что такіа слова очень удивили бы Селину, если бы она их услышала. За что ей прощать его? За то, что онъ ее любилъ? Но какая женщина не прощаетъ всякое зло, причиненное любовью?.. Наверное, Селина умерла съ его именемъ на устахъ, ни въ чемъ не упрекая его, а благословляя его, напротивъ, за дарованную ей любовь! Женщины любятъ иначе, нежели мужчины; онѣ отдаются всецѣло и никогда не раскаяваются въ своей любви, какою цѣною онѣ ни расплачивались бы потомъ за эту любовь... И въ сравненіи съ любовью, жизнь для нихъ—ничто...

Лорье ушелъ отъ нея, ничуть не ободренный ея словами. Она пожалѣла этого слабаго человѣка, совершенно лишеннаго силы воли и мужества. Но Кларансэ задумчиво замѣтилъ, что во всемъ этомъ имѣется своего рода мужество... Не признавать причиненное нами зло—дурно, но, быть можетъ, такіа страданія убиваютъ въ душѣ все то зло, исправить которое уже нельзя. Клавдія объявила, что все это — одна метафизика, и имъ пришлось еще разъ съ грустью убѣдиться, что единомысліе ихъ отнынѣ нарушено. Что же случилось? Откуда эта перемѣна? Во всякомъ случаѣ, перемѣнилась не она, Клавдія. Кларансэ возразилъ ей на это, что слѣдуетъ умѣть измѣняться вмѣстѣ съ жизнью.

— Но зачѣмъ это, если мы правы?—гордо отвѣчала она.

— Развѣ можно быть когда-либо увѣреннымъ въ своей правотѣ?

Клавдія замѣтила съ грустью, что онъ сталъ какимъ-то разслабленнымъ. Значить, ей слѣдуетъ быть сильною за двоихъ и постараться разсѣять эти мрачныя мысли...

Все теперь точно нарочно поддерживало Кларансэ въ его настроеніи; вторичное посѣщеніе его племянника Жака даже усилило такое настроеніе. Племянникъ былъ ему несимпатиченъ; не нравились ему его развязныя манеры и пронзительный голосъ. Видимо желая быть любезнымъ, Жакъ принялся расхваливать драму дяди, но ухитрился восхвалять ея самыя слабыя мѣста, умышленно умаляя все лучшее. Кларансэ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ и принялся спрашивать о житьѣ-бытьѣ обитателей Прона. Жакъ отвѣчалъ кратко: отецъ его человѣкъ молчаливый, много работаетъ, только и думаетъ, какъ бы сколотить лишній франкъ, и не стремится дальше родныхъ горъ; мать бойбаба, ведетъ весь домъ и хозяйство на началахъ строгой экономіи. Братья живутъ недружно, потому что нравственный уровень ихъ различенъ. Оба завидуютъ, что вотъ ему удалось от-

туда вырваться. Сестры ничего особеннаго изъ себя не представляютъ, дѣвочки—какъ дѣвочки. О себѣ онъ говорилъ охотнѣе: учился онъ изо всѣхъ силъ и всегда шелъ первымъ. Впрочемъ, это даже не заслуга, потому что онъ просто любить трудъ, во-первыхъ, изъ отвращенія къ бездѣйствию и лѣни, а во-вторыхъ потому, что это—могучій рычагъ, средство достигъ цѣли.—Улыбаясь на это пылкое увлеченіе, Кларансѣ замѣтилъ ему, однако, что теперъ много такихъ молодыхъ людей, какъ онъ, и конкуренція громаднa; всѣ стремятся въ литературу, а между тѣмъ велико ли значеніе литературы въ жизни любой данной страны? Какую массу таланта представляютъ собою эти полчища молодежи и сколько въ подвалахъ издателей накопится бесполезныхъ книгъ... Какъ мало это окажетъ вліянія на будущее!.. Но въ своемъ молодомъ задорѣ Жакъ не понималъ, почему дядя пытается его обезкуражить. Значило ли это, что онъ не хочетъ оказать ему поддержку? Или просто не желаетъ нажить себѣ собрата-однофамильца... Онъ возразилъ, что не страшится препятствій,—вѣдь если постоянно думать о нихъ, то ничего не добьешься. Ну, что-жъ, слабѣйшіе падутъ въ бою, а сильнѣйшіе достигнутъ цѣли,—вотъ и все. Талантъ и геній пробьются съумѣютъ... Что же касается до родины... да развѣ родина не славна своими великими людьми!..

— То-есть, великими дѣятелями!—поправилъ Кларансѣ.

— Мыслитель равенъ дѣятелю.

Но Кларансѣ возражалъ.—Нѣтъ, это зависитъ отъ вѣка и духа времени. Когда-то и онъ думалъ также и гордился своей смѣлостью и тѣмъ, что совершалъ... А теперъ, вотъ, оглядывается вокругъ себя и приходитъ въ ужасъ отъ всего, что онъ и его современники разрушили, безъ всякаго злого умысла, сами того не замѣчая, только потому, что слѣпо вѣрили въ свой умъ и повиновались его внушеніямъ... Вѣдь писать слѣдуетъ не для того, чтобы сочинить нѣсколько лишнихъ романовъ и статей: писать слѣдуетъ тогда, когда имѣешь высказать какую-нибудь истину и чувствуешь неодолимое желаніе повѣдать ее міру. Только въ этомъ—смыслъ ихъ существованія. Какую же истину несетъ онъ въ себѣ? Жакъ отвѣчалъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ горитъ желаніемъ пуститься въ поиски этой истины съ перомъ въ рукахъ. Кларансѣ только взглянулъ на него проницательно и сомнительно.—Полно, такъ-ли? Не явился ли онъ сюда изъ своей деревни, чтобы приумножить собою ряды писателей, съ цѣлью извлечь изъ этого выгоду. Что онъ любитъ литературу, это несомнѣнно, но кто же ея не любитъ? Она—такая добрая

особа!—Но Жакъ возразилъ, что вѣдь и дядя его, дебютируя въ Парижѣ, не принесъ какихъ-либо особенно значительныхъ идей... И что такое, напримѣръ, его самое послѣднее произведеніе, эта „Невѣста Льва“? Превосходная драма, положимъ,—говорятъ даже, что „шедѣвръ“,—но вѣдь это не что иное, какъ этюдъ страсти, все значеніе котораго исчерпывается его совершенствомъ, силой и поэзіей... Кларансѣ смутился, но не надолго.—Что же изъ того, что произведенія его расходятся съ его рѣчами? Дѣло идетъ не о немъ, а о Жакѣ, не о прошломъ, а о завтрашнемъ днѣ. Въ эпоху его дебютовъ дилеттантизмъ занималъ свое особое мѣсто, а теперь времена не тѣ. Въ прошломъ, какъ писатель, онъ могъ ошибаться, зато теперь онъ видитъ ясно, гдѣ правда, и его слѣдуетъ слушаться...

Но для Жака дядя представлялся чѣмъ-то вродѣ раскаявшагося грѣшника, и онъ это высказалъ.—Развѣ талантъ его не доставилъ ему все, что онъ можетъ доставить, начиная съ удовольствія проявлять его?.. Развѣ не ему онъ обязанъ счастьемъ своей жизни?—Счастьемъ! Какая карьера можетъ дать его? И неужели Жакъ воображаетъ, что счастье зависитъ отъ успѣха и богатства? Но, даже становясь и на эту мелкую почву, онъ ошибается. Онъ видитъ передъ собою только довольство и роскошь, доставляемые писателямъ ихъ произведеніями, но не знаетъ, чего они имъ стоили. Да и не можетъ онъ понять этого въ такіе годы. Литература развиваетъ въ людяхъ самое опасное свойство—воображеніе, и подчиняетъ себѣ ихъ волю и душу... Вѣчно живя посреди фикцій, они пріобрѣтаютъ излишнюю впечатлительность и отзывчивость, извращаютъ понятія о дѣйствительности до того, что, отмѣчая опустошенія, произведенныя въ ихъ собственной душѣ, они начинаютъ задумываться надъ тѣми, которыя они сами могли произвести въ мірѣ. И вотъ является сомнѣніе: не посѣяли ли они злыя сѣмена въ полѣ, открытомъ для всякаго невѣжды!.. Зачѣмъ это люди отрываются отъ родной почвы и дѣла, и бросаются въ жизнь, очертя голову, воображая, что ее надо брать съ бою, тогда какъ жизнь должна быть только безобидной функціей, или, еще лучше, плодотворнымъ долгомъ!..

Но какъ могъ Жакъ понять эти слова дяди, которыя представляли какъ бы резюме всего его жизненнаго опыта! А между тѣмъ, точно нарочно, на каждомъ шагѣ жизнь доказывала Кларансѣ, какъ мало похожа она на романическія фикціи, создаваемые поэтами...

Лорье опускался все больше и больше. Онъ сталъ часто навѣщать Клавдію, потому что жалость ея согрѣвала его душу, а несходства ея энергичной натуры съ его слабостью онъ не замѣчалъ: по своей добротѣ, она не давала ему замѣтить этой разницы. Ее трогала его память о покойницѣ, и она извиняла ему его слабость за постоянство его скорби. Дома онъ почти не выходилъ изъ болѣзненнаго раздумья, но у г-жи Бреанъ онъ немного оживлялся и подробно говорилъ съ нею о Селинѣ. Теперь онъ жалѣлъ, что Селина не знала г-жи Бреанъ, потому что ей она довѣрилась бы, и та ее спасла бы, потому что она сама вся—воля, мужество и сила. Клавдія старалась и въ него вдохнуть эту волю и силу, указывала ему на трудъ, какъ на великое цѣлебное средство, совѣтовала работать. Но онъ возражалъ, что работать не можетъ: руки его дрожатъ, передъ глазами стоитъ туманъ, и писать картины онъ неспособенъ... И если это будетъ продолжаться,—какъ будетъ онъ поддерживать семью?.. Ничего не зная о средствахъ и образѣ жизни семьи Лорье, Клавдія понимала эти слова только наполовину; но Кларансѣ скоро разузналъ, что внушаетъ его несчастному другу это новое опасеніе. Зайдя какъ-то навѣстить Жанну, онъ нашелъ ее утомленной и упавшей духомъ. Чтобы спасти ее мужа, одного ея прощенія ему недостаточно. Она никогда его не упрекаетъ, окружаетъ любовью и лаской, но онъ таетъ у нея на глазахъ... И будущее страшитъ ее, тѣмъ болѣе, что тутъ ужъ она безсильна. Даже мертвая, та, другая, владѣтъ имъ и мѣшаетъ его исцѣленію...

Кларансѣ замѣтилъ, что Лорье было бы полезно перемѣнить мѣсто, подышать другимъ воздухомъ. Не мѣшало бы отправить его въ деревню, на родину... О, конечно, если только онъ согласится ѣхать, но надо спѣшить, а то скоро у нихъ на это и средствъ не будетъ... И, слегка краснѣя, Жанна добавила совсѣмъ тихо, что искусство ея мужа — ихъ насущный хлѣбъ. Кларансѣ остолбенѣлъ.—Что такое? У нея нѣтъ денегъ?—Краснѣя до корней волосъ, Жанна отвѣчала, что продала свои золотыя вещи, чтобы заплатить за квартиру. Кларансѣ былъ пораженъ.—Съ именемъ Лорье!.. Съ такимъ талантомъ!..—Ну, да, они жили изо дня въ день, ничего не откладывая...

Какъ мало походила вся эта проза жизни на вымышленныя сцены романовъ и драмъ! Въ книгахъ и на сценѣ — фикція, геройское самоотверженіе, благородное отчаяніе, крайнія рѣшенія! А здѣсь — малодушный человѣкъ, неспособный развязаться съ постылой жизнью, и его жена—простившая все, безъ вся-

каго самолюбія и ревности, но трепещущая передъ завтрашнимъ днемъ. То была голая, безобразная дѣйствительность. А любовь, съ ея забвеніемъ всего, чудными грѣзами, высокоумнымъ презрѣніемъ,—не что иное, какъ ложь! На дѣлѣ это—злостатейственная лихорадка, разлагающая организмъ. Рано ли, поздно ли, а дѣйствительность, низменная и опредѣленная, сухая и банальная, глупая и деспотичная,—восторжествуетъ.

Когда Кларансѣ передалъ Клавдія настоящее положеніе семьи Лорье, она также удивилась, и они рѣшили помочь друзьямъ покупкой картинъ и этюдовъ.—Ну, да, это теперь, сейчасъ, а что же будетъ потомъ, дальше? Дальше?—Клавдія думала, что Лорье оправится, если только не покончить съ собой сразу.—Ну, положимъ... Но бѣда въ томъ, что подобное состояніе можетъ разрѣшиться чѣмъ-нибудь худшимъ, а именно—сумасшествіемъ. Клавдія ужаснулась, и было рѣшено, что Кларансѣ увезетъ друга въ деревню, на родину. Отвезя Лорье къ его старой матери, онъ воспользуется близостью и своей родины, Прона, и навѣститъ семью брата. Необходимо встряхнуться и ему, подышать свѣжимъ, деревенскимъ воздухомъ. Когда же Кларансѣ спросилъ, поѣдетъ ли она съ нимъ, она качнула отрицательно головой. Тамъ ждутъ его братъ, неvěстка, племянники и племянницы. Она хочетъ всецѣло предоставить его семьѣ. И Кларансѣ понялъ, что она сама видитъ, что ей тамъ не мѣсто, что его родные ничего о ней не знаютъ, не поймутъ тутъ ничего и, пожалуй, отнесутся къ ней съ пренебреженіемъ... Быть можетъ, она и пожалѣла на минуту, что все-таки есть нѣчто, чего она съ нимъ раздѣлить не можетъ, и что вотъ онъ уѣзжаетъ отъ нея на добрый мѣсяць, даже не желая, быть можетъ, въ душѣ, чтобы она его сопровождала. Но Клавдія никогда не предавалась долго празднымъ сожалѣніямъ, а потому легко справилась съ собою. Она посоветовала Кларансѣ предоставить всецѣло Лорье заботамъ матери, видѣться съ нимъ какъ можно меньше, чтобы не напоминать ему своимъ видомъ прошлаго... Да и ему самому перемена эта будетъ полезна... И оба они вернутся выздоровѣвшими. Кларансѣ выразилъ вторично желаніе взять ее съ собой, но Клавдія догадалась, что желаніе его не вполне искренно, и спокойно сказала, что всего сразу имѣть нельзя. Онъ вернется и найдетъ ее такою же, какъ всегда, и неизмѣнно навсегда!..

VII.

Въ половинѣ іюня Кларансѣ сообщилъ Клавдіи, что Лорье сданъ въ Сенъ-Тандръ, на попеченіе матери. Женщина она простая и едва-ли пойметъ, что творится съ ея сыномъ, но, быть можетъ, это-то и окажетъ благотворное вліяніе на больного, хотя надежды мало. Простившись съ Лорье, Кларансѣ проѣхалъ въ Пронъ и хотѣлъ-было остановиться тамъ въ гостинницѣ, славившейся своей кухней, но встрѣтившій его братъ, Морисъ, принялъ, съ первыхъ же словъ Кларансѣ, выраженіе оскорбленнаго достоинства. Кларансѣ уступилъ и послѣдовалъ за Морисомъ, высокимъ, крѣпко сложеннымъ человѣкомъ. На порогѣ родного дома, по вышности ничуть не измѣнившагося, стояла жена Мориса, высокая, худая, высохшая женщина съ ястребинымъ профилемъ и коричневой кожей. Кларансѣ видѣлъ ее въ первый разъ, и она произвела на него непріятное впечатлѣніе. Въ обстановкѣ отцовскаго дома онъ нашелъ кое-какія перемены: обои на стѣнахъ и обивка мебели имѣли претензію на современные городскіе вкусы, на каминѣ стояли стеклянныя вазы, и т. п. Описывая въ длинномъ письмѣ всѣ подробности своего пріѣзда на родину, Кларансѣ кончилъ письмо такъ: „Имѣю рассказать вамъ еще многое. Постараюсь не говорить о себѣ, опасаясь повтореній того, что вамъ давно извѣстно. Я вашъ попрежнему, и это—главное“.

Клавдія отвѣчала: „Вы боитесь повторяться, другъ мой, но неужели вы думаете, что меня это не интересуетъ? Ужъ не намѣреваетесь ли вы обращаться со мной какъ со своими читательницами, которымъ вы вѣчно стремитесь преподносить все новенькое? Не забывайте, что я не что иное, какъ любящая васъ женщина, и жду отъ васъ только того, чтобы вы оставались для меня всегда тѣмъ, чѣмъ вы были и что вы для меня теперь. Не стремитесь писать литературно; говорите только то, что нужно, что вы дѣлаете и что у васъ на душѣ. Заключение вашего письма меня встревожило, подтвердило то, что я чувствовала уже не разъ съ тѣхъ поръ, какъ вы начали переживать тотъ кризисъ, черезъ который проходите теперь. Не знаю, какъ бы опредѣлить вамъ свое ощущеніе: это какой-то глухой страхъ передъ чѣмъ-то невѣдомымъ, чѣмъ-то „новымъ“. Въ чемъ заключается это „новое“—я не различаю ясно, но догадываюсь, что оно опасно, и вижу, что оно отдаляетъ васъ отъ меня, хоть и не понимаю, какъ и почему. Это—невидимый

врагъ, съ которымъ не знаешь, какъ бороться. Это—мука для меня; мой другъ, вложившей всю свою жизнь въ васъ. Читая ваше литературное письмо, которое можно цѣликомъ напечатать, я чую въ васъ какую-то смутную тоску, и чувствую съ грустью, что вы держите меня въ сторонѣ отъ этого. Вы, пожалуй, скажете, что это—одно воображеніе, что ничего нѣтъ! Но повѣрю ли я вамъ?..

„Вотъ видите, я первая сообщаю вамъ нѣчто „новое“. Развѣ же эти сомнѣнія и упреки—не новость между нами? Сначала я хотѣла утаить все это отъ васъ, изъ боязни опечалить васъ, но не могла. Съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, я совсѣмъ одинока, и это расшатываетъ мнѣ нервы. Почему? Вѣдь мы расстаемся не впервые. Но раньше я чувствовала ежечасно, что вы обо мнѣ думаете, мысленно слѣдовала за вами и вѣрила вамъ: кромѣ разстоянія (хотя и это уже всегда лишнее), между нами ничего не было, и мы всегда могли сократить это разстояніе. Но теперь мнѣ кажется, что вы особенно далеко отъ меня, и насъ раздѣляютъ большія препятствія. Я не увѣрена болѣе, что стоить мнѣ очутиться подлѣ васъ, чтобы обрѣсти васъ вновь такимъ, какимъ я васъ оставила. Неужели каждый день еще отдаляетъ васъ отъ меня? Не знаю. Перечитывая ваше письмо, я усиливалась найти въ немъ хоть одно успокоительное слово, но не нашла его, потому что его тамъ не было. О чемъ именно умолчали вы?.. Быть можетъ, слѣдующее ваше письмо успокоитъ меня. Дорогой другъ, любите ли вы еще меня?..“

Но и второе письмо не принесло Клавдіи желаемого. Кларансэ спрашивалъ, нужно ли отвѣчать на ея послѣдній вопросъ? Нужно ли? Любовь ихъ—завѣтный тайникъ, куда не должны проникать постороннія заботы. Были и у нихъ свои бури, всегда изъ-за ея ревности, притомъ безосновательной, но это дѣло прошлое, теперь между ними царить полное довѣріе. Пусть же она не ревнуетъ его къ деревенскимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ дѣтства, къ которымъ она же и предписала ему обратиться, какъ къ цѣлебному средству. Вѣдь здѣсь колыбель его души, а не она ли сказала ему какъ-то, что не полюбила бы его, обладай онъ душой безмятежно счастливой? Слова—достойныя такой женщины, какъ она, ея доброты... Дальше слѣдовали опять лирическія описанія родной природы, и только въ концѣ своего длиннаго посланія онъ выражалъ опасеніе, не заразилъ ли ее своими тревожными сомнѣніями? Но пусть тогда она не поддается заразѣ, а главное, пусть вѣритъ въ него!

Если онъ напоминаетъ порою собой Гамлета съ его смятенной душой, то да помнитъ она, что, подобно тому же Гамлету, онъ можетъ сказать ей: пусть сомнѣвается она въ цѣломъ мірѣ, въ самой жизни, въ Богѣ, но не въ его сердцѣ, всецѣло ей принадлежащемъ... Въ заключеніе, онъ просилъ Клавдію навѣщать Жанну, какъ она общалась ему передъ его отъѣздомъ.

Клавдія отвѣчала ему, что будь Офелія ея лѣтъ и имѣй ея опытность, она возразила бы Гамлету: „Если ужъ вѣрить, дорогой принцъ, то надо вѣрить вполнѣ; чтобы вѣрить въ любовь, надо вѣрить въ солнце, и когда вы позволяете мнѣ сомнѣваться во всемъ, кромѣ вашей любви, то всего болѣе, увы! и я склонна сомнѣваться именно въ вашей любви“... И Офелія была бы права. Не вѣритъ она, чтобы любовь ихъ представляла такой завѣтный тайникъ, куда ничто постороннее не проникаетъ. И сдается ей, что съ нѣкоторыхъ поръ тамъ завелись сорные травы, точно въ покинутомъ храмѣ. Доказательство на лицо: долго вѣрили они за-одно, что имѣютъ право любить, не давая никому отчета. Свободные оба, они думали, что могутъ любить другъ друга, не заботясь ни о законныхъ цѣпяхъ, ни о людскомъ мнѣніи, ни о застрашномъ днѣ; они вели себя какъ существа независимыя и гордыя, презирающія всякое иго. Она думаетъ и теперь, что они были правы; но продолжается ли онъ раздѣлять ея образъ мыслей? Вотъ гдѣ вопросъ. Пусть онъ дастъ ей прямой отвѣтъ. Она ни одной минуты не думаетъ, что онъ собирается ее „бросить“, не сомнѣвается ни въ искренности его чувства, ни въ его честности. Но она видитъ, что не можетъ слѣдовать за нимъ по тому новому пути, гдѣ онъ теперь идетъ, и что его мучаютъ такіе вопросы, которые кажутся ей праздными, и которые онъ стремится разрѣшить въ смыслѣ прямо противоположномъ ихъ общимъ идеямъ. Раньше онъ думалъ, что они составляютъ вдвоемъ какъ бы отдѣльный мірокъ, не нуждающійся въ мнѣніи постороннихъ; а теперь права этихъ постороннихъ, чужихъ, кажутся ему священнѣе ихъ правъ, и онъ боится оскорбить даже предразсудки этихъ постороннихъ. Откуда такая переменѣна? Другіе на его мѣстѣ были бы счастливы, но онъ несчастливъ, и это ей горько,—вѣдь она готова отдать свою жизнь и душу, лишь бы онъ успокоился. Нѣтъ той жертвы, которой она не принесла бы для него, и если для его счастья надо, чтобы она отказалась отъ него, она готова и на это. Она любитъ его *для него*, а не для себя, во-первыхъ потому, что любить иначе она не умѣетъ, а во-вторыхъ потому... что она его любитъ! Она не перестаетъ думать и тосковать о

немъ... И ее страшить то, что происходитъ у него на душѣ тамъ, вдали отъ нея. Теперь она жалѣетъ, что послала его туда; онъ уѣхалъ слишкомъ охотно, а теперь письма его полны впечатлѣній, не раздѣленныхъ ею. Когда онъ подлѣ нея, одинъ поцѣлуй,—и всякія недоразумѣнія кончены, а теперь онъ такъ далеко... Относительно г-жи Лорье Клавдія писала, что не была у нея, потому что не умѣетъ говорить съ этой безцвѣтной женщиной, неспособной на глубокую любовь. Да кажется, и она сама не очень-то симпатична Жаннѣ. Впрочемъ, она ее навѣститъ, разъ Кларансэ этого желаетъ.

Не принесло успокоенія Клавдія и слѣдующее письмо Кларансэ. Онъ увѣрялъ ее, что страхи ея напрасны, что онъ близокъ къ ней, несмотря на разстояніе, такъ же, какъ когда сидитъ въ ея гостиной...

Оживленно и насмѣшливо описывалъ онъ семью брата. Морисъ олицетворялъ типъ жаднаго, хитраго крестьянина, думающаго лишь о томъ, какъ бы „зашибить деньгу“. Онъ присматривался къ брату съ удивленіемъ и завистью, особенно ярко обнаружившеюся тогда, когда, по его просьбѣ, Кларансэ объяснилъ ему устройство общества драматическихъ писателей, черезъ посредство котораго онъ получаетъ заработанныя деньги. Съ трудомъ понялъ Морисъ этотъ механизмъ, но зато проникся потомъ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Онъ мечталъ о такой же карьерѣ для своего сына Жака; а когда Кларансэ сказалъ, что удачи, подобныя его удачѣ, рѣдко повторяются въ одной и той же семьѣ, Морисъ рѣшилъ, что братъ долженъ позаботиться о племянникѣ, и даже взять его къ себѣ. Подобная перспектива, разумѣется, не улыбалась Кларансэ. Невѣстка также не давала ему проходу, особенно настойчиво допрашивая, почему онъ не женатъ. Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво, а потомъ объявилъ, что просто не находитъ себѣ жены... Никто не хочетъ выходить за него замужъ! Невѣстка ему не повѣрила... а между тѣмъ это правда... Въ заключеніе, онъ раздражался цѣлымъ внезапнымъ дириамбомъ въ честь сельской жизни и не менѣе внезапнымъ предложеніемъ Клавдія: „Будь вы подлѣ меня, мнѣ кажется, что я былъ бы совершенно счастливъ. И развѣ это невозможно? Мечта моя такова: вы, Клавдія, отказываетесь отъ Парижа, отъ вашей независимости, отъ нѣкоторыхъ своихъ взглядовъ; мы дѣлаемъ какъ всѣ, приобретаемъ хорошенькую мызу въ такомъ уголкѣ, какъ этотъ, основываемъ семью, внушаемъ своимъ дѣтямъ простые вкусы, ненависть къ городской жизни, скромность желаній, мудрость и семейныя добродѣтели. Вы занимаетесь музыкой для

собственного удовольствія, а я пишу безобидныя произведенія. Мы старимся вмѣстѣ, хорошо зная, что мы не только не вредны, а даже полезны. Какъ это было бы прекрасно!.. Жизнь идетъ впередъ, годы проходятъ, дорогая моя... Поразмыслите хорошенько о моемъ предложеніи... Не думайте, что это—шутка... Какая радость, еслибы вы могли придти къ подобному рѣшенію!..“

„...Подумать о предложеніи, заключающемся въ послѣднихъ строкахъ вашего письма?—отвѣчала ему Клавдія.—Но, другъ мой, моя точка зрѣнія вамъ извѣстна и неизмѣнна; это разъ навсегда рѣшено и сказано. Вѣдь если перевести ваше предложеніе на буржуазный языкъ, это значить „урегулировать наше положеніе“. Ни подъ какимъ видомъ! Подумайте сами: это вѣдь значило бы признаться самимъ себѣ, что мы ошибались. И тѣ десять лѣтъ любви, которыми я такъ горжусь, оказались бы въ нашихъ собственныхъ глазахъ заблужденіемъ, *ошибкой*, и вотъ законный бракъ нашъ былъ бы призванъ исправить ее!.. Неужели вы пошли бы на такое унижительное признаніе? Я—нѣтъ! потому что я слишкомъ горда. Вотъ тогда моя жизнь, *ваша* жизнь, была бы запятнана въ моихъ глазахъ; вотъ тогда я краснѣла бы передъ самой собою. Для меня все это такъ ясно, что я и спорить больше не хочу, и надѣюсь, что когда вы вернетесь, то заговорите со мною иначе. Не знаю, принимать ли въ серъезъ ваши планы сельской жизни. Чѣмъ стали бы мы наполнять свои дни? Вы знаете, что я нуждаюсь въ нѣкоторой дѣятельности,—въ роли садовницы я себя не увижу, а вы умерли бы со скуки безъ вашихъ книгъ, пера, театра и разнообразныхъ тревоженій! Впрочемъ, если это не есть продуктъ вашего литературнаго воображенія, если таково ваше желаніе и счастье ваше зависитъ только отъ моего согласія, то вы знаете, другъ мой, что я и на это заранѣе готова! Стоить вамъ пожелать,—и я пойду за вами хоть на край свѣта. Я готова на всякія жертвы для васъ. Только не просите меня о томъ, чего я не могу сдѣлать, не униживъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ... А какъ медленно тянутся дни! Вы не находите?“

Гуляя какъ-то по полямъ, Кларансѣ, давно не навѣщавшій Лорье, несмотря на близкое сосѣдство Сень-Тандра, увидалъ разъ подъ орѣшникомъ своего друга. Тотъ лежалъ неподвижно, уставясь глазами въ небо. Кларансѣ окликнулъ его два раза. Лорье точно пробудился, взглянулъ на друга безъ всякаго удивленія и только произнесъ:

— Ахъ! это ты...—Онъ всталъ и продолжалъ, точно при-
помнивъ что-то:—Да, правда!.. Ты вѣдь гостишь у брата... Въ
Провѣ, да?..

— Вѣдь мы же съ тобою пріѣхали вмѣстѣ, помнишь?

— Да, да, помню...

Его осунувшіяся черты, неподвижный взглядъ и безпоря-
дочно всклокоченная борода произвели тяжелое впечатлѣніе на
Кларансѣ, но онъ поборолъ свое волненіе и сказалъ Лорьѣ, что
деревня принесла ему очевидную пользу. Но Лорьѣ покачалъ
головой и хлопнулъ себя по лбу...—Нѣтъ... все тѣ же неотвяз-
ныя мысли... не отдѣлаешься отъ нихъ...—Мать его очень добра
къ нему, но постоянно твердитъ ему: „Надо хотѣть!..“ Хотѣть
поправиться, дѣйствовать, словомъ,—хотѣть... А онъ не можетъ...

Кларансѣ сталъ его утѣшать и успокаивать. Онъ указывалъ
на красоту окружавшей ихъ природы, совѣтовалъ писать эти
чудесныя виды... работать! Но самый смыслъ этого слова былъ
точно чуждъ Лорьѣ.—Нѣтъ, онъ не работаетъ, ему необходимъ
отдыхъ.—Отдыхъ, безспорно, прекрасная вещь, но теперь онъ
отдохнулъ достаточно. Пусть онъ вернется къ труду, уврачева-
телю всякой скорби...—Да, конечно... Но!..—И Лорьѣ безнадежно
махнулъ рукой...—Но если онъ не работаетъ, что же онъ дѣ-
лаетъ?—Что? да вотъ лежитъ... спитъ... думаетъ...

Кларансѣ совѣтовалъ ему развлечься,—ну, хоть его навѣ-
стить, и съ трудомъ добился у Лорьѣ обѣщанія побывать у него
на слѣдующей недѣлѣ. Вспомнить ли онъ только это обѣщаніе?
На обратномъ пути, Кларансѣ упрекалъ себя въ эгоистичной
беззаботности относительно Лорьѣ. Отъ сколькихъ обязанностей
уклоняются такимъ образомъ люди изъ малодушія, подъ пред-
логомъ ненужности этого! Сколько можно сдѣлать добра, побо-
ровъ свою лѣнь! Вѣдь вотъ онъ почти успокоился насчетъ судьбы
этого бѣдняги, а между тѣмъ злой недугъ дѣлалъ свое дѣло. Те-
перь Кларансѣ точно очнулся. Ему опять представилось недвижимое
тѣло Селины, брошюра его пьесы на столѣ. Эта драма опять
завладѣла имъ; онъ опять задумывается надъ послѣдствіями на-
писанныхъ ими, литераторами, страницъ. Какъ быть, когда тебѣ
все это доподлинно извѣстно?.. А вотъ эта послѣдняя встрѣча
только-что все ему разъяснила...

Получивъ отъ Кларансѣ письмо со всѣми этими подробно-
стями и различными соображеніями, Клавдія тревожно отвѣчала:

„Знаете ли, мой бѣдный другъ: я боюсь, что вы также
близки къ *idée fixe*, какъ и Лорьѣ? Это меня тревожитъ... Вашъ

ясный умъ меркнетъ, и я угадываю между вашихъ строкъ сильнѣйшую душевную неурядицу. Серьезно говорю вамъ: это опасно не только для вашего умственного равновѣсія, но и для сердца, и для равновѣсія всей вашей жизни. Драма Лорреэ застала васъ въ тяжелую минуту и вызвала душевный кризисъ, давно уже подготовлявшійся, хотя ни я, ни вы сами, пожалуй, этого не подозревали. Куда онъ васъ приведетъ? Къ отшельничеству, къ обращенію въ лоно церкви? Не знаю, но боюсь оказаться жертвою этого перелома.

„Оно вырвалось, оно произнесено, это слово, эта тайная забота, которая душитъ меня и превратится непременно въ *idée fixe*. Каждый изъ насъ, очевидно, осужденъ на какую-либо *idée fixe*. Меня страшитъ ваша душевная ломка. Вотъ до чего я дошла послѣ столькихъ лѣтъ тѣснаго единенія и довѣрія, и признаюсь вамъ въ этомъ прямо. И страшусь я тѣмъ сильнѣе, что, повторяю, не сомнѣваюсь ни въ вашей честности, ни въ вашемъ сердцѣ. Ревности тоже тутъ нѣтъ и помину. Но я вижу, какъ наша любовь расплывается подъ давленіемъ чего-то, бороться съ чѣмъ я не могу; я вижу, какъ вы удаляетесь отъ того пункта, гдѣ мы стояли вмѣстѣ, и не могу васъ удержать. Вы уходите куда-то, гдѣ мнѣ нѣтъ мѣста, и гдѣ я скорѣе васъ стѣсняю; точно какой-то корабль увозитъ васъ въ невѣдомую даль, тогда какъ я остаюсь на берегу. Увы! раздѣляетъ насъ, однако, не разстояніе! Будь вы тутъ, я разобрала бы въ вашемъ голосѣ тѣ же диссонансы, что чую теперь еще яснѣе въ вашихъ письмахъ... Я нашла бы, пожалуй, въ васъ такую переменъ, что не сзумѣла бы выразиться яснѣе, чѣмъ пишу теперь!..

...„Я прервала это письмо, другъ мой, и задумалась. Кажется, и поплакала,—видите это пятнышко? Перечтя затѣмъ все выше написанное, я спрашиваю теперь себя,—посылать ли ужъ это письмо? Какой-то тайный голосъ совѣтуетъ не посылать: когда опасаться какихъ-нибудь бѣдъ, не лучше ли не навлекать ихъ преждевременно? Но развѣ мы скрывали когда-либо что-нибудь другъ отъ друга? И слова, и слезы, вырвались сами,—пусть они дойдутъ до васъ! Быть можетъ, это откроетъ вамъ глаза!..

...„Я прерывала себя опять, но теперь ужъ я не плачу. Если догадка моя вѣрна,—скажите это прямо, другъ мой... Мы не связаны никакими торжественными узами. Мы сошлись свободно, и вы знаете, какъ я горжусь этой свободой. Если нужно,—воспользуйтесь ею. Если я васъ стѣсняю, если вы любите меня меньше, чѣмъ прежде, если вы замыслили такую переменъ жизни,

для которой я оказываюсь препятствіемъ, скажите прямо и честно. Мнѣ приходитъ иногда на память та біографія Расина, гдѣ говорится о его женитьбѣ,—помните? Хотите жениться также, изъ благоразумія, на благочестивой особѣ подходящаго возраста? Вы свободны. Я хочу только одного, чтобы вы оставались всегда самимъ собой! Стоить вамъ сдѣлать одинъ шагъ,—и я исчезну съ вашей дороги. Я ломаю себѣ голову надъ вопросомъ: въ чемъ ваше счастье, внѣ меня,—и не могу разрѣшить его. Можетъ быть, вы разрѣшите его сами, если уже не разрѣшили. Довѣрьте же мнѣ свои самыя заветныя мысли; я никогда не попрекну васъ ими, никогда не потребую того, чего вы не захотите дать добровольно. Довольно думать... посылаю это письмо. И я вся ваша, всецѣло“.

„Вы преувеличиваете недугъ,—отвѣчалъ Кларансѣ,—наличности котораго во мнѣ я не отрицаю, дорогая моя. А главное, вы примѣшиваете сюда беспокойство на свой счетъ, о которомъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Вы для меня все то же, чѣмъ были всегда—сегодня, какъ и вчера; я не могу представить себѣ жизни безъ васъ. Думы мои всегда подлѣ васъ, и никакая душевная ломка не заставитъ меня уплыть отъ васъ куда-то на кораблѣ. Мнѣ почти совѣстно повторять все то, что такъ хорошо вамъ извѣстно, и если я это повторяю, такъ только съ цѣлью разогнать ваши мрачныя мысли. Отгоните же ихъ поскорѣе! Имъ нѣтъ мѣста между нами двумя. Это сдѣлано? Да? А теперь могу сказать вамъ, что въ письмѣ вашемъ есть-таки доля правды. Не хочу скрывать отъ васъ, что вы коснулись раны, открывшейся во мнѣ не недавно, но растравленной недавними событіями. Я хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ по возвращеніи, но письмо ваше побуждаетъ меня сдѣлать это немедленно.“

„Ничто не измѣнилось между нами, связь наша зависитъ исключительно отъ вашей воли,—о чемъ вы мнѣ съ гордостью напоминаете. А меня, наоборотъ, это глубоко смущаетъ. Вы знаете, что я всегда хотѣлъ санкціонировать нашу связь, и только вы отъ этого отказывались. Теперь я желаю этого больше, чѣмъ когда-либо, такъ какъ я увѣренъ, что мы виновны въ несоблюденіи первѣйшаго общественнаго закона, ограничивающаго нашу личную свободу во имя общаго блага и благотворнаго примѣра. Мы жили только своимъ умомъ, презирая „предразсудки“ изъ духа независимости, своеволія и смѣлости. Я долго думалъ, что мы не можемъ ошибаться, а теперь полагаю, что мы ошиблись. Это потому, что съ годами я приобрѣлъ то чувство, котораго

недоставало моей молодости, а именно сознанія законныхъ требованій коллективной жизни; я узналъ, что наши мысли и поступки влекутъ за собою тьму отзвучій; я признаю теперь необходимость преклонить нашъ личный взглядъ передъ людскимъ мнѣніемъ, какъ бы ни были посредственны установившіе его умы; наконецъ, извѣстныя вамъ событія бросили особый свѣтъ на предстоящій мнѣ еще жизненный путь, и я намѣренъ отнынѣ идти по нему иначе.

„Вы видите, другъ мой, что это дѣйствительно, какъ вы выражаетесь, *обращеніе*,—только оно церкви тутъ ни-при-чемъ. Вы боитесь разлада между нимъ и нашей жизнью, и предлагаете мнѣ исчезнуть изъ нея съ великодушіемъ, которое оскорбило бы меня, еслибы что-либо съ вашей стороны могло меня оскорбить. Я отвѣчаю вамъ сердечной просьбой исправить нашу первоначальную ошибку и стать въ глазахъ цѣлаго свѣта тѣмъ, чѣмъ вы были для меня цѣлыхъ десять лѣтъ. Умоляю васъ исполнить мою просьбу, потому что исполненіе ея опредѣлитъ цѣль моей жизни. Вы понимаете, что отнынѣ я буду уже преслѣдовать совершенно инныя цѣли. Писать я не перестану, но буду писать *иначе*. И я чувствую, что для того, чтобы моя новая дѣятельность была плодотворна, необходимо, чтобы между моими писаніями и поступками было полное единство,—а это можете дать мнѣ только вы. Разсудокъ вашъ непреклоненъ, но я знаю, какое у васъ сердце: слѣдуйте только его внушеніямъ, и раздѣляющія насъ теперь тѣни исчезнутъ“.

Клавдія отвѣчала кратко. Самое лучшее—отложить разговоръ объ этомъ до его возвращенія, а до тѣхъ поръ лучше не касаться того сюжета, потому что всякое разногласіе обострится при перепискѣ. Несомнѣнно, что въ данную минуту они думаютъ различно, но лучше этого не подчеркивать.

Тѣмъ временемъ Кларансѣ навѣстилъ Лорье, или, вѣрнѣе, мать его, ибо несчастный почти не замѣтилъ присутствія друга. Кларансѣ не удалось вырвать у него и нѣсколькихъ словъ, и онъ вынесъ изъ своего посѣщенія такое тяжелое впечатлѣніе, что счелъ нужнымъ написать Жаннѣ, хотя и не зналъ, можетъ ли быть ея присутствіе полезно. Какъ бороться противъ надвигающагося незримаго врага? Всѣ знаютъ, какъ бороться съ лихорадкой, тифомъ, чахоткой,—но что предпринять противъ этой смѣси сожальній, угрызений совѣсти, отчаянія и *idée fixe*? Передъ этимъ недугомъ люди тѣмъ болѣе безсильны, что самъ больной

не способенъ ни на какое сопротивленіе и желаетъ только одного—скорѣйшей смерти.

Никогда не выдавшая ничего подобнаго, старуха Лорье наблюдала за сыномъ, ничего не понимая, съ глухою боязнью въ душѣ, предаваясь то гнѣву, то жалости. Она давно уже не видала сына, но гордилась имъ издали и любила, ничего не требуя и не удивляясь, что онъ ее забываетъ, потому что всѣ дѣти ея были „пристроены“, разбрелись по всѣмъ концамъ свѣта; она была спокойна на ихъ счетъ и доживала одинокою свой вѣкъ. А теперь, помимо болѣзни сына, ее терзало и праздное любопытство сосѣдей, осаждавшихъ ее вопросами: „Почему ея сынъ здѣсь, да что съ нимъ? Почему жена не при немъ? Правда ли, что онъ разводится?“ Старуха отвѣчала, какъ могла, но ея сбивчивыя объясненія никого не удовлетворяли, и она, въ свою очередь, допрашивала Кларансэ: что это за болѣзнь?—И доктора тутъ, значить, помочь не могутъ? И все это изъ-за какой-то дряни! Дѣла его вѣдь не пошатнулись?—На этотъ счетъ Кларансэ ее успокоилъ, но не скрылъ, однако, что сыну ея работать необходимо.—Да развѣ у жены его не было состоянія?—допытывалась старуха.—Покойные родители ея лишились всего своего имущества.—Но вѣдь онъ, говорятъ, такъ много зарабатываетъ своими картинами?—Да, но и проживаетъ много.—И ничего не откладываетъ?—И, получивъ отрицательный отвѣтъ, старуха удивилась такой неосмотрительности. Можно ли такъ поступать, имѣя жену и дочь? Кларансэ возражалъ ей, что теперь сына ея надо лечить, а не упрекать.—Это такъ, но какъ же быть, когда онъ даже не отвѣчаетъ на вопросы... Да, какъ быть?..

Когда Кларансэ вернулся домой, братъ принялся допрашивать его, правда ли, что онъ знакомъ съ художникомъ Лорье?—Да? Значить, онъ можетъ объяснить, что съ нимъ приключилось? Тутъ говорятъ, что онъ бросилъ жену и дѣтей изъ-за какой-то дряни, которая хотѣла убить его!—Кларансэ возразилъ, что это не совсѣмъ вѣрно.—Тогда въ чемъ же именно дѣло?—Не считая возможнымъ посвящать брата въ трогательную исторію Селины, въ которой тотъ ничего бы не понялъ; Кларансэ сослался на незнаніе точныхъ подробностей, что разочаровало Мориса. Тотъ замѣтилъ:—Все это исторія нечистая!—Тутъ онъ принялся излагать свои взгляды на семью, на бракъ, негодуя на тѣхъ, кто не хочетъ поступать какъ *все другіе*, что для его практичнаго, рутинерскаго ума было послѣднимъ словомъ мудрости, основаніемъ правственности, неоспоримымъ догматомъ. И Кларансэ

казалось, что этотъ крестьянинъ, пожалуй, не такъ ужъ далеко отъ правды...

Невѣстка его еще болѣе набросилась на бѣдную Селину, которая представлялась ей чѣмъ-то ужаснымъ. Съ особой черствостью, свойственной „безупречнымъ“ женщинамъ, она отпускала по адресу бѣдняжки всевозможныя грубыя выраженія. Мужъ ей поддакивалъ. Теряя терпѣніе, Кларансѣ отвѣчалъ, что они грубо ошибаются, — бѣдняжка была хорошая, честная дѣвушка... „Честная“?!—Это вызвало настоящую бурю, а Морисъ закричалъ: — Вы, парижане, разучились отличать добро отъ зла и до того запутали свои понятія, что стали жить какъ звѣри.

Кларансѣ не возражалъ, потому что находилъ въ этомъ свою долю справедливости. Передавая все это Клавдіи, онъ писалъ, что не возвращается къ сказанному уже, помня ея запретъ, но что жить въ мирѣ съ самимъ собою кажется ему прекрасною вещью... — Въ отвѣтномъ письмѣ Клавдія сообщила ему, что исполнила его просьбу, навѣстила г-жу Лорье. Ничего особеннаго она изъ этого визита не вынесла: въ домѣ все по прежнему; Жанна говорила съ нею спокойно, но настоящаго довѣрія, очевидно, къ ней не чувствуетъ. Ей кажется, что его тревоги насчетъ Жанны преувеличены. Пора бы ему вернуться, — ибо деревня не только не возстановила его душевнаго равновѣсія, а скорѣе разстроила его. Давно уже замѣтила она, что одиночество ему вредно и наводитъ на мрачныя мысли.

„Вы жили до сихъ поръ какъ всѣ, — писала она, — безъ труда сохраняя достаточную гармонію между вашимъ мышленіемъ и поступками. Но вдругъ, вслѣдствіе утомленія и поразившей васъ катастрофы, вы замѣтили, что гармонія эта несовершенна, что между литературой и жизнью, напимѣръ, существуютъ разногласія, и что вы, занимаясь литературой, поддались ея дурному вліянію. Самое благоразумное было бы примириться съ этимъ, ибо вѣдь это „профессіональное извращеніе“ свойственно не одной литературѣ: адвокаты и доктора проходятъ черезъ то же самое, не говоря уже о силачахъ съ исключительно развитыми мышцами, или о танцовщицахъ, у которыхъ вся суть въ икрахъ. Но вы, вмѣсто того, чтобы примириться съ этимъ фактомъ, хотите преобразовать свою душу. Хороша идея, нечего сказать! Развѣ вы не видите, что это все та же литература, отъ которой вы хотите бѣжать! Ваши впечатлѣнія, размышленія, выводы, — все это литература, другъ мой, да еще далеко не высокаго пошиба! Въ моихъ глазахъ это менѣе оригинально и бо-

лѣе искусственно, чѣмъ ваши драмы. Ваша апологія деревенской жизни, ваши взгляды на добро и зло, ваши проекты, серьезность, съ которой вы обсуждаете мнѣнія вашего брата, который не болѣе, — не обижайтесь, — какъ глупецъ, и глупецъ самаго опаснаго сорта, — все это литература. Это — Толстой, Жанъ-Жакъ Руссо, — но это не Кларансѣ. Полноте, мой другъ, забудьте это безплодное нѣтъе состарѣвшихся писателей. Будьте самимъ собою, пользуйтесь своимъ талантомъ, пишите прекрасныя драмы, воспѣвающія любовь. Не упрекайте себя за эту пропаганду, ибо, что бы тамъ ни говорили, любовь — прекраснѣйшая изъ добродѣтелей, несмотря на причиняемые ею опустошенія. Общественное благочиніе? Правила? Опыты всеобщей мудрости? Вамъ ли смотрѣть на все это!.. Все это имѣетъ значеніе только тогда, когда любви нѣтъ или когда она утрачена! А пока она существуетъ, она наполняетъ сердце, землю, самое небо!.. Я не знаю другихъ законовъ, кромѣ законовъ любви, и надѣюсь, что вы скоро забудете весь тотъ обманчивый вздоръ, который мучаетъ васъ теперь... Деревня, гдѣ вы предаетесь этимъ мыслямъ, противна мнѣ, и я почти готова поѣхать за вами, вырвать васъ оттуда, не взирая на принципы вашего брата и злость вашей невѣстки. На свѣтѣ, по-моему, существуетъ лишь одно неизбежное право, въ которое я вѣрю, и отъ котораго мы отступили, а именно: любящіе никогда не должны разставаться другъ съ другомъ! Подумайте надъ этимъ и возвращайтесь!.. Шлю вамъ градъ поцѣлуевъ подъ самымъ носомъ вашей невѣстки!..“

„До какой степени все ваше милое письмо проникнуто любовью ко мнѣ, дорогая моя! — отвѣчалъ Кларансѣ. — А между тѣмъ, какъ вы, вѣроятно, догадываетесь сами, я не согласенъ съ вами.“

„Во-первыхъ, вы впадаете въ крупный парадоксъ. Вы смѣшиваете „профессіональное извращеніе“ литературы съ извращеніями, производимыми другими профессіями. А между тѣмъ разница тутъ существенная; второе извращеніе — чисто внѣшнее и ограниченное, тогда какъ первое проникаетъ въ самую душу, въ тайники ея. Адвокатъ, докторъ, — даже силачъ и танцовщица, — остаются такими же людьми, какъ и всѣ: наслаждаются, страдаютъ и думаютъ одинаково. Мы же, наоборотъ, вѣчно развивая свое воображеніе, подвергаемъ нашу чувствительность полному превращенію: мы ее преувеличиваемъ, раздражаемъ, извращаемъ. И мы перестаемъ быть какъ другіе, и превращаемся въ исключеніе. Но въ современномъ обществѣ нѣтъ мѣста исключительнымъ существамъ: они не правы по всѣмъ пунктамъ, ви-

даютъ все превратно, судятъ плохо, ошибаются въ пропорціяхъ дѣйствительности... Какъ вы смѣло, ничего не слушая, защищаете свой парадоксъ! Когда я думаю о васъ,—мнѣ невольно приходится въ голову одно словечко: упрямство! Простите, что оно вырвалось у меня, но мнѣ кажется—оно вѣрно. Посмотрите на обоихъ насъ: я колеблюсь, ищу, сомнѣваюсь, иду ощупью, тогда какъ вы идете напроломъ, не мѣняя своихъ понятій, что бы ни встрѣтилось вамъ, преслѣдуя разъ навсегда намѣченную себѣ цѣль. Вы напоминаете тѣхъ путешественниковъ, которые, составивъ себѣ разъ извѣстное понятіе о посѣщаемыхъ ими городахъ, остаются при своихъ понятіяхъ, вопреки очевидности. Тѣмъ хуже, если въ какомъ нибудь музеѣ перевѣсили картины,—эти люди преспокойно примутъ Тиціана за Рафаэля. Не сердитесь, но вы немножко въ этомъ родѣ. Послѣ потрясшаго меня трагическаго событія, жертвы котораго слѣдуютъ за мною по нитамъ, точно по вѣлвію судьбы, вы хотѣли бы, чтобы я чувствовалъ себя такъ, какъ будто ничего не произошло. Но подобные уроки—могутъ ли они пройти безплодно? Повторяю,—я сталъ другимъ человекомъ, измѣнился,—и вамъ придется измѣниться со мною вмѣстѣ! Когда я повторю вамъ все устно, вы согласитесь со мною,—это неизбѣжно. Или что-нибудь откроетъ вамъ, наконецъ, глаза. Вы видите, мнѣ приходится разсчитывать на непредвидѣнное. Во всякомъ случаѣ, жить въ разногласіи съ вами я буду не въ состояніи. Но одна вы, Клавдія, можете возстановить гармонію между нами.

„Былъ у меня Лорье, т.-е. его приводили ко мнѣ. Невѣстка моя бросала на него яростные взгляды, а братъ повернулся къ нему спиной, чего онъ, впрочемъ, и не замѣтилъ. А послѣ его ухода они почти сдѣлали мнѣ сцену. Боже мой, какъ я далеко отъ нихъ!.. отъ васъ, отъ всѣхъ другихъ!.. Мнѣ кажется, что я одинъ, и одиночество это тяготитъ меня... До скорого свиданія!..“

VIII.

Разъ подъ вечеръ явился къ Кларансѣ крестьянинъ изъ Сенъ-Тандра, и изъ его довольно-таки безсвязнаго разсказа выяснилось, что съ Лорье случился припадокъ умоизступленія, во время котораго онъ чуть не выбросился въ окно. Сбѣжавшіеся на крикъ его матери люди съ большимъ трудомъ справились съ больнымъ, а кто-то догадался привести доктора, который надѣлъ на него какую-то рубашку съ ремнями. Докторъ говорилъ, что

его необходимо отправить въ больницу. Потрясенный, Кларансѣ сейчасъ же собрался въ путь вмѣстѣ съ Морисомъ, который правилъ лошадей. По дорогѣ онъ приставалъ къ брату съ вопросами о Лорьѣ, но Кларансѣ упорно отмалчивался, мысленно перебирая образы дѣйствующихъ лицъ этой нескончаемой драмы: Лорьѣ въ горячечной рубашкѣ, его бѣдную, недоумѣвающую старуху-мать, ничего еще не знающую Жанну и бѣдную, неповинную жертву—дочь Лорьѣ. Менѣе ясно представлялись ему фигуры бѣдной Селины и ея удрученныхъ скорбью родителей. Сколько бѣдъ и развалинъ! И вдругъ ему пришла на память одна фраза героя его послѣдней драмы и даже интонація произносившаго ее актера: „Не придавайте значенія жизни съ ея обузами, трудами, мелкими радостями и заранѣе разграфленными, точно школьная тетрадка, часами. Одна лишь вещь имѣетъ важность, это—періодъ любви, единственный періодъ, когда все ваше существо экзальтируется, облагораживается, превосходитъ самого себя, заключаетъ въ себѣ всѣ силы. Проходящіе черезъ этотъ періодъ воображаютъ, что онъ будетъ длиться вѣчно, а между тѣмъ онъ уже конченъ; но яркость его наполнила, навсегда скрасила всю ихъ жизнь“...

Быть можетъ, сегодня же рукоплещутъ въ театрѣ этой фразѣ, и она пробуждаетъ въ залѣ трепетъ восторга. Влюбленные пары принимаютъ ее на свой счетъ, молодыя красавицы шепчутъ: „Какъ это вѣрно!“ Юноши мечтаютъ полюбить такую же любовь...

Когда они подъѣхали къ дому Лорьѣ, его мать сама отворила имъ дверь. Она не знала, какъ благодарить Кларансѣ, не отступившаго даже передъ позднимъ часомъ. Кларансѣ спросилъ, извѣстила ли она жену сына? Нѣтъ...—Какъ же написать ей?..—Да, что сказать Жаннѣ, какъ сообщить ей объ этой катастрофѣ, какъ подготовить къ ней? Кларансѣ рѣшилъ телеграфировать ей на слѣдующій же день.

Когда старуха Лорьѣ провела Кларансѣ въ ту комнату, гдѣ находился ея сынъ, Кларансѣ увидалъ передъ собою качающуюся голову, круглые, блуждающіе глаза, выпачканные пѣной и точно жующія что-то губы; крупныя капли пота катились по лицу, а все тѣло въ горячечной рубашкѣ представляло изъ себя лишь безформенную массу. Какъ ни окликалъ его Кларансѣ, онъ не добился другого отвѣта, кромѣ какихъ-то безсвязныхъ звуковъ, похожихъ на лепетъ новорожденнаго. Ничего друго не добилаясь отъ него и мать, расточавшая ему самыя ласковыя слова. Она была въ отчаяніи. Дожить до старости, чтобы видѣть подобную

стену?.. Кларансѣ утѣшалъ ее. Отчаиваться не слѣдуетъ,—эти недуги излечимы при хорошемъ уходѣ. Завтра же онъ самъ его увезетъ.

На завтра больной оказался настолько спокойнымъ, что докторъ снялъ съ него горячечную рубашку; Лорье вставалъ, ходилъ, лепеталъ что-то бессвязное, или опять падалъ въ кресло и впадалъ въ неподвижность. Переговоривъ съ докторомъ, Кларансѣ рѣшилъ увезти больного въ тотъ же вечеръ. Какъ ни ломалъ онъ себѣ голову, а все-таки не нашелъ подходящихъ выражений, и въ концѣ концовъ телеграфировалъ Клавдію:

„Лорье помѣшался. Привезу его завтра утромъ. Прошу предупредить, приготовить Жанну“.

Получивъ эту депешу, Клавдія бросилась къ Жаннѣ. Въ небольшой гостиной царилъ обычный порядокъ, и Жанна вышла къ гостѣ тщательно одѣтая и причесанная, по обыкновенію, спокойная, вѣжливая и сдержанная. При первыхъ же словахъ Клавдіи о серьезности положенія ея мужа, тихіе, ясные глаза Жанны остановились внимательно и задумчиво на говорившей. А когда Клавдія повторила настоятельно, что привезла дурныя вѣсти, по лицу Жанны прошло легкое содроганіе, глаза ея закрылись, и она спросила:—Онъ умеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ... Кларансѣ телеграфировалъ мнѣ, что везетъ его домой... вслѣдствіе... вслѣдствіе... случившагося серьезнаго припадка...

— Припадокъ?.. Какой припадокъ?..

Уклончивость была бы уже теперь неумѣстна, но Клавдія изощрялась, подыскивая смягчающее выраженіе:—Мозговой припадокъ... горячка... бредъ... Но у нея ничего не выходило, и она просто взяла, молча, руку Жанны, пожимая ее въ своихъ рукахъ. Молодая женщина поняла это грозное молчаніе.

— Господи!—вырвалось у нея:—я ожидала этого!..—И на ея спокойномъ лицѣ отразилось такое жгучее страданіе, что Клавдія почувствовала, какъ слезы подступаютъ къ ея глазамъ. Теперь Жанна хотѣла знать всю правду, но подробностей Клавдія не могла сообщить ей никакихъ, потому что Кларансѣ телеграфировалъ ей только, что привезетъ Лорье и проситъ приготовить Жанну. Та тихонько высвободила свою руку, чтобы отереть капавшія изъ ея глазъ слезы, и жалобно простонала:

— Бѣдный другъ!.. бѣдный другъ!.. бѣдный другъ!

Она думала только о немъ, забывая совсѣмъ себя. Наплакавшись въ объятіяхъ Клавдіи, которую она еле знала, и которая

тоже до сегодня не знала и не понимала ее, она съ трудомъ заговорила:

— Это несчастіе было неминуемо... Я его предчувствовала... Я видѣла, какъ оно надвигается... У него такая отзвѣчивая душа... Послѣ такого ужаса... Какъ могъ онъ это выдержать... Гдѣ взялъ бы онъ силы?.. Господи! зачѣмъ я не сѣмѣла ее вдохнуть ему!

Это наивное самоотверженіе тронуло Клавдію до самой глубины ее страстной души, всегда готовой на ревнивую, бурную вспышку. Великодушіе или слабость? Разобрать этого она не могла, и страстно вскричала:

— О, вы выказали такую доброту и всепрощеніе!.. Ничего болѣе вы не могли сдѣлать. Другія на вашемъ мѣстѣ...

— Можетъ быть... Но зато еще другія... лучше бы поняли... сѣмѣли бы лучше простить... Я сдѣлала, чтѣ могла... Это такъ чуждо мнѣ! это такая драма!.. Но вѣдь онъ мнѣ мужъ... Мы связаны на всю жизнь... Онъ одинъ у меня... Какъ же могла бы я быть злопамятной къ нему?.. Еслибы вы знали, какъ онъ былъ добрѣ, когда родителей моихъ постигло несчастіе!.. Еслибы вы знали, какъ дочь любить его... О, чтобы разорвать связывающія насъ узы... не довольно заблужденія или ошибки... Одна смерть разорветъ ихъ!.. Тенерешняя катастрофа... дѣлаетъ эти узы только крѣпче, тѣснѣе... Отнынѣ у него остаюсь только я... Другіе будутъ его бояться, избѣгать... Лишь бы только его оставили мнѣ!.. О, скажите,—его у меня не отнимутъ?..

Клавдія прижала ее къ себѣ, цѣлуя въ лобъ.

— Какъ вы благородны... великодушны!.. Я удивляюсь вамъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ!.. Всѣ женщины одинаковы!.. Когда обрушивается такой ударъ... Боже мой! чтѣ значать тогда всѣ другія горести?.. Подумайте, кто станетъ за нимъ ухаживать, если я его покину?.. Моя жизнь принадлежитъ ему... Вотъ все, чтѣ я хочу сказать...

— По крайней мѣрѣ, подлѣ васъ будутъ друзья... которые постараются любить васъ, какъ вы того заслуживаете...

Наконецъ-то Клавдія проникла тайну этой героической и крѣпкой души, такъ плотно замкнутой, что только грозный ударъ судьбы смогъ пріоткрыть ее... Вся гордость ее падала передъ подобной жертвой, внезапно освѣтившей передъ нею ту долю эгоизма, чтѣ таилась, быть можетъ, въ ее собственной любви.

— Мнѣ хотѣлось бы помочь вамъ, Жанна, нести вашъ

крестъ. Но ваша доброта такъ безконечна, что я едва смѣю раздѣлять ваши слезы!..

На слѣдующее утро Кларансэ и Лорье были въ Парижѣ. Не взирая на совѣты и настоянія специалистовъ, совѣтовавшихъ помѣстить Лорье въ одну прославленную лечебницу, Жанна упорно твердила:

— Это мой мужъ, и я его не покину. Я не имѣю на это права. И никто не имѣетъ права отнять его отъ меня...

И она не сдавалась ни на какія увѣщанія. А такъ какъ больной былъ теперь совершенно спокоенъ, то ей его и оставили.

Былъ еще одинъ вопросъ—матеріальный. Пока было рѣшено устроить распродажу произведеній Лорье и разныхъ художественныхъ предметовъ его мастерской. А что будетъ дальше—вѣдомо одной судьбѣ.

IX.

Въ ту самую ночь, какъ Кларансэ возвращался въ Парижъ съ Лорье, скончался Викторъ Деламбръ. То была прекрасная, внезапная смерть, безъ страданій и агоніи. И къ грусти Кларансэ присоединилась теперь скорбь объ утраченномъ учителѣ и другѣ. Слѣдуя за его гробомъ среди огромной толпы, Кларансэ вспоминалъ прекрасное лицо покойнаго, обрамленное серебристыми, пушистыми волосами, его ясный, доброжелательно-проницательный взглядъ, его чудесный, звучный, иронически-страстный голосъ. Онъ мысленно перечитывалъ его мощныя произведенія, романы, драмы, памфлеты, поэмы, — всегда представлявшіе человѣка во всей его силѣ, всегда защищавшіе какой-нибудь благородный тезисъ, всегда говорившіе объ истинѣ, о добрѣ, о справедливости. Онъ всегда шелъ прямо передъ собой, не внимая сомнѣніямъ; онъ могъ пожить съ миромъ, увѣренный, что посѣялъ лишь добрыя сѣмена. Онъ вспомнилъ свой послѣдній разговоръ со старикомъ, его участіе, его доброжелательство къ молодымъ писателямъ вообще, проистекавшее изъ его потребности вѣрить въ то, что человечество идетъ безостановочно къ свѣту.

Между тѣмъ, къ Кларансэ приблизились его племянники Жакъ и Мертонъ, и Жакъ объявилъ, что, конечно, ожидаетъ встрѣтить его здѣсь. Кларансэ отвѣчалъ, что сегодня это обязанность всякаго пишущаго человѣка. Но молодые люди переглянулись другъ съ другомъ, и было ясно, что они считаютъ это фразой. Жакъ пояснилъ съ важностью, что они тутъ въ качествѣ журналистовъ:

онъ только-что поступилъ въ редакцію „Звѣзды“. На первую ступеньку онъ вступилъ, теперь остается взбираться выше. Но Мертонъ, уже умудренный опытомъ, замѣтилъ, что не всѣмъ удастся взобраться до-верху... Не безъ ироніи, Жакъ освѣдомился у дяди о его поѣздѣ въ Пронъ, отъ котораго онъ, разумѣется, растаялъ! — Ну, да, они, нынѣшніе, не понимаютъ этого, — отвѣчалъ Кларансѣ. — Пусть поживутъ, — время научить! — Но, указывая на гробъ, Жакъ сказалъ: — Ну, этотъ вотъ дожилъ до глубокой старости, а научился немногому! — Кларансѣ остолбенѣлъ, а Жакъ удивился: — Неужели дядя восхищается произведеніями покойнаго? — Кларансѣ былъ уничтоженъ... — Неужели Жакъ не чувствуетъ, что со смертью этого человѣка погасъ яркій свѣточъ, исчезъ одинъ изъ благороднѣйшихъ умовъ?! — Жакъ взглянулъ на Мертона, но тотъ слушалъ молча, тронутый искренностью тона Кларансѣ, какъ и въ первый разъ, вполне готовый понять его.

— Не позволяю себѣ спорить съ вами, дядя, но — даже рискуя разсердить васъ — я долженъ признаться, что по-моему Делаамбръ былъ только искусникъ, превосходно знавшій свое ремесло, но слишкомъ падкій на общія мѣста. Къ тому же онъ вѣрилъ въ такую массу вещей...

— А ты не вѣришь ни во что?

— Простите, но для меня, для насъ, Делаамбръ — уже прошлое... и уже далекое, устарѣлое прошлое!.. Настоящее — это вы и нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе въ вашемъ родѣ. А вѣдь вы не учили насъ вѣрѣ. Сопоставьте ваши пьесы съ его пьесами, — развѣ философія ихъ, ихъ концепція жизни — не иныя?

— Расинъ вслѣдъ за Корнелемъ, — подсказалъ Мертонъ.

— Съ одной стороны шумиха, — продолжалъ Жакъ: — пустыя, громкія фразы, словомъ — краснорѣчіе, многословіе, вся старая риторика, — въ защиту избитыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, износившихся истинъ. Съ другой стороны, — тонкое знаніе человѣческаго сердца, ничѣмъ не скованное изученіе страсти, наблюдательность, но не доходящая до заключительныхъ выводовъ: словомъ, дилеттантизмъ, измышленіе вашихъ сверстниковъ, дядя, причемъ одинъ изъ нихъ поставилъ его даже подъ покровительство [Виргилія. Помните?.. „Все на свѣтѣ пріѣдается, но наблюдать и понимать не надоѣстъ никогда“.

— А если и это надоѣсть? — сказалъ Кларансѣ. — Если явится потребность выводовъ, умозаключеній?

— Многіе изъ насъ идутъ къ тому, — сказалъ Мертонъ. — Мы начинаемъ не довѣрять дилеттантизму; многое доказало

намъ его опасность. Если старшіе захотятъ намъ помочь, мы, можетъ быть, и выберемся на вѣрную дорогу.

— Ахъ!—вскричалъ Кларансѣ:—если бы нашъ опытъ могъ быть вамъ полезенъ!

— Во всякомъ случаѣ,—я слышалъ уже отъ васъ не мало такого, что заставило меня надъ многими призадуматься.

Но въ эту минуту къ Кларансѣ подошелъ одинъ извѣстный писатель, и молодымъ людямъ пришлось ступеваться. Кларансѣ вспомнилъ о нихъ уже на кладбищѣ, пока говорились надгробныя рѣчи. Что они, въ сущности, думаютъ? Какое впечатлѣніе выносятъ они отъ словъ опытныхъ людей? Вѣроятно, и сами они не знаютъ этого хорошенько. Они только-что выступили въ путь, и имъ кажется, что они многое понимаютъ. Но только позднѣе, пройдя полпути, обернувшись назадъ и припомнивъ все,—только тогда—они поймутъ!..

Съ кладбища Кларансѣ проѣхалъ прямо къ г-жѣ Бреанъ. И вотъ Кларансѣ, весь взволнованный и потрясенный, неудержимо и горячо принялся умолять Клавдію о томъ, о чемъ они за эти дни еще умалчивали. Еще недавно Клавдія была твердо намѣрена отвѣчать ему рѣшительнымъ отказомъ. Но теперь она была уже не та; казалось, что благородное самоотверженіе Жанны освѣщало передъ нею новыя стороны жизни. Сильный внутренній голосъ убѣждалъ ее уступить, тогда какъ гордость ея противилась еще тому, что въ глубинѣ души она называла капитуляціей. Слушая горячую рѣчь Кларансѣ, она сначала молчала, взгляды ея были грустны, а на лбу образовалась своеобразная складка, придававшая всегда ея прекрасному лицу чрезмѣрно энергичное, почти жесткое выраженіе. Наконецъ, она заговорила:—Развѣ они не счастливы?.. развѣ связь между ними не безусловно тѣсна?.. Нужно ли ей повторять свои доводы?—Нѣтъ, повторять не къ чему, а пусть лучше она сопоставитъ ихъ съ дѣйствительною жизнью... и съ его собственными доводами... Пусть сравнитъ!—Но вѣдь его доводы—не болѣе какъ слабыя аргументы человѣка, переживающаго нравственный кризисъ!..

— Благодарственный кризисъ, изъ котораго,—возразилъ Кларансѣ,—я выйду съ обновленной душой!.. Да поймите же, что для того, чтобы продолжать мой путь, чтобы работать, творить, даже чтобы любить... необходимо, чтобы моя... наша жизнь имѣла отнынѣ новыя устои... А это зависитъ отъ васъ одной... Теперь же я чувствую себя какъ бы парализованнымъ... Мы должны связать себя передъ лицомъ всего свѣта, согласно закону, необходимость и свя-

тость котораго понятны мнѣ теперь... и передъ которымъ я прошу васъ сложить вашу гордость.

Клавдія возражала:—Гордость ея—это ея совѣсть, и если даже та обманула ее однажды, по его увѣренію,—она этого не признаетъ, потому что это унизительно.—Кларансѣ продолжалъ:—Ну, да! обычныя формы жизни причинили ей большую боль, и она возмущилась... Это естественно, развѣ она горда... Но развѣ это связываетъ ее навсегда, развѣ она не видитъ безумія своего упрямства изъ послѣднихъ событій!..—Клавдія готовилась уже къ новому отпору, но вдругъ ей припомнилась Жанна, такъ просто и самоотверженно воплотившая въ себѣ цѣлую поэму глубокой, всепрощающей любви. Кларансѣ точно угадалъ ея мысли.

— Да, вотъ Жанна доказала вамъ силу тѣхъ узъ, которыми вы пренебрегаете... Вы не ожидали, конечно, что это робкое, безцвѣтное существо дастъ вамъ такой урокъ... А между тѣмъ, какъ она выросла въ вашихъ глазахъ, какъ стѣмнѣла оказаться на высотѣ женскаго призванія въ такую ужасную минуту!.. А почему? Потому,—и вы это понимаете,—между ею и тѣмъ, кто причинилъ ей столько горя, существуютъ неразрывныя узы, потому что они связаны на всю жизнь...

— Развѣ мы не связаны также, и притомъ добровольно?

— Конечно... но... Мы состаримся, не имѣя того, что даетъ цѣну жизни: ни очага, ни семьи, ни кружка вѣрныхъ друзей... Мы состаримся, разлученные въ глазахъ всего свѣта, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые будутъ насмѣшливо соединять наши имена... Мы никогда не будемъ составлять одного цѣлаго, могучаго ствола, дающаго отпрыски... Каждый изъ насъ пойдетъ своей дорогой.. Теперь пути наши сходятся... но кто можетъ поручиться, что случайность не разведетъ ихъ въ разныя стороны... Мало ли что можетъ случиться... И вдругъ между нами вырастетъ что-нибудь такое, что разлучитъ насъ и чему не помогутъ ни наша любовь, ни наша воля... Не будь Жанна женою Лорье, его ей не оставили бы... Конечно, такіа катастрофы не часты, но мало ли что бываетъ: да вотъ я только-что прошелъ черезъ ужасный кризисъ... а васъ подлѣ меня не было...

— Но развѣ я перемѣнилась?

— Нѣтъ, я знаю, что измѣнился я... Но неужели вы не чувствуете, что будь вы моей женою, мы подверглись бы этому измѣненію вмѣстѣ?.. Будь вы моей женою, мы не изошрялись бы теперь въ краснорѣчій, точно адвокаты... Мы всегда думали бы за-одно... смотрѣли бы на жизнь одними и тѣми же глазами... до насъ долетало бы лишь одно житейское эхо!..

Но Клавдія протестовала:

— Что за идилія, мой другъ!.. Какія иллюзіи!.. Да вы посмотрите въ газетахъ судебную хронику и хронику общественной жизни... Или вспомните просто знакомыя вамъ законныя пары... Сколько подъ приличными супружествами таится постыдной лжи и низкой корысти!.. Вотъ гдѣ настоящія позорныя язвы!.. Нѣтъ, однѣ церковныя или гражданскія формулы не обезпечиваютъ чуда,—совершеннаго супружескаго союза!.. Если это чудо возможно,—а я думала, что мы съ вами его совершили,—такъ это лишь съ помощью любви... Одна лишь любовь обладаетъ этою волшебною властью... Одной любви для этого довольно... Пока жива любовь, чудо это будетъ совершаться... И тѣ, кто творитъ эти чудеса, ничего болѣе и не требуютъ... Вы знаете, что когда тепло и свѣтъ исчезнутъ, это значить, что солнце погасло... Если чудо любви болѣе не совершается,—значить, сама любовь умерла!..

— Клавдія!

— Къ чему же санкции, законы, цѣпи!.. Къ чему связывать себя на всю жизнь!.. Не все ли равно, что тогда можетъ случиться... Все тогда пропало... Я не упрекаю васъ, мой другъ... Если я никогда не принимала отъ васъ ничего, кромѣ любви, такъ это потому, что я хотѣла свободнаго чувства... И я думаю, что была права... Если же ея нѣтъ болѣе...

— Вы сомнѣваетесь во мнѣ въ ту самую минуту, когда всѣ мои желанія и помыслы направлены къ тому, чтобы всецѣло принадлежать вамъ и обладать вами всецѣло и навсегда...

— Значить, вамъ — увѣ! — чего-то не доставало! — сказала Клавдія со слезами на глазахъ. — Вотъ что терзаетъ меня, и гордость моя тутъ ни-при-чемъ!.. Вы знаете, что я вложила въ нашу любовь всю свою жизнь. Я люблю самую любовь, вашу любовь... ничего другого мнѣ не нужно... Мнѣ этого довольно, и я горжусь, что не имѣю ничего, кромѣ нея... И мнѣ нѣтъ дѣла до законовъ, ни враждебныхъ ей, ни поддерживающихъ ее... И я чувствую, что она-то отъ меня и ускользаетъ... Не опровергайте этого!.. Къ чему мнѣ быть вашей женой, если я буду чувствовать васъ дальше отъ себя?.. Вѣдь я не могу быть вашею болѣе, чѣмъ теперь... Вы знаете это,—но это васъ не удовлетворяетъ! И вы воображаете, что все еще любите меня?..

— Я люблю васъ больше, чѣмъ когда-нибудь... но, быть можетъ,—иною любовью...

— Я не хочу иной любви, а только все той же!

— Это возможно лишь въ заоблачномъ мірѣ!

— Зачѣмъ же тогда поддерживали вы во мнѣ подобную иллюзію?..

— То была мечта, грѣза... Во всякой жизни есть своя доля мечты... Наша была упорительна... Чѣмъ я виноватъ, что наступило пробужденіе?.. Таковъ законъ: мы живемъ и любимъ не въ какомъ-то пространствѣ, а зависимъ отъ тысячи случайностей и скованы другъ съ другомъ безчисленными цѣпами...

— Опять цѣпи!..

— Порою ихъ съ себя отряхиваютъ, воображая, что порвали ихъ. Заблужденіе... Всегда наступаетъ минута, когда тяжесть ихъ неизбѣжно чувствуется... Это такая простая истина, Клавдія, что обыкновенно ее допускаютъ безъ спора... Такіе люди, какъ мы съ вами, могутъ ее долго не допускать, потому что обладаютъ несчастной способностью изолироваться мысленно, потому что ими владѣетъ и сбиваетъ съ пути ихъ воображеніе, потому что они создаютъ себѣ свой собственный міръ, внѣ дѣйствительности... Но когда эта дѣйствительность отерывается передъ ними случайно, когда они ее разгадали и поняли... тогда они подобны заблудившимся и вновь обрѣтшимъ дорогу путникамъ... они вступаютъ въ новый край, ландшафты передъ ними уже другіе... Внезапно они чувствуютъ себя отвѣтственными за несовершенное ими добро, за непреподанные ими примѣры... Быть можетъ, они мечтали сдѣлаться полу-богами: отнынѣ они желаютъ быть только и всецѣло людьми... О, не думайте, что они стали слабѣе... они готовятся... Господи!—какъ бы выразить вамъ это?.. отдаться чувствамъ болѣе обширнымъ, всеобъемлющимъ, лишеннымъ эгоизма... Вотъ къ чему я пришелъ, Клавдія, и потому я говорю вамъ: еслибы вы были моей женою передъ лицомъ всего свѣта, я относился бы къ будущему съ полнымъ довѣріемъ и шелъ бы радостно впередъ, увѣренный, что найду искомое въ этомъ новомъ краѣ... Но нѣтъ,—довольно разсуждать... Быть можетъ, ваши доводы не уступаютъ моимъ,—но я этого не знаю и не хочу знать... Клянусь вамъ, что дѣло не въ этомъ... А просто въ томъ, чтобы жить... А попрежнему жить я болѣе не хочу... И умоляю васъ...

Онъ умолялъ. Долго и безмолвно смотрѣла на него Клавдія. Послѣднія возраженія гордости, протесты ея молодой, деспотичной любви, все это мало-по-малу затихало, уступая мѣсто волнѣ безпредѣльной нѣжности. „Жить безъ него!..—думала она про себя.—Нѣтъ, нѣтъ, этого я не могу!.. Видѣть, что онъ страдаетъ?.. Прежде всего, пусть онъ будетъ счастливъ—и такъ, какъ ему этого хочется... Ничто не помѣшаетъ мнѣ отдаваться ему

всепѣло... и если мнѣ придется дѣлить его съ людьми для того, чтобы дать ему душевный миръ,—ну, что-жъ, пусть отдается онъ и имъ... И оставить мнѣ то, что пожелаетъ оставить!..” Черты лица ея понемногу разглаживались, глаза увлажнились и по щекамъ скатилось нѣсколько слезинокъ. Она протянула Кларансѣ руку и сказала совсѣмъ просто и коротко:

— Пусть будетъ, какъ вамъ того хочется, мой другъ!..

...Быль ли это искомый выходъ... первый шагъ на новомъ пути, на встрѣчу лучшему будущему?..

Ю. З—А.

ПРИРОДА и МЫСЛЬ

М. Guyau. „Vers d'un philosophe“.

Въ водѣ по щиколку и платья подобравъ,
Мальчишки, дѣвочки безпечною ватагой
Избрали Океанъ предметомъ для забавъ.
Они бѣгутъ впередъ, прилива ждутъ съ отвагой,
И съ крикомъ—радости и страха пополамъ—
Спасаются назадъ; но волны по пятамъ
За ними скачутъ вслѣдъ, бурлятъ въ весельи дикомъ,
Настигнутъ ихъ—и смѣхъ гремитъ счастливымъ крикомъ,
Когда шальной приливъ, обдавъ дѣтей водой,
Сбѣгаетъ, бѣлый слѣдъ оставивъ за собой.

Межъ тѣмъ какъ шалуны гонялись за волнами,
Крича, какъ пьяные, со смѣхомъ и прыжками,—
Зловѣщій Океанъ все росъ и затоплялъ
Прибрежные пески; онъ глухо клекоталъ,
Окутанъ тучами, какъ подогомъ угрюмымъ;
Изъ глубины его рождались съ грознымъ шумомъ
Огромные валы: они неслись впотъмахъ,
Стремглавъ кидались вверхъ—и разбивались въ прахъ;
И клочья пѣны ихъ на ребрахъ скалъ бѣлѣли.
И вновь изъ черной мглы рождались и шумѣли
Несчетные валы,—спѣша наперерывъ
На непонятный имъ, но царственный призывъ
Той силы въ небесахъ, что движетъ Океаномъ
И править солнцами въ ихъ бѣгѣ неустанномъ...

Валы метались къ ней—и падали въ тоскѣ.
А дѣти весело играли на пескѣ
И, видя гребень лишь волны посеребрѣнной,
Бросали звонкій смѣхъ пучинѣ разъярѣнной.

А мы—не дѣти ли? За нами по пятамъ
Не гонится ль волна,—и не ростеть ли тамъ,
За нею, Океанъ—безбрежный и могучій?
Природа мрачная, окутанная въ тучи,
Своими волнами захлѣстываетъ насъ,—
А мы смѣемъ: радъ нашъ близорукій глазъ!
Мы ловимъ краски волнъ, оттѣнки подмѣчаемъ,
Играемъ въ игры тѣ, что важно величаемъ
Наукой, творчествомъ,—и съ дѣтскимъ удалствомъ
Побѣду празднуемъ, чуть пальцами урвемъ
Клокъ пѣны, тающей у бездны необъятной!
Намъ не проникнуть въ глубь Природы непонятной:
Дрожа, по ней скользить, теряется нашъ взглядъ...
Предъ безпокойной тьмой, гдѣ роются, бурлятъ
И тонуть вновь валы, гдѣ все хадъ и тайна,—
Игрушка—наша мысль! Рожденная случайно,
Она всплыветъ, блеснетъ минутной бѣлизной
И гибнетъ, сброшена разбившейся волной!..
— О, пѣна легкая, ты нравишься такъ людямъ!
Чтò бъ ни было, тебя любить всегда мы будемъ,—
И, Океанъ забывъ, я первый побѣгу
Смотрѣть, какъ таешь ты, дрожа на берегу...

Ив. Тхоржевскій.

ЖЕНА—АМЕРИКАНКА

и

АНГЛИЧАНИНЪ—МУЖЪ

„American Wives and English Husbands“, by G. Atherton.

I.

Меблированныя комнаты м-съ Гейнъ помѣщались въ угловомъ домѣ Базарной и одной изъ тѣхъ побочныхъ улицъ, которыя спускаются съ высотъ г. Санъ-Франциско и сливаются съ его главной улицей. Она кишитъ людьми и экипажами, движущимися отъ песчаной степи у подножія горъ Близнецовъ къ самой верфи на томъ концѣ бухты. Съ правой стороны отъ нея, на холмахъ и на ихъ отрогахъ, высятся, тѣснятся и лѣнятся по горѣ постройки новѣйшей, богатой части города. Слева, къ юго-востоку, отблескъ прежняго величія отчасти еще осѣняетъ Ринконъ-Гиллъ; но и онъ съ каждымъ годомъ замѣтно угасаетъ. Немногіе изъ его обитателей, бывшихъ еще сравнительно недавно законодателями жизни и порядковъ въ столицѣ Калифорніи, ютятся въ своихъ устарѣлыхъ домахъ, среди загложшихъ садовъ. Но дѣти ихъ уже успѣли обзавестись семьями и, въ свою очередь, селятся по ту сторону равнины, на холмахъ и на ихъ зеленѣющихъ отрогахъ.

Въ самой равнинѣ развернулся шумный, тѣсный, вѣчно волнующійся, закоптѣлый городъ, и въ немъ сотни улицъ, гдѣ ютятся самая жалкая бѣднота, выползающая въ видѣ тысячи оборван-

ныхъ, жалкихъ созданій на большую дорогу, чтобы вечернею порой погулять на рубежѣ демократической части города; но бѣдняки рѣдко имѣютъ смѣлость добраться до аристократическихъ кварталовъ. Ихъ мѣстопробываніе извѣстно подъ общимъ названіемъ „Южно-Базарной“ улицы; главная же часть центра города—Базарная—ни днемъ, ни ночью не знаетъ покоя. Базарная улица — это цѣлый фейерверкъ красокъ, нестройный оркестръ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ рѣзкихъ и оглушающихъ звуковъ; это—бесконечное скопленіе снующихъ людей и экипажей, толпящихся тутъ до полуночи. Здѣсь, на главной улицѣ Санъ-Франциско, ярко выступаютъ самыя разнообразныя, мелкія и крупныя стороны его космополитически-пестрой жизни.

Для дѣвочки лѣтъ одиннадцати, которая жила въ третьемъ этажѣ меблированного дома миссисъ Гейнъ, Базарная улица была предметомъ внимательнаго изученія и неизмѣннаго любопытства. Вглядываясь въ лица прохожихъ и проезжихъ, дѣвочка задавала себѣ еще неразрѣшенный для нея вопросъ: есть ли у cadaго изъ нихъ своя особая жизнь гдѣ-нибудь, кромѣ этого конца улицы, и какаѣ она? Для ребенка весь міръ заключался въ этомъ уголѣ, надъ которымъ утромъ просыпалось и прокрадывалось вверхъ по небосводу, а вечеромъ спускалось и ложилось спать—яркое солнце. Ли была увѣрена, что рано или поздно всѣ люди на свѣтѣ обязательно должны перебивать на Базарной улицѣ, гдѣ съ утра до ночи бушуетъ вихрь торговаго движенія, гдѣ мужчины шумятъ и ругаются, а женщины какъ-то особенно испуганно подсказываютъ, бросаясь изъ стороны въ сторону, чтобы не попасть подъ экипажи. Здѣсь лѣтомъ, по вечерамъ, спускался и недвижно висѣлъ туманъ, и уличные огни видѣлись за нимъ, какъ падающія съ неба звѣздочки, а люди, какъ души грѣшниковъ, метались въ туманномъ пространствѣ...

Когда матери Ли настолько нездоровилось, что ее нельзя было оставить одну, дѣвочка сидѣла дома и смотрѣла изъ окна на уличную суматоху, изрѣдка возглашая, какъ хоръ въ греческой трагедіи:

— Ну вотъ!—вырывалось у нея, напримѣръ, по адресу кого-то на улицѣ:—рѣшилась, наконецъ-то!.. О, что за дура! Всякій съ закрытыми глазами увидаль бы эту повозку... Вернулась? Ну, конечно!.. А! добралась до середины улицы... а за-уголъ заворачиваютъ похороны; назадъ ей идти нѣкуда,—приходится идти впередъ... Остановилась позади какого-то мужчины... Интересно знать, ухватить ли она его за фалды? Ну, вотъ: прошла благополучно! Неужели она боится такихъ же людей, какъ она сама?

— Еслибъ когда-нибудь мнѣ въ голову пришло, голубушка, что тебѣ придется переходить дорогу въ это время дня, я бы навѣрно въ обморокъ упала, или впала въ истерику,—обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорила мать, миссисъ Тарлтонъ, а Ли неизмѣнно на это возражала:

— Я могла бы перебѣжать прямо на ту сторону, не останавливаясь по дорогѣ и не рискуя сломать себѣ шею отъ минутнаго верченья; но я ничего этого не дѣлаю, да и не стану дѣлать, потому что это васъ на вѣки разстроитъ. Когда мнѣ нужно на ту сторону, я иду вверхъ по улицѣ, прохожу лишнее, но зато перехожу тамъ, гдѣ давки меньше, а потомъ иду назадъ до того мѣста, гдѣ мнѣ надо было перейти.

— Мнѣ жаль даже подумать, что ты принуждена всюду ходить одна. Но иначе нельзя—что же дѣлать?—воздухъ и движеніе тебѣ необходимы, бѣдное мое дитя!

Но дѣвочка, сохранившая смутное, но свѣтлое воспоминаніе о прежней роскоши, была даже рада своей свободѣ; а миссисъ Тарлтонъ про себя была увѣрена, что ребенокъ, который умѣетъ такъ хорошо ухаживать за своей матерью, сѣмѣетъ приглядѣть и за собою.

Миссисъ Тарлтонъ постоянно хворала и покорялась своимъ застарѣлымъ недугамъ. Ли привыкла вскакивать по ночамъ и, еще вся охваченная впечатлѣніями прерваннаго сна, готовила припарки и кипятила воду для больной; она же одѣвала мать и раздѣвала ее на ночь; похлопывала и согрѣвала ей руки и ноги; стряпала для нея ея любимыя южно-американскія кушанья на плиточкѣ, въ углу той же комнаты.

Миссъ Гейнтъ, хозяйка, старая дѣва, особа нервно-раздраженная, какъ и подобаетъ старой дѣвѣ, но вполне нормальная, взяла на себя обязанность доставлять больной книги изъ „Торговой Библіотеки“ и заглядывала въ ней днемъ, когда Ли бывала въ школѣ.

Дѣвочка сама чинила и чистила себѣ платье, бѣлье и сапоги, а уроки готовила въ такую пору, когда другія дѣти уже давно лежать въ постели; впрочемъ, къ счастью, она справлялась съ уроками очень проворно,—иначе миссисъ Тарлтонъ сдѣлала бы надъ собою усиліе и возстала противъ этого. Но Ли сама отстояла необходимость проводить день внѣ дома, когда мать ея была сравнительно здорова и оставалась въ мірѣ романовъ; а сама миссисъ Тарлтонъ не рѣшалась стѣснять въ этомъ ребенка, дѣтство котораго сложилось такъ непохоже на ея собственные дѣтскіе годы, и непохоже на блестящіе про-

рочества добрыхъ волшебницъ въ тѣ времена, когда еще былъ живъ Гейвардъ Тарлтонъ, самый добрый и любящій изъ всѣхъ отцовъ.

О той злополучной минутѣ, когда она овдовѣла, у Маргариты Тарлтонъ сохранились весьма неясныя воспоминанія: у нея сдѣлалась въ то время горячка, и она надолго потеряла сознание.

Послѣ войны, ея родные остались почти безъ всякихъ средствъ: громкое имя предковъ должно было замѣнить имъ капиталъ. Впрочемъ, ихъ рабы отказались отъ своей свободы, и, такимъ образомъ, Маргарита выросла, не имѣя труда хотя бы для того, чтобы „поднять съ полу платокъ“. На первый балъ она явилась въ старомъ платьѣ своей мамы, передѣланномъ ей изъ платья бабушки; но это обстоятельство не помѣшало ей быть воздушно-прекрасной и въ душѣ лелѣять романическіе идеалы, — какъ то и подобало дочери несравненной красавицы-креолки. Гейвардъ Тарлтонъ тутъ же плѣнился ею, протанцовалъ съ нею двѣнадцать танцевъ и, недѣлю спустя, предложилъ ей свою руку и сердце. А спустя мѣсяцъ они повѣнчались, и Гейвардъ началъ осуществлять свое намѣреніе—разбогатѣть на остатки отъ роскошнаго отцовскаго наслѣдья.

Когда молодые Тарлтоны прибыли въ Санъ-Франциско, богатство, за которымъ они гнались, само побѣжало къ нимъ на встрѣчу: три года спустя, Гейвардъ уже былъ несомнѣннымъ богачомъ, а его молодая красавица-жена—влиятельнымъ членомъ общества. Бракъ ихъ былъ самый счастливый: Маргарита обожала своего смѣлаго, красиваго мужа, а онъ былъ покорнѣйшимъ рабомъ малѣйшей изъ ея прихотей. Дочь ихъ командовала ими,—да, впрочемъ, и всѣми въ домѣ, но,—надо отдать ей справедливость,—ея деспотизмъ былъ самаго мягкаго и, такъ сказать, разумнаго свойства; немудрено, что родители, молившіеся на нее, считали, что у Ли нѣтъ вовсе недостатковъ. Въ тѣ поры она была счастливой обладательницей двадцати-шести куколъ, большой комнаты, полной игрушекъ, живого пони и трехъ-этажнаго игрушечнаго дома, который находился въ уголку сада.

Но, вотъ, подоспѣли волненія въ копяхъ Виргиніи, и общее возбужденіе увлекло за собою Тарлтона. Онъ игралъ и—проигрался; рискнулъ еще—уже по необходимости—и въ одинъ прекрасный день едва добрался домой. Этотъ смѣльчакъ, четыре года храбро бившійся за свое отечество, теперь едва держался на ногахъ и объявилъ женѣ, что у него больше нѣтъ ни доллара за душой. Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Кредиторы завладѣли домомъ, а миссисъ Тарлтонъ нашла пріютъ у одной южанки, ея соотечественницы, м-съ Монгомери, наканунѣ этого погрома. Ли, которая была тутъ же, когда происходило объясненіе отца съ матерью, передъ его самоубійствомъ, сразу потеряла всякій интересъ къ кукламъ и картинкамъ и объявила, что не выйдетъ изъ комнаты матери; она ухаживала за нею днемъ и ночью, а спала тутъ же на диванѣ, у нея въ ногахъ.

М-съ Монгомери восторженно восклицала, поглядывая на дѣвочку, что это—неугомонный и совсѣмъ не-современный, но милый, очаровательный ребенокъ. Ея младшія дѣти—Тини и Рандольфъ, всего на нѣсколько лѣтъ старше Ли—тоже нашли, что Ли очень интересное дитя, и ловили каждую свободную минутку, чтобы забѣжать посмотрѣть на нее, какъ только сидѣлка выходила. Ли это видѣла, но—и только: несмотря на то, что дѣти славилась своею красотою и изяществомъ манеръ, на Ли они произвели мало впечатлѣнія.

Когда м-съ Тарлтонъ оправилась послѣ горячки, ея повѣренный доложилъ ей, что у нея уцѣлѣлъ участокъ степной земли подъ мызу и стада („ранчъ“), который ей недавно подарилъ мужъ, повинуясь ея желанію, выраженному какъ-то вскользь. Тогда—она сказала и забыла; но теперь, когда дарственная записъ на эту землю лежала у ея повѣреннаго, она предоставила всѣ свои брилліанты на уплату кредиторамъ, а землю оставила для дочери за собой.

М-съ Гейнъ, тоже южно-американка, которой Тарлтонъ помогъ начать ея дѣло, предложила его вдовѣ занять у нея большую комнату на улицѣ, въ третьемъ этажѣ, за ту же цѣну, какую стоила комната окнами во дворъ. М-съ Тарлтонъ согласилась, и постаралась себя увѣрить, что чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо и уютно; но къ общему столу она не выходила, визитовъ никому не отдавала. Ея ближайшіе друзья—южане, м-съ Монгомери, м-съ Жири, м-съ Браннанъ, м-съ Картрайтъ и полковникъ Бельмонтъ—остались ей вѣрны, но съ годами ихъ посвѣщенія становились все рѣже, а м-съ Монгомери съ дѣтьми, вдобавокъ, часто и подолгу жила заграницей. Для м-съ Тарлтонъ все было безразлично; единственнымъ существомъ, привлекавшимъ ея вниманіе, была ея дочь Ли.

Когда не было на улицѣ ни пыли, ни тумана, ни вѣтра, ни дождя, Ли рѣшительно принималась укутывать свою мать и везла ее прокатиться; самые длинные, самые однообразные и тоскливые дни проводила мать, лежа въ своемъ креслѣ, за чте-

ніемъ или за шитьемъ. Она вообще не жаловалась на свои страданія, если онѣ не слишкомъ ее мучили, и ко всему была безучастна; но все касавшееся Ли—ее интересовало. Она ухитрилась всегда сохранять ровное, веселое настроеніе въ присутствіи дочери, чтобы та не видѣла ея слезъ; она была ей благодарна за тѣ заботы, которыми дѣвочка ее окружала, за ту ловкость, съ которой та ухаживала за нею: она сама ни за что на свѣтѣ не сдумѣла бы причесать себѣ волосъ, или застегнуть сапожки.

— Развѣ ты, „мэмми“, никогда сама не застегивала ихъ?—какъ-то разъ, занятая именно этимъ дѣломъ, спросила Ли.

— Никогда, радость моя! Когда Дина, бывало, прихворнеть, твой отецъ замѣнялъ мнѣ ее; а когда Дина умерла, онъ никогда не допустилъ бы никого дотронуться до моихъ сапожковъ; почти всѣ, застегивая пуговицы, такъ больно защемляютъ ногу! Причесывать меня онъ не сдумѣлъ бы, но раздѣваться помогаль всегда и самъ для меня разрѣзалъ всегда жаркое.

— И *все* мужчины все это дѣлаютъ для своихъ женъ?—тономъ почти благоговѣйнаго удивленія спросила Ли.—Значить, всѣ они—премилый народъ?

— Конечно, всѣ... то-есть, всѣ тѣ, которые годятся въ мужья, а южане въ особенности. Мнѣ бы хотѣлось только до того дожить, чтобы дожидаться, когда ты выйдешь замужъ за челоуѣка, который бы какъ можно больше былъ похожъ на твоего отца. Хотѣлось бы мнѣ знать: есть ли еще у насъ такіе? Америка быстро идетъ впередъ. Бывало, твой отецъ просить меня: „Придумай что-нибудь еще новенькое, чего бы тебѣ захотѣлось,—что-нибудь такое, что трудно бы достать!“ А застегивать сапожки онъ просто обожалъ: каждый разъ, застегнуть, бывало, да и поцѣлуетъ,—никогда не забудетъ!

— А, должно быть, жить замужемъ чудо, какъ хорошо!—замѣтила Ли.

М-съ Тарлтонъ только молча закрыла глаза.

— Папа былъ *вполнѣ* совершенный челоуѣкъ?—кончивъ застегивать, спросила Ли, рукой проглаживая кожу на красивомъ подъемѣ ноги больной.

— Да, вполнѣ!

— А я слышала, дворецкій говорилъ, что, случалось, папа пилъ, „какъ настоящій лордъ“?

— Весьма возможно; но все-таки онъ былъ безупречный челоуѣкъ, а пилъ какъ джентльменъ...—конечно, какъ джентль-

мень-южанинъ. Я его тогда укладывала спать, и послѣ никогда ему на это и не намекала.

II.

У Ли не было друзей одного съ нею возраста. Большое частное училище, въ которое она ходила, не пользовалось благосклонностью аристократовъ Санъ-Франциско, а м-съ Тарлтонъ такъ вбила въ голову дочери сознание своего превосходства надъ другими, „просто“-американскими дѣтьми, что послѣднія казались дѣвочкѣ далекими отъ ея идеала. Дѣти ближайшихъ друзей м-съ Тарлтонъ воспитывались дома или въ небольшихъ, дорогихъ частныхъ училищахъ, а уже въ Европѣ или въ Нью-Йоркѣ ихъ образованіе должно было получить окончательную отдѣлку. Года два послѣ смерти отца. Ли еще бывала у своихъ богатыхъ друзей; но затѣмъ, выросши изъ своихъ дорогихъ нарядовъ, она принуждена была носить простенькія бумажныя матеріи, а въ холода—кутаться въ толстый плэдъ. Поневолѣ, приходилось превратить аристократическія знакомства. Когда мимо Ли, въ собственныхъ экипажахъ, катили ея богатые друзья, они, правда, весело и радушно кланялись ей, съ благовоспитанностью, свойственной ихъ кругу, и отдавали дань волшебному обаянію былого блеска, пережившему въ памяти ихъ нищету настоящаго.

— Когда ты подростешь, я гордость свою положу въ карманъ и попрошу м-съ Монгомери, чтобы она взялась тебя вывозить, а Джэка Бельмонта, — чтобы онъ подарилъ тебѣ бальное платье,—однажды замѣтила м-съ Тарлтонъ.—Мнѣ кажется, ты будешь хорошенькая, потому что ты—вылитый отецъ, и у тебя лицо такое выразительное, бѣдное дитя, когда ты чувствуешь себя счастливой! Помни только, что не надо морщить лобъ и брови, не ѣсть горячихъ пирожковъ, не слишкомъ много сладкаго, и всегда носить мѣшочекъ съ камфорой, чтобы не схватить чего дурного; и держись прямо, и носи вуаль, когда дуетъ этотъ противный вѣтеръ. Красота — главное для женщины въ житейской борьбѣ;—такъ-то, моя радость! А если ты будешь хороша собой и будешь настоящимъ образомъ „lancée“ — ты можешь быть увѣрена, что составишь прекрасную партію. Я для того только и живу.

Ли надѣвала вуаль въ угоду своей мамѣ; ей тоже хотѣлось быть красивой, хотя бы потому, что быть красивой означало—имѣть собственныхъ слугъ и вообще все, все—другое, а не то,

что видишь въ мебелированной комнатѣ. Порой, она смотрѣла съ недовѣріемъ на свое худенькое личико, на черные прямые волосы, которые отказывались подвиваться... хотя бы чуть-чуть! Глаза ея (она сама рѣшила) слишкомъ блѣдно-голубого цвѣта, чтобы считаться красивыми. М-съ Тарлтонъ удалось спасти отъ погрома небольшую библіотеку избранныхъ романовъ, въ тайны которыхъ погружалась маленькая Ли въ дождливую погоду; но глаза героини были непременно „темно-синяго“ цвѣта, а широкія брови и густыя короткія рѣсницы, казалось, еще болѣе обезцвѣчивали голубые глаза дѣвочки; вдобавокъ, она была слишкомъ худа и держалась сутуловато; но материнское око все-таки съ надеждою смотрѣло на нее. М-съ Тарлтонъ теперь не отличалась прежней своей красотой и воздушностью, которая испарились вмѣстѣ съ ея счастьемъ; но пока мужъ былъ живъ, она поддерживала свою изящную внѣшность и увеличивала, развивала ее всякими тонкостями, суть которыхъ она широко внушала своей дочери. Дѣвочка, сама по себѣ, считала, что красота—тяжелая обуза, если ее нельзя получить готовую, безъ труда.

— Помни, по крайней мѣрѣ, хоть это одно,—говорила нетерпѣливо мать, вида, что Ли больше вниманія удѣляетъ толпѣ на улицѣ, чѣмъ ея наставленіямъ:—Если ты красива, ты управляешь мужчинами; если ты заурядна,—они управляютъ тобой. Если ты красива, мужъ твой будетъ твоимъ рабомъ; если нѣтъ,—ты его главная служанка! Весь умъ, который себѣ накопили „синіе чулки“—ничто, въ сравненіи съ цвѣтомъ лица,—а я надѣюсь, что ты не будешь въ числѣ „синихъ“. Почему женщины-американки имѣютъ больше всего успѣха? Потому что онѣ умѣютъ быть красивыми. Стоитъ американкѣ захотѣть—и она своего добьется: а желанье быть красивой—все равно, что дрожжи для тѣста. Если женщина—кляксъ, она сама виновата. Добейся, чтобы у тебя былъ хорошій цвѣтъ лица, научись держаться и выступать, какъ будто для тебя поклоненіе царей—дѣло обыкновенное,—и весь міръ признаетъ, что ты хороша собой... Но главное, все-таки,—цвѣтъ лица!

— Онъ будетъ у меня! Да! будетъ!—горячо отозвалась Ли, проворно подвязала вуаль и, держась прямо, какъ гренадеръ, пошла на воздухъ.

Хотя дѣвочка и лишена была общества своихъ сверстницъ, у нея были все-таки друзья въ лицѣ представителей совершенно иныхъ интересовъ. Въ ней самой, постепенно, созрѣлъ планъ держать лавочку, въ которой половина была бы занята пестрыми и душистыми сластями, а половина—книгами важнаго и мрач-

наго содержанія. Но это тщеславное стремленіе она благоразумно утаила отъ своей „мэмми“. Гдѣ-то, на Базарной улицѣ, Ли откопала крохотную книжную лавчонку, и въ ней за прилавкомъ— чахоточнаго, бѣлокурого молодого человѣка, имени котораго она такъ никогда и не узнала, но сама дала ему прозвище— „слабоумненькій“. Онъ тоже не сталъ освѣдомляться, кто такая его частая гостя, но каждый разъ привѣтствовалъ ее радушною улыбкой и пропускалъ ее также за прилавокъ. Тамъ Ли высиживала по нѣскольку часовъ подъ-рядъ, болтая языкомъ и— ногами. Она повѣряла своему другу свои планы и мечты, и поучала его, повторяя и объясняя ему свои уроки. Онъ же, вза-мѣнъ, рассказывалъ ей про забавныхъ людей изъ числа публики, которая покровительствовала его торговлѣ; онъ, вообще, считалъ Ли восьмымъ чудомъ свѣта, дарилъ ей бумагу и цвѣтные карандаши. Чтобы не оставаться у него въ долгу, Ли связала ему громадный шерстяной шарфъ, который, будто бы (по словамъ ея друга), чрезвычайно поддерживалъ его здоровье.

Дѣвица, стоявшая во главѣ цѣлой лавочки сластей,—тоже была ея другомъ; но ближайшимъ изъ ея друзей сдѣлалась блѣдная молодая женщина, недавно появившаяся въ книжной лавчонкѣ, на выставкѣ которой лежали грязные, болѣзнетворные томики, привлекшіе любопытство маленькой Ли. Углубившись въ чтеніе ихъ заглавій, дѣвочка случайно подняла глаза и встрѣтила тоже чьи-то глаза и улыбку, еще незнакомые ей. Она тотчасъ же вошла въ лавку и, облокотившись на конторку, радушно заявила незнакомкѣ, что рада ея пріѣзду въ городъ, и будетъ заходить къ ней ежедневно, если ей позволить изрѣдка прибирать книги.

Незнакомкѣ, можетъ быть, и показалась такая выходка забавной, но по лицу ея этого не было замѣтно; предложеніе Ли она приняла съ видимой благодарностью и просила дѣвочку быть въ ея владѣніяхъ—какъ у себя дома. Шесть мѣсяцевъ длилась ихъ дружба. Молодая женщина (фамилія ея была Стэнерсъ) помогала Ли рѣшать задачи и выказывала большое участіе къ радостямъ и горестямъ маленькихъ дѣвочекъ вообще, но о себѣ никогда ничего не говорила. Утомившись жизненной борьбой, она принуждена была покориться и сошла въ могилу. Два раза видѣлась съ нею Ли въ больницѣ, и какъ-то разъ мать сообщила ей, что прочла въ газетахъ объявленіе о смерти миссъ Стэнерсъ. Ли долго и горько рыдала по своей кроткой подругѣ, которая унесла съ собою ея заветныя мечты.

— Ты еще такъ мала, а видѣла уже такъ много горя,—

замѣтила въ тотъ вечеръ м-съ Тарлтонъ, вздыхая:—но, можетъ быть, это дастъ тебѣ больше выдержки въ характерѣ, чѣмъ было ея у меня. Ничто на свѣтѣ не можетъ отнять у тебя бодрость духа: этимъ ты вся въ бабушку; ты даже, иной разъ, такъ точно размахиваешь руками, какъ она; и по наружности ты совсѣмъ креолка! Удивительная она была женщина; сорокъ-девять годовъ сваталось за нее.

— Надѣюсь, что мужчины все-таки лучше мальчишекъ,— замѣтила Ли, которая была не прочь, чтобъ ее отвлекали отъ грустныхъ думъ. — Мальчишки у насъ въ домѣ все дрянные: Берти Рейнольдсъ дергаетъ меня за волосы каждый разъ, какъ я прохожу мимо него, и дразнить меня, что я „индѣйка“, а Томъ Вильсонъ бросается хлѣбными шариками за обѣдомъ и далъ мнѣ кличку „обломка аристократки“. Я твердо увѣрена, что они не согласились бы ни за что на свѣтѣ поцѣловать туфельку дѣвочки.

— Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и та же дѣвочка будетъ ихъ же водить за-нось! — шутя, отозвалась мать. — Наконецъ, никогда нельзя заранѣе сказать, что выйдетъ изъ любого мальчишки: все зависитъ отъ того, примутъ ли въ немъ участіе дѣвочки, или нѣтъ. А эти, здѣшніе, порядочная голъ!

— Вчера пріѣхалъ новый; его зовутъ Сесиль. Онъ англичанинъ: я слышала, какъ отецъ говорилъ съ нимъ за столомъ сегодня. Фамилія у него такая забавная,— я позабыла. М-съ Гейнъ говоритъ: онъ очень „distingué“ и, вѣрно, лордъ, но скрываетъ свое происхожденіе; а по-моему, онъ страшно тощій и — уродъ. Глубокія морщины по обѣ стороны рта, большущій тонкій носъ и впадины въ углу глазъ: такого чваннаго господина я отроду еще не видала! Мальчику, на мой взглядъ, такъ—лѣтъ двѣнадцать, и онъ, кажется, не боится ничего,— кромѣ дѣвчонокъ. У него восхитительные темные вьющіеся волосы и нѣжный цвѣтъ лица, а глаза—темно-каріе глаза!—такъ и смѣются. Онъ гораздо милѣе всѣхъ мальчиковъ, какихъ мнѣ приходилось видѣть.

— Онъ сынъ англійскаго джентльмена; а они—единственные, которыхъ сколько-нибудь можно сравнить съ южанами. Если ты подружишься съ нимъ, можешь его къ намъ приводить.

— Ахъ, зачѣмъ!—воскликнула Ли въ удивленіи. Мать всегда поощряла ее презрительное нежеланіе знакомиться съ мальчишками и никакихъ посѣтителей не любила.

— Я увѣрена, что онъ будетъ тебѣ другомъ; ты вѣдь, бѣдняжка, все одна,—одна съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ у тебя миссъ

Стэнерсъ... Такъ, если хочешь, пусть онъ къ намъ придетъ; мнѣ очень грустно, что тебѣ не съ кѣмъ играть.

Ли взобралась къ матери на колѣни.

Хоть рѣдко, но случалось, что она не прочь была отложить въ сторону свое достоинство, какъ глава семьи, и... и попросить, чтобы ее приласкали.

М-съ Тарлтонъ крѣпко обняла дочь и закрыла глаза, пытаясь себѣ представить, что малютка, которая прильнула къ ней,—на пять лѣтъ моложе настоящей Ли, и что онѣ обѣ, какъ въ былую, счастливую пору, притихли, жадно прислушиваясь, скоро ли донесутся до нихъ знакомые и всегда милые шаги...

III.

Ли сидѣла на краю постельки, нерѣшительно свѣсивъ одну ногу, и въ душѣ сожалѣя, что у ней нѣтъ мужа, который застегнулъ бы ей сапожки. М-съ Тарлтонъ чувствовала себя очень плохо, и всю ночь дѣвочка провела безъ сна; голова и глаза Ли къ восьми часамъ утра отяжелѣли; экзаменъ близко, — пропускать уроки нельзя... пора въ школу. Она злобно, съ ненавистью смотрѣла на длинный рядъ пуговицъ, которыя ей предстояло застегивать, и была уже почти готова надѣть просто туфельки, но пошла на сдѣлку сама съ собой и застегнула противныя пуговицы, что называется, черезъ двѣ въ третью; весь свой остальной нарядъ она докончила въ томъ же духѣ. Взглянувъ на себя въ зеркало, она осталась собою недовольна и рѣшила, что жизнь вообще сложилась неприглядно.

За завтракомъ м-съ Гейнъ во всеуслышаніе объявила Ли (а слѣдовательно и всему столу), что волосы у нея, вѣроятно, причесаны граблями, а не гребенкой, и собственноручно, при всѣхъ, застегнула ей платье, какъ слѣдуетъ, — не принимая ни на минуту во вниманіе ея одиннадцатилѣтняго дѣвичьяго самолюбія. Въ итогъ, если сложить безсонную ночь, головную боль и оскорбленную гордость дѣвочки,—выходило, что ей приходится идти въ школу въ самомъ удрученномъ настроеніи духа.

Спускаясь внизъ по длинной лѣстницѣ, которая вела изъ перваго этажа къ выходу на улицу, Ли замѣтила, что въ самыхъ дверяхъ стоитъ маленькій англичанинъ, который уже успѣлъ за столомъ предложить ей редиски, и при этомъ застѣнчиво краснѣлъ; во время выговора м-съ Гейнъ, онъ сдѣлался багровый и злобными глазами какъ бы хотѣлъ остановить обидчицу.

Мальчикъ стоялъ на порогѣ, сдвинувъ шапку на затылокъ, разставивъ ноги и, повидимому, увлекаясь своими наблюденіями за уличною суетой; онъ не шевельнулся, пока Ли не попросила его дать ей пройти. Какъ только она заговорила, онъ быстро оглянулся и ухватился за ее сумку.

— Вамъ тяжело, — замѣтилъ онъ, дѣлая неимоверныя усилія, чтобы не робѣть, и эта любезность вышла у него почти до грубости рѣзка.

Ли отшатнулась на шагъ.

— Простите, — пробормоталъ Сесиль, и нервныя слезы показались у него на глазахъ. — Но... но у васъ былъ такой усталый видъ и вы, пожалуй, еще ничего не ѣли... Вотъ я и подумалъ, что съ удовольствіемъ донесъ бы ваши книги.

Лицо школьницы засіяло восторгомъ, и выраженія усталости въ немъ какъ не бывало, но она сдержанно и чинно отвѣчала:

— Конечно, это очень мило съ вашей стороны, и мнѣ нравится, когда мальчики что-нибудь дѣлаютъ для дѣвочекъ.

— Я, обыкновенно, ничего не дѣлаю, — возразилъ онъ поспѣшно, какъ бы изъ боязни, что такое предположеніе можетъ нанести ущербъ его достоинству. — Но пора идти: вы запоздали!

Они молча двинулись въ путь.

Смѣлость мальчика, повидимому, истощилась, а Ли тщетно старалась придумать что-нибудь поумнѣе, чтобы начать разговоръ; въ классѣ она считалась самою умной изъ дѣвочекъ и очень дорожила своей репутаціей; но голова отказывалась ей служить, и, опасаясь, чтобы ее новый другъ не вздумалъ улизнуть, она первая заговорила:

— Мнѣ одиннадцать лѣтъ; а вамъ?

— Четырнадцать лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ.

— Меня зовутъ Ли Тарлтонъ; а васъ?

— Сесиль-Эдвардъ-Бэзилъ Маундрель. У меня на два имени больше, чѣмъ у васъ.

— Ну, что-жъ, — вы, все-таки, мальчикъ и старше меня. А меня называли въ честь знаменитаго человѣка, генерала Ли, родственника отца съ материнской стороны.

— Кто онъ былъ такой, этотъ генералъ Ли?

— Вамъ надо бы поучиться исторіи Соединенныхъ-Штатовъ.

— Къ чему?

Этотъ вопросъ озадачилъ дѣвочку, и она довольно нетвердо отвѣчала:

— Ну, это собственно относится къ исторіи Южно-Америа-

канскихъ Штатовъ. Мама говорить, что мы потомки англичанъ и французовъ; съ французской стороны—мы съ нею креолки.

— А!.. Я спрошу отца.

— Онъ лордъ? — съ глубокимъ любопытствомъ проговорила Ли.

— Нѣтъ!

Сесиль отвѣтилъ такъ отрывисто и рѣзко, что Ли остановилась и уставила на него глаза. Онъ плотно зажалъ ротъ, точно боясь проронить лишнее словечко.

— О... о! Отецъ вамъ запретилъ объ этомъ говорить?

Рослый *мужчина* безпомощно смотрѣлъ на маленькую *лукавую женщину*.

— Онъ не лордъ,—послышался рѣшительный отвѣтъ.

— А все-таки, вы мнѣ не все сказали!

— Можетъ быть. Но,—вырвалось у него невольно,—когда-нибудь я, можетъ быть, скажу. Терпѣть я не могу быть на ключѣ, какъ несгораемый ящикъ съ документами. Мы только двѣ недѣли, какъ пріѣхали сюда; жили сначала въ „Дворцовой“ гостинницѣ, потомъ сюда переселились... и у меня просто голову разломило думать обо всемъ, что я говорю, прежде чѣмъ я рѣшу, могу ли это сказать. Я ненавижу эту Калифорнію. Отецъ не представляетъ своихъ документовъ, а мальчишки, которыхъ я здѣсь вижу—все какіе-то бродяги. Но вы мнѣ правитесь.

— О, расскажите мнѣ, расскажите!—кричала Ли, и глаза ея горѣли, а ноги не стояли на мѣстѣ.—Это будетъ настоящій рассказъ... Ну, говорите!

— Нѣтъ! Я долженъ сперва узнать васъ хорошенько; я долженъ быть увѣренъ, что могу вамъ довѣриться.—И онъ снова принялъ мрачный и таинственный видъ.—Каждое утро я буду ходить съ вами въ школу, а подъ-вечеръ мы будемъ сидѣть и болтать въ гостиной.

— Я никогда не выдаю секретовъ... а у меня ихъ—куча!

— Я буду ждать цѣлую недѣлю.

— Хорошо! Но я считаю, что это дурно съ вашей стороны; сегодня я не могу сойти внизъ: мама больна. Завтра я свободна, и, если хотите, вы можете подняться къ намъ, наверхъ, въ два часа. А каждое утро вы будете носить мою сумку въ школу?

— Вотъ что! — И Сесиль оскорбленно закинулъ голову назадъ.

— Да; это необходимо, — твердо возразила она. — Иначе

вамъ пельзя со мной ходить; а я дамъ нести ее другому мальчику.

Ли было противно сочинять, но совѣты ея матери пали не на каменистую почву.

— А!.. Ну... хорошо; я буду носить; только я долженъ былъ бы самъ это вамъ предложить. Не полагается дѣвочкамъ учить мальчиковъ, что они должны дѣлать.

— А мама говоритъ, что она всегда только говорила своему мужу и братьямъ все, что ей было нужно, а они дѣлали для нея все, что угодно.

— Ну, у меня есть бабушка и семеро тетусекъ-дѣвицъ, но онѣ никогда ничего не требовали отъ меня; напротивъ, еще онѣ же обо мнѣ заботились; онѣ готовы были сдѣлать для меня все, что угодно.

— Стыдитесь! На то и мальчики сотворены, чтобы служить дѣвочкамъ.

— Да нѣтъ же! Отроду не слыхивалъ я такой глупости!

Ли призадумалась немного. Онъ, рѣшительно, такой же аристократъ, какъ любой южанинъ; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но онъ дурно воспитанъ. Ясно, что ей остается дѣлать.

— Вы были бы совершенствомъ, еслибы считали, что дѣвочки важнѣ васъ.

— Никогда этого не будетъ!—съ мужествомъ заявилъ онъ.

— Тогда мы съ вами не можемъ быть друзьями.

— Ну, довольно!—Не приставайте, а не то... я вамъ не дамъ того, что у меня спрятано въ карманахъ.

Ли посмотрѣла. Дѣйствительно, карманы его куртки сильно оттопырились.

— Ну, такъ и быть: больше не буду говорить сегодня!—лукаво промолвила дѣвочка.—А что у васъ тамъ для меня найдется? Вы—*милый мальчикъ*.

Сесиль вынула изъ кармана апельсинъ и большое красное яблоко и предложилъ ихъ своей спутницѣ. Ли поспѣшила принять и то, и другое.

— Вы это, въ самомъ дѣлѣ, нарочно для меня купили? Вы—самый лучший изъ всѣхъ мальчиковъ на свѣтѣ!

— Я не покупалъ нарочно, но вчера отецъ принесъ цѣлый ящикъ фруктовъ, и я отложилъ для васъ самые большіе.

— Очень вамъ благодарна.

— Не стѣить!—отозвался онъ, тоже соблюдая условія вѣжливости.

— А вотъ и моя школа!

— Очень жаль.

— Придете завтра, въ два часа? Номеръ 142, третій этажъ.

— Приду.

Они пожали другъ другу руки и разстались.

Посвистывая, пошелъ прочь Сесиль и оглянулся. Ли стояла на ступенькахъ крыльца и торопилась должнымъ образомъ распорядиться со своимъ яблокомъ. Она весело кивнула мальчику еще разъ, на прощанье.

IV.

На другой день, послѣ двѣнадцати часовъ, Ли тщательно принарядилась: сапоги застегнула, какъ слѣдуетъ, на всѣ пуговицы, пришила къ воротничку своего простенькаго платья пышную бѣлую оборку и гладко причесала волосы. М-съ Тарлтонъ, одѣтая, сидѣла въ креслѣ и смотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Еще рано одѣваться къ обѣду, моя радость, — замѣтила она.

Ли покраснѣла, но съ нѣкоторымъ самообладаніемъ отвѣчала:

— Я жду того мальчика, про котораго говорила тебѣ вчера, — знаешь, маленькаго англичанина. Онъ вчера несъ мою сумку въ школу и подарилъ мнѣ яблоко и апельсинъ, который у меня припрятанъ для тебя, когда тебѣ будетъ лучше. Его зовутъ Сесиль Маундрель.

— А! Надѣюсь, онъ хорошій мальчикъ.

— Ничего; довольно хорошій... такъ себѣ. Но, все-таки, онъ не прочь бы мною командовать, еслибъ я далась; это сейчасъ видно.

— Не давай ему мучить тебя, моя дорогая! — встревоженно подхватила м-съ Тарлтонъ. — Эти англичане — народъ такой властный и высокомерный.

Въ дверь слабо постучали.

— Это онъ, — шепнула Ли. — Все-таки, онъ меня боится.

Она пошла и отворила дверь. Маундрель-младшій остановился на порогѣ, краснѣя и нервно засовывая руки въ карманы; вообще, онъ казался моложе своихъ лѣтъ и ничѣмъ не напоминать скороспѣлыхъ смѣльчаковъ-американцевъ.

— Пожалуйста, войдите! — вѣжливо проговорила Ли.

— А... вы?.. Вы не сойдете внизъ сегодня? — пролепеталъ Сесиль.

— Войдите же; пожалуйста, войдите!—произнесла м-съ Тарлтонъ; ея голосъ и улыбка были обворожительны.

Мальчикъ быстро подошелъ къ ней и взялъ ее за руку, странно и пытливо смотрѣлъ на нее, и, казалось, не могъ оторваться отъ ея лица. М-съ Тарлтонъ ласково похлопала его по рукѣ.

— Вамъ, вѣрно, здѣсь недостаетъ близкихъ вамъ родныхъ, матери, сестеръ? Я такъ и думала. Вы должны приходить къ намъ почаще, и мы всегда вамъ будемъ рады.

Лицо мальчика сіяло; онъ пролепеталъ, что будетъ ходить каждый день, и вмѣстѣ съ Ли отошелъ въ окну; обмѣнявшись шопотомъ своими замѣчаніями, оба порѣшили, что м-съ Тарлтонъ—„просто ангелъ“!

Однако, мальчику скоро надоѣла тихая, скромная обстановка; надоѣло и смотрѣть изъ окна на уличную суетолю.

— Пойдемте прогуляться, если вапа мама разрѣшитъ,—предложилъ онъ.

М-съ Тарлтонъ оторвалась на минуту отъ книги и кивнула въ знакъ согласія. Ли надѣла кофточку и шляпу. Дѣти вышли на улицу.

— Отецъ водилъ меня какъ-то разъ на берегъ моря,—замѣтилъ Сесиль.

— А я собиралась вести васъ въ кондитерскую...

— Кондитерская—гадость! А вотъ на берегъ моря—чудная прогулка: тамъ волны, тамъ живые моржи...

— О! мнѣ бы и самой хотѣлось, только я слышала, что это—очень опасная прогулка.

— Я буду васъ охранять. А можете ли вы дѣлать длинныя, длинныя прогулки?

— Конечно!

Но, какъ всѣ обитатели Санъ-Франциско, Ли была плохой ходокъ, и скоро почувствовала, что устала. Впрочемъ, множество экипажей привлекало ея вниманіе и, вдобавокъ, гордость не позволяла ей показать, что она не поспѣваетъ за крупными шагами мальчика, который и не подумалъ подладиться подъ ея мелкіе шажки: онъ шелъ себѣ впередъ, держась прямо и высоко поднимая голову; Ли позабыла всѣ свои разсужденія и правила, и думала только, что онъ прелестенъ. Робость Сесили прошла постепенно, и онъ всю дорогу, не переставая, повѣствовалъ ей о жизни въ своемъ миломъ Итонѣ, о томъ, что онъ—признанный побѣдитель въ крокетѣ, „командоръ“. Маленькой Ли все это казалось интереснымъ, и она слушала съ удоволь-

ствиѣмъ длинное повѣствованіе; но ей хотѣлось бы тоже кое-что поразсказать и про свою школьную жизнь. Если ей изрѣдка и удавалось вставить мимоходомъ свой анекдотикъ, Сесиль вѣжливо давалъ ей договорить и снова, безъ оглядки, пускался въ дальнѣйшія горячія повѣствованія. Это непріятно дѣйствовало на дѣвочку, и ей вдругъ начинало казаться, что ясный весенній день не такъ ясенъ, а публика въ экипажахъ не такъ блестяща. Но, какъ ребенокъ, она скоро поддавалась дальнѣйшимъ впечатлѣніямъ.

— Еще двѣ минуты и—мы пришли!—объявилъ, наконецъ, Сесиль —Тогда напьемся чаю.

— Мама не позволитъ мнѣ пить ничего такого: ни кофе, ни чаю. Она надѣется, что у меня будетъ хорошій цвѣтъ лица, и что я буду хорошенькая.

Ли пріостановилась, выжидая, чтобы онъ подтвердилъ послѣднее.

— Вотъ еще выдумка —заботиться, чтобы былъ хорошій цвѣтъ лица! Вы нравитесь мнѣ просто потому, что не такъ глупы, какъ другія дѣвочки; въ васъ пропасть здраваго смысла, какъ у мальчика. Понятно, вы должны слушать свою мать, но послѣ прогулки вамъ надо подкрѣпиться. Вы смѣлы, но я вижу, что вы немножко пріустиали... Мама позволить вамъ выпить вина... немножко! У меня есть десять долларовъ: мнѣ махиха прислала.

— Я думаю, мама ничего не скажетъ... О, Боже!.. — вдругъ вырвалось у дѣвочки, когда передъ нею внезапно раскинулася широкая, безбрежная пелена океана.

Бухту Санъ-Франциско она видѣла не разъ, и она казалась ей очень красивой; но ревъ могучихъ зеленоватыхъ волнъ океана, ихъ пѣна и ея искристый блескъ на солнцѣ — наполнили ея умъ и душу новыми, невыразимыми впечатлѣніями.

Она вдругъ обернулась къ своему спутнику; ихъ глаза встрѣтились, и ихъ дѣтскія сердца слились въ порывѣ восторга. Сесиль придвинулся къ ней поближе, взялъ ее за руку.

— Вотъ почему мнѣ хотѣлось опять сюда придти, замѣтилъ онъ:—Я люблю эту картину!—Эти слова послужили исходомъ его возбужденію, и онъ уже спокойнѣе прибавилъ:—Сойдемте внизъ, освѣжимся.

Они сошли внизъ по скалѣ, къ небольшой постройкѣ, стоявшей надъ водой. Въ невинности своей, Ли не подозрѣвала, что все Санъ-Франциско дрогнуло бы отъ ужаса, еслибъ ея жалкія стѣны вдругъ заговорили. Какой-то врожденный инстинктъ подсказалъ ей не спрашивать, что за странныя жепщины подъ гу-

стой вуалью встрѣтились ей по дорогѣ, и почему у тѣхъ — другихъ, что сидѣли за столиками, въ сторонѣ, такія смѣшныя щеки, брови и рѣсницы? Сесиль не обращалъ на нихъ вниманія и, подведя Ли къ одинокому столику, въ концѣ, приказалъ подать кларету, чаю и цѣлую тарелку—сэндвичей.

Пока дѣти дожидали, что имъ подадутъ заказанное, они съ восхищеніемъ смотрѣли на какой-то корабль, который уходилъ въ море, и думали, что хорошо бы уплыть на немъ; любовались роскошными холмами на томъ берегу; слушали, какъ щелкали зубами моржи внизу, у подножія скалы.

— Божественно!—со вздохомъ наслажденія говорила Ли:— Божественно! Отроду еще не было мнѣ такъ весело!

Даже про цвѣтъ лица она забыла думать и сняла шляпку. Вѣтеръ вызвалъ румянецъ у нея на щекахъ, глаза сіяли отъ радости, а Сесиль, не отрываясь, смотрѣлъ на море, которое и любилъ, и зналъ хорошо, — чѣмъ немало гордился. Онъ даже признался Ли, что для него было вопросомъ—считаться ли главаремъ въ крокетъ, или въ гонкѣ, но крокетъ перевѣсилъ, потому что онъ, Сесиль, любилъ „чувствовать, какъ у него мелькаютъ пятки“.

Ли разсѣяннo слушала его, потягивая кларетъ и закусывая сэндвичами; ей казалось, что мысли ея разомъ разлетаются въ разныя стороны.

— О!—воскликнула она вдругъ:—Я нисколько не устала: я чувствую, что еще много, много миль могу пройти! Пусть бы съ нами случилось приключеніе. Развѣ не чудесно будетъ испытать приключеніе?

Глаза у мальчика загорѣлись.

— Да? Вамъ—хотѣлось бы? Я тоже объ этомъ думалъ; но вѣдь вы дѣвочка... впрочемъ, вы молодецъ. Мы наймемъ одну изъ рыбацкихъ лодокъ и покатимъ въ море, чтобы вмѣстѣ съ валами подыматься и опускаться, — какъ въ бездну морскую. Нѣтъ, вы себѣ представьте, что это за прелесть! Но сперва скажите: вы не прочь?

— Еще бы!

Сесиль расплатился, и они пошли вдоль утесовъ до того мѣста, гдѣ небольшое рыболовное судно готовилось выйти въ море. Ли съ удивленіемъ замѣтила, что ноги ея какъ-то подкашиваются или пляшутъ,—она не могла разобрать; но въ порывѣ радости, что она дѣлаетъ нѣчто такое, чего не одобритъ весь меблированный домъ м-съ Гейнъ, скоро обо всемъ остальномъ позабыла думать. Сесиль проворно повончилъ переговоры съ хо-

зьяномъ-рыболовомъ, — некрасивымъ итальянцемъ, который отнесся къ нему совершенно безучастно, — и вскорѣ суденышко принялось скользить и нырять въ пѣнистыхъ валахъ океана. Ли сперва испугалась и въ ужасѣ прижалась къ своему спутнику, но тотъ покровительственно и самоувѣренно убѣдилъ ее, что опасности нѣтъ никакой; еще двѣ-три минуты — и Ли уже всплеснула руками отъ восторга, ныряя посреди изумрудно-зеленоватыхъ стѣнъ воды. Вдругъ она принялась тереть глаза: солнце сейчасъ тутъ было и сіяло, — и вмигъ исчезло, точно сорвалось съ якоря и кануло въ воду. Дѣвочка сказала Сесиль; тотъ взглянулся и обратился за разъясненіемъ этого чуда къ итальянцу.

— Это туманъ, чортъ его побери! — воскликнулъ послѣдній: — И съ чего онъ такъ рано?

Суденышко повернуло къ землѣ, и дѣти съ любопытствомъ слѣдили за мягкой, упорно надвигавшейся завѣсой тумана, — бѣлой какъ облако, холодной какъ заря, пронизывающей какъ звуки среди ночи. Только разъ раскрылась она, и по краямъ отверстія приняла багряный оттѣнокъ; на мигъ, пылающей лентой пробѣжалъ солнечный отблескъ вверхъ и внизъ по трещинѣ, рассыпался кровавыми каплями и снова исчезъ туда же, откуда появился. Сквозь горы тумана пронесся протяжный, зловѣщій стонъ Фараллонской „сирены“, — рѣга, который служитъ предостереженіемъ для судовъ въ морѣ.

Дѣти еще ближе прижались другъ къ другу. Вдругъ ботики толеулся обо что-то и дрогнулъ; дѣти подумали, что налетѣли на скалу, но оказалось, что итальянецъ причалилъ къ берегу, къ какой-то странной, незнакомой пристани.

— Послушайте! — воскликнулъ, обращаясь къ нему, мальчикъ: — Развѣ вы не перевезете насъ на ту сторону, пока еще не подошелъ туманъ?

— Хотите на тотъ берегъ, такъ добирайтесь вплавь, — замѣтилъ рыболовъ, выходя на берегъ. Сесиль бросился къ нему съ горящими глазами:

— Я думалъ, что ты насъ везешь обратно! Ты негодай!..

Тотъ разсмѣялся. Глотая слезы обиды, Сесиль обратился къ нему снова:

— Отецъ вамъ хорошо заплатить, — предложилъ онъ: — Только отвезите насъ обратно!

— Сегодня не поѣду черезъ бухту, — возразилъ тотъ.

— Но какъ же намъ добраться назадъ?

— Если пѣшкомъ пройдете три, пять миль (я что-то не припомню), вы можете взять почтовую лодку.

Сесиль прыгнулъ съ берега назадъ, къ своей спутницѣ:

— Мнѣ очень, очень жаль, — замѣтилъ онъ, помогая ей вѣрнуться на землю: — Что я вамъ надѣлалъ!

— Ахъ, пустяки! — весело возразила Ли. — Я думаю, что могу дойти.

— Вы молодецъ! Ну, пойдемъ, — согласился онъ, но лицо его было мрачно.

— Вы чудо какъ были хороши, когда грозили этому противному человѣку! — замѣтила она, беря его за руку: — Я увѣрена, что онъ васъ испугался.

— Ли! — убѣжденно воскликнулъ Сесиль, сіяя въ лицѣ, какъ настоящій побѣдитель: — Въ васъ одной больше здраваго смысла, чѣмъ во всѣхъ дѣвочкахъ на свѣтѣ! Идемте; я вамъ помогу дойти.

Они взобрались на высокій берегъ, и тогда только увидали, что вокругъ нихъ бѣлѣетъ непроницаемый туманъ.

— Странно, отчего мнѣ спать такъ захотѣлось, — замѣтила Ли.

— О, ради Бога, не засните! Побѣжимъ впередъ! — И дѣти принялись бѣжать, пока не запыхались. Остановившись, они увидали, что вокругъ нихъ стоятъ черныя мачты, которыя, казалось, упирались въ невидимыя за туманомъ звѣзды.

— Это лѣсъ, — краснорѣчье, — проговорилъ Сесиль: — Я, кажется, теперь навѣрно знаю, куда мы попали: мы съ отцомъ въ этомъ лѣсу бывали, — это настоящій лѣсъ! Я надѣюсь, что... А жаль, что мы не можемъ идти вверхъ по краю утесовъ!

Лѣсъ разрастался; росло и число тропинокъ. Надъ головами дѣтей раскинулся густой молодой ельникъ. Гулъ моря удалился. Ли зѣвнула и пошатнулась на ногахъ.

— О, Сесиль! Какъ я спать хочу! Шагу не могу больше сдѣлать.

Мальчикъ и самъ усталъ, но сѣлъ, прислонился къ стволу большого дерева и взялъ на руки полусонную Ли; она удобно прижалась къ его плечу и уснула. Сесиль былъ смѣлый мальчикъ, но за тѣ два часа, которые Ли проспала, нервы его вынесли тяжкое испытаніе. Высоко надъ нимъ, въ туманѣ, шелъ непрерывный шопотъ невидимой для него листвы; издали доносился жалобный вопль Фараллонской „сирены“, — и только. Больше ни звука, ни шороха! Если въ лѣсу и были звѣри, — всѣ они спали...

V.

У бѣднаго мальчика начали стучать зубы,—отъ страха или отъ холода, онъ самъ не могъ бы разобрать,—какъ вдругъ Ли шевельнулась.

— Вы проснулись?—спросилъ онъ. И Ли мигомъ вскочила.

— Я не могла понять, гдѣ я? „Мэмми“ будетъ въ отчаяніи, заболѣетъ со страху!

— А мой отецъ подниметъ на-ноги всю полицію,—угрюмо подхватилъ Сесиль и пошелъ впередъ:—Ну, вотъ! Мы идемъ въ гору! Да еще какой крутой подъемъ! А итальянецъ ничего про это не сказалъ.

— Мы, вѣрно, снова заблудились,—съ покорностью судьбѣ, которая особенно способна раздражить мужчину, сказала дѣвочка.

— Если и заблудились,—я, все равно, ничѣмъ не могу помочь въ туманѣ.

— А мнѣ все равно: пусть подъемъ будетъ крутой, лишь бы на вершинѣ была мэмми!

Сесиль тотчасъ смягчился.

— Ну, не горюйте! мы скоро туда доберемся. Я буду идти позади и подталкивать васъ.

Съ трудомъ, едва переводя дыханіе, они взобрались вверхъ на пригорокъ, который оказался цѣлой горой. Лѣсъ остался у нихъ позади, а вокругъ обступалъ тѣсный кустарникъ. Дѣтямъ приходилось много разъ отдыхать; голодъ только еще больше мучилъ ихъ послѣ того, какъ они съ жадностью погрызли нѣсколько штукъ печеній, которыя случайно нашлись у Ли въ карманѣ. Но оба избѣгали говорить о своихъ тревогахъ, да и вообще мало говорили, даже когда останавливались, чтобы перевести духъ,—усталые, испарянные, оборванные. Наконецъ, и кусты остались позади,—а вокругъ, и впереди,—и повсюду,—очутились голыя скалы, камни и туманъ,—безпощадный, непроглядный туманъ. Мужеству пришелъ конецъ.

— Я не буду плакать,—храбро заявила Ли:—Только я думаю, что для насъ самое лучшее — посидѣть, пока не станетъ разсвѣтать; тогда и голодъ будетъ намъ не такъ чувствителенъ. Расскажите мнѣ что-нибудь про отца, про себя... Мнѣ кажется, теперь-то вы можете мнѣ довѣриться?

— Мы друзья на всю жизнь! Вы нравитесь мнѣ даже больше,

чѣмъ мой пріятель въ Итонѣ.—Вы славный малый! Ну, протяните правую руку и покланитесь, что не скажете никому.

Ли дала клятву, и оба измученные путника усѣлись поудобнѣе въ углубленіи утеса.

— Говорить мнѣ придется не много. Отецъ съ мачихой почти непрерывно ссорятся: она богата, а онъ разсчитывалъ современемъ разбогатѣть, потому что дядя-Бэзилъ былъ старъ и холостъ; но два года тому назадъ онъ взялъ да и женился. Скоро мачиха принялась его язвить, какъ оса. Я, впрочемъ, ее люблю, потому что она рѣдко меня обижаетъ; не разъ я видѣлъ ее въ такомъ состояніи, что она была готова тотчасъ раскричаться, кто бы съ нею ни заговорилъ; я тогда уходилъ отъ нея въ сторону. А разъ я самъ взбѣсился, когда она принялась ругать моего дядю, а онъ былъ такъ добръ ко мнѣ; я у него всегда гостилъ въ Маундрелѣ, а онъ дарилъ мнѣ ружья, дѣлалъ мнѣ кучу подарковъ и давалъ денегъ. Ну, я и сказалъ ей, что она противная, и зачѣмъ она его ругаетъ;—что я не буду ее любить, если она не перестанетъ; она расплакалась и меня расцѣловала (а цѣловаться она умѣетъ!),—и сказала, что любить меня больше всего на свѣтѣ и сдѣлаетъ для меня все, чтѣ я захочу. Я вамъ не сказалъ, что она—американка? Отецъ говоритъ, что всѣ американцы вспыльчивы, а ужъ она-то и подавно; но она на меня не надышется (у нея вѣдь нѣтъ своихъ дѣтей),—вотъ, я ее за это и люблю... Какъ-то разъ обозлились они съ отцомъ ужасно; я былъ тутъ же, да они сгоряча не замѣтили. Отцу было нужно много денегъ, а она не давала и говорила, что онъ можетъ попросить у своей матери (у бабушки есть деньги, и часть ихъ она мнѣ завѣщаетъ). Отецъ отвѣтилъ, что уже просилъ, но что она не хочетъ дать. Тогда Эмми (ее зовутъ Эмили, а это я ее такъ называю) принялась его всячески ругать и повторяла, что еслибы не я, она хоть сейчасъ была бы готова его бросить. А онъ сказалъ, что отъ нея не отстанетъ и уйдетъ изъ Лондона, какъ только можетъ дальше, и пусть она увидитъ, каково ей одной придется, безъ него:—Ты, говоритъ, въ нашемъ обществѣ чужая; тебя здѣсь едва терпятъ!—и хлопнулъ дверью, уходя. Она разрыдалась до истерики, но не повѣрила его угрозамъ. А онъ взялъ да и увезъ меня съ собою на другой же день, на зло ей и бабушкѣ; онъ, впрочемъ, порядочно ко мнѣ относился,—только мнѣ больше бы хотѣлось быть теперь въ Итонѣ. Онъ пріѣхалъ сюда, потому что здѣсь дешевле жить, и у него есть знакомые фермеры-англичане. Онъ надѣется, что Эмми раскается, но она

писала мнѣ и прислала два фунта стерлинговъ въ подарокъ, а о немъ—ни слова.

— Ахъ, Боже мой, Боже! — восклицала дѣвочка, глубоко разочарованная въ своихъ романическихъ мечтахъ:—Мой папа съ мамой были преданы другъ другу. Должно быть, иначе жить—ужасно!

— О, я думаю, къ этому привыкають; и наконецъ, безъ того, у каждаго есть свои особые интересы. Мачиха, обыкновенно, очень веселится, а отецъ рѣдко бываетъ дома, когда мы живемъ въ Лондонѣ; осенью у насъ живетъ куча гостей,—Эмми арендуетъ помѣстье въ Гэмпширѣ.

— Такъ вашъ отецъ не лордъ?

— Нѣтъ. У насъ лордъ—мой дядя.

Впрочемъ, Ли скоро позабыла про свое разочарованіе и нѣжно потрепала своего товарища по рукамъ.

— Вамъ не такъ счастливо жилось, какъ другимъ мальчикамъ; а вы все-таки хорошій, добрый! Мнѣ это очень жаль; и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы могли жить съ мамми и со мной!

Очевидно, Сесиль любила, чтобъ ему соболѣзновали, такъ какъ пустился тотчасъ же распространяться на жалобную тему любви и преданности своей бабушки и семерыхъ тетушекъ—дѣвицъ, мачихи и дяди. Ему въ тѣни не было видно лица дѣвочки, но онъ чувствовалъ, до чего напряженно она вникаетъ во всѣ интересы, сосредоточенные на немъ. Ли позабыла все на свѣтѣ, кромѣ Сесили; Сесиль позабылъ все, кромѣ самого себя.

— Я всегда буду васъ любить больше всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ мамми, — вскричала дѣвочка, когда запасъ его краснорѣчія истощился:—И я клянусь!

— Развѣ вы не могли бы любить меня больше, чѣмъ вашу маму?—спросилъ онъ съ отгнкомъ ревности.

Ли замаялась. Ея юное сердечко трепетало отъ столкновенія противоположныхъ чувствъ; но женская чуткость подсказала ей отвѣтъ.

— Пока—еще не могу ничего сказать: я рѣшу, когда буду совсѣмъ большая.

— Какой прокъ дѣлать все на половину? Я такъ никогда не дѣлаю. Вы нравитесь мнѣ больше, чѣмъ кто-либо.

— А мнѣ придется подождать,—твердо отозвалась дѣвочка.

— А! Ну, и прекрасно. Конечно, еслибъ у меня здѣсь были знакомые мальчики, это было бы гораздо лучше.

— Такъ еслибъ вамъ было съ кѣмъ играть, вы бы меня не полюбили? О, какой вы недобрый, злой, жестокий мальчикъ!

— Да нѣтъ же! Вы вѣдь понимаете, что, все равно, я васъ любилъ бы, только вы не были бы мнѣ до такой степени необходимы. Тутъ не за что сердиться... Ну вотъ! Чего вы?..

Ли расплакалась.

Сесиль вдругъ почувствовалъ, что ему холодно и голодно,—что онъ усталъ, а тутъ еще—не угодно ли!—сцена! На мигъ у него промелькнула мысль утѣшить ее, приласкать; но ему живо вспомнилось, что у его мачихи, напротивъ, отъ этого еще сильнѣе льются слезы,—и онъ воздержался отъ вѣжностей.

— Мы обождемъ здѣсь до утра,—проговорилъ онъ;—а тамъ я вывѣшу вашъ передникъ, и кто-нибудь его увидитъ непременно. Мы все равно, что пстерпѣли крушеніе.

— Никогда я не терпѣла крушенія, и увѣрена, что мнѣ бы это не понравилось!—всхлипывала дѣвочка.

— Все-таки это—приключеніе; а вамъ вѣдь этого именно хотѣлось.

— Не люблю я приключеній! Это неинтересно,—и я вся избита, испарапана.

— Однако, медвѣди на пасъ не нападали; вы хоть за то должны быть благодарны.

Еслибъ ее приласкали, Ли мигомъ бы утѣшилась; но тутъ она гордо встала и, отыскавъ себѣ мягкое мѣстечко на землѣ, собралась заснуть. Сесиль спѣсиво улегся тамъ же, гдѣ стоялъ. Но и ему тяжело давило на мозгъ сознаніе усталости, и голода, и тревоги. Еще двѣ-три минуты, и онъ вскочилъ, снялъ свою куртку и подsunулъ ее подъ голову Ли. Оба мгновенно и глубоко уснули.

Ли проснулась первая, и ей сдѣлалось жутко отъ какого-то безотчетнаго, мертвенно-зловѣщаго затишья въ воздухѣ, во всей природѣ. Все живое точно вымерло; безмолвная тишина была удручающая. Ли потянула за плечо Сесиль и заставила его встать на ноги:

— Право, случится еще что-нибудь ужасное! Ахъ, еслибы мы были дома!

Мальчикъ поднялся и протеръ глаза. Не успѣлъ онъ еще понять, что могли означать его слова, какъ раздался глухой ревъ, раскаты, которые неслись откуда-то, изъ нѣдръ земли; утесъ словно весь задрожалъ, заколебался у нихъ подъ ногами... Ли отскочила въ сторону, а Сесиль, ничего не соображая, почувствовалъ только, что быстро несется внизъ по скату безобразной разсѣлины въ скалѣ,—все ниже, ниже,—до безконечности скользя куда-то въ пространство.

Вокругъ него катились комки земли и камни. Въ головѣ у него была пустота, въ жилахъ усиленно дрожала кровь. Внезапно все остановилось. Сесиль машинально встала на ноги и пошелъ что-то отыскивать, не отдавая себѣ отчета, чего или кого онъ ищетъ. Къ нему на встрѣчу бѣжала Ли, а позади нея — рослый человѣкъ въ грубой одеждѣ горца.

— Это землетрясеніе! — кричала Ли. — Ахъ, онъ насъ отведетъ домой!

VI.

Цѣлая ночь материнскихъ тревогъ и ужасъ передъ неожиданнымъ землетрясеніемъ, отъ котораго дрожалъ весь городъ до основанія, чуть не заставили душу бѣдной м-съ Тарлтонъ разстаться съ ея брэнной оболочкой.

М-ръ Маундрель послалъ полицейскихъ въ поиски за дѣтьми, а самъ долго и безпокойно шагаль въ верхней залѣ; наконецъ, сошелъ къ м-съ Тарлтонъ (уже поздно вечеромъ) и принялся увѣрять ее, что Сесиль — смѣлый мальчикъ и сѣмѣтъ защитить и сберечь ея Ли. Попозже — онъ опять къ ней зашелъ и засталъ тамъ м-съ Гейнъ, которая давала м-съ Тарлтонъ нюхать англійскую соль и обмахивала ее вѣеромъ; его спокойствіе благотворно повліяло на нее, и она просила его не отходить отъ нея. Онъ согласился, и когда началось землетрясеніе, вошелъ къ ней безъ церемоніи и тотчасъ же принялся ограждать ее отъ падающей штукатурки. Люстра прыгала, какъ плюсуны на канатѣ, и, наконецъ, сорвалась, съ грохотомъ упала на полъ, чѣмъ и вызвала отчаянный, но слабый вопль въ м-съ Тарлтонъ, распростертой на постели. Она задыхалась въ платкѣ, которымъ онъ накрылъ ее съ головою, и разразилась истерикой. М-ръ Маундрель, наконецъ, убѣжалъ и по дорогѣ просилъ м-съ Гейнъ вернуться къ больной.

Кромѣ самой хозяйки, утро застало всѣхъ жильцовъ въ самомъ небрежномъ видѣ, а дамъ — еще въ папильотеахъ; всѣ толпились въ корридорахъ, обмѣниваясь впечатлѣніями. Часовъ въ одиннадцать утра, м-ръ Маундрель былъ занятъ чтеніемъ „особаго прибавленія“ къ газетѣ, въ которомъ говорилось о землетрясеніи, когда на порогѣ появился блѣдный, оборванный, испарянный мальчикъ. Отецъ поднялъ голову. Сесиль вздрогнулъ.

— Ступай и возьми ванну, — проговорилъ м-ръ Маундрель. — Сдѣлай одолженіе, не надобдай мнѣ разсказами о своихъ при-

жлюченіяхъ; съ меня болѣе, чѣмъ довольно—всего, что пришлось испытать.

Ни къ обѣду, ни въ школу не ходила Ли цѣлую недѣлю и съ величайшимъ рвеніемъ, съ любовью и раскаяніемъ ухаживала за своей больной матерью. Первые два дня Сесиль не смѣлъ къ нимъ показаться; на третій—онъ нерѣшительно постучался въ ту дверь.

— Ахъ, очень рада, что вы не совсѣмъ меня забыли! — встрѣтила его Ли.

Сесиль не пытался извиниться; онъ только подалъ ей мѣшочекъ леденцовъ и огромное яблоко.

— Я думалъ, что вамъ, можетъ быть, будетъ это пріятно, такъ какъ вы теперь не можете сами пойти купить, — весьма искусно пояснилъ онъ.

— Какъ вы добры!—отозвалась она.

— Я днемъ всегда буду приходить, чтобы ухаживать за вашей мамой,—продолжалъ онъ.

— Вотъ выдумка,—чтобъ мальчикъ былъ сидѣлкой!—презрительно воскликнула дѣвочка.

— А вы лучше ступайте да засните, — продолжалъ онъ. — Какое ей теперь давать лекарство?

Ли поддалась его убѣжденіямъ, и дѣйствительно заснула. Немного спустя, м-съ Тарлтонъ проснулась, чувствуя на себѣ чей-то упорный взглядъ. Больная слабо улыбнулась и потрепала его нѣжно по рукѣ:

— Вы добрый мальчикъ,—промолвила она.

„Добрый мальчикъ“ обидчиво вспыхнулъ.

— Я вовсе не желаю, чтобъ меня считали мякишемъ!

— Я знаю, знаю! Я хочу сказать, что большинство мальчиковъ—эгоисты; я знала, что вы благополучно доведете до дому мою Ли.

— Ахъ, еслибъ вы только мнѣ сказали, что прощаете меня!

— Прощаю, прощаю; только, пожалуйста, не повторяйте ужъ этого больше.

Сесиль далъ ей лекарство, и больная какъ будто задремала; но онъ видѣлъ, что она не спитъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы были немного постарше, — неожиданно сказала она.

— Да я и безъ того гораздо старше Ли,—выпрямляясь, возразилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, я хочу сказать, что было бы хорошо, еслибъ

вы были старше и такъ же любили мою Ли, какъ теперь. Я скоро умру; между тѣмъ, я надѣялась дожить, пока Ли выйдетъ замужъ. Не болѣзнь, а забота мучаетъ меня.

— Если хотите, я женюсь на Ли!—довольно забавно предложилъ Сесиль.—Она мнѣ очень нравится; мнѣ было бы очень встать жить съ нею въ Англіи.

М-съ Тарлтонъ приподнялась на локтѣ, и ея исхудалыя щеки такъ и загорѣлись румянцемъ.

— Сесиль! Пообщайте мнѣ, что вы женитесь на ней!—торжественно сказала она.—Я знаю, что вы будете всегда къ ней добры: мнѣ больше не на кого ее оставить... Общайте!

— Общаю!—поспѣшно подхватилъ мальчикъ.

— Если я умру прежде, чѣмъ вы вернетесь въ Англію, увезите ее съ собою, если отецъ согласится; если же нѣтъ, пріѣзжайте за нею, когда исполнится ваше совершеннолѣтіе. Помните, что вы дали общаніе умирающей.

— Да, мѣмъ!—тихо подтвердилъ Сесиль. Несмотря на его крайнюю юность, чутье говорило ему, что м-съ Тарлтонъ поступаетъ не совсѣмъ порядочно, и онъ спѣшилъ успокоить больную... на время.

Какъ только Ли проснулась, онъ поспѣшилъ уйти; но на слѣдующій же день, когда пришелъ опять, его непріятныя впечатлѣнія почти изгладились, и онъ началъ чувствовать себя по-прежнему.

На четвертый день послѣ рассказаннаго выше, Сесиль сидѣлъ и молча смотрѣлъ на Ли, помогая ей въ то же время грѣть овесъ для матери.

— Я бы желала, чтобы вы на меня не уставляли до такой степени глаза,—довольно рѣзко замѣтила вдругъ Ли.

— Я какъ разъ думалъ въ эту минуту... Вы знаете, я вѣдь буду вашимъ мужемъ.

— Чтò?! Чтò вы сказали?—роняя нагрѣтый овесъ въ огонь, воскликнула дѣвочка, и ея голова гордо откинулась назадъ, а ноздри раздулись.—Кто это вамъ сказалъ,—я бы желала знать? Только не я!

— Ваша мама просила, чтобы я женился на васъ, и я сказалъ ей, что женюсь.

Юная американка, въ порывѣ гнѣва, вскочила и топнула ногой.

— Вотъ выдумка?! Попробуйте. Выдумали сказку, что можете жениться на дѣвушкѣ просто потому, что вамъ это вздумалось,—да еще не спрося ея!—А я возьму, да и не пойду за васъ,—вотъ вамъ!

Маундрель-младшій, стоя передъ нею, засунулъ руки въ карманы и въ недоумѣніи, но все-же съ неудовольствіемъ поглядывалъ на нее. Будь она мальчишка, онъ зналъ бы, что съ нею нужно сдѣлать: оттузить ее хорошенько,—вотъ и все. Но дѣвочка—загадка, похитрѣ землетрясенія, и онъ снизошелъ къ дипломатической хитрости.

— Конечно, я сдѣлаю вамъ предложеніе, если вамъ это больше нравится.

— Еще бы! Голову можете отдать на отсѣченіе...

— Итакъ...—протянулъ Сесиль, весь красный, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну, что же?

— О!.. То-есть... Вы можете выйти за меня, если хотите... А, чортъ! Я не умѣю дѣлать предложенія.

— Это вѣрно, — возразила Ли и мысленно перебрала сцены изъ лучшихъ романовъ.—Вы должны стать на колѣни,—прибавила она.

— Скорѣ умру!—вскричалъ Сесиль.

— Нѣтъ, вы должны!

— А я не встану.

— Такъ я за васъ не выйду.

— Ну, и пусть! Мнѣ все равно.

— Вы общали.

— Я вовсе не оселъ, чтобы такъ поступать...

Ли кротко его перебила:

— Впрочемъ, насчетъ колѣнопреклоненія, мнѣ это все равно; я боюсь, что покатила бы со смѣху, пожалуй. Скажите просто: „Хотите быть моей женой?“

Сесиль, надувшись, повторилъ эти слова.

— Ну, вотъ мы—женихъ и невѣста!—снисходительно промолвила Ли.—Ахъ, нашъ овесъ сгорѣлъ; но у насъ его куча, уже нагрѣтаго, а для васъ я сдѣлаю сиропъ и накапаю вамъ цѣлый леденецъ.

Дѣвочка потянулась къ его галстуху и расправила его.

— Когда вы взбѣситесь, у васъ такой побѣдоносный видъ, точно вы властвуете надъ вселенной.

Мальчикъ съѣлъ леденецъ и усмирился.

VII.

Вскорѣ м-съ Тарлтонъ стало какъ будто лучше. Она могла сидѣть; поэтому Сесиль повелъ Ли прогуляться, но на этотъ

разъ они вернулись въ-время: предупрежденіе отца, что, въ противномъ случаѣ, его угостятъ волотушками—подѣйствовало. Съ этого дня, дѣти ежедневно ходили на Базарную улицу, а по воскреснымъ днямъ бывали вмѣстѣ въ церкви.

Однажды, возвращаясь изъ школы, Ли замѣтила, что у крыльца м-съ Гейнъ происходитъ драка. Борцами оказались Берти Рейнольдсъ и Сесиль Маундрель. Первымъ движеніемъ Ли было закричать, а вторымъ—ободрить товарища; но она сдержала свой порывъ, вспомнивъ, что это не пристало дѣвочкѣ, или, какъ сказала бы ея мать, — южанкѣ. Ли взобралась на какой-то ящикъ и принялась наблюдать за ходомъ битвы, сжимая кулаки и возбужденно сверкая глазами. Сердце у нея щемило: ея Сесилю приходилось плохо; его противникъ былъ рослый и ловкій малый, умѣло распредѣлявшій удары. Сверхъ того, всѣ были за него: во-первыхъ, онъ былъ американецъ, а во вторыхъ,—Сесиль недѣли три подъ рядъ дразнилъ мальчиговъ-жильцовъ м-съ Гейнъ и относился къ нимъ высокомерно. Уже не сегодня въ воздухѣ пахло местью. Боролись мальчишки какъ дикари: Ли было страшно смотрѣть имъ въ лицо. У ея друга былъ подбитъ жестоко глазъ, память и испарапанъ носъ, а бѣлоснѣжная рубашка окровавлена; Сесилю достался здоровенный ударъ въ подбородокъ и—онъ свалился.

Теперь—пора! Ли мигомъ прыгнула на землю и, очутившись около павшаго, поддержала ему голову, а зрители свистѣли и шипели.

— Помогите мнѣ внести его въ домъ, гадкій, противный вы хвастунъ и забійка!—сказала Ли побѣдителю.—Берите его за ноги,—вотъ такъ!

Инстинктъ народности подсказалъ ему, что надо покориться, и Сесиль благополучно былъ положенъ въ сторонкѣ, въ сѣняхъ, а Рейнольдсъ поспѣшилъ бѣжать подальше отъ гнѣва, котораго были преисполнены глаза и... руки Ли. Она прижала избитаго бѣдняка къ своей груди и горько зарыдала.

— Да ну же! Полноте! — остановилъ ее потерпѣвшій.—У меня просто голова болить,—только и всего!

— Ужъ эти проклятые мальчишки!—всхлипывала Ли.

— По крайней мѣрѣ, они знаютъ теперь, что я умѣю драться,—возразилъ онъ; но въ голосѣ его не было ни силы, ни гордости.

— Съ чего вы подрались-то?—спросила Ли, осушая слезы своимъ передникомъ, запачканнымъ кровью.

— Они сказали, что Соединенные-Штаты два раза „смазали“

Англию, а я сказалъ, что—нѣтъ. Они сказали, что я не знаю исторіи, а я имъ сказалъ, что они врутъ. Ну, словомъ, они выбрали своимъ борцомъ Рейнольдса,—вотъ мы и подрались.

— Не волнуйтесь!—успокоительно говорила дѣвочка.—Какъ вамъ кажется,—можете вы дойти до своей комнаты? Вамъ лучше лечь въ постель.

Съ трудомъ дотащился Сесиль до своей комнаты и повалился на кровать. Ли была въ своей сферѣ: она обмывала ему лицо водой, бѣгала за льдомъ, дѣлала перевязки. Какъ ни жалъ ей было товарища, а и ей онъ показался смѣшонъ со своимъ лицомъ, обвязаннымъ въ двухъ мѣстахъ.

— Ли!—послышался съ постели глухой голосъ, когда она спустила занавѣски.—Стяните съ меня сапоги.

Ли колебалась, но не долго. Она сняла сапоги, но не могла удержаться, чтобы не сказать:—А вѣдь Штаты смазали Англию!

Въ одинъ мигъ, Сесиль приподнялся на локтѣ.

— Ну, ужъ нѣтъ!—хрипло воскликнулъ онъ.—Еслибы вы были мальчишъ, я бы васъ отхлесталъ!

— Въ прошлую четверть мы кончили исторію Соединенныхъ Штатовъ: мы васъ побии во время революціи и въ 1812-мъ году.

Сесиль привсталъ и выпрямился, гнѣвно сверкая своимъ подбитымъ глазомъ.

— А я вамъ говорю, что—нѣтъ!—при этомъ его повязки свалились, изъ ранъ показалась кровь.

Ли, въ порывѣ раскаянія, заставила его откинуться на подушки.

— Я совсѣмъ дрянная; не знаю, къ чему я это сказала?—всхлипывая, говорила она, и еще разъ промыла и перевязала его раны.

— Ли! Скажите, что вы не побии насъ!—шепнулъ усталый дѣтскій голосъ.

— Конечно, не побии!—согласилась она, съ цѣлью успокоить Сесиля.

Съ англ. А. Б—г—

ВЕСНОЮ

Сладко пахнетъ весною,
Снѣгъ растаялъ едва...
Дышетъ влагой лѣсною
Молодая трава.

Все призыву покорно, —
Сна покинувъ тиски,
Благодатныя зѣрна
Выпускаютъ ростки,

Робкихъ ласточекъ стая
Замышляетъ полетъ;
Счастливъ заблѣкъ, мечтая,
Что опять запоетъ;

Въ предвкушеніи далекомъ
Ждетъ дыханья листва...
Міру внятны намекомъ
Неземныя слова.

Но расцвѣтъ юной жизни
Въ царствѣ мертвенныхъ силъ
О безсмертной отчизнѣ
Грусть души воскресилъ.

И проснувшейся чащей
Міръ не все веселить:

Тихой грустью щемящей
Только сердце болить.

Только въ сердцѣ забота,
И смятенія полно,
Недоступное что-то
Прозрѣваетъ оно.

В. ГАРРИ.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖѢ

1900-го года.

Письмо первое.

I.

Парижъ, 9 (22) марта, 1900.

Когда появится мое письмо въ печати, состоится, какъ надобно ожидать, и торжественное открытіе выставки, хотя далеко еще не все тамъ готово, а до дня открытія, 1 (14) апрѣля, остается всего какихъ-нибудь три недѣли. Готовы только пока главные зданія—но не всё —и значительная часть ихъ наружной отдѣлки. Внутри же еще ничего не устроено: разгораживаются, устанавливаются витрины, разгружаются вагоны и только кое-гдѣ начинаютъ появляться экспонаты. Но работа кипитъ вездѣ, и нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ эта лихорадочная дѣятельность и тѣ ежедневныя перемѣны, которыя она производитъ. Все дѣлается одновременно: въ одномъ и томъ же дворцѣ тамъ еще кроютъ крышу, тутъ раскрашиваютъ стѣны, а въ другомъ мѣстѣ — скульпторы подчищаютъ вновь изваянныя фигуры; кругомъ садовники раскидываютъ садъ. Результатомъ такой усиленной работы будетъ то, что выставка откроется, вѣроятно, въ срокъ, и если она не будетъ вполне готова,—она во всякомъ случаѣ будетъ не менѣе готова, чѣмъ двѣ ея предшественницы—выставки 1878-го и 1889-го годовъ,—которыя мы лично помнимъ со дня ихъ сооруженія и до ихъ разборки. Въ такое же время, то-есть за мѣсяцъ до открытія, ни та, ни другая не были болѣе закончены, чѣмъ нынѣшняя, и представляли такую же картину, какъ и нынѣ.

Настоящая выставка отличается отъ своихъ предшественницъ

прежде всего тѣмъ, что она въ серединѣ города, въ центрѣ того, что называется „парижской жизнью“. Главный входъ, „Монументальныя Ворота“ („la Porte Monumentale“) — на набережной Сены въ 75-ти саженьяхъ отъ двухъ большихъ статуй (фигуринъ городовъ Нанта и Бордо), замыкающихъ собою „Площадь Согласія“ съ юго-западной стороны, — т.-е. почти на самой „Площади Согласія“ (Place de la Concorde). И случилось это благодаря весьма любопытному явленію. Съ одной стороны, городъ растетъ почти исключительно въ направленіи къ западу. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, нынѣ столь роскошныя западныя кварталы Plaine Monceau, Bernes, Marbeuf и даже Passy, застроенныя громадными домами на новѣйшій ладъ, со всѣмъ новѣйшимъ комфортомъ, представляли собою пустыри или парки, изъ которыхъ кое-гдѣ выглядывали одинокіе отели. Богатые буржуа все болѣе и болѣе покидали центральныя, дѣловые кварталы и переселялись въ западныя, гдѣ они находили всѣ новѣйшія жизненныя удобства, а потому теперь дѣловой центръ — кварталы кругомъ биржи и центральныхъ рынковъ, подобно лондонскому Сити, — почти исключительно заняты магазинами и разными коммерческими бюро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „парижская жизнь“ — та, которая главнымъ образомъ привлекаетъ иностранцевъ, — и которую они почти исключительно только и знаютъ, — также перенеслась съ востока на западъ. Для разныхъ „снобовъ“ и „растакуеровъ“, наводняющихъ Парижъ зимою и весною, „последній шикъ“, „последній крикъ“ (le dernier cri) — не Итальянскій-бульваръ, а болѣе западная „rue Royale“ и Елисейскія-Поля.

Съ другой стороны, всемірныя выставки, которыя до сихъ поръ устраивались въ Парижѣ черезъ каждыя одиннадцать лѣтъ — за исключеніемъ выставки 1855 г. — все разрастались, — каждая послѣдующая въ отношеніи своей предыдущей, — въ направленіи къ востоку. Выставка 1867 г. была на Марсовомъ-Полѣ — ея намъ не случилось видѣть. Выставка 1878 г. тоже была построена на Марсовомъ-Полѣ, но ее расширили дворцомъ Трокадеро („Palais du Trocadéro“), который былъ построенъ специально для нея на правомъ берегу Сены и съ тѣхъ поръ тамъ остался. Помнимъ, когда она строилась. Марсово-Поле казалось мнѣ, тогда жителю Латинскаго-квартала, гдѣ-то очень далеко, на краю города, куда попасть очень трудно. Сообщенія были тогда далеко не удобныя, и собраться посмотрѣть на работы по выставкѣ — было цѣлое предпріятіе. Выставка 1889 г. значительно приблизилась къ городу — въ направленіи къ востоку. Къ Марсову-Полю и Трокадеро присоединили еще на лѣвомъ берегу рѣки Эспланаду-Инвалидовъ — для колониальнаго отдѣла, и одинъ изъ входовъ на выставку былъ на сѣверо-восточномъ углу Эспланады — недалеко отъ палаты

депутатовъ ¹⁾. Нынѣшняя выставка еще болѣе расширилась, еще болѣе подвинулась на востокъ, и оказалась въ центрѣ города—недалеко отъ той самой rue Royale, о которой мы упоминали выше. Кромѣ Марсова-Поля, Трокадеро и Эспланады-Инвалидовъ нынѣшняя выставка занимаетъ еще на правой сторонѣ Сены значительную часть Елисейскихъ-Полей—все пространство нѣтъ отъ знаменитой Avenue des Champs-Élysées до набережной и отъ Площади-Согласія до Avenue d'Antin, то-есть, все пространство, которое занималъ „Дворецъ промышленности“ съ прилежавшимъ къ нему садомъ. И выставка очутилась нынѣ въ серединѣ города не только потому, что ея главный входъ на Площади-Согласія, но еще и потому, что городъ подвинулся на западъ, такъ что въ представленіи парижскаго населенія даже Марсово-Поле больше уже не на краю города. При томъ, способы сообщенія усовершенствовались до того—а для выставки они еще специально улучшены,—что разстоянія, такъ сказать, исчезли.

II.

По своему расположенію выставка дѣлится на четыре крупныя части, распределенныя попарно на противоположныхъ сторонахъ Сены; онѣ соединены мостами такъ, что образуютъ какъ бы два большихъ отдѣла: Елисейскія-Поля (на правой сторонѣ) и, напротивъ, на другой сторонѣ, Эспланада-Инвалидовъ соединены новымъ мостомъ Александра III-го; Марсово-Поле (на лѣвой сторонѣ) и, напротивъ, Трокадеро соединены Гёнскимъ мостомъ. Двѣ почти непрерывныя цѣпи павильоновъ, протянутыхъ вдоль рѣки и по обѣимъ ея сторонамъ, соединяютъ Эспланаду-Инвалидовъ съ Марсовымъ-Подемъ—и Елисейскія-Поля съ Трокадеро.

Первый отдѣлъ, Елисейскія-Поля и Эспланада-Инвалидовъ, ближайшая къ городу, составляетъ главную новостъ настоящей выставки по сравненію съ прошлыми: ея „гвоздь“, и можемъ прибавить—„гвоздь“ гораздо болѣе интересный, болѣе художественный, чѣмъ знаменитая Эйфелева башня.

Всѣ посѣтившіе Парижъ за послѣднія 40 лѣтъ—до 1898 года—помнятъ въ Елисейскихъ-Поляхъ громадный „Дворецъ промышленности“. Въ немъ была устроена всемірная выставка 1855 года и съ тѣхъ поръ онъ служилъ для разныхъ выставокъ, но не всемірныхъ. Со стороны Елисейскихъ-Полей онъ заслонялъ собою знаменитый „Домъ Инвалидовъ“

¹⁾ Нашъ отчетъ объ этой выставкѣ 1889 г. былъ помѣщенъ въ „Вѣстникъ Европы“ того же года.

съ золотымъ куполомъ его церкви, который стоитъ какъ разъ на противоположной сторонѣ Сены, за большой площадью, „Эспланадой-Инвалидовъ“. Длина этой площади направляется почти съ сѣвера на югъ, слегка наклоняясь къ западу и образуя потому съ рѣкою, текущей въ этомъ мѣстѣ прямо съ востока на западъ, не прямой, а нѣсколько острый уголъ. Когда въ 1892 году рѣшено было устроить настоящую всемирную выставку, въ публикѣ возникъ важный вопросъ:—что будетъ „гвоздемъ“ выставки? Съ тѣхъ поръ какъ знаменитая Эйфелева башня мозолитъ всѣмъ глаза и опротивѣла до того, что парижане рады-радёхоньки были бы, еслибы ея не было,—никто, разумѣется, не сомнѣвался въ томъ, что для выставки все-таки необходимъ „гвоздь“. Но какой придумать „гвоздь“ послѣ Эйфелевой башни? Призывали на помощь фантазію въ видѣ воззванія къ публикѣ—доставлять проекты „гвоздей“. Вотъ и посыпались проекты. Чтò тутъ было—это уму непостижимо. Никогда безпредѣльная, сумасбродная фантазія не проявлялась съ такою полнотою, какъ въ этихъ проектахъ. Одинъ предложилъ построить всю выставку на Эйфелевой башнѣ, расширенной для этого случая и раздѣленной на многочисленные этажи; другой предложилъ построить гигантскій мостъ, который бы велъ чуть ли не съ Монматра черезъ весь городъ прямо на башню. Зрительныхъ трубъ необыкновенныхъ и, разумѣется, невозможныхъ тоже было предложено множество—для создателей такихъ проектовъ трудностей исполненія не существовало: они сами строить не думали, а предлагали строить другимъ. Предлагали также необыкновенныя изобрѣтенія—опять-таки не собственные изобрѣтенія, не себя предлагали въ изобрѣтатели: „пусть-могъ построить такую-то штуку, или пусть изобрѣтутъ то-то“. И вѣдь была назначена специальная коммиссія для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ сумасшедшихъ проектовъ!..

Главный комиссаръ выставки, г. Пикарь, одинъ изъ самыхъ выдающихся французскихъ инженеровъ, написавшій замѣчательный отчетъ о выставкѣ 1889 года, предложилъ снести „Дворецъ промышленности“ и построить на его мѣстѣ два дворца, а между ними—широкій бульваръ съ видомъ на „Домъ Инвалидовъ“, въ глубинѣ, и новымъ мостомъ. Этотъ бульваръ съ дворцами и видомъ долженъ былъ, по мысли автора проекта, быть не только „гвоздемъ“ выставки, но и новой и постоянной красой для Парижа.

Парижане крайне ревностно относятся къ красотамъ своего города, и за это, разумѣется, ихъ можно только хвалить. Не дай Богъ какому-нибудь инженеру перемѣстить, а тѣмъ паче—вырубить дерево на площади или на какомъ-либо бульварѣ. Поднимается цѣлая исторія, крикъ въ газетахъ, въ муниципальномъ совѣтѣ—запросы. Вѣдь заста-

вили же новый „Вокзалъ-Инвалидовъ“ ¹⁾ зарыться почти цѣликомъ въ землю, чтобы не портить вида Эспланады. Поэтому проектъ г. Пикара, котораго исполненіе требовало нѣкоторыхъ измѣненій въ Елисейскихъ-Поляхъ, сначала не былъ одобренъ публикой. Его пришлось оправдывать исторіей. Оказалось, что въ прошломъ вѣкѣ въ Елисейскихъ-Поляхъ (которыя тогда были большимъ паркомъ) существовала обширная аллея съ видомъ на „Домъ Инвалидовъ“. Существовалъ даже разводный мостъ, на судахъ, между этой аллеей и Эспланадой. Опубликована была старинная гравюра, изображавшая видъ „Дома Ивалидовъ“ съ Елисейскихъ-Полей. Тогда проектъ былъ принятъ, и теперь онъ уже исполненъ.

Въ Елисейскихъ-Поляхъ на мѣстѣ „Дворца промышленности“ стоятъ два дворца: одинъ—„Большой дворецъ“ (le Grand Palais), направо, смотрящій на Сену, а другой—„Малый дворецъ“ (le Petit Palais) налево. Между ними широкая площадь, прорѣзанная бульваромъ, который продолжается мостомъ Александра III-го, а на другой сторонѣ Сены—улицей черезъ всю Эспланаду, доходить до улицы Гремель и кончается передъ рѣшеткой „Дома Инвалидовъ“, у самыхъ воротъ.

Эти дворцы посвящены исключительно произведеніямъ чистаго искусства. Въ Большомъ-дворцѣ будетъ выставка современнаго искусства и столѣтняя художественная выставка, гдѣ будутъ собраны лучшія произведенія отходящаго столѣтія. Въ Маломъ дворцѣ будетъ ретроспективная выставка французскаго искусства. На Эспланадѣ-Инвалидовъ, по обѣимъ сторонамъ вышеуказанной улицы, построены два великолѣпныхъ дворца, которые назначены специально для декоративнаго искусства во всѣхъ его проявленіяхъ; официально оно называется: „14-ая и 15-ая группы“ ²⁾.

Такимъ образомъ, можно сказать, то, что мы назвали первымъ отдѣломъ,—Елисейскія-Поля и Марсово-Поле,—всцѣло посвящены искусству во всѣхъ его видахъ. На этотъ разъ не будемъ описывать ни дворцовъ, ни новаго бульвара, ни даже перспективы новаго бульвара. Дворцы еще не очищены отъ лѣсовъ; бульваръ и мостъ еще не окончены, и даже видъ на „Домъ Инвалидовъ“ прерванъ—не знаемъ, случайно или нарочно—на другой сторонѣ моста. Тамъ, какъ разъ по срединѣ новой улицы, поднимается громадный деревянный баракъ—мастерская для гипсовой отливки.

¹⁾ Новый вокзалъ для западныхъ жел. дорогъ, который скоро приобрѣтетъ значеніе центрального вокзала. вродѣ вокзала Св. Лазаря (Gare St.-Lazare).

²⁾ См. ниже—перечень группъ.

III.

Отъ Эспланады-Инвалидовъ до Марсова-Поля вдоль Сены идетъ на протяженіи полутора версты широкій бульваръ Quai d'Orsay (набережная Орса), который въ двухъ мѣстахъ пересѣкается перпендикулярно бульварами, выходящими на мосты черезъ Сену: мостъ Инвалидовъ, на западномъ краю Эспланады, и ниже—мостъ Альмы (pont de l'Alma). Между этими двумя мостами, по всей длинѣ набережной, построены въ два ряда „Павильоны иностранныхъ народовъ“ (Pavillons des Nations Etrangères). Одинъ рядъ, ближайшій къ Сенѣ, построенъ частью на набережной, частью на сваяхъ, надъ самымъ берегомъ рѣки, который ниже бульвара метра на три. Этотъ рядъ занятъ въ большей своей части „великими націями“ ¹⁾. Онъ начинается, со стороны Эспланады, Италіей, затѣмъ идутъ: Турція, Соединенные-Штаты, Австрія, Боснія, Венгрія, Англія, Бельгія, Норвегія, Германія, Испанія, Монако, Швеція, Греція, и кончается онъ Сербіей, у моста Альмы. Въ другомъ параллельномъ рядѣ стоятъ павильоны балканскихъ народовъ и другихъ мелкихъ государствъ.

Эти павильоны еще не вполне готовы. Можно только сказать, что тутъ архитекторы особенныхъ усилій воображенія не дѣлали. Каждый изъ нихъ, точно по общему слову, взялъ лучшія части извѣстныхъ памятниковъ страны и постарался скомпоновать такъ, чтобы образовалось изъ этихъ частей яко бы одно цѣлое. Никто не постарался создать что-нибудь совершенно новое. Но архитекторы, кажется, забыли „спѣться“, и, пожалуй, изъ павильоновъ, весьма красивыхъ, даже очень интересныхъ,—каждый въ отдѣльности,—въ общемъ, когда посмотрѣть на нихъ съ противоположной стороны Сены, en face,—выйдетъ страшная разладица.

За павильонами иностранныхъ государствъ, между мостомъ Альмы и Марсовымъ-Подемъ идутъ павильоны, относящіеся къ мореплаванію. Тутъ же, на самомъ берегу Сены, выступая вторымъ этажомъ на набережную—павильонъ сухопутныхъ и морскихъ армій.

На Марсовомъ-Полѣ (Марсовомъ старой памяти: оно давно вышло изъ военнаго вѣдомства и никакихъ больше на немъ военныхъ экзерцицій не бываетъ) сосредоточена вся, такъ сказать, торгово-промышленная часть выставки. Правда, тутъ еще будетъ отдѣлъ воспитанія.

Главные зданія, какъ и въ 1889 году, построены „покоемъ“ кругомъ

¹⁾ Кромѣ Россіи, которой отдѣльные павильоны воздвигнуты архитекторомъ г. Мельдеромъ въ паркѣ передъ дворцомъ Трокадеро.

поля, образующаго какъ бы обширный дворъ, длина котораго перпендикулярна къ Сенѣ и направлена съ сѣверо-востока на юго-западъ. „Покой“ замыкается на южной сторонѣ поля — въ глубинѣ двора — „Машинной галереей“ — „машинной“ тоже старой памяти: въ ней машины будутъ только земледѣльческія. Въ серединѣ этой галереи строится залъ для празднествъ (Salle de fêtes), а съ обѣихъ сторонъ будутъ группы земледѣлія и питательныхъ веществъ. Передъ галереей, параллельно ей и ближе къ Сенѣ — дворецъ электричества и механики, а впереди этого дворца, еще ближе къ Сенѣ — громадный водопадъ, одинъ изъ „гвоздей“ выставки.

Двѣ стороны „покоя“ образуются двумя параллельными зданіями длиною въ 550 метровъ, симметричными по плану, но совершенно разными по фасадамъ: одно по восточной, другое по западной сторонѣ поля; ихъ длина перпендикулярна къ рѣкѣ. Каждое зданіе состоитъ изъ трехъ частей, трехъ примыкающихъ одинъ къ другому дворцовъ, въ направленіи отъ машинной галереи къ Сенѣ. Заднія стороны этихъ частей, обращенныя наружу — на одной прямой линіи, въ шести саженьяхъ отъ улицы; ихъ фасады, обращенные внутрь поля, образуютъ ломаную линію. Фасадъ ближайшей къ Сенѣ части отступаетъ назадъ по отношенію къ фасаду болѣе отдаленному отъ рѣки. Параллельныя стороны „покоя“ образуютъ, такимъ образомъ, шесть попарно противоположныхъ дворцовъ, между которыми площадь суживается, по мѣрѣ удаленія отъ Сены.

Какъ бы триумфальнымъ входомъ въ этотъ дворъ, окруженный дворцами, служить знаменитая башня Эйфеля. Все пространство между дворцами и Сеной, по обѣимъ сторонамъ башни, и узкія полосы между дворцами, машинной галереей и окружающими Марсово - Поле бульварами (Avenue de la Bourdonnais съ восточной стороны, Av. de la Motte Picquet съ южной, и Av. de Suffren съ западной) буквально запружены павильонами, павильончиками, панорамами и т. п.

IV.

Между Avenue d'Antin, которая граничитъ собою часть Елисейскихъ Полей, занятыхъ выставкой, и Трокадеро, вдоль рѣки идетъ сначала бульваръ — Cours-la-Reine, ограниченный со стороны Сены параллельной ему набережной — Quai de la Conférence. Бульваръ и набережная доходятъ до моста Альмы. Cours-la-Reine включенъ въ выставку подъ именемъ „Rue de Paris“, обѣщающей много веселья; а по Quai de la Conférence идетъ сначала павильонъ города Парижа, далѣе — часть выставки садоводства и разведенія деревьевъ, и, наконецъ, „Дворецъ

конгрессовъ и общественной экономіи“ (Palais des congrès et de l'Economie Sociale). Между мостомъ Альмы и Трокадеро, надъ самымъ берегомъ Сены, частью даже надъ водой, построены „древній Парижъ“ (le Vieux Paris)—возстановленіе трехъ небольшихъ частей изъ Парижа конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтія.

Правая часть ¹⁾ парка Трокадеро занята русскимъ павильономъ, посвященнымъ, главнымъ образомъ, окраинамъ Россіи. Павильонъ, въ старинномъ русскомъ стилѣ, скомпанованъ изъ оригинальныхъ частей древне-русскихъ памятниковъ. Сторона, обращенная къ фонтану передъ дворцомъ Трокадеро, занята почти вся очень изящнымъ, богато изукрашеннымъ царскимъ павильономъ.

Нѣсколько ниже—голландскій павильонъ, а еще ниже, вдоль набережной, павильоны двухъ южно-африканскихъ республикъ, которые оказались рядомъ съ павильонами англійскихъ колоній. Лѣвая сторона парка занята французскими колоніями.

По пространству, настоящая выставка превосходить всѣ предшествующія; особенно же отличается она обширностью застроеннаго пространства. Въ 1889 году выставка занимала 960 тыс. квадратныхъ метровъ, изъ нихъ 290 тыс. были покрыты постройками. Настоящая выставка занимаетъ 1.080.000 квадр. метровъ, изъ которыхъ застроено 460 тыс. Застроенное пространство увеличилось на 170 тыс. кв. м., тогда какъ общее пространство, занятое выставкой, увеличилось только на 120 тыс. кв. м.; такъ что для садовъ, парковъ, фонтановъ, дорогъ и т. п. осталось меньше мѣста, чѣмъ въ 1889 году. Вдоль рѣки, по обѣимъ ея сторонамъ, постройки для выставки раскинуты на протяженіи почти двухъ съ половиной верстъ. Четыре моста ²⁾ соединяютъ на этомъ протяженіи оба берега Сены; изъ нихъ два—мостъ Александра III-го и Іенскій мостъ—включены, такъ сказать, въ территорію выставки; а для замѣны двухъ мостовъ, которые остаются внѣ выставки, построены, специально для нея, три желѣзныхъ мостика.

V.

Зданія нынѣшней выставки ничѣмъ не напоминаютъ зданій 1889—ни употребленнымъ матеріаломъ, ни архитектурой, ни внѣшней отдѣлкой. Въ 1889 году выставка была торжествомъ инженерно-строительнаго искусства, торжествомъ желѣза: „Машинная галерея“ со своими небывалыми до тѣхъ поръ, по своимъ размѣрамъ, желѣзными

¹⁾ По отношенію къ дворцу, если смотрѣть на него со стороны Сены.

²⁾ Мостъ Александра III, м. Инвалидовъ, м. Альмы и Іенскій мостъ.

фермами и „Эйфелева башня“—особенно послѣдняя—были тогда „гвоздями“ выставки. Желѣзо торжествовало еще въ примѣненіи къ настоящей изящной архитектурѣ. Тогда въ первый разъ изъ желѣза и кирпича были построены на Марсовомъ-Полѣ два чрезвычайно оригинальныхъ дворца—„Дворецъ изящныхъ искусствъ“ и „Дворецъ свободныхъ искусствъ“ („Palais des Beaux-Arts“ и „Palais des Arts libéraux“),—оригинальныхъ и по архитектурѣ, и по употребленному матеріалу, и по украшенію: впервые въ большихъ размѣрахъ примѣненъ былъ декоративный фаянсъ. Дворцы до того всѣмъ нравились, что, по окончаніи выставки, рѣшено было ихъ сохранить, и они оставались до 1898 года.

Новая выставка будетъ торжествомъ декоративнаго искусства въ примѣненіи къ архитектурѣ.

За исключеніемъ двухъ дворцовъ, построенныхъ въ Елисейскихъ Поляхъ, которые должны остаться навсегда, и построенныхъ поэтому изъ камня,—вся выставка, можно сказать, цѣликомъ отлита изъ гипса. Каркасы главныхъ зданій—желѣзные, съ примѣсью дерева для поддержки прирѣзанныхъ къ нимъ гипсовыхъ плитъ. Но вслѣдствіе сильнаго возрожденія желѣза (цѣны на него удвоились), оказалось гораздо болѣе выгоднымъ строить каркасы отдѣльныхъ павильоновъ изъ дерева, и громадное ихъ большинство—если не всѣ—построены изъ этого матеріала. Но обшивки, т.-е. стѣны и фасады—вездѣ гипсовые. Зато архитектура этихъ же гипсовыхъ дворцовъ удивительно легка и граціозна, хотя, можетъ быть, она и не совсѣмъ оригинальна въ томъ смыслѣ, что тутъ нѣтъ ничего особенно новаго, не чувствуется усилія воображенія представить что-нибудь самобытное, которое послужило бы указаніемъ на новый стиль двадцатаго вѣка. Главныя линіи, общій видъ зданій постоянно напоминаютъ то стиль „ренессансъ“, то „рококо“, то византійскій храмъ. Но что ново, оригинально—это орнаментація зданій. Декоративная скульптура и декоративная живопись какъ бы соперничаютъ, чтобы лучше плѣнить глазъ. Свѣтлыя и мягкія краски декоративныхъ панно, цвѣтовъ, или фигуръ, до того гармонируютъ съ скульптурными украшеніями и съ бѣлизной стѣнъ, что получается впечатлѣніе веселое, пріятно располагающее. Можно коротко охарактеризовать вѣншній видъ всей выставки, если сказать, что это—гигантскихъ размѣровъ театральная декорація, но декорація величественная, волшебная. Когда съ моста Александра III-го, или съ моста Инвалидовъ, смотрите внизъ по Сенѣ на всѣ живописные павильоны, которые возвышаются по обѣимъ сторонамъ рѣки, особенно на лѣвой, съ куполами, башнями, колокольнями,—вамъ кажется, что передъ вами—какой-то сказочный, волшебный городъ. И выставка—дѣйствительно

цѣлый городъ; рѣка, которая его прорѣзываетъ, придаетъ ему большую красоту.

VI.

Классификація предметовъ на настоящей выставкѣ значительно улучшена сравнительно со всѣми предшествовавшими, не однѣми только парижскими выставками. Принятая классификація можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ называться *естественной*, потому что она основана на естественномъ ходѣ развитія челоуѣка и его дѣятельности. Всѣ предметы распределены на 18 группъ: воспитаніе и ученіе; произведенія искусства (*œuvres d'art*); приборы и общіе способы литературы, наукъ и искусствъ; орудія и общіе способы механики; электричество; инженерное искусство; способы передвиженія; земледѣіе; садоводство и разведеніе деревьевъ (*horticulture et arboriculture*); лѣса, охота, рыболовство, собраніе невоздѣланныхъ растений и растительныхъ произведеній земли (*sueillettes*); питательныя вещества; руды, металлургія; украшеніе и мебель общественныхъ зданій и жилищъ; нитки (пряжа), ткани, одежда; химическая промышленность; разныя промышленности (вродѣ производства ножей, часовъ, галантерейныхъ вещей и т. п.); общественная экономія, гигиена, общественное призрѣніе; колонизація; сухопутныя и морскія арміи. Каждая группа подраздѣлена на классы, которыхъ всего 120.

Новизна этой классификаціи заключается не въ наименованіи группъ—оно немногимъ отличается отъ номенклатуры 1889 года—а въ томъ, что въ каждой группѣ собраны и будутъ выставлены рядомъ орудія производства, способы производства и продукты (*matériel, procédés et produits*); такъ что посѣтителы будутъ присутствовать при всѣхъ превращеніяхъ и по всѣмъ способамъ, которыми подвергается сырой продуктъ, прежде чѣмъ сдѣлаться продуктомъ производства или предметомъ потребленія. Кромѣ того, въ каждой группѣ, даже въ каждомъ классѣ, помимо современной выставки, еще будетъ устроена ретроспективная, столѣтняя выставка, такъ что легко можно будетъ видѣть успѣхи, сдѣланные группой за послѣднее столѣтіе. При такомъ распределеніи орудій производства по соответствующимъ группамъ, „машинная галерея“, гдѣ въ 1889 году были собраны всѣ машины вообще, оказалась лишней, и ей, дѣйствительно, дали другое назначеніе. Машины будутъ въ дѣйствиіи вездѣ, во всѣхъ группахъ, при помощи многочисленныхъ электрическихъ двигателей, которымъ токъ будетъ доставленъ изъ одной большой центральной станціи. Изученіе выставки облегчено тѣмъ, что главные дворцы посвящены одной, а иногда и двумъ группамъ. Мы уже указали, что дворцы Елисейскихъ—

Полей посвященны произведеніямъ чистаго искусства (9-ая группа); Эспланада-Инвалидовъ посвящена украшенію общественныхъ зданій и жилищъ (12-ая группа) и разнымъ промышленностямъ (15-ая группа). На Марсовомъ-Полѣ: въ машинной галерей устроены группы земледѣлія и питательныхъ веществъ (7-ая и 10-ая группа). Затѣмъ, имѣется дворецъ механики и электричества (4-ая и 5-ая группы).

Два параллельныхъ зданія заключаютъ въ себѣ: правое (западное)—считая отъ рѣки—дворецъ воспитанія (1-ая группа), дворецъ инженернаго искусства и способовъ передвиженія (6-ая группа) и дворецъ химическихъ промышленностей (14-ая группа). Противоположное лѣвое зданіе состоитъ изъ „дворца рудъ и металлургій“ (11-ая группа), „дворца нитокъ, тканей и одежды“ (13-ая группа); третій дворецъ этой стороны примыкаетъ къ дворцу механики и электричества и занятъ предметами этихъ группъ.

Для большаго удобства посѣтителей устроено еще одно нововведеніе: на занавѣскахъ вдоль длинныхъ оконъ стеклянныхъ крышъ, громадными буквами написаны названія группъ. Достаточно поднять голову вверхъ, чтобы узнать, среди какой группы находишься.

М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1900.

„Фиксація“ или „градация“?—Различіе между гражданскимъ правонарушеніемъ и уголовнымъ проступкомъ.—Значеніе мѣръ, освобождающихъ отъ взысканія извѣстную часть крестьянскаго имущества.—Еще о разлученіи супруговъ.—Проектъ правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей.—Второй съѣздъ русскихъ криминалистовъ и „защита дѣтства“. — Сообщеніе о послѣдствіяхъ неурожая въ самарской губерніи.

Судя по слухамъ, сообщаемымъ въ ежедневной печати, проектъ „фиксированія“ земскихъ расходовъ, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ, уступилъ или уступаетъ мѣсто другому, направленному къ установленію *градации роста* земскихъ бюджетовъ: предполагается допускать увеличеніе ихъ въ размѣрѣ не болѣе 5% въ годъ. Съ большимъ огорченіемъ и разочарованіемъ это извѣстіе встрѣчено въ той части нашей печати, которая съ необузданнымъ ликованіемъ привѣтствовала предполагавшуюся „фиксацию“ земскихъ смѣтъ. „Фиксация“—воскликали еще недавно „Московскія Вѣдомости“ (№ 55)—„попадаетъ прямо въ цѣль. Если она осуществится, то фактически дѣятельность земскихъ учреждений окажется несравненно болѣе подчиненною надзору правительства, чѣмъ въ настоящее время“. Отъ „градации“, съ этой точки зрѣнія, нельзя ожидать ничего хорошаго: если извѣстіе о ней достоверно, то „вопросъ объ ограниченіи земскаго обложенія можно считать почти погребеннымъ“; средній ежегодный приростъ земскихъ бюджетовъ и безъ всякой принудительной нормировки не превышалъ, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, пяти процентовъ, хотя эти годы были временемъ „галопирующаго увеличенія земскихъ смѣтъ“ („Московскія Вѣдомости“, № 74). Уныніе, овладѣвшее врагами земства, говорить, до извѣстной степени, въ пользу новаго проекта. Нельзя не замѣтить, однако, что опредѣленіе максимальной нормы для ежегоднаго роста земскихъ бюджетовъ,—если всякое отступленіе отъ нея будетъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей админи-

страціи,—окажется хотя и менѣе стѣснительнымъ, чѣмъ „фиксация“, но все-таки сопряженнымъ съ весьма серьезными неудобствами. По справедливому замѣчанію „Новаго Времени“, живое земское дѣло все-таки будетъ вдвинуто въ неподвижную схему, затрудняющую приспособленіе къ постоянно измѣняющимся условіямъ земскаго хозяйства, къ смѣнѣ годовъ благополучныхъ и неблагополучныхъ. „Московскія Вѣдомости“ отвѣчаютъ на это, что для оказанія помощи при крупныхъ бѣдствіяхъ (эпидеміи, эпизоотіи и т. п.) текущихъ средствъ во всякомъ случаѣ не хватаетъ; для этого необходимы особые капиталы—страховой и др. На самомъ дѣлѣ капиталы, изъ которыхъ могутъ быть производимы безвозвратныя затраты, существуютъ далеко не вездѣ и не по всѣмъ частямъ земскаго дѣла. Нигдѣ, если мы не ошибаемся, нѣтъ, напримѣръ, особыхъ капиталовъ для борьбы съ эпидеміями, предпринимаемой обыкновенно или на счетъ смѣтныхъ средствъ, или на счетъ позаймствованій изъ другихъ источниковъ—позаймствованій, постепенный возвратъ которыхъ надолго становится однимъ изъ смѣтныхъ расходовъ ¹⁾. Изъ капиталовъ по страхованію скота, имѣющихъ совершенно опредѣленное назначеніе, нельзя брать деньги на прекращеніе чрезвычайно распространившихся эпизоотій. Помимо бѣдствій, могутъ быть и другія причины, требующія единовременнаго и быстрого повышенія смѣты. Сюда относится, напримѣръ, новая организція той или другой отрасли земскаго дѣла (напр. санитарной части), или новая, дорого стоящая, но безусловно необходимая постройка (въ родѣ больницы для умалишенныхъ). Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, ростъ земскихъ бюджетовъ не можетъ быть всегда ровнымъ, медленнымъ, постепеннымъ: по временамъ онъ неизбѣжно долженъ идти скачками. Если земскія смѣты, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, возрастали ежегодно на пять, приблизительно, процентовъ, то это цифра *средняя*: въ дѣйствительности, она—то увеличивалась, то уменьшалась, иногда—для отдѣльныхъ земствъ—значительно превышая 5%. При „градациі“, какъ и при „фиксациі“, придется, поэтому, прибѣгать къ экстраординарному средству, т.-е. просить министровъ о разрѣшеніи дополнительныхъ расходовъ—и все сказанное нами, мѣсяць тому назадъ, о неудобствахъ такого порядка остается въ полной силѣ. Мы продолжаемъ надѣяться, что, впредь до окончанія оцѣнокъ, смѣтные права земскихъ собраній не подвергнутся никакимъ новымъ ограниченіямъ, а послѣ окончанія оцѣнокъ предѣльность обложенія недвижимыхъ

¹⁾ С.-петербургское губернское земство, напримѣръ, позаймствовало изъ страхового капитала на борьбу съ холерой, въ 1892—93 гг., болѣе двухсотъ-тысячь рублей, и погашеніе этой суммы до сихъ поръ вносится въ губернскую смѣту.

имущество будетъ установлена не иначе какъ одновременно съ расширеніемъ другихъ источниковъ земскихъ доходовъ.

„Московскія Вѣдомости“ (№№ 52—54 и 56—59) посвятили недавно цѣлыхъ семь статей разбору мнѣній, высказанныхъ въ прошломъ году „Вѣстникомъ Европы“ и „Вѣстникомъ Права“ по поводу новаго законопроекта о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Слѣдить за каждымъ пунктомъ длинной и скучной аргументаціи было бы совершенно излишне: это, болѣею частью, повтореніе давно извѣстныхъ доводовъ, убѣдительныхъ развѣ для того, кто заранѣе раздѣляетъ мысль автора. Остановимся только на немногихъ положеніяхъ, бросающихъ особенно яркій свѣтъ на полемическіе приемы нашихъ противниковъ.

По увѣренію московской газеты, печать „либеральнаго“ направленія прилагаетъ совершенно различные масштабы къ рабочимъ сельскимъ и рабочимъ фабричнымъ: если безпричинное нарушеніе договора допущено *фабричнымъ* рабочимъ, она не возражаетъ противъ признанія такого нарушенія уголовно-наказуемымъ проступкомъ—и становится на стражу теоріи и доктрины только тогда, когда рѣчь идетъ объ однородномъ нарушеніи договора со стороны *сельскаго* рабочаго. Усматривая въ такой двойственности *лицеміе*, „фарисейство“, *обманъ*, сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей“ (г. Бодиско) не затрудняются пріискать для нея и подходящее объясненіе: все дѣло въ томъ, что либералы ненавидятъ дворянство, а къ фабрикантамъ ненависти не чувствуютъ. Нужно ли доказывать, что указанной двойственности на самомъ дѣлѣ не существуетъ? Возражая противъ возведенія гражданскаго правонарушенія на степень уголовнаго проступка, защитники теоріи права,—т.-е. справедливости—никогда не пріурочивали своихъ возраженій только къ какой-либо одной категоріи нарушителей или нарушеній. Въ 1886 г., почти одновременно изданы были два закона, устанавлившіе уголовную кару за неисполненіе гражданскаго договора: положеніе 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ—и правила 3-го іюня о фабричной работѣ. Разбирая, въ сентябрѣ того же года, первый изъ этихъ законовъ, мы замѣтили, что назначеніе уголовной кары, въ особенности личной (т.-е. не денежнаго штрафа, а лишенія свободы), за чисто-гражданское правонарушеніе противорѣчитъ основнымъ понятіямъ права. Отступленіе отъ принципа — говорили мы дальше — „могло бы быть уравновѣшено развѣ однимъ: равною строгостью по отношенію къ обѣимъ договаривающимся сторонамъ. Еслибы наниматель (по договорному листу) обязанъ былъ, *подъ опасеніемъ ареста*, принять къ себѣ рабочаго и не удалять его, безъ законныхъ причинъ, до окончанія срока найма, положеніе обѣихъ сторонъ было бы ненормально, но *ненормально*

въ одинаковой степени“ (стр. 362). Къ совершенно аналогичному выводу мы пришли, мѣсяцъ спустя, и при разборѣ правилъ о фабричной работѣ. „Въ правилахъ 3-го іюня“—сказано въ нашемъ октябрьскомъ обозрѣніи (стр. 797)— „равновѣсіе (между хозяевами и рабочими) нарушено не такъ рѣшительно и явно (какъ въ положеніи 12-го іюня), но все же нарушено, въ томъ же самомъ направленіи и смыслѣ. Доказательствомъ этому служить, прежде всего, различіе между карательными мѣрами, устанавливаемыми для фабрикантовъ и рабочихъ. Законъ 12-го іюня увеличиваетъ область уголовной отвѣтственности въ гораздо болѣе высокой степени для рабочаго, чѣмъ для хозяина; хозяину, за нарушеніе интересовъ или правъ рабочаго, онъ грозитъ, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, только денежнымъ штрафомъ, а рабочему, за нарушеніе правъ или интересовъ хозяина, весьма часто угрожаетъ лишеніемъ свободы. Съ тѣми же особенностями мы встречаемся и въ правилахъ 3-го іюня. Самовольный отказъ отъ работы подвергаетъ рабочаго аресту на срокъ не выше одного мѣсяца, между тѣмъ какъ самовольный, безпричинный отказъ рабочему вовсе не составляетъ проступка и влечетъ за собою только гражданскую отвѣтственность хозяина“. Итакъ, никакой разницы между сельскими и фабричными рабочими, съ точки зрѣнія отвѣтственности ихъ передъ нанимателями, мы не устанавливали. Если въ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣніяхъ ¹⁾ мы говорили объ однихъ лишь сельскихъ рабочихъ, не упоминая прямо о фабричныхъ, то это обуславливалось ближайшимъ поводомъ, заставившимъ насъ возвратиться къ вопросу о разграниченіи гражданскихъ и уголовныхъ правонарушеній: мы имѣли дѣло съ законопроектомъ о наймѣ *сельскихъ* рабочихъ, расширявшимъ уголовную отвѣтственность именно и только для послѣднихъ. Сказанное нами по этому предмету примѣнимо, впрочемъ, почти всецѣло ко *всѣмъ* случаямъ неисполненія договоровъ—въ томъ числѣ, конечно, и договоровъ о наймѣ на фабричную работу. Выражая убѣжденіе, что „гражданскія отношенія, поддерживаемыя исключительно или преимущественно страхомъ уголовной кары—явная аномалія, исключающая возможность правильнаго развитія“; утверждая, что „единственнымъ послѣдствіемъ неисполненія договоровъ вообще и договора личнаго найма въ особенности“ должно быть вознагражденіе за убытки,—мы высказались этимъ самымъ какъ противъ вновь проектируемыхъ, такъ и противъ дѣйствующихъ правилъ, грозящихъ наказаніемъ за правонарушенія гражданского свойства. Непониманіе нашей мысли можетъ быть объяснено только нежеланіемъ понять ее.

Кромѣ „лицемѣрія“, противники новыхъ репрессивныхъ мѣръ по

¹⁾ См. № 9 „В. Европы“ 1899 г., стр. 354—7, и № 10, стр. 798—806.

отношенію къ сельскимъ рабочимъ обвиняются „Московскими Вѣдомостями“ въ слѣпое преклоненіи передъ теоріей, понимаемой, въ добавокъ, узко и односторонне. „Что такое, въ сущности, договоръ?“ — спрашиваетъ себя г. Бодиско. „Это—данное двумя сторонами честное слово соблюсти въ отношеніи другъ друга, въ теченіе извѣстнаго времени, опредѣленныя обязательства. Всякое нарушеніе слова именуется нечестнымъ поступкомъ, обманомъ, входящимъ уже въ область проступка, и потому, даже по наукѣ, влекущимъ за собою уголовную кару. Слѣдовательно, нарушеніе договора далеко не всегда является простымъ правонарушеніемъ, но въ большинствѣ (при злостности) является вмѣстѣ съ тѣмъ и проступкомъ, подлежащимъ карѣ“. Въ другомъ мѣстѣ статьи указывается на то, что въ договорѣ говорится, обыкновенно, о храненіи его *свято* и *ненарушимо*, чѣмъ стороны какъ бы призываютъ Бога въ свидѣтели совершенія договора и обязываются передъ Нимъ точно исполнять принятія на себя обязательства. Всѣ эти разсужденія страдаютъ, прежде всего, полнѣйшимъ смѣшеніемъ понятій. Слову, вовсе не соотвѣтствующему сущности дѣла и употребляемому (притомъ далеко не всегда) машинально, въ силу привычки, дается значеніе, о которомъ стороны и не помышляютъ; элементъ религіозный искусственно вводится туда, гдѣ для него рѣшительно нѣтъ мѣста, и гдѣ самая попытка найти въ немъ точку опоры часто была бы настоящей профанаціей. Столь же несостоятельна параллель между гражданскимъ обязательствомъ и „честнымъ словомъ“—не потому, конечно, чтобы при исполненіи обязательствъ нельзя было оставаться строго-вѣрнымъ требованіямъ чести, а потому, что не ими, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, обезпечивается договоръ, не въ нихъ ищутъ гарантій договаривающіяся стороны. Нельзя, затѣмъ, приравнивать всякое нарушеніе договора къ нарушенію честнаго слова; нельзя, тѣмъ болѣе, видѣть въ немъ обманъ, и притомъ обманъ уголовно наказуемый. Въ общезитіи можно назвать обманщикомъ домохозяина, который не указалъ жильцу, при наймѣ квартиры, на существенный ея недостатокъ; но никакой судъ въ мірѣ не усмотритъ въ такомъ умолчаніи признаковъ проступка, подлежащаго уголовной карѣ. Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ существуютъ способы охраны и возстановленія гражданскихъ правъ, не имѣющіе ничего общаго съ уголовнымъ преслѣдованіемъ. На нашей памяти изъ области гражданского процесса исчезло почти безслѣдно личное задержание—послѣдній остатокъ мѣръ противъ *личности* должника, нѣкогда до крайности суровыхъ (обращеніе въ рабство, правезъ и т. п.). Съ открытымъ предложеніемъ возврата къ давно отжившему порядку едва ли рѣшатся выступить даже „Московскія Вѣдомости“. Не хватило бы тюремъ и арестныхъ домовъ, еслибы *всякое нарушеніе слова*

было признано „обманомъ, входящимъ въ область проступка“ — не хватило бы, между прочимъ, и потому, что не было бы логическаго основанія отличать слово, данное въ договорѣ, отъ слова, выраженнаго въ какой бы то ни было другой формѣ. Единственнымъ и полновластнымъ охранителемъ нравственности и чести сдѣлался бы уголовный судъ; единственной сдержкой и уздой — боязнъ наказанія. Неминуемымъ результатомъ такого положенія вещей явился бы небывалый упадокъ нравственности, едва прикрытый формальнымъ торжествомъ формальной морали... Въ подтвержденіе своей мысли г. Бодиско ссылается на злостное банкротство, и теперь влекущее за собою уголовную кару; но развѣ можно сравнивать преступленіе тщательно обдуманное, заранее подготовленное, сложно комбинированное, насквозь проникнутое корыстными видами, тяжело отражающееся на судьбѣ цѣлаго комплекса лицъ, съ такимъ простымъ и маловажнымъ фактомъ, какъ самовольный уходъ рабочаго? Аналогію съ послѣднимъ представляеть не злостное, даже не неосторожное банкротство, а единичное, заурядное неисполненіе гражданскаго обязательства — неплатежъ долга, непоставка вещи, неочищеніе квартиры. Самый ожесточенный любитель уголовной расправы едва ли рѣшится требовать ея, напримѣръ, для сапожника или портного за „обманъ“ заказчика, выразившійся въ неизготовленіи, къ назначенному сроку, обуви или платья, хотя бы причиной неисправности была усиленная, спѣшная работа надъ другимъ, болѣе позднимъ, но болѣе выгоднымъ заказомъ. А что сказали бы рьяные обвинители рабочихъ, еслибы молодые люди изъ среды привилегированныхъ классовъ, склонные къ легкомысленному обращенію съ легкомысленно занятыми деньгами, подвергались уголовному преслѣдованію за каждый просроченный вексель или за уплату одному изъ кредиторовъ въ ущербъ другимъ, раньше имѣвшимъ право на удовлетвореніе?.. Замѣтимъ, наконецъ, что объектомъ уголовной кары гг. Бодиско и К^о хотять сдѣлать *всякій* самовольный уходъ рабочаго, независимо отъ его мотивовъ и цѣлей. *Злостность* поступка, съ ихъ точки зрѣнія, вовсе не служитъ необходимымъ условіемъ преслѣдованія: оно можетъ быть возбуждено каждый разъ, когда нарушено или не исполнено гражданское обязательство рабочаго. И лускай намъ не возражаютъ, что злостность — т.-е. намѣреніе причинить вредъ другому или доставить себѣ противозаконную выгоду — предполагается здѣсь сама собою. Для такихъ фикцій нѣтъ мѣста въ области договорныхъ отношеній; элементъ преступной злонамѣренности, возводящій гражданское правонарушеніе на степень уголовного проступка, долженъ быть *точно доказанъ*. Для привлеченія къ отвѣтственности за злостное банкротство, недостаточно, напримѣръ,

факта прекращенія платежей; необходимъ еще рядъ дѣйствій, сознательно направленныхъ ко вреду кредиторовъ.

Чувствуя шаткость своихъ общихъ соображеній, публицистъ „Московскихъ Вѣдомостей“ ищетъ для нихъ точки опоры въ особенностяхъ юридическаго положенія русскихъ крестьянъ. Имущественная отвѣтственность сельскихъ рабочихъ—такъ разсуждаетъ г. Бодиско—„пустое слово, потому что имущества у нихъ нѣтъ или оно *неприкосновенно для взысканій*“ (курсивъ въ подлинникѣ). Вполнѣ сочувствуя этой неприкосновенности, онъ „считаетъ умѣстнымъ указать, что такое узаконеніе изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, гдѣ создавалась и выработалась наука о правѣ, *существуетъ въ одной только Россіи. Въ Европѣ нѣтъ того государства, гдѣ бы чья-либо собственность считалась неприкосновенной для удовлетворенія какого бы то ни было гражданскаго иска*“ (курсивъ нашъ). Тамъ не только все имущество отвѣтчика подлежитъ продажѣ, но закономъ налагается арестъ на будущій трудъ его, пока онъ не заплатитъ послѣдняго пфеннига“. Чтобы быть логичнымъ, нужно, по мнѣнію г. Бодиско, „либо требовать полной отмены узаконенія о неотчужденіи у крестьянъ собственности—и тогда согласиться съ предложеніемъ г.г. доктринеровъ о полной отменѣ кары за гражданскія правонарушенія; либо, оставивъ въ силѣ послѣднее предположеніе проекта министерства внутреннихъ дѣлъ (т.-е. распространеніе уголовной отвѣтственности на всѣ случаи самовольнаго ухода рабочихъ), сохранить и неотчуждаемость собственности“. По истинѣ удивительна здѣсь, прежде всего, та смѣлость, съ которою г. Бодиско игнорируетъ общеизвѣстные факты и выставляетъ положенія, прямо противорѣчащія дѣйствительности. Совершенно невѣрно, что въ западно-европейскихъ государствахъ нѣтъ ничего похожаго на неприкосновенность, которою пользуется у насъ, въ извѣстной мѣрѣ, крестьянское имущество; совершенно невѣрно, чтобы взысканію подвергалась тамъ всякая собственность, во всякомъ случаѣ. И французскій, и общегерманскій—уставы гражданскаго судопроизводства (а по всей вѣроятности и другіе, которыхъ у насъ въ настоящую минуту нѣтъ подъ рукою) устанавливаютъ цѣлый рядъ изъятій изъ общаго правила объ обращеніи взысканія на имущество должника. По ст. 592 французскаго Code de procédure civile, сюда принадлежатъ, напримѣръ, инструменты, безъ которыхъ не можетъ обойтись ремесленникъ, сѣбные припасы, необходимые для пропитанія должника и его семьи въ теченіе одного мѣсяца, одна корова (или три овцы, или двѣ козы, по выбору должника) и мѣсячный для нея кормъ. Аналогичныя постановленія содержитъ и общегерманская „Civilprozessordnung“ (ст. 715); но она идетъ еще гораздо дальше, освобождая отъ взысканія, если должникъ занимается сельскимъ хозяйствомъ, потреб-

ный для того живой и мертвый инвентарь (*das zum Wirthschaftsbe-
triebe unentbehrliche Geräth, Vieh- und Feldinventarium*), а также
удобрение и тѣ сельско-хозяйственные продукты, которые необходимы
для продолженія хозяйства до слѣдующей жатвы. Чтобы правильно
оцѣнить значеніе этого изъятія, нужно замѣтить, что по нашему уставу
гражданскаго судопроизводства (ст. 973 и 974) не освобождаются отъ
взысканія (если отвѣтчикъ—не крестьянинъ) ни сельско-хозяйственный
инвентарь, ни вообще рабочіе инструменты; единственная предостав-
ляемая имъ льгота заключается въ томъ, что они подлежатъ аресту
и продажѣ лишь за неимѣніемъ другого имущества. Понятно, что при
такомъ способѣ разрѣшенія общаго вопроса нашъ уставъ долженъ
былъ сохранить въ силѣ особый порядокъ взысканія, издавна суще-
ствовавшій по отношенію къ крестьянскому имуществу. Г. Бодиско
ошибается, говоря, что этотъ порядокъ основанъ не на законѣ, а на
правительственномъ распоряженіи; онъ установленъ статьями 384—407
устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (Св. зак. т. XII),
подтвержденъ примѣчаніемъ 3-мъ къ ст. 24 Общ. Полож. о крест., и
закрѣпленъ еще разъ уставомъ гражд. судопроизводства (ст. 973
пун. 10), по которому ни въ какомъ случаѣ не подвергается аресту
(а слѣдовательно и взысканію) движимость крестьянъ, признаваемая
необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ сущности, такимъ обра-
зомъ, наше законодательство ограждаетъ имущество крестьянъ не въ
большей степени, чѣмъ общегерманскій уставъ—имущество всѣхъ во-
обще лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Еще дальше отъ
истины г. Бодиско тогда, когда онъ утверждаетъ, что въ западной
Европѣ взысканіе обращается, безъ всякихъ ограниченій, и на буду-
щій трудъ должника. Говоря о томъ способѣ понудительнаго испол-
ненія, который у насъ называется наложеніемъ ареста на денежные
суммы отвѣтчика, находящіяся у третьихъ лицъ (*Zwangsvollstreckung
in Forderungen*), общегерманскій уставъ гражд. судопроизводства
(ст. 749) прямо исключаетъ изъ его дѣйствія заработную плату, въ
мѣрѣ, спеціальнымъ закономъ опредѣленной (*der Pfändung sind nicht
unterworfen: I. der Arbeits- oder Dienstlohn nach den Bestimmungen
des Reichsgesetzes vom 21 Juni 1869...*). Въ русскихъ законахъ со-
отвѣтствующаго правила, къ сожалѣнію, нѣтъ, и съ этой точки зрѣнія
положеніе рабочихъ у насъ болѣе невыгодно, чѣмъ въ Германіи... Въ
виду всѣхъ этихъ фактовъ сама собою падаетъ дилемма, съ такими
усиліями сооруженная г. Бодиско. Неприкосновенность извѣстнаго иму-
щественнаго минимума существуетъ въ Западной Европѣ наряду съ
свободой рабочихъ отъ уголовной кары за гражданскія правонарушенія:
столь же возможно совмѣстное существованіе ихъ и у насъ въ Россіи.
Если западно-европейскіе землевладѣльцы могутъ вести хозяйство, не

сажая рабочихъ въ „кутузу“ и не продавая послѣдней ихъ лошади и послѣдняго плуга, то нѣтъ причины думать, что русскаго землевладѣльца необходимо вооружить по меньшей мѣрѣ однимъ изъ этихъ способовъ воздѣйствія на крестьянъ. Конечно, у газетныхъ ревнителей палки (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова) остается въ запасѣ еще одинъ доводъ—указаніе на внутреннее различіе между трудолюбивыми, добросовѣстными нѣмецкими кнехтами и лѣнивымъ русскимъ „простолюдиномъ“, только и думающимъ о томъ, какъ бы ускользнуть отъ договорной (въ особенности—впередъ оплаченной) работы. Въ намекахъ этого рода нѣтъ недостатка и у г. Бодиско — но имъ разъ навсегда данъ побѣдоносный отпоръ другимъ сотрудникомъ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“, княземъ А. Г. Щербатовымъ ¹⁾. Повторимъ еще разъ его прекрасныя слова, произносящія безапелляціонный приговоръ надъ единомышленниками г. Бодиско: „Какъ составляются у насъ сужденія о русскомъ крестьянинѣ?“ — говоритъ кн. А. Г. Щербатовъ. — „Какой-нибудь отставшій отъ земли помѣщикъ, со словъ своего приказчика, или какой-нибудь борзописецъ, со словъ пойманныхъ гдѣ-нибудь на лету свѣдѣній, пишутъ въ газетахъ, что ничего нельзя подѣлать съ русскими рабочими: они такіе лѣнтяи, что не хотятъ работать при такихъ-то и такихъ-то выгодныхъ условіяхъ. Изъ этихъ отрывочныхъ замѣчаній выводится обвиненіе на все русское крестьянство, на весь русскій народъ. Если же разобрать эти единичныя обвиненія, то оказывается обыкновенно, что или харчи отвратительны, или работа обставлена непосильными штрафами или непривычными для русскаго рабочаго порядками“. Если—по показанію свидѣтеля, выставленнаго самой московской газетой—таковы *обычныя* причины самовольнаго ухода рабочихъ, то во что же обращаются крики о его *злостности*, какого названія заслуживаютъ попытки приписать ему уголовный, т.-е. преступный характеръ?!

Въ статьѣ г. Бодиско есть одна уступка требованіямъ справедливости, которой мы до сихъ поръ не встрѣчали въ программахъ нашихъ нео-крѣпостниковъ: онъ готовъ допустить уголовную отвѣтственность и для хозяевъ, въ случаѣ проявленія ими по отношенію къ рабочимъ недобросовѣстности или злостности. Не объясняется ли это, однако, увѣренностью въ томъ, что для нанимателей уголовная кара, за исключеніемъ развѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, будетъ существовать только на бумагѣ? Проявленіемъ злостности со стороны хозяина г. Бодиско признаетъ увольненіе рабочаго или задержаніе заработанныхъ имъ денегъ *безъ всякихъ къ тому основаній*. Эта оговорка открываетъ дверь для всевозможныхъ оправданій—открываетъ ее тѣмъ

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе въ № 10 „В. Европы“ за 1899 г.

шире, чѣмъ больше въ средѣ должностныхъ лицъ, разбирающихъ споры по договорамъ личнаго найма, развита сословная и классовая солидарность съ нанимателями. Когда такіе публицисты, какъ г. Бодиско, поднимаютъ знамя равноправности, оно является въ ихъ рукахъ „опаснымъ даромъ“, обѣщающимъ мало хорошаго... Нужно ли прибавлять, что весьма значительное мѣсто въ статьяхъ г. Бодиско отведено заподозриванію мотивовъ, въ силу которыхъ либеральная печать отказывается видѣть что-либо уголовное въ самовольномъ уходѣ сельскихъ рабочихъ? Либералы, по его словамъ, преслѣдуютъ при этомъ „чисто политическую цѣль“—уничтоженіе, тѣмъ или другимъ способомъ, крупнаго дворянскаго землевладѣнія и замѣну его „безсословными капиталистами, болѣе склонными и удобными къ направленію на путь отрицанія, космополитизма и основанной на немъ внутренней политики“. Подчеркивая французское происхожденіе излюбленнаго либералами слова *гуманность*, г. Бодиско считаетъ нужнымъ напомнить, что во имя гуманности Франція избрала гильотину, „для возможно быстрого и удобнаго уничтоженія лучшихъ, дѣйствительно гуманнѣйшихъ людей, для торжества новой гуманности, приведшей страну къ торжеству Дрейфусовъ и изгнанію Деруледовъ“... „Ужели и намъ“—воскликаетъ г. Бодиско—„стремиться къ такому положенію“?.. Воздавая должное смѣлости скачка, связующаго вопросъ о самовольномъ уходѣ сельскихъ рабочихъ съ великой французской революціей и съ будущимъ третьей французской республики, мы невольно вспоминаемъ французскую поговорку о близости высокаго (т.-е. претендующаго на высокое) къ смѣшному. Попытка г. Бодиско перенести споръ съ юридической почвы на политическую несомнѣнно смѣшна—и только поэтому не вызываетъ негодованія, возбуждаемаго, въ другихъ случаяхъ, стремленіемъ бросить тѣнь на „благонамѣренность“ или „благонадежность“ противника. Не менѣе смѣшно и увѣреніе г. Бодиско, что дѣйствительный виновникъ „оскудѣнія“ русской деревни—„русскій теоретическій, безпочвенный либерализмъ, съ шестидесятыхъ годовъ усердно развивчивающій наше внутреннее управленіе“...

Когда мы говорили, два мѣсяца тому назадъ, о законопроектѣ, касающемся разлученія супруговъ, можно было думать, что онъ не встрѣтитъ ни съ чьей стороны никакихъ принципиальныхъ возраженій; за него высказался, напримѣръ, даже такой консервативный журналъ, какъ „Русскій Вѣстникъ“. И дѣйствительно, ничего существенно-новаго этотъ проектъ не вноситъ ни въ наше законодательство, ни въ нашу общественную жизнь. Разлученіе супруговъ практикуется у насъ издавна и непрерывно: рѣчь идетъ только о томъ,

чтобы упорядочить его процедуру, регулировать его послѣдствія и сдѣлать его одинаково доступнымъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ, гдѣ бы они ни имѣли мѣсто жительства и къ какому бы сословію или классу ни принадлежали. Вопреки ожиданію, однако, нашлись противники проекта, выступающіе теперь, одинъ за другимъ, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№№ 61, 62, 70, 71). Отличительная ихъ черта—неразборчивость въ выборѣ средствъ. Они приписываютъ инициативу реформы „юридическому міру“, „либеральнымъ моралистамъ“, „либеральнымъ мыслителямъ“, „отчужденной отъ русскаго народа части интеллигенціи“, забывая или не желая знать исторію вопроса, возбужденнаго Третьимъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и два раза выдвинутаго на очередь Государственнымъ Совѣтомъ. Они не отдѣляютъ разлученія отъ развода, или называютъ разлученіе „полу-разводомъ“, первымъ шагомъ къ „полной свободѣ развода“ (!). Они умаличиваютъ о томъ, что разлученіе супруговъ сплошь и рядомъ совершается у насъ въ силу опредѣленія свѣтскаго присутственнаго мѣста, и что проектируется только замѣна административнаго порядка разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ—судебнымъ, какъ болѣе соответствующимъ свойству самыхъ дѣлъ и интересамъ сторонъ, а слѣдовательно и государства. Они усматриваютъ въ задуманной реформѣ „замѣну монархическаго принципа демократическимъ“ (!) и „подрывъ всего нашего общественнаго и государственнаго склада“. Они говорятъ о вторженіи „суда общественнаго мнѣнія“ или „уличной толпы“ въ святыню семейныхъ отношеній, очень хорошо понимая, что къ гражданскому (коронному) суду, разбирающему дѣло о разлученіи при закрытыхъ дверяхъ, на основаніи представленныхъ сторонами доказательствъ и подъ контролемъ высшей судебной іерархіи, всѣ эти термины совершенно неприложимы ¹⁾. Они ссылаются на требованіе гражданскихъ законовъ, чтобы мужъ любилъ свою жену, жена—любила своего мужа, хотя не могутъ не знать, что любить по предписанію нельзя, и попытки возвести нравственныя desiderata на степень юридическаго правила всегда оставались и остаются мертвой буквой. Они доходятъ до утвержденія, что съ супругами-нарушителями законовъ, упорчивающихъ семейный бытъ, „надо поступать какъ съ беззаконниками и людьми съ больною волей или какъ съ распущенными гражданами, растлѣвающимъ общество“ (т.-е. заключать ихъ въ тюрьму или домъ

¹⁾ Само собою разумѣется, что судъ присяжныхъ (о которомъ по отношенію къ дѣламъ о разлученіи супруговъ нѣтъ и рѣчи) также не можетъ быть рассматриваемъ ни какъ „судъ общественнаго мнѣнія“, ни какъ „судъ улицы“; но его, въ извѣстныхъ сферахъ, принято называть этими терминами, между тѣмъ какъ къ гражданскому коронному суду никто никогда ихъ не прилагалъ.

умалишенных?). Все это—типичные образцы разнузданности, на которую способна такъ называемая консервативная мысль.

Одновременно съ законопроектѣмъ о разлученіи супруговъ и, подобно ему, въ силу особаго постановленія Государственнаго Совѣта, на разсмотрѣніе высшаго законодательнаго учрежденія внесенъ проектъ правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. Возраженій противъ него со стороны реакціонной печати мы еще не встрѣчали, но нужно полагать, что они не замедлятъ появиться, именно потому, что предначертанныя правила составляютъ большой шагъ впередъ, заслуживающій глубокаго сочувствія. Самое слово: *незаконнорожденные*, какъ будто указывающее на нахождение ихъ внѣ закона, проектъ замѣняетъ словомъ *выбравные*. Онъ даетъ „выбравнымъ“ дѣтямъ фамилію матери; облакаетъ ее родительскою надъ ними властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на нее обязанность заботиться о ихъ содержаніи; приравниваетъ ихъ, въ отношеніи наслѣдованія послѣ матери, къ дѣтямъ, рожденнымъ въ законномъ бракѣ; признаетъ право наслѣдованія однихъ выбравныхъ дѣтей послѣ другихъ, рожденныхъ отъ той же матери; предоставляетъ рожденному внѣ брака, если въ метрической записи о его рожденіи не означена его мать, доказывать по суду свое происхожденіе отъ данной женщины. Мужчину, отъ котораго прижитъ выбравный ребенокъ, проектъ обязываетъ, по требованію матери ребенка или его опекуна, нести, сообразно своимъ средствамъ, издержки на его содержаніе и обученіе, до его совершеннолѣтія (если доходы съ имущества ребенка или его матери недостаточны для этой цѣли). Отцомъ выбравнаго ребенка почитается мужчина, который въ промежутокъ времени, когда должно было произойти зачатіе ребенка, имѣлъ съ матерью его половое сношеніе (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ докажетъ, что мать ребенка въ указанное время имѣла половое сношеніе и съ другимъ). Отецъ выбравнаго ребенка обязанъ: 1) оплатить необходимыя расходы, вызванные беременностью и разрѣшеніемъ матери отъ бремени, а также издержки на содержаніе матери до ея выздоровленія по разрѣшеніи отъ бремени, и 2) доставлять насущное содержаніе матери, если она не имѣетъ собственнаго достаточнаго имущества и, при уходѣ за ребенкомъ, не можетъ сама личнымъ трудомъ снискивать себѣ средства къ жизни. Отецъ выбравнаго ребенка можетъ добровольно признать, что ребенокъ произошелъ отъ него (не называя, при этомъ, его матери, если она не означена въ метрической записи). Признаніе ребенка, достигшаго четырнадцати лѣтъ, допускается лишь съ его согласія. Если отецъ состоитъ въ бракѣ, то признаніе можетъ воспослѣдовать только съ со-

гласія его жены. Признаніе можетъ быть оспорено матерью ребенка или его опекуномъ, самимъ ребенкомъ по достиженіи имъ совершеннолѣтія, усыновителемъ ребенка и лицами, наслѣдственные права которыхъ могли бы быть признаніемъ нарушены. Въбрачному ребенку, признанному отцомъ, присвоиваются отчество и фамилія послѣдняго (но не титулъ и не сословныя права). Отецъ, признавшій ребенка и доставляющій средства на его содержаніе, имѣетъ право надзора за его содержаніемъ и воспитаніемъ; разногласіе по этимъ предметамъ между отцомъ и матерью или опекуномъ ребенка разрѣшается подлежащимъ опекунскимъ установленіемъ. Съ согласія матери въбрачного ребенка— а когда это необходимо для его блага, то, по опредѣленію опекунскаго установленія, и помимо ея согласія,—отецъ можетъ быть назначенъ опекуномъ признаннаго имъ ребенка. Признанный ребенокъ призывается къ наслѣдованію по закону въ имуществѣ отца, но въ нѣсколько меньшей степени, развѣ если послѣ наслѣдодателя не осталось ни законныхъ или усыновленныхъ дѣтей, ни братьевъ или сестеръ, ни нисходящихъ отъ тѣхъ и другихъ. Если признанный отцомъ ребенокъ умеръ раньше отца, то его наслѣдственные права переходятъ къ заступающимъ его законнымъ нисходящимъ. Еще дальше проектъ идетъ по отношенію къ дѣтямъ отъ брака, признаннаго недѣйствительнымъ: имъ предоставляются всѣ права законныхъ дѣтей. Изъ всѣхъ этихъ постановленій нѣтъ ни одного, которое не вносило бы значительной перемѣны къ лучшему въ положеніе многочисленной категоріи „безъ вины виноватыхъ“, до сихъ поръ почти вовсе не пользовавшихся защитой закона. Обязанность содержать незаконно прижитаго ребенка и теперь можетъ быть возложена на отца, но не иначе, какъ по приговору уголовного суда, и притомъ лишь тогда, когда ребенокъ родился отъ сожительства неженатаго съ замужней.

Съ изданіемъ новаго уголовного уложенія уголовное производство подобныхъ дѣлъ (не влекущихъ за собою никакой уголовной кары, а только церковное покаяніе и гражданскую отвѣтственность), сдѣлается совершенно невозможнымъ; уже по этому одному необходимо установить другой, болѣе простой и цѣлесообразный способъ охраны правъ несчастныхъ дѣтей. Искъ о материнствѣ, т.-е. требованіе признать ребенка рожденнымъ отъ данной женщины, представляется у насъ нововведеніемъ, но нововведеніемъ логичнымъ и справедливымъ: разъ что въбрачному ребенку предоставляются извѣстныя гражданскія права по отношенію къ матери, нельзя же лишать его (или его законныхъ представителей) возможности обнаружить, кто именно его мать. Въ такомъ отысканіи материнства (*recherche de la maternité*) нѣтъ ничего небывалаго, необыкновеннаго: оно допускается даже въ тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, которыя, слѣдуя француз-

скому образцу, безусловно воспрещаютъ отысканіе отцовства (*recherche de la paternité*). Какъ бы тягостны, иногда, ни были послѣдствія подобнаго иска для женщины или дѣвушки, успѣвшей скрыть рожденіе отъ нея ребенка, онъ долженъ быть допущенъ въ интересъ дѣтей, безъ того уже достаточно страдающихъ за чужую вину или ошибку. По справедливому замѣчанію составителей проекта, устраненіе исковъ о материнствѣ дало бы матерямъ возможность произвольно уклоняться отъ исполненія обязанности, которую на нихъ налагаетъ природа—а такое уклоненіе должно отразиться на общественной нравственности вреднѣе, чѣмъ возможная огласка факта вѣббрачнаго рожденія. Само собою разумѣется, впрочемъ, что всѣ подобныя дѣла должны разсматриваться судомъ при закрытыхъ дверяхъ и не подлежать оглашенію въ печати.

Чѣмъ шире и человѣчнѣе принципы, на которыхъ построенъ законопроектъ о вѣббрачныхъ дѣтяхъ, съ тѣмъ болѣею увѣренностью, повторяемъ еще разъ, можно ожидать противодѣйствія ему со стороны „охранителей“, оберегающихъ, въ сущности, только безправіе, формальную мораль и рутину. Доказательствомъ этому служить, между прочимъ, отношеніе реакціонной печати къ резолюціямъ недавно происходившаго въ Петербургѣ второго съѣзда русской группы международнаго союза криминалистовъ. Разсмотрѣнію съѣзда подлежалъ, между прочимъ, вопросъ о *защитѣ дѣтства*, т.-е. о мѣрахъ къ охранѣ дѣтей противъ злоупотребленій вообще и злоупотребленій родительскою властью въ особенности. Признавая, что принятіе такихъ мѣръ вызывается неотложными требованіями жизни, съѣздъ нашелъ возможнымъ и необходимымъ допустить лишеніе родителей, по суду, ихъ родительской власти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они жестоко обращаются съ дѣтьми, забрасываютъ ихъ нравственное воспитаніе или развращаютъ ихъ. Замѣнять родительскую власть слѣдуетъ, въ подобныхъ случаяхъ, или опекой на общемъ основаніи, или попеченіемъ посторонней семьи или исправительно-воспитательнаго заведенія. Право возбуждать вопросъ объ ограниченіи родительской власти должно принадлежать матери ребенка, его ближайшимъ родственникамъ, опекуному начальнику ¹⁾ и учрежденіямъ, преслѣдующимъ задачи дѣтскаго призрѣнія и защиты. Обществамъ этого рода слѣдовало бы, по мнѣнію съѣзда, предоставить, въ лицѣ ихъ уполномоченныхъ, право свободнаго входа въ помѣщенія всѣхъ лицъ и заведеній, пользующихся трудомъ малолѣтнихъ. Казалось бы, что

¹⁾ Такъ должно называться, по мысли составителей проекта гражданскаго уложенія, лицо, которому будутъ непосредственно принадлежать опекунскія функціи.

можетъ быть проще, разумнѣе и благотворнѣе подобныхъ правилъ, создающихъ защиту для тѣхъ, кто всего больше въ ней нуждается? **Безпомощность, вообще свойственная дѣтскому возрасту, приобретае**тъ по истинѣ трагическій характеръ, когда интересы **малолѣт**няго, не только матеріальные, но и нравственные, нарушаются именно тѣми или тѣмъ, на комъ, въ силу природы вещей и по законамъ государства, лежитъ, больше и прежде всего, ихъ охрана. Что такіа нарушения встрѣчаются въ дѣйствительности—этого не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный ея наблюдатель; столь же несомнѣнно и то, что для ихъ прекращенія и предупрежденія въ арсеналѣ дѣйствующаго законодательства часто не хватаетъ оружія. Уголовное преслѣдованіе родителей, „физически и нравственно уродующихъ своихъ дѣтей“, возможно далеко не всегда. Чтобы подойти подъ уголовный законъ, дѣйствія родителей должны носить характеръ *преступленія*. Уголовной карѣ подлежитъ нанесеніе родителями дѣтямъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ, опасныхъ для жизни побоевъ, но не подлежитъ систематическая жестокость, искусно введенная въ рамки *пользованія* родительскою властью, не подлежитъ рядъ лишеній, намѣренно и безъ всякой надобности налагаемыхъ на ребенка, не подлежитъ оставленіе его безъ воспитанія и обученія, не оправдываемое ни нуждою, ни другими обстоятельствами. Уголовной карѣ подлежитъ умышленное развращеніе родителями нравственности дѣтей и потворство ихъ разврату; но не подлежитъ развращеніе неумышленное, въ смыслѣ дурного примѣра, постоянно подаваемого дѣтямъ, въ смыслѣ распущенности, не сдерживаемой даже въ ихъ присутствіи. „Родители-изверги“,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 63), возражая противъ заключеній сѣзда криминалистовъ,—„должны быть лишены не только родительской власти, но и правъ состоянія; всѣ же остальные родители должны спокойно, безпрепятственно пользоваться этою властью во всемъ ея объемѣ“. Другими словами, участь дѣтей должна всецѣло зависѣть отъ родителей, пока послѣдніе не совершаютъ тяжкаго преступленія, влекущаго за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Пускай не будетъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ полной неспособности отца (напр. неисправимаго алкоголика) дать сколько-нибудь здоровое воспитаніе своимъ дѣтямъ; пускай будетъ ясно, что дѣти, въ его рукахъ, идутъ къ физической и моральной гибели; пускай будутъ на лицо близкіе родственники или другіе люди, готовые принять къ себѣ несчастныхъ дѣтей и могущіе дать все недостающее имъ въ родительскомъ домѣ—и все-таки дѣти должны быть предоставлены своей судьбѣ, если отецъ не совершилъ уголовного преступленія! *Périssent les enfants plutôt qu'un principe* — узкій, мертвый въ своей неподвиж-

ности принципъ родительской власти *quand même!* „Замѣнить родителей дѣтямъ“—говоритъ московская газета—„никто не можетъ“. Да, никто—но только тогда, когда родители являются хоть сколько-нибудь достойными своего назначенія; въ противномъ случаѣ ~~замѣна~~ желательна и возможна. Что она, при дѣйствіи ~~проектируемыхъ~~ правилъ, допускалась бы лишь въ ~~случаяхъ~~ дѣйствительной, явной необходимости—ручательствомъ въ этомъ служить участіе суда ¹⁾).

Попытка приурочить вопросъ объ ограниченіи родительской власти исключительно къ почвѣ уголовного права была только первымъ откликомъ реакціонной газеты—на *ria desideria* съѣзда криминалистовъ. Нѣсколько дней спустя она пошла гораздо дальше, разразившись цѣлой діатрибой противъ „реформаторовъ семейнаго начала“. Соединяя подъ этимъ именемъ и членовъ съѣзда, и авторовъ „пресловутаго законопроекта о полуразводѣ“ (т.-е., о разлученіи супруговъ), „Московскія Вѣдомости“ (№ 73) приравниваютъ ихъ къ социалистамъ и революціонерамъ, „которые прямо хотятъ уничтоженія семьи“. Въ обоихъ случаяхъ усматривается та же „абберрація мысли и чувства“: вся разница въ томъ, что со стороны „реформаторовъ“ это абберрація безсознательная—и именно потому болѣе опасная. „Въ самомъ дѣлѣ“—спрашиваетъ московская газета,—„какъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что изъ недовольства современною семьей наше общество заключаетъ о необходимости облегченія развода и ограниченія родительской власти? Почему, наблюдая фактъ усиленія ненормальныхъ отношеній между супругами и между родителями и дѣтьми,—если онъ дѣйствительно наблюдается,—наша реформаторская мысль становится на почву *освобожденія личности* (курсивъ въ подлинникѣ)? Развѣ въ этомъ не видна ясно подкладка того же самого міросозерцанія, которое въ сознательномъ состояніи создало революцію 1789-го года, а въ дальнѣйшемъ развитіи привело къ социалистическимъ планамъ революціи“? До такихъ крайнихъ предѣловъ забвеніе чувства мѣры не часто доходитъ даже у нашихъ газетныхъ реакціонеровъ. Какъ! стремленіе къ огражденію *дѣтей* отъ злоупотребленій родительской власти равносильно стремленію къ *освобожденію личности*?! Да развѣ предполагается предоставлять *дѣтей*, изъемлемыхъ изъ-подъ родительской власти, ихъ собственному усмотрѣнію? Развѣ что-нибудь подобное можетъ придти въ голову здравомыслящему человѣку?

¹⁾ Кто непосредственно знакомъ особенно съ начальными народными училищами, тотъ знаетъ, по собственному опыту, какое негодование и вмѣстѣ безсиліе испытываетъ и учащій, и попечитель училища, при видѣ ребенка, являющагося въ классъ съ синяками и подтеками, приобретенными въ родительскомъ домѣ! Принять на себя частнымъ образомъ защиту ребенка значило бы только подвергнуть его новымъ изъясненіямъ.

Для малолѣтнихъ полная свобода равносильна полной заброшенности и безпомощности, а ранѣ достиженія извѣстнаго возраста— даже неминуемой гибели. Проповѣдниковъ такой свободы можно найти развѣ въ домѣ умалишенныхъ. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы пустить дѣтей, отбираемыхъ отъ родителей, на всѣ четыре стороны, съ правомъ безпрепятственно портиться, тупѣть и умирать, а о томъ, чтобы замѣнить недостающее попеченіе родителей заботами постороннихъ лицъ, не лишенныхъ и власти, насколько она необходима въ рукахъ воспитателя, но пользующихся ею, подъ надлежащимъ контролемъ, ко благу воспитываемыхъ. Что же тутъ субверсивнаго, революціоннаго, социалистическаго? Кого можно сбить съ толку громкими и „страшными“ словами, разъ что они такъ явно не соотвѣтствуютъ сущности дѣла?.. „Разумно рассуждая“,—читаемъ мы дальше,—„нельзя себѣ даже представить, чтобы членомъ общества и подданнымъ государства могъ оставаться человекъ неспособный принудить себя быть хотя среднѣпорядочнымъ супругомъ и отцомъ“. Нѣтъ, это рассужденіе не разумное, а въ лучшемъ случаѣ—наивное. Чтобы сохранить за собою мѣсто въ обществѣ и государствѣ, достаточно не совершать проступковъ, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія, и исполнять нѣкоторыя весьма элементарныя обязанности (платить налоги и т. п.). Этими условіямъ удовлетворяютъ, хотя бы только изъ опасенія отвѣтственности, немало людей, которые у себя въ семьѣ откладываютъ въ сторону всякую сдержанность и позволяютъ себѣ все, кромѣ явной уголовщины. Такихъ именно людей, наносящихъ величайшій вредъ подростающему поколѣнію—а слѣдовательно и всему государству,—имѣлъ въ виду съѣздъ криминалистовъ, умѣлой рукой коснувшійся одного изъ больныхъ мѣстъ нашей общественной жизни. Нужно надѣяться, что его голосъ не будетъ заглушенъ криками печати, смѣшивающей, сознательно или безсознательно, *попеченіе съ освобожденіемъ*.

Періодически собирающійся, съ прошлаго года, съѣздъ русскихъ криминалистовъ представляетъ, вообще, отрадное явленіе въ нашей умственной жизни ¹⁾. Вопросы, которые онъ ставитъ на очередь, имѣютъ не узко-техническое, а широкое общественное значеніе. Въ прошедшемъ году онъ обсуждалъ возможность введенія у насъ условнаго осужденія; въ нынѣшнемъ году онъ занимался, кромѣ защиты дѣтей, условно-досрочнымъ освобожденіемъ изъ заключенія и понятіемъ о случайномъ преступникѣ, постоянно высказываясь въ пользу такихъ

¹⁾ Предсѣдателемъ русской группы международнаго союза криминалистовъ состоитъ, съ самаго ея основанія (въ 1897 г.) И. Я. Фойницкій. Предсѣдательствовали на второмъ съѣздѣ В. К. Случевскій, Э. Я. Фуксъ и И. И. Фойницкій, а доклады были представлены А. К. Вульффертомъ, И. М. Тютрюмовымъ и М. В. Духовскимъ.

нововведеній, осуществленіе которыхъ было бы большимъ шагомъ впередъ въ развитіи нашего уголовного законодательства. Вотъ, напримеръ, резолюція сѣзда по вопросу о случайномъ преступникѣ: „Сображенія справедливости и интересы общежитія настойчиво требуютъ, чтобы изъ общей массы осуждаемыхъ были выдѣляемы новички на преступномъ пути, которые, впадъ въ преступленія по молодости, неопытности, переходящему—извинительному увлеченію или вообще по стеченію несчастно сложившихся обстоятельствъ, заслуживаютъ возможно большаго снисхожденія, и по отношенію къ которымъ примѣненіе обычныхъ карательныхъ мѣръ представляется нецѣлесообразнымъ“. Для будущаго сѣзда намѣчены, между прочимъ, слѣдующія темы: ограниченіе родительской власти алкоголиковъ, положеніе дѣтей арестантовъ, положеніе ремесленныхъ учениковъ, организація патроната надъ досрочно и условно освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія.

Кромѣ юго-западныхъ губерній, отъ неурожая 1899 года сильно пострадали и нѣкоторыя мѣстности восточной Россіи. Офіціальное сообщеніе, напечатанное 11-го марта, даетъ неутѣшительныя свѣдѣнія о положеніи трехъ уѣздовъ самарской губерніи—бузулукскаго, николаевскаго и новоузенскаго. Для помощи нуждающемуся населенію назначено болѣе 200 тыс. пудовъ хлѣба и обращены остатки отъ суммъ, отпущенныхъ въ прошломъ году на самарскую губернію обществомъ Краснаго-Креста. Въ уѣздахъ бузулукскомъ и новоузенскомъ образованы участковыя попечительства; въ городѣ Бузулукѣ открыта столовая для нуждающихся въ продовольствіи: Въ селахъ Осиновомъ-Гаѣ, Верхововѣ, Новопендѣлкѣ и Алтатѣ, новоузенскаго уѣзда, появилась цынга, которою заболѣло по 19-е февраля всего 58 человѣкъ; кромѣ того, имѣется предрасположенныхъ къ цынгѣ съ ослабленнымъ питаніемъ 362 человѣка. Для всѣхъ этихъ 420 человѣкъ, по распоряженію губернской земской управы, устроены столовыя, въ которыхъ они получаютъ горячую мясную пищу ($\frac{1}{4}$ фунта мяса на человѣка) и чай, благодаря чему дальнѣйшаго распространенія болѣзни не замѣчается.—Нужно надѣяться, что это сообщеніе не пройдетъ безслѣдно и что общественная помощь направится въ потерявшія мѣстности самарской губерніи въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ она направилась въ южныя уѣзды Бессарабіи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1900.

Положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ.—Депеша Крюгера и Штейна къ лорду Сольсбери.—Промѣны трансваальской дипломатіи.—Британскій отвѣтъ по вопросу объ условіяхъ мира.—Смерть Жубера.—Толки о заступничествѣ и посредничествѣ въ пользу бозровъ.—Письмо г. Генрика Сенкевича къ баронессѣ Сутнеръ и сомнѣніе газеты „Кгај“.—Негодованіе нашихъ „патріотовъ“ противъ Англіи.—Внутреннія дѣла въ Германіи.

Положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ и господствующее настроеніе въ Англіи не обѣщаютъ скорого окончанія войны. Англичане заняли значительную часть Оранжевой республики и утвердились въ ея столицѣ, Блемфонтейнѣ, но не коснулись еще Трансвааля, главныя силы котораго готовятся къ отчаянному сопротивленію. Британское правительство съ самаго начала закрыло для себя путь къ компромиссу, заявивъ твердую рѣшимость не иначе заключить миръ, какъ послѣ окончательнаго ниспроверженія обѣихъ республикъ. Если оно высказывалось въ этомъ смыслѣ во время тяжелыхъ военныхъ неудачъ, то тѣмъ болѣе держится оно того же взгляда подъ вліяніемъ новѣйшихъ побѣдъ. Успѣхи фельдмаршала Робертса вызвали въ Англіи такой воинственный энтузіазмъ, какого нельзя было и ожидать отъ дѣловой промышленной націи. Съ освобожденіемъ Кимберлея и Лэдисмита и съ перенесеніемъ военныхъ дѣйствій въ предѣлы непріятельской территоріи, англичане избавились наконецъ отъ кошмара, угнетавшаго ихъ патріотическое чувство, и снова почувствовали себя „гордыми британцами“. Исчезла великая опасность для англійскаго могущества и „престижа“; но Трансвааль еще не побѣжденъ, и завоевательная война со стороны Англіи только начинается.

Симпатіи народовъ въ Европѣ и отчасти въ Америкѣ принадлежать по прежнему бозрамъ, хотя выражаются уже въ другихъ формахъ, менѣе рѣзкихъ и враждебныхъ по отношенію къ англичанамъ. Многимъ казалось, что насталъ моментъ для мирнаго посредничества; президентъ Крюгеръ и Штейнъ сообщили о своемъ желаніи мира иностраннымъ державамъ и обратились съ соотвѣтственнымъ посланіемъ къ лондонскому кабинету. Посланіе это, переданное изъ Блемфонтейна, по телеграфу, 5 марта, написано въ трогательномъ тонѣ, но безъ малѣйшаго намека на какія-либо уступки, способныя удовлетворить Англію. Приводимъ текстъ этого документа въ томъ видѣ,

какъ онъ былъ прочитанъ маркизомъ Сольсбери въ палатѣ лордовъ, 13 марта: „Кровь и слезы тысячъ пострадавшихъ отъ настоящей войны, и перспектива всего того экономическаго и нравственнаго разоренія, которое грозитъ теперь южной Африкѣ, вызываютъ необходимость для обѣихъ воюющихъ сторонъ спросить себя безпристрастно, какъ бы передъ лицомъ Тріединнаго Бога, во имя чего они сражаются, и оправдывается ли все это бѣдствіе и опустошеніе тѣми цѣлями, которыя преслѣдуются противниками? Съ этою цѣлю, и въ виду увѣреній разныхъ британскихъ государственныхъ дѣятелей, что эта война была начата и ведена съ сознательнымъ желаніемъ подорвать господство ея величества въ южной Африкѣ и установить надъ всею южною Африкою управленіе, независимое отъ правительства ея величества, мы считаемъ своимъ долгомъ торжественно заявить, что эта война была предпринята единственно какъ оборонительная мѣра для охраны независимости Южно-африканской республики (т.-е. Трансваала), и продолжается нами только для обезпеченія безспорной независимости обѣихъ республикъ, какъ суверенныхъ самостоятельныхъ государствъ, и для полученія гарантій насчетъ того, что тѣ изъ подданныхъ ея величества, которые приняли съ нами участіе въ этой войнѣ, не подвергнутся за это возмездію ни лично, ни относительно своей собственности. На этихъ условіяхъ, и только на однихъ этихъ условіяхъ, желаемъ мы въ настоящее время, какъ и въ прошломъ, видѣть миръ возстановленнымъ въ южной Африкѣ, чтобы положить конецъ господствующимъ въ ней нынѣ бѣдствіямъ. Если же правительство ея величества намѣрено уничтожить независимость республики, то намъ и нашему народу ничего не остается, какъ только продолжать дѣйствовать въ принятомъ нами направленіи, вопреки подавляющему превосходству силъ британской имперіи, въ увѣренности, что Господь Богъ, вложившій въ наши души неугасимый огонь любви къ свободѣ, не оставитъ насъ, но совершитъ свое дѣло въ насъ и въ нашихъ потомкахъ. Мы колебались сдѣлать это заявленіе раньше, такъ какъ боялись, что пока преимущество было всегда на нашей сторонѣ и пока наши войска занимали оборонительныя позиціи далеко въ колоніяхъ ея величества, подобное заявленіе могло бы задѣть чувство чести британскаго народа; но теперь, когда престижъ британской имперіи можетъ считаться сохраненнымъ благодаря взятію въ плѣнъ одного изъ нашихъ отрядовъ войсками ея величества, и когда мы вынуждены очистить другія позиціи, занятые нашими силами, указанное затрудненіе устранено, и мы не можемъ больше колебаться ясно изложить вашему правительству и народу, на глазахъ всего цивилизованнаго міра, почему мы воюемъ, и на какихъ условіяхъ мы готовы возстановить миръ“.

Къ сожалѣнію, трансваальское правительство при началѣ войны не воспользовалось превосходнымъ случаемъ показать профессиональнымъ дипломатамъ примѣръ искренности и прямодушія, а обнаружило склонность подражать обычнымъ приемамъ дипломатической рутины; оно не объяснило тогда всему цивилизованному міру, чего собственно требуетъ Англія отъ боэровъ и на что они никакъ не могутъ согласиться,—во имя чего они вынуждены взяться за оружіе и на какихъ основаніяхъ они сочтутъ себя обязанными сохранить или возстановить миръ. Правдивый обвинительный актъ противъ политики британскаго колоніальнаго вѣдомства и его мѣстныхъ агентовъ, хотя бы изложенный въ стилѣ библейскаго краснорѣчія, произвелъ бы тогда сильное впечатлѣніе и могъ бы найти сочувственный отголосокъ въ самой Англіи; весь міръ зналъ бы тогда въ точности, въ чемъ заключаются существенные пункты спора, и въ какой мѣрѣ поддаются они мирному соглашенію, или требуютъ вооруженной борьбы. На ультиматумъ Чемберлена и на его систему оттягиванія и усложненія переговоровъ Трансвааль не отвѣтилъ ни формальнымъ и точнымъ указаніемъ своихъ послѣднихъ возможныхъ уступокъ, ни положительною просьбою окончательно формулировать требованія и желанія Англіи, ни откровеннымъ разоблаченіемъ закулисныхъ дѣйствій и цѣлей своихъ противниковъ; трансваальское правительство не довольствовалось также простыми приготовленіями къ защитѣ по поводу британскихъ угрозъ и военныхъ мѣръ, а само пошло по старому, избитому пути, который никогда не приводилъ къ добру. Грозное, категорическое требованіе объ удаленіи англійскихъ войскъ отъ границъ Трансвааля въ двухдневный срокъ, подъ страхомъ объявленія войны, не соответствовало реальному положенію республики относительно британской имперіи и сразу лишило боэровъ всѣхъ нравственныхъ преимуществъ слабѣйшей и несправедливо обижаемой стороны, возбудивъ въ то же время чувства непримиримой вражды и злобы во всѣхъ слояхъ населенія Англіи; послѣдовавшее затѣмъ вторженіе въ британскія колоніальныя владѣнія позволило англичанамъ приписать починъ кровопролитія президенту Крюгеру и возложить на него всю отвѣтственность за войну. Инициатива въ военныхъ дѣйствіяхъ доставила извѣстныя выгоды боэрамъ, но несомнѣнно испортила ихъ внѣшнее политическое положеніе. Истинная роль Чемберлена и Сесилия Родеса затмѣвалась тѣмъ грубымъ фактомъ, что Трансвааль, признанный Англіею особымъ государствомъ только въ 1881 году, первый объявилъ ей войну и напалъ на англійскіе города. Еще хуже было то, что, послѣ успѣшнаго занятія пограничныхъ земель Капской колоніи, республика официально объявляла о присоединеніи ихъ къ своей территоріи. Въ періодъ своихъ блестящихъ побѣдъ надъ вой-

сками Метуэна и Буллера, Трансвааль опять-таки упустилъ случай объяснить предъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ свои дѣйствительныя цѣли и намѣренія, нисколько не обидныя для Англіи и направленные лишь къ обезпеченію собственной независимости. Какой эффектъ имѣло бы подобное заявленіе послѣ разгрома англичанъ при Магерсфонтейнѣ, Стромбергѣ, Колензо и Спіонскопѣ! Но правительство боэровъ увлеклось тогда перспективою завоеваній и рассчитывало повидимому на ниспроверженіе англійскаго владычества во всей южной Африкѣ, или въ значительной ея части; по крайней мѣрѣ, оно дѣйствовало такимъ образомъ, что можно было съ полнымъ основаніемъ предполагать съ его стороны честолюбивыя завоевательныя планы. Теперь, съ поворотомъ военного счастья въ пользу англичанъ, дипломаты Преторіи выступаютъ съ деклараціею, которая имѣла бы смыслъ и значеніе только во время недавняго еще повсемѣстнаго военного торжества боэровъ. Ставить свои условія мира послѣ испытанныхъ рѣшительныхъ неудачъ на театрѣ войны, требовать признанія не только своей независимости, но и безнаказанности англійскихъ подданныхъ за возстаніе противъ Англіи, — было уже нѣсколько наивно и безцѣльно для Трансвааля. Всѣмъ извѣстно, что во время переговоровъ, приведшихъ къ войнѣ, британское правительство категорически протестовало противъ притязанія республики боэровъ на положеніе самостоятельной въ международномъ смыслѣ державы, — притязанія, не согласнаго съ прямымъ текстомъ конвенцій 1881 и 1884 годовъ. Споръ о британскомъ верховенствѣ именно и обострилъ кризисъ и привелъ къ разрыву. Какимъ же образомъ можно было предъявить это самое требованіе, отвергнутое Англіею до войны, — при настоящемъ ходѣ событій, когда всѣ преимущества оказываются на сторонѣ англичанъ? Ссылка на нежеланіе оскорбить британское чувство чести въ періодъ боэрскихъ побѣдъ представляетъ собою насмѣшку надъ здравымъ смысломъ. Чтò могло быть обиднаго для англійскаго самолюбія въ томъ, что боэры сражаются лишь за свою независимость и не имѣютъ въ виду ни увеличить свою территорию на счетъ Капской колоніи, ни подорвать авторитетъ британской имперіи въ южной Африкѣ? Притомъ, какъ примирить это запоздалое объясненіе съ прежними официальными публикаціями о присоединеніи къ Трансваалю обширныхъ сосѣднихъ земель Капской области? Никто не повѣритъ также, что подъ Лэдисмитомъ, Кимберлеемъ и Мефкингомъ боэры занимали лишь „оборонительныя позиціи“. Въ высшей степени непріятно видѣть подобные извороты и натяжки въ публичныхъ правительственныхъ заявленіяхъ по поводу такого страшнаго и жестокаго факта, какъ война. Условная ложь считается почему-то съ давнихъ поръ необходимою принадлежностью диплома-

тического искусства, хотя она никого уже не вводитъ въ заблужденіе и ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Но страна, не успѣвшая еще обзавестись профессиональными дипломатами и имѣющая полную возможность говорить прямо и просто о своихъ политическихъ желаніяхъ и интересахъ, должна была бы тщательно оберегать свою привилегію правдивости, вмѣсто того, чтобы слѣпо слѣдовать дурнымъ примѣрамъ безъ малѣйшей къ тому надобности. Конечно, бѣзры не отвѣчаютъ за промахи своего правительства и за неудачную тактику своего статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, г. Рейтца, но они въ концѣ концовъ расплачиваются за политическія уловки и недомолвки, которыми грѣшитъ вся дѣятельность названнаго трансваальскаго дипломата. Дѣло не становится лучше отъ того, что эти грѣхи прикрываются именемъ Бога, по мѣстному народному обычаю.

Лондонскому кабинету было, разумѣется, не трудно опровергнуть заявленія и требованія президентовъ обѣихъ южно-африканскихъ республикъ. Можно даже сказать, что онѣ сдѣлали это въ довольно мягкой и снисходительной формѣ, не настаивая на логическихъ противорѣчіяхъ и фактическихъ неточностяхъ упомянутой „миролюбивой“ ноты. Въ своей отвѣтной депешѣ, отъ 11 марта, маркизь Сольсбери говоритъ слѣдующее: „Имѣю честь извѣстить о полученіи мною телеграммы, сущность которой сводится къ требованію, чтобы правительство ея величества признало „безспорную независимость“ Трансваальской и Оранжевой республикъ, какъ „суверенныхъ международныхъ государствъ“, и чтобы на этихъ условіяхъ положенъ былъ конецъ войнѣ. Въ началѣ октября прошлаго года миръ существовалъ между ея величествомъ и обѣими республиками при дѣйствіи конвенцій, сохранявшихъ тогда свою силу. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ велись переговоры между правительствомъ ея величества и Южно-африканскою республикою (т.-е. Трансваалемъ), съ цѣлью достигнуть устраненія весьма серьезныхъ ограниченій и неудобствъ, отъ которыхъ страдали британскіе поселенцы въ предѣлахъ республики. Во время этихъ переговоровъ Южно-африканская республика, по свѣдѣніямъ правительства ея величества, дѣлала значительныя военныя приготовленія, и вслѣдствіе этого наше правительство приняло мѣры къ соотвѣтственному усиленію британскихъ гарнизоновъ Капштадта и Наталя. До этого времени не было допущено съ британской стороны никакого нарушенія правъ, обезпеченныхъ конвенціями. Внезапно, при извѣщеніи въ двухдневный срокъ, Южно-африканская республика, выпустивъ оскорбительный ультиматумъ, объявила войну ея величеству, и Оранжевая республика, съ которою даже вовсе не происходило никакого спора, приняла такое же рѣшеніе. Владѣнія ея величества непосредственно послѣ этого подверг-

лись вторженію со стороны обѣихъ республикъ; три города въ британскихъ границахъ были осаждены; значительная часть колоній была занята непріятельскими отрядами, съ большимъ уничтоженіемъ собственности и человѣческихъ жизней, и республики присвоивали себѣ право обращаться съ жителями обширныхъ частей владѣній ея величества въ такомъ духѣ, какъ будто эти владѣнія были присоединены къ той или другой изъ республикъ. Въ предвидѣніи этихъ операцій, Южно-африканская республика въ теченіе многихъ лѣтъ принимала вооруженія и собирала огромныя военныя средства, которыя могли быть направлены лишь противъ Великобританіи. Ваши замѣчанія объ отрицательномъ (т.-е. оборонительномъ) характерѣ этихъ приготовленій возбуждаютъ вопросы, которыхъ я не намѣренъ касаться. Но результатомъ этихъ приготовленій, производимыхъ съ большою таинственностью, было то, что британская имперія вынуждена была противопоставить свои силы нашествію, которое вовлекло ее въ дорого стоящую войну, сопряженную съ потерей тысячъ драгоценныхъ жизней. Это великое бѣдствіе было наказаніемъ, которому подверглась Великобританія за допущеніе, въ недавніе годы, существованія обѣихъ республикъ. Въ виду употребленія, сдѣланнаго обѣими республиками изъ предоставленнаго имъ положенія, и въ виду бѣдствій, причиненныхъ владѣніямъ ея величества ихъ ничѣмъ не вызваннымъ нападеніемъ, правительство ея величества можетъ только отвѣтить на вашу телеграмму, что оно не намѣрено согласиться на независимость ни Южно-африканской, ни Оранжевой республики“.

Въ качествѣ дипломата, лордъ Сольсбери умолчалъ о нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствахъ, оправдывавшихъ вооруженія Трансвааля, и представилъ переговоры Чемберлена съ президентомъ Крюгеромъ въ видѣ невинныхъ „обсужденій“, тогда какъ въ дѣйствительности они производили впечатлѣніе долгой мучительной пытки, которой наконецъ не выдержало трансваальское правительство. Способъ, какимъ велись эти переговоры съ британской стороны, былъ именно рассчитанъ на то, чтобы избѣгнуть мирнаго соглашенія и довести противника до состоянія невмѣняемости. Трансваальскіе дѣятели не счумѣли сохранить самообладаніе до конца и полагали, что поступать весьма разумно, если предупредить англичанъ и сами нападутъ на нихъ, до окончанія ихъ приготовленій; это была политическая ошибка, — хотя она и дала на первыхъ порахъ блестящіе военные результаты. Но сказать, что нападеніе не было вызвано Англіею, что конвенціи не были нарушены и что боэры не имѣли повода готовиться къ вооруженной защитѣ, — значитъ, отрицать общеизвѣстные факты, начиная съ набѣга Джемсона и кончая ультиматумомъ Чемберлена, въ связи съ заключительною угрозою его „принять мѣры

для надлежащаго рѣшенія“ спорныхъ вопросовъ. Отправка корпуса въ 60 тысячъ человекъ въ южную Африку для расправы съ Трансваалемъ возвѣщена была почти официально, и извѣстія о постепенномъ прибытіи войскъ въ Капштадтъ и Дурбанъ ежедневно сообщались лондонскими газетами задолго до „внезапнаго“ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго обѣими республиками. Согласившись на всѣ требованія Англіи, Трансвааль съ наибольшею энергіею возражалъ противъ попытки устроить замаскированный британскій контроль надъ законодательствомъ и администраціею внутри страны,—попытки, составлявшей уже прямое нарушеніе существовавшихъ конвенцій; изъ-за этого пункта и возникли пререканія о самостоятельности и независимости республики. По существу, Трансвааль безусловно находился въ состояніи необходимой обороны, чѣмъ и объясняется всеобщее сочувствіе къ начатой имъ неравной борьбѣ. Лордъ Сольсбери тоже не имѣлъ надобности извращать ходъ событій, предшествовавшихъ войнѣ; онъ могъ отелонить требованіе обоихъ президентовъ простою ссылкой на огромныя жертвы, принесенныя Англіею именно для уничтоженія независимости ихъ республикъ. Никакое правительство въ мірѣ не могло бы въ подобномъ случаѣ отвѣтить иначе, чѣмъ лордъ Сольсбери, —ибо нельзя вести тяжелую войну безъ опредѣленной политической цѣли и безъ намѣренія извлечь изъ достигнутыхъ успѣховъ всѣ возможныя выгоды для страны и націи. Каждая изъ воюющихъ сторонъ имѣетъ свои оправданія, болѣе или менѣе вѣскія и убѣдительныя, и каждая несетъ свою долю отвѣтственности за происходящее кровопролитіе и опустошеніе; но президенты Крюгеръ и Штейнъ, очевидно, не правы, утверждая, что „кровь и слезы“ заставляютъ безпристрастно обсудить причины и цѣли войны только послѣ того, какъ военныя дѣйствія приняли неблагоприятный оборотъ для обѣихъ республикъ.

Несчастія обрушиваются на бозровъ въ послѣднее время даже независимо отъ англійскихъ побѣдъ. Главнокомандующій войсками Трансваала, вице-президентъ исполнительнаго совѣта, генералъ Питеръ Якобъ Жуберъ, неожиданно скончался отъ болѣзни, 14 марта, на 66-мъ году жизни. Республика потеряла въ его лицѣ самаго авторитетнаго и талантливаго вождя, которому бозры обязаны были замѣчательною организаціею обороны въ Наталѣ, по линіи отъ Дэнди, Гленко и Лэдсмита до Тугэлы. Запереть десяти тысячный англійскій отрядъ генерала Уайта въ Лэдсмитъ и затѣмъ наносить жестокіе удары корпусу генерала Буллера, методически завлекая его неоднократно впередъ, по направленію къ осажденному городу, чтобы заставить его каждый разъ уходить обратно послѣ тяжелыхъ потерь, — для этого нужно было большое искусство, при тѣхъ въ сущности незначитель-

ныхъ силахъ, которыми располагалъ Жуберъ. Кронъ на западѣ и Жуберъ на востокѣ дѣйствовали одинаково успѣшно, сдерживая напоръ британскихъ войскъ, и только численная слабость, при недостаткѣ артиллеріи, мѣшала имъ добиться полного разгрома англичанъ, равно какъ и взятія Лэдисмита и Кимберлея, ранѣ сосредоточенія новой значительной арміи въ рукахъ Робертса и Китченера. Капитуляція Кронъ и смерть Жубера разстроили единство военныхъ дѣйствій обѣихъ республикъ и внесли въ эти дѣйствія замѣтную растерянность и рознь, которыми не сумѣли своевременно воспользоваться британскіе генералы. Потомокъ одной изъ гугенотскихъ семей, водворившихся въ Капской колоніи въ концѣ XVII вѣка, Жуберъ былъ полководцемъ по призванію и игралъ выдающуюся роль въ устройствѣ военныхъ силъ Трансваала; между прочимъ, онъ особенно отличился въ знаменитомъ дѣлѣ при Маубѣ, въ 1881 году, когда одержанная имъ вмѣстѣ съ Крюгеромъ побѣда обезпечила странѣ признаніе ея государственной самостоятельности. Его личныя качества заслужили ему общее уваженіе, и англійскіе патріоты отзываются о немъ въ весьма хвалебномъ тонѣ, хотя вѣроятно при захватѣ его въ плѣнъ не поколебались бы послать его на пустынный и нездоровый островъ Святой Елены, вслѣдъ за Кронъ, котораго также превозносятъ въ Англіи какъ героя и джентльмена.

По мѣрѣ ухудшенія шансовъ Трансваала на театрѣ войны, слабѣютъ и порывы оказать имъ помощь посредствомъ коллективныхъ или одиночныхъ воздѣйствій на Великобританію. Какъ это ни странно, но толки печати о разныхъ воинственныхъ планахъ для укрощенія „ненасытной алчности“ англичанъ сразу затихли или прекратились; газеты перестали говорить о новыхъ комбинаціяхъ относительно Египта, о намѣреніи абиссинскаго нагуса двинуться противъ англо-египетскихъ владѣній, о походѣ на Индію, о необходимомъ, будто бы, занятіи Герата или Памировъ. Платоническія воззванія въ пользу бозровъ также встрѣчаютъ болѣе сдержанную и холодную оцѣнку, а мысль о заступничествѣ какой-либо изъ великихъ державъ по неволѣ оставлена, послѣ дружественнаго отвѣта, даннаго Англіею Соединеннымъ Штатамъ, передавшимъ ей просьбу южно-африканскихъ республикъ о заключеніи справедливаго мира. Британское правительство заявило категорически, что оно не желаетъ и не допустить никакого посредничества въ сношеніяхъ съ обѣими республиками, и этимъ исключается возможность постороннихъ „добрыхъ услугъ“ въ восстановленіи мирнаго существованія Трансваала. Раздаются еще голоса филантроповъ и принципиальныхъ противниковъ войны, но ихъ мало кто слушаетъ, въ виду яв-

наго безсилія отвлеченныхъ аргументовъ противъ реальнаго воинственнаго возбужденія, охватившаго Англію.

Недавно обратило на себя вниманіе появившееся въ здѣшнихъ газетахъ письмо г. Генрика Сенкевича къ извѣстной баронессѣ Сутнеръ по поводу ея предложенія подписаться подъ адресомъ, составленнымъ въ пользу боэровъ прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ В. Ферстеромъ. Дѣло шло о горячемъ призывѣ „ко всѣмъ великодушнымъ сердцамъ въ Англіи съ цѣлю способствовать скорѣйшему окончанію кровавой борьбы въ южной Африкѣ“. Г. Сенкевичъ отказалъ въ своей подписи, несмотря на искреннее состраданіе къ бѣдствіямъ боэровъ,—такъ какъ ему представляется „неслыханною ироніею“ то направленіе гуманитарныхъ идей въ Германіи, которое побуждаетъ столь пламенно откликаться на далекія несчастія, испытываемыя за океаномъ, въ южномъ полушаріи, и не видѣть, не слышать бѣдствій несравненно болѣе близкихъ и болѣе глубокихъ. Лучше ли было бы положеніе боэровъ, еслибы съ ними воевала и покорила ихъ прусская армія? Развѣ пруссаки оставили бы имъ автономію и свободу, развѣ не стали бы искоренять ихъ національныя особенности, преслѣдовать ихъ за употребленіе родного языка и выживать ихъ изъ наслѣдственныхъ поземельныхъ владѣній? „Отвѣтите себѣ сами,—обращается г. Сенкевичъ къ баронессѣ Сутнеръ и къ прусскому тайному совѣтнику Ферстеру,—возможенъ ли подъ англійскимъ владычествомъ такой порядокъ вещей, при которомъ принуждали бы туземное населеніе платить налоги для собранія миллионныхъ суммъ, назначенныхъ на выкупъ земель этого населенія, съ цѣлю вытѣснить вѣковыхъ обывателей? Можетъ ли въ цивилизованномъ государствѣ существовать что-либо болѣе превратное и безнравственное? Можно ли представить себѣ большую неправду, большее страданіе? Взоры ваши блуждаютъ надъ океанами и останавливаются на далекихъ краяхъ земного шара, а вѣдь Познань, Силезія и западная Пруссія находятся около васъ. Тайный совѣтникъ Ферстеръ знаетъ эти области, знаетъ, какъ противъ жителей ихъ постоянно создаются новые законы, слышать, что дѣлается въ школахъ, какая желѣзная и суровая рука тяготѣетъ надъ каждымъ проявленіемъ польской жизни,—онъ знаетъ все это и вѣроятно осуждаетъ. Ибо здѣсь дѣло касается не горсти припльхъ изъ-за моря поселенцевъ, а заслуженнаго передъ человѣчествомъ народа, искони связаннаго съ своею землею. Итакъ, прежде чѣмъ начнете заниматься Африкою, займитесь Европою. Огромныя гуманитарныя задачи лежатъ непосредственно передъ вами. Англія выдвинула великаго министра, который всю свою жизнь работалъ надъ возстановленіемъ правъ обиженной его отечествомъ Ирландіи,—покажите мнѣ другого такого въ Европѣ! Оставьте пока въ покоѣ англійскія сердца,—они сами найдутъ въ себѣ все то,

къ чему вы стремитесь; — ищите и трудитесь поближе. Возвышайте политическую мораль и облагораживайте совѣсть людей; пусть разсѣются тучи безправія и гнета, пусть дуновение истиннаго гуманизма освѣжитъ отравленный воздухъ окружающихъ мѣстъ“...

Польская газета „Крај“ (№ 8) выражаетъ—или, вѣрнѣе, допускаетъ возможность сомнѣнія, правильно ли поступилъ г. Сенкевичъ, отказавъ въ своей подписи подъ адресомъ г-жи Сутнеръ и прусскаго тайнаго совѣтника Ферстера. Быть можетъ, сомнѣніе почтенной газеты устранилось бы, еслибы она поставила себѣ слѣдующій вопросъ: сочинялись ли такіе краснорѣчивые адреса противъ кровопролитія и собирались ли для нихъ подписи въ то время, когда боэры побѣждали англичанъ и многія тысячи послѣднихъ гибли подъ мѣткими выстрѣлами скрытыхъ за холмами отрядовъ около Тугэлы или у рѣки Моддеръ? Во все продолженіе войны боэры не потеряли столько человѣкъ, сколько убито было людей въ одномъ корпусѣ генерала Буллера при его попыткахъ пробиться къ Лэдисмиту. Извѣстно, что потери боэровъ были повсюду сравнительно ничтожны, вслѣдствіе практикуемыхъ ими болѣею частью горныхъ приемовъ войны,—тогда какъ англійскіе отряды нерѣдко почти цѣликомъ истреблялись, а офицерская молодежь падала въ ужасающемъ количествѣ, будучи наиболѣе удобною мишенью для Маузеровскихъ пуль. Тяжело становилось на душѣ, просматривая въ англійскихъ иллюстраціяхъ безконечные ряды портретовъ цвѣтушихъ и красивыхъ юношей, убитыхъ при Колензо или Магерсфонтейнѣ, и длинные списки другихъ, изображенія которыхъ не попали въ печать. Эти массы жертвъ не возбуждали, однако, никакого интереса въ континентальной Европѣ, пока приходили извѣстія о жестокихъ англійскихъ неудачахъ, слѣдовавшихъ одна за другою, и навѣрное прусскій тайный совѣтникъ Ферстеръ, за одно съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ, не только не возмущался тогда кровопролитіемъ, но находилъ его полезнымъ для обузданія чрезмѣрнаго честолюбія Англіи, мѣшающей естественному росту морского и колоніальнаго могущества германской имперіи. Нѣтъ ли также нѣкоторой фальши въ этомъ оплакиваніи „крови и слезъ“ воюющихъ сторонъ, когда одна изъ нихъ, болѣе намъ симпатичная, перестала побивать другую, къ которой мы чувствуемъ недоброжелательство или политическую неприязнь? Трудно было принять участіе въ демонстраціи, которая по существу своему двусмысленна и практически безцѣльна. По существу нельзя даже понять, съ какой точки зрѣнія могутъ обыватели такой страны, какъ Пруссія, имѣющей у себя всеобщую воинскую повинность и всегда готовую къ войнѣ миллионную армію, обращаться съ совѣтами принципиальнаго миролюбія къ народу, не знающему ни воинской повинности, ни прочихъ благъ милитаризма. Представители прусскаго

или вообще германскаго общества очутились бы въ неловкомъ положеніи, еслибы имъ пришлось убѣждать Англію отказаться во имя человѣчности отъ права войны, на которомъ создалось вѣдшее величіе и могущество современной Пруссіи, отрѣзавшей недавно у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, противъ желанія ихъ населенія; протестъ же въ частности противъ войны съ боэрами составлялъ бы вмѣшательство въ британскія политическія дѣла, а на практикѣ такое вмѣшательство иностранцевъ ничего другого, кромѣ раздраженія, вызвать бы не могло. Мнѣніе иноземныхъ миролюбцевъ о данномъ военномъ предпріятіи англичанъ было бы столь же мало интересно и убѣдительно для Англіи, какъ была безразлична, напр., для нѣмцевъ иностранная оцѣнка нѣмецкой войны противъ маленькой Даніи въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Во всякомъ случаѣ, не поданнымъ такихъ державъ, какъ Пруссія, поучать британскую націю дѣлу гуманности и миролюбіи, и во имя даже самой лучшей и возвышенной идеи нельзя завѣдомо дѣлать то, что предлагалъ сдѣлать прусскій тайный совѣтникъ Ферстеръ въ сотрудничествѣ съ почтенною баронессою Сутнеръ.

Въ нашей печати вопросъ о вмѣшательствѣ въ защиту боэровъ обсуждался до недавняго времени съ большою горячностью, при чемъ Англія выставилась какъ бы единственною страной, прибѣгающею еще къ кровавому насилию въ международныхъ и политическихъ столкновеніяхъ. „Смотрѣть теперь спокойно и безучастно на разгромъ Англіею ея достойныхъ удивленія противниковъ, — писалъ, напр., г. Н. Чечулинъ въ „Новомъ Времени“ (отъ 25 февраля),—это все равно, что равнодушно глядѣть, какъ нѣкто поджигаетъ и грабитъ домъ нашего сосѣда, и не поддержать сосѣда въ оборонѣ отъ его сегодняшняго врага и разорителя, который навѣрное завтра окажется врагомъ другого, потомъ третьяго и такъ далѣе, потому что уже и раньше онъ такъ дѣлалъ“....

„Тяжело и горько для нравственнаго чувства было бы знать, что придетъ время и будутъ уничтожены (?) и угнетены тысячи людей, скромно жившихъ и безстрашно возставшихъ за свои права, за свою свободу и народную честь. Человѣчество не можетъ и не должно этого допускать, потому что съ этимъ связанъ глубокой вредъ. Какъ отзовется такое печальное, такое постыдное зрѣлище на развитіи тѣхъ, чьи мысли, взгляды и убѣжденія еще слагаются и у кого можно еще направлять ихъ въ лучшую сторону?! Къ чему говорить имъ: „читте доблесть, уважайте свободу“, если дальше надо будетъ ихъ учить: „не защищайте обиженныхъ, не помогайте тому, кто одинъ стоитъ противъ сотни и противъ кого на одного направлено десять ружей?“ Американцы проливали свою кровь въ войнѣ за независимость и затѣмъ въ междоусобной борьбѣ за освобожденіе рабовъ—при поддержкѣ

рабовладѣльцевъ со стороны Англіи; французы рѣкою лили свою кровь и въ религіозныхъ войнахъ, и на рубежѣ двухъ послѣднихъ столѣтій изъ-за „правъ человѣка“; нѣмцы вели почти столѣтнюю войну, чтобы доставить побѣду принципу свободы совѣсти; голландцы дважды отразили неизмѣримо сильнѣйшихъ враговъ; наконецъ, мы, русскіе, стояли со страшными жертвами свою національность противъ татаръ, потомъ противъ поляковъ, наконецъ всю Европу спасли отъ крайностей деспотизма — все это для того ли, чтобы кто-то дерзко и надменно посмѣялся надъ всѣми тѣми понятіями о справедливости, правѣ, законности, какія выработало себѣ человѣчество путемъ тяжелыхъ ошибокъ, огромныхъ жертвъ и усиленнаго труда?! Можетъ ли міръ допустить это??“

Все это очень хорошо и краснорѣчиво; но, быть можетъ, авторъ избавилъ бы себя отъ напраснаго негодованія, а читателей—отъ лишняго безпокойства, еслибы своевременно вспомнилъ, какая изъ передовыхъ культурныхъ націй наибольше участвовала въ выработкѣ и практическомъ примѣненіи „тѣхъ понятій о справедливости, правѣ и законности“, на которыя онъ ссылается теперь въ назиданіе тѣмъ же англичанамъ. Эти „кто-то“, столь презрительно осуждаемые авторомъ и безцеремонно исключаемые имъ изъ общаго культурнаго движенія человѣчества, занимаютъ, конечно, слишкомъ много мѣста въ исторіи, чтобы нуждаться въ восстановленіи своей репутаціи въ глазахъ нашихъ патріотовъ; но и для послѣднихъ обязательнъ все-таки здравый смыслъ... Разумѣется, что и самъ авторъ хорошо знаетъ, что въ худшемъ случаѣ побѣжденнымъ бозрамъ въ будущемъ грозить участь ихъ соплеменниковъ въ автономной Капской колоніи, и что, слѣдовательно, вовсе не будутъ „уничтожены и угнетены тысячи людей, скромно жившихъ и безстрашно возставшихъ за свои права, за свою свободу и за народную честь“. Къ такимъ защитникамъ южно-африканскихъ республикъ, какъ г. Н. Чечулинъ, вполне примѣнимы приведенныя выше замѣчанія г. Сенкевича о ненормальномъ направленіи гуманитарныхъ чувствъ въ сторону далекихъ обитателей Африки, когда у насъ подъ бокомъ существуютъ бѣдствія, неизмѣримо болѣе для насъ близкія и чувствительныя. По странной ироніи судьбы, вслѣдъ за статьею г. Н. Чечулина помѣщена въ томъ же номерѣ „Новаго Времени“ замѣтка, гдѣ говорится объ испытаніяхъ семи тысячъ русскихъ семей, вынужденныхъ искать пріюта вдали отъ родины, „въ новой, жестокой странѣ“,—въ Канадѣ. Вмѣсто того, чтобы распинаться за южно-африканскихъ бозровъ и негодовать на англичанъ, стремящихся лишить ихъ политической независимости, было бы проще и разумнѣе со стороны русскихъ патріотовъ направить свои помыслы къ тому, чтобы коренное русское населеніе

не выселялось въ далекіе края и переходило подъ власть именно Англіи, столь ненавистой г. Н. Чечулину... -

Въ Германіи господствовало сильное возбужденіе по поводу законопроекта, грозившаго подчинить особому полицейскому контролю значительныя отрасли искусства и литературы. Такъ-называемый „законъ Гейнце“ (lex Heinze) сдѣлался постояннымъ предметомъ газетныхъ толковъ, вызывалъ страстные протесты и споры въ общественныхъ собраніяхъ, давалъ обильную пищу юмористическимъ листкамъ и несомнѣнно способствовалъ оживленію многихъ засѣданій имперскаго сейма. Первоначальный проектъ, выработанный правительствомъ, не имѣлъ никакого отношенія къ художественнымъ и литературнымъ произведеніямъ, а направленъ былъ исключительно противъ извѣстныхъ категорій лицъ, занимающихся эксплуатаціею разврата въ видѣ ремесла; но въ послѣдствіи вліятельныя клерикально-консервативныя группы парламента позаботились внести въ проектъ дополнительные параграфы, относящіеся къ соблазнительнымъ изображеніямъ и описаніямъ, способнымъ вредно дѣйствовать на общественную нравственность. Усердные охранители добрыхъ нравовъ установили новую категорію весьма эластичныхъ и неопредѣленныхъ проступковъ, караемыхъ, однако, тюрьмою до одного года или денежнымъ штрафомъ въ размѣрѣ до тысячи марокъ,—причемъ примѣненіе закона къ отдѣльнымъ случаямъ неизбѣжно зависѣло бы отъ личныхъ взглядовъ исполнителей, т.-е. полицейскихъ агентовъ. Наиболѣе многочисленная въ парламентѣ партія центра упорно стояла за этотъ способъ охраны общественной морали отъ порнографіи въ разныхъ ея видахъ и формахъ; а такъ какъ содѣйствіе этой партіи необходимо для успѣха нѣкоторыхъ важныхъ мѣръ, интересующихъ правительство,—особенно проекта увеличенія флота,—то министры, съ самимъ канцлеромъ во главѣ, постепенно превратились въ защитниковъ новой цензуры, къ великому удивленію и неудовольствію публики. Извѣстнѣйшіе писатели, ученые и художники, въ томъ числѣ такіе, какъ профессоръ Моммзенъ, Зудерманъ и художникъ Менцель, выступили энергически противъ законопроекта, обращались лично къ князю Гогенлоэ и къ министрамъ, указывая на опасность стѣсненія художественнаго и литературнаго творчества подъ вліяніемъ узкой и произвольной полицейской мѣрки, относительно которой невозможны никакія точныя правила. Главный признакъ, указываемый закономъ, заключается въ „грубомъ нарушеніи чувства стыдливости, безъ прямого неприличія“; подъ этотъ признакъ подошли бы всѣ классическія статуи и многія знаменитыя картины, а также выдаю-

щіяся литературныя произведенія старыхъ и новыхъ временъ. Правительственные ораторы, вмѣстѣ съ дѣятелями консервативнаго большинства въ имперскомъ сеймѣ, упорно отвергали эти опасенія и комментаріи, ссылаясь на свои несомнѣнно хорошія намѣренія и на обычную добросовѣстность и толковость полицейскихъ чиновъ; при томъ случайныя ошибки и увлеченія всегда могутъ быть исправлены высшимъ начальствомъ или судомъ. Такого рода увѣренія и утѣшенія побудили даже сына канцлера, принца Александра Гогенлоэ, высказаться въ палатѣ противъ законопроекта. Либеральная оппозиція, при дѣятельномъ участіи социаль-демократовъ, вынуждена была прибѣгнуть къ систематической обструкціи, чтобы не допустить превращенія странной консервативной выдумки въ законъ. Послѣ долгихъ усилій меньшинства, цѣль эта была достигнута, и напумѣвшій законопроектъ сошелъ со сцены, подѣ напоромъ живого и единодушнаго общественнаго мнѣнія, играющаго въ концѣ концовъ рѣшающую роль въ законодательныхъ дѣлахъ Германіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1900.

- Проф. В. Ключевскій. Краткое пособие по русской исторіи. Частное изданіе только для слушателей автора. М. 1899.
- Лекціи по русской исторіи профессора С. Θ. Платонова, доктора русской исторіи, читанныя въ 1899—1900 учебномъ году въ Александровской Военно-Юридической Академіи, Импер. С.-Петербургскомъ университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Выпускъ 1-й. Издали на правахъ рукописи слушатели Александровской Военно-Юридической Академіи поручики Блинновъ и фонъ-Раупахъ. Спб. 1900.

Двѣ книжки сходны, даже однородны, по способу своего появленія. Два очень извѣстные и авторитетные профессора русской исторіи, въ Москвѣ и Петербургѣ, издають свои лекціи, дѣлая относительно своихъ курсовъ настойчивыя оговорки (или дѣлають оговорки издатели, по желанію профессоровъ): „Частное изданіе *только* для слушателей автора“, „Издали на *правахъ рукописи* слушатели“, и еще разъ въ началѣ текста: „изданіе конспективное“... Мы недоумѣваемъ, что означаетъ „только“ и „на правахъ рукописи“, когда отпечатанныя книжки поступаютъ въ книжный магазинъ: какія тогда „права рукописи“? Изданія „въ видѣ рукописи“ обыкновенно вовсе не идутъ въ продажу; а если изданіе идетъ въ обычный кругъ читателей, эти оговорки приобрѣтають смыслъ нѣсколько недоумѣнный,—именно, какъ бы смыслъ огражденія отъ критики.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе вещей довольно странное. Въ то время какъ, напримѣръ, профессора-юристы нисколько не затрудняются печатать свои курсы (назовемъ гг. Таганцева, Сергѣевича, Фойницкаго, Сергѣевского, Ефимова, Владимірскаго-Буданова и пр.), профессора филологическаго факультета чрезвычайно рѣдко слѣдуютъ этому примѣру,—почти никогда; хотя существуютъ иногда „литографированные курсы“,—но они почти не выходятъ за предѣлы аудиторій и обыкновенно столь неряшливо печатаются, что могутъ читаться только

студентами, подъ страхомъ экзамена. Почему курсы, читаемые сотнямъ студентовъ, полагаются неудобными для обыкновенныхъ читателей? У профессоровъ, самостоятельно изучающихъ предметъ, курсы бывають не простымъ повтореніемъ свѣдѣній учебника, но заключаютъ также собственные поиски ученаго и собственные выводы; лекторъ могъ бы справедливо затрудняться изданіемъ въ первое время своей дѣятельности, но когда курсы читаются цѣлыми десятиками лѣтъ, трудно представить себѣ мотивы воздержанія. Не всѣ части предмета могутъ быть равномерно обработаны,—но авторъ можетъ оговорить это въ предисловіи, и взаимныя другіе отдѣлы могутъ заключать нѣчто новое въ наукѣ; и въ особенности представляла бы большой интересъ цѣлая постановка вопроса, напр. историческій планъ. И это послѣднее было бы тѣмъ болѣе любопытно и важно, что наша историографія именно очень небогата подобными изслѣдованіями историческихъ принциповъ. Они считались нѣкогда основными вопросами, требовавшими рѣшенія,—какъ во времена споровъ между „западниками“ и „славянофилами“, — но рѣшались слишкомъ теоретически, даже метафизически. Въ настоящее время историографія ушла въ другую крайность—разработку частныхъ, рѣдко восходящую къ опредѣленію цѣлаго, или по крайней мѣрѣ къ опредѣленію широкихъ явленій и историческихъ періодовъ.

Оба названные профессора пользуются прочной извѣстностью по своимъ трудамъ и, кажется, могли бы смѣлѣе выступить съ своими историческими чтеніями.

Настоящая книжка г. Ключевского есть дѣйствительно „краткое пособие“. Не однажды авторъ прямо указываетъ на учебникъ Соловьева и только дѣлаетъ къ нему добавленія (какъ глава о реформахъ Петра В., стр. 123). Въ противность обыкновенному приему, авторъ даетъ гораздо больше мѣста древнему періоду (стр. 1—122) и крайне сжато говоритъ о временахъ съ Петра В. (стр. 123—154). О значеніи преобразованій Петра въ общемъ ходѣ нашей исторіи не говорится вовсе. Объ этой краткости надо пожалѣть тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ изложеніи есть много замѣчаній, которыя могли бы съ пользою войти въ учебныя книги: главный предметъ, на который обращено вниманіе автора, это—бытовыя экономическія отношенія,—хотя въ исторіи новѣйшей можно было бы говорить не объ однихъ окладныхъ и неокладныхъ сборахъ и управленіи.

Г. Платоновъ, кромѣ приведенныхъ выше замѣчаній о характерѣ изданія его лекцій, дѣлаетъ еще особую оговорку въ предисловіи. Соглашаясь, какъ онъ говоритъ, на „воспроизведеніе курса *типиграфскимъ способомъ*“ (т.-е. печатаніе), онъ замѣчаетъ: „1) что предполагаемый текстъ его лекцій составилъ постепенно изъ записей, сдѣ-

ланныхъ частію самимъ лекторомъ, частію его слушателями и слушательницами въ разное время и съ различною степенью подробности; 2) изложеніе курса не имѣетъ поэтому полной точности, цѣльности и законченности,—качества, какихъ можно было бы требовать отъ печатнаго курса; 3) онъ не имѣлъ возможности редактировать всѣ части курса для настоящаго ихъ изданія съ одинаковымъ вниманіемъ и тщательностью“.

Планъ изложенія здѣсь иной и болѣе подробный, чѣмъ у г. Ключевского. Г. Платоновъ начинаетъ объясненіемъ значенія исторической науки и затѣмъ даетъ обзоръ нашей исторіографіи въ древнѣйшій періодъ. Такъ сдѣлалъ нѣкогда Бестужевъ-Рюминъ, но онъ далъ хотя библиографически сухой, но полный обзоръ нашей исторіографіи, не только старыхъ памятниковъ, но и опытовъ научной постановки русской исторіи съ XVIII вѣка и до новѣйшаго времени. Г. Платоновъ ограничился собственно памятниками древняго до-Петровскаго періода, и научныхъ изслѣдованій касается лишь тамъ, гдѣ онѣ посвящались разысканію и изданію этихъ памятниковъ; т.-е. онъ даетъ перечисленіе основныхъ памятниковъ и исторію такъ называемой археографіи. Исторіи самой научной разработки предмета, историческихъ системъ и взглядовъ здѣсь нѣтъ—лишь кратко она намѣчена нѣсколькими именами; быть можетъ, болѣе подробныя указанія объ этомъ найдутъ мѣсто въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ, какъ отчасти это сдѣлано и въ настоящемъ первомъ выпускѣ.

Исторія археографіи у г. Платонова не есть, впрочемъ, одинъ сухой перечень памятниковъ; авторъ объясняетъ и ихъ содержаніе, и отношеніе къ нимъ людей позднѣйшаго времени. Какъ извѣстно, этой стариной въ послѣдствіи очень мало интересовались, даже ея пренебрегали,—вслѣдствіе чего много драгоцѣнныхъ памятниковъ погибло. Это пренебреженіе къ старинѣ господствовало даже въ томъ кругу, который особенно долженъ бы быть хранителемъ старины, въ кругу монастырскомъ. Г. Платоновъ передаетъ извѣстный рассказъ о томъ, какъ иноки новгородскаго Юрьева монастыря, готовясь встрѣчать новаго архіерея (это былъ знаменитый Евгеній Болховитиновъ, въ послѣдствіи митрополитъ кіевскій), торопились выбросить въ рѣку разный „хламъ“,—въ которомъ, однако, Евгеній успѣлъ спасти драгоцѣнные остатки письменности даже XI вѣка,—и дальше г. Платоновъ замѣчаетъ, что, однако, еще съ начала XVIII вѣка появлялись люди, сознательно относившіеся къ старинѣ. Далѣе, г. Платоновъ говоритъ, что самъ Петръ I собиралъ старинныя монеты, медали и другіе остатки старины по западно-европейскому обычаю, какъ необыкновенные и курьезные предметы, какъ своего рода „монстры“. Выраженіе крайне неудачное. Едва ли когда-нибудь Петръ приравнивалъ къ „монстрамъ“

(для нихъ было свое мѣсто) историческую старину. Самъ авторъ говоритъ вслѣдъ затѣмъ, что Петръ желалъ „вѣдать государства російскаго исторію“; онъ поручилъ составленіе такой исторіи одному тогдашнему ученому книжнику, но работой его остался недоволенъ; несмотря на неудачу, Петръ „до конца своего царствованія не оставлялъ мысли о полной русской исторіи“ и первый сталъ собирать лѣтописныя книги и историческіе документы. Это былъ первый опытъ, который и былъ въ сущности началомъ нашей научной исторіографіи. Неужели это можно считать собираніемъ „монстровъ“?

Въ самомъ историческомъ изложеніи авторъ, какъ и слѣдовало, предполагаетъ главные факты извѣстными и останавливается на объясненіи цѣлыхъ явленій, политическихъ и бытовыхъ условій, изъ которыхъ происходили историческое движеніе, успѣхъ или упадокъ. Но нѣкоторыя стороны событій остаются недостаточно объясненными, — напр. судьба южной Руси на переходѣ отъ древняго періода къ среднему; относительно татарскаго ига авторъ держится взгляда С. М. Соловьева, хотя противъ исключительности этого взгляда сдѣланы были возраженія, не лишенныя важности. Исторія внутреннихъ отношеній древней Руси доведена до начала XVI вѣка.

Изложеніе нѣсколько отрывочно, но книга во всякомъ случаѣ интересна; цѣлое ея значеніе опредѣлится, конечно, тогда, когда исторія будетъ закончена рассказомъ о послѣднихъ вѣкахъ древней Руси и потомъ о XVIII и XIX вѣкѣ. Не можемъ не повторить сожалѣнія, что извѣстные профессора столь важнаго предмета были до сихъ поръ такъ опасливы относительно обнародованія своихъ курсовъ. Если въ какомъ-либо вопросѣ они, быть можетъ, расходятся съ обычными взглядами, то надо имѣть мужество своего мнѣнія, и новая точка зрѣнія принесла бы наукѣ только пользу, вызывая новый пересмотръ недостаточно установленныхъ положеній.

— А. А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900.

Книга г. Папкова составила изъ статей, печатанныхъ имъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1897 — 99 года; тамъ же онъ писалъ о „древне-русскомъ приходѣ“, въ которомъ заключались, по его мнѣнію, первыя основы развивавшихся позднѣе церковныхъ братствъ. Работу свою г. Папковъ считаетъ только общимъ очеркомъ, такъ какъ въ общественныхъ и частныхъ архивахъ западной Россіи, Малороссіи и Галичины должны храниться многочисленные документы, еще не опубликованные и не разработанные исторически. „Этотъ матеріалъ, со-

бранный на мѣстѣ искусными руками, поможетъ будущему изслѣдователю обрисовать картину нашего церковно-общественнаго строя на западѣ и югѣ Россіи, вызывавшаго въ старию благотворную дѣятельность русскаго народа на пользу и просвѣщеніе ближняго... Учрежденіе *особыхъ кафедръ* въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для самостоятельнаго изученія одного изъ самыхъ свѣтлыхъ и культурныхъ явленій въ нашей прошлой церковно-общественной жизни, какимъ представляется братская дѣятельность,—безспорно можетъ благотворно повліять какъ на упорядоченіе въ дѣлѣ собранія указаннаго матеріала, такъ и на правильную и скорѣйшую его разработку“. Особыхъ кафедръ—едва ли не слишкомъ большая роскошь, когда высшія учебныя заведенія вообще не могутъ похвалиться широтой преподаванія.

Въ обширномъ введеніи авторъ излагаетъ положеніе православія и русской народности въ Литвѣ до XVII столѣтія, и затѣмъ подробно рассказываетъ исторію братствъ съ конца XVI вѣка до конца XVIII-го, до раздѣловъ Польши. Въ общихъ чертахъ эта исторія, состоявшая въ борьбѣ мѣстнаго православія съ католическою пропагандой и уніей, извѣстна и излагалась историками церкви; но болѣе обстоятельное изслѣдованіе безъ сомнѣнія нужно для объясненія нѣкоторыхъ сторонъ предмета. Авторъ сводитъ много документальныхъ показаній объ основаніи братствъ въ разныхъ мѣстахъ Бѣлороссіи и Малороссіи, о ихъ дѣятельности въ защиту православія, въ пользу церкви и т. д. Онъ даетъ слѣдующую картину этой церковно-общественной жизни:

„Широкое и дѣятельное участіе православныхъ мірянъ въ дѣлахъ своей церкви и сплоченность ихъ при отстаиваніи неприкосновенности ея передъ иновѣрными властями и недругами—слишкомъ извѣстные факты, хорошо обслѣдованные многими историками, касавшимися судебъ западно-русской церкви. Мы здѣсь только напомнимъ, что въ описываемую эпоху (XV—XVI вв.) міряне западной Россіи пользовались правомъ выбора епископовъ, священниковъ и прочихъ членовъ причта, вступали въ договорныя отношенія съ избранными священниками, снабжали свои церкви, а равно и причтъ, недвижимымъ и движимымъ имуществомъ, принимали сами, и черезъ посредство избраннаго ими церковнаго старосты, живѣйшее участіе въ церковно-хозяйственныхъ дѣлахъ своего приходскаго храма и занимались сообща дѣлами благотворенія и просвѣщенія. Такая дѣятельность мірянъ-прихожанъ, развивавшая въ нихъ гражданское самосознаніе, и живая связь ихъ со своими священнослужителями, довольно зажиточными, образованными и авторитетными, давали твердые устои для церковно-приходской жизни въ западной Россіи. Благодаря такой крѣпости прихода, страшная католическо-уніатская буря, разразившаяся надъ западно-русскими областями въ исходѣ XVI вѣка, про-

извела лишь нѣкоторыя опустошенія въ верхахъ зданія, но не могла повредить его основамъ, которыя, по счастью, остались цѣлыми и невредимыми. Эта же самостоятельность мірянъ-прихожанъ, проявленная ими въ общеніи со своими священниками, нашла себѣ подходящую организацію въ формѣ „братскаго союза“ (стр. LVI—LVII).

Остается, однако, невыясненнымъ, откуда возникло и какъ сложилось это широкое и дѣятельное участіе православныхъ мірянъ въ дѣлахъ своей церкви, ихъ „гражданское самосознаніе“, „самодѣятельность“, „организація“, ихъ просвѣтительныя стремленія, которыя выразились основаніемъ школъ, замѣчательныхъ для XVI вѣка, многочисленныхъ типографій и т. д. Авторъ полагаетъ, что западно-русскія церковныя братства находятся вообще въ связи съ древне-русскими „братчинами“,—и это весьма вѣроятно; но общей осталась какъ будто только простая зачаточная форма этихъ союзовъ или собраній, потому что въ восточной московской Россіи мы не находимъ никакого подобія тому широкому развитію „братствъ“, которое обнаружилось въ XVI—XVII вѣкахъ (и даже позднѣе) въ Руси южной и западной. Извѣстно, что особое поощреніе и авторитетъ эти „братства“ получили въ концѣ XVI вѣка отъ утвержденія восточныхъ патріарховъ, антиохійскаго Іоакима и константинопольскаго Іереміи, — когда западно-русская церковь была іерархически отдѣльна отъ московской, — но утвержденіе патріарховъ закрѣпляло уже возникшую раньше организацію, которая складывалась сама собою и безъ ихъ указаній и руководства. Гдѣ же источникъ дѣятельнаго движенія, котораго не давало ни старое преданіе братчинъ, ни вмѣшательство патріарховъ? Очевидно, что источникъ былъ въ самой мѣстной жизни.

Исторія юго-западной Руси въ ея внутреннемъ бытѣ временъ Литовскаго княжества и потомъ соединенія съ Польшей еще не довольно выяснена; мало извѣстно и состояніе ея книжное и образовательное. Только въ послѣднее время начинаетъ нѣсколько ближе раскрываться эта сторона ея жизни, которая имѣла съ XVI вѣка различныя воздѣйствія и на Москву. Русскій народъ былъ раздѣленъ; западная и южная его часть составили особое государство, — между двумя частями не было, повидимому, никакой ближайшей связи; но, прежде чѣмъ, по соединеніи Литвы съ Польшей, возобладали на югѣ и западѣ польскія и католическія вліянія, здѣсь господствовала русская жизнь, столь еще широкая и свободная, что въ самомъ началѣ XVI вѣка была возможна дѣятельность Франциска Скорины. Когда въ Москвѣ, съ паденіемъ удѣловъ и московскимъ царствомъ, падали вообще преданія мѣстной самобытности и водворялся гнетущій авторитетъ центра, — на западѣ эта самобытность еще сохранялась и вмѣстѣ съ нею развивались потребности просвѣщенія и общественной инициативы.

Эти стремленія повидимому еще усилились, когда въ Польшу и Литву достигли отголоски реформаціи. Протестантскія идеи находили послѣдователей и между русскими; но съ ними возростали и образовательные интересы, и когда явилась необходимость защиты самого православія, въ западно-русскомъ обществѣ началось замѣчательное движеніе, какого совсѣмъ не знала тогдашняя Москва: ревностная дѣятельность братствъ, основаніе школъ и типографій, библейскіе труды кн. Острожскаго. Еще раньше послѣднихъ, Курбскій начиналъ здѣсь свои труды, для которыхъ у него не было ни мысли, ни мѣста въ Москвѣ. Общественно-политическія условія при всемъ начинавшемся давленіи польскаго элемента, и особенно давленіи католическо-іезуитскомъ, еще оставляли возможность самостоятельной инициативы русскаго общества, среди котораго были пока вліятельные и богатые магнаты; съ другой стороны школа доставляла уровень понятій, не существовавшій въ Москвѣ. Извѣстно, что когда впослѣдствіи западные и южные русскіе ученые попадали въ Москву, къ нимъ долго относились съ великимъ недоувѣріемъ: у нихъ подозрѣвали латинство, мелкія обрядовыя отличія принимали за искаженіе православія,—и не сознавали, что одна школа, которую проходили эти „литовскіе“ люди, могла дать ихъ понятіямъ другой тонъ, литературный складъ и иные обычаи. На дѣлѣ, между московскими и литовскими людьми лежало нѣсколько вѣковъ раздѣльной исторіи, и даже мимо польскихъ вліяній, усиленно дѣйствовавшихъ только въ послѣдніе вѣка, должны были сказаться и сказались варіаціи этнографическія и бытовыя. Въ западной Руси,—какъ утверждаютъ, изъ древней общерусской братчины,—развились церковныя братства, какихъ въ этомъ видѣ и объемѣ восточная Русь никогда не знала: такимъ образомъ, отличія западной Руси состояли не только въ польскихъ вліяніяхъ и примѣсахъ.

Другой историческій интересъ западно-русскихъ братствъ, мало или совсѣмъ не затронутый ихъ историкомъ, заключался въ слѣдующемъ. У многихъ нашихъ историковъ сложилось представленіе о южно-русскомъ козачествѣ, какъ о простомъ анархическомъ сборищѣ, единственнымъ дѣломъ котораго было разбойничество. Русскіе историки могли приобрѣсти и сохранить это враждебное впечатлѣніе отъ роли козачества въ Смутное время; и даже малороссійскій историкъ Кулишъ, въ послѣднемъ поворотѣ его идей, такимъ же образомъ говорилъ о козачествѣ, выставляя, наоборотъ, культурный характеръ польскаго панства. Враждебныя впечатлѣнія могли имѣть свое историческое основаніе; но ими не можетъ быть исчерпано все значеніе козачества. Анархическія движенія не могли отличать всего малорусскаго народа, а съ другой стороны онѣ совершались и въ средѣ самого

народа московскаго, и историки стараются теперь объяснить ихъ происхожденіе изъ бытовыхъ условій времени, которыя были или казались для массы безвыходными. Но какъ забыть въ исторіи козачества ту сторону его судьбы, гдѣ оно дѣйствительно было въ теченіе вѣковъ передовымъ бойцомъ русской народности противъ крымской орды и противъ Польши, въ чемъ оно само считало славу своего „рыцарства“? Эта исторія оставила свою память въ знаменитыхъ „думахъ“, представляющихъ одно изъ лучшихъ созданій всей славянской народной поэзіи. Несправедливо забыть и ту долю, которая принадлежить, между прочимъ, именно запорожскому козачеству въ нравственныхъ интересахъ малорусскаго народа: оно принимало участіе и въ исторіи церковныхъ братствъ.

Наконецъ, характерную черту въ судьбѣ западно-русскихъ братствъ составляетъ послѣднее время ихъ существованія. Онѣ дожили, со всякими потерями, до конца польскаго владычества на югѣ и западѣ Россіи. Съ раздѣлами Польши, вошли въ составъ имперіи тѣ области, гдѣ еще наканунѣ „диссиденты“, т.-е. православное населеніе, должны были бороться за свои права противъ католичества и униі. Теперь, подъ русскою православною властью, онѣ, повидимому, должны были процвѣсть и окрѣпнуть; случилось обратное. Авторъ исторіи „Братствъ“ не останавливается долго на этомъ неожиданномъ явленіи и ограничивается слѣдующею справкою:

„Несмотря на козни враговъ,—говоритъ авторъ,—вся южная и западная Россія въ описываемую эпоху, благодаря этой общественной самодѣтельности, была буквально усыяна народными школами и богадѣльнями, учрежденными и содержимыми исключительно на народные средства. Историческая безпристрастность требуетъ, чтобы мы, въ заключеніе, привели вкратцѣ соображенія и указанія людей, занимавшихся историческою судьбою нашихъ церковныхъ братствъ, о причинѣ ихъ упадка, замѣчаемаго именно въ то время, когда юго-западная Россія, выйдя изъ многовѣковой неволи, была присоединена къ остальной Имперіи. Въ статьѣ прот. Лебединцева—„Братства“, помѣщенной въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1862 годъ, въ № 8-мъ, почтенный русскій дѣятель высказываетъ по сему предмету слѣдующія соображенія: „крѣпостное право съ его печальными принадлежностями и послѣдствіями было первой, но не единственной причиной упадка братствъ. Новый для присоединеннаго края порядокъ уѣзднаго управленія имѣлъ также въ этомъ дѣлѣ свою долю участія. Становые пристава, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всякое общее и частное судоразбирательство, начали преслѣдовать всѣ старинныя общинныя учрежденія и обычаи поселянъ, однимъ словомъ. все, что носило еще на себѣ какую-нибудь тѣнь общины, со-

бранія, самоуправленія и общественнаго суда: Братскій судъ тогда казался самоуправствомъ, своеволиемъ, братскія сходки—опасными собораніями, братскіе обѣды и сыченіе меду—бражничествомъ, корчемствомъ, наносившимъ ущербъ помѣщичьему скарбу, самое наблюденіе братства за чистотою нравовъ—угнетеніемъ слабой невинности. При этомъ новомъ порядкѣ, при такихъ новыхъ отношеніяхъ, что оставалось на долю уцѣлѣвшихъ братьевъ? Имъ почти нечего было дѣлать, да и не на что. Возможно было одно: присутствовать при богослуженіи съ собственными свѣчами, да устраивать братскіе обѣды въ храмовые и поминальные дни. До такого обнищалаго вида дошло наконецъ знаменитое нѣкогда учрежденіе братствъ! Въ заключеніе почтенный авторъ указываетъ, что возстановленіе братствъ не должно, да и не можетъ быть дѣломъ officialнаго распоряженія. Братства—это дѣло доброй воли и благочестивой рѣшимости, и они могутъ быть вызваны къ прежней жизни единственно совѣтомъ, разъясненіемъ, моральною и матеріальною поддержкою со стороны пастырей церкви. Этимъ единственно правильнымъ путемъ и должно пойти дѣло возстановленія нашихъ церковно-православныхъ братствъ, призванныхъ къ новому бытію закономъ 1864 года, который допустилъ, при учрежденіи братствъ, сохраненіе употреблявшихся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованій, правилъ и мѣстныхъ обычаевъ.—А. П.

— Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго. Спб. 1900.

„Книга эта назначается для того обширнаго круга читателей,—говоритъ г. Введенскій,—которые знакомы съ главнѣйшими произведеніями русской художественной литературы, но мало знакомы съ критикой, а также для людей, начинающихъ знакомиться съ литературой. Сообразно съ этимъ очерки постепенно, въ извѣстной послѣдовательности вводятъ читателя въ кругъ понятій и представленій, объясняющихъ великое значеніе литературы для личной и общественной жизни человѣка“. „Литературныя произведенія — *необходимыя* явленія умственной жизни даннаго общества или народа, подчиненныя точно опредѣленнымъ (?), хотя и трудно опредѣляемымъ (?) законамъ. Въ своей совокупности, составляя литературу общества или народа, они представляютъ картину послѣдовательнаго роста его общественного самосознанія“...

Задача—указать этотъ ростъ общественнаго самосознанія въ литературѣ, и по литературѣ, очень хорошая, полезная и привлекатель-

ная задача. Авторъ оговаривается, что взять эту задачу не сполна и остановится только на гениальнѣйшихъ представителяхъ русской литературы (Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Л. Толстой),—хотя и въ этомъ неполномъ объемѣ можно было бы поставить эту задачу; но вообще книга удовлетворяетъ насъ мало.

Отмѣтимъ, во-первыхъ, неясность, вовсе не желательную, если имѣть въ виду тотъ кругъ читателей, къ которому именно обращается авторъ. Въ какомъ смыслѣ литературныя произведенія суть *необходимыя* явленія умственной жизни; какіе „точно опредѣленные“ законы, которымъ онѣ подчинены и которые, однако, „трудно опредѣлить“ (кто же ихъ „точно опредѣлилъ“?),—вслѣдствіе чего онѣ представляютъ собою „послѣдовательный ростъ“? Съ точки зрѣнія какого-либо широкаго философскаго обобщенія можно, конечно, говорить о „необходимости“ литературныхъ, какъ и всякихъ иныхъ жизненныхъ явленій; но въ болѣе простомъ историческомъ пониманіи литературныя явленія „необходимы“ только въ смыслѣ ихъ зависимости отъ слагающихся такъ или иначе условій народной жизни. Новѣйшая русская литература, начатки которой принадлежатъ XVIII вѣку, въ *этомъ* характерѣ не могла существовать въ XVII столѣтіи: она была результатомъ, произведеніе реформы, и т. п. Появленіе могущественныхъ талантовъ, двигающихъ литературу, столь мало подчиняется „необходимости“, что мы не имѣемъ понятія о томъ, какъ они являются, почему являются въ одно время и совершенно отсутствуютъ въ другое. „Послѣдовательный ростъ“ также можетъ быть названъ послѣдовательнымъ только приблизительно: на первыхъ же страницахъ авторъ долженъ былъ указать, что такой крупный дѣятель, какъ Грибоѣдовъ, не имѣлъ никакой связи съ Пушкинымъ, и т. п.

Книга состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ о названныхъ выше писателяхъ. Очерки могутъ быть полезны для избраннаго авторомъ круга читателей, но основная цѣль—указать въ литературѣ развитіе „общественнаго самосознанія“, на нашъ взглядъ, достигается мало,—читатель долженъ открывать ее собственными трудами; а иногда авторъ и помѣшаетъ ему въ этомъ. Г. Введенскій хочетъ, кажется, оставаться независимымъ отъ болѣе или менѣе распространенныхъ взглядовъ, и его критическія замѣчанія иногда весьма неожиданны. Напримѣръ. „Неволью (?) становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ ли жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе Кольцова на народъ и на его жизнь *нѣкоторой опасностію* (!), создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи своего быта“. Такой вопросъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ никому не приходилъ въ голову. Авторъ успокоиваетъ читателя, — опять своеобраз-

нымъ аргументомъ. „Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это“,—говорить онъ.—„Если „горюющее“ о народѣ направленіе литературы было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова, то именно, что народъ русскій—не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, выдающій донинѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни, а потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокой и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи“ (стр. 81).

Какое „горюющее“ направленіе, и когда оно „претендовало“ на долговѣчность? Довольно странно, что вопросъ о состояніи русскаго народа авторъ считаетъ возможнымъ рѣшать по такому „классному“ способу—по стихамъ или прозѣ того или другого писателя. Какъ ни велико значеніе поэзіи, она не можетъ брать на себя подобныхъ рѣшеній: это—дѣло политической экономіи, статистики, наукъ государственныхъ, живого наблюденія специалистовъ.

Опять нѣсколько неожиданно замѣчаніе о „Ревизорѣ“: „Обыкновенно (?) первенствующее значеніе въ комедіи дается зрителями и читателями Хлестакову; онъ прежде всего привлекаетъ на себя вниманіе, все сосредоточивается около него. Но еще Гоголь самъ сказалъ, что Хлестаковъ совсѣмъ не главное лицо въ „Ревизорѣ“... Главное въ комедіи Гоголя—уѣздный чиновный міръ“, и т. д. (стр. 97). Открытіе—запоздалое лѣтъ на шестьдесятъ.

Авторъ хотѣлъ быть независимымъ отъ общераспространенныхъ взглядовъ и относительно „Выбранныхъ мѣстъ“ Гоголя. Сужденія о Гоголѣ вообще какъ-то странны. Гоголь—великій писатель; „будучи произведеніемъ чисто-русскимъ, „Мертвыя Души“, тѣмъ не менѣе, имѣютъ значеніе для всего человѣчества“; онъ были „великимъ актомъ общественнаго самосознанія“; „смирненно склонилась Русь (?) передъ приговоромъ Гоголя“, — но Гоголь былъ одностороненъ, видя только отрицательныя стороны русской жизни, и „глубокой русскій критикъ Аполлонъ Григорьевъ высказалъ убѣжденіе, что Гоголь, какъ малороссъ, не зналъ Великой Россіи“. Въ воззрѣніяхъ Гоголя „совершился переворотъ“, но авторъ защищаетъ и „Выбранныя мѣста“, написанныя вслѣдствіе этого переворота: современные критики не поняли этой книги,—написанной „подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, вызваннаго смертнымъ часомъ“, и не поняли, что Гоголь оставался тѣмъ же благороднымъ и гуманнымъ человѣкомъ. То, на что въ особен-

ности нападали въ книгѣ Гоголя, по мнѣнію автора, было совсѣмъ правильно и естественно. Объясненіе книги заключается въ томъ, что Гоголь, „поэтъ жизни дѣйствительной“, не является въ ней теоретикомъ, проповѣдникомъ новыхъ порядковъ жизни, а совѣтчикомъ, какъ жить при данныхъ порядкахъ. „Глубокій знатокъ“ даннаго состоянія общества, онъ давалъ свои совѣты и мнѣнія, какъ *при немъ*, при этомъ порядкѣ, жить и поступать“. Отсюда, стало быть, совѣты о „неумытыхъ рылахъ“, о понуканіи крестьянъ къ исполненію барщины посредствомъ евангелія и т. п. (стр. 100 — 111).

Не будемъ говорить о „смертномъ часѣ“, который приводится въ объясненіе появленія странной книги; но историку литературы слѣдовало бы знать, что книга заключаетъ въ себѣ письма къ друзьямъ за нѣсколько лѣтъ, писанныя обдуманно и неторопясь; что Гоголь, встрѣтивъ возраженія, самъ былъ ими смущенъ, потому что не могъ не признать ихъ правды, и самъ осудилъ свою книгу. Далѣе, относительно Гоголя то приводится мнѣніе „глубокаго критика“, что Гоголь не зналъ Великой Россіи, то онъ является „глубокимъ знаткомъ“ даннаго состоянія общества“, чѣмъ Гоголь не былъ.

О второй части „Мертвыхъ Душъ“, которая писалась въ тѣхъ же настроеніяхъ, какъ „Выбранныя мѣста“, авторъ отзывается отрицательно. Назвавъ разныхъ героевъ этой второй части, какъ Уленька, Костанжогло, генералъ-губернаторъ и пр., авторъ замѣчаетъ: „всѣ подобные персонажи (?)—образы безъ лицъ, не живыя созданія фантазіи, а мертвыя воплощенія теоретической придуманности“. Это справедливо, но авторъ напрасно исключаетъ изъ этихъ лицъ Тентетникова, который также есть лицо придуманное и неживое. Авторъ, напротивъ, придаетъ ему большое значеніе и не однажды къ нему возвращается, ставя его въ рядъ съ Онѣгинымъ и Печоринимъ. И въ позднѣйшее время — „Тургеневъ, Гончаровъ и другіе устремили свое вниманіе на практическую разгадку типическаго представителя новаго русскаго поколѣнія, того самаго, котораго изобразили Пушкинъ въ Онѣгинѣ, Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ Тентетниковѣ. Литература угадывала огромное значеніе этого типа въ русской жизни, потому что имъ опредѣлялось, чтó можетъ сдѣлать русская образованность для русской жизни“ (стр. 116, 298 и д.). Въ дѣйствительности, не только герой Гоголя не имѣетъ типической цѣнности, но и сопоставляемые съ нимъ авторомъ герои Пушкина и Лермонтова не имѣютъ того универсальнаго значенія, какое имъ авторъ приписываетъ. Онѣгинъ и Печоринъ—оба столь неясные, что позднѣйшіе читатели могли видѣть въ нихъ вовсе не какихъ-нибудь героевъ, а только паразитовъ, разновидности Обломова—были во всякомъ случаѣ только типы своего времени, даннаго состоянія общества. Литература позднѣйшая иногда

обращалась къ нимъ, даже имъ подражала, но подражаніе выходило только карриатурой (какъ у Авдѣева); но „лишніе люди“, которыхъ изображали, напр., Тургеневъ, были уже гораздо болѣе опредѣленны, и литература, въ концѣ концовъ, занималась вовсе не „разработкой“ этого типа, а просто расширяла кругъ своихъ наблюденій надъ русской дѣйствительностью. Въ литературѣ явилась цѣлая масса „типовъ“, о которыхъ совсѣмъ и не думали Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, разнообразныя представители различныхъ круговъ общества,—грубые или мнимо цивилизованные крѣпостники, помѣщики и купцы самодуры, „господа ташкентцы“, рядомъ съ ними молодые мечтатели и энтузіасты, „народники“, лица изъ міра чиновническаго, мелкаго и крупнаго, міра купеческаго, наконецъ многочисленныя изображенія людей изъ самого народа,—такъ что образовались въ концѣ концовъ настоящія литературныя специальности: писатели „изъ народнаго быта“, купеческаго, чиновничьяго, свѣтскаго и т. д. Настоящій успѣхъ и развитіе литературы заключались вовсе не въ томъ, что литература носилась съ давнимъ типомъ Онѣгина и пр., какъ утверждаетъ г. Введенскій: „дальнѣйшей задачей русской литературы по отношенію къ этому типу сдѣлалось долгое детальное изученіе типа“ и пр. (стр. 302);—напротивъ, литература раздвинула цѣлый горизонтъ наблюденія, и именно далеко за предѣлы этихъ старыхъ типовъ: уже Тургеневъ, Гончаровъ вносили въ литературу много новаго содержанія, а затѣмъ Достоевскій, а еще болѣе Салтыковъ, наконецъ гр. Л. Н. Толстой, давали въ своихъ произведеніяхъ,—съ совсѣмъ разныхъ точекъ зрѣнія,—картины жизни и нравственныя настроенія, раньше *невѣдомыя* въ русской литературѣ. Въ *этомъ* и была служба литературы нашему общественному самосознанію,—и *этого* почти не замѣтилъ г. Введенскій.—Д.

Въ теченіе марта, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Э. В.—Вселенная. Популярно-астрономическій очеркъ. Съ 29 рис. и 2 картинами звѣзднаго неба. Спб. 900. Ц. 50 к.

А. таевъ, А.—Юноша-поэтъ. Жизнь С. Я. Надсона. Спб. 99. Ц. 50 к.

Алферовъ, А., и Грузинскій, А.—Сборникъ вопросовъ изъ исторіи русской литературы. Курсъ средней школы. М. 900. Ц. 25 к.

Ахелисъ, Г.—Современное народовѣдѣніе. Съ нѣм. О. Калелюшъ. Спб. 900. Ц. 1 р. 25 к.

Базенъ, Ренэ.—Умирающая земля. Ром. съ франц. п. р. Е. Смирнова. Спб. 900. Ц. 50 к.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 14-ая. Спб. 909. Ц. 2 р. 50 к.

Барсуковъ, Александръ.—Письма къ гр. П. А. Румянцову отъ его родителей. 1745—1768 гг. Спб. 900.

— Письма Филарета, впослѣдствіи епископа черниговскаго и нѣжинскаго къ Н. Н. Шереметевой. 1835—1849 гг. Спб. 900.

Батуевъ, Н.—Простые способы сухой перегонки дерева. Практическое руководство для хозяевъ-лѣсовладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ и лѣсныхъ чиновъ. Съ рис. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Благовидовъ, Ѳ. В.—Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX стол. 2-ое перераб. изд. Каз. 900. Ц. 2 р.

Брандесъ, Г.—Литература XIX вѣка въ ея теченіяхъ. Нѣмецкая литература. Съ нѣм. Б. Порозовской и В. Писаревой. Спб. 900. Ц. 1 р.

Бумартцъ, И.—Почтово-голубинный спортъ. Полное руководство къ разведенію и дрессировкѣ почтовыхъ голубей для разводчиковъ и любителей-почтарей. Съ 8 табл. раскраш. и 40 черн. рис. Перев. Я. Ѳ. Калининскаго. Спб. 900. Ц. 1 р. 80 к.

Введенскій, Арс. Ив.—Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Юрій.—Литературные очерки. М. 900. Ц. 2 р.

Вичуру, Л.—Рабочіе союзы въ С.-Америкѣ. Съ предисловіемъ Поля де-Рузье. Перев. А. Серебряковой. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Вересаевъ, В.—Конецъ Андрея Ивановича. Пов. Спб. 900. Ц. 50 к.

Гауттманъ, Г.—Драматическія произведенія. Перев. п. р. К. Бальмонта. М. 900. Ц. 1 р. 80 к.

Глаголевъ, С.—Религія и наука, въ ихъ взаимоотношеніи къ наступающему XX столѣтію. Св.-Троицк. Серг. Лавра. 900. Ц. 50 к.

Годлевскій, С. Ф.—Смерть Неводина и его скитанія по Сибири. Спб. 900. Ц. 1 р.

Головачевскій, С.—Стихотворенія. М. 900. Ц. 80 к.

Горскій-Платоновъ, П.—Голосъ стараго профессора по дѣлу проф. А. В. Лебедева съ покойн. проф. о. протоіер. А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ, съ приложеніемъ статьи: „Изъ наблюденій стараго профессора“. М. 900. Ц. 1 р. 25 к.

Графъ, Артуръ.—Софизмы Льва Толстого по отношенію къ искусству и критикѣ. Съ итальян. К. Гивенко. Кіевъ, 900. Ц. 20 к.

Гриммъ, Д.—Основы ученія о юридической сдѣлкѣ въ современной нѣмецкой доктринѣ пандектнаго права. Прологомены къ общей теоріи гражданскаго права. Т. I. Спб. 900. Ц. 2 руб.

Гюйаръ, Эт.—Исторія міра. Съ франц. Л. Шейнисъ. Съ 101 рис. Спб. 900. Ц. 1 р.

Давыдовъ, І.—Что же такое экономическій матеріализмъ? Критико-методологическій очеркъ. Харьк. 900. Ц. 80 к.

Дворниченко, С. П.—Практическій пособникъ при судебно-химическомъ исследованіи ядовъ. Для врачей, студентовъ и фармацевтовъ. Харьковъ. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Де-Амичисъ, Эдм.—Экипажъ для всѣхъ. Съ итальян. Е. Колтоновской. Спб. 900. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, М. Н.—Дома трудолюбія. Спб. 900. Ц. 1 р.

Доманевскій, С.—Рациональныя основанія взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ. Житомиръ, 900.

Дюкурэ, Г.—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени.

Т. П. Съ франц. А. Позенъ, п. р. Д. Коропчевскаго. Съ рис. М. 900. Ц. 1 р. 50 коп.

Жилинскій, І. И., ген.-лейт.—Очеркъ работъ западной экспедиціи по осушенію болотъ. 1873—1898 гг. Съ „Приложеніями къ очерку работъ“ и съ „Атласомъ“, изъ 77 листовъ. Спб. 99.

Жиркевичъ, А. В.—Картанки дѣтства. Поэма. Изд. 2-ое. Вильно, 900. Ц. 1 р. 25 к.

Заторскій, С.—Нашла коса на камень. Разсказъ. Спб. 99. Ц. 25.

Ивсенъ, Г.—Когда мы, мертвые, проснемся. Съ норвеж. Ю. Бальтрумай-мисъ и С. Поляковъ. М. 900. Ц. 50 к.

Картевъ, Н.—Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 900. Ц. 50 к.

Кичуновъ, К. А.—Охрана садовъ и огородовъ отъ насѣкомыхъ и болѣзней. Харьк. 900. Ц. 30 к.

Клейнъ.—Астрономическіе вечера. Съ пѣм., п. р. К. Пятницкаго. Съ дополненіями, 32 таблицы, 60 портрет., и до 300 иллюстрацій, картъ звѣзднаго неба и т. д. Спб. 900. № 1 „Общедоступной научной Библіотеки“.

Колышко, І.—Маленькія мысли. 1898—99 гг. Спб. 900. Ц. 2 р.

Косоротовъ, А. И.—Забитая калитка. Разсказъ. Вавилонское столпотвореніе, исторія одной гимназій. Спб. 900. Ц. 1 р.

Крашевскій, І.—Германскіе грѣхъ. Романъ. „Библіотека Сѣвера“, т. II. Ц. за 10 т. 4 р. безъ перепл.

Крюковъ, Н. А.—Норвегія. Сельское хозяйство въ Норвегін, въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Спб. 99. Изд. Мин. землед. и государственныхъ имуществъ.

Кузь, В.—Утки, и какъ сдѣлать уткуводство доходнымъ. Перев. П. Абозина. Спб. 900. Ц. 50 к.

Литвиновъ-Фалинскій, В. П.—Отвѣтственность предпринимателей за увѣче и смерть рабочихъ, по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Изд. 2-ое. Спб. 900. Ц. 3 р.

— Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 900. Ц. 3 р.

Лишинъ, Н. А.—Противопожарныя мѣры въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ. Одесса, 900. Ц. 50 к.

Лобановъ, Д. Д.—Губерніи и уѣзды. Калуга. 900.

Лукевичъ, В.—Среди животныхъ и растений. Очеркъ изъ жизни животныхъ и растений. Съ 99 рис. Спб. 900. Ц. 75 к.

Москаль, М.—Возрожденіе или упадокъ? Критическій этюдъ по поводу романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресеніе“. М. 900. Ц. 60 к.

Нефедовъ, В. Д.—Сочиненія, т. IV. Спб. 900. Ц. 1 р.

Никольскій, А. М.—Лѣтнія поѣздки натуралиста. Спб. 900. Ц. 2 р.

Новицкій, В. О.—Военные очерки Индіи. Спб. 99. Ц. 40 к.

Обручевъ, В. А.—Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-Шань. Отчетъ о путешествіи 1892—94 гг. Т. I. Съ 8 карт., 39 фототип. и 112 фиг. Спб. 900.

Орловскій, С.—Художникъ Александръ Андреевичъ Ивановъ. Біографическій очеркъ. Спб. 900. Ц. 40 к.

Павленковъ, Ф.—Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ по „Энциклопедическому Словарю“, Ф. Павленкова. Спб. 900. Ц. 1 р.

Планкзъ, М.—Лекція по термодинамикѣ. Съ нѣм. В. Кашехининова, п. р. проф. И. Боргмана. Спб. 900. Ц. 2 р. 40 к.

Путникъ (Н. Лендоръ).—Черное море и Кавказъ. Очерки южнаго моря и юга Россіи. Волжскія картинки. Спб. 900.

Пытинъ, А. Н.—Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-ье, съ дополненіями. Спб. 900. Ц. 3 руб.

Пытуховъ, Е. В.—Каедрa русскаго языка и словесности въ юрьевскомъ (дерптскомъ) университетѣ. Юрьель, 900.

Ревекскій, Г.—О выборѣ системъ отопленія и вентиляціи. М. 900. Ц. 30 к.

Сергеевскій, Н. Д.—Русское Уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 4-ое. Спб. 900. Ц. 2 р.

Сизеронъ, Роб.—Рёскинъ и религія красоты. Съ портр. Дж. Рёскина. Съ франц. Т. Богдановичъ. Спб. 900. Ц. 80 к.

Смирновъ, Е. Т.—Пріамурскій край на амурско-приморской выставкѣ 1899 въ г. Хабаровскѣ. Хабар., 99.

Соттири, С. Ю.—Экономическая программа тульского губернскаго земства. Тула, 900.

Степовичъ, А. Г.—Изъ Пушкинской юбилейной литературы у славянъ. Кіевъ, 900.

Сутерландъ, А.—Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Съ англ. Н. Канчевской. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Тихомировъ, Д.—Объ основахъ и организаціи средней школы. Спб. 900. Ц. 85 к.

Толстой, гр. А. К.—Проектъ постановки на сцену трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“. Спб. Ц. 50 к.

——— Упырь. Разсказъ. Съ предисловіемъ Вл. Соловьева. Спб. 900. Ц. 1 р.

Томпсонъ, Сильванусъ.—Свѣтъ видимый и невидимый. Съ англ. В. Чапинскій. Съ 150 рис. Спб. 900. Ц. 60 к.

Томъ, Ф.—Нравственность и воспитаніе. Съ франц. Е. Леонтьевой. Спб. 900. Ц. 30 к.

Тютчевъ, Ф. Ф.—На границѣ. Повѣсти и разсказы. М. 900. Ц. 1 р.

Уоллеса, А. Р.—Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги XIX-го столѣтія. Перев. А. Лакіера. Съ приложеніемъ статьи В. Зембарта: „Соціализмъ—соціальное движеніе въ XIX-мъ вѣкѣ“, перев. А. Раппопорта. Спб. 900. Ц. 1 р. 25 к.

Урусовъ, кн. Сергій.—Породы рабочихъ лошадей. Холоднокровныя расы. Спб. 900. Ц. 1 р.

Уэббъ, С. и Б.—Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Съ англ. Р. Папернъ. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Фаресовъ, А. И.—Мои мужики. Очерки и разсказы. Спб. 900. Ц. 1 р.

——— Тертій Ивановичъ Филипповъ. Спб. 900. Ц. 30 к.

Фейнинъ, Ф., д-ръ мед.—Въ чемъ должна заключаться задача образованія?—Каковыми должны быть въ учебныхъ заведеніяхъ способъ преподаванія и преподаватели?—Нуженъ ли латинскій языкъ для изучающихъ врачебныя науки? Спб. 900. Ц. 40 к.

Фламмаріонъ, Кам.—Атмосфера. Общепонятная метеорологія. Полное описаніе воздушныхъ явленій на земномъ шарѣ. Съ франц. Е. Предтеченскаго и Д. Корончевскаго. Съ 11 картинками, 1 картою и болѣе 300 рис. Спб. 900. Ц. 3 р. 50 к.

Фулс, Альфр.—Свобода и необходимость. Перев. П. Николаева. М. 900. Ц. 2 р.

Харламовъ, В., архит.—Проекты: Двѣ кузницы; Жилой домъ въ усадьбѣ; Усадьбныя постройки. Спб. 900. Ц. 75 к.

— Проекты: Домъ съ усадьбными постройками; Постройка усадьбнаго двора. Спб. 900. Ц. 50 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Братскій курсъ физики для медиковъ, естественниковъ и техникувъ. Ч. I, II и III. Съ 242, 166 и 307 рис. въ текстѣ. Спб. 900. Ц. по 2 р. 50 к. каждый томъ.

Цюлковскій, К.—Давленіе воздуха на поверхности, введенныя въ искусственный воздушный потокъ. Одесса, 900.

Челызовъ, М. П.—Церковь королевства Сербскаго, со времени приобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896 гг.). Историко-каноническій очеркъ. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Шахрай, Л. М.—Русское слово еврейскимъ дѣтямъ. Ч. I. Ц. 30 к. Ч. II. Ц. 60 к. Одесса, 900.

Шпелевичъ, Л.—„Фаустъ“ Гёте. Опытъ характеристики. Спб. 900. Ц. 30 к.

Шохоръ-Троцкий, С. И.—Методика Ариметики. Ч. I: Для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Ч. II: Для учителей учебныхъ заведеній, съ полнымъ курсомъ ариметики. М. 900. Ц. 80 к. и 2 р.

— Ариметическій Задачникъ для учителей. Вып. II: Для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариметики. М. 900. Ц. 75 к.

Янжулъ, П. И.—Милліоны и что съ ними надо дѣлать. Филантропическій плавъ американскаго милліонера. М. 99. Ц. 20 к.

Эвансъ, Э. И.—Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Съ англ. Е. Орловъ. Спб. 99. Ц. 75 к.

Этемардтъ, М. А.—Прогрессъ, какъ Эволюція жестокости. Спб. 99. Ц. 75 к.

Du Sorbiers de la Tourrasse.—La Horde d'Or. Drame héroïque en 4 actes. Par. 900.

Oldgentleman (А. В. Амфитеатровъ).—Столичная Бездна. Этюды, Листки. Типы и Картинки. 1892—99 гг. Спб. 900. Ц. 2 р.

Pisma Zygmunta Krasińskiego. Т. I. Варшава, 900.

Waliszewski, K.—Littérature russe. Par. 900. Ц. 5 фр.

— Биографическая Библіотека Ф. Павленкова: 1) А. Н. Островскій, его жизнь и литературная дѣятельность. И. И. Иванова. Спб. 900. Ц. 25 к.—2) Р. Вирховъ, его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Ю. Г. Малиса. Спб. 99. Ц. 25 к.

— Библіотека „Дѣтскаго чтенія“: 1) Дочь солнца, истор. пов. А. Сивовой. М. 900. Ц. 25 к.—2) „Зеленый охотникъ“, Ребинъ Гудъ. Съ англ. Л. Спицыной. М. 900. Ц. 20 к.—3) Разсказы изъ русской исторіи, М. Ремезова, М. 900. Ц. 20 к.—4) На охотѣ, разск. К. Комлева. М. 900. Ц. 30 к.—5) Маленькіе герои, разск. А. Рождественской. М. 900. Ц. 35 к.—6) Авдотья Рязаночка, разск. А. Ѳедорова-Давыдова; М. 900. Ц. 3 к.—7) Въ снѣгахъ, разсказы К. Комлева. М. 900. Ц. 50 к.—8) По Уралу, разск. Д. Мамина-Сибиряка. М. 900. Ц. 50 к.—9) Мысвакинъ Хурда-Мурда, пов. В. Немировича-Данченко. М. 900. Ц. 45 к.—10) Оелька-Рудоконъ, пов. В. Немировича-Данченко. М. 900. Ц. 50 к.—11) На жизненномъ пути, пов. Клавдіи Лукашевичъ. М. 900. Ц. 1 р.—

12) Правда и кривда. Царевна-отгадчица. Двѣ сказки Е. Н. Тихомировой. М. 900. Ц. 3 к.—13) Сказка о Горѣ-Злосчастіи. Загадка и сказка. Ея же. М. 900. Ц. 3 к.—14) Княжна Крупавичка; про Паука-слизгирия; Самая большая ложка. Сказка. А. Ѳедорова-Давыдова. М. 900. По 3 к.

— Библіотека нашихъ дѣтей: 1) Бернетъ, Ф., Маленькая подвижница и Два дня изъ жизни Пичино. 2) Кругловъ, А., Приключенія Мишки Топтыгина. 3) Эркманъ-Шатрианъ, Два брата. 4) Карасевичъ, С., Какъ солнце, луна и звѣзды поспорили. 5) Балабановъ, Е., Кавказскія воспоминанія. 6) Додэ, А., Тартарентъ изъ Тараскона. 7) Бернетъ, Ф., Сара Кру и Воръ Эдиен. 8) Его же, Маленькій лордъ Фаунтльбой. Спб. 99.

— Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. П. р. С. Н. Южакова. Т. I, вып. 3—4. Ц. 1 р. Всего 200 выпусковъ, по 50 коп., или 20 томовъ, въ переплетѣ, по 6 р. Спб. 99.

— Вологжане-писатели. Матеріалъ для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губерніи. Вол. 900.

— Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежской губ. лѣтомъ 1899 г. Ворон. 900.

— Иллюстрированная Сказочная Библіотека Ф. Павленкова: № 98. Японскія сказки, В. Порозовской. Ц. 10 к.—№ 99. Тоже, ц. 15 к.—№ 100. Тоже, ц. 10 к.—№ 101. Арабскія сказки, ц. 15 к.—№ 102. Тоже, ц. 20 к.—№ 103. Тоже, ц. 15 к.—№ 104. Тоже, ц. 20 к.

— Задачи Россіи въ Средней Азіи, въ связи съ вопросомъ о проведеніи средне-азиатской желѣзной дороги. Спб. 900. Ц. 40 к.

— Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и для публичныхъ народныхъ чтеній (официальный). Спб. 99.

— Книга раздумій. 1) К. Бальмонтъ. 2) В. Брюсовъ. 3) М. Дурновъ. 4) Ив. Конеvскій. Спб. 99.

— Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Статистическіе результаты процентнаго и раскладочнаго сборовъ за 96, 97 и 98 годы. Спб. 900. Изд. мин. финансовъ.

— Народное Хозяйство. Научно-общественный журналъ, кн. 3, 1900 г., п. р. проф. Л. В. Ходскаго. Выход. ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа. Цѣна за годъ 10 руб.

— Научно-популярная Библіотека для народа: № 7. Бичи земли и чудеса природы, В. Лункевичъ. Ц. 16 к.—№ 12. Жилища и постройки животныхъ, его же. Ц. 16 к.—№ 13. Семейная жизнь животныхъ его же. Ц. 15 к.—№ 14. Общественная жизнь животныхъ, его же. Ц. 12 к.—№ 16. Обезьяны, его же. Ц. 15 к.—№ 17. Пчелы, осы и термиты, его же.—№ 18. Вода, его же. Ц. 28 к.—№ 19. Подводное царство, его же. Ц. 20 к.—№ 20. Воздухъ, его же. Ц. 15 к.—№ 21. Стенъ и пустыня, его же. Ц. 18 к.—№ 22. Тайга и тундра, его же. Ц. 14 к.—№ 23. Среди свѣговъ и вѣчнаго льда, его же, съ 41 рис. Ц. 24 к. Спб. 900.

— Нижегородскій край. 1900-й годъ. Ц. 1 р.

— Первое дополненіе къ программамъ для народныхъ училищъ спб. Учебнаго округа, 3-го изд. 1896 г. Спб. 99.

— Популярно-юридическая Библіотека Ф. Павленкова: № 6. Личный вземъ и служба, Я. В. Абрамова. Спб. 99.—№ 8. Бракъ и семья, его же. Спб. 900. Ц. каждой книжки 25 к.

— Почтово-телеграфная статистика за 1898 годъ, съ краткимъ обзоромъ

дѣятельности за тотъ же годъ. Изданіе Главн. Управл. почтъ и телеграфовъ. Спб. 900.

— Сборникъ Консульскихъ донесеній. Годъ III. Вып. II. 1900 г. Спб. 900.

— Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи, за 1897—98 гг. Спб. 900. Изд. деп. торг. и мануфактуръ.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1899 г. М. 900.

— Труды Комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Подъ ред. М. Н. Нижегородцева. Вып. IV. Спб. 900. Ц. 25 к.

— Учительская Библіотека: 1) Наши тайные друзья и враги, бактериологическіе очерки, П. Фаредя Франкланда. Съ англ. Д. Корочевского. М. 900. Ц. 30 к.—2) Основныя понятія о правовѣдѣніи. Элементарный очеркъ. В. А. Гольцева. М. 900. Ц. 15 к.

— Финляндія. Обзоръ періодической печати. Спб. 900. Январь — Февраль 1900 года.

— Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина. 1799—1899 гг. Харьк. 900. Ц. 2 р. 50 к.

— Энциклопедическій Словарь. Изд. Брокгауза-Ефрона. Т. XXVIII, А. Саварин-Сахаровъ. Спб. 900. Ц. 3 р.

— Этико-художественная Библіотека: № 10. Надо торопиться, разск. К. Златовратскаго. М. 900. Ц. 15 к. — № 11. Евангеліе въ исторіи, проф. М. Н. Петрова. М. 900. Ц. 15 к.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ г. Н. ГУТЬЯРА:

„И. С. ТУРГЕНЕВЪ И А. А. ФЕТА“¹⁾.

М. Г. Позвольте мнѣ, какъ близкому родственнику и наслѣднику литературныхъ правъ покойнаго моего дяди, А. А. Фета-Шеншина, а также родственнику и нашего знаменитаго романиста, И. С. Тургенева²⁾, надѣяться, что вы, по свойственному „Вѣстнику Европы“, безпристрастію въ дѣлахъ чисто-литературныхъ, дозволите мнѣ, человеку всецѣло принадлежащему къ другому, чѣмъ вашъ уважаемый журналъ, литературному лагерю, помѣстить на тѣхъ же страницахъ, гдѣ напечатана и статья г. Н. Гутьяра, мои настоящія строки,—въ дѣлахъ разъясненія нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся въ эту статью, и опроверженія нѣкоторыхъ выводовъ автора, которые я нахожу невѣрными³⁾.

I.

Прежде всего, невѣрно утвержденіе г. Гутьяра, что мать Аѳанасія Аѳанасьевича Фета была нѣмка *еврейскаго* происхожденія. Вся семья покойной Шарлотты Карловны (Елизаветы Петровны,—послѣ присоединенія къ православію)—была и есть *чисто нѣмецкая*, безъ всякой примѣси еврейства. Говорю это какъ родственникъ, хорошо знавшій (по рассказамъ моихъ родителей) и Шарлотту Карловну, и многихъ ея родичей (лично).

Это, конечно, пустяки, и рѣшительно все равно, была ли еврейская кровь въ жилахъ матери Фета, или ея не было, но я считаю долгомъ исправить эту „ошибку“, которая, по странной случайности, фигурируетъ почти во всѣхъ статьяхъ о моемъ дядѣ, А. А. Фетѣ, появляющихся на страницахъ именно тѣхъ изданій, которыя, вообще,

¹⁾ См. „Вѣст. Европы“, 1899 г., № 11, стр. 314—336.

²⁾ Отецъ А. А. Фета, Аѳанасій Неофитовичъ, былъ роднымъ братомъ моей бабушки, по отцу, Анны Неофитовны, урожденной Шеншиной, а И. С. Тургеневу—я прихожусь троюроднымъ племянникомъ, по родству съ Лутовиновымъ и Шеншинимъ.

³⁾ Считаю долгомъ дать мѣсто возраженіямъ автора, безъ всякихъ замѣчаній съ нашей стороны, и относительно того, что сказано авторомъ о другомъ его родственникѣ, о покойномъ И. С. Тургеневѣ, сохраняю за собою право высказаться въ слѣдующей книжкѣ журнала.—Ред.

къ еврейству относятся сочувственно и принадлежность къ нему далеко не считаютъ за что-то унизительное и нехорошее... ¹⁾

Между тѣмъ, повторяю, именно въ этихъ-то изданіяхъ, принадлежащихъ къ нашему, такъ называемому, либеральному лагерю, и называется всегда на якобы еврейское происхождение А. А. Фета, и, въ связи съ этимъ происхожденіемъ, выставляется какая-то особенная „практичность“ покойнаго.

Объ этой послѣдней тоже позволю себѣ сказать нѣсколько словъ,— благо и въ статьѣ г. Гутьера ей удѣлено не мало мѣста.

Былъ ли Фетъ „практиченъ“, — въ смыслѣ близкомъ къ кулачеству,—на что есть намеки въ любомъ разсужденіи объ имущественныхъ дѣлахъ дяди?

Доказывать—что не былъ,—довольно трудно, особенно для меня, его близкаго родственника и наслѣдника: скажутъ, во мнѣ говорить родственное чувство, благодарность къ щедрому наслѣдодателю и т. п.

Но укажу на нѣкоторые факты, которые, надѣюсь, подтвердятъ многіе изъ оставшихся въ живыхъ друзей и пріятелей покойнаго.

Послѣ А. А. Фета и его, нынѣ тоже покойной, жены, Маріи Петровны, рожденной Боткиной, осталось въ недвижимой собственности и деньгахъ, всего около 700—800 тысячъ (не считая литературнаго заработка дяди, тоже очень значительнаго). Состояніе, какъ видите, порядочное.

Какъ же жили покойные дядя и тетка мои и въ Москвѣ, на Плющихѣ, и въ деревнѣ (Воробьевкѣ)?

Они жили вполнѣ прилично, но вовсе не роскошно, и дядя часто жаловался „на трудныя времена“.

Это была не фраза, ибо онъ получалъ, дѣйствительно, не много дохода, сравнительно съ своимъ состояніемъ. Происходило это, главнымъ образомъ, отъ того, что всѣ его деньги и бумаги лежали въ конторѣ Боткиныхъ и давали очень мало; онъ же *никогда не заботился о помѣщеніи ихъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ*; имѣнія же его, въ трехъ губерніяхъ,—орловской, курской, воронежской,—по большей части, сдавались въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ на такихъ льготныхъ условіяхъ, такъ дешево, что мы всѣ, близкіе къ нему, не разъ говорили, что это не „аренда“,—въ смыслѣ полученія пользы помѣщикомъ отъ своей земли,—а аренда,—въ смыслѣ пожалованія извѣстнаго дохода, предоставляемая нѣкоторымъ нашимъ сановни-

¹⁾ По нашимъ законамъ о состояніяхъ, лица, имѣющія иредковъ еврейскаго происхожденія, до третьяго колѣна, не имѣютъ права даже и хлопотать о потомственномъ дворянствѣ, а Фетъ, *самъ по себѣ*, независимо отъ пожалованной ему родовой фамиліи Шеншинъ, былъ потомственный дворянинъ: этого не могло бы случиться въ Николаевскія времена, будь его мать еврейка; тогда за этимъ строго слѣдили.

камъ отъ правительства, и такими „пожалованными“ являлись, въ этомъ случаѣ, крестьяне сосѣднихъ деревень...

Въ началѣ же своей самостоятельной дѣятельности, въ 60-хъ годахъ, у Фета было такъ всего мало, что онъ по неволѣ долженъ былъ экономить, чтобы свести концы съ концами. Но ни тогда, ни впоследствии, Фетъ не былъ ни Плюшкинымъ, ни Гарпагономъ,—сошлюсь на его „Воспоминанія“ и на рассказы его знавшихъ.

Мнѣ пришлось провожать гробъ дяди къ мѣсту его послѣдняго успокоенія, въ родовой склепъ села Клейменова, и я никогда не забуду того по истинѣ *народнаго* горя, котораго я былъ свидѣтелемъ: „умеръ нашъ отецъ... видно, и намъ скоро помирать“!..

Это былъ единодушный отзывъ всѣхъ его—этого „кулака“—мужиковъ...

Въ скоромъ времени, послѣ смерти Марьи Петровны, обстоятельства дядиной „аренды“ измѣнились настолько, что наши мужики—чего при немъ и не слыхали—начали бросать свои пепелища и потянулись въ далекое переселеніе: „трудно стало жить безъ Аванасьяча!..“

Таковъ былъ Фетъ, котораго, послѣ смерти, стараются выставить какимъ-то выжигой, принявшимъ маску непрактичности и подъ оной обдѣлывающаго свои дѣла и дѣлишки, входя въ довѣріе „наивныхъ“ и „простодушныхъ“ его друзей и пріятелей.

Фетъ,—этотъ, на словахъ ¹⁾, ненавистникъ народа,—при жизни былъ благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, заботился о нихъ, какъ помѣщикъ и судья, а вотъ его другъ, И. С. Тургеневъ,—этотъ признанный печальникъ народа,—что онъ-то сдѣлалъ, живя,—неизвѣстно зачѣмъ и почему,—за границей?

Мужики его родового Спасскаго-Лутовинова разорены—и разорены *при немъ*—и своимъ „нищенскимъ“ надѣломъ, и тѣмъ, что, при выходѣ на волю, они обрѣзаны во всѣхъ угодахъ, и имъ, буквально, некуда курицы выпустить.

Спасскіе мужики—самые бѣдные во всемъ мценскомъ уѣздѣ,—это подтверждать всѣ знающіе ихъ положеніе ¹⁾.

Скажутъ—виноваты управляющіе И. С., его наслѣдники...

Можетъ быть, тутъ есть и ихъ вина, но это едва-ли служить и къ оправданію Тургенева: онъ долженъ знать, откуда получаетъ свои доходы, о высылкѣ которыхъ такъ неукоснительно заботился, и за ко-

¹⁾ И г. Гутьяръ отмѣчаетъ—кажущуюся ему странной—склонность Фета умалывать свои достоинства, но напрасно онъ видитъ тутъ расчетъ и притворство—это была скромность, не болѣе.

²⁾ Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ была объ этомъ статья г. Ревы, да, кажется, г. Гутьяръ писалъ что-то о томъ же.

торыми просилъ наблюдать и дядю; онъ долженъ былъ позаботиться объ участи своихъ крестьянъ,—онъ не могъ не видѣть и не знать ихъ нужды, хотя бы бывая на охотахъ въ свои, немногочисленные, пріѣзды въ Россію.

Въ Спасскомъ были заведены и школа, и богадельня. Теперь онъ развалились и никто о нихъ не заботится ¹⁾).

Кто виновать?

На изъ содержаніе ничего не было оставлено; наслѣдники же (за-конные) не такъ богаты, какъ былъ богатъ И. С., да и получили-то они очень мало, такъ какъ $\frac{9}{10}$ своего состоянія онъ завѣщалъ г-жѣ Віардо и ея дочери, и, значить, все его состояніе ушло за границу, куда уходили и всѣ его доходы, при его жизни...

Спасское осталось въ такомъ запутанномъ и запущенномъ видѣ, такъ было обременено долгами, что его „наслѣдница“,—моя троюродная сестра, О. В. Галахова,—скорѣе *купила* его, чѣмъ получила въ наслѣдство,—столько ей пришлось выплатить и г-жѣ Віардо, и другимъ; конечно, при такихъ условіяхъ, у Галаховыхъ нѣтъ возможности „поддерживать“ филантропическія затѣи Тургенева, на обезпеченіе которыхъ онъ самъ ничего не оставилъ.

Не таковъ былъ дядя Фетъ.

Даже мы, близкіе, не знали въ точности, кому онъ и сколько помогаетъ, но знали, что онъ помогаетъ немало.

Говорить объ этомъ онъ не любилъ, и если мы его „ловили“ на какомъ-нибудь пожертвованіи, то онъ страшно сердился и начиналъ ругать и школы, и больницы, и просвѣщаемыхъ, и просвѣтителей, и благотворителей.

Послѣ же его смерти оказалось, что всѣ его школы и больницы *обезпечены капиталомъ*, еще при его жизни, и хотя не называются громко „Фетовскими“, но созданы имъ и на его деньги.

Вотъ это, по истинѣ, школы и больницы *имени* Фета!..

Какъ на примѣръ „странности“ дяди, въ этомъ отношеніи, укажу на больницу въ городѣ Мценскѣ. Дядя отдавалъ на нее часть своего жалованья и, *въ теченіе домихъ лтъ*,—въ Орлѣ, въ Мценскѣ, даже, кажется, и въ Москвѣ,—устраивалъ литературные вечера, на которыхъ самъ читалъ свои новыя стихотворенія, и *весь сборъ отправлялъ на эту больницу*.

Я про это узналъ случайно и, слушая грозныя филиппики дяди о школахъ и больницахъ, не упустилъ случая „уязвить“ его:—А мценская-то ваша больница, дядя? Затѣмъ же вы-то сами ее устроили и поддерживаете?

¹⁾ Кажется, наконецъ, земство приняло ихъ на свое иждивеніе.

Старикъ сильно покраснѣлъ:— „Ну, что-жъ, я тутъ ни предъ кѣмъ не виноватъ; мои наслѣдники ничего не потеряютъ: я работалъ, читалъ лекціи, дѣлалъ вечера, и—это *мои* деньги... Куда хочу, туда ихъ и трачу!..“

Онъ былъ до мелочей щепетилень, считалъ, что изъ *родового* имущества *не въ правѣ* тратить что-либо „на свои затѣи“, и тратилъ на нихъ свой личный трудъ, сберегая и увеличивая родовое имущество, какъ лучший и честнѣйшій управляющій, обязанный дать отчетъ въ каждой израсходованной копѣйкѣ...

До чего Фетъ былъ щепетилень въ этомъ отношеніи, прекраснымъ доказательствомъ служить то, что *все свое родовое имущество* онъ завѣщалъ той же О. В. Галаховой, которую не любилъ и которая причиняла ему много горя и непріятностей. (См. его „Воспоминанія“.)

— Нельзя, это родовое, и я *долженъ* отдать его ближайшей наслѣдницѣ.

Таковъ его девизъ во всемъ: *долженъ*,—и баста! надо сдѣлать такъ, а не иначе.

Меня, напримѣръ, его *двоюроднаго* племянника, онъ, по тѣмъ же соображеніямъ, наградилъ наслѣдствомъ опять-таки изъ своихъ *личныхъ* средствъ—завѣщалъ свое литературное достоиніе и свой любимый конскій заводъ.

— Это, братъ, мое, это я самъ нажилъ, и этимъ я *могу* распорядиться; а то—не мое, я только временный хозяинъ!

Таковъ былъ Фетъ „практикъ“ и „кулакъ“ въ своихъ личныхъ дѣлахъ.

Онъ былъ скупъ для себя; онъ выгадывалъ каждую копѣйку; онъ горевалъ, что „керосинъ подорожалъ“, и писалъ свои стихотворенія на старыхъ счетахъ; онъ предпочиталъ сотни верстъ ѣздить на своихъ лошадяхъ, а не по желѣзной дорогѣ, возя съ собой и кормъ лошадямъ, и останавливаясь кормить въ полѣ, а не на постояломъ дворѣ,—но за что же его осуждать—это была его личная потребность, его *личный заработокъ*, а куда онъ шелъ—я выше говорилъ...

Туда же шло и его жалованье, и литературный заработокъ.

Я помню, какъ онъ, на словахъ бранившій университетъ и студентовъ, не разъ, со смущеніемъ, выпроваживалъ, черезъ черный ходъ, то студента, то курсистку: мы уже знали, что это его стипендіаты, которымъ онъ и давалъ „изъ своихъ личныхъ средствъ“...

Да не подумаетъ читатель, что Фетъ вынужденъ былъ такъ дѣйствовать своими родственниками, или какими-нибудь обязательствами: нисколько! Во-первыхъ, всѣ они были люди матеріально обезпеченные (какъ Боткины, напримѣръ), а во-вторыхъ, никто изъ нихъ *не имѣлъ*

никакого права претендовать на что-либо, ни съ формальной, ни даже съ нравственной стороны, такъ какъ, не имѣя дѣтей, дядя былъ воленъ выбирать своихъ наслѣдниковъ изъ всей своей многочисленной родни и даже не-родни—въ отношеніи капитала и всего благопріобрѣтеннаго. Кромѣ того,—онъ былъ слишкомъ самостоятеленъ, слишкомъ властенъ,—если хотите,—чтобы умѣть поставить всякаго на свое мѣсто.

Это было его личное желаніе—и только.

Почему же Фетъ напускалъ на себя такія „странности“, почему старался казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ?

Это тоже его „странность“, и часто, слушая его споры съ кѣмъ-нибудь, можно было только разводить руками.

Когда его, послѣ перевода и объясненія Шопенгауера, избрали почетнымъ членомъ „Московского Психологическаго Общества“,—чѣмъ дядя былъ очень доволенъ,—надо было слышать, какъ онъ нападалъ на философію и на философовъ!

Не проходило ни одного свиданія съ Гротомъ, Лопатынымъ или Влад. С. Соловьевымъ,—которыхъ онъ очень любилъ, и которые его тоже любили,—чтобы онъ съ ними не сразился, и если его эрудиція пассовала передъ ними, то онъ прибѣгалъ къ парадоксамъ, софизмамъ и, воспользовавшись неожиданностью, недоумѣніемъ противника,—„припиралъ ихъ къ стѣнѣ“.

Помню, онъ разъ напалъ на добрыйшаго Л. М. Лопатина:—„Что ваша философія! Вы и говорить-то ясно и по-человѣчески не можете, а заведете такую рѣчь, что никто ничего не пойметъ. Вотъ бутылка. Бутылка она и есть. А вы не скажете, что это бутылка, а разведете миллионъ опредѣленій и объясненій, и у васъ выйдетъ, что это не бутылка, а какая-то обутилившаяся кошка!“—Конечно, хохотъ и „обутилившаяся кошка“ начинаетъ ходить по Москвѣ.

Приведу еще случай.

На традиціонныхъ дядиныхъ обѣдахъ, въ день его именинъ, 18-го января, когда собирались литераторы и ученые всѣхъ лагерей, полагалась стерлядь, и непременно чудовищныхъ размѣровъ, конечно, купленная живой,—и уха.

Хозяйствомъ у дяди завѣдывалъ артельщикъ, и, просматривая какъ-то счета его, я замѣтилъ, что за это чудовище платятся и чудовищныя деньги. Ничего не говоря дядѣ, я, въ слѣдующій разъ, вызвался самъ ѣхать въ живорыбный рядъ за стерлядью и другой рыбой.

Дядя далъ мнѣ, копѣйка въ копѣйку, столько же, сколько платилъ артельщикъ.

Я поѣхалъ, купилъ стерлядь еще болѣе чудовищную, чѣмъ въ

прежніе разы, которая оказалась еще какого-то особеннаго вкуса,— за что я и удостоился похвалъ дяди, знавшаго толкъ въ ѣдѣ, и его стариковъ-пріятелей.

На другой день я принесъ дядѣ „сдачу“, которая равнялась чуть-ли не половинѣ стоимости прежнихъ стерлядей.

Надо было видѣть восторгъ старика, именно *жадность* этого милліонера, получившаго нежданно, негаданно нѣсколько десятковъ рублей! Похвалъ мнѣ и „моей“ стерляди хватило ему до конца его дней...

Еще черезъ день, пріѣзжаю къ дядѣ, вижу—съ задняго крыльца промелькнула какая-то чужая баба.

Иду къ дядѣ—и первое, чѣмъ онъ меня встрѣтилъ—это рѣчь, по Мальтусу, о томъ, что бѣдныя не должны плодиться, что это и безнравственно, и даже преступленіе, и пр., и пр.; рѣчь съ примѣрами, блестящая софизмами, на которые былъ такой мастеръ дядя. Въ заключеніе—полное и рѣшительное осужденіе этой бѣдности и неразумныхъ благотворителей, помогающихъ такимъ бѣднымъ, которые, хотя Мальтуса не читали и дядиныхъ рѣчей не слыхали,—что имъ служить смягчающимъ вину обстоятельствомъ,—но плодятся и множатся выше всякой мѣры.

— Я бы этихъ благотворителей повѣсилъ!.. Да, да, такъ бы и повѣсилъ... Повиси, миленькій, и не разводи нищихъ!..

Рѣчь долго лилась еще; я же, зная характеръ дяди, пошелъ на кухню и спросилъ:

— Какая это баба сейчасъ была здѣсь?

— Это—прачка изъ сосѣдняго дома; у ея дочери родились двойни, а у ней, и безъ того, шестеро дѣтей. Приходила къ Аванасію Аванасьевичу просить помочь.

— Что же дядя?

— И... страсть какъ разсердился!.. раскричался и прогналъ!..

Отправляюсь къ прачкѣ.

— Ты была у сосѣдняго барина?

— Была, была, дай ему Богъ всякаго благополучія!.. По началу—разсердился, раскричался, прогналъ вонъ... Я свѣту не взвидѣла, бросилась бѣжать, а онъ, батюшка, суетъ мнѣ что-то въ руку, и все ругаетъ, все-то ругаетъ!.. Посмотрѣла дома—35 рублей, да еще два двугривенныхъ! Вотъ они!..

Я увидѣлъ „свою сдачу“ со стерляди; тѣ же бумажки, тѣ же двугривенные...

Долго я потомъ изводилъ дядю и Мальтусомъ, и двойнями, предлагалъ свои услуги—вѣшать благотворителей, которые, и т. д.—а старикъ только пыхтѣлъ и спѣшилъ перевести разговоръ на другую тему.

Отсюда, мнѣ кажется, становится яснымъ, почему такой человѣкъ,

какъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Фетомъ, любилъ и уважалъ его, почему считалъ его „рѣдкимъ, настоящимъ человѣкомъ“ ¹⁾, и почему любили и уважали его и Тургеневъ, и многіе другіе. Умаленіе своихъ достоинствъ, желаніе выставить себя, подѣ-часъ, въ худшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ,—составляло основную черту характера Фета и вовсе не было ловкимъ маневромъ какого-то Тартюфа, или Іудушки,—образы которыхъ выглядываютъ изъ „описанія характера“ Фета, сдѣланнаго г. Гутьяромъ. Близко знавшіе дядю—умѣли замѣтить въ этомъ человѣкѣ „душу живу“ и ее оцѣнить...

II.

Г-нъ Гутьяръ, говоря про женитьбу А. А. Фета на Марьѣ Петровнѣ Боткиной, придаетъ этому дѣлу какой-то видъ разсчета, коммерческой сдѣлки, изъ-за „богатства“ ея родственниковъ, гдѣ, будто бы, чувство не играло никакой роли. Судить о чувствахъ Фета, вообще, было очень трудно и по его всегдашней скромности,—въ этихъ дѣлахъ, онъ былъ врагъ всякой сентиментальности,—и потому, что ни я, ни тѣмъ болѣе г. Гутьяръ, въ то время дяди не знали ²⁾.

Знаю я только,—и это подтвердятъ всѣ знавшіе покойныхъ Шеншиныхъ,—что болѣе дружной и любящей пары, прожившей вмѣстѣ, ни разу не ссорясь, чуть ли не полстолѣтія,—трудно было и сыскать. Если эти строки попадутся графу и графинѣ Толстымъ, Владиміру Сергѣевичу Соловьеву, или, вообще, кому изъ его родныхъ,—я увѣренъ, они скажутъ то же самое.

Это не были классическіе Филемонъ и Бавкида, ниже Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна,—нѣтъ, это были Аѳанасій Аѳанасьевичъ и Марья Петровна Шеншины, во плоти и крови, и дай Богъ всѣмъ женатымъ быть такими...

Что же касается „богатства“, возможности „dorer son blason“,—ради чего, будто бы, дядя женился на Марьѣ Петровнѣ,—то въ семьѣ Боткиныхъ, разъ навсегда, было положено давать за дочерьми по 25.000 рублей, и дядя получилъ ихъ, и *ничего болѣе*, также какъ столько же получили и другіе зятья Боткиныхъ,—напримѣръ, покой-

¹⁾ Письмо гр. Толстого, отъ 29-го апрѣля 1876 г.

²⁾ Замѣтите, что Фетъ тогда не былъ Шеншинымъ и извѣстнымъ писателемъ. ничего ровно не имѣлъ, числился въ незаконнорожденныхъ, и потому для богатой и именитой купеческой семьи Боткиныхъ не представлялъ завиднаго жениха,—а слѣдовательно, и съ этой стороны, нельзя считать бракъ М. П.—вын съ дядей—сдѣлкой.

ный И. В. Щукинъ, за Екатериной Петровной, инѣ здравствующей, которая мнѣ это и говорила не разъ; то же самое подтверждать, если надо, всѣ Боткины современнаго поколѣнія и патріархъ фамилии, Петръ Петровичъ Боткинъ.

Впослѣдствіи, особенно послѣ смерти Василя Петровича Боткина, Марья Петровна еще получила наслѣдство,—но, по всегдашней щепетильности дяди въ денежныхъ дѣлахъ,—это были *ея деньги*,—и дядя до нихъ не касался; деньги эти также хранились въ конторѣ Боткиныхъ, и имъ же всецѣло и достались, послѣ смерти Марьи Петровны, сильно увеличенныя процентами за десятки лѣтъ.

Конечно, полученіе въ приданое 25-ти тысячъ очень помогло дядѣ въ то трудное для него время, когда онъ, „незаконный сынъ“ своихъ законныхъ отца и матери, ничего, буквально, не получилъ послѣ смерти отца, и когда пропали для него и тѣ сто тысячъ рублей, которыя ему слѣдовали послѣ его дяди, а моего дѣда, Петра Неофитовича. На деньги Марьи Петровны была куплена знаменитая Степановка, *на ея имя*, и въ этой-то Степановкѣ Шеншины и поселились, живя скромно и тихо, при чемъ дядя оказался такимъ диковиннымъ хозяиномъ,—особенно по тѣмъ труднымъ временамъ,—которому удивлялись не только И. С. Тургеневъ и графъ Л. Н. Толстой, но и многіе записные хозяева.

Впрочемъ, это даже засвидѣтельствовано съ высоты Престола: покойный государь, Александръ II, знавшій дядю по службѣ въ кирасирахъ и слышавшій объ его хозяйствѣ, когда дядя ему представлялся по какому-то случаю, изволилъ сказать: „Мнѣ особенно пріятно, Шеншинъ, что ты оказался однимъ изъ немногихъ помѣщиковъ, которые сумѣли удержаться на землѣ и прожить въ то трудное время, когда ты сталъ хозяйничать“.

Про эти милостивыя слова дядя особенно любилъ вспоминать и всегда гордился признаніемъ въ немъ „хозяина“, болѣе чѣмъ признаніемъ въ немъ „поэта“—это была тоже одна изъ его „странностей“.

— Быть хозяиномъ,—это я понимаю, это дѣло! А поэзія, фило-софія, наука...—И на нихъ сыпались безконечныя сарказмы дяди.

Вотъ эта-то аккуратность, тихая деревенская жизнь, чуть ли не въ теченіе четверти вѣка, дядина бережливость, доходившая до ѣзды „на своихъ“, помимо желѣзной дороги, его литературный заработокъ, жалованье и пр., и сдѣлали то, что Фетъ, какъ говорится, „пошелъ на поправку“.

Все же его состояніе образовалось изъ ряда наслѣдствъ, которыя онъ получилъ *не отъ Боткиныхъ*, а отъ родни по отцу, изъ рода Шеншинныхъ; объ этихъ-то наслѣдствахъ и говоритъ дядя въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что „судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и

неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ *именемъ*, но и связаннымъ съ нимъ *достояніемъ*, до самыхъ изумительныхъ подробностей“.

Въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“, со свойственною дядѣ аккуратностью, записано подробно, какъ и когда получилъ онъ ту или другую часть своего состоянія.

Что же касается домысла г. Гутьяра, что дядя, разбогатѣвъ и ставъ самостоятельнымъ въ матеріальномъ отношеніи, рѣшилъ порвать съ И. С. Тургеневымъ,—то это опровергается хронологіей событий: какъ видно изъ всей этой „исторіи“, которою пользуется г. Гутьяръ, стараясь выставить дядю съ очень некрасивой стороны, дѣло вышло изъ-за слуха объ отзывѣ дяди про разговоръ Тургенева съ Петей Борисовымъ и Милютиными.

О самой „исторіи“ — скажу ниже; теперь же замѣчу, что это тотъ самый Петя Борисовъ, родной племянникъ (и самый любимый) дяди, послѣ смерти котораго дядя и получилъ свое *первое*, по времени, наслѣдство; богатымъ же,—въ такомъ размѣрѣ, какъ его застала смерть,—онъ сталъ гораздо позднѣе ссоры съ Тургеневымъ, только въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, когда пропалъ безъ вѣсти его родной братъ, Петръ Аванасьевичъ Шеншинъ, наслѣдство послѣ котораго и составило главное ядро дядина состоянія, такъ какъ дядя Петръ былъ *единственнымъ* „законнымъ“ наслѣдникомъ ихъ общаго отца и матери и получилъ большую часть родового имущества.

Такимъ образомъ, въ моментъ ссоры съ Тургеневымъ, какъ и задолго до нея, Фетъ былъ только счастливымъ обладателемъ Степановки (и то не его, а жениной), представлявшей собой цѣнность въ 25 тысячъ рублей, того дохода отъ своихъ стиховъ (зарабатывать который такъ „помогалъ“ ему Тургеневъ своимъ вліяніемъ) и жалованьемъ мирового судьи, которое, въ то время, было что-то около 1.000 руб. въ годъ. Какъ видитъ читатель,—это вовсе не „богатство“ для семейнаго человѣка, и тутъ далеко отъ „матеріальной независимости“, будто бы позволявшей Фету развернуться во всю ширь своей самолюбивой натуры и порвать съ другомъ, которому,—по „матеріальнымъ услугамъ“ послѣдняго,—якобы былъ такъ „много обязанъ“ дядя.

Напротивъ, будь дядя тѣмъ, чѣмъ хочетъ выставить его г. Гутьяръ,—т.-е. искательнымъ, до поры до времени, и ложнымъ другомъ Тургенева, пользовавшимся если не прямо подачками отъ щедротъ его, такъ его вліяніемъ,—чтобы обдѣлывать свои дѣла,—то ему, Фету, именно въ это-то время и не слѣдовало порывать сношеній съ всемогущимъ тогда Тургеневымъ.

Даже болѣе скажу: когда Фетъ дѣйствительно сталъ вполне не-

зависимъ, въ началѣ 80-хъ годовъ,—вотъ тутъ-то именно, вслѣдъ за гр. Л. Н. Толстымъ, онъ и „примирился“ съ Тургеневымъ, и тогда, конечно, никто не заподозритъ, что миллионеръ Шеншинъ, занявшій и самъ высокое положеніе и въ литературѣ, и по службѣ, и по связямъ, хотѣлъ заискивать у Тургенева, который хотя и былъ знаменитъ, но матеріальныя дѣла котораго были очень неважны, и у котораго почти не осталось ничего отъ его нѣкогда огромнаго состоянія.

Кто *лично* зналъ покойнаго Фета, тотъ никогда не скажетъ,—я въ этомъ глубоко убѣжденъ,—что это былъ человѣкъ искательный передъ сильными, низкопоклонный и способный лебезить передъ кѣмъ-либо, кто ему „нуженъ“.

Нѣтъ, это былъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, донесенныхъ имъ неизмѣнными до могилы, при томъ именно такихъ убѣжденій, которыя, по тому времени, были „не въ модѣ“, за которыя Фетъ подпалъ безпримѣрной травлѣ „героевъ свистопляски“, сдѣлавшихъ изъ самаго его имени ругательное слово.

Онъ *одинъ* имѣлъ мужество возстать противъ теченія, господствовавшего тогда въ литературѣ, и своими „Письмами изъ деревни“ поднялъ бурю негодованія противъ себя.

Противники—за его политическія и экономическія убѣжденія—втоптали въ грязь даже его поэтическіе труды, съ этими мнѣніями ничего общаго не имѣющіе.

Я не знаю примѣра,—а ихъ, къ сожалѣнію, къ стыду нашему, не мало въ нашей литературѣ,—чье литературное имя болѣе трепалось бы и поносилось бы, чѣмъ имя Фета!..

И тутъ-то, сознательно, по „матеріальнымъ расчетамъ“, рѣшиться порвать съ своей „единственной защитой“,—съ знаменитымъ Тургеневымъ!

Нѣтъ, такъ не поступаютъ люди того склада характера, который старается приписать г. Гутьяръ моему покойному дядѣ: то—Молчалины, ласковые и къ собачкѣ дворника...

Другое дѣло—Тургеневъ.

Его забота о популярности, особенно среди молодежи и „людей 60-хъ годовъ“,—теперь доказана; его чуткость къ каждому косому взгляду вожакѣ движенія того времени—была по истинѣ болѣзненна, и это установлено не только такимъ искреннимъ и честнымъ писателемъ, какъ Достоевскій, но и многими другими, принадлежащими съ Тургеневымъ къ одному лагерю, а также вслѣдъ явствуетъ изъ всей его переписки.

III.

Теперь очередь самой „исторіи“ ссоры Фета съ Тургеневымъ.

Будемъ слѣдить за ней по статьѣ г. Гутъяра и предположимъ, что Я. П. Полонскій дѣйствительно написалъ извѣстное письмо Тургеневу.

Вотъ какъ рассказываетъ г. Гутъяръ про письмо Ивана Сергѣевича.

Въ концѣ 1874 г., Фетъ получилъ отъ Тургенева письмо, слѣдующаго содержанія:

„Любезный Шеншинъ, сегодня я получилъ ваше письмо, а четвертаго дня пришло ко мнѣ письмо (Я. П.) Полонскаго, изъ котораго выписываю вамъ слѣдующій пассажъ: „Фетъ распустилъ про тебя, будто ты, въ свой послѣдній прїѣздъ, говорилъ съ какими-то юношами (слышалъ, съ племянниками Милютина, *порученными надзору и попеченію Фета*) и старался заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь. Въ первый разъ я слышалъ это отъ Маркевича, у кн. М—еаго, тому назадъ недѣль пять, шесть. На дняхъ, я опять слышалъ повтореніе этого слуха съ той же ссылкой на Ф. П.“.—*Вспоминая свой разговоръ у Милютиной съ ея сыномъ Петей* и зная вашу охоту къ преувеличенію и прочія привычки, говорю безъ обиняковъ, что я вполнѣ вѣрю тому, что вы дѣйствительно произнесли слова, которыя вамъ приписываютъ, и потому полагаю лучшимъ прекратить наши отношенія, которыя уже и такъ, по разности нашихъ воззрѣній, не имѣютъ *raison d'être*“ и т. д....

Въ этомъ письмѣ мною подчеркнуты нѣкоторыя слова, и я прошу на нихъ обратить вниманіе, а г. Гутъяръ дѣлаетъ выноску, что Петя —это „*Борисовъ, сынъ близкаго прїятеля И. С.*“. Это тоже прошу замѣтить, и вотъ почему: говоря, что Петя Борисовъ былъ *сынъ близкаго прїятеля И. С.*, г. Гутъяръ,—нарочно или нечаянно,—ужь не знаю,—не упоминаетъ, что тотъ же Петя Борисовъ—*былъ родной племянникъ Фета* ¹⁾, сирота, воспитанный и взрощенный ими и Марьей Петровной, тотъ самый племянникъ, который составлялъ *единственную* привязанность стариковъ (у нихъ дѣтей не было), которымъ дядя такъ дорожилъ и гордился, и который такъ безвременно погибъ.

Теперь, спрашивается, если предположить, что И. С. Тургеневъ говорилъ *что-либо несогласное со взглядами дяди*, его любимому племяннику, росшему у него вмѣсто сына, и молодымъ людямъ, *отданнымъ подъ надзоръ и попеченіе его же*, а не кого-нибудь другого,—а что Тургеневъ могъ говорить имъ „что-то“,—это видно и изъ самаго его

¹⁾ Сынъ его любимою сестры и Борисова, однопольчанина, прїятеля съ малолѣтства Фета.

письма,—имѣлъ ли право Фетъ остаться этимъ недовольнымъ и говорить о такомъ, во всякомъ случаѣ неумѣстномъ, поступкѣ Маркевичу и другимъ?

Вѣдь какія бы ни были плохія убѣжденія у дяди, онъ, все-таки, былъ вправѣ ожидать, что его „другъ“ будетъ ихъ если не уважать, то хоть не высмѣивать передъ его семейными,—почти сыномъ и молодыми людьми, порученными ихъ родителями его попеченію?

А что Тургеневъ былъ способенъ поговорить съ молодежью въ извѣстномъ направленіи,—это я могу засвидѣтельствовать *по личному опыту*: и меня мой трюкородный дядюшка, Тургеневъ, тогда еще юнца-гимназиста, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, „просвѣщаль“ своимъ слащавымъ и визгливымъ голоскомъ, и видя, что я представляю плохую почву для воспринятія его словесъ, онъ купилъ мнѣ коробку тульскихъ пряниковъ (дѣло было на вокзалѣ, во Мценскѣ) и сказалъ:

— Ну, впрочемъ, вы еще очень молоды; подростете,—вспомните своего дядю-Тургенева!

Итакъ, повторяю, Фетъ имѣлъ полное право быть недовольнымъ болтливостью Тургенева (если она имѣла мѣсто, конечно), и говорить объ этомъ своимъ знакомымъ. Кто знаетъ дядю А. А.—ча, тотъ никогда не скажетъ, что онъ былъ склоненъ къ сплетнямъ, и что онъ имѣлъ привычку чернить кого бы то ни было, а не только своего старого, „собиннаго“ друга, Тургенева.

Я помню, какъ, однажды, осадилъ онъ меня,—въ то время уже отца семейства,—когда я сталъ говорить ему о тѣхъ дѣйствіяхъ Тургенева, которыя мнѣ не нравились.

— Тургеневъ умеръ, онъ вашъ родственникъ, которымъ должны гордиться не только вы, но и вся Россія; судить его частную жизнь—не намъ съ вами. Когда мы сойдемъ въ могилу,—дай Богъ, чтобы мы унесли съ собой такое имя честнаго человѣка, какое унесъ Тургеневъ.

Но,—что любопытиѣ всего,—самъ г. Гутьяръ говоритъ страницей далѣе: „что касается факта, приводимаго письмомъ Я. Полонскаго, то нашъ поэтъ (т.-е. Фетъ) въ своихъ воспоминаніяхъ, увѣряетъ, что Тургеневъ выдумалъ эти строки, такъ какъ, молъ, Полонскій позднѣе говорилъ ему, Фету, будто онъ и не думалъ писать Ивану Сергѣевичу ничего подобнаго“.

За то, что „нашъ поэтъ“—Фетъ былъ и тутъ правъ,—говорить, во-первыхъ, то обстоятельство, что его дружба съ Яковомъ Петровичемъ Полонскимъ продолжалась непрерывно до самой смерти дяди, а это едва-ли могло случиться, еслибы Яковъ Петровичъ написалъ Тургеневу то, что приписывалъ ему И. С.—чѣ, ибо такое письмо, какъ ни посмотреть, было бы простой сплетней,—на которую покойный Полонскій тоже не былъ способенъ; а во-вторыхъ,—„Воспоминанія“

дяди-Фета, гдѣ онъ категорически заявляетъ, что Полонскій (въ то время тоже здравствовавшій) отрицалъ передъ нимъ этотъ фактъ,— были извѣстны *очень хорошо Полонскому*, который, какъ разъ во время ихъ выхода, жилъ у дяди, въ Воробьевѣ, со всей семьей.

Еслибы дядя сказалъ и тутъ неправду, да еще напечаталъ ее,— едва-ли Полонскій,—человѣкъ очень независимый и правдивый,—смолчалъ и оставилъ на памяти Тургенева, котораго очень любилъ,— такой поклѣпъ.

Какое нахальство, по вашему, г. Гутьяръ, надо имѣть, чтобы при живомъ человѣкѣ, на глазахъ у него, *печатать, что онъ говорилъ такую вещь?*

А вѣдь Фетъ это все самъ напечаталъ. Припомните еще, что до „Воспоминаній“ про мотивы ссоры Тургенева съ Фетомъ почти ничего не было извѣстно: поссорились-де—и только. *Фетъ первый подробно и печатно описалъ все происшествіе*, не побоялся гласности и въ своей собственной книгѣ напечаталъ письмо Тургенева, очень для него, Фета, оскорбительное.

Когда я познакомился съ Я. П. Полонскимъ у дяди, въ Москвѣ, то при мнѣ разъ зашелъ разговоръ и о „Воспоминаніяхъ“, и о письмѣ Тургенева, и Яковъ Петровичъ и здѣсь подтверждалъ, что Тургеневъ выдумалъ это письмо.

Я думаю, что дѣти Я. П. Полонскаго и его супруга, съ такой любовью и такъ превосходно вылѣпившая бюстъ дяди (это—лжеца-то и предателя!..), тоже знаютъ что-либо по этому поводу, и не откажутъ сообщить, чтó имъ говорилъ покойный Яковъ Петровичъ по поводу злополучнаго письма.

Еще одна „странность“, на этотъ разъ уже не дядина: въ послѣднее время наша литература была положительно наводнена письмами Тургенева и письмами къ нему разныхъ лицъ.

Тутъ были, подчасъ, вовсе неинтересныя замѣтки о томъ, сколько И. С. убилъ бекасовъ, чтó онъ ѣлъ за завтракомъ, его маршруты поѣздокъ изъ города на дачу и т. п.

Почему же не появляется на свѣтъ Божій такой *важный документъ*, какъ письмо Полонскаго?

Гдѣ это письмо?

Неужели Тургеневъ, сохраняя тщательно мэню своихъ обѣдовъ и завтраковъ, могъ потерять *такое* письмо, особенно послѣ извѣстнаго отвѣта Фета на письмо Тургенева, отъ 29-го ноября 1874 года?

Странно то, что *никто* изъ друзей Тургенева, изъ нашихъ и заграничныхъ писателей, этого письма не видалъ,—да, кажется, Тургеневъ, благоразумно, никому про него и не говорилъ.

А вотъ съ самимъ-то Иваномъ Сергѣевичемъ, если угодно при-

помнить г. Гутьяру, была нѣкая исторія, тоже съ *письмами*, въ которыхъ онъ бранилъ своихъ заграничныхъ друзей-писателей,—тѣхъ самыхъ писателей, которыми онъ, въ то же время, писалъ самыя любезныя, восторженные посланія и пѣлъ дионисамбы.

Почему же г. Гутьяръ, не имѣя *никакихъ* доказательствъ правоты Тургенева, или вины Фета, такъ безусловно вѣрить *словамъ* перваго изъ нихъ? Симпатія, сочувствіе душъ и думъ—играютъ здѣсь что-ли роль?

Наконецъ, до сихъ поръ, кажется, живы и „молодые люди“,—ставшіе теперь стариками,—изъ-за которыхъ весь сыръ-боръ загорѣлся, и князь Н. Мещерскій, въ домѣ котораго все случилось.

Отчего же молчатъ они, эти единственные свидѣтели, во всякомъ случаѣ, интереснѣйшаго происшествія, въ которомъ играли роль такія *три лица*, какъ Тургеневъ, Фетъ и Полонскій, и которое,—будучи приведено въ ясность,—дало бы очень важный матеріалъ для характеристики ихъ всѣхъ?

Я не хочу думать, что г. Гутьяромъ руководило соображеніе, что въ этой исторіи съ одной стороны—*Фетъ*,—ненавистный авторъ „Писемъ изъ деревни“, а съ другой—*фетишъ*—Тургеневъ, которому принято поклоняться во всѣхъ его видахъ и воплощеніяхъ; но думаю, что въ ссорѣ дяди съ Тургеневымъ едва-ли Фетъ играетъ некрасивую роль...

Что сказать про ссору Тургенева съ его дядей, Н. Н. Тургеневымъ?

Если вѣрить Ивану Сергѣевичу,—то виноватъ Николай Николаевичъ; если вѣрить этому послѣднему и Фету,—человѣку постороннему,—виноватъ Иванъ Сергѣевичъ.

Трудно, черезъ тридцать лѣтъ, судить семейныя дѣла и отношенія лицъ, давно умершихъ и не оставившихъ послѣ себя никакихъ неопровержимыхъ *письменныхъ* доказательствъ своей вины или правоты.

Я помню Николая Николаевича Тургенева очень смутно, какъ добраго и хорошаго, вполне порядочнаго старика, сосѣда по имѣнію моей матери.

Знаю, что никто отъ него не „отступался“, какъ увѣряетъ г. Гутьяръ, а, напротивъ, всѣ его уважали и любили; знаю еще, что у него остались двѣ дочери, и думаю, что онѣ могутъ сообщить кое-что по этому темному дѣлу ¹⁾. Оставаясь же на почвѣ фактовъ, сообщенныхъ въ „Воспоминаніяхъ“ Фета, и принимая въ расчетъ то „освѣщеніе“, которое г. Гутьяру, угодно имъ было придать я не могу не задаться вопросомъ:

¹⁾ Если не ошибаюсь, одна изъ дочерей Н. Н. Тургенева замужемъ за г-мъ Арсеньевымъ, тульскимъ губернскимъ предводителемъ. Впрочемъ, вѣрно не знаю.

Зачѣмъ понадобилось Фету ввязываться въ эту семейную исторію, разъ онъ не былъ увѣренъ въ правотѣ Николая Тургенева?

Матеріально, конечно, дядя тутъ не былъ ничѣмъ заинтересованъ,—напротивъ, ему, по словамъ того же г. Гутьяра, Иванъ Тургеневъ былъ нуженъ и полезенъ; а если онъ хотѣлъ „насолить“ И. С. Тургеневу, то,—не будучи отъ природы круглымъ дуракомъ,—едва-ли могъ разсчитывать достигнуть своей цѣли, защищая завѣдомо виновную сторону.

Еслибы, далѣе, Фетъ хотѣлъ порвать свои отношенія съ И. Тургеневымъ,—нѣсколько къ тому времени охладѣвшія,—то для этого никто и ничто не препятствовало Фету избрать прямой путь: взялъ бы да и разорвалъ эти отношенія. Къ чему же было ему подличать?

Вѣдь, надѣюсь, что никто, изъ знавшихъ Фета, его въ подлости-то *an und für sich* не обвинитъ?

Далѣе, допустимъ, какъ то утверждаетъ г. Гутьяръ, что Тургеневъ *не зналъ* про дѣйствія Фета въ дѣлѣ Н. Н.—ча *при возникновеніи* этихъ „дѣйствій“, а узналъ объ нихъ лишь спустя нѣкоторое время.

Почему же Тургеневъ, послѣ разрыва съ Фетомъ и чуть ли не десятилѣтняго полного удаленія ихъ другъ отъ друга, снова принявъ руку этого „подлеца“ Фета тотчасъ же, какъ тотъ ему ее протянулъ?

Вѣдь такіе поступки не забываются, такіа дѣйствія владутъ пятно на всю жизнь человѣка.

Это не теоретическій споръ о „прекрасномъ“,—объ которомъ, встати сказать, и до сихъ поръ ни до чего не договорились...

Трудно предположить, чтобы такой человѣкъ, какимъ былъ И. С. Тургеневъ, узнавъ, наконецъ, о неправильныхъ и, прямо сказать, подлыхъ поступкахъ дяди, во время столкновенія его съ Николаемъ Тургеневымъ, захотѣлъ снова возобновить съ нимъ, Фетомъ, прежнія отношенія. Гораздо вѣроятнѣе будетъ предположить, что въ этомъ столкновеніи дяди и племянника Тургеневыхъ, Фету,—ихъ близкому знакомому, сосѣду и пріятелю обоихъ,—были извѣстны такіе факты, которые заставили его,—изъ его до щепетильности развитой правдивости,—стать на сторону Николая и дѣйствовать противъ своего друга, Ивана Тургенева.

За такой выводъ говорить и то обстоятельство, что Н. Н. Тургеневъ „пострадалъ“—то, главнымъ образомъ, изъ-за нежеланія угождать заграничнымъ пріятелямъ, пріятельницамъ Ивана Сергѣевича и г-жѣ Віардо,—въ особенности. Такъ, по крайней мѣрѣ, я самъ слышалъ отъ постороннихъ, незаинтересованныхъ лицъ.

Что послѣ ухода Н. Н. Тургенева и послѣ того, какъ всѣ имущественныя дѣла И. С. Тургенева попали всецѣло въ руки его заграничныхъ „друзей“,—эти дѣла окончательно разстроились, и все

его огромное состояніе „сошло на нѣтъ“,—это я знаю и знаютъ законные наслѣдники И. С. Тургенева,—хотя бы также О. В. Галахова. Въ это же время и мужики Спасскаго-Дутовинава попали въ тѣ тиски, изъ которыхъ они и по сейчасъ не могутъ выскочить.

Отсюда станетъ понятнымъ, почему Фетъ старался *помирить* ихъ (замѣтите, г. Гутьяръ,—онъ ихъ *не ссорилъ*, не старался добиться какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ; онъ старался ихъ только помирить...).

На это дядя *имѣлъ право* не только какъ близкій и давнишній другъ обоихъ, какъ мѣстный дворянинъ, но и *долженъ* былъ такъ дѣйствовать, какъ *мировой судья*, къ которому обратилась одна изъ сторонъ, прося его *третейскаго суда*.

Фетъ, будучи хорошимъ хозяиномъ, умѣя, когда надо, *считать*, хорошо зналъ, кого теряетъ И. С. Тургеневъ въ лицѣ своего дяди, Николая.

Лица, которыя *старались ихъ поссорить*,—тоже это хорошо знали...

Вообще, кто зналъ Фета, едва-ли скажетъ, что онъ не былъ джентльменомъ до кончика ногтей, и едва-ли узнаетъ его въ той роли, которую г. Гутьяру угодно заставлять разыгрывать Фета въ этомъ дѣлѣ!

Вотъ и все, что я могу сказать о ссорѣ Ивана и Николая Тургеневыхъ, и если „болѣе того“ рѣшаются говорить люди посторонніе,—какъ г. Гутьяръ,—то мнѣ остается только удивляться...

Разсужденія г. Гутьяра объ И. С. Тургеневѣ, какъ о поборникѣ „народнаго образованія“ и прочихъ народныхъ благъ¹⁾, и объ Фетѣ, какъ противникѣ онаго, достаточно, мнѣ кажется, освѣщаются сообщеннымъ мною фактомъ, что послѣ защитника-то не осталось ни одной школы,—даже не слышно, чтобы онъ что-либо давалъ на нихъ и при жизни, кромѣ школы въ Спасскомъ,—а послѣ противника, этого „закоренѣлаго и остервенѣлаго крѣпостника, консерватора и поручика стариннаго закала“,—по опредѣленію Тургенева,—остались, какъ равно остались и студенты, на его „личныя“ средства воспитанные.

Люди, служившіе у Шеншиныхъ, послѣ ихъ смерти, получили богатое наслѣдство: такъ, напримѣръ, Е. В. Федорова, нынѣ Кудравцева,

¹⁾ Припомните нападки на Тургенева извѣстныхъ „критиковъ“, сравнивавшихъ его съ Кирсановымъ, рѣшающимся говорить съ мужикомъ, лишь закрывавъ носъ надушеннымъ платкомъ. Это, конечно, не болѣе какъ „литературный приемъ“ тѣхъ критиковъ, но во всякомъ случаѣ, изъ двухъ писателей нашихъ, Фетъ-то подходилъ къ русскому мужику съ чувствомъ менѣе „барскимъ“, чѣмъ Тургеневъ; Фетъ зналъ мужика солдатомъ, и какъ хозяинъ, прожившій почти всю жизнь въ деревнѣ, и какъ мировой судья, а не изъ-за заграничнаго далѣка. Только Фетъ „не обсахаривалъ“ мужика, не распинался въ восхваленіяхъ его чудныхъ качествъ. Это вѣрно, и въ этомъ сказала прамота дяди...

барышня-секретарша дяди, прослужившая у него и Марьи Петровны около восьми лѣтъ, получила около 10.000 рублей. Кучеръ, поваръ, лакеи, до послѣдняго мальчишки на побѣгушкахъ—всѣ обезпечены щедрой рукой стариковъ; мало того, умирая, старики просили своихъ богатыхъ родственниковъ не оставить людей, у нихъ служившихъ, и всѣ эти люди, дѣйствительно, получили прекрасныя мѣста; если нужно будетъ—я все это перечислю ¹⁾, всѣ они живы, и Шеншинныхъ поминають добрымъ словомъ. Не забыты причты и приходскія церкви,—словомъ, дай Богъ всякому пріять такую „безболѣзненную ии епостыдную кончину“, какъ мои старики... Гдѣ дворня Тургенева, гдѣ его старые слуги? По богадельнямъ, собирають кусочки.

Надо же, господа, быть справедливымъ, не увлекаться симпатичностью или несимпатичностью личныхъ *убѣжденій* того или другого лица!

Да и всѣ ли „убѣжденія“ Тургенева такъ безспорны, всѣ ли убѣжденія Фета—такъ постыдны?

Споровъ „о прекрасномъ“ не касаюсь—это теоретическая канитель, которой не предвидится конца. Едва ли, все-таки, можно безусловно согласиться съ критическими замѣчаніями Тургенева на стихи Фета и съ тѣмъ, что „Фетъ очень умно поступить, если сдержитъ слово, данное тебѣ“ ²⁾, и бросить писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя“... И послѣ 1868 года, до самой своей кончины, Фетъ писалъ превосходнѣйшіе стихи, которые украшаютъ нашу лирику и долго будутъ цѣниться любителями этого рода литературы.

Я плохой судья въ этомъ дѣлѣ, и пусть наши литературные критики выскажутъ свое мнѣніе по этому поводу. Однако, я едва ли прегрѣшу, если скажу, что заслуги Фета, какъ лирическаго поэта, должны считаться неизмѣримо выше таковыхъ же И. С. Тургенева, и въ ихъ спорахъ о томъ или другомъ произведеніи дяди, этотъ послѣдній не всегда же былъ неправъ.

Уже одно то, повторяю, что Фетъ былъ *мастеръ* своего дѣла, носилъ въ своей душѣ образы, которые являлись у него въ стихахъ, любилъ эти образы и стихи, должно было сдѣлать и то, что онъ объ нихъ могъ вѣрнѣе судить.

Но, впрочемъ, главный пунктъ обвиненій г. Гутьяра—не Фетъ-поэтъ, а Фетъ-человѣкъ, и я имѣю цѣлью здѣсь говорить о дядѣ именно какъ о *человѣкѣ*.

Къ этому и вернемся.

¹⁾ По духовнымъ завѣщаніямъ, утвержденнымъ судомъ.

²⁾ Письмо Тургенева Полонскому, 1868 г.

Разсужденія Тургенева, что „община и круговая порука очень выгодны для помѣщика, для власти“ и невыгодны для крестьянъ и подлежатъ упраздненію, и возраженія Фета—остаются и по сей день спорнымъ вопросомъ, и едва ли сами поклонники Ивана Сергѣевича условно примѣнутъ къ нему.

Имѣйте въ виду, что *въ то время* вопросъ этотъ еще былъ неразрѣшимъ, хотя бы по новости самаго предмета.

За что же обвинять Фета и одного Фета, а не вмѣстѣ съ Тургеневымъ, что они его не разрѣшили?

Что же касается выхода Фета изъ „Литературнаго фонда“, то опять почтительнѣйше указываю г. Гутьяру и К^ю, что „матеріальные“ разсчеты должны бы были заставить именно Фета въ немъ оставаться, такъ какъ Фетъ *тогда* не былъ ни „богатъ“, ни „знатенъ“, ни тѣмъ болѣе „независимъ“, въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ г. Гутьяръ.

Фетъ былъ „независимъ“ въ своихъ убѣжденіяхъ—да! здѣсь онъ былъ такимъ всегда, какой бы грязью ни старались его забросать противники!..

Если же Фетъ вышелъ изъ „фонда“ по убѣжденію,—въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія,—то осуждать его за это по меньшей мѣрѣ странно: „Литературный фондъ“ вѣдь не каторга, изъ которой никто не можетъ выйти по своему желанію...

Точно также исторія не оправдала и убѣжденія Тургенева, что „литературныя заслуги А. Н. Аѳанасьева“... будутъ помниться тогда, когда наши съ вами, любезный другъ (Фетъ), давно уже пожрутъя мракомъ забвенія“.

И Тургенева, и Фета—знаетъ вся Россія,—особенно перваго, а про Аѳанасьева знаютъ только спеціалисты; значитъ, и тутъ Фетъ смотрѣлъ на дѣло трезво, а Тургеневъ—увлекался.

Что въ средѣ литераторовъ *того времени*,—не было нуждающихся,—въ этомъ Фетъ былъ, можетъ быть, и не совсѣмъ правъ; но что (*въ то время*, повторяю) тогда вся литература была въ рукахъ помѣщичьихъ дворянъ, и что эти послѣдніе были ея главными представителями и, слѣдовательно, не могли особенно нуждаться,—объ этомъ теперь тоже не спорять,—и Фетъ, опять-таки, былъ болѣе близокъ къ истинѣ, чѣмъ Тургеневъ.

Я бы могъ, изъ статьи г. Гутьяра, привести еще цѣлый рядъ подобныхъ неосновательныхъ „обвиненій“, взводимыхъ имъ на Фета,—но, во-первыхъ, моя замѣтка и безъ того вышла очень длинна, а, во-вторыхъ, я надѣюсь, что многіе изъ оставшихся въ живыхъ знакомыхъ дяди моего, лучше и долѣе моего его знавшихъ, возьмутъ на себя трудъ защитить его память...

Сошлюсь хотъ на уважаемаго Владиміра Сергѣевича Соловьева,

близкаго редакціи „Вѣстника Европы“, на графа Л. Н. Толстого, Н. А. Звѣрева, Л. М. Лопатина и многихъ другихъ.

Надергать „фактовъ“, освѣтить ихъ подъ извѣстнымъ угломъ и бросить ими въ могилу человѣка, и при жизни имѣвшаго многихъ непримиримыхъ враговъ,—очень легко, но вопросъ,—доброе ли это, похвальное ли дѣло?

Также вопросъ,—дѣло ли *литературы* собирать всѣ эти „факты“, доказываться до причинъ „соры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“,—хотя бы эти лица и принадлежали къ литераторамъ?

Теперь два слова объ этихъ послѣднихъ и отношеніяхъ къ нимъ Фета.

Что Тургеневъ былъ очень добрый человѣкъ и очень любилъ покровительствовать и устроить молодыхъ писателей—это извѣстно.

Дѣятельность Фета, въ этомъ отношеніи, никому неизвѣстна,—но это отнюдь не значитъ, что Фетъ не принималъ горячаго участія въ судьбѣ начинающихъ писателей, въ которыхъ онъ видѣлъ проблески таланта. Неизвѣстно многое объ этомъ предметѣ все по той же скромности Фета: если ему удавалось сдѣлать кому-нибудь добро, то можно было быть увѣреннымъ, что объ этомъ или вовсе никто знать не будетъ, или, если и узнаетъ, то отъ Фета—послѣдняго. Ничѣмъ такъ нельзя было разстроить дядю, какъ сказать ему, что вотъ, дескать, вы сдѣлали для такого-то такое-то доброе дѣло. На сцену являлся Шопенгауеръ, а подъ часъ и Ницше, и начиналась долгая бесѣда о томъ, что такое добро, и что зло—и какъ къ нимъ долженъ относиться философъ. Въ концѣ-концовъ выходило, что если онъ, Фетъ, и сдѣлалъ данное доброе дѣло, то это ошибка съ его стороны,—не болѣе, и онъ тутъ прегрѣшилъ противъ философіи, въ чемъ и кается безмѣрно.

Въ послѣдніе годы его жизни, его буквально заваливали присылкой стиховъ, съ разныхъ концовъ Россіи, отъ начинающихъ поэтовъ и поэтессъ, и надо было видѣть тѣ муки, которыя переживалъ этотъ деликатнѣйшій человѣкъ, если ему приходилось отвѣчать юному собрату по служенію музамъ, что онъ не видитъ толку въ его писаніяхъ...

Наоборотъ, если присланное произведеніе было хорошо, или обѣщало, что рука, его писавшая, можетъ написать лучше,—дядя расцвѣталъ и начиналъ хлопотать, чтобы „дать ходъ“ молодому писателю. Какъ и гдѣ онъ хлопоталъ—этого, повторяю, никто не зналъ, но, судя по появленію на его столѣ книжекъ и нумеровъ тѣхъ изданій, которыя дядя обыкновенно не получалъ и не читалъ, съ разрѣзанными страницами, гдѣ напечатаны произведенія разныхъ X. и Y.,—можно было безошибочно сказать, что эти неизвѣстные величины

увидѣли типографскій станокъ благодаря дядѣ. Я сошелся близко съ дядей уже незадолго до его смерти,—раньше я служилъ во флотѣ, жилъ за границей, учился и его совѣтъ почти не зналъ, да и по лѣтамъ своимъ могъ близко помнить и знать только послѣдніе годы его жизни, и не знаю, что дѣлалъ дядя по отношенію къ своимъ начинающимъ собратьямъ. Но вотъ одинъ фактъ, который мнѣ удалось подмѣтить—изъ послѣднихъ годовъ его жизни.

Начинающій поэтъ, г. Шуфъ, познакомилъ дядю съ нѣкоторыми своими произведеніями, которыя очень понравились дядѣ, и отъ которыхъ—въ особенности отъ описанія Крыма и моря—онъ пришелъ въ восторгъ. Онъ началъ хлопотать, чтобы одно крупное произведение г. Шуфа было напечатано въ одномъ изъ изданій, къ которымъ дядя былъ близокъ,—но это почему-то ему не удалось. Кажется, дядя настаивалъ, чтобы эти изданія не скупились и хорошенько заплатили автору, а ему предлагали „дешево“; дядя умѣлъ считать, особенно если это касалось интересовъ другого, ему довѣрившаго лица.

Тутъ случился Вл. С. Соловьевъ, и дядя обратился къ нему съ просьбой похлопотать за г. Шуфа въ редакціи „Вѣстника Европы“—„тамъ намъ хорошо заплатятъ“,—говорилъ дядя.

Вл. С. Соловьевъ и самъ нашель, что произведение молодого автора очень хорошо, похлопоталъ и, дѣйствительно, въ „Вѣстникѣ Европы“ стали печатать г. Шуфа. Дядя былъ въ восторгѣ и благодарилъ В. С.—ча безъ мѣры. И г. Шуфъ, и Вл. Соловьевъ—живы, и думаю,—они не откажутъ подтвердить мои слова; кромѣ того, я надѣюсь, что если эти строки попадутся и „Иксамъ“, и „Игрекамъ“, которымъ дядя помогъ пробиться на литературную дорогу, то и они не откажутъ помянуть добрымъ словомъ Фета и тѣмъ снять съ его памяти нареканія, брошенныя въ него г. Гутьяромъ... Знаю я еще, какъ горячо относился Фетъ къ одной молодой дѣвушкѣ, графинѣ С., видя въ ней задатки таланта. Онъ даже поручилъ одному своему старому другу попросить г-жу С. окончить его переводъ „Эротики“ Овидія, котораго онъ, за предсмертной болѣзнью, самъ сдѣлать не успѣлъ. Г-жа С. исполнила блестяще завѣщаніе дяди, и я надѣюсь, въ скоромъ времени, познакомить читателей и съ переводомъ Фета, и окончаніемъ его, сдѣланымъ графиней С.

Никто, можетъ быть, не знаетъ, что покойный критикъ, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, только по совѣту и настоянію дяди, сталъ продолжать писать свои рассказы, и если изъ него, не выработался извѣстный беллетристъ, то этому помѣшала его преждевременная кончина...

Знаю я и еще нѣсколько фактовъ въ этомъ родѣ, но вѣдь я теперь пишу не свои воспоминанія, а желаю сказать нѣсколько словъ

о *Воспоминаніяхъ* Фета и по поводу употребленія, которое угодно было сдѣлать изъ нихъ г. Гутьяру...

Въ заключеніе, не могу умолчать о томъ обстоятельстве, что А. А. Фетъ пользовался, до гробовой доски, дружбой, любовью и расположеніемъ такихъ лицъ, какъ К. Р., Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ и вся его уважаемая семья, Н. А. Звѣревъ, Гротъ, Кетчеръ, Аполлонъ Григорьевъ, Погодинъ, Тютчевъ, Коршъ, Я. П. Полонскій, А. В. Плетневъ, Лопатины, Говоруха-Отрокъ, Катковъ, Леонтьевъ, графъ Олсуфьевъ, Хитрово и многое множество другихъ, не говоря про Тургенева, графовъ Льва и Алексѣя Толстыхъ и ихъ семействъ, Анненкова, Боткиныхъ...

Сколько здѣсь *именъ*, сколько *лагерей* и *направленій*,—и всѣ эти лагеря и направленія сходились мирно въ кабинетъ дяди и, зачастую, примирались между собою, ведя дружескую бесѣду подъ председательствомъ маститаго хозяина, старика Фета. Чтò влекло всѣхъ ихъ къ нему?

Разсчитать, корысть,—заискивали въ немъ?...

Неужели, спрашивается, этотъ цвѣтъ русской мысли и литературы сталъ бы десятками лѣтъ дружить съ такимъ человѣкомъ, какимъ онъ вышелъ у г. Гутьяра?

Едва ли. Иначе пришлось бы разочароваться и въ этихъ людяхъ, которымъ мы, молодое поколѣніе, привыкли вѣрить, и которыхъ уважать училъ насъ А. А. Фетъ.

В. Н. Семеновичъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Gerhart Hauptmann*. „Schluck und Jau, Spiel zu Scherz und Schimpf“. Berlin 1900. Стр. 172.

Новая комедія Гауптмана „Шлукъ и Яу“ должна возбудить нѣкоторое разочарованіе въ поклонникахъ даровитаго нѣмецкаго драматурга. Въ литературномъ отношеніи она слаба, въ ней нѣтъ интересныхъ характеровъ и дѣйствій, а преувеличенно грубый комизмъ положеній и отдѣльныхъ сценъ недостаточно яркій, чтобы искупить неудовлетворительность идейнаго и психологическаго замысла. Гауптманъ, съ его неустаннымъ стремленіемъ къ новаторству, хотѣлъ, очевидно, и на этотъ разъ внести нѣчто новое въ современную драму. Сознавая, что театръ имѣетъ, и помимо общелитературныхъ задачъ и цѣлей, еще и свою обособленную область, Гауптманъ хотѣлъ написать пьесу не литературную, а чисто театральную, нѣчто вродѣ средне-вѣковаго фарса, построеннаго на рѣзкихъ комическихъ контрастахъ, на каррикатурности персонажей, даже на чисто-пантомимныхъ эффектахъ, гримасахъ, дракахъ и т. д. Въ европейской литературѣ существуетъ множество знаменитыхъ фарсовъ такого рода; къ нимъ нельзя предъявлять требованія психологической правдоподобности и литературной выработки характеровъ, но они все-же полны интереса, благодаря богатству и оригинальности вымысла, и заражаютъ своей веселостью не только наивнаго зрителя прежнихъ временъ, но и усталаго интеллигента нашего времени. Еще въ недавнее время во Франціи и на другихъ европейскихъ сценахъ возобновленъ былъ средне-вѣковой фарсъ— „Адвокатъ Пателенъ“, имѣвшій не менѣе успѣха, чѣмъ самый современный водевиль или комедіи Мельяка, Пальерона и другихъ новѣйшихъ властителей сцены. А фарсы Мольера, даже самые грубые и неправдоподобные, какъ „Пурсоньякъ“, смотрятся съ величайшимъ интересомъ. Если же комедія Гауптмана, несмотря на нѣкоторыя смѣшныя сцены, возбуждаетъ скорѣе недоумѣніе и досаду, то это происходитъ, очевидно, оттого, что у современнаго драматурга, какъ бы онъ ни былъ талантливъ, нѣтъ достаточно наивности, чтобы быть стихійно веселымъ и любить жизнь даже въ ея уродливыхъ проявленіяхъ.

Фарсъ Гауптмана страдаетъ тѣмъ, что въ немъ чувствуется искусственное механическое построеніе. Авторъ беретъ два совершенно противоположныхъ, не имѣющихъ ничего общаго одинъ съ другимъ, міра, и приводитъ ихъ въ соприкосновеніе, не оправдываемое ника-

кими внутренними причинами, слишкомъ произвольное, не мотивированное, чтобы возбудить къ себѣ интересъ. Люди, ненужнымъ образомъ столкнувшіеся, говорятъ и дѣйствуютъ каждый по-своему, абсолютно неспособные даже понять другъ друга; въ результатѣ получается не комическое внѣшнее сліяніе того, въ чемъ чувствуется необходимая рознь, а два параллельныхъ дѣйствія. Истинный комизмъ получился бы только тогда, еслибы сплетеніе противоположныхъ интересовъ въ самомъ дѣлѣ происходило въ пьесѣ, еслибы фарсъ разыгрывался только для зрителей, а не для самихъ дѣйствующихъ лицъ. Психологическій экспериментъ, на которомъ основана пьеса, годится для утонченныхъ комедій характеровъ въ духѣ Мариво, а не для фарса, въ которомъ быстрота и веселая запутанность фабулы должны замѣнить всякія другія литературныя достоинства.

Кромѣ того, идея, положенная въ основу „Шлукъ и Яу“, проникнута ироническимъ скептицизмомъ разочарованнаго человѣка XIX вѣка; фарсъ же можетъ возникнуть только на почвѣ жизнерадостнаго оптимизма, здоровой любви и вѣры въ жизнь—какъ у Мольера и другихъ настоящихъ юмористовъ. Мысль Гауптмана можно формулировать нѣмецкой пословицей: „платье дѣлаетъ людей“. Мысль эта въ своемъ философскомъ значеніи не нова. На ней построено одно изъ великихъ, тоже юмористическихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и философскихъ произведеній XIX вѣка—„Sartor Resartus“ Карлейля. Въ другомъ освѣщеніи, т.-е. какъ мысль о томъ, что все въ жизни одинаково призрачно, что игра и дѣйствительность, или сонъ и дѣйствительность—одно и то же,—эта мысль служила темой цѣлаго ряда драматическихъ произведеній; серія ихъ начинается съ великой мистеріи Кальдерона: „Жизнь есть сонъ“, и еще недавно послужила темой для граціозной скептической трилогіи молодого вѣнскаго драматурга, Шницлера. Гауптманъ задумалъ воплотить ту же мысль въ рѣзко комической формѣ, и для этого опять-таки воспользовался положеніемъ, уже разработаннымъ до него—завязкой комедіи Шекспира „Укрощеніе строптивой“. Тамъ, какъ извѣстно, чтобы потѣшиться надъ пьяницей, переносятъ его въ глубокомъ снѣ во дворецъ. Онъ просыпается въ совершенно непонятной для него обстановкѣ, ему оказываютъ всяческія почести, и онъ самымъ комичнымъ образомъ ведетъ себя, не понимая, происходитъ ли все, что онъ видитъ во снѣ, или на яву. Содержаніе комедіи Гауптмана буквально то же самое. Пьяница Яу и его закадычный другъ Шлукъ лежатъ въ канавѣ послѣ слишкомъ усердныхъ скитаній по кабакамъ. Яу совершенно пьянъ, куражится, требуетъ еще водки и предлагаетъ покупателямъ, которые ему очевидно снятся, свой товаръ,—коробки съ мятными лепешками. Шлукъ, еще сохранившій способность разсуждать, старается его урезонить, но въ концѣ концовъ общается ему даже достать еще

водки, лишь бы онъ не заснулъ по дорогѣ, прежде чѣмъ они доберутся до дому. Но Ю все-таки засыпаетъ, къ ужасу Шлука, и въ это время какъ разъ проходятъ компанія знатныхъ охотниковъ, Джонъ Рандъ и его свита. Джонъ Рандъ — скучающій герцогъ, личность котораго остается во всей пьесѣ совершенно невыясненной. Это какая-то марионетка; мы только знаемъ, что онъ, герцогъ, скучаетъ, любитъ красивую молодую дѣвушку, осыпаетъ ее подарками, но, очевидно, все-таки скучаетъ, потому что его другъ и пристѣшникъ считаетъ своимъ долгомъ принимать самыя экстраординарныя мѣры, чтобы развлечь его. Никакого внутреннего интереса вся эта компанія, собравшаяся въ охотничьемъ замкѣ герцога, не представляетъ. Какъ тѣни, проходятъ передъ зрителемъ и самъ герцогъ, и красавица Сидлезиль, и ея дуэнья Аделуцъ, веселая и практичная молодая вдова, и вся свита непонятнаго герцога непонятной страны. Почему имъ скучно, чего они всѣ хотятъ, кто кого любитъ, и въ чемъ смыслъ того, что они другъ друга дразнятъ, потѣшаютъ и развлекаютъ — все это остается невыясненнымъ до конца. Очевидно, праздное, не знающее, чѣмъ убить время, общество нужно автору только какъ декорація, какъ фонъ, на которомъ должна ярво выдѣляться грубость и простонародная логика его главныхъ героевъ, двухъ пьяницъ, попавшихъ не въ свою компанію. Карлъ, другъ герцога, задумываетъ веселую шутку. Послѣ краткой бесѣды съ пьяницами, во время которой Шлукъ тщетно пытается выгородить своего товарища, доказать, что онъ не пьянъ, а страдаетъ падучей болѣзью и т. д., — Шлука временно отправляютъ въ тюрьму (предусмотрительный Карлъ знаетъ, что онъ понадобится для дальнѣйшаго теченія шутки), а другого, Ю, переносятъ спящаго во дворецъ и укладываютъ въ пышную постель. Когда онъ просыпается, у него на головѣ зубчатая корона, а вокругъ него цѣлая компанія придворныхъ, самъ герцогъ, выдающій себя за лейбъ-медика его сіятельства; Карлъ, называющій себя сенешалемъ, и нѣсколько слугъ, вопрошающихъ его сіятельство о томъ, выпьетъ ли онъ кофе, или шоколадъ, и какое платье онъ прикажетъ подать себѣ, охотничій ли костюмъ, опушенный соболями, или бархатное утреннее платье. Сцена пробужденія — одна изъ удачныхъ по комизму. Въ ней очень искусно переданъ переходъ отъ полной безсознательности къ изумленію и ужасу и, наконецъ, къ примиренію съ существующими обстоятельствами. Сначала, въ отвѣтъ на заискивающіе вопросы слугъ, Ю, который просто не понимаетъ ни ихъ словъ, ни ихъ движеній, — кричитъ, чтобы ему дали селедку, и продолжаетъ въ бреду говорить съ разными деревенскими властями, съ которыми у него, очевидно, было не мало столкновений. Потомъ, вглядываясь въ окружающее и совершенно растерявшись, онъ, какъ ребенокъ, зоветъ мать и кричитъ, чтобы она спасла его отъ кошмара. Но когда онъ, посредствомъ при-

мативныхъ средствъ, вродѣ щипковъ, убѣждается, что онъ не спитъ, онъ начинаетъ вслушиваться въ рѣчи мнимаго лейбъ-медика и сенешала о томъ, кто былъ его сіятельный отецъ, о томъ, что самъ онъ былъ долго боленъ и бредилъ тѣмъ, что онъ человѣкъ изъ народа; тогда онъ понемногу начинаетъ мириться съ диковинной, но пріятной дѣйствительностью. Высокопарныя рѣчи царедворцевъ ему весьма мало понятны, но онъ ощупываетъ у себя на головѣ корону, и это его убѣждаетъ. „Ich bin a Ferscht“ (я—князь), говоритъ онъ на своемъ деревенскомъ жаргонѣ, и съ этой минуты начинаетъ входить въ роль, очевидно, понимая, что быть владѣтельнымъ княземъ значитъ командовать всѣми, сладко ѣсть и много пить; это онъ продѣлываетъ съ большою энергіей. Сцена пробужденія весьма комична, но расхолаживаетъ своей неправдоподобностью. Во-первыхъ, совершенно непонятно, зачѣмъ герцогъ и его свита съ такимъ упорствомъ и съ такимъ усиліемъ разыгрываютъ всю комедію, которая ни къ чему не ведетъ. Затѣмъ, очевидно, что расточать лъстивыя утонченныя рѣчи передъ Яу—совершенно напрасный трудъ: онъ ихъ понять не можетъ. На самомъ дѣлѣ шутка не могла бы имѣть удачи,—слишкомъ большая пропасть отдѣляетъ грубаго, психологически совершенно нелюбопытнаго пьяницу отъ людей, которые изъ пустого каприза хотятъ втянуть его въ кругъ своихъ понятій. Лучшая сцена всей комедіи—та, гдѣ мнимому герцогу приводятъ во время пира его жену, т.-е. переодѣтаго въ богатое женское платье Шлука. Послѣднему вѣрно разыгрывать роль влюбленной въ своего супруга принцессы, и онъ, трепеща отъ страха, и въ то же время гордясь своимъ актерскимъ талантомъ, исполняетъ то, что отъ него требуютъ, ежеминутно, однако, выпадая изъ роли. Онъ не узнаетъ своего бывшего товарища—въ этомъ идейный смыслъ сцены и подтвержденіе основного ея положенія, что „платье дѣлаетъ людей“. Но гораздо интереснѣе самъ Яу, у котораго кошмаръ переплетается съ дѣйствительностью. Онъ готовъ вѣрить, что разряженная принцесса—его законная супруга, и въ то же время онъ ясно видитъ, что это—Шлукъ, и кошмаръ его прежней жизни опять предстаетъ передъ нимъ и грозитъ ему. Онъ уже отравленъ призракомъ могущества, и не хочетъ вернуться къ старому. Чтобы увѣрить себя въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ „a Ferscht“, онъ усиленно пьетъ шампанское, говоритъ о своихъ несмѣтныхъ богатствахъ и помыкаетъ всѣми присутствующими; но Шлукъ ему не даетъ покоя, и онъ въ ужасѣ кричитъ, чтобы убрали эту страшную женщину, которая не женщина; онъ предпочитаетъ ухаживать за красивой вдовой, дуэньей красавицы, которую ему представляютъ, какъ его дочь. Мысль о томъ, что платье дѣлаетъ людей, проводится и на примѣрѣ Шлука. Пока онъ переодѣтъ принцессой, всѣ за нимъ ухиваются и оказываютъ ему вниманіе. Когда же ему становится не въ

могутъ его роль, и, потихоньку выбравшись изъ залы, онъ возвращается туда въ своей прежней нищенской одеждѣ,—его съ негодованіемъ прогоняютъ. Въ немъ любили не его самого, а искусственно созданную иллюзію.

Шутка кончается, конечно, самымъ печальнымъ образомъ для двухъ пріятелей. Потѣшившись надъ глупымъ самообольщеніемъ пьяницы Яу, и видя, что онъ начинаетъ слишкомъ сильно пользоваться своею властью, его въ пьяномъ видѣ одѣваютъ въ прежнее платье и выбрасываютъ въ канаву, откуда взяли. Въ послѣдней сценѣ Шлукъ и Яу просыпаются на прежнемъ мѣстѣ, у края дороги, какъ разъ въ то время, когда герцогъ и его свита отправляются снова на охоту. Теперь онъ уже бредитъ не мятными лепешками, а своимъ недавнимъ величіемъ, и, видя передъ собой общество, отправляющееся на охоту, начинаетъ отдавать приказанія. Конечно надъ нимъ всѣ смѣются, и самъ герцогъ уходитъ, бросивъ ему изъ жалости кошелекъ съ деньгами. Шлукъ снова урезониваетъ его и зоветъ съ собою въ кабакъ. Яу, для котораго въ сущности главная радость жизни въ томъ, чтобы пить,—въ компаніи ли царедворцевъ, или съ деревенскими гуляками, все равно,—охотно сдается на доводы товарища, идетъ съ нимъ, заявляя, что, конечно, онъ князь, но что онъ любитъ и посидѣть съ простыми людьми, и тогда онъ „очень обходителенъ и очень простъ“, или, вѣрнѣе, грубъ (*Da bin ich siehr imgänglich, siehr gemeene*).

Такъ кончается экспериментъ, который въ сущности ничего не доказываетъ, потому что иллюзія, или, вѣрнѣе, кошмаръ могущества, ничѣмъ не отразился въ душѣ безнадежно низменнаго пьяницы. Есть еще одна мысль, которая сквозитъ въ комедіи Гауптмана, но недостаточно сильно выражена. Приключеніе съ Шлукомъ и Яу задумано какъ доказательство благотворнаго очистительнаго вліянія смѣха на спящія души людей. Скучающій герцогъ увидѣлъ двухъ пьяницъ въ моментъ возвращенія съ охоты. Ихъ гнусный видъ наполнилъ его душу негодованіемъ. Онъ возмущается тѣмъ, что красота утра осквернена существованіемъ столь низко павшихъ людей. На это Карлъ ему возражаетъ, что онъ, герцогъ, хотя и не ослѣпленъ излишнимъ количествомъ вина, но тоже осквернилъ природу, убивая прекрасныхъ ланей, вмѣсто того, чтобы восхищаться ими, какъ созданіями Божьими. Теперь негодованіе, вызванное уродствомъ пьяныхъ бродягъ, пробудило въ немъ живую душу. То, что сдѣлало въ это утро негодованіе, еще съ большей силой долженъ произвести смѣхъ,—вотъ почему Карлъ устраиваетъ комедію съ Шлукомъ и Яу, перенеся ихъ во дворецъ. Они должны поднять бодрость всей скучающей компаніи, возбудить смѣхъ—и тѣмъ самымъ пробудить здоровую дѣятельность души.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1900.

Нѣсколько дѣлъ о сопротивленіи власти.—Двукратная кара за одну и ту же вину.—Поучительная сторона судебного разбирательства.—Письмо г. Черноморца о севастопольскомъ процессѣ.—Одесская городская дума, саратовское губернское земское собраніе и провинціальная печать.—Послѣдніе неурядки въ сиб. городской думѣ.—Письмо въ Редакцію сотрудниковъ „Русскаго Туркестана“.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи разсматривалось немало дѣлъ о противодѣйствіи или сопротивленіи власти, въ особомъ порядкѣ, установленномъ для подобныхъ дѣлъ законами 1878-го и 1889-го гг. На мѣсто совершенія преступленія выѣзжало присутствіе судебной палаты; къ его составу присоединялись представители сословій; создавалась внушительная рамка, заставляющая предполагать нѣчто серьезное и важное—но вставлялись въ нее, весьма часто, картины, очень мало отвѣчавшія такому предположенію. Въ гор. Пинскѣ, напримѣръ, виленскою судебною палатою разсмотрѣно было два дѣла о противодѣйствіи, оказанномъ крестьянами при провѣркѣ и возобновленіи межевыхъ знаковъ—и по обоимъ дѣламъ подсудимые были признаны виновными только въ самоуправствѣ, т.-е. въ проступкѣ, подсудномъ мировому суду и влекущемъ за собою наказаніе не выше ареста... Въ казанской судебной палатѣ слушалось дѣло о девяти молодыхъ крестьянскихъ дѣвушкахъ, изъ крещеныхъ чувашекъ, находившихся на положеніи послушницъ въ ядринскомъ женскомъ монастырѣ. Обвинялись онѣ въ сопротивленіи уряднику и становому приставу при исполненіи указа духовной консисторіи о выселеніи изъ монастыря трехъ жившихъ тамъ мірянокъ. Подсудимыя, допрошенныя черезъ переводчика — по-русски ни одна изъ нихъ не могла дать объясненій,—приговорены къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ (за исключеніемъ одной, присужденной только къ трехнедѣльному аресту), хотя вся вина ихъ состояла въ томъ, что онѣ не пускали полицію въ амбаръ, гдѣ хранилось имущество выселяемыхъ, и мѣшали задержанію той послушницы, которую полиція хотѣла арестовать за особенно громкіе крики. Причиной такого образа дѣйствій подсудимыхъ была, повидимому, увѣренность, что указъ, для исполненія котораго явилась полиція—подложный, и сами исполнители—самозванцы. Со стороны полу-диварокъ, не знающихъ русскаго языка, такую увѣренность нельзя назвать удивительною; гораздо менѣе понятно, что ничего, повидимому, не было сдѣлано для предупре-

жденія безпорядковъ, или для своевременнаго ихъ прекращенія. „Не видно изъ дѣла“—читаемъ мы въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—„чтобы священникъ или сама игуменья, которая ни разу не выходила изъ своей кельи даже въ разгаръ сопротивленія властямъ, старались образумить *бунтовщицъ* мѣрами кротости, столь естественными въ мирной женской обители и въ особенности по отношенію къ недавно окрещеннымъ чувашкамъ... Изъ-за ничтожнаго домашняго столкновения эти чувашки попадаютъ изъ монастыря, гдѣ онѣ должны были получить духовное и нравственное воспитаніе, въ тюрьму, нравственное вліяніе которой хорошо всѣмъ извѣстно“...

Еще болѣе характерно дѣло о сопротивленіи властямъ въ гор. Луганскѣ (екатеринославской губерніи), разсмотрѣнное, въ Таганрогѣ, особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты. 20-го мая 1899 г., въ Луганскѣ были арестованы за пьянство и буйство двое мѣстныхъ обывателей. При арестованіи городовые нанесли имъ тяжкіе побои, отчего одинъ изъ арестованныхъ вскорѣ умеръ. Трупъ его былъ перевезенъ на кладбище для вскрытія. Во время вскрытія на кладбищѣ собралась значительная толпа, громкими криками выразившая свое негодованіе: говорили, что прежде въ Луганскѣ жили безъ полиціи, и никто людей не убивалъ; по адресу полиціи слышались угрозы. На слѣдующій день волненіе продолжалось: толпа не хотѣла допускать погребеніе убитаго и требовала новаго вскрытія. Усилія полиціи, священника, земскаго начальника успокоить толпу были тщетны. Особенно бушевалъ нѣкто Чукинъ. Въ день погребенія опять собралась большая толпа, но казаки разогнали ее нагайками; Чукинъ, наканунѣ арестованный, былъ освобожденъ, и городъ успокоился. На судебномъ слѣдствіи исправникъ показалъ, что народъ волновался и шумѣлъ, но насилія не производилъ никакого. По объясненію священника, онъ не замѣтилъ на улицѣ ничего необычайнаго; въ толпѣ не было ничего страшнаго или угрожающаго; она домогалась только одного — чтобы не были скрыты слѣды убійства, совершеннаго городовыми. Въ такомъ же смыслѣ дали показанія врачъ, полицейскіе надзиратели и всѣ остальные свидѣтели, кромѣ одного—земскаго начальника: ему безпорядки показались грандіозными, но и онъ призналъ, что толпа ограничивалась однимъ галдѣньемъ; португеза была у него оборвана и шпора отдавлена—случайно. Группируя матеріалъ, добытый судебнымъ слѣдствіемъ, защитникъ обвиняемыхъ, присяжный повѣренный Левченко, совершенно правильно указалъ на то, что они не сопротивлялись власти, а искали ея—и не находили: „потерявъ вѣру въ скомпрометированную мѣстную власть, толпа жаждала другой власти—высшей, настоящей“. Такъ взглянула на дѣло и судебная палата: изъ шестнадцати подсудимыхъ восемь оправданы совершенно, шесть присуждены къ штрафу въ размѣрѣ отъ 3 до 10 рублей, и только двое

(въ томъ числѣ Чукинъ)—къ аресту (на полтора мѣсяца и на семь дней). Во всѣхъ этихъ случаяхъ тяжеловѣсный, дорого стоющій механизмъ былъ пущенъ въ ходъ, очевидно, безъ достаточной къ тому причины; на степень сопротивленія власти были возведены мало-важные проступки—самоуправство, нарушеніе общественной тишины, —или недоразумѣнія, совершенно чуждыя уголовного характера.

Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе дѣла о сопротивленіи власти производятъ тогда, когда они оканчиваются суровыми обвинительными приговорами. Бываютъ, во-первыхъ, случаи, когда подсудимымъ приходится нести кару дважды—сначала безъ суда, потомъ по суду. Такова была, напримѣръ, судьба крестьянъ м. Вязовки (черкаскаго уѣзда кievской губерніи), преданныхъ суду кievской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, за безпорядки аграрнаго характера: они присуждены къ заключенію въ тюрьмѣ, на сроки отъ восьми мѣсяцевъ до одного года, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ были уже наказаны розгами по распоряженію вице-губернатора и въ ихъ дома былъ водворенъ, въ видѣ экзекуціи, отрядъ солдатъ. Нѣчто въ этомъ родѣ происходило, очевидно, и при усмирении волненій въ деревняхъ ставропольскаго уѣзда (самарской губерніи), ближайшихъ къ имѣніямъ гр. Орлова-Давыдова—волненій, повлекшихъ за собою судебное разбирательство въ самарскомъ окружномъ судѣ. По заявленію защитниковъ, по отношенію къ крестьянамъ были совершены „дѣйствія, носившія характеръ наказанія“. Дальнѣйшее разслѣдованіе этого вопроса не было допущено предсѣдателемъ, но самый фактъ, указанный защитой, остался безъ опроверженія. Какъ слѣдуетъ смотрѣть на карательныя мѣры, принимаемыя до суда и безъ суда—объ этомъ мы уже не разъ говорили ¹⁾. Помимо явнаго нарушенія юридической аксіомы: *non bis in idem*,—онѣ представляютъ собою самый опасный видъ расправы, произвольной и случайной, постигающей, сплошь и рядомъ, вовсе не настоящихъ виновныхъ, совершенно бесполезной какъ съ точки зрѣнія прекращенія безпорядковъ—потому что возможность ея возникаетъ лишь послѣ возстановленія порядка,—такъ и съ точки зрѣнія ихъ предупрежденія—потому что устрашающее дѣйствіе экзекуція производитъ только на ея свидѣтелей и ближайшихъ сосѣдей. Пока такая расправа не отойдетъ въ прошедшее, навсегда и безповоротнo, до тѣхъ поръ у насъ не можетъ быть и рѣчи ни о господствѣ закона, ни объ уваженіи къ человѣческой личности... Что самыя рѣзкія формы административной расправы пускаются иногда въ ходъ при обстоятельствахъ вовсе не чрезвычайныхъ—это доказывается, между прочимъ, ставропольскими аграрными волненіями, участниками

¹⁾ См., напр., Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г. и № 4 за 1897 г.

которыхъ были преданы суду не по обвиненію въ сопротивленіи власти, а лишь по обвиненію въ завладѣніи чужою землею, угрозахъ полицейскимъ чинамъ и оскорбленіи словами—земскаго начальника и станового пристава, дѣйствіемъ—полицейскаго урядника, вслѣдствіе чего и самое дѣло о нихъ разбиралось не особымъ присутствіемъ судебной палаты, а окружнымъ судомъ, безъ участія присяжныхъ...

Другая черта, часто выступающая наружу въ процессахъ о массовыхъ волненіяхъ—это недостатокъ осторожности въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ охраненію или восстановленію порядка. Вотъ, напримѣръ, что обнаружилось при разборѣ кievской судебной палатой, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла о крестьянахъ м. Кузовки (черкаскаго уѣзда, кievской губерніи). Жители этого мѣстечка считали себя въ правѣ выгонять свой скотъ, для пастбы, на землю сосѣднего владѣльца; право это оспаривалось владѣльческою экономіей, желавшею, чтобы крестьяне арендовали у нея необходимую для выпаса землю. По распоряженію исправника, становой приставъ, съ отрядомъ урядниковъ и сотскихъ, устроилъ, ночью, засаду, чтобы задержать крестьянскій скотъ. Крестьяне, не подозрѣвая присутствія властей, сочли этотъ отрядъ за служителей экономіи и вступили съ нимъ въ борьбу, при чемъ нанесены были побои уряднику и нѣсколькимъ сотскимъ. За это двадцать-шесть крестьянъ были преданы суду по обвиненію въ вооруженномъ сопротивленіи власти. На судѣ исправникъ и становой мотивировали принятую ими экстраординарную мѣру циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ и кievскаго губернатора, требовавшими, чтобы въ случаѣ столкновеній между помѣщиками и крестьянами собирались команды изъ урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ, и интересы владѣльцевъ охранялись силой. Никто изъ крестьянъ не зналъ о засадѣ; приготовленія къ ней велись въ большомъ секретѣ. Одинъ изъ урядниковъ показалъ, что его перестали бить, какъ только удостовѣрились, что онъ—полицейскій чинъ. Ни одинъ изъ обвиняемыхъ не былъ признанъ потерпѣвшими и свидѣтелями, какъ участникъ нападенія; противъ нихъ имѣлись только косвенныя улики. Судебная палата оправдала 12 обвиняемыхъ, но изъ остальныхъ 14-ти одиннадцать присуждены къ тяжкому наказанію—отдачѣ въ арестантское отдѣленіе на два года (трое несовершеннолѣтнихъ приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что безъ засады не было бы и сопротивленія—а засада была тѣмъ менѣе нужна и тѣмъ менѣе допустима, что крестьяне вовсе не скрывали своего намѣренія пасти скотъ на помѣщичьей землѣ...

Въ ставропольскомъ дѣлѣ ближайшимъ поводомъ къ самовольнымъ поступкамъ крестьянъ послужилъ отказъ земскаго начальника утвер-

дить приговоръ о выборѣ уполномоченныхъ, которымъ крестьяне хотѣли поручить ходатайство о признаніи за ними правъ на спорную землю.

Въ процессахъ, нами упомянутыхъ и имъ аналогичныхъ, можно найти указанія не только на слабыя стороны дѣйствующихъ процессуальныхъ правилъ, не только на административныя приемы, бьющіе черезъ край или не достигающіе цѣли, но и на экономическія условія, съ которыми слѣдуетъ считаться при стремленіи къ улучшенію народнаго быта. Вотъ, напримѣръ, что сказано въ обвинительномъ актѣ по ставропольскому дѣлу: „Экономическое положеніе крестьянъ (привлеченныхъ къ суду) представляется очень тяжелымъ. Получивъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости только дарственный наѣлъ и окруженные со всѣхъ сторонъ огромными пространствами земель графа Орлова-Давыдова, не имѣя ни пашни, ни выпаса для скота, ни лѣса, крестьяне находятся въ полной экономической зависимости отъ своего помѣщика; послѣдній предписываетъ имъ какія угодно условія—и они вынуждены всегда на нихъ соглашаться; съ каждымъ годомъ эти условія становятся все болѣе и болѣе тяжелыми; управляющій графа Орлова-Давыдова предъявляетъ все болѣе и болѣе строгія требованія, а за неисполненіе ихъ налагаетъ все болѣе и болѣе суровые штрафы; между тѣмъ рядъ неурожайныхъ лѣтъ совершенно подкосилъ благосостояніе крестьянъ, и въ 1899 г., вслѣдствіе новаго неурожая, имъ было трудно, чѣмъ когда-нибудь прежде, выполнить требованія экономической конторы графа Орлова-Давыдова. Земля у графа Орлова-Давыдова сдается въ аренду крестьянамъ частью за деньги, а болѣею частью исполу; при этомъ крестьянинъ за полученную нѣ аренду десятину земли обязывается обработать,—начиная съ запашки и кончая возкою сноповъ на гумно,—десятину земли для графа и, кромѣ того, вывезти въ поле изъ овчаренъ двѣ сажени навоза на разстояніи 2—3 верстъ. Арендующіе землю крестьяне связываются между собою круговою порукою, такъ что за неисполнившаго работу крестьянина обязанъ ее сдѣлать товарищъ по арендѣ, а неисправный арендаторъ обязывается, въ видѣ штрафа, исполнить работу вдвое больше той, на которую онъ не явился. Наконецъ, арендаторы имѣютъ право лишь тогда приниматься за обработку своей земли, когда они выполнили всѣ работы на экономію графа. Особенно тяжелою была для крестьянъ въ 1899 г. вывозка навоза, такъ какъ, благодаря общему неурожаю хлѣбовъ и почти полному отсутствію кормовъ, многіе крестьяне вовсе лишились въ этомъ году лошадей, а у другихъ лошади до такой степени отошали, что были не въ силахъ возить навозъ“... При рассмотрѣніи дѣла о безпорядкахъ въ м. Вязовкѣ мѣстный мировой посредникъ показалъ, что положеніе крестьянъ весьма тяжело: „стоимость аренды непомѣрно высока (18—26 руб. за десятину); плата мѣстнымъ

крестьянамъ копѣекъ на пять въ день ниже, чѣмъ чужимъ; система штрафовъ слишкомъ строгая; экономическіе служащіе относятся къ крестьянамъ грубо, придирчиво". При разсмотрѣніи дѣла крестьянъ м. Кузовки обнаружилось, что съ цѣлью лишенія крестьянъ возможности пасти свой скотъ въ паровомъ полѣ экономія сѣяла на этомъ полѣ свеклу, послѣ которой никакого выпаса нѣтъ. Съ особенною яркостью всѣ подобныя явленія выступаютъ на видъ именно благодаря судебнымъ процессамъ — и этотъ источникъ свѣдѣній заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія администраціи и общества.

Какую важную роль играетъ судебная гласность въ раскрытіи тайныхъ золь, подтачивающихъ благосостояніе государства—это показываетъ, между прочимъ, и колоссальное дѣло о злоупотребленіяхъ при поставкѣ минеральнаго топлива и другихъ матеріаловъ для черноморскаго флота, разбираемое въ Севастополѣ военно-морскимъ судомъ. Уже теперь, когда еще неизвѣстны всѣ его подробности, можно сказать утвердительно, что оно приведетъ къ важнымъ открытіямъ, броситъ свѣтъ на многое, до сихъ поръ остававшееся подъ спудомъ. Таковъ, очевидно, смыслъ телеграммы, напечатанной (20-го марта) въ № 8643 „Новаго Времени": „По истинѣ задача защиты въ столь обширномъ и исключительномъ дѣлѣ была нелегкая, въ особенности если принять во вниманіе *твердое намыреніе ея ближе подойти къ истинѣ, скрытой всякими въковыми обычаями и несовершенными порядками*. Цѣль защиты—установить *реальные факты, являющіеся въ настоящее время цвѣточками*". Последняя фраза должна быть понимаема, по всей вѣроятности, такъ, что за *цвѣточками* должны послѣдовать *яшки*. На это намекаетъ еще яснѣе письмо *Черноморца*, напечатанное въ № 74 „Московскихъ Вѣдомостей".

Г-нъ Черноморецъ отмѣчаетъ „фактъ, хотя и не занесенный на скрижали процесса, но самъ собою бросающійся въ глаза: это—то обстоятельство, что на скамьѣ подсудимыхъ фигурируютъ мелкіе чинушки, комиссары, надсмотрщики, поставщики, пріемщики, механики и прочій *подлый* (по старой терминологіи) народъ, и совершенно отсутствуютъ командиры судовъ, старшіе офицеры, ревизоры, высшіе портовые начальники и командиры эскадръ. Какъ хотите, а это фактъ очень „утѣшительный" (ковычки въ подлинникѣ): имъ подтверждается, что всѣ эти лица непричастны къ дѣлу расхищенія казны, къ дѣлу гибели родного флота, на которомъ они служили и служатъ..... (многоточіе въ подлинникѣ). Просто, люди ничего не знали и не вѣдали, что во ввѣренныхъ имъ портахъ и на ихъ судахъ творится! Sancta simplicitas! Довѣрчивость и младенческая невинность господъ командировъ и ревизоровъ хотя и не похвальна, можетъ быть,

но, повторяю, очевидно, „виновны“ только тѣ, кто сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ: не всякому вѣдь дана чуткость постигать, изъ чего составляются на судахъ разныя *экономическія суммы*; составилаь такая сумма, и—слава Богу! Пословица говорить, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ... Но и Севастополь, и Николаевъ, и Одесса, и Батумъ обстроились очень хорошо, а изъ числа новыхъ домовладѣльцевъ на скамьѣ-то подсудимыхъ засѣдаютъ очень немногіе; значить, старая пословица невѣрна,—только и всего“.

Дальше г-нъ Черноморецъ указываетъ на опасность, представляемую отъ котловъ, которые много лѣтъ топили негоднымъ углемъ.

„Казенные милліоны“—говорить онъ—„пропали, ихъ не вернуть уже; *виновные* (курсивъ въ подлинникѣ)—коммиссары, приѣмщики, механики и пр.,—какъ въ баснѣ Крылова *Морь зѣррей*, отысканы и будутъ наказаны; *невинные* (курсивъ въ подлинникѣ) выйдутъ, по прежнему, съ высоко поднятымъ челомъ и пойдутъ въ свои „благопріобрѣтенные“ (ковычки въ подлинникѣ) дома ко своимъ семьямъ; котлы же надо немедленно всѣ осмотрѣть и негодные перемѣнить... При этомъ надо помнить, что если ужъ *каяться*, то надо каяться вполнѣ: надо припомнить, не было ли гдѣ грѣшковъ и по другимъ матеріальнымъ поставкамъ и приѣмкамъ: по артиллеріи, боевымъ снарядамъ, судовому снабженію, по постройкѣ судовъ и пр. Не все же дожидаться прокурора, чтобъ онъ указалъ намъ на наши *увлеченія*. „Всякій Еремѣй про себя разумѣй“, и всякій знающій, гдѣ на его судиѣ „зарыта собака“, пусть постарается, до появленія этого непріятнаго господина, самъ ее откопать и убрать: это и безопаснѣй для всякаго Еремѣя, и произвести эту операцію можно пока за казенный же счетъ: вывелъ въ дефектъ неудобную часть — и концы въ воду“!

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти указанія г. Черноморца весьма серьезны и что напечатаніе его письма составляетъ заслугу „Московскихъ Вѣдомостей“. Чѣмъ непримиримѣе наше разногласіе съ этой газетой, тѣмъ болѣе мы считаемъ себя обязанными воздать ей должное, когда встрѣчаемъ ее, хотя бы въ видѣ исключенія, на сторонѣ праваго дѣла...

Напоминая, вмѣстѣ съ московскимъ процессомъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновъ вѣдомства путей сообщенія, что не все обстоитъ благополучно въ официально-служебномъ мірѣ,—севастопольское дѣло иллюстрируетъ еще разъ ту старую истину, что трудность раскрытія злоупотребленій прямо пропорціональна степени доступности сферъ, гдѣ они происходятъ, для критики въ печати. Въ этомъ — одно изъ существенныхъ различій между администраціей и органами самоуправленія, постоянно упускаемое изъ виду противниками общественной самодѣятельности и инициативы. Земскія и городскія учрежденія жи-

вуть въ „стеклянномъ домѣ“: они дѣйствуютъ на виду у всѣхъ, ничѣмъ не огражденные отъ обвиненій, даже самыхъ неосновательныхъ и пристрастныхъ. Для отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ земскихъ и городскихъ учреждений, это бываетъ иногда неудобно и непріятно, но для самихъ учреждений здѣсь нѣтъ ничего страшнаго. Полнѣйшая свобода сужденій и осужденій—лучшая гарантія противъ ошибокъ и злоупотребленій. Рядомъ съ незаслуженными, несправедливыми упреками, всегда идутъ полезныя и вѣрныя указанія. Вымысленныя обвиненія въ концѣ концовъ падаютъ сами собою; основательная критика достигаетъ цѣли или, по меньшей мѣрѣ, пролагаетъ путь къ желаннымъ перемѣнамъ. Весьма прискорбны, поэтому, тѣ раздражительныя выходы противъ печатнаго слова, которыя слышатся иногда въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Много шуму надѣлала недавно въ Одессѣ рѣчь одного изъ городскихъ гласныхъ, выступившаго въ думѣ съ огульнымъ обвиненіемъ мѣстной печати. Возражая противъ предложенія помѣщать въ „Извѣстіяхъ Городской Думы“ опроверженіе невѣрныхъ газетныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ городского управленія, онъ выразилъ убѣжденіе, что статьи, содержащія въ себѣ подобныя свѣдѣнія, пишутся „людьми невѣжественными, съ предвзятыми личными видами и шантажными цѣлями“,—людьми, для которыхъ „нѣтъ ничего святого, которые дѣйствуютъ главнымъ образомъ изъ-за пятачка и готовы продать родного отца“. Къ чести одесской городской думы слѣдуетъ сказать, что ораторъ не встрѣтилъ поддержки со стороны своихъ товарищей; наоборотъ, двое изъ нихъ тотчасъ же протестовали противъ попытки набросить тѣнь на всю одесскую печать, а въ концѣ засѣданія почтенный городской голова (П. А. Зеленый, извѣстный и заслуженный земскій дѣятель; тридцатипятилѣтіе его земской работы было на дняхъ торжественно отпраздновано въ Одессѣ) высказалъ сожалѣніе о томъ, что такая попытка была сдѣлана, и надежду, что она не повторится. Что печать, какъ мѣстная, такъ и столичная, не всегда сохраняетъ безпристрастіе и спокойствіе въ своихъ сужденіяхъ о городскомъ управленіи—этого не отрицалъ и П. А. Зеленый; но вмѣсто того, чтобы платить ей тою же монетой, онъ попробовалъ опредѣлить, почему именно она дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Главную причину ожесточеннаго газетнаго похода онъ усмотрѣлъ въ томъ, что городское управленіе составляетъ одинъ изъ весьма немногихъ предметовъ, о которыхъ свободно можетъ говорить печать, въ особенности провинціальная. Въ этомъ объясненіи есть значительная доля правды: бесспорно, вниманіе печати распредѣлялось бы равнѣе между различными сферами жизни, еслибы онѣ были одинаково доступны для критики, и въ нападенія на одну изъ нихъ не вносился бы, какъ теперь, весь запасъ отрицанія, вызываемаго наблюденіемъ надъ дѣйствительностью. Само со-

бою разумѣется, однако, что и въ самомъ городскомъ управленіи есть мало симпатичныя черты, оправдывающія, отчасти, недружелюбное отношеніе къ нему печати: не случайно же она осыпаетъ его укоризнами въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ столь же беззащитное земство. Дѣло въ томъ, что организація городского общественнаго управленія, особенно со времени изданія новаго Городового Положенія 1892 г., еще менѣе нормальна, чѣмъ организація преобразованнаго земства, и потому дѣятельность городскихъ думъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко уступаетъ дѣятельности земскихъ собраній.

Довольно указать, мимоходомъ, на одно крупное различіе между земствомъ и городами: въ земскихъ собраніяхъ весьма правильно предсѣдательствуетъ *особое лицо*, а не предсѣдатель земской управы; между тѣмъ, въ засѣданіяхъ думы предсѣдательствуетъ то же самое лицо, которое предсѣдательствуетъ и въ управѣ; такимъ образомъ, въ думѣ обсуждаются дѣйствія управы и ея предсѣдателя подъ предсѣдательствомъ того же предсѣдателя управы — порядокъ нигдѣ не существующій, кромѣ городскихъ думъ. Только такимъ порядкомъ можно объяснить то, что происходило въ засѣданіяхъ здѣшней городской думы въ теченіе марта мѣсяца: въ думѣ обращаются къ предсѣдателю думы съ вопросомъ, почему предсѣдатель управы нарушилъ законъ, а онъ—въ одно время предсѣдатель и управы, и думы,—пользуется правами послѣдняго, чтобы запретить обсуждать проступокъ перваго. Ничего подобнаго не могло бы случиться ни въ какомъ земскомъ собраніи, гдѣ предсѣдательство въ земской управѣ не даетъ права предсѣдательствовать въ думѣ. Не было бы также ничего легче, какъ перенести порядокъ, существующій въ земствѣ, на города, а между тѣмъ такая, повидимому, небольшая поправка — одна принесла бы чрезвычайную пользу и сдѣлала бы невозможнымъ многія печальныя явленія въ исторіи городскихъ общественныхъ управленій.

Въ Одессѣ походъ противъ печати былъ предпринятъ отдѣльнымъ гласнымъ и не повлекъ за собою никакихъ „мѣропріятій“; въ Саратовѣ онъ исходилъ отъ лица, облеченнаго властью, и потому сразу получилъ болѣе рѣшительный характеръ. Губернскій предводитель дворянства, въ качествѣ предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, удалилъ изъ залы засѣданій репортера „Саратовскаго Листка“, послѣ чего перестали посѣщать засѣданія и давать о нихъ отчетъ и сотрудники другой мѣстной газеты („Саратовскаго Дневника“). Причины распоряженія предсѣдателя (опротестованнаго девятью гласными) мы узнаемъ изъ корреспонденціи „Гражданина“. „Земское собраніе“—говорить корреспондентъ — „есть государственное учрежденіе; между тѣмъ, газеты позволяютъ себѣ самымъ неприличнымъ образомъ поднимать его на смѣхъ, клеветать на него и издѣваться надъ нимъ, какъ будто бы гласные на театральныхъ или балаганскихъ подмост-

какъ даютъ представленія по рублю за входъ. Въмѣсто того, чтобы относиться къ земскому собранію съ должнымъ уваженіемъ, они подрыываютъ къ нему довѣріе населенія. Крестьяне въ саратовской губерніи далеко не всѣ безграмотны. Читая подобныя вещи про гласныхъ, что они про нихъ скажутъ!—Это одна сторона дѣла: другая заключается въ томъ, что газетчики позволяютъ себѣ поднимать на смѣхъ и отдѣльныя гласныхъ. Иногда газеты не стѣсняются даже и называть личности. Несомнѣнно, что не всѣ люди равнодушны къ такимъ насмѣшкамъ. Многихъ онѣ смущаютъ, и чтобы не служить посмѣшищемъ, нѣкоторые стѣсняются говорить въ собраніяхъ и ограничиваютъ свое участіе въ разрѣшеніи вопросовъ только голосованіемъ ихъ. Между тѣмъ, населеніе выбираетъ въ гласные не за краснорѣчіе, а главнымъ образомъ за то, что извѣстное лицо, хотя и не складно, но честно выскажетъ свое мнѣніе. Дальше приводится въ образецъ одинъ изъ газетныхъ отзывовъ, по которому слѣдуетъ составить себѣ понятіе о всѣхъ остальныхъ: „Губернскіе гласные долго не собирались. Они привыкли проводить время въ дворянскомъ собраніи весело за буфетнымъ столомъ и въ прогуливаніи по залѣ чуть не въ туфляхъ и шлафрокахъ. Буфета долго не было, но гласные открыли его по подпискѣ. За предсѣдательскимъ столомъ приняты мѣры строгости, а столики гласныхъ удалены отъ него, какъ будто уѣздные буры обложили кругомъ губернской Лэдисмитъ и пытаются перешагнуть это мертвое пространство. Но изъ Лэдисмита бросаютъ на нихъ такіе взоры и словесныя шрапнели, что отважнѣйшіе уѣздные Жуберы бѣгутъ... въ буфетъ“.

Безспорно, это—шутка довольно дурного тона, отъ которой лучше было бы воздержаться: но что въ ней опаснаго для достоинства собранія, для самостоятельности гласныхъ? Много ли найдется такихъ наивныхъ читателей, которые стали бы судить о земскомъ собраніи не по его постановленіямъ, а по двумъ-тремъ мало остроумнымъ, но въ сущности невиннымъ насмѣшкамъ? Неужели страхъ передъ подобными булавочными уколами можетъ стѣснить кого-либо въ свободномъ выраженіи своего мнѣнія? Кто выступаетъ на поприще публичной дѣятельности, тотъ долженъ быть готовъ къ нападеніямъ гораздо болѣе тяжелаго калибра. Избытокъ впечатлительности, такъ ясно отразившійся въ корреспонденціи „Гражданина“, можно объяснить только полнѣйшимъ отсутствіемъ привычки къ общественной жизни. Это—остатокъ старины, когда каждый, достигшій такъ называемаго почетнаго положенія, считалъ себя недоступнымъ для критики со стороны равныхъ и низшихъ и видѣлъ обиду во всякомъ сколько-нибудь свободномъ сужденіи о его словахъ или дѣйствіяхъ... Печати не мѣшало бы быть болѣе сдержанною въ своихъ отзывахъ о земскихъ и городскихъ дѣлахъ и дѣтеляхъ (мы говоримъ, конечно, о сдержанности *формы*, а не *содержанія*)—но еще нужнѣе самообладаніе для послѣд-

нихъ. Легковѣсныя нападенія проходятъ, въ концѣ концовъ, безслѣдно, а въ случаяхъ болѣе серьезныхъ всегда возможно опроверженіе въ печати. Стремиться къ наложенію молчанія на обвинителей не слѣдуетъ уже потому, что въ обвиненіяхъ всегда можетъ быть доля правды. Печать—такая же общественная сила, какъ и городскія или земскія учрежденія; они идутъ разными путями къ одной и той же цѣли, оставаясь союзниками, въ сущности, даже тогда, когда смотрятъ, повидимому, въ противоположныя стороны. Земскимъ и городскимъ дѣятелямъ менѣе чѣмъ кому-либо пристало бросать палки подъ колеса печати, безъ того уже до крайности затрудненной въ своемъ движеніи.

Въ мартирологѣ русской печати записаны имена не только періодическихъ изданій, но и отдѣльных лицъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ бывшій редакторъ-издатель газеты „Русскій Туркестанъ“, А. А. Сморгунеръ, убитый, въ концѣ прошлаго года, полковникомъ Сташевскимъ. Подробности этого печальнаго дѣла были сообщены всѣми газетами. Можно было ожидать, что пощажена будетъ хоть память погибшаго человѣка—пощажена, по крайней мѣрѣ, виновникомъ его смерти. Ожиданіе это не оправдалось. Въ № 1 „Наблюдателя“ за текущій годъ напечатано возраженіе г. Сташевскаго противъ одной изъ журнальныхъ статей, вызванныхъ убійствомъ Сморгунера. По поводу того, Редакція нашего журнала получила нижеслѣдующее письмо, съ возраженіемъ, отъ сотрудниковъ „Русскаго Туркестана“:

„М. Г. Въ январьской книжкѣ журнала „Наблюдатель“, въ отдѣлѣ „Отголоски“ напечатано письмо полковника Арсенія Сташевскаго, бывшаго командира 5-го полка оренбургскаго казачьяго войска, судившагося въ туркестанскомъ военно-окружномъ судѣ за убійство редактора-издателя газеты „Русскій Туркестанъ“, Аарона Александровича Сморгунера. „Что касается того“,—говоритъ г. Сташевскій,—„будто бы возлѣ Сморгунера сгруппировалась вся мѣстная интеллигенція, чуждая интригъ, низкопоклонничества и заискиваній, то я скажу, что едва-ли можно назвать интеллигенціей *полуеврейскій кружокъ* (курсивъ въ подлинникѣ), сплотившійся вокругъ довольно темной личности, высланной административнымъ порядкомъ изъ гор. Вѣрнаго, и неизвѣстно даже, имѣвшей ли право жительства въ гор. Ташкентѣ... Удивляюсь теперь только тому ореолу, которымъ стараются окружить память человѣка съ довольно сомнительной репутаціей“... Ааронъ Александровичъ Сморгунеръ никогда административнымъ порядкомъ не высылался изъ гор. Вѣрнаго, гдѣ онъ прожилъ около десяти лѣтъ¹⁾, занимаясь адво-

¹⁾ Юристъ-самоучка. онъ въ 1887 году былъ юрисконсультomъ ташкентскаго отдѣленія государственнаго банка, которымъ въ 1888 году былъ командированъ въ

катурой, и на этомъ поприщѣ завоевалъ себѣ видное общественное положеніе: былъ юрисконсультomъ и гласнымъ върненской городской думы, а также членомъ семирѣченскаго областного по городскимъ дѣламъ присутствія, былъ даже избираемъ въ городскіе головы, но просилъ думу освободить его отъ сложныхъ обязанностей головы, добросовѣстное исполненіе которыхъ (а иначе онъ къ общественнымъ дѣламъ не относился) мѣшало бы ему заниматься его излюбленнымъ дѣломъ—адвокатурой. Это общественное положеніе покойный промѣнялъ на жизнь въ гор. Ташкентѣ, гдѣ ему нужно было бы завоевать такое же положеніе упорнымъ трудомъ, и промѣнялъ единственно потому, что рѣшилъ, помимо адвокатуры, вести газетное дѣло. Пріѣхалъ онъ въ гор. Ташкентъ въ 1897 г. сначала для изданія газеты „Окраина“, но потомъ, когда передача ему уже купленной имъ „Окраины“ не состоялась, онъ въ 1898 г. основалъ новую газету, „Русскій Туркестанъ“. Имѣлъ ли покойный Сморгунеръ право жить въ гор. Ташкентѣ, о томъ можно судить уже по тому одному, что онъ былъ частнымъ повѣреннымъ при ташкентской судебной палатѣ и ташкентскомъ окружномъ судѣ, а также издателемъ газеты „Русскій Туркестанъ“ и былъ утвержденъ временнымъ редакторомъ ея. Также не вѣрны сужденія г. Сташевскаго и о лицахъ, сгруппировавшихся около покойнаго и около основанной имъ газеты. Г. Сташевскій не считаетъ сотрудниковъ газеты интеллигенціей, а называетъ ихъ „полуеврейскимъ кружкомъ“. Хотя въ послѣднемъ названіи и нѣтъ ничего ни позорнаго, ни оскорбительнаго, но въ данномъ случаѣ это неправда. Ближайшими сотрудниками Сморгунера по газетѣ, кромѣ нижеподписавшихся, были еще слѣдующія лица: Морозовъ, Лыкошинъ, Лидскій. Многіе изъ насъ получили университетское образованіе, занимаютъ извѣстное служебное положеніе (податные инспектора, мировой судья, совѣтникъ областного правленія, помощникъ уѣзднаго начальника, чиновникъ, по сельско-хозяйственной и оброчной частямъ, при областномъ правленіи) и извѣстны въ краѣ, какъ литературные работники, помѣщавшіе свои статьи не только въ мѣстныхъ частныхъ газетахъ, но также и въ мѣстныхъ официальныхъ изданіяхъ, каковы „Туркестанскія Вѣдомости“ и „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области“, издаваемый мѣстнымъ Статистическимъ Комитетомъ.

„Полагаемъ, что эти данныя позволяютъ причислить насъ къ „мѣстной интеллигенціи“ и, при томъ, не-еврейскаго происхожденія. Къ этому позволимъ себѣ добавить еще слѣдующее. Послѣ кровавой рас-

гор. Вѣрный для собранія свѣдѣній о возможности открыть отдѣленіе банка въ Вѣрномъ. Заведя тамъ знакомства и связи и получивъ отъ Семирѣченскаго областного правленія свидѣтельство частнаго повѣреннаго, Сморгунеръ остался въ гор. Вѣрномъ.

правы, совершенной 4 сентября 1899 г-мъ Сташевскимъ надъ Сморгунеромъ, память послѣдняго не разъ подвергалась, со стороны немногихъ лицъ въ г. Ташкентѣ, различнымъ нападкамъ и инсинуациямъ, опровергать которыя мы не считали нужнымъ, такъ какъ, въ подавляющемъ большинствѣ ташкентскаго общества, мы видѣли искреннее сожалѣніе о безвременной кончинѣ нашего товарища. Симпатіи общества нагляднѣе всего выразились въ день похоронъ Сморгунера, когда его гробъ провожала многолюдная толпа лицъ различныхъ званій, не исключая и военныхъ, когда гробъ съ останками покойнаго, на протяженіи болѣе четырехъ верстъ, несли на рукахъ, вмѣстѣ съ нами, чины судебного вѣдомства и лица другихъ званій, которыхъ мы раньше никогда не встрѣчали въ помѣщеніи редакціи, и когда крестъ на могилѣ безвременно-погибшаго ратоборца печатнаго слова былъ украшенъ множествомъ вѣнковъ съ такими надписями, какъ: „честному общественному дѣятелю“, „честному борцу за право и правду“, „безвременно-погибшему“ и т. п.

„Но оскорбительные и ложные для памяти покойнаго толки не остались только толками. На судебномъ слѣдствіи нѣкоторыми свидѣтелями были вылиты на свѣжую могилу Сморгунера ушаты грязныхъ инсинуаций, а нынѣ, на страницахъ петербургскаго журнала, покойника называютъ „темной личностью“ „съ довольно сомнительной репутаціей“. Мы отказываемся понимать Редакцію журнала „Наблюдатель“, печатающую письмо Сташевскаго безъ всякихъ оговорокъ, не задумываясь надъ тѣмъ, какъ могла „темная личность“ „съ довольно сомнительной репутаціей“ быть повѣреннымъ при судебной палатѣ и окружномъ судѣ и быть редакторомъ и издателемъ газеты въ такомъ крупномъ административномъ центрѣ, какъ г. Ташкентъ, находящемся, къ тому же, на положеніи усиленной охраны. Мы протестуемъ противъ образа дѣйствій журнала „Наблюдатель“ и обращаемся къ суду всей русской прессы“.

Письмо это подписано многими сотрудниками „Русскаго Туркестана“, и надобно думать, что оно достигнетъ своей цѣли, и—память Сморгунера останется свободной отъ тѣни, которую пытались на нее набросить...

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

МАРТЬ. — АПРѢЛЬ. 1900.

Книга третья. — Мартъ.

СТР.

ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ МИРА. — Культурно-историческій очеркъ. — Ф. Ф. МАР-ТЕНСА . . .	5
ИЗЪ ЖИЗНИ БАЙРОНА. 1788—1812 гг. — АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКАГО. . .	29
ЧЕРВОНЫЙ ХУТОРЪ. — Романъ. — I-XIII. — В. І. ДМИТРИЕВОЙ . . .	75
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛІИ, въ ея прошломъ и настоящемъ. — С. И. Р-ТЬ . . .	154
ПОВѢДНТЕЛЬ. — Древне-греческое преданіе. — ЯН. БОДУЭНЪ-дѢ-КУРТЕНЭ . . .	192
По Швецію. — Путевныя очерки и замѣтки: I. Чрезъ Финляндію. — II. Первые впечатлѣнія Стокгольма. — III. Монументы шведской славы. — IV. Дюргорденъ и его сокровища. — V. Древности Скандинавіи. — ЕВГЕНІЯ МАРКОВА . . .	209
Далила. — „Philister über dirl.“ — Rom. v. G. Ompteda. — X-XIX. — Окончаніе. — Съ нѣм. А. Б-г — . . .	264
КОТЛЯРЕВСКІЙ, въ исторической обстановкѣ. — АЛЕКСАНДРЫ ЕФИМЕНКО . . .	320
ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ В. Гюго. — I. Обрубки змѣи. — II. Пѣвица. — III. Нурманаль. — Съ франц. Н. ФЕДОРОВА . . .	340
ХРОНИКА. — Внутреннее Овозрѣніе. — Предѣльность земскаго обложенія и предѣльность земскихъ расходовъ. — Обременительны ли земскіе сборы, и слыш-комъ ли быстро растутъ земскія смѣты? — Право протеста противъ смѣты и право ея утвержденія. — Освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ. — Рѣчи губернаторовъ при открытіи губернскихъ земскихъ собраній. — Полемика между Б. Н. Чичеринимъ и В. И. Герье. . .	348
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Особенности британскаго „империализма“. — Роль колоній во внѣшней политикѣ Англіи. — Военныя событія въ южной Африкѣ. — Новѣйшіе успѣхи англичанъ. — Русско-персидскій заемъ и его значеніе. — Отмѣна исключительныхъ законовъ въ Эльзасѣ.	360
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, п. р. Н. Яичука. — Обычное право русскихъ инородцевъ, Е. Якушкина. — А. П. — Русскія народныя примѣты о погодѣ, К. Агринскаго. — Сочиненія С. В. Ешевскаго по русской исторіи. — Т. — Оборона Севастополя, полковн. Заюнчковскаго. — А. П. — Новыя книги и брошюры . . .	373
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. P. Fischer, Italien und die Italiener am Schlusse d. XIX Jahrh. — А. З-скій. — „The man with the hoe“, by Markham. — „David Harum“, by Ed. Westcott. — „The growth of Cities in the XIX century“, by A. Weber. — II. Тверскаго.	392
По поводу одной „Цвѣтущей Старости“. — „Пѣсни Старости“. Стихотворенія А. М. Жемчужникова. Спб. 1900. — К. К. АРСЕНЬЕВА	405
ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Международный конгрессъ въ Лондонѣ по вопросу о торговлѣ женщинами и „Россійское общество защиты женщинъ“. — Нижегородская городская дума и извозчики. — Злополучный докладъ. — Юбилей А. М. Жемчужникова.	414
ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.	423
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Ученіе о Логосѣ въ его исторіи, кн. Н. Трубец-кого. — Книга взрослыхъ. Составл. при участіи Х. Д. Алчевской, второй годъ. — Новыя рассказы А. В. Верещагина. — Исслѣдованіе по исторіи развитія римской императорской власти, Э. Гримма. — Исторія матеріа-лизма, Ф. А. Ланге, т. II.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ. — I-IV; I-XVI стр.	

Книга четвертая. — Апрельъ.

	СТР.
По Швейц. — Путевые очерки и замѣтки. — VI-X. — ЕВГЕНІЯ МАРКОВА . .	429
Червонный хуторъ. — Романъ. — XIV-XXVII — В. І. ДМИТРИЕВОЙ.	486
Опытъ, какъ источникъ знанія, и новѣйшая классификація наукъ. — Очеркъ. — Кн. В. Н. ТЕНИШЕВА	567
Привѣтъ „Песнямъ Старости“. Посвящ. А. М. Жемчужникову. — Н. Б. ХВО- СТОВА	585
Колонизація Кавказа. — Очеркъ. — ИВ. ИВАНОВИЧА	586
Итальянскіе сонеты. — 1. Флоренція. — 2. Корнето. — 3. Римъ. — 4. День св. Це- циліи. — 5. Пастумъ. — 6. Локонда. — 7. Вилла Диомеда. — 8. Помнен ночью. — 9. Неаполь. — 10. Таормина. — 11. Бриндизи. — Кн. АЛ. КУГУШЕВА	630
Я. П. Положскій въ прозѣ. — Литературный очеркъ. — А. Э.	637
Въ тани сосенъ. — Разсказъ. — О. Е. ОЛЬНЕМЪ	651
На полпути. — Эскизъ изъ романа: „Au milieu du chemin“, par Ed. Rod. — Ю. З. — А.	688
Природа и Мысль. — М. Guyau, „Vers d'un philosophe“. — Съ франц. ИВ. ТХОР- ЖЕВСКИЙ	747
Жена — американка и англичанинъ — мужъ. — „American Wives and English Husbands“, by G. Atterton. — I-VII — Съ англ. А. Б. — г.	749
Весной. — Стих. В. ГАРРИ	779
Хроника. — Всемирная выставка въ Парижѣ 1900-го года. — Письмо первое. — М. Внутреннее Овозрѣніе. — „Фиксація“ или „градация“? — Различіе между граждан- скимъ правонарушеніемъ и уголовнымъ проступкомъ. — Значеніе мѣръ, освобождающихъ отъ взысканія известную часть крестьянскаго имуще- ства. — Еще о разлученіи супруговъ. — Проектъ правилъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. — Второй сѣздъ русскихъ кри- миналистовъ и „защита дѣтства“. — Сообщение о послѣдствіяхъ неуро- жая въ самарской губерніи	792
Иностранное Овозрѣніе. — Положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ. — Делегата Крю- гера и Штейна къ лорду Сольсбери. — Промѣхи трансваальской дипло- матии. — Британскій отвѣтъ по вопросу объ условіяхъ мира. — Смерть Жубера. — Толки о заступничествѣ и посредничествѣ въ пользу бозровъ. — Письмо г. Генрика Сенкевича къ баронессѣ Сутнеръ и сомнѣніе га- зеты „Крај“. — Негодование нашихъ „патріотовъ“ противъ Англіи. — Вну- треннія дѣла въ Германіи	810
Литературное Овозрѣніе. — Краткое пособіе по русской исторіи, проф. В. Ключ- евского. — Лекціи по русской исторіи проф. С. Платонова — Братства, А. Палкова. — А. И. — Общественное самосознаніе въ русской литера- турѣ, Арс. Введенскаго. — Д. — Новыя книги и брошюры	824
По поводу статьи г. Н. Гутыара: „И. С. Тургеневъ и А. А. Фетъ“. — Письмо въ Редакцію. — В. Н. СЕМЕНКОВИЧА	843
Новости Иностранной Литературы. — G. Hauptmann. „Schluck und Jau, Spiel zu Scherz und Schimpf“. — З. В.	865
Изъ Овещественной Хроники. — Нѣсколько дѣлъ о сопротивленіи власти. — Дву- кратная кара за одну и ту же вину. — Поучительная сторона судебного разбирательства. — Письмо „Черноморца“ о севастопольскомъ процессѣ. — Одесская городская дума, саратовское губ. земское собраніе и про- винціальная печать. — Послѣдніе непорядки въ слѣб. городской думѣ. — — Письмо въ Редакцію сотрудниковъ „Русскаго Туркестана“.	870
Библиографическій Листокъ. — Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. 14-ая. — Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ II, А. Н. Пыпина. — Литературные очерки, Юр. Веселовскаго. — Дома трудолюбія, М. Н. Дмитріева. — Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова. Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга 14-ая. Сиб. 900. Сиб. 641. Ц. 2 р. 50 к.

Съ приближающимся временемъ Н. П. Барсукова къ эпохѣ нынѣ Александра II, возрастаетъ и его интересъ. Новый выпускъ вступилъ именно въ эту новую эпоху; содержание его составляютъ только первые два года, 1855 и 1856 гг.—концы крымской войны. Во главѣ сборника помещены манифесты 19-го февраля 1856 г.; этимъ же днемъ, шесть лѣтъ спустя, отбѣненъ другой манифестъ, который долженъ былъ послужить основаніемъ новаго государственнаго и общественнаго порядка. Благодаря тому, что Погодинъ съ этого времени не пропуская на одного случая, чтобы высказаться или даже принять, по возможности, участіе въ рѣшеніи многочисленныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, начавшихъ уже съ первыхъ дней новой эпохи занимать общество, и его биографъ приводитъ массу документовъ, разбавленныхъ по самымъ разнообразнымъ источникамъ и сборникамъ, оставаясь при этомъ вѣрнымъ избранному плану, между прочимъ, вѣсто эпиграфа, какому персидскаго шаха Насреддина:—„доброду изображать, вѣсть побѣду, а поражение описывать, какъ поражение“. Въ настоящемъ выпускѣ укажемъ, какъ на одно изъ интересныхъ его мѣстъ, ась сообщеніемъ подробности объ основаніи въ тѣ годы двухъ новыхъ журналовъ: „Русскаго Вѣстника“ и „Русской Бесѣды“, и о превращеніи Погодинскаго „Москвитинина“. Внизу заключаются описаніемъ предпринятаго Погодинымъ путешествія за границу, откуда онъ возвратился, осенью 1856 г., „съ бородами“, которая должна была произойти тогда переносомъ въ Москву, такъ какъ графиня Е. Растворгина, рѣшившаяся пригласить въ себя Погодина на вечеръ, писала ему: „Даже не будетъ, стало быть, наша борода—не помѣха“.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки А. Н. Панина. Изд. 3-е. Сиб. 900. Стр. 587. Ц. 3 р.

Этотъ трудъ уже давно известенъ нашимъ читателямъ по первымъ двумъ его изданіямъ, о которыхъ мы упоминали въ свое время. Въ новомъ, третьемъ изданіи, авторъ, сверхъ небольшихъ поправокъ, помѣстилъ, вмѣстѣ дополненій къ тексту второго изданія своей книги,—указаніе тѣхъ матеріаловъ и послѣдовавшихъ той эпохи, какія явились въ послѣднее время. Въ „Приложеніяхъ“ вновь помѣщенъ полный и исправленный текстъ записки Карамзина—„О древней и Новой Россіи“.

Литературныя очерки. Юрій Веселовскій. М. 900. Стр. 592. Ц. 2 р. 50 к.

Очерки представляютъ въ себѣ большое разнообразіе предметовъ изъ области преимущественно новой иностранной литературы, какъ классической, такъ и современной; они первоначально появлялись въ видѣ отдѣльных этюдовъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, включительно до послѣдняго критико-биографическаго очерка: „Жизнь Расина“, помѣщеннаго, въ текущемъ году, въ нашемъ журналѣ. Въ эти

этюды, какъ сообщается авторъ въ предисловіи, была просмотрѣна икъ, дополнена и снабжена примѣчаніями, какъ, напримеръ, этюдъ „Андрѣ Шенье“, „Гейне“, какъ романтъ; а статьи „Пушкинъ“, какъ европейскій писатель“, распространена въ кое, сравнительно съ первоначальными ея тонами.

Домъ трудолюбивъ. М. Н. Дмитріевъ. Сиб. 900. Стр. 271. Ц. 1 р.

Домъ трудолюбивъ возманился у насъ, можно сказать, впервые только въ девятисотыхъ годахъ, такъ какъ изъ общаго ихъ числа, 133 во всю Россію, едва ли и нѣтъ принадлежать концу восьмидесятихъ годовъ. Это превосходное и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне необходимое дѣло можетъ служить, главнымъ образомъ, какъ предохранительный клапанъ и вмѣстѣ регуляторъ, когда предложеніе труда превышаетъ спросъ на него, а также и помощью для временно-нуждающихся, а также помощью денежною. Но взгляды на устройство дома трудолюбивъ, ахъ дѣла—всегда различны, а потому настоящая книга весьма кстати предлагаетъ довольно обширный обзоръ господствующихъ нынѣ теорій и практикъ самого дѣла въ различныхъ странахъ Европы. Первая глава посвящена обзору исторіи призрѣнія въ Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до открытія въ Петербургѣ и Москвѣ, въ 1837 и 1838 гг., „архивнаго“ Комитета для разбора и призрѣнія нищихъ. Авторъ останавливается на этомъ фактѣ, хотя оба Комитета нѣмало дальнейшую и различную судьбу: въ Москвѣ Комитетъ закрытъ, а его дѣло принята на себя городская Дума; въ Петербургѣ, въ соотвѣтствіе и до сихъ поръ, городское общественное управленіе не можетъ почему-ли дождаться закрытія того же Комитета, а это было бы тѣмъ болѣе желательно, что то же самое дѣло осуществилось въ Москвѣ и водется тамъ уже не первый годъ съ большимъ успѣхомъ, сравнительно съ результатами дѣятельности уральскаго Комитета.

Речь Шкертманнъ. Александра Барсукова. Кн. VII. Сиб. 90. Стр. 470, in—4⁰. Ц. 4 р.

Настоящее изданіе можно назвать исторіею государственна въ исторіи одѣльной семьи, члены которой занимали вѣдѣльное и выдающееся мѣсто въ своей странѣ. Понятно, что исторіи такой семьи можетъ заключать въ себѣ много интереснаго и полезнаго, иногда, въ общую исторію. Новый седьмой выпускъ обнимаетъ собою иль времени дара Алексѣя Михайловича цѣлое вѣдѣніе, отъ Андреевича мирнаго договора, подписаннаго 30-го января 1667 года до дня рожденія Петра В., 30-го мая 1672 года. Дѣйствующимъ лицомъ, стоявшимъ въ центрѣ хроникъ, остается тотъ же бовириъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ, кievскій воевода, который позже находился у вѣдѣбъ Петра, вмѣстѣ съ сыномъ Борисомъ, командиромъ стольникомъ, будущимъ содѣйствіемъ новорожденнаго царевича. Для Украйны, гдѣ дѣйствовалъ Шереметевъ, эти годы были смутными временемъ, тяжелымъ и для самого воеводы, такъ что онъ былъ вынужденъ вѣдѣею возвратиться въ Москву.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политикѣ, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Взѣзъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ границахъ, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въслѣдъ разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по частямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ услугомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы; при книжныхъ магазинахъ: К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; Н. К. Голубева, Покровка, 52 (д. церкви Іоанна Предтечи), и въ Конторѣ Н. Печниковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Отлобинна, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдѣла журналовъ, если изъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителиствѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно полученію отъ Почтоваго Департамента, не подлежъ какъ по полученію слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* на полученіе журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и нѣтъственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

